

A. A. Зализняк

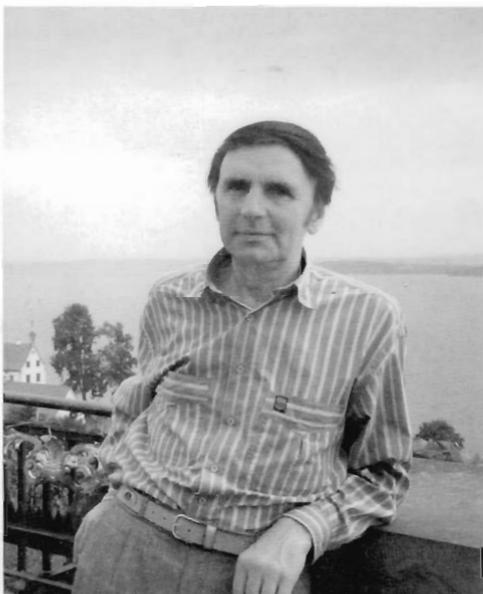
«РУССКОЕ ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»

*С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ИЗБРАННЫХ РАБОТ
ПО СОВРЕМЕННОМУ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ
И ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ*

Андрей Анатольевич Зализняк родился в 1935 г. Лингвист, специалист в области современной и исторической грамматики русского языка, сравнительного и общего языкоznания. Действительный член РАН, профессор. Работает в Институте славяноведения РАН. Параллельно с работой в Академии наук более двух десятилетий пре-

подавал на филологическом факультете МГУ. Преподавал также в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа и Женевы; выступал с лекциями в ряде университетов Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Швеции и Англии. С 1982 г. участвует в работе Новгородской археологической экспедиции и посвящает основное внимание изучению новгородских берестяных грамот.

Основные книги: Русское именное словоизменение (1967), Грамматический словарь русского языка (1-е изд. 1977), Грамматический очерк санскрита (в составе «Санскритско-русского словаря» В. А. Кочергиной, 1-е изд. 1978), От праславянской акцентуации к русской (1985), «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник (1990), Древнерусский диалект (1995), Новгородские грамоты на бересте (в соавторстве с В. Л. Яниным) — тома VIII (1986), IX (1993), X (2000).

S T U D I A P H I L O L O G I C A

A. A. Зализняк

«РУССКОЕ ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»

*С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ИЗБРАННЫХ РАБОТ
ПО СОВРЕМЕННОМУ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ
И ОБЩЕМУ
ЯЗЫКОЗНАНИЮ*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16106

Зализняк А. А.

3 22

«Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкоznанию. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — I—VIII, 752 с. — (Studia philologica).

ISBN 5-94457-066-0

Сборник представляет собой переиздание книги «Русское именное словоизменение», дополненное значительным количеством менее крупных работ по современной русской грамматике и общему языкоznанию, написанных в течение последних десятилетий.

81.2Рус-2

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-066-0

9 785944 570666 >

© А. А. Зализняк, 2002
© С. А. Крылов. Статья, 2002

О ГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	VII
Русское именное словоизменение	I
Введение	3
Часть первая. Грамматические противопоставления в русских именных парадигмах	19
Часть вторая. Внешнее выражение грамматических противопоставлений в русских именных парадигмах	103
Приложение. Перечень элементарных классов и элементарных подклассов русских именных парадигм	300
Предметный указатель	323
Указатель слов	327
Избранная библиография	363
Список сокращений и условных обозначений	365
Оглавление	367
 Статьи	 371
Акцентная система современного русского литературного языка	373
Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода	478
О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных	527
О показателях множественного числа в русском склонении	545
Правило отпадения конечных гласных в русском языке	550
О понятии графемы	559
Древнерусская графика со смешением ъ-о и ѿ-е	577
О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях	613
К типологии относительного предложения	648
 <i>С. А. Крылов, «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка</i> 30 лет спустя: Опыт ретроспективной рецепции с позиций неоструктуралистской морфологии	699
 <i>Библиографическая справка</i>	 <i>749</i>

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Со времени выхода в свет «Русского именного словоизменения» прошло 35 лет. При такой временной дистанции становится нереальной (и едва ли оправданной) задача нового редактирования текста в свете того, что произошло за это время в лингвистике. Поэтому мы предпочли ограничиться в настоящем издании лишь исправлением замеченных опечаток. Определенное представление о том, что сохранилось за это время в сфере рассматриваемых в книге проблем и что изменилось, даст читателю публикуемая в этом же томе статья С. А. Крылова.

К «Русскому именному словоизменению» примыкает по тематике ряд других работ, посвященных морфологии и акцентологии современного русского языка, которые тоже переиздаются в составе настоящего тома. Кроме того, в том включены работы разных лет по общелингвистической проблематике.

Май 2002 г.

А. А. ЗАЛИЗНЯК

РУССКОЕ
ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Книга содержит исчерпывающую классификацию типов склонения имен (существительных, прилагательных, причастий, числительных, местоимений) в современном русском литературном языке и правила образования всех словоформ любого склоняемого русского слова. Содержащееся в монографии описание системы русского именного словоизменения имеет большое значение, с одной стороны, для таких практических задач, как обучение русскому языку и разработка автоматического синтеза русского текста, с другой стороны, для общей теории словоизменения и для типологического изучения славянских языков.

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Й Р Е Д А К Т О Р

В. Н. Т О П О Р О В

ВВЕДЕНИЕ

§ 0.1. Термин «словоизменение» может употребляться в двух смыслах — частном и общем. В частном смысле словоизменением данного слова называется его парадигма, т. е. совокупность всех его словоформ¹. В общем смысле словоизменением данного языка называется соответствие, при котором каждому слову отвечает его парадигма (т. е. его частное словоизменение).

Настоящая книга представляет собой описание именного словоизменения современного русского литературного языка. Под именным словоизменением понимается та часть словоизменения, которая охватывает так называемые имена, т. е. слова, традиционно относимые к числу имен существительных, имен прилагательных (сюда же включаются причастия), имен числительных и местоимений². Описание сведено здесь к решению следующей практической задачи: произвести классификацию некоторой точно определенной (притом достаточно большой) совокупности русских именных парадигм и дать основанные на этой классификации правила синтеза именных парадигм, т. е. правила, позволяющие

¹ Более точно о парадигме см. § 1.8. Относительно наиболее общих лингвистических терминов (слово, словоформа, существительное, прилагательное, глагол, словосочетание, синтаксическая связь и т. п.) укажем следующее. Здесь и во всех других случаях, где наша цель состоит лишь в том, чтобы по возможности понятно указать, что именно имеется в виду, мы будем употреблять эти термины без каких-либо пояснений, опираясь непосредственно на лингвистическую традицию. В дальнейшем изложении некоторые из этих терминов будут уточнены. Без пояснений в книге используется также несколько математических терминов: алгоритм, множество, теоретико-множественная сумма, разбиение на классы, матрица. Их определения можно найти, например, в следующих работах: определение термина «алгоритм» — в статье В. А. Успенского «Алгоритм» (см.: «Философская энциклопедия», т. I. М., 1960); определения остальных терминов — в приложении к книге П. С. Александрова «Введение в теорию групп» (М., 1954) или в книге Дж. Кемени, Дж. Спелла, Дж. Томпсона «Введение в конечную математику» (М., 1963).

² Именное словоизменение (как в общем, так и в частном смысле) называют также склонением (так же, как глагольное словоизменение — спряжением). Однако «склонение» часто понимают и в более узком смысле — только как изменение имен по падежам.

построить, в соответствии с существующей литературной нормой, парадигму любого русского имени (из взятой совокупности). Этот раздел русской морфологии изучается уже давно; ему посвящена обширная научная литература. Тем не менее сформулированная выше практическая задача в полном объеме не разрешена.

Непосредственным объектом исследования являются парадигмы всех имен, содержащихся хотя бы в одном из следующих двух словарей: Бильф., АО. Таких имен около 55 000; в дальнейшем мы называем эту совокупность слов «исходным материалом»³. Объем исходного материала достаточно велик для того, чтобы выявились все или почти все возможные типы русских именных парадигм, а также для того, чтобы построенные на его основе правила были практически полезны (т. е. давали лишь незначительный процент ошибок) и за его пределами. В то же время строгое ограничение исследуемого материала дает возможность точно проверить полноту классификации и эффективность любого предлагаемого правила. При изучении отдельных проблем могут быть рассмотрены также те или иные группы слов, не входящие в исходный материал; однако в классификации и правилах синтеза этот дополнительный материал не учитывается.

Всякое описание давно изучаемого объекта, если оно претендует на полноту, неизбежно должно включать значительное количество уже известных фактов, уже встречавшихся трактовок и т. д. Вообще говоря, в таких случаях были бы желательны исторические справки. Однако здесь «история вопроса» так велика, что она должна составить предмет отдельного исследования, едва ли не большего объема, чем само описание. В задачи настоящей работы такое исследование не входило. Имеющиеся в тексте библиографические указания не являются исчерпывающими⁴.

Синтез и классификация

§ 0.2. Описание некоторой совокупности языковых объектов с помощью правил, позволяющих синтезировать (или «породить») эту совокупность из некоторых более простых объектов, уже давно успешно применяется в языкоznании; поэтому нет необходимости специально обосновывать законность и эффективность

³ Объем исходного материала определен здесь несколько огрубленно; подробнее см. § 4.1.

⁴ Специально отметим несколько работ, посвященных русскому именному словоизменению, влияние которых наиболее сильно сказалось в настоящей книге: N. Dugnovo. *De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. Revue des études slaves*, t. II. Paris, 1922; Р. И. Авапесов и В. Н. Сидоров. *Очерк грамматики русского литературного языка*. М., 1945; Р. О. Якобсон. *Morphological observations on Slavic inflection*. American contributions to the IV-th International congress of slavicists. 's-Gravenhage, 1958.

такого приема описания⁵. Более сложный вопрос представляет собой соотношение между синтезом и классификацией. Рассмотрим его несколько подробнее.

Приступая к решению задачи синтеза, исследователь непременно уже каким-то образом знает всю описываемую совокупность объектов, т. е. будущий результат процедуры синтеза. Например, он умеет построить парадигму любого слова (если речь идет о синтезе парадигм), грамматически правильную фразу с любым заданным смыслом (если речь идет о синтезе фраз) и т. д. Это знание может быть несколько неопределенным, не сформулированным строго, но оно непременно есть; в противном случае исследователь не мог бы построить никакой практической полезной процедуры синтеза. На основе этого знания исследователь прежде всего выделяет существенные признаки, по которым один объект из описываемой совокупности отличается от другого, т. е. производит некоторую классификацию этой совокупности объектов. Выделенные таким образом признаки включаются в состав исходных сведений для синтеза. Если признаки выделены достаточно удачно, сама процедура синтеза оказывается легко осуществимой.

Таким образом, классификация является необходимой предварительной ступенью для синтеза. Она может выступать в неявной форме, но без нее сколько-нибудь разумный синтез невозможен. Так, например, при синтезе парадигм у русских существительных на *ъ* обычно используется дополнительная информация о роде существительного; эта особенность синтеза в действительности определяется тем, что на одном из этапов предшествующей классификации парадигм было обнаружено существование двух типов парадигм с И. ед. на *ъ* (соответственно *день* и *тень*).

⁵ Отметим лишь, что задача синтеза некоторой совокупности языковых объектов (назовем ее *A*), вообще говоря, может пониматься двояко: 1) требуется построить правила, которые порождают все члены совокупности *A* и не порождают объектов, не принадлежащих *A*; 2) требуется построить правила, позволяющие для любого члена некоторой другой совокупности *B* найти (в частности, построить) соответствующий ей объект из *A*. Разница, таким образом, здесь в том, что в первом случае объекты из совокупности *A* рассматриваются сами по себе, а во втором случае — как функция от некоторых других единиц. Примеры задач первого рода: дать правила порождения полного списка морфем, полного списка словоформ, полного списка словосочетаний, полного списка грамматически правильных фраз данного языка. Примеры задач второго рода: дать правила, позволяющие каждому заданному значению (или комбинации значений) сопоставить выражющую это значение морфему или морфемы (соответственно — словоформу, словосочетание, фразу). Наиболее естественным средством решения задач первого рода являются исчисления, задач второго рода — алгоритмы. Заметим также, что термины «порождение» и «синтез», по-видимому, было бы естественно разграничить, закрепив первый за решением задач первого рода, второй — за решением задач второго рода. Как видно из § 0.1, в настоящей работе под синтезом именных парадигм понимается задача второго рода: дать правила, которые позволяют для каждого имени построить его парадигму.

Возможна, правда, точка зрения, согласно которой классификацию, лежащую в основе синтеза, не нужно формулировать явно и рассматривать как самостоятельную часть описания: при необходимости она может быть усмотрена из самих правил синтеза. Однако такая точка зрения, обычно применяемая, например, при составлении алгоритмов машинной обработки текстов (т. е. при так называемом общении человека с машиной), оказывается неприемлемой, когда речь идет о лингвистическом описании, предназначенном для людей. Дело прежде всего в том, что извлечение классификации из правил синтеза представляет собой весьма нелегкую операцию, которая может к тому же давать неоднозначный результат. Между тем классификация несомненно представляет собой более удобную форму передачи информации о языке от одного человека к другому, чем правила синтеза, по крайней мере когда речь идет о морфологии (именно поэтому традиционные описания морфологии по своей логической структуре обычно приближаются к классификации). Кроме того, в алгоритмах синтеза, которые опираются лишь на неявную классификацию, всегда возможны ошибки, связанные с неполнотой этой предварительной классификации. Наконец, существенно то, что классификация необходима не только для синтеза, но и для ряда других задач; в частности, классификация парадигм необходима для построения различных аналитических процедур, для составления учебников, словарей, справочных пособий и т. д. По указанным причинам классификация именных парадигм дана в настоящем описании в явной форме и при этом отделена от правил синтеза.

Различительные признаки и их значения. Типы классификации

§ 0.3. Сравнивая между собой какие-либо объекты, мы можем установить, например, что они различаются по цвету, по форме и т. д. Цвет (вообще), форму (вообще) и т. п. абстрактные характеристики мы можем назвать в этом случае **различительными признаками сравниваемых объектов**, а конкретные цвета (например, белый, зеленый и т. д.) или конкретные формы (например, кубическую, шаровую и т. д.), свойственные данным объектам, — **значениями этих различительных признаков**. Мы будем говорить, например, что некоторый предмет имеет значение «белый» различительного признака «цвет» (или, что то же самое, различительный признак «цвет» принимает у данного предмета значение «белый»). Другие примеры: различительный признак «род» принимает у слова *дом* значение «мужской»; различительный признак «глухость—звонкость» принимает у фонемы /б/ значение «звонкость». Следует учитывать, что в обиходной, а также и в научной практике слово «признак» (и даже «различительный признак») часто применяется также к тому, что выше на-

зовано значением различительного признака (например, говорят: «признак белизны», «фонема /б/ имеет признак звонкости» и т. п.). Во избежание возникающей при этом двусмысленности мы будем в дальнейшем строго придерживаться описанного выше словоупотребления, четко разграничивая различительный признак и его значения.

Всякая классификация некоторой совокупности объектов построена на учете тех или иных различительных признаков этих объектов. При этом возможны следующие два случая: 1) каждый различительный признак, используемый в классификации, принимает какое-то из своих значений у каждого классифицируемого объекта; 2) имеется хотя бы один различительный признак, по которому характеризуются не все объекты, а только их часть. Условимся называть классификацию в первом случае *универсальной*, во втором — *древовидной*. Универсальная классификация позволяет при необходимости получать разбиение всей рассматриваемой совокупности объектов на классы по любому различительному признаку или по любой группе признаков. Древовидная классификация такой возможности не дает. Она образуется чаще всего в результате последовательных делений следующего типа: вся рассматриваемая совокупность объектов делится по некоторому признаку *A*, например на классы *a₁* и *a₂* (для простоты здесь можно считать, что все признаки бинарны, что в действительности необязательно); далее класс *a₁* делится по признаку *B* на подклассы *b₁* и *b₂*, а класс *a₂* делится по признаку *C* на подклассы *c₁* и *c₂*, и т. д. (Отсюда выбор самого термина «древовидный»). Примером древовидной классификации может служить традиционное деление звуковых единиц на гласные и согласные, с последующим делением гласных, например, по степеням подъема, а согласных по месту образования и т. д. Примером универсальной классификации может служить классификация фонем с помощью различительных признаков, предложенных Р. Якобсоном (при условии, что значение «ни плюс ни минус» признается особым, третьим значением всякого признака).

С чисто технической точки зрения универсальный тип классификации имеет определенные преимущества перед древовидным. Прежде всего он позволяет представить результаты классификации в более обозримом и компактном виде. В частности, можно непосредственно установить степень и существование различия между любыми двумя классифицируемыми объектами: это видно из того, сколько и какие именно различительные признаки принимают у этих объектов разные значения. Универсальный тип классификации позволяет также упростить и унифицировать формулировку самых разнообразных правил (в особенности правил синтеза); например, без каких-либо ограничений могут применяться стандартные формулы типа: «проверить, какое значение принимает у рассматриваемого объекта такой-то различительный

признак»; «если рассматриваемый объект имеет такое-то значение определенного различительного признака, то ...» и т. п.

Более существенна, однако, другая особенность универсальных классификаций, а именно то, что во многих случаях такая классификация позволяет глубже проникнуть в природу рассматриваемой совокупности объектов. В самом деле, первоначальное наблюдение как правило приводит к древовидной классификации наблюдаемых объектов: разделив объекты на классы по самому важному признаку (или признакам), наблюдатель обычно не сразу обнаруживает черты сходства во внутренней организации этих классов (поскольку это сходство замаскировано слишком большим материальным различием между объектами разных классов). Такие черты сходства, если они действительно имеются, открываются при последующем более глубоком изучении; соответственно первоначальная древовидная классификация в той или иной степени изменяется в сторону универсального типа. Так, например, универсальная система фонологических различительных признаков Р. Якобсона преодолела «барьер», разделявший гласные и согласные.

Разумеется, далеко не всякая универсальная классификация обладает такого рода внутренними преимуществами перед древовидной. Дело в том, что любую древовидную классификацию можно превратить в универсальную одними лишь внешними, чисто механическими приемами, никак не меняя конечного разбиения объектов на классы. Для этого достаточно ввести для каждого признака, встречающегося во взятой древовидной классификации, некоторое дополнительное значение (назав его, например, «нулевым») и приписать его всем объектам, которые ранее вообще не характеризовались по данному признаку. (С формальной точки зрения, можно воспользоваться для этой цели даже одним из уже имеющихся значений данного признака.) Кроме того, можно объявить единым признаком любые два признака, выступающие в разных ветвях исходной древовидной классификации (не заботясь о том, есть ли между этими признаками реальное сходство)⁶. Таким образом, переход от древовидной классификации к универсальной может включать в себя как операции, позволяющие адекватнее отобразить природу изучаемого объекта, так и чисто внешние изменения формулировок, способствующие лишь стандартизации описания. Первые можно назвать «содержательной универсализацией», вторые — «механической универсализацией».

В существующих описаниях русской морфологии встречается только древовидный тип классификации. В настоящей работе

⁶ Существуют столь же механические способы превращения любой универсальной классификации в древовидную (здесь нет необходимости их рассматривать).

ввиду описанных выше преимуществ принятой классификации универсального типа. Некоторые из ее отличий от существующих древовидных классификаций достигнуты за счет «содержательной универсализации». Там, где другой возможности не представлялось, применена «механическая универсализация».

Описываемая форма языка

§ 0.4. В настоящей работе предполагается, что внешняя сторона любой словоформы представлена в письменной форме⁷, а именно, записана по правилам действующей орфографии (за исключением случаев, где специально оговорено применение какой-то иной записи). При этом из разных вариантов орфографической записи выбран тот, в котором: 1) обозначается место ударения; 2) буква ё никогда не заменяется буквой е. Этот вариант записи мы будем ниже называть акцентуированной орфографической записью. В частности, в акцентуированной орфографической записи внешняя сторона словоформ предстает в начальный момент классификации парадигм; эта же запись является конечным результатом работы правил синтеза.

Наряду с акцентуированной орфографической записью, в некоторых разделах книги используется особая вспомогательная запись. Она является производной от акцентуированной орфографической записи (т. е. получается из последней по определенным правилам преобразования) и рассматривается лишь как технический прием, упрощающий некоторые разделы классификации и некоторые этапы синтеза. (Подробнее о роли вспомогательной записи см. § 6.35—6.36.)

Орфографическая запись отличается от прочих видов письменной записи прежде всего тем, что она общепринята. Именно она является нормальной формой фиксации уже созданных и создаваемых ныне русских текстов. Она же (обычно в своем акцентуированном варианте) применяется и в подавляющем большинстве существующих описаний русского языка, в частности во всех словарях. Все прочие виды записи — в частности, фонетическая, фонологическая, морфонологическая транскрипции — существуют не столько в реализованном виде (т. е. в виде записанных соответствующим образом русских текстов), сколько в виде правил,

⁷ Подчеркнем специально, что под противопоставлением письменной и устной форм языка здесь подразумевается только различие между записанным и звучащим текстом, а отнюдь не совокупность различий стилистического характера, отличающих тексты, существующие преимущественно в письменной форме (художественная литература, в особенности проза, научная литература, деловые бумаги и т. д.), от текстов, существующих преимущественно в устной форме (разговорных). Это второе различие иногда также называют противопоставлением письменной и устной форм языка.

позволяющих производить такие тексты. Нет и словарей, построенных на какой-либо из этих транскрипций. Правила записи языковых единиц с помощью фонетической, фонологической или морфонологической транскрипции теоретически могут быть независимы от орфографии, т. е. исходить непосредственно из звучания. Однако во всяком практическом изложении этих правил явно или неявно предполагается, что известен также орфографический вид рассматриваемых единиц; тем самым эти правила хотя бы частично предстают в виде «пересчета» от орфографической записи.

Существенно также то, что ввиду своей социальной значимости орфографическая запись имеет сравнительно четкую и общеобязательную регламентацию. Что же касается транскрипций разного рода, то здесь, как известно, нет полного единства; поэтому лингвист, пользующийся транскрипцией, обычно вынужден уточнять те или иные особенности используемой им системы транскрипции или даже полностью излагать эту систему.

В настоящей работе в качестве основного источника сведений о том, каковы словоформы рассматриваемых слов, используются словари (подробнее об этом см. § 4.2). Иначе говоря, классификации подвергается не результат собственных наблюдений автора, а материал, собранный усилиями многих лексикографов и грамматистов. Ввиду сказанного выше очевидно, что необходимо либо рассматривать этот материал непосредственно в той записи, которая применяется в словарях (т. е. в акцентуированной орфографической), либо, если предпочтительна какая-то иная запись, дать строгие правила перехода к этой новой записи от акцентуированной орфографической. Понятно, однако, что даже и в последнем случае в качестве исходной, первичной записи словоформ фактически выступает акцентуированная орфографическая, а переход к другой записи естественно рассматривать уже как начальный этап описания (ср. выше о вспомогательной записи). Таким образом, выбор акцентуированной орфографической записи обусловлен прежде всего существующей лексикографической и грамматической традицией.

Сама эта традиция, однако, имеет под собой глубокие основания. Дело в том, что для практики непосредственную ценность представляют только две формы существования языковых единиц: устная и обычная (т. е. неакцентуированная) орфографическая. В самом деле, всякую словоформу или иную языковую единицу необходимо, во-первых, уметь правильно произнести, во-вторых, уметь общепринятым образом записать. В русском языке ни одна из указанных форм не может быть выведена из другой непосредственно, без привлечения значительного количества дополнительной информации. В то же время из акцентуированной орфографической записи языковых единиц можно с помощью сравнительно простых правил получить как обычную

орфографическую запись, так и устную форму этих единиц⁸. Таким образом, акцентуированная орфографическая запись удовлетворяет сразу обеим указанным выше практическим потребностям. Именно это и делает целесообразным использование ее в словарях и грамматиках.

Вспомогательные указания

§ 0.5. В работе используется следующая классификация букв русского алфавита: 1) гласные буквы (сокращенно просто «гласные»): *а, е, ё, и, о, у, ы, э, ю, я*; 2) согласные буквы (сокращено просто «согласные»): *б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, ў* (четыре из них: *ж, ш, ч, ў* — называются «шипящими»)⁹; 3) *ъ*; 4) *ѣ*. Как особая буква русского алфавита (помещающаяся в самом его конце) рассматривается также дефис¹⁰.

В последующем изложении может быть использован термин «слог». Ему придается следующее значение: слог — это часть словоформы, содержащая ровно одну гласную и произвольное количество других букв. Для целей настоящей работы такого определения достаточно, поскольку во всех случаях, где будет применяться понятие слога, будет существенно лишь то, сколько слогов со-

⁸ Для перехода от акцентуированной орфографической записи к неакцентуированной достаточно снять знаки ударения. Переход к устной форме совершается по правилам, которые в практике преподавания называются «правилами чтения». Наиболее полным сводом таких правил для современного русского языка является работа Р. И. Аванесова «Сведения о произношении и ударении», включенная в АО (стр. 664—708).

⁹ Мы используем для единиц графического уровня названия «гласные», «согласные», также «шипящие» и т. д., относящиеся по своей природе к единицам фонетического уровня. В работе, где единицы фонетического уровня не рассматриваются, это не приведет ни к каким недоразумениям. Единственное неудобство состоит в том, что такое словоупотребление внешне перекликается с донаучным неразличением букв и звука; мы полагаем, однако, что на современном уровне развития языкоznания это уже не опасно.

¹⁰ Исключение составляет случай, когда дефис ставится, в соответствии с традицией, перед отдельно выписаным окончанием, например: «окончание -ами» (с формальной точки зрения этот случай опознается по тому, что дефис стоит в начале выписанной буквенной цепочки). Здесь дефис не считается самостоятельной буквой и, следовательно, не входит в состав цепочки, образующей окончание.

Отметим, кроме того, что особой буквой русского алфавита должен считаться также апостроф: он содержится в некоторых иностранных собственных именах, например *Жанна д'Арк, д'Обинье, О'Коннор*. Однако в наш исходный материал ни одно слово, содержащее апостроф, не входит. Это обстоятельство существенно для § 6.26 и 6.39, где апостроф использован как вспомогательный символ с иной функцией. (Для того, чтобы правила этих параграфов давали верный результат также для слов с апострофом, необходимо либо использовать там в качестве вспомогательного какой-нибудь другой символ, либо дополнить эти параграфы правилами, предусматривающими какое-то преобразование обычного, «орфографического», апострофа.)

ставляет заданная буквенная цепочка, а этот вопрос на основании данного определения решается однозначно. В частности, мы будем различать «слоговые» (т. е. образующие хотя бы один слог) и «неслоговые» (т. е. не образующие самостоятельного слога, иначе говоря, не содержащие гласной) буквенные цепочки; так, например, словоформа *камень* имеет слоговую (а именно, двусложную) основу *камен* и неслоговое окончание *ь*.

В соответствии с § 0.4 предполагается, что в каждой словоформе, рассматриваемой в настоящей работе, над одной из гласных стоит знак главного ударения (')¹¹. (В дальнейшем главное ударение называется просто ударением.) Мы будем говорить об этой гласной, что на нее падает ударение; то же самое может быть сказано и о слоге, содержащем эту гласную. Таким образом, формулировка «ударение падает на такой-то по счету слог» равносильна формулировке «ударение падает на такую-то по счету гласную».

Практически, однако, приводя словоформы или фразы в тексте книги, мы будем как правило опускать знаки ударения в следующих случаях: 1) если приводится целая фраза или словосочетание (т. е. любой связный текст, состоящий из двух или более словоформ), например: *вижу этого юношу, белая стена* (вместо *в'ижу этого юношу, белая стена*); 2) в словоформах, где ударение падает на *ё* и во всех односложных словоформах (даже если они приводятся изолированно)¹², например: *тётя, трёхрублёвый, дом, нуль* (вместо *тётя, трёхрублёвый, дбм, нуль*)¹³. Таким образом, следует различать, с одной стороны, тот вид словоформ, который является объектом нашего изучения (т. е. акцентуированную орфографическую запись), с другой — способ цитирования этих словоформ в тексте книги.

Необходимо специально подчеркнуть, что буква со знаком ударения не рассматривается как особая буква; так, например, считается, что словоформы *замок* и *замбк* имеют одинаковый буквенный состав. В дальнейшем везде, где специально не оговорено обратное, под одинакостью двух морфологических элементов (основ, окончаний и т. п.) будет пониматься именно одинакость их буквенного состава; поэтому допустима, например, такая формулировка: «основы словоформ *головы* и *голб* одинаковы, но имеют разное место ударения».

¹¹ Следует учитывать, что в наше рассмотрение не входят словоформы служебных слов (например, *в, и, на, для*). В работе не рассматриваются также случаи полной утраты ударения некоторыми именными словоформами в связи с переходом ударения на предлог (например, *въ голосу, под ноги, поб полу, на пять*); см. § 4.2.

¹² В словоформах, содержащих более одного *ё*, ударение всегда падает на последнее из них. Таким образом, знаки ударения, опущенные в соответствии с пунктом 2, восстанавливаются однозначно.

¹³ Разумеется, везде, где это почему-либо существенно, знак ударения может быть сохранен, например: *не знаю числа* (ср. *не внаю чйсла*).

Как известно, помимо главного ударения, в русском языке существует также второстепенное ударение (обозначается знаком '); оно характеризует начальный компонент (или начальные компоненты) многих составных слов, например: *радиопередача*, *электроприбор*, *электромашностроение*. Однако в отличие от главного ударения оно не является средством словоизменения, т. е. способным противопоставить одни словоформы какой-либо парадигмы другим. Поэтому второстепенное ударение в настоящем описании вообще не учитывается¹⁴ и его знак в словоформах не ставится.

Мы будем называть исходной ту словоформу слова, которой это слово представлено в словарях (некоторые уточнения см. в § 3.2 и 3.4). Исходная словоформа обычно выступает в качестве названия самого слова, например: *дом*, *бёлый*, *я*.

Выражение «слова на *x*» (где *x* — некоторая буквенная цепочка) ниже везде означает: «слова, исходная словоформа которых оканчивается на *x*». Точно так же выражение «слова с основой на *x*» означает: «слова, у которых основа исходной словоформы оканчивается на *x*». Цепочка *x* может иметь на одной из своих букв знак ударения. Это значит, что имеются в виду только исходные словоформы с указанным положением ударения; например, «слова на *ня*» — это *лыжня*, *ступня*, *пятерня* и т. д. (но не *песня*, *бáрышина*). Если при цепочке *x* дано уточнение «безударное», имеются в виду только исходные словоформы, где ударение за пределами конечного *x*; например, «слова на безударное *ня*» — это *песня*, *бáрышина* и т. д. Если же цепочка *x* не имеет ни знака ударения, ни указания «безударное», это значит, что положение ударения в исходной словоформе безразлично; так, например, «слова на *ня*» — это *лыжня*, *ступня*, *пятерня*, *песня*, *бáрышина* и т. д.

Списки слов как правило даются либо в обычном алфавитном порядке, либо в том порядке (не имеющем общепринятого названия), который используется в так называемых обратных словарях, например в Бильф. Второй из этих порядков мы будем ниже называть «обратным алфавитным» (это несколько неопределенное название следует считать просто условным; оно выбрано потому, что более корректные названия слишком громоздки). Только в обратном алфавитном порядке даются списки слов, представленные в виде нескольких столбцов.

Строение книги

§ 0.6. В настоящей книге автор исходит из вполне определенного представления о том, какова парадигма каждого из 55 000 русских имен, образующих исходный материал (т. е. каковы

¹⁴ Косвенным образом оно учитывается, правда, в некоторых особых случаях, рассматриваемых в § 6.26.

встречающиеся в данной парадигме грамматические значения и каковы отвечающие им словоформы). С точки зрения автора, это представление в некотором точно не определяемом смысле соответствует реальным фактам русского языка. Несколько упрощая истинное положение вещей, можно сказать, что единственная обязательная задача книги — строго изложить это представление, а любые другие задачи носят лишь попутный и факультативный характер. Специально подчеркнем, что в книге ни в какой мере не ставится задача (к тому же невыполнимая) доказать, что данное представление о парадигмах русских имен является единственным возможным или даже наилучшим. Любой разделы книги, которые могут быть истолкованы как попытки такого рода, следует рассматривать лишь как изложение мотивов, которыми руководствовался автор.

На способ решения указанной задачи накладываются, однако, некоторые дополнительные требования, которые признаются естественными для любой лингвистической работы, хотя и с трудом поддаются формулировке. Так, указанную задачу, вообще говоря, можно было бы решить «прямолинейно» — просто составить таблицу следующего вида (содержащую 55 000 строк):

Слово	Парадигма
«три»	И. <i>три</i> , Р. <i>трёх</i> , Д. <i>трём</i> , ...
«город»	И. ед. <i>гброд</i> , Р. ед. <i>гброва</i> , ...
«новый»	И. ед. муж. <i>нбвый</i> , И. ед. жен. <i>нбвая</i> , ...
и т. д.	

Однако такое решение, даже если не принимать во внимание его чрезмерную громоздкость, явно неудовлетворительно для лингвиста, поскольку оно не вскрывает никаких закономерностей, управляющих строением парадигм, или, как говорят, не имеет никакой «объяснительной силы»¹⁵. Чтобы удовлетворить содержательным требованиям такого рода, указанная основная задача решается построением более сложных, но в то же время более общих правил синтеза (т. е. таких, которые обрабатывают целые классы слов, а не индивидуальные слова). Эти правила позволяют построить парадигму любого имени на основании его исходной словоформы и некоторого ограниченного количества дополнительных сведений. Правила синтеза вырабатываются на основе предварительной классификации парадигм (иначе говоря, клас-

¹⁵ Внешним признаком неудовлетворительности такого решения можно считать, в частности, то, что оно совершенно не позволяет «предсказать» парадигмы слов, не входящих в исходный материал (не говоря уже о новы об разуемых словах). Недостатком по существу является то, что оно, по-видимому, решительно не соответствует той форме, в которой информация о парадигмах слов содержится в сознании носителей языка.

сификации строк описанной выше воображаемой таблицы). В соответствии с § 0.2, в книге излагаются как сами эти правила, так и лежащая в их основе классификация парадигм.

Все изложение мыслится как подчиненное решению указанной основной задачи и развивается следующим образом. В гл. 1 формулируется система исходных понятий, важнейшими из которых являются понятия словоформы, грамматической категории и парадигмы. В гл. 2 приводятся содержательные мотивы для признания у русских имен тех или иных грамматических категорий. В гл. 3 парадигмы классифицируются с точки зрения того, по каким грамматическим категориям противопоставляются принадлежащие этим парадигмам словоформы. Гл. 4 носит вспомогательный характер: в ней уточняется объем исходного материала и принципы его обработки. Изложение этих принципов опирается на гл. 3; в свою очередь на гл. 4 опираются гл. 5 и 6. В гл. 5 вводится понятие эквивалентности парадигм, служащее формальным аналогом расплывчатого понятия «склоняться так же, как». В гл. 6 вводится система различительных признаков парадигм, позволяющая завершить классификацию парадигм, начатую еще в гл. 3. Парадигмы классифицируются здесь по их внешней стороне (т. е. по внешней стороне принадлежащих им словоформ). Наконец, в гл. 7 изложение завершается формулировкой правил синтеза.

Содержание книги естественным образом распадается на две части — первую, посвященную грамматическим противопоставлениям в именных парадигмах (гл. 1—3), и вторую, посвященную внешнему выражению этих противопоставлений (гл. 4—7).

Текст работы может быть разделен на основной и дополнительный: к основному тексту относится все то, что с формальной точки зрения необходимо для полноты классификации или эффективности правил синтеза; дополнительный текст включает содержательные пояснения и прочие факультативные сведения. К дополнительному тексту относится гл. 2 (целиком), а в остальных главах — рубрики, обозначенные как *з а м е ч а н и я*, *п о я с н е н и я* или *к о м м е н т а р и и*; остальной текст является основным. Специально отметим, что к основному тексту относятся рубрики, обозначенные как *п р и м е ч а н и я*: содержащиеся в них сведения являются обязательной составной частью соответствующих правил (или иных текстов); без них правила неполны.

Независимо от предыдущего деления текст членится на две части, набранные соответственно крупным и мелким шрифтом. В первую из них входят разделы, посвященные проблемам принципиального характера; во вторую — более конкретные разделы (в частности, тексты большинства правил, списки слов, описание формальных процедур и т. п.), а также описание различных второстепенных деталей. Такое разделение позволяет хотя бы отчасти

воспрепятствовать тому слишком тесному объединению содержательных идей с алгоритмической техникой, которое часто затрудняет чтение формальных описаний языка.

Работая над этой книгой, автор пользовался советами и непосредственной помощью И. А. Мельчука, Е. В. Падучевой и В. А. Успенского. В книге учтены критические замечания Р. И. Аванесова, Ю. Д. Апресяна, В. В. Виноградова, Н. А. Еськовой и П. С. Кузнецова. Указатель слов составлен А. К. Поливановой. Названным лицам автор приносит глубокую благодарность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ
В РУССКИХ
ИМЕННЫХ
ПАРАДИГМАХ**

Г л а в а п е р в а я

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1.1. Всякий языковой текст есть двусторонний объект: он имеет внешнюю сторону («выражение») и внутреннюю сторону («содержание»). В соответствии с § 0.4 мы исходим ниже из того, что внешняя сторона любого рассматриваемого русского текста представлена в письменной (а именно, акцентуированной орографической) форме, т. е. в виде последовательности букв и пробелов.

Различные смыслы слова «слово»: сегмент, словоформа, лексема

§ 1.2. Едва ли не в любой лингвистической работе встречается слово «слово». К сожалению, оно неоднозначно. В обычном, неспециальном языке оно может употребляться по меньшей мере в пяти различных смыслах:

1—2. Слово как единица внешней стороны текста. Пример такого словоупотребления: *Во фразе «три его три минуты» слово «три» встречается дважды*. В этом значении мы будем употреблять термин с е г м е н т. Поскольку мы исходим из письменной формы текста, под сегментом будет пониматься любая цепочка букв от пробела до пробела с проставленным знаком ударения.

Следует различать конкремитный сегмент — элемент внешней стороны некоторого конкретного текста (занимающий в ней определенное место) и абстрактный сегмент — понятие, возникающее в силу так называемой абстракции отождествления (т. е. абстракции, позволяющей нам говорить о двух одинаковых объектах как об одном и том же объекте)¹. Так, в приведенном выше примере слово «слово» означает абстрактный сегмент (поскольку первая и третья единица внешней стороны текста рассматриваются как одна и та же единица). Ср. другой пример: *Во фразе «три его три минуты» первые три слова трехбуквенные, а последнее — шестибуквенное*. Здесь «слово» означает конкретный сегмент. При этом можно сказать, что первый и третий конкретные

¹ См. об этом: А. А. Марков. Теория алгорифмов. М.—Л., 1954 (или то же: «Труды Математич. ин-та им. В. А. Стеклова АН СССР», т. 42), стр. 7—9, 12—15.

сегменты во фразе *три его три минуты* одинаковы и являются представителями одного и того же абстрактного сегмента², а первый и второй конкретные сегменты в этой фразе неодинаковы и являются представителями разных абстрактных сегментов.

3—4. Слово как двусторонняя единица текста (т. е. как единица, обладающая и выражением и содержанием). В этом значении мы будем употреблять термин *словоформа*. Как и в случае сегментов, следует различать конкретные и абстрактные словоформы. Вот пример, когда «слово» означает конкретную словоформу: *Во фразе «мчатся тучи, вьются тучи» четыре слова, из которых первое и третье — глаголы в настоящем времени, а второе и четвертое — существительные во множественном числе*. Вторая и четвертая конкретные словоформы во фразе *мчатся тучи, вьются тучи* одинаковы³ и служат представителями одной и той же абстрактной словоформы, а первая и третья словоформы фразы *три его три минуты* неодинаковы (поскольку имеют — при одинаковой внешней стороне — различные внутренние стороны) и потому суть представители разных абстрактных словоформ. Приведем пример, в котором «слово» означает абстрактную словоформу: *Слово «брали» и слово «брали» переводятся на английский язык одним и тем же словом «took»*. Словоформы (абстрактные и конкретные) мы будем называть иначе *синтагматическими словами* (абстрактными и конкретными).

5. Слово как единица словаря, т. е. как двусторонняя внетекстовая единица языка, возникающая на основе анализа всех текстов данного языка. Ср. следующий пример: *«Брали» и «брали» — одно и то же слово русского языка*. Такое понимание слова «слово» воплощается в термине *лексема*. Вместо этого термина мы будем употреблять также — в качестве равнозначного — термин *парадигматическое слово*.

Внешней стороной абстрактной словоформы служит некоторый абстрактный сегмент (за исключением особых случаев, см. списки 30 и 61 в гл. 2). Две абстрактные словоформы, у которых совпадают как внешние, так и внутренние стороны, являются в действительности одной и той же словоформой. Две абстрактные словоформы, имеющие одну и ту же внешнюю, но различные внутренние стороны, называются *омонимичными* друг другу. Таковы словоформы *три* (глагол) и *три* (числительное) в приведенном выше примере или словоформы

² Конкретные сегменты считаются одинаковыми, если они состоят из одинаковых и одинаково расположенных букв и имеют одинаково расположенный знак ударения.

³ Внешней стороной конкретной словоформы служит конкретный сегмент (в исключительных случаях — комбинация конкретных сегментов или часть конкретного сегмента; см. списки 30 и 61 в гл. 2). Две конкретные словоформы считаются одинаковыми, если они имеют одну и ту же внутреннюю сторону и одинаковые внешние стороны.

*шоссé (И. ед.) и шоссé (Р. мн.) во фразах *вот наше шоссе* и *построили много хороших шоссе*.*

Так же, как внешняя сторона текста распадается на следующие друг за другом сегменты, так сам текст как двусторонний объект распадается на следующие друг за другом словоформы. При этом конкретный текст распадается на конкретные словоформы, а абстрактный — на абстрактные.

В отличие от сегментов и словоформ, лексемы не разделяются на конкретные и абстрактные. Все они суть абстрактные объекты. При помощи понятия «собственно номинативное значение», о котором см. ниже (§ 1.5), лексему можно определить как результат отождествления (на основе абстракции отождествления) всех абстрактных словоформ, связанных друг с другом отношением «иметь одно и то же собственно номинативное значение» (все эти словоформы объявляются таким образом в некотором новом смысле «одинаковыми» и представителями той лексемы, которая получается путем их отождествления).

П р и м е ч а н и е. При современном состоянии наших знаний о языке только внешняя сторона текста поддается достаточно строгому описанию. Поэтому все, что сказано выше о двусторонних единицах, может претендовать не более чем на роль пояснений, имеющих целью создать у читателя, насколько это возможно, единое с автором понимание некоторых основных терминов.

После того, как понятия разграничены и снабжены соответствующими терминами, можно позволить себе, в целях сокращения, некоторые терминологические вольности. Разумеется, такие вольности допустимы лишь в тех случаях, когда первоначальная «полная» терминология может быть легко восстановлена. Перечислим основные случаи «терминологических сокращений».

1. Прежде всего мы будем как правило опускать прилагательное «абстрактный»⁴ в словосочетаниях «абстрактный сегмент», «абстрактная словоформа» и т. п.

2. Точно так же мы почти всегда будем опускать прилагательное «парадигматический» в словосочетании «парадигматическое слово». Таким образом «слово» (без уточнений) будет означать лексему.

3. Когда говорят, например: а) «словоформа *корбву*», б) «лексема *нбый*» (=«слово *нбый*»), — то имеются в виду, конечно, не сами сегменты *корбву* или *нбый*, а определенные словоформа и лексема. Точный смысл этих словосочетаний таков: а) словоформа, внешней стороной которой является сегмент *корбву*; б) лексема, одним из представителей которой (а именно, так называемой исходной словоформой, см. § 0.5) является словоформа, внешней стороной которой является сегмент *нбый*. Ясно, однако, что такая «полная» терминология непригодна для прак-

⁴ Ср.: А. А. Марков. Указ. соч., стр. 9.

тического использования из-за своей громоздкости. Поэтому приходится прибегать к метонимии и употреблять для обозначения словоформ и лексем соответствующие им сегменты⁵.

4. Точно так же, метонимическим является следующее весьма распространенное словоупотребление: «словоформа *вода* делится на основу *вод* и окончание *а*»; «в словоформе *вода* ударение стоит на окончании»; «словоформа *вода* состоит из четырех букв» и т. п. Очевидно, что в подобных случаях под словоформой понимается фактически лишь ее внешняя сторона (а в последнем примере даже внешняя сторона минус знак ударения). Такое словоупотребление весьма удобно и практически никогда не ведет к реальной двусмысленности. Поэтому оно широко применяется и в настоящей книге (особенно во второй ее части).

Элементы значения

§ 1.3. Внутренняя часть каждой словоформы может быть разделена на отдельные части — элементы значения. Формального определения термину «элемент значения» не дается. Поясним на примере, что имеется здесь в виду. Рассмотрим словоформу *домиком*. Ее внутреннюю сторону можно расчленить на ряд элементов значения. А именно, эта словоформа:

- 1) означает вообще предмет;
- 2) означает нечто неодушевленное;
- 3) означает предмет определенного вида;
- 4) означает нечто маленькое;
- 5) информирует о том, что имеется в виду один предмет (а не несколько);
- 6) допускает, например, словосочетания *белым домиком*, *любуюсь домиком*, *перед домиком* и не допускает *хорошо домиком* (иначе говоря, принадлежит к классу словоформ с синтаксическими функциями существительного);
- 7) допускает, например, словосочетания *белым домиком* или *домиком, который стоит на горе*, и не допускает *белой домиком* или *домиком, которое стоит на горе* (т. е. относится к мужскому роду);
- 8) допускает, например, словосочетание *домиком, который я построил*, и не допускает *домиком, которого я построил* (этот элемент значения можно назвать «синтаксической неодушевленностью»);
- 9) допускает, например, словосочетание *белым домиком* и не допускает *белыми домиком* (этот элемент значения можно назвать «синтаксическим ед. числом»);

⁵ Разумеется, если сегмент еще не определяет словоформу или лексему однозначно, в их обозначение должны входить какие-то дополнительные указания, например: «словоформа *нбчи* (Д. ед.)», «лексема *лук* (оружие)».

10) допускает, например, словосочетания *любуюсь домиком*, *доволен домиком*, *стою перед домиком* и не допускает *стою в домиком*, *лишился домиком* (этот элемент значения можно условно назвать «подчиненным Т. падежом»);

11) допускает, например, словосочетание *белым домиком* и не допускает *белому домиком* (этот элемент значения можно условно назвать «подчиняющим Т. падежом»).

Важно подчеркнуть, однако, что выделение тех или иных элементов значения существенно зависит от выбранного способа описания и поэтому не полностью избавлено от произвола. Так, выделение элементов значения в приведенном примере соответствует принятому в настоящей книге способу описания русского именного словаизменения. Для других целей может потребоваться и несколько иное выделение; в частности, некоторые из выделенных элементов значения (например, элемент 3) можно расчленить; самостоятельными элементами значения могут быть признаны также некоторые более тонкие синтаксические свойства данной словоформы.

Всякий элемент значения входит в некоторый ряд однородных с ним (и противопоставленных ему) элементов. Так, элемент значения «единичность» (№ 5) входит в ряд «единичность—множественность», элемент значения «мужской род» (№ 7) — в ряд, состоящий из родов, и т. п. Формального определения понятию однородности не дается.

Для всякой словоформы должно соблюдаться следующее основное требование: ее внутренняя сторона не может содержать двух или более однородных элементов значения.

Номинативные и синтаксические элементы значения

§ 1.4. Элементы значения всякой словоформы могут быть отнесены к одному из двух классов — классу номинативных элементов или классу синтаксических элементов. Номинативные элементы образуют в своей совокупности номинативное значение словоформы, а синтаксические элементы — ее синтаксическое значение. Так, в приведенном выше анализе словоформы *домиком* номинативными являются элементы 1—5, а синтаксическими — элементы 6—11.

Формального определения номинативных и синтаксических элементов не дается. На неформальном уровне укажем, что здесь имеется в виду то противопоставление, которое называют также противопоставлением несинтаксического и синтаксического или противопоставлением лексического и синтаксического⁶. Разли-

⁶ См.: И. А. Мельчук. О некоторых типах языковых значений. — В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева,

чие между этими двумя типами значений можно в наиболее общей форме передать так: номинативное значение непосредственно отражает («называет») внеязыковую действительность (предметы, события, признаки, отношения и т. д.); синтаксическое значение отражает лишь способность словоформы вступать при построении фразы в определенные типы синтаксической связи с определенными классами словоформ⁷.

Грамматические и неграмматические элементы значения

§ 1.5. Независимо от предшествующего деления элементов значения на номинативные и синтаксические, их можно разделить по другому основанию на следующие два класса: грамматические элементы и неграмматические элементы. Грамматические элементы значения словоформы образуют в своей совокупности грамматическое значение этой словоформы, а неграмматические — ее неграмматическое значение. В примере, приведенном в § 1.3, грамматическими являются элементы 5—11, а неграмматическими — элементы 1—4.

Формального определения грамматических и неграмматических элементов не дается. На неформальном уровне укажем, что практически мы исходим в этом вопросе из следующих представлений. Грамматическими могут быть как синтаксические, так и номинативные элементы значения. Чтобы элемент значения был признан грамматическим, он должен прежде всего удовлетворять

Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., Изд-во МГУ, 1961.

⁷ Неверно было бы считать, что синтаксические элементы значения словоформ вообще не участвуют в отражении внеязыковой действительности. Так, например, атрибутивная синтаксическая связь между словоформами *белый* и *дом* в словосочетании *белый дом* отражает внеязыковое отношение между домом и белизной (а именно то, что свойство белизны принадлежит дому). Однако здесь означающим для внеязыкового отношения принадлежности является нечто, что существует именно в словосочетании *белый дом* и не может быть просто разложено на две части, принадлежащие соответственно словоформам *белый* и *дом*. Таким образом, синтаксические элементы значения словоформ участвуют в отражении действительности лишь в качестве средства построения означающих другого уровня (ср. фонемы как средство построения морфем). В связи с этим следует признать обоснованным взгляд, согласно которому сам термин «значение» не должен применяться к синтаксическим элементам внутренней стороны словоформ (поскольку эти элементы сами по себе ничего не обозначают); см.: Е. В. Падучева. Об алгоритме анализа английского языка (для перевода через язык-посредник). «Лингвистические исследования по машинному переводу». М., Изд-во ВИНИТИ, 1961, стр. 213. — Однако такой подход создает терминологические неудобства; поэтому мы и далее будем использовать традиционный термин «синтаксическое значение», несмотря на его неточность.

требованию обязательности⁸, которое состоит в следующем. Ряд однородных элементов значения считается обязательным для некоторого класса словоформ, если в любой словоформе этого класса содержится какой-нибудь из членов данного ряда. Элемент значения считается обязательным для некоторой словоформы, если его ряд обязательен для класса словоформ, в который она входит. Поскольку, однако, одна и та же словоформа может входить в разные классы словоформ, обязательность или необязательность некоторого элемента значения для одной и той же словоформы, вообще говоря, зависит от того, какой класс словоформ рассматривается нами как выделенный. Если принять в качестве выделенного класса совокупность всех словоформ русских существительных, то, например, для словоформы *волчайца* обязательными следует признать, в частности, синтаксический элемент «женский род» и номинативный элемент «множественность» (поскольку всякая словоформа русского существительного относится к какому-то роду⁹ и имеет значение либо одного предмета, либо нескольких); напротив, номинативный элемент «женский пол» для этой словоформы не обязательен (не всякое русское существительное означает либо самца, либо самку).

З а м е ч а н и е. Когда речь идет о номинативных элементах значения, вопрос об их обязательности часто бывает нелегко решить. Прежде всего, трудно отличить так называемый немаркированный член противопоставления от отсутствия самого противопоставления (например, единичность от отсутствия указаний о количестве предметов). В лингвистической практике решение такого вопроса связывается с характером внешнего выражения рассматриваемых элементарных значений — прежде всего с наличием или отсутствием соответствующих морфологических показателей (морфем), а также с тем, насколько последовательно эти показатели используются. Правда, указанная выше трудность может сохраняться и на морфологическом уровне, где она предстает как проблема различия между так называемым именевым показателем и отсутствием какого бы то ни было показателя. Здесь, однако, мы эти вопросы не рассматриваем, поскольку предполагается, что все элементы значения всех словоформ уже каким-то образом выделены.

Соблюдение требования обязательности достаточно для признания грамматическим синтаксического элемента значения. Для номинативного элемента значения, кроме того, необходимо соблюдать требование регулярности, которое состоит в следующем. Ряд однородных номинативных элементов значения считается регулярным для некоторого класса словоформ, если все словоформы этого класса (или по крайней мере подавляющее их большинство) можно разбить на группы, такие что в каждую

⁸ О грамматическом как обязательном см.: И. А. Мельчук. Указ. соч., стр. 34; R. Jakobson. Boas'view of grammatical meaning. «American Anthropologist», 1959, v. 61, № 5, p. 2 (Memoir № 89).

⁹ Это, а также некоторые другие утверждения настоящего и следующего параграфов, представляются на первый взгляд неверными из-за существования так называемых *pluralia tantum* (*чипчи*, *сани* и т. д.). Однако это лишь кажущиеся исключения, как будет видно из анализа, данного в гл. 2.

входит столько словоформ, сколько именнинативных элементов содержит данный ряд, и внутренняя сторона этих словоформ различается только именнинативными элементами из данного ряда. Именнинативный элемент значения считается регуляризмом для словоформы, если его ряд регулярен для класса словоформ, в который она входит. Разумеется, регулярность, как и обязательность, зависит от принятого выделения класса словоформ. Если рассматривать, как и выше, класс, состоящий из всех словоформ русских существительных, то, например, именнинативный элемент «множественность» будет признан регуляризмом для словоформы *волчьям* (поскольку практически для любой словоформы существительного можно построить словоформу противоположного числа); напротив, именнинативный элемент «одушевленность» не регулярен для этой словоформы (поскольку для словоформы существительного обычно нельзя построить словоформу, отличающуюся от нее только по признаку одушевленности—неодушевленности).

Неграмматические именнинативные элементы значения словоформ мы будем называть собственно именнинативными. В примере, приведенном в § 1.3, это элементы 1—4. Совокупность собственно именнинативных элементов значения словоформы образует ее собственно именнинативное значение. Заметим, что для дальнейшего нам не потребуется членение собственно именнинативного значения на отдельные элементы: нас будет интересовать лишь вопрос о том, совпадают ли собственно именнинативные значения двух словоформ или нет (практическое решение этого вопроса указано в § 1.7).

Граммемы и грамматические категории

§ 1.6. Два элемента значения могут оказаться связанными таким образом, что в любой словоформе они либо оба присутствуют, либо оба отсутствуют. Такие элементы будем называть сопряженными друг с другом. Так, для широкого класса словоформ сопряжены между собой элементы 1 и 6, 2 и 8, 5 и 9, 10 и 11 из примера, приведенного в § 1.3.

Некоторые ряды однородных элементов находятся друг с другом во взаимно-однозначном соответствии, так что каждый элемент одного ряда сопряжен с соответствующим элементом другого ряда. В таком соответствии находятся, например, такие ряды:

- 1) ряд «семантическая одушевленность—семантическая неодушевленность» и ряд «синтаксическая одушевленность—синтаксическая неодушевленность»;
- 2) ряд «единичность—множественность» и ряд «сингексическое ед. число—сингексическое мн. число»;
- 3) ряд «подчиненных» падежей и ряд «подчиняющих» падежей.

Особый интерес для нас будут представлять параллельные ряды однородных грамматических элементов (таковы, например, ряд «единичность—множественность» и ряд «синтаксическое ед. число—синтаксическое мн. число»). Члены каждого из этих рядов естественно объединяются с сопряженными с ними членами параллельного ряда в пары сопряженных элементов. Эти пары оказываются однородными друг другу в том смысле, что будут порознь однородны их составные части.

Введем теперь важное для дальнейшего понятие граммемы¹⁰. Граммемой мы будем называть всякий отдельный грамматический элемент значения, для которого не нашлось сопряженного с ним грамматического же элемента, а также всякую пару сопряженных между собой грамматических элементов.

Совокупность всех однородных между собой граммем называется грамматической категорией. Примеры грамматических категорий: число (как обозначение совокупности граммем «ед. число» и «мн. число»), падеж, род и т. д.

Замечание. Как известно, термин «грамматическая категория» в разных лингвистических работах придается разный смысл. Основное расхождение состоит в том, что в одних работах грамматическими категориями называются лингвистические объекты типа «мужской род», «ед. число» и т. д., т. е. то, что мы называем выше граммемами, а в других — лингвистические объекты типа «род», «число» и т. д. (В некоторых работах этот термин применяется к объектам обоего рода.) В данной работе допускается только словоупотребление второго типа.

Основная зависимость, связывающая грамматические значения словоформ и грамматические категории, состоит в том, что грамматическое значение словоформы может содержать не более одной граммемы одной и той же грамматической категории. (Это — следствие из сформулированного в конце § 1.3 требования о невозможности двух однородных элементов в одной словоформе.) Так, например, в грамматическое значение словоформы не могут одновременно входить граммемы «Д. падеж» и «П. падеж», «ед. число» и «мн. число» и т. п.

Лексема

§ 1.7. Как уже указано в § 1.2, понятие лексемы образуется путем применения абстракции отождествления к списку всех словоформ с одним и тем же собственно номинативным значением.

Практически мы будем решать вопрос о границах лексемы (или, что то же самое, вопрос о тождестве или нетождестве соб-

¹⁰ Относительно термина «граммема» см.: K. R i k e. Grammemic theory. «General linguistics», 1957, v. 2, стр. 2; Он же. On tagmemes nées grammemes. — IJAL, 1958, v. 24, p. 4; Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Тониров. Санскрит. М., 1960; З. М. Волоцкая и Т. И. Молощая. О некоторых понятиях морфологии. «Исследования по структурной типологии». М., 1963.

ственны номинативных значений двух произвольных словоформ) в соответствии с лексикографической традицией, а именно, мы будем считать, что каждая словарная статья словаря-источника отражает самостоятельную лексему и притом ровно одну¹¹. Иначе говоря, собственно номинативные значения двух словоформ признаются тождественными в том и только в том случае, когда эти словоформы относятся к одной и той же словарной статье словаря-источника (предполагается, что мы умеем опознавать, скажем, словоформу *волчцам* как относящуюся к словарной статье «волчица»). Поэтому, например, мы считаем, что словоформы *лайка* (собака) и *лайка* (сорт кожи) имеют различные собственно номинативные значения (и уже потому сами различны), тогда как сегменту *пионёр* соответствует только одна словоформа (собственно номинативное значение которой включает одновременно и смысл 'первооткрыватель' и смысл 'член пионерской организации').

Общее для всех словоформ данной лексемы собственно номинативное значение называется **значением лексемы**.

П р и м е ч а н и с. Поскольку «слово» (без уточнения) означает у нас лексему, словосочетание «значение слова» должно пониматься как значение лексемы. Однако традиционное понимание этого словосочетания несколько иное: значением слова называют каждый из допускаемых им не-тождественных, хотя и близких смыслов (и поэтому слово, имеющее много смыслов, называется многозначным); так, одним значением слова *пионёр* является 'первооткрыватель', другим — 'член пионерской организации' и т. д. К сожалению, избежать этого традиционного словоупотребления во многих случаях почти невозможно. Таким образом, в настоящей книге словосочетание «значение слова» может быть употреблено как в первом, так и во втором смысле; нужный смысл должен устанавливаться из контекста.

Две различные лексемы называются **омонимичными** друг другу, если их словоформы соответственно (т. е. при совпадающих грамматических значениях) омонимичны. Омонимичными будут, например, лексемы *прокáза* (шалость) и *прокáза* (болезнь), *фóкус* (трюк) и *фóкус* (в оптике).

Для наглядности лексему можно представлять себе просто в виде списка ее словоформ. В недвусмысленных случаях (а именно, когда отсутствует омонимия лексем) можно представлять себе лексему еще более наглядно — в виде списка сегментов, выражающих словоформы этой лексемы. В таком списке можно не повторять совпадающие сегменты. Тогда, например, лексеме «мысль» будет соответствовать список: *мысль*, *мысли*, *мыслию*, *мыслей*, *мыслям*, *мыслями*, *мыслях*. Каждый сегмент, встречающийся в подобном списке (т. е. являющийся внешней стороной одной из словоформ рассматриваемой лексемы) мы будем называть **сегментом данной лексемы**.

¹¹ О словарях-источниках см. § 4.2. Некоторые поправки к сформулированному здесь общему принципу вытекают из § 4.1 (см., в частности, стр. 105, пункт 1 и примеч. к нему).

Две словоформы, принадлежащие к одной лексеме и имеющие одинаковое грамматическое значение, называются в а р и а н т а м и друг друга. Например, вариантами друг друга являются словоформы *кáртой* и *кáртою*, *мбста* и *мостá*, *трáкторы* и *тракторá*. При построении текста наличие словоформ-вариантов может быть использовано, например, в метрических целях; нередко за словоформами-вариантами закрепляются разные стилистические оттенки (ср., например, *тбкари* и *токарй*). Специально отметим, что в соответствии с изложенным выше практическим решением о границах лексемы вариантами друг друга формально признаются также словоформы *лýстья* и *листý*, *зúбы* и *зúбья*, *тормозá* и *тбрмозы* и т. п. (где внешние различия соответствуют разницею смыслов, ср. *листья дерева* и *листы бумаги*, *зубы волка* и *зубья борона*, *тормоза автомобиля* и *тормозы экономического развития*).

Мы будем говорить про грамматическое значение любой словоформы некоторой лексемы, что оно предстает лено у этой лексемы. Набор всех представленных у некоторой лексемы грамматических значений никогда не включает всех вообще возможных грамматических значений. Однако отсутствие какого-либо из них в этом наборе может носить различный характер. Так, например, у лексемы *стенá* не представлено грамматического значения «И. ед. муж. рода», и его отсутствие рассматривается как нормальное. Напротив, то, что у лексемы *нéкого* не представлено грамматического значения «И. падеж», естественно считать отклонением от нормы, своего рода лакуны. Таким образом, положение таково, как если бы для каждой лексемы существовал свой «ожидаемый» набор грамматических значений, который может совпадать или не совпадать с представленным у нее набором. Набор представленных у некоторой лексемы грамматических значений, который не совпадает с «ожидаемым» набором грамматических значений, мы будем называть дефектными; про грамматические значения, входящие в «ожидаемый» набор грамматических значений, но не входящие в представленный у данной лексемы набор, мы будем говорить, что они дополнительно приписаны этой лексеме. Формального определения дефектности не дается.

В настоящей работе принимается следующее допущение: предполагается, что про всякую лексему известно, является ли набор представленных у нее грамматических значений дефектным, и если да, то какие именно грамматические значения дополнительно приписываются данной лексеме. У каких именно лексем набор представленных грамматических значений признается в настоящей работе дефектным, указано в § 3.4.

Парадигма

§ 1.8. Совокупность всех грамматических значений, представленных у некоторой лексемы или дополнительно приписанных ей, с указанием для каждого из них, какая словоформа (или словоформы) этой лексемы имеет данное грамматическое значение, называется парадигмой данной лексемы. Таким образом, парадигма ставит в соответствие друг другу грамматические значения и словоформы. При этом обычно грамматическому значению соответствует ровно одна словоформа. Несколько словоформ соответствуют одному грамматическому значению, только если они являются вариантами друг друга. Наконец, некоторым грамматическим значениям (а именно, всем дополнительно приписанным) не соответствует никакой словоформы. В дальнейшем мы будем часто пользоваться следующим образным представлением парадигмы: парадигма есть набор клеток, каждая из которых имеет в качестве названия некоторое грамматическое значение и содержит одну словоформу (нормальный случай) или несколько словоформ (являющихся вариантами друг друга) или ничего не содержит (так называемая пустая клетка). (В § 1.10 будет дано некоторое уточнение к этому способу представления парадигмы.) Кроме того, используя равнозначность терминов «лексема» и «(парадигматическое) слово», мы будем в дальнейшем говорить: «парадигма данного слова», «парадигма слова *волк*» и т. п., а также сокращенно — «парадигма *волк*» и т. п. Сокращение последнего типа позволяет также вообще пользоваться термином «парадигма» без уточнения в родительном падеже (т. е. в значении «парадигма некоторого слова»)¹².

Мы будем говорить как о грамматических значениях, представленных у некоторой лексемы, так и о грамматических значениях, приписанных ей, что они предста вле ны в парадигме этой лексемы. Парадигму, имеющую хотя бы одну пустую клетку, мы будем называть дефектной. (Понятно, что дефектными являются парадигмы лексем с дефектным набором представленных грамматических значений.)

З а м е ч а н и е. В лингвистической практике допускается выделение собственно номинативного и грамматического значения не только у отдельных словоформ, но и у словосочетаний. При этом может быть признано, что собственно номинативное значение некоторого словосочетания совпадает с собственно номинативным значением одной из словоформ, входящих в это словосочетание. Такие словосочетания обычно называются «аналитическими формами» той лексемы, которая характеризуется данным собственно номинативным значением. Если прибавить к парадигме такой лексемы дополнительные клетки, содержащие все аналитические формы этой лексемы и имеющие в качестве названий грамматические значения этих аналитических форм, мы

¹² Заметим, что в связи с этим в некоторых контекстах термины «парадигма» и «слово» («лексема») оказываются практически равнозначными.

получим так называемую расширенную парадигму этой лексемы. При изучении русского словоизменения понятие расширенной парадигмы необходимо прежде всего для описания глагола. При описании имени (в тех пределах, которые выбраны в настоящей работе) это понятие не используется.

Словоизменительные и классифицирующие грамматические категории

§ 1.9. Мы будем говорить, что грамматическая категория является словоизменительной для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается не менее двух разных граммем этой грамматической категории. Мы будем говорить, что грамматическая категория является классифицирующей¹³ для данной парадигмы, если в грамматических значениях, представленных в этой парадигме, встречается ровно одна граммема этой грамматической категории¹⁴.

Примеры словоизменительных грамматических категорий: падеж и число у слова *волк*; род, число и падеж у слова *новый*. Пример классифицирующей грамматической категории: род у слова *волк*.

Из данных выше определений вытекает, в частности, следующее. Любые две словоформы одной парадигмы, не являющиеся вариантами друг друга, противопоставлены по одной или нескольким словоизменительным грамматическим категориям. В то же время никакие две словоформы одной парадигмы не противопоставлены по классифицирующей грамматической категории. Таким образом, граммемы словоизменительных грамматических категорий характеризуют отдельные словоформы парадигмы,

¹³ Термин «классифицирующая» следует рассматривать как сокращение от «словоклассифицирующая»; именно противопоставление «словоизменительная — словоклассифицирующая» ясно показывает идею, определившую та-кой, а не иной выбор терминов.

¹⁴ Такое разделение грамматических категорий восходит к Ф. Ф. Фортунатову (Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языкознание. — Издр. труды, т. 1. М., 1956, стр. 155) и в той или иной форме фигурирует в большинстве трудов по русской грамматике. Наиболее последовательно вопрос о типах грамматических категорий разработан А. И. Смирницким (см.: А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема тождества слова). «Труды Ин-та языкоznания АН СССР», 1954, т. 4; Он же. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя». М., 1955; Он же. Морфология английского языка. М., 1959). Он обычно называет первый тип категорий грамматическими (или собственно грамматическими) категориями, а второй тип — лексико-грамматическими. Такое употребление терминов, однако, неудобно, потому что не остается обобщающего термина для категорий обоего типа. В настоящей работе взяты (с незначительным изменением) более удобные, с нашей точки зрения, варианты этих терминов, использованные А. И. Смирницким в книге «Древнеанглийский язык» (М., 1955, стр. 213).

противопоставляя их другим словоформам той же парадигмы. Граммема классифицирующей грамматической категории, напротив, характеризует парадигму в целом, противопоставляя ее другим парадигмам.

Словоизменительное грамматическое значение (грамматическая форма)

§ 1.10. Во многих случаях приходится рассматривать отдельно ту часть грамматического значения словоформы, которая состоит только из граммем словоизменительных грамматических категорий. Мы будем называть ее **словоизменительным грамматическим значением** словоформы. Например, словоизменительное грамматическое значение словоформы *волкám* — «Д. мн.». Словоизменительное грамматическое значение может быть названо также **грамматической формой**; в таком использовании этого не всегда одинаково понимаемого термина¹⁵ мы следуем за А. И. Смирницким¹⁶. Следует учитывать, однако, что этот термин предполагает несколько иное словоупотребление: так, можно сказать, что словоформа *волкám* имеет словоизменительное грамматическое значение «Д. мн.» или что слово *волк* стоит в данном случае в грамматической форме «Д. мн.». В более общей форме: словоформа слова *A*, имеющая словоизменительное грамматическое значение *x*, — это то же самое, что слово *A* в грамматической форме *x*.

Обратимся теперь вновь к представлению парадигмы в виде набора клеток, предложенного в § 1.8. В качестве названий клеток выступают грамматические значения словоформ. Как видно из сказанного выше, эти грамматические значения различаются между собой только граммемами словоизменительных грамматических категорий; граммема классифицирующей грамматической категории, если она вообще есть, — одна и та же в каждом грамматическом значении. Отсюда следует, что в названии отдельной клетки

¹⁵ Шире распространено понимание грамматической формы как выражения грамматического значения (не только словоизменительного) внешними средствами; иногда грамматической формой называют само грамматическое значение. Очень часто грамматическими формами называют словоформы. Для целей настоящей работы нет необходимости специально рассматривать все эти расхождения; см. по этому вопросу, в частности: Ф. Ф. Фортунатов. Указ. соч., стр. 155—159; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956 (изд. 1 — 1914 г.); Н. Н. Дурново. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., 1924, статья «Форма (грамматическая)»; Г. О. Винокур. Форма слова и части речи в русском языке. — Избр. работы по русскому языку. М., 1959; В. В. Виноградов. О формах слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. III, вып. 1; М. В. Панов. О грамматической форме. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», 1959, т. 73, вып. 6; П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. М., 1961.

¹⁶ А. И. Смирницкий. К вопросу о слове, стр. 18.

парадигмы незачем сохранять граммемы классифицирующих грамматических категорий: их нужно «вынести за скобки» и признать характеристикой парадигмы в целом. Таким образом, в дальнейшем, пользуясь представлением парадигмы в виде набора клеток, мы будем считать, что назнанием отдельной клетки служит только словоизменительное грамматическое значение (=грамматическая форма), а граммемы классифицирующих грамматических категорий приписаны парадигме в целом.

З а м е ч а н и е. Очевидно, что часть внутренней стороны, остающаяся после вычета грамматической формы, у всех словоформ парадигмы совпадает. Поэтому ее можно тоже «вынести за скобки» из всех клеток парадигмы. Поскольку, однако, грамматическая форма образует название клетки, отпадает необходимость помещать в клетках двусторонние объекты (словоформы): достаточно считать, что в клетках находятся просто сегменты. Такое представление парадигмы наиболее наглядно; оно не используется в дальнейшем лишь по терминологическим соображениям (а именно, потому, что мы стремимся не употреблять без крайней необходимости непривычный термин «сегмент»).

Грамматический разряд слов

§ 1.11. Набор словоизменительных грамматических значений (=грамматических форм), представленных в парадигме некоторого слова, называется **п а р а д и г м а т и ч е с к о й с х е м о й** этого слова¹⁷. Парадигматическая схема слова в точности совпадает с совокупностью названий всех клеток его парадигмы. Парадигматическая схема может мыслиться и как самостоятельный объект, в отвлечении от конкретных парадигм.

Совокупность всех слов, имеющих одинаковую парадигматическую схему, называется **г р а м м а т и ч е с к и м р а з р я д о м с л о в**¹⁸. Очевидно, что грамматическая категория, являющаяся словоизменительной для некоторого слова, является таковою и для всего грамматического разряда слов, в который это слово входит.

Вообще говоря, в каждом грамматическом разряде слов могли бы быть представлены свои грамматические категории, не совпадающие с грамматическими категориями других разрядов слов. Обычно, однако, грамматические категории русских имен описываются иначе: например, грамматическая категория падежа признается у всех разрядов имен. В связи с этим мы будем различать так называемые частные и обобщенные грамматические категории. Частная грамматическая категория — это грамматическая категория в определенном грамматическом разряде

¹⁷ Термин А. И. Смирницкого (А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове, стр. 32).

¹⁸ См.: Р. И. А в а н е с о в и В. Н. С и д о р о в . Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945, стр. 83; А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове, стр. 32.

слов. Обобщенная грамматическая категория — это совокупность частных грамматических категорий, имеющих в определенном описании одинаковое название. Такое терминологическое разграничение необходимо прежде всего потому, что, как мы увидим далее (§ 2.21), совпадение названий у разных частных грамматических категорий не есть нечто, с необходимостью вытекающее из фактов языка, а должно рассматриваться (по крайней мере, в части случаев) как результат применения определенных принципов описания. Иначе говоря, одноименные (в существующих описаниях) частные грамматические категории могли бы рассматриваться и как разные категории.

Отметим также следующее. Выделение словоизменительных и классификационных грамматических категорий не есть классификация обобщенных грамматических категорий (поскольку деление каждый раз производится с точки зрения отдельной парадигмы, или, что в данном случае равносильно, отдельного грамматического разряда слов). Для частных же грамматических категорий это разделение является классификацией.

Г л а в а в т о р а я

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ РУССКИХ ИМЕН

§ 2. 1. Как вытекает из § 0.6, при классификации именных парадигм предполагаются известными, в частности, все встречающиеся у русских имен грамматические категории, состав граммем каждой грамматической категории, грамматический разряд каждого слова и набор граммем каждой отдельной словоформы. Практически это значит, что в последующем конкретном описании мы исходим из некоторого вполне определенного решения каждого из этих вопросов, например из определенного числа и состава падежей и т. д.

Мы вынуждены считать все эти решения с формальной точки зрения известными заранее лишь потому, что нам неизвестен (по крайней мере в общем случае) способ их формального обоснования. В действительности выбор решений, конечно, не является произвольным: по неформальным мотивам именно эти решения представляются автору наиболее естественными.

Разумеется, само заявление о том, что принятые те или иные допущения, еще не дает читателю никаких сведений о характере конкретных решений, которые стоят за этими допущениями. Поэтому необходимо в какой-то форме эти решения изложить. Этому и посвящена настоящая глава. Последовательно рассматривая в этой главе грамматические категории, представленные в русских именных парадигмах, мы ставим своей целью прежде всего указать принимаемый нами состав граммем каждой грамматической категории, а также дать читателю представление о том, каким образом мы соотносим эти граммемы с сегментами русских лексем. Всякий дополнительный разбор является, вообще говоря, факультативным. Он проводится преимущественно в тех случаях, когда в качестве обоснования принятого решения предлагается некоторая процедура, обладающая большей или меньшей степенью формальной строгости. Дополнительные комментарии даются также в случае существенных отступлений от традиционных решений. Из сказанного понятно, что одним грамматическим категориям в нашем разборе может быть уделено значительно больше внимания, чем другим. Таким образом, настоящая глава не претендует на всесторонний и систематический анализ каждой грамматической категории; напомним также, что в соот-

ветствии с § 0.6 вся она формально является факультативной частью книги.

В настоящей главе мы будем делить все имена на: 1) предметные слова, которые в свою очередь делятся на существительные и местоимения - существительные¹; 2) слова-атрибуты, которые делятся на прилагательные и (непорядковые) числительные. Предполагается, что мы умеем выделять среди всех слов имена и относить любое имя к одному из указанных четырех классов. Практически мы будем иметь здесь в виду именно те классы слов, которые традиционно обозначаются указанными названиями (при этом, однако, причастия и порядковые числительные относятся к прилагательным, и, таким образом, класс числительных не включает у нас слов *первый*, *десятый* и т. д.).

Здесь имеется, однако, серьезная логическая трудность. Принимая указанное разделение имен как заранее известное, мы занимаемся ниже выделением грамматических категорий внутри каждого класса. Между тем, как хорошо известно, само это разделение фактически опирается сразу на несколько признаков слова (семантических, морфологических и синтаксических), т. е., в частности, уже как-то учитывает наличие определенных грамматических категорий в каждом из классов. Иначе говоря, изображая это разделение как первичное, а выделение грамматических категорий как вторичное, мы идем на сознательное упрощение. В действительности в процессе познания поиск наиболее адекватного разделения слов на классы и наиболее адекватного набора грамматических категорий внутри классов идет одновременно, причем критерием успеха служит только адекватность полученной общей картины. Поскольку, однако, построить таким же способом и само изложение крайне трудно, принимается указанное выше упрощение. При этом, чтобы избежать формальных противоречий, мы будем условно считать, что все указанное выше разделение имен является чисто семантическим: так, предметные слова — это те, которые обозначают «предмет» (в широком понимании, включающем также понятия типа *сон*, *радость*, *близнá* и т. п.), слова-атрибуты — те, которые обозначают «признак» и т. д.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ПРЕДМЕТНЫХ СЛОВ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

§ 2.2. Грамматическая категория падежа является важнейшей грамматической категорией склонения. Она представлена во всех именных парадигмах. Сам термин «склонение» в узком

¹ Мы предложили не использовать более привычного термина «местоименные существительные», поскольку при указанном разделении эта группа не включается в число существительных.

понимании означает именно изменение по падежам. Грамматическая категория падежа является словоизменительной для всех именных парадигм².

Граммы падежа у предметных слов представляют собой пары синтаксических элементов значения. Один из членов каждой такой пары («подчиненный» падеж) отражает способность соответствующей словоформы выступать в качестве подчиненной при определенном классе глаголов или иных слов³. Другой член пары («подчиняющий» падеж) отражает определенное синтаксическое требование, налагаемое на форму подчиненного слова-атрибута. Ниже рассматриваются только «подчиненные» падежи; относительно «подчиняющих» падежей см. § 2.14.

В современных описаниях русского языка наиболее распространена 6-падежная система: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный. В то же время давно и достаточно широко известна также 8-падежная схема, включающая, кроме перечисленных выше падежей, еще так называемый 2-й родительный (или количественно-отделительный, или партитив) и так называемый 2-й предложный (или местный). Ввиду этого расхождения рассмотрим несколько подробнее вопрос о выделении падежей.

Попытаемся выявить логические основания для выделения общепризнанных падежей и затем установить, требуют ли выявленные критерии признания дополнительных падежей. Ограничимся вначале вопросом о падежах имен существительных. Мы будем предполагать, что среди всех сегментов каким-то образом выделены сегменты существительных (иначе — с устанты вны — сегменты). Условимся считать допустимым выражение «значение сегмента», понимая под ним совокупность значений всех словоформ, внешней стороной которых является данный сегмент. Соответственно, выражение «сегмент *x* может означать предмет *N*» понимается так: существует словоформа с внешней стороной *x*, которая означает предмет *N*. Так, любой субстантивный сегмент, например *стена*, *облом*, *столб*, может означать некоторый предмет⁴.

² Это верно даже для парадигм, где реально представлена словоформа только одного падежа (например, *некто*), поскольку в силу § 3.4 любая такая парадигма признается дефектной, т. е. имеющей пустые клетки для всех остальных падежей.

³ Представление о «подчиненном» падеже естественно распространить и на именительный падеж, хотя соответствующие словоформы обычно считаются ничему не подчиненными (заметим, впрочем, что в современных синтаксических описаниях широко распространен взгляд, согласно которому подлежащее подчинено сказуемому)..

⁴ Слово «может» необходимо потому, что некоторые субстантивные сегменты, например *раздёл*, *раздёла*, *буры*, допускают в то же время и иные, непредметные значения.

Описываемая ниже (в § 2.3—2.4) процедура представляет собой по существу лишь некоторое видоизменение логической конструкции, предложенной В. А. Успенским⁵.

§ 2.3. Для описываемой процедуры требуется прежде всего допущение, согласно которому про любую последовательность сегментов считается известным, составляет ли она грамматически правильную фразу (т. е. является ли она внешней стороной некоторого русского текста).

Как известно, границы грамматической правильности могут пониматься различно. Так, например, возможны разные мнения в оценке грамматической правильности таких фраз, как *отдыхал книгу* (ср. *отдыхал неделю*), *кричит окном* (ср. *кричит петухом*) и т. п. С одной стороны, возможен «широкий» взгляд на грамматическую правильность, который на неформальном уровне можно охарактеризовать примерно так: считается, что если какой-либо предмет может находиться в определенном отношении к некоторому действию (или другому предмету), то и всякий другой предмет может находиться в том же отношении к этому действию (или предмету). При таком взгляде фразы *отдыхал книгу*, *кричит окном* грамматически правильны именно в силу аналогии с заведомо правильными фразами типа *отдыхал неделю*, *кричит петухом*⁶. С другой стороны, возможен более «узкий» взгляд, при котором грамматическая правильность ставится в более тесную зависимость от значений слов, например, признается грамматически существенным деление существительных на могущие и не могущие выражать отрезон времени (ср. соответственно *неделя* и *книга*) и т. п. Описываемая здесь процедура допускает любой из этих взглядов; ниже будут учитываться оба.

Назовем *к о н т е к с т о м* совокупность конечного числа сегментов и одного многоточия, расположенных в определенном порядке⁷. Фразу, полученную из контекста *A* подстановкой сегмента *m* на место многоточия, будем обозначать *Am*. Будем говорить, что контекст *A* допускает сегмент *m*, если *Am* — грамматически правильная фраза.

Далее, как и в процедуре В. А. Успенского, потребуются неопределяемые понятия «предмет» и «состояние» (некоторого предмета). Мы будем говорить, что субстантивный сегмент *n*, выступая в контексте *A* (который его допускает), может обозначать предмет *N*. Например, сегмент *палку* в контексте «я рисую . . .» (т. е. во фразе *я рисую палку*) может обозначать предмет «палка». Может показаться излишним употребление в таких формулировках слова «может». Однако это не так: например, сегмент *супругу* в контексте «я рисую . . .» может обозначать предмет «супруга», но это не единственная возможность, поскольку при другом поимении фразы *я рисую супругу* этот же сегмент будет обозначать предмет «супруг».

В соответствии с реальным смыслом противопоставления чисел у существительных, разные числа считаются обозначениями разных предметов; так, сегмент *сады* обозначает иной предмет, нежели сегмент *сад* (а именно совокупность нескольких садов). В вопросе о том, тождественны ли значения таких сегментов, как *бегемот* и *гиппопотам*, *вертолёт* и *геликоптер*, *плоскоёбре* и *платё* и т. п., могут быть разные мнения; однако конечный результат излага-

⁵ В. А. Успенский. К определению надежда по А. Н. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», вып. 5. М., 1957 (работа развивает некоторые устные высказывания А. Н. Колмогорова).

⁶ Ср.: И. Хомский. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. 2. М., 1957, стр. 417; И. И. Ревзин. Некоторые вопросы теории моделей языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 8.

⁷ В указанной работе В. А. Успенского это понятие называется «набором слов с пропуском», в работе Р. Л. Добрушина «Математические методы в лингвистике» («Математическое просвещение», вып. 6. М., 1961) — «фразой с многоточием».

емого построения от решения этого вопроса не зависит. Практически мы будем исходить ниже из того, что один и тот же предмет могут обозначать только такие сегменты, которые являются внешней стороной словоформ одного и того же существительного, относящихся к одному и тому же числу.

Мы будем использовать также такие формулировки: фраза *An* может выражать тот факт, что предмет *N* находится в состоянии *S*. Например, фраза *я рисую палку* может выражать тот факт, что предмет «палка» находится в состоянии рисуемого объекта. Фраза *я рисую палкой* может выражать тот факт, что предмет «палка» находится в состоянии орудия рисования. Здесь, как и в предшествующем случае, слово «может» необходимо, поскольку, например, фраза *я рисую пенсне* может выражать как то, что предмет «пенсне» находится в состоянии рисуемого объекта, так и то, что он находится в состоянии орудия рисования.

Таким образом, с помощью каждого контекста может быть выражен некоторый набор разных состояний предметов (в частном случае — одно состояние). Состояние, выражаемое с помощью некоторого контекста, можно назвать состоянием в узком смысле слова. Например, контекст «я рисую ...» позволяет выразить следующие состояния в узком смысле: 1) состояние рисуемого объекта, 2) состояние орудия рисования, 3) состояние предмета, для которого происходит рисование. Вообще говоря, два состояния в узком смысле, выражаемые с помощью разных контекстов, могут, по-видимому, оказаться одинаковыми. Так, например, два состояния в узком смысле, выражаемые соответственно с помощью контекстов «... строится рабочими» (во фразе *дом строится рабочими*) и «рабочие строят ...» (во фразе *рабочие строят дом*), по-видимому, следует признать одинаковыми. Совокупность всех одинаковых состояний в узком смысле слова можно назвать состоянием в широком смысле слова⁸. В нашей процедуре, однако, нигде не потребуется отождествлять состояния в узком смысле слова, выражаемые с помощью разных контекстов; иначе говоря, вообще не потребуется само понятие состояния в широком смысле слова. Таким образом, ниже слово «состояние» без уточнения будет обозначать состояние в узком смысле слова.

В некоторых случаях оказывается затруднительно определить, имеем ли мы дело с одинаковыми состояниями или с различными; ср., например, фразы: *я не брал книгу* и *я не брал книги*, *я бросил в него камень* и *я бросил в него камнем*, *такова цена слов* и *такова цена словам* и т. п. Конечный результат описываемой процедуры не зависит от того, какое решение принять в этих случаях. Для того, чтобы процедура носила максимально общий характер, мы будем исходить далее из того, что в приведенных примерах выражаемые состояния соответственно одинаковы.

Сказанное выше можно кратко сформулировать, таким образом, в виде следующего суммарного допущения: предполагается, что про любой субстантивный сегмент нам известно, может ли он в контексте *A* обозначать предмет *N*, находящийся в состоянии *S*. Так, например, сегмент *супругу* в контексте «я рисую ...» может обозначать предмет «супруга» в состоянии рисуемого объекта или предмет «супруг» в состоянии предмета, для которого рисуют; однако он не может обозначать, например, предмет «супруг» в состоянии рисуемого объекта.

Примем также следующее вспомогательное допущение: варианты предлога (*о*, *об* и *обо*, *к* и *ко*, *в* и *во* и т. п.) условно признаются одним и тем же сегментом.

§ 2.4. Построим таблицу следующего устройства. Выпишем сверху по горизонтали полный список предметов. Выпишем слева по вертикали полный список всех возможных контекстов⁹, а для каждого контекста, в свою

⁸ В указанной работе В. А. Успенского понятию состояния в широком смысле соответствует термин «состояние», понятию состояния в узком смысле слова — термин «согласованная пара» (контекст — состояние).

⁹ Чтобы число контекстов было конечным, можно условиться брать только контексты, не превышающие определенной длины.

очередь — полный список всех состояний в узком смысле слова, выражаемых с помощью этого контекста. Таким образом, каждый столбец таблицы соответствует определенному предмету, каждая строка — определенному состоянию в узком смысле слова¹⁰.

Возьмем некоторую клетку таблицы; эта клетка соответствует, во-первых, некоторому предмету *N*, во-вторых, некоторому контексту *A* и более узко — некоторому состоянию (в узком смысле слова) *S*. Впишем в эту клетку все сегменты, которые в контексте *A* могут обозначать предмет *N*, находящийся в состоянии *S*. Обработаем таким способом последовательно все клетки таблицы. В результате в большинстве клеток таблицы окажется по одному сегменту; однако часть клеток может остаться пустой; с другой стороны, в некоторых клетках может оказаться более одного сегмента. Полученная таблица будет иметь, таким образом, общий вид, показанный на стр. 41.

Над построенной таким способом таблицей производятся следующие операции:

1. Все одинаковые между собой строки «склеиваются» в одну строку (или, что то же самое, во всякой совокупности одинаковых строк вычеркиваются все строки, кроме одной).

2. Вычеркивается всякая неполная (т. е. имеющая хотя бы одну пустую клетку) строка, совпадающая с некоторой другой строкой таблицы в своей непустой части.

3. Вычеркивается всякая строка *x*, для которой найдутся некоторые другие строки таблицы *y, z, ..., w*, такие, что всякая клетка из строки *x* содержит теоретико-множественную сумму содержимого клеток того же столбца из строк *y, z, ..., w*.

Назовем всякую строку, оставшуюся в таблице после всех этих операций, однопадежным рядом. Как показывает проверка с помощью мысленного эксперимента, каждый однопадежный ряд представляет собой не что иное, как совокупность всех сегментов, которые выражают словоформы, имеющие общую (одну и ту же для всех словоформ) граммему некоторого конкретного падежа. Этому однопадежному ряду сегментов однозначно соответствует ряд словоформ, имеющих эту общую граммему падежа. Каждый однопадежный ряд однозначно соответствует некоторому падежу и наоборот.

Рассмотрим в качестве примера приведенный фрагмент таблицы. Указанные выше операции дали бы в применении к нему следующий результат: 1) 2-я и 6-я строки «склеиваются»; 2) 4-я строка вычеркивается, поскольку она «вкладывается» в 1-ю; 3) 7-я строка вычеркивается, поскольку она разложима на сумму 1-й и 5-й. Остаются, таким образом, строки 1-я, 2-я, 3-я и 5-я, которые очевидным образом соответствуют винительному, творительному, дательному и родительному (точнее, как мы увидим ниже, 2-му родительному) падежам.

Припишем теперь каждому сегменту столько разных падежных значений, во сколько однопадежных рядов он входит. Это значит, что каждый сегмент служит внешней стороной по крайней мере стольких словоформ, во сколько однопадежных рядов он входит (если обнаруживается, кроме того, омонимия лексем или омонимия разных чисел, таких словоформ оказывается больше).

Чтобы определить падежное значение, которое должно быть приписано некоторому сегменту *n* в конкретном контексте *A* (иначе говоря, чтобы узнать, какую словоформу выражает сегмент *n* в этом контексте), нужно: 1) найти строку таблицы, соответствующую контексту *A* и состоянию, которое может выражаться с помощью сегмента *n* в данном контексте; если таких состояний несколько, нужно найти все соответствующие строки; 2) установить для каждой найденной строки, с какими однопадежными рядами она совпадает

¹⁰ Разумеется, практически построить такую таблицу немыслимо, поскольку она слишком велика. Для нас существенно здесь лишь то, что эта задача в принципе осуществима и что конечные результаты обработки такой таблицы можно предсказать с большой вероятностью на основании мысленного эксперимента.

Общий вид таблицы, используемой для установления однопадежных рядов

Контекст	Состояние	Предмет					
		«палка»	«палки»	«супруг»	«супруга»	«пенсне» (одно)	и т. д.
«я рисую . . .»	рисуемый предмет	пáлку	пáлки	супрúга	супрúгу	пенснé	. . .
	орудие рисования	пáлкой пáлкою	пáлками	супрúгом	супрúгой супрúгою	пенснé	. . .
	«адресат» рисования	пáлке	пáлкам	супрúгу	супрúге	пенснé	. . .
«я рисую свою . . .»	рисуемый предмет	пáлку	—	—	супрúгу	—	. . .
«у меня нет . . .»	отсутствующий предмет	пáлки	пáлок	супрúга	супрúги	пенснé	. . .
«я доволен . . .»	предмет, вызывающий удовольствие	пáлкой пáлкою	пáлками	супрúгом	супрúгой супрúгою	пенснé	. . .
«я не узнал . . .»	объект неузнавания	пáлку пáлки	пáлки пáлок	супрúга	супрúгу супрúги	пенснé	. . .
и т. д.	

в своей непустой части. Сегменту *n* в контексте *A* приписываются падежные значения, соответствующие каждому однопадежному ряду, в который «вкладывается» хотя бы одна из найденных строк¹¹.

Нетрудно обнаружить, что предложенная процедура опирается на следующее существенное свойство всех восьми признаваемых в русской грамматике падежей: для любого из них найдется контекст, который допускает (даже при «узком» взгляде на грамматическую правильность) все словоформы, содержащие граммему этого падежа. Например, для именительного падежа в качестве такого контекста может выступать контекст «*у меня есть . . .*», для винительного — «*я говорю про . . .*» и т. д. Действительно, если бы какой-нибудь традиционно выделяемый падеж не обладал этим свойством, в результате нашей процедуры он обязательно распался бы на два или несколько падежей. Из сказанного вытекает, в частности, то, что разница между «широким» и «узким» взглядами на грамматическую правильность (если она не выходит за пределы действительных разногласий между лингвистами) не повлияет на результат предложенной процедуры.

Колебания в оценке одинаковости или неодинаковости состояний, выражаемых разными словоформами в одном и том же контексте, сами по себе также не могут изменить конечного результата. Правда, теоретически мыслим случай, когда очень «широкое» понимание одинаковости состояний, выражаемых разными словоформами, в соединении с очень «узким» пониманием грамматической правильности может привести к выделению «паразитических» падежей; однако в пределах реально мыслимых разногласий по обоим этим вопросам такого примера построить не удается¹².

Шесть основных падежей

§ 2.5. В результате описанной процедуры выделяются прежде всего все шесть общепризнанных падежей. Им соответствуют следующие однопадежные ряды (для каждого ряда указан некоторый контекст, допускающий весь этот ряд; для удобства взяты контексты, могущие выражать только одно состояние, поэтому состояние не указывается):

Падеж	Контекст	Однопадежный ряд
I.	« <i>у меня есть . . .</i> »	<i>шкаф, чай, бык, женá, печь, ведро, пальто, быкý, еёдра и т. д.</i>
P.	« <i>у . . . есть недостаток</i> »	<i>шкáфа, чáя, быкá, женý, пéчи, ведrá, пальто, быкбóв, вёдер и т. д.</i>

¹¹ Таким образом, в принципе определение падежного значения сегмента в конкретном контексте может дать неоднозначный результат. Это произойдет в случае действительной двусмысленности, например: он *объявил это решение коллегии* (сегмент *коллégии* здесь двусмыслен).

¹² Отметим отличия предложенной процедуры выделения падежей от процедуры В. А. Успенского. Расхождение по существу состоит, по-видимому, только в том, что настоящая процедура не допускает однопадежных рядов, разложимых на теоретико-множественную сумму других однопадежных рядов. Благодаря этому не выделяется особого падежа после переходного глагола с отрицанием (*«не вижу. . .»*) и других подобных «составных» падежей, которые должны появиться в результате процедуры В. А. Успенского. Отличается также строение собственно формальной части процедуры; предлагаемая выше процедура не требует того, чтобы особым допущением устранились прилагательные и прочие слова-атрибуты; не используются также поятия непосредственной и абсолютной эквивалентности.

Падеж	Контекст	Однопадежный ряд
Д.	«обращаюсь к ...»	шкáфу, чáю, быкú, женé, пéчи, еед- рý, пальтó, быкáм, вёдрам и т. д.
В.	«говорю про ...»	шкáф, чай, быкá, женú, печь, еедрó, пальтó, быкóв, вёдра и т. д.
Т.	«я доволен ...»	шкáфс.м, чáем, быкóм, женóй и же- нóю, пéчью, ведрóм, пальтó, быкá- ми и т. д.
П.	«я говорю о ...»	шкáфе, чáе, быкé, женé, пéчи, ведré, пальтó, быкáх, вёдрах и т. д.

2-й предложный (местный) падеж

§ 2.6. Рассмотрим теперь оставшиеся падежи из 8-падежной схемы. В результате описанной процедуры наряду с другими однопадежными рядами выделяется также однопадежный ряд, соответствующий 2-му предложному (местному) падежу:

П ₂	«они находятся в ...»	шкафú, чаю и чáе, быкé, женé, печí, ведré, пальтó, быкáх, вёдрах и т. д.
----------------	-----------------------	--

В самом деле, эта строка не «вкладывается» ни в какую отличную от нее строку и не разлагается на сумму каких-либо других строк, не «вкладывающихся» в нее (хотя бы потому, что сегменты шкафú, чаю, печí и т. п. в других однопадежных рядах не встречаются).

2-й предложный падеж выступает только после предлогов *в* и *на*, в словосочетаниях, имеющих местное (локативное) значение.

З а м е ч а н и е. Для некоторых слов АО указывает разные сегменты в соединении с предлогами *в* и *на*, например: *в свéте*, но *на светú*; *в смóтрre*, но *на смотрú*; *в медú* и *в мёде*, но *на медú*; *в клéю* и *в клéе*, но *на клéю*; *в спиртú* и *в спíртре*, но *на спиртú*; *в дверí*, но *на дверí* и *на дvéри*. Если считать, что эти указания имеют грамматическую силу (т. е. что их нарушение ведет к потере фразой грамматической правильности), то необходимо признать на основании этих фактов существование не одного, а двух местных падежей: 1) инесессива — (*в*) столé, (*в*) бокú, (*в*) свéте; 2) суперессива — (*на*) столé, (*на*) бокú, (*на*) светú. В действительности, однако, эти указания АО явно не имеют требуемой грамматической силы. Более того, по крайней мере в части случаев они просто являются результатом смешения значений предложного и местного падежей. Дело в том, что сегменты на -e, приводимые наряду с сегментами на -u, в ряде случаев относятся не к местному падежу (контексты «нахожусь в ...», «сижу на ...» и т. п.), а к предложному, который тоже может сочетаться с предлогами *в* и *на* (ср. контексты «я заинтересован в ...», «я знаю толк в ...», «настаиваю на ...», «останавливаю свой выбор на ...» и т. п.¹³). Поскольку большинство слов приведенного выше списка обычно

¹³ См., в частности: Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм). «American contributions to the IV-th International congress of slavicists». 's-Gravenhage, 1958.

сочетается либо только с предлогом *с*, либо только с предлогом *на* (ср., например, *в а́ду, в бо́ю, в тиши и на берегу́, на смотру́, на мели́*), попытки соединить то же слово с другим предлогом из этой пары часто приводят к сегментам на *-е* (*в бе́реге, в смо́тре, на а́де*), которые в действительности могут встретиться только в контекстах предложного, а не местного падежа. Заметим, что специальный анализ отмечаемых в АО колебаний между сегментами на *-е* и сегментами на *-у*, вероятно, показал бы, что часть этих колебаний является мнимой (т. е. что в некоторых случаях эти сегменты относятся к разным падежам).

2-й родительный (количество-отделительный) падеж

§ 2.7. Сложнее положение со 2-м родительным (количество-отделительным) падежом¹⁴. Дело в том, что во фразах типа *дай мне чай и дай мне чаю*, быть может, речь идет о разных предметах¹⁵. Здесь возможны, таким образом, две точки зрения: 1) сегменты *чай* и *чая* обозначают в приведенных фразах один и тот же предмет, находящийся в разных отношениях к действию передачи: в первом случае это действие распространяется на весь предмет, а во втором только на его часть (иначе говоря, мы имеем здесь дело с разными состояниями одного и того же предмета); 2) сегменты *чай* и *чая* обозначают здесь разные предметы, находящиеся в одинаковом состоянии (сегмент *чай* обозначает чай вообще или определенную его порцию, например стакан или пачку, сегмент *чая* обозначает неопределенное количество чаю, некоторую часть имеющегося чая). В зависимости от выбора точки зрения конечный результат процедуры выделения падежей оказывается здесь различным.

Рассмотрим следствия из первой точки зрения (заметим, что именно эта точка зрения практически использовалась в предшествующем изложении). При этой точке зрения необходимо признать существование особого 2-го родительного падежа, которому соответствует следующий однопадежный ряд:

P₂ «у меня нет...» *шкáфа, чáю и чáя, сáхару и сáхара, быкá, женý, нéчи, вéдрá, пальтó, быкóв, вéдер и т. д.*

Нетрудно проверить, что эта строка действительно удовлетворяет требованиям, предъявляемым к однопадежному ряду. В самом деле, ее можно представить как сумму двух членов строки, соответствующей родительному падежу, и некоторого остатка, состоящего из сегментов типа *чая, сáхару, мéду, свéту, шýму* и т. д.; однако этот остаток не встречается в виде самостоятельной строки (кроме строк типа «у меня нет...» он встречается только в строках, соответствующих дательному падежу; но сумма строк дательного и родительного падежей больше, чем строка 2-го родительного).

Заметим, что 2-й родительный, в отличие от других падежей 1) не имеет сегментов, относящихся только к нему одному (всякая словоформа 2-го родительного омонимична либо словоформе родительского, либо словоформе да-

¹⁴ См. также: N. D u r g n o v o. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», 1924, v. IV; N. S. Т г у б е т з к о у. Das morphonologische System der russischen Sprache. — TCLP, 1934, v. 5, № 2; В. В. В и ногра д о в. Русский язык. М., 1947; Р. О. Я к о б с о н. Морфологические наблюдения над славянским склонением.

¹⁵ См.: В. А. У спен ский. Указ. соч., стр. 17.

тельного падежа); 2) 2-й родительный находится в таком отношении с родительным, что вместо любой словоформы P_2 , не омонимичной словоформе P_1 , всегда можно употребить, без изменения смысла, словоформу, омонимичную словоформе P_1 . (так, вместо *у меня нет чаю* всегда можно сказать *у меня нет чая*). Таким образом, с точки зрения внешнего выражения 2-й родительный менее самостоятелен, чем остальные падежи.

Рассмотрим следствия из второй точки зрения. Поскольку «чай вообще» и «некоторое количество чаю» и тому подобные пары рассматриваются как разные предметы, им должны соответствовать разные столбцы. Можно ожидать, что 2-й родительный в этом случае вообще исчезнет; в самом деле, например, во фразах *даю чай* и *даю чаю* мы имеем дело с названиями разных предметов, стоящими в одном и том же падеже (винительном); точно так же в словосочетаниях типа *недостаток чая* (качественный) и *недостаток чаю* (количественный)¹⁶ мы имеем дело с одним и тем же падежом (родительным) от названий разных предметов. Оказывается, однако, что в действительности число падежей в этом случае не уменьшится, а даже увеличится. Дело в том, что не всякий контекст, допускающий словоформы винительного падежа, и не всякий контекст, допускающий словоформы родительного падежа, допускает в то же время сегменты типа *чая*, *сахару*, *воды*, *молоки*, *пироги*. Примерами контекстов, не допускающих указанный ряд сегментов, могут служить: для винительного — «я говорю про . . .», для родительного — «у . . . есть недостаток». Из сказанного следует, что вторая точка зрения приводит к признанию не только 2-го родительного, но еще и 2-го винительного падежа. Это легко видеть из приводимой ниже таблицы (указанные в таблице контексты выражают только одно состояние предмета, поэтому названия состояний опущены):

Контекст	Предмет				
	«чай вообще»	«часть чаю»	«вода вообще»	«часть воды»	и т. д.
«у меня есть . . .»	чай	чай	вода	вода	. . .
«у меня нет . . .»	чая	чайю чая	воды	воды	. . .
«у . . . есть недостаток»	чая	чая	воды	воды	. . .
«дай мне . . .»	чай	чайю чая	воду	воды	. . .
«говорю про . . .»	чай	чай	воду	воду	. . .
«я доволен . . .»	чаем	чаем	водой водю	водой водю	. . .
и т. д.

¹⁶ Пример взят из работы: Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением, стр. 22.

Нетрудно убедиться, что предложенная выше процедура приведет здесь к признанию каждой из выписанных шести строк особым однопадежным рядом.

Какую из двух изложенных точек зрения следует предпочесть? Вторая точка зрения, по-видимому, точнее отражает рассматриваемые смысловые соотношения; в самом деле, различие между предметом вообще и некоторой его частью в принципе сходно с разницей чисел и потому могло бы трактоваться аналогично числу. Однако эта точка зрения приводит к весьма неэкономному строению парадигмы: приходится признать омонимию между обозначением всего предмета и его части во всех падежах, кроме 2-го родительного и 2-го винительного; в то же время общее число падежей от этого не уменьшается, а возрастает. Первая точка зрения, напротив, приводит к более простому строению парадигмы. Заметим, что в грамматиках языков с развитым партитивом (например, финского, эстонского) фактически применяется именно первая точка зрения. В настоящей работе также принимается первая точка зрения; соответственно выделяется один дополнительный падеж, связанный с выражением частичности, — 2-й родительный.

Счетная форма

§ 2.8. Проверка показывает, что список однопадежных рядов, получаемых описанной выше процедурой, не ограничивается указанными 8 рядами. Рассмотрим, например, контекст «*вот три . . .*». Он допускает следующий ряд сегментов *рядá, следá, часá, шагá, шарá, сáда, солдáта, женý, нóчи, окнá, пальтó, часо-вых, скáзумых, столбóвых и столбóвые, мастерскíх и мастерскíе* и т. д. При помещении этих сегментов в таблицу возникает некоторая трудность: неясно, какой предмет обозначают субстантивные сегменты в словосочетаниях типа *три солдата, три часовых, три ресторана, три столовых* — «солдат» или «солдаты», «часовой» или «часовые» и т. д. Решать этот вопрос можно по-разному¹⁷; по-видимому, однако, естественно требовать, чтобы во всех приведенных примерах он был решен в одном и том же смысле. В самом деле, трудно допустить, что, например, в словосочетаниях *три*

¹⁷ По-видимому, проще считать, что в каждом из этих случаев субстантивный сегмент обозначает совокупность нескольких соответствующих предметов, т. е. выражает словоформу с граммемой «множественное число». С типологической точки зрения такое решение поддерживается, в частности, фактами большого числа индоевропейских языков, где при сочетании с числительным существительное стоит во мн. числе (ср. лат. *tres milites*, англ. *three soldiers* и т. д.). Однако допустимо и иное истолкование, согласно которому значение множественности заключено в этих случаях только в числительном, а существительное лишь называет вид считаемых предметов. С типологической точки зрения такое решение находит поддержку в фактах, например, финно-угорских или тюркских языков: ср. венг. *három katona* 'три солдата' (*katona* — И. ед.), эст. *kõin soldatit* (*soldatit* — партитив ед. ч.).

ресторана и *три столовых* сегмент *ресторáна* обозначает один ресторан, а сегмент *столовых* — несколько столовых¹⁸. При любом однозначном решении данного вопроса строка, соответствующая контексту «*вот три . . .*», окажется неполной: в половине столбцов останутся пустые клетки. Несмотря на это, полученная строка не «вкладывается» ни в какую строку, отличную от нее (хотя бы потому, что она содержит сегменты *рядá*, *следá*, *часá*, *шагá*, *шарá*, не входящие в другие однопадежные ряды); она не разлагается также на сумму каких-либо других строк, не «вкладывающихся» в нее, и, следовательно, составляет особый однопадежный ряд.

Замечание. Представляет особый интерес вопрос о том, насколько изменилось бы положение, если бы вместо уникальных сегментов *рядá*, *следá*, *часá*, *шагá*, *шарá* в контексте «*вот три . . .*» выступали сегменты с ударением на основе. Оказывается, что особый однопадежный ряд выделяется даже и в этом случае. В самом деле, рассматриваемая строка содержит, помимо сегментов, входящих в однопадежный ряд родительного падежа (например, *солдáта*, *женý*, *часóвых*, *столовых*), также и некоторые другие (например, *столовые*, *мастерские*). Более того, даже если бы сегментов типа *столовые*, *мастерские* в этой строке не было, все равно она «вкладывалась» бы в строку родительного падежа только при соглашении (уже отвергнутом выше), что в подобных контекстах сегменты типа *солдáта*, *ресторáна* обозначают один предмет, а сегменты типа *часóвых*, *столовых* — несколько. Таким образом, выделение особого однопадежного ряда не зависит в данном случае от существования пяти перечисленных выше сегментов форм с особым ударением. Этот вывод важен потому, что в противном случае, возможно, оказалось бы целесообразнее отнести словосочетание *два (три, четыре) рядá* (*следá*, *часá*, *шагá*, *шарá*) к ограниченному списку словосочетаний, которые характеризуются аномалией (т. е. не представленным нигде более) ударением и потому не учитываются в грамматическом описании (см. § 4.2).

Принятая выше процедура выделения падежей обязывает нас признать, таким образом, существование 9-го падежа¹⁹. Этот падеж выступает в соединении с сегментами *два*, *две*, *оба*, *обе*, *полторá*, *полторы*, *три*, *четыре*.

Этот падеж отличается, однако, от остальных восьми той существенной особенностью, что он возможен лишь для половины названий предметов. Если рассматривать целые лексемы (включающие словоформы обоих чисел), то эта уникальная особенность 9-го падежа выглядит как отсутствие внутри него противопоставления по числу (тогда как в каждом из первых 8 падежей различаются словоформы разных чисел, ср. *солдáт* и *солдáты*, *солдáтом* и *солдáтами* и т. д.). Из-за этой особенности мы будем далее рассматривать 9-й падеж не совсем так, как остальные; в частности, связанное с ним словоупотребление будет отличаться от обычного.

¹⁸ Отметим, кстати, что определение стоит в подобных случаях в одной и той же форме: ср. *три больших ресторана* и *три больших столовых* (см. также: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 295).

¹⁹ Отметим, что В. В. Виноградов, который вообще называет рассматриваемую грамматическую форму счетной формой, в одном месте называет ее счетным падежком (указ. соч., стр. 304).

Граммему «9-й падеж» мы будем называть в дальнейшем счетной формой²⁰, а всякую словоформу с такой граммемой — счетной словоформой. Так, например, грамматическую форму «9-й падеж муж. рода» мы будем называть счетной формой муж. рода и т. д. Вопрос о том, следует ли отнести счетные словоформы к какому-либо грамматическому числу, и если да, то к какому именно, носит по существу лишь формальный характер. Условимся считать, что все счетные словоформы относятся к множественному числу. Для краткости, однако, мы не будем упоминать граммему числа в грамматическом значении счетных словоформ; например, словоформу *ряды* мы будем называть просто счетной словоформой (а не счетной словоформой множ. числа), а ее словоизменительное грамматическое значение — просто счетной формой.

З а м е ч а н и е. В принципе можно предложить и другую интерпретацию счетной формы, а именно: в И. мн. (а также в В. мн., если он совпадает с И. мн.) противопоставляются две формы: «свободная» и «связанная»; «связанная» форма употребляется с числительными *два, оба, три, четыре, полтора*, «свободная» — во всех остальных случаях. «Связанная» форма И. мн. — это и есть счетная форма. Такая трактовка позволит считать, что сочетания перечисленных числительных с существительным с синтаксической точки зрения устроены одинаково в именительном и в косвенных падежах, а именно, существительное всегда является подчиняющим членом словосочетания, а числительное согласуется с ним в падеже (*два стола* — И. падеж, *две столы* — Д. падеж), роде (ср. *два стола* и *две стены*) и одушевленности (ср. *вокруг двух столов* и *вокруг двух врачей*). С типологической точки зрения это положение сходно с противопоставлением так называемых состояний (или «статусов») имени в семитских языках: «свободную» форму И. мн. можно сопоставить с так называемым независимым состоянием, «связанную» — с сопряженным состоянием. Аналогия усиливается в данном случае наличием так называемого взаимного (или двойного) управления. Так, например, в арабском словосочетании *kitabî l-mudarrisî* 'книга учителя' родительный падеж второго слова определяется его связью с первым словом, а сопряженное состояние первого слова — его связью со вторым. Сходным образом, например, в сочетаниях *два стола, обе стены, полтора ведра* род числительного определяется родом существительного, а падеж существительного (или, в соответствии с предложенной здесь новой трактовкой, — выбор «связанной» формы И. мн. у существительного) определяется его связью с данным числительным.

Заметим, наконец, что мысленно и еще одно истолкование рассматриваемых фактов, а именно: помимо ед. и мн. чисел признается существование особого «ограниченного» числа, обозначающего ограниченную множественность (от полутора до четырех). Субстантивным сегментам в словосочетаниях типа *три ряда* (*солдата, стены, ведра, часовых, столбов*) приписывается грамматическое значение «И. падеж ограниченного числа». В косвенных падежах (кроме В. у неодушевленных) признается омонимия ограниченного и множественного чисел. При таком истолковании, как и при предыдущем, синтаксическая структура словосочетаний *два стола* и *две столы* оказывается одинаковой. В типологическом плане «ограниченное число» можно было бы сопоставить с такими явлениями, как так называемое множественное число малого количества (*plurale paucitatis*) в арабском языке, обозначающее от трех до десяти предметов (ср., например, '*ashurun* 'несколько месяцев' и '*shuhurun* много месяцев' от '*salirun* 'месяц').

²⁰ См.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 302.

Вопрос о существовании других падежей

§ 2.9. По-видимому, и некоторые другие строки нашей таблицы могут оказаться при определенных условиях однопадежными рядами. Рассмотрим контекст «я *жду* . . .». По данным существующих грамматик и словарей глагол *ждать* допускает дополнение как в винительном, так и в родительном падеже. Хронологически более ранняя ситуация состояла в том, что эти два падежа выражали здесь разные отношения между глаголом и существительным: В. падеж обозначал определенный предмет, а Р. падеж — неопределенный; ср. *я жду письмо* (определенное) и *я жду письма* (какого-нибудь). Однако в современном языке заметна эволюция в следующих двух направлениях: 1) смысловое различие между Р. и В. падежами при этом глаголе стирается, так, например, между *я жду самолёта* и *я жду самолёт*, по-видимому, уже не чувствуется различия по определенности — неопределенности; 2) из двух падежных форм, возможных при этом глаголе, предпочтается одна, но у разных групп существительных разная (у одушевленных обычно винительный, у неодушевленных обычно родительный; у некоторых неодушевленных употребляются оба). Так, обычно говорят: *ждут мать, сестру, девочку, старость; начала, конца, результата, ночи, следующего месяца, развязки, ответа; поезда и поезд, трамвай и трамвай, книгу и книги, письма и письмо* и т. д. Фразы типа *я жду результат*, *я жду конец* воспринимаются по меньшей мере как стилистически неряшливы, а такие фразы, как *я жду матери, я жду учительницы, находятся*, по-видимому, за гранью грамматической правильности. Такое же управление, как *ждать*, имеют производные глаголы *прождать, подождать, поджидать, ожидать*; в разговорной речи к этому типу управления тяготеют также глаголы *бояться, слышаться* (ср. разг. он боится свою мать²¹, слушайся учительницу), в меньшей степени — глаголы *остерегаться, опасаться*.

Если признать описанную эволюцию завершившейся, мы получим особый однопадежный ряд: *я жду мать, сестру, брата, поезд и поезда, конца, результата* и т. д. (ср. ряд для винительного падежа: *я говорю про мать, сестру, поезд, результат* и ряд для родительного падежа: *таково свойство матери, сестры, поезда, результата*). Соответствующий падеж можно было бы назвать «ждательным». Есть все основания полагать, что со временем «ждательный» падеж полностью оформится и укрепится в системе русских падежей (вероятно, к управлению «ждательным» падежком перейдут, помимо названных выше, также такие глаголы, как *избегать, чуждаться, ослушаться* и т. п.). Поскольку, однако,

²¹ Ср. также у М. Цветаевой: *Я . . . не люблю свинью. . . Я — боюсь свинью!* . . . (слова Андрея Белого детям).

в настоящее время его формирование еще не закончено (в частности, не полностью стерто смысловое различие между Р. и В. падежами при этих глаголах), мы не будем рассматривать его в последующем описании как самостоятельный падеж.

Другой не вполне ясный случай представляют собой словосочетания типа *выбрать в депутаты, принять в члены, пойти в лётчики* и т. д. Этот тип словосочетаний в современном языке никак нельзя отнести к фразеологизмам. В самом деле, в качестве второго члена такого словосочетания может выступать любое одушевленное существительное в форме множ. числа (чаще всего это название лица по профессии или социальному положению), а в качестве первого члена — любой глагол, обозначающий переход или перевод в новое качество (чаще всего — в новое социальное состояние). Перечислим основные из этих глаголов: 1) *пойти, пройти, перейти, выйти, пролезть, пробраться, проскочить, вылезть, выбраться, вскочить, выдвинуться, записаться, завербоваться, переквалифицироваться, проситься, мешать, готовиться; 2) взять, принять, забрать, выбрать, избрать, выдвинуть, привести, притащить, вывести, вытащить, перевести, произвести, записать, завербовать, заманить, разжаловать, пустить, отпустить, звать, готовить, прочитать; 3) идти, пойти, прийти, ходить (в гости); 4) играть (в солдаты, в казаки-разбойники и т. д.).*

Эти словосочетания можно трактовать одним из следующих четырех способов.

1. Субстантивная словоформа, выступающая в таких словосочетаниях, например словоформа *солдаты* в словосочетании *пошёл в солдаты*, признается обозначающей тот же предмет, что, например, в словосочетании *идут солдаты*; соответственно, эта словоформа признается принадлежащей лексеме «солдат».

Вариант 1а. Признаются тождественными смысловые отношения между глаголом и существительным в таких словосочетаниях, как *пошёл в солдаты* и *пошёл в армию*, *записался в казаки* и *записался в казачество*, *вышел в начальники* и *вышел в начальство* (иначе говоря, признается одинаковое состояние соответствующих предметов). Это отношение можно назвать отношением включения в некоторый коллектив. Из двух посылок, принимаемых в варианте 1а, с необходимостью вытекает признание особого падежа — «включительного», поскольку контексту «он пошёл в ...» соответствует в этом случае особый однопадежный ряд: *армию, казачество, начальство, солдаты, лётчики, инженеры* и т. д. (ср. ряд для винительного падежа: *я говорю про армию, казачество, солдат, лётчиков* и т. д.)²².

²² Фактически такова точка зрения В. А. Богородицкого (В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М., 1935, стр. 115).

Вариант 1б. Тождество смысловых отношений в словосочетаниях *пошёл в солдаты* и *пошёл в армию* отрицается. Отношение между глаголом и существительным в словосочетании *пошёл в солдаты* рассматривается как отношение превращения (=стал солдатом, превратился в солдата). Из таких посылок вытекает, что в словосочетаниях типа *пошёл в солдаты* существительное стоит в именительном падеже. В самом деле, строка, соответствующая в этом случае контексту «*пошёл в . . .*» (а именно: *солдаты, лётчики, инженеры* и т. д.), «вкладывается» только в однопадежный ряд именительного падежа. Мы приходим, таким образом, в этом случае к выводу о том, что именительный падеж может употребляться в русском языке и после предлога (а именно, после предлога *в*)²³.

2. Субстантивные словоформы в сочетаниях *пошёл в солдаты* и *идут солдаты* не признаются обозначающими один и тот же предмет; соответственно, признаются две разные лексемы: 1) «солдат» (множ. число *солдаты* — в значении расчлененной совокупности солдат); 2) «солдаты», т. е. нерасчлененная совокупность солдат (по своему морфологическому типу это слово группы *pluralia tantum*²⁴; как и прочие обозначения нерасчлененных коллектиvos, например *толпá, отряд, армия*, оно должно быть отнесено к числу неодушевленных)²⁵.

Вариант 2а. Признается «включительное» значение рассматриваемых словосочетаний (см. выше). В этом случае никаких новых падежей не выделится; будет признано, что существительное в этих словосочетаниях стоит просто в винительном падеже.

Вариант 2б. Признается «превратительное» значение рассматриваемых словосочетаний (см. выше). В этом случае новых падежей также не выделится, но падеж существительного в этих словосочетаниях останется неопределенным: винительный или именительный (ср. выше § 2.4).

Неудобство решений типа 2 состоит в том, что выделяемая при этом лексема «солдаты» имеет весьма ограниченную сочетаемость. Так, можно сказать, имея в виду указанное выше лексическое значение: *служит в солдатах, вернулся из солдат* и т. п., однако весьма сомнительны словосочетания вроде *говорю про сол-*

²³ Другой случай употребления И. падежа после предлога составляют, по-видимому, сочетания типа *по шесть рублей, по два человека, по шестеро человек*; ср. *вижу двух человек, шестерых человек* (см.: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 53).

²⁴ Ср.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 162 (где существительные в словосочетаниях *играть в кошки-мышки, в дурачки, в Акулины* и т. п. рассматриваются как *pluralia tantum*).

²⁵ Именно эту точку зрения фактически принимает В. Н. Сидоров (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945, стр. 121): «...в этих оборотах названия лиц употреблены в отвлеченному значении должности или звания, и потому они, как и другие отвлеченные существительные, образуют вин. пад. по образцу неодушевленных существительных».

даты. Не принимая окончательного решения по данному вопросу, мы не будем тем не менее рассматривать «включительный» падеж в последующем описании.

Вполне возможно, что внимательный анализ фактов позволит обнаружить и другие подобные явления в системе русского склонения, могущие привести к формированию новых падежей²⁶.

Падежи у местоимений-существительных. Увеличение числа падежей

§ 2.10. Включим теперь в рассмотрение также так называемые местоимения-существительные (см. § 2.1). В принципе с ними можно поступать так же, как с обычными существительными; так, соответствующие сегменты можно просто включить в однопадежные ряды, уже выделенные для обычных существительных, и соответственным образом приписать им падежные значения. С большей частью местоименных существительных эту операцию удается провести без затруднений, например: *я* — И. падеж, *кем* — Т. падеж, *нас* — Р., Р₂, П. и П₂ падежи. Отличие от существительных состоит здесь только в отсутствии счетной формы: в литературном языке ни одна из словоформ этих слов не сочетается с словоформами слов *два*, *бба*, *три*, *четыре*²⁷.

Лишь для одной группы таких слов результат оказывается неожиданным. Речь идет прежде всего о местоимениях *он*, *она*, *онб*, *онй*. В отличие от других склоняемых слов, они обнаруживаются во всех падежах, кроме именительного и обоих предложных, по два сегмента, которые нельзя заменить друг на друга без утраты грамматической правильности. Так, например, родительному падежу существительных соответствуют здесь сегменты *егб* и *негб*, *её* и *нёё*, *их* и *них*. Как известно, сегменты с начальным *н* употребляются в словосочетаниях с предлогом, сегменты без *н* — в прочих случаях²⁸. Назовем сегменты первой группы *при предложными*, сегменты второй группы — *самостоятельными*. Противопоставление этих двух сегментов представлено также (правда, с более своеобразным внешним выражением) у местоимений-существительных *нёкого*, *нёчего*, *никтб*, *ничтб*²⁹. Припредложные сегменты в отличие от самостоятельных

²⁶ См., в частности, § 4.2, вопрос о словосочетаниях типа *по пятисбт*.

²⁷ Сочетания типа *два меня*, *три себя*, допустимые в разговорной речи, по-видимому, следует считать нелитературными (см.: В. В. В и ноградов. Указ. соч., стр. 303). Сочетания типа *двое нас* не означают удвоенного содержания понятия «мы».

²⁸ Правило распределения сформулировано несколько упрощенно; подробнее см.: Б. И. Б л а ж е в. К вопросу об употреблении личного местоимения 3-го лица с начальным *н*. «Русский язык в школе», 1962, № 2.

²⁹ Заметим, что, кроме того, оно представлено также у трех прилагательных аналогичного строения, а именно, *никакбый*, *никотбрый*, *ничёй*.

являются здесь «разорванными»: ср., например, *не завидую никому* и *не обращаюсь ни к кому*³⁰.

Из сказанного следует, что если рассматривать всю совокупность существительных и местоимений-существительных, то в результате описанной выше процедуры выделяется не девять, а значительно большее число однопадежных рядов. Так, например, с одной стороны, выделяется однопадежный ряд, соответствующий контексту «он завидует . . .», а именно: *врачу, жене, шкафам, . . ., мне, вам, ему, ей, им*; с другой стороны — однопадежный ряд, соответствующий контексту «он обращается к . . .», а именно: *врачу, жене, шкафам, . . ., мне, вам, нему,ней, ним*. Первый из них можно назвать однопадежным рядом дательного самостоятельного, а второй — однопадежным рядом дательного припредложного.

Перечислим выделенные таким образом падежи:

1) И. (самостоятельный),	8) В. самостоятельный,
2) Р. самостоятельный,	9) В. припредложный,
3) Р. припредложный,	10) Т. самостоятельный,
4) Р ₂ самостоятельный,	11) Т. припредложный,
5) Р ₂ припредложный,	12) П. (припредложный),
6) Д. самостоятельный,	13) П ₂ (припредложный),
7) Д. припредложный,	14) счетная форма (самостоятельная).

Как можно видеть из этого списка, нерасщепленными остались только И., П. и П₂ падежи и счетная форма. Причины этого вполне понятны: И. падеж и счетная форма не употребляются с предлогами³¹, а предложные падежи не употребляются без предлогов.

Вообще говоря, этот список из 14 падежей можно было бы представить как результат взаимного наложения двух отдельных категорий: категории падежа и категории самостоятельности — припредложности. В этом случае запись типа «Р. припредложный» нужно было бы рассматривать как совокупность двух разных граммем. Такой подход в принципе правомерен; однако по формальным соображениям (а именно потому, что это привело бы к признанию ряда пустых клеток, например для именительного

³⁰ Признавая в качестве особых словоформ «разорванные» единицы типа *ни . . . кому*, мы следуем русской грамматической традиции (ср. АГ, § 659). Мы будем записывать такие единицы, вставляя в место разрыва двойной знак пробела, например: *ни # # кому, не # # чём*. Здесь же отметим, что по аналогии со словами *никто, ничто* и т. п. в настоящей книге в качестве особого слова рассматривается также *друг друга*. В самом деле, первая морфема ведет себя здесь точно так же, как, например, *ни* в *никто*, ср. *не видят никого и видят друг друга*, *ни у кого и друг у друга*, *ни с кем и друг с другом* и т. д. Разница здесь лишь в том, что для *друг друга* орфография требует разделенного написания даже при отсутствии предлога. Учитывая это различие, мы будем считать, что все словоформы данного слова имеют основу *друг # # друг*.

³¹ Мы отвлекаемся здесь от возможности отнести к И. падежу субстантивные сегменты в сочетаниях типа *пошёл в солдаты* (см. § 2.9, вопрос об этих сочетаниях, вариант 16).

припредложного) все же предпочтительно считать, что мы имеем здесь дело с единой категорией падежа. Тем не менее, для практических целей удобно такое словоупотребление, при котором падежи имеют двучленное обозначение и все припредложные падежи объединяются под названием припредложных форм. Таким образом, например, вместо выражения «Д. припредложный ед. числа» в дальнейшем может употребляться также выражение «припредложная форма Д. ед.», а словоформа с таким грамматическим значением может быть названа припредложной словоформой Д. ед.

Условимся, кроме того, в последующем изложении опускать в названии любого падежа уточнение «самостоятельный», а в названии предложных падежей — уточнение «припредложный». Таким образом, обозначения И., Р., Р₂, Д., В., Т., П., П₂ понимаются соответственно, как И. самостоятельный, Р. самостоятельный, Р₂ самостоятельный, Д. самостоятельный, В. самостоятельный, Т. самостоятельный, П. припредложный, П₂ припредложный.

В связи с выделением перечисленных 14 однопадежных рядов возникает вопрос о том, следует ли приписывать 14 падежей всем именам или только именам, имеющим противопоставление самостоятельных и припредложных словоформ. В принципе следует считать желательным установление единой системы падежей для всех склоняемых частей речи. Тем не менее, практика лингвистического описания знает немало случаев, когда во избежание неоправданно громоздких конструкций местоимениям приписывается иная падежная система, нежели существительным; так делается обычно, например, в английской, французской, испанской, итальянской грамматиках. Однако в русском языке положение несколько сложнее, чем, например, в английском языке, где противопоставлена, с одной стороны, падежная система всех существительных, с другой — падежная система местоимений. В рассматриваемом случае линия раздела проходит более своеобразно: особые припредложные словоформы имеются лишь у части местоимений-существительных и, кроме того, у трех прилагательных (*никакий*, *никоторый*, *ничей*); поэтому здесь признание особой падежной системы у слов с противопоставлением самостоятельных и припредложных словоформ привело бы к весьма неестественному разделению имен на грамматические разряды; например, перечисленные три прилагательных образовали бы самостоятельный разряд. В разные грамматические разряды попали бы также местоимения *я* и *он*.

Ввиду указанных формальных трудностей мы принимаем следующее практическое решение. Формально все имена признаются имеющими единую 14-падежную систему. Однако при последующем описании внешнего строения словоформ (во второй части книги) используется следующий прием. В основном разделе описания от каждой парадигмы рассматривается лишь часть падежей (а именно, И., Р., Д., В., Т., П.); все прочие падежи рассматри-

ваются в небольшом дополнительном разделе. Для подавляющего большинства имен описание словоформ оставшихся падежей сводится к указаниям о том, что словоформам каких основных падежей они омонимичны. Лишь для небольшого числа имен (например, *он*, *никтб*, *никакб*) эти указания носят более сложный характер. Таким образом, принятное здесь формальное решение не ведет к появлению громоздких парадигм в практической части описания.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Число у существительных (кроме singularia и pluralia tantum)

§ 2.11. Рассмотрим вначале вопрос о числе у существительных. При этом временно исключим из рассмотрения так называемые существительные без мн. числа (*singularia tantum*) и существительные без ед. числа (*pluralia tantum*). Для словоформ остающейся после этого совокупности существительных номинативные элементы «единичность» и «множественность» очевидным образом являются обязательными и регулярными³² (ср. § 1.5) и, следовательно, должны быть признаны грамматическими. Таким образом, для данного класса слов признается существование грамматической категории числа, граммемами которой являются ед. число и мн. число. В принципе каждая из этих граммем может состоять либо только из номинативного элемента, либо включать в себя также и другой грамматический элемент. Как мы увидим ниже (§ 2.14), имеет место именно последний случай, поскольку у грамматической категории числа есть и синтаксическая сторона. Здесь, однако, мы будем рассматривать только номинативную ее сторону.

Из признания числа грамматической категорией (для рассматриваемого класса словоформ) вытекает, что словоформы, различающиеся только граммемами числа (например, *волк* и *волки*, *стенá* и *стéны*, *окнó* и *окна*, *столбáя* и *столбвые*), имеют одинаковое собственно номинативное значение, т. е. входят в одну лексему. Иначе говоря, грамматическая категория числа является для соответствующих лексем (*волк*, *стенá*, *окнó*, *столбáя*) словоизменительной. Поскольку *singularia* и *pluralia tantum* (т. е. существительные, представленные, с традиционной точки зрения, словоформами только одного числа) из рассмотрения исключены, очевидно, что грамматическая категория числа является словоизменительной не только для лексем, приведенных выше в ка-

³² Не соответствуют требованию регулярности только счетные словоформы: они не входят в противопоставление по числу (см. § 2.8). Это не меняет, однако, сделанного вывода, поскольку в соответствии с § 1.5 критерий регулярности в принципе допускает наличие некоторого числа отклонений

честве примеров, но для всех лексем рассматриваемой здесь совокупности.

Принимаемый здесь взгляд, согласно которому у существительных словоформ разных чисел входят в одну лексему, является наиболее распространенным. Существует, однако, и другая точка зрения на число существительных, при которой оно рассматривается как классифицирующая грамматическая категория (или, в иных терминах — как категория словообразования)³³. В основе такой точки зрения лежит другой взгляд на границу словоизменения и словообразования: словоизменительными признаются только синтаксические грамматические категории³⁴ (т. е. такие, у которых граммы состоят исключительно из синтаксических элементов); к словоформам одной лексемы предъявляется требование полного тождества номинативных значений. (Заметим, кстати, что именно такое тождество играло существенную роль выше в процедуре выделения падежей.) Эта точка зрения привлекательна своей простотой. Однако при последовательном осуществлении она приводит к такому выделению лексем, которое существенно расходится с практикой лингвистического описания и с языковой интуицией. При таком взгляде необходимо, по-видимому, признать разными лексемами не только разные числа существительных, но и разные времена глаголов³⁵.

Этот вопрос сведен с вопросом об определении многих других лингвистических понятий, например (синтагматического) слова или предложения. Так, ценность того или иного определения слова зависит от того, насколько оно соответствует существующей практике словоделения (например, при письме), основанной на каких-то неформальных, интуитивных представлениях. Если это соответствие оказывается слишком приблизительным, определение отвергается как практически бесполезное (в лучшем случае оно может сохраниться в качестве определения объекта, отличного от слова, но тоже полезного для практики), а конкретные описания языка опираются, как и раньше, на неформальное представление о слове. Существует также некоторое неформальное представление о том, что такое отдельное парадигматическое слово (хотя оно и менее интуитивно очевидно, чем представление о синтагматическом слове). Попытки лингвистов дать определение лексемы следуют рассматривать именно как стремление раскрыть сущность этого неформального представления. Гипотеза о том, что граница парадигматического слова (лексемы) совпадает с границей между синтаксическими и несингексическими (номинативными) значениями, является своего рода первым приближением к решению этого вопроса. Это приближение обладает значительными достоинствами, однако в части случаев (время глагола, число существительных) оно явно расходится с нашими интуитивными представлениями о границах лексемы, отраженными в многочисленных конкретных описаниях³⁶. В этих условиях за данной гипотезой можно признать самостоятель-

³³ Это взгляд восходит к Ф. Ф. Фортунатову; он проводится также его последователями Д. Н. Ушаковым, Н. Н. Дурново, М. Н. Петерсоном; из более поздних работ см., в частности: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 70; П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. М., 1961, стр. 45.

³⁴ См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 31.

³⁵ Ср. классификации Д. Н. Ушакова (Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. М., 1929) и М. Н. Петерсона (М. Н. Петерсон. Русский язык. М.—Л., 1925).

³⁶ По существу как констатацию такого расхождения можно рассматривать следующие слова В. Н. Сидорова (Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 70): «Также в качестве форм словообразования и, сле-

ную ценность, однако, как и в прочих подобных случаях, нельзя требовать, чтобы наше интуитивное представление о границах лексемы изменилось в соответствии с нею. Иначе говоря, естественно продолжать поиски лучшего приближения к такому определению; в качестве попытки такого рода и следует рассматривать примененную выше логическую схему, использующую критерии обязательности и регулярности³⁷.

Число у singularia и pluralia tantum

§ 2.12. Обратимся теперь к тем существительным, которые были временно исключены из рассмотрения, — к так называемым *singularia tantum* и *pluralia tantum*. В большинстве существующих описаний эти две группы слов трактуются как вполне аналогичные друг другу, а именно, как группы существительных, «употребляющихся только в одном числе». Однако несложный анализ показывает, что между этими двумя группами слов в действительности нет параллелизма. В этом вопросе необходимо лишь четко различать внутреннюю (смысловую) и внешнюю стороны словоформ; прежде всего следует различать: а) значение единичности (соответственно множественности) или, как мы будем ниже говорить, единственного (множественного) числа; б) внешние признаки единственного (множественного) числа, т. е. такие же окончания, такая же акцентуация и т. д., что у единственного (множественного) числа существительных, имеющих оба числа.

У *singularia tantum* обычно употребляются только словоформы со значением и внешними признаками ед. числа. Эта особенность непосредственно связана с основным значением этих слов: в человеческой практике обычно не возникает потребности в обозначении нескольких объектов, называемых по отдельности «лай», или «гордость», или «медь» и т. п. Однако, если такая потребность все же возникнет (а это в принципе всегда возможно), то недостающие словоформы со значением и внешними признаками мн. числа без труда³⁸ будут построены: *лай, гбродости, мёди*

довательно, особых слов следует рассматривать и формы числа существительных (*стол—столы*), поскольку различия между ними заключаются в реальных значениях, а не в выражаемых ими отношениях. Однако, благодаря смысловой близости этих слов, их обычно помещают среди форм словоизменения».

³⁷ Некоторые дополнительные аргументы в пользу объединения словоформ разных чисел в одну лексему см. в § 2.16.

³⁸ Затруднения возникают лишь в тех немногих случаях, когда в языке оказывается слишком мало слов, которые могли бы послужить образцами для образования мн. числа по аналогии, или когда наиболее естественная словоформа мн. числа уже «занята» другим значением. Так, например, неясно, как образовать мн. число от слова *молокъ* (*молокá?*, *молокí?*, *молокá?*, *молоки?*), поскольку трудно найти подходящий готовый образец. Использованию словоформы *молоки* (которая по своему строению, по-видимому, может считаться предпочтительной) отчасти препятствует, кроме того, существование особой лексемы «молоки». Отметим, что в картотеке словарного сектора Ленинградского отделения Ин-та языкоизучания зафиксированы словоформы *молоки*, *молокá* и *молокí*; в работе А. И. Сумкиной «Деривационная корреляция существительных в формах множественного числа» («Развитие грам-

и т. д.³⁹ Таким образом, отсутствие у *singularia tantum* словоформ со значением и внешними признаками мн. числа не абсолютно: его следует понимать лишь в том смысле, что в общей совокупности русских текстов такие словоформы встречаются очень редко или вообще не встречаются. Иначе говоря, *singularia tantum* — это слова с потенциально полной парадигмой, из которой нормально употребляется только половина словоформ⁴⁰.

Совсем иначе обстоит дело с *pluralia tantum*. Рассмотрим вначале наиболее важную группу *pluralia tantum* — слова, которые обозначают неодушевленные предметы, поддающиеся счету, например: *сáни, нбжницы, ворбта, сúтки* (далее сокращенно: «слова типа *сáни*»). Как известно, эти слова могут обозначать и один, и несколько соответствующих предметов: ср. *одни сани и многие сани, ворота нашего дома и ворота всех домов* и т. д. Таким образом, слова типа *сани* имеют только словоформы с внешними признаками мн. числа, но каждая из этих словоформ имеет не только значение мн. числа, но также и значение ед. числа. Именно поэтому словоформы типа **нбжница, *ворбто* не встречаются никогда (в отличие от словоформ типа *лái, мéди*); в самом деле, значения, для передачи которых эти словоформы могли бы быть построены, уже передаются в языке словоформами типа *нбжницы, ворбта*. Различие между двумя возможными значениями словоформ с внешней стороной *сáни, нбжницы, ворбта* и т. д. точно такое же, как между значениями словоформ *стол* и *столы, окнó* и *бкна* и т. д. На фоне подавляющего большинства русских существительных, у которых это различие значений выражается внешне, отсутствие такого выражения у словоформ

матики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 231) приведен также пример из М. А. Шлохова: *Нету времени молоки распивать.*

³⁹ Обычно мн. число таких существительных обозначает разные виды (сорта, варианты) соответствующего объекта. Это связано с особенностями основного значения таких слов. Значение слов типа *дом, стол, болк* и т. п. включает не только качественную, но и количественную характеристику объекта; напротив, для слов, обозначающих вещество, качество, деятельность, состояние и т. д., существенна только качественная определенность, а количественная мера безразлична. Так, *стол* в одной комнате и *стол* в другой комнате — это уже «столы», а не «стол», а *чай* в одном стакане и *чай* в другом стакане — это все равно «чай», ср. также: *лай многих собак, храбрость этих людей* и т. д. Множественное число в русском языке может обозначать совокупность как одинаковых, так и различных объектов; например, словоформа *домá* может обозначать как несколько одинаковых, так и несколько различных домов. Для слов же типа *чай, храбрость, лай* и т. п. первая возможность отпадает и остается только вторая: обозначение нескольких разных объектов, каждый из которых в отдельности называется «чай», «храбрость», «лай» и т. п. Таким образом, значение, которое имеет мн. число в словоформах *чай, мéди* и т. п., есть лишь обусловленный вариант его «обычного» значения (выступающего в словоформах *столы, вб.ни* и т. д.). См. также: А. П. Сумкина. Указ. соч., стр. 231.

⁴⁰ Этот взгляд последовательно проведен, в частности, в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики современного русского языка» (см. стр. 90—91).

типа *сáни*, в соответствии с обычной лингвистической практикой, должно быть признано омонимией чисел⁴¹. Иначе говоря, например, сегмент *сáни* является внешней стороной двух словоформ: *сáни* (ед. число) и *сáни* (мн. число)⁴².

Итак, и *singularia tantum*, и *pluralia tantum* типа *сáни* представляют собой существительные с парадигмой, включающей оба числа. При этом, однако, они отличаются от «обычных» существительных (типа *стол*) по совершенно разным признакам. Слово типа *лай* отличается от слова *стол* только тем, что у него крайне редко употребляются словоформы мн. числа. Напротив, у слова *сáни* достаточно часто употребляются как словоформы ед. числа, так и словоформы мн. числа; отличие от слова *стол* здесь только в том, что в каждом падеже эти две словоформы омонимичны.

Из сказанного следует, в частности, что оба использованных выше традиционных термина (*singulare tantum*, буквально «только единственное», и *plurale tantum*, буквально «только множественное») по меньшей мере неточны; они нехороши также тем, что создают иллюзию параллелизма там, где его в действительности нет. Тем не менее, они, как и многие другие традиционные термины, обладают тем достоинством, что сразу ассоциируются с вполне определенными группами слов (для которых нелегко найти новые названия, одновременно краткие и точные). Поэтому условимся «забыть» о буквальном смысле этих латинских терминов и будем употреблять их далее, приспав им следующий смысл: *singularia tantum* — существительные, у которых словоформы мн. числа обычно не употребляются; *pluralia tantum* — существительные, у которых в каждом падеже словоформы разных чисел омонимичны.

Нам осталось теперь рассмотреть слова, традиционно называемые *pluralia tantum*, но не входящие в число слов типа *сáни*.

У небольшой группы слов, обозначающих лиц, например *девчáта*, *ребéта*, *дéтки*, *детíшки*, действительно отсутствуют словоформы ед. числа (т. е. все наличные словоформы всегда имеют значение мн. числа)⁴³. Эти слова признаются словами с дефектной парадигмой⁴⁴. Несколько обособленно стоят слова

⁴¹ Косвенным доводом в пользу такой трактовки являются также факты других языков. Как известно, *pluralia tantum* есть во многих языках, однако по своему составу *pluralia tantum* разных языков не соответствуют друг другу:ср. *сáни* п англ. *sledge*, франц. *traîneau*; часы п англ. *watch*, франц. *montre*, *horloge* и т. д. При установлении межязыковых соответствий мы получим, таким образом, типичную картину омонимии: *table* — *стол*, *tables* — *столы*; *sledge* — *сáни*, *sledges* — *сáни*.

⁴² От омонимии падежей мы здесь для упрощения отвлекаемся.

⁴³ Список таких слов см. в § 3.4, пункт 6. К этой группе примыкает также существительное со словоформами *сот*, *стам*, *стáми*, *стах*, выступающее, например, в сочетаниях *несколько сот* человек, *с несколькими стами рублей* и т. п.

⁴⁴ Заметим, что в соответствии со сказанным выше, термины *pluralia tantum* не будет в дальнейшем применяться к этим словам (хотя парадоксальным образом только они и соответствуют буквальному смыслу этого термина).

бёлые и чёрные (как названия сторон, например, в шахматах); см. о них в § 2.18.

Остальные слова рассматриваемой группы (назовем их условно «слова типа *чернила*») представляют собой обозначения веществ (например, *чернила*, *сливки*, *щи*, *помби*), действий или состояний (например, *сబры*, *хлботы*, *нелады*, *побби*) или собирательные обозначения (например, *всхбды*, *финансы*, *джунгли*). Легко заметить, что это как раз те семантические группы, к которым относятся *singularia tantum* (ср. например: *хвборст*, *сено*, *мыло*, *меди*, *баранина*; *лай*, *смех*, *беготня*, *тоска*, *мытьё*, *хвастовство*; *листва*, *мошкара*, *тряпье*, *зверьё*). Иначе говоря, по своему значению слова типа *чернила* так же отличаются от слов типа *сáни*, как *singularia tantum* (например, *лай*, *меди*) от «обычных» существительных (например, *стол*). Аналогичны также различия в сочетаемости с другими словами; так, например, и «обычные» существительные, и слова типа *сáни* легко сочетаются с числительными (например, *два стола*, *десять столов*, *две саней*, *десять саней*); напротив, слова типа *чернила*, как и *singularia tantum* типа *лай*, *меди*, обычно не сочетаются с числительными. Все сказанное приводит к следующему естественному выводу: слова типа *чернила* обладают одновременно свойствами *pluralia tantum* и *singularia tantum* (в указанном выше новом смысле этих терминов)⁴⁶; иначе говоря, это существительные с двучисловой парадигмой, у которых: 1) в каждом падеже словоформы разных чисел омонимичны; 2) обычно употребляются только словоформы ед. числа. Заметим, что, как и прочие *singularia tantum*, слова типа *чернила* могут при особой необходимости выступать во мн. числе (по смыслу); например, словоформа *чернила* может обозначать и несколько сортов чернил (ср. *мыла*, *масла*, *нёфти* и т. п.).

З а м е ч а н и я

Существует также довольно большая группа слов, не относящихся к числу *pluralia tantum*, но внешне сходных с ними, в частности, в том, что они представлены в словарях словоформами с внешними признаками мн. числа (некоторые из таких слов одними словарями трактуются как обычные существительные, другими — как *pluralia tantum*). Это слова, употребляющиеся преимущественно во мн. числе, например: *гренки*, *инциáлы*, *меди*, *мáйты*, *эквibки*; *бúкли*, *катакомбы*, *мириáды*, *шпáлы*; *стропила*, *жвáла*; сюда относятся также некоторые названия лиц, например: *близнецы*, *хамиты*, *хобáры*. Заметим, что именно эти слова (а не слова типа *сáни*) являются истинными аналогами *singularia tantum*.

Во многих случаях словоформы *pluralia tantum* оказываются омонимичными словоформам мн. числа других существительных; ср., например, *часы* (*plurale tantum*) и *часы* (мн. число слова *час*). Эту омонимию удобно показать, например, с помощью английских переводов:

ед. число	<i>час «hour»</i>	<i>часы₂ «watch»</i>
мн. число	<i>часы₁ «hours»</i>	<i>часы₃ «watches»</i>

⁴⁶ Таким образом, можно сказать, что слова типа *чернила* — это *singularia tantum* среди *pluralia tantum* (или наоборот).

Ср. также очки—очки, счёты—счет, сбры—сбор, чёреи—черье, грязи—грязь и мн. др. Такие слова обычно составляют в словарях разные статьи. Однако случаев подобной омонимии на самом деле много больше, чем отмечено в словарях. Совершенно такое же соотношение следует признать, например, между словами сапог и сапоги, чулок и чулки, рукá и руки и во многих других случаях, когда два предмета (реже несколько предметов) образуют единство, отличающееся от своих компонентов не только количественно, но и качественно. В самом деле, например, «сапоги» (в значении «пара сапог») — это уже особый предмет, а не просто два сапога (два наугад взятых сапога могут оказаться, например, разного размера или на одну ногу, и тогда они уже не образуют пары сапог, т. е. одного экземпляра определенного вида обуви). Таким образом, имеются:

	лексема «сапог»	лексема «сапоги»
ед. число	сапог	сапоги ₂ (пара сапог)
мн. число	сапоги ₁ (разрозненные, например, одни левые)	сапоги ₃ (несколько пар сапог) ⁴⁶

В некоторых случаях из тройки омонимичных словоформ типа *сапоги* реально почти всегда встречается только одна — ед. число слова группы *pluralia tantum*, таковы, например, словоформы *небеса*, *кружева*.

В последующем морфологическом описании, однако, во избежание неопределенностей в числе и составе рассматриваемых лексем, мы вводим в рассмотрение лишь минимальное число таких «дополнительных» *pluralia tantum*, а именно: *брёвна*, *войска*, *волосы*, *кружева*, *небеса*, *потроха*. В прочих случаях в качестве *pluralia tantum* рассматриваются только слова, которые признаются таковыми в словарях.

Вопрос о числе у местоимений-существительных

§ 2.13. Часть словоформ, принадлежащих местоимениям-существительным, образуют подобно субстантивным словоформам смысловые пары, противопоставленные по признаку единичности—множественности; ср. он—они, она—они, онб—они. Сходное (хотя далеко не тождественное) отношение выступает в парах я—мы, ты—вы. Другая часть словоформ не образует таких пар; таковы, в частности, что, кто (и производные от них), себя. В смысловом отношении словоформы последней группы неоднородны. Так, например, словоформа *некто* определенно имеет значение единичности; ряд других имеет не вполне определенное числовое значение, хотя тяготеет к значению единичности (что, всё, ничтб, нечто); наконец, словоформа *себя* явно может иметь как значение единичности (ср. *самого себя*), так и значение множественности (ср. *самых себя*); в несколько меньшей степени такая двойственность свойственна также слову *кто*⁴⁷.

⁴⁶ Обычным средством избежать подобной омонимии, когда она становится нежелательной, является использование слова *пара*: *две пары туфель*, *сапог*, *рук*. При этом слово *пара* утрачивает свое основное значение и выступает в качестве полувспомогательного счетного слова с обобщенным значением «единица счета» (подобно словам *штук*, *человек* и т. п.); это видно из сочетаний типа *пять пар часов*, значащих то же самое, что, например, *пять штук часов*.

⁴⁷ На эту двойственность значения слов *себя* и *кто* автору указал В. В. Виноградов.

Рассмотрим свойства номинативных элементов «единичность» и «множественность» у словоформ рассматриваемого класса (т. е. класса, состоящего из всех словоформ местоимений-существительных). Эти элементы очевидным образом не регулярны и, возможно, даже не обязательны (если считать, что у словоформ типа *что*, *всё*, *ничто*, *нечто* не представлен ни один из них); следовательно, они не являются грамматическими. Отсюда ясно, что либо у местоимений-существительных вообще нет грамматической категории числа, либо, если она есть, ее граммы имеют иную природу, чем граммы числа у существительных, а именно, они не содержат номинативных элементов. (О том, как решается этот вопрос, см. § 2.20.)

Из вывода о неграмматическом характере номинативных элементов «единичность» и «множественность» у местоимений-существительных следует, что, например, словоформы *я* и *мы*, *ты* и *вы*, *он* и *они* имеют разные собственно номинативные значения, т. е. относятся к разным лексемам. Таким образом, лексемы местоимений-существительных не имеют противопоставления по числу внутри парадигмы⁴⁸.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ СОГЛАСОВАТЕЛЬНОГО КЛАССА (=КАТЕГОРИЯ РОДА+КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ— НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ)

Понятие согласования

§ 2.14. Для дальнейшего изложения необходимо принять одно дополнительное допущение. Как известно, один из общепринятых способов отображения внутренней структуры грамматически правильной фразы состоит в том, что входящие в эту фразу синтагматические слова (= словоформы, см. § 1.2) признаются связанными между собой так называемыми синтаксическими связями. Синтаксическая связь между двумя синтагматическими словами может быть непосредственной, т. е. связывать эти два слова без участия какого-либо третьего слова, или опосредованной, т. е. такой, которая проходит через одно или более слово-посредник (причем любые два соседних члена образовавшейся цепочки синтагматических слов связаны непосредственной синтаксической связью). На изображение структуры грамматически правильной фразы накладывается ряд обязательных требований. То из них, которое существенно для последующего изложения, можно сформулировать так: во всякой грамматически правильной фразе любые два синтагмати-

⁴⁸ Относительно числа у слов *себя* и *кто* см. § 2.20.

ческих слова могут быть связаны только одной синтаксической связью (непосредственной или опосредствованной) ⁴⁹.

П р и м е ч а н и е. Вообще говоря, одна и та же грамматически правильная фраза может допускать несколько разных способов расстановки синтаксических связей, удовлетворяющих налагаемым требованиям. (Это бывает в случае реальной двусмыслиности фразы.) Поэтому практически необходимо иметь дело не с фразой как таковой, а с парой «фраза + определенная расстановка в ней синтаксических связей». Так, сформулированное выше требование относится именно к такой паре (в применении к фразе как таковой оно может и не соблюдаться). В дальнейшем, если не оговорено обратное, мы будем, говоря о синтаксических связях в грамматически правильной фразе, подразумевать под грамматически правильной фразой именно такую пару («сама фраза + определенная расстановка синтаксических связей»).

Другая существенная особенность отображения структуры фразы с помощью синтаксических связей состоит в следующем: считается, что непосредственные синтаксические связи могут быть качественно различными. Иначе говоря, про два синтагматических слова можно сказать не только то, что они связаны непосредственной синтаксической связью, но и то, что это связь определенного типа.

Теперь мы можем сформулировать требуемое допущение: предполагается, что про любые две пары синтагматических слов некоторых грамматически правильных фраз (в частности, одной и той же фразы) можно сказать, связаны ли члены этих пар одинаковой синтаксической связью.

Способ практического использования этого допущения можно показать, к сожалению, только с помощью примеров. Так, мы будем практически исходить из того, что, например, в каждой из приводимых ниже серий грамматически правильных фраз выделенные пары синтагматических слов связаны одинаковой синтаксической связью: а) *вот мой дом; вот у добные стулья; стоит хорошая погода; вижу чёрную собаку; говорю со своим приятелями;* б) *этот дом мой; эти стулья — у добные; эта река — быстрая; в) вот один из моих стульев; вот один из тех книг; вот лучшее из его очиений.* Напротив, например, во фразах *вот мой дом и вот дом моего друга* выделенные пары слов признаются связанными разными синтаксическими связями. Этот пример показывает, в частности, что мы будем исходить в настоящей работе из «узкого» понимания тождества синтаксических связей, включающего не только тож-

⁴⁹ Считается, что во фразе могут быть синтагматические слова, наличие или отсутствие которых не влияет на ее внутреннюю структуру; это обращения, вводные слова и т. п. Если предположить, что все такие синтагматические слова каким-то способом удалены из фразы, то указанные выше требования можно усилить, а именно: после удаления всех вводных слов в любой грамматически правильной фразе любые два синтагматические слова должны быть связаны некоторой синтаксической связью (непосредственной или опосредствованной) и притом только одной.

дество соответствующих семантических отношений, но и интуитивную одинаковость внешнего выражения рассматриваемой синтаксической связи.

Всякую синтаксическую связь, тождественную связи между синтагматическими словами *мой* и *дом* во фразе *вот мой дом*, мы будем называть атрибутивной. Пользуясь традиционными грамматическими терминами, можно сказать, что атрибутивная связь — это связь между существительным и прилагательным, выступающим в качестве определения к этому существительному.

Практически нам придется иметь дело только с такими синтаксическими связями, которые связывают предметное слово и слово-атрибут (см. § 2.1). Поэтому дальнейшие определения рассчитаны только на этот класс синтаксических связей⁵⁰.

Мы будем говорить, что словоформа *n* предметного слова *N* требует при определенной синтаксической связи словоформу *a* слова-атрибута *A*, если возможна грамматически правильная фраза, в которой *n* и *a* связаны данной синтаксической связью. Так, например, словоформа И. ед. *дом* требует при атрибутивной связи словоформу И. ед. муж. *белый* слова-атрибута *белый*. Практически возможна также такая ситуация, где известен сегмент, выражающий требуемую словоформу слова *A*, но еще неизвестно грамматическое значение этой словоформы. Поэтому мы будем прилагать понятие «требования» не только к словоформам слов-атрибутов, но и к выражающим их сегментам, т. е. будем говорить: «словоформа *n* требует сегмент *a*». Например, словоформа И. ед. *дом* требует при атрибутивной связи сегмент *белый* слова *белый*; словоформа И. ед. *стена* требует сегмент *белая* (того же слова), словоформа В. ед. *стену* — сегмент *белую*; словоформа Т. ед. *вещь* требует одновременно два сегмента слова *белый*: *белой* и *белую*.

Мы будем говорить, что в языке имеется согласование (вообще), если найдутся две словоформы некоторых предметных слов (в частности, одного и того же предметного слова), которые требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов⁵¹ хотя бы одного слова-атрибута. Так, в русском языке есть согласование, поскольку, например, словоформы *дом*, *стена*, *стену*, *вещь* требуют при атрибутивной связи разных сегментов прилагательного *белый* (см. выше).

Введем еще несколько определений:

1) в языке есть словоизменительное согласование, если найдутся две словоформы одного и того же предметного слова, которые требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов хотя бы одного слова-атрибута;

⁵⁰ Это обстоятельство дает возможность, в частности, не использовать понятие направления синтаксической связи (иначе говоря, понятие подчинения).

⁵¹ Обычно каждая такая совокупность состоит всего из одного сегмента.

2) в языке есть внесловоизменительное согласование, если найдутся два предметных слова, которые, будучи взяты в одной и той же грамматической форме, требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов хотя бы одного слова-атрибута;

3) в языке есть согласование по некоторой частной грамматической категории, если найдутся две словоформы некоторых предметных слов (в частности, одного и того же предметного слова), грамматическое значение которых различается только граммемами данной грамматической категории и которые требуют при атрибутивной связи разных совокупностей сегментов хотя бы одного слова-атрибута.

В русском языке имеется как словоизменительное, так и внесловоизменительное согласование, ср.: 1) *белый дом* и *белыми домами*; 2) *белый дом* и *белая стена*. В русском языке есть также согласование по всем рассмотренным выше грамматическим категориям — падежу (у существительных и местоимений-существительных) и числу (у существительных): ср., например, *белому дому* и *белым домом*, *ему самому* и *его самого* (различие только в падеже), *белому дому* и *белым домам* (различие только в числе).

Наличие согласования по некоторой частной грамматической категории означает, что при построении фразы эта категория должна учитываться в числе факторов, определяющих выбор нужной словоформы подчиненного слова, т. е. в числе синтаксических факторов. Таким образом, независимо от того, какова первоначальная природа данной частной грамматической категории, в силу согласования эта категория получает также синтаксическую сторону. «Приказ» о выборе определенной словоформы подчиненного слова образует синтаксический элемент значения соответствующей словоформы предметного слова. В случае числа (у существительных) этот элемент оказывается сопряженным с номинативным элементом («единичность» или «множественность»), в случае падежа (у всех предметных слов) — с другим синтаксическим элементом (а именно, с одним из «подчиненных» падежей, т. е. падежей, определяемых связью данной предметной словоформы с глаголом или иным подчиняющим словом, ср. § 1.3). Рассматриваемый синтаксический элемент обязателен (поскольку каждая словоформа предметного слова требует вполне определенного падежа и числа подчиненного слова-атрибута) и, следовательно, является грамматическим. Таким образом, каждая граммема числа (у существительных) оказывается состоящей из номинативного и синтаксического элементов, а каждая граммема падежа (у любого предметного слова) — из двух синтаксических элементов («подчиненного» падежа и «подчиняющего» падежа).

В особом положении оказываются элементы «синтаксическое ед. число» и «синтаксическое мн. число» у местоимений-существительных: они здесь не сопряжены ни с какими другими грам-

матическими элементами (поскольку соответствующие номинативные элементы здесь не являются грамматическими, см. § 2.13). Этот вопрос рассматривается в § 2.20.

З а м е ч а н и е. Следует учитывать, что возможность объединить рассматриваемые пары элементов в единые граммемы, вообще говоря, зависит от принятого способа описания. В самом деле, например, два разных «подчиненных» падежа — П₁ и П₂ — всегда требуют одной и той же словоформы слова-атрибута. Если признать, что этим двум «подчиненным» падежам соответствует лишь один «подчиняющий» падеж (что вполне допустимо), то мы бы уже не получили единой грамматической категории падежа. Точно так же, если признать, что в словоформах *сáни* (с номинативным элементом «единичность») и *сáни* (с номинативным элементом «множественность») разным номинативным элементам соответствует один и тот же синтаксический элемент («синтаксическое мн. число»), то уже не было бы единой грамматической категории числа.

Согласовательные классы

§ 2.15. Рассмотрим вопрос о внесловоизменительном согласовании у существительных. При этом, как и в § 2.11, временно исключим из рассмотрения *singularia* и *pluralia tantum*.

Представим себе ряд, который включает все сегменты всех имеющихся в языке слов-атрибутов, требуемые некоторой словоформой некоторого существительного при атрибутивной связи. Так, например, словоформе И. ед. *вещь* соответствует ряд сегментов: *нбаяя*, *этa*, *моj*, . . .; словоформе Т. ед. *вёщью* — ряд сегментов: *нбвой* и *нбвою*, *этой* и *этю*, *моей* и *моёю*, . . . Таким образом, если парадигматическая схема существительных состоит из *m* грамматических форм, то каждому существительному будет соответствовать набор из *m* таких рядов. Очевидно, что если в языке имеется внесловоизменительное согласование, то не все такие наборы окажутся одинаковыми, т. е. найдется по крайней мере два набора, различных между собой. Все существительные делятся на классы в зависимости от того, какой из этих наборов им соответствует. Эти классы можно назвать «классами по согласованию» или «согласовательными классами».

Таким образом, можно предложить следующее определение (I): согласовательным классом называется такая совокупность существительных, что любые два ее члена, будучи взяты в любой грамматической форме (но одной и той же для обоих), при атрибутивной связи требуют одной и той же совокупности сегментов любого слова-атрибута.

В большинстве языков, имеющих роды, например в латыни, немецком, литовском и т. д., согласовательные классы соответствуют родам, т. е. каждый согласовательный класс равен совокупности существительных определенного рода. На первый взгляд такое же положение и в русском языке. Например, в таблицах склонения прилагательных обычно различается три набора форм — соответственно числу родов. Однако простейшее наблюдение над выбором словоформы слова-атрибута при винительном падеже

существительного показывает, что в действительности число согласовательных классов в русском языке по крайней мере вдвое больше, чем число родов, поскольку каждый род содержит «одушевленный» и «неодушевленный» согласовательные классы⁵². Чтобы убедиться в существовании шести различных согласовательных классов существительных, достаточно рассмотреть выбор словоформ какого-нибудь прилагательного (например, *белый*) при И. ед. и В. мн. разных существительных:

	Согласовательные классы					
	1 (дом)	2 (слон)	3 (степа)	4 (хозя)	5 (окн)	6 (чудб-ешие)
И. ед.	белый	белый	белая	белая	белое	белое
В. мн.	белые	белых	белые	белых	белые	белых

Особый вопрос составляют так называемые существительные общего рода (*сырота*, *калека* и т. п.). Они совмещают синтаксические свойства слов согласовательных классов 2 и 4, ср. *этот сырота* и *эта сырота* и т. п. Разумеется, если, следуя лексикографической традиции, рассматривать каждое из таких существительных как единую лексему (собственно номинативное значение которой вообще не содержит элемента, уточняющего пол), то они выделяются в особый согласовательный класс. Согласовательный класс такого типа мы будем условно называть «скрещенным»⁵³. Можно, однако, трактовать такие существительные и иначе, а именно, представлять каждое из них как пару омонимичных лексем, например: *сырота*₁ (лексема согласовательного класса 2, содержащая номинативный элемент «мужской пол») и *сырота*₂ (лексема согласовательного класса 4, содержащая номинативный элемент «женский пол»). При такой трактовке новых согласовательных классов не появится.

Различие между этими двумя трактовками проявляется в основном при синтезе текста, описывающего заданную ситуацию (=при

⁵² Значение этого факта для родовой системы русского существительного было показано уже в 1924 г. в работе Н. Н. Дурново (N. N. Дурново. La catégorie du genre en russe moderne. «Revue des études slaves», 1924, IV), которая, к сожалению, почти не оставила следа в академической и школьной традиции. Н. Н. Дурново различает четыре рода в ед. числе: мужской одушевленный, мужской неодушевленный, женский и средний, и два рода во мн. числе: одушевленный и неодушевленный. Этот взгляд основан на предпосылке, что, например, *волк* и *волки* — это разные слова (т. е. на предпосылке, противоположной той, которая принесена в настоящей работе). Подробнее об этом см. § 2.16.

⁵³ Существуют, по-видимому, и другие «скрещенные» согласовательные классы: например, слово *шимпанзе* совмещает свойства согласовательных классов 2, 4 и 6.

синтезе текста с заданным смыслом). Пусть требуется, например, построить некоторое сообщение о девочке-сироте. При первой из указанных трактовок словосочетание типа *эта сирота* возникает так: а) исходя из описываемой ситуации, выбирается нужное существительное — *сирота* (*«скрещенного» согласовательного класса*), а также нужное слово-атрибут — *этот*; ввиду особенности слова *сирота* пол описываемого лица на данном уровне никак не отражается (далее по правилам, от которых мы здесь для простоты отвлекаемся, выбираются нужные число и падеж взятого существительного, скажем, И. ед.); б) по синтаксическим правилам получаем две допустимых словоформы слова-атрибута — *этот* и *эта*; в) для разрешения неоднозначности вновь обращаемся к описываемой ситуации, а именно, учитываем пол рассматриваемого лица и осуществляя так называемое «семантическое согласование» — выбираем нужную из двух словоформ (*эта*). При второй из указанных трактовок эта процедура выглядит проще: а) в соответствии с ситуацией выбирается существительное *сирота₂* (4-го согласовательного класса), а также слово-атрибут *этот*; б) по обычным синтаксическим правилам выбирается нужная словоформа слова-атрибута — *эта*. Иначе говоря, процедура здесь такая же, как для словосочетаний типа *эта учительница*.

В то же время для морфологического описания между двумя трактовками слов типа *сирота* нет существенного различия. В самом деле, для предметных слов разница сводится лишь к формальному вопросу о числе лексем (одна лексема *сирота* или несколько омонимичных лексем *сирота₁*, *сирота₂* и т. д.); очевидно, однако, что с собственно морфологической точки зрения совокупность омонимичных лексем равносильна единой лексеме. Правда, различия в числе согласовательных классов предметных слов, вообще говоря, могут сказаться на парадигматической схеме слов-атрибутов и тем самым повлиять на морфологическое описание; однако, как мы увидим ниже (§ 2.21), «скрещенные» согласовательные классы, в отличие от обычных, в парадигматической схеме слов-атрибутов самостоятельного отражения не находят.

Практически мы исходим во второй части книги (т. е. в собственно морфологическом описании) из традиционной трактовки; в частности, при различных подсчетах каждое слово типа *сирота* учитывается только один раз. В то же время мы можем позволить себе в настоящей главе ради простоты исходить из второй трактовки и, следовательно, игнорировать существование скрещенных согласовательных классов (поскольку, как мы видели, различие между двумя трактовками существенно только для синтаксического, но не для морфологического описания).

З а м е ч а н и е. В современной разговорной речи проявляется отчетливая тенденция к употреблению глагола (реже прилагательного) в женском роде при словах типа *врач*, *директор*, *инженер*, если они обозначают жен-

щину. На косвенные надежки, однако, эта тенденция почти не распространяется. Если признать это явление уже узаконенным для современного языка, мы столкнемся здесь с аналогичной проблемой: либо 1) мы признаем существование единой лексемы *врач* — тогда подобные слова выделяются в особый согласовательный класс, отличный даже от согласовательного класса слов общего рода (поскольку можно сказать *этого врачу* и *этую сироту*, но нельзя сказать *эту врача*), либо 2) мы признаем омонимию между *врач₁* (слово согласовательного класса 2) и *врач₂* (слово согласовательного класса 4, не имеющее косвенных надежей ед. числа). Поскольку, однако, речь здесь идет о явлении, которое еще не узаконено окончательно в литературном языке, мы вообще не будем его далее учитывать.

Установленное расхождение между согласовательными классами и родами ставит перед нами проблему терминологического характера: оно обязывает либо 1) назвать и в русском языке, подобно латыни, немецкому и т. д., согласовательные классы родами (как это делает, например, Н. Н. Дурново⁵⁴), т. е. признать существование шести родов, либо 2) сохранить для русского языка традиционное употребление слова «род», но при этом признать, что русский род с типологической точки зрения отличен, например, от латинского. Мы выбираем второе — прежде всего для того, чтобы не вступать в противоречие с устойчивой традицией. Таким образом, на данном этапе изложения можно понимать под родами пары согласовательных классов (1 и 2 — мужской род, 3 и 4 — женский род, 5 и 6 — средний род). С другой стороны, мы будем различать «неодушевленные» (1, 3, 5) и «одушевленные» (2, 4, 6) согласовательные классы.

§ 2.16. Назовем согласовательной связью любую синтаксическую связь (непосредственную или опосредствованную другими словами) между существительным и словом-атрибутом, при которой выбор сегмента слова-атрибута зависит от выбора существительного и (или) от грамматической формы, в которой оно стоит. Типичным примером согласовательной связи является, конечно, атрибутивная связь; сюда же относится большинство вариантов так называемой предикативной связи. Существует, однако, и ряд других, менее распространенных типов согласовательной связи, в частности: 1) связь через предлог *из*: ср. *один из домов* и *одна из стен*; 2) связь через глагол определенного типа: ср. *это дело считают безнадёжным* и *этую затею считают безнадёжной*; 3) связь (обычно опосредствованная) со словом *который* в придаточном предложении: ср. *дом, в котором . . .* и *книга, в которой . . .*; 4) связь с некоторыми числительными (*два, оба, полтора; двое, трое* и т. д.): ср. *два обма и две стены*.

Уже из приведенных примеров ясно, что данное выше определение согласовательного класса слишком узко, поскольку оно

⁵⁴ См.: N. Durnovo. La catégorie du genre en russe moderne; Н. Н. Дурново. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., 1924 (статья «Род»).

опирается только на атрибутивную связь, т. е. лишь на один (самый распространенный) тип согласовательной связи, тогда как в действительности объективное деление существительных на согласовательные классы проявляется не только в этом, но и в других типах согласовательной связи. Теперь мы можем предложить следующее более общее определение (II): согласовательным классом называется такая совокупность существительных, что любые два ее члена, будучи взяты в любой грамматической форме (но одной и той же для обоих), при согласовательной связи требуют одной и той же совокупности сегментов любого слова-атрибута.

Таким образом, теперь для одного и того же термина («согласовательный класс существительных») предложено два разных определения, которые, вообще говоря, не равносильны. Чтобы различить объекты, называемые этим термином при определении I и при определении II, можно говорить соответственно о «согласовательных классах, выделяемых по атрибутивной связи» и о «согласовательных классах, выделяемых по согласовательной связи». В дальнейшем под согласовательными классами (без уточнения) понимаются согласовательные классы, выделяемые по согласовательной связи (т. е. в соответствии с определением II)⁵⁵.

Обобщение первоначального определения согласовательного класса в принципе может привести к увеличению числа согласовательных классов. С этой точки зрения представляют особый интерес сочетания существительных с так называемыми собирательными числительными *двebe*, *трebe*, *чeтвeрo* и т. д. Как указывает АГ (§ 720), эти числительные употребляются (наряду с обычными *два*, *три*, *четыре* и т. д.) со словами мужского и общего рода, обозначающими лиц, и со словом среднего рода *лицо*; так, можно сказать *два врача* и *двоe врачей*, *два лица* и *двоe лиц*, но нельзя сказать *двоe волков*, *двоe животных*. Если признать это указание строгим грамматическим правилом, то согласовательный класс 2, выделенный по атрибутивной связи (равно как и согласовательный класс 6), должен быть разбит на два согласовательных класса, выделяемых по согласовательной связи — так называемый личный и так называемый неличный⁵⁶ (2а — *врач*, 2б — *волк*, ба — *лицб*, бб — *живбтное*). Трудность здесь, однако, в том, что строгость указанного ограничения в действительности весьма невелика: степень неправильности («неграмматичности»)

⁵⁵ Такое словоупотребление, между прочим, отражает наш взгляд, согласно которому определения I и II неравноценны, т. е. должны рассматриваться не как проявление двух разных, но равно допустимых подходов, а как два последовательных приближения к некоторому объективному членению существительных (причем второе точнее, чем первое).

⁵⁶ Ср.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 309; R. Jakobson. The gender pattern of Russian. «Studii și cercetări lingvistice. Omagiu lui Al. Graur», 1960, № 3, стр. 542.

словосочетания *двоє волков* несравненно меньше, чем, например, у словосочетания *моя дом*. Даже академическая грамматика допускает в качестве «разговорных» такого рода сочетания с называниями детенышей, например *двоє котят*; кроме того, сами предостережения против словосочетаний типа *двоє волков* говорят об их распространенности. Если же признать грамматически допустимыми сочетания числительных *двѣ*, *трѣ* и т. д. с любыми существительными классов 2 и 6, то вопрос о разделении этих классов, разумеется, отпадает. Таким образом, вопрос о существовании в современном русском языке «личных» и «неличных» согласовательных классов непосредственно зависит от признания грамматически правильными или грамматически неправильными словосочетаний типа *двоє волков*. Не вынося решительного суждения по этому вопросу, мы будем практически рассматривать ниже только систему из шести согласовательных классов.

Других фактов подобного рода в русском языке, по-видимому, нет; таким образом, мы можем считать, что переход от определения I к определению II не изменяет числа и состава согласовательных классов. Однако новое определение позволяет расширить наши знания о согласовательных классах.

Принято считать, что в современном русском языке роды во мн. числе не различаются⁵⁷. Этой несколько неопределенной формулировке можно придать лишь следующий точный смысл: в любой грамматически правильной русской фразе, содержащей существительное во мн. числе, можно заменить это существительное любым существительным другого рода (поставив его в том же числе и падеже) и полученная фраза будет также грамматически правильной; иначе говоря, например, словоформы *домами*, *стенами* и *окнами* взаимозаменимы без потери грамматической правильности в любой фразе. Эта точка зрения основана, однако, только на данных обычной атрибутивной связи. Учет всех типов согласовательной связи позволяет легко ее опровергнуть. Ср., например, следующие фразы:

Я доволен этими домами, каждый из которых по-своему хороши.

Я доволен этими стенами, каждая из которых по-своему хороша.

Я доволен этими окнами, каждое из которых по-своему хорошо.

Легко убедиться, что в этих фразах словоформы *домами*, *стенами*, *окнами* заменять друг друга нельзя. Разумеется, подобные фразы можно построить не только для Т., но и для любого другого падежа; вместо слова *каждый* можно взять слова *один*, *первый*, *лучший* и т. д.

Аналогичным образом опровергается столь же распространенное представление о том, что противопоставление по одушев-

⁵⁷ Постепенно выходящие из употребления словоформы *обёих*, *обёим*, *обёими* в данном случае в расчет не принимаются.

лениности—неодушевленности ограничено только В. падежом. Ср., например, такие фразы:

Я подошел к тому дому, который я увидел.

Я подошел к тому мальчику, которого я увидел.

Здесь слова *дом* и *мальчик*, различающиеся только по признаку одушевленности, стоят не в В., а в Д. падеже; тем не менее заменить *дому* на *мальчику* или наоборот нельзя. Понятно, что подобные фразы можно построить и для других падежей.

Рассмотрим теперь контекст словоформы *мальчику* в последней из приведенных фраз, т. е. контекст «я подошел к тому . . ., которого я увидел». Попытаемся выяснить, какие словоформы допускает этот контекст. Мысленный эксперимент показывает, что этот контекст допускает все существительные согласовательного класса 2, взятые в форме Д. ед., и только их. Иначе говоря, данный контекст может служить так называемым диагностическим контекстом для существительных согласовательного класса 2, т. е. контекстом, с помощью которого можно по одной словоформе (в данном случае — Д. ед.) определить, относится ли рассматриваемое существительное к согласовательному классу 2. Оказывается, что, опираясь на разные типы согласовательной связи, можно построить диагностические контексты, позволяющие опознать существительное любого из шести согласовательных классов в любой грамматической форме (т. е. в любом числе и падеже). Приведем в качестве примеров диагностические контексты, позволяющие определить класс существительного а) по словоформе И. ед., б) по словоформе Р. мн.

а) Класс 1. *Вот тот . . ., который вы видели.*

Класс 2. *Вот тот . . ., которого вы видели.*

Класс 3. *Эта . . . была из тех, которые вы видели.*

Класс 4. *Эта . . . была из тех, которых вы видели.*

Класс 5. *Это . . . было из тех, которые вы видели.*

Класс 6. *Это . . . было из тех, которых вы видели.*

б) Класс 1. *Я видел один из этих . . .*

Класс 2. *Я видел одного из этих . . .*

Класс 3. *Вот одна из тех . . ., которые вы видели.*

Класс 4. *Вот одна из тех . . ., которых вы видели.*

Класс 5. *Вот одно из тех . . ., которые вы видели.*

Класс 6. *Вот одно из тех . . ., которых вы видели.*

Можно построить также диагностические контексты для существительных каждого рода, например: «вот мой . . .», «вот моя . . .», «вот моё . . .» (берется И. ед.)⁵⁸, «вот один из этих . . .», «вот одна из этих . . .», «вот одно из этих . . .» (берется Р. мн.). Можно построить, наконец, диагностические контексты для всех «оду-

⁵⁸ Ср. традиционный письменный прием определения рода.

шевленных» и для всех «неодушевленных» существительных, например: «*вот те..., которых* (соответственно *которые*) *вы видели*».

Рассмотренные факты дают дополнительный аргумент в пользу объединения разных чисел в одну лексему (см. § 2.11). Примем временно противоположную точку зрения, согласно которой разные числа образуют разные лексемы, и рассмотрим вновь вопрос о согласовательных классах. На первый взгляд мы должны получить картину, описанную Н. Н. Дурпово, а именно: имеются четыре согласовательных класса лексем ед. числа (1 — *дом*, 2 — *слон*, 3 — *стена*, *коэй*, 4 — *окно*, *чудище*) и два согласовательных класса лексем мн. числа (5 — *дома*, *стены*, *бки*, 6 — *слоны*, *коэи*, *чудища*). Однако, как только мы примем во внимание факты, указанные выше в настоящем параграфе, становится ясно, что в действительности такие «одночисловые» лексемы распадутся по крайней мере на 12 согласовательных классов, а именно: 1 — *дом*, 2 — *слон*, 3а — *стена*, 3б — *коэй*, 4а — *окно*, 4б — *чудище* (для проверки достаточно «испытать» эти слова на контекстах группы а); 5а — *дома*, 5б — *стены*, 5в — *бки*, 6а — *слоны*, 6б — *коэи*, 6в — *чудища* (для проверки достаточно использовать контексты группы б). Уже сам по себе этот факт служит хорошим аргументом против признания «одночисловых» лексем. Но, кроме того, он показывает следующее: даже если мы объявим, например, «*дома*» отдельной лексемой, мы будем вынуждены сохранить за этой лексемой синтаксическую характеристику (мужской род), свойственную соответствующей лексеме ед. числа «*дом*». Иначе говоря, мн. число не свободно от синтаксических свойств соответствующего ед. числа и наоборот — они образуют пару, характеризующуюся одними и теми же значениями синтаксических признаков «род» и «одушевленность—неодушевленность». Это — важный аргумент в пользу того, чтобы объединить их в одну лексему и присвоить эти синтаксические характеристики лексеме в целом.

Грамматическая категория «согласовательный класс» как соединение грамматических категорий рода и одушевленности—неодушевленности

§ 2.17. Принадлежность существительного к определенному согласовательному классу образует синтаксический элемент значения его словоформ. Из § 2.16 ясно, что один из шести таких элементов присутствует в любой словоформе рассматриваемой совокупности существительных (независимо от того, к какому числу и падежу относится эта словоформа). Иначе говоря, эти синтаксические элементы являются обязательными и, следовательно, грамматическими. Они не сопряжены ни с какими другими грамматическими элементами. В самом деле, ни номинативные значения «одушевленность» и «неодушевленность», ни номинативные значения пола не являются грамматическими (первые не удовлетворяют требованию регулярности, вторые — ни требованию регулярности, ни требованию обязательности, ср. § 1.5).

Таким образом, однородный ряд синтаксических элементов: «согласовательный класс 1», «согласовательный класс 2» и т. д. — сам по себе образует грамматическую категорию «согласовательный класс» (граммемами которой являются эти синтаксические элементы). В соответствии с определением, данным в § 1.9, эта

частная грамматическая категория существительных является классифицирующей.

Как мы видели выше, синтаксический элемент, отражающий необходимость согласовывать подчиненное слово-атрибут, содержится также в граммемах числа и падежа. Однако у этих категорий данный синтаксический элемент выступает лишь как дополнение к некоторому другому элементу (номинативному или тоже синтаксическому). В грамматической категории согласовательного класса этот элемент сам по себе образует граммему. Таким образом, существование числа (у существительных) и падежа как грамматических категорий в принципе не зависит от согласования: эти грамматические категории сохранились бы и в случае исчезновения правил согласования. Напротив, грамматическая категория согласовательного класса в подобном случае сразу же исчезла бы: она не имеет никакой иной природы, кроме отражения правил согласования.

Список граммем грамматической категории «согласовательный класс» (т. е. список согласовательных классов) можно представить не только в виде единого ряда, но и в виде системы, построенной по двум или нескольким различительным признакам. Соответственно каждый согласовательный класс получит двучленное или многочленное обозначение. Если при этом окажется, что для каждого различительного признака найдется синтаксическая задача, для которой требуется только он один (а остальные признаки безразличны), такие признаки могут быть объявлены самостоятельными классифицирующими грамматическими категориями. Иначе говоря, мы можем представить классифицирующую грамматическую категорию как совокупность двух или нескольких таких категорий, «накладывающихся» друг на друга. Понятно, что такое разложение, вообще говоря, может быть произведено по-разному, в зависимости от выбора различительных признаков.

Очевидно, что для грамматической категории «согласовательный класс» наиболее естественным является то разложение, которое указано в § 2.15. В самом деле, противопоставление «синтаксической одушевленности» (согласовательные классы 2, 4, 6) и «синтаксической неодушевленности» (согласовательные классы 1, 3, 5) обладает заметной самостоятельностью. Прежде всего оно единообразно выражается: В. мн. совпадает (как в самой парадигме существительного, так и в наборе форм подчиненного слова-атрибута) с Р. мн. у «одушевленных» классов и с И. мн. у «неодушевленных» классов (в согласовательных классах 2 и 1, кроме того, В. ед. подчиненного слова совпадает соответственно с Р. ед. или И. ед.). При этом существенно, что при атрибутивной связи в В. мн. имеется только это противопоставление, а противопоставление родов нейтрализовано. В то же время данное противопоставление очевидным образом соотнесено

с семантическим противопоставлением «одушевленного» и «неодушевленного».

Второе противопоставление (а именно, противопоставление родов), вообще говоря, можно рассматривать просто как остаток после вычленения первого (поскольку оно выражено менее единственнообразно и соотнесено с семантическим различием лишь в части слушаев). Отметим все же, что во многих формах, например в И. ед., представлено (при атрибутивной связи) только противопоставление родов, тогда как противопоставление по одушевленности—неодушевленности нейтрализовано.

Таким образом, противопоставление согласовательных классов существительных допустимо представлять в виде двух самостоятельных классифицирующих грамматических категорий: одушевленности—неодушевленности и рода. Из сказанного ясно, однако, что в отличие от выявления согласовательных классов, отражающих некоторое объективное членение русских существительных, признание самостоятельных категорий рода и одушевленности не вытекает с необходимостью из фактов, а является лишь одним из способов описания выявленных согласовательных классов.

Существование 7-го согласовательного класса

§ 2.18. Рассмотрим теперь singularia и pluralia tantum, которые временно были оставлены в стороне. К каким согласовательным классам они относятся? Для singularia tantum ответ на этот вопрос прост: все они распределяются по шести согласовательным классам, выделенным ранее. В самом деле, любое из них допускается каким-нибудь из диагностических контекстов, приведенных в § 2.16. Заметим, что почти все они относятся к «неодушевленным» классам, например *хвост*, *лай* — к классу 1, *медь*, *возня* — к классу 3, *злого*, *мытьё* — к классу 5.

С pluralia tantum дело обстоит сложнее. Как известно, в грамматиках, отражающих язык после реформы орфографии 1918 г., pluralia tantum всегда признаются словами, не имеющими определенного рода. Обоснование такого решения сводится к следующему: род существительного определяется по форме согласованного с ним слова; во множественном числе согласуемые слова рода не различают; pluralia tantum имеют только мн. число, следовательно, их род определить нельзя. Более точно эту точку зрения можно сформулировать так: любое слово из числа pluralia tantum можно отнести к любому из трех родов и это не приведет ни к каким ошибкам; поскольку, однако, нет оснований для предпочтения одного рода другим, мы не относим эти слова ни к какому определенному роду.

Разумеется, эта точка зрения целиком основана на положении о том, что pluralia tantum не имеют единственного числа. Оказы-

вается, однако, что она неудовлетворительна даже при этой исходной посылке. Как показано в § 2.16, род существительного можно определить не только по словоформам единственного числа, но и по любой словоформе множественного числа; для этого достаточно взять диагностические контексты типа «*вот один* (соответственно *одна, одно*) из этих . . .». Если изложенная точка зрения верна, то следует ожидать, что, например, слово *сáни*, будучи взято в форме родительного падежа, будет допускаться диагностическим контекстом любого из трех родов. Пробверка показывает, однако, что в действительности словоформа *санéй* не допускается ни одним из этих контекстов. (Чтобы получить грамматически правильную фразу с аналогичным смыслом, нужно сказать: *вот одни из этих саней*.) Таким образом, даже при традиционной точке зрения на устройство парадигмы слов типа *сáни* оказывается невозможно отнести эти слова ни к одному из трех родов (и, следовательно, ни к одному из шести согласовательных классов).

Выше было показано, однако, что более правомерна иная точка зрения, согласно которой слова типа *сáни* имеют полную парадигму, включающую не только множественное, но и единственное число. При этой точке зрения непринадлежность слов типа *сáни* ни к одному из «обычных» согласовательных классов оказывается непосредственно очевидной, поскольку этим словам соответствует набор сегментов слов-атрибутов, отличный от всех «обычных» наборов; ср., например:

И. ед.	<i>новый</i>	<i>дом</i>	<i>новая</i>	<i>стена</i>	<i>новое</i>	<i>окно</i>	<i>новые</i>	<i>саны</i>
И. мн.	<i>новые</i>	<i>домá</i>	<i>новые</i>	<i>стéны</i>	<i>новые</i>	<i>окна</i>	<i>новые</i>	<i>саны</i>

Как видно из приведенных выше примеров обычной атрибутивной связи, особенность согласования со словами типа *сáни* состоит в том, что при разных числах существительного выступают одни и те же сегменты слов-атрибутов. Эта особенность распространяется и на другие типы согласовательной связи, ср.: *ворота были открыты; эти часы считаются очень цennыми; ножницы, за которыми я пришёл; лучшие из этих часов* и т. д. В одном случае, однако, а именно при соединении слов типа *сáни* с числительными, правила согласования не выводятся из этой общей особенности. Ниже указан способ соединения слов типа *сáни* с теми числительными, у которых выбор сегмента зависит от согласовательного класса связанного с ними существительного.

Числительное *один* подчиняется правилам обычной атрибутивной связи: *одни сутки*, ср. *один дом, одно окно* и т. д.

Числительные 2—4. И. падеж: *две, трое, четвëро суток*. Слова типа *сáни* являются единственной группой слов, для которых возможны только эти словоформы. Наряду с обычными *два, три, четыре* эти словоформы могут выступать также при существительных классах 2 и 6, например: *два врача и двое врачей* (см. также выше, § 2.16). В прочих случаях выступают только

словоформы *два, две, три, четыре*. В косвенных падежах⁵⁹ различие между согласовательными классами почти полностью снимается: *двоумя сутками, домами, врачами, неделями* и т. д. (при классах 2 и 6 возможны также словоформы типа *двойми*, например, *двойми врачами*; при словах типа *сáни* эти словоформы теоретически также допустимы, но неупотребительны).

Числительные 5—10. В И. падеже слова типа *сáни* вместе со словами классов 2 и 6 отличаются от остальных тем, что наряду с обычными сочетаниями типа *пять суток* (ср. *пять домов, врачей, недель* и т. д.) здесь возможны также сочетания типа *пятеро суток* (ср. *пятеро врачей*). В косвенных падежах действуют те же правила, что для числительных 2—4: *пятью сутками, домами, врачами, неделями* и т. д. (допустимо *пятерыми врачами; пятерыми сутками* неупотребительно).

Числительное *полтора*. Словоформы И. падежа для существительных типа *сáни* в литературном языке нет; в просторечии, однако, эта пустая клетка может заполняться словоформой *нбльторо*⁶⁰ (например, *нбльторо суток*), которая явно построена по пропорции *четыре : чéтвéро = полтора : х*. В косвенных падежах выступает единая для всех классов словоформа: *полутóра сутками, днями, неделями, вёдрами* и т. д.

Числительное *оба*. Словоформы И. падежа для существительных типа *сáни* в литературном языке нет; в просторечии встречается словоформа *обои*. В косвенных падежах с этими словами употребляются те же словоформы, что со словами мужского и среднего родов (например, *обоими ножницами, санями, воротами*, ср. *обоими домами, окнами*), в отличие от слов женского рода (*обеими руками*). Характерно, что среди слов типа *сáни* в этом отношении не обнаруживается никаких различий между словами с морфологическими признаками мужского и среднего родов (*часы, ворбта*) и словами с морфологическими признаками женского рода (*нбжницы, брюки*). Следует подчеркнуть, однако, что в разговорном языке словоформы *обéих, обéим, обéими* исчезают и, таким образом, в этом пункте различие между согласовательными классами вообще снимается.

Рассмотрев все основные типы согласовательной связи, мы убеждаемся, во-первых, в том, что слова типа *сáни* не принадлежат ни к одному из шести выделенных ранее согласовательных классов, во-вторых, в том, что внутри самой этой группы не обнаруживается никаких различий в правилах согласования, т. е. что все они должны быть отнесены к одному и тому же согласовательному классу. Иначе говоря, все слова типа *сáни* принадлежат к особому, седьмому согласовательному классу.

Что касается слов типа *чернíла*, то они, как показано в § 2.12, представляют собой *singularia tantum* среди *pluralia tantum*. Очевидно, что они попадают в тот же согласовательный класс, что и слова типа *сáни* (т. е. в седьмой) — подобно тому, как *хвóрост* попадает в тот же согласовательный класс, что *дом; вознá* — в тот же, что *стенá; зблото* — в тот же, что *болбто*.

Слова с дефектной парадигмой типа *девчáта* (которые мы не относим к числу *pluralia tantum*, ср. § 2.12) принадлежат к «обычным» согласовательным классам, например: *девчáта* — согласовательный класс 4 (ср. *одна из*

⁵⁹ Здесь и ниже, где речь идет о косвенных падежах, имеется в виду: кроме винительного. В. падеж совпадает: при существительных классах 1, 3, 5 и при существительных типа *сáни* с И., при существительных классах 2, 4, 6 — с Р. падежом.

⁶⁰ В Уш. эта словоформа записана как *нбльтора* (с пометой «с таким ударением!»); ср. также АГ, § 622.

этих девчат), ребята — согласовательный класс 2 (ср. один из этих ребят) и т. д.

Особый случай составляют слова бёлые и чёрные (как названия сторон, например в шахматах). В отличие от слов типа *девчата*, они ведут себя как pluralia tantum: имея в виду указанное значение, нельзя сказать *один из белых* или *одна из белых*, но можно (хотя и с некоторой натяжкой) сказать *одни из белых, каждые из белых*. Однако от остальных pluralia tantum эти слова отличаются тем, что В. падеж обычно совпадает здесь (как в самой парадигме существительного), так и в наборе форм подчиненного слова-атрибута) с Р., а не с И.; ср., например: *он вынудил белых сдаться*. Мы имеем здесь дело, таким образом, с зачатками 8-го согласовательного класса. Разумеется, эти факты носят слишком изолированный характер; к тому же они не вполне четки (ср. фразу *бери себе белые, а я возьму чёрные*, где В.=И.). Поэтому в дальнейшем мы никак не будем учитывать эти два слова (несмотря на заманчивую симметричность в строении системы согласовательных классов, которую дал бы согласовательный класс 8).

Место 7-го согласовательного класса среди остальных

§ 2.19. Если устраниТЬ все «скрещенные» согласовательные классы с помощью «расщепления» соответствующих слов на омонимы (см. § 2.15), отбросить слова бёлые и чёрные (см. § 2.18) и принять некоторое дополнительное соглашение относительно морфемы *пол* (половина)⁶¹, то окажется, что выявленные выше семь согласовательных классов охватывают все русские существительные; иначе говоря, они образуют действительную классификацию существительных, в отличие от традиционной системы родов.

Внутренние отношения между первыми шестью классами выявлены выше. Каково же отношение 7-го согласовательного класса к первым шести? Легко обнаружить, что как по значению, так и по внешним особенностям (совпадение В. падежа с И. в наборе форм подчиненного слова-атрибута, а также в самой парадигме существительного) 7-й класс объединяется с «неодушевленными» классами (1, 3, 5). Что же касается деления классов по родам, то здесь 7-й класс не обнаруживает большей близости ни к одному из трех родов. От всех трех родов сразу он отличается омонимией словоформ разных чисел. Таким образом, отно-

⁶¹ Это соглашение, из которого мы исходим также и в собственно морфологическом описании, состоит в следующем: вопреки написанию единицы с начальной морфемой *пол* типа *полмётра*, *полчаса*, *полвёрдя*, *полверстъ* должны рассматриваться не как единые словоформы, а как словосочетания, аналогичные, например, словосочетаниям *два часа*, *три седра* и т. д. (а такие словоформы, как *получаса*, *полувёрдь*, *полувёрсты* и т. д., должны считаться прилежащими лексемами *получас*, *полувёрд*, *полувёрстъ*). В академической грамматике принято другое решение: в соответствии с написанием, *полчаса*, *полвёрдя* и т. д. считаются едиными словоформами; признаются парадигмы следующего вида: И. В. ед. *полчаса*, Р. ед. *получаса*, Д. ед. *получасу* и т. д. Из этого решения с необходимостью вытекает признание еще трех согласовательных классов, которым соответствуют следующие наборы форм согласуемого слова: 1) эти *полчаса*, этого *получаса*, ..., один из *получасов*; 2) эти *полвёрдя*, этого *полувёрдя*, ..., одно из *полувёрдер*; 3) эти *полверсты*, этой *полувёрсты*,

шения между семью согласовательными классами можно представить в виде системы противопоставлений по трем признакам:

Род Одушевленность— неодушевленность		Мужской	Женский	Средний
Неодушев- ленность	ед. и мн. ч. различаются *	класс 1 (дом)	класс 3 (стенá)	класс 5 (окнó)
	ед. и мн. ч. омонимичны *		класс 7 (сáни)	
Одушевлен- ность	ед. и мн. ч. различаются *	класс 2 (врач)	класс 4 (козá)	класс 6 (чудбвище)
	ед. и мн. ч. омонимичны *		— **	

* Имеется в виду: в наборе форм подчиненного слова-атрибута, а также (по крайней мере, в большинстве случаев) в самой парадигме существительного.

** Относительно слов бéльые и чёрные см. § 2.18.

Характерной чертой этой системы является то, что омонимия чисел нейтрализует признак рода. Эта черта является специфической особенностью современного русского языка, отличающей его от многих других языков, имеющих грамматический род. Так, например, в латыни, французском, испанском, сербскохорватском, чешском омонимия чисел не исключает различия родов (ср., например, франц. grands ciseaux и grandes јумелль). Разумеется, в таких языках признаки «род» и «совпадение или несовпадение словоформ разных чисел подчиненного слова-атрибута» должны строго разделяться. Но для русского языка построенная таким образом система оказывается весьма неэкономной. Гораздо более «компактную» систему дает объединение этих двух признаков в единый признак, принимающий четыре значения (за ним естественно сохранить название «род»). Система согласовательных классов получает в этом случае следующий вид:

Род Оду- шевленность— неодушевленность		Мужской	Женский	Средний	4-й
Неодушевленность	класс 1 (дом)	класс 3 (стенá)	класс 5 (окнó)	класс 7 (сáни)	
Одушевленность	класс 2 (врач)	класс 4 (козá)	класс 6 (чудбвище)	—	

Таким образом, для экономного представления системы согласовательных классов следует признать существование в современном русском языке не трех, а четырех родов. Мы предлагаем назвать 4-й род русских существительных «парным». (Разумеется, далеко не всякое слово парного рода содержит в своем значении элемент парности, но в этом отношении термин «парный» вполне сведен с терминами «мужской» и «женский», которые тоже описываются на признак, характерный только для наиболее важной группы слов соответствующего рода.)

Итак, существительные современного русского языка объективно распадаются на семь согласовательных классов; внутренние отношения между этими классами удобнее всего представить в виде противопоставления четырех родов, на которое накладывается противопоставление по одушевленности—неодушевленности.

В последующем описании могут быть использованы оба способа изображения системы согласовательных классов. Иначе говоря, мы оставляем за собой право рассматривать грамматическую категорию «согласовательный класс» в зависимости от практического удобства либо как единую категорию, либо как результат объединения двух самостоятельных грамматических категорий — категорий рода (включающей противопоставление мужского, женского, среднего и парного родов) и одушевленности—неодушевленности.

Вопрос о согласовательных классах у местоимений-существительных

§ 2.20. Понятие согласовательного класса, предложенное выше для существительных, можно применить также к местоимениям-существительным: достаточно, например, заменить в определении II (§ 2.16) слово «существительное» на «местоимение-существительное». При этом следует учитывать, что у местоимений-существительных грамматическая форма включает только падеж (поскольку словоизменительной грамматической категории числа здесь нет).

Правда, при практическом применении этого определения мы сталкиваемся с некоторыми трудностями. Во-первых, местоимения-существительные обычно лишь с трудом допускают определения (особенно редко встречаются необособленные препозитивные определения); поэтому не всегда легко установить, какой сегмент слова-атрибута требует та или иная словоформа местоимения-существительного. Во-вторых, многие местоимения-существительные (например, *себя*, *некто*, *нечего*) имеют дефектную парадигму. В-третьих, большинство местоимений-существительных допускает одновременно несколько типов согласования (ср. *я пришёл*, *я пришла*, *я пришло* и т. п.), т. е. выделяющиеся здесь

согласовательные классы носят преимущественно «скрещенный» характер (см. § 2. 15). Все же, несмотря на эти трудности, достаточно ясно устанавливается следующая общая картина. Для местоимений-существительных в принципе возможны 14 «нескрещенных» согласовательных классов. Каждый из них сходен в отношении правил согласования с совокупностью словоформ одного числа существительных одного из семи согласовательных классов. Например, согласовательный класс, представленный словом *ничтб*, характеризуется такими же правилами согласования, как словоформы ед. числа существительных согласовательного класса 5 (*окнб*, *болбто* и т. д.). Эти потенциальные согласовательные классы можно условно обозначить, таким образом, как «1 ед.», «1 мн.», «2 ед.», «2 мн.» и т. д. до «7 мн.». Однако лишь немногие из этих 14 классов представлены «в чистом виде» (как, например, класс «5 ед.», куда входит, в частности, слово *ничтб*): большинство местоимений-существительных относится к «скрещенным» согласовательным классам, совмещающим свойства двух или более из 14 потенциальных классов. Так, например, слово *он* относится к «скрещенному» согласовательному классу «1 ед.+2 ед.» (ср. *вижу его весь* и *вижу его всего*); слова *я* и *ты* — «2 ед.+4 ед.+6 ед.»; слово *онй* — «7 ед.+1—7 мн.». Наконец, слово *себя* относится к «скрещенному» согласовательному классу, совмещающему свойства всех 14 потенциальных классов. Все эти «скрещенные» согласовательные классы трактуются так же, как у существительных: в морфологическом описании соответствующие слова (например, *он*, *я*, *ты*, *онй*, *себя*) считаются единными лексемами, но в синтаксических операциях каждое из них может при необходимости рассматриваться как совокупность нескольких омонимов.

Таким образом, имеется классифицирующая частная грамматическая категория «согласовательный класс у местоимений-существительных». Как и в случае с существительными (§ 2. 17), эту грамматическую категорию можно представить в виде объединения нескольких классифицирующих грамматических категорий. Способ «расщепления» здесь достаточно очевиден — такими грамматическими категориями являются: а) род; б) одушевленность—неодушевленность; в) число (синтаксическое). Например, слово *ничтб* может быть охарактеризовано как слово среднего рода, неодушевленное, единственного синтаксического числа.

Если принять указанное «расщепление» грамматической категории согласовательного класса (что, вообще говоря, необязательно, ср. § 2. 17), то тем самым решается поставленный в § 2. 13 вопрос о грамматической категории числа у местоимений-существительных. Такая грамматическая категория есть, но, в отличие от числа у существительных, она: 1) носит чисто синтаксический характер, т. е. ее граммы состоят только из синтаксических элементов — так же, как, например, граммы рода;

2) является классифицирующей. Что касается таких слов, как *себя* или *кто*, которые допускают как единственное, так и множественное синтаксическое число (в соответствии с описываемой ситуацией, ср. *самого себя* и *самых себя*, *кто такой* и *кто такие*), то положение здесь вполне аналогично двойственности рода у слов типа *сирота* (см. § 2. 15).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СЛОВ-АТРИБУТОВ

Грамматические категории падежа, числа и согласовательного класса

§ 2. 21. При грамматическом анализе слов-атрибутов прежде всего необходимо учитывать, что признание у таких слов большего или меньшего числа грамматических категорий, участвующих в согласовании, не вытекает однозначно из фактов, а отражает определенные принципы описания. Рассматривая этот вопрос, ограничимся вначале наиболее типичным частным случаем соотношения между предметными словами и словами-атрибутами, а именно, соотношением между существительными и прилагательными.

У любого русского прилагательного имеется не более 13 разных сегментов, способных выступать в атрибутивной функции, например: *нбв-ый, -ая, -ое, -ого, -ой, -ому, -ую, -ым, -ою, -ом, -ые, -ых, -ыми*. Поэтому вполне допустимо следующее описание. Существует всего одна грамматическая категория прилагательных, участвующая в согласовании. Она принимает 13 значений, т. е. прилагательные имеют в атрибутивной функции всего 13 грамматических форм⁶². Правила выбора формы при атрибутивной связь задаются в виде таблицы, где каждому из возможных грамматических значений существительного сопоставлен номер формы прилагательного, например: В. ед. муж. одуш. — № 4 (*-ого*). Такое описание дает максимально простую парадигматическую схему прилагательного, но в то же время более сложные правила построения фразы (в число которых входит правило о форме подчиненного прилагательного).

Общепринятым является другое описание, а именно: для каждой частной грамматической категории существительных, по которой происходит согласование (в смысле § 2. 14), признается существование одноименной частной грамматической категории прилагательных. Соответственно, 13 сегментов разносятся по значительно большему числу клеток, т. е. признается

⁶² То, что форм будет всего 13, вообще говоря, не вытекает из сказанного выше, поскольку могло бы найтись прилагательное, у которого одному и тому же сегменту слова *нбвый* соответствует два или несколько разных сегментов. Однако в действительности таких прилагательных в русском языке нет.

много словоформ-омонимов. Парадигматическая схема прилагательных усложняется, но зато достигается максимально простое правило выбора формы при атрибутивной связи: «грамматическое значение прилагательного повторяет грамматическое значение подчиняющего существительного» (откуда и сам термин «согласование»)⁶³. Именно так решается этот вопрос и в настоящей книге.

В русском языке имеется согласование (в смысле § 2. 14) по следующим частным грамматическим категориям существительных: падеж, число, согласовательный класс. Для падежа и числа это показано уже в § 2. 14; для согласовательного класса это ясно из § 2. 15: ср., например, *этот дом* и *эта стена*⁶⁴. При этом, если согласовательный класс представлен как две самостоятельные грамматические категории (род и одушевленность—неодушевленность, см. § 2.17), то имеется согласование по каждой из этих категорий. В самом деле, наличие согласования по роду видно из приведенного выше примера; наличие согласования по одушевленности—неодушевленности устанавливается из сравнения, например, таких фраз, как *вижу высокий дом* и *вижу высокого юношу*⁶⁵. В соответствии с описанным выше принципом, прилагательным приписываются одноименные частные грамматические категории: падеж, число, согласовательный класс. При этом, как и у существительных, согласовательный класс при необходимости может быть представлен в виде двух грамматических категорий: рода и одушевленности—неодушевленности. Все эти частные грамматические категории прилагательных являются словоизменительными. Каждая граммема любой из этих категорий представляет собой синтаксический элемент значения (по своей функции этот элемент сходен с «подчиненными» падежами существительных, ср. § 2.2). Граммемный состав каждой из этих категорий в точности копируется с соответствующими частными грамматическими категориями существительных. Таким об-

⁶³ Как указал (устно) И. А. Мельчук, выбор именно такого решения в значительной мере определен также тем, что при субстантивации грамматические характеристики, приписываемые прилагательному в соответствии с этим решением, автоматически превращаются в одноименные характеристики существительного.

⁶⁴ Как легко убедиться, согласование по грамматической категории «согласовательный класс» — это то же, что внесловоизменительное согласование (тогда как словоизменительное согласование складывается из согласования по падежу и числу). Внешняя тавтологичность выражения «согласование по согласовательному классу» лишь подчеркивает тот факт, что грамматическая категория согласовательного класса не имеет никакой другой природы, кроме отражения правил согласования.

⁶⁵ Из сравнения этих фраз, между прочим, видно, что традиционная формула «прилагательное согласуется с существительным в роде, числе и падеже» недостаточна для объяснения всех случаев согласования: в приведенных фразах род, число и падеж прилагательного одинаковы, однако сегменты прилагательного различны и не могут заменяться один другим.

разом, например, словоформа *высокий*, выступающая во фразе *вижу высокий дом*, содержит, в частности, следующие граммемы: В. падеж, ед. число, согласоват. класс 1 (=муж. род и неодушевленность); словоформа *высокого* (во фразе *вижу высокого юношу*) — В. падеж, ед. число, согласоват. класс 2 (=муж. род и одушевленность); словоформа *густым* (в словосочетании *в густом лесу*) — П₂ падеж, ед. число, согласоват. класс 1; словоформа *настольные* (во фразе *в доме всего одни настольные часы*) — И. падеж, ед. число, согласоват. класс 7.

Очевидно, что такое копирование грамматических характеристик подчиняющего существительного является обязательным условием для достижения указанного выше «идеального» правила о выборе формы подчиненного прилагательного. Даже частичное отклонение от такого копирования (например, признание только одного предложного падежа в формах прилагательных или отнесение словоформы *настольные* в данном выше примере ко мн. числу) привело бы к значительному усложнению этого правила и тем самым практически обесценило бы принятую схему описания.

Интересно отметить, что в некоторых случаях такой способ приписывания грамматических значений (вызванный, как уже показано, определенными формальными требованиями) оказывается оправданным также с содержательной точки зрения. В самом деле, он позволяет объяснить наличие словоформ с внешними признаками мн. числа у тех слов, собственно номинативное значение которых исключает возможность их присоединения к словоформе существительного, содержащей номинативный элемент «множественность». Таково слово *один* в его основном (количественном) значении⁶⁶ и слово *каждый*. Например, нельзя сказать *одни столы* (*стёны, окна*), имея в виду количественное значение слова *один*⁶⁷; нельзя также сказать *каждые столы* (*стёны, окна*). Однако вполне правильны словосочетания: *одни сани, одни сутки* (в количественном значении); *каждые сани, каждые сутки*. Как легко видеть, словоформы *один* и *каждый* возможны только в тех случаях, где по предлагаемому решению они должны получить граммему ед. числа. Таким образом только при этом решении становится формально правильным то интуитивно очевидное положение, что слова *один* и *каждый* не имеют словоформ мн. числа.

З а м е ч а н и е. Словоформы слова *каждый*, имеющие внешние признаки мн. числа, выступают также в сочетаниях типа *каждые пять минут, каждые две недели, каждые три часа, каждые трое суток*, а также *каждые*

⁶⁶ Ср.: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 90.

⁶⁷ Другие значения слова *один* вполне допускают присоединение его к существительному во мн. числе, ср.: *я знаю одного человека, который . . . и я знаю одних людей, которые . . . ; один стул стоит, другой лежит и одни стулья стоят, другие лежат; остался один мусор и остались одни окурки и т. д.*

полчаса, каждые полкилометра и т. п. Отсюда, по-видимому, следует заключить, что словосочетания типа *пять минут, три часа* (а также типа *полчаса*, ср. сноску 61) синтаксически эквивалентны ед. числу существительных 7-го согласовательного класса. Заметим, что п с семантической точки зрения *пять минут, две недели* и т. п. — это некоторые единства (ср. *саноги, руки, глаза* и т. п., § 2.12); особенно ясно это выступает в сочетаниях с *пол*: например, словосочетание *полчаса* означает то же, что редко употребляющаяся словоформа ед. числа *получас* (ср. мн. число *получасы*).

Особый вопрос составляют «скрещенные» согласовательные классы. Представляется очевидным, что, даже если у существительных такие согласовательные классы признаются, вводить соответствующие клетки в парадигмы прилагательных (т. е. вводить, например, особую клетку для пары словоформ *этот* и *эта*, наряду с клетками для *этот* и для *эта*) бессмысленно. Вместо этого при построении фразы существительному «скрещенного» согласовательного класса, например *сирота*, ставятся в соответствие одновременно два ряда клеток в парадигмах прилагательных, а именно клетки согласовательного класса 2 и согласовательного класса 4. В самом деле, в словосочетаниях *этот сирота* и *эта сирота* двойственность согласования совершенно иная, чем, например, в *этой вещью* и *этую вещью*. Она объясняется здесь не наличием словоформ-вариантов у самого прилагательного (как в случае *этой*—*этою*), а так называемым семантическим согласованием, т. е. выбором нужной словоформы подчиненного прилагательного в прямой зависимости от значения подчиняющего существительного в конкретном тексте (ср. § 2.15). Таким образом, в той схеме описания, при которой признаются «скрещенные» согласовательные классы существительных, основное правило согласования, сформулированное выше, должно быть дополнено правилом о том, что при существительном «скрещенного» согласовательного класса осуществляется, кроме того, «семантическое согласование». Что же касается парадигматической схемы прилагательных, то здесь «скрещенные» согласовательные классы самостоятельного отражения не получают.

Точно так же очевидно, что нет необходимости как-либо изменять парадигматическую схему прилагательных для отражения согласовательных классов местоимений-существительных. Вместо этого в парадигмах прилагательных каждому местоимению-существительному ставится в соответствие половина клеток определенного согласовательного класса. Например, слову *ничт* в парадигмах прилагательных соответствуют клетки ед. числа согласоват. класса 5. Разумеется, «скрещенные» согласовательные классы местоимений-существительных трактуются так же, как в случае с существительными. Например, слову *себ* в парадигмах прилагательных соответствуют клетки обоих чисел и всех согласовательных классов; выбор нужной клетки осуществляется на основе «семантического согласования». Таким образом, переход от существительных ко всей совокупности предметных слов ни-

как не отражается на парадигматической схеме прилагательных.

Обратимся теперь к словам-атрибутам, временно исключенным из рассмотрения, а именно, к числительным. (Отметим, что сюда попадает также несколько слов, которые в традиционных классификациях не рассматриваются как числительные; относительно порядковых числительных см. § 2.1.) Различаются две основные группы числительных.

Числительные первой группы связываются с подчиняющим существительным обычной атрибутивной связью. Они отличаются от прилагательных тем, что одни из них могут соединяться только с существительными в ед. числе, другие — только с существительными во мн. числе. Таким образом, в их парадигмах нет противопоставления по числу (ед. или мн. синтаксическое число, характеризующее все словоформы такого слова-атрибута, выступает здесь, следовательно, как граммема классифицирующей грамматической категории). К этой группе принадлежат следующие слова-атрибуты: а) *один* (в количественном значении), *каждый*; они соединяются только с ед. числом существительных (см. об этом выше); б) *многие, немногие, все* (в значении 'каждый', например: *все люди, все точки*), *некоторые* (в значении 'не все', 'часть', например: *некоторые люди думают, некоторые деревья засохли*); они соединяются только с мн. числом существительных⁶⁸.

Числительные второй группы связываются с существительным более сложным образом: 1) если сочетание существительного с числительным выступает в функции И. падежа, члены этого сочетания связаны особой синтаксической связью (допускающей различные истолкования, ср. § 2.8), например: *два дома, пять домов*; такая же связь выступает в В. падеже, если существительное неодушевленное, а также в Д. падеже после предлога *по* с распределительным значением (*по пяти рублей*); 2) в прочих случаях синтаксическая связь между существительным и числительным может быть приравнена к обычной атрибутивной, например: *двух домов, пятью домами*. Однако, в соответствии с традицией, мы исходим далее из того, что эти синтаксические разли-

⁶⁸ От последних двух слов следует отличать обычные прилагательные *весь* и *некоторый*. Прилагательное *весь* имеет значение 'в полном объеме (протяжении, поверхности и т. п.)', например: *весь день, всю дорогу, весь народ, всё молоко, все сливы*. Как видно из этих примеров, оно сочетается обычно с ед. числом существительных; однако это необязательно, ср.: *у них все руки исцарапаны* (т. е. 'исцарапана вся поверхность рук'); заметим, что эта фраза допускает также и другое, правда, менее естественное понимание: 'исцарапана (неизвестно, в какой степени) каждая из имеющихся у них рук'; в последнем случае мы имеем дело с числительным *все*). Можно сказать, таким образом, что числительное *все* имеет дискретное, а прилагательное *весь* — недискретное значение. Прилагательное *некоторый* имеет значение 'какой-то, точно не определенный'; в научном тексте оно часто играет роль неопределенного артиклия; ср.: *в некотором царстве, некоторая часть, пусть даны некоторые точки A и B*.

чия между именительным и косвенными падежами числительных не должны отражаться на строении их парадигм. Иначе говоря, предполагается, что, например, словоформа *пятью* отличается по своему грамматическому значению от словоформы *пять* не более, чем *этими* от *эти*.

Числительные второй группы (так же, как и первой) не имеют противопоставления по числу внутри парадигмы (и, следовательно, не имеют словоизменительной грамматической категории числа). Для строения парадигмы числительного существенно, может ли оно участвовать во внесловоизменительном согласовании, т. е. имеется ли у него хотя бы в одном падеже два или более разных сегмента, соотнесенных с разными согласовательными классами существительных. По этому признаку рассматриваемые числительные делятся на две подгруппы.

Числительные первой подгруппы так или иначе отражают противопоставление согласовательных классов существительных. Таковы, например, числительные: *оба* (ср. *вижу оба дома, обоих слонов, обе стены, обеих девочек*); *два* (ср. *вижу два дома, двух слонов, две стены, двое саней*); *три, четыре* (ср. *вижу три дома, трёх слонов, трое саней*); *полтора* (ср. *полтора дня и полторы минуты*). В парадигмах таких числительных, естественно, имеется противопоставление по согласовательному классу. Например, парадигма слова *оба* имеет в В. падеже следующие клетки: согласовательный класс 1 — *оба*, 2 — *обих*, 3 — *обе*, 4 — *обеих*, 5 — *обба*, 6 — *оббих*, 7 — пустая клетка.

У числительных второй подгруппы имеется ровно один сегмент для каждого падежа. Таковы, например, числительные *одиннадцать, двадцать, сорок, сто, пятьсот*. Поскольку признавать для таких слов омонимию всех согласовательных классов во всех падежах бессмысленно, они рассматриваются как имеющие только одну словоизменительную грамматическую категорию — падеж. Таким образом, их парадигматическая схема такая же, как у местоимений-существительных.

Некоторые трудности возникают в связи с сегментами так называемого собирательного типа (*двое, двойки, пятеро, пятерых* и т. д.). Очевидно, что, например, сегмент *двое* в словосочетании *двоих саней* должен рассматриваться как сегмент лексемы *два*. Не следует ли в во всех остальных случаях рассматривать сегменты собирательного типа как принадлежащие соответствующим количественным числительным? По-видимому, такое решение было бы поспешным, поскольку в ряде случаев противопоставление типа *два—двое* отражает не только различие согласовательных классов;ср. *трое вышли из лесу* (нельзя сказать *три лежат на столе*), *нас двое* (это может быть сказано *о двух женщинах*) и т. п. Таким образом, следует признать существование самостоятельных лексем *два* и *двое*, *пять* и *пятеро* и т. д. Отдельный вопрос состоит в том, как распределить между этими лексемами сегменты собирательного типа. Чтобы облегчить собственно морфологическое описание, этот вопрос решается в настоящей работе несколько упрощенно: всякий сегмент собирательного типа считается принадлежащим соответствующему собирательному числительному; однако в тех словосочетаниях, которые нельзя заменить словосочетанием с участием сегмента

количественного типа (*два, двух* и т. д.), сегмент собирательного типа считается принадлежащим, кроме того, также к соответствующему количественному числительному (практически таковы только сегменты *две*, *трое*, *четверо* в словосочетаниях типа *двоє саней*). В результате получаются, в частности, такие лексемы: *два* (сегменты *два, две, двух, двум,* *двумя, две*, причем последний — только для И. и В. падежей согласовательного класса 7); *две* (сегменты *две, двойк, двойм, двойми*); *пять* (сегменты *пять, пятый, пятую*); *пятеро* (сегменты *пятеро, пятерых, пятерым, пятерыми*). При этом лексемы *два, две*, *пятеро* попадают в первую из указанных выше подгрупп (т. е. в их парадигмах имеется противопоставление согласовательных классов, ср. *вижу двоих мужчин*, но *вижу двое саней*), а лексема *пять* — во вторую (т. е. в ее парадигме имеется противопоставление только по падежу). Лексемы типа *две*, *пятеро* могут соединяться только с существительными согласовательных классов 2, 6 и 7; иначе говоря, их парадигмы признаются дефектными: они не имеют словоформ согласовательных классов 1, 3, 4, 5.

Числительные *столько, сколько, несколько* допускают колебания в В. падеже при одушевленных существительных: можно сказать *вижу нескольких студентов* и *вижу несколько студентов*. Соответственно у каждого из них различаются два варианта парадигмы, один из которых имеет противопоставление согласовательных классов (В. неод. *несколько*, В. одуш. *несколько*), а другой не имеет (В. падеж всегда *несколько*).

Грамматическая категория атрибутивности—неатрибутивности

§ 2.22. Грамматической категорией атрибутивности—неатрибутивности мы будем ниже называть грамматическую категорию (не имеющую в русской лингвистической традиции удобного названия), которая внешне выражается в противопоставлении так называемых полных и кратких форм прилагательных, например *тбчный* и *тбчен*, *узкая* и *узкá*, *сурбые* и *сурбвы* (под формами в этих традиционных названиях фактически понимаются словоформы). Предложенное название отражает способность полных (атрибутивных) словоформ выступать в атрибутивной связи с существительными (например, *точный прибор*, *узкая дорога*, *суровые люди*) и отсутствие такой способности у кратких (неатрибутивных) словоформ. Последние почти всегда выступают во фразе в предикативной функции, например: *эта дорога узка, эти люди суровы*. Однако в этой функции могут выступать и атрибутивные словоформы, например: *эта дорога — узкая* (поэтому называть неатрибутивные словоформы предикативными было бы не вполне точно).

Способность или неспособность словоформы прилагательного выступать в атрибутивной функции образует синтаксический элемент ее значения. Этот элемент обязателен (поскольку для каждой словоформы прилагательного известно, может ли она выступать в атрибутивной функции) и, следовательно, является грамматическим. Вопрос о том, сопряжены ли с синтаксическими элементами «атрибутивность» и «неатрибутивность» какие-либо номинативные элементы, является спорным. Основной факт, заставляющий искать такие номинативные элементы, — это про-

тивопоставления типа *этот мальчик здоров* и *этот мальчик здоровый*; *он весел* и *он весёлый*⁶⁹. Как известно однако, попытки выявить единое семантическое основание во всех таких противопоставлениях, наталкиваются на значительные трудности⁷⁰. В связи с этим представляется убедительной трактовка, предложенная А. В. Исаченко⁷¹, согласно которой такие противопоставления сводятся к различию в структурной схеме фразы, а именно: фразы типа *этот мальчик здоровый*, *он весёлый* синтаксически равносильны фразам типа *этот мальчик шалун*, *он учитель*, тогда как фразы *этот мальчик здоров*, *он весел* представляют самостоятельную структурную схему. При такой трактовке противопоставление атрибутивных и неатрибутивных словоформ должно рассматриваться как чисто синтаксическое. Таким образом, мы будем считать, что граммемы рассматриваемой грамматической категории представляют собой синтаксические элементы. Отсюда следует, в частности, что, например, словоформы *здор^{об}ый* и *здор^бов* представляют одну и ту же лексему⁷².

Особый вопрос состоит в том, как рассматривать фразы типа *этот журнал мой* (где участвует прилагательное, не допускающее противопоставления типа *здор^бовый*—*здор^бов*). Следует ли приравнивать эту фразу только к фразе *этот мальчик здоровый* (ср. атрибутивные сочетания: *мой журнал*, *здоровый мальчик*) или, кроме того, также к фразе *этот мальчик здоров?* Ниже мы исходим из первого решения, поскольку оно существенно упрощает морфологическое описание прилагательных и в то же время допустимо (а может быть, даже предпочтительно) с синтаксической и семантической точек зрения. Иначе говоря, мы не признаем омонимии атрибутивных и неатрибутивных словоформ; граммема «неатрибутивность» приписывается только таким сегментам, которые не могут выступать в атрибутивных сочетаниях, например: *весел*, *узк^а*, *рады*; соответственно, например, сегменты *мой*, *д^{яд}ина*, *бл^{оч}ье*, *морск^{ые}* получают граммему «атрибутивность».

Таким образом, одни прилагательные (например, *здор^бовый*) имеют как атрибутивные, так и неатрибутивные словоформы; другие (например, *мой*) имеют только атрибутивные словоформы. Кроме того, существует небольшая группа прилагательных, имеющих только неатрибутивные словоформы (например, *рад*,

⁶⁹ См., в частности: Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке. «Уч. зап. МГУ», 1952, № 150.

⁷⁰ Критику таких попыток см. в работе: А. В. Исаченко. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных. «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 72—75.

⁷¹ А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 71—85.

⁷² В соответствии с лексикографической традицией в изолированных случаях типа *должний*—*должен* признается существование двух отдельных лексем.

гора́зд). Очевидно, что для прилагательных типа *здорóвый* грамматическая категория атрибутивности—неатрибутивности является словоизменительной, а для прилагательных типа *мой* — классифицирующей. Прилагательные типа *рад* (образующие своего рода отклонение от нормы) трактуются особо, а именно, как слова с дефектной парадигмой: им приписывается та же парадигматическая схема, что прилагательным типа *здорóвый*, но клетки для атрибутивных словоформ здесь пустые.

К сожалению, на практике крайне трудно провести границу между прилагательными, имеющими и не имеющими неатрибутивные словоформы. Дело в том, что наряду с прилагательными, заведомо образующими неатрибутивные словоформы (*здорóвый*, *весёлый*, *уэ́кий* и т. д.), и прилагательными, заведомо их не образующими (*мой*, *дáдин*, *влчий*, *этот*, *котбрый* и т. д.), имеется большое количество прилагательных, для которых ответ на этот вопрос неочевиден, например: *сирéневый*, *шёлковый*, *информационный*, *внéшний*. Традиционная формула гласит, что неатрибутивные словоформы образуются от так называемых качественных и не образуются от так называемых относительных прилагательных. Однако в действительности практически любое относительное прилагательное может приобрести в соответствующем контексте «качественный» оттенок (позволяющий при прочих благоприятных условиях образовать неатрибутивные словоформы); поэтому приведенная формула оказывается неэффективной. Гораздо более реальным препятствием для образования неатрибутивных словоформ служит определенная морфологическая структура прилагательного. Например, независимо от значения, не образуют неатрибутивных словоформ прилагательные, у которых атрибутивная словоформа И. мн. оканчивается на *-ы*, *-и* (ср. *мо́й*, *дáдина*, *влчьи*, *эти*), прилагательные с суффиксом *-ск-* и т. д. Некоторые морфологические факторы лишь затрудняют образование неатрибутивных словоформ, хотя и не исключают его полностью (таково, например, положение с прилагательными на *нбй* или на *ний*).

В настоящей книге для целей морфологического описания принято некоторое рабочее разграничение прилагательных, образующих и не образующих неатрибутивные словоформы (оно указано в § 3.3). Поскольку в самом языке здесь нет четкой границы, это разграничение вынужденным образом носит несколько условный характер. Оно основано прежде всего на морфологических факторах. Степень употребительности неатрибутивных словоформ при этом не принимается во внимание; иначе говоря, прилагательные, у которых неатрибутивные словоформы фактически являются лишь потенциальными, трактуются так же, как прилагательные с регулярно употребляемыми неатрибутивными словоформами (ср. в этом отношении вопрос о мн. числе у *singularia tantum*, § 2.12).

Неатрибутивные словоформы, в отличие от атрибутивных, не различают падежей. С формальной точки зрения их можно отнести к И. падежу или считать беспадежными. По существу важно лишь то, что наличие граммемы «неатрибутивность» снижает необходимость в указании падежа.

Вопрос о степенях сравнения

§ 2.23. Вопрос о том, следует ли относить образование степеней сравнения к именному словоизменению, представляет значительные сложности. Прежде всего, по-видимому, необходимо различать два противопоставления (положительная—сравнительная степень и положительная—превосходная степень), каждое из которых должно быть оценено с этой точки зрения отдельно. Дополнительную проблему составляет соотношение простых (синтетических) степеней сравнения с аналитическими формами, признаваемыми, впрочем, далеко не во всех описаниях.

Отношение между положительной и (синтетической) превосходной степенью, по-видимому, правильнее оценивать как словообразовательное, а не как словоизменительное⁷³. Некоторые исследователи таким же образом оценивают и отношение между положительной и (синтетической) сравнительной степенью⁷⁴.

С морфологической точки зрения образование степеней сравнения представляет собой процедуру, существенно отличную от тех, которые встречаются в основной части системы именного словоизменения. Иначе говоря, независимо от решения поставленных выше вопросов, эта процедура требует отдельного, обособленного описания (по своей структуре, по-видимому, сходного с описанием словообразовательных отношений). В связи с этим мы не стремились в настоящей работе найти теоретическое решение спорного вопроса о вхождении или невхождении сравнительной и превосходной степеней в число форм словоизменения прилагательного. Практически же парадигмы прилагательных рассматриваются как состоящие только из словоформ положительной степени. Превосходные степени рассматриваются при этом как самостоятельные прилагательные; сравнительные степени вообще не входят в рассмотрение.

⁷³ См., в частности: Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 135; Н. А. Еськова. Образование синтетических форм степеней сравнения прилагательных в современном русском литературном языке. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

⁷⁴ См.: Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. Изд. 5: М., 1929, стр. 90; А. В. Исаенко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954, стр. 226; И. И. Ревзин. К типологии форм степеней сравнения в славянских языках. «Исследования по структурной типологии», стр. 35.

КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЫРАЖЕННЫХ В НИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

§ 3.1. Любую парадигму, вообще говоря, можно рассматривать со многих точек зрения. Очевидно, что при изучении словоизменения, в соответствии с самим внутренним смыслом этого термина, парадигма любого слова должна рассматриваться прежде всего с точки зрения того, как это слово может изменяться, не теряя тождественности самому себе, иначе говоря, каковы различия (как внешние, так и внутренние) между словоформами данного слова. Напротив, общая для всех словоформ парадигмы часть их внешней стороны, равно как и общая часть их значения, в этом отношении не представляет интереса. Так, например, та особенность парадигмы слова *мужчина*, что общей частью всех ее словоформ является именно цепочка *мужчин*, а не какая-либо иная, несущественна с точки зрения словоизменения (или, как мы будем говорить, не является ее словоизменительной характеристикой). Точно так же несущественно, какое именно номинативное значение имеют все словоформы этой парадигмы. Иначе говоря, с точки зрения словоизменения, например, парадигмы слов *мужчина* и *воевода* равнозначны, одинаковы: ничто из того, что их различает, не относится к числу словоизменительных характеристик.

В настоящей главе рассматриваются вопросы, связанные только с внутренней стороной словоформ. (Внешняя сторона словоформ изучается во II части книги; в частности, вопросу о существенных и несущественных внешних различиях между словоформами посвящена глава 5.) Как ясно из § 1.10, внутренние различия между двумя словоформами одного и того же слова всегда состоят (если отвлечься от стилистических оттенков) только в различии их словоизменительных грамматических значений (=грамматических форм). Это значит, что в соответствии с указанным выше общим принципом из всей внутренней стороны словоформ для словоизменения существенны только грамматические формы. Таким образом, при изучении словоизменения для характеристики внутренней стороны парадигмы необходимо указать только набор представленных в ней грамматических форм, а также наличие или отсутствие пустых клеток; тем самым определяется совокуп-

ность всех возможных грамматических противопоставлений между ее словоформами. Особо отметим, что в число словоизменительных характеристик слова не входят, таким образом, граммы классифицирующих грамматических категорий. В самом деле, с точки зрения словоизменения равнозначны, например, парадигмы слов *мужчина* (муж. род) и *акула* (жен. род); грамматический род (различный у этих слов) является их синтаксической характеристикой, но не является словоизменительной характеристикой.

З а м е ч а н и е. Исключение грамматического рода существительных из числа словоизменительных характеристик на первый взгляд может показаться непонятным. В самом деле, общеизвестно, что в русском языке существует определенная зависимость (нарушающаяся лишь у незначительного меньшинства существительных) между родом существительного и, например, набором его окончаний (см. также § 6.12—6.13). В связи с этим существует устойчивая традиция учитывать род существительных при описании их склонения. В действительности дело здесь в том, что в традиционных описаниях не разграничиваются два разных типа сведений о языке, а именно: 1) словоизменительная классификация существительных как таковая; 2) сведения о том, каким образом на основании характеристик существительного, относящихся к другим уровням (например, словообразовательных, синтаксических, семантических), могут быть предсказаны (полностью или частично) его словоизменительные характеристики. К сведениям второго рода относятся, например, такие правила: 1) русские мужские фамилии (семантическая и этимологическая характеристика) на *ов*, *ин* имеют в Т. ед. окончание *-ым*; 2) существительные с суффиксом *тель* (словообразовательная характеристика), кроме слова *учитель*, имеют ударение на основе во всех словоформах парадигмы; 3) существительные женского рода (синтаксическая характеристика) на *-ь* имеют при склонении следующие окончания: Р. ед., Д. ед., П. ед. *-и*, Т. ед. *-ью*, . . . (= относятся к так называемому III склонению). Очевидно, что из существования указанных зависимостей отнюдь не следует, что принадлежность к числу русских фамилий, наличие суффикса *тель* или грамматический род сами по себе являются словоизменительными характеристиками слова; они лишь обуславливают выбор таких характеристик (определенные окончания, подвижность или неподвижность ударения при склонении). В настоящей работе эти два рода вопросов четко разделены: основное содержание работы составляет анализ словоизменения как такового; вопросы второго рода рассматриваются только в дополнительных разделах.

Мы будем говорить, что две парадигмы имеют одинаковое внутреннее устройство, если 1) они состоят из одинакового числа клеток с соответственно одинаковыми названиями (= словоизменительными грамматическими энчениями) и 2) всякие две одноименные клетки этих парадигм либо обе пустые, либо обе непустые. Например, одинаковое внутреннее устройство имеют парадигмы слов *стол* и *армия*, *тот* и *кот*, *брый*, *новый* и *сильный*, *кто* и *что*.

Очевидно, что внутреннее устройство любой парадигмы полностью определено, если указано: 1) к какому грамматическому разряду (см. § 1.11) эта парадигма относится; 2) есть ли в ней пустые клетки («дефекты»), и если да, то какие именно. Соответственно, для классификации парадигм по внутреннему устройству вводятся два различительных признака: «грамматический разряд» и «дефекты парадигмы».

Различительный признак «грамматический разряд»

§ 3.2. Различительный признак «грамматический разряд» может принимать следующие пять значений:

Расширенный адъективный разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа, числа, согласовательного класса и атрибутивности — неатрибутивности. Парадигматическая схема этого разряда состоит из следующих грамматических форм:

А. Атрибутивные формы:

1) все возможные грамматические формы следующего строения:
а) граммема «атрибутивность»; б) одна из 13 граммем падежа¹;
в) одна из двух граммем числа; г) одна из семи граммем согласовательного класса;

2) семь грамматических форм следующего строения: а) граммема «атрибутивность»; б) граммема «счетная форма»; в) одна из семи граммем согласовательного класса².

Б. Неатрибутивные формы: 14 грамматических форм следующего строения: а) граммема «неатрибутивность»; б) одна из двух граммем числа; в) одна из семи граммем согласовательного класса.

Простой адъективный разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа, числа и согласовательного класса. Парадигматическая схема этого разряда равна части А парадигматической схемы расширенного адъективного разряда, с тем отличием, однако, что здесь в грамматических формах отсутствует граммема «атрибутивность».

Субstantивный разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа и числа. Парадигматическая схема этого разряда состоит из следующих грамматических форм:

1) 26 грамматических форм следующего строения: а) одна из 13 граммем падежа; б) одна из двух граммем числа;

2) счетная форма.

Согласуемо-бесчисловой разряд. Словоизменительными для этого разряда являются грамматические категории падежа и согласовательного класса. Парадигматическая схема этого разряда состоит из всех возможных грамматических форм следующего строения: а) одна из 13 граммем падежа; б) одна из семи граммем согласовательного класса.

Несогласуемо-бесчисловой разряд. Словоизменительной для этого разряда является только грамматическая категория падежа. Соответственно его парадигматическая

¹ Здесь и ниже под 13 падежами понимаются падежи, перечисленные в § 2.10, за вычетом счетной формы.

² Относительно граммемы числа в счетных формах см. § 2.8.

схема состоит всего из 13 грамматических форм, каждая из которых содержит только граммему падежа.

В качестве исходной словоформы (см. § 0.5) у слов расширенного адъективного разряда выступает атрибутивная словоформа И. ед. 1-го согласоват. класса; у слов простого адъективного разряда — словоформа И. ед. 1-го согласоват. класса; у слов субстантивного разряда — словоформа И. ед.; у слов согласуемо-бесчислового разряда — словоформа И. падежа 1-го согласоват. класса; у слов несогласуемо-бесчислового разряда — словоформа И. падежа. Лишь у нескольких слов с дефектной парадигмой выбор исходной словоформы не подчиняется этому правилу; они указаны в § 3. 4.

Слова субстантивного разряда мы будем называть также существительными, а слова обоих адъективных разрядов — прилагательными. Поскольку оба этих термина уже использовались выше (без определения или в значении, указанном в § 2.1), специально условимся о том, что во всем последующем тексте книги они будут употребляться только в указанном здесь значении.

З а м е ч а н и е. Как можно понять из предпоследующего изложения, новые значения, принесенные здесь терминам «существительное» и «прилагательное», меняют (по сравнению с § 2.1) только содержание, но не объем соответствующих попыток (т. е. этим терминам практически соответствуют те же самые совокупности слов, что и раньше).

В последующем изложении может быть использован также термин «причастие». Формального определения ему не дается. На неформальном уровне укажем следующее. Предполагается, что существуют определенные морфологические правила, позволяющие от любого глагола образовать серию слов простого или расширенного адъективного разряда, в значение которых входит все собственно номинативное значение данного глагола; эти слова и называются причастиями. Заметим, что вопрос о том, являются ли причастия отдельными словами (как они для простоты названы выше) или лишь частью парадигмы соответствующего глагола, довольно сложен. Здесь мы этот вопрос не рассматриваем. Очевидно, однако, что как бы он ни решался, в морфологическом описании русского языка словоизменение причастий должно рассматриваться вместе со словоизменением обычных прилагательных. Таким образом, с точки зрения настоящей работы, посвященной только именам, причастия суть просто прилагательные.

Как известно, причастия легко могут утрачивать непосредственную связь с глаголом и приобретать значение постоянного признака (характерное для обычных прилагательных), а также иные дополнительные значения. В этом случае возникает (по крайней мере с формальной точки зрения) новое слово — тоже прилагательное, но уже не причастие; его можно назвать о-

Причастным прилагательным³. Ср., например: *знающий своё дело, воспитанный в религиозном духе, определённый специальным прибором* (причастия от знать, воспитать, определить) и *очень знающий человек, очень воспитанный мальчик, совершенно определённый ответ* (от причастные прилагательные).

В последующем описании в некоторых случаях (а именно в § 6.17 и 6.32) нам потребуется отличать причастия от всех прочих прилагательных (в том числе и от причастных). По внешним признакам исходной словоформы этого сделать невозможно — прежде всего потому, что практически для каждого причастия имеется (или может быть образовано) от причастное прилагательное с омонимичной исходной словоформой (ср. примеры выше). В самом деле, различие, например, между причастием *знаяющий* и от причастным прилагательным *знаяющий* определяется исключительно их значением. В связи с этим для указанных двух параграфов принимается допущение, что нам известно, какие слова являются причастиями.

§ 3.3. Пытаясь построить правила определения грамматического разряда произвольного слова по внешнему виду его исходной словоформы, мы сталкиваемся с существенной трудностью, связанной с так называемой субстантивацией прилагательных. Как известно, практически всякое прилагательное может при необходимости субстантивироваться, т. е. от него может быть образовано одно или несколько существительных, у каждого из которых словоформы омонимичны атрибутивным словоформам данного прилагательного, относящимся к одному из семи согласовательных классов. Мы будем называть такие существительные от *адъективными*⁴. Ср., например, прилагательные *больной, заливной, подъёмный* и от адъективные существительные *больной, больная, заливное, подъёмные* и т. п. С интересующей нас точки зрения трудность составляют пары типа *больной* (прилагательное) — *больной* (отадъективное существительное мужского рода), где омонимичны исходные словоформы. Очевидно, что в любых правилах, которые должны давать разный результат для членов подобной пары, необходимо использовать, помимо исходной словоформы, какие-то дополнительные сведения, позволяющие различить эти слова. Простейшими и наиболее естественными являются здесь дополнительные указания типа: *больной* (прилагательное) — *больной* (существительное). Они непосредственно отражают основное существо рассматриваемого различия. Любые другие указания отражают лишь следствие названного

³ Более распространен термин «адъективированное причастие»; но он неудачен, поскольку, вопреки его внутренней структуре, называемые им слова не являются каким-либо подклассом класса причастий. Заметим, что точно такой же недостаток имеет термин «субстантивированное прилагательное» и поэтому мы заменяем его термином «отадъективное существительное».

⁴ Относительно термина см. предыдущую споску.

основного различия, т. е. фактически дают те же сведения, но окольным путем; ср., например, такие указания: *больной* (нездоровий) — *больной* (пациент), или *больной* (как признак) — *больной* (как обозначение лица), или *больной* (слово без фиксированного рода) — *больной* (слово мужского рода) и т. п.

Таким образом, для членов подобных пар принадлежность к числу прилагательных или существительных должна считаться заранее известной. Невозможно, однако, провести строгую границу между случаями, где подобная пара уже сформировалась (т. е. где отадъективное существительное несомненно существует), и случаями, где отадъективное существительное следует считать лишь потенциальным словом⁵. Поэтому, чтобы сделать строящиеся здесь правила достаточно общими, мы вынуждены принять следующее более сильное допущение: предполагается, что про любое слово на *ый*, *ий*, *ой*, *ийся*, *ов*, *ёв*, *ев*, *ин* или *ын* (т. е. слово, у которого исходная словоформа оканчивается так, как это характерно для прилагательных), а также про любое слово из списка, данного ниже (раздел I, пункт Б 1), известно, является ли оно прилагательным или существительным (или ни тем ни другим).

Ниже приводятся правила, позволяющие установить грамматический разряд произвольного русского имени на основании его исходной словоформы и сведений, определяемых сформулированным выше допущением. Правила состоят из двух этапов: на I этапе устанавливается принадлежность слова к одному из следующих четырех классов: слова согласуемо-бесчислового разряда, слова несогласуемо-бесчислового разряда, прилагательные, существительные; на II этапе устанавливается грамматический разряд прилагательных.

Правила определения грамматического разряда

I. Правила определения грамматического разряда с точностью до различия между двумя адъективными разрядами

К согласуемо-бесчисловому разряду относятся слова: 1) оди́н (числительное), *два*, *три*, *четыре*, *полтора*, *бба*, *двбе*, *трбе*, *чे�тверо*, *шéстero*, *сéмеро*, *всéмёро*, *дéвят ero*, *дéсять ero*; 2) *столько*, *сколько*, *нéсколько* (в том варианте⁶, где В. одуш.=Р.: *вжку* *несколько* *студентов*); 3) *все*, *нéкоторые*, *мнóгие*, *немнóгие*, *каждый* (в качестве слов-атрибутов).

К несогласуемо-бесчисловому разряду относятся слова: 1) *пол* (половина), *пять*, *шесть*, *семь*, *всéмь*, *дéвять*, *дéсять*, *оди́ннацать*, *двенáдцать*, *тринáдцать*, *четырнáдцать*, *пятнáдцать*, *шестнáдцать*, *семнáдцать*, *восемнáдцать*, *девятнáдцать*, *двáдцать*, *трíдцать*, *сéрок*, *пятнáдцать*, *шестнáдцать*, *сéмнáдцать*, *восемнáдцать*, *девяносто*, *сто*, *полторáста*, *дóсти*, *трíста*, *четыреста*, *пятнáстbт*, *шестнáстbт*, *семнáстbт*, *восемнáстbт*, *девятнáстbт*, *тысяча* (числительное); 2) *столько*, *сколько*, *нéсколько* (в том вар-

⁵ Иногда допустимо, правда, узко формальное решение данного вопроса, при котором учитываются только те отадъективные существительные, которые зафиксированы в определенном словаре (например, в УШ.). Однако в данном случае такое решение привело бы к тому, что строящиеся здесь правила оказались бы почти бесполезными за пределами исходного материала.

⁶ См. § 2.21; относительно вариантов парадигмы см. также § 4.3.

рианте, где В.=И.: *вижу несколько студентов*; *многого, немногого, мало, немало*; 3) *я, ты, он, она, онб, мы, вы, они, себя, друг друга, кто, что, никто, ничто*⁷, *некто, нечто, некоего, нечего*; 4) *все, некоторые, многие, немногие, каждый, любой, все, многое, немногое, всякое, прочее, оставшееся* (в качестве предметных слов).

Прочие слова являются прилагательными или существительными. Они распределяются следующим образом.

A. Слова на *ый, ий, ой, ийся, ов, ёв, ев, ин, ин*.

В силу сформулированного выше допущения для всех таких слов принадлежность к числу прилагательных или существительных считается заранее известной⁸. Примеры: прилагательные — *богатый, русский, больныи, выдающийся, чёртов, царёв, дядин, курицын*; существительные — *богатый, русский, больныи, учącyися, Попби, Царёв, Воронин; вождатый, лёший, понятый, вольноопределяющийся, алюминий, герб, жёрнов, тётерев, филин*.

B. Слова, оканчивающиеся иначе.

1. Следующие исходные словоформы представляют по два слова, одно из которых является прилагательным, а другое существительным (в силу допущения, сформулированного выше, считается известным, какой именно из членов пары рассматривается): а) *наш, ваш*; б) *иоруба, мунда, хуса, хинди, бенгали, пали, суахили, ками, марси, урду, банту, пушту, майя, антукуа, неглижé, травести, марёного, бордб, мбкко, барбкко, рококб, сбло, модёр, тэт-а-тэм, циррих-манйрих, апáи*.

2. Следующие слова являются прилагательными: а) *этот, тот, сам, весь, сей, чей, ничей, а также господень; б) горбад, обложен, люб, рад, великоват, маловат, одинёхонек, одиннёшеник, радёхонек, радёшенек*, а также слова на *енек, онек*, например: *близёnek, строгбнек; в) его, её, их* (притяжательные прилагательные); г) *мэрзе, аликé, фантази, хаки, либерти, нётто, брутто, комильфó, массакá, беж, электрик*.

3. Остальные слова являются существительными, например: *завбд, роль, линия, окнб, радио, запятая, насекомое, позвывные*.

III. Правила определения грамматического разряда у прилагательных

К расширенному адъективному разряду относятся:

А. Из прилагательных на *ый* — все, кроме: а) *первый, четвёртый, пятый, девятый, девяностый, тысячный* и прилагательных на *цатый, десятый, сотый* (например, *двенадцатый, десятый, трёхсотый*); б) *котрый, некоторый, никотрый, бныи, сáмыи*.

Б. Из прилагательных на *ий*:

1. Все прилагательные на *ий, хий, щий*⁹ и на гласную + *ий*, например: *упругий, ёхтый, цветущий, обицкий, длинношёй*.

2. Из прилагательных на *ий*: а) прилагательные не на *ский, цкий, ъкий* (кроме *эдакий, ётакий, нéкий, єкий, всáкий*), например: *млекий, стбийкий, одинбкий, жárкий; б) ёеский, плбский, нбский, лайценбский, брбский, трásкий, хрásкий; в) прилагательные на *ёнхонький, ёшенький* и на *к, г* или *х+бхонький, бшенький*, например: *смирнёшеник, полнёхонький, легбхонький*; кроме того, *маленький*.*

3. Из прилагательных на *жий, чий, ший*: а) прилагательные на *учий, ючий* (кроме *паучий, сивучий, внуучий, сучий, барсучий, щучий, гадючий, би-*

⁷ В обычном значении; о существительном *ничто* см. § 3.4, пункт 11.

⁸ Следует специально указать, что слова *какб* и *такб* в настоящей работе считаются прилагательными.

⁹ Причастия на *щий* (не превратившиеся в обычные прилагательные) относятся к простому адъективному разряду: так, можно сказать *он знающ*, но нельзя сказать *он знающ своё дело* (в исходный материал причастия на *щий* не входят).

рёчий); на *гбжий*, *кбжий*, *рбжий*, *хбжий*, *плёчий*, например: *могучий*, *колючий*, *приебжий*, *вхбжий*, *широкоплечий*; б) *рбжий*, *свёжий*, *досу́жий*, *рыжий*, *бесстыжий*, *дюжий*, *уклюжий*, *неуклюжий*; *лежачий*, *рабчий*, *охбчий*, *сидячий*, *брдячий*, *ходячий*, *стоячий*, *спячий*, *зрачий*, *горячий*, *висячий*; пёший, *хорбший*.

4. Из прочих прилагательных на *ий*: а) прилагательные на *сторонний* (например, *сторбний*, *многосторбний*), а также *дбвний*, *стародбвний*, *древний*, *срдний*, *пздний*, *прёжний*, *порбжний*, *пустопорбжний*, *сйний*, *крайний*, *бескрайний*, *рбнний*, *искренний*, *выспренний*, *внутренний*, *совершеннополётный*, *домашний*, *внешний*, *мйшний*, *излшний*, *дльний*; б) *кбрый*, *тугосцис*.

В. Из прилагательных на *ой*:

1. Из прилагательных с односложной исходной словоформой — *злой*.

2. Из прилагательных с двусложной исходной словоформой: а) прилагательные не на *кой*, *лой*, *ной*, *той* (кроме *люббий*, *драгбий*, *другбий*, *рудбий*, *чужбий*, *борбий*, *вторбий*, *старшбий*, *меньшбий*), например: *ряббий*, *тугбий*, *правбий*, *сырбий*; б) *гнилбий*, *роднбий*, *чуднбий*, *блажнбий*, *сквознбий*, *срамнбий*, *земнбий*, *дряннбий*, *дурнбий*, *цветнбий*, *ручнбий*, *смешнбий*, *шальнбий*, *хмельнбий*, *больнбий*; *простбий*, *густбий*, *пустбий*, *крутбий*, *святбий*.

3. Из прилагательных с более чем двусложной исходной словоформой: *голуббий*, *ходовбий*, *деловбий*, *дорогбий*, *молодбий*, *удалбий*, *озорнбий*, *развитбий*, *волотбий*, *холостбий*.

Г. Из прочих прилагательных:

гораэд, *блажен*, *люб*, *рад*, *великоват*, *маловат*, *какбв*, *такбв*, *одинёхонек*, *одинёшенек*, *рабёхонек*, *радёшенек*, а также все слова на *ечек*, *онек*, например: *близёnek*, *строгонек*.

Остальные прилагательные относятся к простому адъективному разряду, например: *котбрый*, *вёрхний*, *русский*, *нулевбий*, *свой*, *вблчий*, *дбдин*, *чёртов*, *выдающщийся*, *банту*.

Всего в исходный материал входит около 34 700 существительных, около 20 100 прилагательных (в том числе около 16 100 расширенного адъективного разряда и около 4000 простого адъективного разряда), 23 слова согласуемо-бесчислового разряда и 72 слова несогласуемо-бесчислового разряда.

Различительный признак «дефекты парадигмы»

§ 3.4. Различительный признак «дефекты парадигмы» отражает наличие или отсутствие в парадигме пустых клеток («дефектов»), а также то, какие именно клетки являются пустыми. Ниже перечислены возможные значения этого различительного признака. Для каждого ненулевого значения указано, какие слова его имеют.

Значения различительного признака «дефекты парадигмы»:

0. Пустых клеток в парадигме нет (пульсное значение; см. § 6.2, пункт 1). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

1. Нет словоформы И. падежа. Слова: *себб*, *нёкого*, *друг дрўга*.

2. Нет словоформ И. падежа и В. самостоят. падежа. Слово *нёчего*.

3. Нет словоформ никаких падежей, кроме И. Слово *нёчто*.

4. Нет словоформ никаких падежей, кроме И. и В. Слова: *нёчто*, *пол* (половина), *мало*, *немало*.

5. Нет словоформ никаких падежей, кроме Р. и Р₂. Слова: *дробц*, *щец*.

6. Нет словоформ ед. числа. Слова: а) *внчата*, *девчата*, *ребята*; *модожённы*, *родители*; б) *дётки*, *детишки*, *дётушки*, *зверятки*, *людышки*,

ребя́тки, ребя́тишки, ребя́тушки, солдáтушки, телáтки¹⁰; в) дрéвние, до-
машне, молодые, родные, новобрачные, бра́щающиеся.

7. Нет словоформ ед. числа и словоформы И. мн. Слово *сот* (сотен)¹¹.

8. Нет словоформы И. мн. Слово *человéк* (вариант с основой мн. числа *человек*).

9. Нет словоформ Р. мн. и Р₂ мн. Слова: а) *мга*, *мгла* (также *полумгla*), *мда*, *тьма* (*мрак*) (также *полутьмá*), *хна*; устар. *скло* (*сткло*)¹²; б) слова на согласную (или ы)+цá, кроме *крепостцá* (а именно: *гнильцá*, *грязцá*, *грязнотцá*, *краснотцá*, *ленцб*, *пыльцá*, *рысцá*, *сольцá*, *сырцá*, *труscá*, *хрипотцá*), а также слова *казнá*, *камкá*, *пенькá*, *тоскá*¹³.

10. Нет словоформ Р. мн., Р₂ мн. и В. мн. Слово *трескá*.

11. Нет словоформ, кроме И. ед. и В. ед. Слова: а) *огнь*, *пáмень*¹⁴; б) *поросá*¹⁵; в) *ничтó* (существительное)¹⁶.

12. Нет словоформ, кроме И. ед., В. ед. и Т. ед. Слово *пбылья*.

13. Нет неатрибутивной словоформы муж. рода ед. числа. Слова: а) *срéдний*, *пбздний*, *прéжний*, *порбжний*, *пусторбжний*, *крайний*, *бес-крайний*, *рáнний*, *внúтренний*, *сторбнний*, *посторбнний*, *совершеннолётний*, *домáшний*, *внéшний*, *лыший*, *далльний*; б) *субгный*, *гротéскный*; в) *роднбй*, *блажнбй*, *сказнбй*, *срамнбй*, *земнбй*, *цветнбй*, *ручнбй*, *шальнбй*, *голубнбй*, *ходовнбй*, *деловнбй*, *озорнбй*, *золотнбй*.

14. Нет атрибутивных словоформ. Слова — те, которые указаны в § 3.3, раздел II, пункт Г, например: *рад*, *радёхонек*, *близéнек*.

15. Нет словоформ согласоват. классов 1, 3, 4 и 5. Слова: *двбе*, *тробе*, *четвero*, *пáтеро*, *шестero*, *сéмеро*, *восьмеро*, *девятеро*, *дeсятеро* (см. также § 2.21).

16. Нет словоформ И. и В. падежей согласовательного класса 7. Слова: *полторá*, *бба*.

17. Нет словоформ И. ед. и В. ед. женского рода. Слово *кóй* (устар.).

Слова с некоторыми дефектами не подчиняются правилу об исходной словоформе, данном в § 3.2, а именно: при дефекте 1 и 2 исходной является словоформа Р. падежа; при дефекте 5 — словоформа Р. мн.; при дефекте 6 — словоформа И. мн.; при дефекте 14 — словоформа неатрибут. муж. ед.; при дефекте 15 — словоформа И. падежа 2-го согласовательного класса.

Общее число слов, имеющих ненулевое значение данного признака, — около 140.

¹⁰ Список составлен строго в пределах исходного материала; за пределами этого материала имеется много других уменьшительных данного типа, например: *котятки*, *мышатки*, *поросёнки*.

¹¹ Словоформы *сто*, *ста* выступают только в роли числительных и, таким образом, не могут считаться ед. числом к словоформам *сot*, *стам*, *стáми*, *стах*, образующим данную парадигму (равным по своему значению словоформам *сбтен*, *сbtням*, *сbtнями*, *сbtнях*).

¹² Сюда же примыкают топонимы: *Лъва*, *Мда*, *Мста*, *Пра*, *Цна* (реки); *Мга* (река и город).

¹³ Как можно видеть, дефект 9 признается в настоящей работе только у слов, для которых само построение словоформ Р. мн. вызывает затруднения; напротив, он не признается, например, у слов *мечтá*, *мольбá*, *башкá*, у которых Р. мн. хотя и неупотребителен, но при необходимости легко может быть построен.

¹⁴ Приводимые в словарях словоформы косвенных падежей этих слов (например, Р. ед. *огнá*, *плáмени*) в действительности не равны исходной словоформе по стилистической окраске, поскольку в тексте они неизбежно воспринимаются как принадлежащие словам нейтрального стиля *огóнь*, *плáмия*.

¹⁵ Принято вопреки Уш., где этому слову приписывается полная парадигма; в АО нет.

¹⁶ Т. е. слово, выступающее, например, во фразах: *он совершилничтó*, *он превратился вничтó* (ср. фразу *он не превратился ни во чтó*, где выступает слово несогласуемо-бесчислового разряда *ничтó*).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ВНЕШНЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ
ГРАММАТИЧЕСКИХ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ
В РУССКИХ
ИМЕННЫХ
ПАРАДИГМАХ**

Г л а в а ч е т в е р т а я

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСХОДНОМ МАТЕРИАЛЕ

Уточнение объема исходного материала

§ 4.1. Как указано в § 0.1, в настоящей работе из общей массы русских слов выделена некоторая строго ограниченная совокупность, называемая «исходным материалом». Состав этой совокупности слов определяется так. Назовем слово «именем из основного списка», если хотя бы одним из словарей: АО, Орф., Уш., ССРЛЯ — оно квалифицируется как существительное, прилагательное, причастие, числительное или местоимение¹. Исходный материал включает: 1) совокупность всех имен из основного списка, содержащихся в Бильф. или в АО², за исключением тех, которые указаны ниже в настоящем параграфе; 2) некоторую дополнительную совокупность слов, также указываемую ниже в настоящем параграфе. Иными словами, исходный материал — это теоретико-множественная сумма имен, содержащихся в Бильф. и АО, с некоторыми специально оговариваемыми вычетами и дополнениями.

В исходный материал не включаются следующие группы имен из основного списка, содержащихся в Бильф. или АО:

1. Слова, содержащие дефис (кроме неизменяемых), например: *баба-яга, хлеб-соль, перекаты-плье, северо-восток, военно-полевой, кде-кто, кто-то, чт-либо, какой-нибудь*.

2. Слова, у которых исходная словоформа состоит из *пол-+Р. ед.* некоторого слова (начинающегося с согласной), например: *полкруга, полметра, полдня, полслова, полночи, полминуты, полуценый*; кроме того, слова *полчаса, полшага*.

¹ Неопределенной в этом отношении является помета «неизм(еняемое)», используемая в АО и Орф. (она стоит как при неизменяемых прилагательных, например *бáнту*, так и при словах совершенно иной синтаксической природы, например *мáу, чур-чурá*). Все слова, рассматриваемые в настоящей работе как неизменяемые прилагательные, перечислены в § 3.3, I Б.

² Под словом, содержащимся в словаре Бильф. (который представляет собой просто список исходных словоформ), понимается всякое слово, исходная словоформа которого в нем содержится. Исключение составляют причастия: считается, что Бильф. причастий не содержит (т. е. что, например, словоформы *оживлённый, открытый, любимый, цветущий, бывший*, содержащиеся в Бильф., являются представителями только обычных прилагательных, но не причастий). Таким образом, из причастий в исходный материал входят только те, которые содержатся в АО (их около 4800).

3. Слова, у которых исходная словоформа состоит из безударного *полу* плюс исходная словоформа некоторого слова, входящего в исходный материал, например: *полубог*, *полукольцо*, *полулист*, *полутон*, *полубольной*, *полумёртвый*. В качестве исключения в исходный материал входят, однако, слова *полузабытьё*, *полуймя*, *полукруг*, *полумгла*, *полубстров*, *полутень*, *полутьма*.

4. Прилагательные, у которых исходная словоформа состоит из безударного *не* + исходная словоформа некоторого прилагательного, входящего в исходный материал, например: *недурной*, *неразвитый*, *несложный*, *неудобный*; кроме того, следующие прилагательные: *превеликий*, *превысенный*, *предликий*, *предббрый*, *предоргей*, *премнбгий*, *пречистый*, *развесёлый*. В качестве исключения в исходный материал входят, однако, слова *невинный*, *нембй*, *ненаглый*, *непреклонный*, *несмётный*, *неуклонный* (которые в действительности не образованы от соответствующих более простых слов с помощью *не*), а также *незавеённый*, *неприкосновённый*, *неуклбжий*.

5. Слова, у которых исходная словоформа оканчивается на *пбезд*, *прбод*, *фурбаж*, *збак*, *сбни*, *чбсти*, *пблк*, *збзел*, *хозбин*, *волокнб*, *зернб*, *редбактор*, *инспбктор*, *инстрбктор*, *чбс*, *централь*, *магистраль*, *озбнь*, *лбгеръ*, *сбть*, *чбсть*, *пбмоющ* или *сбм* (с именно таким ударением), однако не равна ни одной из этих цепочек; например: *бронепбезд*, *аэросбни*, *радиозбзел*, *домохозбин*, *льноволокнб*, *автоинспбктор*, *теплоцентраль*, *артогбнь*, *пионерлбгеръ*, *авиачбсть*, *взаимопбмоющ*. Кроме того, следующие слова: *стереотрбущ*, *сорвиголова*, *шумиголова*, *киноозведа*, *радиоволна*, *предплюсна*, *медсестрা*, *лесополоса*, *детсад*, *киногброд*, *нарсбд*, *цветолбже*, *фотомонтаж*, *литмонтаж*, *парктаж*, *пара��аучук*, *кинотрбк*, *исправдбм*, *комбикбрм*, *нацменьшинств*, *макромбр*, *микромбр*, *военспбец*, *радиозбзяц*, *электростраль*, *цитрованиль*, *сверхприбыль*, *трудодбень*, *человекодбень*, *политдбень*, *партдбень*, *фельдбзегерь*, *совхзышия*.

6. Устаревшие слова: *всяк*, *вмиж*, *сребрб*, *хбдя*, *чухнб*; *урбний*, *селений*, *хрбмий*; *сам-друг*, *сам-третей*, *сам-четвёрт*, *сам-пят*, *сам-шест*, *сам-сём*, *сам-осмыб*, *сам-девят*, *сам-десят*; областные слова *дитё*, *жевлб*, *путь*. Кроме того, слова: *бвоющ*, *плодобовоющ* (жен. рода); *комполк*, *помбуж*, *помнбч*; *Плбжкин*, *Топтыгин*; *бёлые*, *чёрные* (в шахматах; см. § 2.18).

7. Слова, встречающиеся только в устойчивых выражениях (формальная примета — указание «только в выражениях» в словаре Уш.), причем в таких, где падеж данного слова фиксирован, например: *прекослбвие* (без *прекослбвия*), *змолж* (без *змолжу*), *слад* (*нет сладу*), *плав* (*на плаву*), *баклбши* (*бить баклбши*), *дыбы* (*встать на дыбы*), *тартарары* (*провалиться в тартарары*), *тормбшки* (*вверх тормбшками*), **зги* (*или зги*) (*не видно ни зги*), **никбй* (*никбм образом*, *ни в кбем случае*)³. Сюда относятся также следующие слова, иначе оформленные или отсутствующие в словаре Уш.: *скак*; *капут*, *карабчун*, *каюк*, *лафб*; *нёлюди*; *потягушки*, *потягушеньки*, *ничегбшеньки*. В качестве исключения в исходный материал входит слово *ладбши*.

По яснени я. Указанные группы слов исключены из рассмотрения для того, чтобы избежать некоторых формальных трудностей в последующем описании. Основная из них связана с производными словами, полученными из других слов путем добавления некоторой начальной части, например: *недорогбй* (ср. *дорогбй*), *медсестрা* (ср. *сестрा*), *аэросбни* (ср. *сбни*), *сбвело-востбк* (ср. *востбк*). Фактически склонение подавляющего большинства таких слов определяется следующим простым правилом: каждая словоформа такого слова отличается от соответствующей словоформы производящего слова т о л ь к о добавленной спереди буквенной цепочкой (одной и той же для всей парадигмы), ср. *медсестры* и *сестры*, *аэросаней* и *саней* и т. п. Чтобы непосредственно

³ Отметим также отсутствующее в Бильф., Уш. и АО слово **оббий* (*оббего пола*, *оббего рода*).

отразить эту закономерность в формальном описании, необходимо считать известным, какие именно пары слов связаны указанным отношением производности. Однако принимать столь сильное допущение крайне нежелательно, поскольку на практике это неизбежно привело бы к неоднозначности описания. Если же не делать этого допущения, то слова типа *медсестрā*, *аэросáни* и т. п. не удается отличить формальными способами от слов типа *сестрā*, *сáни*; поэтому, например, список pluralia tantum с подвижным ударением должен выглядеть так: *б́труби*, *сáни*, *автосáни*, *аэросáни*, *сéни*, ... С неформальной точки зрения такой список явно неудовлетворителен, поскольку слова из замкнутого ряда (*б́труби*, *сáни*, *сéни*, ...) смешаны в нем со словами из незамкнутого ряда (*автосáни*, *аэросáни*, ...). Чтобы обойтись без указанного выше допущения и в то же время избежать описанных отрицательных последствий слишком прямолинейного формализма, определенные группы производных слов просто исключаются из исходного материала (см. выше, пункты 3, 4, 5, отчасти также 1 и 2). Сюда попадают, в частности, почти все производные типа *аэросáни*, т. е. такие, которые в противном случае были бы индивидуально упомянуты в тех или иных правилах.

Мотивы исключения других слов в той или иной мере сходны с описанными. В частности, исключение слов типа *бáба-ягá* (пункт 1) позволяет избежать неоправданных формальных трудностей, связанных с «двойным склонением» (в самом деле, с точки зрения словоизменения нет оснований трактовать такие единицы, как *бáба-ягá*, *сорбка-ворбка*, *забóб-гигант* и т. п., как-либо принципиально иначе, чем словосочетания типа *гражданын Petrబ*). Относительно слов пункта 2 см. § 2.19, сн. 61. Пункт 6 охватывает различные слова периферийного характера, учет которых затруднил бы формулировки тех или иных правил; пункт 7 особых комментариев не требует.

Следующие слова, не содержащиеся ни в Бильф., ни в АО, включаются в исходный материал:

1. Существительные, образованные путем субстантивации прилагательных, входящих в исходный материал (кроме прилагательных *одýн*, *том*, *этот*), при условии, что субстантивация зафиксирована в Уш. (помета «в значении существительного»), например: *полицéйский*, *несчáстная*, *трéтье*.

Примечание. Особый случай составляют следующие статьи словаря Уш.: *одýн*, *весь*, *нéкоторый*, *многий*, *немногий*, *каждый*, *любой*, *всéкий*, *прбчий*, *остальнbй*, *сам*, *мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш*, *чужбй*. Этим статьям Уш. в исходном материале соответствуют следующие слова: 1) прилагательные с указанными исходными словоформами, кроме *многий*, *немногий*, *каждый*; 2) существительные *всéкий*, *мой*, *твой*, *свой*, *наш*, *ваш*, *чужбй*; 3) слова согласуемо-бесчислового разряда: *одýн* (числительное), *все*, *нéкоторые*, *многие*, *немногие*, *каждый*; 4) слова несогласуемо-бесчислового разряда: *всé*, *нéкоторые*, *многие*, *немногие*, *каждый*, *любой*, *всё*, *многое*, *немногое*, *всéкое*, *прбче*, *остальнbе*.

2. Неизменяемые притяжательные прилагательные *егб*, *её* (слово *их* есть в Бильф.); слово *друг* *друга* (см. § 2.10, сн. 30).

3. Слова *войскá*, *волосы*, *небесá* (см. § 2.12, замеч.); также *молодожёны*.

4. Названия элементов таблицы Менделеева, отсутствующие в Бильф. и в АО; названия иот; следующие названия букв: *ер*, *ерý*, *еръ*, *твéрдо*, *рцы*.

5. Следующие слова: а) *шорúба*, *мунда*, *хáуса*, *спагí*, *бенгáли*, *пáли*, *сухáли*, *жирáй*, *багшí*, *преб*, *гуанáко*, *каско*, *альфрéско*, *галб*, *блъма-мáтер*, *мáяя* (народность); б) *кайák*, *лукнb*, *шурp*, *кныр*, *пéнязь*, *антиклинáль*, *синклинáль*, *прббель*, *гель*, *гидрогéль*, *спаниéль*, *вайнкель*, *сель*, *мускатéль*, *мотéль*, *волостéль*, *воль*, *кроль*, *вакубль*, *юáнь*, *прáвелень*, *прбвелень*, *рамень*, *йагар*, *секéбия*; в) *бурлéскный*, *Ильин* (прилагательное, выступающее в выражении *Ильин* *день*).

Пояснения. Пункт 1 вызван тем, что в Бильф. отадъективные существительные даны неполно и недостаточно последовательно. Пункты 2 и 3 даны для исправления некоторых более частных недостатков лексикографической практики. Пункты 4 и 5 охватывают отдельные слова, учет которых позволяет усовершенствовать те или иные правила (например, пополнить некоторые замкнутые списки слов).

В последующем описании любые утверждения (в частности, правила, перечни, подсчеты), если специально не оговорено обратное, относятся к исходному материалу.

Практически, однако, правила составлялись по возможности таким образом, чтобы они были верны не только для исходного материала, но и вообще для любых русских имен. В большинстве случаев эта цель действительно достигнута (что свидетельствует, между прочим, о достаточной представительности выбранного исходного материала). Все же в некоторых случаях представляет интерес непосредственно рассмотреть особенности каких-либо групп слов, не входящих в исходный материал (прежде всего особенности имен собственных). Сведения такого рода даются в замечаниях или в сносках.

Источники сведений о внешнем виде словоформ

§ 4.2. В последующей классификации именных парадигм мы исходим из того, что нам известно, как именно выглядит каждая словоформа каждого слова, входящего в исходный материал. С формальной точки зрения, чтобы узнать о некотором слове (из исходного материала), какой конкретный вид его словоформ принят в настоящей работе, нужно построить по правилам главы 7 всю его парадигму.

Фактическим источником сведений о том, каковы именно словоформы русских имен, являются в большинстве случаев словари русского языка: АО, Орф., Уш., ССРЛЯ, Ож., Был. Следует учитывать, однако, что извлечение таких сведений из этих словарей связано с рядом трудностей.

Во-первых, только один из этих словарей — словарь под ред. Д. Н. Ушакова — содержит явно сформулированные правила построения всех словоформ слова по информации, данной в соответствующей словарной статье. Все прочие словари требуют от читателя неформальных операций⁴; практически это означает, что нередко приходится прибегать к догадкам. В некоторых случаях из-за этого недостатка вообще невозможно установить (даже с помощью неформальных соображений) вид нужной словоформы; например, нельзя установить, каков Р. мн. слова *rádža* —

⁴ Так, например, во введении к ССРЛЯ (т. 1, стр. XIII) сказано, что при начальной форме слова «приводятся дополнительные формы, определяющие грамматическую категорию слова и тип его изменения и ударения на основе общей грамматической системы русского языка».

радж или *рáджей*⁵. В настоящей работе вид таких словоформ устанавливался на основании литературных источников (так, например, словоформа Р. мн. *рáджей* засвидетельствована в работах об Индии), а если это не удавалось — по принципу, описанному ниже для потенциальных словоформ.

Во-вторых, указания разных словарей нередко противоречат друг другу (в частности, из-за различия во времени составления словарей или в нормализаторских установках авторов). В связи с этим в настоящей работе принят следующий принцип: шесть словарей-источников выстраиваются в том порядке, в котором они перечислены выше; для всякого слова принимаются указания первого по порядку из тех словарей, в которых оно содержится.

В-третьих, словари не дают сведений о том, как должны выглядеть потенциальные словоформы слова, например словоформы мн. числа от *singularia tantum*. Между тем в настоящей работе парадигмы таких слов не считаются дефектными и, следовательно, предполагается, что все их словоформы имеют вполне определенный внешний вид. Основной принцип «реконструкции» потенциальных словоформ, использованный в настоящей работе, состоит в следующем: вид потенциальных словоформ должен быть таков, чтобы данное слово не оказалось исключением ни из каких правил, составленных применительно к реально употребляемым словоформам. Например, в силу этого принципа слову *целина* должно быть приписано мн. число *целины*, *целин*, *целинам* (а не *целини*, *целин*, *целинам* или какое-то иное), поскольку в противном случае это слово было бы исключением из правила (верного для всех нарицательных имен, употребляющихся в обоих числах) о том, что у слов на *инá* ударение во мн. числе сдвигается на один слог влево (ср. *величинá—величíны*, *старшинá—старшины* и т. п.)⁶.

В состав парадигмы в настоящей работе не включаются словоформы, выступающие только в устойчивых словосочетаниях, например: *в кои вéки*, *во вéки веков*, *на вéки вечные* (ср. обычный И. мн. *векá*); *принимать на дому́* (ср. обычный П₂ ед. *на дбоме*, *в дбоме*) ср. также: *бодливой корове* *бог рог не дает*; *лечь косты́м*; *говорить по душам*; *двунадесять языков*; *бей в доску́*, *разгоняй тоску*; *губа не дура*; *по кбням!* (команда); *ни чертá*; *ни хрена́*; *какого шута*; *не ровён час* и т. п. Сюда же относятся так называемые краткие формы прилагательных в косвенных падежах (например, *на бóсú ногу*, *от ма́ла до вели́ка*, *средь бéла дна*), так называемые усеченные формы прилагательных (например, *курочка рýба*, *сыр*

⁵ В Уш. при этом слове Р. мн. не указан; формально это должно значить, что Р. мн. здесь *радж*. Однако эту информацию нельзя считать надежной, поскольку так же оформлены, например, статьи *бахчá*, *ступни́* (где Р. мн. заведомо *бахчéй*, *ступней*, а не **бахч*, **ступнь*).

⁶ Заметим, что описанный принцип хорошо согласуется с показаниями так называемой «непосредственной лингвистической интуиции» (поскольку в основе последней, по-видимому, лежит именно аналогия).

бор, красна девица, сине море), а также реликты звательного падежа (ббже, гбсподи, бтче).

Не учитываются также следующие аномалии ударения: 1) ударение на предлоге при отсутствии ударения на именной словоформе, например: *нá голову, пб полу, зá морем* (возможно только при непосредственном контакте предлога с именной словоформой, ср. *на своёй голову, за синим мбрем*, и как правило наряду с обычным ударением, например *на голову, за мбрем*)⁷; 2) ударение на окончании в сочетаниях с предлогами (кроме в, на) в словоформах слов *грудь, печь, степь, цепь, ось*, а также *утро*, например: *по груди, к груди, около груди, по степи, по цепи; до утра, с утра, от утра, к утру, по утрам* (см. также § 6.16, замеч.); 3) ударение на окончании в словоформах *часá, шагá, выступающих в словосочетаниях* (см. § 2.19, сн. 61) *полчасá, полшагá*.

Для нескольких слов приняты индивидуальные поправки к данным, полученным в соответствии с указанными выше принципами: 1) у слов *столько, сколько, мнолько, немного, мало, немало, пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот* по учитываемымся словоформам на *у* (типа *столько*) и словоформы типа *пятьсот*, которые возможны после предлога *по* наряду со словоформами, равными *И*. (ср. *по столько* и *по столько, по пятьсот и по пятьсот*)⁸; 2) у слова *ребёнок* мн. число *дёти*⁹; 3) у слова *год* Р. мн. *годов и лет*; 4) у слова *тирок* два варианта парадигмы — вариант с *И*. ед. *тирок* и Р. мн. *тироков* и вариант с *И*. ед. *тирок* и Р. мн. *тирок*; 5) у слова *лесá* (удочки) два варианта парадигмы — вариант с *И*. ед. *лесá* и И. мн. *лесы* и вариант с *И*. ед. *лесá* и И. мн. *лесы*; 6) у слова *треплóб* при среднем роде И. мн. *трёпла*, при муж. роде — *треплýт*; 7) у слова *дол* мн. число *долы, долёв, долам, долами, долах*; 8) у слов *большой и маленький* неатрибутив. словоформы соответственно *велик, велика, великъ, великий и мал, малá, малб, малы*; 9) у слова *благой* неатрибутив. словоформы *благ, благá, благо, благи*; 10) у слова *нéкий* не учитывается словоформы *нéких, нéким, нéкими*; 11) для слов *борт, великий, вётter, волокище, гусляр, кровь, рбвня, слюда* — указания Орф. для слов *борт, великий, вётter, волокище, гусляр, кровь, рбвня, слюда* — указания Уп. (хотя все эти слова содержатся в АО). Некоторые другие поправки к указаниям словарей оговорены в соответствующих разделах книги.

Трактовка словоформ-вариантов

§ 4.3. Особый вопрос составляет трактовка словоформ-вариантов (см. § 1.7). Парадигму, содержащую словоформы-варианты, мы будем называть также «парадигмой с колебаниями» (в отличие от «парадигмы без колебаний», где каждому граммати-

⁷ Перечни таких случаев см. в работах: А. В. И саченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954, стр. 182, 194, 208, 215; Р. И. А вансов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 81.

⁸ В противном случае необходимо либо признать существование двух дательных падежей (ср. *столько и столько, пятьсот и пятьстам*), либо полностью изменить взгляд на парадигмы всех этих слов, а именно: а) признать, в частности, *столько* (*столько*) и *столькоых* (*столькоим, столькоими*) разными словами; б) признать слова типа *пятьсот* словосочетаниями.

⁹ Кроме того, имеется парадигма: *дитя — мн. число дёти*. Слово *ребёта* ед. числа не имеет.

ческому значению соответствует не более одной словоформы). Условимся различать два типа колебаний.

I. Типовые колебания (т. е. такие, которые характеризуют не отдельное слово или группу слов, а саму грамматическую форму или определенный аффикс, выражющий эту форму). Сюда мы относим следующие случаи:

1. В словоформе Т. ед. наряду с окончанием *-ой*, *-ёй* или *-ей* всегда допустимо также окончание *-ю*, *-ёю* или *-ю* (например, *водбóй* и *водбю*, *свéжей* и *свéжею*, также *мной* и *мнбю*).

2. В словоформе Р₂ ед. наряду с окончанием *-у* или *-ю* всегда допустимо также окончание *-а* или *-я* (например, *мало чаю* и *мало чая*).

3. Счетная словоформа в некоторых случаях (указанных в § 6.55) имеет два варианта, омонимичных соответственно словоформам Р. мн. и И. мн. (например, *две булочных* и *две булочные*) или словоформам Р. мн. и Р. ед. (например, *два Кунцевых* и *два Кунцева*).

II. Индивидуальные колебания. Сюда относятся все остальные случаи существования словоформ-вариантов, например И. мн. *трáкторы* и *тракторá*; Р. ед. *мбста* и *мостá*; Р. ед. *мóха* и *мха* и т. п. Практически в настоящей работе индивидуальные колебания учитываются только в тех случаях, когда в использованном нормативном источнике (см. § 4.2) оба варианта словоформы признаются равноправными или второй вариант имеет помету «допустимо», «разговорное» или «в письменной речи». Словоформы-варианты, квалифицируемые иначе (в частности, как устаревшие, просторечные, областные, профессиональные, поэтические, народно-поэтические, старинные), за немногими исключениями не учитываются.

Словоформы-варианты сильно затрудняют задачу классификации, поскольку при делении парадигм по некоторому признаку, принимающему нормально значения 1, 2, 3, ..., приходится учитывать, кроме того, возможность появления таких значений, как «1 и 2», «2 и 3» и т. п. Для преодоления этой трудности вводятся некоторые дополнительные соглашения и вспомогательные операции.

При типовых колебаниях одна из словоформ-вариантов (а именно та, которая указана выше первой) признается главной. Так, в приведенных примерах главными являются словоформы: *водбóй*, *свéжей*, *мной*, *чáю*, *бúлочных*, *Кýнцевых*. Принимается следующее соглашение: всякое определение или правило, которое с формальной точки зрения неприменимо к некоторой парадигме из-за того, что одна из клеток содержит одновременно две словоформы (связанных отношением типового колебания), должно быть применено к этой парадигме так, как если бы такая клетка содержала только главную словоформу. Практически это дает возможность учитывать в формальной части описания только

главные словоформы, а сведения о вторых вариантах приводить лишь в качестве дополнительных.

При индивидуальных колебаниях производится следующая вспомогательная операция. Всякая парадигма P , имеющая индивидуальные колебания, представляется как совокупность двух или нескольких парадигм (P_1, P_2, \dots), не имеющих индивидуальных колебаний. Парадигмы P_1, P_2, \dots , полученные в результате такого «расщепления» парадигмы P , можно назвать ее вариантами. Между парадигмой P и ее вариантами должны быть следующие отношения: 1) парадигмы P_1, P_2, \dots относятся к тому же грамматическому разряду, что и P ; 2) каждая словоформа парадигмы P содержится в соответствующей клетке хотя бы одной из парадигм P_1, P_2, \dots , а каждая словоформа любой из этих парадигм содержится в соответствующей клетке парадигмы P .

Рассмотрим пример такого «расщепления» парадигмы. Слово *мост* имеет во всех падежах ед. числа, кроме И., В. и П₂, как словоформы с ударением на основе, так и словоформы с ударением на окончании: *моста* и *мостá*, *мосту* и *мостú* и т. д. Эту парадигму с колебаниями мы представляем в виде следующих двух парадигм-вариантов, не имеющих колебаний: 1) *мост₁* — *мост*, *моста*, *мосту*, *мостом*, *мосте*, мн. *мосты*, *мостов* и т. д.; 2) *мост₂* — *мост*, *мостá*, *мостú*, *мостом*, *мостé*, мн. *мосты*, *мостов* и т. д. Как легко проверить, сформулированные выше условия здесь соблюdenы.

В дальнейшем никакая парадигма с индивидуальными колебаниями уже не рассматривается как единый объект классификации: вместо нее в качестве самостоятельных объектов классификации выступают ее варианты. Иначе говоря, все происходит так, как если бы одна и та же лексема могла иметь несколько парадигм, причем для классификации несущественно, является ли некоторая парадигма единственной для соответствующей лексемы или нет. Так, в общую совокупность классифицируемых парадигм на равных правах входят, например, парадигмы: *стол*, *сад*, *мост₁*, *мост₂* (а парадигма с колебаниями *мост* вообще не входит).

Понятно, однако, что сформулированные выше условия далеко не всегда определяют способ расщепления однозначно. Например, парадигму *мост* можно было бы расщепить также многими другими способами. В случае неоднозначности расщепление производится по следующим правилам. Если, в соответствии с указаниями используемых нормативных источников, различие словоформ-вариантов связано с различием значения или стилистической окраски, то расщепление производится в соответствии со значением (стилистической окраской). Например, парадигма слова *тормоз* (И. мн. *тормозá* и *тормозы*, Р. мн. *тормозóв* и *тормозов* и т. д.) расщепляется в соответствии с различием значений на 1) *тормоз* (в прямом значении) — *тормоз*, *тормоза* и т. д., мн. *тормозá*, *тормозóв* и т. д. и 2) *тормоз* (в переносном значении) —

тбрмоз, тбрмоза, и т. д., мн. тбрмозы, тбрмозов и т. д. Когда такое слово фигурирует в каком-либо списке, при нем дается уточнение, показывающее, какой смысловой или стилистический вариант имеется в виду — так же, как это делается с омонимами. (Отсутствие уточнения при таком слове означает, что имеются в виду все варианты его парадигмы.)

З а м е ч а н и е. Таким образом, случаи типа *тбрмоз*, где различию значений соответствуют определенные внешние различия, трактуются в настоящей работе так же, как случаи омонимии вроде *пол* (настил) (мн. *полы*, *полбв*) — *пол* (биологич.) (мн. *пбы*, *полбв*). Тем самым описание оказывается независимым от столь сложной проблемы лексикологии, как разграничение омонимии и многозначности.

Более сложен тот случай, когда различие словоформ-вариантов не связано ни с какими внутренними различиями. Способ расщепления такой парадигмы определяется следующими требованиями: 1) число парадигм-вариантов должно быть минимальным; 2) число парадигм-вариантов, не эквивалентных¹⁰ ни одной парадигме, не являющейся результатом расщепления, должно быть минимальным (в «хорошем» случае оно должно быть равно нулю). Как показывает опыт, этим двум требованиям в громадном большинстве случаев удовлетворяет ровно один способ расщепления. Так, например, указанный способ расщепления парадигмы *мост* удовлетворяет обоим этим требованиям (число парадигм-вариантов равно двум; *мост*₁ склоняется так же, как *сад*, *мост*₂ — так же, как *горб*); но никакого другого расщепления, удовлетворяющего этим требованиям, не существует. Для тех немногих слов, где данные требования не обеспечивают однозначности, принятый способ расщепления уточняется с помощью дополнительных указаний в соответствующем разделе описания.

Чтобы различить парадигмы-варианты, при исходной словоформе даются дополнительные указания (характер которых зависит от конкретного случая), например: *мост* (с таким-то распределением ударения) или *мост* (с Р. ед. *мбста*) и т. п. При перечислении парадигм, обладающих некоторым свойством, дополнительное указание такого рода может состоять всего лишь из пометы //, которая в этом случае означает: «в одном из своих вариантов» (=«наряду с некоторым другим вариантом парадигмы, который рассматривается свойством не обладает»). Например, список существительных муж. рода с И. мн. на -а может выглядеть так: *дом, лес, цех* (//), *хлев, . . .* Это значит, что слово *цех*, в отличие от остальных, имеет И. мн. на -а только в одном из вариантов парадигмы (который и имеется в виду в данном списке). При необходимости после пометы // может быть указано, каков именно

¹⁰ Определение эквивалентности двух парадигм дается позже (§ 5.6); здесь достаточно указать, что отношение эквивалентности есть некоторый формальный аналог отношения «склоняться так же, как».

противоположный вариант парадигмы. Так, в приведенном примере допустима также запись *цех* (// мн. *цéхи*), т. е. «наряду с другим вариантом парадигмы, где мн. число *цéхи* (а не *цехá*)».

Особый случай составляют такие варианты парадигмы, у которых различны исходные словоформы, например: *обух* (вариант с неподвижным ударением на первом слоге: *обуха*, *обуху* и т. д.) и *обух́* (вариант с ударением на окончаниях или на последнем слоге основы: *обухá*, *обухú* и т. д.). В этом случае дополнительные указания могут отсутствовать, поскольку сама исходная словоформа показывает, какой вариант имеется в виду.

Вопрос об основе и окончании

§ 4.4. В последующем описании мы исходим из того, что каждая словоформа каждого слова разделена на основу и окончание. Как известно, разделение словоформ на основу и окончание содержит элемент условности и может производиться различно в зависимости от целей и характера описания. Наиболее простой и точный способ указать, как именно проведено это разделение в конкретной работе, состоит в том, чтобы дать алгоритм разделения произвольной словоформы (из именной парадигмы) на основу и окончание. Такой алгоритм приводится ниже. Алгоритм предполагает знание всей парадигмы слова; используется также данная в § 3.2 классификация именных парадигм по грамматическим разрядам. Предполагается, что алгоритм будет применяться для того, чтобы определить способ разделения сразу для всех словоформ парадигмы; но, разумеется, он пригоден и для того, чтобы определить основу и окончание в отдельной словоформе.

Используются следующие условные обозначения. В качестве разделительного знака, отделяющего основу от окончания, здесь и в дальнейшем изложении выступает вертикальная черта (|). Нулевое окончание или нулевая основа¹¹ обозначается обычно знаком Ø; однако в случае, когда словоформа выписана целиком и содержит разделительный знак, знак Ø может быть опущен (таким образом, здесь и далее, например, записи *стол|* и *столØ* считаются равнозначными).

Алгоритм разделения словоформ произвольной именной парадигмы на основу и окончание

1. Проверить, входит ли рассматриваемое слово в приводимый ниже список. Если да — разделение словоформ производится в соответствии с данными при этих словах указаниями (для простоты омонимичные словоформы приводятся в виде одной словоформы, т. е. фактически дается список сегментов). Если нет — перейти к 2.

¹¹ Нулевая основа (на графическом уровне) — это уникальный случай; она представлена только у некоторых словоформ слов *он*, *онá*, *онб*, *онй*.

Список: я — я|, мен|я, мн|е, мн|ой (мн|ю); ты — ты|, теб|я, теб|é, теб|бй (теб|ю); **себй** — себ|я, себ|é, соббй (соббю); мы — мы|, н|ас, н|ам, н|áми; вы — основа везде в; он, онá, онб, онй — в И. основа он, в косвенных падежах основа припредложных словоформ и (и|егб, и|ей и т. д.), основа самостоятельных словоформ вулемая (Өлөб, Өлей и т. д.); кто, что и производные **никтб**, **ничтб**, **нёкто**, **нёчто**, **нёкого**, **нёчего** — кт|о, чт|о, основы прочих словоформ к, ч (основы производных соответственно длиннее); тот, этот — том|, этом|, основы прочих словоформ т, эт; сей — се|й, си|я, си|о, си|у, основа прочих словоформ с; **нёкий**, **ёкий** — основа словоформ, начинающихся на неко, эко (кроме словоформ косвенных падежей жен. рода **нёкой**, **ёкой**), — неко, эко; основа прочих словоформ (а также словоформ **нёкай**, **ёкой**) — нек, эк; оди́н — оди́н|, основа прочих словоформ оди́н; два, три, четы́ре — двё|е, трё|е, четы́рё|о (в И. падеже 7-го согласоват. класса), основы прочих словоформ дв, тр, четыр; **оба** — об|а, об|е, основы прочих словоформ соответственно обо и обе.

2. Проверить, одинаковы ли все словоформы парадигмы. Если да, то: а) для слов **поросá**, **огнь**, **плáмень**, **мáло**, **немáло** — перейти к 5; б) у прочих слов — все словоформы имеют пулевое окончание. Если нет — перейти к 3.

3. Заменить в парадигме все ё на е, запомнив, где были замены. Если все словоформы парадигмы оканчиваются на ся, отбросить везде это ся, запомнив, где оно было. Перейти к 4.

4. Поставить разделительный знак в словоформах парадигмы по следующим правилам.

У прилагательных

Поставить в словоформе Т. ед. муж. рода разделительный знак перед последними двумя буквами. Цепочку букв, стоящую в этой словоформе левее разделительного знака, назовем О (от слова «основа»). Найти все словоформы парадигмы, начинающиеся с О, и поставить в них разделительный знак после О. Если в парадигме есть припредложные словоформы, поставить в каждой из них разделительный знак за столько же букв от конца, как в соответствующей самостоятельной словоформе. Перейти к 5.

Если словоформы Т. ед. муж. рода в парадигме нет — перейти к 5.

У существительных

а) Поставить в словоформе Т. мн. разделительный знак перед последними тремя буквами. Цепочку букв, стоящую левее разделительного знака, назовем ОМ («основа множественного числа»). Найти в парадигме все словоформы мн. числа, начинающиеся с ОМ, и поставить в них разделительный знак после ОМ. Перейти к 6.

б) Если словоформа ед. числа совпадает в каждом падеже со словоформой мн. числа (слово относится к pluralia tantum) — поставить в каждой словоформе ед. числа разделительный знак так же, как в омонимичной ей словоформе мн. числа. Перейти к 5.

Если это не так — перейти к 6.

в) Поставить в словоформе Т. ед. разделительный знак перед последними двумя буквами. Цепочку букв, стоящую в этой словоформе левее разделительного знака, назовем ОЕ («основа ед. числа»). Найти в парадигме все словоформы ед. числа, начинающиеся с ОЕ, и поставить в них разделительный знак после ОЕ. Перейти к 5.

У слов бесчисловых разрядов

а) Для слов **полторá** и **полторастa** — перейти к 5.

б) Для слова **всéмь** и слов на **десят** — поставить в словоформе Т. падежа разделительный знак перед цепочкой -ью и перейти к 5.

в) Для слов **двéсти**, **трýста**, **четырестa** и слов на **сот** — поставить в словоформах Д., Т. и П. падежей разделительный знак соответственно перед цепочками **ам**, **ами**, **ах** и перейти к 5.

г) Для прочих слов — поставить во всех словоформах разделительный знак после наибольшего общего начала всех словоформ и перейти к б.

5. Поставить разделительный знак во всех словоформах парадигмы, еще не имеющих его, по следующему правилу: если словоформа оканчивается на гласную, *й* или *и* — разделительный знак ставится перед последней буквой словоформы; в прочих случаях он ставится в конце словоформы (окончание нулевое). Перейти к б.

Если таких словоформ в парадигме нет — перейти к б.

6. Восстановить все *ё* и все *ся*, если такие заменились или отбрасывались в соответствии с пунктом 3. Теперь в каждой словоформе слева от разделительного знака находится основа, справа — окончание.

Примеры разделения словоформ с помощью данного алгоритма:
*стол*¹, *столъ*, *столы*; *бо́й*, *бо́я*, *бо́и*; *мышь*, *мышь*^и, *мышь*^{ью}, *мышь*^{ей}; *пúля*, *пúлю*, *пúль*^и; *здáниe*, *здáни*^я, *здáни*^{ий}; *ручéй*, *ручи*^й, *ручи*^ю; *статья́*, *статьи́*, *статьей́*; *друг*¹, *другъ*¹, *другъ*^и, *другъ*^{ей}; *дерево́*¹, *деревы́*¹, *деревы́*^{ев}; *хозяин*¹, *хозяинъ*¹, *хозяинъ*^и, *хозяинъ*^{ей}; *имя́*¹, *имен*^и, *имен*^а, *имён*^и; *живой*, *живы*^и; *мо́й*, *мо́я*, *мо́ег*^б; *вбли*^ч^и, *вбли*^ч^ъ^я, *вбли*^ч^и^и; *пáтер*¹, *пáтеръ*¹, *пáтердесят*¹, *пáтердесят*^и, *пáтердесятъ*¹.

Как можно видеть из примеров, приведенный алгоритм дает в целом наиболее обычное для письменной формы языка разделение словоформ на основу и окончание¹².

¹² Ср. прежде всего Уш., вводная статья «Как пользоваться словарем», § 40, 48, 50. Один из наиболее спорных вопросов — выбор между разделениями типа *друзъя* и типа *друзъя*. Оба решения практически почти равнозначны: каждое имеет определенные преимущества и недостатки. В настоящей работе принято разделение типа *друзъя*, *мужъя*, уменьшающее общее число различных окончаний склонения. Другое разделение (*друзъя*, *мужъя*) было использовано нами в работах: А. А. Зализник. Ударение в современном русском склонении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 2; О н. ж. е. Беглы гласные в современном русском словоизменении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 5; О н. ж. е. «Условное ударение» в русском словоизменении. — ВЯ, 1964, № 1.

Г л а в а п я т а я

ПОНЯТИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПАРАДИГМ

§ 5. 1. Всякая классификация некоторой совокупности объектов может быть разделена на два этапа.

Первый этап можно назвать **этапом тождества**. На этом этапе устанавливается, какие объекты классификации признаются одинаковыми с точки зрения данной классификации. (Вместо слова «одинаковые» можно взять также слова «однотипные», «равноценные», «эквивалентные».) Тем самым устанавливается, какие реальные различия между объектами признаются несущественными для данной классификации: таковы все различия между одинаковыми (эквивалентными) объектами. Вводимое таким образом отношение одинаковости (эквивалентности) двух объектов определяет¹ разбиение всего множества объектов на непересекающиеся классы одинаковых (эквивалентных) между собой объектов. Эти классы можно назвать элементарными классами (для данной классификации). На первом этапе классификации элементарные классы еще никак не упорядочены; их можно лишь занумеровать в произвольном порядке. Отсутствует понятие характера и степени различия между двумя элементарными классами: ни про какие четыре элементарных класса *A*, *B*, *C*, *D* еще нельзя сказать, что *A* отличается от *B* тем же, чем *C* от *D*, или что *A* более сходен с *B*, чем с *C*.

Второй этап можно назвать **этапом выделения различительных признаков**. На этом этапе выявляются признаки, посредством которых различаются элементарные классы объектов; иначе говоря, изучаются различия, существенные для данной классификации. Тем самым выявляется характер внутренних отношений между элементарными классами; в частности, устанавливается тождество отношений между некоторыми классами («класс *A* отличается от *B* тем же, чем *C* от *D*»). В результате этого этапа классификации каждый элементарный класс

¹ При условии, что это отношение обладает свойствами рефлексивности (всякий объект эквивалентен самому себе), симметричности (если объект *a* эквивалентен объекту *b*, то объект *b* эквивалентен объекту *a*) и транзитивности (если объект *a* эквивалентен объекту *b*, а объект *b* эквивалентен объекту *c*, то объект *a* эквивалентен объекту *c*).

характеризуется уже не просто номером, а теми значениями, которые принимают у данного класса выявленные при классификации различительные признаки.

При классификации именных парадигм задача этапа отождествления состоит в том, чтобы строго установить, какие парадигмы признаются эквивалентными. Иначе говоря, необходимо, исходя из того, что парадигма любого русского имени полностью известна, построить формальные правила, позволяющие про любые две парадигмы сказать, являются ли они эквивалентными. Именно эта задача решается в настоящей главе (второй этап классификации производится в следующей главе).

Разумеется, вопрос о том, какие различия между парадигмами следует признать существенными и какие несущественными для классификации, можно решать по-разному. Соответственно будет меняться содержание понятия эквивалентности и, следовательно, степень детальности самой классификации. Так, можно считать существенными лишь самые грубые различия, например только различия в наборе окончаний; в этом случае, например, парадигмы слов *бугбр* и *заббр*, *карта* и *голова* и т. п. будут признаны эквивалентными. Детальность такой классификации будет невелика. Можно, напротив, считать существенными даже весьма тонкие различия, например различие в месте ударения в словах *анализ* и *паровоз*. Тогда даже эти два слова будут признаны неэквивалентными. Такая классификация будет чрезвычайно детальной.

Выбор решения должен определяться здесь конкретными задачами описания. Так, например, для краткого практического описания естественна малая детальность. Отсюда не следует, однако, что максимально полная классификация (какой является по смыслу осуществляемая здесь классификация) должна обладать максимальной возможной детальностью. В самом деле, максимальная детальность возникает в том случае, когда все вообще различия признаются существенными и, следовательно, каждая парадигма признается эквивалентной только самой себе (или омонимичной ей парадигме). Но это значит, что на втором этапе классификации обязательно возникнет признак «буквенный состав исходной словоформы», принимающий столько значений, сколько учтено слов (или его заменители вроде признака «начальная буква исходной словоформы» и т. п.), что явно бессмысленно и дискредитирует саму идею классификации.

При решении этого вопроса мы опираемся на следующее наблюдение. В лингвистических описаниях можно часто встретить утверждения типа: «слово *A* склоняется так же, как слово *B*»; при этом никаких пояснений о том, что именно это значит, не дается. В неявной форме такие утверждения выступают во всех тех случаях, когда в учебнике приводится полная парадигма некоторого слова и далее список слов, про которые сказано,

что они «склоняются по этому образцу» или «принадлежат к этому типу склонения». Из практики известно, однако, что по крайней мере в большинстве случаев для читателя таких указаний оказывается достаточно: он действительно может правильно просклонять приводимые в списке слова, несмотря на отсутствие разъяснений. Это значит, что у людей существует относительно единобразное представление о смысле выражения «склоняться так же, как»; на это представление по существу и опираются составители учебников.

По-видимому, именно на это интуитивное представление естественно ориентироваться (в максимально полной классификации) при решении вопроса о существенных и несущественных различиях между парадигмами. Иначе говоря, понятие эквивалентности двух парадигм должно служить формальным аналогом неформального интуитивного представления об одинаковости склонения двух слов. Это значит, что, как и всякий формальный аналог, оно должно: 1) иметь строго формальное определение, 2) при практическом применении к парадигмам давать те же или почти те же результаты, что и заменяемое им интуитивное представление.

Разумеется, интуитивное представление об одинаковости склонения двух слов, как и всякое интуитивное представление, не обладает полной определенностью: во-первых, оно не вполне одинаково у разных людей, во-вторых, в сложных случаях оно оказывается неясным или неустойчивым даже у одного и того же человека. Поэтому выполнение второго из указанных выше требований (в отличие от первого) невозможно точно проверить и, таким образом, субъективный элемент здесь неустраним.

З а м е ч а н и е 1. Можно было бы предложить следующий эксперимент для получения более объективного ответа на вопрос: «Склоняются ли слова *A* и *B* одинаково с интуитивной точки зрения?» Группе людей, не знающих русского языка (но имеющих представление о склонении), дается полная парадигма слова *A*, исходная словоформа слова *B* и следующее указание: «Слово *B* склоняется так же, как слово *A*. Просклоняйте слово *B*». Другой группе людей дается обратная задача — построение *A* по *B*. Ответ на поставленный выше вопрос считается положительным, если (при достаточно большом числе испытуемых) в обеих группах все или почти все испытуемые просяклинили заданное слово правильно. Поскольку, однако, такой эксперимент сложно осуществить, мы были вынуждены везде ограничиваться соответствующим мысленным экспериментом. Таким образом, все дальнейшие утверждения типа: «слова *A* и *B* интуитивно воспринимаются как однотипные» отражают субъективную точку зрения автора, а именно — передают результат соответствующего мысленного эксперимента.

З а м е ч а н и е 2. Интуитивное представление об одинаковости склонения двух слов, по-видимому, является производным от гораздо более общего и фундаментального интуитивного представления об одинаковости различий в двух парах языковых объектов (его можно назвать также представлением о «лингвистической пропорциональности»)². Именно это пред-

² Ср. идеи А. Д. Вентцеля, изложенные в работе «Аффинная геометрия и некоторые лингвистические задачи».

ставление позволяет нам делать утверждения типа: «словоформа *топбр* так же отличается от словоформы *тоПорбм*, как словоформа *карандыш* от словоформы *карандашбм*» и т. п. Именно оно позволяет нам решать в ходе практической деятельности множество лингвистических задач «на отыскание 4-го члена пропорции» типа: *x* относится к *коллиматор*, как *заббрь* к *заббр* (откуда *x = коллиматоры*); это так называемое построение по аналогии. Интуитивное представление об одинаковости склонения двух слов *A* и *B* (имеющих соответственно словоформы $a_1, a_2 \dots a_k$ и $b_1, b_2 \dots b_k$)³, по-видимому, возникает тогда и только тогда, когда для любых четырех словоформ a_m, a_n, b_m, b_n соблюдается интуитивная пропорция: $a_m : a_n = b_m : b_n$ (т. е. a_m отличается от a_n так же, как b_m от b_n).

Интуитивное представление об одинаковости склонения двух русских слов, по-видимому, складывается из нескольких независимых интуитивных представлений, касающихся: 1) внутреннего устройства сравниваемых парадигм, 2) набора окончаний, 3) устройства основ, 4) акцентуации. Соответственно, строящееся ниже определение эквивалентности включает выполнение определенных требований, касающихся каждой из указанных четырех характеристик парадигмы.

Требования к внутреннему устройству сравниваемых парадигм

§ 5. 2. Представляется очевидным, что интуитивному представлению об одинаковости склонения могут удовлетворять только парадигмы одинакового внутреннего устройства (см. § 3. 1). С другой стороны, две парадигмы одинакового внутреннего устройства при прочих равных условиях, по-видимому, должны восприниматься как однотипные.

Дальнейшие требования, касающиеся окончаний, основы или акцентуации, применяются уже только к парадигмам одинакового внутреннего устройства.

Требования к наборам окончаний сравниваемых парадигм

§ 5. 3. По-видимому, интуитивному представлению об одинаковости склонения могут удовлетворять только парадигмы, имеющие в точности одинаковые окончания. С другой стороны, две парадигмы, имеющие одинаковые окончания, при прочих равных условиях должны восприниматься как однотипные.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства имеют одинаковый набор окончаний и и и, если в каждой паре одноименных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие одинаковое окон-

³ Индексы при словоформах соответствуют определенным грамматическим формам.

чание. Например, одинаковый набор окончаний имеют парадигмы слов *тигр* и *осёл*, *дорбга* и *кишкá*, *простой* и *крутой*, *мой* и *чей*, *пять* и *двенадцать*.

Требования к основам сравниваемых парадигм

§ 5. 4. Основы разных словоформ одной парадигмы могут совпадать или различаться. Таким образом, подобно набору окончаний, можно выделять «набор основ» некоторой парадигмы; правда, в большинстве случаев он будет состоять из многократно повторенной одной и той же основы. Однако, в отличие от набора окончаний, определенный набор основ как правило представлен всего в одной парадигме. Поэтому естественно, что сам по себе набор основ интуитивно воспринимается как нечто не входящее в понятие определенного образца склонения. Например, различие наборов основ у слов *стол*, *блин*, *топбр*, *валун*, *живот* и т. д. не мешает тому, чтобы эти слова воспринимались как склоняющиеся одинаково. Вообще, если основы двух сравниваемых слов неизменны (одинаковы для всей парадигмы), то при прочих равных условиях такие два слова обязательно будут восприниматься как однотипные.

Если, однако, основа слова не остается неизменной в ходе склонения (набор основ состоит из разных основ), то характер изменения основы оказывается уже существенным для интуитивного отнесения слова к определенному образцу склонения. Два слова с изменяющимися основами воспринимаются как однотипные, только если характер изменения основы у этих слов в некотором (пока еще строго не определяемом) смысле одинаков. Так, например, слова *славянин* и *армянин*, *козлёнок* и *гусёнок*, *песок* и *кусок*, *чайка* и *индейка* и т. п. воспринимаются как соответственно однотипные, а, например, слова *сумерки* (Р. *сўмерек*) и *жмурки* (Р. *жмурок*) — как неоднотипные. Два слова, из которых одно имеет изменяющуюся основу, а другое неизменную, всегда воспринимаются как разнотипные:ср. *песок* и *чеснок*, *чудо* и *мэсто* и т. п.

Таким образом, основу любой словоформы можно представить как состоящую из двух частей: неизменяемой, т. е. общей для всех основ данной парадигмы, и изменяемой, т. е. такой, которой хотя бы в одной из прочих словоформ парадигмы соответствует некоторая иная цепочка букв (или ничего не соответствует). Так, например, в основе словоформы *гусёнок* можно выделить неизменяемую часть *гус* и изменяемую часть *ёнок* (ср. *гусыня*). Любая из двух частей основы может быть пустой, т. е. не содержать ни одной буквы. Условное обозначение пустой цепочки здесь и далее — Ø (ср. § 4. 4); но может быть использовано также словесное обозначение: «нуль». Так, например, в словоформе *стол* неизменяемая часть основы — *стол*, а изменяе-

мая — Ø. Две части основы могут вклиниваться друг в друга: так, в основе словоформы *вёдро* неизменяемая часть *в—д—р*, а изменяемая *е—Ø* (ср. *вёдер*). По-видимому, только изменяемые части основ воспринимаются как имеющие отношение к определенному образцу склонения. Таким образом, чтобы приблизиться к интуитивному представлению об однотипности, мы должны при сравнении двух парадигм отбросить в каждой парадигме неизменяемую часть ее основ и сравнивать только наборы изменяемых частей основы. Мы исходим далее из предположения, что, во-первых, интуитивному представлению об одинаковости склонения могут удовлетворять только парадигмы, имеющие в точности одинаковые наборы изменяемых частей основы, во-вторых, парадигмы, имеющие одинаковые наборы изменяемых частей основы, при совпадении окончаний и интуитивной однотипности ударения воспринимаются как склоняющиеся одинаково.

Разумеется, приведенное схематическое описание отнюдь не может само служить правилом выделения изменяемой и неизменяемой частей основы; так, например, основу словоформы *южанин* можно в соответствии с этим описанием разделить на части двояко: 1) *южан* и *ин*, 2) *южа*—*н* и *ни*. Для однозначного выделения изменяемой части в произвольной словоформе служит приводимый ниже алгоритм. Поскольку изменяемая часть основы некоторой словоформы выделяется только на основании сравнения со всеми остальными словоформами той же парадигмы, этот алгоритм построен так, что он выделяет изменяемую часть основы одновременно во всех словоформах парадигмы. Всякая основа рассматривается при этом просто как некоторая цепочка русских букв (причем без знаков ударения — см. § 0. 5).

*Алгоритм выделения изменяемых частей основы
в словоформах произвольной,
полностью известной парадигмы*

1. Проверить, одинаковы ли основы всех словоформ рассматриваемой парадигмы.

Если да — изменяемая часть каждой основы пустая («пуль»).

Если нет — взять по одной основе из каждой совокупности одинаковых между собой основ и перейти к 2.

2. Найти у взятых основ наибольшее общее начало; отбросить его во всех этих основах. Найти у оставшихся конечных частей наибольший общий конец; отбросить его во всех этих конечных частях. Проверить, имеют ли полученные остатки хотя бы одну общую для них всех букву.

Если нет — изменяемая часть каждой основы равна выделившемуся из нее таким путем остатку.

Если да — перейти к 3.

3. Записать остатки друг под другом, расположив их сверху вниз в порядке русского алфавита. Далее мы будем называть первый по порядку остаток верхним, а остальные нижними. Пометить каким-либо образом ⁴ в верх-

⁴ В приводимых ниже примерах в качестве пометы используется звездочка (*).

нем остатке все вхождения всех букв, общих для всех остатков. Перейти к 4.

Предварительное пояснение к пунктам 4—8.
Чтобы облегчить понимание последующих пунктов алгоритма, укажем следующее. Алгоритм работает циклически: пункты 4—8 могут проходить при обработке одной парадигмы по нескольку раз. Поэтому в этих пунктах упоминаются элементы записи, которые при первом прохождении цикла в записи отсутствуют. Такими элементами записи являются так называемые соединительные линии. Соединительная линия — это линия, проходящая через всю запись сверху вниз и пересекающая в каждом остатке одну букву; все буквы, пересекаемые одной соединительной линией, одинаковы⁵. Разные соединительные линии между собой не пересекаются; ни в одном остатке никакая буква не пересекается более чем одной соединительной линией. Поэтому всегда можно указать, например, самую правую соединительную линию. Мы будем говорить, что некоторая буква остатка стоит правее некоторой соединительной линии, если она стоит правее той буквы данного остатка, через которую проходит эта соединительная линия. (В таком же смысле мы будем говорить, что буква стоит левее соединительной линии, между соединительными линиями.)

4. Найти в верхнем остатке первую по порядку отмеченную букву, стоящую правее всех соединительных линий (если соединительных линий еще нет — просто первую по порядку).

Если эта буква есть *o*, *e* или *ё* — снять с нее помету (т. е. перевести ее в ранг неотмеченных) и перейти к 8.

Если это не так — взять в верхнем остатке максимальную цепочку следующих непосредственно друг за другом отмеченных букв, начинающуюся с найденной буквы (разумеется, эта цепочка может оказаться состоящей из одной буквы), и перейти к 5.

5. Проверить, верно ли для всех нижних остатков следующее: взятая цепочка входит целиком в часть нижнего остатка, стоящую правее всех соединительных линий (если соединительных линий еще нет — просто в нижний остаток).

Если да — выбрать в каждом нижнем остатке самое левое (т. е. первое по порядку) из вхождений взятой цепочки, удовлетворяющих указанному выше требованию, и перейти к 6.

Если нет — а) в случае, если цепочка содержит более одной буквы — перейти к 7; б) в случае, если цепочка содержит только одну букву — снять в верхнем остатке с этой буквы помету (перевести ее в ранг неотмеченных) и перейти к 8.

6. Провести через каждую букву взятой цепочки отмеченных букв верхнего остатка соединительную линию, пересекающую по одной букве в каждом нижнем остатке. Пересекаемая буква нижнего остатка должна принадлежать выбранному в пункте 5 вхождению рассматриваемой цепочки и стоять внутри цепочки на том же по счету месте, что и буква верхнего остатка, от которой идет данная соединительная линия. Перейти к 8.

7. Взять в верхнем остатке новую цепочку отмеченных букв, равную только что рассмотренной без ее последней буквы, и перейти к 5.

8. Проверить, имеется ли в верхнем остатке хотя бы одна отмеченная буква, стоящая правее всех соединительных линий (если этих линий нет — просто в верхнем остатке).

Если да — перейти к 4.

Если нет — перейти к 9.

9. Назовем итервалом часть остатка, находящуюся между соседними соединительными линиями или между соединительной линией и гра-

⁵ В примерах для удобства буквы не перечеркиваются соединительной линией, а вместо этого делаются разрывы.

ницей остатка. (Очевидно, что интервал может быть и пустым.) Будем говорить, что интервалы разных остатков, заключенные между одними и теми же соединительными линиями (или между одними и теми же соединительной линией и границей остатков) соответствуют друг другу. Назовем пустой интервал з а ч и м, если ему соответствует хотя бы один непустой интервал. Выписать из каждого остатка все непустые и значащие пустые интервалы (по порядку слева направо, через тире). Полученная запись и является изменяемой частью той основы, из которой был выделен соответствующий остаток⁶.

П р и м е ч а н и е. Для упрощения последующих операций изменяемая часть основы некоторой словоформы представлена здесь просто как некоторый ряд буквенных цепочек, соотнесенный с этой словоформой. Разумеется, она может рассматриваться и буквально как часть основы этой словоформы, т. е. как один или несколько отрезков⁷ этой основы, отмеченных каким-либо образом непосредственно внутри нее. Примечательно, что в изменяемую часть основы могут входить и пустые отрезки⁸. С формальной точки зрения, для разделения основы на изменяемую и неизменяемую части нужно обработать ее приведенным алгоритмом, но при этом: 1) не отбрасывать никаких ее частей, а вместо этого применять какой-либо «знак отбрасывания»; 2) не выписывать отдельно непустые и значащие пустые интервалы, образующие изменяемую часть основы, а лишь как-то помечать их.

П р и м е р ы (в примерах изменяемая часть основы показана как в самостоятельном виде, так и внутри самой основы; в последнем случае она выделена жирным шрифтом; из пустых отрезков основы обозначены только те, которые принадлежат изменяемой части; знак | разделяет основу и окончание):

- 1) Словоформа *топбр|*. Изменяемая часть основы — нуль (пункт 1) (см. также сн. 8).
- 2) Словоформы *южáни|*, *южáн|е*. Изменяемые части основы соответственно *и|н*, Ø (пункт 2). Основы делятся на части так: *южани|н*, *южан|Ø*.

⁶ Смысл первых двух пунктов алгоритма непосредственно очевиден. Заметим, что обработка подавляющего большинства парадигм ограничивается именно этими двумя пунктами. Смысл дальнейших пунктов, предназначенных для обработки более редких и сложных случаев, в значительной мере замаскирован алгоритмической техникой. К сожалению, содержательное обоснование каждого пункта заняло бы слишком много места. Поэтому укажем лишь, что в своей совокупности требования алгоритма направлены на то, чтобы выделение изменяемых частей основы как можно более приближалось (по своим результатам) к выделению чередующихся последовательностей внутри основы, практикуемому в лингвистических работах. Некоторое представление о характере работы алгоритма дают приводимые ниже примеры.

⁷ Отрезком некоторой цепочки называется любая ее часть, состоящая из непосредственно следующих друг за другом букв. Отрезок может быть также пустым (т. е. не содержать ни одной буквы).

⁸ Пустой отрезок стоит между любыми двумя соседними буквами, а также по внешнюю сторону от крайних букв цепочки. Какой или какие именно из этих пустых отрезков принадлежат изменяемой части, можно точно установить. Мы условимся, однако, не устанавливать этого в том случае, когда основы всех словоформ парадигмы одинаковы. Таким образом, в парадигмах с неизменяемой основой нулевая изменяемая часть считается «не локализованной» внутри основы.

3) Словоформы *вєðр|б*, *вёðр|а*, *вёðер|*. После п. 6 получаем запись:

$$\begin{array}{c} \overset{*}{\text{eð}} \\ | \\ \overset{*}{\text{ëð}} \\ | \\ \overset{*}{\text{ëðe}} \end{array}$$

По п. 9 изменяемые части основ здесь соответственно: *e* — 0, *ë* — 0, *ë* — *e*. Основы делятся на части так: *вєðр*, *вёðр*, *вёðер*.

4) Словоформы *дешёв|ы|й*, *дёшев|ы|*, *дешев|á*. Получаем запись:

После п. 3 После п. 4

<i>ë́шë</i>	<i>éшë</i>
<i>ешë</i>	<i>ешë</i>
<i>ёшë</i>	<i>ёшë</i>

После п. 8 начинается второй цикл. После п. 6 получаем:

$$\begin{array}{c} \overset{*}{\text{éшë}} \\ | \\ \overset{*}{\text{ешë}} \\ | \\ \overset{*}{\text{ёшë}} \end{array}$$

По п. 9 изменяемые части основ здесь соответственно: *e* — *ë*, *ë* — *e*, *e* — *e*. Основы делятся на части так: *дешёв*, *дёшев*, *дешев*.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства имеют подобные наборы основ, если в каждой паре однопменных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие одинаковую изменяемую часть основы. Например, подобные наборы основ имеют парадигмы слов *стол* и *головá*, *живой* и *сурбый*, *лев* и *владéлец*, *ведрó* и *метлá*. Напротив, наборы основ не подобны, например, в парадигмах слов *вол* и *лев* (так, в И. ед. изменяемые части основ соответственно 0 и *e*), *пáлец* и *шпилька* (так, в И. ед. изменяемые части основ соответственно *e* и *ь*, в Р. мн. — *ь* и *e*).

Требования к акцентуации сравниваемых парадигм

§ 5.5. Вопрос о том, какова роль ударения в восприятии двух слов как однотипных или разнотипных, представляет большую трудность. Положение ударения в отдельной словоформе и в парадигме в целом можно учитывать разными способами. Необходимо найти такой способ учета ударения в парадигме, чтобы результаты этого учета были одинаковыми для парадигм, имеющих с интуитивной точки зрения однотипное ударение, и различными для парадигм, имеющих разнотипное ударение.

Возможны два основных принципа учета: 1) положение ударения учитывается в каждой словоформе парадигмы по отдельности в виде некоторой абсолютной (т. е. независимой от сравнения с другими словоформами) характеристики, например в виде номера ударного слога (по счету от начала или от конца слово-

формы); 2) абсолютных характеристик для отдельной словоформы не строится; учитывается (каким-либо способом) только то, как сдвигается ударение в ходе склонения. Первый принцип («абсолютные характеристики») был использован выше для сравнения окончаний разных парадигм, второй («характер изменения») — для сравнения основ. Рассмотрим вначале самые простые способы учета ударения, соответствующие каждому из этих двух принципов.

Простейший вид независимой акцентной характеристики словоформы — номер ударного слога по счету от начала⁹. Предположим, что в основе интуитивного представления об однотипности двух парадигм по ударению лежит совпадение номера ударного слога (по счету от начала) в каждой паре соответствующих друг другу словоформ этих парадигм. Это предположение, однако, не подтверждается. Возьмем, например, такие группы слов: 1) *спор, анализ, чемпионат*; 2) *винá (мн. вíны), глубинá (мн. глубíны), величинá (мн. величины)*; 3) *сорт (мн. сортá), гробд (мн. городá), колокол (мн. колоколá)*. Внутри каждой группы все слова интуитивно воспринимаются как склоняющиеся одинаково (следовательно, однотипные, в частности, и по ударению); между тем никакая пара из них не удовлетворяет указанному выше условию. С другой стороны, есть и обратные случаи. Например, слова *довéсок и кусбóк* воспринимаются как разнотипные по ударению (во всех прочих отношениях они однотипны); между тем указанное условие здесь соблюдается. Таким образом, поставленное выше условие не является ни необходимым, ни достаточным для того, чтобы сравниваемые парадигмы воспринимались как однотипные по ударению¹⁰.

⁹ Легко убедиться, что для русского языка счет от начала словоформы естественнее, чем счет от конца. В самом деле, в русском языке в большинстве парадигм ударение выступает как постоянная принадлежность одной и той же звуковой (соответственно буквенной) цепочки в основе слова, например цепочки *ро* в парадигме слова *корбва*, *на* в парадигме слова *анализ* и т. д. Отсюда возникает интуитивное представление о «неподвижном» ударении, т. е. о таком, которое падает на один и тот же (не по счету, а по составу) слог. В условиях, когда словоизменение выражается прежде всего в изменении окончаний, этому представлению соответствует постоянство номера ударного слога по счету от начала. Напротив, при счете от конца словоформы слова с неподвижным (с интуитивной точки зрения) ударением, например *корбва, анализ* и т. п., выглядят как имеющие разноместное ударение (ср. *корбва, корбвами, корбв*). Счет от начала позволяет просто описать и те парадигмы, где ударение выступает как принадлежность первого слога окончания (независимо от его звукового состава), например парадигмы слов *ступни* (ср. *ступни, ступней, ступнями*), *морской* (ср. *морская, морские, морских, морским*); при счете от конца ударение и в этих случаях выглядело бы как разноместное.

¹⁰ Заметим, что, если, несмотря на сказанное выше (см. предыдущую сноску), использовать счет слогов от конца, некоторые из выдвинутых возражений отпадут; однако удовлетворительного результата в целом и в этом случае не достигается.

Обратимся ко второму принципу учета ударения в парадигме. Наиболее простой способ сравнивать сдвиги ударения в двух парадигмах состоит, по-видимому, в следующем: две парадигмы считаются имеющими одинаковый характер сдвигов ударения, если разность между номерами ударных слогов (по счету от начала) любых двух словоформ одной парадигмы такая же, как у соответствующих словоформ другой парадигмы. Предположим, что в основе интуитивного представления об однотипности двух парадигм по ударению лежит одинаковый характер сдвигов ударения (в указанном здесь смысле). Это предположение позволяет объяснить некоторые факты, которых предшествующее предположение объяснять не могло, а именно — интуитивную однотипность таких слов, как *спор*, *анализ*, *чемпионат*, а также таких, как *винá*, *глубинá*, *величинá*. Однако в целом это предположение также не подтверждается. В самом деле, например, интуитивно однотипные слова *сорт*, *гброд*, *кблокол* не удовлетворяют сформулированному выше условию. Напротив, интуитивно неоднотипные (по ударению) слова *довéсок* и *кусбк* ему удовлетворяют (поскольку вообще любые два слова, удовлетворявшие прежнему условию, удовлетворяют и данному). Таким образом, и в этом случае предложенное условие не является ни необходимым, ни достаточным для того, чтобы сравниваемые парадигмы воспринимались как однотипные по ударению.

Итак, «прямолинейные» способы учета ударения не приводят к успеху и даже не дают оснований решительно предпочесть какой-либо из двух возможных принципов учета.

Анализ фактов, противоречащих обоим выдвинутым выше предположениям (*сорт—гброд—кблокол*, *довéсок—кусбк*), приводит к мысли, что для интуитивных оценок существенен прежде всего не подсчет слогов, а выбор между ударением на основе и ударением на окончании. Так, слова *сорт*, *гброд*, *кблокол* сходны в том, что у них во всем единственном числе ударение на основе, а во всем множественном числе — на окончаниях, и мы видим, что эти слова воспринимаются как однотипные по ударению, хотя оно и сдвигается здесь на разное число слогов. Напротив, слова *довéсок* и *кусбк* в этом смысле различаются (у первого ударение всегда на основе, у второго во всех словоформах с неянулевым окончанием — на окончании), и мы видим, что они воспринимаются как разнотипные по ударению.

Таким образом, описывая ударение в парадигме, необходимо прежде всего учитывать, на каком из двух главных морфологических компонентов — основе или окончании — находится ударение в каждой словоформе парадигмы. (Легко видеть, что такой способ учета ударения отражает первый из рассмотренных выше принципов.) Иначе говоря, мы предполагаем, что две парадигмы могут удовлетворять интуитивному представлению об одинакости склонения только в том случае, если в каждой паре соответ-

ствующих друг другу словоформ этих парадигм ударение падает на один и тот же компонент (основу или окончание). Примеров, явно противоречащих этому предположению, мы не обнаружили.

Было бы, однако, неправильно предполагать, что указанное условие является не только необходимым, но и достаточным для того, чтобы сравниваемые парадигмы воспринимались как однотипные по ударению. Так, например, следующие пары слов, удовлетворяющие этому условию, воспринимаются как разнотипные по ударению: *прáвило* (мн. *прáвила*) — *бзero* (мн. *озёра*); *брúс* (мн. *брúсы*) — *кблос* (мн. *колбсы*); *южáнин* (мн. *южáне*) — *славянíн* (мн. *славянé*); *славянíн* (мн. *славянé*) — *гражданíн* (мн. *гráждане*); *гора* (И. мн. *гбры*, Р. мн. *гор*) — *головá* (И. мн. *гбловы*, Р. мн. *голбв*); *письмо* (Р. мн. *пíсем*) — *кольцб* (Р. мн. *колéц*); *шáхматы* (Р. *шáхмат*) — *хлóпоты* (Р. *хлопbt*); *бéрег* (Р. ед. *бéрга*) — *перéд* (Р. ед. *перéда*); *чехбл* (Р. ед. *чехлá*) — *úгол* (Р. ед. *углá*). Как показывает наблюдение, во всех этих случаях различие между двумя сравниваемыми парадигмами состоит в том, что в некоторых парах соответствующих друг другу словоформ этих парадигм ударение по-разному расположено внутри основы. Наиболее адекватным способом учета этих различий оказывается сравнение места ударения в каждой словоформе, имеющей ударение на основе, с местом ударения в исходной словоформе. (Тем самым здесь применяется второй возможный принцип учета ударения.) В результате такого сравнения устанавливаем, например, что словоформа *прáвила* имеет «нулевой» сдвиг ударения (ср. исходную словоформу *прáвило*), а словоформа *озёра* — сдвиг на один слог вправо (ср. *бзero*); что словоформа *гбры* имеет сдвиг на один слог влево (ср. *горá*), а словоформа *гбловы* — на два слога влево (ср. *головá*) и т. д.¹¹ Точные правила определения этих сдвигов даются ниже (в целях общности эти правила строятся так, что ими обрабатываются все словоформы парадигмы, а не только словоформы с ударением на основе). Мы предполагаем, что две парадигмы могут удовлетворять интуитивному представлению об одинаковости склонения только в том случае, если в каждой паре соответствующих друг другу словоформ этих парадигм сдвиг ударения (определенный по данным правилам) одинаков. Примеров, противоречащих этому предположению, не обнаружено.

Выдвинутое условие, как и предыдущее, не является, правда, достаточным для того, чтобы две парадигмы воспринимались как однотипные по ударению. Так, например, явно неоднотипные по ударению слова *спор*, *стол*, *сорт*, *волк* удовлетворяют этому условию. Для нас существенно, однако, что оба этих условия вместе, по-видимому, уже достаточны для данной цели. Действи-

¹¹ Особый случай составляет лишь последний пример (*чехбл* — *úгол*). Здесь указанный прием не дает желаемого результата; вместо этого приходится оценивать положение ударения в исходной словоформе по отношению к ее конечному слогу.

тельно, не удается найти таких двух слов, которые удовлетворяли бы обоим этим условиям одновременно и все же воспринимались бы как разнотипные по ударению.

Итак, принимаемый способ учета ударения в парадигме описывается одновременно на оба рассмотренных выше принципа и состоит в том, что каждая словоформа парадигмы оценивается с двух независимых точек зрения: 1) на какой компонент — основу или окончание — падает ударение в этой словоформе; 2) каков в этой словоформе так называемый сдвиг ударения (подразумевается: «по отношению к некоторой условной точке этой словоформы»).

Признак «сдвиг ударения» может принимать целые числовые значения от -3 до $+2$ (минус означает сдвиг влево, плюс — сдвиг вправо, цифры — число слогов). Значение этого признака прописывается словоформе по следующим правилам:

1. Если ударение на окончании — значение 0.

2. Если ударение на основе, то:

- a) в неисходной словоформе — значение, равное разности между номером ударного слога (по счету от начала) в этой словоформе и номером ударного слога в исходной словоформе;

- b) в исходной словоформе: если в парадигме все окончания, содержащие гласные, ударны — значение, равное разности между номером ударного слога в этой словоформе и числом ее слогов; в прочих случаях — значение 0.

Примеры: величина 0, числём 0; прáвила 0, озёра +1; б्रúсья 0, колóсья +1; южáне 0, славýне -1, грáждане -2; гбрý -1, глóвы -2, скбóроды -3; гор -1, голбóv -1, сковорóд -1; пíсем -1, колéц 0; шáхмат 0, хлопбóт +1; бéреg 0, бéрга 0, перéд 0, нéреда -1; чехóл 0, югóл -1.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства имеют одинаковое распределение ударения, если в каждой паре одноименных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие ударение на одном и том же компоненте (основе или окончании). Например, одинаковое распределение ударения имеют парадигмы слов *тигр* и *рыба*, *вещество* и *конурá*, *прáвило* и *бзеро*, *рукá* и *головá*, *кисть* и *блáя*, *живбóй* и *тупбóй*.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства имеют одинаковое распределение сдвигов ударения, если в каждой паре одноименных непустых клеток этих парадигм находятся словоформы, имеющие одно и то же значение признака «сдвиг ударения». Например, одинаковое распределение сдвигов ударения имеют парадигмы слов *тигр* и *рыба*, *вещество* и *конурá*, *спор* и *стол*, *довéсок* и *кусбóк*, *кисть* и *блáя*, *живбóй* и *тупбóй*.

Мы будем говорить, что две парадигмы одинакового внутреннего устройства одинаково акцентуированы, если

они имеют одинаковое распределение ударения и одинаковое распределение сдвигов ударения.

Например, одинаково акцентуированы парадигмы слов *тигр* и *рыба*, *веществъ* и *конурá*, *кисть* и *дбля*, *живой* и *тупой*.

Определение эквивалентности двух парадигм

§ 5. 6. Две парадигмы называются эквивалентными, если они 1) имеют одинаковое внутреннее устройство, 2) имеют одинаковый набор окончаний, 3) имеют подобные наборы основ и 4) одинаково акцентуированы. Например, эквивалентны парадигмы слов *стол* и *топбр*, *спор* и *чемпионат*, *гусёнок* и *коэлёнок*, *голова* и *бородá*, *свинъя* и *судъя*, *наш* и *ваsh*, *такбй* и *городской*, *живой* и *тупой*. Напротив, не эквивалентны, например, парадигмы слов *часовбй* (существительное) и *часовбй* (прилагательное) (неодинаковое внутреннее устройство парадигмы); *дар* и *сорт* (неодинаковые наборы окончаний, ср. *дарбй* и *сортâ*); *стол* и *чехбл* (неподобные наборы основ, ср. *столбй* и *чехлы*); *беда* и *спинâ* (неодинаковая акцентуация, ср. *беду* и *спину*).

Отношение эквивалентности между парадигмами, вводимое данным определением, обладает свойствами рефлексивности, симметричности и транзитивности (см. § 5. 1, сн. 1). Это значит, что оно определяет разбиение всего множества парадигм на непересекающиеся классы эквивалентных между собой парадигм. Совокупность всех эквивалентных между собой парадигм мы будем называть элементарным классом парадигм.

Г л а в а шестая

КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ ПО СПОСОБУ ВНЕШНЕГО ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

Р А З Д Е Л I

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Требование достаточной детальности классификации

§ 6.1. Понятие эквивалентности двух парадигм, выработанное в предшествующей главе, дает возможность продолжить классификацию именных парадигм, начатую в гл. 3¹, а именно, перейти к классификации парадигм по способу внешнего выражения грамматических противопоставлений.

Как указано в § 0.3, в настоящей работе принята классификация универсального типа, т. е. такая, при которой каждой парадигме приписано некоторое значение каждого различительного признака, участвующего в классификации. Назовем *полномахаристикой* некоторой парадигмы запись, показывающую, какое значение принимает у этой парадигмы каждый из участвующих в классификации различительных признаков.

Основное формальное требование, которое предъявляется к строящейся ниже классификации, состоит в следующем: любые две неэквивалентные парадигмы должны иметь разные полные характеристики. Мы будем называть его далее требованием *достаточной детальности* классификации. С содержательной точки зрения это требование можно пояснить так: классификация должна быть достаточно детальна для того, чтобы с ее помощью можно было для каждой пары неэквивалентных парадигм указать, какие именно различия между этими парадигмами являются причиной их неэквивалентности. Очевидно, что если выполнено требование достаточной детальности, то совокупность всех парадигм с одинаковой полной характеристикой всегда образует подкласс некоторого элементарного класса парадигм (в частном случае она равна некоторому элементарному классу). В связи с этим мы будем далее называть совокупность всех па-

¹ Для той части классификации, которая дана в гл. 3, понятие эквивалентности двух парадигм еще не требуется.

дигм с одинаковой полной характеристикой элементарным подклассом парадигм.

Следует ли требовать также и обратного соотношения, т. е. того, чтобы любые две эквивалентные парадигмы имели одинаковые полные характеристики (иначе говоря, чтобы всякий элементарный класс совпадал с некоторым элементарным подклассом)? Опыт показывает, что соблюдение этого требования в некоторых случаях затруднило бы классификацию и даже привело бы к затмению действительных отношений между парадигмами. Дело в том, что одно и то же по своей природе различие между парадигмами может в одних случаях служить причиной неэквивалентности парадигм, а в других по каким-либо посторонним причинам оставаться как бы скрытым. Так, например, парадигмы *бок* и *борт* различаются между собой явно тем же, чем парадигмы *ток* (электрический) и *торгт*; однако парадигмы *ток* и *торгт* неэквивалентны (ср. И. мн. *тбки* и *тбрты*), а парадигмы *бок* и *борт* — эквивалентны (поскольку в И. мн. выступает окончание *-а*, перед которым различие конечных согласных основы никак не проявляется: *бокá*, *бортá*). В подобных случаях естественно приписать парадигмам разные полные характеристики, несмотря на их эквивалентность, т. е. допустить избыточную детальность классификации. Практически в нашей классификации избыточная детальность невелика: подавляющее большинство элементарных классов состоит из одного элементарного подкласса.

Общая схема описания отдельного различительного признака

§ 6.2. Все различительные признаки, участвующие в классификации именных парадигм (включая те, которые уже введены в главе 3), описываются в настоящей работе по единой схеме, а именно, о различительном признаком даются следующие сведения.

1. Полный список возможных значений различительного признака. Одно из значений может быть названо нулевым (и, соответственно, занумеровано нулем). Это делается в тех случаях, когда данное значение представляет собой своего рода норму, характерную для большинства парадигм, а все остальные («ненулевые») значения — отклонение от этой нормы.

2. Указания о том, каким образом производственной известной полнотью известной парадигме приписывается значение данного различительного признака. Чаще всего такие указания содержатся в неявном виде в самой формулировке значений различительного признака. (В ряде случаев однозначность этих формулировок достигается введением одного или нескольких предварительных операционных определений; ср. § 6.15, 6.23—6.26.)

В меньшинстве случаев указания такого рода даются в виде явно сформулированных правил (ср. § 6.7, 6.9, 6.27).

3. *Указания, позволяющие установить, какое значение принимает данный признак у произвольной парадигмы, по некоторой ограниченной информации об этой парадигме* (в минимальном случае — по одной лишь ее исходной словоформе). В тех случаях, когда такие указания сравнительно просты (например, сводятся к спискам слов), они даются непосредственно при перечислении значений различительного признака. В более сложных случаях они выделяются в самостоятельные правила. Перед такими правилами обязательно указывается, какова используемая исходная информация о парадигме. Эта исходная информация может состоять только из формальных характеристик слова (как правило это либо некоторые внешние особенности исходной словоформы, либо значения других признаков, используемых в нашей классификации). Тем самым исключается обращение к семантическим, словообразовательным, этимологическим и т. п. характеристикам слова (сведения, связанные с такими характеристиками, могут быть даны в замечаниях или в сносках). Подобные неформальные характеристики могут, однако, учитываться при группировке слов в тех или иных списках. В самом деле, например, может оказаться удобным разделить список исключений из некоторого правила на семантические группы: это позволит видеть, что часть отклонений от правила фактически определяется значением слова. В то же время с формальной точки зрения это отнюдь не значит, что для выполнения правила необходимо обращаться к значению, поскольку состав каждой из выделенных семантических групп тут же полностью перечисляется. На таких же основаниях допускается обращение к формальным характеристикам, не указанным в числе необходимых исходных сведений о парадигме. Любой список слов может быть заменен ссылкой к некоторому другому месту книги (в том числе находящемуся ниже), где этот список содержится.

Специально отметим, что в качестве исходной информации о парадигме могут использоваться значения различительных признаков, рассматриваемых лишь позднее. Вообще в настоящей работе не предполагается, что правила установления значений отдельных различительных признаков должны применяться в том порядке, в котором рассматриваются сами эти признаки. Порядок, в котором эти правила должны применяться для получения полной характеристики парадигмы, специально указывается в § 7.2. Разумеется, было бы все же желательно избежать подобного «забегания вперед»; оказывается, однако, что при таком порядке изложения, когда каждому различительному признаку посвящен единый связный раздел, полностью избежать этого нельзя ни при какой последовательности различительных признаков.

Следует обратить внимание на то, что описанные здесь правила установления значений некоторого различительного признака и правила приписывания значений, о которых сказано выше, в пункте 2, внешне могут быть отчасти сходны (ср., например, § 6.9 и 6.10). Тем не менее по своей функции они совершенно различны: правила приписывания значений служат лишь для того, чтобы сообщить читателю, как именно производилась классификация; правила установления значений представляют собой уже часть процедуры синтеза парадигм.

4. Статистические сведения (факультативно). Это сведения о численности классов парадигм, образуемых при разбиении всего исходного материала по рассматриваемому признаку. При этом может быть учтено также деление парадигм по каким-либо другим признакам, имеющим отношение к данному. Статистические сведения могут быть даны непосредственно в тексте или в виде таблиц. В отдельной клетке таблицы помещается словообразец, принадлежащее соответствующей группе слов (изредка дается более одного образца). При нем в квадратных скобках указывается численность этой группы². Если, однако, состав группы исчерпывается приведенным образцом (или образцами), в квадратные скобки заключаются сами эти образцы, а численность группы не указывается. До 20 число парадигм, входящих в группу, указывается точно; выше 20 оно как правило округляется (от 20 до 100 — в пределах 5, от 100 до 1000 в пределах 20, выше 1000 — в пределах 50). Кроме того, для наглядности численность группы символизируется шрифтом слова-образца, а именно:

строчной светлый, например,	жити́е	— до 10 парадигм
строчной полужирный, например,	область	— от 11 до 100 парадигм
прописной светлый, например,	жите́ль	— от 101 до 1000 парадигм
прописной полужирный, например,	карта	— свыше 1000 парадигм.

Все подсчеты произведены строго в пределах исходного материала. Специально подчеркнем, что всякое слово с колебаниями учитывается в этих подсчетах столько раз, на сколько вариантов «расщеплена», в соответствии с § 4.3, его парадигма. Иначе говоря, единицей подсчета является не лексема, а вариант парадигмы, не имеющей индивидуальных колебаний (см. § 4.3).

В таблицах могут быть даны также образцы слов, не входящих в исходный материал. Они заключаются в угловые скобки, например: <Попёв>. Количественных характеристик при таких образцах не дается. Образец в угловых скобках может быть дан как в клетке, где нет обычного образца, так и наряду с обычным образцом (см., например, таблицу в § 6.28).

Примечание. При необходимости получить какие-либо дополнительные сведения о численности тех или иных группировок именных парадигм следует обращаться непосредственно к «Приложению».

² В редких случаях, когда образцы вообще не приводятся, численность групп указывается без скобок.

5. *К о м п е н т а р и и* (факультативно). В комментариях указываются содержательные мотивы наиболее важных формальных решений, принятых в соответствующем разделе.

Первичные и вторичные словоформы

§ 6.3. Введем некоторые вспомогательные понятия, необходимые для последующей классификации парадигм.

Назовем *вторичной*:

- 1) всякую словоформу 2-го родительного падежа;
- 2) всякую словоформу 2-го предложного падежа;
- 3) всякую счетную словоформу;
- 4) всякую припредложную словоформу, кроме словоформ предложного падежа;
- 5) всякую словоформу предложного падежа слов *он*, *она*, *онъ*, *они*, *некого*, *нечего*, *никтъ*, *ничтъ*, *никакой*, *никотрый*, *ничей*;
- 6) всякую словоформу винительного падежа (кроме словоформы *её* слова *она*), омонимичную соответствующей³ словоформе именительного или родительного падежа;
- 7) всякую словоформу единственного числа (кроме словоформ *неизменяемых* слов), омонимичную соответствующей⁴ словоформе множественного числа.

Замечание. На основании пункта 6 вторичными оказываются, в частности, все словоформы винительного падежа множественного числа.

Всякую иную словоформу именной парадигмы назовем *первичной*⁵.

Суженная парадигма

§ 6.4. Назовем совокупность всех первичных словоформ некоторого слова *суженной* парадигмой этого слова. В тех случаях, когда необходимо противопоставить суженную парадигму и парадигму в обычном смысле, последняя может быть названа *полной*.

Суженная парадигма любого слова представляет собой объект, устроенный с принципиальной точки зрения так же, как и обычная (полная) парадигма, а именно, она состоит из некоторого числа клеток, каждая из которых имеет в качестве названия некоторое словоизменительное грамматическое значение и содержит одну или несколько словоформ. Это значит, что к суженным парадигмам применимы определения и операции, введенные выше для полных парадигм. В частности, две суженные парадигмы,

³ Т. е. такой словоформе той же парадигмы, грамматическое значение которой отличается от грамматического значения данной словоформы только падежом.

⁴ Т. е. такой словоформе той же парадигмы, грамматическое значение которой отличается от грамматического значения данной словоформы только числом.

⁵ Относительно названий «первичные» и «вторичные» см. § 6.50.

могут иметь одинаковое или различное внутреннее устройство, одинаковый или неодинаковый набор окончаний, подобные или неподобные наборы основ, могут быть одинаково или неодинаково акцентуированы, наконец, в целом могут быть эквивалентными или неэквивалентными.

Заметим, что эквивалентными могут оказаться суженные парадигмы двух слов, полные парадигмы которых неэквивалентны. Такие пары образуют, например, слова *кбшка* и *лбжка*, *мышь* и *ночь*, *горб* и *герб*; дело в том, что словоформы, являющиеся здесь причиной неэквивалентности полных парадигм (а именно, В. мн. *кбшек* и *лбжки*, *мышей* и *ночи*, П₂ ед. *мýши* и *ночí*, *горбú* и *гербé*), не входят в соответствующие суженные парадигмы.

Эталон, позволяющий сравнивать парадигмы разного внутреннего устройства

§ 6.5. По самому смыслу введенных выше определений одинаковости набора окончаний, подобия наборов основ и одинаковой акцентуации, классифицировать по этим признакам можно только парадигмы одинакового внутреннего устройства. Но в этом случае нельзя осуществить сформулированный в § 0.3 принцип универсальности различительных признаков парадигм. Следовательно, необходимо найти способ сравнивать парадигмы разного устройства по окончаниям, основе и ударению.

Основная трудность при сравнении двух парадигм разного внутреннего устройства состоит в том, что неизвестно, каким образом соответствуют друг другу их словоформы. Возьмем, например, парадигмы слов *пбчесь* и *двенáдцать*. Сходство парадигмы слова *двенáдцать* с ед. числом парадигмы слова *пбчесь* очевидно. Однако с формальной точки зрения здесь имеется следующее препятствие для прямого сравнения: словоизменительные грамматические значения словоформ слова *пбчесь* состоят из граммем числа и падежа (например, И. ед., Т. мн.), тогда как словоизменительные грамматические значения словоформы слова *двенáдцать* состоят только из граммем падежа (например, И., Т.). Поэтому, даже если условиться, что сравниваемые словоформы должны стоять в одном и том же падеже, все же остается неизвестным, следует ли сравнивать, например, словоформу *двенáдцатью* со словоформой Т. ед. *пбчесью* или Т. мн. *пбчесъми*.

Чтобы преодолеть эту основную трудность, необходимо уловиться о том, каким образом словоформы из парадигм разного внутреннего устройства соответствуют друг другу. Практически нам потребуется устанавливать соответствия только между первичными словоформами (поскольку вторичные словоформы отражаются при классификации различительными признаками особого строения, см. § 6.50). Предлагаемый ниже способ установления такого соответствия основан на соотнесении каждой

Эталон

		Согласовательные классы						
		1 (муж. неод.)	2 (муж. одуш.)	3 (жен. неод.)	4 (жен. одуш.)	5 (сред. неод.)	6 (сред. одуш.)	7 (парн. неод.)
Ед. чи- сло	Неатрибутивные формы							
	Атрибутив- ные формы	И.						
		В.						
		Р.						
		Н.						
		Д.						
		Т.						
Мн. чи- сле	Неатрибутивные формы							
	Атрибутив- ные формы	И.						
		В.						
		Р.						
		Н.						
		Д.						
		Т.						

первичной словоформы каждой именной парадигмы с некоторым единым эталоном (см. стр. 135). Этalon представляет собой набор клеток, каждая из которых имеет свое обозначение. (Вообще говоря, таким обозначением может служить просто номер; практически клетки эталона обозначены определенными грамматическими значениями.) Даются правила, позволяющие установить для любой первичной словоформы любой именной парадигмы, какой клетке эталона она соответствует. Две словоформы из парадигм разного внутреннего устройства⁶ считаются соответствующими друг другу, если и только если они соответствуют одной и той же клетке эталона. Таким образом, эталон служит посредником между парадигмами разного внутреннего устройства.

Эталон состоит из 98 клеток — по числу словоизменительных грамматических значений, представленных у первичных словоформ (а также у вторичных словоформ ед. ч. 7-го класса и В. мн.) парадигмы расширенного адъективного разряда. Эти грамматические значения и служат обозначениями (или, как мы будем говорить ниже, названиями) его клеток. При этом граммему «атрибутивность» в названиях клеток эталона условимся опускать, поскольку она однозначно предсказывается наличием граммемы падежа. В соответствии с § 2.10, символ «П.» обозначает «предложный припредложный», остальные символы падежей — соответствующие самостоятельные формы. Заметим, что порядок падежей в эталоне нетрадиционный; такой порядок более удобен для описания наборов окончаний и ударения.

Соотнесение первичных словоформ с эталоном

§ 6.6. Рассмотрим теперь, как устанавливаются соответствия первичных словоформ именных парадигм с клетками эталона. Представим соотнесение первичной словоформы с некоторой клеткой эталона как наложение ее на эту клетку; будем говорить, что она «покрывает» эту клетку эталона. Всякая суженная парадигма покрывает, таким образом, либо весь эталон, либо некоторую его часть.

Основное требование, которое должно соблюдаться при соотнесении некоторой первичной словоформы *F* с эталоном, состоит в следующем: все граммемы, образующие словоизменительное грамматическое значение словоформы *F*, должны содержаться

⁶ Можно было бы сделать это определение более общим, распространив его на любые две различные парадигмы (а не только на парадигмы разного внутреннего устройства). Однако определенное таким образом соответствие между первичными словоформами из парадигм одинакового внутреннего устройства на практике не потребовалось бы, поскольку для этой цели уже используется более простое понятие одиноименности. (Заметим, что критерии одиноименности и соответствия через эталон, вообще говоря, могут дать разные результаты.)

в названии покрываемой ею клетки эталона⁷. В соответствии с этим требованием, например, словоформа *пбчестью* (словоизменительное грамматическое значение «Т. ед.») может покрывать клетку «Т. ед. жен. неод.» или «Т. ед. муж. одущ.» и т. д., но не клетку «И. ед.» или «Т. мн.» (какого угодно согласовательного класса); словоформа *двнáдцатью* (словоизменительное грамматическое значение «Т.») может покрывать любую клетку творительного падежа, но никаких других.

Очевидно, что это основное требование обеспечивает однозначное соотнесение с эталоном только для первичных словоформ прилагательных; для первичных словоформ прочих слов остается несколько возможностей: ср. приведенные выше примеры. Для достижения однозначности при соотнесении с эталоном любой первичной словоформы любой именной парадигмы вводятся два вспомогательных различительных признака парадигм: 1) морфологическое число; 2) морфологический класс.

Различительный признак «морфологическое число»

§ 6.7. Этalon состоит из двух половин (верхней и нижней), соответствующих единственному и множественному числам. Различительный признак «морфологическое число» показывает, с клетками какой из этих половин эталона соотносятся первичные словоформы взятой парадигмы. Он может принимать следующие значения:

0. «Фиксированного морфологического числа парадигма не имеет»: не все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками одной и той же половины эталона. (Это же значение получают парадигмы с дефектами № 5, 6, 7, 11, 12.)

1. «Единственное морфологическое число»: все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками той половины эталона, которая соответствует единственному числу.

2. «Множественное морфологическое число»: все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками той половины эталона, которая соответствует множественному числу.

Правила, позволяющие присвоить полностью известной парадигме значение признака «морфологическое число»

I. Прилагательные и существительные имеют нулевое значение данного признака.

II. У слов бесчисловых разрядов одна из словоформ берется в качестве контрольной, а именно: в согласуемо-бесчисловом разряде — словоформа Д. падежа 2-го согласовательного класса, в несогласуемо-бесчисловом разряде — словоформа Д. падежа. Если эта словоформа оканчивается на *м* — морфологическое число множественное; если она оканчивается иначе (а также если она отсутствует) — морфологическое число единственное.

⁷ В соответствии со сказанным выше, в названиях клеток эталона, содержащих граммему падежа, считается присутствующей также граммема «атрибутивность».

П р и м е р ы: *новый, этот, стена, ночь* — фиксированного морфологического числа нет (нулевое значение); *три, пятьсот, столько, мы* — множественное морфологическое число (ср. *трёх, пятисот, стольким, нам*); *пять, сто, полтора, я, ты* — единственное морфологическое число (ср. *пятый, ста, полтора, мне, тебе*).

§ 6.8. Приведенные правила исходят из того, что взятая парадигма полностью известна (ср. § 6.2, пункт 2); с логической точки зрения они представляют собой просто определения терминов «единственное морфологическое число» и «множественное морфологическое число» (а также выражения «фиксированного морфологического числа нет»).

В соответствии с § 6.2 (пункт 3), помимо таких правил необходимы также правила иного логического строения, а именно, правила, позволяющие установить морфологическое число произвольной парадигмы на основании ее исходной словоформы и минимального количества дополнительных сведений. Такие правила приводятся ниже. В качестве дополнительной информации о парадигме они используют только грамматический разряд.

*Правила, позволяющие установить
(по минимальной информации о парадигме)
значение признака «морфологическое число»*

I. Прилагательные и существительные имеют нулевое значение данного признака.

II. Из слов бесчисловых разрядов: слова *я, ты, он, она, об, себя, друг друга, кто, что, никто, ничто, некто, нечто, некого, нечего, каждый, любой, все, многое, немногое, всяческое, прочее, осталось, мало, немало, пол (половина), один (числительное), полтора, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сброк, девяносто, сто, полтораста, тысяча (числительное)* и все слова на *дцать* и *десят* — единственного морфологического числа;

слова *мы, вы, они, все, некоторые, многие, оба, два, три, четыре, двести, тринадцать, четыреста, двадцать, тринадцать, сколько, несколько, много, немноги* и все слова на *сот* и *еро* — множественного морфологического числа.

Различительный признак «морфологический класс»

§ 6.9. Эталон состоит из семи частей, соответствующих согласовательным классам; каждую из этих частей можно назвать столбцом эталона. Различительный признак «морфологический класс» показывает, с клетками какого из столбцов эталона соотносятся первичные словоформы взятой парадигмы. Он может принимать следующие значения:

0. «Фиксированного морфологического класса парадигма не имеет»: не все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками одного и того же столбца эталона.

Кроме того, имеется шесть ненулевых значений следующего общего вида: «морфологический класс ...» (следует номер от 1 до 6) — все первичные словоформы парадигмы соотносятся с клетками того столбца эталона, который соответствует согласовательному классу с тем же номером.

Замечание. Как показывает опыт описания, вводить значение «морфологический класс 7» нет необходимости.

Рассматриваемый различительный признак может быть представлен также как результат объединения двух самостоятельных различительных признаков, а именно:

а) признак «**м о р ф о л о г и ч е с к и й р о д**», принимающий следующие значения: нулевое («фиксированного морфологического рода нет») и ненулевые — мужской, женский и средний морфологические роды;

б) признак «**м о р ф о л о г и ч е с к а я о д у ш е в л е н и о с т ь**—неодушевленность», принимающий следующие значения: нулевое («морфологическая одушевленность—неодушевленность не фиксирована») и ненулевые — морфологическая одушевленность и морфологическая неодушевленность.

Значения этих признаков соотносятся со значениями признака «морфологический класс» следующим образом (прочерк показывает, что соответствующая комбинация значений невозможна):

Морф. одушевленность—неодушевленность	Морфологический род			
	мужской	женский	средний	не фиксирован
Морф. неодушевленность	морф. класс 1	морф. класс 3	морф. класс 5	—
Морф. одушевленность	морф. класс 2	морф. класс 4	морф. класс 6	—
Не фиксирована	—	—	—	морф. класс не фиксирован

Замечание. Как можно видеть, отношения между тремя рассматриваемыми признаками аналогичны отношениям между грамматическими категориями согласовательного класса, рода и одушевленности—неодушевленности (см. § 2.17).

Правила, позволяющие присвоить полносюю известной парадигме значение признака «морфологический класс»⁸

I. Прилагательные и слова согласуемо-бесчислового разряда имеют нулевое значение данного признака.

⁸ В этих правилах, естественно, могут быть использованы сведения, которые для любой полностью известной парадигмы устанавливаются по данным ранее правилам, в частности, разделение любой словоформы на основу и окончание (§ 4.4), деление словоформ на первичные и вторичные (§ 6.3), морф. число (§ 6.7).

II. У существительных и слов несогласуемо-бесчислового разряда морфологический класс возникает как совокупность отдельно приписываемых значений признака «морфологический род» и признака «морфологическая одушевленность—неодушевленность».

Морфологический род приписывается существительным и словам несогласуемо-бесчислового разряда по следующим правилам:

1. Слова *огнь*, *пламень*, *пол* (половина), *друг* *друга* — мужского морф. рода; слова *я*, *ты*, *себя* — женского морф. рода; слова *дитя*, *порося*, *поморёста*, *сот* (сотен) — среднего морф. рода. Для прочих слов — перейти к 2.

2. Если все словоформы парадигмы одинаковы — морф. род средний. Если это не так, то: для существительных, не имеющих первичных словоформ ед. числа, и для слов множественного морф. числа — перейти к 3; для прочих слов — перейти к 4.

3. Если окончание Р. мн. (у бесчисловых — Р.)⁹ содержит гласную — морф. род мужской. Если это не так, то: у слов с окончанием И. мн. (у бесчисловых — И.) -а или -я морф. род средний, у прочих слов морф. род женский.

4. У слов на *о*, *е*, *ё*, *и* и *ееся* морф. род средний.

У слов на *а*, *я* (кроме слов на *яя*, *ееся* и *ийса*) морф. род женский.

У слов на *ь*: если Т. ед. (у бесчисловых — Т.) оканчивается на *и* — морф. род мужской; в прочих случаях морфологический род женский.

У всех прочих слов морф. род мужской.

Значение признака «морфологическая одушевленность—неодушевленность» приписывается существительным и словам несогласуемо-бесчислового разряда по следующим правилам:

Если все словоформы парадигмы одинаковы — слово морфологически неодушевленное.

В прочих случаях: если словоформа В. мн. (у бесчисловых — В.) омонимична словоформе Р. мн. (у бесчисловых — Р.) — слово морфологически одушевленное; если не омонимична (или если хотя бы одна из этих словоформ отсутствует) — слово морфологически неодушевленное.

Примеры: *новый*, *этот*, *один*, *два* — фиксированного морфологического класса нет (нулевое значение); *стол*, *дождь*, *бой*, *аннэлы*, *джунгли*, *ци*, *сбор* — морф. класс 1; *сон*, *муравей*, *вожатый*, *он* — морф. класс 2; *стена*, *ночь*, *столбовая*, *пёжинцы*, *двадцать* — морф. класс 3; *сестра*, *мышь*, *сирота*, *судья*, *малышка*, *я*, *себя* — морф. класс 4; *окно*, *имя*, *домашко*, *домашце*, *ворота*, *сто*, *триста*, *что*, *шоссе* — морф. класс 5; *лицо*, *животное*, *подмастерье*, *волчье*, *опо* — морф. класс 6.

§ 6.10. Аналогично правилам приписывания морфологического числа, приведенные правила, исходящие из того, что парадигма полностью известна, по существу представляют собой просто определения терминов «морфологический класс 1», «морфологический класс 2» и т. д. Так же, как и в случае с морфологическим числом, здесь необходимы, кроме того, правила, позволяющие установить морфологический класс произвольной парадигмы на основании ее исходной словоформы и минимального количества дополнительных сведений.

При попытке построить такие правила обнаруживается следующее. Морфологический род можно установить с помощью

⁹ Здесь и ниже перед скобками указано грамматическое значение словоформ существительных, а в скобках — грамматическое значение словоформ из парадигм несогласуемо-бесчислового разряда.

формальных правил (правда, довольно сложных), опирающихся, помимо исходной словоформы, на сведения о грамматическом разряде и о том, является ли слово неизменяемым и относится ли к pluralia tantum. Иначе обстоит дело с признаком «морфологическая одушевленность—неодушевленность» (у существительных). У значительного большинства существительных не удается обнаружить никаких зависимостей между этим признаком и какими-либо иными внешними признаками парадигмы¹⁰. Очевидной и регулярной связью этот признак связан только со значением слова: слова, обозначающие одушевленные предметы, являются также морфологически одушевленными, слова, обозначающие неодушевленные предметы, — морфологически неодушевленными (почти без отклонений)¹¹. Однако, как указано в § 6.2, мы не можем обращаться к значению при составлении формальных правил. Разумеется, при строго ограниченном объеме материала всегда возможно составить полный список, например, морфологически одушевленных существительных, входящих в этот объем. Далее можно построить формальное правило установления морфологической одушевленности—неодушевленности, включающее этот список. Очевидно, однако, что такое решение не представляет практической ценности, поскольку, во-первых, само это правило будет безмерно громоздким, во-вторых, за пределами первоначального объема материала оно окажется совершенно бесполезным. Таким образом, в условиях, когда к значению слова обращаться нельзя, мы вынуждены считать морфологическую одушевленность—неодушевленность характеристикой существительного, невыводимой (в общем случае) ни из каких других его характеристик.

Ниже приводятся правила установления морфологического класса произвольного слова, опирающиеся на следующие сведения об этом слове: 1) исходная словоформа (без разделения на основу и окончание); 2) грамматический разряд парадигмы; 3) сведение о том, относится ли слово к числу неизменяемых слов, не имеющих дефектов (для существительных); 4) сведение о том, относится ли слово к числу pluralia tantum (для существительных); 5) морфологическая одушевленность или неодушевленность (для существительных).

¹⁰ Укажем наиболее важные из тех случаев, когда такие зависимости все же обнаружаются: 1) слова среднего морфологического рода в подавляющем большинстве случаев являются морфологически неодушевленными; исключения составляют лишь несколько небольших групп слов (которые, к сожалению, не удается охарактеризовать формально): а) лиц (человек), дитя, детице, дитятко, чадо, чудбиче, чудище, существ, божество и некоторые другие, б) группа отадъективных существительных типа животное, насекомое, млекопитающее, пресмыкающееся, в) группа слов мужского рода па ище (например, бычье) и на ко (например, гнедко), а также подмастерье, полуудурье (простореч.); 2) pluralia tantum (в смысле, указанном в § 2.12) — морфологически неодушевленные.

¹¹ См., в частности, АГ, § 175; относительно словосочетаний типа пойти к солдаты см. также выше, § 2.9.

***Правила, позволяющие установить
(по ограниченной информации о парадигме)
значение признака «морфологический класс»***

I. Прилагательные и слова согласуемо-бесчислового разряда имеют нулевое значение данного признака.

II. Слова несогласуемо-бесчислового разряда имеют следующие значения:

пол (половина), сброк, мнбго, пмнбго, стблъко, скблъко, несколько (три последних — в варианте, где В.=И.) — морф. класс 1;

он, каждый, люббй, друг друга, мы, вы, онй, все, некоторые, мнбгие, немнбгие — морф. класс 2;

пять, шесть, семь, вбсемь, дёвяять, дёсять, дёсти, тышяча (числительное) и все слова на цать, десят и сот — морф. класс 3;

я, ты, онá, себя — морф. класс 4;

что, ничтб, нчтто, некто, нчтго, мао, немао, всё, мнбгое, немнбгое, вслкое, прбче, осталыибе, десяносто, сто, полтораста, трйста, четыреста — морф. класс 5;

онб, кто, никтб, некого — морф. класс 6.

III. У существительных морфологический класс возникает как совокупность отдельно приписываемых значений признаков «морфологический род» и «морфологическая одушевленность—неодушевленность».

Морфологический род существительных устанавливается по следующим правилам:

1. Неизменяемые существительные, не имеющие дефектов, а также слова сот (сотен), дровёц, пец — среднего морф. рода. Прочие существительные: для pluralia tantum и для слов, перечисленных в пункте 6 параграфа 3.4, — перейти к 2; для прочих слов — перейти к 3.

2. Слова на с — мужского морф. рода.

Слова на а и я: слова на я, на иеся, а также бегá, лесá, потрохá, торокá, зеленá — мужского морф. рода; прочие слова — среднего морф. рода.

Слова на ы и и (возможны только мужской и женский морф. роды, поэтому слово «исключение» означает ниже противоположный из этих морф. родов):

а) Слова на ы и ий — мужского морф. рода. Исключения: брылái, ножнý (вариант к нбжны) ¹².

б) Слова на безударное ы:

Слова на сы, овы, уары и на согласную (или ы)+ты или +цы — мужского морф. рода. Исключения: балáсы, бусы, вблосы, пльцы ¹³.

Прочие слова на безударное ы — женского морф. рода. Исключения:

1) абрайвы, аннáлы, авайлбны, глазенáны, дебáты, кáдры, клавикбрды, консéрвы, лáры, пенáты, перúны, причиндблы, сбты, счёты, хбры; 2) всхбды, выборы (также до выборы, первеборы), огненупбры, переговбры, перекбрды, пересуды, прбводы, развбды, растаббрды, рбды; также слова на товáры, материйлы (например, промтобары, стройматериайлы).

в) Слова на безударное и:

Слова на ки (кроме слов на безударное ики), на ги, на иши и на ии — женского морф. рода. Исключения: 1) пастриги, прелиминбрии; 2) огрёбки, вьгребки, оскрёбки, поскрёбки, вьскребки, оба́дки, послéдки, объéдки, зáмороэки, вьмороэки, тблки, перетблки, кривотблки, помылки, смылки, ошмётки, пожйтки, очистки, подмбстки, барашки, подсблнушки; 3) следующие слова допускают как женский, так и мужской морф. роды ¹⁴: пасеки,

¹² Для слова портки Орф. и Уш. дают Р. портбк и порткб (в АО только порткб).

¹³ Для слова пльцы Уш. дает Р. пльцеев (в АО и Орф. — пльец).

¹⁴ По данным Уш. (в АО этих слов нет).

отсёвки, вёсёвки, опёвки, смыёвки, обжёмы, выжимки, снимки, складенки, перетёбки, выварки, выжарки, вычески, смётки, вымолотки.

Прочие слова на безударное *и* — мужского морф. рода. Исключения: *кблики, грабли* (наряду с мужским морф. родом), *пантюфли; бабушки, ладушки*.

3. Слова на *о, е, ё, мя, есся, а* также *дитя, поросёнок* — среднего морф. рода.

Слова на *а* и на *я* (кроме слов на *мя, есся, ийся* и слов *дитя, поросёнок*) — женского морф. рода.

Прочие слова, кроме слов на *ь*, — мужского морф. рода.

Слова на *ь* (возможны только мужской и женский морф. роды, поэтому слово «исключение» означает ниже противоположный из этих морф. родов):

а) Слова на шипящую *+ь* — женского морф. рода¹⁵.

б) Слова на губную согласную (*б, п, в, ф, м*) *+ь* — женского морф. рода.

Исключения: *глубью, червь.*

в) Слова на *т, д, с* или *з +ь* — женского морф. рода. Исключения¹⁶:

1) следующие названия лиц мужского пола: *вітязь, вождь, господь, гость, гридь* (чен княжеской дружины), *зять, кизязь, чехристъ, тать, тестъ;* 2) следующие названия животных, рыб и птиц: *гусь, карась, лебедь, лосось, ледорёдъ, язь;* 3) *дёготь, кбоготь, лбоготь, лбомоть, нбоготь, тутъ, японь;* *гвоадь, груэдь, дождь, жёлудь, пбдерузэдь; кладесь, колбдезь, пэнязь, ферэвъ.*

г) Слова на *нь:*

Слова на *ень* — мужского морф. рода. Исключения: 1) *гень, сень, тень* (также *полутёнь, ссепотёнь, обл. стены*); 2) *голень, зелень, кипень, осень, пёченъ, плесень, праёленъ, прблесень, рагменъ* (обл.: *лес у края поля*), *стёпень, тёменъ;* 3) *дребедень, межень, мигрёнь, мишень, пядень, сажень, сирень, ступень, сухмёнь, шагрёнь.*

Прочие слова на *нь* — женского морф. рода. Исключения: 1) следующие названия лиц мужского пола: *губнь, дуббнь* (должностные лица в старом Китае); 2) следующие названия животных, птиц и рыб: *конь, линь, лунь, бкунь;* 3) название месяца¹⁷: *июнь;* 4) *огонь* (также устар. *огнь*), *шапнуй,* *шинь* (*шпны*), *финьшамбнь, юбнь* и все слова на *линь.*

д) Слова на *ль:*

Односложные слова на *аль* и *ель* и неодносложные слова на *оль* — женского морф. рода. Исключения: 1) следующие названия лиц мужского пола: *волостель, враль, менестрель, метрдотель, полишинель;* 2) следующие названия животных, птиц и насекомых: *журавель, кобель, коростель, свирестель, спаниель, шмелъ;* 3) название месяца: *апрель;* 4) *гель, сель, хмель, бордель, гидроэль, жавель, картель, кошель, мотель, мускатель, отель, портфель, рубёль, сапропель, скарпель, туннель* (*тоинель*), *щакель.*

¹⁵ Перечислим эти слова: *блажь, молодёжь, влюблежь, холостёжь, ложь, рожь, дрожь, юлжь, упражь, пристяжь; печь, речь, сбречь, тень, картечь, дичь, лёлочка, щёлочь, жёлчь, дочь, сблочь, бёстолочь, мочь, нёмочь, ночь, пблночь, полубочь; губьш, плешиш, флешиш, брешь, тишиш, вошиш, брибочь, рбсюшь, брошиш, вётошиш, пустошиш, глушь, пбдущь, сушь, тушь, рётущь, чушь, мышиш, фальшиш; вециш, пециш, тоциш, моцишь, нёмоцишь, пбмоцишь.* Данный пункт правил не имеет исключений, поскольку, согласно действующей орфографии, слова мужского (морф.) рода с основой на шипящую пишутся без *ь*, например: *чертёж, ёри, свёточ, клен.* Отметим, что таких слов около 370, т. е. примерно в семь раз больше, чем слов женского (морф.) рода (см. приведенный список).

¹⁶ Относительно группировки слов-исключений по значению или по другим неформальным признакам см. § 6.2, пункт 3.

¹⁷ Вообще в русском языке названия месяцев (любого календаря), оканчивающиеся на согласную или на *ь*, относятся к мужскому морф. роду (и к мужскому роду), например: *январь, февраль, апрель, июнь, жерминаль, прериаль, флеребаль, шаваль.*

Слова на *сль*, *оль*, *оль* — женского морф. рода. Исключения: *нёдо-рость*, *парасоль*.

Прочие слова на *ль* — мужского морф. рода. Исключения: 1) односложные: *боль*, *быль*, *гиль*, *гниль*, *голь*, *моль*, *пиль*, *свиль*, *смоль*, *роль*; 2) неодносложные с ударными приставками: *забаль*, *небыль*, *нёвидаль*, *нётель*, *блухоль*, *бтмелъ*, *бттепель*, *пбдмыль*, *прбывль*, *прбтель*, *рбствель*, *убль*, *удаль*, *усталь*; 3) прочие неодносложные: на *аль* — *пбдаль*, *шбшваль*; *анти-клиналъ*, *вжеталь*, *вертикаль*, *вуаль*, *газаль* (устар. вариант к *газэлла*), *горизонталь*, *деталь*, *диагональ*, *капиталь*¹⁸, *кефаль*, *магистраль*, *мараль* (простореч.), *медаль*, *мораль*, *нормаль*, *пастораль*, *педаль*, *перкаль* (наряду с мужским морф. родом), *печаль*, *пищаль*, *поталь*, *синклиналъ*, *скрижаль*, *спираль*, *сусаль*, *ценитраль*, *эмаль*, *этубль*; на безударное *ель* — *гйбель*, *добродель*, *каломель*, *мёдель*, *обйтель*, *погибель*, *тбель* (о ранах); на *иль* — *ваниль*, *спитрахиль*, *кадриль*, *кошениль*, *москотиль* (устар. вариант к *москатэль*); на *оль* — *бандероль*, *вакубль*, *гастроль*, *желтофибль*, *лакифибль*, *мовль*, *трибль*, *юбаль*¹⁹; на *ыль* — *бутыль*, *чернобыль*; на *эль* — *дуэль*; на согласную+ль — *рокайль*²⁰.

с) Слова на *рь*:

Слова на *урь* и односложные слова на *гласную+рь* — женского морф. рода. Исключения: *ерь*, *зверь*, *ларь*, *псарь*, *хорь*, *царь*, *штырь*.

Прочие слова на *рь* — мужского морф. рода. Исключения: 1) следующие названия лиц женского пола: *мáтерь*, *богомáтерь*, *прамáтерь*; 2) *бéздарь*, *изгарь*, *киноварь*, *прíгарь*, *псалтырь* (наряду с мужским морф. родом), *утварь*, *цифарь*.

Морфологическая одушевленность или неодушевленность существительных, как уже указано выше, считается заданной.

Замечание

Приведенные правила определения морфологического рода в целом верны также для топонимов; процент исключений здесь даже меньше, чем у нарицательных имен. При применении этих правил к совокупности всех топонимов, входящих в Был. (с добавлением слов *Платеи*, *Помпеи*, *Сибирь*, *Турéнь*), обнаруживается, что им не подчиняются только следующие группы слов:

1) из числа pluralia tantum:

а) к женскому морф. роду относятся топонимы на *ешты* (например, *Флорéшты*) и на безударное *сы* (*Ми́сы*, *Чáсы*, *Черкáсы*, *Я́сы*) и топонимы *Амираджаны*, *Абрóицы*, *Лёберцы*, *Платеи*, *Помпеи*, *Ромны*, *Салники* (заметим, что редкий вариант *Салоники*, принятый, например, в БСЭ²¹, подчиняется общим правилам).

б) к мужскому морф. роду относятся топонимы *Балхáны*, *Бескíды*, *Брёды*, *Бúчманы*, *Вогéзы*, *Кумы*, *Кундрáвы*, *Нидерлáнды*, *Россбны*, *Озинки*, *Олбíки*, *Ясны* (сюда же название созвездия *Стожáры*), а также топонимы, непосредственно связанные с нарицательными именами мужского морф. рода (*Анатýты*, *Аўлы*, *Красные Стрóги*, *Сéверные Убáлы*, *Нéволоки*, *Полбги*, *Промыслы*);

¹⁸ Дано по Орф.; по Уш. это слово мужского (морф.) рода; в АО нет.

¹⁹ Слово *выхухоль* наряду с мужским (морф.) родом иногда допускает женский; см., в частности, указания ССРЛЯ.

²⁰ Дано на основании литературных источников, вопреки Орф. и Уш., дающих это слово как неизменяемое; в АО нет.

²¹ Кроме того, Был. дает Р. с нулевым окончанием для части топонимов на *ичи*, например *Барановичи*, *Лаховичи*, *Сухиничи*, и для топонима *Нéжние Серéй*, однако в этих случаях рекомендации Был., по-видимому, должны быть отвергнуты.

2) из числа топонимов на ъ:

- а) к женскому морф. роду относятся топонимы: *Нерль*, *Оболь*, *Сибирь*, *Суэры*; *Ирэнь*, *Мезень*, *Пльзен*, *Сеень*, *Турэнь*, *Тюмэнь*, *Усэнь*;
- б) к мужскому морф. роду относятся топонимы на ёль, аль (кроме *Вель*, *Гжель*, *Ла-Рошель*, *Парабель*), топонимы *Аллах-Юнь*, *Ильхурд-Айнь*, *Сихотэ-Айнь*, *Кбрсунь-Шевченковский*, а также все китайские топонимы на нь (кроме названий китайских провинций и топонима *Ухань*), например *Тянь-Шань*, *Тайвань*, *Тяньцзинь*.

В количественном отношении существительные распределяются по морфологическим классам следующим образом:

	Муж. морф. род	Жен. морф. род	Сред. морф. род	Всего
Морф. неод.	9300	12000	5630	26930 (77,6%)
Морф. одуш.	4750	2900	120	7770 (22,4%)
Всего	14050 (40,5%)	14900 (43%)	5750 (16,5%)	34700 (100%)

Эталонное грамматическое значение

§ 6.11. Теперь уже можно сформулировать общее правило соотнесения первичных словоформ с эталоном. Всякая первичная словоформа *F* некоторой именной парадигмы *A* покрывает клетку эталона, обладающую следующими свойствами:

а) в название этой клетки входят все граммемы, образующие словоизменительное грамматическое значение (грамматическую форму) словоформы *F*;

б) если парадигма *A* имеет ненулевое значение признака «морфологическое число» — в название клетки эталона входит граммема числа, одноименная с морфологическим числом парадигмы *A*;

в) если парадигма *A* имеет ненулевое значение признака «морфологический класс» — в название клетки эталона входит граммема того же по номеру согласовательного класса, что и морфологический класс парадигмы *A*.

Клетка эталона, обладающая этими свойствами, всегда имеется и притом ровно одна. Таким образом, с помощью введенных вспомогательных признаков соотнесение первичных словоформ с эталоном производится однозначно.

Назовем эталонным грамматическим значением первичной словоформы название покрываемой ею клетки эталона. Приведем в качестве примеров несколько словоформ с указанием их словоизменительного грамматического

значения (грамматической формы) и эталонного грамматического значения (при омонимичных словоформах даны индексы):

Словоформа	Словоизменительное грамматическое значение (грамматическая форма)	Эталонное грамматическое значение
волк	И. ед.	И. ед. муж. одуш.
юношу	В. ед.	В. ед. жен. одуш.
пóчестью	Т. ед.	Т. ед. жен. неод.
пóчестями	Т. мн.	Т. мн. жен. неод.
нáшу ₁	В. ед. жен. неод.	В. ед. жен. неод.
нáшу ₂	В. ед. жен. одуш.	В. ед. жен. одуш.
две ₁	И. жен. неод.	И. мн. жен. неод.
две ₂	И. жен. одуш.	И. мн. жен. одуш.
две ₃	В. жен. неод.	В. мн. жен. неод.
двенáдцатью	Т.	Т. ед. жен. неод.
чему	Д.	Д. ед. сред. неод.

При сравнении двух парадигм разного устройства соответствующими друг другу считаются словоформы с одинаковыми эталонными грамматическими значениями ²². Так, в примере с парадигмами *пóчесть* и *двенáдцать*, предложенном в § 6.5, соответствуют друг другу, в частности, словоформы *пóчестью* и *двенáдцатью* (эталонное грамматическое значение обеих словоформ — Т. ед. жен. неод.), но не словоформы *пóчестями* и *две-нáдцатью*. Соответствуют друг другу также словоформы *юношу* и *нáшу₂* (см. примеры выше) и т. п.

Комментарий к вспомогательным понятиям, включающим эпитет «морфологический»

§ 6.12. Лингвистический смысл введенной выше серии вспомогательных понятий, включающих эпитет «морфологический», удобнее всего пояснить на примере морфологического рода. Как известно, у подавляющего большинства существительных одного и того же грамматического рода наборы окончаний сходны или просто совпадают. Так, для мужского рода характерны И. ед. с окончанием нуль, -й или -ь, Р. ед. на -а или -я и т. д.; для среднего рода — И. ед. на -о, -ё или -е, Р. ед. на -а или -я и т. д.; для женского рода — И. ед. на -а или -я, Р. ед. на -ы или -и и т. д. (впрочем, здесь достаточно широко представлен также другой набор окончаний — с И. ед. на -ь, Р. ед. на -и и т. д.). Таким образом, каждому грамматическому роду соответствует своя морфологическая характеристика — определенный тип набора окончаний (или несколько таких типов). Это соответствие достаточно устойчиво, однако в некоторых случаях оно все же мо-

²² Заметим, что таких словоформ может и не оказаться.

жет нарушаться: например, морфологические характеристики слов *мужчина*, *подмастерье* не соответствуют их роду. Очевидно, таким образом, что рассматриваемую морфологическую характеристику необходимо отличать от рода. Для этого прежде всего ей дается самостоятельное название — «морфологический род»²³. Мы говорим, например, что слово *дом* — мужского рода и мужского морфологического рода, а слово *мужчина* — мужского рода, но женского морфологического рода. Итак, морфологический род — это характеристика парадигмы, показывающая, для существительных какого рода характерен набор окончаний данной парадигмы.

Тот или иной морфологический род естественно приписать не только существительным, но и словам несогласуемо-бесчислового разряда: например, слово *пять* — женского морфологического рода, *что* — среднего морфологического рода и т. д. Напротив, прилагательным и словам согласуемо-бесчислового разряда определенного морфологического рода, разумеется, приписать нельзя, поскольку их парадигмы содержат словоформы, соответствующие всем морфологическим родам. (Отсюда необходимость в нулевом значении признака «морфологический род».)

Заметим, что в отличие от рода, морфологический род представляет собой в известной мере условную характеристику слова, частично зависящую от принятой системы описания. Так, например, неочевидно, какой морфологический род следует приписать словам *дитя*, *я*, *ты*, *полтораста*, а также всем неизменяемым словам (иначе говоря, решения, принятые для таких слов в § 6.9, условны). Тем не менее с практической точки зрения понятие морфологического рода является чрезвычайно полезным. В морфологическом описании существительных оно требуется даже чаще, чем понятие рода. В самом деле, например, слова *акула*, *балерина* и т. п. и *мужчина*, *воевода* и т. п. с морфологической точки зрения совершенно одинаковы; поэтому при описании они всегда образуют единую рубрику, обозначаемую, естественно, как «существительные женского морф. рода». Что же касается различия между этими словами по роду, то оно с морфологической точки зрения несущественно (ср. § 3.1) и может просто никак не отмечаться. Заметим, что именно отсутствием понятия морфологического рода (а вследствие этого и частым смешением рода и морфологического рода) объясняются многие некорректные формулировки традиционных описаний.

Остальные вспомогательные понятия, введенные в §§ 6.7 и 6.9, по своему построению и лингвистическому смыслу вполне аналогичны морфологическому роду.

²³ Термин «морфологический род» в таком значении заимствован из работы: М. И. Откупщикова и С. Я. Фитиалов. Система морфологического синтеза для русского языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 1, стр. 41.

§ 6.13. Представляет интерес специально рассмотреть возможные расхождения между родом и морфологическим родом одного и того же существительного²⁴. Такие расхождения представлены в следующих группах существительных:

1. Все изменяемые существительные мужского, а также так называемого общего рода на *-а* и *-я* относятся к женскому морф. роду, например: одушевленные мужского рода — *юноша*, *мужчина*, *слуга*, *парнишка*, *зайчик*, *купчина*, *бычина*, одушевленные общего рода — *сирота*, *калека*, *ханжá*, *урбодина*, *молодчина*; неодушевленные мужского рода — *домина*, *мостина*, *кусина*.

2. Все изменяемые существительные мужского рода на *-о* и *-е* относятся к среднему морф. роду, например: одушевленные — *подмастерье*, *воронок*, *волчье*, *человечье*; неодушевленные — *городишко*, *домишко*, *голосице*, *домице*.

3. Все существительные парного рода относятся к мужскому (например, *часы*, *джунгли*), женскому (например, *ножницы*, *брóки*) или среднему (например, *воро́та*, *дро́ва*) морф. роду.

4. Все неизменяемые существительные мужского и женского родов относятся к среднему морф. роду, например: *буржуа*, *атташé*, *мадам*. (Здесь, однако, морф. род носит явно условный характер.)

З а м е ч а н и е. Для части слов мужского рода с суффиксами *-ышк-*, *-иц-* и *-ил-* литературная норма (отраженная выше в пунктах 1 и 2) не вполне соответствует современной разговорной практике. Рассмотрим шесть основных образцов: три одушевленных, например *бычика*, *бычье*, *бычина*, и три неодушевленных, например *домишко*, *домице*, *домина*. По нормативной грамматике склонение здесь таково: 1) женский морф. род (*бычика*, *бычина*, *домина*) — Р. ед. на *-ы*, *-и*, Д. ед. *-е*, В. ед. *-у*, Т. ед. *-ой* и т. д.; 2) средний морф. род (*домишко*, *домице*, *бычье*) — В. ед. *домишко*, *домице*, но *бычина*, Р. ед. на *-а*, Д. ед. *-у*, Т. ед. *-ом* и т. д. Тенденция разговорного языка состоит в том, чтобы, вопреки этой норме, создать единую модель склонения для всех одушевленных слов данной группы и другую единую модель — для всех неодушевленных. Для одушевленных такой моделью является женский морфологический род (точнее — морф. класс 4). Именно так уже склоняются образцы *бычика*, *бычина*, и они «притягивают» к себе также образец *бычье*, который в разговорной речи склоняется чаще всего так: И. ед. *бычáца* или *бычíще* (в большинстве типов произношения это фонетически одно и то же), Р. ед. *бычíцы*, Д. ед. *бычíще*, В. ед. *бычíщу*, Т. ед. *бычíщей*. Возможны, конечно, колебания и смешанные наборы окончаний; характерно, что «слабее» всего оказывается нормативное окончание В. ед. — оно замещается новым окончанием в первую очередь. Неодушевленные существительные данной группы стремятся к смешанной модели склонения: окончания женского морф. рода (точнее — морф. класса 3) везде, кроме И. ед. и В. ед., а в этих двух формах — окончания среднего морф. рода. Так, для образца *домишко* эта модель склонения выглядит так: И. ед. *домишко*, Р. ед. *домишки*, Д. ед. *домишке*, В. ед. *домишко*, Т. ед. *домишкой*. Встречающееся написание И. ед. *домишка* представляет собой, разумеется, чисто гра-

²⁴ Что касается слов несогласуемо-бесчислового разряда, то здесь достаточно сложен вопрос о роде (неясно, можно ли вообще приписывать род числительным типа *дёсять*; у местоимений-существительных род часто не фиксирован, ср. § 2.20); поэтому вопрос о соответствии рода и морфологического рода у этих слов мы здесь рассматривать не будем.

фический вариант. В. ед. *домину* возможен, но-видимому, только в случае перевода всего слова из мужского рода в женский (нельзя сказать я *видел этот домину*). Образец *домище* несколько устойчивее сохраняет нормативное склонение, однако и здесь возможны Р. ед. *домиши*, Д. ед. *домище*, Т. ед. *домицей*. Наконец, образец *домина* фактически стоит ближе всего к указанной модели склонения: И. ед. [дам'инъ] можно с равным успехом записать как *домино*; В. ед. *домину*, как и *домину*, *домину*, но-видимому, возможен только в случае перевода слова в женский род (можно услышать *увидел огромную домину*, но не *увидел огромный домину*; в то же время можно услышать *увидел огромный [дам'инъ]*). Несомненно, что источник перестройки здесь именно в форме В. ед., где при нормативном формообразовании должно получиться *вижу этот домину*, что противоречит не нарушаемому более нигде принципу: «В. муж. неод. = И.». Это противоречие разрешается либо заменой *домину* на [дам'инъ], либо изменением рода, ср. «мою краснокожую паспортину» (Маяковский), *огромная кирпичина* и т. п. Отметим, наконец, что описанной модели соответствуют также разговорные словоформы И. мн.: *бычящи, домищи*, вместо *бычща, домища* (словоформа *доминки* в этом смысле пепоказательна).

В отличие от морфологического рода, морфологическая одушевленность—неодушевленность почти всегда соответствует той одушевленности—неодушевленности, которая проявляется в согласовании. Единственное существенное отклонение образуют слова *он, онб* и *онй*: они всегда являются морфологически одушевленными, независимо от согласования (ср., например, фразы: *Вот этот забор — мы его весь покрасили; Было много сукна, но всё его изъела моль; Появилось солнце — наведите объектив на него само*). Чисто условный характер носит аналогичное отклонение у одушевленных неизменяемых существительных, например *кенгуру́, атташé* (в силу § 6.9 они считаются морфологически неодушевленными).

РАЗДЕЛ II

РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПЕРВИЧНЫМ СЛОВОФОРМАМ

КЛАССИФИКАЦИЯ СУЖЕННЫХ ПАРАДИГМ УСЛОВНОГО УРОВНЯ

Условный способ представления внешней стороны¹ словоформ

§ 6.14. Как указано в § 0.4, в настоящей работе внешняя сторона словоформ берется в обычной орфографической записи (с обозначением места ударения). Ниже, однако, нам потребуется, кроме того, некоторый вспомогательный способ представления внешней стороны словоформы, который мы будем называть *у словны м*. Условный способ представления применяется ко всем первичным словоформам и только к ним. Переход от орфографического представления к условному складывается из следующих двух операций.

1. Вводится особый акцентуационный признак отдельной словоформы — **условное ударение**. Он может принимать два значения: «условное ударение на основе» и «условное ударение на окончании»²⁵. По правилам, данным в § 6.15, каждой первичной словоформе приписывается одно из двух значений этого признака. В связи с введением термина «условное ударение» ударение в обычном смысле слова мы будем далее называть **действительным**.

2. По правилам, данным в § 6.26, каждой первичной словоформе ставится в соответствие некоторая цепочка из русских букв и вспомогательных символов, называемая **условным видом** этой словоформы. (При этом, однако, знак **ударения'**, стоящий над одной из букв, не считается частью этой цепочки.) Практически условный вид возникает как результат обработки орфографического представления внешней стороны словоформы по определенным правилам преобразования. В связи с введением термина «условный вид словоформы» обычное, т. е. орфографическое, представление внешнего вида словоформы мы будем называть ее **действительным видом**. (При этом знак '**'** не считается частью действительного вида словоформы.) Условный вид всякой словоформы содержит (в силу правил параграфа 6.26) знак **|**, разделяющий основу и окончание. Мы будем называть часть условного вида некоторой словоформы, стоящую слева от знака **|**, **условной основой** этой словоформы, а часть, стоящую справа от этого знака, — ее **условным окончанием**. Соответственно, части действительного вида словоформы (выделенные по правилам параграфа 4.4) мы будем называть **действительной основой** и **действительным окончанием**.

И действительный и условный вид словоформы допускают обозначение как действительного, так и условного ударения. (Условное ударение можно обозначать, например, подчеркиванием условно ударного компонента; место знака действительного ударения в условном виде словоформы определяется правилами параграфа 6.26.) В принципе возможно даже обозначение обоих видов ударения одновременно.

Чтобы избежать частого повторения громоздких формулировок, для дальнейшего принимаются следующие соглашения:

1. При выражениях «действительный вид словоформы» и «условный вид словоформы» уточнение «с действительным ударением» (или «с условным ударением») означает: «с обозначенным действительным (соответственно, условным) ударением и необозначенным противоположным ударением». Если же такого уточнения нет

²⁵ В отличие от ударения в обычном смысле слова, условное ударение не приписывается какой-либо определенной букве или определенному слогу словоформы; оно считается принадлежащим морфологическому компоненту (основе или окончанию) в целом.

(и нет специального указания о том, что не обозначено никакое ударение), это означает, что обозначено действительное ударение²⁶.

2. Везде, где не уточняется, о каком ударении (виде словоформы, основе, окончании) идет речь, будет иметься в виду действительное ударение (соответственно, действительный вид словоформы, действительная основа, действительное окончание)²⁷. Таким образом, в частности, выражения «слова на ...» и «слова с основой на ...» (см. § 0.5) означают соответственно: «слова, у которых действительный вид исходной словоформы оканчивается на ...» и «слова, у которых действительная основа исходной словоформы оканчивается на ...».

Назовем совокупность всех первичных словоформ некоторой парадигмы, взятых в условном виде с условным ударением, суженой парадигмой условного уровня. Соответственно, суженная парадигма в смысле § 6.4 (т. е. совокупность всех первичных словоформ в их действительном виде с действительным ударением) может при необходимости быть названа суженной парадигмой действительного уровня.

При попытке применить к суженным парадигмам условного уровня определение эквивалентности, данное в главе 5, мы сталкиваемся со следующей формальной трудностью: определение одинаковой акцентуации (§ 5.5) требует знания не только ударного компонента, но и ударного слога. В связи с этим естественно доопределить введенное в § 5.5 понятие одинаковой акцентуации следующим образом: если в словоформе известен только ударный компонент, а ударный слог неизвестен, то такой словоформе приписывается нулевое значение признака «сдвиг ударения» (см. § 5.5, стр. 127). После принятия этого соглашения к суженным парадигмам условного уровня можно применять все определения и операции, введенные выше для обычных парадигм (ср. также § 6.4).

Содержательные лингвистические соображения, на основании которых был принят условный способ представления словоформ, изложены в § 6.18—6.22 («комментарии к понятию условного ударения») и § 6.35—6.36 («комментарии к понятию условного вида словоформ»).

УДАРЕНИЕ

Условное ударение

§ 6.15. Как указано в § 6.14, каждой первичной словоформе каждой именной парадигмы приписывается одно из двух значений признака «условное ударение»; а именно: «условное ударение на

²⁶ С практической точки зрения это соглашение дает возможность строить формулировки так, как если бы знак ' принадлежал соответствующей буквеннной цепочке.

²⁷ Исключение составляет только термин «схема ударения» (см. список 29).

основе» или «условное ударение на окончании». Выбор приписываемого значения производится по следующим правилам (предполагающим, что взятая парадигма полностью известна):

1. Если оба главных компонента словоформы (основа и окончание) являются слоговыми (т. е. содержат хотя бы одну гласную) — условное ударение в этой словоформе падает на тот же компонент, что и действительное.

2. Если один из главных компонентов словоформы неслоговой — условное ударение в этой словоформе такое же (т. е. на том же компоненте), как действительное ударение в некоторой словоформе того же слова, которую мы назовем «контрольной» для данной словоформы. Контрольной словоформой является: а) для словоформы *два* — словоформа *двѣ*, для словоформы *три* — словоформа *трѣ*; б) для всякой неатрибутивной словоформы муж. рода ед. числа — неатрибутивная словоформа сред. рода ед. числа; в) для всякой другой словоформы — словоформа дательного падежа (того же числа, если парадигма имеет словоизменительную категорию числа; того же согласоват. класса, если парадигма имеет словоизменительную категорию согласоват. класса). Если контрольная словоформа, определенная по этому правилу, в парадигме отсутствует (в силу дефектности парадигмы), контрольной считается исходная словоформа парадигмы.

П р и м е р ы: 1) словоформы *б зеро*, *соб аки*, *бл ая* — условное ударение на основе; словоформы *величин *, *стол *, *жив я* — условное ударение на окончании; 2) словоформы *ол нь*, *кор б*, *шосс *, *ваш*, *стр щен* — условное ударение на основе (ср. *ол ню*, *кор вам*, *шосс *, *в шему*, *стр шно*); словоформы *ячм нь*, *гол б*, *дням*, *весь*, *смеш н* — условное ударение на окончании (ср. *ячменю*, *голов м*, *дням*, *всем *, *смешн *).

Различительный признак: «схема ударения»

§ 6.16. Назовем собственной схемой условного удараения некоторой парадигмы запись, показывающую, на каком компоненте (основе или окончании) находится условное ударение в каждой первичной словоформе этой парадигмы. (Каждая словоформа обозначена в этой записи соответствующей грамматической формой.) Например, парадигма слова *гл з* имеет следующую собственную схему условного удараения: И., Р., Д., Т., П. падежи ед. числа — условное ударение на основе; И., Р., Д., Т., П. падежи мн. числа — условное ударение на окончании²⁸.

Назовем эталонной схемой условного удараения запись, ставящую в соответствие каждой клетке эта-

²⁸ Заметим, что словоформа И. ед. *гл з* имеет условное ударение на основе (ср. Д. ед. *гл зы*), а омонимичная ей словоформа Р. мн. *гл з* — условное ударение на окончании (ср. Д. мн. *гл з м*).

лона (см. § 6.5) некоторое значение признака «условное ударение». Мы будем говорить, что собственная схема условного ударения некоторой парадигмы совместима с некоторой эталонной схемой условного ударения, если в части эталона, покрываемой данной парадигмой, эти схемы совпадают.

Собственная схема условного ударения любой рассматриваемой в настоящей работе именной парадигмы русского языка совместима хотя бы с одной из приводимых ниже 17 эталонных схем условного ударения. Плюсом обозначено условное ударение на основе, минусом — условное ударение на окончании. Эталонные схемы условного ударения разделены на основные и второстепенные (пояснения см. ниже, примечание 1).

Эталонные схемы условного ударения

I. Неподвижное ударение

Неподвижное ударение встречается в парадигмах всех типов устройства. Обе относящиеся сюда схемы являются основными.

Схемы	Клетки эталона		Все клетки
	a	b	
	+	-	

II. Подвижное ударение

*Группа I. Схемы, не встречающиеся в парадигмах расширенного адъективного разряда **

Основные схемы

Схемы	Клетки эталона	Ед. число	Мн. число		
			И.	Р. Д. Т. П.	
c		+	-	+	
d		-	+	+	
e		+	+	-	
f		-	+	-	

* Поскольку неатрибутивные словоформы имеются только у парадигм расширенного адъективного разряда, в схемах группы I условное ударение неатрибутивных форм не указывается. Не указывается также условное ударение в В. мн., поскольку все словоформы В. мн. — вторичные. С формальной точки зрения, не упомянутым в таблицах клеткам эталона можно присвоить любое условное ударение.

Второстепенные схемы

Схемы	Ед. число				Мн. число		
	И.	В.	Р. Д. П.	Т.	И.	Р. Т.	Д. П.
<i>d'</i>	—	+	—	—	+	+	+
<i>f'</i>	—	+	—	—	+	—	—
<i>b'</i>	—	—	—	+	—	—	—
<i>e'</i>	+	+	+	+	+	—	+
<i>e''</i>	—	—	+	+	+	—	+

Группа 2. Схемы, встречающиеся только в парадигмах расширенного адъективного разряда

Основные схемы

Схемы	Клетки эталона	Атрибутивные формы	Неатрибутивные формы		
			муж. ед.	жен. ед.	сред. ед., парн. ед., мн. ч.
<i>a/b</i>		+	—	—	—
<i>a/c</i>		+	+	—	+
<i>b/c</i>		—	+	—	+

Второстепенные схемы

Схемы	Клетки эталона	Атрибутивные формы	Неатрибутивные формы			
			муж. ед.	жен. ед.	сред. ед.	парн. ед., мн. ч.
<i>a/b'</i>		+	—	—	—	+
<i>a/c'</i>		+	+	—	+	—
<i>b/c'</i>		—	+	—	+	—

Мы будем говорить, что парадигма относится к первой по порядку из тех эталонных схем условного ударения, с которыми совместима ее собственная схема условного ударения. Порядком эталонных схем условного ударения считается тот, в котором они здесь перечислены. Например, слова *удбный*, *парохбд*, *нбжници*, *рад*, *некто*, *одйнадцать* относятся к эталонной схеме условного ударения *a*, слова *смешнбй*, *весь*, *топбр*, *древб*, *себя*, *пять* — к схеме *b*, слова *ночь*, *ухо*, *сани*, *двёсти* — к схеме *e*, слова *гвоздь*, *губб*, *сам* — к схеме *f*, слово *живбй* — к схеме *b/c* и т. д.

Основным различительным признаком парадигмы, связанным с ударением, признается то, к какой эталонной схеме условного ударения эта парадигма относится. Различительный признак «эталонная схема условного ударения» может принимать 17 значений — соответственно приведенному перечню. В дальнейшем мы будем называть эталонную схему условного ударения сокращенно: схема удараения²⁹. Вместо формулировок типа «данное слово относится к схеме ударения *a*» может быть сказано также: «данное слово имеет схему ударения *a*»; словосочетание типа «схема ударения *a*» может, в свою очередь, быть сокращено до «схема *a*».

П р и м е ч а н и е 1. Разделение схем ударения на основные и второстепенные основано прежде всего на статистическом критерии: к второстепенным схемам ударения относится в общей сложности лишь несколько десятков парадигм. Второстепенные схемы ударения *a/b'*, *a/c'* и *b/c'* отличаются, кроме того, тем, что они не представлены в чистом виде ни одним примером: любая из относящихся к ним парадигм имеет параллельный вариант, относящийся соответственно к схеме ударения *a/b*, *a/c* или *b/c*. Принятая здесь система обозначений такова, что каждая второстепенная схема ударения представлена как бы как результат отклонения от одной из основных схем (на наличие отклонения указывают штрихи).

П р и м е ч а н и е 2. Последние шесть схем ударения имеют составное обозначение: первая буква символизирует распределение условного ударения в атрибутивных словоформах, вторая — в неатрибутивных словоформах. В связи с этим, когда речь идет о парадигмах расширенного адъективного разряда, для схем неподвижного условного ударения вместо обычных обозначений *a* и *b* могут быть использованы также «развернутые» обозначения: *a/a* и *b/b*. Составное обозначение схемы ударения для слов расширенного адъективного разряда связано с тем, что у этих слов условное ударение в неатрибутивных словоформах сравнительно мало зависит от условного ударения в атрибутивных словоформах. Как можно видеть из приведенных таблиц, у слов этого разряда условное ударение в атрибутивных словоформах всегда неподвижно, а в неатрибутивных словоформах распределяется одним из следующих 5 способов:

	Муж. ед.	Жен. ед.	Сред. ед.	Парн. мн. сд., ч.
<i>/a</i>	+	+	+	- -
<i>/b</i>	-	-	-	-
<i>/c</i>	+	-	-+	+
<i>/b'</i>	-	-	-	+
<i>/c'</i>	- -	-	+	-

Как явствует из предыдущего примечания, распределения */b'* и */c'* выступают только как параллельные варианты распределений */b* и */c* (соответственно).

²⁹ Пропуск эпитета «условное» противоречит общему соглашению (§ 6.14) о том, что «ударение» (без эпитета) — это действительное ударение. Такое отступление объясняется тем, что введенный здесь термин встречается в дальнейшем чрезвычайно часто и потому должен быть как можно короче; напротив, термин «схема действительного ударения» используется редко.

З а м е ч а н и е. Следует учитывать, что для установления приведенного здесь списка схем ударения существенны соглашения относительно ряда словоформ и словосочетаний, принятые ранее. В частности, *полчаса́* и *полти́са́* рассматриваются, вопреки написанию, не как единные словоформы, а как словосочетания. При отсутствии этого специального соглашения *полчаса́* и *полти́са́* пришлось бы отнести к особой схеме ударения³⁰. Далее, в § 4.2 исключены из рассмотрения некоторые словосочетания, ударение которых трактуется как аномальное. Из случаев этого типа особый интерес представляет колебание ударения в Р., Р₂, Д. и П. надежках ед. числа слов *грудь*, *ось*, *печь*, *степь*, *цепь*. Существующие описания отмечают в этих словоформах действительное ударение на окончании исключительно (АО) или преимущественно (АГ) в сочетаниях с предлогами, например: *из груди*, *по степи*. В этих условиях, если только мы не хотим признавать по два надежка в каждом из названных надежей, такое ударение должно рассматриваться как аномалия, свойственная некоторым устойчивым словосочетаниям (что и сделано в § 4.2). Однако в современном разговорном языке имеется явная тенденция к распространению такого ударения и на беспредложные сочетания, например: *ширина груди*, *длина цепи*. Таким образом, возникают (по крайней мере, в качестве допустимых вариантов) парадигмы, например, следующего вида: ед. ч. — И. В. *грудь*, Т. *грудью*, прочие падежи — *груди*; мн. ч. *груди*, *грудей*, *грудям*, *грудях* (заметим, что именно такое ударение дает для этого слова Был.). Такие парадигмы пришлось бы отнести к особой схеме ударения (ее можно было бы обозначить *f''*). Заметим, что к этой же схеме можно было бы отнести также *singulare tantum* *глухи́* (в настоящей работе оно отнесено к схеме *b'*). Можно попытаться, что со временем схема ударения *f''* станет узаконенной.

§ 6.17. Распределение русских имен (в особенности существительных) по схемам ударения очень сложно. В части случаев оно подчиняется определенным закономерностям (иногда более строгим, иногда носящим скорее статистический характер); во многих случаях, однако, обнаружить какую-либо закономерность не удается и приходится прибегать к составлению списков (иногда довольно длинных).

Ниже приводятся правила, позволяющие определить схему ударения произвольной именной парадигмы на основании некоторой ограниченной информации об этой парадигме. В качестве такой исходной информации о рассматриваемой парадигме в этих правилах используются прежде всего: 1) исходная словоформа парадигмы (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) морфологический род (для существительных); 4) сведение о том, относится ли слово к числу *pluralia tantum* (для существительных); 5) сведение о том, является ли слово причастием (см. § 3.2). Кроме того, используются две характеристики парадигмы, которые специально рассматриваются в настоящей работе лишь позднее³¹, а именно: 1) так называемый

³⁰ Так и сделано в работах: А. А. Зализняк. Ударение в современном русском склонении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 2; Он же. «Условное ударение» в русском словоизменении. — ВЯ, 1964, № 1; эта особая схема ударения обозначена там как *c'*.

³¹ Относительно обращения к характеристикам, которые рассматриваются лишь позднее, см. § 6.2, пункт 3.

тип склонения³² (см. § 6.27—6.28) и 2) сведение о том, является ли последняя гласная основы исходной словоформы беглой (см. § 6.24, 6.44) (только для существительных мужского морф. рода).

В приводимых правилах под основой слова везде понимается основа исходной словоформы. По числу слогов различаются основы неслоговые (*зло*, *тла*) и слоговые (*дом*; *голова*); последние делятся на односложные (*дом*, *вин*) и неодносложные (*топор*, *сковородка*). С точки зрения действительного ударения исходной словоформы различаются слова с безударной основой (*зло*, *голова*) и слова с ударной основой (*дом*, *болото*); последние делятся на слова с начальным ударением (*кобокол*, *дом*) и слова с неначальным ударением (*топор*, *царапинка*). (Отметим, что слова с ударной односложной основой всегда рассматриваются, таким образом, как слова с начальным ударением.) Слова с неначальным ударением делятся на слова с конечным (с точки зрения основы) ударением (*топор*, *болото*) и слова со срединным ударением (*характер*, *царапинка*).

Правила, позволяющие установить схему ударения произвольной парадигмы

СЛОВА БЕСЧИСЛОВЫХ РАЗРЯДОВ

К схеме *b* относятся: 1) я, ты, он, она, онъ, мы, вы, они, себѣ, кто, что, никтѣ, ничтѣ, все, всѣ, любой, осталънб; 2) оди́н, пять, шесть, семь, вѣ́семь, дѣ́вять, дѣ́сять, двѣ́дцать, тридцать, сброк, сто, пятьсот, шестьсот, семъсто, восемъсто, девятысто.

К схеме *e* относятся: два, три, четыре, двѣ́сти, трѣ́ста, четыреста, двѣ́бре, трѣ́бре и все на еро (четвѣ́рьо, пятеро и т. д.).

К схеме *e''* относится слово полтора.

Прочие слова относятся к схеме *a*, например: оди́ннадцать, пятьдесѧт, девяносто, полтораста, бба, стѣлько, нѣсколько.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Существительные несубстантивных типов склонения

Существительные нулевого типа склонения относятся к схеме *a*, например: юссѣ́, радио.

Из существительных других несубстантивных типов склонения к схеме *b* относятся все слова на бѣ́, я, бе, ѿе, ѿе, ѿн и на ударную гласную, например: часоўбѣ́, мостоўбя́, жаркбѣ́, позывнѣе, Ильян, Ильинѣ́, Люблинѣ́, ничый. Прочие слова относятся к схеме *a*, например: раббчий, столбовая, насекмое, суточныe, Никитин, Петрабѣ́, Никитина, Петраба, Марфино, Ива́ново.

³² Практически упоминаются только так называемый нулевой тип склонения, который включает неизменяемые слова, не имеющие дефектов (например, юссѣ́, кбми), и субстантивные типы склонения (I и II). Для ориентировки укажем, что I субстантивный тип склонения (включающий, например, слова *стол*, *кресло*, *карта*) соответствует традиционным I и II склонениям, а II субстантивный тип склонения (включающий, например, слова *степь*, *путь*, *ймя*) в основном соответствует традиционному III склонению.

Существительные субстантивных типов склонения

Группа первая. Существительные мужского морфологического рода (кроме pluralia tantum)

1. Из слов этой группы *п о д в и ж н о е* ударение имеют следующие:

1. Следующие слова относятся к нехарактерным для данной группы схемам *d*, *f* и *e'*:

схема *d* — 1) следующие слова с И. мн. на *ъя*³³: *клок* (вариант с мн. *клобчья*), *кол* (в основном значении, мн. *кбля*), *копыт*, *крюк* (вариант с мн. *крючья*), *лист* (дерева), *лоскут* (вариант с мн. *лоскутыя*), *прут* (в основном значении, мн. *прутья*; // *a*), *сук* (вариант с мн. *сучья*); 2) следующие слова с И. мн. на *-и*: *глазбк*, *зуббк*, *рожбк* (все три только в уменьшительном значении), *саложбк* (// *b*); 3) слово с И. мн. на *-щенбк* (вариант с мн. *щенята*);

схема *f* — *гвоздь*, *груздь*, *конь*, *уголь* (// *a*, *e*), *червь*³⁴;

схема *e'* — *ребёнок* (мн. *дёти*), *человёк* (мн. *люди*).

2. Следующие слова относятся к схеме *e*:

а) с односложной основой:

<i>зуб</i> (в основном значении)	<i>ход</i> (вариант с мн. <i>хбды</i>)	<i>лом</i>	<i>чёрт</i>
<i>бог</i>	<i>волк</i>	<i>тон</i> (звук; // <i>c</i>)	<i>порт</i>
<i>слог</i>	<i>ток</i> (гумно)	<i>вор</i>	<i>зверь</i>
<i>год</i> (вариант с мн. <i>гбды</i>)	<i>дол</i>	<i>фронт</i>	<i>лось</i>
	<i>пол</i> (биол.)	<i>флот</i> (// <i>a</i>)	<i>гусь</i>
			<i>гость</i>

б) с неодносложной основой, содержащей беглую гласную³⁵ (все они имеют начальное ударение):

<i>вётпер</i> (// <i>a</i>)	<i>кáмень</i>	<i>кóготь</i>	<i>лóмать</i> (разг. вариант к <i>ломить</i>)
<i>стéбель</i>	<i>пáрень</i>	<i>нбготь</i>	
<i>гóль</i> (// <i>a</i> , <i>f</i>)	<i>кóрень</i>	<i>лбкоть</i>	<i>лáпоть</i>

в) с неодносложной основой без беглой гласной (все они имеют начальное ударение):

<i>ббров</i> (кабан)	<i>гблубь</i>	<i>крéндель</i> (в прям.знач.)	<i>бмуль</i>
<i>блолос</i>	<i>лéбедь</i>	<i>фúхтель</i>	<i>бкунь</i>
<i>блруч</i>	<i>жéлудь</i>	<i>трюфель</i>	<i>лéкарь</i>
<i>бвощ</i>	<i>гбспиталь</i>	<i>сбболь</i> (животное)	<i>кбзырь</i> 36

3. Следующие слова относятся к схеме *c*:

а) слова с И. мн. на *-а*, *-я*, перечисленные в § 6.30, рубрика «нестандартное условное окончание 1, мужской морф. род», пункты 4, 5 и 6, а также слова *господин*, *кокиль*, *перёд*, *постав* (ср. там же, пункты 3 и 7);

б) следующие слова с И. мн. на *ъя*: *дёверь*, *друг*, *зять*, *князь*, *кум*, *муж*

³³ О группировке перечисляемых слов по признакам, которые не предлагаются заранее известными, см. § 6.2, пункт 3.

³⁴ Нелитературной признается схема *f* у слов *вор*, *гусь*, *лбкоть* (для которых норма — схема *e*).

³⁵ Иначе говоря, с неодносложной основой исходной словоформы и односложной основой прочих первичных словоформ.

³⁶ АГ относит к схеме *c* слова *нérстень* и *юс* (по АО схема *a*), к схемам *e* и *c* — слово *клуб* (дыма) (по АО только *c*). Был. (а также Уш.) относит к схеме *e* слово *кон* (по АО схема *c*). Относительно слов *дол* и *вётпер* см. § 4.2.

(супруг, мн. *мужъи*), *сын* (в прямом значении, мн. *сыновья*), *шурин* (вариант с мн. *шурьи*)³⁷;
в) следующие слова с И. мн. на -ы, -и (все они имеют односложную основу):

штаб	ряд	гол	бас
зоб	муж ('мужчина', мн. мужей)	пол ('настил')	квас
гроб		тыся	влас (устар.)
дуб	баз	пим	час
куб (сосуд)	паз	дымя	пос
клуб (дымка)	раз	пип	ус
чуб	таз	чан	кус
шикв	низ	чили	флюс (техн.)
шаг	приз	кон	групп (в професс.
мозг	воз	сын (в перен. речи)	
дома	пай	знач., мн. сыны)	пот
плуг	чай	суп	спирт
круг	бой	дар	форкт
зад	сбой	пар	мост (// b)
лад	слой	шар	шифт (// a)
склад (слог)	рой	жир	шкаф
сад	строй (воинский)	мир (свет)	мех (кузачечный, винный)
след	буй	пир	верх (в основном знач., мн. вер-
мёд	зуб (обл.)	бор (лес)	
род	щук	хор (// a)	х)
ход (// e)	баш	смотир (военный)	харч
пуд	вали	сыр	
	пал (пожар)		

З а м е ч а н и е. АГ относит к схеме с слова *мыс, торг* (действие), *тиюх, шипиль* (по АО схема *a*; слово *торг* дается в АО как *plurale tantum*), *тиюх* (по АО схема *b*), к схемам с *и б* — слово *пруд* (по АО только *b*). Был. относит к схеме с слово *клей* (по АО схема *a*). Уш. относит к схеме с слова *бунт* (мятеж), *жар, тын* (по АО схема *a*), *клок* (мн. *клоки*) (по АО схема *b*), к схемам с *и б* — слово *кий* (по АО только *b*). В нелитературной речи схема с (с И. мн. на -ы, -и) представлена еще у целого ряда слов: *шум, кран, пас, трус, сват, банят, канят, фунт, ласт, тост, шприц* (при всех этих словах АО дает предупредительные пометы); кроме того, также *под, мел, сквер, ранят, вист, лифт, тиф*. Слово *след* дано по Орф. (по АО оно аномально: Р. ед. *следа* или *слёду*).

Отметим, что почти все слова, перечисленные в пункте *в*, — неодушевленные. Среди них только два оканчиваются на шипящую (*муж, харч*), нет оканчивающихся на *ь* (относительно слова *шипиль* см. выше), заметно выделяется группа слов на *и*.

II. Все прочие слова группы первой имеют и е п о д в и ж и о е ударение (схемы *a* и *b*). Из них к схеме *b* относятся следующие:

А. Из слов с односложной основой:

1. Все слова с беглой гласной, например: *лёд, сон*. (В последующих пунктах слова с беглой гласной не учитываются.)

³⁷ В этот список входят все одушевленные существительные с И. мн. на *ья*, кроме *брат* и *собрат*. Все они — наименования лиц по признаку родственной или социальной связи. Влиянием этой группы слов объясняется существование уникальной парадигмы женского морф. рода *дядя* (как термин родства) — мн. *дядьи* (паряду с *дяди*), а также просторечное мн. число *братья* от *брать*.

2. Следующие слова на инициальную и ч:

- а) все слова на ич;
 б) слова на еч, кроме спеч, флец;
 в) слова на гласную + ч, кроме клич, плач, спич³⁸;
 г) следующие слова на ж и ш:

паж	чиж	уж	крыж	гроши
саж	пож	буж	тяж	ёрии ³⁹
ёж	корж	гуж	ковш	
стриж	морж	пыш	нуш	

3. Следующие слова на ь:

вождь	рубль	руль	лунь	штырь
дождь	шмель	линь (рыба)	ларь	путь 40
ферзь	кремль	линь (веревка)	псарь	
язь	ноль (нуль)	шпинь (шпень,	царь	
враль	куль	шпынь)	хорь	

4. Одно слово на ё — кий.

5. Следующие слова, оканчивающиеся иначе:

- а) слова на уи и юи, кроме күн, түн (а) именно: лгүн, врүн, жрүн, вьюн;)
 б) следующие слова:

раб	труд	бык	холм	бобр
гриб	суд	клик	сом	одр
столб	стыд	шлык	ум	двор
боб	аз	нитык	блык	шиур
герб	ксёндз	крюк (вари-	чёлп (по Был.)	щур (птица)
горб	туз	ант с мн.	слон	киир
волхв	шпик (сы-	крюкі)	цеп	кит
враг	щник)	тиок	шин (выступ)	скит
сиг	полк	хряк	столп	щит
вред	блок (вари-	дъяк	клоп	болт
дрозд	ант с мн.	жезл	сиоп	бинт
жид	клокі)	вол	поп	винт (все
плод	жук	ствол	серп	значения)
скирд	сук (вариант	кол (отметка)	шурп	блитт
пруд	с мн. сукі)	стол	пун	шплинт (// а)

³⁸ Для наглядности перечислим слова, относящиеся к схеме б в силу подщунктов а, б и в настоящего пункта: а) плац, прац, лец, клац, сасц, хвоц, борц, хруц, хлыц, прыц, плюц, хряц; б) шец, лжец, жнец, жрец, листец, чтец (под влиянием этих слов в просторечии схему б получило также слово спеч, ныне устаревающее); в) рвач, ткац, врач, грач, драч, меч, бич, луч, сныц, сич, хрыч, ключ, мяч.

³⁹ Для сравнения перечислим односложные слова на ж и ш, относящиеся к схеме а: лаж, раж, страж, стаж, хадж, бридж, цеж, дож, шарж, пляж, ряж, кряж; клёш, чинш, пунш, бош, кош, марш, фарш, перш, бурш, душ, куш, туш, плюш, рюш.

⁴⁰ Для сравнения перечислим односложные слова мужского морф. рода на ь, относящиеся к схеме а: кегль, мангль, гель, хмелъ, сель, киль, шпиль, стиль, штиль, билль, тролль, золь, моль (бревна, не связанные в плот), кроль, толь, воль, эль, мюль, толь, ерь, вепрь, вихрь, тать, тесть, ять. (С формальной точки зрения, к схеме а относится также устар. слово огнь, не имеющее словоформ косвенных падежей, кроме В.) Отметим, что в этом списке нет слов на дь, зь, нь, уль, арь (тогда как в списке слов схемы б они составляют большинство).

вонт	кrott	глист	куст	шифт
унт	гурт	холст	хлыст	альт
бунт (связ- ка)	пласт	хвост	хлюст	грех
	клёст	мост (/ с)	жгут	штих
шпунт	пест	пост (воен.)	плут	стих
кот	крест	пост (рели-	кнут	жмых ⁴¹
скот	шест	гионн.)	прут (техн.)	
плот	лист (бумаги)	перст	шут	

Б. Из слов с неодносложной основой и конечным ударением:

1. Слова с беглой гласной, за исключением слов *заём*, *наём*, *перенаём*, *поднаём* (которые относятся к схеме а), например: *ремёнь*, *молотбк.* (В последующих пунктах слова с беглой гласной не учитываются.)

2. Следующие слова на шипящую и ѿ:

- а) все слова на ѿ (а именно, только подлец) и на єц;
- б) слова на гласные + ѿ, кроме *карагач*;
- в) все слова на ёж, а также слова *мятеж*, *падеж*, *рубеж*⁴²,
- г) следующие слова на ёж и ѹж: *багаж*, *бандах*, *блиндаж*, *вираж* (поворот), *вытраж*, *вольтаж*, *гараж*, *кураж*, *листаж*, *литраж*, *метраж*, *монтаж*, *муляж*, *стеллаж*, *тилаж*, *тираж*, *фураж*, *шантаж*, *этаж*⁴³;
- д) все слова на ѿш;
- е) двусложные слова на ѿш и ѹш (кроме *апаш*, *гуляш*, *чардаш*, *ягдташ*), а также слово *карандаш*; слово *чубаш* допускает схемы а и б;
- ж) слова *ингуш*, *кишиш*, *кулеш*, *кунтүш*, *фетиш* (последнее наряду со схемой а).

3. Следующие слова на ѿ:

- а) слова на ръ, кроме *визирь*, *господарь*, *государь*, *осокарь*, *планшарь*, *плугатарь*, *стихирарь*;
- б) все слова на ѹль, ѿль⁴⁴, а также следующие слова на лъ:

коваль	февраль	рубель	кошель
рогаль	хрусталь	жавель	кизиль
строгаль	корабль	щавель	фитиль
миндаль	голавль (голобель)	скарпель	корбль
москаль	журавль	кисель	
миткалъ	кобель	коростель	

в) следующие слова на ѿнь: *ильмёнь* (обл.), *кетмёнь*, *кистмёнь*, *курёнь*, *ревёнь*, *уздёнь*, *чекмёнь*, *ячмёнь*⁴⁵;

г) слово *карась*.

⁴¹ Орф. и Был. относят к схеме б слово *пим* (по Уш. схемы с и б, по АО схема с). К схеме б относятся также имена собственные: *Днепр*, *Днестр*; *Петр*, *Фрол* (/а/).

⁴² Для сравнения укажем слова на ёж, относящиеся к схеме а: *бареж*, *кортеж*, *манеж*.

⁴³ Отметим, что все эти слова на ёж, ѹж имеют двусложную основу. Для сравнения перечислим слова на ёж, ѹж с двусложной основой, относящиеся к схеме а: *вираж* (фотохимикат), *войж*, *грильяж*, *дренаж*, *каптаж*, *корсаж*, *купаж*, *куртаж*, *марьяж*, *массаж*, *мираж* (в разговорной речи у этого слова возможна также схема б), *пассаж*, *нейзаж*, *плантаж*, *пломаж*, *примаж*, *стаффаж*, *тоннаж*, *трелаж*, *тренаж*, *увраж*, *фиксаж*. Орф. относит к схеме а слово *вольтаж* (по АО схема б).

⁴⁴ А именно: *куркуль*, *патруль*, *бобиль*, *горбиль*, *ковиль*, *костиль*, *мотиль*.

⁴⁵ Перечислим для сравнения слова на ѿнь, принадлежащие к схеме а (все они имеют небегловое ѿ): *буллетёнь*, *женышёнь*, *олень*, *пельмень*, *таймень*, *тиюнень*.

4. Следующие слова на *й*: *бугай*, *валуй*, *лишай*, *холуй*.

5. Следующие слова на *к*, *г*, *х*:

а) слова на *як* (и шипящую + *як*), па *юк* (и шипящую + *юк*) и на *ык*, за исключением следующих: *австрийк*, *каик*, *коряк*, *краковяк*, *маньк*, *полак*, *санджак*, *чувак*, *шапокляк*; *волалик*, *каучук*, *куништук*, *жамелюк* (*мамлюк*), *сельджук*, *укрик*, *урюк*; *антук*, *селямлик*, *сердолик*, *таджик*, *черевик*;

б) двусложные слова на *ак*, *ук* (не после шипящей) и на *ык*, за исключением следующих: *арак*, *барак*, *баскак*, *бияк*, *дашнак*, *краплак*, *опак*, *подсак*, *просак* (обл.), *сайгак*, *словак*, *трикторак*, *шеллак*, *шерлак*, *юнак*, а также *педфак*, *рабфак*⁴⁶; *балбук*, *латук*, *самбук*; *арук*, *кумык*, *притук*, *ястык*; слово *калмык* допускает схемы *а* и *в*⁴⁷;

в) слова *бурундук*, *казацкий*, *портабак*, *праздник*, *четвертак*;

г) следующие слова на *бк*: *ебок*, *егдок*, *энтобк*, *игрбк*, *себбк*, *смотробк* (обл.), *ходбк*; *чанбк*, *чеснбк*;

д) все слова на *юг* (а именно: *битюг*, *вертлюг*, *осюг*, *утюг*), а также следующие слова на *г*: *обшлаг*, *очаг*, *бочаг*, *рычаг*, *подбг* (обл.), *сапг*, *пирбг*, *творбг* (//твброг, схема *а*), *батб*, *четвёрё*, *терпг*, *хребтг* (обл.), *сычг*;

е) следующие слова на *х*: *лемех* (вариант к *лэмелх*), *женых*, *болтух*, *кохжух*, *лонух*, *обух* (//ббух, схема *а*), *овчух*, *пастух*, *петух*, *птичух*.

6. Следующие слова, оканчивающиеся иначе:

а) слова на *ун* и *юн*, кроме слов *галъюн*, *дашнакутюн*, *драгун*, *канун*, *ракун*, *таймун*, *тайфун*, *тиун* (*тиевун*), *трибун*;

б) следующие слова:

рукав	кабан	комар	Христоб
буряв	чабан	гончар	живот
покров (церковный	таган	бочар	лоскут (вариант
праздник)	жиган (обл.; // а)	топор	с мн. лоскуты)
черед	кожан	осётр	якут (// а)
картуз	казан	малляр	хомут ⁴⁸
сокол ₁₋₂ (варианты	пузан	школьэр	
к сокол 'птица' и	кочан	столляр	
сокол 'орудие')	топчан	гуслэр (// а)	

В. Из слов с неоднозначной основой и неконечным ударением — только слова *угол*, *угорь*, *узел* (все три с беглой гласной).

Прочие слова группы первой относятся к схеме *а*, например: *спор*, *стиль*, *персонаж*, *фестиваль*, *гайдамак*, *акведук*, *анализ*, *рбственник*, *стёржене*, *пергук*.

⁴⁶ Вообще все сложносокращенные слова данного типа (т. е. такие, у которых конечная часть основы представляет собой сокращение) относятся к схеме *а*, независимо от исхода основы. В списки настоящего параграфа включены только те из них, которые входят в исходный материал (см. § 4.1); вне этого материала можно указать, например, *фильтр*, *фильтр*, *истфак* и т. д., *физрук*, *помнаж*, *помбух* и т. д.

⁴⁷ Отметим, что, кроме сложносокращенных слов и слова *притук*, исключения из подпунктов *а* и *б* — это заимствованные слова. Значительную их часть составляют названия лиц по национальности или по социальному положению: *австрийк*, *калмык*, *коряк*, *кумык*, *полак*, *сельджук*, *словак*, *таджик*, *баскак*, *дашнак*, *мамелюк*, *юнак*.

⁴⁸ Уш. допускает схему *б* для слов *брюхан* и *копыл* (для слова *копыл* АО дает только схему *д* с мн. *копылья*; слова *брюхан* в АО нет, Орф. дает схему *а*). В разговорной речи схему *б* может иметь слово *подбл* (АО дает предупредительную помету против этого).

**Группа вторая. Существительные среднего морфологического рода
(кроме pluralia tantum)**

I. Слова с ударной основой.

1. К нехарактерной для данной группы слов схеме *e* относятся слова *у́хо* и *бко*. Кроме того, дефектное слово *сот* (сотен) относится к схеме *b*.

2. Следующие слова относятся к схеме *c*:

а) слова на *мя*, кроме слова *знáмя* (мн. *знáмёна*) и дефектного слова *пóльмá*⁴⁹;
б) следующие слова с односложной основой:

нóbre	дрéво (мн. дре- весá)	вбóйско	сúдно (мн. судá)
сéрдце	слéбо	тéло	мéсто
нéбо (мн. небесá)	стáдо	мáсто	
пráво	чýдо (мн. чудесá)	мáто	

в) следующие слова с неодносложной основой (все они имеют начальное ударение): *дéревце* (/деревцъ, схема *b*)⁵⁰, *зéркало*, *кру́жесо*, *блáко*, *блáчко*.

3. Остальные слова относятся к схеме *a*, например: *кréсло*, *зéдание*, *домáшко*, *госудáрство*.

З а м е ч а н и е. Уш. указывает для слова *удилá* (по АО — *plurale tantum*) ед. число *удилo*; парадигма такого вида относится к схеме *c* (но имеет необычное неначальное ударение в ед. числе). Для слова *крабсо* Уш. дает мн. ч. *крабсá*, *крабсéн*, *крабснáм*, т. е. схему *c/a* (по АО схема *a*). За пределами литературной нормы схема *c* возможна у некоторых *singularia tantum* (при окказиональном образовании от них мн. числа), например: *сéно* (см. Уш.), *мáсто* (см. АГ, § 264). Словоформа *летá* в значении мн. числа от *лётó* 'жаркое время года' признается нелитературной в связи с существованием омонимичного *plurale tantum* *летá* 'годы, возраст'. В качестве просторечного отклонения от нормы схема *c* встречается также у нескольких слов, часто употребляющихся в обоих числах (*блáго*, *блáдо*, *чýдо*); ср. также профессиональное *ситá*.

II. Слова с безударной основой.

1. Следующие слова относятся к нехарактерным для данной группы схемам *f* и *e"*:

схема *f* — *крыльцо*, *плецо*, *тасрó*⁵¹;
схема *e"* — *дитí* (мн. *дéти*).

2. Следующие слова относятся к схеме *d*:

а) слова: *дно* (мн. *дбнья*); *меньшинствó*; *ушкó* (вариант к *ушко*); *берцó*, *лицó*, *кольцó*, *озерцó*, *яйцó*; *живьё*, *копьё*, *ружьё*;
б) все слова со слоговой основой, оканчивающиеся иначе, чем на *твó*, на согласную+*кó*, на *цб*, *ьё*, *иё* или *иé*, за исключением слов *мáзлó* (простореч.), *тресцлó* (муж. род), *поросá*, *ничтó* (существительное)⁵².

⁴⁹ Часто употребляемое мн. число имеют только слова *врéмя*, *й мя*, *плéмя*, *сéмя*, *стréмя*. При словах *брéмя*, *й мя*, *плáмя* Уш. дает помету «мн. редко», при словах *берéмя*, *тéмя* — помету «мн. нет».

⁵⁰ Ср.: *Дéревце*, *деревцъ*, *к засуке зачесло* (Лорка, «Деревцо», перев. А. Гелескула).

⁵¹ Уш. относит к схеме *f* слово *сельцо* (по АО схема *b*).

⁵² Для следующих из этих слов АО, Орф. или Уш. приводят словоформы мн. числа: *гнездлó*, *скреблó*, *стеблó* (обл.), *седлó*, *помелд* (мн. *помéлья*), *селб*, *челб*, *силб* (обл.); мн. *сýла* и *сýлья*, *канлó*, *хайлó*, *стеклó*, *соплó*, *дуплó*, *сверлó*, *жерлó*, *веслó*, *ремеслó*, *рукомеслó* (простореч.), *теслó*, *числó*, *путлó* (обл.), *крылб* (мн. *крылья*), *клеймб*, *ярмб*, *бельмб*, *письмб*, *бревнб*, *ряднб*,

3. Остальные слова относятся к схеме *b*, например: *освещеб*, *очкиб*, *словцб*, *остриёб*⁵³.

**Группа третья. Существительные женского
морфологического рода
I субстантивного склонения (кроме pluralia tantum)**

I. Слова с ударной основой.

1. Следующие слова относятся к нехарактерным для данной группы слов схемам *c* и *e*:

- схема *c* — *дядя* (как термин родства) (вариант с мн. *дядьки*);
схема *e* — *дерёвня*, *дёбла*.

2. Все прочие слова относятся к схеме *a*, например: *бýря*, *берёза*, *царáнина*, *насолочка*, *стихíя*, *йноша*, *стáроста*.

II. Слова с безударной основой.

1. Следующие слова относятся к схеме *f*:

а) с односложной основой:

<i>скобá</i>	<i>обжá</i> (// ббжса,	<i>кошмá</i>	<i>мошá</i> (просто-
<i>губá</i> (все значе-	схема <i>a</i>)	<i>волнá</i> (// d)	реч.)
ния)	<i>десжá</i>	<i>копнá</i>	<i>соплáй</i>
<i>судьбá</i> (устар.	<i>межá</i>	<i>щепá</i>	(рассвет;
вариант)	<i>вожжá</i>	<i>тропá</i>	// d)
<i>слегá</i>	<i>слезá</i>	<i>пятá</i>	<i>поздрá</i>
<i>серъгá</i>	<i>рекá</i> (// f', d, d')	<i>стровá</i>	<i>скамья</i> (// b)
<i>скирдá</i>	<i>строкá</i> (// f')	<i>блóхá</i>	
<i>грядá</i>	<i>килá</i>	<i>свечá</i>	

б) с неодносложной основой: *голосá* (долгостное лицо), *бороздá*, *слободá*, *сковородá*, *скородá* (обл.), *железá*, *просфорá* (*просвирá*), *полосá* (// f'), *простыни*.

2. Следующие слова относятся к схеме *f'*:

а) с односложной основой: *ногá*, *средá* (день недели), *рекá* (// f, d, d'), *щекá*, *строкá* (// f), *доскá*, *рукá*, *стенá*, *горá*, *порá*, *крохá*;
б) с неодносложной основой: *голосá* (в обычном значении), *середá* (простореч. вариант к *средá*), *бородá*, *болонá*, *боронá*, *сторонá*, *полосá* (// f).

3. Следующие слова относятся к схеме *d*:

а) следующие слова с односложной основой, для которых АО, Орф., Уп. или АГ приводит словоформы мн. числа:

<i>избá</i> (// d')	<i>главá</i> (все значе-	<i>дугá</i>	<i>нуждá</i>
<i>арбá</i>	ния)	<i>слугá</i>	<i>звездá</i>
<i>трубá</i>	<i>травá</i>	<i>страдá</i>	<i>уздá</i>
<i>субъбá</i>	<i>абовá</i>	<i>бедá</i>	<i>ордá</i>
<i>стрельбá</i>	<i>совá</i>	<i>средá</i> (окружение)	<i>удá</i>

звеpib (мн. *звеpица*), *верстсиb*, *сипb*, *окнb*, *волокнb*, *лукнb*, *сукнb*, *гумнb*, *зернb*, *полотнb*, *пятнb*, *рунb*, *ребрb*, *бесбрb*, *весбрb*, *ядбрb*, *пербр* (мн. *перёры*), *колесb*, *решетb*, *долотb*. Для прочих слов словоформы мн. числа с ударением по схеме *d* являются лишь потенциальными.

⁵³ Как можно вывести из предшествующих пунктов, к схеме *b* относятся:
а) слова с неслоговой основой, кроме *дю*; б) слова со слоговой основой, оканчивающиеся на *тсб*, на согласную + *кб*, на *цб*, *ъб*, *иё* или *иё*, за исключением слов, указанных в подпункте 2а, и слова *крыльцb*; в) слова *мазлb*, *треплb* (муж. род), *поросá*, *ничтb* (существительное).

рудá	метлá	стопá	(бумаги; в стихе)	верстá (/ / d')
слюдá	скумá	крупá		брóфá
ковá	басмá	игрá		софá
ловá	тюрьмá	икрá		стРЕХá
грозá	странá	норá		дохá
киркá	женá	сестрá		снохá
лукá	винá	дырá		сохá
рекá (/ / d', f, f')	длинá	лесá	(/ / лéса, схема a)	ольхá
скалá	войнá	лисá		овцá
шкалá	волнá (/ / f)	осá		эмéль
иглá	веснá	косá	(орудие; / / f')	песни́й
стрелá	деснá	росá		зарéй (рассвет, / / f)
пчелá	блеснá	метá	(/ / мéта, схема a)	стРУЙ
пилá	соснá	платá		судьбá
золá (по А1)	плюснá			семьb
смолá	лунá			свинья
полá	струнá			
ветлá	толнá			

- б) слова (с односложной основой) едá, жарá, желнá, корá, мукá, резьбá, ухá, для которых словари не дают словоформ мн. числа;
 в) все слова с неодносложной основой, оканчивающиеся на инá, отá, например: величинá, старшинá, высотá;
 г) слова колбасá, пастилá, скорлупá, стрекозá, тавлей.

4. Следующие слова относятся к схеме d' (все они имеют односложную основу): избá (/ / d), дорогá, водá, рекá (/ / d, f, f'), зимá, ценá, спинá, косá (из волос; отмель), косá (орудие; / / d), верстá (/ / d), душá, землá, зарéй (сигнал).

5. Остальные слова относятся к схеме b, например: ступнá, левнá, чертá, статья, кишкá, западнá, колей, госпожá.

З а м е ч а н и я

В современном языке у многих слов, отнесенных выше к схемам f, f', d и d', ударение колеблется. Колебания, которые АО признает допустимыми, отражены в приведенных списках (см. слова верстá, волнá, зарéй, избá, косá, полосá, рекá, строкá). Для слова судьбá (схема d) АО указывает, что параллельная схема f устарела. АГ (§ 269—271) отмечает наличие колебаний у более широкого круга слов: волнá, грядá, лукá, сини́й, странá, строфá (d и f), водá, душá, стенá (d' и f'), бородá, железá, крохá, полосá, сковородá, свободá, сторонá, строкá (f и f'); зимá, ценá (d' и d); рекá (f, f', d, d'). Для слов веснá, золá, избá, норá, овцá, росá, сохá (схема d) АГ признает параллельную схему d' выходящей из употребления. О колебаниях свидетельствуют также следующие расхождения: для слов скорлупá, снохá, стопá (бумаги) АО указывает схему d, АГ — схему f; напротив, для слова межá АО указывает схему f, АГ — схему d. В разговорной речи колебания захватывают и многие другие слова; ср. так называемые «предупредительные пометы» в АО: блогбám [не блогбá], средбám [не средбá] и т. п. Отметим слова, наименее подверженные колебаниям ударения: схема f — губá, вожжá, ногдрá, слезá, солá; схема f' — головá (в обычном значении), горá, ногá, рукá; схема d' — душá, землá, спинá (характерно, что почти все они сходны по значению).

⁵⁴ АО приводит словоформы мн. числа только для следующих слов этого типа: глубинá, сединá, быстринá, величинá, ветчинá, старшинá, вышинá; долготá, тяготá (мн. тágоты), мерзлотá, кислотá, длиннотá, тошнотá, сиротá, широтá, красотá, высотá, частотá, пустотá. Прочие слова этого типа имают парадигму схемы d лишь потенциально.

Все эти колебания отражают давно начавшийся и еще не завершенный процесс изменения ударения в словах на *á*, *ái*, который можно описать как стремление к максимальному акцентному противопоставлению чисел, т. е. к схеме *d* (флексионное ударение во всем ед. члене, а на основное ударение во всем мн. числе)⁵⁵. Этот процесс включает переходы двух типов: 1) *b* → *d*, *f* → *d*, *f'* → *d'* (переход к наосновному ударению во всем мн. числе); 2) *f* → *f*, *d'* → *d* (переход к флексионному ударению в В. ед.). Таким направлением переходов объясняется стилистическая окраска многих словоформ-вариантов — книжная (поэтическая, архаизированная) у словоформ мн. числа с флексионным ударением (например, *судьбами*, *толпами*, *реками*) и В. ед. с наосновным ударением (например, *реку*, *строку*) и нейтральная или разговорная у словоформ с противоположным ударением (*судьбами*, *толпами*, *реками*, *реку*, *строку*): см. АГ, §§ 269 и 271.

Обратимся теперь к словам схемы *b*. Если исходить из того, что принадлежность или непринадлежность слова к числу *singularia tantum* известна, то состав слов схемы *b* можно описать так. Во-первых, сюда относятся *singularia tantum*, кроме входящих в подпункты 3б и 3в. Во-вторых, к схеме *b* относятся следующие группы слов, употребляемых в обоих числах (критерием считается отсутствие в Уш. пометы «мн. нет»): 1) все слова с неслоговой основой, например *тла*; 2) слова с односложной основой, оканчивающиеся на *я* (кроме *пешая*) и на *ъ* (кроме *свинъ*, *семъ*, *судъя*); 3) следующие слова с односложной основой: *рабъ*, *молѣбъ*, *писъ*, *аѣдъ*, *стегъ* (обл.), *брюзгъ*, *сайгъ*, *тамгъ*, *каргъ*, *брадъ*, *чредъ*, *брәздъ*, *балдъ*, *дуðа*, *зүðа*, *ханжъ*, *баржъ* (// *бárжа*, схема *a*), *кобзъ* (// *кóбза*, схема *a*), *мирзъ*, *муэрзъ*, *узъ* (// *úза*, схема *a*; обл.), *чекъ*, *башкъ*, *шишкъ*, *клюкъ*, *хвалъ*, *кайлъ*, *муллъ*, *хулъ*, *колъ*, *древлъ* (премота; трава), *каймъ*, *чалмъ*, *кормъ*, *хурмъ*, *кумъ*, *сумъ*, *корымъ*, *пленъ*, *княжнъ*, *зурнъ*, *мошнъ*, *стопнъ* (ноги), *чадръ*, *бордъ* (// *бóбра*, схема *a*), *конръ* (// *кóндра*, схема *a*), *турдъ*, *красъ*, *кисъ*, *фатъ*, *четъ*, *битъ*, *лаптъ*, *чертъ*, *кистъ*, *глистъ*, *тахтъ*, *мечтъ*, *графъ*, *люфтъ*, *чохъ* (чухъ), *карчъ*, *парчъ*, *бахчъ*, *нашъ*, *леснъ*, *працъ*, *жненъ*, *шлесъ*, *стегъ*, *культъ* (почти все эти слова малоупотребительны; значительную их часть составляют старославянские и обозначения восточных реалий); укажем также некоторые из слов, имеющих в Уш. помету «мн. нет»: *гурьба*, *божба*, *хваљба*, *пургъ*, *ягъ*, *казнъ*, *фитъ*, *паршъ*; 4) слова с неодносложной основой, кроме оканчивающихся на *инъ*, *отъ* и перечисленных в подпунктах 1б, 2б и 3г. При этом, однако, в соответствии с общей тенденцией, описанной выше, многие из этих слов (например, *кайлъ*, *турдъ*, *графъ*, *острогъ*, *егозъ*, *ниалъ*, *кобурдъ*, *конурдъ*) допускают в нелитературной речи схему *d*.

Группа четвертая. Существительные женского морфологического рода II субстантивного склонения (кроме *pluralia tantum*)

1. Следующие слова относятся к схеме *b'*:

- с односложной основой — *бошъ*, *глаущъ*, *лохсъ*, *рожъ*⁵⁶;
- с неодносложной основой — только слова *люббъ*, *нелюббъ*.

2. Следующие слова относятся к схеме *e*:

⁵⁵ См., в частности: V. Kiparsky. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, стр. 203, 209, 229.

⁵⁶ По данным Был., к схеме *b'* относятся также следующие топонимы: *Кеть*, *Объ*, *Олы*, *Пермь*, *Русь*, *Тверь*, *Томь*.

а) с односложной основой:

дробь	роль	сеть	полость (обл.)
скорбь	соль	полть (полоть; обл.)	ость
зыбь	тень	смерть	кость
бровь	стель	борть	трость
кровь	цепь	власть	шерсть
ветвь	дверь	сласть	горсть
гроздь (вариант с мн. грозди)	ось	масть	печь
жердь	рысь (бег)	спасть	речь
грудь	мать	страстъ	доchu
сельдь	стать	частъ	почь
пядь	клеть	вестъ	мынчъ
щель	плеть	дестъ	вещъ
	третъ	кистъ	пещъ (устар.) ⁵⁷

б) с неодносложной основой и начальным ударением:

цёрковь	степень	абласть	вёдомость
лóшадь	мáтерь	прóнасть	должность
площадь	подать	пóвость	прéость
очередь	полоть (полть; обл.)	пóвость	скрóсть
стéрлядь	обл.)	пáбкость (впри-	мелочь
пристань	чётверть	мом виач.)	щёлочь
сáжень (// са- жéнь, схема а)	скáртъ	вбóльстъ	свóлочь ⁵⁸
	блáсть	нблóльстъ	

в) с неодносложной основой и непачальным ударением — только слово *ступéнь* (в перен. значении)⁵⁹.

3. Остальные слова относятся к схеме а, например: *мысль, ткань, заповедь, глúпость, тетráдь, осбениость*.

Группа пятая. Pluralia tantum

1. Следующие слова с ударной основой относятся к схеме е (все они имеют начальное ударение):

брóтуши	сáни	ку́дри	мóщи
чёруи	дробни (// а)	пóмочи	бúбны
дéньги ⁶⁰	сéни	клéщи (// клещи, схема б)	пóхороны
дрóжжи	слóни		вблóсы ⁶¹

2. Прочие слова с ударной основой относятся к схеме а, например: *ножницы, ворбта, брюки*.

3. Слова с безударной основой относятся к схеме б, например: *весы, дровá, голубцы, поддаки*.

⁵⁷ В профессиональной речи медиков схему е обычно имеет также слово *боль*. Уш. и АГ дают схему е для слова *честь*.

⁵⁸ Уш. дает схемы а и е для слов *чёлость* и *лётопись* (по АО только а). АГ дает схему а для слов *пристань* и *прóнасть* (по АО схема е). Нелитературной признается схема е у слов *брóсталь*, *прибыль*. Эта схема возможна также у областного слова *рбстань* и устаревшего *дбведь*. Заметим, что в просторечии ряд слов рассматриваемой группы получает И. мн. на -á, -í (см. сноска 121) и, таким образом, переходит в схему с.

⁵⁹ По аналогии со словом *стéпень*.

⁶⁰ Вариант со схемой ударения а (Д. дéньги и т. д.) признается в АО устаревшим.

⁶¹ Так же простореч. *вáни, крéсти*.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Прилагательные простого адъективного разряда

Прилагательные нулевого типа склонения относятся к схеме *a*, например *кими, бáнту*.

Из прочих прилагательных к схеме *f* относится слово *сам*, к схеме *b* — следующие слова: 1) слова па *бй* (кроме *кой*), *йн* и *йн*, например: *морской, второй, такбй, мой, соой, Ильин, одиин*; 2) *сей, чей,ничéй, том, весь*. Остальные слова относятся к схеме *a*, например: *дружеский, обличий, трéтий, выёущийся, пéкоторый, дáдин, отцбс, этот, наш, кой*.

Прилагательные расширенного адъективного разряда

Предварительное пояснение. В современном языке ударение в неатрибутивных словоформах прилагательных (в особенности с односложной основой) подвержено сильным колебаниям. Типичные колебания таковы: 1) между схемами ударения неатрибутивных словоформ */c* и */a* (относительно обозначений см. § 6.16, примечание 2), например: *влáстен, влáстно, влáстны, но влáстна и слáстна*; 2) между схемами */c* и */c'*, например: *вáжен, вáжися, вáжно, но вáжны и вáжны; прост, проста, просто, но прóсты и прóст*; 3) между схемами */c* и */b*, например: *бел, белá, но бéло и белb, белы и белý*; 4) между схемами */b* и */b'*, например: *свеж, свежá, свежб, но свежí и свéжи*. В приводимых ниже списках эти колебания обозначаются надстрочными цифрами при прилагательных (в соответствии с данной здесь нумерацией), например: *влáстный¹, вáжный², простáй², белый³, свéжий⁴*. Следует учитывать, однако, что нормативные указания АО и других словарей (соблюденные ниже в соответствии с § 4.2) в этом отношении недостаточно полно отражают современное состояние языка. В готовящемся новом издании АО многие из этих указаний предполагается изменить. Новые нормативные рекомендации по ударению прилагательных подготовлены Н. А. Еськовой⁶². Рекомендации Н. А. Еськовой, расходящиеся с АО, приведены ниже при соответствующих прилагательных в квадратных скобках. Так, например, запись *грéшныи²* [4] означает, что по АО неатрибутивные словоформы этого прилагательного колеблются между схемами ударения */c* и */c'*, а по Н. А. Еськовой — между */b* и */b'*.

А. Из числа прилагательных с дефектом № 14 (см. § 3.4 по списку в § 3.3, II Г) к схеме ударения *a/b* относятся *какбв, такбв, длажен*, к схеме *a/c* — *люб*; остальные относятся к схеме *a/a*, например: *рад, одиñешенек*.

Б. Из числа причастий к схеме *a/b* относятся *дáнний, сдáтный, пересдáнний* и все па *ённый*, например *решéнnyй, сочинёнnyй*; к схеме *a/c* относятся причастия па *житый, литый, нятый, чатый* (кроме *вáжитый, вáлитый*), а также причастия *звáнный, вáтый, зáпертый, бáтертый, вáйтый, прóблáтый*; между схемами *a/c* и *a/a* колеблются причастия па *данный* (кроме *вáданный* и указанных выше), *вáтый* (кроме *вáйтый*) и *пятый* (кроме *вáпятый*), а также причастие *онéртый*. Прочие причастия относятся к схеме *a/a*, например: *сдéланый, зашítый, рисуемый*.

В. Прочие прилагательные распределяются по схемам ударения так:

⁶² Эти рекомендации основаны на исследовании Н. А. Еськовой «Подвижное ударение в системе имени прилагательного в русском литературном языке XIX — XX веков» (еще не опубликованном). Автор приносит Н. А. Еськовой благодарность за разрешение ознакомиться с этим исследованием и использовать подготовленные ею нормативные рекомендации.

Прилагательные на -ый и -ий

1. Следующие прилагательные относятся к схеме *a/c* или колеблются между этой схемой и схемой *a/c'*, *a/b* или *a/a* (об обозначениях см. выше):
 а) с односложной основой:

долгий	крепкий ^[2]	сый	влажный ^[2]	тбичный ^[2]
строгий	цепкий	бэрый	нёжный ²	зубчный ^[2]
рыжий	лыпкий	брзый	сложный ^[2]	скучный ²
дюжий	хлыпкий	наглый	нужный ²	тучный ^[2]
гыбкий	тблкий	смуглый ^[2]	држный ²	стрышний ²
шибкий	терпкий	круглый ^[2]	грозный ²	грешный ^[2]
эндбкий	хрупкий	подлый	грязный ²	тбшный
робкий	хлюпкий	белый ³	грязный ²	дышный ^[2]
энбкий	вяркий	коёлый	страпный ^[2]	слышний ²
зббкий	жаркий	смелый ^[2]	буйный	пышный ^[2]
кбвкий	збркий	спелый	полный ³	мощный
лбвкий	йоркий	эрлый	тёмный ³ [4]	хмельный
сббкий	яркий	цёлый	скромный	чельный
млгкий	плбский	млкий ²	томный	сильный ²
гадкий	брбский	хлый	умный ³ [a/b]	волнный (сво- бодный) ²
глбдкий	хрбский	тусклый	шумный ^[2]	
сладкий	хвбткий	голый	страпанный	пильный
садкий	кбткий	тёплый ³ [4]	длинный ³	юный
ёдкий	краткий	хрпный	чайный	пъянный ^[2]
рёдкий	мёткий	сиплый	склонный ^[1]	глупый
жидкий	чёткий	щуплый	крупный	старый ³
хбдкий	крбткий	кислый	вёрный ²	храбрый ^[2]
тажкий	вёрткий	свёлтый ^[4]	сквёрный	добрый ²
мазкий	жесткий	пухлый	чёрный ³ [4]	щёдрый ^[2]
рёзкий	хлесткий	тухлый	жирный ^[2]	бодрый ²
блзкий ²	хрбткий	ржхлый	смурный	мудрый ^[2]
склзкий	жуткий	дрхлый	бурный	серый
нзкий ²	чуткий	пышлый	крастный ^[3]	сырый
дерзкий	прйткий	сдбный	иресный	мокрый
мэрзкий	горький	лабонный ^[1]	тесный ²	хвоярый
узкий ²	сий	славный	отусный ²	скборый
скблзкий	тихий	гнеvный ^[1]	виусный ^[2]	спбрый
взкий	вётхий	рбвный ^[2]	ясный ²	хитрый ^[3]
дикый	общий	нрвный	энатный ^[2]	пестрый ³
бдний	нищий	ждный ²	статный	бстрый
стбий	тбщи	лдный	п.бтный ^[2]	(прям. знач.)
влкий	слбны ² [a/c]	складный	пбтный	
жалкий	грубый	бдный ²	в.истинный ¹	вострый ^[3]
мёлкий	правый	блдный ²	страпастный	шбстрый
кблкий	рёзвый	врдный ²	честный ^[2]	блстрый
гукый	трёзвый	вдный ²	пбстный	бурый
мылкий	сивый	гбдный ²	грбстный ²	смурый
пылкий	нбвый ²	мбдный	мутный	хмурый
ломкий	мёртвый	схбдный ^[1]	смутный	лбсый
ербмкий	(прям. знач.)	скбдный ^[2]	сйтный	жётый ³
збонкий	чёрствый ²	нудный ^[2]	смачный	частый
гбнкий	чёрствый ²	трбдный ²	жрабчный ^[2]	чистый ²
тбонкий	чубжбы	стбдный	прбчный ²	тблстый ²
цапкий	твёрдый	важный ²	сбчный ^[2]	ситый
	гёрдый ²			лётный

б) с неодносложной основой:

далёкий ³	глубокий ³	жестбкий ^[1]	удалый	холбдный ²
великий (вы- дающийся)	широкий ³	короткий ^{3[2]}	весёлый ^[2]	зелёный ^[2]

2. Следующие прилагательные относятся к схеме *a/b* или колеблются между этой схемой и схемой *a/b'*:

- а) с односложной основой: *свежий⁴*, *лёгкий⁴* [*a/b*], *мёртвый* (в перен. знач.), *малый*, *равный*, *весьный* (что-л. сделать), *быстрый* (*остроумный*);
- б) с неодносложной основой: *великий* (*большой*), *маленький* (*небольшой*). Словоформы *мал*, *малá*, *малó*, *малы*), *горячий*, *хорбий*, *здорбый* (*большой*, *сильный*; *простореч.*), *тяжёлый*, *мудрёный*; кроме того, прилагательные на *ённый*, входящие в список, данный в § 6.32, пункт 296, например *врождённый*, *влюблённый*.

3. Прочие прилагательные относятся к схеме *a/a*, например: *сурбовый*, *торжественный*, *куцый⁶³*.

З а м е ч а н и е. По данным Н. А. Еськовой, к схеме *a/c* относятся также прилагательные *блёккий*, *пárкий*, *кáчкий*, *любый*, *дбхлый*, *хлáдный*; прилагательное *общий* в значении 'однаково свойственный' относится к схеме *a/c*, а в значении 'отвлеченный', недостаточно конкретный' — к схеме *a/b'*; прилагательные *мёртвый* и *быстрый* допускают схемы *a/c* и *a/b* в любом из своих значений.

Прилагательные на -ой

1. Следующие прилагательные относятся к схеме *b/c* или колеблются между этой схемой и схемой *b/c'* или *b/b*:

- а) с односложной основой:

<i>рябый</i>	<i>младбый</i>	<i>прямбый</i>	<i>сырбый</i>	<i>крутбый</i>
<i>живбий</i>	<i>седбий</i>	<i>бряинбий³</i>	<i>босбий</i>	<i>святбий</i>
<i>кривбий</i>	<i>худбий^[2]</i>	<i>бурибий²</i>	<i>косбий</i>	<i>лихбий²</i>
<i>благбий</i>	<i>гнилбий</i>	<i>слепбий</i>	<i>простбий²</i>	<i>плохбий</i>
<i>наэбий</i>	<i>нембий</i>	<i>спупбий^[2]</i>	<i>густбий²</i>	<i>глухбий</i>
<i>туэбий</i>	<i>хромбий</i>	<i>тупбий</i>	<i>пустбий^[2]</i>	<i>сухбий</i>

- б) с неодносложной основой: *дорогбий*, *молодбий*, *уда.лбий*, *развигтбий*, *холостбий*.

2. Прочие прилагательные относятся к схеме *b/b*, например: *злой*, *смеши.лбий*, *озорбий⁶⁴*.

З а м е ч а н и е. Как можно видеть, у прилагательных расширенного адъективного разряда схема ударения атрибутивных словоформ (т. е. левая часть в составном обозначении схемы ударения) определяется по тем же правилам, что у прилагательных простого адъективного разряда.

⁶³ Перечислим прилагательные схемы *a/a* с односложной основой, при которых АО приводят неатрибут. словоформы: *пёши*, *вхбжий*, *схбжий*, *всбжий*, *плáвкий*, *пáдкий*, *клéйкий*, *ёмкий*, *маркий*, *вёский*, *нбский*, *трáский*, *шáткий*, *брéши*, *пéши*, *здрáвый*, *алый* [*1*], *блéкный*, *рблый*, *взрблый*, *чáхлы*, *затхлы*, *жéхлы*, *дбшлы*, *вáлы*, *злбны*, *дрбны*, *скбрнны*, *прáвны*, *дáвны* [*1*], *явны*, *смáрдны*, *чáбны*, *праздны*, *србны*, *чубны*, *лбдны*, *людны*, *смéжны*, *снéжны*, *лóжны*, *свáзны*, *збдны*, *чвáти*, *тлéнны*, *брéнны*, *цбнны* [*1*], *сóнны*, *тбпны*, *мéрны*, *мирны*, *вздрбны*, *спбрнны*, *глásны*, *кбсны*, *сносны*, *кратны*, *тищетны*, *смéртны*, *лестны*, *злбстны*, *скрбтны*, *внятны*, *вбчны*, *альчи*, *жéлчи*, *склбчи*, *србчи*, *збчны*, *спбчи*, *хйчи*, *сáльчи*, *дбльчи*, *стильчи*, *рдбчи*, *прáнчи*, *ръбчи*, *брýчи*, *куцчи*, *прéльчи*.

⁶⁴ Перечислим все прилагательные схемы *b/b*, для которых АО приводит неатрибутивные словоформы: *злбий*, *родбий*, *чудбий*, *блажбий*, *смешбий*, *шамбий*, *хмельбий* [*1*], *бомбий*. Отметим, что в соответствии с § 4.2 прилагательное *бомбий* имеет неатрибут. словоформы *велик*, *великá*, *великб*, *великий*.

Со статистической точки зрения у русских имен господствующим является неподвижное ударение: оно представлено у 96% имен (в том числе схема *a* — у 90%, схема *b* — у 6%), а подвижное ударение — только у 4%.

Слова бесчисловых разрядов распределяются по схемам ударения так: схема *a* — 45 слов, *b* — 34, *e* — 15, *e''* — 1. Особенность этих разрядов составляет, таким образом, необычно высокий процент слов схем *b* и *e*.

Распределение существительных и прилагательных по схемам ударения показано в приводимых ниже таблицах. Самостоятельные графы отведены в этих таблицах только для основных схем ударения; данные о второстепенных схемах ударения приведены в сносках. В таблице существительных отражено противопоставление субстантивных и несубстантивных типов склонения, а также деление существительных субстантивных типов склонения на пять групп, использованное выше в настоящем параграфе. Для наглядности существительные разбиты на два класса в зависимости от того, содержит ли гласную окончание исходной словоформы. Учтено также действительное ударение исходной словоформы (в той мере, в какой оно существенно для распределения слов по схемам ударения); для этого выделены следующие пять типов:

- А — слова с ударной односложной основой;
- Б — слова с начальноударной неодносложной основой;
- В — слова со срединноударной неодносложной основой;
- Г — слова с конечноударной неодносложной основой;
- Д — слова с безударной основой.

В таблице прилагательных учтено деление на грамматические разряды; кроме того, особо выделены причастия. Численность той или иной группы слов указывается (как правило, округленно) в квадратных скобках, а также символизируется шрифтом соответствующего слова-образца; см. об этом § 6.2, пункт 4. В тех клетках таблицы существительных, где содержится несколько образцов, число в квадратных скобках показывает суммарную численность. Перечеркнутая клетка означает, что для слов соответствующей группы данная схема ударения невозможна в принципе. Слова с дефектами № 6 и 7 (см. § 3.4) в таблицах не учтены.

Таблицы в наглядной форме отражают основные закономерности, лежащие в основе данных выше правил. (Из текста правил эти закономерности усмотреть труднее, поскольку в силу своей полноты эти правила малообозримы.) Так, например, таблица существительных позволяет непосредственно установить, что у существительных группы 2 со срединноударной или конечноударной основой (*боло́то, посмéшище, госудárство* и т. п.) возможна только схема ударения *a*; что у существительных группы 1 с конечноударной основой (*студéнт, парохóд, топóбр* и т. п.) возможны схемы *a*, *b*, *c* и *d*, однако широко представлены лишь

Таблица распределения существительных по схемам ударения

Группа существительных	Схема ударения	Неподвижное ударение			Подвижное ударение			
		a	b	c	d	e	f	
I. Окончание исходной словоформы не содержит гласной								
Субстантивные типы склонения	гр. 1 А Б В Г	СПОР СПОСОВ ХАРАКТЕР ЗАВОД [11 400]	СТОЛ у́гол — КУЛАК [1700]	САД НОМЕР учите́ль господи́н [250]	кол — копы́л [14]	волк гóлубь — [50] *	ко́нь [у́голь] — [5]	
	гр. 4 А Б В, Г	мысль почесть тетрадь [3100]	— **	—	—	ночь пло́щадь [ступéны] [80]	—	
Несубстантивные типы склонения	А—Г	шоссе [380]	свой [3]	—	—	—	—	

II. Окончание исходной словоформы содержит гласную

Субстантивные типы склонения	гр. 2	А	КРЕСЛО	—	море блако [33]	—	[ухо, бко]	—	
		Б	ЗДАНИЕ						
		В, Г	ЛЕКАРСТВО [4900]						
	гр. 3	Д	—	ВЕЩЕСТВО [130]	—	числó [70]	—	илечó [3] ***	
		А—Г	КАРТА [10 700]	—	[дáдя]	—	[дбля, де- рвни]	—	
	гр. 5	Д	—	ЧЕРТА [340]	—	ВЕДА [185] 4*	—	губá [40] 5*	
		А	бýсы	—	X	X	X	X	
		Б	пóжинцы						
		В, Г	ВОРОТА [390]		X	X	X	X	
		Д	—	весы [60]	X	X	X	X	
	Несубстантив- ные типы склонения	А—Г	Лéшик [720]	—	—	—	—	—	
		Д	—	ПРЯМАЯ [120]	—	—	—	—	
Всего (округленно)		31 600	2350	285	270	150	50		
То же в % от общего числа существительных		91	6,8	0,8	0,8	0,45	0,15		

* Кроме того, два слова (*ребёнок*, *человéк*) относятся к схеме *e'*.** Имеется, однако, шесть слов схемы *b'*.*** Кроме того, одно слово (*дышá*) относится к схеме *e''*.** В том числе около 70 слов (*singularia tantum*), для которых схема *d* является лишь потенциальной. Кроме того, 13 слов относятся к схеме *d'*.* Кроме того, 18 слов относятся к схеме *f'*.

Таблица распределения прилагательных по схемам ударения

Схема ударения		$a (= a/a)$	a/b	a/c	$b (= b/b)$	b/c	f
Группа прилагательных							
Расширенный адъективный разряд	причастия (на <i>нныи</i> и <i>тыи</i>)	сДЕЛАННЫЙ [3800]	РЕШЕННЫЙ [1040]	вЗЫТЫЙ [75]	—	—	—
	прочие прилага- тельный	СУРОВЫЙ [10 750]	ХОРОШИЙ [40] *	ЦЕЛЫЙ [255] **	смешной [20]	живой [35] ***	—
Простой адъективный разряд		РУССКИЙ [3100]	X	X	иной [900]	X	[сам]
Всего		17 650	1080	330	920	35	1
То же в % от общего числа при- лагательных		88	5,4	1,7	4,6	0,2	—

* В том числе два слова (*лёгкий*, *свёжий*), допускающих также схему a/b' .

** В том числе 40 слов, допускающих также схему a/c' .

*** В том числе четыре слова, допускающих также схему $b'c'$.

первые две, а две последние насчитывают не более, чем по десятку слов. Из таблицы существительных можно выявить также следующие наиболее общие закономерности: схемы с и е возможны только в том случае, если в исходной словоформе ударение падает на первый слог; схемы b, d и f возможны (у существительных субстантивных типов склонения) только в том случае, если в исходной словоформе ударение падает на последний слог; схема a возможна при ударении в исходной словоформе на любом по счету слоге, но обязательно на основе. (Имеется всего несколько слов, отклоняющихся от этих закономерностей.)

Комментарии к понятию условного ударения

§ 6.18. Почему при построении главной акцентуационной характеристики парадигм использовано сравнительно сложное вспомогательное понятие условного ударения, а не гораздо более простое понятие действительного ударения? Рассмотрим ход рассуждений, приводящий, во-первых, к понятию условного ударения вообще, во-вторых, к выбору именно того правила приписывания условного ударения, которое дано в § 6.15. Поскольку содержание § 6.15 есть не что иное, как конечный результат приведенных ниже рассуждений, в самих этих рассуждениях оно, естественно, не используется.

В соответствии с § 5.5, при построении акцентуационной характеристики словоформы должно учитываться прежде всего то, на какой из двух главных морфологических компонентов словоформы — основу или окончание — падает действительное ударение. Для большинства словоформ (например, *дожд|ый*, *карт|а*, *сурб|ый*) в принципе возможны два ответа на этот вопрос (из которых, разумеется, правилен только один). Иначе обстоит дело с особым классом словоформ, у которых один из компонентов не содержит гласной, например: *дожд|ь*, *карт|*, *сурб|*, *зло*, *всегб*. Очевидно, что здесь ответ на указанный вопрос предопределен буквенным составом компонентов. Можно сказать, что признак «место действительного ударения» в этих словоформах нейтрализован. Лингвистическая практика показывает, что нейтрализованные значения некоторого признака следует отличать от внешне совпадающих с ними «свободно выбранных» значений того же признака. Проверим, насколько полезна особая трактовка нейтрализованных значений в данном случае.

При учете ударения в словоформах с неслоговым компонентом в принципе возможны следующие три типа решений:

1. Учитывается только действительное место ударения (т. е. нейтрализация не принимается во внимание). Так, например, словоформы *дождь*, *карт*, *сурб* получают значение «ударение на основе», словоформы *зло*, *всегб* — «ударение на окончании».

2. В дополнение к двум имеющимся значениям признака «место ударения» вводится значение «ударение нейтрализовано». Оно приписывается всем словоформам с неслоговым компонентом (т. е. и словоформам типа *дождь*, и словоформам типа *зло*). Ударению, учитываемому в соответствии с этим решением, дадим рабочее название «функционального».

3. Каждой словоформе с неслоговым компонентом приписывается одно из двух определенных значений рассматриваемого признака («ударение на основе» или «ударение на окончании»), но не в соответствии с действительным положением ударения, а по некоторому специально составленному правилу. Ударению, приписанному словоформе по этому правилу, дадим название «условного». Таким образом, у словоформ с двумя слоговыми компонентами будет учитываться действительное ударение, а у словоформ с неслоговым компонентом — условное. Поскольку, однако, такое неединоеобразие неудобно с формальной точки зрения, будем считать, что условное ударение имеют все без исключения словоформы, но у тех словоформ, где оба компонента слоговые, условное ударение совпадает с действительным.

Заметим, что решение 1-го типа, так же, как и решение 2-го типа, единственно. Напротив, решений 3-го типа может быть много, поскольку возможно много разных правил приписывания условного ударения.

Условимся обозначать ударение (любого типа) на основе знаком +, ударение на окончании знаком —; значение «ударение нейтрализовано» (возможное только при решении 2) будем обозначать нулем. Запись, показывающую, каково действительное (функциональное, условное) ударение в каждой словоформе парадигмы, будем называть схемой действительного (соответственно функционального, условного) удара и я этой парадигмы. (Каждая словоформа обозначена в этой записи соответствующей грамматической формой.) В § 6.18—6.22 мы будем употреблять выражение «схема ударения» (без уточнения) лишь в том случае, если почему-либо необходимо отвлечься от способа учета ударения.

Какое из описанных выше решений следует предпочесть? Попытаемся вначале ответить на этот вопрос с помощью рассуждений неформального или не вполне формального характера (т. е. способом, наиболее обычным для лингвистических работ). Ограничимся здесь рассмотрением существительных (при этом pluralia tantum и существительные с дефектной парадигмой для упрощения исключим). Этого материала достаточно для выяснения вопросов принципиального характера.

Будем исходить из того, что существует (по крайней мере, у лингвистов) интуитивное представление о том, что различие в месте действительного ударения между двумя русскими словоформами (из разных парадигм или из одной и той же парадигмы)

в одних случаях является независимым (т. е. не обусловлено никакими иными различиями между сравниваемыми словоформами), а в других случаях — зависимым (т. е. представляет собой не более, чем автоматическое следствие каких-то иных различий). Так, например, акцентуационные различия в парах словоформ *дождй—гвзди*, *чертй* (И. мн.)—*стрёлы*, *прáвила* (И. мн.)—*зеркалá*, а также *гвзди—гвоздéй*, *стрелá—стрёлы*, *стрелá—стрел*, *зéркало—зеркалá*, *зéркало—зеркал* естественно считать независимыми. Напротив, акцентуационные различия, например, в парах словоформ *ханжéй—госпбж*, *облакбв—зеркал*, а также *госпожй* (И. мн.)—*госпбж*, *черты* (И. мн.)—*черт*, *зеркалá—зеркал* естественно считать простым следствием того, что у одного из членов пары окончание слогоное, а у другого неслогоевое (а именно нулевое). Так, рассматривая пары типа *полк—полкá*, *местá—мест*, *нёс—неслá*, Р. И. Аванесов пишет: «Различие в месте ударения в подобных случаях не имеет грамматического значения, поскольку оно вынужденное, обусловленное отсутствием окончания в одной из форм слова. Поэтому ударение в них с grammaticalской точки зрения следует квалифицировать как неподвижное»⁶⁵.

При построении акцентуационной характеристики отдельных словоформ и целых парадигм естественно стремиться к тому, чтобы эта характеристика учитывала независимые акцентуационные различия и не учитывала зависимых. Только в этом случае можно избежать так называемого «дублирования» одних различительных признаков другими, т. е. учета одного и того же факта одновременно несколькими различительными признаками. Сравним с этой точки зрения перечисленные выше решения.

Решение 1 носит, с этой точки зрения, наиболее «механический» характер: констатируется лишь само положение действительного ударения и никак не учитывается то, какими причинами — собственно акцентуационными или внешними по отношению к акцентуации — определяется это положение. Например, каждое из слов *ханжá*, *госпожá*, *блако*, *зéркало* имеет особую схему действительного ударения. Таким образом, независимые акцентуационные различия (например, между парадигмами *ханжá* и *блако*) оказываются в одном ряду с зависимыми (например, между парадигмами *ханжá* и *госпожá*, *блако* и *зéркало*). Различие в паре парадигм *ханжá—госпожá* (или в паре *блако—зéркало*) учитывается в этом случае при классификации парадигм дважды: как различие в наборе окончаний и как акцентуационное различие; иначе говоря, различительные признаки частично «дублируют» друг друга.

⁶⁵ Р. И. А в а н е с о в . Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 73.

Решение 2 менее «механично»: значение 0 служит здесь преду-
преждением о том, что действительное ударение соответствующей
словоформы непоказательно, т. е. может определяться не соб-
ственно акцентуационными, а внешними причинами. При дан-
ном решении, если одна из двух сравниваемых словоформ имеет
значение плюс, а другая минус (например, *гвозди*—*дождь*,
стрела—*стрэлы*), это означает, что их акцентуационное различие
является независимым. Если же одна из сравниваемых словоформ
имеет плюс или минус, а другая нуль (например, *карта*—*карт*,
чертá—*черт*, *зёркало*—*зеркал*, *стрелá*—*стрел*), то ничего опре-
деленного сказать нельзя. Так, в паре *карта*—*карт* вообще нет
различия в месте действительного ударения, в паре *чертá*—
черт имеется зависимое различие, в парах *зёркало*—*зеркал* и
стрелá—*стрёл* имеются независимые различия. Таким образом,
решение 2 позволяет лишь частично разграничить зависимые и
независимые акцентуационные различия; с другой стороны, по-
разному трактуются некоторые словоформы (типа *карта*—*карт*),
между которыми вообще нет акцентуационного различия.
Не устранено также взаимное «дублирование» различительных при-
знаков, поскольку, например, каждое из слов *ханжá*, *гостожá*,
облако, *зёркало* получает, как и в решении 1, особую схему уда-
рения.

Наибольшие возможности для достижения поставленной цели
дает 3-й тип решений. Так, например, можно следующим образом
приписать условное ударение рассмотренным выше словоформам
с неслоговым компонентом: *дождь* —, *карт* +, *сурб* +, *зло* —,
всегб —, *стрел* +, *зеркал* —, *госпбж* —, *черт* —. Как легко проверить,
все отмеченные выше независимые акцентуационные различия
(например, *стрелá*—*стрёлы*, *стрелá*—*стрел*, *зёркало*—*зеркалá*,
зёркало—*зеркал*) будут отражены в этом случае как противопо-
ставление условного ударения на основе и условного ударения
на окончании. С другой стороны, ни одно из отмеченных выше
зависимых акцентуационных различий (например, *чертý*—*черт*,
зеркалá—*зеркал*, *зеркал*—*облакбв*) вообще не будет учтено (по-
скольку соответствующие пары словоформ получат одинаковое
условное ударение). Парадигмы *ханжá* и *гостожá* (так же, как
парадигмы *облако* и *зёркало*) получат одинаковые схемы услов-
ного ударения; иначе говоря, взаимного «дублирования» различи-
тельных признаков не будет. Таким образом, для взятой сово-
купности примеров наша цель достигнута.

Разумеется, из рассмотренных примеров еще нельзя вывести
никакого общего правила расстановки условного ударения, кото-
рое обеспечивало бы достижение поставленной цели для всех
парадигм. Для построения такого правила попытаемся выяснить,
на чем основано интуитивное представление о зависимых и неза-
висимых акцентуационных различиях. По-видимому, источник
этого представления лежит в сравнении (осознанном или неосоз-

нанном) каждой взятой словоформы, во-первых, с другими словоформами той же парадигмы, во-вторых, с соответствующими (по грамматическому значению) словоформами других парадигм. Так, например, мы замечаем, что практически у всякого существительного, имеющего в Р. мн. слогоное окончание, действительное ударение в этой словоформе такое же, как в Д. мн., Т. мн. и П. мн.; ср. *спбров, спбрам, спбрами, спбрах; столбов, столам, столами, столах; коней, коням, конями, конях; мышей, мышам, мышами, мышах* и т. д.⁶⁶ Отсюда представление о некотором «нормальном» (для данного слова) месте действительного ударения во всей указанной группе словоформ. Это представление естественно распространяется и на словоформы Р. мн. с неслоговым окончанием. Реально наблюдаемое ударение таких словоформ может либо соответствовать этому представлению (например: *карт, кáртам, кáртами, кáртах; стрел, ср. стрéлам* и т. д.; *корб, ср. корбам* и т. д.), либо не соответствовать (например: *черт, ср. чертам, чертами, чертах; зеркал, ср. зеркалам* и т. д.; *мест, ср. местам* и т. д.; *голб, ср. головам* и т. д.). В последнем случае возникает представление о «вынужденном сдвиге» ударения⁶⁷; акцентуационные различия в парах типа *черт—чертам, зеркал—зеркалам, мест—местам, голб—головам* воспринимаются как зависимые. Аналогичная ситуация наблюдается в И. ед.: у всякого существительного, имеющего в И. ед. слогоное окончание, действительное ударение в этой словоформе такое же, как в Р. ед., Д. ед., Т. ед. и П. ед.; ср. *мéсто, мéста, мéсту, мéстом, мéсте; стрелá, стрелы, стрелé, стрелб* и т. д. Отсюда вытекают аналогичные следствия: действительное ударение в словоформах типа *завбд* (ср. *завбда* и т. д.), *тетрабд* (ср. *тетрабди* и т. д.) воспринимается как «нормальное», а в словоформах типа *топбр* (ср. *топорá* и т. д.), *гвоздь* (ср. *гвоздя* и т. д.) — как «вынужденно сдвинутое»⁶⁸.

Очевидно, что для достижения поставленной выше цели следует словоформам с неслоговым окончанием, имеющим «нормальное» ударение (например, *карт, завбд*), приписывать условное ударение на основе, а имеющим «вынужденно сдвинутое» ударение (например, *черт, топбр*) — условное ударение на окончании. Практи-

⁶⁶ Исключение составляют только ряды: *детей, детям, детям, детях; людей, людям, людьми, людях.*

⁶⁷ Примечательно, что «скрытое» ударение на окончании в таких словоформах немедленно обнаруживает себя, если только у словоформы почему-либо появляется вариант со слоговым окончанием: ср. просторечные *местбв, зеркалбв*, ср. также *простыней* наряду с *простынь, свечей* наряду со *саси* и т. п. (в то же время совершились невозможны словоформы вроде **мéstов, *веркалбв, *простыней, *сéчей*).

⁶⁸ В словоформах И. ед. типа *топбр* «сдвиг ударения» ощущается несколько менее явно, чем в словоформах Р. мн. типа *зеркал*. Причина здесь, по-видимому, в том, что словоформа И. ед., служащая обозначением самого слова, естественно воспринимается как нечто данное изначально, первичное по отношению к остальным словоформам.

чески это значит, что всякой словоформе Р. мн. с неслоговым окончанием должно быть приписано условное ударение, совпадающее с действительным ударением словоформы Д. мн. (или Т. мн., или П. мн.) того же слова; всякой словоформе И. ед. с неслоговым окончанием должно быть приписано условное ударение, совпадающее с действительным ударением Р. ед. (или Д. ед., или Т. ед., или П. ед.) того же слова. Для единобразия можно условиться всегда брать в качестве «контрольной», например, словоформу Д. падежа (соответствующего числа).

Помимо словоформ Р. мн. и И. ед. с неслоговым окончанием, имеются только следующие группы словоформ с неслоговым компонентом: 1) словоформы, омонимичные рассмотренным выше, например В. мн. *рыб*, *госпож*; В. ед. *забо́д*, *топбр*; им можно просто приписать то же условное ударение, что и соответствующим словоформам Р. мн. или И. ед.; 2) все словоформы неизменяемых существительных, например *шоссе*; им естественно приписать условное ударение на основе; 3) немногочисленные словоформы с неслоговой основой, например *ало*, *тля*, *львы*; им проще всего приписать условное ударение на окончании. Легко убедиться, однако, что предложенное выше правило (об использовании словоформы Д. падежа в качестве «контрольной») дало бы во всех этих случаях те же самые результаты. Таким образом, это правило пригодно для всех словоформ существительных.

Итак, рассмотрев три возможных типа решений, мы пришли к выводу, что наилучшим, с точки зрения выдвинутого выше неформального критерия, является 3-й тип. Далее был произведен выбор среди возможных решений 3-го типа.

§ 6.19. Как уже отмечалось, приведенные рассуждения носят неформальный характер. Представляет интерес попытка их формализовать. Оказывается, что такая формализация действительно возможна. При этом обнаруживается следующий замечательный факт: если при выборе решения стремиться только к тому, чтобы общее число разных схем ударения, представленных в склонении существительных, было минимальным, то мы придем к решению, которое было предложено выше на основании неформальных лингвистических соображений⁶⁹. Иначе говоря, деятельность лингвиста может быть в данном случае успешно смоделирована с помощью столь простого формального критерия, как ми ни мальность общего числа схем ударения.

⁶⁹ Точнее говоря, критерий минимальности общего числа схем ударения обеспечивает совпадение с предложенным выше решением для 98,7% обследованных существительных; для остальных 1,3% существительных он допускает как совпадение, так и несовпадение. Полное совпадение достигается лишь после наложения дополнительного требования, чтобы эти 1,3% существительных обрабатывались по общим для всех слов, а не по каким-либо особым правилам (см. об этом § 6.21).

Опишем процедуру попска решения, наилучшего с точки зрения данного формального критерия. Как уже указано, материалом служат все рассматриваемые в настоящей работе существительные, кроме *pluralia tantum* и существительных с дефектами (т. е. около 34 200 слов). При этом все вторичные словоформы, кроме словоформ В. ед., из рассмотрения исключены⁷⁰; иначе говоря, каждая парадигма считается состоящей только из 11 словоформ: ед. ч. — И., Р., Д., В., Т., П.; мн. ч. — И., Р., Д., Т., П. Приняв для всех парадигм указанный порядок словоформ, мы можем представить схему действительного или условного ударения любого существительного просто как некоторую 11-местную строку из плюсов и минусов, схему функционального ударения любого существительного — как 11-местную строку из плюсов, минусов и нулей.

Обследование материала показывает, что число разных схем действительного ударения у русских существительных равно 22, а число разных схем функционального ударения — 39 (см. § 6.21). Таким образом, с точки зрения принятого критерия решение 1 лучше, чем решение 2. Приведем теперь пример решения 3-го типа, при котором общее число схем ударения меньше, чем при решении 1. Назовем «словами типа *чертá*» существительные со следующей схемой действительного ударения: «плюс в Р. мн., минус в остальных словоформах». Примем следующее правило приписывания условного ударения: 1) словоформам Р. мн. с неслоговым окончанием у слов типа *чертá* приписывается условное ударение на окончании; 2) всем прочим словоформам приписывается условное ударение, совпадающее с действительным. Как показывает проверка, слов типа *чертá* со слоговым окончанием в Р. мн. в русском языке нет. Это значит, что при данном решении 3-го типа все слова типа *чертá* получат схему условного ударения «минус во всей парадигме», т. е. такую же, как слова *ступнá, баxчá, очкó* и т. п.; во всем остальном это решение совпадает с решением 1. Следовательно, общее число схем ударения при данном решении 3-го типа на единицу меньше, чем при решении 1.

Таким образом, наилучший результат может дать (при удачном правиле приписывания условного ударения) 3-й тип решений. Остается выбрать наилучшее из решений 3-го типа, т. е. найти такое правило приписывания условного ударения, при котором общее число схем ударения минимально. Как мы знаем, условное ударение может быть приписано произвольно только словоформам с неслоговым компонентом, т. е. тем и только тем, которые при решении 2 получают значение 0. Отсюда вытекает следующая постановка задачи. Выписываются схемы функционального ударения всех рассматриваемых слов, т. е. некоторые 11-местные строки из плюсов, минусов и нулей. (Разумеется, некоторые строки могут оказаться одинаковыми.) Требуется заменить все нули во всех строках на плюсы и минусы. После замены каждому слову будет также соответствовать некоторая 11-местная строка, но уже состоящая только из плюсов и минусов. Это и будет схема условного ударения данного слова. Нужно найти способ замены, при котором среди полученных строк из плюсов и минусов число различных строк минимально. Тем самым наша лингвистическая задача сводится к следующей математической задаче.

§ 6.20. Задача. Имеется матрица из m строк и n столбцов, элементами которой являются знаки +, — и 0. Заменить каждый из имеющихся в матрице нулей плюсом или минусом так, чтобы в полученной матрице без нулей (на-

⁷⁰ Исключение вторичных словоформ связано с тем, что они описываются в настоящей работе особым образом, при котором им вообще не требуется приписывать условное ударение. Вторичные словоформы В. ед. (типа *автоб*, *топобр*) оставлены только потому, что в противном случае парадигмы разных существительных насчитывали бы разное число словоформ. Заметим, что если не исключать вторичные словоформы, то общее число схем условного ударения возрастет (см. об этом § 6.50), однако итоговое правило приписывания условного ударения не изменится.

зовем ее *результатирующей* для данной матрицы) число *s* разных строк было минимальным.

Ниже приводится частичное решение этой задачи.

Вообще говоря, задача допускает тривиальное решение — путем последовательного перебора всех возможных результатирующих матриц. В самом деле, при конечных *m* и *n* число возможных результатирующих матриц конечно (оно не превышает 2^{mn}); порядок же перебора легко может быть задан. Ясно, однако, что даже при сравнительно небольших *m* и *n* перебор может быть чрезвычайно велик, и поэтому необходимо искать менее тривиальные решения.

Введем ряд вспомогательных определений. Назовем образом строки *a* всякую безнулевую (т. е. содержащую только плюсы и минусы) строку, которую можно получить из *a* одними лишь заменами нулей на единицы. (В частном случае, когда строка *a* безнулевая, она сама является своим единственным образом.) Будем говорить, что строка *a* подчиняет строку *b*, если эти строки различны и всякий образ строки *a* является также образом строки *b*. Очевидно, что отношение подчинения транзитивно. Назовем строку матрицы подчиненной, если в матрице имеется хотя бы одна строка, которая ее подчиняет, и не подчиненной, если такой строки в матрице нет.

Назовем совокупность всех одинаковых между собой строк матрицы полосой. К полосам применимы, с небольшими изменениями, все определения, данные выше для строк, а именно: полоса *A* подчиняет строку *b* (полосу *B*), если любая строка из *A* подчиняет строку *b* (любую строку из *B*); образ всех строк полосы называется образом полосы; полоса называется подчиненной (неподчиненной), если любая ее строка является подчиненной (неподчиненной).

Назовем связкой совокупность неподчиненных полос матрицы, имеющих хотя бы один общий образ, которая не входит целиком ни в какую другую совокупность неподчиненных полос этой матрицы, имеющих хотя бы один общий образ. Очевидно, что всякая неподчиненная полоса входит хотя бы в одну связку (в частном случае, состоящую только из самой этой полосы). Общий образ всех членов связки будем называть образом связки. Будем говорить, что подчиненная полоса *A* (а также любая строка этой полосы) подчинена связке *S*, если всякий образ *S* является также образом *A*. Легко убедиться, что всякая подчиненная полоса подчинена хотя бы одной связке. (В самом деле, в силу транзитивности подчинения для всякой подчиненной полосы найдется хотя бы одна неподчиненная полоса, которая ее подчиняет; эта неподчиненная полоса входит хотя бы в одну связку; любой такой связки и подчинена взятая подчиненная полоса.)

Назовем матрицу простой, если ее связки не пересекаются. Поскольку в нашей лингвистической задаче встречаются только простые матрицы, можно ограничиться решением поставленной задачи только для этого типа матриц⁷¹.

Укажем следующее свойство простой матрицы: никакие две ее неподчиненные строки, принадлежащие к разным связкам, не имеют общих образов. В самом деле, допустим противное: нашлись такие строки *a* (из связки *S*) и *b* (из некоторой иной связки), которые имеют общий образ. Любые две неподчиненные строки, имющие общий образ, входят в некоторую связку (в частном случае, состоящую только из соответствующих двух полос). Следовательно, имеется связка, пересекающаяся со связкой *S* (но не совпадающая с ней, поскольку *b* не входит в *S*), что противоречит определению простой матрицы.

⁷¹ В другой работе автора (А. А. Зализняк. «Условное ударение» в русском словоизменении) решение было ограничено только так называемыми матрицами 1-го рода. Матрица 1-го рода — это частный случай простой матрицы, когда всякая связка состоит только из одной полосы.

Теорема 1. Для любой простой матрицы верно, что среди ее результирующих матриц есть хотя бы одна такая, где число разных строк (s) равно числу связок исходной матрицы (k), и нет такой, где $s < k$.

Докажем вначале вторую часть теоремы. Допустим противное: существует результирующая матрица, где $s < k$. Это значит, что хотя бы одна пара неподчиненных строк из разных связок отображена в результирующей матрице одинаково, т. е. заменена одним и тем же образом. Но это невозможно в силу указанного выше свойства простой матрицы.

Докажем первую часть теоремы. Припишем каждую подчиненную полосу матрицы к какой-нибудь из связок, которые ее подчиняют. Выберем для каждой связки какой-нибудь из ее образов; заменим этим образом все строки, входящие в связку, и все строки, подчиненные ей. Мы получим результирующую матрицу, имеющую не более k разных строк. Поскольку, как доказано выше, s не может быть меньше k , в этой результирующей матрице $s = k$.

Таким образом, указан способ построения результирующей матрицы, где величина s принимает наименьшее из возможных для нее значений. Тем самым для простых матриц задача решена.

Уже из самой описанной процедуры видно, однако, что способ замены нулей на не-нули, дающий минимальное s , вообще говоря, не является единственным. Поэтому желательно исследовать условия, при которых решение задачи единствено. Поскольку способ замены нулей однозначно определяется получаемой результирующей матрицей, далее мы будем говорить просто о разных результирующих матрицах. Будем называть результирующую матрицу *минимальной*, если она имеет минимальное s . Мы будем обозначать результирующую матрицу той же буквой, что исходную, но с дополнительным значком. Отображение в данной результирующей матрице некоторой части исходной матрицы будет обозначаться символом этой части с тем же дополнительным значком. Например, строка a , полоса A , связка S матрицы M отображаются в результирующей матрице M' соответственно как a' , A' , S' .

Теорема 2. Для простой матрицы M минимальная результирующая матрица M' единственна, если и только если каждая связка матрицы M имеет только один образ и каждая подчиненная строка матрицы M подчинена только одной связке.

1. Покажем, что требуемые условия достаточны. Пусть имеется простая матрица M (содержащая k связок), где оба указанных условия выполняются. Докажем, что ее минимальная результирующая матрица единственна.

Построим минимальную результирующую матрицу M' общим способом (см. теорему 1). Заметим, что каждая неподчиненная строка отображена в M' в виде единственного образа единственной связки, содержащей эту строку, а каждая подчиненная строка — в виде единственного образа единственной связки, которой подчинена эта строка.

Пусть имеется другая результирующая матрица M'' . Покажем, что она не минимальна. Матрицы M' и M'' различны; следовательно, в матрице M найдется такая строка a , что ее отображения a' и a'' различны. Стока a может быть либо неподчиненной, либо подчиненной.

Случай 1: строка a — неподчиненная. Рассмотрим связку, содержащую a ; пусть это будет связка S . Стока a'' не является образом S (поскольку она не совпадает с единственным образом S — строкой a'), т. е. не может служить отображением всех строк из S . Следовательно, S'' содержит не менее двух разных строк. В матрице M'' никакая пара строк из отображений разных связок матрицы M не совпадает (поскольку матрица M простая и, следовательно, в ней никакая пара неподчиненных строк из разных связок не имеет общих образов). Таким образом, матрица M'' содержит не менее, чем $k+1$ разных строк (не менее двух в S'' и по крайней мере по одной в отображении каждой из остальных $k-1$ связок матрицы M), т. е. не является минимальной.

Случай 2: строка a — подчиненная. Если в матрице M нет ни одной неподчиненной строки, отображение которой в M'' совпадает с a'' , то M'' содержит, во-первых, не менее k разных строк, служащих для отображения

k связок матрицы M , во-вторых, отличную от всех этих k строк строку a'' ; следовательно, M'' не минимальна. Остается рассмотреть противный случай: в матрице M существует такая неподчиненная строка b , что ее отображение в M'' совпадает с a'' . В матрице M' строка b отображена в виде образа содержащей ее связки. Но строка a'' отлична от образа любой связки матрицы M . (В самом деле, строка a'' отлична от единственного образа единственной связки, подчиняющей a , — от строки a' ; кроме того, в силу второго условия теоремы она отлична также от образа любой другой связки матрицы M .) Таким образом, в матрице M имеется неподчиненная строка b , по-разному отображенная в M' и в M'' , т. е. имеет место случай 1, уже рассмотренный выше.

Единственность минимальной результирующей матрицы M' доказана.

2. Покажем, что требуемые условия необходимы. Пусть имеется простая матрица P , для которой хотя бы одно из условий теоремы не выполняется. Докажем, что минимальная результирующая матрица для матрицы P не единственна.

а) Пусть не выполнено первое условие: в матрице P найдется такая связка S , которая имеет более одного образа. Начнем строить минимальную результирующую матрицу для P общим способом. Дойдя до этапа, где требуется выбрать для каждой связки один из ее образов, продолжим построение в двух вариантах: в одном варианте выберем для связки S один из ее образов, в другом — другой. Мы получим две минимальные результирующие матрицы для P ; эти матрицы различны, поскольку связка S и подчиненные ей строки отражены в них по-разному. Неединственность минимальной матрицы доказана.

б) Пусть не выполнено второе условие: в матрице P найдется такая подчиненная строка c , которая подчинена более чем одной связке. Проведем построение результирующей матрицы для P общим способом в двух вариантах: в одном варианте припишием полосу, содержащую строку c , к одной из подчиняющих ее связок, в другом — к другой. Мы получим две минимальные результирующие матрицы для P ; эти матрицы различны, поскольку полоса, содержащая строку c , отражена в них по-разному: в одной в виде образа одной связки матрицы P , в другой — в виде образа другой связки (а образы разных связок не могут совпадать, иначе эти связки составляли бы одну связку). Неединственность минимальной матрицы доказана.

Теорема 3. Пусть имеется простая матрица P , некоторая часть строк которой образует простую матрицу M , причем: 1) для M минимальная результирующая матрица M' единственна и 2) ни одна строка из M не имеет общих образов ни с одной неподчиненной строкой матрицы P , не входящей в M . В этом случае в любой минимальной результирующей матрице для P часть, отображающая M , совпадает с M' .

Разделим строки матрицы P , не входящие в M , на две части: 1) неподчиненные строки матрицы P (назовем эту часть матрицей N), 2) подчиненные строки матрицы P (назовем эту часть матрицей Q). По второму условию теоремы ни одна строка из M не имеет общего образа ни с одной строкой из N . Следовательно, для любой результирующей матрицы P^* верно, что никакая строка из M^* не совпадает ни с какой строкой из N^* . Обозначим через $s(P^*)$, $s(M^*)$, $s(N^*)$ число разных строк в соответствующих результирующих матрицах. Из сказанного выше следует, что для любой результирующей матрицы P^* , где часть Q^* не содержит строк, не встречающихся в оставшейся части P^* , верно следующее: $s(P^*) = s(M^*) + s(N^*)$. Сумма независимых величин принимает минимальное из возможных значений только в том случае, когда каждое слагаемое принимает минимальное из возможных для него значений. Очевидно также, что минимальное возможное значение для $s(M^*)$ — это $s(M')$.

Пусть имеется результирующая матрица P'' , где часть M'' не совпадает с M' . Докажем, что P'' не минимальна. Если Q'' содержит хотя бы одну строку, не встречающуюся ни в M'' , ни в N'' , то матрица P'' содержит, во-первых, не менее k разных строк, служащих для отображения k связок матрицы P ,

во-вторых, еще одну строку, отличную от всех этих k строк (Q состоит только из подчиненных строк матрицы P); следовательно, P'' не минимальна. Остается рассмотреть противный случай: Q'' не содержит строк, не встречающихся ни в M'' , ни в N'' . В этом случае $s(P'') = s(M'') + s(N'')$. Но $s(M'') > s(M')$, поскольку матрицы M'' и M' различны, а M' является единственной минимальной результирующей матрицей для M . Следовательно, $s(P'')$ не является минимальным возможным значением числа разных строк в результирующих матрицах для P , т. е. P'' не минимальна.

§ 6.21. Применим полученные результаты к изучаемым фактам русского склонения. Составим на основании последовательной проверки материала полную матрицу распределения функционального ударения в парадигмах существительных. Привести эту матрицу целиком, разумеется, практически невозможно; но это и не нужно. Достаточно привести сокращенную матрицу, в которой каждая полоса первоначальной матрицы представлена лишь частью своих строк (в частном случае — одной строкой).

Поскольку в дальнейшем потребуются сведения о распределении действительного ударения, произведем сокращение так: каждая полоса первоначальной матрицы будет представлена в сокращенной матрице столькими строками, сколько разных схем действительного ударения в ней встречается. Оказывается, что каждой полосе полной матрицы, за исключением последней, соответствует всего одна схема действительного ударения. Например, все слова, относящиеся к полосе 12, имеют такую же схему действительного ударения, как слово *тигр*. Таким образом, в нашей сокращенной матрице каждая полоса, кроме последней, представлена всего одной строкой.

Первоначальную матрицу можно без ущерба «сжать» также и по ширине: дело в том, что в ней в точности одинаковы, во-первых, столбцы Р., Д. и П. падежей ед. числа, во-вторых, столбцы Д. и П. падежей мн. числа. Каждая из этих групп столбцов представлена в сокращенной матрице в виде одного столбца.

Неподчиненные и подчиненные полосы матрицы даны раздельно. Для каждой подчиненной полосы указаны подчиняющие ее неподчиненные. Для каждой строки указано, кроме того, какая схема действительного ударения ей соответствует — самостоятельная (т. е. не встречающаяся ранее в матрице) или такая же, как у одной из предшествующих строк. Таким образом, приводимая ниже матрица содержит сведения не только о всех схемах функционального ударения, но и о всех схемах действительного ударения⁷². Из нее видно, в частности, что общее число разных схем функционального ударения составляет 39, общее число схем действительного ударения — 22.

Опираясь на информацию, содержащуюся в сокращенной матрице, исследуем свойства полной матрицы распределения функционального ударения. Для наших целей этой информации достаточно. Имея хотя бы по одной строке от каждой полосы полной матрицы, можно судить о всех встречающихся в полной матрице строках и о всех существенных для нас отношениях между ее полосами. Понятно также, что «склеивание» одинаковых столбцов не изменило отношений одинаковости или различия между строками.

Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Каждая из 11 неподчиненных полос полной матрицы образует самостоятельную связку. Эти связки не пересекаются, т. е. эта матрица — простая. Следовательно, в силу теоремы 1 минимальное возможное число разных строк в результирующей матрице для полной матрицы равно 11.

⁷² Эта матрица несколько отличается от матрицы, данной в работе: А. А. Зализняк. «Условное ударение» в русском словоизменении, стр. 23—24; различие объясняется прежде всего тем, что там *полчас* и *полшаг* рассматривались как самостоятельные слова, а в настоящей работе они рассматриваются как словосочетания (см. § 2.19, сн. 61).

**Сокращенная матрица распределения функционального ударения
у существительных**

Неподчиненные полосы

№ по- лосы	Формы									Образцы	Схема дей- ствительного ударения		
	ед. число				мн. число								
	И.	В.	Р. Д. П.	Т.	И.	Р.	Д. П.	Т.					
1	+	+	+	+	+	+	+	+	юноша	самост.			
2	-	-	-	-	-	-	-	-	ступинáй	»			
3	+	+	+	+	-	-	-	-	мбре	»			
4	-	-	-	-	+	+	+	+	перб	»			
5	+	+	+	+	+	-	-	-	ýхо	»			
6	-	-	-	-	+	-	-	-	ноздрáй	»			
7	-	+	-	-	+	0	+	+	зимá	самост.			
8	-	+	-	-	+	0	-	-	рукá	»			
9	0	0	-	+	-	-	-	-	люббевъ	»			
10	0	+	+	+	+	-	+	-	человéк (мн. люди)	»			
11	-	-	+	+	+	-	+	-	дитá (мн. дёти)	»			

Подчиненные полосы

№ полосы	Формы									Образцы	Схема дей- ствительного ударения	Каким непод- чиненным полосам под- чинена			
	ед. число				мн. число										
	И.	В.	Р. Д. П.	Т.	И.	Р.	Д. П.	Т.							
12	0	+	+	+	+	+	+	+	тигр						
13	+	+	+	+	+	0	+	+	картá						
14	0	0	+	+	+	+	+	+	тетрáдь	как у юноша	1				
15	0	+	+	+	+	0	+	+	солдáт						
16	0	0	+	+	+	0	+	+	валенок						
17	0	-	-	-	-	-	-	-	царь	самост.					
18	-	-	-	-	-	0	-	-	чертá	»					
19	0	0	-	-	-	-	-	-	стол	»					
20	0	0	-	-	-	0	-	-	сабг	»	2				

Продолжение

# попсн	Формы								Образцы	Схема действи- тельного ударе- ния	Каким непод- чиненным полосам под- чинена			
	ед. число				мн. число									
	И.	В.	Р. П. П.	Т.	И.	Р.	Д. П.	Т.						
21	0	+	+	+	-	-	-	-	ма́стер	как у мёре				
22	+	+	+	+	-	0	-	-	мёсто	самост.				
23	0	0	+	+	-	-	-	-	са́д	как у мёре	3			
24	0	+	+	+	-	0	-	-	господи́н	как у мёсто				
25	0	0	+	+	-	0	-	-	глаз	»				
26	0	-	-	-	+	+	+	+	казáк (мн. казáки)	самост.				
27	-	-	-	-	+	0	+	+	вино́	как у перб	4			
28	0	0	-	-	+	+	+	+	сук	самост.				
29	0	+	+	+	+	-	-	-	зверь	как у ёхо				
30	+	+	+	+	+	0	-	-	дерéвня	самост.				
31	0	0	+	+	+	-	-	-	мыши́	как у ёхо	5			
32	0	0	+	+	+	0	-	-	вбóлос	как у дерéвня				
33	0	-	-	-	+	-	-	-	ко́нь	самост.				
34	-	-	-	-	+	0	-	-	губá	»	6			
35	0	0	-	-	+	-	-	-	гвоздь	»				
36	0	0	-	-	+	0	+	+	зубóк (мн. зубáки)	как у сук	4, 7			
37	0	0	0	0	+	+	+	+	доно	как у перб	1, 4			
38	0	0	0	+	0	0	0	0	воинъ	как у люббóвь	1, 3, 5, 9—11			
39	0	0	0	0	0	0	0	0	шоссé	как у юноша				
	0	0	0	0	0	0	0	0	лев	как у царь				
	0	0	0	0	0	0	0	0	сон	как у стол				
	0	0	0	0	0	0	0	0	тля	как у ступни				
	0	0	0	0	0	0	0	0	тьма (мно- жество)	как у чертá				

2. Ни одному из условий теоремы 2 полная матрица не удовлетворяет. Следовательно, минимальная результирующая матрица для полной матрицы не единственна.

Какую же из этих результирующих матриц выбрать? Для обоснованного ответа на этот вопрос потребуется некоторая вспомогательная процедура.

Выделим среди 39 полос полной матрицы следующие 28: 1—6, 12—27 и 29—34. Назовем эти 28 полос малой матрицей. Как показывает подсчет, в малую матрицу входит около 98,7% строк полной матрицы. Непосредственная проверка по сокращенной матрице показывает:

1. Малая матрица имеет шесть неподчиненных полос (1—6), каждая из которых образует самостоятельную связку. Эти связки не пересекаются, т. е. малая матрица — простая и, следовательно, минимальное возможное число строк в результирующей матрице для малой матрицы равно 6.

2. В малой матрице соблюдены оба условия теоремы 2. Следовательно, минимальная результирующая матрица для малой матрицы единственна.

3. Ни одна строка малой матрицы не имеет общих образов ни с одной неподчиненной строкой полной матрицы, не входящей в малую матрицу (т. е. ни с одной строкой из полос 7—11). Таким образом, соотношение между малой и полной матрицами удовлетворяет обоим требованиям теоремы 3. Следовательно, во всех минимальных результирующих матрицах для полной матрицы малая матрица будет отображена одинаково — в виде своей единственной минимальной результирующей⁷³.

Итак, для 98,7% материала способ замены нулей, удовлетворяющий выдвинутому требованию минимальности, является единственным. Все различие между минимальными результирующими матрицами для полной матрицы состоит только в способе отображения 11 полос «остатка», охватывающих 1,3% материала. Отсюда ясно, в каком направлении должен идти поиск наиболее целесообразного решения: необходимо построить алгоритм замены нулей на не-нули, который 1) обращал бы малую матрицу в ее единственную минимальную результирующую, 2) был бы применим без дополнительных изменений также к «остатку» и обращал бы полную матрицу в одну из ее минимальных результирующих.

Минимальную результирующую матрицу для малой матрицы можно построить общим способом (см. § 6.20, теорема 1). Поскольку малая матрица удовлетворяет обоим условиям теоремы 2 и каждая ее связка состоит всего из одной полосы, этот способ получает форму следующего алгоритма: каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосы. Однако к «остатку» этот алгоритм неприменим (поскольку «остаток» не удовлетворяет требований теоремы 2). Поэтому следует искать иной алгоритм отображения малой матрицы, равносильный данному.

Назовем зоной такую группу столбцов, что пересечение любой строки с этой группой столбцов (будем называть его зоной строкой) не содержит одновременно плюса и минуса. Простейший пример зоны составляет любой столбец. Малую матрицу можно разбить, в частности, на такие зоны: зона 1 — все ед. число, зона 2 — И. мн., зона 3 — Р., Д., Т., П. мн. Это разбиение на зоны обладает следующими свойствами: 1) оно неукрупняемое, т. е. никакие две зоны этого разбиения нельзя соединить в одну (это устанавливается непосредственной проверкой по сокращенной матрице); 2) оно — единственное неукрупняемое (поскольку, как показывает проверка, никакие два столбца из разных зон нельзя включить в одну зону и, таким образом, любое другое разбиение на зоны может быть только раздроблением нашего).

В неподчиненных строках малой матрицы каждая зона строки состоит либо из одних плюсов, либо из одних минусов (поскольку все ее неподчиненные строки безнулевые). Напротив, в любой подчиненной строке хотя бы одна зона строки содержит хотя бы один нуль; при этом, однако, как показывает

⁷³ В принципе возможно включить в малую матрицу также полосу 11; указанное свойство при этом сохранилось бы; однако это было бы неудобно для последующих построений.

проверка, в малой матрице при нашем разбиении на зоны нет зон строки, состоящих из одних нулей. Предложенный алгоритм состоит в том, что каждая подчиненная строка заменяется единственным образом подчиняющей ее неподчиненной полосы (т. е. любой строкой из этой полосы). Как легко убедиться, в указанных условиях такая замена равносильна следующей: в каждой зоне строки (при нашем разбиении на зоны), содержащей хотя бы один нуль, все нули заменяются плюсами, если в этой зоне строки есть хотя бы один плюс, и минусами, если там есть хотя бы один минус.

Таким образом, построен другой алгоритм получения минимальной результирующей матрицы для малой матрицы. Он имеет перед первым то преимущество, что позволяет заменить нули в отдельно взятой строке без сопоставления ее с какими бы то ни было другими строками матрицы, т. е. без обращения ко всей матрице. (Вся необходимая информация о матрице заключена в этом случае в задании определенного разбиения на зоны.) Однако и этот алгоритм неприменим к «остатку» (поскольку использованное разбиение на зоны для «остатка» таким же является).

Обратим внимание на то, что в малой матрице нули встречаются только в трех столбцах: И. ед., В. ед. и Р. мн. Это обстоятельство дает возможность переформулировать второй из полученных алгоритмов, например, так: каждый нуль заменяется тем знаком, который стоит в той же строке в столбце Д. надежа того же числа. (Разумеется, вместо Д. надежа можно взять П. или Т. надежи.) В самом деле, 1) в малой матрице в столбцах Д. надежа нули не встречаются, 2) из форм, где возможны нули, И. ед. и В. ед. принадлежат к той же зоне, что и Д. ед., а Р. мн. — к той же зоне, что и Д. мн.

Новый алгоритм, в отличие от предшествующих, уже можно применить к «остатку», но результат будет все же неудовлетворительным, поскольку в «остатке» есть строки, где в Д. надежа стоит нуль, а такие строки этот алгоритм не превратит в безнулевые. Недостаток этот, однако, легко исправить: для этого нужно учитывать в Д. надеже не функциональное, а действительное ударение. В самом деле, в столбцах Д. надежа малой матрицы эти два вида ударения совпадают; но действительное ударение, в отличие от функционального, всегда (следовательно, и в строках «остатка») имеет определенное значение: + или —. Таким образом, можно предложить следующий алгоритм замены нулей, применимый к любой строке полной матрицы: каждый нуль заменяется тем знаком, который стоит в схеме действительного ударения того же слова в столбце Д. надежа⁷⁴ того же числа. Этот алгоритм, как мы видели, равносителен (для малой матрицы) всем предшествующим, следовательно, он преобразует малую матрицу в ее единственную минимальную результирующую. Остается лишь проверить, является ли минимальной результирующая матрица, в которую он преобразует полную матрицу. Построим по нашему алгоритму результирующие строки для всех строк сокращенной матрицы. Поскольку в сокращенной матрице представлены все полосы полной матрицы, а для каждой полосы — все схемы действительного ударения, мы получим таким способом все разные строки, встречающиеся в результирующей матрице для полной матрицы. Таких разных строк оказывается 11, следовательно, результирующая матрица минимальна. Таким образом, наша цель достигнута: построен алгоритм, удовлетворяющий обоим поставленным выше требованиям.

Приведем полный список полученных таким способом разных результирующих строк. Этот список одновременно является сокращенной результирующей матрицей для полной матрицы, а также полным списком схем условного ударения у существительных (обозначения для этих схем взяты те же, что в § 6.16). В качестве образцов взяты те же слова, что в исходной сокращенной матрице. Для шести первых строк вертикальными линиями разграничены зоны.

⁷⁴ Результирующая матрица не изменится, если вместо дательного взять предложный; если же взять творительный, она будет отличной (различие будет в полосах 9 и 38; они представляют всего 6 слов).

Сокращенная результатирующая матрица

Схема услови- ного ударе- ния	Формы										Образцы	
	ед. число					мн. число						
	И.	Р.	Д.	В.	Т.	П.	И.	Р.	Д.	Т.	П.	
a	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	юноша, тигр, карта, темп- рабль, солдат, вагенок, шоссе
b	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ступня, царь, чертёж, стол, салог, лев, сон, тля, тьма
c	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	мбре, мастер, место, сад, господин, глаз
d	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	пер, казак, винт, сук, зубок, дно
e	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	ухо, зверь, деревня, мышь, волос
f	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	ноздря, конь, губа, гвоздь
d'	-	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	зима
f'	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	рукा
b'	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	любовь, вонь
e'	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+	+	человек
e''	-	+	+	-	+	+	+	-	+	-	+	дитя

Легко убедиться, что полученный в конечном результате алгоритм замены нулей — это не что иное, как формальное выражение того правила расстановки условного ударения, которое было предложено в § 6. 18 на основании содержательных лингвистических соображений. Тем самым доказано утверждение, сделанное в начале параграфа 6. 19.

§ 6. 22. Отметим некоторые свойства условного ударения, которые не рассматривались в предшествующем анализе.

Между условным и действительным ударением одной и той же словоформы существуют определенные зависимости. Они специально рассматриваются в § 6. 38. Здесь мы отметим лишь следующие зависимости, действующие в словоформах с неслогоальным окончанием: 1) если условное ударение падает на окончание, то действительное ударение как правило падает на последнюю гласную основы, например: *кишибк*, *голбв*, *висбк*, *топбр* (отклонение очень немногих, например *массл*, *узел*); 2) если действительное ударение падает на беглую гласную основы, то условное ударение как правило падает на окончание, например *кишибк*, *статей*, *висбк*, *ковёр* (отклонений очень немногих, например *сестёр*, *займ*). Таким образом, в особенности тесная связь существует между условным ударением и ударностью или безударностью беглой

гласной основы: ср., например, *спісок*, *ранец*, *кішечк*, *вёсен* (условное ударение на основе) и *висо́к*, *конéч*, *кишбк*, *копён* (условное ударение на окончании). Противопоставления этого рода несомненно образуют важный дополнительный источник интуитивного представления о том, что словоформы с неслоговым окончанием делятся на два акцентуационных типа (т. е. именно того представления, на котором основано понятие условного удараения)⁷⁵.

Условное ударение оказывается также связанным с определенными фактами истории языка. С диахронической точки зрения словоформы (русского происхождения) с условным ударением на неслоговом окончании (типа *листóк*, *конь*, *ног*) — это в основном⁷⁶ те словоформы, которые на одном из предшествующих этапов развития языка (до падения редуцированных и до оттяжки удараения с конечных ё и ё) имели в качестве окончания ё или ё. Современным словоформам *листóк*, *конь*, *ног* (с условным ударением на окончании) соответствовали на этом этапе словоформы *листък|ё*, *кон'ё*, *ног|ё* (с действительным ударением на окончании); с другой стороны, например, современным словоформам *похóдь*, *рыб* (с условным ударением на основе) соответствовали словоформы *похóдъ*, *рыбъ* (с действительным ударением на основе). Такого рода соответствия не являются парадоксальными или случайными; наиболее простое описание (особенно в области морфологии), по-видимому, почти всегда будет в той или иной мере сходно с несколько «идеализированной» историей⁷⁷.

Общие принципы установления условного ударения, изложенные выше на примере существительных, были применены также к каждому из остальных грамматических разрядов имен (а также к исключенным выше из рассмотрения группам суще-

⁷⁵ В связи с этим возникает даже вопрос, не следует ли приписать иное условное ударение немногочисленным словоформам типа *мáсса*, *ўзел*, *сестёр*, *ваём*, где рассматриваемое соотношение нарушено. Однако такое отклонение от общих правил оказывается все же неоправданным: усложняется само понятие условного ударения и правило его приписывания, увеличивается общее число схем ударения и тем не менее устраиваются далеко не все случаи противоречия между условным и действительным ударением словоформы (ср. § 6.38).

⁷⁶ Т. е. в отвлечении от случаев, где современная схема ударения есть результат поздних изменений.

⁷⁷ Ср. L. Bloomfield. Menomini morphophonemics. — TCLP, 8, 1939; M. Halle. On the role of simplicity in linguistic descriptions. «Structure of language and its mathematical aspects», Providence, 1961; Он же. О правилах русского спряжения. «American contributions to the V-th International congress of slavists». The Hague, 1963; А. А. Зализняк. Синхронное описание и внутренняя реконструкция. «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов». М., 1964.

ствительных — к pluralia tantum и существительным с дефектной парадигмой). Здесь нет необходимости комментировать эту операцию подробно⁷⁸. Результаты, полученные для разных грамматических разрядов, были сведены воедино с помощью эталона. Заметим, что при этом всякая схема условного ударения простого адъективного или бесчисловых разрядов совпала с одной из схем условного ударения существительных⁷⁹. Итогом всех описанных операций являются правила параграфа 6. 15.

ОКОНЧАНИЯ И ОСНОВЫ

Формальные чередования

§ 6. 23. Пусть имеется парадигма P , в которой представлено n разных основ ($n > 1$). Возьмем от каждой из этих n основ изменяемую часть (см. § 5. 4). Как видно из алгоритма выделения изменяемых частей основы (§ 5. 4), все эти n изменяемых частей состоят из одинакового числа (пусть это будет число k) буквенных цепочек, разделенных тире (некоторые из них могут быть пустыми).

Возьмем в каждой из n изменяемых частей первую по порядку из таких цепочек; получим ряд из n цепочек. Если какие-нибудь из этих цепочек совпадают, произведем операцию «приведения», т. е. заменим каждую совокупность совпадающих цепочек одной из таких цепочек. Получим новый, «приведенный» ряд, состоящий из n или менее членов⁸⁰. Затем возьмем в каждой изменяемой части вторую по порядку цепочку и проделаем с полученным рядом ту же операцию. Будем действовать таким образом, пока не получим k приведенных рядов.

Рассмотрим некоторый член некоторого приведенного ряда, например первого (по порядку от 1 до k); пусть это будет цепочка a . Найдем все те словоформы парадигмы P , у которых первым из k членов изменяемой части основы является a . Будем говорить, что эти словоформы соответствуют данному члену данного приведенного ряда. Аналогично устанавливаются соответствия для членов любого другого по порядку приведенного ряда. Указание всех словоформ парадигмы, соответствующих каждому

⁷⁸ Отметим лишь, что несколько особый случай составляют неатрибутивные словоформы муж. ед. (бéден, смéшбн, сурбв и т. д.): у них никогда не бывает слогового окончания и поэтому в качестве «контрольной» в принципе можно взять любую словоформу парадигмы. Выбор «контрольной» словоформы проводился здесь таким образом, чтобы указанное выше соотношение между условным ударением и ударностью или безударностью беглой гласной нарушалось в минимальном числе неатрибутивных словоформ муж. ед.

⁷⁹ Правда, чтобы обеспечить такое совпадение, словоформам *два* и *три* пришлось в индивидуальном порядке присвоить условное ударение на основе.

⁸⁰ Число членов приведенного ряда не может быть, однако, менее двух, в силу условия, что $n > 1$, и свойств алгоритма, данного в § 5. 4.

члену некоторого приведенного ряда, будем называть правилом распределения членов этого ряда. (Очевидно, что правило распределения членов приведенного ряда всегда дает некоторое разбиение всех словоформ парадигмы.)

Каждый приведенный ряд вместе с правилом распределения его членов мы будем называть формальным чередованием, представляемым в парадигме P (или формальным чередованием парадигмы P). Члены этого приведенного ряда мы будем называть ступенями данного формального чередования, сам приведенный ряд — составом ступеней данного формального чередования, а правило распределения членов этого ряда — правилом распределения ступени данного формального чередования. Условимся записывать ступени формального чередования через косую черту, причем их порядок будем считать безразличным. (Так же, как при записи дробей, вместо косой черты может выступать горизонтальная черта; например, формальное чередование a/b можно записать также $\frac{a}{b}$.)

Очевидно, что если некоторая словоформа парадигмы P соответствует (в указанном выше смысле) ступени a некоторого формального чередования парадигмы P , то основа этой словоформы содержит a . При этом, даже если a входит в основу этой словоформы более одного раза, можно однозначно указать, какое из вхождений a должно быть отождествлено со ступенью данного формального чередования. В самом деле, как известует из § 5.4 (см. примечание к алгоритму), изменяемая часть любой основы однозначно выделяется внутри этой основы в виде одного или нескольких ее отрезков (в частном случае пустых). Со ступенью некоторого по порядку (от 1 до k) формального чередования парадигмы P во всякой словоформе этой парадигмы отождествляется тот же по порядку из k отрезков, образующих изменяемую часть ее основы. Про отрезок основы некоторой словоформы парадигмы P , отождествляющийся (в указанном здесь смысле) со ступенью некоторого формального чередования парадигмы P мы будем говорить, что он участвует в данном формальном чередовании. Отметим, что для любого отрезка основы любой словоформы парадигмы P можно однозначно указать, участвует он в некотором формальном чередовании этой парадигмы или нет.

Укажем в качестве примеров формальные чередования, представленные в парадигмах тех слов, которые рассмотрены в § 5.4: в парадигме *южанин* — *ин/Ø* (ступень *ин* в ед. ч., ступень *Ø* во мн. ч.); в парадигме *вебрб* — 1) *e/ё* (ступень *e* в ед. ч., ступень *ё* во мн. ч.), 2) *e/Ø* (ступень *e* в Р. мн., ступень *Ø* в остальных словоформах); в парадигме *дешёвый* — 1) *ё/e* (ступень *ё* в неатрибутивных словоформах, кроме жен. ед., ступень *e* в остальных словоформах), 2) *ё/e* (ступень *ё* в атрибутивных словоформах, ступень *e*

в неатрибутивных словоформах). В парадигме *топбр* формальных чередований нет (основы всех словоформ одинаковы).

Формальное чередование может мыслиться и безотносительно к конкретным парадигмам. В этом случае под ним понимается формальное чередование, представленное хотя бы в одной парадигме. Формальное чередование (вообще) представляет собой, таким образом, некоторый набор буквенных цепочек, каждая из которых соотнесена с некоторыми грамматическими значениями.

Чередования

§ 6. 24. Понятие формального чередования приносит большую пользу при описании основ. Однако в ряде случаев лингвистическая практика требует расчленения формального чередования на более простые составные части или некоторых иных его преобразований. В связи с этим возникает необходимость в более общем понятии, по отношению к которому понятие формального чередования было бы лишь частным случаем. Таким понятием является «чередование» (без эпитета).

Мы будем называть *ч е р е д о в а н и е м*, допустимым для парадигмы *P*: 1) всякое формальное чередование парадигмы *P*, 2) всякий результат одного или нескольких разрешенных преобразований (см. ниже) некоторого формального чередования парадигмы *P*. Всякое чередование, как и формальное чередование, состоит из ступеней и имеет свое правило распределения ступеней. Так же, как и в случае с формальным чередованием, для всякого отрезка основы некоторой словоформы парадигмы *P* можно указать, участвует он в некотором чередовании, допустимом для данной парадигмы, или нет. Иначе говоря, чередования описываются в тех же терминах, что и формальные чередования. При этом, если чередование является в то же время формальным чередованием, то все эти термины сохраняют свое первоначальное значение; в прочих случаях значение этих терминов в применении к чередованиям (без эпитета) устанавливается из описания разрешенных преобразований.

Разрешенными преобразованиями формальных чередований являются:

1. *Разложение на два последовательных чередования*. Эта операция состоит в следующем. Пусть имеется формальное чередование, состоящее из ступеней a, b, \dots, n . Разделим каким-либо образом каждую из этих ступеней на две последовательные цепочки: $a=a_1a_2$, $b=b_1b_2, \dots, n=n_1n_2$. Любая из цепочек $a_1, a_2, \dots, n_1, n_2$ может быть пустой; но допускается лишь то, чтобы все первые (или все вторые) цепочки были пустыми одновременно. Возьмем два ряда цепочек: a_1, b_1, \dots, n_1 и a_2, b_2, \dots, n_2 ; произведем над каждым из них операцию «приведения» (см. выше). Полученные «приведенные» ряды и образуют те два чередования⁸¹, на которые можно разложить взятое формальное чередование (обозначим их соответственно

⁸¹ В силу свойств алгоритма, данного в § 5. 4, ни один из полученных приведенных рядов не может оказаться состоящим только из одной цепочки.

как чередование 1 и чередование 2). Из описанной процедуры понятно также, каково, например, правило распределения ступеней чередования 1: если ряд a_1, b_1, \dots, n_1 не содержал одинаковых цепочек, это правило совпадает с правилом распределения ступеней исходного формального чередования; если этот ряд содержал такие цепочки, они были «склеены» при приведении и соответствующим образом изменилось правило распределения ступеней (цепочка, возникшей в результате «склеивания», соответствует теперь все словоформы, относившиеся прежде к какой-либо из «склеенных» цепочек). Мы будем говорить, что, например, отрезок a_1 некоторой основы участвует в чередовании 1, если и только если он является началом отрезка a той же основы, участвующего в исходном формальном чередовании. Все сказанное применимо также, с соответствующими изменениями, к чередованию 2 и к его ступеням. Заметим, что типичным частным случаем разрешенного преобразования 1 является разложение формального чередования, состоящего всего из двух ступеней (т. е. формального чередования a/b). В этом случае получаются чередования a_1/b_1 и a_2/b_2 , которые всегда имеют то же распределение ступеней, что и формальное чередование a/b .

П р и м е р . Парадигма *сук* (мн. сукъя) имеет формальное чередование κ/ν (ступень κ в ед. ч., ступень ν во мн. ч.). Его можно разложить, в частности, на такие два чередования: 1) κ/ν (κ в ед. ч., ν во мн. ч.); 2) \emptyset/ν (\emptyset в ед. ч., ν во мн. ч.).

2. Разложение на два чередования, из которых одновременно входит в другое. Эта операция состоит в следующем. Пусть имеется формальное чередование, состоящее из трех или более ступеней, в числе которых имеются ступени a и b . Пусть имеются также четыре буквенные цепочки (некоторые из них могут быть пустыми) m , n , a_1 , b_1 , такие, что $a = ma_1n$, $b = mb_1n$ ⁸². Тогда взятое формальное чередование можно разложить на следующие два чередования: 1) чередование a_1/b_1 (назовем его «внутренним») со следующим распределением ступеней: ступень a_1 соответствует тем же словоформам, что ступень a исходного формального чередования, а ступень b_1 — тем же словоформам, что ступень b исходного формального чередования; 2) чередование, отличающееся от исходного формального чередования только тем, что вместо ступеней a и b оно содержит единую ступень $m \frac{a_1}{b_1} n$, соответствующую всем словоформам, которым соответствовали ступени a и b исходного чередования. При обращении с этой записью дробь $\frac{a_1}{b_1}$ трактуется как особый единый символ. Поэтому для упрощения записи можно действительно заменить эту дробь любым условным символом, отличным от остальных (указав, разумеется, его значение). Например,

имею $m \frac{a_1}{b_1} n$ и можно написать: «*тап*, где a — внутреннее чередование a_1/b_1 ». Мы будем говорить, что отрезок a_1 некоторой основы участвует во внутреннем чередовании a_1/b_1 , если и только если ему непосредственно предшествует отрезок m , за ним непосредственно следует отрезок n , а весь отрезок ma_1n ($= a$) участвует в исходном формальном чередовании. Аналогично определяется участие в чередовании a_1/b_1 для отрезка b_1 . Во втором из полученных здесь чередований участвуют все те и только те отрезки основ, которые участвуют в исходном формальном чередовании⁸³.

⁸² Заметим, что такую четверку цепочек всегда можно найти, например: $a_1 = a$, $b_1 = b$, $m = n = \emptyset$.

⁸³ Таким образом, второе из полученных чередований имеет следующие особенности: 1) одна из его ступеней содержит символ, не встречающийся ни в каких словоформах; 2) отрезок основы, участвующий в этом чередовании, может не совпадать ни с одной ступенью этого чередования (а именно, этим свойством обладают отрезки $ma_1n = a$ и $mb_1n = b$). Обе эти особенности невозможны у формальных чередований.

Пример. Парадигма *солнечнок* имеет формальное чередование *онок/онк/ат* (стуенъ *онок* в И. ед., *онк* в прочих словоформах ед. ч., *ат* во мн. ч.). Его можно разложить, в частности, на такие два чередования: 1) внутреннее чередование *о/ø* (*о* в И. ед., *ø* в прочих словоформах ед. ч.), 2) *он* $\frac{o}{\emptyset}$ *и'ат* (*он* $\frac{o}{\emptyset}$ *и* в ед. ч., *ат* во мн. ч.).

3. Переформулирование правила распределения ступеней. Пусть имеется некоторое формальное чередование парадигмы *P*. Правило распределения ступеней состоит здесь, как и у всякого формального чередования, в указании грамматических значений словоформ, соответствующих каждой ступени. Может оказаться, однако, что распределение ступеней этого формального чередования в парадигме *P* подчиняется в то же время некоторому правилу иного вида, а именно: 1) «первая ступень выступает в тех словоформах, где отрезок, участвующий в данном чередовании, несет действительное ударение, вторая ступень – в словоформах, где это не так» (правило такого вида может быть применено, только если формальное чередование состоит из двух ступеней, каждая из которых содержит гласную) или 2) для каждой ступени указывается следующее: «данная ступень выступает в тех словоформах, где за отрезком, участвующим в данном чередовании, непосредственно следует одна из таких-то буквенных цепочек». В этом случае первоначальное правило распределения может быть заменено правилом указанного вида. В полученном таким образом чередовании участвуют все те и только те отрезки основ, которые участвуют в исходном формальном чередовании.

Пример. Парадигма *седрó* имеет два формальных чередования: 1) *с/é* (*с* в ед. ч., *é* во мн. ч.), 2) *e/ø* (*e* в Р. мн., *ø* в остальных словоформах). Для каждого из них можно предложить иное правило распределения ступеней, а именно, для чередования 1: *é* под действительным ударением, *e* без действительного ударения; для чередования 2: *e* непосредственно перед *кочечным r*, *ø* непосредственно перед *r+гласная*.

Изображение. В качестве исключения для парадигм *человéк* (мн. *люди*), *ребёнок* (мн. *дёти*) и *дитя* (мн. *дёти*) разрешеными считаются также некоторые особые преобразования, указанные в § 6.32 (правила выделения чередований, пункт 1).

Формальное чередование может быть подвергнуто либо одному разрешенному преобразованию, либо нескольким таким преобразованиям последовательно. Под последовательным применением к формальному чередованию нескольких преобразований понимается следующее: после того как к формальному чередованию применено некоторое разрешенное преобразование и в результате этого образовалось одно или два обычных чередования, к любому из этих обычных чередований может быть в свою очередь применено любое разрешенное преобразование (в том числе только что произведенное); полученный результат можно снова преобразовать и т. д. Таким образом, в серии преобразований все они, начиная со второго, фактически должны применяться уже не к формальному, а к обычному чередованию. В связи с этим необходимо специально оговорить следующее: хотя выше при описании преобразований предполагается, что их объектом является формальное чередование, в действительности каждое такое преобразование применимо также и к обычному чередованию⁸⁴.

⁸⁴ Некоторую особенность имеет лишь тот случай, когда разрешенное преобразование 3 применяется к внутреннему чередованию, выделенному в результате преобразования 2. В этом случае преобразование 3 считается возможным, если новое правило распределения ступеней верно для всех тех словоформ парадигмы, в основе которых какой-либо отрезок участвует во внутреннем чередовании. Так, например, для внутреннего чередования *o/ø*, выделенного в парадигме *солнечнок* (см. выше) можно предложить правило

Чередование может мыслиться и безотносительно к конкретным парадигмам. В этом случае под ним понимается чередование, допустимое хотя бы для одной парадигмы. Ч е р е д о в а н и е (вообще) представляет собой, таким образом, некоторый набор цепочек букв и вспомогательных знаков, снабженный правилом распределения этих цепочек по словоформам (причем это правило не обязательно включает указание грамматических значений).

Различаются следующие два типа чередований:

1. П о з и ц и о н н ы е чередования, т. е. такие, у которых правило распределения ступеней имеет следующий вид: 1) «первая ступень выступает в тех словоформах, где отрезок, участвующий в данном чередовании, несет действительное ударение, вторая — в словоформах, где это не так» (такие чередования образуют подтип акцентно-позиционных) или 2) для каждой ступени указывается следующее: «данная ступень выступает в тех словоформах, где за отрезком, участвующим в данном чередовании, непосредственно следует одна из таких-то буквенных цепочек»⁸⁵ (такие чередования образуют подтип собственно позиционных).

2. Н е п о з и ц и о н н ы е чередования, т. е. такие, у которых правило распределения ступеней имеет иной вид (а именно, состоит в указании грамматических значений словоформ, содержащих каждую ступень).

Примерами позиционных чередований могут служить те, которые получены выше из формальных чередований слова *ведро* путем переформулирования правил распределения ступеней; первое из них является акцентно-позиционным, второе — собственно позиционным. Примером непозиционного чередования может служить любое формальное чередование.

Совокупность всех чередований с одинаковым правилом распределения ступеней мы будем называть классом равнораспределенных чередований (или сокращенно — классом чередований)⁸⁶. Понятно, что все члены класса равнораспределенных чередований состоят из одинакового числа ступеней. Пример класса чередований составляют чередования акцентно-позиционного подтипа: все они имеют единое правило распределения ступеней, указанное в определении этого подтипа. Среди собственно позиционных чередований важнейшим

распределения ступеней: о непосредственно перед конечным *к*, 0 непосредственно перед *к*-гласная; это правило верно для всех словоформ, в основе которых имеется отрезок, участвующий в чередовании о/0, а именно для всех словоформ ед. числа.

⁸⁵ Разумеется, в принципе возможны и другие варианты зависимости от буквенного окружения, но практически нам встречается только этот.

⁸⁶ В другой работе автора (А. Зализняк. Беглые гласные в современном русском словоизменении. «Русский язык в нац. школе», 1963, № 5) такая совокупность была названа г р у п п о й чередований.

является класс двучленных чередований, имеющих следующее правило распределения ступеней: одна ступень (так называемая *п о л н а я*) выступает в словоформах, где за отрезком, участвующим в данном чередовании, непосредственно следует конечная согласная, сочетание двух согласных или сочетание «согласная + й»; другая ступень (так называемая *и у л е в а я*) выступает в словоформах, где за отрезком, участвующим в чередовании, непосредственно следует гласная или сочетание «согласная + гласная». Полная ступень обычно представлена гласной *o, e, ё* или *u*, в редких случаях — гласной *a* или *ä* или акцентно-позиционным чередованием *o/e*; нулевая ступень представлена нулем, буквой *ь* или буквой *й*. В дальнейшем, в соответствии с традицией, мы будем называть чередования этого класса *ч е р е д о в а н и я м и б е г л о й г л а с н о й с и у л е м*.

Среди чередований, допустимых для некоторой парадигмы *P*, по определенным правилам выбирается одно или несколько, про которые говорится, что они *п р е д с т а в л е ны* в парадигме *P* (или что они являются чередованиями парадигмы *P*). Имеются два варианта этих правил: 1) основной — для случая, когда словоформы рассматриваются в действительном виде (см. § 6.14); этот вариант приводится ниже; 2) дополнительный — для случая, когда словоформы рассматриваются в условном виде (см. § 6.14); этот вариант дан в § 6.32. Основной вариант этих правил состоит в следующем.

Во всякой парадигме представлены те и только те чередования, которые образуются в результате поочередной обработки всех формальных чередований этой парадигмы (см. § 6.23) по следующим правилам⁸⁷:

С л у ч а й А: формальное чередование состоит из двух ступеней.

1. Если обе ступени данного формального чередования — гласные, а правило их распределения можно переформулировать таким образом, что чередование станет акцентно-позиционным, применить разрешенное преобразование 3, а именно, произвести указанную переформулировку.

2. Если одна из ступеней данного формального чередования есть гласная, другая — нуль, *ь* или *ü*, а правило их распределения может быть переформулировано таким образом, что чередование станет чередованием *б е г л о й г л а с н о й с и у л е м*, — применить разрешенное преобразование 3, а именно, произвести указанную переформулировку.

3. В иных случаях оставить формальное чередование без изменений.

С л у ч а й Б: формальное чередование состоит из трех или более ступеней.

1. Если формальное чередование имеет указанный ниже состав ступеней — применить к нему разрешенное преобразование 2 (основное из получаемых при этом чередований выписано; второе, внутреннее, чередование входит в первое в виде дроби): формальное чередование *ёнок/ёнк/ят* превратить в чередование *ён $\frac{o}{0}$ к/ят*; *онок/онк/ат* — в *он $\frac{o}{0}$ к/ат*; *ок/к/ят* —

⁸⁷ Очевидно, что если в парадигме не представлено формальных чередований, то в ней не представлено и обычных чередований.

$\frac{o}{\emptyset} \rightarrow / ят;$ $ок/к/\emptyset \rightarrow в \frac{o}{\emptyset} \rightarrow 0;$ $бёнок/бёнк т \rightarrow в бён \frac{o}{\emptyset} \rightarrow т;$ $0, в, е \rightarrow в 0 \frac{b}{e};$
 $г/зъ/зе \rightarrow в г/з \frac{b}{e};$ $0, овь/ове \rightarrow \emptyset/ов \frac{b}{e};$ $0, ен, ён \rightarrow в 0 \frac{e}{e} н.$ Далее, ко всем внутренним чередованиям применить разрешенное преобразование 3, а именно, превратить чередование e/e' в акцентно-позиционное, а чередования o/o' и v/v' — в чередование беглой гласной с нулем.

2. В парадигмах *рожёк* (мн. *рёжки*) и *саножёк* (мн. *санёжки*) применить к формальному чередованию $0/o, e$ разрешенное преобразование 2, а именно, превратить его в чередование $0, \frac{o}{e}$. Далее, применить разрешенное преобразование 3, а именно, превратить выписанное чередование в чередование беглой гласной с нулем, а внутреннее чередование — в акцентно-позиционное.

3. В прочих случаях оставить формальное чередование без изменений.

Формулы перехода

§ 6.25. В ходе описания во многих случаях возникает необходимость преобразовывать одни цепочки букв (например, словоформы, основы, окончания) в другие. Все такие преобразования осуществляются в дальнейшем единным техническим приемом — с помощью так называемых формул перехода.

Формула перехода мы будем называть правило следующего общего вида: при условии W цепочка графических знаков x заменяется другой цепочкой графических знаков y ⁸⁸; запись: $x \rightarrow y$ при условии W .

В настоящей работе встречаются следующие типы формул перехода, различающиеся между собой характером условия W .

I. Условие W отсутствует или состоит только в том, что x непосредственно соседствует с определенными буквенными цепочками. Различаются три случая:

1. Формула перехода не ограничена никаким условием. Применение такой формулы перехода к некоторой цепочке (например, словоформе) F состоит в следующем: если x не входит ⁸⁹ в F , F остается без изменений; если x входит в F один раз, это вхождение x заменяется на y ; если x входит в F более одного раза, вначале заменяется первое (самое левое) вхождение x , затем, если в преобразованной цепочке все еще имеются вхождения x , заменяется снова первое из них и так далее до тех пор, пока не будет получена цепочка, не содержащая x . Например, применения формулу перехода *о.ю* → *я.ю* к цепочкам *голод* и *ко.голо*, получаем *глад* и *клило* (не *ко.глад*!). Некоторую особенность представляет применение формулы перехода вида $x \rightarrow 0$. Поскольку пустая цепочка в соседстве с другими цепочками в нормальном случае никак не обозначается, применение такой формулы перехода (за исключением случая, когда обрабатываемая цепочка *ранна x*) означает не замену цепочки x символом 0, а уничтожение этой цепочки (без оставления пробела).

Необходимо учитывать, что, как указано в § 0.5, знаки ударения не относятся к буквенному составу словоформы. Следовательно, при данном типе

⁸⁸ Цепочка y может быть также пустой.

⁸⁹ При применении формул перехода условимся считать, что пробелы, ограничивающие словоформу, входят в нее; иначе говоря, будем рассматривать всякую словоформу как цепочку, начинавшуюся и кончавшуюся знаком пробела (#). Это дает нам возможность использовать формулы перехода типа $a \# \rightarrow m \#$ п. т. п.

перехода наличие или отсутствие над буквой такого знака не влияет на переход. Так, например, приведенная выше формула перехода распространяется не только на словоформы в пеакцентуированной записи (взятой выше для упрощения) или на словоформы с безударным *o*, типа *ко^локол^м*, но и на такие словоформы со знаками ударения, как *хл^{од}, кал^то, г^лавы* и т. д. Если в словоформе *F* замене подвергается буква со знаком ударения, то в преобразованной словоформе этот знак должна получать гласная буква, входящая в заменяющую цепочку (см. также § 6.26 о знаке *); во всех рассматриваемых ниже случаях перехода эта операция возможна и однозначна. Так, в последней группе примеров получаем: *хл^{ад}, кал^то, г^лавы*.

2. Условие *W* состоит в том, что непосредственно перед *x* стоит некоторая цепочка *m*, или в том, что непосредственно после *x* стоит некоторая цепочка *n*, или в том и другом сразу. Этот случай очевидным образом сводится к предыдущему, а именно, имеет место не ограниченный какими-либо условиями переход *tx → ty* или *xn → yn* или *txn → tyn*. В этом случае может быть использована следующая запись: $(m \vdash) x \rightarrow y; x (+ n) \rightarrow y; (m \vdash) x (+ n) \rightarrow y$.

3. Условие *W* состоит в том, что непосредственно перед *x* стоит цепочка из некоторого списка *M*, или в том, что непосредственно после *x* стоит цепочка из некоторого списка *N* или в том и другом сразу. В этом случае формула перехода применяется к произвольной цепочке *F* так же, как и случаю 1, но только в качестве объекта замены выступает не вхождение цепочки *x*, а вхождение любой цепочки вида *Mx* (т. е. некоторая цепочка из *M* · цепочка *x*), или вида *xN* или вида *MxN*. В этом случае используется следующая запись: $(M \vdash) x \rightarrow y; x (+ N) \rightarrow y; (M \vdash) x (+ N) \rightarrow y$; при этом состав списков *M* и *N* должен быть тут же указан (или оговорен предварительно). Допускаются также некоторые другие варианты записи. Так, если список *M* состоит, например, из *m₁*, *m₂* и *m₃*, можно вместо $(M \vdash) x$ писать: $(m_1, m_2 \text{ или } m_3) x$. Возможны также записи вида $(\text{не } P \vdash) x$ или $(\text{не } P \dashv) x$, где условие перехода отрицано отрицательно.

В дальнейшем в формулах перехода этого типа мы будем без дополнительных пояснений применять следующие обозначения:

C — любая согласная (см. § 0.5).

G — любая гласная (см. § 0.5).

Ш — *ш*, *ж* или *щ* (т. е. любая шипящая).

K — *к*, *г* или *х*.

Если в левой части формулы перехода фигурирует более одного представителя какой-либо из этих групп, соответствующий символ получает цифровой индекс. Так, например, символы *C₁* и *C₂* обозначают любые согласные (в частном случае одинаковые).

II. Условие *W* состоит из требований типа I (см. выше) и, кроме того, требования о том, чтобы определенная буква цепочки *x* искала (или не искала) действительное ударение. Здесь возможны такие же три варианта, как и в типе I. Применение формул перехода данного типа отличается от типа I тем, что замене подвергаются только те вхождения *x*, где требование относительно положения действительного ударения выполнено. Запись отличается от типа I тем, что при той букве цепочки *x*, на которую наложено дополнительное условие, ставится подстрочная помета «уд.» или «безуд.» (соответственно условию); примеры: $\hat{e}_{\text{безуд.}} \rightarrow e; (\text{Ш} \vdash) \hat{e}_{\text{уд.}} \rightarrow o$.

Формулы перехода типов I и II мы будем называть *п о з и ц и о н н ы м и*.

III. Условие *W* содержит, помимо требований типа I и II, некоторые иные требования. Такие формулы перехода мы будем называть *и е п о з и ц и о н и м и*. Всякую непозиционную формулу перехода можно представить как позиционную, которая применяется к словоформам со следующим ограничением: каждая замена *x* на *y* производится только в том случае, если заменяемое вхождение *x* или вся словоформа в целом удовлетворяют некоторому дополнительному требованию, а именно, «непозиционной» части условия *W*. «Позиционная» часть условия *W* записывается как обычно; «непозиционная» часть записывается словами. Если условие сложно, вся формула перехода может быть записана словами.

Несколько формул перехода, расположенных в определенном порядке, образуют цепь формул перехода. Цепь формул перехода применяется к словоформе так: вначале применяется первая формула цепи, после чего она ни в каких дальнейших операциях не используется; затем применяется вторая формула и так далее до конца цепи. Длинные цепи формул перехода могут быть разбиты на этапы, внутри которых ведется своя нумерация формул. Такое разделение служит только для наглядности; применяется такая цепь формул перехода точно так же, как если бы все входящие в нее формулы были занумерованы в том же порядке единой нумерацией.

Условный вид словоформ

§ 6.26. Как указано в § 6.14, для каждой первичной словоформы каждой именной парадигмы строится так называемый **условный вид**, т. е. некоторая цепочка русских букв и дополнительных символов. Правила построения такой цепочки приводятся ниже.

При построении условного вида некоторой словоформы *F* используются (в общем случае) следующие исходные данные: 1) действительный вид словоформы *F* с разделением на основу и окончание (с помощью знака |, см. § 4, 4); 2) действительный вид исходной словоформы парадигмы, содержащей *F*, с разделением на основу и окончание; 3) эталонное грамматическое значение словоформы *F*; 4) про любую букву основы словоформы *F* предполагается известным, участвует ли она в акцентно-позиционном чередовании и в каком именно (практически участвовать в таком чередовании может только гласная); 5) про любой отрезок основы *F* (в том числе пустой) предполагается известным, участвует ли он в собственно позиционном чередовании и в каком именно (практически участвовать в таком чередовании может только однобуквенный отрезок, а именно, предпоследняя или последняя буква основы⁹⁰, или пустой отрезок, стоящий перед последней буквой основы).

Правила получения условного вида словоформ представляют собой некоторую цепь формул перехода (см. § 6.25), которая должна быть применена к действительному виду этой словоформы. Знак разделения |, а также символы *j*, *, *o₂*, *ö*, *ë*, которые могут появиться в словоформе в ходе преобразований, рассматриваются как особые буквы алфавита, со всеми вытекающими отсюда последствиями для применения формул перехода⁹¹. При этом *j* считается согласной, *o₂*, *ö*, *ë* — гласными; символы * и * не относятся ни к согласным, ни к гласным (однако * может нести знак ударения). Если звездочкой (*) заменяется гласная со знаком ударения, этот знак переходит на звездочку. Относяния относительно знаков # и І и их применения, а также относительно знаков С, С₁, С₂, Г, К, III см. в § 6.25. В описании ряда формул перехода фигурируют грамматические значения (число + наядеж); во всех этих случаях имеются в виду эталонные грамматические значения словоформ.

⁹⁰ Исключение составляют только слова *всемицестят* и *всемысомт*, где в чередовании беглой гласной с нулем участвуют отрезки *ь* и *ء*, отстоящие дальше от конца основы.

⁹¹ Следует обратить внимание на то, что особыми буквами объявляются, в частности, символы *ö* и *ë*, содержащие знак второстепенного ударения (ср. § 0.5). Таким образом, добавление знака второстепенного ударения, в отличие от знака главного ударения, создает новую букву.

Правила получения условного вида произвольной словоформы

I. Замена членов акцентно-позиционных чередований и сходные операции:

1. $\hat{u}_{\text{резул.}} \rightarrow \hat{u}$

2. Всякое e , участвующее в акцентно-позиционном чередовании e/\hat{e} , заменить на \hat{e} .

3. В словоформах слов *заря*, *семя*, *стремя*, *сей*:

<i>зар </i> → <i>зор </i>	<i>стремен </i> → <i>стремян </i>
<i>семен </i> → <i>семян </i>	<i>си </i> → <i>се </i>

4. В словоформах слова *хозяин*:

<i>хозяев </i> → <i>хозяёв </i>

II. Замена членов собственно позиционных чередований и сходные операции:

1. Всякий однобуквенный или пустой отрезок основы взятой словоформы, участвующий в чередовании беглой гласной с иулем, заменить:

а) если чередование, в котором участвует данный отрезок, есть o/\emptyset — на $*;$

б) если нулевая ступень чередования, в котором участвует данный отрезок, есть \hat{u} — на $\hat{*};$

в) в словоформах слов *почергá* и *сúмерки* — на $*$;

г) в прочих случаях — на $'*.$

2. $\emptyset \rightarrow '*'$

3. В любой словоформе (кроме словоформ слова *дядя*), при условии, что действительный вид исходной словоформы данной парадигмы не оканчивается на $|b$:

$'*| \rightarrow *\|$

4. В любой словоформе (кроме словоформ слов *сближе*, *войско*, *войскá*), при условии, что действительный вид исходной словоформы данной парадигмы оканчивается на *ля*, *ли*, *ни*, *ни*, *ио*, *ио*, *иे* или на *и* или *и* (но не *си*, *ци*) + окончание *ый*, *ий*, *ий*, *ая*, *ея*, *е*, *е* или *е*:

а) $\emptyset C| \rightarrow '*C|$

б) $\hat{u} C| \rightarrow \hat{u}*C|$

в) $K C| \rightarrow K*C|$

г) $C_1 C_2| \rightarrow C_1'*C_2|$

5. ($\#$ или $\# +$) $'* \rightarrow *$

III. Замена я, ю, ё, ё:

1. $я \rightarrow 'a$

2. $ю \rightarrow 'y$

3. $\hat{e} \rightarrow 'o$

4. $\hat{e} \rightarrow 'ö$

IV. Замена и:

1. ($K|+$) $i \rightarrow \hat{y}$

2. В словоформе II. ед. п.п. Д. ед. с окончанием *и*:

$u|u_{\text{резул.}} \rightarrow u|e$

3. $[u \rightarrow]\hat{y}$

4. (G и.п. $b +$) $i \rightarrow 'u$

5. В словоформах слов *трíста*, *пятьдесáт*, *пятьдесéт*, *шестьдесáт*, *шестьдесéт*, *сéмьдесáт*, *сéмьдесéт*, *вóсемьдесáт*, *вóсемьдесéт*, *девятьдесáт* непосредственно после начальных цепочек *тр*, *н'ат*, *шест*, *сéм*, *вóсъм*, *дев'ат* (соответственно):

$i \rightarrow '\hat{y}$

V. Замена *e*:

1. В словоформе И. ед., Д. ед. или И. мн. с окончанием *e* (кроме словоформ *себё* и *четыре*) или Р. мн. с окончанием *ей* (имеются в виду окончания на данном этапе обработки), при условии, что действительное окончание исходной словоформы данной парадигмы есть *ь*, *й*, *я*, *е* или *ё*, а также в словоформах следующего действительного вида — *детей*, *людей*, *колёней*, *соседей*, *чертей*, *всем*, *асей*, *асё*, *всех*, *всёми*:

$e \rightarrow 'e'$

2. Во всякой словоформе, кроме словоформ И. ед., Д. ед. и И. мн. с окончанием *e* и Р. мн. с окончанием *ей* (имеются в виду окончания на данном этапе обработки), а также в словоформе *четыре*:

$e_{безуд.} \rightarrow 'o'$

3. ($\#$, I' или $v+$) $e \rightarrow 'e'$

4. В словоформах слов *мать*, *чёрт*, *сей*, *всемъ*, *всемъдесят*, *восемьсѣтъ* непосредственно после начальных цепочек *мат*, *ч*, *с*, *вс* (соответственно):

$e \rightarrow 'e'$

5. В словоформе *четыреста* непосредственно после начальной цепочки *четырь*:

$e \rightarrow 'o'$

VI. Замена безударного *o* после щипящих и *ч*:

1. (III или $Ч+$) $o_{безуд.} \rightarrow o_2$

VII. Замена *й* и *ъ*:

1. $\ddot{u}| \rightarrow \ddot{u}j|$

2. $\ddot{u} (+\text{не } Г \text{ и не } j) \rightarrow j$

3. ($\text{не } С \text{ и не } C|+$) $\rightarrow j$

4. $\dot{u} (+\text{не } o) \rightarrow '$

5. $|j \rightarrow j|$

6. ($III|$ или $Ч|+$) $' \rightarrow \emptyset$

7. $|' \rightarrow '|$

VIII. Замена окончаний *ого*:

1. $|ого \rightarrow |ово$

Приведем примеры условного вида словоформ (слева от стрелки указан действительный вид словоформы, справа — условный). Примеры разбиты на группы, соответствующие восьми разделам (этапам) приведенной цепи формул перехода. В каждую группу входят словоформы, преобразование которых начинается под воздействием формул соответствующего раздела (завершаться оно может уже под воздействием формул последующих разделов).

I. *трёхсѣтъ* \rightarrow *трёхсѣтъ|*; *село* \rightarrow *с'ол|б*; *звездъ* \rightarrow *зв'оздъ|á*; *пчелъ* \rightarrow *пч'ол|á*; *бешевъ* \rightarrow *б'еш'овъ|á*; *именъ* \rightarrow *им'онъ|á*; *сем'янъ* \rightarrow *сем'анъ|á*; *заръ* \rightarrow *зоръ|á*; *хозяевъ* \rightarrow *хоз'яјовъ|á*.

II. *сбнъ* \rightarrow *с'и|и*; *сн'и* \rightarrow *с'и*и|и*; *стрелобъ* \rightarrow *стрелжъ|*; *стрелкъ|* \rightarrow *стрелжъ|б*; *ноготъ|б* \rightarrow *ногжъ|тъ|*; *ногтъ|и* \rightarrow *ногжъ|тъ|и*; *чайкъ|а* \rightarrow *чайжъ|ка*; *чайкъ|* \rightarrow *чайжъ|ка|*; *яйцъ|б* \rightarrow *яйжъ|къ|б*; *яйцъ|и* \rightarrow *яйжъ|къ|и*; *орёлъ* \rightarrow *ор'жъ|*; *орлъ|и* \rightarrow *ор'жъ|и*; *числобъ* \rightarrow *чис'жъ|б*; *чиселъ* \rightarrow *чис'жъ|л*; *ручей* \rightarrow *ручжъ|*; *ручъ|и* \rightarrow *ручжъ|и*; *лайсъ|я* \rightarrow *лайсъ|я|*; *уичель|е* (И. ед.) \rightarrow *уич'э*и|о|*; *платье* (И. ед.) \rightarrow *платжъ|о|*; *сту́лья* \rightarrow *сту́лья|j|a*; *мужъ|á* \rightarrow *мужжъ|j|á*; *князъ|á* \rightarrow *княжъ|а|зъ|j|á*; *дядъ|á* \rightarrow *д'яджъ|а|зъ|j|á*; *грозъ|я* \rightarrow *грозжъ|*j|a*; *сакля* \rightarrow *сакжъ|а|*; *асла* \rightarrow *яс'жъ|и|ы*; *западнъ|á* \rightarrow *западжъ|*и|á*; *оинъ|б* \rightarrow *оинжъ|б|*; *роднъ|бъ* \rightarrow *роджъ|*и|бъ|*; *дани|ый* \rightarrow *данжъ|и|ы|*.

III. *дядъ|я* \rightarrow *д'яджъ|а|*; *тётя* \rightarrow *т'ёт'я|a*; *юни|ый* \rightarrow *юнчъ|и|ы|*.

IV. *оврагъ|и* \rightarrow *оврагжъ|и|ы|*; *сухъ|и|е* \rightarrow *сухжъ|и|е|ы|*; *звéръ|и* \rightarrow *звéржъ|и|ы|*; *пýлъ|и* \rightarrow *пýлжъ|и|ы|*; *музéи|и* \rightarrow *музéжъ|и|ы|*; *нбнъ|и* \rightarrow *нбнжъ|и|ы|*; *лайнъ|и* (Р. ед., И. мн.) \rightarrow *лайнжъ|и|ы|*; *лайнъ|и* (Д. ед., П. ед.) \rightarrow *лайнжъ|е|*; *здани|и* \rightarrow *зданижъ|е|*; *вбин* \rightarrow *вбижъ|и|ы|*; *трíбст|а* \rightarrow *тр'ибст|а|*.

V. *звéръ|е* \rightarrow *звéр'я|е|*; *пýлъ|е* \rightarrow *пýл'я|е|*; *звéръ|éй* \rightarrow *звéр'я|éй|*; *демъ|éй* \rightarrow *дем'я|éй|*; *звéръ|ем* \rightarrow *звéр'я|ом|*; *музéи|ев* \rightarrow *музéжъ|и|ы|ов|*; *птицъ|е|й* \rightarrow *птиц'я|е|й|*; *сий|е|й* \rightarrow *сий'я|е|й|*.

- VI. *шоколáд* → *шоколáдъ*; *жокéй* → *жокéйъ*; *цокотýх|а* → *цокотýхъ|а*.
 VII. *секвóн* → *секвóнъ*; *музéй* → *музéйъ*; *п.лац|éй* → *п.лац|éйъ*; *звéрь* → *звéръ*,
пý.и|ь → *пý.и|ьъ*; *ибч|ь* → *ибчъ*.
 VIII. *блéл|ово* → *блéл|ово*.

Различительный признак «тип склонения»

§ 6.27. Назовем собственным набором условных окончаний некоторой парадигмы запись, показывающую, каково условное окончание каждой первичной словоформы этой парадигмы. (Каждая словоформа обозначена в этой записи соответствующей грамматической формой.) Например, парадигма слова *тётя* имеет следующий набор условных окончаний: ед. ч. — И. -а, Р. -ы, Д. -е, В. -у, Т. -ој и -оју, П. -е; мн. ч. — И. -ы, Р. -еј, Д. -ам, Т. -ами, П. -ах⁹².

Назовем эта лонным набором условных окончаний запись, ставящую в соответствие каждой клетке эталона некоторое условное окончание (т. е. некоторую цепочку букв, которая является условным окончанием хотя бы одной словоформы). Мы будем говорить, что собственный набор условных окончаний некоторой парадигмы совместим с некоторым эталонным набором условных окончаний, если в части эталона, покрываемой данной парадигмой, эти наборы совпадают.

Ниже приведено несколько эталонных наборов условных окончаний. Эти наборы мы будем называть стандартными. Стандартные эталонные наборы условных окончаний разделены на следующие 8 классов:

1) I субстантивный,	5) I местоименный,
2) II субстантивный,	6) II местоименный,
3) адъективный,	7) притяжательный,
4) адъективно-возвратный,	8) нулевой.

Выражение «стандартный эталонный набор условных окончаний» ниже может быть сокращено до выражения «стандартный набор» (в недвусмысленных контекстах даже просто «набор»). Вместо выражения «условное окончание из стандартного эталонного набора такого-то класса» может быть сказано также просто «условное окончание такого-то класса».

В приводимых ниже стандартных наборах (кроме наборов адъективного класса) условные окончания фактически указаны не для всех клеток рабочего эталона. С формальной точки зрения, не указанные в нашей записи клетки можно заполнить любыми условными окончаниями. Практически же это означает, что ни одна из парадигм, у которых собственный набор условных окончаний совместим с данным стандартным набором, не покрывает клеток эталона, не указанных в нашей записи. В некоторых клет-

⁹² Заметим, что словоформе Т. ед. *тёти* соответствует условное окончание -ој, а словоформе Р. мн. *тёти*, имеющей такой же действительный вид, соответствует другое условное окончание: -еј.

ках стоит символ (=); он означает, что в парадигмах, у которых собственный набор условных окончаний совместим с данным стандартным набором, этим клеткам всегда соответствует вторичная словоформа ⁹³. Записи -oj (-ojy), -ej (-ejy) означают, что само условное окончание имеет два варианта (это так называемое типовое колебание, см. § 4.3). Стандартные наборы одного класса различаются между собой лишь в незначительном меньшинстве клеток, поэтому они записываются обобщенно: в клетках, где есть различия, даны альтернативные условные окончания (с соответствующими пометами), в прочих клетках дано одно условное окончание. Несколько клеток, содержащих одинаковое условное окончание, при записи могут быть объединены ⁹⁴.

Следует специально подчеркнуть, что всякое грамматическое значение, указываемое в приведенных ниже таблицах, есть название некоторой клетки (или клеток) эталона (см. § 6.5). Иначе говоря, оно отражает не грамматическое значение словоформ, имеющих соответствующее условное окончание, а их эталонное грамматическое значение (которое может и не совпадать с грамматическим значением; см. об этом § 6.11).

Для классов, содержащих более одного стандартного набора, указывается правило распределения этих наборов (в зависимости от грамматического разряда парадигмы, от последней буквы условной основы соответствующей словоформы или от ее условного ударения). Эти правила будут использованы в последующем изложении (§ 6.30); для настоящего параграфа с формальной точки зрения они не являются необходимыми.

Стандартные эталонные наборы условных окончаний

Стандартные наборы I субстантивного класса

Таких наборов три: 1) набор А, 2) набор Б с условно безударным окончанием Р. мн., 3) набор Б с условно ударным окончанием Р. мн.⁹⁵. Они различаются только в Р. мн. Наборы группы Б выступают в том случае, если условная основа словоформы Р. мн. оканчивается на ' или на шипящую, набор А — в прочих случаях. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона и клетки парного рода.

⁹³ Эта вторичная словоформа всегда бывает омоинична какой-либо из первичных словоформ той же парадигмы; отсюда выбор символа (=).

⁹⁴ Нетрадиционный порядок надежней, принятый в § 6.5, нужен как раз для того, чтобы облегчить такие объединения. Отметим также специально, что в приводимых таблицах объединена всякая пара клеток, различающихся только по признаку одушевленности—неодушевленности (и поэтому при указании грамматических значений одушевленность—неодушевленность просто не упоминается). Это объясняется тем, что различие окончаний внутри такой пары возможно только в В. мн. и В. ед. муж., т. е. в клетках, которым всегда соответствуют вторичные словоформы.

⁹⁵ Здесь и выше выражение «набор с условно ударным (безударным) окончанием некоторой словоформы» означает: набор, который выступает в том случае, когда в этой словоформе условное ударение на окончании (на основе).

	Ед. членство			Мн. число		
	муж. род	сред. род	жен. род	муж. род	сред. род	жен. род
И.	Ø	-o	-a	-bi	-a	-bi
В.	(=)		-y		(=)	
Р.	-a		-bi	A: -ob Б: -ej	А: Ø Б: <u>усл. безуд.</u> Ø <u>усл. уд.</u> -ej	
И.	-e				-ax	
Д.	-y				-am	
Т.	-om	-oj (-oy)			-ami	

Стандартные наборы II субстантивного класса

Таких наборов два: А и Б. Они различаются только в Р. мн. Правило их распределения — то же, что в I субстантивном классе. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона и клетки парного рода.

	Ед. число			Мн. число		
	муж. род	сред. род	жен. род	муж. род	сред. род	жен. род
И.	Ø	-a	Ø	-bi	-a	-bi
В.	(=)				(=)	
Р.				A: -ob Б: -ej	А: Ø Б: -ej	
И.		-bi			-ax	
Д.					-am	
Т.	-om	-jy			-ami	

З а м е ч а н и е. Как можно видеть, субстантивные классы I и II различаются в большинстве форм ед. числа и, кроме того, в Р. мн. жен. и сред. (в варианте Б). Заметим, что для практических целей запись в клетке Р. мн. муж. можно было бы заменить просто условным окончанием *-ej*, поскольку вариант А здесь не представлен ни одной парадигмой.

Стандартные наборы адъективного класса

Таких наборов два: набор с условно безударным окончанием И. ед. муж. и набор с условно ударным окончанием И. ед. муж. Наборы этого класса покрывают весь эталон.

		Ед. число (кроме парного рода)			Мн. число и парный род ед. числа
		муж. род	сред. род	жен. род	
Неатрибутивные формы		<i>Ø</i>	<i>-o</i>	<i>-a</i>	<i>-oi</i>
Атрибутив- ные формы	И.	<i>усл. безуд. -vyj</i> <i>усл. уд. -oj</i>	<i>-oje</i>	<i>-aja</i>	<i>-vje</i>
	В.	(==)		<i>-yiy</i>	(==)
	Р.	<i>-oøo</i>			<i>-vix</i>
	Н.	<i>-om</i>		<i>oj</i>	
	Д.	<i>-omu</i>			<i>-vilm</i>
	Т.	<i>-ym</i>		<i>-oj (-oju)</i>	<i>-yimi</i>

Стандартный набор адъективно-возвратного класса

Этот набор получается из стандартного набора адъективного класса с условно безударным окончанием И. ед. муж. 1) отбрасыванием неатрибутивной части указанного набора, 2) приписыванием сзади к каждому из остальных его условных окончаний цепочки *'s'a*. Таким образом, например, окончание И. ед. муж. в стандартном наборе адъективно-возвратного класса есть *-vyj's'a*, И. мн. *-vjes'a* и т. д.

Стандартные наборы I местоименного класса

Таких наборов два: набор Б выступает в том случае, если условная основа оканчивается на ' или на *j*, набор А — в прочих случаях. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона.

	Ед. число (кроме парного рода)			Мн. число и парный род ед. числа
	муж. род	сред. род	жен. род	
И.	Ø	-о	-а	-ы
В.	(=)		-у	(=)
Р.	-ово			-ых
П.	-ом		А: -ој Б: -еј	
Д.	-ому			-ым
Т.	-ым		А: -ој (-оју) Б: -еј (-еју)	-ыми

З а м е ч а н и е. Стандартный набор А этого класса можно описать как результат смешения условных окончаний I субстантивного и адъективного классов: в И. и В. падежах выступают условные окончания I субстантивного класса, в прочих падежах — условные окончания адъективного класса (при этом в И. мн. сред. выступает то же условное окончание, что в И. мн. муж. и жен.). Набор Б отличается от набора А заменой -ој на -еј, характерной для местоименных классов.

Стандартные наборы II местоименного класса

Таких наборов два: А и Б. Правило их распределения — то же, что в I местоименном классе. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона.

З а м е ч а н и е. Стандартные наборы этого класса можно описать как результат замены всякого ' на е в условных окончаниях соответствующих наборов I местоименного класса.

	Ед. число (кроме парного рода)			Мн. число и парный род ед. числа
	муж. род	сред. род	жен. род	
И.	Ø	-o	-a	-e
В.	(=)		-y	(=)
Р.	-o _{so}			-ex
И.	-om		A: -oj Б: -ej	
Д.	-omy			-em
Т.	-em		A: -oj (-o _{jy}) Б: -ej (-e _{jy})	-emi

Стандартные наборы притяжательного класса

Таких наборов два: набор А выступает у существительных, набор Б — у прилагательных. В наборах этого класса не заполнена неатрибутивная часть эталона.

	Ед. число (кроме парного рода)			Мн. число и парный род ед. числа
	муж. род	сред. род	жен. род	
И.	Ø	-o	-a	-bi
В.	(=)		-y	(=)
Р.	-a			
И.	A: -e Б: -om		-oj	-bis
Д.	-y			-bim
Т.	-bim	A: -om Б: -ym	-oj (-o _{jy})	-bimi

З а м е ч а н и е: Стандартные наборы этого класса можно описать как результат смещения условных окончаний I субстантивного и адъективного классов: оба набора имеют условные окончания I субстантивного класса в II. и В. падежах, в Р. ед. муж. п. сред., в Д. ед. муж. и сред., а набор А, кроме того, еще в II. ед. муж. и сред. и Т. ед. сред.; в остальных формах выступают окончания адъективного класса.

Стандартный набор шулового класса

Этот набор содержит окончание -0 во всех клетках (ноатрибутивная часть эталона не заполнена).

У подавляющей части парадигм собственный набор условных окончаний совместим хотя бы с одним из стандартных эталонных наборов (при этом чаще всего такой стандартный набор ровно один). В большинстве остальных парадигм для того, чтобы собственный набор условных окончаний стал совместимым хотя бы с одним из стандартных эталонных наборов, достаточно было бы заменить условные окончания у незначительной части первичных словоформ (обычно у одной или двух). И лишь у ничтожного меньшинства парадигм собственный набор условных окончаний столь аномален, что для достижения такой совместимости его пришлось бы заменить целиком или почти целиком.

Это дает возможность произвести грубую классификацию парадигм по наборам окончаний (или, как часто говорят, по типам склонения) следующим образом. Припишем каждую парадигму (кроме немногочисленных парадигм «аномальной» группы) к некоторому классу стандартных наборов так, чтобы собственный набор условных окончаний этой парадигмы либо был совместим хотя бы с одним из стандартных наборов, либо нуждался лишь в немногих заменах для достижения такой совместимости. (Точные правила такого приписывания даются ниже.) Подавляющее большинство парадигм разделится на 8 классов. Оставшуюся небольшую группу парадигм отнесем к дополнительному («аномальному») классу.

Итак, вводится различительный признак «тип склонения». Это основной различительный признак парадигм, относящийся к окончаниям. Он может принимать 9 значений, а именно: 8 типов склонения, названия которых совпадают с названиями классов стандартных наборов, и, кроме того, аномальный тип склонения. В дальнейшем вместо выражений «I субстантивный (адъективный, II местоименный и т. д.) тип склонения» может быть сказано также просто «I субстантивное (адъективное, II местоименное и т. д.) склонение».

Правила, позволяющие приписать полностью известной парадигме значение признака «тип склонения»

1. Парадигмы *литий*, *паремий*, *судий*, *щец*, *дровей*, *пол* (половина) приписать к I субстантивному типу склонения, парадигмы *некто* и *нечто* — ко II местоименному типу склонения. Для прочих парадигм — перейти к 2.

2. Найти все стандартные эталонные наборы, с которыми совместим собственный набор условных окончаний взятой парадигмы.

Если таких стандартных наборов нет — перейти к 4.

Если все такие стандартные наборы принадлежат к одному классу — приписать взятую парадигму к типу склонения, одноименному с этим классом.

Если некоторые из таких стандартных наборов принадлежат к разным классам — перейти к 3.

3. Если среди найденных стандартных наборов имеются только наборы I местоименного и притяжательного классов, то: если основа исходной словоформы оканчивается на *ов*, *ёв*, *ев*, *иц* или *ын* — приписать взятую парадигму к притяжательному типу склонения; в прочих случаях приписать ее к I местоименному типу склонения.

Если среди найденных стандартных наборов имеются какие-либо иные наборы, кроме наборов I местоименного и притяжательного классов — приписать взятую парадигму к I субстантивному типу склонения.

4. Взять в рассматриваемой парадигме все словоформы дательного падежа. Рассматривая совокупность этих словоформ так, как если бы она составляла самостоятельную парадигму, найти все стандартные эталонные наборы, с которыми совместим собственный набор условных окончаний данной совокупности словоформ.

Если таких стандартных наборов нет — приписать взятую парадигму к аномальному типу склонения.

Если все такие стандартные наборы принадлежат к одному классу — приписать взятую парадигму к типу склонения, одноименному с этим классом.

Если некоторые из таких стандартных наборов принадлежат к разным классам, то: если среди найденных стандартных наборов есть набор I местоименного класса — приписать взятую парадигму к I местоименному типу склонения; в прочих случаях приписать ее к I субстантивному типу склонения.

П р и м е р ы. Определяются после п. 2: парадигмы *стол*, *ведрб* — I субстантивный тип склонения; *стель*, *имя*, *пять* — II субстантивный; *серый*, *мороженое*, *мостовая* — адъективный; *этот*, *чей*, *ничый* — I местоименный; *Петрб*, *Күнцево* — притяжательный; *ателье*, *квми* — нулевой. Определяются после пункта 3: *дровь*, *ши* — I субстантивный; *они* — I местоименный; *Петрба* — притяжательный. Определяются после пункта 4: *дом*, *солдат*, *славянин*, *очки*, *платье*, *я*, *мы*, *пятьсот* — I субстантивный; *грозь* — II субстантивный; *онб*, *бба*, *двбе*, *чётверо* — I местоименный; *два*, *попторб*, *сто* — аномальный.

§ 6.28. В соответствии с § 6.2 (пункт 3), здесь необходимы также правила иного логического строения, а именно, правила, позволяющие установить тип склонения произвольной парадигмы на основании некоторой ограниченной информации об этой парадигме. Такие правила приводятся ниже. (В списках примеров и исключений порядок в большинстве случаев обратный алфавитный.)

Правила, позволяющие установить тип склонения произвольной парадигмы

Исходные сведения о парадигме: 1) действительный вид исходной словоформы (без разделения на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) морфологический класс (только для существительных на *и*).

СЛОВА БЕСЧИСЛОВЫХ РАЗРЯДОВ

Слова на *сем* (например, *пятьсот*) и слова: *я, ты, себé, мы, вы, друг друга, пол* (половина), *дёвести, триста, четыреста, тысяча* (числительное), *мáло, немáло* — относятся к I substantivному типу склонения.

Слова на *дцать* и *десят* (например, *одинадцать, тридцать, пятьдесят*) и слова: *пять, шесть, семь, восьмь, девять, десять* — относятся ко II substantivному типу склонения.

Слова: *каждый, любой, всякой, прочее, осталыи, многое, многие, немногие, некоторые* — относятся к адъективному типу склонения.

Слова на *еро* (например, *чётверо*) и слова: *он, она, онъ, онъи, одиц* (числительное), *оба, обе, трои, столько, сколько, несколько, многи, немноги* — относятся к I местопименному типу склонения.

Слова: *все, всё, кто, что, никто, ничто, нечто, нёгого, нёчего* — относятся ко II местопименному типу склонения.

Слова: *полтора, два, три, четыре, сброк, девяносто, сто, полутораста* — относятся к аномальному типу склонения.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

I. Прилагательные на *ий* и *ой*

Прилагательные *мой, твой, свой, кой* относятся к I местопименному типу склонения, остальные — к адъективному, например: *новый, комбайн, городской*.

II. Прилагательные на *ий*

Все они распределяются между адъективным и I местопименным типами склонения (таким образом, слово «исключение» означает ниже противоположный из этих двух типов склонения), а именно:

1. Прилагательные на *кий, гий, хий, щий, на* гласную | *ий*, а также на согласную (или *и*) | *жий, чий, ший, пий или ай* относятся к адъективному типу склонения, например: *руссий, подбий, тихий, цветущий, длинношёй, проэзжий, нёвчий, бтчий, простёгший, патриарший, фрёний, сынёпий, брдий*. Исключение: *влачий*.

2. Из прилагательных на гласную | *жий, чий или ший* слова распределяются по грамматическому разряду, а также *прочий* относятся к адъективному типу склонения, например: *сажий, пригбжий, могучий, бродчий, горбчий* (см. § 3.3, раздел II, пункт А 3); слова простого адъективного разряда (кроме *прочий*) относятся к I местопименному типу склонения, например: *бжай, сбачай, черепахий*.

3. Прилагательные на гласную | *ий или ай* относятся к I местопименному типу склонения, например: *влений, обезбáний, лягчий*. Исключения: *шерстий, спичий*.

4. Прочие прилагательные на *ий* относятся к I местоименному типу склонения, например: *рыбий*, *коробки*, *кбтий*, *кбртий*, *льсий*, *трётий*. Исключения: *карий*, *тугосицай*⁹⁶.

З а м е ч а н и е. Прилагательные I местоименного склонения на *ий* (кроме *трётий* и устар. *чтый*) являются производными от названий животных или людей и имеют общее значение «специальный (или принадлежащий) соответствующему роду животных или людей», например: *рыбий*, *медвежий*, *казакий*, *мальчишечий* (от *рыба*, *медведь*, *казак*, *мальчишка*). Если допустить, что про любое рассматриваемое прилагательное известно, относится ли оно к данной семантической группе, то можно предложить следующее правило. Из числа прилагательных на *ий* к I местоименному склонению относятся: а) прилагательные указанный семантической группой, кроме тех, у которых перед *ий* стоят две согласных (причем вторая — не *б*, *н*, *в*, *ф*, *м*); например: *рыбий*, *олений*, *акулый*, *казакий*, *мальчишечий* (ср. прилагательные адъективного склонения *мужчин* *сынокний*, *брать*, *братий*, *патриарший*, а также *капиткий*, *мальчишеский* и прочие на *ский*, *цкий*); б) *блажий*; в) *трётий*, *четый*. Прочие прилагательные на *ий* относятся к адъективному склонению.

III. Прилагательные на *ийся*

Все они относятся к адъективно-извратному типу склонения, например: *выдающийся*, *выводящийся*.

IV. Прилагательные на *ов*, *ёв*, *ев*, *ин*, *ын*

Прилагательное *один* относится к I местоименному типу склонения. Из прочих слов прилагательные на *ов*, *ёв*, *ев*, *ин*, *ын* относятся к притяжательному типу склонения, например: *чёртов*, *царёв*, *Ильин*. Прилагательные на безударное *ин* или *ын* имеют по два варианта парадигмы, один из которых относится к притяжательному типу склонения, а другой — к I местоименному, например: *дядин*, *мужин*.

V. Прочие прилагательные

Прилагательные *сей*, *чей*, *ничей*, *сам*, *этот*, *паш*, *ваш* относятся к I местоименному типу склонения; *тот* и *весь* — ко II местоименному; *соспобдень* — к притяжательному. Прочие прилагательные относятся к адъективному типу склонения, если они расширенного адъективного разряда (например, *такбю*, *рад*, *близенек*) и к и у л е в о м у типу склонения, если они простого адъективного разряда (например, *беж*, *хлки*, *кбми*).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

1. Существительные на *ий*, *ий*, *ой*⁹⁷

Слова *мои*, *твои*, *свой*, *трётий* относятся к I местоименному типу склонения. Из прочих слов следующие относятся к I субstantивному типу склонения: а) слова на согласную (кроме *к*, *г*, *х*, *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, *н*)+*ий* и на гласную+*ний*, например: *рдии*, *санатбрий*, *зёний*; б) слова: *контагий*, *спорогний*, *кий*, *трибрхий*, *амфибрхий* *ниррхий*, *чий*; *мгний*, *кремний*, *калифбрний*, *гфний*; в) слова на *ой*, *слой*, *гной*, *пой*, *рои*, *стой* (кроме *любой*, *слепой*, *простой* ‘человек из непривилегированных классов’), например: *бой*, *забой*, *перегной*, *водопой*, *гербий*, *застой*; г) слова: *вой*, *наебий*, *подвой*, *развой*, *привой*, *конвой*, *сувой*, *изебий*, *надбой*, *раадбой*, *козбой*, *сдай*,

⁹⁶ Указания Уш. при этом слове (*тугосицай*, *ья*, *ье*) неверны.

⁹⁷ В данном пункте правил учтены только те отадъективные существительные (=субстантивированные прилагательные), которые зафиксированы в Уш.

лескбй, мокбй, покбй, упокбй, налбй, аналбй, перелбй, зной. Остальные слова относятся к адеективному типу склонения, например: *вождатый, лесничий, часовой*.

II. Прочие существительные на согласную

Слова *наш, ваш* относятся к I местоименному типу склонения, слово *кббелтмов* — к притяжательному типу склонения, слова *мадам, фрбкен, фрбйлайн, альма-мбтер, миссис, мисс*, а также *он и она* как названия букв *о и н* — к нулевому типу склонения. Прочие слова относятся к I субstantивному типу склонения, например: *дом, верблбф, ручбй, мяч*.

III. Существительные на ь

Слова мужского морф. рода (кроме *путь*) относятся к I субстантивному типу склонения, например: *дождь, огнь, житель*. Слова женского морф. рода, а также *путь* относятся ко II субстантивному типу склонения, например: *моркбь, постель, мышь*. Слово *соль* (нота; средний морф. род) — нулевого типа склонения.

IV. Существительные на а, я, ое, ее, ие с безударной конечной гласной

К I субстантивному типу склонения относятся: а) слова на *иे*, кроме тех, у которых перед *иे* стоит гласная, *к, г, х, щ* или сочетание «*согласная+и*» или *и*, например: *лёзвие, орёжие, собрание, открытие*; б) *тёрние*; в) *собя, стяя*. Прочие слова относятся к адективному типу склонения, например: *столбая, преиспайдяя, заливай, подлежащее, позывные, вторские*.

V. Существительные на ийся, аясь, есся, иеся

Все они относятся к адективно-возратному типу склонения, например: *трудящийся, учा�ющаяся, пресмыкающееся*.

VI. Прочие существительные на гласную

A. Существительные на а, я, ё, ы.

Слова *дёвичья, ничья, трётья* (треть) относятся к I местоименному типу склонения. Слова на *мя* (например, *имя, стрёмя*), а также *дитя, поросль* относятся ко II субстантивному типу склонения. Следующие слова относятся к нулевому типу склонения: а) слова на гласную+*а*, например: *боя, буржуй, иоруба, мунда, хайса, майя*⁹⁸; в) *альпагай, кака, алпака, шитукай, галай, па, баккарай, бра, фа, аитрашай, ля*; г) *еры, руры* (названия букв), *ханты*. Прочие слова относятся к I субстантивному типу склонения, например: *гобака, стунный, ружёй, пожинки*.

B. Существительные на у, ю, ə.

Все они относятся к нулевому типу склонения, например: *кризируй, франц, интервью, албя*.

C. Существительные на е.

Слово *трётье* относится к I местоименному типу склонения. Из прочих слов следующие относятся к I субстантивному типу склонения: а) слова на безударные *е, ё, ѹ, ѵ*, например: *ущёлка, сёродце, жилище, ложе, пёле, гбре, мбре, вёчё*; в) *жипиё, питиё, бытиё, небытиё, инобытиё*. (Ср. также выше, пункт IV.) Остальные слова относятся к нулевому типу склонения, например: *шилпанё, фойё, релё, шоссё, цеце, ательё, промилле, андайте, кёфе, дёне*.

⁹⁸ Вообще к нулевому типу склонения относятся все слова на *а, я, ё, ы*, которые обозначают имена или народности, живущие за пределами РСФСР, например: *авта, гэлла, дынка*. Подпункт б включает лишь те из них, которые входят в исходный материал.

Г. Существительные на о.

Следующие слова относятся к I субстантивному типу склонения: а) слова на ёб, например: лицо, ружьё; б) слова на тво и на гласную + во (кроме ин-октово, прево), например: существо, прибо, дерево; в) слова на ло (кроме слов на лло, оло и слов гало, табло, кило, стило, руло), например: зёркало, часло, мыло; г) слова на согласную (или и) + то или по (кроме слов на ммо, нию и слова болто), например: клётмо, письмо, дно, судно, волокноб; д) слова на безударные ко, хо и на согласную (или и) + ко (кроме слов на кко и слов аганико, мбико, франко, пэрто-франко, фиаско, каско, альбрэско), например: юго, эго, облако, домишко, очко, брюшко; е) слова: небо, нёбо, блажо, иго, ладо, стидо, пайдо, гнесздо, бёрдо, твёрдо, чудо, юдо, блюдо, желёзо, пёзо, молоко, сёю, жесю, колено, полёно, сёю, серстеню, писцию, виню, лёно, руло, реброб, серброб, дооброб, тафроб, бедроб, ведроб, вёдро, ядроб, блеро, пероб, миро, ўтро, путроб, калесоб, плясо, прёсо, мясо, лато, лёто, решетоб, жито, сёто, болото, лётона, пёстю, монистю, мыти, копыто, корыто, пленю. Прочие слова относятся к II улевому типу склонения, например: какбо, танго, байджо, прибо, радио, барокко, рококо, слово, трюмо, кинб, фортепьяно, денб, метрб, либретто, палитб, налаццо, харчо.

Д. Существительные на и.

Следующие слова относятся к I субстантивному типу склонения: а) слова на ки, ги, хи, жи, ши, чи, ци (кроме слов маки, сulkи, янки, кроки, виски, бўки, спаги, бўги-вўси, хаджий, вишай, жириш, баҳший), например: носильки, дёньки, духий, дрёжки, ци; б) слова на согласную (или и) + безударное ли или ни (кроме слов на лли и нни), например: грабли, ясли, квази, рбзвалини; в) слова на гласную + безударное и, например: сатурналии, обби; г) слова: бтруби, чёрви, люди ⁹⁹, грайи, тали, бёли, родители, тэфтели, качели, антресбли, консбли, пайкули, пачули, саны, вёлени, сёни, вини, слони, нюни, копи, дёбры, кудри, проторы, пачеси, пёрси, полати, дёти, нёти, ўжасты, крёсти, пёдности. Прочие слова относятся к II улевому типу склонения, например: алиби, лёди, хаджий, жалюзи, янки, кўли, пани, пёни, кёни, колабри, жюри, такси, майси ¹⁰⁰, копибетти.

Замечания

Приведенные правила позволяют установить тип склонения любого слова из исходного материала. За пределами этого материала результат такой операции, вообще говоря, может оказаться и ошибочным. В частности, не вполне подчиняются данным правилам имена собственные: для них характерны несколько особые закономерности. К сожалению, эти закономерности связаны с рядом неформальных характеристик слова, а именно: 1) принадлежность слова к определенной группе имен собственных — к числу топонимов, фамилий или личных имен (прочие группы имен собственных мы здесь не рассматриваем); 2) для топонимов — территориальная принадлежность соответствующего географического объекта; 3) для фамилий и личных имен — их происхождение (из того или иного языка), а также пол их носителя. Если допустить, что о любом слове все эти сведения известны, то закономерности распределения имен собственных по типам склонения можно (с некоторыми упрощениями) описать так.

Фамилии и личные имена

1. Русские фамилии на ов, ёв, ев, ин, ын (мужские) и ова, ёва,ева, ина, ына (женские) относятся к притяжательному типу склонения, например: Попов, Королёв, Никитин, Грева, Ильинá, Птицына. Рус-

⁹⁹ В обычном значении; люди как название буквы л — нулевого типа склонения.

¹⁰⁰ Орф. (в отличие от АО) допускает для этого слова также I субстантивный тип склонения: мэнси, мэнсей.

ские фамилии на *ых*, *их* относятся к нулевому типу склонения, например: *Кручёных*, *Черемных*.

2. Фамилии и личные имена (мужские и женские, любого происхождения) на гласную, кроме *а*, *я*, а также французские фамилии и имена на *é*, *é* относятся к нулевому типу склонения, например: *Чачабадс*, *Вéрди*, *Дурно́б*, *Шеочёнко*, *Гéнри*, *Сергéб*, *Мéри*, *Бéатричес*; *Дюмá*, *Гамаррá*, *Николá*¹⁰¹.

3. Женские фамилии на согласную или *ь* и женские имена на согласную относятся к нулевому типу склонения, например: (*Вера*) *Засулич*, (*Сара*) *Бернар*, *госпожа де Сталь*¹⁰²; *Ирén*, *Лилиан*, *Эдит*. Из женских имен на *ь* библейские имена (наиболее известные из них — *Агáрь*, *Рахáль*, *Руфь*, *Сулáмíфь*, *Эсфи́рь*, *Юдифь*), а также *Любовь*, *Адéль*, *Жизéль* относятся ко II субстантивному типу склонения; ироничные имена (например, *Люси́ль*, *Нинéль*, *Сесиль*, *Айгóль*, *Гюэль*) колеблются между нулевым и II субстантивным типами склонения, причем преобладает нулевой тип (в особенности в разговорной речи).

4. Фамилии и личные имена, не подпадающие ни под один из предшествующих пунктов, подчиняются общим правилам, данным выше. Примеры: *Гбогль*, *Бальзак*, *Чаплин*, *Вершигор*, *Глайнка*, *Лорка*, *Канва*, *Петр*, *Ян*, *Лука*, *Мария*, *Пётр* — I субстантивный тип склонения; *Трубецкóй*, *Хомский* — адективный; *Гу́ля*, *Вéку* — нулевой.

Следует заметить, однако, что общая тенденция к неизменяемости захватывает также часть иностранных фамилий (реже имен) на *a*, *я*; например, фамилии *Буркий*, *Залка*, *Латтуáда*, *Нкрума*, *Оáма*, *Страда* и т. п. могут колебаться между I субстантивным и нулевым типами склонения, в частности, в газетной практике. (Указания Был. в этом отношении непоследовательны.) Характерно, что фамилии этого типа, впервые появившиеся на газетную полосу, чаще трактуются как неизменяемые, чем те, которые уже получили известность.

Топонимы

1. Топонимы СССР, Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии на *ово*, *ёво*, *ево* (с ударением не на последнем слоге) и на *ино*, *ыно* (с ударением не на предпоследнем слоге) относятся по литературной норме к притяжательному типу склонения, например: *Иáново*, *Бирюлёво*, *Сарáево*, *Ченстохóво*, *Бблдино*, *Люблино*, *Голицyno*. Однако в современной разговорной речи топонимы этой группы обнаруживают явную тенденцию к неизменяемости; ср., например: *живет в Кýпичево* (под *Кýпичево*), *едет из Люблина*, *подъезжаем к Люблину*. Такие обороты широко проникают и в письменную речь, в особенности газетную.

Топонимы той же территории на согласную *-и* относятся к нулевому типу склонения, например: *Гнéзно*, *Грабдно*, *Комáрно*, *Рóвно*¹⁰³.

¹⁰¹ Исключение составляют имена *Иасль*, *Петрб* и уменьшительно-ласкательные на *кó*, например, *Василькó*, *Мишкó*. Фамилии на *ико*, например *Шесчёнко*, вообще говоря, допускают I субстантивный тип склонения (при этом фамилии на *ико* колеблются между средним и женским морф. родами: Р. *Шесчёнка* и *Шесчёни*; Д. *Шесчёнку* и *Шесчёнике*; В. *Шесчёнко*, *Шесчёнка* и *Шесчёнику*; Т. *Шесчёнком* и *Шесчёникой*). Однако для современного литературного языка, в соответствии с общей тенденцией к расширению круга неизменяемых слов, нормой здесь явно следует признать (вопреки Был.) нулевой тип склонения. Склонение показанного здесь типа может быть использовано в настоящее время только для стилистических целей (создание украинского или белорусского колорита); в прочих случаях оно воспринимается как устаревшее.

¹⁰² Таким образом, одна и та же фамилия данного типа, например *Засулич*, является изменяемой, если она принадлежит мужчине, и неизменяемой, если она принадлежит женщине.

2. Топонимы РСФСР (кроме Дагестанской АССР), БССР, УССР и Молдавской ССР на *и* относятся к I субстантивному типу склонения, например: *Ессентуки́*, *Жигул́ы*, *Поныры́*, *Тетюши́*, *Барна́вичи*, *Мыти́щи*, *Хы́мки*, *Черусти*. Исключение составляет ряд топонимов неславянского происхождения, в частности, все на *яро-*, *саари*, *йоки*, *латзи*, например *Суоярви*, *Импилахти*; наиболее важные из прочих — *Собчи*, *Саки* (в нелитературной речи оба эти топонима изменяются), *Ай-Петри*, *Лабытнанги*, *Рени*, *Салми*, *Такси*, *Усурый*.

3. Топонимы античного (римско-греческого) мира на гласную, *и*, *к*, *г* или *х*—безударное и относятся к I субстантивному типу склонения, например: *Помпе́и*, *Плате́и*, *Ве́ни*, *Фессалони́ки* (также современное название этого города — *Салоники*). Кроме того, к I субстантивному типу склонения относятся топонимы: *Аппалачи*, *Гималай*, *Пирене́и*, *Гава́и*; *Миссиси́ги*, *Сувалки*.

4. Топонимы на гласную (кроме топонимов на *а*, *я*, на безударное *ы*, на *екое* и *тех*, которые подпадают под пункты 1—3) за пределами территории, указанной в пункте 2, относятся к нулевому типу склонения, например: *Калé*, *Закопа́не*, *Либелу́ре*, *Раквере*, *Ахали́хе*, *Кбисце*, *Трбичé*, *Нагасаки*, *Хэльсинки*, *Сомаси*, *Суе́йми*, *Кёмери*, *Тайти*, *Конго*, *Бордб*, *Сан-Марино*, *Килиманджáро*, *Тárту*, *Бузносí*, *Марк*, *Гуэз*, *Кёсю*. Кроме того, к нулевому типу склонения относятся французские топонимы на *á*, *é* (кроме *Юрá*), например *Баккара́*, и финские, карельские и эстонские топонимы на *ä*, например *Аутшикюла*, *Вáртсиля*, *Отеня*.

5. Топонимы, не подпадающие ни под один из предшествующих пунктов, подчиняются общим правилам, данным выше. Примеры: *Киев*, *Дунай*, *Ирэн*, *Марсéль*, *Волга*, *Анкарá*, *Алмá-Ата*, *Нáцца*, *Килий*, *Шаéния*, *Болбáня*, *Городище*, *Запорожье*, *Пидерийды*, *Ту́назы*, *Сýмы*, *Филиппины*, *Афáны*, *Альпы* — I субстантивный тип склонения; *Обь*, *Каза́нь*, *Сибирь*, *Лесатъ*, *Керчь* — II субстантивный; *Гóркий*, *Вéшенская*, *Боло́бе* — адъективный¹⁰³; *Шымкента*, *Самтрéдия*, *Никарéуа*, *Вбже*, *Бодаибó*, *Нéро*, *Бештау*, *Улán-Ү́дэ* — нулевой.

Отметим, что, как и фамилии (см. выше), неславянские топонимы на *а*, *я* иногда могут колебаться между I субстантивным и нулевым типами склонения. Этими колебаниями объясняется, в частности, непоследовательность указаний Был.: так, Был. дает как неизменяемые, например, *Неньярбрá*, *Рýла-Планиá*, *Рáнича*, *Сóртавала*, *Сýerra-Невáда*. Имена нарицательные, не входящие в исходный материал, в подавляющем большинстве случаев точно подчиняются общим правилам о типе склонения. Из возможных отклонений следует указать имена нарицательные иностранного происхождения на *е*, *и*, *о*: все они относятся к нулевому типу склонения (хотя бы это и противоречило общим правилам, данным выше); поэтому части таких слов, например *мéдье* (административная единица в Венгрии), *магáй* (африканское племя), *гризали* (серый медведь), *кузбáо* (пидейское селение), с формальной точки зрения, отклоняется от правил.

Количественное распределение имен по типам склонения показано в приводимой ниже таблице. В таблице учтен грамматический разряд слова, а для существительных также морфологический род. Относительно значения трифтов и скобок см. § 6.2, пункт 4.

¹⁰³ Был. дает некоторые из таких топонимов как изменяемые, например *Молодечно*, *Лубрено*; однако эти рекомендации, по-видимому, следуют отвергнуть.

¹⁰⁴ Отметим, однако, что *Джанкбай*, *Нонбай*, *Стрый*, *Липская*, *Яя* — I субстантивного типа склонения.

Таблица распределения имён по типам склонения

Грамматический разряд		Тип склонения								
		I субстантивный	II субстантивный	адъективный	адъективно-возвратный	I местоименный	II местоименный	притяжательный	нулевой	аномальный
адъективный	расширенный адъективный разряд	—	—	НОВЫЙ [16 100]	—	—	—	—	—	—
адъективный	простой адъективный разряд	—	—	РУССКИЙ [3700]	выдающися [20] <делящися>	ВОЛЧИЙ [190]	[тот, весь]	дядин [40] <Коблин>	кóми [30]	—
единственного	муж. морф. род	ЗАВОД [13700]	[плты]	ПОРТ-НОЙ [340]	трудящися	свой [6]	—	кабель-тov <Поцбов>	—	—
	жен. морф. род	КАРТА [11 500]	ТЕНЬ [3200]	ПРЯМАЯ [290]	учащаяся [2]	ничья [3]	—	«Попова»	—	—
	сред. морф. род	ЧУВСТВО [5100]	имя [15]	ЧАСТ-НОЕ [220]	[пресмыкающееся]	[трётье]	—	Мáрфино	шоссе [380]	—
Согласуемо-бесчисловой разряд	—	—	кóждый [4]	—	один [14]	[все]	—	—	два [4]	
Несогласуемо-бесчисловой разряд	тройста [18]	пять [21]	мнóгое [10]	—	он [9]	кто [10]	—	—	сто [4]	
Всего (округленно)	30 300	3200	20 700	30	220	13	40	420	8	
То же (в %)*	55	6	38	—	0,4	—	—	0,8	—	

* К общему количеству именных парадигм. Вместо величин, меньших, чем 0,1%, дан прочерк.

Комментарии

§ 6.29. Различительный признак «тип склонения» заменяет собой сразу несколько разных делений, встречающихся в существующих описаниях, в частности, деление существительных на изменяемые и неизменяемые, на собственно существительные и так называемые субстантивированные прилагательные, деление собственно существительных на традиционные I, II и III склонения, деление прилагательных на обычный и притяжательный типы. Это можно видеть из таблицы в § 6.28.

Следует особо остановиться на вопросе о традиционных I, II и III склонениях. Для традиционной системы из трех склонений характерно объединение типов *завбд* и *ч́увство* (см. таблицу в § 6.28) в одно склонение и противопоставление их вместе типу *карта* (сама нумерация склонений в разных работах различна). В качестве обоснования обычно указывают, что типы *завбд* и *ч́увство* различаются лишь в немногих формах; при этом мн. число часто вообще не учитывается — на том основании, что почти любое окончание мн. числа может встретиться у слова любого рода. Рассмотрим несколько подробнее вопрос о степени различия между тремя морф. родами в пределах I субстантивного склонения (типы *завбд*, *ч́увство*, *карта*). За меру различия между двумя морф. родами естественно принять число грамматических форм, в которых типичные (т. е. самые распространенные) окончания этих морф. родов не совпадают. Если ограничиться шестью «основными» падежами ед. числа, меры различия оказываются такими:

- муж./жен. — 5 (И. ед., Р. ед., Д. ед., В. ед., Т. ед.)
- сред./жен. — 5 (те же формы)
- муж./сред. — 2 (И. ед., В. ед.).

Таким образом, даже при этом, наиболее «выгодном» для традиционного деления, подсчете последнее различие оказывается вполне сопоставимым с первыми двумя. Однако исключение мн. числа нельзя считать оправданным. В русском языке действительно можно найти такие ряды словоформ, как, например: И. мн. — *кни*, *вішни*, *колéни*; *домá*, *местá*; *сту́лья*, *пéрья*; Р. мн. — *столбóв*, *облакóв*; *корнéй*, *ноздréй*, *морéй*; *солдáт*, *стен*, *мест*. Тем не менее, несмотря на кажущуюся убедительность таких примеров, отсюда еще не следует, что различия морф. родов во мн. числе в современном языке уже стерты. Дело в том, что в подобных рядах смешаны явления типичные и редкие. В доказательство приведем следующие статистические данные (по принятому в книге исходному материалу): 1) 97,3% существительных мужского морф. рода I субстантивного склонения имеют в И. мн. условное окончание *-ы*, а Р. мн. условное окончание *-ов* или (при условной основе на ' или шипящую) *-ej*; 2) 98,9% существительных женского морф. рода I субстантивного склонения имеют

в И. мн. условное окончание *-ы*, а в Р. мн. нулевое условное окончание; 3) 96,4% существительных среднего морф. рода имеют в И. мн. условное окончание *-а*, а в Р. мн. нулевое условное окончание. Эти данные ясно показывают, что морфологическая связь между формами ед. и мн. чисел все еще вполне устойчива¹⁰⁵. Таким образом, при оценке меры различия между морф. родами следует учитывать также формы И. мн. и Р. мн.; от этого контраст между мерами различия заметно сглаживается¹⁰⁶:

муж./жен. — 6 (то же, что выше, +Р. мн.)

сред./жен. — 6 (то же, что выше, +И. мн.)

муж./сред. — 4 (И. ед., В. ед., И. мн., Р. мн.).

Из приведенных фактов следует, что выделение традиционных трех склонений лишено для современного языка единого логического основания; оно является в конечном счете пережитком деления имен по основообразующим элементам (*-o-, *-ā-, *-i-), оправданным только для общеиндоевропейского. Последовательность требует, чтобы слова, относимые к традиционным I и II склонениям (типы *завѣдъ*, *чѣство*, *карта*) либо были разбиты на три склонения (по морф. родам)¹⁰⁷, либо считались единственным («главным субстантивным») склонением, противопоставленным второстепенному субстантивному склонению (тип *тень*)¹⁰⁸; разделение типов *завѣдъ*, *чѣство*, *карта* именно на два склонения оказывается недостаточным, если признак «морфологический род» не используется, и излишним, если он используется. Из двух указанных решений в настоящей работе принято второе, поскольку

¹⁰⁵ Мы согласны, таким образом, в этом вопросе с А. В. Исаченко (А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в соотставлении с словоакцией. Морфология, ч. I. Братислава, 1954, стр. 150) и не согласны, в частности, с В. И. Сидоровым (Р. И. Аваиесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945, стр. 112), считающим, что окончания мн. числа «почти не связаны с теми, которыми определяется деление существительных в ед. числе». Относительно морфологических связей между разными числами одного существительного см. также: R. Jackson. The relationship between genitive and plural in the declension of Russian nouns. «Scando-slavica», v. III, 1957.

¹⁰⁶ Если принять в расчет наличие у части слов мужского морф. рода особых словоформ для Р₂ед. и П₂ед., этот контраст сгладится еще сильнее: муж./жен. — 8, сред./жен. — 7, муж./сред. — 6. Здесь, однако, может быть выдвинуто возражение о том, что количественно преобладают существительные мужского морф. рода, у которых Р₂ = Р. П₂ = П.

¹⁰⁷ Такова классификация С. О. Карцевского, выделяющего следующие типы склонения: 1) *похвадъ*, *ромѣла*, 2) *торжествѣ*, 3) *тонбръ*, *фонѣръ*, 4) *тонъ* (S. Кацесвский. Sur la structure du substantif russe. «Charisteria Guillermo Mathesio quinquagesimo... oblata». Prague, 1932, стр. 65—73).

¹⁰⁸ Такова классификация В. А. Богородицкого (В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М., 1935, стр. 117). По существу такова же классификация Р. О. Якобсона (Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением. Состав русских надежных форм. «American contributions to the IV-th International congress of slavicists». 's-Gravenhage, 1958): слова *почь*, *льшадь*, а также *иши*, *дѣсь* отнесены здесь к «небоцкой парадигме женского типа» (стр. 13).

нет смысла дублировать словом «склонение» уже введенный ранее признак «морфологический род». Кроме того, при этом решении в систему без всяких дополнительных усилий укладываются изолированно стоящие слова на *мя* и слово *путь* (см. таблицу в § 6. 28).

Различительный признак «нестандартные условные окончания»

§ 6. 30. Как яствует из § 6. 27, каждому типу склонения, кроме аномального, соответствует свой класс стандартных эталонных наборов. В тех случаях, когда такой класс содержит более одного набора, при описании данного класса (§ 6. 27) для этих наборов указано правило распределения. Это правило может опираться на следующие сведения о парадигме, относящейся к рассматриваемому типу склонения: 1) грамматический разряд; 2) последняя буква условной основы (у словоформы, соответствующей той клетке рабочего эталона, где между стандартными наборами данного класса имеются различия); 3) условное ударение словоформы, соответствующей такой клетке.

Пусть имеется некоторая парадигма *A* (не аномального типа склонения), а в ней некоторая первичная словоформа *F*. Возьмем обобщенную запись стандартных наборов класса, одноименного с типом склонения парадигмы *A*. Найдем в этой записи клетку, соответствующую словоформе *F*. Эта клетка содержит либо одно условное окончание¹⁰⁹, либо несколько условных окончаний, относящихся соответственно к разным стандартным наборам данного класса. Возьмем в первом случае единственное стоящее в клетке условное окончание, во втором — условное окончание того набора, которого требует, в соответствии с правилом распределения наборов данного класса, парадигма *A* или словоформа *F*. Назовем взятое условное окончание стандартным для словоформы *F*, а всякое другое условное окончание — нестандартным для нее.

Таким образом, всякая первичная словоформа парадигмы не аномального типа склонения имеет либо стандартное для себя, либо нестандартное для себя условное окончание. Про всякую первичную словоформу парадигмы аномального типа склонения условимся считать, что она имеет нестандартное для себя условное окончание. (В дальнейшем мы будем опускать в таких формулировках уточнение «для себя».) Примеры: словоформы *столы*, *столб*, *вёдра*, *вёдер*, *степью*, *сёрую*, *егб*, *нáми* имеют стандартные условные окончания; словоформы *домá*, *волб*, *яблоки*, *облакб*, *тысячью*, *её*, *нас*, *двух*, *двумá* имеют нестандартные условные окон-

¹⁰⁹ Как одно условное окончание рассматривается также запись *-oj* (*-oju*) или *-ej* (*-eju*), отражающая наличие вариантов у самого условного окончания.

чания. Заметим, что словоформа парадигмы *A* может иметь нестандартное условное окончание даже и в том случае, если собственный набор условных окончаний парадигмы *A* совместим с некоторым стандартным эталонным набором. Так, например, словоформа Р. мн. *тётей* имеет нестандартное условное окончание *-ej* (для парадигмы женского морф. рода I субстантивного склонения это условное окончание может быть стандартным, только если на него падает условное ударение).

Ниже приводятся все нестандартные условные окончания, встречающиеся в русских именных парадигмах, с указанием эталонных грамматических значений тех словоформ, где они выступают. Одноковые нестандартные условные окончания, выступающие в разных индеках или в разных числах, занумерованы разными номерами. Два разных нестандартных условных окончания, выступающих в одном и том же падеже и числе, но в разных морф. родах, могут быть занумерованы одним номером, если у них сходен характер отклонения от стандарта. Для каждого нестандартного условного окончания указывается, в каких парадигмах оно представлено. В таких указаниях могут быть использованы следующие сведения о парадигме: 1) действительный вид исходной словоформы; 2) тип склонения; 3) морфологический класс; 4) согласовательный класс (только для существительных на *ище*).

Нестандартные условные окончания, представленные в именных парадигмах

В парадигмах несапомальных типов склонения встречаются следующие нестандартные условные окончания¹¹⁰.

I и II субстантивные типы склонения¹¹¹

A. Наиболее распространенные нестандартные условные окончания

1. Условное окончание И. мн., заимствованное из другого морфологического рода: в муж. и жен. морф. родах *-a* (вместо стандартного *-ы*), в сред. морф. роде *-ы* (вместо стандартного *-а*).

Нестандартное условное окончание И. мн. *-а* представлено в следующих словах мужского морфологического рода:

1) во всех словах, имеющих в условной основе чередование *Ø/*j* (см. § 6.32, чередование № 12), например: *стул, друг, ёурин — И. мн. стулья, друзья, ёурлык*;

2) во всех словах, имеющих в условной основе чередование *он/ок/ат* или *эк/акт* (см. § 6.32, чередования № 14 и 15), например: *гусёнок, волчок, чертёжок — И. мн. гусёната, волчата, чертёжата*;

¹¹⁰ Разделение нестандартных условных окончаний на группы, а также описательные характеристики отдельных условных окончаний (например, «заимствованное из другого морфологического рода» и т. п.) даны только для наглядности и с формальной точки зрения значения не имеют.

¹¹¹ Нестандартное условное окончание № 7 представлено, помимо слов субстантивного склонения, также в слове I местоименного склонения *сей*.

3) в словах *господин* и *хозяин* — И. мн. *господá*, *хозяева*;

4) в следующих словах с односложной основой (все они неодушевленные и относятся к схеме ударения с):

<i>хлеб</i> (злаки)	<i>ход</i> (расстояние)	<i>дом</i>	<i>счёт</i>	(кроме
<i>хлев</i>	<i>между осиями</i>	<i>том</i>		перен.
<i>снег</i>	<i>глаз</i>	<i>корм</i>		знач.)
<i>брег</i> (устар.)	<i>воз</i> (разг.)	<i>топ</i> (цвет)	<i>борт</i>	
<i>лод</i>	<i>край</i>	<i>топ</i> (звук) (//)	<i>сорт</i>	
<i>риг</i>	<i>век</i>	<i>точ</i> (в професс.)	<i>мех</i> (животных)	
<i>стог</i>	<i>шёлк</i>	<i>речи</i>)	<i>чех</i> (//)	
<i>луг</i>	<i>бок</i>	<i>лес</i>	<i>верх</i>	(обуви,
<i>год</i> (//)	<i>ток</i> (итичий)	<i>цвет</i>		шапки, эки-
				пажа)

5) в следующих словах, имеющих неодносложную основу с начальным ударением (все они относятся к схеме ударения с):

<i>погреб</i>	<i>пробмысел</i> (разг.)	<i>катер</i>	<i>пояс</i>
<i>жстреб</i> (//)	<i>вёртел</i>	<i>вётер</i> (разг.)	<i>паспорт</i>
<i>жёлоб</i>	<i>блокол</i>	<i>пойнтер</i>	<i>блумут</i> (//)
<i>хлоб</i>	<i>шибмол</i>	<i>мастер</i>	<i>лемех</i> (// лемéх)
<i>хроб</i>	<i>купол</i>	<i>сéттер</i> (в про-	<i>вброх</i> (//)
<i>бтруб</i>	<i>тёрем</i>	фесс. речи)	<i>нброх</i>
<i>прйстав</i>	<i>закром</i>	<i>скайтер</i>	<i>нбторх</i>
<i>тёттерев</i>	<i>штýрман</i> (//)	<i>вáхтер</i> (стар-	<i>табель</i> (жетон) (//)
<i>кузов</i>	<i>мáйман</i> (у моря-	ший сторож)	<i>штабель</i>
<i>жёрица</i>	ков)	<i>бáгер</i>	<i>дюбель</i>
<i>бров</i> (часть	<i>брден</i> (знак от	<i>шайфер</i>	<i>блыгель</i>
дымохода)	личия)	<i>бáффер</i>	<i>прéндель</i> (зигзаг)
<i>бстрров</i>	<i>йтакоп</i>	<i>штýцер</i>	<i>нáдель</i> (//)
<i>брэг</i>	<i>чбрен</i>	<i>вéчер</i>	<i>вéизель</i>
<i>брукс</i>	<i>бткуп</i>	<i>кýчер</i>	<i>шéнкель</i>
<i>жёмчуг</i>	<i>пóвар</i>	<i>фельдшер</i>	<i>вáппель</i>
<i>пбезд</i>	<i>клéвер</i>	<i>бóговор</i> (разг.	<i>стáпель</i>
<i>нéвод</i>	<i>кýвер</i>	вариант к до-	<i>штéмпель</i>
<i>бвод</i> (//)	<i>кливер</i>	говар)	<i>нáппель</i>
<i>прбвод</i>	<i>флóгер</i>	<i>тéниор</i>	<i>бáпель</i>
<i>хлод</i>	<i>брдэр</i> (документ)	<i>трáктор</i> (//)	<i>вéксель</i>
<i>гброд</i>	<i>бéер</i>	<i>сéктор</i> (//)	<i>штéпель</i>
<i>стброж</i>	<i>лéер</i>	<i>бóктор</i>	<i>пáтель</i>
<i>ббраз</i> (икона)	<i>кликер</i>	<i>хýтор</i>	<i>соболь</i> (мех)
<i>пбдрез</i>	<i>бýккер</i>	<i>тóрабас</i>	<i>тóполь</i>
<i>тбрмоз</i> (в при-	<i>йнкер</i> (воен.)	<i>адрес</i>	<i>нéкарь</i> (//)
мом знач.)	<i>шýлер</i>	<i>тиес</i>	<i>тбкарь</i> (//)
<i>бкорок</i>	<i>пóмер</i>	<i>блос</i>	<i>слéкарь</i> (//)
<i>прблуск</i> (доку-	<i>нýмер</i> (устар.)	<i>прýмус</i> (разг.)	<i>нáкарь</i>
мент)	<i>шýкнер</i> (//)	<i>корпус</i> (здание;	<i>лáгеръ</i> (в прямом
<i>бтпуск</i>	<i>клипер</i>	воен.)	знач.)
<i>нрениел</i>	<i>к्रéйсер</i> (//)	<i>нáргус</i>	<i>éсеръ</i>
			<i>нáкоръ</i> 112

6) в следующих словах, имеющих неодносложную основу со срединным ударением (все они относятся к схеме ударения с): *дирéктор*, *инспéктор*, *инстрýктор* (//), *кондýктор* (человек), *коррéктор*, *прожéктор* (//), *профéссор*, *редáктор* (разг.), *учитель* (преподаватель); также *полубстрров*;

112 Отметим, что среди перечисленных слов нет оканчивающихся на *и* или *и* и только одно (*стброж*) оканчивается на шининцу. Только два слова (*вётер* и *прбмысел*) содержат бегущую гласную.

7) в следующих словах, имеющих неодносложную основу с конечным ударением: схема ударения *b* — *лесёх* (варпант к *лёмех*), *обла́з*, *рукáв*, *сокóл* (стенобитное орудие; варпант к *сокол*), *сокóл* (птица; устар. вариант к *сокол*); схема ударения *c* — *кокáль*, *перéд*, *постáв*;

8) в следующих pluralia tantum: схема ударения *a*: *корéнья*, *лохмбóтья*, *объéдья*, *стрúчья*, *хлóбья*; схема ударения *b* — *бегá*, *легá*, *потрохá*, *торокá*.

З а м е ч а н и я

Приведенные списки точно отражают нормативные указания АО и Орф. В действительности, однако, в современном языке границы распространения окончаний *-a*, *-á* в И. мн. муж. морф. рода не столь определены, причем более всего это относится к пунктам 4—6. Рассмотрим вначале слова, приведенные в пунктах 5 и 6. Эти слова можно разделить на ряд групп, которые в разной степени способны «притягивать» новые слова.

Прежде всего, выделяется группа слов, у которых основы всех словоформ¹¹³ содержат так называемые «полигласные сочетания» *оро*, *оло*¹¹⁴, *егре* или *егле*: *бéрг*, *ббров* (часть дымохода), *вбрóх*, *гблос*, *гбрóд*, *жёлоб*, *кблоб*, *кблокол*, *кбрóб*, *бкорок*, *нрепел*, *нбрóх*, *спбрóж*, *тéрэм*, *тéтерев*, *хблод*, *чéрен*. Уп. допускает И. мн. на *-á* также от слов *вблос*, *вброт* (одежды), *нблог* (словоформа *волос* признается при этом разговорной); для заимствованного слова *прблог* (церковная книга) Уп. дает И. мн. только на *-á*; А. А. Шахматов¹¹⁵ признает И. мн. на *-á* у слова *щéлен*; АО для всех этих слов допускает только И. мн. на *-ы*. Сюда же относится нелитературная парадигма с И. сд. *нperéд* (вместо литературного *нperéд*). Переисчисленные слова составляют большинство среди тех бесприставочных начальноподарных слов мужского морфологического рода с полигласными сочетаниями, которые реально употребляются во мн. числе. Укажем другие способы образования мн. числа от таких слов. Слова *нблос* и *нблог* (саней) образуют И. мн. на *-ы* (*колбсыч*, *полбзыч*), который и в ряде других случаев выступает как своего рода замена И. мн. на *-á*; ср. также просторечное *волосыя*. Слова *вблос* и *ббров* (кабан) образуют И. мн. на *-ы* при схеме ударения *e*. Устойчивое и достаточно употребительное стандартное мн. число с ударением по схеме *a* имеет лишь совсем небольшая группа слов: *вбрóп*, *вброт* (механизм), *мблом*, *шбрóх*; из более редких слов таковы *блок*, *вбрóс*, *нблоз* (змей); по данным словарей, сюда же следует отнести областные слова *вéред*, *жéрех*, *нбрóх* (*нбрóс*). Все прочие слова указанного строения (а именно: *вéреск*, *гблод*, *мбрóк*, *нéрест*, *нбрóв*, *блод*, *твбрóг*, *хвбрóст*, *шéлест*, *щёлок*, а также поздние заимствования *нéленг*, *хéрес*) неупотребительны во мн. числе. Таким образом, для слов указанного строения И. мн. на *-á* (и схема ударения *c*) представляет собой более естественный словоизменительный образец, чем стандартный И. мн. на *-ы* (и схема ударения *a*). Отсюда вероятность окказионального образования мн. числа по этому образцу от таких слов, как, например, *гблод*, *нéрест*.

Далее выделяется группа слов с ударной приставкой: *дбгосор* (разг., варпант к *договбр*), *закром*, *бткуп*, *бтпуск*, *бтруб*, *нбрéз*, *нблéз*, *нрýсас*, *нрбовб*, *нрбымсл*, *нрбуск* (документ); сюда же *ббрáз* (икона), *бкруг*. Орф. и АГ дают также И. мн. *нблод* от *нблод* (в упряжи); АО даст только *нблодья*. Нелитературными признаются встречающиеся в разговор-

¹¹³ Указание относительности основ всех словоформ нужно для того, чтобы отделить от слов рассматриваемого строения слова с беглой гласной типа *нбрéц*, *агбрóк*.

¹¹⁴ После начинавших при начальном ударении обычно *ёло* (*жёлоб*, *цёлок*), без ударения *ело* (*желоба*).

¹¹⁵ См.: «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи)». М., 1952, стр. 162.

пой речи словоформы И. мн. на -а от слов *сбразт*, *выговор*, *пригосор* (разг. вариант к *приговбр*), а также профессионализмы типа *приска*, *приводá*, *выходá*; ср. также просторечное *выборá*. «Притягательная сила» данной группы слов относительно невелика.

Среди прочих слов важнейшей является группа, состоящая из слов с двусложной исходной словоформой, оканчивающейся на небеглое *r*, *o* или *a + r*, *рь*, *и* или *ль* (с начальным ударением), и слов с трехсложной исходной словоформой, оканчивающейся на *ктор* или *стор* (со средними ударениями); сюда же относятся слова *сéпер* (с беглым *e*) и *учите́ль*¹¹⁶. Положение со словами указанного строения можно представить так. В условиях, когда поситель языка не чувствует себя обязанным говорить «литературно», т. е. в обиходной разговорной речи и в особенности в профессиональной речи, всякое такое слово тяготеет к словоизменительному образцу с И. мн. на -а, -á и схемой ударения с. Этой тенденции разговорной и профессиональной речи противостоит консервативная тенденция литературной речи, требующая стандартного склонения (И. мн. на -ы, -и и схема ударения а). В связи с этим возникает множество колебаний (см., в частности, АГ, § 219), причем вариант с И. мн. на -а, -á приобретает разговорную или профессиональную окраску, а вариант с И. мн. на -ы, -и — литературно- книжную окраску. С другой стороны, происходит естественное расслоение слов данного типа на группы в зависимости от сферы употребления. Во-первых, имеется значительная группа слов «книжного» характера, например: *сáрса́р*, *мéйтор*, *цéрбóр*, *жéцер*, *рýцарь*, *кáртэр*, *фáктор*, *жéупел*, *плéвэл*, *сáмое́з*; сюда же относятся названия лиц и предметов из жизни других стран или других эпох, например: *бýргер*, *гáнгстер*, *кáнцлер*, *кéбкер*, *лайдер*, *лайтор*, *на́стор*, *прéтор*, *рýтор*, *спáкер*, *фéрмер*, *кéсарь*, *дбллар*, *крéйцер*, *тáблер*, *бýшель*. Эти слова в разговорной речи не встречаются или встречаются лишь крайне редко, в качестве «инородных тел»; поэтому они не попадают в сферу действия описаний разговорной тенденции и сохраняют стандартное склонение. Другую группу составляют общеупотребительные слова указанного строения, т. е. слова, достаточно часто встречающиеся как в разговорной (или профессиональной), так и в литературной речи. Это в основном названия конкретных предметов, например: *вéер*, *кáмтер*, *крéйсер*, *брéдер* (документ), *прожéктор*, *трáктор*, *фáйгер*, *хýтор*, *лай́гер*, *я́корь*, *бéртель*, *ку́пол*, *шбомпóл*, *бéксель*, *кýтель*, *тбополь*, *фáйлы*, *штéмпель*, *штéмпель*; названия людей (главным образом по профессии), например: *дирéктор*, *дбктор*, *инспéктор*, *кондуктор*, *кýчер*, *мáстэр*, *пóвар*, *профéссор*, *редáктор*, *тéнор* (певец), *фэльдшер*, *шáббер*, *шкýнер*, *шýлер*, *ёгер*, *пéкарь*, *пýсарь*, *слéсарь*, *тбокарь*, *учите́ль*; из слов с иным значением отметим *вéтер*, *вéчер*, *нóмер*, *сéктор*. В разговорной речи практически все слова этой группы склоняются (или хотя бы могут склоняться) по образцу с И. мн. на -а, -á¹¹⁷. В большинстве случаев (в частности, во всех приведенных примерах) этот образец склонения признается также в качестве литературной нормы (часто паряду со стандартным склонением). У слов с двумя вариантами литературной нормы варпант с И. мн. на -ы, -и (например, *крéйсеры*, *трáкторы*, *тбокари*, *слéсари*, *шкýнеры*) обычно характерен для речи людей, непосредственно не связанных с соответствующим предметом или профессией. В меньшинстве случаев противопоставляются литературный И. мн. на -ы, -и и нелитературный на -а, -á; таковы, например, слова *конструéктор*, *лéкипор*, *рéктор*, *снай-п*.

¹¹⁶ Нелитературные словоформы И. мн. на -а, -á, встречаются также у слов *бухгáльтер*, *ефрéйтор*, *дрéгиль*, *прбфили*, *циркуль*, строение которых лишь сходно с описанным здесь.

¹¹⁷ Исключение составляют лишь немногие слова, в частности: *ангел*, *бýйвол*, *дýйвол*, *йдóл*, *маршал*, *фáкел* (слова на л вообще меньше тяготеют к образцу с И. мн. на -а); *жýтель*, *зрýтель*, *мстýтель* (с суффиксом -тель), *щéголь*; *пáхарь*, *сýдарь*, *ўхарь*; *гвóр*, *сгвóр*, *тáбор*.

пер, *ши́йцер*; ср. также литературное *шоффёр* и пелитературное *шоффер* (которому соответствует ед. число *шоффер*). Впрочем, некоторые из нормативных указаний АО, по-видимому, несколько отстают от современного состояния языка; так, словоформы *грибелá*, *вымпелá*, *джемперá*, *рупорá*, *свитерá*, не признаваемые АО, практически представлены очень широко и едва ли должны считаться нелитературными. Часто словоформы И. мн. на -á, -й имеют более явную разговорную (или даже просторечную) окраску, чем словоформы косвенных падежей мн. числа с флексионным ударением; ср., например, *ветрá*, *гостпиталé*, *кренделá* (в прямом значении), *лекаря* (разговорная окраска) и *вестроб*, *гостпиталéй*, *кренделéй*, *лекарéй* (нейтральная окраска). В связи с этим для нескольких слов рассматриваемого строения АО дает в качестве нормы И. мн. на -ы, -и, но при этом схему ударения *e*¹¹⁸; таковы слова *крéйдель* (в прямом значении), *лéкарь*, *сбóль* (животное), *трюфель*, *фúхтель*, а также слово с трехсложной основой *гвспиталь*. Сюда же мы считаем необходимым отнести слово *вéтер* (см. § 4. 2). Третью, весьма многочисленную группу слов рассматриваемого строения составляют слова, встречающиеся только в профессиональной речи (главным образом, названия механизмов и их частей или иных конкретных предметов), например: *анкер*, *кли́нкер*, *кли́пер*, *коллектор*, *компрессор*, *ле́ер*, *редуктор*, *скрéпер*, *скру́ббер*, *страйнер*, *тёндер*, *штуцер*, *бúгель*, *вíнкель*, *дíзель*, *дюбель*, *ниппель*, *рүмпель*, *стáпель*, *трéнзель*, *шéнкель*. Насколько можно судить по имеющимся неполным материалам, а также по непосредственным наблюдениям, в профессиональной речи господствующим образом склонения для таких слов является образец с И. мн. на -á, -й. Вопрос о том, существует ли вообще для склонения таких слов литературная норма и если да, то должна ли она совпадать с практикой профессиональной речи, не вполне ясен. Нормативные указания АО и Орф. в отношении таких слов непоследовательны. В самом деле, если считать, что литературная норма совпадает здесь с практикой профессиональной речи (что представляется более естественным), то следовало бы признать И. мн. на -á, -й у большого числа слов, для которых АО и Орф. допускают только стандартное склонение (например: *скру́ббер*, *страйнер*, *бúгель*, *дíзель*, *трéнзель*). Если же считать литературной нормой для таких слов стандартное склонение (независимо от практики профессиональной речи), то неоправданным окажется «выборочное» признание И. мн. на -á, -й, например, у слов *кли́нкер*, *кли́пер*, *штуцер*, *вíнкель*, *дюбель*, *шéнкель* и т. п. По-видимому, для решения этих вопросов необходимы более широкие наблюдения над современной профессиональной речью (устной и письменной). Вопрос о способе образования мн. числа, естественно, неактуален для *singularia tantum* (независимо от сферы их употребления), например: *гбнор*, *клéйстер*, *мýсор*, *сáхар*, *сéвер*, *фбсфор*, *йомор*, *кáфель*, *никель*, *жéль*. Если, однако, по какой-либо причине мн. число от такого слова начинает употребляться, оно подчиняется описаным выше закономерностям. Так, слово *сáхар* образует в языке химиков И. мн. *сахарá* (приведено в Был.); ср. также арготизм *мусорá*.

Особую маленькую группу составляют слова с двухсложной начально-ударной основой, оканчивающейся на *и*: *дýакон*, *брéден* (знак отличия), у моряков также *мýчман*, *штýрман*. Помимо двух последних слов в профессиональной речи моряков И. мн. на -á, могут образовываться также слова *бýцман*, *лýбцман*, *флáгман*. Профессиональными являются также словоформы И. мн. на -á от слов *клáпан*, *лáцкан*, *тýрман*.

Еще одну особую группу составляют слова с двухсложной начально-ударной основой, оканчивающейся на *с*: *кбртус*, *прýмус*, *пáрус*; *адрес*,

¹¹⁸ Заметим, что тем самым схема ударения *e*, одна из самых архаических в русском склонении, оказывается открытой для пополнения новыми словами.

ибъяс, тбрбас, тјес; сюда же примыкает слово *тбрмоз*. В этой группе заметной «притягательной силой» обладают слова на *ус* (*юс*): в профессиональной и разговорной речи И. мн. на *-а* часто образуют также слова *кбнус* (деталь), *мйнус*, *плинтус* и в особенности *пблус*.

После выделения всех перечисленных групп остается лишь весьма незначительный «остаток»: а) три слова на *ов* — *жёрнос*, *кузов*, *bstров* (ср. *бров*, *приств*); б) *жёмчуг*, *лемех*, *певод*, *бвод*, *блут*, *паспорт*, *пбтров*, *лстраб*. В профессиональной речи И. мн. на *-а* могут образовывать также слова *дискант*, *рарорт*, в просторечии — также слово *мёсяц*.

Рассмотрим теперь слова, приведенные в пункте 4, т. е. слова с односложной основой. Привлекает внимание то, что среди них нет оканчивающихся на инициальную или *ь*; однако, в отличие от слов с неодносложной основой, выделить отдельные продуктивные типы здесь довольно трудно. Эта группа слов несомненно обладает определенной «притягательной силой» в нелитературной речи И. мн. на *-а* встречается, в частности, у слов *взвод*, *рост*, *торт*, *трос*, *шторм* (литературная норма — схема *а*), *гроб*, *плуг*, *раз*, *род* (норма — схема с И. мн. на *-ы*, *-и*), *гром*, *лом*, *порт*, *слог*, *флот*, *фронт* (норма — схема *е*). Для слова *ток* (гумно) АО дает схему *е*, а Орф. — схему с И. мн. *тока*. По-видимому, в расширении круга односложных слов с И. мн. на *-а* значительную роль играет прямое созвучие с конкретными словами, уже склоняющимися по этому образцу. Так, почти все приведенные примеры можно объяснить такого рода аналогиями: спр. *слога* и *рога*, *лога*, *стога*; *портá*, *тортá* и *бортá*, *сортá*; *громá*, *ломá* и *домá*; *взводá*, *родá* и *годá*, *ходá*; *тросá* и *лесá*. В отношении слов *лом*, *порт*, *ток* (гумно), *флот*, *фронт* следует заметить, что признаваемая для них литературной нормой схема *е*, по-видимому, носит такой же «компромиссный» характер (между схемой *а* и схемой с И. мн. на *-а*), как и у слов *гбспиталь*, *крéидель*, *лéкарь*, *сболь*, *трюфель*, *фүхтель* (см. выше).

Все слова, приведенные в пункте 7 (т. е. слова с неодносложной конечноударной основой) носят характер редких исключений. При этом у слов *лемéх*, *сокбл₁₋₂*, *перéд* И. мн. на *-а* фактически заимствован из другого варианта парадигмы, где в ед. числе выступает начальноударная основа (*лемех*, *сбкол*, *перед*). По-видимому, однако, интенсивное расширение круга слов с И. мн. на *-а*, *-я* в разговорной и профессиональной речи постепенно приводит к тому, что в этот круг втягиваются и слова с конечноударной основой. Отсюда, например, такие просторечные словоформы, как *инженерá*, *офицерá*; спр. также отмеченное в АГ профессиональное *пароходá*.

Нестандартное условное окончание И. мн. *-ы* представлено в следующих словах с *редиего* морфологического рода:

1) в словах с исходной словоформой на *ко*, кроме слов *войско*, *облако*, *бллачко* (т. е. кроме слов схемы *ударения с*), например: *яблоко*, *лýчико*, *пёрышко*, *домишко*, *очкó* — И. мн. *яблоки*, *лýчики*, *пёрышки*, *домышки*, *очки*; кроме того, в слове *брóхó* — И. мн. *брóхи*;

2) в словах *колéно* (сустав), *плечб*, *ухо*¹¹⁹ — И. мн. *колéни*, *плéчи*, *уши*;

3) в слове *дитя* — И. мн. *дéти*;

4) в словах *мазлб*, *треплб* (муж. род) — И. мн. *мазлы*, *треплы*;

5) параллельно со стандартным условным окончанием *-а* — во всех словах с исходной словоформой на *ице*, принадлежащих к мужскому роду (= к согласовательному классу 1 или 2), например: *домйще* — И. мн. *домйщи* и *домйщи*; *хвостйще* — И. мн. *хвостйщи* и *хвостйщи*; *волчйще* — И. мн. *волчйща* и *волчйщи*¹²⁰.

¹¹⁹ К этой же группе примыкает слово *бко* (И. мн. *бчи*), которое с формальной точки зрения подпадает под действие предыдущего подпункта.

¹²⁰ Все эти слова представляют собой производные с увеличительным значением от слов мужского рода; однотипные или даже омонимичные им

Нестандартное условное окончание И. мн. *-а* представлено в следующих словах *женского* морфологического рода: *грозъя* (вариант с И. мн. *грозъя*) и *дядъя* (как термин родства) (вариант с И. мн. *дядъя*)¹²¹.

2. Особое условное окончание И. мн.: *-е*. Это нестандартное условное окончание представлено (вместо стандартного *-ы*) в следующих словах мужского морфологического рода (все они одушевленные и обозначают людей):

- 1) во всех словах с исходной словоформой на *ашн* или *яншн*, имеющих в условной основе чередование *ин/Ө* (см. § 6.32, чередование № 6), например: *крестъяни*, *молдавши*, *армяни* — И. мн. *крестъяне*, *молдаване*, *армяне*;
- 2) в словах *бáрип* (вариант с И. мн. *бáре*) и *бóйрин* — И. мн. *бóрье*;
- 3) в слове *цигáн* — И. мн. *цигáне*.

3. Условное окончание Р. мн., заимствованное из другого рода: в муж. роде *Ө* (вместо стандартного *-ов*), в жен. и среднем родах *-ов* (вместо стандартного *-ю*).

Нестандартное условное окончание Р. мн. *-Ө* представлено в следующих словах *мужского* морфологического рода:

- 1) в следующих словах, имеющих в условной основе чередование *Ө/*j*: *девер*, *друг*, *князь*, *муж* (супруг; мн. *мужья*), *сын* (в прямом знач.; мн. *сыновья*) — Р. мн. *деверёй*, *другёй*, *князёй*, *мужёй*, *сыновёй*; *собрат* (вариант с Р. мн. *собратий*);

2) во всех словах, имеющих в условной основе чередование *он*к/ат* или **к'/ат* (см. § 6.32, чередования № 14 и 15), например: *гусёнок*, *солнечник*, *чертёночок* — Р. мн. *гусят*, *волчят*, *чертенят*;

3) во всех словах, имеющих в И. мн. нестандартное условное окончание *-е* (см. выше), например: *крестъянин*, *бóйрин*, *цигáн* — Р. мн. *крестъяны*, *бóйр*, *цигáн*;

4) в словах: *боглáрин*, *татáрин*, *хозáрин*, *бáрип* (вариант с И. мн. *бáры*), *господи́н*, *хозáин* (т. е. во всех словах с чередованием *ин/Ө*, не вошедших в предшествующий подпункт — Р. мн. *боглáр*, *татáр*, *хозáр*, *бар*, *господ*, *хозáеа*);

5) в словах а) *абазýн*, *грузýн*, *имеретýн*, *кюриýн*, *лезгýн*, *осетýн*, *румын*, *сарацýн*; *балкár*, *башкár*, *бурýт*, *тýрок*, *тирок* (см. § 4.2); б) *партизán*, *солдáт*, *человéк* (вариант с основой мн. ч. *человек*) в) *гардемарин*, *grenадéр*, *гусár*, *драгýн*, *кадéт*, *кирасíр*, *улáн*, *янычáр* (у всех слов рубрики в нестандартное условное окончание Р. мн. выступает только при собирательном значении; когда речь идет об отдельных людях, выступает стандартное условное окончание *-ов*, ср. пояснения АО при этих словах);

6) в словах а) *алтын*, *аршýн*, *гран*; *ампér*, *ватт*, *гектоватт*, *киловатт*, *вольт*, *грамм* (//), *килогрáмм* (//); б) *ботаник*, *вáленок*, *мокасýн*, *погбн*, *сапóг*, *саножóк* (вариант с мн. *саножки*), *чулóк*; в) *волос*, *глаз*, *глазóк* (вариант с мн. *глázки*), *зубóк* (вариант с мн. *зубки*), *рожóк* (вариант с мн. *рóжки*)¹²², г) *раз*.

производные с другими значениями принадлежат к среднему роду: ср. *топорище* ‘большой топор’ (муж. род) — *топорище* ‘рукоятка топора’ (сред. род), *городище* ‘большой город’ (муж. род) — *городище* ‘место, где стоял город’ (сред. род). Заметим, что с фонетической точки зрения в большинстве типов современного произношения различия между словоформами на *иши* и на *ища* нет, т. е. вопрос оказывается по существу орографическим.

¹²¹ У целого ряда слов женского морфологического рода II субстантивного склонения (как правило принадлежащих в литературной речи к схеме ударения *e*) в просторечии встречаются словоформы И. мн. на *-á*, *-ái*, в частности: *кровá*, *церквá*, *дочеря*, *матеря*, *областя*, *отрасль*, *очередя*, *площадя*, *пристаня*, *скóростя*. Ср. также «узаконенное» в литературной речи plurale tantum *веленя*. Появление таких словоформ очевидным образом связано с большим распространением И. мн. на *-á*, *-ái* у слов мужского морфологического рода.

¹²² Ср. также словоформу *рог* в пословице *бодливой корове бог рог не дает*.

З а м е ч а н и я

Слова, перечисленные в пунктах 1—5, — одушевленные (причем слова пунктов 1, 3, 4, 5 обозначают людей); слова, перечисленные в пункте 6 — неодушевленные. Подразделения в пунктах 5 и 6 соответствуют семантическим группам. У слов из пунктов 1—4 (кроме слова *цыгын*) и у слов *блос*, *глазб*, *зуббк*, *рожбк*, *сапожбк* (Р. мн. *волбс*, *глазок*, *зубок*, *рбжек*, *сапбжек*) словоформы И. ед. и Р. мн. не омонимичны; у прочих перечисленных слов (т. е. у большинства слов из пунктов 5 и 6 и у слова *цыгын*) эти словоформы омонимичны.

Приведенные списки составлены в соответствии с принципами, указанными в § 4.2. Отметим, что Орф. дает Р. мн. с нулевым окончанием для слов *микрбн* и *миллимикрбн* (по АО окончание *-ов*), Уш. — для слова *орочбн* (по Орф. окончание *-ов*; в АО нет). В действительности, однако, границы здесь не столь четки: в современном языке у слов, перечисленных в пунктах 5 и 6, и ряда слов, сходных с ними по значению и морфологическому строению, наблюдаются колебания между Р. мн. с нулевым окончанием и с окончанием *-ов*. Это явление подробно исследовано в двух недавних работах Л. К. Граудиной¹²³. По ее данным, число слов с омонимичными словоформами И. ед. и Р. мн. в современной разговорной и письменной речи достигает 200. Ею установлено также, что за последние 50—70 лет употребительность нулевого окончания Р. мн. возросла. Данные Л. К. Граудиной позволяют критически отнести к ряду действующих нормативных указаний. Приведем некоторые из требуемых словарем АО словоформ Р. мн. на *-ов*, которые в материалах, обследованных Л. К. Граудиной, представлены гораздо реже, чем соответствующие словоформы с нулевым окончанием, или вообще не представлены: *карёлов*, *мадъяров*, *туркмёнов* (по материалам письменных источников); *граммов*, *килограммов*, *абрикосов*, *апельсинов*, *баклажанов*, *мандаринов*, *помидоров* (по материалам устной речи).

Нестандартное условное окончание Р. мн. *-ов* представлено в следующих словах среднего морфологического рода:

1) во всех словах, имеющих в условной основе чередование *θ/*j* (см. § 6.32, чередование № 12), например: *дерево*, *перб*, *дно* — Р. мн. *дерёвьев*, *пёрыш*, *дныев*;

2) в следующих словах с исходной словоформой на *ко*: а) во всех словах I субstantивного склонения на согласную (или *ы*) + *кб*, кроме *ушкб* в уменьшительном значении (а именно: *брюшкб*, *озеркб*, *очкиб*, *ушкб* ‘отверстие’; *гнейкб*, *воронкб*, *карькб*, *серкб*, *сивкб*; также *молочкб*, *пивкб*, практически не употребляющиеся во мн. числе); б) в словах с исходной словоформой на *ико*: *колёсико*, *мичико*, *плёчико*; в) в словах *дрёко*, *блако*, *блачко*;

3) в следующих словах с исходной словоформой на *ье*, *иё*: *верхбвье*, *низвье*, *платье*, *подмастэрье*, *полудурье* (обл.), *развббье*, *устье*, *остриё*, *живиё*;

4) в следующих словах с исходной словоформой на *це*: *болбце*, *воловбце*, *крайбвце*, *окбвце*;

5) в словах: *судно* (корабль): *мазлб*, *треплб* (муж. род).

Примеры Р. мн.: *очкиб*, *колёсиков*, *блакб*, *платьев*, *остриёв*, *болбцев*, *судб*.

З а м е ч а н и е. У слов с исходной словоформой на *це*, *ье*, *ко* в Р. мн. возможны колебания. Так, АГ и Уш. дают словоформы *колёнцев*, *копытцев*, *корытцев* (наряду с *корытце*); АГ дает *поберёжьев* и *поберёжий*, Уш. только *поберёжьев*; Уш. дает *щупалец* и *щупальцев*, *яблок* и *яблоков* (АО во всех этих случаях допускает только словоформы с ну-

¹²³ Л. К. Граудина. О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964; О на же. Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных — единиц измерения. — Там же.

левым окончанием: *колёсец*, *копытцец*, *корытцец*, *побережий*, *щупалец*, *блок*). Словоформы *полёнцев*, *полотёнцев*, *угбдьев* обычно квалифицируются как просторечные.

Нестандартное условное окончание Р. мн. -ов представлено также в словах женского морфологического рода, имеющих в условной основе чередование *θ/*j*, а именно: *гроздь* (вариант с И. мн. *гроздья*) — Р. мн. *гроздьев*; *дядя* (как термин родства) (вариант с И. мн. *дядька*) — Р. мн. *дядьёв*.

З а м е ч а н и е. Это нестандартное условное окончание представлено также в словах мужского и общего рода (но женского морфологического рода) с исходной словоформой на *я* или *иа*, обозначающих лиц из индийской жизни, например: *вайшья*, *кшатрия*, *Мáурья*, *Чалукья* — Р. мн. *вайшьев*, *кшатриев*, *Мáурьев*, *Чалукьев*. Все такие слова относятся к числу специальных терминов индолологии и в обычные словари не входят. Исключение составляет только слово *пáрия*. Для него в АО и Орф. требуют стандартного Р. мн. *пáрий*; однако в разговорной практике преобладает словоформа *пáриев* — по указанному здесь образцу. Слова на *иа* могут также переходить в мужской морфологический род: *пáрий* (приведено в Уш.), *кшатрий*; для слов на *я* этой невозможна. Нестандартное условное окончание -ов несомненно представляет собой в рассматриваемых случаях перенос из мужского морфологического рода под влиянием значения этих слов. Этот перенос облегчается малой употребительностью словоформ ед. числа. У слов на *я* дополнительной причиной является стремление сохранить неизмененную основу, т. е. избежать словоформ с беглой гласной типа **вайши*.

4. Условное окончание Р. мн. -ej, не соответствующее положению условного ударения (вместо стандартного для словоформ с наосновным условным ударением условного окончания -θ) ¹²⁴. Это нестандартное условное окончание представлено в слове среднего морфологического рода *вёче* и в следующих словах женского морф. рода:

- 1) во всех словах на безударное *гля*, *кля*, *хля* и на согласную + безударное *ря*, а именно: *кéгля*, *нáкля*, *сáкля*, *цикля*, *бúкля* (*пúкля*), *рóхля*, *рásпря*;
- 2) в словах: а) *рáджа*, *магараджा*, *чукча*, *юноша*, *дáдя* (варпант с И. мн. *дáди*), *эрзя*, *пустомéйт*, *мáмля*, *робня*, *нербня*, *офéня*, *гориéня* (*устар.*, *тихóня*, *растéрпя* (/), *бáтja* (простореч.), *тáтja* (простореч.); б) *свóдня*, *тéтja*; в) *обжá* (наряду с *обжá*, схема f), *мréжa* (*устар.*; /), *кóрча*, *вéрша*, *семя-дбáя* (*семенодбáя*), *мáрля*, *пúтля* (/), *ходúля*, *карáкуля*, *стáоня* (/), *схóдня*, *пéня*, *пáйтja*, *чúня*, *пригбрóшия* ¹²⁵.

Примеры Р. мн.: *вёчей*, *сáклей*, *рásпрей*, *юношей*, *мáмлeй*, *кóрчей*, *плóтней*.

З а м е ч а н и я

Распространение данного нестандартного условного окончания можно связать с действием нескольких разных факторов. Во-первых, в некоторых случаях стандартное условное окончание -θ оказывается нежелательным по фонетическим причинам, поскольку оно должно привести либо к редкому в конечном положении стечению согласных, либо

¹²⁴ Это нестандартное условное окончание при желании можно трактовать и как заимствование из мужского морфологического рода (где условное окончание -ej выступает независимо от условного ударения). Для части слов такая трактовка, по-видимому, оправдана и по существу (см. замечания ниже). Предложенная трактовка связана с тем, что встречается и обратное отклонение от стандарта — нестандартное условное окончание 5.

¹²⁵ Заметим, что относительно Р. мн. слов *рáджа*, *магараджा*, *эрзя*, *нербня*, *офéня*, *бáтja*, *тáтja*, *вéрша*, *карáкуля*, *пéня* словари не дают надежных сведений (см. об этом § 4.2). У слов *нáкля* и *мáрля* мн. число лишь потенциально.

к появлению беглой гласной в необычном окружении; так, например, должна появиться словоформа *сакль или *саколь. Нестандартное условное окончание -еј оказывается в этих случаях удобным способом избежать как того, так и другого (ср. словоформу саклей). Действие этого фактора можно усмотреть в словах подпункта 1 (а также ббжа, чукка).

Во-вторых, данное нестандартное условное окончание может появляться по аналогии со словами мужского морф. рода (ср. выше спуску 124). Этот фактор действует на все слова мужского и общего рода, оканчивающиеся на согласную + безударное я и на шипящую + безударное а. В приведенном списке таковы слова подпункта 2а, а также рхъя. За пределами этого списка можно указать, во-первых, несколько нарицательных имён (например, нёна, соня, папаня), во-вторых, уменьшительные собственные имена типа Ва́ся, Волбда, Пётя, Серёжа. Р. мн. таких слов, изредка встречающийся в разговорной речи, колеблется: возможно, например, нюнь и нёней, Волбдь и Волбдей. Ср.: «Один из Серёжей полез в карман . . .» и «Тогда на него второй из Серёж прищурил глаз, в морщины оправленный» (Маяковский, По городам Союза).

В-третьих, нестандартное условное окончание -еј получают слова, употребляющиеся преимущественно во мн. числе и приближающиеся, таким образом, к pluralia tantum. Причина здесь в том, что в современном языке для pluralia tantum с исходной словоформой на согласную (кроме к, г, х) + и нормой является Р. падеж на -ей, например: шашни—шашней, паскатайжи—паскатайгей. Действие этого фактора можно усмотреть в словах: кбрча, вёрша, ходуля, кара́куля, стаёня, схбдня, пёня, плутня, чуня, а также кёгли, бükля, rásprя (ср. гораздо чаще употребляемые словоформы кбрчи, вёрши, ходули, кара́кули, стаёни, схбдни, пёни, плутни, чуни, кёгли, бükли, rásprи).

Р. мн. тётей, по-видимому, объясняется аналогией со словом дядя, Р. мн. сёбдней — аналогией со словами типа рбня, Р. мн. семено́блей (семенодблей) — прямым влиянием слова дбля (Р. мн. долей). Таким образом, указанные факторы позволяют объяснить почти все случаи появления нестандартного условного окончания -еј. (Разумеется, разные факторы не исключают друг друга, ср. слова бükля, rásprя, рхъя.) Отметим, что колебания в Р. мн. встречаются не только у слов мужского и общего рода, но и у многих других рассмотренных выше слов, например: стаёней и стаён, схбдней и схбден, тётей и тёть. Для слов лютня и цапля АГ дает Р. мн. лютней, цаплей (в АО только лютен, цапель); напротив, для слова вёче АГ дает Р. мн. веч (в АО только вёчей).

5. Условное окончание Р. мн. -ө, не соответствующее положению условного ударения (вместо стандартного для словоформ с флексионным условным ударением условного окончания -еј). Это нестандартное условное окончание представлено в слове среднего морфологического рода плеч (Р. мн. плач) и в следующих словах женского морфологического рода: госложа́, дереви́я, заря́ (рассвет) (схема ударения d//f; условное окончание Р. мн. -ө является нестандартным только при схеме ударения f), межа́, простыни́, шестерни́ (диск) — Р. мн. гослбж, дереве́нь, зорь, меж, простыни́¹²⁶, шестерён; свечá (вариант с Р. мн. свеч).

6. Особое условное окончание Т. мн.: -ми. Это нестандартное условное окончание представлено (вместо стандартного -ами) в словах: а) дитай — Т. мн. детьми; ребёнок — Т. мн. детьми; человéк (вариант с мн. людьми) — Т. мн. людьми; б) дверь — Т. мн. дверя́ми и дверьми; дочь — Т. мн. дочеря́ми и дочерьми (словоформа дочеря́ми признается в АО разговорной); лбшади — Т. мн. лошадьми и лошадьми; зверь — Т. мн. зверя́ми и зверьми¹²⁷.

¹²⁶ В современном языке слова межа́ и простыни́ стремятся к образованию Р. мн. со стандартным условным окончанием: межей, простыней.

¹²⁷ Ср. также устойчивые выражения: быть племьми, лечь постъми.

*Б. Нестандартные условные окончания,
представленные у группы слов книжного характера,
сохраняющих элементы старославянского склонения*

7. Нестандартное условное окончание И. ед. сред. рода -е (вместо стандартного -о).

8. Нестандартное условное окончание Т. ед.: в сред. роде -ем (вместо стандартного -ом), в жен. роде -ej, -ejу (вместо стандартного -oj, -ojу).

9. Нестандартное условное окончание П. ед. (всех родов) -ы (вместо стандартного -е).

10. Нестандартное условное окончание Д. ед. жен. рода -ы (вместо стандартного -е).

Нестандартные условные окончания 7—10 представлены в следующих группах слов:

а) в слове *сей* представлено нестандартное условное окончание № 7: И. ед. сред. *сие;*

б) в словах *бытие*, *небытие*, *ишибытие*, *житие*, *нитие* представлены одновременно нестандартные условные окончания № 7, 8 и 9; например: И. ед. *бытие*, Т. ед. *бытием*, П. ед. *бытий*;

в) в словах *литий*, *паремий*, *судий* представлены одновременно нестандартные условные окончания № 8, 9 и 10; например: Т. ед. *литий*, Д. ед. и П. ед. *литий*.

*В. Нестандартные условные окончания,
представленные у количественных числительных
неаномального склонения и у слова *дитя**

11. Нестандартное условное окончание Т. ед. сред. рода -ој, заимствованное из другого рода и другого типа склонения (вместо стандартного -ом). Представлено в слове *дитя*: Т. ед. *дитятеј*.

12. Нестандартное условное окончание Т. ед. жен. рода -ју, заимствованное из другого типа склонения (вместо стандартного -ој, -оју). Представлено в слове *тысяча* (числительное): Т. падеж *тысячию* (наряду с *тысячей*).

13. Нестандартное условное окончание И. мн. жен. рода -о, заимствованное из другого числа и другого рода (вместо стандартного -ы). Представлено в словах *пятьсот*, *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот*, *девятьсот* (в исходной словоформе).

*Г. Нестандартные условные окончания,
представленные у личных местоимений*

14. Нестандартное условное окончание И. ед. жен. рода -о (вместо стандартного -а). Представлено в словах *я* и *ты* (в исходной словоформе).

15. Нестандартное условное окончание Р. ед. жен. рода -а (вместо стандартного -ы). Представлено в словах *я*, *ты* и *себя*: Р. падеж *меня*, *тебя*, *себя*.

16—17. Нестандартное условное окончание Р. мн. и П. мн. муж. рода -ас (вместо стандартных -ов и -ах). Представлено в словах *мы* и *вы*: Р. и П. падежи *нас*, *вас*.

I местоименный тип склонения

18. Нестандартное условное окончание И. мн. (всех родов) -о, заимствованное из сред. рода ед. числа (вместо стандартного -ы). Представлено в словах *двбе*, *трбе*, *чётверо*, *пятеро*, *шестеро*, *сéмеро*, *восьмеро*, *девятеро*, *дёсятеро*, *стóлько*, *скóлько*, *нéсколько*, *мнóго*, *немнóго* (в исходной словоформе).

19. Нестандартное условное окончание И. мн.: в муж. и сред. родах -а, в жен. роде -е (вместо стандартного -ы во всех родах). Представлено в слове *бба*: И. падеж муж. и сред. родов *бба*, жен. рода *обе*.

20. Нестандартное условное окончание В. ед. жен. рода -оjo (вместо стандартного -у). Представлено в словах: *она* — В. падеж *её*; *сам* — В. ед. жен. самоё (наряду с *саму*).

21. Нестандартное условное окончание Р. ед. жен. рода *-оjo* (вместо стандартного *-oj*). Представлено в слове *опа́*: Р. надеж *сё*.

У слов аномального типа склонения все условные окончания признаются нестандартными. Поэтому проще указать целиком наборы условных окончаний таких слов, чем перечислять все встречающиеся здесь нестандартные условные окончания по отдельности. У слов аномального типа склонения представлены следующие наборы (нестандартных) условных окончаний¹²⁸:

1. И. сд. муж. рода *-я*, сред. рода *-o*; Р., Д., Т., И. ед. (всех родов) *-a*. Набор представлен у слова мужского морфологического рода *сброк* (Р., Д., Т., И. надежи — *сброкá*) и у слов среднего морфологического рода *сто* и *девяносто* (Р., Д., Т., И. надежи — *ста*, *девяноста*).

2. И. ед. муж. и сред. родов *-a*, жен. рода *-ы*¹²⁹; Р., Д., Т., И. ед. (всех родов) *-a*. Набор представлен у слова согласуемо-бесчислового разряда *полтора* (И. надеж муж. и сред. *полторá*, *жен. полторы*; относительно словоформы парного рода см. § 2.18; Р., Д., Т., И. надежи всех родов — *полýтора*) и у слова среднего морфологического рода *полтораста* (Р., Д., Т., И. надежи *полýтораста*).

3. И. мн. муж. и сред. родов *-a*, жен. рода *-e*¹³⁰, парн. рода *-o*; прочие надежи мн. числа без различия родов: Р. и И. *-ух*, Д. *-ум*, Т. *-ум'я*. Набор представлен у слова *два*: соответствующие словоформы — *два*, *две*, *двое*, *двух*, *двум*, *двум'я*.

4.. И. мн. муж., жен. и сред. родов *-ы*, парн. рода *-o*; прочие надежи мн. ч. без различия родов: Р. и И. *-ох*, Д. *-ом*, Т. *-ом'я*. Набор представлен у слова *три*: соответствующие словоформы — *три*, *трёбе*, *трёх*, *трём*, *трёмя*.

5. Все надежи мн. ч. без различия родов: И. *-o*, Р. и П. *-ох*, Д. *-ом*, Т. *-ом'я*. Набор представлен у слова *четыре*: И. муж., жен. и сред. *четыре*, парн. *четворо*, Р. и П. *четырёх*, Д. *четырём*, Т. *четырьмя*.

§ 6.31. Мы можем теперь ввести еще один различительный признак парадигм, относящийся к окончаниям: «нестандартные условные окончания». Этот признак может принимать нулевое значение и 27 ненулевых значений. Каждое ненулевое значение может иметь один из двух видов: 1) «в парадигме представлено такое-то нестандартное условное окончание (по нумерации, данной в предыдущем параграфе); других нестандартных условных окончаний нет»; 2) «в парадигме представлены одновременно такие-то нестандартные условные окончания; других таких окончаний нет». В первом случае названием данного ненулевого значения служит номер соответствующего нестандартного условного окончания, во втором — пара или тройка таких номеров. Последние пять значений рассматриваемого признака, выступающие у слов аномального типа склонения, называются: «аномальный набор такой-то» (по нумерации, данной в предыдущем параграфе для наборов нестандартных условных окончаний, представленных

¹²⁸ Словоформы В. надежа ип у одного из слов этого типа склонения не входят в число первичных.

¹²⁹ Если учитывать нелитературную словоформу *полторо* (см. § 2.18), то сюда следует добавить: И. ед. парн. рода *-o*.

¹³⁰ Ср. выше, нестандартное условное окончание № 19.

у слов аномального типа склонения). Чтобы избежать двойной нумерации, сами значения рассматриваемого признака не нумеруются по порядку. При каждом ненулевом значении указывается, какие слова его имеют (в основном с помощью отсылок к предыдущему параграфу).

Значения признака «нестандартные условные окончания»:

0. Нестандартных условных окончаний в парадигме нет (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

№ 1. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 1 (см. § 6.30), за исключением слов, имеющих значение настоящего признака «№ 1 и 3» (см. ниже), и слов *колено* (сустав), *плечо*, *дитя*.

№ 3. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 3 (см. § 6.30), за исключением слов, имеющих значение настоящего признака «№ 1 и 3» (см. ниже).

№ 1 и 3. Это значение имеют следующие слова:

Мужской морфологический род: 1) все слова, имеющие в условной основе чередование *он*к/ат* или **к/ат* (см. § 6.32, чередования № 14 и 15), например: *гусёно^кк*, *волчёно^кк*, *чертёно^кк*; 2) следующие слова, имеющие в условной основе чередование *0/*ј: дёвёрь*, *друг*, *князь*, *муж* (супруг; мн. *мужъи*), *сын* (в прямом знач.; мн. *сыновъи*), *собрат* (вариант с Р. мн. *собратъи*); 3) слова *господин* и *хозяин*; 4) слово *глаз*.

Средний морфологический род — следующие слова с исходной словоформой на *ко*: а) слова I субstantивного склонения на согласную (или *ъ*) + *ко*, кроме уменьшительного *ушкъо*; б) слова на *ико*: *колёсико*, *лайчико*, *плэцико*; в) слово *дрёвко*.

Женский морфологический род — слова *гроздъ* (вариант с И. мн. *гроздъя*) и *дядя* (как термин родства) (вариант с И. мн. *дядъя*).

№ 2 и 3. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 2 (см. § 6.30).

№ 4. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 4 (см. § 6.30), кроме слова *колено* (сустав).

№ 5. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 5 (см. § 6.30), кроме слова *плечо*.

№ 1 и 4. Слово *колено* (сустав).

№ 1 и 5. Слово *лаечб.*

№ 6. Слова — те, у которых представлено нестандартное условное окончание № 6 (см. § 6.30), кроме слова *дитя*.

№ 7. Слово *сей*.

№ 7, 8 и 9. Слова: *бытиё*, *не бытиё*, *шлюбытиё*, *житиё*, *питиё*.

№ 8, 9 и 10. Слова: *литиё*, *паремиё*, *судиё*.

№ 1, 6 и 11. Слово *дитя*.

№ 12. Слово *тысяча* (числительное) (//).

№ 13. Слова: *пятьсот*, *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот*, *девятьсот*.

№ 14. Слово *себя*.

№ 14 и 15. Слова *я* и *ты*.

№ 16 и 17. Слова *мы* и *вы*.

№ 18. Слова: *двбе*, *трбे*, *чётверо*, *пятеро*, *шесторо*, *сёмеро*, *восьмеро*, *девятеро*, *дёсятеро*, *столько*, *сколько*, *несколько*, *мнбго*, *немнбго*.

№ 19. Слово *оба*.

№ 20. Слово *сам* (//).

№ 20 и 21. Слово *она*.

Аномальный набор 1. Слова: *срок*, *сто*, *девяносто*.

Аномальный набор 2. Слова: *полтора*, *полтораста*.

Аномальный набор 3. Слово *два*.

Аномальный набор 4. Слово *три*.

Аномальный набор 5. Слово *четыре*.

Различительный признак «чередования в условной основе»

§ 6.32. Как видно из § 6.26, при переходе от действительного вида словоформ к условному все позиционные чередования исчезают. Так, например, действительные основы словоформ *звездá* и *звёзды* или *стрелкá* и *стрелкы* различны (вследствие чего здесь и выделяются чередования *е/ё* и *о/ø*); но на условном уровне эти различия снимаются: в первой паре единая условная основа *зв'езд*, во второй — *стрел*к* (т. е. чередований нет). Непозиционные чередования, однако, сохраняются (хотя сам их вид при этом может измениться):ср., например, пару словоформ *гусёнок—гус'ёта* и их условные основы *гус'он*к—гус'ат*.

Чередования в условных основах выделяются в принципе так же, как в действительных основах (см. § 6.23—6.24). Основное отличие здесь в том, что вместо обычной парадигмы берется суженная парадигма условного уровня (о возможности обращаться с ней как с обычной парадигмой см. § 6.14). Практически здесь применяется следующая процедура. Если в суженной парадигме условного уровня не все условные основы одинаковы, по правилам § 6.23 выделяются все представленные в ней формальные чередования¹³¹. Далее на основании выделенных формальных чередований устанавливаются обычные чередования, представленные во всей суженной парадигме. Это делается, однако, не по тому варианту правил, который дан в § 6.24, а по специальному дополнительному варианту, предназначенному для условных основ. Этот дополнительный вариант правил таков:

I. В условных основах парадигм *человéк* (мн. *люди*), *ребёнок* (мн. *дёти*) и *дитя́* (мн. *дёти*) представлены следующие чередования: *человéк—человéк'/а'уд'*; *ребёнок—реб'онж़/дёт'*; *дитя́—и.е и 0/ат'*. Относительно распределения ступеней этих чередований и их места внутри условной основы см. список ниже, № 5, 16, 17, 28. (Здесь применяются, таким образом, особые преобразования, которые состоят в замене всех формальных чередований суженной парадигмы указанным чередованием или чередованиями; см. § 6.24; примечание.)

II. В условных основах любой другой парадигмы представлены все те и только те чередования, которые образуются в результате поочередной обработки всех формальных чередований соответствующей суженной парадигмы условного уровня по следующим правилам:

1. Формальные чередования с указанным ниже составом ступеней подвергаются разрешенному преобразованию 1 (см. § 6.24; ниже сразу же выписан результат этого преобразования; для наглядности в скобках приведены слова, в которых представлено соответствующее формальное чередование): формальное чередование *к/чj* (слова *клок*, *кроk*, *сук*) «расщепляется» на чередования *к/ч* и *0/*j*; *э/з*j* (*друг*) — на *э/з* и *0/*j*; *иң/j* (*шурин*) — на *иң 0* и *0/*j*; *0/ов*j* (*сын*, *кум*) — на *0/ов* и *0/*j*; *иң/ов*

¹³¹ При этой операции может возникнуть формальное затруднение из-за того, что в пункте 3 алгоритма, данного в § 5.4, используется алфавитный порядок букв. В связи с этим условимся считать, что в русском алфавите после буквы я стоит еще следующий ряд символов: - (см. § 0.5); *j*, *'*, ***, *o₂*, *ø*, *ë*.

(хозяин) — на *и/и* и *и/ов*; **и/и*/и (выспренний) — на **и/и*/и и '*и/и*; *он/и* (они) — на *он/и* и '*и/и*; '*и/и*/и (*три*) — на '*и/и* и *и/о/и*; *и/и/он/и* (слова на *мя*, кроме *сёмя*, *стремя*, *полямья*) — на *и/и/он* и *и/и'* (результат «приведения» чередований *и/и/он* и *и/и/и*); *и/и/ан/и* (*сёмя*, *стремя*) — на *и/и/ан* и *и/и'* (с «приведением»); *от/и/и* (*этот*) — на *от/и/и* и *и/и'* (с «приведением»).

2. Формальное чередование *и/о/и/е/и* (слово *бба*) подвергается разрешенному преобразованию 2 (см. § 6.24), а именно, превращается в чередование *и/и/е/и* (с внутренним чередованием *e/e*). В парадигмах *я/ты* формальные чередования *я/и/и/и/и* и *ы/и/и/и/и* (*собственное*) подвергаются разрешенным преобразованиям 1 и 2, что в результате дает: *я/и/и/и/и* и *ы/и/и/и/и* (с внутренним чередованием *e/e*) и *и/и/и*; *ы/и/и/и/и* и *и/и/и* (с внутренним чередованием *e/e*) и *и/и/и*.

3. В прочих случаях формальное чередование остается без изменений.

Ниже приводятся все чередования, представленные в условных основах русских именных парадигм. Чередования разделены на классы (см. § 6.24). Классы выделены в пределах грамматического разряда (при этом, однако, бесчисловые разряды объединены)¹³². Для каждого класса указано правило распределения ступеней.

В настоящем параграфе даются также сведения о месте каждого чередования внутри условной основы. Назовем чередование *к о и ц е в y м*, если в любой условной основе любой парадигмы, где оно представлено, отрезок, участвующий в этом чередовании, находится правее последней буквы неизменяемой части условной основы (термины см. в § 5.4). Большинство чередований, представленных в условных основах, — концевые. Практически в одной парадигме бывает представлено не более двух концевых чередований. В приводимом ниже списке место внутри условной основы непосредственно указывается только для неконцевых чередований. Таким образом, отсутствие такого указания означает, что чередование является концевым. Место концевого чередования внутри условной основы определяется следующим общим правилом: 1) если в парадигме только одно концевое чередование, участвующий в нем отрезок является концом условной основы; 2) если в парадигме два концевых чередования, участвующие в них отрезки следуют непосредственно друг за другом, причем левее стоит отрезок, участвующий в чередовании с меньшим номером (по нумерации настоящего параграфа); вместе эти два отрезка образуют конец условной основы.

Для каждого чередования указано, в каких парадигмах оно представлено. В таких указаниях могут быть использованы сле-

¹³² Вообще говоря, можно было бы, воспользовавшись эталоном, отождествить распределение ступеней у некоторых чередований, представленных в парадигмах разных разрядов (ср., например, чередования № 18 и 36). Оказалось, однако, что в данном случае это не привело бы к упрощению; в частности, не уменьшилось бы общее число классов.

дующие сведения о парадигме: 1) исходная словоформа (в действительном виде, с разделением на основу и окончание); 2) морфологический класс; 3) сведение о том, является ли слово причастием (см. § 3.2).

Чередования, представленные в условных основах

Субstantивный разряд

*Класс I: 1-я ступень в ед. числе,
2-я во мн. числе*

1. *к/ч.* Слова: а) *бко—мн. бчи*; б) *клок, крюк, сук* (варианты с мн. *клобыя, крюбъя, сучъя*).

2. *г/з.* Слово *друг—мн. друзы*.

3. *х/ш.* Слово *ухо—мн. ѿши*.

4. *о/е* (место чередования — после первой буквы условной основы). Слово *чёрт—мн. чёрти*.

5. *и/е* (место чередования — после первых двух букв условной основы). Слово *дитя—мн. дёти*.

6. *ин/и*. Слова: а) все существительные 2-го морфологического класса (муж. одуш.) на *анин, янин*, за исключением слова *семянин* (мн. *семяниньы*), например: *крестынин, молдавнин, армянин—мн. крестыне, молдавне, армяне*; б) *бáрин, болáрин, господин, татáрин, хозáрин—мн. бáре* (также *бáры*), *болгáри, бóйре, господá, татáры, хозáры*; в) *хозáин—мн. хозáса; г) шурин* (вариант с мн. *шуръя*).

7. *и/и*. Слово *судно* (корабль)—мн. *суда*.

8. **к/и*. Слово *цветок* (растение)—мн. *цветы*.

9. *иц/и*. Слово *курица—мн. куры*.

10. *ø/ов*. Слова: а) *кум, сын* (в прямом знач.)—мн. *кумовы́, сыновы́*; б) *хозáин—мн. хозáева*.

11. *ø/ес*. Слова: *дрéво* (книги. устар.), *нéбо, чýдо* — мн. *древесá, небесá, чудесá*¹³³.

12. *ø/*j*. Слова:

мужской морфологический род — *брат, брус, гроэд* (устар.), *дёсерь, дргуз, зуб* (зубец), *зять, камень* (драгоценный и т. п.; вариант с мн. *камéнья*), *клин, клок* (вариант с мн. *клобыя*), *князь, коял* (в прямом знач.), *кблос, ком, копыла, крюк* (вариант с мн. *крюбъя*), *кум, лист* (дерева), *лоскут* (вариант с мн. *лоскутъя*), *луб, муж* (супруг; мн. *мужы*), *обод, пбод* (в упряжи), *пбоз, прут* (хворостина), *собрат, струп, стука, сук* (вариант с мн. *сучъя*), *сили* (в прямом знач.; мн. *сыновы́*), *у́голь* (древесный; простореч.), *шурин* (вариант с мн. *шуръя*)¹³⁴;

средний морфологический род — *дёрево, дно* (бочки), *звенib, колено* (сочленение), *крылб, перб, полено, помелb, силб* (обл.; вариант с мн. *силы*), *ийло*¹³⁵.

женский морфологический род — *гроэль* (вариант с мн. *грозды*), *дядя* (как термин родства) (вариант с мн. *дяды*).

¹³³ Словоформа *небесá* обычно представляет собой plurale tantum и лишь очень редко — мн. число от слова *нéбо* (ср. § 2.12). От слова *чýдо* в разговорной речи можно встретить также мн. число *чуда* (*чуд, чудам* и т. д.).

¹³⁴ В просторечии встречается также словоформа *волбъся*. Слово *корéнья* дается словарями как plurale tantum; однако некоторые значения слова *корéнь* довольно близки к его значению.

¹³⁵ Уп. приводит также областную словоформу *долбъя*.

13. 0/'. Слова: *колено*, *сосед*, *чёрт*—мн. *колёни*, *сосёди*, *чёрты*¹³⁶.

14. *онек/ат.* Слова: а) все существительные 2-го морфологического класса (муж. одуш.) на *ёнок* или на шипящую + *онок*, за исключением слов *бесёнок*, *чертёночок* (см. № 15), *ребёнок* (см. № 17), *милёнок* (мн. *милёнки*)¹³⁷; например: *гусёнок*, *волчёнок*, *негритёночок*, *пастушёнок*—мн. *гусята*, *волчата*, *негритята*, *пастушата*; б) существительные 1-го согласовательного класса (муж. неодуш.) *маслёнок* и *опёнок*—мн. *маслята*, *опята* (наряду с *опёнки*)¹³⁸.

15. *к/'ат. Слова: *бесёнок*, *чертёночок*—мн. *бесенята*, *чертенята*¹³⁹; *щенок*—мн. *щенята* (наряду с *щенки*).

16. *реб'онек/дем'*. Слово *ребёнок*—мн. *дёти*.

17. *человек/а'уд'*. Слово *челосéк*—мн. *люди*.

Класс II: 1-я ступень в И. ед., 2-я в остальных первичных словоформах

18. '0/. Слово *господь* — ср. Р. ед. *господа*.

19. ос/0. Слово *Христос* — ср. Г. ед. *Христá*.

20. 0/оп. Слова: *берёза* (обл.), *брéзма*, *врёма*, *вымя*, *знáмя*, *ймы*, *плáмь*, *плéмя*, *полуймы* (устар.), *тёмля* — ср., например, Р. ед. *врёмени*, *знáмени*, *ймени*, Р. мн. *времён*, *знамён*, *имён*.

21. 0/ан. Слова: *сéмья*, *стрéмья* — ср. Р. ед. *сéмени*, *стрéмени*, Р. мн. *семян*, *стрéмян*.

22. 0/ер'. Слова: *дочь*, *мать* — ср. Р. ед. *дóчери*, *матéри*.

23. 0/у (место чередования внутри условной основы — после начальной цепочки *пол*). Слова: *пблáдень*, *пблóночь* — ср. Р. ед. *полúдня*, *полúночи* (наряду с вариантом парадигм, не имеющим данного чередования: Р. ед. *пблáдия*, *пблóно*).

Класс III: 2-я ступень в Р. мн., 1-я в остальных первичных словоформах

24. '0/. Слова: а) все слова на согласную (или ы) + *ия*, имеющие в исходной словоформе действительное ударение на основе, за исключением слов *бáрышия*, *дерéвня*, *кухня* (Р. мн. *бáрышень*, *деревéнь*, *кухонь*)¹⁴⁰ и слов, имею-

¹³⁶ В книге Р. И. Авапесова и В. Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» (стр. 95) приводится также *слоня́*—*слони*.

¹³⁷ Для просторечных слов *ребятёночок* и *мальчонок* словари не приводят словоформ мн. числа; по-видимому, однако, эти слова потенциально допускают мн. число на *ята*, *ата* по общему правилу. (Заметим, что словоформу И. мн. *мальчики* следует соотносить с ед. числом *мальчика*.)

¹³⁸ Словоформа *опята* фактически утвердилась в современном языке (это констатирует, в частности, АГ, § 221, примеч. 1). Однако большинство словарей (АО, Орф., Ож.) признают только словоформу *опёнки*, вероятно, под влиянием этимологических соображений (связь со словом *пень*); Уш. считает словоформу *опята* просторечной; Был. допускает обе словоформы. Из числа неодушевленных существительных, кроме слов *маслёнок* и *опёнок*, исходную словоформу на *ёнок* или шипящую + *онок* имеют только *бочбонк* и областное *окорёночк* (кадушка). (Напомним, что слова на *енок*, например *вáленок*, *венёк* или *от्�тёночк*, *расцёночк*, сюда не относятся). Слово *бочбонк* в литературном языке имеет устойчивое мн. ч. *бочбонки*; в арго, однако, известна словоформа *бочбата* (часы). Таким образом, в современной живой речи тенденция к образованию мн. числа на *ята*, *ата* распространяется на все существительные указанного строения, независимо от одушевленности.

¹³⁹ В книге Р. И. Авапесова и В. Н. Сидорова (см.: Указ. соч., стр. 96) приводится также *лисенёк*—*лисенята*. АО дает только *лисята*.

¹⁴⁰ Уш. дает для слова *бáрышия* Р. мн. *бáрышень*; в АО и Орф. только *бáрышень*.

щих нестандартное условное окончание № 4 (см. § 6.30); примеры: *песня, деви́ня, спáльня*—Р. мн. *пéсен, девен, спáлен*; б) *пешнáй, шестернáй* (диск)—Р. мн. *пéшен, шестерён*; в) *сáжень* (вариант с Р. мн. *сáжэн*).

25. *год/лет*. Слово *год* (вариант с Р. мн. *лет*).

*Класс IV: 2-я ступень в Д., Т., П. мн.,
1-я в остальных первичных словоформах*

26. '1/0. Слово *цéрковь*—Д. мн. *церквáм*, Т. мн. *церквáми*, П. мн. *церквáх*¹⁴¹.

*Класс V: 1-я ступень в И. ед. и во мн. ч.,
2-я в остальных первичных словоформах*

27. 0/1*. Слова — все те, которые имеют чередование № 19 или № 20 (см. выше).

28. 0/ат*. Слово *дитя* — ср. Р. ед. *дитяти*.

Расширенный адъективный разряд

*Класс VI: 1-я ступень в атрибутивных первичных словоформах,
2-я в неатрибутивных словоформах*

29. '*н/0. Слова: а) все причастия на *нны́й*, например: *дáнный, решё́нnyй, провéренnyй, воспýтанный, прéданный* (причастия от *дать, решить, проверить, воспитать, предать*); б) следующие обычные прилагательные (управление указано для того, чтобы уточнить, в каком значении прилагательное имеет данное чередование): *расхáбанный, опосрédствованный, прéданный (кому-л., чему-л.), противопокáзанный (кому-л.), обýганный (что-л. сделать), связанный (с чем-л.), общепрýзанный, помéшанный (на чем-л.), предубеждённый (против чего-л.), врождённый, измождённый, обнажённый, положенный (кому-л.), расположенный (к кому-л., к чему-л.), предрасположенный (к чему-л.), благорасположенный (к кому-л., к чему-л.), изнеможённый (о человеке), подвёрженный (чему-л.), привёрженный (к чему-л.), сопряжённый (с чем-л.), раздробленный, влюблённый (в кого-л., во что-л.), предустановленный, осведомлённый, зачумлённый, вымышленный, уверенный (в чем-л.), намéренный (что-л. сделать), узнетённый (о людях), обречённый, расфранчённый, разvинченный, малоизу́ченный, лишённый (чего-л.), искушённый (в чём-л.), разобщённый, польщённый; кроме того, смятённый*¹⁴².

Примеры неатрибут. словоформ: *дан, данá, данб, данý; увéрен, увéрена, увéreno, увéрены*.

¹⁴¹ В современном разговорном языке, а также в литературе достаточно часто встречаются и словоформы без этого чередования: *церквáм, церквáми, церквáх*. Таким образом, принятую сейчас норму можно считать устаревающей.

¹⁴² Список составлен по данным Уш., с некоторыми поправками (данные АО и Орф. в этом отношении неподлежны ввиду их несистематичности). Следует учитывать, что проведённое с помощью этого списка разграничение между прилагательными с чередованием № 29 и прилагательными с чередованием № 33 (см. ниже) является в значительной мере условным, поскольку в самом языке здесь нет четкой границы. Так, например, наряду с *его болезнь врождённа* возможно также *его болезнь врождённа*. Особенно неустойчиво разграничение в тех случаях, когда противопоставление *нн—н* в неатрибутивных словоформах не поддерживается в ударении (т. е. там, где перед *нны́й* стоит безударная гласная), поскольку на устном уровне (при отсутствии специального выделения) здесь обычно нет различия; ср. примеры из АО: *образбáвана комиссия и она умна и образбáвана*. (В связи с этим наблюдаются и орфографические колебания, ср. запись *она умна и образбáвана*.)

30. '/0 (место чередования: в слове *искренний* — в конце условной основы, в слове *солёный* — перед последними двумя буквами условной основы). Слова: *искренний* (вариант с неатрибут. словоформами *искренен*, *искренна*, *искренно*, *искрены*; ср. № 35); *солёный* — неатрибут. словоформы *сблон*, *солонá*, *сблоно*, *сблоны*.

31. ен/*к/0. Слово *маленький* — неатрибут. словоформы *мал*, *малá*, *малó*, *малы*.

32. бойш/велик. Слово *большой* — неатрибут. словоформы *велик*, *велика*, *великб*, *велики*.

*Класс VII: 2-я ступень в неатрибут. словоформе муж. ед.,
1-я в остальных первичных словоформах*

33. *и/0. Слова:

1) Слова на ёнny и на безударное аинny, яинny или еинny, за исключением следующих: а) тех, которые имеют чередование № 29 (см. выше)¹⁴³; б) прилагательного (не причастия) определённый; в) прилагательных на б, п, е, ф, м, д (но не ж), т, з или с + ёнny (например, однoимёнnyй, казёнnyй), а также гажёнnyй, пишёнnyй, щёнnyй; г) прилагательных на б, п, ф, т, з или с + безударное енny (например, чёрносбтёнnyй), прилагательных на гласную + в, м или д + безударное енny (кроме обыденный; например, свое-врёменный), а также тамбёнnyй, башёнnyй, вишёнnyй, конюшёнnyй, богадёленnyй, солеварёнnyй, пивоварёнnyй, медоварёнnyй, смоловарёнnyй, мыло-арёнnyй, поварёнnyй, смолокурёнnyй, виногурёнnyй; д) прилагательного лбданный. Примеры: прилагательные (не причастия) воспятанный, запущенный, отдалёнnyй; также воспёрженный, неприкáянnyй, самонадеянnyй, торжественный, бесмáсленный, болéзняный, целомудренnyй.

2) Следующие слова на ёнny: соебёнnyй, забёный, незабёный, самозабёный, благословёный, дерзновёный, прикосновёный, вдохновёный, сокровёный, блажёный, растлёнnyй, неоценёный, презрёный, смиренnyй, неизречёный, свящёный.

3) Слово вýспренний.

Примеры неатрибутивных словоформ: воспýтан, воспýтана, воспýтани, воспýтанны; торжествен, торжествна, торжествено, торжествены; блажён, блажённа, блажёно, блажённы; вýспрен, вýспренна, вýспренне, вýспренни¹⁴⁴.

34. '/0. Всё слова расширенного адъективного разряда на согласную (или и) + ний (см. § 3.3, II Б 4), например: дрёений, излýшний — неатрибут. муж. ед. дрёсен, излýшен.

*Класс VIII: 2-я ступень в неатрибут. словоформах муж. ед.
и жен. ед., 1-я в остальных первичных словоформах*

35. '/0. Слово *искренний* (вариант с неатрибут. словоформами *искренен*, *искренна*, *искрение*, *искрени*; ср. № 30).

¹⁴³ Имеется в виду: в тех значениях, которые указаны в пункте 29. Таким образом, отпричастные прилагательные, не указанные в пункте 29, а также, например, прилагательные прéданный (о взгляде и т. п.), увёренный (о жестах и т. п.), намéренный (умышленный) имеют чередование № 33.

¹⁴⁴ У слов из подпункта 1 возможны колебания в сторону чередования № 29 (см. сноска 142). С другой стороны, наблюдаются колебания в неатрибут. словоформах муж. рода между исходом на и и на иен, например: неожидан и неожиданен, мёдлен и мёдленен, войнствен и войнственен, свящён и свящёnen. При этом словоформы на иен (число которых растет) имеют более разговорную окраску, а словоформы на и — более книжную (иногда даже архаичную). Указания АО (соблюденные здесь) ориентированы в этом отношении на книжную норму.

Простой адъективный разряд

*Класс IX: 1-я ступень в И. ед. муж.,
2-я в остальных первичных словоформах*

36. *от/θ*. Слова: *тот, этот* — ср. Р. ед. муж. *того́б, э́того*, И. ед. жен. *та, эта*, И. мн. *те, эти*.

*Класс X: 2-я ступень в Т. ед. муж. и сред.,
в ед. числе парн. рода и во всем мн. числе,
1-я в остальных первичных словоформах*

37. *θ/θ'*. Слова: *оди́н¹⁴⁵, сам, этот* — ср. Т. сд. муж. *оди́йм, сами́м,* *э́тим*, И. мн. *оди́и, сáми, э́ти*.

*Класс XI: 1-я ступень во всем И. падеже
и в В. ед. жен.,
2-я в остальных первичных словоформах*

38. *ej/θ*. Слово *сей* — ср. Р. ед. муж., *сегб*, Т. ед. муж. *сим*, Р. мн. *сих.*

39. *θ/oj*. Слова *нéкий и экий* (варианты парадигм, имеющие, в частности, Р. ед. муж. *нéкоего, э́коего*, Т. ед. муж. *нéкоим, э́коим*, Р. ед. жен. *нéкой,* *экой*, Р. мн. *нéкоих, э́коих*; ср. № 40).

*Класс XII: 2-я ступень в Р., Д.,
П. ед. муж. и сред.,
1-я в остальных первичных словоформах*

40. *θ/oj*. Слова *нéкий и экий* (варианты парадигм, имеющие, в частности, Р. ед., муж. *нéкоего, э́коего*, Т. ед. муж. *нéким, э́ким*, Р. ед. жен. *нéкой,* *экой*, Р. мн. *нéких, э́ких*; ср. № 39).

Бесчисловые разряды

*Класс XIII: 1-я ступень в И. падеже,
2-я в остальных первичных словоформах*

41. *m/θ*. Слова: *кто, что, никтб, ничтб* — ср., например, Р. *когб, чегб,* *никогб, ничегб.*

42. *e/θ* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *вос'*). Слова: *вбсемьдесят, восемьсбт* (варианты парадигм, имеющие Т. падеж соответственно *восьмью, восьмьюдесятью, восьмьюстáми*).

43. *θ/θ'*. Слова: *пятьдесáт, шестьдесáт, сéмьдесáт, вбсемьдесáт* — ср., например, Р. *пятíдесáти, шестíдесáти, семíдесáти, восьмíдесáти.*

44. *θ/θ'* (*o/e* — чередование № 54). Слово *обба* — ср., например, Р. *оббих, обéих.*

45. *ju/m ð/n* (*e/θ* — чередование № 55). Слово *я* — Р. *менй, Д., П. мне,* Т. *мной, мню.*

¹⁴⁵ Не только прилагательное, но и числительное (тем самым здесь сделано отступление от строгого разделения чередований по грамматическим разрядам содержащих их парадигм).

46. $\dot{ы}/\emptyset$ б (e/o — чередование № 56). Слово *ты* — Р. *тебя*, Д. И. *тебё*, Т. *тоббю*, *тоббий*.

47. m/n . Слово *мы* — Р. П. *нас*, Д. *нам*, Т. *нами*.

48. on/j . Слова: *он*, *она*, *онб*, *онй* — ср., например, Р. *егб*, *её*, *егб*, *их*.

49. \emptyset/θ . Слова: *двёсти*, *онй* — ср., например, Р. *двухсbt*, *их*.

50. \emptyset/y (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *пол*). Слова *полтора* и *полтораста* — ср., например, Р. *полутора*, *полутораста*.

*Класс XIV: 2-я ступень в И. падеже 7-го согласоват. класса,
1-я в остальных первичных словоформах*

51. \cdot/\emptyset . Слова *три* и *четыре* — И. падеж 7-го согласоват. класса *трбе*, *чтвero*.

52. \emptyset/oj . Слова *два* и *три* — И. падеж 7-го согласоват. класса *двебе*, *трбе*.

53. *и/ее* (место чередования — после трех первых букв условной основы). Слово *четыре* — И. падеж 7-го согласоват. класса *чтвero*.

*Класс XV: 2-я ступень в Р. Д. Т. П. жен. рода,
1-я в Р. Д. Т. П. остальных родов¹⁴⁶*

54. *o/e* (переводование выступает в качестве внутреннего в чередовании № 44). Слово *обба* — ср., например, Р. жен. *обéих*, Р. остальных родов *оббих*.

Класс XVI: 1-я ступень в Р., 2-я в Д., Т., П.

55. *e/ø* (переводование выступает в качестве внутреннего в чередовании № 45). Слово *ль* — Р. *меня́*, Д., П. *мне*, Т. *мной*.

Класс XVII: 1-я ступень в Р., Д., П., 2-я в Т.

56. *e/o* (переводование выступает: в слове *ты* — в качестве внутреннего в чередовании № 46, в слове *себя* — после начального с условной основой). Слова *ты* и *себя* — Р. *тебя*, *себя*, Д., П. *тебё*, *себё*, Т. *тоббий*, *соббий*.

*Класс XVIII: 2-я ступень в Р.,
1-я в остальных первичных словоформах*

57. *ø/o'*. Слова: *я*, *ты*, *себя* — ср. Р. *меня́*, *тебя*, *себя*, Т. *мной*, *тоббий*, *соббий*.

*Класс XIX: 1-я ступень в И., 2-я в Р., Д., П.,
3-я в Т.*

58. *ø/y/jy* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *п'ам'*, *шест'*, *сем'*, *вос'*м'*, *вос'm'*, *вос'ем'*¹⁴⁷ или *дев'ам'*). Слова: *пятъдесят*, *шестъдесят*, *сёмъдесят*, *восьмъдесят*, *пятьсbt*, *шестьсbt*, *семьсbt*, *восемьсbt*, *девятьсbt* — ср., например, Р. *пятъдесяти*, *пятьсbt*, Т. *пятъдесятъ*, *пятьсbtъ*.

¹⁴⁶ На И. падеж чередования классов XV и XVI не распространяются.

¹⁴⁷ Относительность трех вариантов условного вида начальной части слов *восьмъдесят* и *восемьсbt* см. ниже, § 6.33, пункт 2, подпункт 6.

**Класс XX: 1-я ступень в И., 2-я в Р. и П.,
3-я в Д., 4-я в Т.**

59. *e/ух/ум/ум'а* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *de*). Слово *две́сти* — Р. *двухсbt*, П. *двухстáх*, Д. *двумстáм*, Т. *двумястáми*.

60. *ы/dx/дм/ом'а* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *tr*). Слово *трíста* — Р. *трёхсbt*, П. *трёхстáх*, Д. *трéнистáм*, Т. *трремястáми*.

61. *o/dx/дм/и'а* (место чередования в условной основе — после начальной цепочки *четир*). Слово *четырё́ста* — Р. *четырёхсbt*, П. *четырёхстáх*, Д. *четырё́мстáм*, Т. *четырымястáми*.

Комментарии к списку чередований

§ 6.33. Помимо разделения на классы, перечисленные выше чередования можно охарактеризовать с нескольких точек зрения, представляющих интерес для описания.

1. Число ступеней чередования. Почти все выделенные чередования состоят из двух ступеней. С формальной точки зрения, двуличными являются также чередования № 44, 45 и 46, у которых одна из ступеней содержит другое, внутреннее чередование. Из трех ступеней состоит чередование № 53, из четырех — чередования № 59, 60, 61.

2. Состав ступеней чередования. Многие из выделенных чередований имеют одинаковый состав ступеней (т. е. различаются только правилом их распределения): на 61 чередование приходится всего 42 разных состава ступеней. Можно предложить следующую неформальную группировку выделенных чередований по составу ступеней (рубрикам даются содержательные названия, которые с формальной точки зрения должны рассматриваться просто как условные, поскольку используемые в них термины в настоящей работе никак не определяются):

1) Мена твердости и мягкости (т. е. чередования, состоящие из ступеней 0 и '). Таковы чередования № 13 (*сосéд—сосéди*), № 18 (*господь—гóспода*), № 30 (*солёный—блон*), № 34 (*дрéвний—дрéвен*), № 35 (*искренний—искренна*), № 37 (*сам—сáми*), № 43 (*пятьдесáйт—пятйдесати*), № 49 (*две́сти—двухсbt*), № 51 (*три—трб*), № 57 (*менí—мно*).

2) Прочие так называемые исторические чередования. Сюда относятся чередования: № 1 *к/ч* (*сук—сúчья*), № 2 *г/з* (*друг—дру́зья*), № 3 *х/ш* (*ух—úши*), № 4 *о/е* (*чёрт—чéрти*), № 5 *и/е* (*дитя—дéти*), № 53 *и/е* (*четыре—чéтверо*), № 55 *е/ø* (*меня—мне*), № 56 *е/о* (*тебя—тоббóй*).

3) Мена суффиксальных элементов с нулем или друг с другом. Сюда относятся: а) чередования так называемых парапений основы (возникших в большинстве случаев из прежних основообразующих элементов) с нулем — № 10 *ø/ов* (*сын—сыновы́*), № 11 *ø/ес* (*чудо—чудесá*), № 20 *ø/он* (*мыя—имён*), № 21 *ø/ан* (*сéмя—семáин*), № 22 *ø/ер'* (*мать—мáтери*), № 28 *ø/ат* (*дитя—дитáти*), № 36 *от/ø* (*том—та*), № 41 *t/ø* (*что—чег*); сюда же № 19 *os/ø* (*Христóс—Христá*); б) чередования суффиксов с нулем — № 6 *иñ/ø* (*армяйн—армяне*), № 7 *и/ø* (*сýдно—судá*), № 8 **к/ø* (*цветбóк—цветы*), № 9 *иц/ø* (*курица—куры*), № 12 *ø/ж* (*стуля—стулья*), № 29 и 33 **и/ø* (*прéданный—прéдан*), № 31 *ен*к/ø* (*нáльенький—мал*), № 38 *ej/ø* (*сей—сим*), № 39, 40 и 52 *ø/оj* (*нéкий—нéкоего*, *два—две*), № 44 *ø/ø j* (*обба—оббóих, обéих*); в) мена суффиксов — № 14 *он*к/ат* (*гусёнок—гусы́та*), № 15 **к/’ат* (*бесёнок—бесенята*); сюда же № 54 *о/е* (*оббóих—обéих*).

4) Супплетивизм. Сюда относятся чередования № 16 *реб’он*к/дем’*, № 17 *человек/л’уд’*, № 25 *год/лет*, № 32 *бол’ш/велик*, № 45 *ja/m^e/и*.

(я — *мені*, *мне*), № 46 *ы/и* — *й* (ты — *тебі*, *тобої*), № 47 *ми* (мы — *нас*), № 48 *он/и* (*он* — *егò*).

5) Так называемое двойное склонение. Это чередования, свойственные почти исключительно составным количественным числительным и являющиеся формальным отражением того факта, что у этих слов склоняются обе составные части, т. е. по существу имеется еще один ряд окончаний, вклинившихся внутрь основы. Поскольку таких слов очень немного, для описания в целом экономнее рассматривать этот дополнительный ряд окончаний как особый вид чередований в основе, а не вводить особый признак «наличие второго ряда окончаний», со всеми вытекающими отсюда формальными осложнениями. Наиболее отчетливо проявляется двойное склонение у слов с чередованием № 58—61 (см. список); менее явно оно выступает в виде чередований № 23 и 50 *Ø/u* (надень — *полудня*, *поятòра* — *полутòра*).

6) Особый случай представляет собой чередование № 42 *e/Ø* (*всемь* — *сосьмій*, *восьмій*). По существу здесь представлено чередование беглой гласной с нулем, но с нарушением правила распределения степеней в Т. надеже: *сосьмій* вместо *всемь* (последнее, впрочем, также существует и входит в другой вариант парадигмы, имеющей обычное чередование беглой гласной с нулем). С формальной точки зрения, однако, рассматриваемое чередование не может быть признано позиционным. Таким образом, два варианта парадигмы слова *всемь* выглядят на условном уровне так: а) вариант с Т. *восьмій* — И. *вс'є*м'*, Р. Д. П. *вос'є*м'ї́*, Т. *вос'є*м'ї́jy* (с единой основой); б) вариант с Т. *восьмій* — И. *вс'є*м'*, Р. Д. И. *вос'є*м'ї́*, Т. *вос'є*м'ї́jy* (с ненозиционным чередованием № 42). Аналогичные варианты имеют парадигмы слов *всемьдесят* и *восемьсот*.

3. Место чередования внутри условной основы. Как уже отмечено выше, большинство выделенных чередований — коицевые. Все возможные случаи непосредственного соприкосновения двух концевых чередований внутри одной условной основы (а также слова, в которых это происходит) указаны в § 6.32, в правилах выделения чередований.

4. Степень распространности чередования. Несколько чередований представлены в значительных группах слов, а именно: № 29 **и/и* — около 4600 слов (причастия на *иный*), № 33 **и/Ø* — около 750, № 24 **и/Ø* — около 150, № 6 *и/i/Ø* — около 75, № 14 *он/*к/ат* — около 70. Фактически в этих случаях мы имеем дело с незамкнутыми рядами; в самом деле, за пределами исходного материала имеется или может быть образовано большое число других таких слов. Не вполне замкнут также ряд слов с чередованием № 12 *Ø/*и* (около 45 слов). Остальные чередования представлены в очень маленьких группах слов, часто всего в одном слове; в общей сложности они охватывают всего около 110 слов.

§ 6.34. Введем различительный признак парадигм, относящийся к основе: «чередования в условной основе». Этот признак может принимать нулевое значение и 63 ненулевых значения. Каждое ненулевое значение может иметь один из двух видов: 1) «в условных основах словоформ данной парадигмы представлено такое-то чередование (по нумерации, данной в § 6.32); других чередований нет»; 2) «в условных основах словоформ данной парадигмы представлены одновременно такие-то чередования; других чередований нет». (Ср. выше, § 6.31, признак «наличие нестандартных условных окончаний».) В первом случае называнием данного ненулевого значения служит номер соответствующего чередования, во втором — пара или тройка таких номеров. При этом, если одно чередование является внутренним по отно-

шению к другому, это оговаривается; в прочих случаях, если два чередования непосредственно соприкасаются, их номера приводятся через знак «+» (см. также § 6.32, правила выделения чередований, пункт II 1), если не соприкасаются — через слово «и». При каждом ненулевом значении указывается, какие слова его имеют (часто с помощью отсылок к § 6.32).

Значения признака «чередования в условной основе»:

0. Чередование в условных основах словоформ данной парадигмы нет (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

№ 1. Слово *око*.

№ 1 + № 12. Слова: *клок*, *крюк*, *сук* (варианты с мн. *клбчья*, *крючья*, *сучья*).

№ 2 + № 12. Слово *друг*.

№ 3. Слово *ухо*.

№ 4 и № 13. Слово *чёрт*.

№ 5 и № 28. Слово *дитя*.

№ 6. Слова — те, у которых представлено чередование № 6 (см. § 6.32), кроме слов *хозяин* и *шурин*.

№ 6 + № 10. Слово *хозяин*.

№ 6 + № 12. Слово *шурин* (вариант с мн. *шуры́ч*).

№ 7. Слово *судно* (корабль).

№ 8. Слово *цветок* (растение).

№ 9. Слово *курица*.

№ 10 + № 12. Слова *кум* и *сын* (в прямом знач., мн. *сыновья*).

№ 11. Слова: *древо*, *небо*, *чудо*.

№ 12. Слова — те, у которых представлено чередование № 12 (см. § 6.32), кроме слов *клок*, *крюк*, *сук*, *друг*, *шурин*, *кум*, *сын*.

№ 13. Слова: *колено*, *сосёд*.

№ 14. Слова — те, у которых представлено чередование № 14 (см. § 6.32).

№ 15. Слова: *бесёнок*, *чертёночек*, *ципик* (вариант с мн. *ципиками*).

№ 16. Слово *ребёнок* (мн. *дёти*).

№ 17. Слово *человёк* (мн. *люди*).

№ 18. Слово *господь*.

№ 19. Слово *Христос*.

№ 20 + № 27. Слова — те, у которых представлено чередование № 20 (см. § 6.32).

№ 21 + № 27. Слова — те, у которых представлено чередование № 21 (см. § 6.32).

№ 22. Слова: *дочь*, *мать*.

№ 23. Слова: *пблдень*, *пблноч* (варианты с Р. ед. *полудня*, *полуночи*).

№ 24. Слова — те, у которых представлено чередование № 24 (см. § 6.32).

№ 25. Слово *год* (вариант с Р. мн. *лет*).

№ 26. Слово *церковь*.

№ 29. Слова — те, у которых представлено чередование № 29 (см. § 6.32).

№ 30. Слова: *искренний* (вариант с неатрибут. словоформами *искренен*, *искренна*, *искренно*, *искрены*), *солдый*.

№ 31. Слово *маленький*.

№ 32. Слово *большой*.

№ 33. Слова — те, у которых представлено чередование № 33 (см. № 6.32), кроме слова *выспренний*.

№ 33 + № 34. Слово *выспренний*.

№ 34. Слова — те, у которых представлено чередование № 34 (см. § 6.32), кроме слова *выспренний*.

№ 35. Слово *искренний* (вариант с неатрибут. словоформами *искренен*, *искренна*, *искренно*, *искрени*).

№ 36. Слово *том*.

№ 36 + № 37. Слово *этот*.

- № 37. Слова: *один* (прилагательное и количественное числительное), *сам*.
- № 38. Слово *сей*.
- № 39. Слова: *некий*, *экий*, (варианты с Р. мн. *некоих*, *экоих*),
- № 40. Слова: *некий*, *экий* (варианты с Р. мн. *неких*, *эких*).
- № 41. Слова: *кто*, *что*, *никтб*, *ничтб*.
- № 42. Слово *всемь* (вариант с Т. *восьмью*).
- № 42, № 43 и № 58. Слово *восьмьдесят* (вариант с Т. *восьмьюдесятью*).
- № 42 и № 58. Слово *восемьсот* (вариант с Т. *восьмьюстами*).
- № 43 и № 58. Слова: *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восьмьдесят* вариант с Т. *восьмьюдесятью*.
- № 44 (с внутренним чередованием № 54). Слово *бба*.
- № 45 (с внутренним чередованием № 55)+№ 57. Слово *я*.
- № 46 (с внутренним чередованием № 56)-№ 57. Слово *ты*.
- № 47. Слово *мы*.
- № 48. Слова: *он*, *она*, *онб*.
- № 48+№ 49. Слово *они*.
- № 49 и № 59. Слово *двёсти*.
- № 50. Слова: *полтора*, *полтораста*.
- № 51 и № 52. Слово *три*.
- № 51 и № 53. Слово *четыре*.
- № 52. Слово *два*.
- № 56 и № 57. Слово *себя*.
- № 58. Слова: *пятьсот*, *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот* (вариант с Т. *восьмьюстами*), *девятьсот*.
- № 60. Слово *триста*.
- № 61. Слово *четыреста*.

Комментарии к понятию условного вида словоформ

§ 6.35. В соответствии с § 0.4 в настоящей книге словоформы берутся в акцентуированной орфографической записи; однако, как мы видели выше, при описании наборов окончаний и чередований в основе фактически используется не эта, а некоторая вспомогательная запись («условный вид»), введенная в § 6.26 и представляющая собой, с формальной точки зрения, нечто производное от обычной орфографии. Рассмотрим, чем это вызвано.

Один из важнейших приемов лингвистического описания (известный на протяжении всей истории языкоznания, начиная с древнеиндийских грамматиков, и в особенности широко применяемый в наше время) состоит в том, что реально наблюдаемые объекты мыслятся как результаты некоторых стандартных преобразований ограниченного числа исходных объектов. Эти исходные объекты недоступны наблюдению, т. е. представляют собой так называемые конструкты. Смысл такого приема состоит в том, что описание отношений между объектами (например, правил распределения и т. п.) заменяется описанием воображаемых преобразований, которые создали бы эти отношения. При достаточно удачном подборе исходных объектов и правил преобразования такой прием, во-первых, делает описание более компактным, во-вторых (что более важно), позволяет разграничить два

рода различий между наблюдаемыми объектами: 1) относительно более глубокие различия (сохраняющиеся даже на уровне постулированных исходных объектов); 2) менее существенные различия, полностью объясняемые действием стандартных правил преобразования.

Рассмотрим, каким образом этот прием применяется к описанию русского склонения. Сравним, например, наборы окончаний следующих слов (взятых в орфографической записи):

заво́д	карта	боло́то	но́вый
овра́г	кни́га	блáго	строгий
месяц	улица	бло́доце	ку́чий

Любые два из этих наборов (кроме пары *болото*—*блáго*) различны между собой. Таким образом, при «прямолинейном» описании здесь пришлось бы выделить 11 самостоятельных наборов окончаний. Очевидно, однако, что различия между наборами окончаний у слов одного столбца управляются весьма простыми закономерностями, притом общими для всех столбцов, а именно: а) если у слова из 1-й строки окончание начинается с *ы*, то у соответствующего слова из 2-й строки (основа на *г*) оно начинается с *и*; б) если у слова из 1-й строки окончание начинается с (безударного) *о*, то у соответствующего слова из 3-й строки (основа на *ц*) оно начинается с *е*. Более привычно эти закономерности выражаются так: а) «после *г* *ы* заменяется на *и*» (или «переходит в *и*»); б) «после *ц* безударное *о* заменяется на *е*». Уже в этих привычных формулировках по существу отражен описанный выше прием: неявно предполагается, что, например, окончание И. мн. слова *овра́г* на некотором исходном уровне есть *-ы*, которое лишь в силу специального правила заменено реально наблюдаемым *-и*. Таким образом, описание взятой совокупности парадигм можно построить так. Каждой словоформе, помимо ее наблюдаемого (т. е. орфографического) вида, по определенным правилам приписывается так называемый «условный вид»; в данном случае всем словам из 2-й и 3-й строк приписываются те же окончания, что у соответствующего слова из 1-й строки (таким образом, например, условный вид словоформы И. мн. от *овра́г* — *овра́ги*, словоформы Т. ед. от *улица* — *улицой*). Существуют стандартные правила перехода от условного вида произвольной словоформы к ее реально наблюдаемому виду; в данном случае это сформулированные выше правила замены *ы* и *о*. На 12 рассматриваемых слов теперь приходится только 4 разных набора окончаний.

Легко понять, что указанный принцип описания должен привести к записи, представляющей собой не что иное, как один из вариантов так называемой морфонематической (или морфонемной, или морфонологической) транскрипции. В самом деле, условный вид словоформ, принятый в § 6.26, весьма близок,

в частности, к морфонематической транскрипции Р. И. Аванесова¹⁴⁸.

Наиболее важное различие общего характера между этими двумя видами вспомогательной записи состоит в том, что в морфонематической транскрипции Р. И. Аванесова наряду с основными символами типа *a*, *o*, *e*, *ф* и т. д. выступают также особые символы со значением «безразлично, *a* или *o*» (символ *а*), «безразлично, *e* или *ф*» (символ *ф*₂) и т. д., тогда как в условном виде словоформ подобных дополнительных символов нет (так, всякому *а* здесь соответствует либо *a*, либо *o*, всякому *ф*₂ — либо *e*, либо *ф*). Например, условный вид словоформ *баран*, *пожар*, *саффа* совпадает с орфографическим, тогда как в указанной морфонематической транскрипции они выглядят так: *баран*, *пажар*, *саффа*. Это различие обусловлено прежде всего тем, что эти вспомогательные способы записи предназначены для несколько различных целей. Морфонематическая транскрипция Р. И. Аванесова призвана отразить некоторый уровень существования русского текста. Этому уровню приписывается самостоятельная значимость, не сводящаяся целиком, например, к тому, что он одновременно обеспечивает относительное единство морфемы и возможность автоматического перехода к фонетической форме. Отсюда, в частности, стремление к единственности получаемой записи и, следовательно, необходимость особой записи (типа *баран*) в случаях, где равно допустимы несколько вариантов (*баран* и *боран*). Вспомогательная запись, введенная в § 6.26, преследует более узкую цель: достичь единого изображения некоторого числа морфем, по-разному записываемых в орфографии (ср., например, *заводы* и *овраги*, *столбм*, *рублём* и *звёрем*, *село* и *сёла*), сохранив при этом возможность перехода как к фонетической форме, так и к обычной орфографической записи. (Практически этот переход мыслится как операция, начинающаяся с «возврата» к акцентуированной орфографической записи, от которой, в свою очередь, можно перейти к обеим указанным формам, ср. § 0.4.) Очевидно, что эту цель можно достичь многими способами. В частности, с точки зрения перехода к фонетическому уровню такие записи, как *баран*, *боран* и *баран*, совершенно равнозначны. В этих условиях использование символов типа *а* или *ф*₂ означает лишь ничем не оправданное расширение исходного алфавита символов. Характерно, что русская орфо-

¹⁴⁸ См.: Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, § 77. О типах транскрипции см. также: М. Халле. Фонологическая система русского языка. Лингвистико-акустическое исследование. «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962, стр. 299—307. — Говоря о морфонематической транскрипции, необходимо учитывать, что многие лингвисты, строящие понятие фонемы на базе морфологии, называют транскрипцию такого типа просто фонологической (или фонемной). Практическое применение такой транскрипции к описанию русского словоизменения см. в кн.: L. Ďurovič. Paradigmatika spisovnej ruštiny. Bratislava, 1964.

графия, которая, как известно, весьма близка к морфонематической транскрипции, также не использует символов типа *a*¹⁴⁰; таким образом, в этом отношении условный вид словоформ сближается с орфографией.

Остается вопрос о выборе между записями типа *баран* и *бóран*. Если учесть, однако, что вспомогательная запись должна обеспечивать переход не только к фонетическому уровню, но и к орфографической записи, ответ становится очевидным: из двух равносильных записей в условном виде следует использовать ту, которая соответствует орфографии (т. е. *барáн*)¹⁵⁰. Таким образом, условный вид словоформ представляет собой своего рода промежуточную запись между орфографией и обычной морфонематической транскрипцией.

Следует подчеркнуть, что используемая вспомогательная запись приспособлена прежде всего для описания именного словоизменения. Это отражается, в частности, в том, что при переходе от орфографии к условному виду изменяемая часть основы и окончания подвергаются более детальной обработке, чем неизменяемая часть основы. Например, сознательно оставлены в стороне и никак не отражаются в условном виде словоформ такие различия, как /t/ — /t'/ в *тест* — *тéсто*, *тéрция* — *тéхника* и т. п., поскольку они никак не касаются словоизменения. Таким образом, при описании других разделов морфологии правила построения условного вида словоформ потребовали бы некоторой детализации (ср. § 6.36, вопрос об условном виде словоформ типа *уголóк*).

Чтобы указать, какой именно условный вид приписывается произвольно выбранной именной словоформе, в § 6.26 даны точные правила перехода от орфографической записи к условному виду.

§ 6.36. Рассмотрим более подробно одну существенную частную особенность условного вида словоформ, отличающую его от имеющихся морфонологических транскрипций. Имеется в виду особая трактовка чередований беглой гласной с нулем (см. § 6.24), а именно изображение как полной, так и нулевой ступени любого такого чередования с помощью знака *. Такая трактовка основана на том же самом принципе, по которому принимаются и другие единицы морфонологической транскрипции (например, *o*, *e*, *t* и т. д.), а именно: при переходе от этой транскрипции к фонетическому уровню любой ее символ должен автоматически

¹⁴⁰ О сходствах и различиях между морфонематической транскрипцией и орфографией см.: Р. И. Аванесов. Указ. соч., § 81.

¹⁵⁰ Разумеется, в части случаев возможны и отклонения от орфографии (ср. § 6.26, пункты I.3, IV.2, VII.6 «Правил получения условного вида»). Характерно, что это как раз те случаи, где проявляется непоследовательность действующей орфографии.

(т. е. на основании одних лишь контекстных условий) превращаться в одну из своих фонетических реализаций (а именно в ту, которая реально выступает в соответствующей словоформе). Так, например, символ *o* превращается в [ɔ], [ʌ] или [ъ] в зависимости от места ударения (ср. первый слог в словоформах *голову*, *головॄ*, *головá*), символ *t* — в [t], [d], [t'], [d'] или даже пуль в зависимости от окружения (ср. словоформы *отпíть*, *отбýть*, *оттянýть*, *отделýть*, *мéстный*) и т. д. Точно так же символ * автоматически превращается либо в некоторую гласную (полная ступень чередования), либо в нуль звука (нулевая ступень). Рассмотрим вначале вопрос о выборе ступени (т. е. выборе между гласной и нулем звука), а затем отдельно вопрос о выборе нужной гласной в полной ступени.

Ответ на первый вопрос таков: символ * превращается в нуль звука, если он стоит в условном виде словоформы непосредственно перед сочетанием «согласная+гласная», и в гласную во всех прочих случаях. Ср., например, словоформы (в скобках дан условный вид): а) *углý* (*уг*лý*), *пескá* (*пес*кá*), *льном* (*л'*нбм*), *соловьёв* (*солов*жбв*), *лайка* (*лái*ка*), *семьёй* (*сем*жбj*), *стеклó* (*стек*жлб*), *ждра* (*жд'*ра*), *цéркви* (*цéрк*вы*), *лýсья* (*лýс*я*), *всé* (*в'*с'б*); б) *úгол* (*úг*л*), *нескóк* (*нес*к*), *лён* (*л'*н*), *соловéй* (*солов*ж*), *лáек* (*лái*к*), *семéй* (*сем*ж*), *ждер* (*жд'*р*), *цéрковь* (*цéрк*в'*), *цéрковью* (*цéрк*в'ju*), *лýсий* (*лýс*ж*), *весь* (*в'*с'*). Приведенные примеры взяты из области словоизменения; однако, как и в случае с другими символами морфонологической транскрипции, указанное правило распределения действует также и в сфере словообразования; ср., например: а) *угловой*, *угловáтый*, *песчýнка*, *песчáный*, *льнянóй*, *льновбдство*, *соловýный*, *лайковý*, *семьяни́н*, *стеклáнный*, *стёклышко*, *застеклítь*, *ждрышко*, *ждрица*, *церквúшка*; б) *угольник*, *угольный*, *нескóчный*, *нескóчница*, *соловéйчик*, *лáечка*, *семéйный*, *семéйство*, *стекблóный*, *стекблóщик*, *ждерный*, *церкбвный*, *цéрквка*.

Специально отметим следующее. Как указано в § 6.26, символ * не относится к числу гласных. Таким образом, символ *, стоящий перед сочетанием «согласная ·-*» превращается в гласную, а не в нуль, независимо от того, как реализуется второй символ * (стоящий после согласной). Правда, проиллюстрировать это явление можно лишь на примерах из области словообразования (поэтому для приводимых ниже словоформ указан тот условный вид, который им следовало бы приписать при изучении словообразования; в соответствии с параграфом 6.26, обслуживающим только систему словоизменения, они получают более простой условный вид). Ср., например, словоформы: *уголóк* (*уг*лжк*), *уголбчek* (*уг*лжчк*), *несбчek* (*нес*чк*), *ленбк* (*л'*нжк*), *денёк* (*ð'*н'жк*), *денёчek* (*ð'*н'жчк*), *ручéк* (*руч*жк*), *ручéчek* (*руч*жчк*), *ку́колок* (*кужжлк*), *метёлок* (*м'от*лжк*), *метёлочek* (*м'от*лжчк*), *семéен* (*сем*жк*), *мальчишечий* (*мал'чижчж*),

старúшечий (*старúш*ч*й*), *пёсий* (*п'*с*й*), *овéчий* (*ов'*ч*й*), *зáячий* (*зáя*ч*й*).

Существует, правда, небольшое число словоформ, которые не подчиняются указанному выше правилу, например: *каменистый* (ср. *кáмни*), *ледохóд* (ср. *льды*), *лобовóй*, *лобáстый* (ср. *льбы*), *пепелище* (ср. *пéпла*), *Любóви* (Р. ед. имени собственного, ср. *любви*), также *лобик*, *róтик*, *rbвик*, *пёсик*. Однако эти факты отнюдь не разрушают предложенной выше морфонологической трактовки беглых гласных: просто в подобных словоформах на условном уровне выступает обычное о или е (а не *). Иначе говоря, например, в паре слов *лоб* (Р. ед. *лба*) — *лобовóй* мы имеем дело с чередованием */о на условном уровне. Ср., например, чередование о/а на условном уровне в паре *спросить* (настоящее время *спросит*) — *спрáшивать* (на фонетическом уровне корневые гласные в словоформах *спросить* и *спрáшивать* сходны).

Обратимся теперь к вопросу о том, какая именно гласная выступает в полной ступени. Превращение символа * в гласную можно представить так: 1) * превращается в одну из гласных условного уровня (а именно, о, е или и), причем выбор этой гласной полностью определяется окружением символа * и положением ударения (правила такого превращения образуют отдел А II «Правил перехода от условного вида к действительному», данных в § 6.39); 2) полученная таким образом гласная условного уровня по общим правилам реализуется в виде соответствующей фонетической (или орфографической) единицы. Таким образом, весь переход от символа * к его фонетической (или орфографической) реализации регулируется стандартными правилами, не использующими никакой иной информации, кроме сведений о его окружении и о месте ударения¹⁵¹.

Несколько слов с беглой гласной в основе (например, *один*, *айцб*, *лев*, *хребéт*) отклоняются от общих правил выбора гласной, выступающей в качестве полной ступени. С формальной точки зрения на этом основании в условный вид соответствующих словоформ следовало бы ввести не звездочку, а другие дополнительные символы, означающие свойственные этим словам особые чередования. Практически, однако, это было бы весьма неудобно, поэтому такие слова рассматриваются просто в индивидуальном порядке как исключения (§ 6.47). Кроме того, имеется несколько словоформ с беглой гласной, в которых видимое отклонение от нормы объясняется только непоследовательностью действующей орфографии (*зáяц*, *достбин*, *ўлей*, *чирей*, *рўжей* — вместо ожидаемых *зáец*, *достбен*, *ўлий*, *чирий*, *рўжий*).

¹⁵¹ Описание чередований беглых гласных с нулем на орфографическом уровне см. в работе: А. А. Зализняк. Беглые гласные в русском словоизменении. «Русский язык в нач. школе», 1963, № 5.

Заметим, наконец, что символ * можно связать также с определенными фактами истории русского языка. Как известно, основным историческим источником чередований беглых гласных с нулем является двойственное развитие древнерусских редуцированных (ъ и ѿ). Легко убедиться, что символ * в условном виде словоформ обычно соответствует древнему ъ, а сочетание символов * — древнему ѿ; ср., например, условные записи *лист*к*, *от*ц* и древнерусские словоформы *листъкъ*, *отъцъ*. Таким образом, здесь, как и в § 6.22, мы сталкиваемся с тем примечательным фактом, что условные единицы синхронического описания могут как бы воссоздавать реальные единицы прошлого.

Итоги классификации суженных парадигм условного уровня

§ 6.37. Различительные признаки «схема ударения», «тип склонения», «нестандартные условные окончания» и «чередования в условной основе» обеспечивают следующее. Пусть даны два слова, имеющих парадигмы одинакового устройства и одинаковые значения признаков «морфологическое число» и «морфологический класс». Для любых двух таких слов верны следующие утверждения: 1) если они имеют одинаковое значение признака «схема ударения», то их суженные парадигмы условного уровня одинаково акцентуированы (о применении понятия одинаковой акцентуации к таким парадигмам см. § 6.14); 2) если они имеют одинаковые значения признаков «тип склонения» и «нестандартные условные окончания», то их суженные парадигмы условного уровня имеют одинаковые наборы окончаний; 3) если они имеют одинаковое значение признака «чередования в условной основе», то их суженные парадигмы условного уровня имеют подобные наборы основ. Это значит, что совокупность всех введенных выше различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации суженных парадигм условного уровня, т. е. что любые два слова, имеющие одинаковое значение всех этих признаков, имеют эквивалентные суженные парадигмы условного уровня.

Заметим, что произведенная классификация суженных парадигм условного уровня почти не имеет избыточной детальности; иначе говоря, почти всякая пара слов, у которых суженные парадигмы условного уровня эквивалентны, получает одинаковые значения всех введенных до сих пор различительных признаков. (Исключение составляют только такие пары слов, где один член пары имеет дефект № 9, а другой — дефект № 10.)

Введенные выше различительные признаки образуют основу всей классификации русских именных парадигм. В самом деле, они отражают все те и только те свойства парадигм, которые сохраняются после того, как 1) отброшены вторичные словоформы, т. е. сняты особенности, связанные с грамматическими явлениями

второстепенного характера, 2) произведен переход от действительного (орфографического) уровня к условному, т. е. сняты особенности, обусловленные действием определенных автоматических правил современного языка или связанные с некоторыми частными аномалиями. Все остальные различительные признаки предназначены для того, чтобы отразить эти сравнительно менее существенные особенности именных парадигм.

ПЕРЕХОД ОТ УСЛОВНОГО УРОВНЯ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ

Переход от условного ударения к действительному

§ 6.38. Введенный выше различительный признак «схема ударения» учитывает только условное, а не действительное ударение. Однако эти две характеристики словоформы определенным образом связаны между собой, что дает возможность переходить по некоторым правилам от условного ударения словоформы к действительному.

Пусть имеется некоторая неисходная словоформа *F*, условное ударение которой известно, а действительное — неизвестно. Ниже приводятся правила, позволяющие установить место действительного ударения этой словоформы; при этом устанавливается не только то, на какой компонент (основу или окончание) падает действительное ударение, но и то, на какой именно слог словоформы *F* оно падает.

Приводимые правила рассчитаны на то, что словоформа *F* взята в действительном виде. Однако эти правила применимы (с небольшими изменениями формулировок) также и в том случае, если словоформа *F* взята в условном виде. Таким образом, можно различать основной вариант этих правил (вариант 1), рассчитанный на действительный вид словоформ, и дополнительный вариант (вариант 2), рассчитанный на условный вид словоформ¹⁵². Основной текст правил отражает вариант 1 (в частности, термины «словоформа», «основа» и «окончание» без уточнений означают, в соответствии с § 6.14, действительный вид этих единиц). Во всех случаях, когда некоторый пункт правил по-разному формулируется в вариантах 1 и 2, текст этого пункта для варианта 2 дается в сноске. Чтобы получить из основного текста полный текст правил для варианта 2, необходимо, таким образом: а) понимать под «словоформой», «основой» и «окончанием», вопреки § 6.14, условный вид этих единиц; б) там, где имеются соответствующие сноски, заменять пункты основного текста этими сносками.

В правилах используются (в общем случае) следующие сведения о словоформе *F* и о содержащей ее парадигме:

а) буквенный состав словоформы *F* с разделением на основу и окончание (в варианте 1 — в действительном виде, в варианте 2 — в условном);

¹⁵² Пользуясь терминами, данными в § 6.14, можно сказать, что вариант 1 представляет собой правила перехода от действительного вида с условным ударением к действительному виду с действительным ударением, а вариант 2 — правила перехода от условного вида с условным ударением к условному виду с действительным ударением.

б) исходная словоформа парадигмы, содержащей F , с разделением на основу и окончание (в варианте 1 — в действительном виде, в варианте 2 — в условном);

в) схема ударения данной парадигмы (следовательно, в частности, условное ударение в словоформе F и в исходной словоформе);

г) наличие или отсутствие в данной парадигме чередования беглой гласной с нулем (см. § 6.24; в варианте 2 этот элемент информации в самостоятельной форме не требуется, поскольку он уже отражен в наличии или отсутствии звездочки в условной основе);

д) тип склонения данной парадигмы (точнее — является ли тип склонения местоименным; см. § 6.27).

Правила делятся на две части: основную и дополнительную. Основная часть является общей для всех неисходных словоформ. Дополнительная часть состоит из отдельных поправок к результатам применения основной части правил; она предназначается для небольшой группы словоформ, которые с точки зрения основной части правил являются исключениями. Таким образом, основная и дополнительная части приводимых правил по существу представляют собой два этапа обработки словоформ, первому из которых подвергается всякая неисходная словоформа, а второму — только словоформы из определенного узкого списка.

Правила нахождения ударного слога в произвольной неисходной словоформе

А. Основная часть правил (общая для всех неисходных словоформ)

Случай I. Условное ударение в словоформе F на основе.

1. Если в исходной словоформе условное ударение также на основе — в словоформе действительное ударение падает на тот же по счету от начала слог основы, что и в исходной словоформе¹⁵³. Если же это невозможно из-за того, что основа словоформы F не насчитывает нужного числа слогов, действительное ударение в этой словоформе падает на последний слог основы.

2. Если в исходной словоформе условное ударение на окончании, то:

а) если парадигма имеет схему ударения f или f' — действительное ударение в словоформе F падает на первый слог основы;

б)¹⁵⁴ если парадигма имеет иную схему ударения, то:

если окончание словоформы F не содержит гласной, а парадигма имеет чередование беглой гласной с нулем — действительное ударение в этой словоформе падает на предпоследний слог основы¹⁵⁵;

¹⁵³ Если в исходной словоформе действительное ударение не на основе, словоформа F имеет действительное ударение на первом слоге (этот случай возможен только в парадигмах слов *два* и *три*).

¹⁵⁴ В варианте 2 пункт б таких: если парадигма имеет иную схему ударения, то действительное ударение в словоформе F падает на последнюю гласную основы. (Напомним, что в соответствии с § 6.26, символ * не является гласной, хотя и может нести знак ударения.)

¹⁵⁵ Во всех таких случаях основа содержит не менее двух слогов.

в прочих случаях действительное ударение в словоформе падает на последний слог основы¹⁵⁶.

Случай II. Условное ударение в словоформе *F* на окончании.

1. Если окончание словоформы двусложно, то:

если тип склонения данной парадигмы местоименный (I или II), а словоформа *F* не есть словоформа творительного падежа — действительное ударение в этой словоформе падает на последний слог окончания;

в прочих случаях действительное ударение в словоформе падает на первый слог окончания.

2. Если окончание словоформы односложно — действительное ударение падает на единственный слог окончания.

3. ¹⁵⁷ Если окончание словоформы *F* неслоговое (т. е. не содержит гласной) — действительное ударение падает на последний слог основы.

Примеры (словоформы рассматриваются в действительном виде; в случаях, представляющих специальный интерес, в сносках указан также условный вид рассматриваемых словоформ):

1) Условное ударение во взятой неисходной словоформе на основе: мн. ч. *игбл[и]*, *иблок[и]*, *игблк[ам]* (действительное ударение падает на тот же по счету слог основы, что и в исходной словоформе *игблк[а]*); мн. ч. *славайн[е* *славайн[и]*, *славайн[ам* (действительное ударение не может падать на тот же по счету слог основы, что в исходной словоформе *славайн[и]*, поскольку во взятых словоформах основа на один слог короче; поэтому оно падает на последний слог основы); В. ед. *глов[и]*, И. мн. *глов[ы]* (действительное ударение на первом слоге, поскольку в исходной словоформе *гловов[á]* условное ударение на окончании, а парадигма имеет схему ударения *f'*); Р. мн. *сбсен[и*, *ремёсел[и*, *сапожек[и* (действительное ударение на предпоследнем слоге, поскольку условное ударение в исходных словоформах *сосн[á*, *ремесла[б*, *сапожб[к* на окончании, парадигмы не относятся к схемам *f*, *f'* и имеют чередование беглой гласной с нулем, а окончания взятых словоформ пулевые); И. мн. *сбси[ы*, *ремёсла[а*, *сапожк[и*, Д. мн. *сбси[ам*, *ремёслам*, *сапожк[ам* и т. д. (действительное ударение на последнем слоге основы; отличие от предыдущего случая в том, что окончания здесь содержат гласную)¹⁵⁸.

2) Условное ударение во взятой неисходной словоформе на окончании: Р. *жеb*, *jeb*, *к'югб*, *вс'егб*, *сам'огб*, Д. *леju*, *к'ому*, *вс'ему*, *сам'ому*, В. *реb*, *реe*, *сам'ое* (действительное ударение на последнем слоге, поскольку тип склонения местоименный, а взятые словоформы — не творительного падежа); И. больш[áя, больш[éе, больш[íе, Р. больш[оgо, Д. больш[обу, В. больш[уk, Т. больш[ю, больш[ыми, а также *ею*, *сам[ю*, *иими*, *вс'еми*, *сам'ими*, Т. мн. *кишк[ами*, *веркал[ами*, *голов[ами* (действительное ударение на первом слоге окончания, поскольку указанный выше особый случай не имеет места); Д. мн. *кишк[ам*, *веркал[ам*, *голов[ам* (действительное ударение на единствен-

¹⁵⁶ Во всех таких случаях основа содержит не менее одного слога.

¹⁵⁷ В варианте 2 пункт 3 таков: если окончание словоформы *F* неслоговое (т. е. не содержит гласной), то действительное ударение падает на последний из имеющихся в основе символов, принадлежащих к классу «гласная или *».

¹⁵⁸ Ср. условный вид последних групп словоформ: Р. мн. *сбс'*и*, *рем'бс'*и*, *сапожк*и*; И. мн. *сбс'*и*, *рем'бс'*и*, *сапожк*и*; Д. мн. *сбс'*и*, *рем'бс'*и*, *сапожк*и*.

лом слоге окончания); Р. мн. *кишбкъ|*, *зеркалъ|*, *голбъ|* (действительное ударение на последнем слоге основы)¹⁵⁹.

Во всех приведенных примерах место действительного ударения правильно устанавливается уже на данном этапе (т. е. в результате применения только основной части правил перехода). Приведем также примеры словоформ, где это не так; например, И. мн. *гражданъ|е*, Р. мн. *кружевъ|*, неатрибут. муж. ед. *голбденъ|*, И. мн. *колосяъ|*, Р. мн. *овецъ|*, Т. *дауылъя* после обработки приведенной выше основной частью правил получают следующие неправильные ударения: *гражданцъ|е*, *кружевъ|*, *голбденъ|*, *колосяъ|а*, *овецъ|*, *дауылъя*.

Б. Дополнительная часть правил (применяемая только к некоторым неисходным словоформам)

I. Перенести знак ударения на один слог влево¹⁶⁰ (к номеру каждого из перечисляемых ниже случаев добавляется символ «л.», обозначающий данный тип переноса ударения):

л. 1 — во всех первичных неисходных словоформах с условным ударением на основе у следующих слов: *господь*, *перёд* (ср. *господ|а*, *господ|у* и т. д.); *преда*, *преду* и т. д.); *тяжота* (мн. ч. *тяжоты*, *тяжот|и* и т. д.); *полтара* (ср. *полтора|а*); *пятьдесят*, *шестьдесят* (ср. *пятьдесят|и*, *пятьдесят|ью*; *шестьдесят|и*, *шестьдесят|ью*); *дорогой*, *молодой*, *холостой*, *развитый* (ср. *дрог|*, *дрог|о*, *дрог|и*; *млод|*, *млод|о*, *млод|и*; *хлост|*, *хлост|о*, *хлост|и*; *развит|о*, *развит|о*, *развит|ы*)¹⁶¹

л. 2 — во всех первичных неисходных словоформах мн. числа слов *гражданы* и *согражданы* (мн. ч. *гражданъ|е*, *гражданъ|и* и т. д.; *согражданъ|* и т. д.);

л. 3 — в единственной первичной неисходной словоформе, имеющей неслоговое окончание¹⁶², у следующих слов: а) *дёиги*, *кружесо*, *кружечъ*, *масло*, *сажень* (вариант с Р. мн. *саженъ|*), *судия* (Р. мн. *дёнец*, *кружесъ|*, *масе|*, *саженъ|*, *суди|и*); б) *больний*, *веський* (что-л. делать), *лёгкий*, *рабочий* (неатрибут. муж. ед. *бленъ|*, *бленъ|¹⁶³*, *лёжк|*, *рэвэн|*); у слов *длинный*, *полный*, *тёмный*, *тёплый*, *чёрный*, колеблющихся между схемами ударения *a/b* и *a/c* — только в варианте со схемой *a/b* (неатрибут. муж. ед. *длиненъ|*, *полнъ|*, *тёменъ|*, *тёплел|*, *чёренъ|*; в варианте со схемой *a/c* все эти словоформы получают правильное ударение уже после этапа А);

л. 4 — во всех неатрибутивных словоформах с условным ударением на основе у следующих слов: *голбдный* (ср. *глобденъ|*, *глодн|о*, *глодн|ы* и *голбдн|и*), *весёлый* (ср. *веселъ|*, *весел|о*, *весел|ы*), *дешёвый* (ср. *дёшевъ|*, *дёшев|о*, *дёшев|ы*), *зелёный* (ср. *зеленъ|*, *зелен|о*, *зелен|ы*), *короткий* (вариант с неатрибутивными словоформами *кбротокъ|*, *кбротокъ|о* и *короткъ|б*, *кбротк|и* и *коротк|и*), *солёный* (ср. *солонъ|*, *солон|о*, *солон|ы*), *холбдный* (ср. *хлобденъ|*, *хлодн|о*, *хлодн|ы* и *холодн|и*); также *счастливый* (вариант с неатрибутивными словоформами *счастливъ|*, *счастливо|*, *счастлив|о*, *счастлив|ы*);

л. 5 — в И. падеже парного рода слова *четыре* (т. е. в словоформе *чэт-вер|о*).

II. Перенести знак ударения на один слог вправо¹⁶⁴ (к номерам случаев добавляется символ «и.», обозначающий данный тип переноса ударения):

¹⁵⁹ Ср. условный вид последней группы словоформ: Р. мн. *кишбкъ|*, *зеркалъ|*, *голбъ|*.

¹⁶⁰ В варианте 2: перенести знак ударения влево на ближайшую гласную.

¹⁶¹ Заметим, что слово *тяжота* можно было бы отнести также в группу л. 2, слова *дорогой*, *молодой*, *холостой*, *развитый* — также в группу л. 4.

¹⁶² А именно: у существительных — в словоформе Р. мн., у прилагательных — в неатрибутивной словоформе муж. рода ед. числа.

¹⁶³ Ср., однако, просторечное *влёп*.

п. 1 — во всех первичных неисходных словоформах с условным ударением на основе у следующих слов: *полдень* (вариант с основой неисходных словоформ *полудн*: *полудн|я*, *полудн|ю* и т. д.), *полночь* (вариант с основой неисходных словоформ *полуноч*: *полуноч|и*, *полуноч|ью* и т. д.); *семидесят*, *всемьдесят* (вариант с Т. *восьмьдесят|ью*) (ср. *семидесят|и*, *семидесят|ью*; *восьмидесят|и*, *восьмидесят|ью*)¹⁶⁵;

п. 2 — во всех первичных неисходных словоформах мн. числа следующих слов: *занята*, *бзеро* (мн. ч. *занята*, *озёр|а*); *дерево*, *камень* (драгоценный и т. п.), *кблос*, *ббод*, *ббод* (в упражн.) *ббоз* (саней) (мн. ч. *деревы|я*, *камёны|я*, *колбсы|я*, *оббды|я*, *поббды|я*, *полбзы|а*)¹⁶⁶; *бесёнок*, *чертёноч* (мн. ч. *бесенят|а*, *чертенят|а*);

п. 3 — в единственной первичной неисходной словоформе, имеющей неслоговое окончание¹⁶⁷, у следующих слов: а) *гумён* (вариант с Р. мн. *гумёны*), *земля*, *кольцо*, *овца*, *свинья*, *семья*, *сестра*, *судья*, *хлопоты*, *лайц* (Р. мн. *гумёны*), *земель*, *колёс*, *овеч*, *свиней*, *семей*, *сестрё*, *судёй*, *хлопот*, *лайц*); б) *вострий*, *дурной* (разговорный вариант со словоформой *дурён*), *сильный* (вариант со словоформой *силён*), *сми́рный* (вариант со словоформой *сми́рён*), *хитрый*, *шустрый* (неатрибутив. муж. ед. *вострё*, *дурён*, *силён*, *сми́рён*, *хитрё*, *шустрё*); у слова *умён*, колеблющегося между схемами ударения *a/b* и *a/c*, — только в варианте со схемой *a/c* (неатрибутив. муж. ед. *умён*; в варианте со схемой *a/b* эта словоформа получает правильное ударение уже после этапа А);

п. 4 — во всех первичных неисходных словоформах, кроме словоформ И. падежа, у слова *бба* (ср. *оббых*, *оббях*, *оббим*, *оббии* и т. д.).

п. 5 — в словоформах Т. падежа слов *два* и *три* (т. е. в словоформах *дфумя*, *тр|еня*).

III. Перенести знак ударения на два слога вправо в словоформе Т. падежа и на один слог вправо в остальных первичных неисходных словоформах слова *всемьдесят* (вариант с Т. *восьмидесят|ью*)¹⁶⁸; условное обозначение данного случая — пп. 1.

З а м е ч а н и е. Как уже указано выше, приведенные правила распространяются только на неисходные словоформы. Действительно, ударение исходной словоформы с их помощью установить нельзя; более того, оно само используется в этих правилах как элемент исходной информации. Естественно возникает вопрос о том, нельзя ли устранить указанное ограничение. Попытки такого рода приводят к констатации следующих зависимостей¹⁶⁹ (ср. также таблицы в конце § 6.17):

1. При схемах ударения *b*, *b'*, *d*, *d'*, *f*, *f'* а также *b/c* и *b/c'* в исходной словоформе действительное ударение падает на первый слог окончания, а если окончание неслоговое — на последний слог основы. Исключения: *угол*, *угорь*, *уэл*, *всемь*, *дёвять*, *дёсять*, *двадцать*, *тройцать*, *срок* (схема *b*); *уголы* (вариант со схемой *f*).

¹⁶⁴ В варианте 2: перенести знак ударения вправо на ближайший символ, принадлежащий к классу «гласная или *».

¹⁶⁵ Слова *семидесят* и *всемьдесят* можно было бы отнести также в группу п. 4.

¹⁶⁶ В этот список входят все слова с чередованием № 12 (см. § 6.32), имеющие двусложную основу с начальным ударением, за исключением слова *уголы* (вариант с И. мн. *уголь|ы*).

¹⁶⁷ См. сноску 162.

¹⁶⁸ В варианте 2: перенести знак ударения вправо на ближайшую гласную во всех первичных неисходных словоформах слова *всемьдесят*.

¹⁶⁹ В приводимых правилах имеется в виду действительный вид исходной словоформы. Слова схем *e'* и *e''* (*чесёк*, *ребёнок*, *дипл*) ввиду их малочисленности в правилах не отражены.

2. При схемах ударения *с и е* в исходной словоформе действительное ударение падает на первый слог основы. Исключения: *диréктор*, *инспéктор*, *инструéктор*, *кондúктор* (человек), *коррéктор*, *прожéктор*, *профéссор*, *редáктор*, *учите́ль*, *господи́н*, *ко́кий*, *поста́б* (схема *с*); *дерéвня*, *ступéнь*, *четыре*, *четыреста* (схема *е*).

3. При схемах ударения *a/b*, *a'/b'*, *a/c* и *a'/c'* в исходной словоформе действительное ударение падает на последний слог основы. Исключения: *мáленький*, *блажeн* (схема *a/b*); причастия на *житый*, *липый*, *натый*, *чатый* (кроме *съжитый*, *събитый*), а также *занертый*, *близнертый*, *проблактый* (схема *a/c*).

4. При схеме ударения *а* в переходной словоформе действительное ударение может падать на любой слог основы — правила выбора нет.

Таким образом, искомое правило удается построить для всех схем ударения, кроме схемы *а*. Однако к схеме *а* относятся 90% имен; поэтому ясно, что в общем случае мы вынуждены считать действительное ударение исходной словоформы заранее известным.

Переход от условного вида словоформ к действительному

§ 6.39. Чтобы перейти от условного вида произвольной словоформы к ее действительному виду, нужно применить к условному виду взятой словоформы определенную цепь формул перехода, которая приводится ниже (правила применения цепи формул перехода и условные обозначения см. в § 6.25).

Эта цепь состоит из двух частей: основной и дополнительной. Основная часть цепи формул перехода применяется ко всем словоформам. Для ее применения не требуется никакой другой информации о словоформе, кроме ее условного вида. Для подавляющего большинства словоформ с применением основной части цепи переход к действительному виду заканчивается, т. е. их действительный вид достигается уже на этом этапе.

Дополнительная часть цепи состоит из формул перехода, применяемых только к определенным группам словоформ. (Понятно, что это как раз те группы словоформ, для которых основная часть цепи еще не дает нужного результата; таких словоформ всего несколько десятков.) Для применения дополнительной части цепи может потребоваться информация о грамматическом значении взятой словоформы, о том, какому слову она принадлежит и к какому морфологическому роду относится это слово.

Разделение цепи формул перехода на основную и дополнительную части отражает тот же принцип описания, который был использован при переходе от условного ударения к действительному (см. § 6.38), а именно: «общее правило + индивидуальные поправки». В самом деле, дополнительные формулы перехода представляют собой не что иное, как индивидуальные поправки, производимые в тех случаях, когда словоформа не подчиняется общим правилам, выражаемым основной частью цепи. Эти индивидуальные поправки разделены на две группы: 1) замены гласной, выступающей в качестве полной ступени чередования беглой гласной с иулем (кроме чисто орфографических), например замена *хребёт* на *хребёт*; 2) замены чисто орфографического характера, например замена *чом* на *чём*.

З а м е ч а и и е. Сведения о том, что та или иная замена носит чисто орфографический характер, разумеется, фактически извлечены из сопоставления письменной формы языка с устной. В самом деле, одним лишь внутренним анализом письменной формы языка, по-видимому, нельзя было бы установить какое-либо качественное различие, например, между

такими отклонениями от ожидаемой словоформы, как *хребёт* (вместо *хребёт*) и *заяц* (вместо *зает*). Таким образом, мы опираемся здесь на сведения об устной форме языка, которые специальную в настоящей работе не рассматриваются.

Правила перехода от условного вида произвольной словоформы к действительному

A. Основная цепь формул перехода (обязательная для всех словоформ)

1. Переход части звездочек в нуль и сопутствующие изменения

1. * (+ СГ, С'Г или С|Г, С'|Г) → Ø
2. (не λ+) ' (+ н, λ, р, ψ, с или т) → Ø
3. С (+j или |j) → С'

II. Переход остальных звездочек в гласные¹⁷⁰

4. *_{безуχ.} (+j) → u
5. * (+j) → e
6. (j, ' , ІІ или ψ+) * (+ψ, λ' или н') → e
7. * → o

III. Орфографические замены

8. (uj|+) e_{безуχ.} → u
9. |օօօ → |օօօ

IV. Позиционные изменения ы и о и устранение o₂

10. (K| или ІІ|+) ы → u
11. (j, ' , ІІ, ψ или j|, '|, ІІ|, ψ|+) o_{безуχ.} → e
12. o₂ → o

V. Устранение j и '

13. '| → '|
14. j| → j
15. j или ' + $\begin{cases} a \rightarrow я \\ y \rightarrow ю \\ о \text{ или } \dot{o} \rightarrow \dot{e} \\ e \rightarrow e \\ ы \text{ или } u \rightarrow u \end{cases}$
16. j → ү
17. ' → ө

¹⁷⁰ По общему правилу (см. § 6.25), если подвергаемая замене звездочка несет знак ударения, этот знак переходит на заменяющую ее гласную. Заметим, что на звездочках, подвергающихся действию формулы перехода 1, знака ударения не бывает.

Примеры (номер над стрелкой показывает, какая формула перехода превращает запись, стоящую слева от этой стрелки, в запись, стоящую справа от неё):

а) Словоформы, у которых действительный вид достигается уже на данном этапе:

стрел^{*к} $\xrightarrow{7}$ стрел^б |
 стрел^б $\xrightarrow{1}$ стрел^б | $\xrightarrow{10}$ стрел^б |
 нбгст^т $\xrightarrow{7}$ нбгот^т | $\xrightarrow{14}$ нбгот^т | $\xrightarrow{17}$ нбгот^т |
 нбгст^т | $\xrightarrow{1}$ нбгт^т | $\xrightarrow{14}$ нбгт^т | $\xrightarrow{15}$ нбгт^т |
 ор'ж^к | $\xrightarrow{7}$ ор'бл | $\xrightarrow{15}$ ор'бл |
 ор'ж^к | $\xrightarrow{1}$ ор'л | $\xrightarrow{2}$ ор'л |
 бор'ж^к | $\xrightarrow{9}$ бор'ц^к | $\xrightarrow{15}$ бор'ц^к |
 бор'ж^к | $\xrightarrow{1}$ бор'ц^к | $\xrightarrow{2}$ бор'ц^к |
 чис'ж^л | $\xrightarrow{1}$ чис'л | $\xrightarrow{2}$ чис'л |
 чис'ж^л | $\xrightarrow{7}$ чис'ол | $\xrightarrow{11}$ чис'ел | $\xrightarrow{15}$ чис'ел |
 кбшж^к | $\xrightarrow{1}$ кбшк |
 кбшж^к | $\xrightarrow{7}$ кбшок | $\xrightarrow{11}$ кбшек |
 руч^{*ж} | $\xrightarrow{7}$ руч^ж | $\xrightarrow{13}$ руч^ж | $\xrightarrow{16}$ руч^ж |
 руч^ж | $\xrightarrow{6}$ руч^ж | $\xrightarrow{3}$ руч^ж | $\xrightarrow{6}$ руч^ж | $\xrightarrow{13}$ руч^ж | $\xrightarrow{15}$ руч^ж | $\xrightarrow{17}$ руч^ж | $\xrightarrow{18}$
 лйс^{*ж} | $\xrightarrow{4}$ лйси^ж | $\xrightarrow{13}$ лйси^ж | $\xrightarrow{16}$ лйси^ж |
 лйс^{*ж} | $\xrightarrow{9}$ лйс^ж | $\xrightarrow{1}$ лйс^ж | $\xrightarrow{3}$ лйс^ж | $\xrightarrow{9}$ лйс^ж | $\xrightarrow{10}$ лйс^ж | $\xrightarrow{9}$ лйс^ж | $\xrightarrow{11}$ лйс^ж | $\xrightarrow{13}$ лйс^ж | $\xrightarrow{15}$ лйс^ж | $\xrightarrow{17}$
 его | $\xrightarrow{12}$ лйсы |
 здáни|о (И. ед.) | $\xrightarrow{11}$ здáни|е | $\xrightarrow{13}$ здáни|е | $\xrightarrow{15}$ здáни|е
 здáни|и (П. ед.) | $\xrightarrow{8}$ здáни|и | $\xrightarrow{13}$ здáни|и | $\xrightarrow{15}$ здáни|и
 оврágы | $\xrightarrow{10}$ оврágы |
 нóчы | $\xrightarrow{10}$ нóчы |
 бол'шáje | $\xrightarrow{10}$ бол'шáje | $\xrightarrow{15}$ бол'шáje | $\xrightarrow{17}$ болльшáje |
 тýч|о | $\xrightarrow{11}$ тýч|е | $\xrightarrow{16}$ тýч|ей |
 мéс'ац|ом | $\xrightarrow{11}$ мéс'ац|ем | $\xrightarrow{15}$ мéс'ац|ем |
 зв'озд|á | $\xrightarrow{11}$ зв'озд|á | $\xrightarrow{15}$ звезд|á |
 шо₂колáд | $\xrightarrow{12}$ шо₂колáд |

б) Словоформы, у которых действительный вид на данном этапе еще не достигается:

хреб^{*т} | $\xrightarrow{7}$ хреб^б | $\xrightarrow{15}$ хреббт |
 сúмерк^к | $\xrightarrow{7}$ сúмерок |
 jaјж^к | $\xrightarrow{9}$ jaје^к | $\xrightarrow{15}$ лéц |
 мáши, нóч |, зáлеж |, ч|бл (никаких изменений)
 секвóй| | $\xrightarrow{13}$ секвóй| | $\xrightarrow{16}$ секвóй| |
 зор'|á | $\xrightarrow{14}$ зор'|á | $\xrightarrow{15}$ зор'|á |
 зáјж^к | $\xrightarrow{8}$ зáје^к | $\xrightarrow{15}$ зáбе^к |
 ўлы^ж | $\xrightarrow{4}$ ўли^ж | $\xrightarrow{13}$ ўли^ж | $\xrightarrow{16}$ ўли^ж |

Б. Дополнительные формулы перехода (распространяющиеся на ограниченные группы словоформ)

I. Замена гласной, выступающей в качестве полной ступени передования беглой гласной с нулем

18. В словоформах слов оди́н, лай́ц, екти́нъ, епти́мъ, ма́натъ, коча́н (вариант с Р. ед. кочи́н), хре́бёт, лев, тьма (множество), корчна́, судьба́, коче́рга, сúмерки:

одéн | \rightarrow оди́н |
 лай́ц | \rightarrow лай́ц |
 екти́нъ | \rightarrow екти́нъ |
 епти́мъ | \rightarrow епти́мъ |

манатéй → манатíй
 кочбíн| → кочáн|
 хребéт| → хребéт|
 лéв| → лéв|
 тéм| → тéм|
 корчóм| → корчéм|
 судéб| → судéб|
 кочергéг| → коче́ргéг|
 сýмерок| → сýмерек|

II. Орфографические замены

19. В словоформах И. ед. существительных женского морфологического рода:

Ш| → *Шъ*

20. В словоформах Р. мн. существительных женского морфологического рода:

й|и → *и*

21. В словоформах слов *заря*, *семя*, *стремя*, *сеи*, *заяц*, *достоиный*, *улей*, *чирай*, *ружиё*, *что*, *ничто*:

з0безуд.р| → *зар|*

семябезуд.и| → *семен|*

стремябезуд.и| → *стремен|*

себезуд.| → *си|*

заяц| → *заяц|*

достоен| → *достоин|*

ули|и → *уле|и*

чири|и → *чирай|и*

ружи|и → *руже|и*

ч|ом → *ч|ём*

При меры: *хребéт|*¹⁸ → *хребéт|*, *мáш|*¹⁹ → *мýш|и*, *нóч|*¹⁹ → *нóч|и*, *зáлеж|*¹⁹ → *зáлеж|и*, *секбáй|*²⁰ → *секбáй|и*, *зор|и*²¹ → *зар|и*, *сéмяи|и*²¹ → *сéмен|и*, *стремяи|а*²¹ → *стремен|а*, *се|и*²¹ → *си|и*, *заяц|*²¹ → *заяц|и*, (*ни о*) *ч|ом*²¹ → (*ни о*) *ч|ём*.

РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ДОСТАТОЧНОЙ ДЕТАЛЬНОСТИ ПРИ КЛАССИФИКАЦИИ СУЖЕННЫХ ПАРАДИГМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО УРОВНЯ

§ 6.40. Как указано в § 6.37, совокупность всех введенных до этого параграфа различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации суженных парадигм ус-ловного уровня. Однако для суженных парадигм действительного уровня достаточной детальности они еще не дают. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть, например, такие пары, как *сла-вяни́н—гражданы́н*, *чехбáл—угол*, *музéй—oврág*, *седóк—стрелóк*, *бéдá—звéздá*. Члены каждой из этих пар имеют одинаковые значения всех введенных до сих пор различительных признаков, однако их суженные парадигмы действительного уровня не эквивалентны.

Одна из возможных причин такой неэквивалентности связана с ударением. Она состоит в том, что условное ударение не отра-жает некоторых различий между словоформами, существенных

с точки зрения эквивалентности парадигм (а именно тех, которые учитываются признаком «сдвиг ударения», см. § 5.5). Так, например, словоформа *славяне* не отличается по условному ударению от словоформы *граждане*, а словоформа *чехол* — от словоформы *угол*. Для того, чтобы достичь достаточной детальности при классификации суженных парадигм действительного уровня, необходимо так или иначе учесть все акцентуационные различия такого рода. Для этой цели ниже вводятся два различительных признака (один из которых связан с неисходными словоформами, а другой с исходными):

- 1) акцентуационные отклонения в неисходных словоформах;
- 2) акцентуационные особенности исходной словоформы.

Вторая возможная причина неэквивалентности связана с переходом от условного вида словоформы к действительному. Она состоит в том, что одна и та же формула перехода (от условного вида к действительному), будучи применена к разным словоформам, может изменить их в разной степени; в частном случае одна словоформа может измениться, а другая остаться без изменений. Так, например, формулы перехода 11, 13 и 15 оставляют цепочку *оврагом* без изменений, а цепочку *музейом* последовательно преобразуют в *музéем*, *музéjem*, *музéем*. Формулы перехода 1 и 7 оставляют цепочки *седок*, *седокá* без изменений, а цепочки *стрелк*, *стрелкá* преобразуют в *стрелб*, *стрелкá*. Формулы перехода 11 и 15 оставляют цепочки *бéдá*, *бéды* без изменений, а цепочки *зв'ездá*, *зв'езды* преобразуют в *звездá*, *звезды*. В результате в первой паре утрачивается тождество наборов окончаний, во второй и в третьей парах основа одного из членов становится изменяемой.

Очевидно, что степень фактического воздействия некоторой формулы перехода на ту или иную словоформу (например, изменения в нескольких точках словоформы, изменение в одной точке, отсутствие изменений) зависит от того, каков условный вид этой словоформы. Так, в примере со словами *музéй* и *овраг* существенным было то, какова последняя буква условной основы, в примере со словами *седбк* и *стрелбк* — содержит ли условная основа звездочку, и т. д. Для того, чтобы достичь достаточной детальности при классификации суженных парадигм действительного уровня, нужно ввести дополнительные различительные признаки, отражающие те особенности условного вида словоформ парадигмы, от которых зависит степень фактического воздействия формул перехода на эти словоформы. Ниже для этой цели вводятся следующие различительные признаки парадигм:

- 1) морфонологический тип условной основы;
- 2) наличие звездочки в условной основе;
- 3) наличие неустойчивого *о* в условной основе;
- 4) морфонологические особенности неизменяемой части условной основы;

- 5) аномальные беглые гласные;
- 6) орфографические аномалии.

Описание каждого из восьми названных в настоящем параграфе различительных признаков начинается с того, что даются примеры, показывающие, для чего вводится этот признак (т. е. какого рода различия между парадигмами он отображает). Каждый пример представляет собой группу (обычно просто пару) слов, у которых: 1) значения всех различительных признаков, введенных до описываемого момента, одинаковы; 2) несмотря на это, суженные парадигмы действительного уровня не эквивалентны. При сравниваемых словах даются словоформы, позволяющие непосредственно убедиться в этой неэквивалентности. В основном при описании соблюдается общая схема, данная в § 6.2.

Различительный признак «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах»

§ 6.41. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *славянин* и *гражданин* (И. мн. *славяне*, но *граждане*), *брюс* и *колбос* (И. мн. *брюсья*, но *колбсыя*), *зеркало* и *кружево* (Р. мн. *зеркал*, но *кружев*), *шахматы* и *хлопоты* (Р. *шахмат*, но *хлопбт*) и т. п. (ср. также § 5.5).

Назовем неисходную словоформу акцентуационно правильной, если положение действительного ударения в этой словоформе подчиняется основной части правил, данных в § 6.38 (т. е. правилам раздела А), и акцентуацию неправильной, если это не так. Например, словоформы *славяне*, *брюсья*, *зеркал*, *шахмат*, *сбсен*, *дымы* — акцентуационно правильные, а словоформы *граждане*, *колбсыя*, *кружев*, *хлопбт*, *овбц*, *двумя* — акцентуационно неправильные. Очевидно, что акцентуационно неправильные те и только те словоформы, для которых предназначена дополнительная часть правил, данных в § 6.38 (т. е. правила раздела Б).

Про акцентуационно неправильную словоформу мы будем говорить также, что она имеет акцентуационное отклонение. Всякое акцентуационное отклонение состоит в том, что действительное ударение падает на то или иное число слогов левее (или правее) того места, куда оно должно падать по правилам раздела А. Таким образом, словоформы, перечисленные в пункте I раздела Б (§ 6.38), имеют акцентуационное отклонение «на один слог левее, чем по общему правилу»; словоформы, перечисленные в пункте II, — акцентуационное отклонение «на один слог правее, чем по общему правилу»; словоформа *восемьдесятъ* имеет акцентуационное отклонение «на два слога правее, чем по общему правилу».

Различительный признак «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах» учитывает: 1) какие словоформы парадигмы являются акцентуационно неправильными, т. е. имеют акцентуационные отклонения (если такие словоформы вообще есть в парадигме); 2) каково именно акцентуационное отклонение каждой из таких словоформ. Легко видеть, что все парадигмы, имеющие хотя бы одну акцентуационно неправильную словоформу, оказываются разделенными по этому признаку на 11 групп, точно соответствующих подпунктам правил раздела Б (л. 1 — л. 5, п. 1 — п. 5, пп. 1).

Таким образом, различительный признак «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах» может принимать следующие 12 значений:

0. Акцентуационных отклонений нет, т. е. все неисходные словоформы акцентуационно правильны (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

11 ненулевых значений: л. 1, л. 2, л. 3, л. 4, л. 5; и. 1, п. 2, п. 3, п. 4, п. 5; ип. 1. Каждое из этих значений имеют те и только те слова, которые перечислены в § 6.38 в однокоренном подпункте правил раздела Б.

Общее число слов, имеющих ненулевое значение данного признака, — около 70.

Различительный признак «акцентуационные особенности исходной словоформы»

§ 6.42. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *южанин* и *славянин* (И. мн. *южáне*, *славяне*), *чехол* и *угол* (Р. ед. *чехиá*, *углá*), *гора* и *голова* (И. мн. *горы*, *головы*, Р. мн. *гор*, *головы*) и т. п. (ср. также § 5.5).

Подлинное название данного различительного признака — «акцентуационные особенности парадигмы, связанные с положением действительного ударения в исходной словоформе или с чистом словоговорением ее основы»; поскольку, однако, оно слишком громоздко, в дальнейшем мы будем пользоваться упрощенным названием — «акцентуационные особенности исходной словоформы».

Различительный признак «акцентуационные особенности исходной словоформы» может принимать следующие пять значений (при каждом ненулевом значении указаны все слова, которые его имеют):

0. Не имеет места ни один из случаев, образующих значения 1—4. Это нулевое значение имеет подавляющее большинство парадигм.

1. Парадигма относится к схеме ударения *a*, действительное ударение в исходной словоформе на последнем слоге основы, а хотя бы в одной из неисходных словоформ основа на слог короче, чем в исходной словоформе. Слова: 1) все слова на *ан*, *ян*, имеющие чередование № 6 ин/0 (см. § 6.32), а именно: *армянин*, *гражданин*, *согражданин*, *дворянин*, *мещанин*, *селянин*, *славянин*, *христианин*, *чужанин*; 2) слова *заям*, *наём*, *перенайм*, *поднаём*.

2. Парадигма относится к схеме *b* или *f*, а действительное ударение в исходной словоформе на предпоследнем слоге. Слова: 1) *узол*, *уголы* (вариант со схемой *f*), *угорь*, *узел*; 2) *всемы*, *дёсять*, *дёсять*, *двадцать*, *тридцать*, *срок*. Кроме того, это значение приписывается слову *должен*, которое хотя и относится с формальной точки зрения к схеме *a/b*, но фактически имеет только театральный словоформы (т. е. словоформы со схемой ударения */b*).

3. Парадигма относится к схеме *f* или *f'*, а основа исходной словоформы двусложная. Слова: *бодо́й*, *бородо́й*, *бородá*, *боро́на*, *голова* (во всех значениях), *желе́зь*, *полоса́*, *просты́ня*, *просфора́* (*просвирá*), *середа́* (простореч. вариант к *середа*), *скородá* (обл.), *глобода́*, *сторона́*.

4. Парадигма относится к схеме *f* или *f'*, а основа исходной словоформы трехсложная. Слово *сковородá*.

Различительный признак «морфонологический тип условной основы»

§ 6.43. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *канал*, *овраг*, *абзац*, *музей* и *кристерий* (ср. Т. ед., И. ед. и И. мн. этих слов: *каналом*, *канале*, *каналы*; *оврагом*, *овраге*, *овраги*; *абзацем*, *абзаце*, *абзацы*; *музеем*, *музей*, *музéи*; *кристерием*, *кристерии*, *кристерии*); *карта*, *нúля*, *книга*, *тúча*, *спáца*, *стáя* и *линия* (ср. Т. ед., И. ед., И. мн. и Р. мн. этих слов: *карто́й*, *карте*, *карты*, *карт*; *книго́й*, *книге*, *книги*, *книг*; *тучей*, *туче*, *туч*; *спицей*, *спиц*, *спицы*, *спиц*; *стáей*, *стáе*, *стáи*, *стáи*; *линей*, *лини*, *лини*, *линий*); *сурбóвый*, *полбóгий*, *похóжий* и *бледнолáйчий* (ср. И. ед. сред. *сурбóвое*, *полбóгое*, *похóжее*, *бледнолáичее*) и т. п.

Полное название данного различительного признака — «морфонологический¹⁷¹ тип условной основы исходной словоформы»; однако ради краткости

¹⁷¹ Как известно, относительно содержания терминов «морфонология» и «морфонологический» в лингвистической литературе нет полного единства.

указание о том, что речь идет об исходной словоформе, в дальнейшем опускается.

Различительный признак «морфонологический тип условной основы» может принимать следующие семь значений:

1. «Морфонологический тип 1»: условная основа исходной словоформы оканчивается на согласную, но не *к*, *г*, *х*, *ш*, *ч*, *щ*, *ң* или *ј*; кроме того, это значение приписывается всем словам нулевого типа склонения (т. е. неизменяемым), независимо от исхода их условной основы, а также словам *я* и *ты*.

2. «Морфонологический тип 2»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *н*.

3. «Морфонологический тип 3»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *к*, *г* или *х*.

4. «Морфонологический тип 4»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *ш*, *ж*, *ч* или *щ*.

5. «Морфонологический тип 5»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *ң*.

6. «Морфонологический тип 6»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *ј* (но не на *үј*).

7. «Морфонологический тип 7»: условная основа исходной словоформы оканчивается на *үј*.

В дальнейшем мы будем говорить просто: «слово *А* относится к такому-то морфонологическому типу» (вместо: слово *А* имеет такое-то значение признака «морфонологический тип условной основы»).

З а м е ч а н и е. Можно было бы построить этот различительный признак так, чтобы он учитывал характер условной основы не одной лишь исходной словоформы, а всех словоформ парадигмы. Разумеется, число возможных значений такого признака оказалось бы гораздо больше семи. Так, например, слово *ўҳо* получило бы значение «морфонологический тип 3 в ед. ч., 4 во мн. ч.» и т. п. Однако для достижения достаточной детальности классификации суженных парадигм действительного уровня этого не требуется. Дело в том, что все случаи, когда условные основы разных словоформ парадигмы оканчиваются различно, уже учитываются различительным признаком «членований в условной основе» (так, этим признаком уже учтено отличие слова *ўҳо*, например, от слова *бләгъо*, имеющего неизменяемую условную основу).

Значение, которое принимает данный признак у произвольного слова, легко устанавливается по действительному виду исходной словоформы (с разделением на основу и окончание) и по сведению о том, относится ли слово к нулевому типу склонения, а именно:

1. Всякое слово нулевого типа склонения, а также слова *я* и *ты* относятся к морфонологическому типу 1.

2. У прочих слов морфонологический тип определяется так:

если действительная основа исходной словоформы оканчивается на:

слову относится к морфонологическому типу:

<i>к</i> , <i>г</i>	3
<i>ш</i> , <i>ж</i> , <i>ч</i> или <i>щ</i>	4
<i>ң</i>	5
гласную (кроме <i>и</i>), <i>ь</i> или <i>й</i>	6
<i>и</i>	7
ицую букву	2 (если действительное окончание исходной словоформы начинается с <i>ь</i> , <i>я</i> , <i>е</i> , <i>ё</i> или <i>и</i>) или 1 (в прочих случаях).

Не рассматривая этих разногласий, укажем лишь, что в настоящей работе эпитет «морфонологический» прилагается к тем характеристикам парадигмы, которые оказывают влияние на переход от условного вида словоформ к действительному.

Таблица распределения имен по морфонологическим типам

Морфонологический тип		1	2	3	4	5	6	7
Тип склонения								
I субстантивный	мужской морф. род	ЗАВОД [6500]	ОЛЁНЬ [1030]	ЛЕТЧИК [4650]	НОЖ [390]	ОТЕЦ [690]	МУЗЕЙ [240]	ГЕННИЙ [150]
	женский морф. род	КАРТА [2600]	БУРЯ [370]	ТОЧКА [5400]	ТУЧА [320]	ПТИЦА [1200]	СТАЯ [190]	ЛЯНИЯ [1380]
	средний морф. род	ЧУВСТВО [1200]	{гóре, мóре, пóле}	ОКОШКО [130]	ЖИЛИЩЕ [140]	СЕРДЦЕ [80]	УЩЕЛЬЕ [370]	ЗДАНИЕ [3200]
II субстантивный	мужской морф. род	—	[путь]	—	—	—	—	—
	женский морф. род	ПЯТЬДЕСЯТ [4]	РАДОСТЬ [3130]	—	МЫШЬ [55]	—	—	—
	средний морф. род	—	ИМЯ [15]	—	—	—	—	—

Продолжение

Морфонологический тип Тип склонения	1	2	3	4	5	6	7
Адъективный	новый [16 950]	сийний [140]	диккий [2950]	свёжий [570]	ку́рый [10]	длинно-тёплый [4]	—
Адъективно-возвратный	—	—	—	выдающи́йся [30]	—	—	—
I местоименный	этот [30]	[они́]	стёлько [8]	[наш, ваш]	—	волнчий [175]	—
II местоименный	тот [6]	весь [4]	[иёкого]	иёчего	—	—	—
Притяжательный	дядин [35]	[госибдень]	—	—	—	—	—
Пулевой	шуге [420]	—	—	—	—	—	—
Лиомалый	два [5]	три [2]	[еброк]	—	—	—	—
Всего (округленно)	27 800	4700	13 100	1500	2000	1000	4700
То же в %	50,7	8,6	23,9	2,7	3,6	1,8	8,6

Количественное распределение имён по морфонологическим типам показано в таблице на стр. 266—267. В таблице учтены типы склонения, а у слов субстантивных типов склонения также морфологический род (любое из этих слов имеет одно из трех ненулевых значений признака «морфологический род»). Относительные значения шрифтов и скобок см. § 6. 2. пункт 4.

Различительный признак «наличие звездочки в условной основе»

§ 6.44. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *седок* и *стrelок* (Р. ед. *седокъ*, но *стrelкъ*), *просьба* и *сэddyба* (Р. мн. *просъбъ*, но *сэddyбъ*), *сверлъ* и *седлъ* (Р. мн. *сэвръ*, но *сэделъ*), *дряхлый* и *кислый* (неатрибут. муж. ед. *дряхлъ*, но *кислъ*) и т. п.

Различительный признак «наличие звездочки в условной основе» может применяться следующие три значения:

0. «Звездочек нет»: условная основа ни одной из словоформ парадигмы не содержит звездочек (нулевое значение). Кроме того, это значение приписывается, независимо от наличия или отсутствия звездочки в условной основе, следующим группам слов: а) словам аде́ктивного типа склонения, не относящимся к расширенному аде́ктивному разряду; б) *pluralia tantum* мужского морф. рода; в) словам с дефектом № 9, 10 или 13.

Ненулевые значения приписываются только словам, не относящимся к указанным группам. Эти значения таковы:

1. «Одна звездочка»: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит звездочку (но ни одна из этих условных основ не содержит двух звездочек).

2. «Две звездочки»: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит две звездочки.

Как ясно из самого значения символа *, данный признак непосредственно связан с наличием или отсутствием чередования беглой гласной с нулем в действительной основе. В самом деле, отсутствие звездочки в условной основе всегда означает, что в действительной основе нет чередования беглой гласной с нулем. Однако наличие звездочки в условной основе может еще и не означать, что в действительной основе есть такое чередование. Дело в том, что у парадигмы, условная основа которой содержит звездочку, может оказаться такой набор окончаний, при котором во всех словоформах должна выступать одна и та же (а именно, нулевая) ступень чередования беглой гласной с нулем; в этом случае чередование в действительной основе не будет¹⁷². Таковы, например, парадигмы слов *платье*, *дрёво*, *сáкля* (Р. мн. *платьеъ*, *дрёковъ*, *сáклей*);ср. парадигмы слов, имеющих в Р. мн. окончание без гласной, например *ущéлье*, *ведёрко*, *сáбля* (Р. мн. *ущéльй*, *ведёркъ*, *сáбель*). По несколько иной причине отсутствует чередование беглой гласной с нулем в парадигмах таких слов, как *сущéственный*, *единственный* и т. п. Здесь в неатрибут. словоформах муж. ед. (*сущéствен*, *единствен*), где нулевое окончание должно вызвать полную ступень чередования беглой гласной с нулем, в силу непозиционного чередования № 33 (*и/θ; см. § 6.32) отсутствует весь элемент '*и (ср. словоформы *сущéственен*, *единственен* встречающиеся наряду с приведенными выше нормативными). Таким образом, наличие или отсутствие звездочки в условной основе не совпадает в точности с наличием или отсутствием чередования беглой гласной с нулем в действительной основе, хотя эти характеристики парадигмы и достаточно близки.

¹⁷² Части таких слов приписано нулевое значение рассматриваемого признака (см. выше). Это сделано для того, чтобы несколько уменьшить избыточную детальность классификации (см. § 6.1), создаваемую данным признаком.

*Правила, позволяющие установить,
какое значение принимает
у произвольного слова признак
«наличие звездочки в условной основе»*

Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) морфологический род; 5) сведение о том, относится ли слово к числу pluralia tantum; 6) значение признака «дефекты парадигмы». Под основой слова в правилах понимается основа исходной словоформы.

Слова адъективного типа склонения, не относящиеся к расширенному адъективному разряду, pluralia tantum мужского морф. рода и слова с дефектом № 9, 10 или 13 имеют и у л е в ое значение данного признака. У прочих слов значения таковы:

Значение «две звездочки» имеют следующие слова: а) *восьмёрка* (вариант с Т. *восемьстами*); б) *камень* (вариант с мн. *каменья*), *уголь* (древесный; простореч.; мн. *уголья*); *дно* (мн. *дынь*).

Значение «одна звездочка» имеют следующие группы слов:

I. Слова, имеющие в условной основе чередование № 12 (см. список этих слов в § 6.32), кроме слов *камень* (вариант с мн. *каменья*), *уголь* (древесный) и *дно*, которые имеют значение «две звездочки» (см. выше).

II. Из прочих слов:

Группа первая: слова, у которых окончание исходной словоформы не содержит гласной

A. Следующие слова с односложной исходной словоформой: а) существительные I субстантивного склонения *лоб*, *лев* (животное), *рог*, *шов*, *лёд*, *лён*, *сон*, *пёс*, *ром*, *мох* (вариант с Р. ед. *лаха*), *день*, *пень*; б) существительные II субстантивного склонения *ложь*, *рожь*, *вошь*; в) прилагательные *чай*, *весы*.

B. Следующие группы слов с неодносложной исходной словоформой:

1. Из слов на *и*: а) существительные *жеребей* (обл.), *воробей*, *муравей*, *соловей*, *үлей*, *репей*, *чирей*, *ручей*, а также *третий* (посторонний); б) все прилагательные I местоименного склонения на *ий*, например *ликий*, а также *ничей*.

2. Из слов на *к* — слова на *ок*, *ёк* и на безударное *ек*, за исключением: а) слов, у которых перед *ок*, *ёк*, *ек* стоит сочетание «согласная+а, р или н», например: *игрок*, *упрёк*, *вбйлок*, *челнбк*, *опрёснок*, *игроб*, *отрок*, *шлаброб*; б) слов на гласную+ок, на *к*, *г* или *х*+ок, на согласную+шток, например *манибк*, *заскбк*, *флагштбк*; в) слов на *пёк*, *тёк* (кроме *зятёк*), *волок*, а также слов *намёк*, *зарбк*, *бмороk*, *порбк*, *прорбк*, *урбк*, *затбк*, *подтбк*, *притбк*, *водтбк*, *потбк*, *протбк*, *истбк*, *востбк*, *водостбк*, *оттбк*¹⁷³; г) слов *едбк*, *седбк*, *евдбк*, *ходбк*, *знатбк*; д) слов *экивбк*, *медбк* (вино из Медока), *оподельбк*, *брелбк*, *щёлок*, *йнок*, *барбк* (вариант к *барбкко*), *бкорок*, *артишбк*; е) слова *сброк*. Примеры: *несбк*, *напёрсток*, *паёк*, *зятёк*, *орёшек*; также *радёхонек*, *слабёнек*.

3. Из слов на *ц*: а) слова на безударное *ец* (кроме *выжлец*), например: *пальц*, *кипцец*, *днец*; б) слова на гласную+ец и на гласную+согласную+ец (кроме слова *дроевец*; например, *боц*, *резец*, *отец*), а также слова на *лбец*, *стёц* (кроме *чистец*) и слово *волчец*¹⁷⁴; в) слово *здац*.

¹⁷³ Если исходить из того, что морфемный состав слов нам известен, то рубрику «в» можно было бы сформулировать так: «все слова на *к* с глагольными корнями *мёк*, *пёк*, *тёк*, *волок*, *рог*, *морок*, *ток*».

¹⁷⁴ Перечислим слова на две согласные+ец, имеющие беглую гласную: *голбец* (вариант к *гблбец*), *столбец*, *истец*, *крестец*, *хвостец*, *волчец*. Для слова *червец* АО дает Р. ед. *червецá*, Уш. — *червецá* и *червцá*, Орф. — *червцá*.

4. Из слов на *ень*: а) существительные I субстантивного склонения на безударное *ень* (кроме *пламень*, *прбшвень*, *лсень*), например *грбенъ*, *блогънъ*, *шершень*; б) следующие существительные I субстантивного склонения на *ёнъ*: *ремёнъ*, *кремёнъ*, *слепёнъ*, *переступёнъ*, *плетёнъ*; б) прилагательное *госпднъ*.

5. Из прочих слов: а) существительные I субстантивного склонения *кобёл* (обл.), *козёл*, *у́зел*, *нéпел*, *орёл*, *бкисел*, *осёл*, *вымисел*, *дбмысел*, *пбмысел*, *прбмысел*, *умысел*, *вымысел*, *котёл*, *дáтэл*, *щебял*, *у́гол*, *мосбл*, *посбл* (лицо), *чехбя*, *хокбя*, *заём*, *наём*, *поднаём*, *перенадём*, *псалом*, *кочан* (вариант с Р. ед. *кочн*), *моллбен*, *бубен*, *тёрен* (обл. вариант к *тёрн*), *рожбн*, *чаббр*, *шаббр* (обл.), *боббр*, *ковбр*, *одбр*, *копбр*, *шатбр*, *вётер*, *костбр*, *багбр*, *бугбр*, *свёкор*, *вихбр*, *овёс*, *хребёт*, *бцет* (устар.), *стёбель*, *журавель* (обл. вариант к *журавль*), *тигель*, *кбмель*, *кашель*, *у́голь*, *овбнь*, *у́горь*, *выхорь* (поэтич.), *дёготь*, *кбготь*, *нвготь*, *лбкоть*, *ломбть*, *лбпть*¹⁷⁵; соп. (сочек); б) существительные II субстантивного склонения *люббь*¹⁷⁶, *нелюббь*, *цёрквь*; в) прилагательное *дблжен*; г) числительное и прилагательное *один*, числительные *всесмь* (вариант с Т. *восемью*), *всесмьдесят* (вариант с Т. *восемьюдесатю*), *пятьсбт*, *шестьсбт*, *семьсбт*, *восемьсбт* (вариант с Т. *восемьюстами*).

Группа вторая: слова, у которых окончание исходной словоформы содержит гласную

1. Все слова с основой на *ь*, например: *статья*, *гбстыя*, *копьё*, *ущёлье*, *лохмбтья*.

2. Из слов с основой на *к* — слова с основой на согласную (или *ь*)+*к*, за исключением слов *лásка* (нежность), *вбйско*, *войскъ*. Примеры: *скáзка*, *чайка*, *шпилька*, *оквшико*, *ведёрко*, *опилки*, *тбнкий*, *гбрький*, *ббгий*.

3. Из слов с основой на *ц* — существительные среднего морф. рода с основой на согласную—(или *ь*)+*ц* (кроме *облнце*), например *блюдце*, *кольцо*, *перйльца*; кроме того, существительные женского морф. рода *овцá*, *двэрца*, *шпбрьца*, *крепостцá*, *пáльцы*.

4. Из слов с основой на *и* — слова с основой на согласную (или *ь*)+*и*, за исключением существительных женского морф. рода на *дна*, *зна*, *йна*, *йна*, *нна*, *рна* (например, *ежидна*, *войнá*, *волнá*, *вáнна*), а также *стбнна* (устар.), *хна*. Примеры: *башня*, *ббйня*, *спáльня*, *соснá*, *дбмна*, *окнб*, *нбжны*, *смешнбй*, *схидный*, *стрáнnyй*, *больнбй*, *стрбйnyй*, *торжéственнnyй*.

5. Из слов с основой на *л*: а) существительные I субстантивного склонения на согласную+*ла* или *ли* (например, *капля*, *крабля*, *грббла*), а также *ку́кла*, *ветлá*, *метлá*, *скребл*, *стебл* (обл.), *тáгло*, *седл*, *зло*, *стекл*, *дунлó*, *мáсло*, *весл*, *ремесл*, *рукомесл* (простореч.), *крéсло*, *тесл*, *числ*, *коромысл*, *прáсл* (обл.), *кблы*¹⁷⁷; б) прилагательные *злой*, *тёплый*, *кислый*, *свёлтый*.

6. Из прочих слов: а) существительные I субстантивного склонения *свáдьба*, *усадьба*, *судьба*, *рбога*, *кабарé*, *кочерé*, *шаньга*, *сергá*, *каймá*, *корчмá*, *тюрьмá*, *тымá* (множество), *сестрá*, *дёньги*, *письм*, *ребрó*, *бедрó*, *ведрó*, *ядрб*¹⁷⁸; б) прилагательные *дблгий*, *хйтрый*, *бстрый* (в перен. знач.), *вбстрый*, *шутрый*; в) числительные *двёсти*, *триста*, *четыреста*.

¹⁷⁵ Заметим, что в этот список входят все существительные I субстантивного склонения на *ть*. Укажем также примыкающие к этому списку имена собственные: *Навел*, *Егíпет*, *Хонёр*, *Остёр*, *Гостблмель*, *Овён*.

¹⁷⁶ Имя собственное *Люббь* имеет цебглое о (Р. *Люббви*).

¹⁷⁷ У ряда существительных на согласную+*ло* в Р. мн. наблюдаются колебания. АГ (§ 230) признает колебания, в частности, у слов *тáгло*, *дупл*, *ремесл*, *рúсло*, *дышило* (например, Р. мн. *русл* и *рúсл*). Для слов *перевясл*, *свáсло*, *сфло* словари не дают никаких определенных указаний.

¹⁷⁸ Для слова *карб* Уш. дает Р. мн. *карб* (в АО только *карб*); для слова *обжá* — Р. мн. *обжей* и *оббж* (в Ориф. Р. мн. *обжей*; в АО нет). У слов *арбá*, *иглá*, *йволга* изредка встречаются устаревшие словоформы Р. мн. *арб*, *йгол*, *йволог*.

Таблица распределения имен, имеющих иенуловое значение признака «наличие звездочки в условной основе»

		Тип склонения						
		I субстантивный			II субстантивный	адъективный	местоименные (I и II)	притяжательный
		мужской морф. род	средний морф. род	женский морф. род				
Действительная основа исходной словоформы оканчивается на:	ъ, и, или е	ручей [8]	ущелье [370]	статья [105]	—	—	волчий [160]	—
	к	кусок [830]	окошко [110]	точка [4600]	—	тонкий [170]	—	—
	ч	боец [610]	сердце [60]	овца [5]	—	—	—	—
	н	камень [85]	окно [14]	башня [220]	—	верный [11]500] *	[один]	[господень]
	л	осёл [27]	число [16]	капля [33]	—	тёплый [4]	—	—
	р	ковёр [15]	ведро [4]	[сестра]	—	хитрый [4]	—	—
	м	заём [5]	[племя]	тюрьма [4]	[вбесемь]	—	—	—
	прочие буквы	ров [14]	триста [3]	судьба [15]	ложь [7]	[дологий]	[весь]	—
Всего (округленно)		1600	580	5000	8	11 700	160	1

* В том числе около 5300 слов, которые не имеют чередования беглой гласной с нулем в действительной основе.

Все остальные слова имеют нулевое значение данного признака («звездочек нет»). Примеры (порядок примеров соответствует тому, в котором выше перечислены группы слов со звездочкой): зов, тон; музей, радий, синий; человёк, вайлок, седбк, щёлок; кузнёц, беглён; оле́нь, ячмень, ясень; костёл, глагол, экзамен, живодёр, кагбр, совёт, кабель, моркбев; собака; улица, убийца; полено, вайна; оббла, игла, чре́сла, стбило, сверлб, држхлый, пбшлый; вёрма, прбсбба, пальма, сёдьма, игрá, нёдра, клеймб, белымб, утро, дббрый, мудрый.

Общее число слов, имеющих ненулевое значение данного признака, — около 19 000. Распределение этих имен в зависимости от типа склонения, а также от последней буквы действительной основы исходной словоформы показано на стр. 271 в виде таблицы. У слов I субstantивного склонения учтен также морфологический род. Относительные значения шрифтов и скобок см. § 6.2, пункт 4.

Различительный признак «наличие неустойчивого о в условной основе»

§ 6.45. Под «неустойчивым» о понимается безударное о, стоящее в условной основе непосредственно после ѡ, ѿ, шипящей или Ӧ, т. е. подверженное действию формулы перехода 11 (см. § 6.39). Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как беда и звезды (И. мн. бёды, но звёзды), винб и селб (И. мн. вайна, но сёла), чиж и ёж (Р. ед. чижá, но ежá) и т. п.

Различительный признак «наличие неустойчивого о в условной основе» может принимать следующие три значения:

0. «Неустойчивого о нет»: условная основа ни одной из словоформ парадигмы не содержит цепочки «ѡ, ѿ, Ш или Ӧ+безударное о» (нулевое значение).

1. «Одно неустойчивое о»: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит цепочку «ѡ, ѿ, Ш или Ӧ+безударное о» (но ни одна из этих условных основ не содержит, сверх этого, второй такой цепочки или цепочки «ѡ, ѿ, Ш или Ӧ+ударное о»).

2. «Два неустойчивых о»: условная основа хотя бы одной из словоформ парадигмы содержит две цепочки «ѡ, ѿ, Ш или Ӧ+о» (одна из них может содержать ударное о или обе могут содержать безударное о).

Правила, позволяющие установить, какое значение принимает у производственного слова признак «наличие неустойчивого о в условной основе»

Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (с разделением на основу и окончание); 2) схема ударения.

Значение «два неустойчивых о» имеет только слово дешёвый.

Значение «одно неустойчивое о» имеют:

Л. Из слов, содержащих ё в действительной основе исходной словоформы: а) все слова, не относящиеся к схеме ударения а, кроме слов дешёвый (см. выше) и чёрт¹⁷⁹, б) слова схемы а бесёнок, чертёнонок.

¹⁷⁹ Практически под действие этого подиупкта подпадают: а) все существительные на ёж (например, ёж, платёж, чертёж), а также существительные: жёлоб, жёрнов, мёд, перёд, черёд, ксёпда, щёлк, чёлн, осётр, сиёт, кляст, ёрш, жёлудь; щёлочки; плёсо (обл.); б) все прилагательные на ённыи, имеющие чередование № 29 *и/0 (в основном это причастия, например, решёниий, сочи-нёниий), а также прилагательные: лёгкий, далёкий, чёткий, вёрткий, жёсткий, хлёсткий, мёртвый, чёрствый, твёрдый, квёлый, тажёлый, весёлый, теплый, гасёний, мудрёний, тёмный, чёрий, пёстрый, жёлтий.

Б. Из слов, у которых действительная основа исходной словоформы безударна, а последняя гласная этой основы есть *е*:

1. Слова схем ударения *d*, *d'*, *f* и *f'*, за исключением: а) тех, у которых в действительной основе исходной словоформы за последним *e* непосредственно следует шипящая, *к*, *г*, *х*, *й* или сочетание «согласная + *и*» (кроме слов *дежай* и *щекай*, которые имеют значение «одно неустойчивое *о*»)¹⁸⁰; б) слов *помегай*, *зенеб*, *перо* (т. е. слов с чередованием № 12 *θ/ж*); в) слов *еба*, *беда*, *среда*₁₋₂, *стрела*, *стена*, *ценя*, *щепа*, *мета*, *жерло*¹⁸¹.

2. Следующие слова схемы ударения *b*: а) *пелена*, *письмена*; б) слова, для которых слова приводят словоформы мн. числа: *бечеса*, *стека* (обл.), *лебеда*, *череа*, *дереза*, *древя*, *белена*.

В. Из прочих слов: а) слова на *мя* (кроме *сёма*, *стрёма*, *пёрыша*), например, *йма* (т. е. слова с чередованием № 20 *θ/он*); б) *бэро*; в) *хозяин*¹⁸².

Все остальные слова имеют нулевое значение данного признака («неустойчивого *о* нет»). Примеры: *приём*, *тёмя*, *пленка*, *ёмкость*; *чертая*, *чекай*, *вещество*, *божество*; *межа*, *стена*, *клеймб*, *жерло*.

Различительный признак «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы»

§ 6.46. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *скаква*, *лбжка*, *шпилька* и *гайка* (Р. мн. *скакок*, *лбжек*, *шпильек*, *гайек*); *дбмана* и *свадьба* (Р. мн. *дбмен*, *свадеб*); *окнб*, *ядбр* и *письмб* (Р. мн. *окон*, *яддер*, *писем*); *песбк*, *кулёк* и *паёк* (Р. ед. *песка*, *кулька*, *пайк*); *угол* и *уэл* (Р. ед. *угл*, *угл*); *гусёнок* и *мышонок* (П. мн. *гусята* и *мышата*) и т. п.

Различительный признак «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы» может принимать пять значений (нулевое и четыре ненулевых).

Ненулевые значения (присыпаются только словам, имеющим неустановленное значение признака «наличие звездочки в условной основе»):

Значение «*о*»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку «согласная (но не *ш*, *ж*, *ч*, *щ*, *ц*, *ј*) + * + согласная (но не *к*, *г*, *х*, *й*)».

Значение «*ш*»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку «*ш*, *ж*, *ч*, *щ* или *ц* + * + согласная (но не *ј*) или «*ш*, *ж*, *ч*, *щ* или *ц* + он*» (кроме слова *бочонок*, которому присыпается нулевое значение).

Значение «*ь*»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку *ъ** или цепочку «'* + согласная (но не *н*, *л*, *р*, *ц*, *с*, *т*)» (кроме слова *восемьсот*, которому присыпается только значение «*о*», а это значение не присыпается)¹⁸³.

Значение «*й*»: условная основа исходной словоформы содержит цепочку *ј**¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Таковы слова: *межай*, *свеня*, *плешиб*; *слегай*, *рекай*, *стремай*; *рэзийай*, *стрэльбай*, *серыйай*, *белымб*, *сельцб*.

¹⁸¹ Из числа слов, для которых слова приводят словоформы мн. числа, под действие этого пункта подпадают: *середа* (простореч.), *звезда*, *дежай*, *жекай*, *гайай*, *щекай*, *пичай*, *метай*, *женай*, *весны*, *веснай*, *блесна*, *сестра*, *лесай*, *серстай*; *спеэдб*, *скреблб*, *стеблб* (обл.), *седлб*, *салб*, *челб*, *стеклб*, *сверлб*, *веслб*, *ремеслб*, *рукомеслб* (простореч.), *теслб*, *бресьнб*, *веретенб*, *жерлб*, *реблб*, *бэрлб*, *вэрлб*, *колесб*, *речетб*, *берцб*, *օվերլբ*.

¹⁸² Это единственное слово, имеющее неустойчивое *о* в условной основе и не имеющее чередование *е/ё* в действительной основе.

¹⁸³ Это слово — единственное, для которого имеют место одновременно два из перечисленных особых случаев.

¹⁸⁴ Ненулевые значения обозначены русскими буквами, так или иначе отражающими особенности соответствующих чередований беглых глас-

Нулевое значение: не имеет места ни один из указанных четырех случаев (в частности, оно приписывается всем словам, имеющим нулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе»).

Правила, позволяющие установить, какое значение принимает у произвольного слова признак «морфонологические особенности неизменяемой части словной основы»

Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (с разделением на основу и окончание); 2) значение признака «наличие звездочки в условной основе»; 3) значение признака «чередования в условной основе» (практически необходимы лишь сведения о том, имеются ли чередования № 12 и № 14).

А. Слова, имеющие нулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе», имеют также нулевое значение данного признака.

Б. Из слов, содержащих в условной основе чередование № 14 *он*/иам*, слова на *онок* имеют значение «ш», прочие — нулевое значение. Из слов, содержащих в условной основе чередование № 12 *0/*ы*, слова *дно* и *уголь* (мн. *уголья*) имеют значение «о», прочие — нулевое значение.

В. Слово *восемьсот* имеет значение «о», слово *кочан* (вариант с Р. ед. *кочнй*) — значение «ш», слово *заяц* — значение «й».

Г. Прочие слова, имеющие ненулевое значение признака «наличие звездочки в условной основе»:

1. Слова, у которых окончание исходной словоформы содержит гласную: действительная основа исходной словоформы оканчивается на: значение рассматриваемого признака:

<i>к, г или х + согласную</i>	«о»
<i>ш, ж, ч, щ или չ + согласную</i>	«ш»
<i>ь + согласную</i>	«ъ»
<i>й + согласную</i>	«й»
<i>любую иную цепочку — слова зло, злой, пблный, двёсти, трйста, четырёста имеют значение «о», прочие слова — нулевое значение.</i>	

2. Слова, у которых окончание исходной словоформы не содержит гласной:

действительная основа исходной словоформы оканчивается на: значение рассматриваемого признака:

<i>согласную (но не ш, ж, ч, щ, չ) + о + согласную (но не к, г, х)</i>	«о»
<i>ш, ж, ч, щ или չ + е (или о) + согласную</i>	«ш»
<i>л + е (или ё) + согласную</i>	«ъ»
<i>согласную (но не ш, ж, ч, щ, չ) + е (или ё) + к или խ</i>	«ъ»
<i>гласную + е (или ё) + согласную</i>	«й»
<i>любую иную цепочку</i>	нулевое

Примеры: нулевое значение — *скáзка, песóк, лягkий, дбнna, ядрb, ѿвл, нéмec, пéс, ѿмnyй, свéтlyй, ручéй, ѿлей, стáтый, ущéльe, стул, князь, гуcёнок*; значение «о» — *окнb, зло, ѿгol, сон, пблный*; значение «ш» — *лóжка, блюдечко, мешóк, шов, конькобéжec, клéчки, тяжкий, мышбонок*; значение «ъ» — *шпíлька, тюрьmá, свáдьба, письмb, куléк, зверёk, пáлеk, лéд, добывnый, ѿбрýкij*; значение «й» — *гáйка, каймá, пáеk, китбéц, стрóбный, бóйкий*.

ных с нулем на действительном уровне (так, ь и ѹ — это просто нулевые ступени соответствующих чередований, о — полная ступень).

Различительный признак «аномальные беглые гласные»

§ 6.47. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова, как *полынь* и *ектен्य* (Р. мн. *полынёй*, но *ектен́й*), *ковёр* и *хребёт* (Р. ед. *ковр́*, *хребт́*), *рожён* и *кочан* (Р. ед. *рожнá*, *кочнá*), *жмурки* и *сúмерки* (Р. *жмурок*, но *сúмерек*) и т. п.

Аномальные беглые гласные выступают в действительной основе. При формулировке значений данного различительного признака это специально не оговаривается.

Различительный признак «аномальные беглые гласные» может принимать следующие пять значений (при каждом ненулевом значении указаны все слова, которые его имеют):

0. Аномальных беглых гласных нет (нулевое значение).
1. Аномальная беглая гласная *и* (вместо *ё* или *е*). Слова: *один*, *яйцо*, *ектен्य*, *епитимья*, *манатый*.
2. Аномальная беглая гласная *а* (вместо *о*). Слово *кочан* (вариант с Р. ед. *кочнá*).
3. Аномальная беглая гласная *е* (вместо *ё*). Слова: *хребёт*, *лев*, *тьма* (множество), *корчма*, *судьбá* (устар. вариант со схемой ударения *f*).
4. Аномальная беглая гласная *ё* (под ударением) или *е* (без ударения) (вместо *о*). Слова: *кочергá*, *сúмерки*.

Различительный признак «орфографические аномалии»

§ 6.48. Этот признак вводится для того, чтобы различить при классификации, например, такие слова как *стáя* и *секвбáя* (Р. мн. *стай*, *секвбий*), *китáец* и *зáяц* (Р. ед. *китáйца*, *зáйца*), *спокóйный* и *достбóйный* (неатрибут. муж. ед. *спокбен*, но *достбин*), *копьё* и *ружъё* (Р. мн. *кбпий*, но *рúжей*) и т. п.

Орфографические аномалии выступают в действительном виде словоформ. При формулировке значений данного различительного признака это специально не оговаривается.

Различительный признак «орфографические аномалии» может принимать следующие девять значений (при каждом ненулевом значении указано, какие слова его имеют; в таком указании могут быть использованы сведения о действительной основе исходной словоформы слова и о типе склонения):

0. Орфографических аномалий нет (нулевое значение).
1. В И. ед. окончание *ь* (вместо *Ø*). Это значение имеют все слова II субстантивного склонения с основой на шипящую, например, *ночь*, *мышь*, *зáлесь*.
2. Р. мн. оканчивается на гласную *-и* (а не на гласную *-йи*). Это значение имеют все слова на *и́я*, например: *секвбáя*, *паранбáя*.
3. В основе вместо безударного *о* выступает *а*. Слово *заря*.
4. В основе вместо безударного *я* выступает *е*. Слова: *сéмя*, *стрéмя*.
5. В основе вместо безударного *и* выступает *е*. Слова: *жéребей* (обл.), *улей*, *чíреi*; *ружъё*.
6. В основе вместо безударного *е* выступает *и*. Слова: *сей*, *достбóйный*.
7. В основе вместо безударного *е* выступает *я*. Слово *зáяц*.
8. В окончании II. ед. вместо *о* выступает *ё*. Слова: *что*, *ничтб.*

Итоги классификации суженных парадигм

§ 6.49. Совокупность всех введенных выше различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации суженных парадигм действительного уровня. Иначе говоря,

любые два слова, имеющие одинаковые значения всех введенных различительных признаков, имеют эквивалентные суженные парадигмы действительного уровня.

Заметим, однако, что построенная классификация обладает некоторой избыточной детальностью; иначе говоря, можно найти такую пару слов, у которых суженные парадигмы действительного уровня эквивалентны, а наборы значений различительных признаков неодинаковы. Таковы, например, слова *вол* и *кузнец*: их суженные парадигмы действительного уровня эквивалентны, между тем они принадлежат к разным морфонологическим типам (слово *вол* к морфонологическому типу 1, слово *кузнец* — к морфонологическому типу 5). Содержательные мотивы, ведущие к построению избыточно детальной классификации, в общей форме указаны в § 6.1. В построенной классификации источником избыточной детальности почти во всех случаях являются различительные признаки «морфонологический тип условной основы» и «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы».

РАЗДЕЛ III

РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ВТОРИЧНЫМ СЛОВОФОРМАМ

§ 6.50. Основные особенности вторичных словоформ (см. § 6.3) состоят в следующем: 1) подавляющее их большинство омонимично некоторым первичным словоформам тех же парадигм; 2) те немногие вторичные словоформы, которые не омонимичны никаким первичным словоформам, могут быть построены по некоторым стандартным правилам на основании сведений о первичных словоформах. Таким образом, естественно считать, что парадигма строится как бы в два этапа: вначале строятся все первичные словоформы, а затем как производные от них возникают вторичные словоформы¹⁸⁵. (Отсюда и сам выбор названий для этих двух групп словоформ.)

В связи с этим различительные признаки, относящиеся к вторичным словоформам, строятся особым образом. В отличие от признаков, относящихся к первичным словоформам, они отражают не сами по себе окончание, основу или ударение тех или иных вторичных словоформ, а только способ построения этих словоформ исходя из первичных словоформ той же парадигмы. Рас-

¹⁸⁵ Заметим, что и по своим грамматическим значениям почти все вторичные словоформы занимают как бы второстепенное положение в системе склонения; в большинстве существующих описаний по крайней мере некоторые из них не признаются самостоятельными словоформами (или даже вообще не упоминаются).

смотрим в качестве примеров формы В. мн. и И₂ ед., которым всегда соответствуют вторичные словоформы. Словоформа В. мн. всегда омонимична либо словоформе И. мн., либо словоформе Р. мн. Словоформа И₂ ед. в одной части парадигм строится по некоторому стандартному правилу, исходя из словоформы Д. ед. (упрощенно это правило можно представить так: по буквенному составу словоформа И₂ ед. совпадает со словоформой Д. ед., но действительное ударение всегда на окончании; подробнее см. § 6.54). Очевидно, что у словоформ В. мн. и И₂ ед. нет необходимости учитывать по отдельности ударение, окончание, особенности основы. Про словоформу В. мн. достаточно знать только то, какой именно словоформе — И. мн. или Р. мн. — она омонимична во взятой парадигме. Про словоформу И₂ ед. достаточно знать только то, омонимична ли она словоформе Д. ед. Именно такая информация и учитывается вводимыми ниже различительными признаками.

Из сказанного видно, что вторичные словоформы можно успешно описывать с помощью различительных признаков указанного строения. Однако само по себе еще не очевидно, имеет ли такое описание преимущество перед логически более простым описанием, при котором все словоформы признаются равноправными (т. е. нет деления на первичные и вторичные) и последовательно изучаются ударение во всех словоформах парадигмы, окончания всех словоформ парадигмы и т. д. Чтобы убедиться в том, что такие преимущества действительно имеются, рассмотрим, например, вопрос об ударении. Возьмем следующие пары слов: *вещь*—*мышь* (схема ударения *e*; В. мн. *вёщи*, *мышей*), *гвоздь*—*конь* (схема *f*; В. мн. *гвозди*, *коней*); *мысль*—*даль* (схема *a*; И₂ ед. *мысли*, *далі*), *сорт*—*борт* (схема *c*; И₂ ед. *сбртє*, *бортў*), *речь*—*печь* (схема *e*; И₂ ед. *речи*, *печї*). Представим себе, что различительный признак «схема ударения» учитывал бы все словоформы парадигмы (а не только первичные). Легко видеть, что члены каждой приведенной пары слов были бы отнесены в этом случае к разным схемам ударения; общее число различных схем значительно увеличилось бы. Это увеличение и само по себе является некоторым минусом для описания, однако гораздо важнее другое: при таком описании собственно акцентуационные противопоставления (например: *вещь*, схема *e* — *зáлежь*, схема *a*; *сорт*, схема *c* — *стол*, схема *b*) попадают в один список с противопоставлениями совсем иной природы (типа *вещь*—*мышь*, *сорт*—*борт*). В самом деле, очевидно, что различие по ударению, например, между В. мн. *вёщи* и В. мн. *мышей* является не более чем одним из следствий общего правила об омонимии В. мн. с И. мн. или Р. мн. и специально к акцентуации отношения не имеет. Таким образом, неразличение первичных и вторичных словоформ привело бы к затемнению объективного членения рус-

ских имен по акцентуационному признаку. Сходные доводы можно было бы привести и в отношении других вторичных словоформ и других аспектов строения парадигмы.

Различительный признак «нестандартная омонимия чисел»

§ 6.51. В соответствии с § 6.3, вторичной признается всякая словоформа ед. числа, омонимичная соответствующей словоформе мн. числа (кроме словоформ неизменяемых слов). Условимся называть этот вид омонимии о м о н и м и е й ч и с е л. В § 6.3 предполагается, что рассматриваются полностью известные парадигмы. Если же взята парадигма, известная не полностью, то мы еще не можем сразу установить, имеется ли в данной парадигме омонимия чисел.

Ответ на этот вопрос состоит в следующем. Омонимия чисел бывает двух типов. Омонимия чисел первого типа (назовем ее *стандартной*) может быть однозначно предсказана по сведениям о грамматическом разряде парадигмы, а именно: стандартную омонимию чисел имеют все прилагательные. Она состоит в том, что омонимичны соответствующие друг другу словоформы разных чисел в 7-м согласовательном классе (=в парном роде), например: И. ед. парн. *иные*=И. мн. парн.; Т. ед. парн. *свойчи*=Т. мн. парн. и т. д. Омонимия чисел второго типа (назовем ее *нестандартной*) не может быть предсказана на основании значений каких-либо введенных ранее различительных признаков. Она представлена в парадигмах существительных 7-го согласовательного класса¹⁸⁶ (т. е. *pluralia tantum*). В доказательство того, что наличие омонимии чисел в таких парадигмах нельзя предсказать по значениям других различительных признаков, можно привести, например, парадигмы слов *пельница* и *ножницы*. Эти слова имеют одипаковые значения всех введенных до сих пор различительных признаков; между тем одно из них (*ножницы*) имеет омонимию чисел, а другое (*пельница*) — нет (и в силу этого данные парадигмы неэквивалентны).

Таким образом, для того, чтобы учесть при классификации такие различия между парадигмами, как *пельница*—*ножницы*, нужен дополнительный различительный признак. Для этой цели вводится различительный признак «нестандартная омонимия чисел». Он может принимать следующие два значения:

0. Омонимии чисел в парадигме нет или имеется только стандартная омонимия чисел.

1. В парадигме имеется нестандартная омонимия чисел (или, что то же, слово относится к числу *pluralia tantum*).

Правила, позволяющие установить, какое значение принимает у произвольного слова признак «нестандартная омонимия чисел»

Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в ее действительном виде (без разделения на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) сведение о том, имеет ли парадигма дефект № 6 (см. § 3.4); 4) тип склонения.

Значение 1 имеют следующие группы существительных:

¹⁸⁶ Следует учитывать, что согласовательный класс существительных (как и всякая другая классифицирующая грамматическая категория) сам по себе не входит в число различительных признаков, участвующих в морфологической классификации именных парадигм.

1) существительные адъективного типа склонения на *ые* и *ис*, адъективно-возвратного типа склонения на *исся* и любого иенулового типа склонения на *ы* и *и*, за исключением существительных с дефектом № 6;

2) следующие существительные (порядок обратный алфавитный): *кружевъ*, *древъ*, *бездъ*, *торокъ*, *войскъ*, *сусалъ*, *удилъ*, *белыла*, *чернйла*, *перйла*, *чреслъ*, *раменъ*, *письменъ*, *румъна*, *небра*, *небесъ*, *словесъ*, *лесъ* (строительные), *мелесъ*, *чарусъ*, *девъжатъ*, *брата*, *летъ*, *тештъ*, *коробта*, *устъ*, *потрохъ*, *воротца*, *жужжальца*, *перильца*; *пренія*, *зеленъ*, *объѣдъ*, *корѣпъ*, *хлопъ*, *лохомѣтъ*, *стрѣчъ*¹⁸⁷; кроме того, *дробѣцъ*, *щечъ*.

Все прочие слова имеют нулевое значение данного признака.

Общее количество слов, имеющих значение 1 данного признака (т. е. pluralia tantum) — около 470 (в том числе мужского морф. рода 250, женского 190, среднего 30).

Различительный признак «несстандартическое выражение винительного падежа»

§ 6.52. В соответствии с § 6.3, вторичной называется всякая словоформа В. падежа, омонимичная соответствующей словоформе И. или Р. падежей (кроме словоформы *её*). Однако, как уже отмечено в связи с омонимией чисел, в § 6.3 предполагается, что рассматриваются полностью известные парадигмы. Если же взята парадигма, известная не полностью, то в связи с винительным падежом возникают следующие два вопроса: 1) какие из имеющихся в парадигме словоформ В. падежа являются вторичными в силу того, что они омонимичны соответствующей словоформе И. или Р.; 2) если вторичные словоформы В. падежа в парадигме вообще имеются, то какой именно словоформе (И. или Р.) омонимична каждая из них.

Ответ на первый вопрос определяется следующим общим правилом (использующим сведения об эталонном грамматическом значении словоформ парадигмы и о типе склонения).

Вторичной в силу омонимии с И. или Р. является:

1) в парадигме II субстантивного склонения — всякая словоформа В. падежа;

2) в парадигме иного типа склонения — всякая словоформа В. падежа, кроме словоформ с эталонным грамматическим значением «В. ед. жен. (неодуш. или одуш.)» (которые являются первичными).

Примеры: вторичные словоформы В. падежа — *стол*, *столъ*, *брата*, *братьевъ*, *авады*, *жён*, *окнъ*, *бки*, *ноч*, *нбчи*, *мышь*, *мышей*, *сани*, *шоссé*, *свой*, *своегъ*, *свой*, *свой*, *сойхъ*, *два*, *двухъ*, *пять*, *меня*, *когдъ*, *что*; первичные словоформы В. падежа — *звездъ*, *жену*, *мостовую*, *нбву*, *свою*, *дадину*.

Единственное исключение из приведенного правила — словоформа В. ед. жен. *полторы* (она омонимична словоформе И. падежа и поэтому является вторичной, тогда как по правилу должна быть первичной)¹⁸⁸.

Ответ на второй вопрос определяется следующим общим правилом (использующим те же сведения, что и предыдущее):

1) Всякая вторичная словоформа В. падежа, эталонное грамматическое значение которой содержит граммемы «средний род» и «ед. число», омонимична словоформе И. падежа.

2) Всякая вторичная словоформа В. падежа, которая, во-первых, принадлежит парадигме II субстантивного склонения, во-вторых, имеет эталонное грамматическое значение, содержащее граммему «ед. число», также омонимична словоформе И. падежа.

¹⁸⁷ Для слов *жвала*, *стропила*, *уголья*, *отрёпья*, *охлопья* АО дает словоформы ед. числа; относительно слов *кружевъ*, *войскъ*, *небесъ*, *потрохъ* см. § 2.12.

¹⁸⁸ Особый случай составляет словоформа В. падежа *её*: она омонимична словоформе Р. падежа, однако, в силу специального указания в § 6.3, является первичной. Таким образом, она не нарушает данное правило.

3) Всякая иная вторичная словоформа В. падежа омонимична словоформе И. падежа, если ее эталонное грамматическое значение содержит грамматему «неодушевленность», и словоформе Р. падежа, если ее эталонное грамматическое значение содержит грамматему «одушевленность».

Примеры: словоформы В. падежа, омонимичные с И. — *окнō, и.ч. лицō, чудбвице, жиебтиое, своē, новое; мать, мышь, ночь, путь, пяты, двайбати;* *стол, столъ, звёзды, бкна, нбчи, сбни, свой, свой, два, что;* словоформы В. падежа, омонимичные с Р. — *лиц, чудбвиц, жиебтиых, матерей, мышей, брата, братьев, своеb, свойх, двух, меня, когб.*

Из этого правила имеется некоторое число исключений:

1) у некоторых слов морфологического класса 6 (а именно, у существительных согласовательного класса 2, например *волчице, гнедкъ, подмастерье,* п. у слов *онб, кто, никтъ, нёкого*) словоформа В. ед. (при бесчисловом типе устройства — просто В.) омонимична словоформе Р. падежа (а не И., как требует правило), например: *волчича, гнедкъ, подмастерья, егб, когб, никогб, нёкого;*

2) словоформа В. ед. муж. одуш. *полтора* омонимична словоформе И. падежа (а не Р., как требует правило); ср. *он съел полтора гусей* (но не *полутора гусей*).

Будем называть вторичные словоформы В. падежа, подчиняющиеся обоям приведенным правилам, выраженными в стандартизации, а словоформы, отклоняющиеся хотя бы от одного из них, — выраженными в естандартизации.

Для того, чтобы учесть при классификации состав и строение вторичных словоформ В. падежа, достаточно ввести дополнительный различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартно выраженным В. падежом. Ввести такой признак в то же время необходимо, поскольку предсказать его значения по значениям других различительных признаков в общем случае нельзя. В самом деле, например, парадигмы слов *чудбвице* и *волчице* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков¹⁸⁹; между тем у одного из них (*чудбвице*) обе словоформы В. падежа выражены стандартно, а у другого (*волчице*) словоформа В. ед. выражена нестандартно (вследствие чего парадигмы этих слов неэквивалентны).

Таким образом, вводится различительный признак «нестандартное выражение винительного падежа», который может принимать следующие значения:

0. Все имеющиеся в парадигме вторичные словоформы В. падежа выражены стандартно (нулевое значение).

1. Словоформа В. ед. (в бесчисловом разряде — просто В.) выражена нестандартно: она омонимична соответствующей словоформе Р. падежа.

2. Словоформы В. ед. муж. одуш. и В. ед. жен. (одуш. и неод.) выражены нестандартно: они омонимичны соответствующим словоформам И. падежа.

При построении правила, позволяющего устанавливать значение рассматриваемого признака у произвольной парадигмы, оказывается неизбежным обращение к дополнительной информации о слове, не входящей в число введенных ранее морфологических характеристик, а именно, к сведениям о согласовательном классе существительных на *ище* и *ко* (ср. обращение к этим сведениям в § 6.30). Ниже приводятся эти правила (кроме указанных выше сведений о согласовательном классе, в них используется исходная словоформа, грамматический разряд и тип склонения):

Значение 2 имеет только слово *полтора*.

Значение 1 имеют: 1) все существительные 2-го согласовательного класса (муж. одуш.) на *ище* и *ко* (кроме относящихся к нулевому типу склонения),

¹⁸⁹ Эти два слова относятся, правда, к разным согласовательным классам; но, как уже отмечено выше в связи с омонимией чисел, согласовательный класс (в отличие от морфологического класса) не входит в число морфологических различительных признаков.

а также подмастерье, полуудыре (обл.), мазло (простореч.), треплю (муж. род. разр.)¹⁹⁰; 2) слова опь, ктё, никтё, нёкого.

Все прочие слова имеют нулевое значение данного различительного признака.

Различительный признак «нестандартное выражение 2-го родительного падежа»

§ 6.53. В большинстве именных парадигм (в частности, в парадигмах всех слов, кроме существительных мужского морфологического рода I субстантивного склонения) всякая словоформа 2-го родительного падежа омонимична соответствующей словоформе родительного падежа. Будем называть этот способ выражения P_2 стандартным. Примеры стандартного выражения P_2 : парадигма стакан — P_2 ед. стакана; вода — P_2 ед. воды; винб — P_2 ед. винб; нбый — P_2 ед. нбового, нбовой; два — P_2 двух; что — P_2 чегб.

В меньшинстве парадигм (а именно, у части существительных мужского морфологического рода I субстантивного склонения) положение таково: 1) P_2 мн. омонимичен Р. мн.; 2) в P_2 ед. имеются две словоформы, одна из которых омонимична Р. ед., а вторая омонимична Д. ед.¹⁹¹ Будем называть этот способ выражения P_2 нестандартным. Примеры нестандартного выражения P_2 : парадигма чай — P_2 ед. чаю и чай; яд — P_2 ед. яду и яда; конъяк — P_2 ед. конъяку и конъяка; шум — P_2 ед. шуму и шума (P_2 мн. чай, ядов, конъяков, шумов).

Таким образом, для того, чтобы учесть при классификации строение словоформ 2-го родительного падежа, достаточно ввести всего один различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартно выраженным P_2 . Как и в случае с винительным падежом, такой различительный признак в то же время необходим: в самом деле, например, парадигмы слов стакан и яд имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков; между тем одно из них (стакан) имеет стандартно выраженный P_2 , а другое (яд) — нестандартно выраженный P_2 (вследствие чего парадигмы этих слов неэквивалентны).

Итак, вводится различительный признак «нестандартное выражение 2-го родительного падежа», который может принимать два значения:

0. 2-й родительный падеж выражен стандартно (нулевое значение).

1. 2-й родительный падеж выражен нестандартно.

Вопрос о том, у каких именно существительных мужского морф. рода I субстантивного склонения 2-й родительный падеж выражен нестандартно, представляет большие трудности. На способ выражения P_2 у этой группы существительных влияет несколько факторов неформального характера. Важнейшим из них является значение слова: словоформы P_2 на -у, -ю возможны только у слов, означающих предметы, которые не имеют количественной определенности (и поэтому, в частности, не поддаются счету). Таковы обозначения пересчлененных однородных масс (например, веществ, материалов, видов пищи, напитков, денежных сумм) или абстрактных понятий (например, физических эффектов, состояний, качеств). С другой стороны, способ выражения P_2 зависит от сферы употребления слова: словоформы P_2 на -у, -ю свойственны преимущественно разговорной речи и поэтому они закрепляются только у слов, которые достаточно часто встречаются в быту, в общедневной практике. Поэтому, например, словоформы P_2 керосину, гбнору

¹⁹⁰ Верна была бы также следующая более общая формулировка этого пункта: все существительные ненулевого склонения, относящиеся одновременно к согласовательному классу 2 и морфологическому классу 6.

¹⁹¹ Во всякой парадигме, имеющей словоформу P_2 ед., имеются также соответствующие словоформы Р. ед. и Д. ед.

обычны, а словоформы *стрбицию*, *альтруизму* могут быть употреблены в литературной речи только для достижения определенного стилистического эффекта. Наконец, на способ выражения P_2 влияет и такой собственно морфологический фактор, как схема ударения слова: схема ударений в явится существенным (хотя все же преодолимым) препятствием для образования P_2 на -у, -ю.

Из сказанного видно, что в современном языке нет четкой границы, отделяющей слова с нестандартно выраженным P_2 от остальных. По-видимому, все слова мужского морф. рода I субstantивного склонения, которые обозначают предметы, не поддающиеся счету, потенциально допускают нестандартное выражение P_2 (хотя для большинства из них такие словоформы оказываются стилистически окраинными, ср. выше). Очевидно, что в данном случае любые формальные правила будут отражать реальную ситуацию несколько огрубленно. Приводимые ниже правила представляют собой просто списки слов с нестандартно выраженным P_2 (таким образом, с формальной точки зрения, они не требуют никаких сведений о слове, кроме исходной словоформы). Слова разбиты на семантические группы; порядок слов во всех списках обратный алфавитный. Замысел приводимых правил состоит в том, чтобы приписывать значение 1 рассматриваемого признака только тем словам, у которых словоформы P_2 на -у, -ю могут считаться стилистически нейтральными. Разумеется, конкретное исполнение этого замысла неизбежно содержит элемент субъективности. Отметим, что приводимые списки включают, в частности, все слова, для которых P_2 на -у, -ю указан в АО или в АГ (кроме слов, рассматриваемых в замечаниях в конце настоящего параграфа).

Значение 1 (« P_2 выражен нестандартно») имеют следующие существительные мужского морф. рода I субstantивного склонения:

1. Слова с вещественным значением (обозначения веществ, материалов, видов пищи, напитков и т. п.):

а) *плов, снег, мозг, пудинг, грэг, твёрбог, жёмчуг, мармелад, шоколад, маринад, рафинад, лимонад, град, виноград, чаб, лёд, мёд, спретопцайд, юд, сблод, кислород, яд, газ, навоз, токдай, чай, елец, клей, сельдерей, шалфей, грэвий, бпий, цикорий, мёрфиц, гной, перегной, настбай, табак, наядак, лак, шлак, мак, брак (брюквиная продукция), прпёк, крыжовник, шиповник, валёжник, сйтник, шпик (сало), сурек, тик (ткань), щёлк, цинк, щёлок, вёйлок, чеснок, сок, несбк, кипятбк, порошок, воск, лук, балык, тальк, урюк, известьяк, коньяк, мышьяк, материаал, крахмал, мел, пёпел, кизайл, салба, рассбл, бальзам, мадаполам, хлам, джем, чернозём, крем, гриц, боржом, ром, бром, кори, хлорофбрм, дым, изюм, ладан, нарезан, туман, целлофэн, лён, хрен, новокайн, кокайн, габардин, кодрин, ксфейн, кармазайн, бензайн, мараскийн, молескийн, формалин, гуталин, нафталин, вазелин, анилин, ванилин, пласталин, пенициллин, газолайн, ланолайн, поплин, муслин, инсулин, жасмин, тмин, хинин, сантонин, стрихнин, уротропин, маргарин, стеарин, ультрамарин, сахарин, ландрин, глицерин, аспирин, дексстрин, люстрин, фуксин, керосин, ватин, желатин, дерматин, сатин, бенедиктин, терпентин, брильянтин, абрикосин, парабин, файдешин, крендейшин¹⁹², рейнвейн, глиптин, портвейн, самогон, пирамидон, пейлбон, одеколон, кардамон, гудрон, капрон, бетон, ацетон, крошиб, бульон, дёрн, сафьян, драп, сирон, укропин, сун, сар, навар, товэр, отэр, наэбр, нарезэр, угэр, склиподэр, пар, сахар, сидр, клёвер, ликёр, бисер, пёртор, клёистер, шифер, жир, инжир, кашемир, зефир (ткань и кушанье), кефир, эфир, раствор, кагбр, коленибр, мрамор, сор, мусор, рокфор, фбсфор, алебастр, сыр, квас, амлас, лес (материал), херес, тёс, анис, ляпис, рис, сйлос, купорос, репс, гипс, ворс, морс, кускус, соус, кумыс, шлагат, мускат, салат, шиннат, бэрхат, панбархат, вельвёт, глазэт, марказэт, налёт, омлёт, помёт, винегрэт, паш-*

¹⁹² Слова с вещественным значением, оканчивающиеся на -ин, образуют особую группу: по-видимому, можно было бы признать P_2 на -у допустимым для любого такого слова. Мы не делаем этого здесь из-за формальных трудностей (необходимость обращаться к значению слова).

*тёт, динамит, лафит, брезент, чёмент, абсент, грунт, тавбт, креобт, шешибт, ковербт, камлбт, пот, компбт, спирт, абсест, хброст, мајут, торф, мех, мох, горбх, порох, вбздух, пух, смалец, маганец, пёрец, сйтц, пунш, фарш, миндаль, миткалль, хмель, штапель, кисель, кабель, картблфель, щебень, ревень, ячмён, янтарь, имбирь, нашатарь, дёготь*¹⁹³;

б) уменьшительные: *чаёк, кофеёк, хмелёк, уголёк, огонёк, сйтничек, песочек, горбшек, сўтичик, пёргчик, сйтчик, медбк, ледбк, снегбк, творожбк, мелбк, дыбык, хрепбк, сахарбк, жирбк, сырбк, квасбк, деготбк, табачбк, сочбк, чесночбк, лукбк, балычбк, сўпец*¹⁹⁴.

2. Слова со значением нерасчлененной множественности: *нарбд, сброд*.

3. Слова, обозначающие физические эффекты и характеристики:

а) *визг, крик, треск, писк, гром, шум, звон, трезебн, гбмон, скрин, скрёжет, гвалт, грбхот, хбхот, сист, смех*;

б) *ток* (электрический), *вётпер*;

в) *хбод, морбз* (также *морбзец*), *эной, жар*;

г) *смак, блеск, сес, вкус, сост, рост, звапах*;

д) *ход, покбй, простбр.*

4. Слова, обозначающие абстрактные понятия, связанные с человеческой деятельностью:

а) *долг, дохбд, расхбд, убйток, капитал, штраф*;

б) *шик, лоск, пыл, юмор, гбнор, нáфос, форс, аппетит, талант, азарт, быт*;

в) *бред, трёп, вадор, брёх*;

г) *толк, порядок, прок, срок, риск, скандал, срам*.

Все остальные слова имеют нулевое значение рассматриваемого признака (*«Р₂ выражен стандартно»*).

З а м е ч а н и я

Значительное число словоформ Р₂ на *-у, -ю* выступает в устойчивых фразеологических сочетаниях (часто наречного характера). Здесь возможны три случая:

1. Соответствующее существительное вообще не встречается вне данного устойчивого сочетания (или сочетаний). Так, например, существительное *ўмолк* встречается только в форме Р₂ в выражении *без ўмолку*. В соответствии с § 4.1, такие существительные (а именно: *отвайл, панталык, призбр, прбсып, слад, спас, терпёж, угомбн, ўдерж, ўмолк, упáд*) вообще не рассматриваются в настоящей классификации.

2. Соответствующее существительное допускает словоформу Р₂ на *-у (-ю)* только в устойчивом сочетании (или сочетаниях); в свободных сочетаниях встречается словоформа Р₂ только на *-а (-я)*. Так, например, словоформы Р₂ *отвéту* и *привéту* выступают только в выражении *ни отвéту ни привéту*. В соответствии с § 4.2, такие сочетания не учитываются при установлении состава парадигмы участвующих в них существитель-

¹⁹³ Перечислим все слова схемы *ударения b*, входящие в этот список: *творбг, лёд, табák, наждак, чеснбк, песбк, кипятбк, порошбк, балык, известняк, коньяк, мышьяк, лён, мох, миндаль, миткалль, кисель, ревень, ячмён, янтарь, имбирь, нашатарь*.

¹⁹⁴ Как видно, перечисленные слова (кроме *кофеёк, уголёк, огонёк*) образованы от слов предыдущего списка. (Отметим, что для уменьшительных, в отличие от слов основного списка, схема ударения *b* не препятствует образованию Р₂ на *-у*.) В настоящем подпункте перечислены только те уменьшительные, которые входят в исходный материал. В действительности нестандартно выраженный Р₂ имеют и все прочие уменьшительные, образованные от слов предыдущего списка, например: *ви ноградик, токайчик, на жда чбк, порошбек, крахмальчик, рассблычик, боржбмчик, бензинчик, самогбн чбк, бульбичик, сирбчик, укрбчик, сидрик, клевербк, кефирчик, мбрсик, шпагатчик, салатик, компбтик, спиртик, киселёк, имбирчик*.

ных и, следовательно, эти существительные получают нулевое значение рассматриваемого признака.

3. Соответствующее существительное допускает словоформу P_2 на *-у* (-ю) не только в устойчивых, но также и в свободных сочетаниях. Так, например, словоформа P_2 *смеху* встречается как в устойчивом сочетании *не до смеху*, так и в свободных сочетаниях типа *много смеху*, *не смычно смеху*. Такие существительные, естественно, получают значение 1 рассматриваемого признака (т. е. они уже содержатся в приведенных выше списках).

С другой стороны, устойчивые сочетания со словоформами P_2 на *-у*, *-ю* можно разделить на две группы в зависимости от того, каково в них общее значение 2-го родительного падежа. (При этом одна и та же словоформа P_2 может участвовать в сочетаниях обеих групп.)

Первую группу составляют сочетания, где общее значение 2-го родительного падежа обычное (т. е. паритативное). Это преимущественно сочетания существительных со словами *нет*, *ни*, с предлогом *без* (реже *до*, *с*) или непосредственно с глаголом. Большинство существительных — отлагольные. Вот важнейшие из таких сочетаний: а) *нет доступу*, *нет износу*, *дать маху*, *нет отбою*, *ни ответу ни привету*, *ни отбыту ни сроку*, *нет переводу*, *нет и помину*, *нет приступу*, *ни проходу ни проезду*, *не давать проходу*, *и разговору быть не может*, *нет расчёту*, *сладу нет*, *нет спуску*, *спасу нет*, *спору нет*, *не давать спуску*, *нет счёту*, *терпежу нет*, *не было часогору*, *угомону нет*, *удержу нет*, *удержу не знает*; *без весу*, *без зову*, *без призору*, *без промаху*, *без прёсыпу*, *без разбору*, *без разгосору*, *без спросу*, *без счёту*, *без юмолку*; *до зарезу*, *до отвала*, *до отказу*, *до упаду*; *с бою*, *с голоду*, *с испугу*, *с маху*, *со всего маху*, *с одного маху*, *с разбегу*, *с разгону*, *с разлёту*, *с размаху*, *со сну*, *с ходу*; б) *искать броду*; *не знать броду*, *не суйся в воду*; *не подать виду*, *для виду*; *без году неделя*; *не хватило духу*, *чтобы духу твоего не было*, *ни слуху ни духу*; *с жару*, *с тылу*; *с жиру беситься*; *не до жиру*, *быть бы жису*; *конца-края нет*; *дать крюку*; *дать лишку*; *комар носу не подточит*; *поддать пару*; *задать перцу*; *нашего полкү прибыло*; *ни разу*; *без робу*, *без племени*; *ни складу ни ладу*; *еду-еду — следу нету*; *не до смеху*; *нет ходу*, *прибавить ходу*, *дать ходу*; *не прошло и часу*, *около часу*; *ни шагу*, *прибавить шагу*.

Вторую группу составляют сочетания, где словоформы 2-го родительного падежа выступают в ablative значении (т. е. в значении удаления или отделения от чего-либо). Это сочетания с предлогами *с*, *от*, *из* (реже *до*). Вот важнейшие из таких сочетаний: *с боку на бок*, *с правого боку*; *с самого верху*; *с виду*, *скрыться (упустить) из виду*; *что с возу упало*, *то пропало*; *с глазу на глаз*; *с году на год*, *год от года*, *из года в год*; *с голову*; *из дома*, *дб дома*; *с кону*; *с краю*; *из лесу*; *с миру по нитке*; *с самого низу*, *до самого низу*; *из носу*; *с полу*, *дб полу*; *раз от разу*; *с первого разу*; *изо рты*; *сжимь со свету*; *сбить со следу*; *сбить с толку*; *с часу на час*, *час от часу*.

Заметим, что в большинстве приведенных устойчивых сочетаний словоформы P_2 на *-у*, *-ю* в современном языке интенсивно вытесняются словоформами на *-а*, *-я*.

Различительный признак «нестандартное выражение 2-го предложного падежа»

§ 6.54. В подавляющем большинстве именных парадигм (в частности, в парадигмах всех несуществительных) всякая словоформа 2-го предложного падежа омонимична соответствующей словоформе предложного падежа. Будем называть этот способ выражения Π_2 стандартным. Примеры стандартного выражения Π_2 : парадигма *жщик* — Π_2 ед. (*в*, *на*) *жщике*; *герб* —

Π_2 ед. (с, на) *герб*; *тетрáдь* — Π_2 ед. (с, на) *тетрáдь*; *водá* — Π_2 ед. (с, на) *водé*; *окиб* — Π_2 ед. (с, на) *окиé*; *ибый* — Π_2 ед. (с, на) *ибоий*; *да* — Π_2 (с, на) *дауҳ*; *что* — Π_2 (с, на) *чём*.

В меньшинстве именных парадигм (а именно, у небольшой части существительных) положение таково: 1) Π_2 мн. омонимичен П. мн.; 2) Π_2 ед. может быть получен из Д. ед. по следующему правилу:

а) взять словоформу Д. ед. той же парадигмы¹⁹⁵ (в действительном виде с разделением на основу и окончание);

б) если слово среднего морф. рода, заменить окончание этой словоформы окончанием *-i*;

в) если во взятой словоформе действительное ударение на основе, перенести его на окончание¹⁹⁶;

г) если во взятой парадигме действительное ударение до его переноса падало на *ё*, заменить это *ё* на *е*.

Будем называть этот способ выражения Π_2 нестандартным. Примеры нестандартного выражения Π_2 : парадигма *нос* (Д. ед. *носу*) — Π_2 ед. (с, на) *носу*; *горб* (Д. ед. *горбу*) — Π_2 ед. (на) *горбú*; *край* (Д. ед. *крайю*) — Π_2 ед. (с, на) *краёю*; *мёд* (Д. ед. *мёду*) — Π_2 ед. (с, на) *медү*; *кровь* (Д. ед. *крови*) — Π_2 ед. (с, на) *крови*; *забытьё* (Д. ед. *забытию*) — Π_2 ед. (с) *забытый* (Π_2 мн. *носах*, *горбах*, *краях*, *медах*, *кровях*, *забытых*).

Таким образом, для того, чтобы учесть при классификации строгие словоформ 2-го предложного падежа, достаточно ввести всего один различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартно выраженным Π_2 . Как и в предшествующих случаях, такой признак в то же время необходим: например, парадигмы слов *герб* и *горб* имают одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков; между тем одно из них (*герб*) имеет стандартно выраженный Π_2 , а другое (*горб*) — нестандартно выраженный Π_2 (следствие чего парадигмы этих слов неэквивалентны).

Итак, вводится различительный признак «нестандартное выражение Π_2 », который может принимать два значения:

0. 2-й предложный падеж выражен стандартно (нулевое значение).

1. 2-й предложный падеж выражен нестандартно.

Значение, которое принимает различительный признак «нестандартное выражение Π_2 » у взятой парадигмы, может быть установлено по приводимым ниже правилам. Правила состоят из списков и, таким образом, в принципе не требуют никаких других сведений, кроме исходной словоформы. Для наглядности, однако, эти списки составлены с учетом тех характеристик парадигмы, от которых частично зависит значение данного признака (морф. род, тип склонения, схема ударения и др.), и даны в форме таблицы.

Π_2 выражен нестандартно (по крайней мере, в одном из вариантов парадигмы) у существительных, указанных в таблице на стр. 286—287.

У всех остальных слов Π_2 выражен стандартно (нулевое значение рассматриваемого признака).

З а м е ч а н и я

АГ указывает нестандартное выражение Π_2 также для слов *каас*, *клетъ*, *меди* (в АО указаний о Π_2 нет), ССРЛЯ — для слова *гай* (в АО нет). В качестве разговорных АО приводит сочетания *с гриппу*, *с зубу*, в качестве устаревшего — *на острову*. В профессиональной речи нестандартно выраженный Π_2 допускают и некоторые другие существительные (ср., например, *на прессу*, *на нефти*).

¹⁹⁵ Во всякой парадигме, имеющей словоформу Π_2 ед., имеется также словоформа Д. ед. (причем у существительных словоформа Д. ед. всегда одна).

¹⁹⁶ Это окончание всегда однозначно (*-у*, *-ю* или *-и*); таким образом, данная операция всегда возможна и однозначна.

Схема уда- рения	П ₂ выражен нестандартно (значение 1 рассматриваемого признака)	П ₂ выражен в одном варианте парадигмы нестандартно, а в другом стандартно (значение 1/0)
Существительные мужского морф. рода I субст. склонения		
а) с односложной основой исходной словоформы		
c	мозг, долг, лук, круг (в нематем. знач.), лад, сад, след, год (//e), род (капан), баз, глаз, паз, пиз, воз, бой, строй (войинский), бок, ток (итичий), бал, вал, пол (настипл.), тыл, кон, пар, бор, лес, нос, пот, борт, форт, мост (/.b), шкаф, верх	хлев, зоб, гроб, дуб, шаг, спег, лог, стог, мёд, ход (//e), ряд, таз, пай, край, чай, слой, рой, шёлк, корм, дым, чан, сун, жир, пир, хор (/.a), смотр (войинский), сыр, час, грунт, спирт, мех, цех
e	ток (гумно), порт	—
a	торг (торговля), ад, чаd, бред, под, рай, мел, мол, пыл, плен, жар, мир (общество, люди), яр, цвет (цветение), рант, быт, волт (поворот), пах, пух, плац, хмель (опьянение)*	газ (горящий), клей, гной, сок, стан, мыс, свет (свещение), тиф, шлях, хмель (растение)
b	1) с беглой гласной: лоб, ров, лёд, рот; 2) прочие: горб, пруд, полк, сук (//d), скит, плот, пост, (войинский), пост (религиозный), штифт	1) с беглой гласной: мох; 2) крюк (//d)
d	пол (плата)	—
б) с неодносложной основой исходной словоформы		
c	бéрег	перёд, хблоd, отпуск, тéрем
a	пóвод (в упряжи), аэропóрт	вéтер (//e)
b	бережóк, бочóк, югол (в нематем. знач.)	уголóк, мысóк

* Сюда же примыкают топонимы Дон, Клин, Крым.

Продолжение

Схема ударе- ния	Π_2 выражен нестандартно (значение 1 рассматриваемого признака)	Π_2 выражен в одном варианте парадигмы нестандартно, а в другом стандартно (значение 1/0)
Существительные женского морф. рода II субст. склонения		
<i>e</i>	<i>брювь, кровь, грудь, щель, тень</i> (также <i>полутёнь</i>), <i>стель, цень, ось, рысь</i> (бег), <i>часть</i> (полицейский участок, устар.), <i>горсть, печь, ночь, пещь</i> (устар.)	<i>дверь, сеть, кость</i>
<i>a</i>	<i>глубь, грязь, даль, мель, пыль, тишина, сень</i>	<i>связь</i>
Существительные среднего морф. рода I субст. склонения		
<i>ъ</i>	<i>забытьё</i> (также <i>полузабытьё</i>)	—

Как видно из таблицы, Π_2 на *-у*, *-ю* характерен преимущественно для слов схемы ударения *с*, Π_2 на *-й* — преимущественно для слов схемы *е*. Большинство слов схемы *а*, имеющих нестандартно выраженный Π_2 , — *singularia tantum* (ср., например, *чад, бред, пыль, пыль, тишина*), т. е. слова, которые, вообще говоря, можно было бы отнести не к схеме *а*, а к схеме *с* или *е*. Показательно, что в разговорной речи слова *мол, мыс, раны, шлях* (относимые нормативными источниками к схеме *а*), а также слова *жар, клей, тиф* (лишь изредка употребляемые в о. мн. числе) при образовании мн. числа действительно тяготеют к схеме *с* (см. также § 6.17, группа первая, I Зв., замечание). Заметим, кроме того, что к числу слов схемы *с* теоретически можно было бы отнести также слова с беглой гласной *лёт, лоб, мог, ров, рот* (поскольку в принципе им можно присвоить любую схему ударения). Все это позволяет считать, что внутренняя связь между схемой ударения *с* (в женском морф. роде — схемой *е*) и нестандартным выражением Π_2 даже глубже, чем это непосредственно вытекает из приведенной таблицы.

Некоторое число словоформ Π_2 на *-у*, *-ю*, *-й* выступает в устойчивых фразеологических сочетаниях (обычно наречного характера). С точки зрения того, как рассматривается парадигма соответствующего существительного в настоящей классификации, здесь возможны те же случаи, что и для Π_2 (см. § 6.53, замечание). Перечислим наиболее важные из таких сочетаний: *на бегу, на своем веку, держать на весу, в виду неприятеля, иметь в виду, быть на виду, брань навороту не сиснет, на дно* (простореч.), *на дому, на духу, на корню, быть в ладу с кем-л., на лету, на пасу, у него это в роду, на роду написано, на всем скаку, на его счету, на хорошем счету, быть в ходу, на юр; дело на мази, ангел со плоти, быть в чести.*

Различительный признак «нестандартная счетная словоформа»

§ 6.55. В подавляющем большинстве парадигм существительных и во всех парадигмах прилагательных счетная словоформа (всякая счетная словоформа, если их несколько) омонимична одной из остальных словоформ (той же парадигмы). Следующее правило позволяет установить, какой именно словоформе парадигмы омонимична счетная словоформа (правило использует сведения о грамматическом разряде, типе склонения и морфологическом роде).

У существительных счетная словоформа омонимична:

если тип склонения субстантивный (I или II) — словоформе Р. ед.;
если тип склонения иной — словоформе Р. мн.; при этом 1) у существительных женского морфологического рода адъективного или местоименного склонения, кроме того, имеется второй вариант стечной словоформы, омонимичный словоформе И. мн.; 2) у существительных мужского и среднего морфологических родов притяжательного склонения имеется, кроме того, второй вариант стечной словоформы, омонимичный словоформе Р. ед.

У прилагательных счетная словоформа (любого рода) омонимична словоформе Р. мн. (словоформа Р. мн. одинакова здесь для всех родов); в женском роде, кроме того, имеется второй вариант стечной словоформы, омонимичный словоформе И. мн.

Будем называть счетную словоформу, выраженную этим способом, *стандартной*. Примеры: парадигма *стол*—(два) *стола*; *город*—(два) *города*; *жасй*—(две) *жасий*; *число*—(два) *числа*; *часовой*—(два) *часовых*; *столовая*—(две) *столовых* и *столовые*; *Ильин*—(два) *Ильинъ* и *Ильинъи*¹⁹⁷; *Иваново* (город) —(два) *Иванова* и *Ивановых*¹⁹⁸; *новый*—(два) *новых*, (две) *новых* и *новны*; *свой*—(два) *своих*, (две) *свой* и *свой*.

Ниинь у пяти существительных: *ряд*, *след*, *час*, *шаг*, *шар* (в нематематическом значении) — счетная словоформа не омонимична ни одной из остальных словоформ парадигмы, а получается из словоформы Р. ед. переносом ударения с основы на окончание. Вот эти счетные словоформы: *рядъ*, *следъ*, *часъ*, *шагъ*, *шаръ* (ср. Р. ед. *ряда*, *слѣда*, *часа*, *шага*, *шара*). Мы будем называть их *нестандартными*.

У слов бесчисловых разрядов счетной словоформы нет.

Таким образом, чтобы учесть при классификации строение счетных словоформ, достаточно ввести один дополнительный различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартной счетной словоформой. Такой признак в то же время необходим, поскольку, например, неэквивалентные друг другу парадигмы слов *сад* и *ряд* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков и различаются только тем, что слово *сад* имеет стандартную счетную словоформу, а слово *ряд* — нестандартную.

Итак, вводится различительный признак «нестандартная счетная словоформа», который может принимать два значения:

0. У существительных и прилагательных: счетная словоформа стандартна. У слов бесчисловых разрядов: счетная словоформа в парадигме нет. Это нулевое значение имеет подавляющее большинство слов.

1. Счетная словоформа нестандартна. Это значение имеют только перечисленные выше пять слов.

¹⁹⁷ Оба варианта малоупотребительны; вместо этого обычно употребляются словосочетания типа *две Ильинъи*.

¹⁹⁸ Оба варианта малоупотребительны (прежде всего в связи с тем, что на практике такие словосочетания редко бывают нужны). В газетах передко можно встретить словосочетания типа *два Иваново*, *три Кирбово* (где осуществляется общая разговорная тенденция к переводу таких слов в число, неизменяемых).

Различительный признак «нестандартные припредложные словоформы»

§ 6.56. В подавляющем большинстве парадигм всякая припредложная словоформа (кроме словоформ предложных падежей) омонимична соответствующей самостоятельной словоформе. Будем называть такие припредложные словоформы с т а р т н ы м и. Например, парадигма *я* — Р. припредложный *меня́*, Д. припредложный *ми* и т. д. В парадигмах со стандартными припредложенными словоформами всех падежей, кроме двух предложных, припредложные словоформы предложных падежей (не имеющие соответствующих самостоятельных словоформ) являются первичными (и следовательно, учитываются при классификации различительными признаками, относящимися к первичным словоформам).

В небольшой группе парадигм припредложные словоформы и е с т а н д а р т н ы, а именно, они образуются так:

1) у слов *он*, *она́*, *онб*, *они* всякая припредложная словоформа (кроме словоформ предложных падежей) получается из соответствующей самостоятельной словоформы добавлением к ней спереди буквы *и*;

2) у слов *никтб*, *ничтб*, *нёкого*, *нёчего*, *никакбй*, *никотбрый*, *ничёй* всякая припредложная словоформа (кроме словоформ предложных падежей, а также словоформы винительного падежа слова *нёчего*) получается из соответствующей самостоятельной словоформы вставкой знака *# #* (символ разрыва словоформы при соединении с предлогом) между ее второй и третьей буквами.

Примеры: парадигма *он* — Р. припредложный *негб* (ср. Р. самостоятельный *егб*), Д. припредложный *нему́* (ср. Д. самостоятельный *ему́*) и т. д.; парадигма *никтб* — Р. припредложный *ни # #когб* (ср. Р. самостоятельный *никогб*), Д. припредложный *ни # #кому́* (ср. Д. самостоятельный *никому́*) и т. д.

В особом положении оказываются словоформы предложных падежей перечисленных слов (например, *нём*, *ней*, *них*, *ни # #би*, *ни # #чём*, *нё # #ком*, *ни # #какбм*), а также припредложная словоформа В. падежа у слова *нёчего* (а именно, *нё # #что*). В соответствии с § 6.3, они признаются вторичными и, следовательно, не учитываются различительными признаками, относящимися к первичным словоформам. Внешнее строение этих словоформ таково, как если бы они были образованы теми же способами, что и остальные припредложные словоформы этих парадигм, от несуществующих самостоятельных словоформ предложных падежей **|ём*, **|ей*, **|их*, **никбм*, **ничём*, **нёкбом*, **никакбм* (а также от несуществующей самостоятельной словоформы В. падежа **нёчтб*¹⁹⁹). Оказывается, что приведенные искусственные словоформы образованы в полном соответствии со всеми уже зафиксированными характеристиками данных парадигм (морф. число, морф. класс, тип склонения, схема ударения и т. д.). Иначе говоря, положение таково, что если бы эти искусственные словоформы выступали в роли первичных словоформ предложных падежей соответствующих слов, то ни одна из имеющихся морфологических характеристик этих слов не изменилась бы.

Сказанное означает, что подобно тому, как, например, словоформа *П.ед. посү* строится по словоформе Д. ед. *ибсу* или словоформа Д. припредложного *нему́* строится по словоформе Д. самостоятельного *ему́*, словоформы *нём*, *ней*, *ни # #би* и т. д. также могут быть построены на основании уже имеющейся информации о парадигме. Однако здесь процесс построения сложнее; он состоит из двух этапов:

¹⁹⁹ Не смешивать с В. падежом *нёчто* 'искоторый предмет' (например: я увидел *нёчто удивительное*). Имеется в виду отсутствие самостоятельной словоформы В. падежа, соответствующей припредложной словоформе *нё # #что*, которая выступает, например, во фразе *мне нё на что сесть*.

1) По тем же общим правилам, по которым на основании значений всех различительных признаков, относящихся к первичным словоформам, строятся любые первичные словоформы парадигмы (эти правила даются ниже, в главе 7), строятся искусственные первичные словоформы предложных падежей: *ём, *ей, *никбм и т. д.; эти искусственные первичные словоформы считаются самостоятельными словоформами предложных падежей (так же строится искусственная первичная словоформа В. самостоятельного *нечто).

2) По общим правилам образования припредложных словоформ от соответствующих самостоятельных, принятых для других падежей рассматриваемых слов, от искусственных самостоятельных словоформ предложных падежей образуются припредложные словоформы; например, от искусственных словоформ *ём, *ей, *никбм образуются словоформы нём,ней, ни#кбм; точно так же от *нечто образуется нё#что. (В дальнейшем искусственные словоформы отбрасываются как промежуточный продукт, не имеющий самостоятельной ценности.)

Таким образом, чтобы учесть при классификации строение припредложных словоформ, достаточно ввести один дополнительный различительный признак, который позволил бы выделить парадигмы с нестандартными припредложенными словоформами. Такой признак в то же время необходим, поскольку, например, неэквивалентные друг другу парадигмы слов *некоторый* и *никотбрый* имеют одинаковые значения всех введенных ранее различительных признаков и отличаются только тем, что слово *некоторый* имеет стандартные припредложные словоформы, а слово *никотбрый* — нестандартные.

Итак, вводится различительный признак «нестандартные припредложные словоформы», который может принимать два значения:

0. Припредложные словоформы стандартны (нулевое значение). Это значение имеет подавляющее большинство парадигм.

1. Припредложные словоформы нестандартны. Это значение имеют только перечисленные выше 11 слов.

ИТОГИ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ. ПОЛНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

§ 6.57. Совокупность всех введенных выше различительных признаков обеспечивает достаточную детальность классификации русских именных парадигм: у любых двух слов, имеющих одинаковую полную характеристику, парадигмы эквивалентны. Построенная классификация обладает некоторой избыточной детальностью, однако эта избыточность сравнительно невелика (точные данные об этом см. в «Приложении»).

Все различительные признаки, участвующие в построенной классификации, можно разделить на главные и второстепенные. Главный признак показывает, какая из двух или нескольких одинаково регулярных возможностей осуществлена в данной парадигме. Второстепенный признак показывает, не нарушено ли в данной парадигме какое-либо стандартное правило или соотношение. Для второстепенного признака характерно, что подавляющее большинство парадигм получает по этому признаку нулевое значение: «нарушение отсутствует». (У большинства главных признаков нулевого значения вообще нет, поскольку все значения здесь «равноправны».)

Ниже приведен полный перечень всех участвующих в классификации различительных признаков (в виде таблицы). Полная

характеристика парадигмы (см. § 6.1) складывается, таким образом, в настоящей классификации из значений всех тех и только тех различительных признаков, которые перечислены в этой таблице. Признаки разделены на главные и второстепенные и, кроме того, разбиты на группы в зависимости от того, к какому аспекту парадигмы они относятся. Для каждого признака указаны параграфы, в которых он рассматривается.

Различительные признаки русских именных парадигм

Группа признаков	Главные признаки	Второстепенные признаки
Внутреннее устройство парадигмы	Грамматический разряд (§ 3.2—3.3)	Дефекты парадигмы (§ 3.4)
Вспомогательные признаки	Морфологическое число (§ 6.7—6.8) Морфологический класс (§ 6.9—6.10)	—
Ударение в суженной парадигме	Схема ударения (§ 6.16—6.17)	Акцентуационные отклонения в неисходных словоформах (§ 6.41) Акцентуационные особенности исходной словоформы (§ 6.42)
Окончания и основы в суженной парадигме	Тип склонения (§ 6.27—6.29) Морфонологический тип условной основы (§ 6.43)	Нестандартные условные окончания (§ 6.30—6.31) Чередования в условной основе (§ 6.32—6.34) Наличие звездочки в условной основе (§ 6.44) Наличие неустойчивого о в условной основе (§ 6.45) Морфонологические особенности неизменяемой части условной основы (§ 6.46) Аномальные беглые гласные (§ 6.47) Орфографические аномалии (§ 6.48)
Особенности вторичных словоформ	—	Нестандартная омонимия чисел (§ 6.51) Нестандартное выражение В. (§ 6.52) Нестандартное выражение Р ₂ (§ 6.53) Нестандартное выражение П ₂ (§ 6.54) Нестандартная счетная словоформа (§ 6.55) Нестандартные припредложные словоформы (§ 6.56)

Глава седьмая

СИНТЕЗ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ

§ 7.1. Проведенная выше классификация именных парадигм используется в качестве базы для процедуры синтеза, т. е. правил, позволяющих построить парадигму произвольного имени¹. Эта процедура складывается из двух основных частей.

Первая часть процедуры синтеза (§ 7.2) состоит в построении полной характеристики слова (см. § 6.1 и 6.57); в качестве побочного результата достигается разделение исходной словоформы слова на основу и окончание. Эта часть синтеза представляет собой серию алгоритмов, каждый из которых позволяет установить для взятого слова значение одного из различительных признаков. Сами эти алгоритмы содержатся в главах 3 и 6; в настоящей главе указывается лишь порядок их применения (ср. также § 6.2, пункт 3). В качестве исходных данных здесь выступает исходная словоформа (без разделения на основу и окончание) и минимальное количество дополнительных сведений о парадигме (их перечень дан в § 7.2). Это те сведения, которые либо вообще невозможно установить по исходной словоформе, либо можно получить только с помощью чрезвычайно длинных списков и только в пределах исходного материала (т. е. неудовлетворительным с лингвистической точки зрения способом)². При этом существенно, что с точки зрения полного описания русского языка (которое включает не только морфологический, но и более высокие уровни) выводить эти сведения из одних лишь морфологических данных не только трудно, но и нецелесообразно. В самом деле, те характеристики слова, которые при синтезе парадигм считаются заданными, либо вообще не относятся к морфологическому уровню, либо определяются характеристиками других уровней. Так, согласовательный класс — синтаксическая характеристика, различие между причастием и от причастным прилагательным — семантическая характеристика. Различие во внутреннем устройстве парадигмы между прилагательным *больной* и существитель-

¹ О связи синтеза с классификацией, а также о недостатках прямолинейных процедур синтеза см. § 0.2.

² См. также более подробно § 3.2 (о причастиях), § 3.3 (о прилагательных и отадъективных существительных) и § 6.10 (о морфологической одушевленности — неодушевленности).

ным *больн̄ой* определяется различием их синтаксических функций, а также значения. Морфологическая одушевленность—неодушевленность (равно как ее синтаксический эквивалент) определяется значением слова. Таким образом, если при синтезе русского текста принять ту естественную схему, при которой синтаксические, а также некоторые важные семантические характеристики единиц синтезируемого текста появляются прежде, чем строятся реальные словоформы, то для синтеза произвольной именной словоформы достаточно будет знать исходную словоформу соответствующего слова.

Следует учитывать, однако, что при синтезе парадигм фактически используются также сведения еще одного рода (хотя ни в алгоритмах, данных в главах 3 и 6, ни в § 7.2 это специально не оговаривается). Речь идет об указаниях (характер которых зависит от конкретного случая), позволяющих отличить друг от друга парадигмы с омонимичными исходными словоформами, например: *пол* (настил)—*пол* (биологич.)—*пол* (половина); *лев* (животное)—*лев* (денежная единица). В частности, такими указаниями обычно сопровождаются парадигмы-варианты (см. § 4.3), например: *тормоз* (в прямом знач.)—*тормоз* (в перен. знач.); *гроздъ* (вариант с И. мн. *гроздъя*)—*гроздъ* (вариант с И. мн. *грозди*). Очевидно, что во всех этих случаях обычного набора исходных сведений о слове недостаточно для однозначного построения парадигмы, поэтому те или иные указания (хотя бы неформального характера) необходимы.

З а м е ч а н и е. В соответствии с § 7.2 при синтезе парадигм для пар типа *больн̄ой* (прилагательное)—*больн̄ой* (отдъективное существительное) и типа *зняющи́й* (причастие)—*зняющи́й* (отрицающее причастие) считается известным, какая из двух парадигм имеется в виду. Легко видеть, однако, что мы имеем здесь дело с массовыми случаями омонимии рассмотренного типа.

Вторая часть процедуры синтеза (§ 7.3) состоит в построении самой парадигмы слова. В качестве исходных данных здесь выступают результаты первой части синтеза: исходная словоформа с разделением на основу и окончание и полная характеристика парадигмы³. Парадигма строится в несколько этапов. Первый из них носит вспомогательный характер. На втором, наиболее важном этапе строится суженная парадигма условного уровня (с условным ударением). На третьем этапе происходит переход

³ Строго говоря, для построения парадигмы нужна не вся полная характеристика. Признаки «морфонологический тип условной основы» и «акцентуационные особенности исходной словоформы» в синтезе никак неучаствуют: они нужны только для достижения достаточной детальности классификации. В § 7.3 не упоминаются также признаки: «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы», «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах», «аномальные беглые гласные», «орфографические аномалии»; но существу, однако, они используются в синтезе, но только в неявной форме.

от условного ударения к действительному и от условного вида словоформ к действительному. На последнем этапе в парадигму включаются вторичные словоформы.

Описываемая процедура синтеза предполагает, таким образом, построение всей парадигмы целиком. Однако при необходимости она может быть использована и для построения отдельной словоформы. В этом случае процедура отличается от обычной лишь тем, что операции, предписанные параграфом 7.3 (кроме пунктов 1, 3 и 5), выполняются не над всеми словоформами парадигмы, а только над той, которая нам нужна⁴.

Специально отметим, что при построении парадигмы не предусматривается получение граммем классифицирующих грамматических категорий. Допустимость и целесообразность именно такой постановки задачи при собственно морфологическом описании вытекает из положений § 3.1. С формальной точки зрения, это означает, однако, что название настоящей главы и аналогичные формулировки в тексте должны рассматриваться как сокращенные: при слове «парадигма» здесь опущено уточнение «без граммем классифицирующих грамматических категорий».

Описываемая процедура синтеза дает правильный (т. е. соответствующий принципам параграфа 4.2) результат для всех слов из исходного материала. Она применима также к именам, не входящим в исходный материал. Правда, в этом случае результаты могут оказаться и ошибочными⁵, однако по ориентировочной оценке количество таких ошибок должно составить лишь ничтожную долю общего количества строящихся словоформ.

Правила построения полной характеристики произвольной именной парадигмы

§ 7.2. Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в действительном виде без разделения на основу и окончание (далее просто: исходная словоформа); 2) сведение о принадлежности к прилагательным или существительным (для слов на *ый*, *ий*, *ой*, *ийся*, *ов*, *ёв*, *ев*, *ин* и слов, указанных в § 3.3, I Б 1); 3) морфологическая одушевленность или неодушевленность (для существительных); 4) сведение о том, является ли слово причастием (для прилагательных); 5) согласовательный класс (для существительных на *ие* и *ко*).

1. Установить грамматический разряд по правилам, данным в § 3.3. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) сведение о принадлежности к прилагательным или существительным (для слов, указанных выше).

2. Установить значение признака «дефекты парадигмы» по спискам и указаниям, данным в § 3.4. Для этого достаточно исходной словоформы.

⁴ Если же при этом окажется, что какая-либо операция требует знания некоторой неисходной словоформы *F* (той же парадигмы), то необходимо выполнить § 7.3 снова, строя одновременно нужную нам словоформу и словоформу *F*.

⁵ Наиболее важные из таких отклонений (касающиеся чаще всего имен собственных) указаны в замечаниях к соответствующим параграфам гл. 6.

3. Установить по правилам, данным в § 6.28: для слова *не на ь* — тип склонения; для слова *на ь* — тип склонения с точностью до различия между I и II субстантивными типами склонения⁶. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд.

4. Установить значение признака «нестандартная омонимия чисел» по правилам, данным в § 6.51. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд; 3) значение признака «дефекты парадигмы»; 4) тип склонения (с точностью, достигаемой в пункте 3).

5. Установить морфологическое число по правилам, данным в § 6.8. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд.

6. Установить морфологический класс по правилам, давним в § 6.10. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд; 3) сведение о том, относится ли слово к нулевому типу склонения (для существительных)⁷; 4) значение признака «нестандартная омонимия чисел» (для существительных)⁸; 5) морфологическая одушевленность или неодушевленность (для существительных).

7. Установить по правилам, данным в § 6.28, тип склонения тех слов *на ь*, у которых он не был окончательно установлен в пункте 3. Для этого достаточно сведения о морфологическом классе.

8. Разделить исходную словоформу взятого слова на основу и окончание, поставив между ними разделительный знак | по следующим правилам (использующим сведения о типе склонения и о дефектах парадигмы):

Если тип склонения адеъктивный — у слов с дефектом № 14 приписать знак | справа к исходной словоформе (т. е. окончание здесь пулевое); у прочих слов поставить знак | перед двумя последними буквами исходной словоформы.

Если тип склонения адеъктивно-возвратный — поставить знак | перед четырьмя последними буквами исходной словоформы.

Если тип склонения пулевой — приписать знак | справа к исходной словоформе (т. е. окончание здесь пулевое).

Если тип склонения любой другой, то: а) у слов *я*, *ты*, *нёкого*, *нёчего* поставить знак | так: *я|*, *ты|*, *нёкого|*, *нёчего|*; б) у прочих слов: если исходная словоформа оканчивается на гласную, ь или ё — поставить знак | перед ее последней буквой; если это не так — приписать знак | справа к исходной словоформе (т. е. окончание здесь пулевое).

Кроме того, если исходная словоформа не имеет знака главного ударения, поставить этот знак: в односложной исходной словоформе на ее единственную гласную, в неодносложной словоформе — на последнее из содержащихся в ней ё (не содержать ни одного ё такая словоформа не может).

9. Установить значение признака «нестандартные условные окончания» по спискам и указаниям, данным в § 6.31. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) тип склонения; 3) морфологический класс; 4) согласовательный класс (для существительных на *ище*).

10. Установить значение признака «чередования в условной основе» по спискам и указаниям, данным в § 6.34. Для этого достаточно следующих

⁶ Иначе говоря, для всякого слова *на I* или *II* субстантивного склонения на данном этапе построения полной характеристики должен быть получен ответ: «тип склонения субстантивный (неизвестно, I или II)».

⁷ В § 6.10 речь идет о принадлежности слова к числу неизменяемых слов, не имеющих дефектов (поскольку попятие типа склонения вводится позже). Неизменяемые слова, не имеющие дефектов, и слова пулевого типа склонения — это одни и те же слова.

⁸ В § 6.10 речь идет о принадлежности существительного к числу *pluralia tantum*. *Pluralia tantum* — это те и только те существительные, которые имеют значение 1 признака «нестандартная омонимия чисел». (Это следует учитывать и в последующих пунктах настоящего параграфа.)

сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) морфологический класс; 3) сведение о том, является ли слово причастием.

11. Установить значение признака «морфонологический тип условной основы» по правилам, данным в § 6.43. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) тип склонения.

12. Установить значение признака «наличие звездочки в условной основе» по правилам, данным в § 6.44. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) морфологический род; 5) значение признака «нестандартная омонимия чисел»; 6) значение признака «девианты парадигмы».

13. Установить схему ударения по правилам, данным в § 6.17. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) морфологический род; 5) значение признака «нестандартная омонимия чисел»; 6) сведение о том, является ли слово причастием; 7) значение признака «наличие звездочки в условной основе»⁹.

14. Установить значение признака «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах» по спискам, данным в § 6.41. Для этого достаточно неходовой словоформы.

15. Установить значение признака «акцентуационные особенности исходной словоформы» по спискам, данным в § 6.42. Для этого достаточно неходной словоформы.

16. Установить значение признака «наличие неустойчивого *о* в условной основе» по правилам, данным в § 6.45. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) схема ударения.

17. Установить значение признака «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы» по правилам, данным в § 6.46. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) значение признака «наличие звездочки в условной основе»; 3) значение признака «членование в условной основе».

18. Установить значение признака «аномальные беглые гласные» по спискам, данным в § 6.47. Для этого достаточно неходной словоформы.

19. Установить значение признака «орфографические аномалии» по спискам и указаниям, данным в § 6.48. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа (с разделением на основу и окончание); 2) тип склонения.

20. Установить значение признака «нестандартное выражение В. падежа» по правилам, данным в § 6.52. Для этого достаточно следующих сведений: 1) исходная словоформа; 2) грамматический разряд; 3) тип склонения; 4) согласовательный класс (для существительных на *ище* и на *ко*).

21. Установить значение признака «нестандартное выражение Р₂» по правилам, данным в § 6.53. Для этого достаточно исходной словоформы.

22. Установить значение признака «нестандартное выражение П₂» по правилам, данным в § 6.54. Для этого достаточно исходной словоформы.

23. Установить значение признака «нестандартная счетная словоформа» по списку, данному в § 6.55. Для этого достаточно исходной словоформы.

24. Установить значение признака «нестандартные притяжательные словоформы» по спискам, данным в § 6.56. Для этого достаточно исходной словоформы.

Конечным результатом указанных операций является полная характеристика парадигмы. Кроме того, достигается разделение исходной словоформы на основу и окончание.

⁹ В § 6.17 речь идет о том, является ли последняя гласная основы исходной словоформы беглой. Ответ на этот вопрос положителен при иенуловом значении указанного признака и отрицателен при цуловом (имеется в виду: для всех слов, рассматриваемых с этой точки зрения в § 6.17).

Правила построения произвольной именной парадигмы

§ 7.3. Исходные сведения о парадигме: 1) исходная словоформа в действительном виде с разделением на основу и окончание; 2) полная характеристика парадигмы.

Этап I. Предварительные операции

1. Подготовить клетки для словоформы. Выписать все грамматические формы, входящие в парадигматическую схему того грамматического разряда, к которому относится рассматриваемая парадигма (см. § 3. 2). При каждой грамматической форме оставить место («клетку») для соответствующей словоформы. В отдельном месте выписать морф. число парадигмы (если оно фиксировано) и ее морф. класс (если он фиксирован): соединение грамматической формы с этими сведениями образует эталонное грамматическое значение соответствующей словоформы.

2. Ометить дефекты парадигмы. Если признак «дефекты парадигмы» имеет нецензурное значение — поставить прочерк в клетках для отсутствующих в данной парадигме словоформ.

3. Ометить исходную словоформу. Установить по правилу, данному в § 3.2, какая словоформа является исходной, и поставить в соответствующей клетке помету «исходная». Если в найденной таким образом клетке уже стоит прочерк — перенести помету «исходная» в соответствии с дополнительным правилом об исходной словоформе, данным в § 3.4.

4. Ометить вторичные словоформы. Поставить помету «вторичная»: а) во все клетки, подпадающие под пункты 1—4 параграфа 6.3; б) в парадигме II субstantивного типа склонения — во все клетки В. падежа, кроме клеток с эталонным грамматическим значением «В. ед. жен. (одуш. или неод.)»; в) в парадигме, имеющей значение 1 признака «нестандартная омонимия чисел», — во все клетки ед. числа; при этом перенести помету «исходная» с клетки ед. числа на соответствующую клетку мн. числа.

Этап II. Построение суженной парадигмы условного уровня (с условным ударением)

5. Получить условный вид исходной словоформы (с разделением на основу и окончание и с действительным ударением). Применить к исходной словоформе «Правила получения условного вида» (§ 6.26), заменив в них подпункты I.2 и II.1 (в которых используется отсутствующая в данном случае информация о парадигме) следующим образом:

Правило, заменяющее подпункт I.2. Если парадигма имеет значение 1 признака «наличие неустойчивого о в условной основе», а при этом действительное ударение в исходной словоформе на окончании, или если парадигма имеет значение 2 указанного признака — заменить в основе исходной словоформы последнее (самое право) *о* на *ё*.

Правило, заменяющее подпункт II.1. Если парадигма имеет значение 1 признака «наличие звездочки в условной основе», но не имеет при этом чередования № 12, или если она имеет значение 2 указанного признака — применить к исходной словоформе следующую цепь формул перехода:

- 1) $e| \rightarrow *|$
 $u| \rightarrow *|$
- 2) $\mathfrak{b}C| \rightarrow \mathfrak{b}*C|$
 $C_1C_2| \rightarrow C_1*C_2|$
- 3) для всех слов, кроме *дно*, *ло*, *лой*, *подны*:
(*б*, *и*, *е*, *ф*, *ы*, *ð*, *и*, *з*, *с*, *и* или *р+*) * (+ *и*, *и*, *р* или *ц*) $\rightarrow *$

4) $oC| \rightarrow *C|$

5) $\mathcal{W}GC| \rightarrow \mathcal{W}*C|$

6) для всех слов, кроме *восьмидесят*: $GC| \rightarrow *C|$

7) в парадигмах *восьмидесят* и *восемьсот* (варианты с Т. *восьмидесять*, *восемьстами*): *восе* \rightarrow *вос**

6. Вписать условный вид исходной словоформы и условные основы осталльных первичных словоформ. Вписать результат, полученный в предыдущем пункте (т. е. условный вид исходной словоформы с действительным ударением и с разделением на основу и окончание), в клетку для исходной словоформы. Кроме того, выписать в отдельном месте условную основу исходной словоформы без обозначения ударения; пике эта цепочка обозначается сокращено УО.

Если признак «чредования в условной основе» имеет ненулевое значение — вписать УО в клетки всех неисходных первичных словоформ (здесь и ниже первичными считаются все словоформы, не имеющие пометы «вторичная»).

Если этот признак имеет ненулевое значение, то:

1) У слов *оба*, *я*, *ты* внести в клетки неисходных первичных словоформ следующие записи: *оба* — И. об|, прочие падежи жен. рода. *обеj*|, остальные словоформы *обоj*; *я*, *ты* — Р. *менj*|, *тебj*|, Д. П. *мнj*, *тебj*, Т. *мнj*, *тобj*;

2) Для прочих слов:

а) Найти для каждого из представленных в парадигме чредований участвующий в нем отрезок УО. Это отрезок, равный 1-й ступени данного чредования и стоящий в том месте условной основы, которое предписано для данного чредования правилами § 6.32. (В частном случае этот отрезок может быть пустым.)

б) Для каждой неисходной первичной словоформы проделать следующее. По указаниям § 6.32 о распределении ступеней чредования установить для каждого представленного в парадигме чредования, какая его ступень должна выступать в данной словоформе. Заменить в УО каждый отрезок, участвующий в некотором чредовании, той ступенью данного чредования, которая должна выступать в рассматриваемой словоформе. (В частном случае заменяющая цепочка равна заменяемой и тогда замены фактически не происходит.) Полученная таким образом цепочка есть условная основа рассматриваемой словоформы. Вписать ее в соответствующую клетку и поставить непосредственно после нее знак |.

7. Обозначить условное ударение парсинг первичных словоформ. По схеме ударения данной парадигмы и эталонному грамматическому значению словоформ установить (с помощью § 6.16) условное ударение каждой первичной словоформы. Обозначить его каким-либо способом в соответствующей клетке (например, можно подчеркнуть при наоснбном условном ударении условную основу, при флексионном — условное окончание или оставленное для него пустое место).

8. Вписать условные окончания неисходных первичных словоформ. Найти в § 6.27 стандартный набор (или наборы) условных окончаний того класса, который одноименен с типом склонения данной парадигмы. Используя эталонные грамматические значения словоформ, найти в этом наборе (или наборах) соответствующее условное окончание (или окончания) для каждой неисходной первичной словоформы. Если таких окончаний несколько, выбрать нужное, применив правило распределения, данное в § 6.27 при рассматриваемых наборах (для этого могут потребоваться сведения о грамматическом разряде парадигмы, о последней букве условной основы рассматриваемой словоформы или об ее условном ударении). Вписать найденное таким образом условное окончание в соответствующую клетку справа от знака |.

Далее, если признак «нестандартные условные окончания» имеет ненулевое значение — в соответствии со значением этого признака в нужных клетках заменить выписанные условные окончания нестандартными.

**Этап III. Построение суженной парадигмы
действительного уровня (с действительным ударением)**

9. Перейти от условного удараения к действительному. К условному виду каждой неисходной первичной словоформы (т. е. к записи, содержащейся в соответствующей клетке) применить «Правила перехода от условного ударения к действительному», вариант 2 (§ 6.38). После этого у всех первичных словоформ снять обозначение условного удараения.

10. Перейти от условного вида к действительному. К условному виду каждой первичной словоформы (т. е. к записи, содержащейся в соответствующей клетке) применить «Правила перехода от условного вида к действительному» (§ 6.39).

Этап IV. Построение полной парадигмы

11. Вписать в творичные словоформы. Произвести следующие операции: а) у слов *он*, *она*, *онб*, *они* заменить в словоформах Π . падежа нулевую основу основой *и*; у слов *никтб*, *ничтб*, *нёкого*, *нёчего*, *никакб*, *никотбрый*, *ничбй* вставить в словоформах Π . падежа знак $\# \#$ после второй буквы основы; б) вписать в соответствующие клетки вторичные словоформы B . падежа, построив их, в соответствии со значением признака «нестандартное выражение B . падежа», по правилам § 6.52; в) вписать словоформы P_2 , построив их, в соответствии со значением признака «нестандартное выражение P_2 », по правилу § 6.53; г) вписать словоформы Π_2 , построив их, в соответствии со значением признака «нестандартное выражение Π_2 », по правилу § 6.54; д) вписать счетные словоформы, построив их, в соответствии со значением признака «нестандартная счетная словоформа», по правилу § 6.55; е) вписать припредложные словоформы P_r , P_2 , D_r , B . и T . падежей, образовав их, в соответствии со значением признака «нестандартные припредложные словоформы», по правилам § 6.56; ж) если признак «нестандартная омонимия чисел» имеет значение 1, вписать в каждую непрочеркнутую клетку ед. числа словоформу, омонимичную той, которая стоит в соответствующей клетке мн. числа; з) в парадигмах прилагательных вписать в каждую непрочеркнутую клетку ед. числа 7-го согласоват. класса словоформу, омонимичную той, которая стоит в соответствующей клетке мн. числа.

12. Снять вспомогательные записи. Снять во всех словоформах знак $|$; снять пометы («исходная», «вторичная») и записи, сделанные отдельно от парадигмы.

Конечным результатом всех указанных операций является полная парадигма (без граммем классифицирующих грамматических категорий).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ КЛАССОВ И ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПОДКЛАССОВ РУССКИХ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМ

В приводимом ниже перечне каждый элементарный подкласс (см. § 6.1) русских именных парадигм представлен одной из (реже) несколькими входящими в него парадигмами¹. При представителе (или представителях) каждого элементарного подкласса дается полная характеристика (см. § 6.1, 6.57) этого подкласса (о способе ее записи см. ниже). Каждому элементарному подклассу нормально соответствует одна строка приводимого перечня. Исключение составляют пары элементарных подклассов, различающихся только по признаку морфологической однинености—неоднинености: представители такой пары подклассов и относящиеся к ним записи помещаются на одной и той же строке перечия.

Как отмечено в § 6.1, обычно элементарный подкласс парадигм равен некоторому элементарному классу. Лишь в немогих случаях элементарный класс состоит из нескольких элементарных подклассов. Эти случаи отмечаются в перечне так: при представителе (представителях) всякого элементарного подкласса *A*, члены которого эквивалентны членам некоторого другого элементарного подкласса *B*, уже представленного в перечне, дается отсылка к подклассу *B* в виде следующего указания: «≡ . . .», т. е. «эквивалентно слову . . .» (указывается представитель подкласса *B*). Если в роли *B* могут выступать несколько элементарных подклассов, отсылка дается к первому из них (по порядку в перечне). Благодаря таким отсылкам перечень дает информацию не только обо всех элементарных подклассах, но и обо всех элементарных классах русских именных парадигм.

Значения различительных признаков, образующие полные характеристики элементарных подклассов, указываются следующим образом. Значения главных различительных признаков вынесены частью в подзаголовки рубрик, частью в индекс слева от слов-образцов, а именно: 1) грамматические разряды образуют основные разделы перечия (при этом все прилагательные объединены в один раздел, внутри которого расширенный адъективный и простой адъективный разряды образуют подразделы); 2) разделы (или подразделы) делятся на части по признаку типа склонения; 3) внутри типа склонения проведено деление по признакам морфологического числа и морфологического класса (если они имеют цепулевое значение); при этом у существительных морфологический класс представлен как дна отдельных признака — морфото-

¹ Обозначением парадигмы служит исходная словоформа. Если состав парадигмы определяется ею неоднозначно, в скобках даются необходимые дополнительные указания. Такими указаниями могут служить: 1) уточнение значения; 2) неисходная словоформа (или словоформы), характерные для имеющегося в виду варианта парадигмы; 3) схема ударения (для слов, допускающих несколько схем ударения; слова «схема ударения» при этом опускаются). Стилистические пометы (разг., простореч., устар., обл.) состава парадигмы не уточняют.

Различительный признак	Способ записи его значений
Дефекты парадигмы	<i>деф.</i> + номер значения
Нестандартная омонимия чисел	значение 1 — омон.
Чередования в условной основе	<i>чер.</i> номер значения
Нестандартные условные окончания	<i>ок.</i> + номер значения
Акцентуационные отклонения в неисходных словоформах	<i>акц.</i> - название значения (например, л. 1, н. 3)
Акцентуационные особенности исходной словоформы	<i>исх.</i> + номер значения
Наличие звездочки в условной основе	значение 1 — *, значение 2 — **
Морфонологические особенности неизменяемой части условной основы	название значения (<i>о</i> , <i>и</i> или <i>й</i>) ставится в скобках после знака * или после записи « <i>черт. 14</i> »
Аномальные беглые гласные	<i>аном.</i> + номер значения
Орфографические аномалии	<i>орф.</i> + номер значения
Наличие неустойчивого о в условной основе	значение 1 — ё, значение 2 — ёё
Нестандартные припредложные словоформы	значение 1 — <i>предл.</i>
Нестандартная счетная словоформа	значение 1 — <i>счетн.</i>
Нестандартное выражение В.	значение 1 — <i>В.</i> , значение 2 — <i>В. муж.</i>
Нестандартное выражение Π_2	значение 1 — Π_2
Нестандартное выражение P_2	значение 1 — P_2

гический род и морфологическая одушевленность—неодушевленность (последний признак отражен в виде указаний над соответствующими столбцами образцов); 4) значения признаков «морфонологический тип условной основы» и «схема ударения» представлены в виде индекса слева от образцов (цифра обозначает морфонологический тип условной основы, латинская буква или пара букв — схему ударения).

Значение любого второстепенного различительного признака дается только в том случае, если оно пе́нгуловое. Эти ненулевые значения записываются справа от слова или слов, представляющих соответствующий элементарный подкласс. У существительных запись, данная справа от представителей морфонологически неодушевленного и морфологически одушевленного элементарных подклассов, относится одновременно к ним обоим. Значение различительного признака обычно записывается в виде сокращенного названия самого признака и номера (или условного обозначения) данного значения; например, запись «ок. 1+3» символизирует значение «№ 1 + № 3» признака «нестандартные условные окончания». У нескольких признаков значения записываются еще короче — единым условным знаком; например, запись « Π_2 » символизирует значение 1 признака «нестандартное выражение Π_2 ». Способ записи ненулевых значений всех второстепенных различительных признаков указан в таблице на стр. 301.

Значения записываются в указанном на стр. 301 порядке, через запятую; запятая не ставится только перед записями (о), (ш), (ъ), (ї) и аном.

Порядок перечисления элементарных подклассов в перечне таков. Все различительные признаки упорядочены в виде следующей цепочки: 1) главные различительные признаки — грамматический разряд, тип склонения, морф. число, морф. род, схема ударения, морфонологический тип условной основы, морф. одушевленность—неодушевленность²; 2) второстепенные различительные признаки в указанном выше порядке. Для каждого признака принимается та последовательность значений, которая дана в соответствующем параграфе гл. 3 или 6. Из любых двух элементарных подклассов *A* и *B* первым заносится в перечень тот, который имеет меньшее (по номеру) значение первого (по порядку в указанной здесь цепочке) различительного признака, значения которого у *A* и *B* различны.

Перечень содержит также сведения о численности каждого элементарного подкласса (и, следовательно, каждого элементарного класса) русских именных парадигм. Они даются так же, как в таблицах основной части книги, а именно, численность элементарного подкласса указывается непосредственно справа от соответствующего образца (или образцов) и, кроме того, символизируется шрифтом образца; см. об этом § 6.2, пункт 4. Все подсчеты произведены строго в пределах исходного материала. Относительно слов с индивидуальными колебаниями см. § 6.2, пункт 4³.

В перечень включено также несколько элементарных подклассов, не содержащих ни одной парадигмы из исходного материала. Это подклассы, содержащие только имена собственные. В соответствии с § 6.2, представители таких подклассов даны в угловых скобках и без количественных характеристики, например: «Русь».

Общее количество элементарных классов, представленных в перечне, — 732; общее количество элементарных подклассов — 795. Количество элементарных классов, содержащих более одного элементарного подкласса, — 57. Без количественной характеристики приведено 11 подклассов. Остальные 784 подкласса распределяются по численности следующим образом:

² Для слов несогласуемо-бесчислового разряда морф. род и морф. одушевленность выступают в виде единого признака «морф. класс», который занимает в этой цепочке место морф. рода.

³ От указаний § 6.2 сделано, однако, следующее отступление: значение 1/0 признака «нестандартное выражение Π_2 » (см. § 6.54) для упрощения приравнено к значению 1.

Количество парадигм в подклассе	Количество подклассов такой численности	Общее количество парадигм в подклассах данной группы (округленно)	То же в %
более 1000	18	39200	71,4
от 101 до 1000	35	9900	18
от 11 до 100	121	4380	8
от 2 до 10	278	1100	2
1	332	332	0,6
Всего	784	54 900	100

Следует подчеркнуть, однако, что точное число элементарных классов и подклассов, представленных в приводимом перечне, нельзя рассматривать как некую абсолютную характеристику русского склонения, поскольку оно зависит от целого ряда частных решений (нередко довольно субъективных), принятых лексикографами и нормализаторами, а также от ограничений, указанных в § 4.1 и 4.2. Объективную значимость имеет, таким образом, лишь порядок этой величины — несколько более 700 элементарных классов.

РАЗДЕЛ I

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

A. Прилагательные расширенного адъективного разряда

Адъективный тип склонения

1	a/a	СУРОВЫЙ [3700] ⁴		
		УДОБНЫЙ [3000]	*	
		ОТВАЖНЫЙ [1500]	* (и)	(≡ удобный)
		ДОВОЛЬНЫЙ [1400]	* (ы)	
		СПОКОЙНЫЙ [200]	* (у)	
		[достойный]	* (ы) орф. б [счастливый] (неатрибут. ац. 4 счастлив)	
2	a/a	СДЕЛАННЫЙ [3500] ⁵	чср. 29, *	
		БОЛГЭННЕННЫЙ [750]	чср. 33, *	
		гротескный [2]	деф. 13	
		рад [4]	деф. 14	
		[карый, тугосейий] [искренний (неатрибут. мн. искренны)]	чср. 30, *	
		выйспренний	чср. 33 + 34, *	
		дрёвний [15]	чср. 34, *	
		излишний	чср. 34, * (и)	(≡ дрёвний)

⁴ В том числе около 300 причастий (на тый). К данному подклассу относятся также причастия на мый (не входящие в исходный материал).

⁵ Этот подкласс состоит почти целиком из причастий (на аный, ян-ый, енныи).

2 <i>a/a</i>	ийскренний (неатрибут. ми. искрепни)	чер. 35, *
	лишний [16]	деф. 13
3 <i>a/a</i>	упругий [70]	
	громоздкий [30]	*
	сторожкий [2]	* (<i>ш</i>)
	полнёхонький [25]	* (<i>в</i>)
	огнестойкий [8]	* (<i>ү</i>)
	радёхонек [22]	деф. 14, * (<i>в</i>)
4 <i>a/a</i>	похожий [320]	
5 <i>a/a</i>	куцый [9]	
6 <i>a/a</i>	длинношёй [4]	

1 <i>a/b</i>	малый [4]	
	тяжёлый [6]	ё
	[острый (остроумный), ум- ный (<i>a/b</i>)]	*
	[раввый, длинный (<i>a/b</i>)]	
	[тёмный (<i>a/b</i>), тёплый (<i>a/b</i>), чёрный (<i>a/b</i>)]	акц. л. 3, *
	[полный (<i>a/b</i>)]	акц. л. 3, *, ё
	[вольный (что-л. делать)]	
	данный [3]	чёр. 29, *
	решенный [1050] ⁶	чёр. 29, *, ё
	[каков, таков]	деф. 14
	[должен]	деф. 14, исх. 2, * (<i>и</i>)

3 <i>a/b</i>	высокий (<i>a/b</i>) [4]	
	[далёкий (<i>a/b</i>)]	ё
	[лёгкий (<i>a/b</i>)]	акц. л. 3, *, ё
	[короткий (<i>a/b</i> , неатрибут. к бортом)]	акц. л. 4, *
	[маленький]	чёр. 34, * (<i>в</i>)

4 <i>a/b</i>	горячий, хороший, свежий (<i>a/b</i>)	
--------------	--	--

1 <i>a/c</i>	целый [135] ⁷	
	твёрдый [7]	ё
	скучный [55]	*
	[тёмный (<i>a/c</i>), тёмный (<i>a/c</i>), чёрный (<i>a/c</i>)]	*, ё
	пышный [20]	* (<i>ш</i>)
	[полный (<i>a/c</i>)]	* (<i>о</i>)
	цельный [5]	* (<i>в</i>)
	[бузинный, стройный]	* (<i>ү</i>)
	[весёлый, зелёный]	акц. л. 4, ё
	[дешёвый]	акц. л. 4, ёё
	[голубдный (<i>a/c</i>), холодный <i>a/c</i>)]	акц. л. 4, *
	хитрый [5]	акц. н. 3, *
	[сильный (<i>a/c</i> , неатрибут. силён)]	акц. н. 3, * (<i>в</i>)
	проданный [13]	чёр. 29, *
	[солёный]	чёр. 30, акц. л. 4
	[люб]	деф. 14

2 *a/c* [сийный]

⁶ Этот подкласс состоит почти целиком из причастий (на ённыи).

⁷ В том числе около 75 причастий (почти исключительно на тыи).

3 a/c	длкий [9] [далёкий (a/c)]	е
	рдкий [65]	*
	жесткий [4] [тжкий]	*; ё
	[гбрький]	* (и)
	[ббйкий, стбйкий]	* (в)
	[корбткий (a/c, неатрибут. кброток)]	* (и)
4 a/c	тощий [5]	акц. л. 4, *
1 a/c'	новый (a/c') [8] [чёрственный (a/c')]	е
	бдный (a/c') [15]	*
	важный (a/c') [9]	* (и)
	[вольный (свободный) (a/c')]	* (в)
	[голбдый (a/c'), холбдный (a/c')]	акц. л. 4, *
	[сильный (a/c', неатрибут. силен)]	акц. п. 3, * (в)
3 a/c'	уздкий (a/c') [3]	*
3 a/b'	[лёгкий (a/b')]	акц. л. 3, *, ё
4 a/b'	[свежий (a/b')]	
1 b/b	чуднбй	*
	[злой]	* (о)
	[смешнбй]	* (и)
	[хмельнбй]	* (в)
	[больнбй]	акц. л. 3, * (в)
	голубой [13]	дев. 13
4 b/b	[большой]	чср. 32
1 b/c	скупой [22] [дрянибй, дурнбй (b/c, не- атрибут. дурен)]	*
	молодой [3]	акц. л. 1
	[лурнбй (b/c, неатрибут. дурён, разг.)]	акц. п. 3, *
3 b/c	сухой [7] [дорогой]	акц. л. 1
1 b/c'	[простой (b/c'), густой (b/c')]	
	[дурной (b/c', неатрибут. дурен)]	*
	[дурной (b/c', неатрибут. дурён)]	акц. п. 3, *
3 b/c'	[лихой (b/c')]	

Б. Прилагательные простого адъективного разряда**Адъективный тип склонения**

1а	каждый [30] [никотрый]	
2а	бртний [90]	предл.

- 3a РУССКИЙ [2600]
 [нёккий (Р. мн. нёкоих), ёккий (Р. мн. ёкоих)], чер. 39
 [вёккий (Р. мн. вёких), ёккий (Р. мн. ёких)] чер. 40
- 4a стáрший [100]⁸
- 1b иной [850]
- 3b морской [40]
 [никакой] предл.
- 4b чужой [3] (==морской, 31)

Адъективно-возвратный тип склонения

- 4a выдающийся [20]⁹

I местоименный тип склонения

- 1a дáдин (Р. ед. муж. дáди-
 ного, Д. ед. муж. дáди-
 ному) [20]¹⁰ чер. 36 + 37
- 4a [этот]
- 6a [наш, ваш]
- 6b вóлчий [160] *
- [кой (устар.)] дeф. 17
- 1b [один (прилагат.)]
- 6b [мой, твой, свой]
- [чей] *
- [ничéй] *, предл.
- [сéй] чер. 38, ок. 7, орф. 6
- 1f [сам (В. ед. жен. самý)] чер. 37
- [сам (В. ед. жен. самоë)] чер. 37, ок. 20

II местоименный тип склонения

- 1b [тот] чер. 36
- 2b [весь] *

Притяжательный тип склонения

- 1a отцóв, дáдин (Р. ед. муж.
 дáдина, Д. ед. муж. дá-
 дину) [35]¹⁰
- 2a [господень] *
- 1b [Ильин (прилагат.)]

Нулевой тип склонения

- 1a кбми [40]

* Из числа слов, не входящих в исходный материал, к этому подклассу относятся все прилагательные превосходной степени (на *ейший*, *айший*) и все причастия на *(е)ший* и *щий*.

* Из слов, не входящих в исходный материал, к этому подклассу относятся все причастия на *щися*, *(е)шился*.

¹⁰ В исходный материал входит лишь незначительная часть слов этого подкласса.

РАЗДЕЛ II
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

I субстантивный тип склонения

М у ж с к о й морф. род

Морф. неодуш.

1а заво́д [3700]
сиро́п [220]

ад [13]

чад [8]

бубен [11]

[пéпел]

[вéтер (a)]

заём [4]

ампéр [15]

—

—

—

стул [9]

кóлос [3]

[лбвод (в упряжи)]

—

—

аниáлы [60]

—

стиль [300]

картóфель [3]

[хмель (опьянение)]

[хмель (растение)]

ливе́нь [35]

[иéбень]

вýхорь [2]

[дёготь]

стéржень [12]

—

[у́голь (ми. юголья)]

[каме́нь (ми. ка-

мёня)]

—

полде́нь (Р. ед.

полднáя)

Морф. одуш.

студéнт [1900]

—

P_2

—

Π_2

—

Π_2, P_2

[дáтел]

—

*

[свёкор]

—

*, P_2

[цыгáн]

—

*, Π_2, P_2

[солдáт]

—

* (o)

[южáнин]

—

исх. 1, * (ü)

[славянáй]

—

ок. 2 + 3

[гражданий, со-

—

ок. 3

[гражданий]

—

чер. 6, ок. 2 + 3

[татáрин]

—

чер. 6, ок. 2 + 3,

[хозáин]

—

исх. 1

[брat, собráт

(Р. мн. соб-

ратьев)]

—

чер. 6, ок. 2 + 3,

акц. л. 2, исх. 1

[собráт (Р. мн.

собráтий)]

—

чер. 6

[сосéд]

—

13

[молодожéны]

—

омон.

[жите́ль]

—

деф. 6

P_2

Π_2

—

Π_2, P_2

[дúренъ]

—

*

[дóренъ]

—

*, P_2

[шéршень]

—

* (o)

[у́валенъ]

—

* (ü)

[господъ]

--

чер. 12, ок. 1,

** (o)

[каме́нь (ми. ка-

мёня)]

—

чер. 12, ок. 1,

акц. л. 2, **

[полде́нь (Р. ед.

полднáя)]

—

чер. 18, акц. л. 1

, 1

[полде́нь (Р. ед.

полднáя)]

—

чер. 23, акц. л. 1, *

,

(== ливе́нь,
дúренъ)

дéбрь [40]	—	омон.
[огнь, плáмень]	[родíteli]	деф. 6
3а столик [1550]	—	деф. 11
лак [40]	летчик [1550]	P_2
нах [3]	—	Π_2
[сок, пух]	—	Π_2, P_2
ку́вок [210]	прéдок [40]	*
[порáдок, убýток]	—	*, P_2
кусóчек [75]	барáшek [13]	* (ш)
песóчек [3]	—	* (ш), P_2
перешéек [6]	—	* (ü)
[ботíйник, вáле-	[тúрок, тýрок]	ок. 3, *
вóк]	—	
[маслénок, опéнок]	гусéнок [50]	чер. 14, ок. 1 + 3, *
—	мышóнок [20]	чер. 14 (ш), ок.
—	[бесéнок, чер-	1 + 3, *
доспéхи [60]	тёнок]	чер. 15, ок. 1 + 3,
—	—	акц. п. 2, *
4а МАРШ [140]	человéк (Р.	омон.
[фарш, пуш]	мн. человéк)	деф. 8, ок. 3
пассатíжки [7]	тováрниц [45]	
5а мéсяц [15]	—	P_2
[плац]	—	омон.
ráиeц [65]	принц [7]	
нéрец [5]	—	P_2
[ковчéженç]	нéмец [340]	*
пáлец [4]	—	*, P_2
[смáлец]	норвéжец [8]	* (ш)
—	—	(≡ ránec, némec)
плоскоузбцы [12]	владéлец [35]	* (б)
6а музéй [120]	—	* (б), P_2
токáй [8]	китáец [50]	* (ü)
[рай]	[зáяц]	* (ü), орф. 7
[клéй, гной]	—	омон.
[у́лей, чýрей, жé-	гербóй [80]	P_2
ребей]	—	Π_2
помóи [5]	—	Π_2, P_2
хлóпья [5]	—	*, орф. 5
7а САНАТОРИЙ [130]	гéний [17]	омон.
мóрфий [4]	—	омон., ок. 1
[прелиминáрии]	—	P_2
	—	омон.
		(≡ помóи)
1b стол [100]	вол [120]	
горб [8]	—	P_2
[чёрд]	осётр [3]	ё
ковёр [8]	осёл [7]	*
[хребёт]	—	* аном. 3
бугóр [8]	щегол [3]	* (о)
[лоб, ров, рот]	—	* (о), P_2
[рожбá, шов]	—	* (ш)
[кочáн (Р. ед. коч-	—	* (ш) аном. 2
нá)]		(≡ бугóр)

[лён]	—	*	(b), P_2
[лён]	—	*	(b), P_2 , P_3
	лев (живот- ное)	*	(b) <i>аном.</i> 3
[узе́л]	—	<i>исх.</i> 2, *	
[угол (в матем. знач.)]	—	<i>исх.</i> 2, * (o)	
[угол (в обычн. знач.)]	—	<i>исх.</i> 2, * (o), P_2	
[рукав, котёл-2]	—	ок. 1	
весы́ [15]	Христос	чес. 19	
[веса́]	—	омон.	
2b дождь [55]	царь [65]	омон., ок. 1	
кисель [8]	слепе́нь [2]	P_2	
реме́нь [7]		*	
[огонь, ломоть]	[Угорь]	* (o)	
	—	<i>исх.</i> 2, * (o)	
<Жигули́>	—	омон.	
[зеленый]	—	омон., ок. 1	
3b бащма́к [280]	ученик [250]		
табак [8]	—	P_2	
волк [3]	—	P_2	
кусок [170]	стребо́к [20]	*	
песок [12]	—	* (w), P_2	
[уголок, мысок]	—	* (w), P_2	
[мох (Р. ед. мха)]	бычок [30]	* (w), P_2	(\equiv кусок, стребо́к)
мешок [110]	—	* (w), P_2	(\equiv песок)
	—	* (w), P_2	(\equiv уголок)
табачок [8]	хорёк [16]	* (b)	
[бочок, бережок]	—	* (b), P_2	
кулёк [20]	зуёк [21]	* (ü)	
угодёк [4]	—	* (ü), P_2	
наёт [9]	—	ок. 1	(\equiv рука́в, 1b)
[чайк, кофеек]	—	ок. 3	
[общлаг, лемех]	—	ок. 3, *	
[сангир]	—	чес. 8, *	
[чулок]			
[цветок (ми. цве- ты)]			
очки́ [14]			
торокá [3]			
4b гарáж [85]	богáч [75]		
чертёж [16]	[ёж, ёрш]	ё	
ци́к [3]	—	омон.	
5b чабрец [12]	кузнéц [25]		(\equiv столя́, бои, 1b)
конéц [45]	купéц [40]	*	(конéц \equiv хре- бет, 1b)
[волчён]	—	* (w)	(\equiv хре́бет, 1b)
валéц [2]	жилéц [9]	* (b)	(жилéц \equiv лев, 1b)
пиницá [5]	[боéц]	* (ü)	
6b [лизай, валу́й]	[бугáй, холу́й]	омон	(\equiv весы́, 1b)

[рече́й, руче́й]	[воробе́й, му- раве́й, солове́й]	*
7b [кай]	—	(≡ лиши́й, 6b)
1с дар [20] [квас] сад [25] дым [9] [шар] [ряд, след, час] [мёд] нбмер [65] [клéвер, цвет] борт [4] [корм, хлод] [жёлоб, жёрнов, счёт] [прóмысел (мн. ромыслá)] [вéтер (мн. ветрá)] [перéд] [глаз] [рав] — — — — — — [год (И. мн. годá, Р. мн. лет)]	пан [3] — — — — — — — — — — — — — — [господи́н] [шúрин (мн. шурьá)] [кум] [сын (мн. сы- новьá)] —	P ₂ П ₂ П ₂ , P ₂ счетн. счетн., П ₂ ё, П ₂ , P ₂ ок. 1 ок. 1, P ₂ ок. 1, П ₂ ок. 1, П ₂ , P ₂ ок. 1, ё ок. 1, * ок. 1, *, П ₂ , P ₂ ок. 1, аку. л. 1, ё, П ₂ ок. 1 + 3, П ₂ ок. 3 чер. 6, ок. 1 + 3 чер. 6 + 12, ок. 1, * чер. 10 + 12, ок. 1, * чер. 10 + 12, ок. 1 + 3, * чер. 25, ок. 1, П ₂
2с кíтель [20]	éгерль [7] [вять] [дéверь, князь]	ок. 1 чер. 12, ок. 1, * чер. 12, ок. 1 + 3, *
3с плуг [3] верх (мн. верхí) [2] [долг, моэг] [шаг] округ [8] [порох, жéмчуг]	— — — — — — — — — — —	P ₂ П ₂ , P ₂ счетн., П ₂ ок. 1 ок. 1, P ₂ ок. 1, П ₂ , P ₂ ок. 1, ё, П ₂ , P ₂ чер. 2 + 12, ок. 1 + 3, *
(≡ нбмер, 1с)		(≡ клéвер, 1с)
(≡ борт, 1с)		(≡ корм, 1с)
4с [харч]	[муж (мн. мужчи́и)] стброж [муж (мн. мужчи́ы)]	ок. 1 чер. 12, ок. 1 + 3, *

6с	[буй, сбой] рой [5] [чай] [край]	[ау́й (обл.)] — — —	Π_2 Π_2, P_2 ок. 1, Π_2
1d	лист (дерева) [4] [кол (палка)]	— —	чер. 12, ок. 1, * чер. 12, ок. 1, *, Π_2
3d	—	[каза́к (мн. каза́ки)] — — — — — —	*
	[глазо́к, зубо́к] [рожёк, сапожо́к] [клюк (мн. клю́чья)] [крюк (мн. крю́чья), сук (мн. сучья)]	— — — — — —	* (и) чер. 1 + 12, ок. 1, * чер. 1 + 12, ок. 1, *, Π_2 чер. 15, ок. 1 + 3, акц. п. 2, *
1e	ауб [6] [гром] порт [2] ход (e) вётер (e) влюс	[вор, боров (кабан)] — — — — — —	P_2 Π_2 Π_2, P_2 *, Π_2, P_2 ок. 3 чер. 4 + 13 чер. 25, Π_2
2e	ко́зырь [5] [жёлудь] стёбе́ль [3] коготь [6] —	гость [10] — [пáрены] — [зверь (Т. мн. зве́рьми)] —	ё * * (o) ок. 6 омон.
3e	сáни [7] [слог] [ток (гумно)]	[бог, волк] — —	Π_2 омон.
4e	[брóч, бово́щ] дрожжи [4]	—	омон.
2f	[гвоздь, гру́дь] [уголь (f)]	[ко́нь, червь] —	вес. 2, * (o)
3e'	— —	[ребёнок] [человéк (мн. лю́ди)]	чер. 16, ок. 6, * чер. 17, ок. 6

Женский морф. род

Морф. неодуш.	Морф. одуш.
1а КАРТА [1950] домна [3] [ку́кла (В. мн. ку́клы)] [свадьба, уса́дьба]	РЫБА [220] дарёна [4] [ку́кла (В. мн. ку́клы)] —
	*
	* (o)
	* (b)

1a	бúсы [60]	—	омон.
	[кóзлы]	—	омон., *
	[нóжны]	—	омон., * (<i>и</i>)
	[хлбпты]	—	(= нóзлы)
2a	пúля [50]	богíня [40]	омон., <i>акц.</i> н. 3
	[кáпля] [20]	[цáпля]	*
	[кухня]	—	* (<i>о</i>)
	—	[бáрышая]	* (<i>и</i>)
	расирия [7]	[тётя] [10]	ок. 4
	плутниа [4]	[свбдня] [4]	ок. 4, *
	сáкля [6]	[рóхля]	ок. 4, * (<i>о</i>)
	[ирíгóршня]	—	(= рáспря,
	сóтня [70]	—	тётя)
	таможня [10]	[боýрышня]	чер. 24, *
	спáльня [60]	—	чер. 24, * (<i>и</i>)
	ббíня [11]	—	(= рáспря)
	грабли (Р. <i>грá-</i> бель) [2]	—	таможня = сóтня)
3a	кñига [470]	СОВАКА [190]	*
	СКАЗКА [1680]	ИСПÁНКА [700]	* (<i>и</i>)
	тóчка [1550]	кошкa [280]	* (<i>о</i>)
	шпíлька [90]	нáнька [40]	* (<i>и</i>)
	лéйка [160]	чайка [60]	* (<i>и</i>)
	брéбки [12]	—	омон.
	сáнки [70]	—	омон., *
	[сúмерки]	—	омон., * <i>аном.</i> 4
	штанышки [20]	—	омон., * (<i>и</i>)
	дéньги (а; устар.)	—	(= сúмерки)
	[4]	ребáтки [4]	деф. 6, *
	—	реблтиинки [6]	деф. 6, * (<i>и</i>)
4a	тúча [140]	КАССИРЩА [135]	*
	кóрча [4]	йноша [4]	ок. 4.
	ладóши [2]	—	омон.
5a	ТАВЛÍЦА [300]	волчíца [870]	*
	двёрца [2]	[курьица]	чер. 9
	—	—	омон.
	[нóжницы]	—	омон., * (<i>о</i>)
	[пáльцы]	фéл [7]	(= бýсы, 1a)
6a	стáя [55]	гбестья [75]	*
	кéльи [11]	<Мáяя>	орф. 2
	секвóйя [4]	нифия [20]	омон.
7a	ЛÍНИЯ [1350]	—	
	сатурна́лии [5]	—	
1b	ЧЕРТА [135]	муллá [14]	*
	пеленá [7]	—	(<i>и</i>)
	[мошиá]	[кияжна]	* (<i>и</i>)
	[корчмá]	—	* (<i>и</i>) <i>аном.</i> 3
	[тъма (множество)]	—	* (<i>о</i>) <i>аном.</i> 3
	[каймá]	—	* (<i>и</i>)
	[брýлá]	—	омон.
	[ножны]	—	омон., * (<i>и</i>)
	мгла [7]	—	деф. 9

2b стезя́ [5]	фрия (простореч.)		
ступни́ [50]	тля [2]	*	(≡ стезя́, фра)
брехня́ [2]	—	* (о)	(≡ стезя́)
клешня́ [3]	—	* (ш)	(≡ стезя́)
[шестерня́ (диск)]	—	черт. 24, ок. 5, *	
3b клюка́ [20]	брюагá [7]	े	
[стега́ (обн.)]	—	*	
[кочергá]	[кабаргá]	* аном. 4	
кишкá [2]	—	* (ш)	
мга́ [4]	—	деф. 9	
[трескá]	—	деф. 10	
4b каланчá [20]	ханжá [3]	ок. 5	(≡ брюагá, 3b)
—	[господжá]		(≡ чертá, 1b)
5b мацá [3]	—	*	(≡ корчмá, 1b)
[крепостнá]	—		(≡ мела, 1b)
ныльцá [11]	швей [4]	деф. 9	
6b колей [13]	[ночадый]	*	
статья́ [11]	—	* аном. 1	
[ектенй, епи- тимый, манатый]			
7b [литий, паремиá]	<Эульфиá>	ок. 8 + 9 + 10	
—	[судий]	ок. 8 + 9 + 10, акц. л. 3	
2c	—	черт. 12, ок. 1 + 3, *	
	[дяди (мн. дядька)]		
1d труба́ [140] ¹¹	лиса́ [7]		
звезда́ [3]	женá [3]	े	
сосна́ [3]	—	*	
весна́ [5]	—	* , ё	
[тирюмá, судьба́]	—	* (ь)	
[тяготá]	—	акц. а. 1	
—	[сестрá]	акц. а. 3, *, ё	
2d [заря́ (рассвет) (d)]	—	орф. 3	
[пешней]	—	черт. 24, * (ш)	
3d дугá [9]	[снохá, служá]		
[киркá]	—	*	
5d	[овцá]	акц. п. 3, *	
6d [струйá]	[замей]	акц. п. 3, *	
[семьй]	[свинъя, судьбá]	акц. п. 3, *	
1e [похорони, воло́сы]	—	омон.	
[бубни́]	—	омон., *	
2e [доли́]	—		
[дерéвня]	—	ок. 5, *	
3e [дёныги́ (e)]	—	омон., акц. л. 3	

¹¹ В том числе около 70 singularia laetum иа ииá, отá (для которых схема ударения d является лишь потенциальной).

1f	губá [11]			
	[слеза]	—	ë	
	[копиá]	—	*	
	[судьбá (f; устар.)]	—	* (b) аном. 3	
	бороздá [5]	[головá (чело- век)]	u _{сх.} 3	
	[железá]	—		
	[сковородá]	—	u _{сх.} 3, ë	
2f	[ноздрý, соплá]	—	u _{сх.} 4	
	[заря (рассвет) (f)]	—		
	[простынá]	—	o _{к.} 5, орф. 3	
3f	слегá [3]	[блóхá]	o _{к.} 5, u _{сх.} 3	
	[серьгá]	—	*	
4f	вожжá [4]	—		
	[дежá]	—	ë	
	[межá, свечá (P. мн. свеч)]	—	o _{к.} 5	(≡ слегá, 3f)
6f	[скамья (f)]	—	*	

1d'	зимá [7]	—	
	[верстá (d')]	—	ë
2d'	[зарé (сигнал)]	—	o _{пф.} 3
	[аэмлá]	—	a _{кц.} n. 3, *
3d'	[дрогá, рекá (d')]	—	
4d'	[душá]	—	

(≡ дрогá,
3d')

1f'	горá [4]	—	
	бородá [6]	—	
	[середá]	—	u _{сх.} 3
3f'	ногá [5]	—	u _{сх.} 3, ë
	[щекá]	—	ë
	[доскá]	—	*

Средний морф. род.

Морф. неодуш.

1a	болото [1050]	чáдо [2]	
	крéсло [5]	—	
	[тáгло]	—	
	[баero]	—	o _{кц.} (o)
	полено [3]	—	чер. 12, ок. 3, *
	[дréво]	—	чер. 12, ок. 3,
	[колéно]	—	акц. п. 2, *
	ворóта [10]	—	чер. 13, ок. 1 + 4
2a	[góре]	девчáта [3]	o _{жон.}
3a	благо [4]	—	o _{еғі.} 6
	вéко [6]	—	
	ведéрко [2]	дýтятко [2]	ок. 1
	окбóшко [85]	чáдушко [3]	ок. 1, *
	—	[соловéйко]	ок. 1, * (ш), B.
	лýчико [3]	—	ок. 1, * (ш),
	[дрéвко]	—	ок. 1 + 3
			ок. 1 + 3, *

(≡ болóто,
1a)

(≡ лýчико)

Морф. одуш.

4a	жилйще [105]	чудо́вище [4]		
	усыйще [25]	—	ок. 1	
	—	бычийще [9]	ок. 1, B	
	[вёче]	—	ок. 4	
5a	сблище [15]	—		(≡жилйще, 4a)
	блёдце [15]	—	*	
	тэльце [18]	—	* (b)	
	окбяще [4]	—	ок. 3, *	
	[ворбтца]	—	омон., *	
	перильца [2]	—	омон., * (b)	
	[щец, дровец]	—	деф. 5, омон.	
6a	ущёлье [300]	—	*	
	платье [5]	—	ок. 3, *	
	—	{подмастерье, полудурье}	ок. 3, *, B	
7a	здание [3200]	[создание (су- щество)]		
	[прéияня]	—	омон.	
1b	вещество [30]	существо [2]		
	[ало]	—	* (o)	
	—	[маало, треплó (муж. род)]	ок. 1 + 3, B.	
	устá [10]	—	омон.	
	[письменá]	—	омон., ё	
	[кружевá]	—	омон., акц. л. 3	
	[сот]	—	деф. 7, * (o)	
	[скло (сткло)]	—	деф. 9	
	[ничтó (суще- ствит.)]	—	деф. 11	
3b	озеркó [2]	—	ок. 1 + 3, *	
	очкó [4]	—	ок. 1 + 3, * (ш)	(≡озеркó)
	—	воронкó [4]	ок. 1 + 3, *, B.	
	[войскá]	[карькó]	ок. 1 + 3, * (б), B.	(≡воронкó)
5b	ружецó [5]	—	омон.	(≡веще- ство, 1b)
	словицó [11]	—	*	
	сельцó [2]	—	*(b)	
6b	питьё [60]	—	*	
	[забытьё, полу- забытьё]	—	*, II ₂	
7b	[остриé]	—	ок. 3	
	житиé [5]	—	ок. 7 + 8 + 9	
1c	мéсто [8]	—		
	[илéсо]	—	ё	
	[крýжево]	—	акц. л. 3	
	[мáсло]	—	акц. л. 3, *	
	[сúдно]	—	чер. 7, ок. 3, *	
	[дрéво, вéбо, чýдо]	—	чер. 11	
2c	мóре, поле	—		
3c	[войско]	—		(≡ мéсто, 1c)
	[блáко]	—	ок. 3	
	[блáчко]	—	ок. 3, *	(≡блáко)
5c	[сéрдце, дéревце]	—	*	

<i>1d</i>	винó [16] селó [11]	[трепéцó род)]	(срёд. —)	е	
	числó [7]	—	—	*	
	веслó [10]	—	—	*, ё	
	окнó [5]	—	—	* (o)	
	[стеклó]	—	—	* (o), ё	
	[письмó]	—	—	* (b)	
	[гумнó (Р. мн. гу- мён)]	—	—	акц. п. 3, *	
	перó [5]	—	—	чёр. 12, ок. 3, *	
	[дно]	—	—	чёр. 12, ок. 3, ** (o)	
<i>3d</i>	[молокó]	—	—	ок. 1	
	[ушкó (мн. щки)]	—	—	ок. 1, * (u)	
<i>5d</i>	[лицó (облик)]	[лицó (чело- век)]	—	—	(лицó 'об- лик' ≡ ви- нó, 1d) (= веслó, 1d)
	[берцó, оверцó]	—	—	*, ё	
	[кольцó]	—	—	акц. п. 3, * (b)	
	[лайцó]	—	—	акц. п. 3, * (u)	
	аном. 1	—	—	—	
<i>6d</i>	[копьё]	—	—	*	
	[ружьё]	—	—	*, орф. 5	
	[жгивьё]	—	—	ок. 3, *	
<i>3e</i>	[óко]	—	—	чёр. 1, ок. 1	
	[ухó]	—	—	чёр. 3, ок. 1	
<i>1f</i>	[тавró]	—	—	—	
<i>4f</i>	[плечó]	—	—	ок. 1 + 5	
<i>5f</i>	[крыльцó]	—	—	* (b)	

II субстантивный тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

М у ж е к о й морф. род.

<i>2b</i>	путь	—
-----------	-------------	---

Ж е н с к и й морф. род.

<i>2a</i>	радость [3000] дал [7]	[лань [25]	—	<i>II</i> ₂	
	[гроздь (мн. грбэздъя)]	—	—	чёр. 12, ок. 1 + 3, *	
<i>4a</i>	зáлежь [40] тишь]	—	—	орф. 1	
	[пблночь (Р. ед. полюночи)]	—	—	орф. 1, <i>II</i> ₂	
		—	—	чёр. 23, акц. п. 1, орф. 1	
<i>2e</i>	область [50] степь [16]	стéрлядь [4]	—	<i>II</i> ₂	
	—	[лóшадь (Т. мн. лошадьми)]	—	ок. 6	

2e [дверь (Т. мн. дверьми)]	—	ок. 6, II ₂
[сажень (Р. мн. сажен)]	[мать]	чер. 22 чер. 24, акц. л. 3
[церковь]	—	чер. 26, * (o) орф. 1
4e веци [3]	[мышь, сво- лочь]	II ₂
печь [3]	—	орф. 1, ё
[щёлочь]	—	орф. 1
—	[дочь (Т. мн. дочерями)]	чер. 22, орф. 1
—	[дочь (Т. мн. дочерью)]	чер. 22, ок. 6, орф. 1
2b' <Русь> [любовь, нелю- бовь]	—	
4b' [глушь]	—	* (o)
[ложь, рожь]	[вонь]	орф. 1 * (o), орф. 1

Средний морф. род.

2a [знамя]	—	чес. 20 + 27, акц.
[поблема]	—	н. 2, ё деф. 12
2b [поросы]	—	деф. 11
2c ямя [9] [сёмя, стрёмя]	—	чес. 20 + 27, ё чес. 21 + 27, орф. 4
2e'' —	[дитя]	чес. 5 + 28, ок. 1 + 6 + 11

Адъективный тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

Мужской морф. род.

1a двугривенный [9] суточные [8]	вожатый [140] <белые, чёрные (в шахматах)>	омон.
2a —	[новобрачные]	деф. 6
—	ближний [4]	
—	[древние, до- машние]	деф. 6
3a [целковенский] [авторские]	руссий [17]	
4a [толкучий]	лёший [70]	омон.
5a —	[куцкий (заяц)]	
1b [выходной, золо- той]	портной [50]	

1^a позывны́е [3]—
[мо́лоды́е, род-
ни́е]омон.
деф. 63^b—
—глу́хой [5]
чужóй [2](≡ глу́хой,
3^b)

Женский морф. род.

1^a столо́вая [85]

гóрнична́я [80]

2^a преиспóдня́я [3]

малоцветни́я [2]

3^a парикмахéрская
[25]

ру́сская [5]

4^a прихóжая [8]

гóнчая [30]

1^b запятáя [20]

борзáя [20]

3^b мастерскáя [4]

глу́хая [3]

4^b

чужkáя

(≡ глу́хая,
3^b)

Средний морф. род.

1^a сказуемое [100]

животно́е [60]

2^a срёднее [3]

—

3^a лёгкое [13]

ластонóгое [12]

4^a подлежа́щее [12]млекопитáю-
щее [7](подлежá-
щее ≡
срёднее,
2^a)1^b заливное [10]

—

3^b [жаркое]

—

Адъективно-возвратный тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

Мужской морф. род.

4^a—
—труды́щийся [6]
[брáчующийся]

деф. 6

Женский морф. род.

4^a

—

учащáяся [2]

Средний морф. род.

4^a

—

[пресмыкаю-
щееся]

I местоименный тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

М у ж с к о й морф. род

<i>4a</i>	—	[наш, ваш]	
<i>6a</i>	—	[третий]	*
<i>6b</i>	—	[мой, твой, свой]	

Ж е н с к и й морф. род

<i>6a</i> [третья, девичья]	—	*
<i>6b</i> [ничья]	—	*

С р е д н и й морф. род

<i>6a</i> [третье]	—	*
--------------------	---	---

Притяжательный тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

М у ж с к о й морф. род

<i>1a</i> [кабельтов]	—	«Попов, Пушкин»
<i>1b</i>	—	«Ильин»

Ж е н с к и й морф. род

<i>1a</i>	—	«Попова, Пушкина»
<i>1b</i>	—	«Ильин»

С р е д н и й морф. род

<i>1a</i> «Кунцево, Марфино»	—	
<i>1b</i> «Бородин»	—	

Нулевой тип склонения

Морф. неодуш.

Морф. одуш.

С р е д н и й морф. род

<i>1a</i> шоссе [380]	—	
-----------------------	---	--

РАЗДЕЛ III
СЛОВА СОГЛАСУЕМО-БЕСЧИСЛОВОГО РАЗРЯДА

Адъективный тип склонения

1а [каждый] Ед. морф. число

1а [некоторые] Ми. морф. число

3а [многие, немногие]

I местоименный тип склонения

Ед. морф. число

1б [один (числительное)] чер. 37, * аном. 1

Ми. морф. число

3а несолько (вариант, где
В. одуш. = Р.) [3] ок. 18

1е пятеро [6] деф. 15, ок. 18
[бба] деф. 16, чер. 44 (+ 54), ок. 49,
акц. п. 4

6е [двое, трое] деф. 15, ок. 18

II местоименный тип склонения

Ми. морф. число

2б [все]

Аномальный тип склонения

Ед. морф. число

1е" [полтора] деф. 16, чер. 50, ок. аном. 2,
акц. л. 1, В. муж.

Ми. морф. число

1е [два] чер. 52, ок. аном. 3, акц. п. 5
2е [три] чер. 51 + 52, ок. аном. 4, акц. п. 5
[четыре] чер. 51 + 53, ок. аном. 5, акц. п. 5

РАЗДЕЛ IV
СЛОВА НЕСОГЛАСУЕМО-БЕСЧИСЛОВОГО РАЗРЯДА

I субстантивный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 1

1а [пол (половина)] деф. 4

Ед. морф. число, морф. класс 2

3а [друг друга] деф. 1

Ед. морф. число, морф. класс 3

4а [тысяча (числительное)] ок. 12

Ед. морф. число, морф. класс 4

<i>1b</i> [я]	чер. 45 (+ 55) + 57, ок. 14 + 15
[ты]	чер. 46 (+ 56) + 57, ок. 14 + 15
<i>2b</i> [себя]	деф. 1, чер. 56 + 57, ок. 14

Ед. морф. число, морф. класс 6

<i>1a</i> [мáло, немáло]	деф. 4
--------------------------	--------

Мн. морф. число, морф. класс 2

<i>1b</i> [вы]	ок. 16 + 17
[мы]	чер. 47, ок. 16 + 17

Мн. морф. число, морф. класс 3

<i>1b</i> [пятьобт, шестьобт, семьобт, девять- сóт]	чер. 58, ок. 13, * (o)
[восемьобт (T. восемьюстáми)]	чер. 58, ок. 13, **(o)
[восемьобт (T. восьмьюстáми)]	чер. 42 + 58, ок. 13, * (o)
<i>2e</i> [двóсти]	чер. 49 + 59, * (o)

Мн. морф. число, морф. класс 5

<i>1e</i> [трíста]	чер. 60, * (o)
[четы́реста]	чер. 61, * (o)

II субстантивный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 4

<i>1a</i> [пятьдесáт, шестьдесáт]	чер. 43 + 58, акц. л. 1
[сéмьдесят]	чер. 43 + 58, акц. п. 1
[вбсемьдесят (T. восемьюдесятю)]	чер. 43 + 58, акц. п. 1, * (b)
[вóсемьдесят (T. восьмьюдесятю)]	чер. 42 + 43 + 58, акц. пп. 1
<i>2a</i> оди́ннадцать [9]	
<i>2b</i> [пять, шесть, семь]	
[дéвять, дéсять, двáдцать, трíд- цать]	исх. 2
[вбсемь (T. восемью)]	исх. 2, * (b)
[вóсемь (T. восьмью)]	чер. 42, исх. 2

Адъективный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 2

<i>1a</i> [кáждый]
<i>1b</i> [любой]

Ед. морф. число, морф. класс 5

3a [мнóгое, немнóгое, всáкое]

4a [прóчеё]

1b [остáльне]

Мн. морф. число, морф. класс 2

1a [нéкоторые]

3a [млóгие, немнóгие]

I местоименный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 2

1b [он]

чер. 48, предл.

Ед. морф. число, морф. класс 4

1b [она]

чер. 48, ок. 20 + 21, предл.

Ед. морф. число, морф. класс 6

1b [она]

чер. 48, предл., В.

Мн. морф. число, морф. класс 1

3a несóлько (вариант, где В. = Р.) [5] ок. 18

Мн. морф. число, морф. класс 2

2b [они]

чер. 48 + 49, предл.

II местоименный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 5

1a [нéкто]

деф. 3

[нéчто]

деф. 4

4a [нéчего]

деф. 2, предл.

1b [что]

чер. 41, орф. 8

[ничтó]

чер. 41, орф. 8, предл.

2b [всё]

Ед. морф. число, морф. класс 6

3a [нéкого]

деф. 1, предл., В.

1b [кто]

чер. 41, В.

[никтó]

чер. 41, предл., В.

Мн. морф. число, морф. класс 2

2b [все]

Аномальный тип склонения

Ед. морф. число, морф. класс 1

3b [сóрок]

ок. anom. 1, исх. 2

Ед. морф. число, морф. класс 5

1a [девяносто]

ок. anom. 1

[полторáста]

чер. 50, ок. anom. 2

1b [сто]

ок. anom. 1

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры означают параграфы, где термин определяется или где его значение раскрывается каким-либо иным способом. Пометы типа «для главы 2» (после номера параграфа) показывают границы, в которых термин используется в значении, указанном этим параграфом. Для удобства многие составные термины приведены в указателе дважды (по начальному слову и по ключевому слову). В указатель не включена часть рабочих терминов, используемых только в пределах того параграфа, где они вводятся.

- акцентуационное отклонение 6.41
акцентуированная орфографическая запись 0.4
аналитическая форма слова 1.8
атрибутивная связь 2.14
атрибутивная словоформа 2.22
атрибутивность—неатрибутивность 2.22
безглагольная 6.24, 6.36
вариант:
 словоформы-варианты (словоформы, являющиеся вариантами друг друга) 1.7, 4.3
 в. парадигмы 4.3
вид словоформы:
 действительный в. с. 6.14
 условный в. с.: а) вообще 6.14, 6.35; б) принятый в настоящей книге 6.26, 6.35
внешняя сторона («выражение») 1.1
внутреннее устройство парадигмы
 см. парадигма
внутренняя сторона («содержание») 1.1
вторичная словоформа 6.3, 6.50
«выражение» (внешняя сторона) 1.1
гласная [буква] 0.5
грамматическая категория 1.6
 словоизменительная г. к., классифицирующая г. к. 1.9
 частная г. к., обобщенная г. к. 1.11
 г. к. атрибутивности—неатрибутивности 2.22
 г. к. одушевленности—неодушевленности 2.17, 2.19, 2.21
 г. к. падежа 2.2, 2.10, 2.21
 г. к. рода 2.17, 2.18, 2.19, 2.21
 г. к. согласовательного класса 2.17, 2.18, 2.19, 2.21
 г. к. числа 2.11, 2.12, 2.13, 2.21
 грамматическая форма (словоизменительное грамматическое значение) 1.10
 грамматически правильная фраза 2.3
 грамматический разряд 1.11, 3.2
 грамматическое значение 1.5
 словоизменительное г. з. (грамматическая форма) 1.10
 эталонное г. з. 6.11
 г. з. представлено у лексемы 1.7
 г. з. представлено в парадигме 1.8
 г. з. дополнительно приписано лексеме 1.7
граммема 1.6
«двойное склонение» 4.1, 6.33
действительный: д. вид словоформы, д. окончание, д. основа, д. ударение 6.14
дефектный набор грамматических значений 1.7
дефекты парадигмы 3.4
достаточная детальность классификации 6.1
значение:
 номинативное з., синтаксическое з. 1.4
 грамматическое з. (см. также отдельно), неграмматическое з. 1.5
 собственно номинативное з. 1.5
 з. лексемы, з. слова 1.7
 з. сегмента 2.2
 з. различительного признака 0.3
избыточная детальность классификации 6.1
изменяемая часть основы 5.4
имя 0.1, 2.1, 4.1
исходная словоформа 0.5, 3.2, 3.4
исходный материал 0.1, 4.1
категория см. грамматическая като-

класс стандартный эталонных наборов условных окончаний 6.27
 класс чередований 6.24
 классификация 0.2
 древовидная к., универсальная к. 0.3
 клетка парадигмы 1.8
 контекст 2.3
 к. допускает сегмент 2.3
 диагностический к. 2.16
 краткие формы прилагательных 2.22
 лексема (парадигматическое слово) 1.2, 1.7
 омонимичные лексемы 1.7
 лингвистическая пропорциональность 5.1
 местоимение-существительное 2.1
 морфологический класс 6.9, 6.12, 6.13
 морфонологический тип 6.43
 набор окончаний см. парадигма
 набор условных окончаний: собствен-
 ный, эталонный, стандартный
 эталонный 6.27
 неатрибутивная словоформа 2.22
 неизменяемая часть основы 5.4
 неслоговой: и. буквенная цепочка,
 и. окончание, и. основа 0.5
 нулевой:
 и. окончание, и. основа 4.4
 и. ступень чередования 6.24
 и. тип склонения 6.27
 обратный алфавитный порядок 0.5
 однопадежный ряд 2.4
 одушевленность—неодушевленность
 2.17, 2.19, 2.21
 морфологическая о.—и. 6.9
 окончание 4.4
 действительное о., условное о. 6.14
 стандартное условное о., нестан-
 дартное условное о. 6.30
 нулевое о. 4.4
 омонимия:
 о. лексем 1.7
 о. словоформ 1.2
 о. чисел 6.51
 основа 4.4
 действительная, о., условная о. 6.14
 пулевая о. 4.4
 падеж 2.2, 2.10, 2.21
 «подчиняющий» п. 1.3, 2.14
 «подчиненный» п. 1.3, 2.2
 именительный, родительный, да-
 тельный, винительный, творитель-
 ный, предложный падежи 2.5
 2-й предложный (местный) п. 2.6, 6.54
 2-й родительный п. (количественно-
 отделительный п., партитив) 2.7,
 6.53

«ожидательный» п., «включитель-
 ный» п. 2.9
 парадигма 0.1, 1.8, 1.10
 дефектная п. 1.8, 3.4
 полная п. 6.4
 расширенная п. 1.8
 суженная п. 6.4 (см. также от-
 дельно)
 п. с колебаниями 4.3
 парадигмы имеют одинаковое
 внутреннее устройство 3.1
 парадигмы имеют одинаковый
 набор окончаний 5.3
 парадигмы имеют подобные на-
 боры основ 5.4
 парадигмы имеют одинаковое рас-
 пределение ударения 5.5
 парадигмы имеют одинаковое рас-
 пределение сдвигов ударения 5.5
 парадигмы одинаково акценти-
 рованы 5.5
 парадигмы эквивалентны 5.1, 5.6,
 6.4, 6.14
 парадигматическая схема 1.11
 парный род 2.19
 партитив (2-й родительный падеж)
 2.7
 первичная словоформа 6.3, 6.50
 подобные наборы основ см. пара-
 дигма
 полная ступень чередования 6.24
 полная характеристика парадигмы:
 а) вообще 6.1; б) принятая в на-
 стоящей книге 6.57
 полные формы прилагательных 2.22
 правило распределения ступеней фор-
 мального чередования 6.23
 правило распределения ступеней че-
 редования 6.24
 предикативная связь 2.16
 предметное слово 2.1
 признак см. различительный при-
 знак
 прилагательное 2.1 (для главы 2),
 3.2 (для глав 3—7)
 отпричастное п. 3.2
 придедложный: п. сегмент, п. слово-
 форма, п. форма 2.10
 причастие 2.1, 3.2
 пустая клетка 1.8
 различительный признак 0.3
 главный р. п., второстепенный р. п.
 6.57
 разряд (см. также грамматический
 разряд): расширенный адъектив-
 ный, простой адъективный, суб-
 stantивный, согласуемо-бесчисло-
 вой, несогласуемо-бесчисловой 3.2

- распределение сдвигов ударения см.
парадигма
- распределение ударения см. парадигма
- «расщепление» парадигмы с колебаниями 4.3
- род 2.17, 2.18, 2.19, 2.21
мужской, женский, средний, парный роды 2.19
морфологический р. 6.9, 6.12, 6.13
- ряд однородных элементов значения 1.3
- самостоятельный: с. сегмент, с. словоформа, с. форма 2.10
- связь см. синтаксическая связь
- сдвиг ударения 5.5
- сегмент 1.2
абстрактный с., конкретный с. 1.2
субстантивный с. 2.2
с. лексемы 1.7
- синтаксическая связь 2.14
- непосредственная с. с., опосредованная с. с. 2.14
- атрибутивная с. с. 2.14
- предикативная с. с. 2.16
- согласовательная с. с. 2.16
- синтез 0.2
с. парадигм 7.1
- склонение: а) 0.1; б) сокращение от «типа склонения» 6.27
- слово (парадигматическое слово, лексема) 1.2
- сингагматическое с. (словоформа) 1.2
- парадигматическое с. (лексема) 1.2
- предметное с. 2.1
- с.-атрибут 2.1, 2.21
- слова типа *сáни* 2.12
- слова типа *чérнýла* 2.12
- словоизменение 0.1, 3.1
- именное с. 0.1
- словоформа 1.2
абстрактная с., конкретная с. 1.2
акцентуационно правильная с., акцентуационно неправильная с. 6.41
- атрибутивная, с неатрибутивная с. 2.22
- главная с. (главная из словоформ-вариантов) 4.3
- исходная с. 0.5, 3.2, 3.4
- омонимичные словоформы 1.2
- первичная с., вторичная с. 6.3, 6.50
- припредложная с., самостоятельная с. 2.10
- словоформы-варианты 1.7, 4.3
- счетная с. 2.8
- слог 0.5
- слоговой: с. буквенная цепочка, с. окончание, с. основа 0.5
- согласная [буква] 0.5
- согласование 2.14, 2.21
словоизменительное с., всплесковоизменительное с., с. по некоторой частной грамматической категории 2.14
- согласовательная связь 2.16
- согласовательный класс 2.15, 2.16
- «скрещенный» с. к. 2.15, 2.20, 2.21
- «содержание» (внутренняя сторона) 1.1
- соответствие через эталон 6.5, 6.6, 6.11
- состав ступеней формального чередования 6.23
- состав ступеней чередования 6.24
- стандартный набор (стандартный эталонный набор условных окончаний) 6.27
- степени сравнения 2.23
- ступень формального чередования 6.23
- ступень чередования 6.24
- нулевая с. ч., полная с. ч. 6.24
- суженная парадигма 6.4
с. п. действительного уровня, с. п. уровня 6.14
- существительное 2.1 (для главы 2), 3.2 (для глав 3—7)
- отадъективное с. 3.3
- схема действительного ударения 6.18
- схема ударения: а) вообще 6.18 (для § 6.18—6.21); б) сокращение от «эталонная схема условного ударения» 6.16 (для остального текста)
- схема условного ударения: а) вообще 6.18; б) принятая в настоящей книге 6.16
- собственная с. у. у. 6.16
- эталонная с. у. у. (схема ударения) 6.16
- схема функционального ударения 6.18
- счетная словоформа 2.8
- счетная форма 2.8
- типы склонения 6.27, 6.29
- I субстантивный, II субстантивный, адъективный, адъективновозвратный, I местоименный, II местоименный, притяжательный, нулевой типы склонения 6.27
- требование достаточной детальности классификации 6.1

требование обязательности 1.5
 требование регулярности 1.5
 требовать: словоформа *A* требует словоформу (*сегмент*) *B* 2.14
 ударение 0.5, 5.5
 главное у., второстепенное у. 0.5
 действительное у. 6.14, 6.18
 условное у.: а) вообще 6.14, 6.18;
 б) принятые в настоящей книге 6.15
 функциональное у. 6.18
условный:
 у. вид словоформы см. вид словоформы
 у. окончание, у. основа 6.14
 у. ударение см. ударение
 форма см. грамматическая форма
 формула перехода 6.25
 цепь формул перехода 6.25
 чередование 6.24
 ч., допустимое для парадигмы, ч.,
 представленное в парадигме 6.24
 позиционное ч., непозиционное ч.,
 акцентно-позиционное ч., соб-
 стvenno позиционное ч. 6.24
 внутреннее ч. 6.24
 концевое ч. 6.32
 формальное ч. 6.23
 формальное ч., представленное
 в парадигме 6.23

ч. беглой гласной с нулем 6.24,
 6.36
 числительное 2.1, 2.21
 количественное ч. 2.21
 порядковое ч. 2.1
 собирательное ч. 2.21
 число 2.11, 2.12, 2.13
 единственное ч., множественное ч.
 2.11
 «ограниченное» ч. 2.8
 морфологическое ч. 6.7
 шипящая [буква] 0.5
 эквивалентность парадигм 5.1, 5.6,
 6.4, 6.14
 элемент значения 1.3
 номинативный э. з., синтаксиче-
 ский э. з. 1.4
 грамматический э. з., неграммати-
 ческий э. з. 1.5
 собственно номинативный э. з. 1.5
 однородные элементы значения 1.3
 сопряженные элементы значения
 1.6
 элементарный класс парадигм 5.6
 элементарный подкласс парадигм 6.1
 эталон для сравнения парадигм раз-
 ного внутреннего устройства 6.5
 этапы классификации 5.1
 pluralia tantum 2.12, 2.18, 2.19
 singularia tantum 2.12, 2.18

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

В указатель включены только имена. Порядок — обратный алфавитный. Цифры обозначают страницы. Упоминание некоторого слова на некоторой странице книги отмечается в указателе: 1) обязательно, если это слово упомянуто как таковое (а не в качестве примера); 2) обязательно, если слово выступает как образец в «Приложении» или в обзорной таблице; 3) в выборочном порядке — если слово приведено в качестве примера (отмечаются в основном те случаи, когда представляемая этим примером группа слов сравнительно мала). В указатель не внесены, однако, списки слов, исключаемых из исходного материала (см. § 4. 1), и слов, выступающих в устойчивых выражениях (см. § 4.2, 6.53 и 6.54). Ради краткости часть омонимов в указателе не разграничена.

- рабá 166
божбá 166
избá 164, 165
бба 47, 48, 52, 67, 71, 77, 86, 97,
100, 113, 138, 212, 232, 234, 236,
241—243, 246, 257, 298, 320
скобá 164
арбá 164, 270
губá 164, 165, 173, 187, 190, 314
иорубá 98, 105, 214
трубá 164, 313
рыба 127, 128, 191, 311
свáдьба 268, 270, 273, 311
усáдьба 270, 311
судьбá 164, 165, 260, 270, 271, 275,
313, 314
резьбá 165, 273
стрельбá 164, 273
хвальбá 166
молъбá 100, 166
гурьбá 166
просъбá 268
главá 164
травá 164
два 47, 48, 52, 67, 68, 76, 84—86,
97, 113, 138, 152, 157, 192, 212,
218, 233, 234, 242, 243, 246, 254,
257, 266, 320
куружевá 61, 256, 279, 315
плевá 166
бечевá 273
шцовá 164
головá 123, 126—128, 164, 165, 264,
314
Попóва 218, 319
дрóвá 148, 279
совá 164
листvá 60
Льва 100
агá 166
альпагá 214
полшагá 105, 110, 156
бéгá 142, 224, 279
слегá 164, 273, 314
стегá 166, 273, 313
рóзга 270
брóузгá 166, 313
книгá 49, 264, 312
сайгá 166
íволга 270
мга 100, 313
Мга 100
тамгá 166
ногá 164, 165, 191, 314
дрогá 165, 314
дорогá 119
острогá 166
кабаргá 270, 313
каргá 166, 270
кочергá 202, 260, 270, 275, 315
пургá 166
дугá 164, 313
слугá 148, 164, 313
друг дрúга 53, 98, 99, 105, 138, 140,
142, 212, 320
сергá 164, 270, 273, 314
шаньга 270
ягá 166
брадá 166.

- страдá 164
 едá 165, 273
 бедá 128, 164, 261, 262, 272, 273
 лебедá 273
 середá 164, 264, 273, 314
 чередá 273
 средá (*день*) 164, 165, 273
 средá (*окружение*) 164, 273
 предá 166
 нуждá 164
 браздá 166
 звездá 164, 235, 261, 262, 272, 273,
 313
 мэда 100
 бороздá 164, 165, 264, 314
 уздá 164
 балдá 166
 Мда 100
 мўнда 98, 105, 214
 слобода 164, 165, 264
 водá 45, 165
 воевода 93, 147
 бородá 128, 164, 264, 314
 сковородá 127, 164, 165, 264, 314
 скородá 164, 264
 скирдá 164
 ордá 164
 удá 164
 дудá 166
 зудá 166
 рудá 165
 слюдá 108, 165
 грядá 164, 165
 обжá 164, 230, 231, 270
 рагдá 106, 107, 230
 магарагдá 230
 дежá 164, 273, 314
 межá 164, 165, 231, 273, 314
 Серёжа 231
 мрёжа 230
 вожжá 164, 165, 314
 ханжá 148, 166, 313
 госпожá 231, 313
 бárжá 166
 кобзá 166
 железá 164, 165, 264, 273, 314
 слезá 164, 165, 273, 313
 дерезá 273
 егозá 166
 козá 67, 73, 79, 165
 стрекозá 165
 лозá 165
 грозá 165
 миэрзá 166
 мурзá 166
 ўзá 166
 собáка 312
 какá 214
- альпакá 214
 массакá 98
 калéка 68, 148
 рекá 164, 165, 273, 314
 чекá 166
 щекá 164, 273, 314
 лóжка 134, 273
 скáзка 270, 273, 312
 развýзка 49
 гáйка 273
 чайка 119, 270, 312
 индéйка 119
 лéйка 312
 камкá 100
 испáнка 312
 дйника 214
 мальчóнка 238
 торокá 112, 223, 279, 309
 строкá 164, 165
 киркá 165, 313
 лáска 270
 трескá 100, 312
 войскá 61, 105, 179, 202, 270, 315
 доскá 164, 314
 тоскá 60, 100
 лукá 165
 мука 165
 рукá 61, 127, 164, 165, 186, 190
 антикá 98, 214
 штука 61
 дéвочка 49
 тóчка 266, 271, 312
 башкá 100, 166
 кишкá 119, 166, 313
 домышка 148
 парнишка 148
 зайчишка 148
 бычийшка 148
 кóшка 134, 312
 шпилька 123, 270, 273, 312
 пенькá 100
 наинька 312
 клюкá 166, 313
 жвáла 60, 279
 хвалá 166
 галá 214
 пиалá 166
 скалá 165
 шкалá 165
 сусáла 279
 иглá 165, 270
 мгла 100, 312
 полумгла 100, 104
 стрелá 165, 273
 пчелá 165, 273
 удила 163, 279
 килá 164
 белйла 279

- черніла 60, 77, 279
 пилá 165
 стропіла 60, 279
 періла 279
 пастіла 165
 кайлá 166
 кукла 270, 311
 гáлла 214
 муллá 166, 312
 золá 165
 смолá 165
 подá 165
 чрёсла 279
 Промыслá 144
 ветлá 165, 270, 273
 метлá 123, 165, 270, 273
 аку́ла 93, 147
 скулá 165
 хулá 166
 брылá 166
 юлá 166
 дремá 166, 273
 зымá 165, 186, 190, 314
 каймá 166, 270, 312
 чалмá 166
 кормá 166
 хурмá 166
 басмá 165
 кумá 166
 сумá 166
 корчмá 166, 260, 270, 275, 312, 313
 кошмá 164
 тюрьмá 165, 270, 271, 313
 тьма (жрак) 100
 тьма (множество) 187, 190, 260, 270,
 275, 312
 полутьмá 100, 104
 странá 165
 царéвна 311
 стóгна 270
 ехíдна 270
 женá 42—44, 46, 47, 53, 165, 273,
 313
 беленá 273
 пеленá 273, 312
 пленá 166
 раменá 279
 письменá 273, 279, 315
 стенá 48, 67, 73, 79, 164, 165, 273
 ценá 165, 273
 княжнá 166, 312
 казнá 100, 166
 глубинá 124, 125, 165
 винá 124, 125, 165
 сединá 165
 урóдина 148
 Пúшкина 319
 длинá 165
- целинá 107
 домйна 148, 149
 барапина 60
 спинá 128, 165
 балерýна 147
 быстринá 165
 кусýна 148
 паспортýна 149
 мостýна 148
 молодчýна 148
 мужчýна 92, 93, 147, 148
 величинá 107, 124, 125, 127, 165
 кирпичýна 149
 купчýна 148
 ветчина 165
 бычýна 148
 старшинá 107, 165
 вышина 165
 Ильинá 319
 войнá 165, 270
 волнá 164, 165, 270
 желнá 165
 дómна 270, 273, 311
 вáнна 270
 онá 52, 53, 61, 98, 105, 112, 113, 133,
 138, 142, 157, 212, 232—234, 242,
 246, 289, 290, 299, 322
 болонá 164, 264
 боронá 164, 264
 сторона 164, 165, 264
 копнá 164, 314
 зурнá 166
 веснá 165, 273, 313
 деснá 165, 273
 блеснá 165, 273
 соснá 165, 270, 313
 плюснá 165
 лунá 165
 струнá 165
 хна 100, 270
 Цна 100
 мошнá 166, 312
 слюнá 238
 румýна 279
 па 214
 щепнá 164, 273
 толпá 51, 165
 тропнá 164
 стопнá 165, 166
 скорлупнá 165
 крупнá 165
 жарнá 165
 баккарá 214, 217
 мошкарá 60
 пáра 61
 бра 214
 игрá 165
 чадрá 166

полведрá 78
 нéдра 279
 икrá 165
 бóра 166
 горá 126, 127, 164, 165, 264, 314
 корá 165
 норá 165
 порá 164
 полторá 47, 48, 67, 77, 85, 97, 100,
 112, 138, 157, 212, 233, 234, 242,
 244, 246, 256, 279, 280, 320
 просфорá (просвиrá) 164, 262
 Пра 100
 копрá 166
 полмéтра 78
 сестrá 49, 165, 190, 191, 257, 270,
 271, 273, 313
 кобурá 166
 конурá 127, 128, 166
 турá 166
 дырá 165
 Юрá 217
 колбасá 165
 красá 166
 полчасá 78, 85, 105, 108, 156
 небесá 61, 105, 237, 279
 словесá 279
 лесá (удочки) 108, 165, 273
 лесá (строительные) 142, 224, 279, 309
 телесá 285
 кисá 166
 лисá 165, 313
 осá 165
 косá 165
 полосá 164, 165, 264
 росá 165
 хáуса 98, 105, 214
 чарусá 279
 деньжáта 279
 вратá 279
 фатá 166
 девчáта 59, 77, 99, 314
 внуучáта 99
 летá 163, 279
 мéта 165, 273
 темéта 279
 четá 166
 битá 166
 плитá 165
 фитá 166
 долготá 165
 тяготá 165, 256, 313
 мерзлотá 165
 кислотá 165
 длиннотá 165
 тошнотá 165
 сиротá 67, 68, 69, 148, 165
 широтá 165

ворóта 58, 59, 77, 148, 173, 279, 314
 красотá 165
 высотá 165
 частотá 165
 пустотá 165
 лаптá 166
 карта 173, 186, 190, 218, 264, 266, 311
 чертá 168, 173, 186, 190, 312, 313
 полтора́ста 97, 113, 138, 140, 142,
 147, 149, 212, 233, 234, 242, 246, 322
 четы́реста 97, 113, 138, 142, 157,
 203, 212, 243, 245, 258, 270, 274, 321
 кистá 166
 глистá 166
 триста 97, 113, 138, 142, 157, 202,
 212, 218, 243, 246, 270, 271, 274, 321
 Мста 100
 стáроста 49
 верстá 165, 273, 314
 полуверстá 78
 устá 279, 315
 тахтá 166
 мечтá 100, 166
 ребáта 59, 78, 99, 108
 пятá 164
 азта 214
 буржуá 148
 фа 214
 графá 166
 дрофá 165
 строфá 164, 165
 софá 165
 люфá 166
 стрехá 165, 273
 докá 165
 блохá 164, 165, 314
 снохá 165, 313
 крохá 164, 165
 потрохá 61, 142, 224, 279
 сохá 165
 чокá (чухá) 166
 ухá 165
 ольхá 165
 мацá 313
 овáца 165, 257, 270, 313
 грязá 100
 таблýца 312
 ку́рица 237, 243, 245, 312
 пéцельница 278
 спýца 264
 пти́ца 266
 волчíца 314
 ленцá 100
 двéрца 270, 312
 шпорца 270
 сырцá 100
 трусцá 100
 рысцá 100

- грязнотцá 100
 краснотцá 100
 хрипотцá 100
 ворбтца 279, 315
 крепостцá 100, 270, 313
 жужжáльца 279
 гнилыцá 100
 перильца 270, 279, 315
 сольцá 100
 пыльца 100, 313
 свечá 164, 231, 273, 314
 чукчá 230, 231
 каланчá 313
 нарчá 166
 парчá 166
 кбрча 230, 231, 312
 тúча 264, 266, 312
 бахчá 107, 166
 пашá 166
 папáща 231
 антрапá 214
 левшá 166
 юноша 148, 189, 190, 230, 312
 паршá 166
 вéрша 230, 231
 кассирша 312
 душá 165, 314
 пращá 166
 домища 148
 бычíща 148
 мощá 164
 тысяча 97, 138, 142, 212, 232, 234, 320
- раб 160
 штаб 159
 хлеб 223
 погреб 223, 224
 ястреб 223, 227
 гриб 160
 столб 160
 боб 160
 зоб 159, 286
 лоб 269, 286, 287, 308
 жёлоб 223, 224, 272, 310
 кблоб 223, 224
 спóсоб 172
 гроб 159, 227, 286
 короб 223, 224
 герб 134, 160, 285
 горб 111, 134, 160, 285, 286, 308
 дуб 159, 286
 зуб 158, 237, 285, 311
 куб 159
 луб 237
 клуб 158, 159
 бтруб 223, 224
 чуб 159
 люб 98, 99, 168, 304
- рукáв 162, 224, 309
 бурáв 162
 при́став 223, 224, 258
 постáв 158, 224
 лев 123, 187, 190, 260, 269, 275, 309
 хлев 223, 286
 парёв 213
 тéтерев 223, 224
 шкив 159
 ку́зов 223, 227
 какóв 98, 99, 168, 304
 такóв 98, 99, 168, 213, 304
 плов 282
 жёрнов 223, 227, 272, 310
 Попóв 218, 319
 ров 269, 271, 286, 287, 308
 покróв 162
 бóров (часть дыжохода) 223, 224
 бóров (кабак) 158, 224, 311
 норов 224
 бoстрov 223, 227, 285
 полуостров 104, 223
 чёртов 213
 кáбелтьов 214, 218, 319
 отцóв 306
 шов 269, 308
 волхв 160
- общлáг 162, 224, 309
 оврáг 160, 261, 262, 264
 очáг 162
 бочáг 162
 рычáг 162
 шаг 46, 47, 108, 159, 286, 288, 310
 снег 223, 282, 286, 310
 брег 223
 бéрег 44, 126, 127, 223, 224, 286
 визг 283
 мозг 159, 282, 286, 310
 сиг 160
 долг 159, 283, 286, 310
 пéленг 224
 пúдинг 282
 рýслинг 282
 бог 158, 311
 подбóг 162
 лог 223, 286
 поблог 224
 проблог 224
 слог 158, 227, 311
 сапóг 60, 61, 162, 186, 190, 228, 309
 рог 223
 грог 282
 пирóг 45, 162
 вбруг 224
 твёрдóг 162, 224, 282, 283
 батóг 162

- стог 223, 286
 четвёрг 162
 торг 159, 286
 луг 223, 286, 310
 плуг 159, 227, 310
 терпур 162
 друг 114, 159, 222, 228, 234, 235,
 237, 243, 245, 310
 круг 159, 286
 окруж 223, 224, 310
 полуокруж 104
 хребтуг 162
 жёмчуг 223, 227, 282, 310
 сычуг 162
 вертлуб 162
 овесуб 162
 битлуб 162
 утюг 162
 ад 44, 286, 307
 зад 159, 286
 лад 159
 мармелад 282
 склад 159
 шоколад 282
 маринад 282
 рафинад 282
 лимонад 282
 рад 90, 98, 99, 213, 303
 град 282
 виноград 282
 сад 46, 110, 159, 172, 187, 190, 286,
 288, 310
 чад 282, 286, 307
 лёд 159, 263, 282, 283, 286, 287, 309
 след 46, 47, 159, 286, 288, 310
 мед 43, 44, 159, 272, 282, 286, 310
 бред 283, 286
 вред 160
 веред 224
 перед 126, 127, 158, 224, 227, 256,
 272, 286, 310
 чёрд 162, 272, 308
 сосед 203, 238, 243, 245, 307
 гора́зд 98, 99
 поезд 49, 223, 224
 грозд 237
 дрозд 160
 жид 160
 стрептоцид 282
 обод 237, 257
 завобд 172, 218, 266, 307
 нёвод 223, 227
 завод 227
 привод 225
 ёвод 223, 227
 побовд 224, 237, 257, 286, 307
 прывод 223, 224
- год 108, 158, 223, 239, 245, 286, 310, 311
 йод 282
 голод 224
 сольод 224, 282
 холод 223, 224, 283, 286, 310
 плод 160
 под 159, 286
 род 159, 227, 286
 нарбд 283
 сброд 283
 город 124, 125, 224, 225
 кислород 282
 ход 158, 159, 223, 283, 286, 311
 дохбд 283
 похбд 191
 парохбд 227
 расхбд 283
 выхбд 225
 скирд 160
 пуд 159
 пруд 159, 160, 286
 труд 160
 суд 160
 стыд 160
 яд 281, 282
 ряд 46—48, 159, 286, 288, 310
 отрýд 51
- ёё 98, 105
 среднее 318
 прóчее 98, 105, 138, 142, 212, 321
 подлежащее 318
 мlekопитáюще 318
 неглижé 98
 ложе 214
 шимпанзé 67, 214
 морзé 98
 мнóгие 86, 97, 98, 105, 138, 142,
 212, 320, 321
 немнóгие 86, 97, 98, 105, 138, 142,
 212, 320, 321
 а́вторские 317
 здáние 173, 266, 315
 создáние 315
 дрёвние 100, 317
 тéрние 214
 домáпние 100, 317
 острíе 229, 315
 житиé 214, 232, 234, 315
 питиé 214, 232, 234
 бытиé 214, 232, 234
 небытиé 214, 232, 234
 иnobытиé 214, 232, 234
 фойé 214
 апликé 98
 релé 214
 промылле 214
 поле 163, 214, 266, 315

- двое 67—69, 86, 97, 100, 138, 157, 212, 232, 234, 320
мнóгое 98, 105, 138, 142, 212, 218, 321
немнóгое 98, 105, 138, 142, 212, 321
ластонóгое 318
лёгкое 318
жаркóе 318
всякое 98, 105, 138, 142, 321
сказуемое 46, 318
заливное 96, 318
животное 70, 318
чаstное 218
остальное 98, 105, 138, 142, 157, 212, 321
тróе 67—69, 97, 100, 138, 157, 212, 232, 234, 320
гróе 214, 266, 314
мóре 163, 173, 186, 190, 216, 266, 315
четыре 47, 48, 52, 68, 76, 85, 97, 113, 138, 157, 203, 212, 233, 234, 242, 243, 246, 256, 258, 320
все 86, 97, 98, 105, 138, 142, 157, 203, 212, 218, 320, 322
всё 62, 97, 98, 105, 138, 142, 157, 212, 322
шоссé 172, 187, 190, 214, 218, 266, 319
андáнте 214
кофé 214
кружевце 229
деревце (деревцó) 163, 315
сéрдце 163, 266, 271, 317
блóбце 270, 315
цепé 214
колéнце 229, 230
полéнце 230
полотéнце 230
сóлинце 202, 270, 315
окóнце 229, 315
волокóнце 108, 229
болótце 229
комkíтце 229, 230
корýтце 229, 230
щупальце 229, 230
тéльце 315
вéче 214, 230, 315
дúче 214
атташé 148
чудóвище 67, 73, 79, 141, 280, 315
городище 228
чудище 141
жиллище 266, 315
домище 148, 149, 227
тонорище 228
хвостище 227
голосище 148
усище 315
дéтище 141
волчийще 148, 227, 280
человéчище 148
бычище 148, 315
молодые 100, 318
бéлые 60, 78, 317
позвыниe 318
родные 100, 318
подъёмные 96
чёрные 60, 78, 317
новобрачные 100, 317
сúточные 317
некоторые 86, 97, 98, 105, 138, 142, 212, 320, 321
жинище 163, 229, 316
низовье 229
верховье 229
медиe 217
развóдье 229
угóдье 230
поберéжье 229, 230
ружý 163, 251, 261, 275, 316
ательé 214
ущéлье 266, 268, 270, 271, 315
копытье 163, 270, 275, 316
тряпьё 60
звéрьё 60
подмастéрье 141, 147, 148, 229, 280, 281, 315
полудúрье 141, 229, 281, 315
плáтье 229, 268, 315
трéтье 214, 218, 319
питьё 315
у́стье 229
забытьё 287, 315
полузабытьё 104, 287, 315
мытьё 75
- багáж 161
бандáж 161
блиндáж 161
нейзаж 161
лаж 160
стеллаж 161
примáж 161
плюмáж 161
дренáж 161
тренáж 161
тоннáж 161
паж 160
типáж 161
купáж 161
раж 161
гарáж 161, 309
увраj 161
вираj (химикат) 163
вираj (поворот) 163
мирáж 161
тираj 161
метрáж 161
витраj 161

липтráж 161
 страж 160
 курáж 161
 фурáж 161
 саж 160
 фиксáж 161
 корсáж 161
 массáж 161
 пассáж 161
 плантáж 161
 шантáж 161
 монтáж 161
 капитáж 161
 куртáж 161
 стаж 160
 листáж 161
 вольтáж 161
 этаж 161
 стаффáж 161
 хадж 160
 бридж 160
 ёж 160, 272, 309
 беж 98, 213
 рубéж 161
 падéж 161
 мавéж 161
 барéж 161
 платéж 272
 чертёж 272, 309
 кортéж 161
 мятéж 161
 цеж 160
 стриж 160
 чиж 160, 272
 дож 160
 нож 160, 266
 стóрож 223, 224, 310
 шарж 160
 корж 160
 морж 160
 уж 160
 буж 160
 гуж 160
 муж 114, 158, 159, 228, 234, 237, 310
 пыж 160
 крыж 160
 пляж 160
 муляж 161
 вояж 161
 ряж 160
 кряж 161
 тяж 160
 трельяж 161
 грильяж 161
 марьяж 161
 аз 160
 баз 159, 286

газ 282, 286
 глаз 152, 187, 190, 223, 229, 234,,
 286, 310
 паз 159, 286
 раз 159, 227, 228, 310
 образ 223, 224
 таз 159, 286
 ксéнцз 160, 272
 пóдреа 223, 224
 ана́лиз 124, 125
 низ 159, 286
 воз 159, 223, 286
 навóза 282
 пóлоз 224, 237, 257
 тóрмоз 110, 111, 223
 морóз 227, 283
 пороз (порос) 224
 туз 160
 картúза 162

 Гавáи 217
 Гималáи 217
 масáи 217
 áлиби 215
 óтруби 167, 173, 215
 чéрви 61, 167, 215
 Суоярви 217
 спагéти 105, 215
 пástриги 142
 Лабытнáнги 217
 Миссолúнги 217
 Полосги 144
 Нíжние Сергíи 144
 торгí 159
 бýти-вýги 215
 Красные Стрóги 144
 дéньги 167, 215, 256, 270, 312, 313
 лéди 215
 хйнди 98
 лíбди 178, 203, 215
 лíбди (буква) 215
 Пиренéи 217
 Помпéи 144, 217
 Платéи 144, 217
 хаджí 215
 дробжки 167, 215, 311
 пассатíжи 231, 308
 фантазíй 98
 жалюзíй 215
 грýзи 61, 214
 сатурналии 215, 312
 прелиминарии 142, 308
 Вéйи 217
 макí 215
 Сáки 217
 хáки 98, 213
 огréбки 142
 выгрéбки 142

- оскрёбки 142
 пооскрёбки 142
 вайсирабки 142
 пасевки 142
 отсёвки 143
 вайсовки 143
 слівки 60
 опівки 143
 смівки 143
 вайдики 142
 последки 142
 оббёдки 142
 заморозки 142
 вайморозки 142
 колики 143
 Салоники 144, 217
 Фессалоники 217
 Сувалки 217
 опілки 270
 носилки 215
 толки 142
 перетолки 142
 кривотолки 142
 сұлки 215
 помылки 142
 смылки 142
 обжимки 143
 вайжимки 143
 сымки 143
 Хымки 217
 санки 312
 останки 142
 складенки 143
 гренки 60
 Озинки 144
 подонки 142
 Олонки 144
 стишкини 142
 янки 215
 зкывоки 60
 Наволоки 144
 кроки 215
 перетопки 143
 вайварки 143
 вайгарки 142
 вайжарки 143
 берки 142
 сүмерки 119, 202, 260, 275, 312
 жмурки 119, 275
 вайчески 143
 виски 215
 приски 142
 роспуски 142
 начатки 142
 дётки 59, 99
 смётки 143
 ошмётки 142
 пожйтки 142
- ваймолотки 143
 порткі 142
 очистки 142
 подмостки 142
 сутки 58, 59, 76, 77
 ребятки 100, 312
 телятки 100
 зверятки 99
 буки 215
 Ессентукі 217
 очкі 61, 309
 барапки 142
 людипки 99
 штапіншки 312
 детишшки 59, 99
 ребятышшки 100, 312
 подсолнунушки 142
 солдатушки 100
 дётушки 99
 ребятушки 100
 брюки 77, 148, 312
 бенгали 98, 105
 пали 98, 105
 тали 215
 грабли 143, 312
 джунгли 60, 148
 бели 215
 родители 99, 215, 308
 тэфтели 215
 качели 215
 грязли 217
 сухиали 98, 105
 букли 60
 антресоли 215
 консоли 215
 Жигулі 217, 309
 кули 215
 пікули 215
 начули 215
 пантографи 143
 Салми 217
 кобми 98, 213, 218, 306
 пани 215
 саини 58—60, 76, 77, 79, 167, 173,
 215, 311
 дровни 165
 зелени 215
 Рени 217
 сёни 167, 215
 вини 167, 215
 пёнии 215
 оніи 52, 53, 61, 62, 81, 98, 112, 113,
 133, 138, 142, 149, 157, 212, 236,
 242, 246, 266, 289, 299, 322
 пашни 231
 слюни 167, 215
 ибни 215
 оббии 215

- побои 60
 помои 60, 308
 кёпи 215
 копи 215
 мáри 98
 дéбри 215, 308
 колýбri 215
 кúдri 167, 215
 прóтори 215
 три 46—48, 52, 68, 76, 85, 97, 113,
 138, 152, 157, 192, 212, 233, 234,
 242, 243, 246, 254, 257, 266, 320
 Понырý 217
 жюри 215
 такsí 215
 мáнси 215
 травестí 98
 двéсти 97, 138, 142, 157, 212, 242,
 243, 270, 274, 321
 Ай-Пéтри 217
 Уссурý 217
 пáчеси 215
 Тíкси 217
 мáнси 98
 персí 215
 полáти 215
 дéти 108, 179, 203, 215
 нéти 215
 либертí 98
 южасти 215
 кре́сти 167, 215
 пóдмости 215
 Чéрусти 217
 қонфеттí 215
 Ймпилахти 217
 досpéхи 308
 духí 215
 Аппалáчи 217
 Барáновичи 144, 217
 Лáховичи 144
 Сухíничи 144
 помочи 167
 Сóчи 217
 вицí 215
 ладóши 104, 143, 312
 жиршí 105, 215
 бабúши 143
 баҳшí 105, 215
 Тетюшí 217
 щи 60, 215, 309
 клéщí 167
 Мыти́щи 217
 мόщи 167
 трамвáй 49
 гай 285
 бугáй 162, 309
 токáй 282, 308
- лай 57, 58, 60, 75
 пай 159, 286
 рай 286, 308
 край 223, 286, 311
 чай 42—45, 58, 159, 282, 286, 311
 лишáй 162, 308, 310
 жéребей 269, 275, 308
 воробéй 269, 310
 муравéй 269, 310
 соловéй 269, 310
 музéй 261, 262, 264, 266, 308
 елéй 282
 клéй 43, 159, 282, 286, 287, 308
 ýлей 251, 261, 269, 275, 308
 репéй 269, 310
 сельдерéй 282
 чирéй 251, 261, 269, 275, 308
 сей 98, 113, 168, 202, 203, 213, 222,
 231, 234, 241, 243, 246, 261, 275, 306
 шалфéй 282
 чéй 98, 119, 168, 213, 269, 306
 ничéй 52, 54, 98, 133, 168, 213, 269,
 289, 299, 305
 ручéй 269, 271, 310
 рыбíй 213
 грáвий 282
 корóвий 213
 контáгий 213
 пéгий 170
 дóлгий 169, 270, 271
 спорáнгий 213
 полóгий 212, 264
 мнóгий 105
 немнóгий 105
 стрóгий 169
 упрóгий 98, 304
 ráдий 213
 длиношéй 98, 212, 266, 304
 ráжий 99
 медвéжий 213
 свéжий 99, 170, 174, 212, 266, 304,
 305
 проéзжий 212
 бóжий 212
 пригóжий 99, 212
 вхóжий 99, 170
 похóжий 264, 304
 схóжий 170
 всхóжий 170
 досúжий 99
 рýжий 99, 169
 бесстýжий 99
 дбóжий 99
 уклóжий 99
 неуклóжий 99, 104
 кóзий 213
 кий 159, 160, 213, 310
 эдакий 98

- ётакий 98
 гибкий 169
 шибкий 169
 знобкий 169
 робкий 169
 зыбкий 169
 азбкий 169
 плывкий 170
 ковкий 169
 ловкий 169
 сбвкий 169
 лёгкий 170, 174, 256, 272, 304, 305
 мягкий 98, 169
 гадкий 169
 гладкий 169
 сладкий 169
 падкий 170
 садкий 169
 ёдкий 169
 редкий 169, 305
 жидкий 169
 громоздкий 304
 ходкий 169
 далёкий 169, 272, 304, 305
 нёкий 98, 108, 113, 241, 243, 246,
 306
 тяжкий 169, 305
 сторожкий 304
 мазкий 169
 резкий 169
 близкий 169
 склизкий 169
 низкий 169
 дёрзкий 169
 мерзкий 169
 ўзкий 169, 305
 скользкий 169
 вязкий 169
 дайкий 169, 266, 305
 великий 108, 170
 клейкий 170
 бойкий 169, 270, 305
 стойкий 98, 169, 305
 огнестойкий 304
 валький 169
 жалкий 169
 мблкий 169
 колкий 169
 сблкий 170
 гулкий 169
 мылкий 169
 пылкий 169
 ёмкний 170
 ломкий 169
 громкий 169
 звонкий 169
 гонкий 169
 тонкий 169, 270, 271
- глубокий 169
 одинокий 98
 широкий 169
 высокий 169, 304
 жестокий 169
 цапкий 169
 крепкий 169
 ценикй 169, липкий 169
 хлипкий 169
 топкий 169
 терпкий 169
 хрупкий 169
 хлопкий 169
 варкий 169
 жаркий 98, 169
 маркий 170
 паркий 170
 зоркий 169
 юркий 169
 яркий 169
 Кобсунь-Шевченковский 145
 веский 98, 170
 малчипеский 213
 плоский 98, 169
 ноский 98, 170
 иденоский 98
 броский 98, 169
 русский 174, 212, 218, 306, 317
 траский 98, 170
 хриский 98, 169
 хваткий 169
 каткий 169
 краткий 169
 шаткий 170
 меткий 169
 чёткий 169, 272
 кроткий 169
 короткий 169, 256, 304, 305
 вёрткий 169, 272
 жёсткий 169, 272, 305
 хлёсткий 169, 272
 хросткий 69
 жуткий 169
 чуткий 169
 прыткий 169
 казацкий 213
 качкий 170
 целкобенекий 317
 маленекий 98, 108, 170, 240, 243,
 245, 258, 304
 смирнешенекий 98
 полюхонекий 98, 304
 легухонекий 98
 горький 169, 270, 305
 ёкий 98, 113, 241, 246, 306
 вскый 98, 105
 брлий 212, 213
 акулий 212, 213

- дáвний 99
 стародáвний 99
 дрёвний 99, 170, 212, 240, 243, 303
 сынóвний 212, 213
 мáтний 213
 срéдний 99, 100
 поздний 99, 100
 гéний 213, 266, 308
 олéний 212, 213
 игрéний 212
 прéжний 99, 100
 ближний 317
 порóжний 99, 100
 пустопорóжний 99, 100
 мúжний 213
 синый 99, 169, 212, 266, 304
 крайний 99, 100
 бескрайний 99, 100
 крémний 213
 рáнний 99, 100
 искренний 99, 240, 243, 245, 303, 304
 вýспрений 99, 236, 240, 245, 303
 внутрénний 99, 100
 сторонний 99, 100
 многостóронний 99
 посторóнный 100
 калифóрний 213
 братний 305
 совершеннолéтний 99, 100
 гáфний 213
 домáшний 99, 100
 внешний 99, 100
 лíшний 99, 100, 304
 излíшний 240, 303
 дальний 99, 100
 обезьяный 212
 óпий 282
 кáрий 99, 213, 303
 критéрий 264
 цикóрий 282
 санатóрий 213, 308
 кúрий 213
 лíсий 213, 269
 тугосáсий 99, 213, 303
 трéтий 213, 269, 319
 чéтый 213
 мóрфий 282, 308
 трибрáхий 213
 амфибрáхий 213
 пиррíхий 213
 тíхий 169, 212
 вéтхий 98, 169
 стрóнишний 282
 чий 213
 собáчий 212
 лежáчий 99
 казáчий 213
 пéвчий 212
- широкоплéчий 99
 малъчишечий 213
 лесничий 214
 вóлчий 212, 213, 218, 266, 271, 306
 рабóчий 99
 прóчий 107, 212
 охóчий 99
 óтчий 212, 213
 паучий 98
 сивúчий 98
 могúчий 99, 212
 толкúчий 317
 виúчий 98
 сúчий 98
 барсúчий 98
 щуций 98
 гадючий 98
 колючий 99
 бирючий 98
 сидáчий 99
 бродячий 99, 212
 ходáчий 99
 стоячий 99
 спáчий 99
 зрячий 99
 горячий 99, 170, 304
 висíчий 99
 черепáший 212
 лéший 173, 317
 пéший 99, 170
 простéйший 212
 хорóший, 99, 170, 174, 212, 304
 патриárший 212, 213
 стáрший 306
 óбщий 98, 169, 170
 нíщий 169
 тóщий 169, 305
 цветúщий 98, 212
 знающíй 96, 293
 бой 44, 159, 213, 286
 забóй 213
 сбой 311
 голубóй 99, 100, 305
 любóй 98, 99, 105, 138, 142, 157,
 212, 321
 рябóй 99, 170
 вой 213
 навóй 213
 подвóй 213
 развóй 213
 живóй 123, 127, 128, 170, 174
 кривóй 170
 привóй 213
 конвóй 213
 ходовóй 99, 100
 деловóй 99, 100
 часовóй 46—48, 128, 214
 свой 107, 172, 212, 213, 218, 304, 319

- твой 105, 212, 213, 306, 319
 сувой 213
 благой 170
 нагой 170
 драгой 99
 изгой 213
 дорогой 99, 172, 256, 307
 другой 99
 тугой 99, 170
 младой 170
 надой 213
 седой 170
 раздой 213
 козодой 213
 молодой 99, 170, 256, 305
 сдой 213
 рудой 99
 худой 170
 чужой 99, 105, 306, 318
 борзой 99
 кой 100, 168, 212, 306
 никакой 52, 54, 133, 289, 299, 306
 такой 128
 левкой 213
 Джанкой 217
 мокой 213
 покой 214, 283
 упокой 214
 городской 128
 морской 306
 удалой 99, 170
 налой 214
 авалой 214
 перелой 214
 злой 99, 170, 270, 274, 298, 305
 гнилой 99, 170
 слой 159, 286
 мой 107, 119, 212, 213, 308, 319
 немой 104, 170
 хромой 170
 прямой 99, 170
 заливной 96
 гной 282, 286, 308
 перегной 213, 282
 родиой 99, 100, 170
 выходной 317
 чудной 99, 170, 305
 блажной 99, 100, 170
 зной 213, 283
 сквозной 99, 100
 иной 174, 306
 срамной 99, 100
 земной 99, 100
 дрянной 99, 170, 305
 Поной 217
 озорной 99, 100
 дурной 99, 170, 257, 305
- цветной 99, 100
 портной 218, 317
 ручной 99, 100
 смешной 99, 170, 174, 270, 305
 остальной 105
 шальной 99, 100, 170
 хмельной 99, 170, 305
 больной 96, 97, 99, 170, 256, 270, 293, 305
 слепой 170
 водопой 213
 скупой 170, 305
 тупой 127, 128, 170
 рой 159, 286, 311
 герой 213, 308
 второй 99
 строй 158, 286
 сырой 99, 170
 босой 170
 косой 170
 развитой 99, 170, 256
 золотой 99, 100, 317
 застой 213
 настой 282
 холостой 99, 170, 256
 простой 99, 119, 170, 305
 густой 99, 170, 305
 пустой 99, 170
 крутой 99, 119, 170
 святой 99, 170
 лихой 170, 305
 плохой 170
 глухой 170, 318
 сухой 170, 305
 старшой 99
 большой 108, 170, 240, 245, 305
 меньшой 99
 буй 158, 310
 зуй 159, 311
 валуй 162, 309
 холуй 162, 309
 слабый 169
 грubbyй 169
 любый 170
 зdravый 170
 pravый 169
 дешёвый 123, 169, 193, 256, 272, 297, 304
 реzvый 169
 трézvый 169
 счастливый 256, 303
 сивый 169
 новый 93, 169, 218, 266, 305
 задоровый 170
 сурóвый 123, 174, 264, 303
 пérвый 98
 мéртвый 169, 170, 272
 чёрственный 169, 272, 305

- кáждый 71, 84, 97, 98, 105, 138, 142,
 212, 218, 305, 320, 321 дíвный 170
 чúждый 169 рóвный 169
 твéрдый 169, 272, 304 нéрвный 169
 гóрдый 169 яvный 170
 сизый 169 суýгный 100
 бóрзый 169 жáдный 169
 а́лый 170 лáдный 169
 уда́лый 169 склáдный 169
 ма́лый 170, 304 хлáдный 170
 дряблый 169 смráдный 170
 наглый 169 чáдный 170
 смúглый 169 бéдный 169, 305
 кру́глый 169 блéдный 169
 подлый 169 врéдный 169
 бéлый 169 п ráздный 170
 квёлый 169, 272 ви́дный 169
 тяжёлый 170, 272, 304 ехáдный 270
 смéлый 169 гóдный 169
 спéлый 169 голóдный 169, 256, 304, 305
 зрóлый 169; прéлый 170 холóдный 169, 256, 304, 305
 весёлый 169, 256, 272, 304 мóдный 169
 цéлый 169, 174, 304 срóдный 170
 мáлый 169 схóдный 169
 хáлый 169 скúдный 169, 304
 блёклый 170 нудный 169
 тусклый 169 трóдный 169
 голый 169 чудный 170
 тёплый 169, 256, 270—272, 304 стыдный 169
 хрíплый 169 любдный 170
 сийлый 169 ненаглáдный 104
 шúплый 169 зелёный 169, 256, 272, 304
 кислый 169, 268, 272 солёный 169, 240, 243, 256, 304
 рóслый 170 мурдрóй 170, 272
 варóслый 170 важный 169, 305
 свéтлый 169, 270 отвáжный 303
 чáхлый 170 влáжный 169
 дóхлый 170 смéжный 170
 затхлый 170 нéжный 169
 жúхлый 170 свéжный 170
 пухлый 169 дóлжный 87
 тúхлый 169 лóжный 170
 рýхлый 169 слóжный 169
 дрихлый 169, 268 нúжный 169
 дóшлый 170 дру́жный 169
 пошлый 169 грóзный 169
 вáлый 170 грúзный 169
 сáмый 98 свáзный 170
 сдóбный 169 грýзный 169
 удóбный 303 спокóйный 275, 303
 злóбный 170 знóйный 170
 дробный 170 стрóйный 169, 270, 304
 скóрбный 170 достóйный 251, 261, 275, 303
 плавный 169 буйный 169, 304
 слáвный 169 бурлéскный 105
 рáвный 170, 256, 304 гротéскный 100, 303
 нра́вный 170 полный 169, 256, 274, 298, 304
 гнéвный 169 тёмный 169, 256, 272, 304
 подъёмный 96

- скрómный 169
 тóмный 169
 ýмный 169, 257, 304
 шúмный 169
 расхлáбанный 239
 звáнный 168
 опосрéдствований 239
 чвáнный 170
 дáнный 168, 239, 304
 лáданный 240
 прéданный 239, 240, 243
 неожíданный 240
 прóданный 304
 сдáнный 168
 пересdáнный 168
 противопокáзанный 239
 обýзанный 239
 свýзанный 239
 сdéланный 174, 303
 общепрýзнанный 239
 стрáнный 169, 270
 воспítанный 96, 239, 240
 помéшанный 239
 согбéенный 240
 забвéенный 240
 незабвéенный 104, 240
 самозабвéенный 240
 двугрýвенный 317
 благословéенный 240
 дерзновéенный 240
 прикосновéенный 240
 неприкосновéенный 104
 вдохновéенный 240
 торжéственный 240, 270
 сущéственный 268
 едýнственный 268
 войнственный 240
 сокровéенный 240
 предубеждённый 239
 измoждённый 239
 врождённый 239
 обýденный 240
 блажéнный 240
 обнажéнный 239
 сажéенный 240
 таможéенный 240
 полóженный 240
 расположенный 239
 предрасположенный 240
 благорасположенный 239
 изнеможéенный 239
 подвéрженный 239
 привéрженный 239
 востóрженный 240
 сопряжéенный 239
 казéенный 240
 отдалёенный 240
 раздробленный 239
- влюблённый 239
 предстайблённый 239
 мéдленный 240
 богадéленный 239
 определённый 96, 239
 осведомлённый 239
 зачумлённый 239
 бессмысленный 240
 тлéнный 170
 растлéнный 240
 вымышленный 239
 своеврéменный 240
 одноимённый 240
 неоценённый 240
 болезненный 240, 301
 солевáренный 240
 пивовáренный 240
 медовáренный 240
 смоловáренный 240
 мыловáренный 240
 повáренный 240
 брéнный 170
 провéренный 239
 увéренный 239
 намéренный 239, 240
 презрéнный 240
 смирéенный 240
 смолокúренный 240
 винокúренный 240
 угнетённый 239
 черносótенный 240
 смятéнный 239
 цéнный 170
 обречённый 239
 непзречённый 240
 расфранчённый 239
 развшнченный 239
 малопzученный 239
 бáшенный 240
 решёный 174, 239, 304
 вýшенный 240
 лишённый 239
 пшёный 240
 искушённый 239
 конибшненный 240
 щéнный 240
 разобшённый 239
 запушненный 240
 польщённый 239
 свящéнный 240
 невíный 104
 длиный 169, 256, 304
 чíный 169
 непреклонный 104
 неуклонный 104
 склонный 169
 сónный 170
 тóный 170

- неприкáянный 240
 самонадéянный 240
 óный 98
 крúпный 169
 вéрный 169, 271
 сквéрный 169
 мéрный 170
 чéрный 169, 256, 272, 304
 жéрный 169
 мíрный 170
 смирный 169, 257
 взdóрный 170
 спóрный 170
 бúрный 169
 глáсный 170
 красный 169
 прéсный 169
 тéсный 169
 кóсный 170
 сиósный 170
 вку́сный 169
 гнúсный 169
 я́сный 169
 зnáтный 169
 кратный 170
 стáтный 169
 несмéтный 104
 тщéтный 170
 плóтный 169
 пóтный 169
 смéртный 170
 влáстный 169
 стра́стный 169
 лéстный 170
 чéстный 169
 злóстный 170
 по́стный 169
 грúстный 169
 мутный 169
 смýтный 169
 скрытный 170
 сыйтий 169
 вни́тный 170
 смáчный 169
 мрачный 169
 вéчный 170
 алчный 170
 жёлчный 170
 склочный 170
 прóчный 169
 срóчный 170
 сочный 169
 тóчный 169
 звúчный 169
 скóчный 169
 тúчный 169
 зéчный 170
 тысячный 98
- стрáшный 169
 спéшный 170
 грéшный 169
 тóшный 169
 дúшный 169
 слýшный 169
 шýшный 169, 304
 хíщный 170
 мóщный 169
 сáльный 170
 дéльный 170
 хмéльный 169
 цéльный 169, 304
 сíльный 93, 169, 257, 304, 305
 стíльный 170
 вольный 169, 170, 256, 304, 305
 довольный 303
 пыльный 169
 юный 169
 рдýный 170
 прáный 170
 п्�яный 169
 рьяный 170
 глúпый 169
 старый 169
 храбрый 169
 добrýй 169
 щéдрый 169
 бóдрый 169
 мóдрый 169
 сérый 169
 сирый 169
 мóкryй 169
 хвóрый 169
 скóрый 169
 спóрый 169
 котóрый 93, 98
 иéкоторый 98, 105, 290
 никотóрый 52, 54, 86, 98, 133, 289,
 290, 299, 305
 хйтýй 169, 257, 270, 271, 304
 Стрый 217
 пёстрый 169, 272
 острýй 169, 170, 270, 304
 вóстрый 169, 257, 270
 шýстрый 169, 257, 270
 бы́стрый 169
 бóрый 169
 смýрый 169
 хмúрый 169
 я́рый 170
 рýсый 170
 лýсый 169
 вожáтый 214, 317
 вýтый 168
 вýжптый 168, 258
 вýлитый 168, 258
 вýппитый 168

- жёлтый 169, 272
 четвёртый 98
 зáпёртый 168, 258
 опёртый 168
 отпёртый 168, 258
 чáстый 169
 чистый 169
 тóлстый 169
 девяностый 98
 сýтый 169
 лóтный 169
 девятый 98
 взýтый 168, 174
 прóклятый 168, 258
 пýтый 98
 десáтый 98
 бледнолíцый 264
 кúцый 170, 266, 304, 317
- табák 283, 285, 309
 порттабák 162
 бивák 162
 словák 162
 сайrák 162
 наждák 282, 283
 кавардák 162
 санджák 162
 казák 50, 158, 187, 190, 311
 баскák 162
 лак 282, 308
 шеллák 162
 краплák 162
 шерлák 162
 кулák 172
 шлак 282
 мак 282
 смак 283
 башмák 309
 дашиák 162
 юнák 162
 опák 162
 арак 162
 бараЍák 162
 брак 282
 трикtrák 162
 подсák 162
 просák 162
 четвертák 162
 рабфák 162
 пеpфák 162
 пáек 269, 273, 309
 чаёк 283, 309
 век 223
 человéк 61, 100, 158, 173, 178, 186,
 190, 197, 203, 215, 228, 231, 235,
 238, 245, 257, 308, 311
 кофеёк 283, 309
 перешéек 308
- хмелёк 283
 уголёк 283, 309
 кулёк 273, 309
 намёк 269
 слабének 269
 близének 99, 213
 радёшenek 98, 99
 одинёшenek 98, 99
 огонёk 283
 строгонек 99
 радёхонек 98, 99, 269, 304
 одинёхонек 98, 99
 припёk 282
 йгрек 269
 хорёk 309
 упрёk 269
 зятёk 269
 зуёk 309
 сйтничек 283
 песóчек 283, 308
 кусóчек 308
 бараБшек 308
 орёшек 269
 горóшек 283
 черевík 162
 таджík 162
 селямли́k 162
 сердолík 162
 стóлик 308
 крыжóвник 282
 шипóвник 282
 валéжник 282
 начáльник 50
 учений 309
 сítник 282
 шпик (сало) 282
 шпик (сычик) 160
 криk 283
 электрик 98
 сúриk 282
 тик 282
 антик 162
 сúпчик 283
 пéрчик 283
 лётчик 50, 51, 266, 308
 сítчик 283
 шик 283
 шёлк 223, 272, 282, 286, 310
 волк 58, 70, 126, 160, 172, 313
 полк 160, 286, 309
 толк 283
 цинк 282
 бок 43, 132, 223, 286
 зубóк 187, 158, 190, 228, 229, 311
 кубóк 308
 экивóк 269
 едóк 162, 269
 ледóк 283

- медóк (*вино*) 269
 медóк (*уменьшит. к мёд*) 283
 прéдок 308
 седóк 162, 261, 262, 268, 269
 езdók 162, 269
 ходóк 162, 269
 оцодельдóк 269
 порáдок 283, 308
 снежóк 283
 бережóк 286, 309
 сапожóк 158, 199, 228, 239, 311
 рожóк 158, 199, 228, 229, 311
 глазóк 158, 228, 229, 311
 творожóк 283
 манипóк 269
 заскóк 269
 мелóк 283
 брелóк 269
 стрелóк 235, 261, 262, 268, 309
 щéлóк 224, 269, 282
 вóйлок 269, 282
 клок 158, 159, 160, 235, 237, 245, 311
 вóлок 224, 269
 уголóк 286, 309
 чулóк 61, 228, 309
 дымóк 283
 ребёнок 108, 158, 173, 179, 196, 203,
 215, 231, 235, 238, 245, 257, 311
 вáленок 186, 190, 228, 308
 козлёнок 119, 128
 милёнок 238
 опёнок 238, 308
 гусёнок 119, 128, 222, 228, 235, 238,
 243, 273, 308
 окорёнок 238
 хрéпток 283
 бесёнок 238, 243, 245, 257, 272, 308
 лисёнок 238
 негритёнок 238
 чёртёнок 222, 228, 238, 245, 257,
 272, 308
 ребятёнок 238
 щенóк 158, 238, 245, 311
 юнок 269
 ботинок 228, 308
 челнóк 162, 269
 волчёнок 196, 222, 228, 238
 бочонок 238, 273
 мальчишонок 238
 пастушёнок 238
 мышёнок 273, 308
 опреcнок 269
 чеснóк 119, 162, 282, 283
 барóк 269
 зарóк 269
 сахарóк 283
 игрóк 162, 269
 жирóк 283
 окорок 223, 224, 269
 морóк 224
 обморок 269
 порóк 269
 прорóк 269
 сорок 87, 97, 138, 142, 157, 212, 233,
 234, 257, 264, 266, 269, 322
 прок 283
 срок 283
 отрок 269
 смотрóк 162
 уróк 269
 турóк 228, 308
 шлaфróк 269
 сырóк 283
 сок 282, 286, 308
 квасóк 283
 довéсок 124, 125, 127
 песóк 119, 269, 273, 282, 283, 309
 кусóк 119, 124, 125, 127, 271, 309
 мысóк 286, 308
 ток (*гумно*) 158, 227, 286, 311
 ток (*птичий*) 223, 286
 ток (*электр.*) 130, 132, 283
 затóк 269
 знатóк 162, 269
 подтóк 269
 цветóк 237, 243, 245, 308
 притóк 269
 деготóк 283
 водотóк 269
 молотóк 161
 потóк 269
 протóк 269
 истóк 269
 листóк 191, 252
 востóк 269
 водостóк 269
 напéрсток 269
 оттóк 269
 флагштóк 269
 убыток 283, 308
 кипятóк 282, 283
 табачóк 283, 308
 бочóк 286, 309
 чеснóк 283
 сочóк 283
 лучóк 283
 бычóк 309
 балычóк 283
 мешóк 309
 артишóк 271
 порошóк 282, 283
 тюрк (*тиброк*) 108, 238, 308
 блеск 283
 вéреск 224
 треск 283
 прииск 225

- писк 283
 риск 283
 воск 282
 лоск 283
 пропуск 223, 224
 отпуск 223, 224, 286
 бамбук 162
 самбук 162
 бурундук 162
 жук 160
 сельджук 162
 лук 282
 пук 159
 сук 158, 160, 187, 190, 195, 235,
 237, 243, 245, 286, 311
 латук 162
 каучук 162
 бык 42—44, 160
 прязык 162
 балык 282, 283
 клык 160
 калмык 162
 кумык 162
 арык 162
 притык 162
 ястык 162
 талык 282
 мамелюк (мамлук) 162
 волапюк 162
 крюк 158, 160, 235, 237, 245, 286, 311
 укрюк 162
 урбик 162, 282
 тюк 159, 160
 кунштюк 162
 каяк 105, 162
 краковяк 162
 чувяк 162
 австрийк 162
 шапокляк 162
 поляк 162
 известний 282, 283
 коряк 162
 хряк 160
 остяк 108
 дьяк 160
 манык 162
 коньак 282, 283
 мышак 282, 283
 бал 159, 286
 вал 159, 286
 скандал 283
 материал 282
 крахмал 282
 канал 264
 капитал 283
 мэршал 225
 кобэл 270
- Павел 270
 ангел 225
 козёл 270
 узел 162, 190, 191, 257, 264, 270,
 273, 309
 фáкел 225
 мел 159, 282, 286
 пéпел 270, 282, 307
 перепел 223, 224
 вымпел 226
 карéл 229
 орёл 270
 бáкисел 270
 осёл 119, 270, 271, 308
 зáмысел 270
 дóмысел 270
 пóмысел 270
 прóмысел 223, 224, 270, 310
 ýмысел 270
 вýмысел 270
 котёл 270
 вéртел 223, 225
 дáятел 270, 307
 жезл 160
 кизýл 282
 вол 123, 160, 308, 309
 бýйвол 225
 ствол 160
 дýйвол 225
 гол 159
 щегол 270, 308
 ýгол 126, 127, 162, 172, 257, 261,
 262, 264, 270, 273, 286, 309
 дол 108, 158
 идол 225
 подол 162
 кол 158, 160, 172, 237, 286, 311
 кóлокол 124, 125, 223, 224
 соколь (птица, орудие) 162, 224, 229, 309
 салол 282
 мол 286, 287
 пол (половина) 78, 97, 99, 103, 138,
 140, 142, 211, 212, 320
 пол (настил) 111, 159, 286
 пол (биол.) 111, 158
 шóмпол 223, 225
 купол 223, 225
 стол 43, 48, 58, 93, 119, 123, 126,
 127, 128, 160, 172, 186, 190, 309
 чехол 126—128, 261, 262, 264, 270
 хохол 270
 стул 222, 237, 243, 307
 пыль 283, 286
 копыл 158, 162, 172, 237
 тыл 159, 286
 мадам 148, 214
 бальзам 282

- мадаполам 282
 хлам 282
 срам 283
 сам 98, 105, 168, 174, 213, 232, 234,
 241, 243, 246, 306
 заём 161, 190, 191, 264, 270, 271, 307
 наём 161, 264, 270
 поднаём 161, 264, 270
 иереяём 161, 264, 270
 джем 282
 чернозём 282
 тёрем 223, 224, 286
 крем 282
 альтруизм 282
 пим 159, 161
 грим 282
 холм 160
 грамм 228, 229
 килограмм 228, 229
 дом 58, 67, 73, 79, 147, 223
 боржом 282
 ком 237
 лом 158, 227
 псалом 270
 ром 282
 бром 282
 гром 158, 227, 283, 311
 зáкром 223, 224
 сом 160
 том 223
 корм 223, 282, 286, 310
 шторм 227
 хлорофóрм 282
 ум 160
 кум 159, 235, 237, 245, 310
 шум 44, 159, 283
 дым 159, 282, 286, 310
 Крым 286
 изюм 282
 кабáн 162
 чабáн 162
 тагáн 162
 жигáн 162
 цыгáн 228, 229, 307
 лáдан 282
 баклажáн 229
 кожáн 162
 казáн 162
 партизáн 228
 нараzáн 282
 пузáн 162
 стакáн 281
 лáцкан 226
 улáн 228
 флáгман 226
 тýрман 226
 штýрман 223, 226
- тумáн 282
 бóцман 226
 лóцман 226
 мýчман 223, 226
 пан 159, 310
 клáпан 226
 гран 228
 кран 159
 ресторáн 47
 стан 286
 цеплóфáн 282
 брюхáн 162
 чай 159, 286
 кочáн 162, 260, 261, 270, 274, 275, 308
 топчáн 162
 молбéен 270
 бубéн 270, 307
 бóрден 223, 226
 долjéн 87, 98, 99, 168, 258, 264, 270,
 304
 фréкен 214
 лéн 269, 282, 309
 плен 286
 член 50
 туркмéн 229
 тёрен 270
 хрén 282
 новокáйи 282
 кокайи 282
 лезгíйи 228
 оди́н 71, 76, 84, 86, 97, 105, 113,
 138, 157, 212, 213, 218, 241, 246,
 260, 270, 271, 275, 306, 320
 господи́н 158, 172, 187, 190, 225, 228,
 234, 237, 258, 310
 габардýн 282
 дáдин 213, 218, 266, 306
 кодейи 282
 кофейи 282
 аба́зин 228
 кармазíйн 282
 бензíйн 282
 грузíйн 228
 мараскíйн 282
 молескíйн 282
 Пу́шкин 319
 формали́н 282
 гутали́н 282
 нафтали́н 282
 блин 160
 вазелíйн 282
 анили́н 282
 ванили́н 282
 пластили́н 282
 клин 237
 Клин 286
 пеницилли́н 282
 газоли́н 282

- Кóлин 218
 ланолíн 282
 поплýн 282
 муслýн 282
 инсулýн 282
 жасмýн 282
 тмин 282
 молдавáнин 228, 237
 граjданýн 126, 127, 256, 261—264,
 307
 согражданýн 256, 264, 307
 чужакиýн 264
 южаниýн 120, 122, 126, 127, 193,
 264, 307
 христианýн 264
 мещаниýн 264
 мýжчин 213
 хинýн 282
 сантоний 282
 стрихний 282
 славянин 119, 126, 127, 263, 264, 307
 селянин 264
 армянин 119, 228, 237, 243, 264
 дворянин 264
 семьянин 237
 крестьянин 228, 237
 уротропин 282
 бáрин 228, 237
 болгáрин 228, 237
 маргарíн 282
 мандарíн 229
 стеарин 282
 хозáрин 228, 237
 ультрамарин 282
 гардемарин 228
 татáрин 228, 237, 307
 сахарин 282
 ландриин 282
 глицерин 282
 аспириин 282
 декстрин 282
 люстриин 282
 шúрин 159, 222, 235, 237, 245, 310
 кюрин 228
 боярин 228
 мокасин 228
 фуксий 282
 керосин 282
 апельсин 229
 ватий 282
 желатин 282
 дерматин 282
 сатин 282
 имеретин 228
 осетин 228
 бенедиктин 282
 терпентин 282
 бирльянтий 282
 абрикотин 282
 парафин 282
 сарацый 108, 228
 чин 159
 файдешин 282
 крепдешин 282
 арший 228
 Ильин (фамилия) 319
 Ильин (прилагат.) 105, 213, 306
 хозяин 202, 223, 228, 234, 236, 237,
 245, 273, 307
 рейшвейн 282
 глинтвейн 282
 портвейн 282
 фрéйлейн 214
 чéлы 160, 272
 он 52—54, 61, 62, 81, 98, 112, 113,
 133, 138, 149, 157, 212, 218, 242,
 244, 248, 289, 290, 299, 322
 он (буква) 214
 звон 283
 трезвон 283
 самогон 282
 погон 228
 Дон 286
 пирамидон 282
 рожон 270, 275, 308
 кои 158, 159, 286
 дýакон 223, 226
 нейлóн 282
 одеколон 282
 слон 67, 73, 160
 кардамон 282
 гóмон 283
 гудрон 282
 микрон 229
 милимикрон 229
 вбóн 224
 капрон 282
 сон 159, 187, 190, 269
 тон 158, 223
 бетон 282
 ацетон 282
 орочон 229
 крюшон 282
 бульон 282
 дёрн 282
 модёры 98
 трибун 162
 драгун 162, 228
 лгун 160
 тиун (тивун) 162
 кун 160
 ракун 162
 таймун 162
 канун 162
 врун 160
 жрун 160

- түн 160
 тайфун 162
 румын 228
 сын 159, 228, 235, 237, 243, 245, 310
 тын 159
 алтын 228
 дашинаңтүйн 162
 вьюн 160
 гадыбын 162
 сафыян 282

 какао 215
 небо 163, 215, 237, 245, 315
 небо 215
 право 163, 215
 ин-октаво 215
 кружево 163, 256, 263, 315
 дрёво 163, 237, 245, 315
 дерево 215, 229, 237, 257, 314
 прево 105, 215
 Күнцево 319
 слово 163
 чувство 218, 266
 божество 141
 казачество 50
 вещество 127, 128, 173, 215, 315
 существо 141, 315
 меньшинство 163
 лекарство 173
 начальство 50
 благо 163, 215, 265, 314
 его 98, 105
 нёчего 52, 80, 98, 99, 113, 133, 138,
 142, 212, 266, 289, 290, 295, 299, 322
 иго 215
 таго 215
 маренго 98
 нёкого 52, 98, 99, 113, 133, 138, 142,
 212, 266, 280, 281, 289, 295, 299, 320
 мно́го 98, 108, 138, 142, 212, 232, 234
 немно́го 98, 108, 138, 142, 212, 232,
 234
 ладо 215
 стадо 163, 215
 чадо 141, 215, 314
 гнездо 163, 215, 273
 бёрдо 215
 твёрдо 105, 215
 бордо 98
 чудо 119, 163, 215, 237, 243, 245, 315
 юдо 215
 блюдо 163, 215
 байджо 215
 желёзо 215
 ариозо 215
 пузо 215
 радио 215
 облако 163, 173, 215, 227, 229, 315
- гуанако 105, 215
 дрёвко 229, 234, 268, 314
 пивкó 229
 сивкó 229
 гнедкó 229, 280
 вёкко 314
 колёсико 229, 234
 плéчики 229, 234
 лицо 227, 229, 234, 314, 315
 словяйко 314
 мóкко 98
 барóкко 98, 215
 мáнко 215
 фрáнко 215
 порто-фрáнко 215
 Шевчéнко 216
 воронкó 148, 229, 315
 óко 163, 173, 227, 237, 245, 316
 рококó 98, 215
 яблоко 227, 229, 230
 молокó 45, 57, 215, 316
 ведёрко 268, 270, 314
 озеркó 229, 315
 серкó 229
 фиáско 215
 кáско 105, 215
 альфре́ско 105, 215
 войско 163, 202, 227, 270, 315
 дйтятко 141, 314
 облачкó 163, 227, 229, 315
 очкó 61, 215, 227, 229, 315
 молочкó 229
 городишко 148
 Мишкó 216
 домишко 148, 149, 215, 227
 окóшко 266, 270, 271, 314
 ўшкó 163, 229, 234, 316
 чáдышко 314
 пёрышко 227
 брюшкó 215, 239
 Василькó 216
 скóлько 88, 97, 108, 138, 142, 212,
 232, 234
 нéсколько 88, 97, 108, 138, 142, 212,
 232, 234, 320, 324
 столько 88, 97, 108, 138, 142, 232,
 234, 266
 карькó 229, 315
 гало 105, 215
 зёркало 163, 215, 263
 мало 98, 99, 108, 113, 138, 142, 212,
 321
 немало 98, 99, 108, 113, 138, 142,
 212, 321
 начало 49
 таблó 215
 скреблó 163, 270, 273
 стеблó 163, 270, 273

- пузебло 217
 Павлó 216
 тайгло 270, 314
 седмбó 163, 268, 270, 273
 дёло 163
 помелó 163, 237, 273
 селó 163, 272, 273, 316
 тéло 163
 челó 163, 273
 чүчело 163
 зло 270, 274, 298, 315
 мазлó 163, 164, 227, 229, 281, 315
 прáвило 126, 127
 килó 215
 силó 163, 237
 стилó 215
 шайло 237
 кайлó 163
 хайлó 163
 стеклó 163, 270, 273, 316
 скло (сткло) 100, 315
 соло 98, 215
 треплó 108, 163, 164, 227, 229, 281,
 315, 316
 соплó 163
 дуплó 163, 270
 сверлó 163, 268, 273
 жерлó 163, 273
 маслó 60, 163, 190, 191, 256, 270, 315
 веслó 163, 270, 273, 316
 ремеслó 163, 270, 273
 рукомеслó 163, 270, 273
 кресло 173, 270, 314
 теслó 163, 270, 273
 число 127, 163, 173, 215, 270, 271, 316
 рýсло 170
 сýсло 270
 коромыслó 270
 свýсло 270
 перевýсло 270
 прýсло 270
 путлó 163
 рулó 215
 дýшло 270
 мыло 60, 163, 215
 крылó 163, 237
 клеймó 163, 215, 273
 бонмó 214
 ярмó 163
 бельмó 163, 273
 письмó 49, 126, 127, 163, 215, 270,
 271, 273, 316
 триумфó 215
 бревнó 163, 273
 Рóвно 216
 Дубровно 217
 дно 163, 164, 187, 190, 215, 229, 237,
 269, 274, 298, 316
- Грóдно 216
 судно 163, 215, 229, 237, 243, 247,
 315
 ряднó 163
 вéно 215
 звенó 164, 213, 237, 273
 колéно 203, 215, 227, 234, 237, 238,
 245, 314
 полéно 215, 237, 314
 сéно 60, 163, 215
 веретенó 164, 215, 273
 пшено 215
 Гнéзно 216
 винó 164, 187, 190, 215, 272, 316
 Бородинó 319
 кинó 215
 Мárфино 218, 319
 окно 46, 67, 73, 79, 164, 270, 271,
 273, 316
 волокнó 164, 215
 лукнó 105, 164
 сукнó 164
 гумнó 164, 257, 316
 онó 52, 61, 98, 112, 113, 133, 138,
 142, 149, 157, 212, 242, 246, 280,
 281, 289, 299, 322
 лóно 215
 Комáрно 216
 зернó 164, 273
 крóсно 163
 полотнó 164
 пятнó 164
 рунбó 164, 215
 Молодéчно 217
 фортельяно 215
 дейпó 215
 ребró 164, 215, 270, 273
 серебрó 215
 добрó 215
 таврó 163, 215, 316
 бедрó 164, 215, 270, 273
 ведрó 42—44, 48, 120, 122, 164,
 193, 196, 197, 215, 270, 271, 273
 вéдро 215
 полуведрó 78
 ядрó 164, 215, 270, 273
 чéтверо 68, 97, 232, 234
 óзеро 126, 127, 215, 257, 273, 314
 пербó 164, 186, 190, 215, 229, 237,
 273, 316
 сéмеро 97, 100, 232, 234
 восьмérо 97, 100, 232, 234
 шéстеро 97, 100, 232, 234
 дéвятеро 97, 100, 232, 234
 пáятеро 86, 97, 100, 232, 234, 320
 дéсятеро 97, 100, 232, 234
 мýро 215
 метрó 215

- Петró 216
 ўтро 215
 нутрó 215
 колесó 164, 215, 273
 плёсо 163, 215, 272, 315
 прóсо 215
 мясо 163, 215
 злáто 215
 лéто 215
 решетó 164, 215, 273
 жýто 215
 сýто 163, 215
 кто 52, 61, 82, 93, 98, 138, 142, 157,
 212, 218, 241, 246, 280, 281, 322
 нéкто 37, 61, 80, 98, 99, 113, 138,
 142, 211, 212, 322
 никтó 52, 53, 98, 113, 133, 138, 142,
 157, 212, 241, 248, 280, 281, 289,
 290, 299, 322
 болóто 215, 314
 долотó 164, 215, 237
 зóлoto 60, 75, 215
 сто 87, 97, 138, 142, 157, 212, 218,
 233, 234, 322
 мéсто 119, 163, 187, 190, 315
 тéсто 215
 мони́сто 215
 девяни́сто 97, 138, 212, 233, 234, 322
 нéтто 98
 либрéтто 215
 бру́тто 98
 что 61, 62, 93, 98, 138, 142, 147,
 149, 157, 212, 241, 243, 246, 258,
 261, 275, 322
 нéтто 61, 62, 98, 99, 138, 142, 211,
 212, 322
 ничтó 52, 53, 61, 62, 81, 85, 98, 100,
 113, 133, 138, 142, 157, 163, 164,
 212, 241, 246, 261, 275, 289, 299,
 315, 322
 мы́то 215
 копы́то 215
 коры́то 215
 пальтó 42, 43, 44, 46, 215
 комильфó 98
 ýхó 163, 173, 186, 190, 215, 227, 237,
 243, 245, 265, 316
 брюхó 227
 5хó 215
 словцó 315
 ружьецó 215, 315
 лицó 70, 143, 163, 215, 316
 яйцó 163, 257, 260, 275, 316
 берцó 163, 273, 316
 озерцó 163, 273, 316
 палáцко 215
 сельцó 163, 273, 315
 кольцó 126, 127, 163, 257, 270, 316
 крыльцó 163, 164, 316
 плечó 163, 173, 215, 227, 231, 234,
 273, 316
 харчó 215
 драп 282
 шéлеp 224
 чéреp 223, 224
 цеп 160
 трёp 283
 скрип 283
 шип 160
 столп 160
 клоп 160
 снон 160
 поп 160
 сирбó 282
 укрóп 282
 грипп 285
 серп 160
 шурp 105, 160
 óткуп 223, 224
 пуп 160
 струп 237
 сун 159, 282, 286
 вар 282
 навáр 282
 пóвар 223, 225
 товáр 282
 отвáр 282
 нагáр 282
 перегáр 282
 угáр 282
 дар 128, 159, 309
 скипидáр 282
 жар 159, 283, 286, 287
 балкáр 228
 комáр 162
 пар 159, 282, 286
 гусáр 228
 сáхар 44, 45, 226, 282
 гончár 162
 бочáр 162
 янычáр 228
 шар 46, 47, 159, 288, 310
 бобr 160
 тигр 119, 127, 128, 186, 190
 сидр 282
 одр 160
 ер 105
 чабёр 270
 шабёр 270
 скру́ббер 226
 боббр 270
 клéвер 223, 282, 310
 сéвер 226
 кíвер 223

- лайвер 282
 кли́вер 223
 сквер 159
 ковёр 270, 271, 275, 308
 стры́нгер 226
 фли́гер 223, 225
 гренадéр 228
 тэндер 226
 одéр 270
 óрдер 223, 225
 веéр 223, 225
 леéр 223, 226
 никéр 282
 а́нкер 226
 кли́нкер 223, 226
 бу́нкер 223
 юнкер 223
 шу́лер 223, 225
 и́бмер 172, 223, 225, 310
 и́ммер 223
 инженéр 50, 51, 68, 227
 скрéпер 226
 шки́пер 223, 225
 кли́пер 223, 226
 сна́йпер 225
 ампéр 228, 307
 джéмпер 226
 копéр 270
 Хопéр 270
 би́сер 282
 кре́йсер 223, 225
 катéр 223, 225
 альма-мáтер 105, 214
 шатёp 270
 веéter 108, 158, 223, 225, 226, 270,
 283, 286, 307, 310, 311
 свы́тер 226
 харапéтер 172
 бухгáльтер 225
 пойнтер 223
 портер 282
 ма́стер 187, 190, 223, 225, 310
 клéйстер 226, 282
 Остéр 270
 костéр 270
 сéттер 223
 ску́тер 223
 вáхтер 223
 бу́фер 223
 ша́фер 223, 225
 шу́фер 282
 шофéр 226
 бу́фер 223
 офицéр 227
 штúдер 223, 225
 вéчер 223, 225
 ку́черь 223, 225
 фéльдшер 223, 225
 жир 159, 282, 286
 инжíр 282
 башкíр 228
 миp (общество) 286
 миp (слёт) 159
 кашемíр 282
 иниp 159, 286
 кирасíр 228
 зефи́р 282
 кефи́р 282
 эфи́р 282
 бор 159, 286
 тáбор 225
 сбор 61
 вор 158, 311
 двор 160
 гóвор 225
 приговóр 225
 договóр 223, 224
 сгóвор 225
 вýговор 225
 раствóр 282
 багóр 270
 кагóр 282
 бугóр 270, 308
 вздор 283
 помидóр 229
 свёкор 270, 307
 коленкóр 282
 мрамор 282
 юмор 226, 283
 тéнор 223, 225
 гóнор 226, 282, 283
 топóр 122, 128, 164, 194
 спор 124—128, 172
 рýпор 226
 сор 282
 компрессор 226
 профессор 223, 225, 258
 мусор 226, 282
 ефрéйтoр 225
 редáктор 223, 225, 258
 тра́ктор 223, 225
 прожéктор 223, 225, 258
 лéктор 225
 коллéктор 226
 инспéктор 223, 225, 258
 ре́ктор 225
 дирéктор 68, 223, 225, 258
 коррéктор 223, 258
 сéктор 223, 225
 до́ктор 223, 225
 редýктор 226
 кондýктор 223, 225, 258
 инстру́ктор 223, 258
 констрúктор 225
 простóр 283
 хýтор 223, 225

- рокфóр 282
 фóсфор 226, 282
 хор 159, 286
 вихóр 270
 Днепр 161
 Пётр 161
 осéтр 162, 272, 308
 смотр 43, 44, 159, 286
 алебáстр 282
 Днестр 161
 шнур 160
 щур 160
 кныр 105, 160
 сыр 159, 282, 286
 яр 186
 малýр 162
 школýр 162
 столýр 162
 гусля́р 162
 мадья́р 229
- бас 158
 тóрбас 223, 227
 квас 159, 282, 285, 310
 влас 159
 атлáс 282
 пас 159
 час 46, 47, 60, 108, 159, 286, 288, 310
 получáс 78, 85
 вес 223, 283
 овёс 270
 лес 223, 282, 286
 пёс 269
 адрес 223, 226
 хéрес 224, 282
 тéс 282
 тýес 223, 227
 аниc 282
 лайпис 282
 рис 282
 мýссис 214
 абрико́с 229
 сйтос 282
 вóлос 158, 187, 190, 224, 228, 229,
 237, 311
 гóлос 223, 224
 кóлос 126, 127, 224, 237, 257, 263, 307
 нос 159, 286
 пóрос 224
 купорóс 282
 троc 227
 Христóс 162, 238, 243, 245, 309
 пáфос 283
 репс 282
 гипс 282
 ворс 282
 морс 282
 форс 283
- пресс 285
 мисс 214
 ус 159
 кус 159
 прýмус 223, 226
 кóвус 227
 мýнус 227
 сóус 282
 кóрпус 223, 226
 брус 126, 127, 237, 263
 пárус 223, 226
 трус 159
 ýкус 282
 плийтус 227
 мыс 159, 286, 287
 кумýс 282
 юс 158
 флюс 159
 пóлюс 227
 пóяс 223, 227
- великовáт 98, 99
 маловáт 98, 99
 сват 159
 шпагáт 282
 солдáт 46—48, 50, 51, 186, 190, 228, 307
 мускáт 282
 салáт 282
 шпинáт 282
 чемпионáт 124, 125, 128
 брат 49, 159, 237, 307
 собráт 159, 228, 234, 237, 307
 депутат 50
 результат 49
 бáрхат 282
 панбáрхат 282
 хребéт 258—261, 270, 275, 308, 309
 свет (*мир*) 283
 свет (*свещение*) 43, 44, 286
 ответ 49
 цвет 223, 283, 286, 310
 вельvéт 282
 кадéт 228
 скréжет 283
 глазéт 282
 маркизéт 282
 налéт 282
 омлéт 282
 помéт 282
 самолéт 49
 Егíпет 270
 винегрéт 282
 тет-а-тéт 98
 паштéт 282
 óнц 270, 307
 счёт 61, 223, 272, 310
 кит 160
 скит 160, 286

- динаміт 283
 аппетіт 283
 лафіт 283
 щит 160
 гвалт 283
 болт 160
 бант 159
 кант 159
 діскант 227
 талант 283
 рант 159, 286, 287
 студе́нт 307
 брезе́нт 283
 цеме́нт 283
 абсéнт 283
 бінт 160
 вінт 160
 блінт 160
 шплинт 160
 зонт 160
 фронт 158, 227
 унт 161
 бунт (связка) 161
 бунт (мятеж) 159
 шпунт 161
 ґрунт 159, 283, 286
 фунт 159
 таво́т 283
 живо́т 162
 креозо́т 283
 шевио́т 283
 кот 161
 коверкóт 283
 скот 161
 камлóт 283
 мόлот 224
 и́лот 161, 286
 флот 158, 227
 пот 159, 283, 286
 компо́т 283
 рот 269, 286, 287, 308
 крот 161
 вóрот 224
 сот 59, 100, 140, 142, 163, 270, 315
 семьсóт 97, 108, 157, 202, 232, 234,
 242, 246, 270, 274, 321
 восемьсóт 97, 108, 157, 201—203,
 232, 234, 241, 242, 246, 269, 270,
 298, 321
 шестьсóт 97, 108, 157, 202, 232, 234,
 242, 246, 270, 321
 девятьсóт 97, 108, 157, 202, 246, 321
 пятьсóт 87, 97, 108, 157, 202, 221,
 232, 236, 242, 246, 270
 tot 93, 98, 105, 113, 168, 213, 218,
 241, 243, 245, 266, 306
 ётот 97, 105, 113, 213, 236, 241, 245,
 266, 305
- грохот 283
 хóхот 283
 азáрт 283
 чéрт 158, 203, 237, 238, 243, 245,
 272, 311
 спирт 43, 159, 283, 286
 борт 130, 223, 277, 286, 310
 порт 158, 227, 286, 311
 páрорт 227
 аэропо́рт 286
 паспорт 223, 227
 сорпт 124—126, 128, 223, 277
 торт 130, 227
 форт 159
 гурт 161
 ласт 159
 пласт 161
 возраст 225
 асбéст 283
 шéлест 224
 клёст 161, 272
 пест 161
 нéрест 224
 крест 161
 шест 161
 вист 159
 свист 283
 лист 158, 161, 237, 311
 гли́ст 161
 холст 161
 хвост 161
 мост 110, 112, 159, 161, 286
 пост (религиозн.) 161, 286
 пост (воен.) 161, 286
 рост 227, 283
 хвóрост 60, 75, 224, 283
 тост 159
 перст 161
 куст 161
 хлыст 161
 хлюст 161
 ватт 228
 киловáтт 228
 гектовáтт 228
 жгут 161
 мазýт 283
 лоскýт 158, 237
 якýт 162
 плут 161
 омут 223, 227
 хомýт 162
 кнут 161
 прут 158, 161, 237
 шуг 161
 лифт 159
 прифт 159
 штифт 161, 286

- быт 286
 быт 283
 альт 160
 вольт (*поворот*) 286
 вольт (*электр.*) 228
 бурят 228
 сёмъдесят 97, 202, 241, 242, 246,
 257, 321
 восьмъдесят 97, 201—203, 241, 242,
 244, 246, 257, 270, 298, 321
 шестьдесят 97, 202, 241, 242, 246,
 256, 321
 пятьдесят 97, 202, 241, 242, 243,
 246, 256, 266, 321

 фрау 214
 урдү 98
 кенгуру 214
 банту 98
 пушту 98

 шкаф 42—44, 53, 159, 286
 штраф 283
 тиф 159, 286, 287
 торф 283
 пах 286, 308
 зáпах 283
 мех (*животных*) 223, 283, 286
 мех (*кузнецкий*) 159
 лéмёд 162, 223, 224, 227, 309
 смех 60, 283
 брёх 283
 жéрех 224
 грех 162
 цех 111, 112, 223, 286
 их 98, 105
 цирлих-манырлих 98
 жеи́х 162
 штрих 161
 стих 161
 мох 269, 283, 286, 287, 309
 вóрох 223, 224
 горóх 283
 пóрох 223, 224, 283, 310
 шорох 224
 потрох 223, 227
 верх 159, 223, 286, 310
 обух 112, 162
 вóздух 283
 кожúх 162
 пух 283, 286, 308
 лопúх 162
 болтух 162
 петух 162
 питух 162
 пастух 162
 овчух 162
 жмых 161

 шлях 159, 286, 287
 плац 286, 308
 китáец 269, 275, 308
 гóлбéц 269
 столбéц 269
 дровéц 99, 142, 211, 269, 279, 315
 червéц 269
 швец 160
 норвéжец 308
 ковчéжец 308
 лжец 160
 резéц 269
 морбóец 283
 валéц 309
 смáлец 283, 308
 пáлец 123, 269, 308
 владéлец 123, 308
 вýжлец 269
 жилéц 309
 флец 160
 нéмец 308
 мáрганец 283
 рáнец 308
 жинéц 160
 áгнeц 269
 кузнéц 309
 конéц 49, 309
 боец 269, 271, 309
 спец 160
 купец 309
 сúпец 283
 чабréц 309
 пéрец 283, 308
 жрец 160
 ситец 283
 отéц 252, 266, 269
 крестéц 269
 истéц 269
 чистéц 269
 хвостéц 269
 льстец 160
 чтец 160
 волчéц 269, 309
 щец 99, 142, 211, 279, 315
 шириц 159
 принц 308
 заяц 251, 261, 269, 274, 275, 308
 мéсяц 49, 227, 308

 рвач 160
 карагáч 161
 богáч 309
 ткач 160
 плач 160
 врач 48, 53, 68—70, 79, 160
 грач 160
 драч 160
 меч 160

- бич 160
 клич 160
 спич 160
 харч 159, 310
 луч 160
 обруч 158, 311
 смыч 160
 хрыч 160
 смыч 160
 ключ 160
 мяч 160
 ват 98, 105, 128, 213, 214, 266, 306, 319
 чуваш 161
 карандаш 161
 чардаш 161
 наш 98, 105, 128, 213, 214, 266, 306, 319
 наш (буква) 214
 апаш 98, 161
 ягдтапш 161
 ковш 160
 клещ 161
 кулбаш 161
 кипчмаш 161
 фетиш 161
 шинш 160
 чинш 160
 пунш 160, 283, 308
 бош 160
 кош 160
 грош 160
 марш 160, 308
 фарш 160, 283, 308
 ёрш 160, 272, 309
 перш 160
 бурш 160
 ингуш 161
 душ 160
 күш 160
 түш 160
 күнтүш 161
 плюш 160
 рюш 160
 гуляш 161
 плащ 160
 праш 160
 лещ 160
 подлещ 161
 клещ 160
 свищ 160
 товарищ 308
 бвощ 158, 311
 хвощ 160
 борщ 160
 хрущ 160
 хлыщ 160
 прыщ 160
- плющ 160
 хрящ 160
 катакомбы 60
 вы 53, 62, 98, 113, 138, 142, 157, 211,
 232, 234, 321
 Кундрявы 144
 абразивы 142
 консервы 142
 мириады 60
 нелады 60
 Брэды 146
 Бескіды 144
 Нидерланды 144
 разводы 142
 проводы 142
 рόды 142
 всхбы 60, 142
 клавикорды 142
 пересуды 142
 Вогезы 144
 Северные Увалы 144
 причиналы 142
 стройматериалы 142
 инициалы 60
 аниалы 142, 307
 шпалы 60
 козлы 270, 312
 Аўлы 144
 брылы 61, 142, 312
 мы 52, 62, 98, 113, 138, 142, 157,
 212, 232, 234, 242, 244, 246, 321
 Кўмы 144
 Амираджаны 144
 Бўчманы 144
 Балханы 144
 бўбны 167, 313
 молодожёны 99, 105, 307
 ножны 142, 270, 312
 Ромны 144
 вавилоны 142
 похороны 167, 313
 Россоны 144
 перуны 142
 глазенапы 142
 растабары 142
 промтовары 142
 ларьи 142
 Стокары 144
 хозары 60
 ерэ 105, 214
 кадры 142
 сборы 60, 61
 выборы 142, 225
 перевыборы 142
 довыборы 142
 переговоры 142
 перекоры 142

- огнеупоры 142
хóры 142
часы 59, 60, 77, 148
весы 173, 319
вóлосы 61, 105, 142, 167, 313
финáнсы 60
Черка́ссы 144
Йссы 144
Чáусы 144
бúсы 142, 173, 312
Миúсы 144
баля́сы 142
ты 62, 81, 98, 113, 138, 140, 142,
147, 157, 212, 232, 234, 242, 243,
244, 246, 265, 295, 298, 321
дебáты 142
пенáты 142
шáхматы 126, 127, 263
счёты 61, 142
хамиты 60
Апатáты 144
хáнты 214
медикамéнты 60
хлóпоты 60, 126, 127, 257, 263, 312
сóты 142
полверсты 78
плоскозúбыцы 308
близнецы 60
нóжницы 58, 59, 77, 148, 173, 278, 312
щипцы 309
рцы 105, 214
Люберцы 144
Абрóуцы 144
пáльцы 142, 270, 312
- Обь 166
дробь 167
скоробь 167
глубь 287
гóлубь 143, 158, 172
зыбь 167
любóвь 166, 186, 190, 270, 317
Любóвь 216, 270
нелюбóвь 166, 270, 317
цéрковь 167, 228, 239, 245, 270, 317
бровь 167, 287
кровь 108, 167, 228, 287
червь 61, 143, 158, 311
ветвь 167
тетра́дь 172, 186, 190
лошадь 167, 231, 316
пло́щадь 167, 172, 228
лéбедь 143, 158
медвéдь 143
дóведь 167
медь 57, 58, 60, 75, 285
бóчерь 167, 228
вождь 143, 160
- дождь 143, 160, 308
гвóзнь 143, 158, 187, 190, 277, 311
гроздь 167, 228, 230, 234, 237, 316
гру́зь 143, 158, 311
подгру́зь 143
грида 143
госпóдь 143, 238, 243, 245, 256, 307
жердь 167
жёлудь 143, 158, 272, 311
грудь 156, 167, 287
сельдь 167
стéрлядь 167, 316
пядь 167
блажь 143
молодёжь 143
зáлежь 144, 275, 277, 316
холостéжь 144
ложь 144, 166, 269, 271, 317
рожь 143, 166, 269, 317
дрожь 143
ухожь 143
ўпряжь 143
пристяжь 143
клáдезь 143
колóдезь 143
ферзь 143, 160
язь 143, 160
связь 287
пéнязь 105, 143
князь 143, 159, 228, 234, 237, 310
грязь 61, 282
вítязь 143
зáваль 144
шавáль 143
рóзваль 144
ковáль 161
шúшваль 144
рогáль 161
строгáль 161
даль 277, 287, 316
пáдаль 144
медáль 144
педáль 144
нéвидаль 144
миндáль 161, 283
удаль 144
флореáль 143
скрижáль 144
газáль 144
пrierиáль 143
вертика́ль 144
перка́ль 144
моска́ль 161
митка́ль 161, 283
эмáль 144
нормáль 144
антеклиниáль 105, 144
синклиниáль 105, 144

- жерминáль 143
 диагональ 144
 марáль 144
 враль 143, 160
 февраль 143, 161
 спирáль 144
 морáль 144
 пасторáль 144
 центрáль 144
 магистрálъ 144
 сусáль 144
 детáль 144
 вежетáль 144
 капитáль 144
 гóспитáль 158, 226
 горизонтáль 144
 потáль 144
 ýсталь 144
 хрустáль 161
 вуáль 144
 этауáль 144
 кефáль 144
 печáль 144
 пищáль 144
 корáбль 161
 рубль 160
 голáвль (голóвль) 161
 жуráвль 161
 кегль 160
 мангль 160
 Парабéль 145
 тáбель 144, 223
 штáбель 223
 мебель 144
 стéбель 158, 270, 311
 гýбель 144
 погибель 144
 кобéль 143, 161
 пробель 105, 144
 рубéль 143, 161
 дýбель 223, 226
 Вель 145
 жавéль 143, 161
 журавéль 143, 270
 щавéль 143, 161
 гель 105, 143, 160
 флигель 223, 225
 тýгель 270
 гидрогéль 105, 143
 бýгель 226
 ягель 226
 Адéль 216
 крéндель 158, 223, 226
 бордéль 143
 пýдель 223
 Гжель 145
 дíзель 226
 Жизéль 216
- вéнзель 223
 трéнзель 226
 Гюзéль 216
 спаниéль 105, 143
 никель 226
 шéнкель 223, 226
 вýнкель 105, 223, 226
 мель 44, 287
 кóмель 270
 кáломель 144
 Гостóмель 270
 óтмель 144
 хмель 143, 160, 283, 286, 307
 шмель 143, 160
 Нинéль 216
 полишинéль 143
 туннéль (тоннéль) 143
 стáпель 223, 226
 штáпель 283
 рóстепель 144
 óттепель 144
 штéмпель 223, 225
 рýмпель 226
 сапрóпель 143
 нýппель 223, 226
 скарпéль 143, 161
 дýпель 223
 апрéль 143
 менестрéль 143
 сель 105, 143, 160
 кисéль 161, 283, 309
 вéксель 223, 225
 штéпсель 223, 225
 мускатéль 105, 143
 добродéтель 144
 нéтель 144
 обýтель 144
 жýтель 225, 307
 кýтель 223, 225, 310
 зýтель 225
 мстítель 225
 учýтель 93, 172, 223, 225, 258
 отéль 143
 метрдóтель 143
 мотéль 105, 143
 картéль 143
 свиристéль 143
 волостéль 105, 143
 коростéль 143, 161
 фýхтель 158, 226
 кáфель 226, 283
 грифель 226
 картбóфель 283, 307
 портфéль 143
 трибóфель 160, 228
 шийцель 226
 кáшель 270
 кошéль 143, 161

- Ла-Рошель 145
 щель 167, 287
 свиль 144
 гиль 144
 драйиль 225
 кизиль 161
 киль 160
 кокиль 158, 258
 ваниль 144
 гниль 144
 кошениль 144
 шпиль 159, 160
 кадриль 144
 Сесиль 216
 Люсиль 216
 фитиль 161
 москотиль 144
 стиль 160, 307
 штиль 159, 160
 профиль 225
 Рахиль 216
 епитрахиль 144
 рокайль 143
 билль 160
 тролль 160
 кремль 160
 боль 144, 167
 Оболь 145
 соболь 158, 223, 226
 голль 144
 щёголь 225
 юголь 158, 172, 237, 257, 264, 269,
 270, 274, 307, 311
 юдоль 144
 золь 105, 160
 мозоль 144
 триобль 144
 лакфиоль 144
 желтофиоль 144
 моль (*насекомое*) 144
 моль (*брюана*) 160
 смоль 144
 ноль (*нуль*) 160
 тополь 223, 225
 роль 144, 167
 бандероль 144
 кроль 105, 160
 король 161
 гастроль 144
 соль 167
 соль (*натяга*) 214
 парасоль 144
 толь 160
 вакуоль 105, 144
 опухоль 144
 вихухоль 144
 воноль 160
 Нерль 145
- отрасль 167, 228
 нёдоросль 144
 мысьль 172, 277
 куль 160
 циркуль 225
 куркуль 161
 óмуль 158
 руль 160
 патруль 161
 быль 144
 нёбыль 144
 прибыль 144, 167
 бобиль 161
 чернобыль 144
 горбиль 161
 ўбыль 144
 ковыль 161
 подмыль 144
 пыль 144, 287
 мотыль 161
 костыль 161
 бутыль 144
 эль 160
 дуэль 144
 Айгиль 216
 мюль 160
 тюль 160
 семь 97, 138, 142, 212, 321
 восьмь 97, 113, 138, 142, 203, 212,
 241, 246, 257, 264, 270, 271, 321
 Омь 166
 Томь 166
 Пермь 166
 дуба́нь 143
 Тайвáнь 145
 лань 316
 фильтамиань 143
 пристань 167, 228
 росстань 167
 гуань 143
 Ухáнь 145
 Тянь-Шáнь 145
 юань 105, 143
 огнь 100, 113, 140, 143, 160, 308
 гребень 270
 щебень 283, 307
 ревень 161, 283
 ливень 307
 Свеснь 145
 иробивень 270
 день 269
 дребодéнь 143
 уздень 161
 иолдень 238, 244, 245, 257, 307
 господень 98, 213, 266, 270, 271, 306
 пядень 143
 сажéнь 143, 167, 239, 256, 317
 межéнь 143

- стéржень 307
 Мээбий 145
 ёползень 270
 Пльзенъ 145
 лень 143
 увалень 307
 зéленъ 143
 пра́зелень 105, 143
 прóзелень 105, 143
 олéнь 161, 266
 гóлень 143
 тюлéнь 161
 кáмень 108, 158, 237, 257, 269, 271,
 307
 плáмень 100, 113, 138, 270, 308
 рáмень 105, 143
 ремéнь 161, 270, 309
 кремéнь 270
 тéмень 143
 таймéнь 161
 чекмéнь 161
 кетмéнь 161
 сухмéнь 143
 ячméнь 161, 283
 цельмéнь 161
 ильмéнь 161
 Тюмéнь 143
 пень 269
 слепéнь 270, 309
 стéпень 143, 167
 кíпень 143
 ступéнь 143, 167, 172, 258
 переступéнь 270
 пárень 158, 311
 шагрéнь 143
 мигрéнь 143
 Ирéнь 145
 сирéнь 143
 кóрень 158, 237
 дурéнь 307
 курéнь 161
 Турéнь 145
 сень 143
 плéсень 143
 осень 143
 Усéнь 145
 ясень 270
 тень 143, 167, 218, 287
 светотéнь 143
 бюллетéнь 161
 плетéнь 270
 стéнь 143
 кистéнь 161
 пéрстенъ 158
 полуутéнь 104, 143, 287
 пéчень 143
 мишéнь 143
 шéршень 270, 307
- жeпышéнь 161
 Тяньцзéнь 145
 линь 143, 160
 Ильхурий-Алинь 145
 Сихотé-Алинь 145
 шпинъ (шпень, шпынъ) 143, 160
 огóнь 143, 270, 309
 конь 143, 158, 172, 187, 190, 191,
 277, 311
 бкунь 143, 158
 лушъ 143, 160
 шампúнь 143
 ибнь 143
 Аллáх-Юпъ 145
 степь 156, 167, 287, 316
 цепь 156, 167, 287
 янвáрь 143
 кíноварь 144
 утварь 144
 Агáрь 216
 йэгарь 105, 144
 прýгарь 144
 бéздарь 144
 господáрь 161
 сúдарь 225
 госудáрь 161
 лéкарь 158, 226
 пéкарь 223, 225
 тóкарь 223, 225
 ларь 144, 160
 слесáрь 223, 225
 пýсарь 223, 225
 сиаксáрь 161
 пçарь 144, 160
 янтáрь 283
 пáхарь 225
 ýхарь 225
 царь 146, 160, 186, 190, 309
 ерь 105, 144, 160
 дверь 43, 167, 317
 дéверь 159, 228, 231, 234, 237, 287,
 310
 зверь 144, 158, 187, 190, 231, 311
 Тверь 166
 лáгерь 223, 225
 éгерь 223, 225, 310
 ма́терь 144, 167
 прамáтерь 144
 богомáтерь 144
 Суéрь 145
 Сибирь 145
 имбíрь 283
 визíрь 161
 цифíрь 144
 Эсфиýрь 216
 планши́ръ 161
 ўгорь 162, 257, 264, 270, 309
 осокóрь 161

- якорь 223, 225
 хорь 144, 160
 вихорь 270, 307
 венгрь 160
 вихрь 160
 козырь 158, 311
 ясырь 161
 нашатырь 283
 псалтырь 144
 штырь 144, 160
 карасть 143, 162
 весь 86, 98, 105, 168, 213, 218, 226,
 269, 271, 306
 лётопись 167
 ось 156, 167, 287
 лось 143, 158
 лосось 143
 гусь 143, 159
 Русь 166, 317
 рысь 167, 287
 пôдать 167
 мать 49, 167, 203, 228, 238, 243,
 245, 317
 тать 143, 160
 стать 167
 двадцать 87, 97, 157, 257, 264, 321
 двенадцать 97, 119, 134, 137
 тринадцать 97
 семнадцать 97
 восемнадцать 97
 одиннадцать 87, 97, 321
 четырнадцать 97
 шестнадцать 97
 девятнадцать 97
 пятнадцать 97
 тридцать 97, 157, 257, 264, 321
 Кеть 166
 клеть 167, 283
 илеть 167, 231
 треть 167
 сеть 167, 287
 дёготь 143, 270, 283, 307
 коготь 143, 158, 270, 311
 ноготь 143, 158, 270
 лёкоть 143, 158, 270
 полоть (полть) 167
 ломоть 143, 158, 270, 309
 лапоть 145, 158, 270
 чётверть 167
 смерть 167
 скáтерть 167
 бортъ 108, 167
 областъ 167, 228, 316
 власть 167
 сласть 167
 масть 167
 снасть 167
 лóпастъ 167
- прóпасть 167
 страсть 167
 часть 167, 287
 весть 167
 побость 167
 десь 167
 тесь 143, 160
 чесь 167
 почесть 134, 137, 172
 поесть 97, 138, 142, 212, 321
 кисть 127, 128, 167
 нéхристъ 143
 полсть 167
 ость 167
 побость 167
 гость 143, 158, 311
 радость 266, 316
 гордость 57
 кость 167, 231, 287
 плóскость 167
 вóльность 167
 нóлость 167
 вéдомость 167
 дóлжность 167
 крéпость 167
 храбрость 58
 скóрость 167, 228
 трость 167
 шерсты 167
 горсть 167, 287
 чéлость 167
 путь 143, 160, 214, 218, 221, 266, 316
 нефть 60, 285
 ять 143, 160
 лéвять 97, 138, 142, 157, 212, 257,
 264, 321
 зять 143, 159, 237, 310
 пять 77, 84, 86, 97, 119, 138, 142,
 147, 157, 212, 218, 321
 лéсять 97, 138, 142, 148, 157, 212,
 257, 264, 321
 Юдифь 216
 Суламíфь 216
 Руфь 216
 печь 42—44, 143, 156, 167, 277, 287,
 317
 речь 143, 167, 277
 грóречь 143
 течь 143
 картéчъ 143
 дичь 143
 жёлчъ 143
 дочь 143, 167, 228, 231, 238, 245, 317
 мéлочь 143, 167
 щёлочь 143, 167, 272, 317
 свóлочь 143, 167, 317
 бéстолочь 143
 мочь 143

- нéмочь 143
 ночь 46, 49, 134, 143, 167, 172, 275,
 287
 полночь 143, 238, 245, 257, 316
 полуночь 143
 гуашь 143
 плеши 143
 фleshь 143
 брешь 143
 тиши 44, 143, 287, 316
 воишь 143, 166, 187, 190, 269, 317
 бриошь 143
 рбоскошь 143
 броишь 143
 вётошь 143
 пустошь 143
 глушь 143, 166, 317
 пдпушь 143
 сушь 143
 тушь 143
 ртуть 143
 чушь 143
 мышь 134, 143, 167, 187, 190, 266,
 275, 277, 317
 фальшь 143
 вещь 143, 167, 277, 317
 пещь 143, 167, 287
 толщь 143
 мощь 143
 нéмошь 143
 помошь 143

 алóэ 214

 интервью 214

 я 52—54, 62, 80, 81, 98, 113, 138,
 140, 142, 147, 157, 212, 232, 234,
 241—244, 246, 265, 295, 298, 321
 столовая 46—48, 318
 свáя 214
 прихóжая 318
 чужáя 318
 борáя 318
 мастерская 46, 47, 318
 парикмахерская 318
 русская 318
 прямáя 173, 218
 горничная 318
 больнáя 96
 Лиепая 217
 стáя 214, 264, 266, 275, 312
 запятáя 318
 глухáя 318
 гончая 318
 себá 52, 61, 80—82, 85, 97, 98, 113,
 138, 140, 142, 157, 203, 212, 232,
 234, 242, 246, 321

 Волóдя 231
 дядя 159, 164, 173, 202, 228, 230,
 231, 234, 237, 313
 швей 166, 313
 тавлей 108, 165
 колей 313
 щея 166
 змей 165, 313
 жней 166
 фéя 312
 стея 166, 313
 эрзя 230
 судий 211, 232, 234, 313
 паремий 211, 232, 234, 313
 армия 50, 51, 93
 прёния 279, 315
 линия 264, 266, 312
 пария 230
 кшáтия 230
 литий 211, 232, 234, 313
 пифия 312
 Зульфий 313
 майя 98, 105, 214
 Майя 312
 секвойя 105, 275, 312
 паранойя 275
 ля 214
 сабля 268
 кёгия 230, 231
 пустомёля 230
 Виртсиля 217
 пакля 230
 сакля 230, 231, 268, 312
 цыкля 230
 букия (пукля) 230, 231
 землй 165, 257, 314
 мямля 230
 доля 127, 128, 164, 173, 231, 313
 семядоля (семенодоля) 230, 231
 капля 271, 312
 цапля 231, 312
 сопля 164, 165, 314
 марля 230
 тля 166, 187, 190, 312
 путля 230
 ходуля 230, 231
 каракуля 230, 231
 пулья 264, 312
 рокля 230, 231, 312
 Аутинкуля 217
 пламя 163, 238
 знамя 163, 238, 257, 317
 плёмя 163, 238
 бремя 163, 238
 время 163, 238
 беремя 163, 238
 стрёмя 163, 202, 214, 236, 238, 261,
 273, 275, 317

- сёмя 163, 202, 236, 238, 243, 261,
 273, 275, 317
 тёмя 163, 238
 юмы 163, 214, 218, 238, 243, 266, 317
 полу́ымя 104, 158, 238
 вы́мы 163, 238
 поль́ымя 100, 163, 236, 273, 317
 папа́ния 231
 ста́вия 230, 231
 дерёвия 164, 173, 187, 190, 231, 238,
 258, 313
 ро́вия 108, 230, 231
 нербовия 230
 свóдия 230, 231, 312
 скhóдия 230, 231
 зеленá 142, 228, 279, 309
 пёния 230, 231
 офёния 230
 горшёния 230
 тамбожия 312
 вознá 75
 боги́ния 312
 бойня 270, 312
 двойня 239
 соня 231
 тихо́ния 230
 ступни́я 107, 186, 190, 313
 шестерни́я 231, 239, 313
 пёсня 239
 беготни́я 60
 сотня 312
 плутни́я 230, 231, 312
 лботни́я 231
 чу́ния 230, 231
 брехни́я 313
 кухня 238, 312
 башня 270, 271
 пепни́я 165, 166, 239, 313
 прыгоро́шня 230, 312
 барышни́я 312
 боярышни́я 238, 312
 простыни́я 164, 231, 264, 314
 спальни́я 239, 270, 312
 цбия 231
 Отечия 217
 заря́ 164, 165, 202, 231, 261, 275,
 313, 314
 ноздря́ 164, 165, 186, 190, 316
 растёря 230
 распра́я 230, 231, 312
 буря 266
- фря 312
 Вáся 231
 пресмыкающеся 214, 218, 318
 брачующеся 100, 318
 выдающийся 213, 218, 266, 306
 делающийся 218
 въбывающийся 213
 трудящийся 214, 218, 318
 поросся 100, 113, 140, 143, 163, 164,
 214, 317
 учáщаяся 214, 218, 318
 бáтia 230
 Пéтia 231
 тéтia 204, 230, 312
 дитя́ 108, 140, 141, 143, 147, 163,
 173, 179, 186, 190, 196, 203, 214,
 227, 231, 232, 234, 235, 237, 239,
 243, 257, 317
 культи́я 166
 титя 230
 струй 165, 313
 поцадль 313
 объедль 224, 279
 судьи́я 128, 165, 166, 257, 313
 кéлья 312
 уголья 279
 Чалукья 230
 скамьи́я 164, 314
 семье́я 165, 166, 257, 313
 ештимья 260, 275, 313
 корéнья 224, 237, 279
 екстенъя 260, 275, 313
 свини́я 128, 165, 166, 257, 313
 полынъя 275
 отрёпъя 279
 хлóпъя 224, 279, 308
 охлóпъя 279
 Мáуръя 230
 манатъя 260, 261, 275, 313
 статья́ 270, 271, 313
 трéтья 214, 319
 лохмόтья 224, 270, 279
 го́стья 270, 312
 дёвиčья 214, 319
 ипчый 214, 218, 319
 стрúчья 224, 279
 вайшья 230
 Яя 217
 малолётни́я 318
 преисподни́я 318

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- А ванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- А ванесов Р. И. Ударение в современном русском литературном языке. М., 1958.
- А ванесов Р. И. и Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I. Фонетика и морфология. М., 1945.
- Б ог о р одицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Изд. 5. М., 1935.
- Б ог о р одицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 4. М., 1939.
- Б ор ковский В. И. и Кузнецова П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Виноградов В. В. О формах слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. III, вып. 1.
- Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.
- Винокур Г. О. Форма слова и части речи в русском языке. — «Избр. работы по русскому языку». М., 1959.
- Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики полнее изложенная. Изд. 10. СПб., 1859.
- Грамматика русского языка, т. I. Морфология. М., Изд-во АН СССР, 1952.
- Д обрушин Р. Л. Математические методы в лингвистике. «Математическое просвещение», вып. 6, М., 1961.
- Д ури ов о Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., 1924.
- Д ури ов о Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка, вып. 1. М., 1924.
- И саченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, 1954.
- Карпевский С. И. Повторительный курс русского языка. М.—Л., 1928.
- Кузнецова П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Кузнецова П. С. О принципах изучения грамматики. М., 1961.
- Курилович Е. Система русского ударения. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Мельчук И. А. О некоторых типах языковых значений. — В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчука, Е. В. Падучева и Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., 1961.
- Обнорский С. И. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927; вып. 2, Л., 1931.
- Откупщиков М. И. и Фитталов С. Я. Система морфологического синтеза для русского языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 1.
- Петорсон М. Н. Русский язык. М.—Л., 1925.

- П е т е р с о н М. Н. Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941.
- П е ш к о в с к и й А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956.
- Р е ф о� м а т с к и й А. А. Число и грамматика. «Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова». М.-Л., 1960.
- С м и р и н ц к и й А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества слова»). «Труды Ин-та языкоznания АН СССР», т. IV. М., 1954.
- С м и р и н ц к и й А. И. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.
- Т олковый словарь русского языка, т. I. Под ред. Д. И. Ушакова. М., 1935 (вступит. статья «Как пользоваться словарем»).
- У с п е н с к и й В. А. К определению падежа по А. Н. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», 1957, № 5.
- У ш а к о в Д. Н. Краткое введение в науку о языке. Изд. 5. М., 1929.
- Ф о р т у п а т о в Ф. Ф. Сравнительное языковедение. — Избр. труды, т. I. М., 1956.
- Х а л л е М. О правилах русского спряжения. «American contributions to the V-th International congress of slavists». The Hague, 1963.
- Ш а х м а т о в А. А. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941.
- Щ е р б а Л. В. О частях речи в русском языке. «Избр. работы по русскому языку». М., 1957.
- Ю п и м а н о в Н. В. Грамматика иностранных слов. — В кн.: «Словарь иностранных слов». ОГИЗ, 1933.
- Я к о б с о н Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм). «American contributions to the IV-th International congress of slavicists». 's-Gravenhage, 1958.
- B lo o m f i e l d L. Menomini morphophonemics. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 8, 1939.
- D a v y d o ff G., P a u l i a t P. Précis d'accentuation russe. Paris, 1959.
- D u r g o n o v N. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», 1922, т. II.
- D u r g o n o v N. La catégorie du genre en russe moderne. «Revue des études slaves», 1924, т. IV.
- Đ u r o v i č L'. Paradigmatika spisovnej ruštiny. Bratislava, 1964.
- H a l l e M. The sound pattern of Russian (a linguistic and acoustic investigation). 's-Gravenhage, 1959.
- H j e l m s l e v L. Animé et inanimé, personnel et non-personnel. «Travaux de l'Institut de Linguistique», I. Paris, 1956.
- I s a č e n k o A. V. Die Russische Sprache der Gegenwart, Teil I. Formenlehre. Halle, 1962.
- J a k o b s o n R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutung der russischen Kasus. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 6, 1936.
- J a k o b s o n R. Russian conjugation. «Word», 1948, 4, № 3.
- J a k o b s o n R. The relationship between genitive and plural in the declension of Russian nouns. «Scando-slavica», 1957, v. III.
- K a r c e v s k i S. Sur la structure du substantif russe. «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario... oblata». Prague, 1932.
- K i p a r s k y V. Der Wortakzent der Russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- T e s n i è r e L. Petite grammaire russe. Paris, 1945.
- T r a g e r G. L. Russian declensional morphemes. «Language», v. 29, 1953.
- T r u b e t z k o y N. S. Das morphonologische System der russischen Sprache. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 5, 1934, № 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- АГ — Грамматика русского языка, т. I. Фонетика и морфология. М., Изд-во АН СССР, 1960.
- АО — Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.
- Бильф. — Н. Н. Bielfeldt. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958.
- Был. — Словарь ударений для работников радио и телевидения. Под ред. К. И. Былинского. М., 1960.
- Ож. — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 5. М., 1963.
- Орф. — Орфографический словарь русского языка. Изд. 5. М., 1963.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1950—1965.
- Уш. — Толковый словарь русского языка, т. I—IV. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

И. — именительный падеж

Р. — родительный падеж

Д. — дательный падеж

В. — винительный падеж

Т. — творительный падеж

П. — предложный падеж

Р₂ — 2-й родительный (количественно-отделительный) падеж (см. § 2.7)

П₂ — 2-й предложный (местный) падеж (см. § 2.6)

ед. (ч.) — единственное число

мн. (ч.) — множественное число

муж. — мужской род

жен. — женский род

сред. — средний род

парн. — парный род (см. § 2.19)

одуш. — одушевленный

неод. — неодушевленный

атрибут. — атрибутивный (см. § 2.23)

неатрибут. — неатрибутивный (см. § 2.23)

знач. — значение

морф. — морфологический

обл. — областной

перен. — переносный

простореч. — просторечный

согласоват. — согласовательный

устар. — устаревший

C — согласная (буква)

Г — гласная (буква)

Ш — *ш*, *ж*, *ч* или *щ*

K — *к*, *г* или *х*

| — знак, отделяющий основу от окончания

/ — знак, разделяющий ступени чередования; может заменяться горизонтальной чертой (—)

// — «наряду с, параллельно» (указывает на то, что слово обладает рассматриваемым свойством лишь в одном из вариантов парадигмы) (см. § 4.3)

Ø — пустая цепочка («нулевой элемент»); может заменяться записью «нуль»

— пробел между словами; граница слова

→ — «заменяется на», «переходит в»

* — 1) над строкой перед некоторой буквенной цепочкой — знак гипотетичности или реконструкции; 2) на строке — знак чередования беглой гласной с нулем (см. § 6.24 и 6.26).

Значение любого другого вспомогательного символа разъясняется в том же параграфе, где этот символ использован.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Общее (§ 0.1) — 3*. Синтез и классификация (§ 0.2) — 4.	
Различительные признаки и их значения. Типы классификации (§ 0.3) — 6. Описываемая форма языка (§ 0.4) — 9. Вспомогательные указания (§ 0.5) — 11. Строение книги (§ 0. 6) — 13.	

Ч а с т ь п е р в а я .

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В РУССКИХ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМАХ

Глава 1. Исходные положения	19
------------------------------------	----

 Общее (§ 1. 1) — 19. Различные смыслы слова «слово»: сегмент, словоформа, лексема (§ 1.2) — 19. Элементы значения (§ 1.3) — 22. Номинативные и синтаксические элементы значения (§ 1.4) — 23. Грамматические и неграмматические элементы значения (§ 1.5) — 24. Граммемы и грамматические категории (§ 1.6) — 26. Лексема (§ 1.7) — 27. Парадигма (§ 1.8) — 30. Словоизменительные и классифицирующие грамматические категории (§ 1.9) — 31. Словоизменительное грамматическое значение (грамматическая форма) (§ 1.10) — 32. Грамматический разряд слов (§ 1.11) — 33.

Глава 2. Грамматические категории русских имен	35
---	----

 Общее (§ 2.1) — 35.

 Грамматические категории предметных слов

 Грамматическая категория падежа. Общее (§ 2.2—2.4) — 36. Шесть основных падежей (§ 2.5) — 42. 2-й предложный (местный) падеж (§ 2.6) — 43. 2-й родительный (количественно-отделительный) падеж (§ 2.7) — 44. Счетная форма (§ 2.8) — 46. Вопрос о существовании других падежей (§ 2.9) — 49. Падежи у местоимений-существительных. Увеличение числа падежей (§ 2.10) — 52.

 Грамматическая категория числа. Число у существительных (кроме singularia и pluralia tantum) (§ 2.11) — 55. Число у singularia и pluralia tantum (§ 2.12) — 57. Вопрос о числе у местоимений-существительных (§ 2.13) — 61.

 Грамматическая категория согласовательного класса (= категория рода+категория одушевленности—неодушевленности). Понятие согласования (§ 2.14) — 62. Согласовательные классы

* Цифры после тире означают страницы. Словом «общее» обозначены начальные рубрики глав и разделов, не имеющие заголовков в тексте книги.

(§ 2.15—2.16) — 66. Грамматическая категория «согласовательный класс» как соединение грамматических категорий рода и одушевленности—неодушевленности (§ 2.17) — 73. Существование 7-го согласовательного класса (§ 2.18) — 75. Место 7-го согласовательного класса среди остальных (§ 2.19) — 78. Вопрос о согласовательных классах у местоимений-существительных (§ 2.20) — 80.

Грамматические категории слов-атрибутов

82

Грамматические категории падежа, числа и согласовательного класса (§ 2.21) — 82. Грамматическая категория атрибутивности—неатрибутивности (§ 2.22) — 88. Вопрос о степенях сравнения (§ 2.23) — 91.

Глава 3. Классификация именных парадигм с точки зрения выраженных в них грамматических противопоставлений

92

Общее (§ 3.1) — 92. Различительный признак «грамматический разряд» (§ 3.2—3.3) — 94. Различительный признак «дефекты парадигмы» (§ 3.4) — 99.

Ч а с т ь в т о р а я

ВНЕШНЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ В РУССКИХ ИМЕННЫХ ПАРАДИГМАХ

Глава 4. Общие сведения об исходном материале

103

Уточнение объема исходного материала (§ 4.1) — 103. Источники сведений о внешнем виде словоформ (§ 4.2) — 106. Трактовка словоформ-вариантов (§ 4.3) — 108. Вопрос об основе и окончаниях (§ 4.4) — 112.

Глава 5. Понятие эквивалентности парадигм

115

Общее (§ 5.1) — 115. Требования к внутреннему устройству сравниваемых парадигм (§ 5.2) — 118. Требования к наборам окончаний сравниваемых парадигм (§ 5.3) — 118. Требования к основам сравниваемых парадигм (§ 5.4) — 119. Требования к акцентуации сравниваемых парадигм (§ 5.5) — 123. Определение эквивалентности двух парадигм (§ 5.6) — 128.

Глава 6. Классификация именных парадигм по способу внешнего выражения грамматических противопоставлений

129

Раздел I. Вспомогательные понятия и вспомогательные различительные признаки

129

Требование достаточной детальности классификации (§ 6.1) — 129. Общая схема описания отдельного различительного признака (§ 6.2) — 130. Первичные и вторичные словоформы (§ 6.3) — 133. Суженная парадигма (§ 6.4) — 133. Эталон, позволяющий сравнивать парадигмы разного внутреннего устройства (§ 6.5) — 134. Соотнесение первичных словоформ с эталоном (§ 6.6) — 136. Различительный признак «морфологическое число» (§ 6.7—6.8) — 137. Различительный признак «морфологический класс» (§ 6.9—6.10) — 138. Эталонное грамматическое значение (§ 6.11) — 145. Комментарий к вспомогательным понятиям, включающим эпитет «морфологический» (§ 6.12—6.13) — 146.

Раздел II. Различительные признаки, относящиеся к первичным словоформам	149
<i>Классификация суженных парадигм условного уровня</i>	149
Условный способ представления внешней стороны словоформ (§ 6.14) — 149.	
Ударение. Условное ударение (§ 6.15) — 151. Различительный признак «схема ударения» (§ 6.16—6.17) — 152. Комментарии к понятию условного ударения (§ 6.18—6.22) — 175.	
Окончания и основы. Формальные чередования (§ 6.23) — 192. Чередования (§ 6.24) — 194. Формулы перехода (§ 6.25) — 199. Условный вид словоформ (§ 6.26) — 201. Различительный признак «тип склонения» (§ 6.27—6.29) — 204. Различительный признак «нестандартные условные окончания» (§ 6.30—6.31) — 221. Различительный признак «чередования в условной основе» (§ 6.32—6.34) — 235. Комментарии к понятию условного вида словоформ (§ 6.35—6.36) — 246. Итоги классификации суженных парадигм условного уровня (§ 6.37) — 252.	
Переход от условного уровня к действительному	253
Переход от условного ударения к действительному (§ 6.38) — 253. Переход от условного вида словоформы к действительному (§ 6.39) — 258.	
Различительные признаки, необходимые для достижения достаточной детальности при классификации суженных парадигм действительного уровня	261
Общее (§ 6.40) — 261. Различительный признак «акцентуационные отклонения в неисходных словоформах» (§ 6.41) — 263. Различительный признак «акцентуационные особенности исходной словоформы» (§ 6.42) — 264. Различительный признак «морфонологический тип условной основы» (§ 6.43) — 264. Различительный признак «наличие звездочки в условной основе» (§ 6.44) — 268. Различительный признак «наличие неустойчивого о в условной основе» (§ 6.45) — 272. Различительный признак «морфонологические особенности неизменяемой части условной основы» (§ 6.46) — 273. Различительный признак «аномальные беглые гласные» (§ 6.47) — 275. Различительный признак «орфографические аномалии» (§ 6.48) — 275. Итоги классификации суженных парадигм (§ 6.49) — 275.	
Раздел III. Различительные признаки, относящиеся к вторичным словоформам	276
Общее (§ 6.50) — 276. Различительный признак «нестандартная омонимия чисел» (§ 6.51) — 278. Различительный признак «нестандартное выражение винительного падежа» (§ 6.52) — 279. Различительный признак «нестандартное выражение 2-го родительного падежа» (§ 6.53) — 281. Различительный признак «нестандартное выражение 2-го предложного падежа» (§ 6.54) — 284. Различительный признак «нестандартная счетная словоформа» (§ 6.55) — 288. Различительный признак «нестандартные припредложные словоформы» (§ 6.56) — 289.	
<i>Итоги классификации именных парадигм. Полный перечень различительных признаков (§ 6.57).</i>	290

<i>Глава 7. Синтез именных парадигм</i>	292
Общее (§ 7.1) — 292. Правила построения полной характеристики произвольной именной парадигмы (§ 7.2) — 294. Правила построения произвольной именной парадигмы (§ 7.3) — 297.	
<i>Приложение. Перечень элементарных классов и элементарных подклассов русских именных парадигм</i>	300
Предметный указатель	323
Указатель слов	327
Избранная библиография	363
Список сокращений и условных обозначений	365

СТАТЬИ

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1.1. Ударение в современном русском языке представляет собой некоторый способ выделения одного из слогов словоформы (или цепочки последовательных словоформ). Физической природы этого выделения мы в настоящей работе не касаемся; для нас достаточно исходить из того, что носитель русского языка без всякого труда улавливает (при нормальных условиях коммуникации) место ударения в услышанной им словоформе (даже если он не обучен самому понятию «ударения») и может повторить эту словоформу с тем же ударением. Русское ударение при всех возможных вариациях своего физического выражения с функциональной точки зрения едино, т. е. не существует двух (или более) разных типов ударения, противопоставление которых служило бы для различия словоформ.

П р и м е ч а н и е. В некоторых словах (преимущественно сложных), помимо основного, или главного, ударения, имеется еще так наз. второстепенное (обычно несколько более слабое, чем основное; оно обозначается '), например: *нэфтепереработка*, *контрразведчик*; возможно даже более одного второстепенного ударения: *дэтомдоклуб*. При этом, однако, главное и второстепенное ударения все же не могут рассматриваться как функционально противопоставленные друг другу, поскольку это различие никогда не выступает в качестве единственного средства различия двух словоформ.

Ударение отдельной словоформы в нормальном случае постоянно т. е. оно одинаково во всех вхождениях этой словоформы в речевую цепь. Отклонения от этой нормы составляют: 1) сравнительно немногочисленные случаи, когда полнозначная словоформа в сочетании с определенными служебными словами выступает без ударения, а служебное слово (в других случаях безударное) несет ударение, например, *на голову*, *по морю*; 2) словоформы с колеблющимся ударением, т. е. неодинаковым у разных носителей языка¹ или даже в разных точках речи одного и того же носителя языка; число таких словоформ довольно значительно, ср., например, *прóдал* и *продáл*, *слéсарéй* и *слесарéй*, *си́льны* и *сильны́* и т. п.; 3) аномальные случаи (очень редкие), например, Р. ед. *úтра* (*свéжесть úтра* и т. п.), но до *утrá*, до *самого утrá*.

¹ Имеются в виду носители литературного языка; если включить в рассмотрение также местные говоры и другие формы нелитературной речи, сфера колебаний окажется гораздо шире.

Русское ударение с в о б о д н о (т. е. не существует никаких общих ограничений на место ударения внутри словоформы по счету от конца или от начала) и п о д в и ж н о (т. е. разные словоформы одной лексемы, а также разные производные от одного корня, могут иметь ударение на разных слогах [по счету как от конца, так и от начала]).

Русское ударение существенным образом связано с морфологическим членением; в частности, оно может быть закреплено за определенной морфемой (или отсчитываться от нее влево или вправо). Соответственно, можно говорить о корневом, префиксальном, суффиксальном, флексионном ударении. Выделим, кроме того: на о с н о в н о е ударение — на основе; п р е д ф л е к с и о н н о е — на последнем слоге основы.

Из неморфологических характеристик ударения выделим понятие колонности: к о л о н н ы м ударением в группе словоформ (например, в парадигме) называется ударение на одном и том же слоге по счету от начала.

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

§ 1.2. Основная задача, которую должно решать описание русской акцентной системы, состоит, очевидно, в том, чтобы тем или иным способом указать для каждой русской словоформы ее акцентуацию. Наиболее прямолинейное решение здесь — списочное. Заметим, что как одно из возможных решений данной задачи (для массива в 100 000 слов) можно рассматривать Грамм.: ударение в исходных словоформах слов указывается здесь списочным способом, ударение в прочих словоформах «вычисляется» далее по соответствующим индексам и таблицам. Понятно, однако, что списочные решения, с одной стороны, чрезвычайно громоздки, с другой стороны, не обладают достаточной «объяснительной силой», в частности, не позволяют предсказывать акцентные свойства слов, не вошедших в список. Отсюда необходимость в построении менее прямолинейного и, быть может, логически менее простого, зато более компактного и более обобщенного описания акцентуации.

В современном русском языке круг факторов, от которых хотя бы в некоторых случаях может зависеть акцентуация слова, весьма значителен. Помимо фактора традиции (т. е. прямого наследования уставновившегося в прошлом ударения), сюда прежде всего относятся: морфемный состав слова, его словообразовательная история, его значение, длина (число слогов) его основы, характер конечной фонемы его основы, а также степень его освоенности (для данного говорящего).

Как можно видеть из этого перечня, многие из тех свойств слова, от которых зависит его ударение, определяются нестрого; в их оценке в части случаев возможны сомнения и разногласия. Это значит, что неизбежно окажутся нестрогими и все те правила об акцентуации, которые основаны на учете таких свойств. Очевидно также, что в рамках акцентологического исследования было бы совершенно нереально и неуместно пытаться предварительно довести до формаль-

ной строгости все относящиеся к делу морфологические, семантические и иные разграничения.

Соответственно, если бы требовалось обязательно достичь полной формальной строгости, пришлось бы вообще отказаться от правил, опирающихся, например, на значение слова, и заменить все такие правила списками (как это сделано, например, в РИС). В настоящей работе мы ставим перед собою, однако, несколько иную цель: по возможности выявить и отобразить факторы, реально влияющие на современную акцентуацию (в том числе действующие не абсолютно, а лишь «статистически»), и показать иерархию этих факторов и их взаимодействие. В этой ситуации мы вынуждены мириться с частичной потерей строгости. Ряд уточнений, даваемых ниже по ходу изложения, помогает несколько уменьшить этого рода потери.

В дальнейшем предполагается, что о любой словоформе мы знаем, помимо ее фонемного (и буквенного) состава, принадлежности к определенной лексеме, лексического и грамматического значения, также ее морфологический состав (т. е. членение на морфы) и отношения морфологической и семантической производности, в которых она участвует (а в части случаев еще и некоторые другие неформальные характеристики, см., в частности, § 1.4, 1.5).

Остановимся несколько подробнее на некоторых необходимых для дальнейшего неформальных характеристиках.

Непроизводные и производные слова

§ 1.3. Большое значение имеет противопоставление непроизводных и производных слов; к сожалению, граница между этими двумя классами, как известно, недостаточно строга.

Для акцентологического анализа целесообразно провести это разграничение таким образом, чтобы в категорию непроизводных были включены, во-первых, слова, не являющиеся семантически производными ни от какого реально существующего слова языка (например, *вода*, *багаж*, *мастер*, *живой*, *бледный*, *крепкий*, *сурбовый*, *брать*, *копать*, *ходить*, *брэзговать*), во-вторых, все вообще слова с одноморфной² основой, даже если с семантической точки зрения такое слово производно (как в случае *бег*, *лай*). В число непроизводных попадают также все опростившиеся слова.

Из числа непроизводных выделяется подгруппа «членимых непроизводных», т. е. таких, у которых конечный элемент основы может быть отождествлен с некоторым суффиксом (например, *бледный*, *крепкий*, *сурбовый*, *багаж*, *саботировать* и т. п.).

В категорию производных включаются слова с неодноморфной основой, семантически производные от некоторого другого слова (или слов), например: *колокольчик*, *крепость*, *проход*, *тулоголовый*.

² Нуевые словообразовательные морфемы (если таковые признаются) не в счет (однако морфема *-'*, выражаемая смягчением [§ 1.43], учитывается как отдельная).

Плотное и неплотное присоединение морфем

§ 1.4. Для акцентологического описания необходимо отличать от обычного («плотного») способа присоединения морфем друг к другу в составе словоформы особые случаи, когда морфема присоединена к остальной части словоформы более свободно («неплотно») — примерно так, как обычно соединяются две самостоятельные словоформы. Основная часть словоформы в этих случаях почти всегда совпадает с некоторой самостоятельно существующей словоформой. Важнейшее акцентологическое свойство неплотно присоединенной морфемы (или основы в составе сложного слова) состоит в том, что она никак не меняет акцентуации основной части словоформы; ср., например, *не-проходн^{ой}* и *проходн^{ой}*, *дв^{ух}винтов^{ой}* и *винтов^{ой}*, *нёфтепереработка* и *переработка* и т. п. В составе сложного слова неплотно присоединенная основа в большинстве случаев несет второстепенное ударение.

Различие между плотным и неплотным присоединением можно проиллюстрировать с помощью скобок.

Плотное присоединение	Неплотное присоединение
(неотвэ́з)-ный	не-(проходн ^{ой})
(межзуб ^ы)-ный	меж-(племенн ^{ой})
(двуруч ^ы)-ный	дв ^{ух} -(винтов ^{ой})
(водослив ^ы)-ный	нёфте-(наливн ^{ой})

Как легко видеть, одни и те же морфемы могут в одних случаях присоединяться плотно, в других неплотно. Возможно даже прямое варьирование, например, (*первоочерёд^ы*)-ный и *перво-*(*очередн^{ой}*). Существенно то, что выбор плотного или неплотного присоединения далеко не всегда соответствует семантической деривационной истории слова. Например, *дв^{ух}винтов^{ой}* с семантической точки зрения есть относительное прилагательное к «два винта» (как *двуручный* — к «две ручки»), т. е. «семантические скобки» стоят здесь иначе, чем морфонологические. Ср. также отсутствие смысловых различий между вариантами *первоочерёдный* и *первоочередной*.

Таким образом, вопрос о выборе плотного или неплотного присоединения составляет для современного языка особую морфонологическую проблему. В настоящей работе мы не ставим себе целью ее решить; формально мы будем исходить далее из того, что способ присоединения (плотный или неплотный) заранее задан; практически нас почти везде будет интересовать только плотное присоединение (поскольку случай с неплотным присоединением с акцентологической точки зрения тривиален). Отметим здесь лишь некоторые наиболее важные факты. Как правило, присоединяются неплотно, в частности:

- 1) приставка *не-*, например, *неживой*, *непроходной*, *неспециалист*;
- 2) элемент *полу-*, например, *полуживой*, *полуподвал*, *полусидеть*;
- 3) приставка *пре-* со значением «в высшей степени» (у прилагательных

и парсчий), например, *препротивный, пренеприятно; 4) элементы вне-, внутри-, до-, меж-, после-, пред-, противо-* в прилагательных и существительных, производных, с семантической точки зрения, от сочетаний «предлог + существительное», например, *внеземной, внутрьчертой, дородовой, межплеменной, послеродовой, предпосевной, противоболевой*.

Помимо неплотного присоединения слева, примеры которого рассмотрены выше, возможно также неплотное присоединение справа. Так присоединяются частицы, пишущиеся через дефис (-то, -либо, -нибудь, -ка, -таки), и глагольные постфикссы -ся (-сь) (кроме некоторых особых случаев, см. § 1.12) и -те (в императиве).

Освоенные и неосвоенные слова

§ 1.5. В акцентологическом описании оказывается необходимым учитывать также то обстоятельство, что для конкретного носителя языка некоторое слово может быть освоенным («своим», привычным) или неосвоенным (чуждым, непривычным, ранее не слышанным или слышанным редко). Таким образом, речь здесь идет о некотором внеязыковом, pragматическом различии. Соответственно, мы будем ниже называть влияние этого различия на акцентуацию (или на иные характеристики слова) **прагматическим фактором**.

Для взрослого носителя языка освоенными являются слова повседневной обиходной лексики, названия предметов, связанных с его профессиональной деятельностью, слова, специфические для его микроколлектива или ограниченной среды. Неосвоенными являются, в частности, названия предметов из жизни других стран или прошлых эпох, термины незнакомых данному человеку профессий, слова чужих микроколлективов, для большинства носителей языка — также все слова возвышенно-книжного и архаизирующего стиля. Неосвоенным для данного человека является также всякое слово, которое он только что узнал; однако через некоторое время, иногда довольно короткое, он может вполне освоить это слово.

Таким образом, разделение слов на освоенные и неосвоенные индивидуально для каждого носителя языка и, кроме того, меняется в ходе его жизни.

Между полной освоенностью и полной неосвоенностью слова возможны, конечно, и промежуточные случаи. К сожалению, мы не имеем средств для объективной оценки этой градации, и поэтому в основном ограничиваемся выявлением тех акцентных эффектов, которые рассматриваемое противопоставление дает в несомненных, ярко выраженных случаях. Подробнее об этом противопоставлении см. Однослож., § 5, 21.

СТРУКТУРА ОПИСАНИЯ

§ 1.6. Описание русской акцентной системы строится ниже так.

За основную единицу рассмотрения принимается слово (лексема), а не отдельная словоформа. Соответственно, чтобы узнать место ударения в некоторой словоформе, необходимо вначале установить (по определенным правилам) акцентные характеристики соответствующего слова, а затем по этим характеристикам установить ударение интересующей нас словоформы.

Акцентных характеристик слова две: 1) так наз. схема ударения; 2) место ударения внутри основы. Для аномальных слов в качестве особой дополнительной характеристики выступают сведения о наличии и характере акцентной аномалии. Указанные акцентные характеристики однозначно определяют место ударения во всех словоформах слова. Заметим, что акцентная характеристика 2 реально необходима лишь при одном из возможных значений характеристики 1 (а именно, при схеме ударения *a*, см. ниже). В прочих случаях ударение во всех словоформах слова однозначно устанавливается по одной лишь схеме ударения.

Соответственно, с формальной точки зрения, все дальнейшие правила предназначены для того, чтобы в конечном счете позволить указать для произвольного слова его схему ударения и место ударения внутри основы. Вначале вводятся необходимые рабочие понятия и указываются наиболее общие закономерности русской акцентной системы (§ 1.7—13). Далее рассматривается вопрос о распределении непроизводных слов по схемам ударения; однако списки слов здесь, как правило, не приводятся, поскольку они могут быть найдены в ряде других работ. Наконец, разбирается акцентуация производных слов; этот разбор проведен подробно, поскольку существующие изложения данного вопроса недостаточно полны.

§ 1.7. Набор словоформ одного слова, рассматриваемый в акцентологии, не всегда в точности совпадает с морфологической парадигмой слова. Отличия здесь таковы.

У существительных форма В. мн. (которая у одушевленных совпадает с Р. мн., у неодушевленных с И. мн.) в акцентном описании самостоятельно не рассматривается и в схему ударения не включается. Кроме того, некоторые парадигмы с разными основами ед. и мн. чисел с акцентологической точки зрения целесообразно трактовать не как единые парадигмы, а как пары неполных (а именно, однословных) парадигм. Сюда относятся: 1) случаи супплетивизма — *человéк*, *ребёнок* (мн. *лóди*, *дéти*); сюда же примыкает *дитя* (мн. *дéти*); 2) слова на *-ин*, утрачивающие это *-ин* во мн. числе (*армянин*, *господин* и т.д.); 3) слова на *-ёнк*, *-ёнок* (мн. *-áта*, *-áта*); слова с дополнительным морфом *-j-* (*-ej-*) во мн. числе (*дéрево*—*дерéвья*, *клóк*—*клóчья* и т.п.). Во всех случаях образование мн. числа рассматривается с акцентологической точки зрения как словообразовательная, а не словоизменительная операция.

У прилагательных не считаются частью парадигмы сравнительная и превосходная степени; они трактуются как производные слова (заметим, что такое решение возможно и для собственно морфологического описания, ср. РИС, § 2.23). Как и у существительных, выведены из сферы словоизменения супплетивно образуемые словоформы (*велик* и т. д. при *большой*, *мал* при *маленький*).

Не рассматриваются как единые словоформы составные числительные, у которых склоняются обе части (*пятьдесят*, *пятьсот* и т.д.); каждая из этих частей учитывается по отдельности.

У глаголов в акцентологическом описании не включаются в парадигму (а рассматриваются вместе с производными) причастия и деепричастия.

Далее, с акцентологической точки зрения целесообразно разделять многие морфологические парадигмы на части, которые можно обозначить как *субпарадигмы*.

Так, у прилагательных парадигма делится на *атрибутивную* субпарадигму (включающие полные [атрибутивные] формы) и *неатрибутивную* субпарадигму (включающую краткие [неатрибутивные] формы). Одна из двух субпарадигм может в частном случае отсутствовать. У притяжательных прилагательных с суффиксами *-ин*, *-ов*, *(и)и* и у местоимений-прилагательных (*тот*, *весь*, *мой*, *ваш*, *сам* и т. д.) все имеющиеся формы считаются относящимися к атрибутивной субпарадигме.

У глаголов парадигма делится на *презентную* субпарадигму (презенс и императив) и *претеритную* субпарадигму (прошедшее время и инфинитив).

У существительных отдельно от остальной части парадигмы рассматривается так наз. 2-й предложный падеж (Π_2) единственного числа. Ради единообразия последующих формулировок эти две неравные части субстантивной парадигмы формально тоже признаются субпарадигмами.

З а м е ч а н и е. В принципе допустимо также делить парадигму существительного на субпарадигмы ед. и мн. числа (как это делается в ряде описаний русского ударения); но для решения задач настоящей работы прямой необходимости в этом не оказалось.

СХЕМЫ УДАРЕНИЯ

§ 1.8. Важнейшим понятием для описания словоизменительного ударения является схема ударения (или, что то же, акцентная кривая³). Формальное определение данного понятия см. в РИС, § 6.15 — 16. Несколько менее строгое определение таково: схема ударения некоторой парадигмы — это запись, показывающая, на каком компоненте (основе или окончании) находится ударение в каждой из словоформ данной парадигмы; при этом, однако, для словоформ, у кото-

³ Практически мы используем в настоящей работе термин «схема ударения» в применении к современному языку, а термин «акцентная кривая» — в применении к древнерусскому и старовеликорусскому.

рых один из двух основных компонентов (основа или окончание) неслоговой, учитывается не фактическое ударение данной словоформы (которое вынужденным образом стоит на слоговом компоненте), а ударение некоторой другой, так наз. «контрольной», словоформы той же парадигмы⁴. Понятие схемы ударения можно использовать применительно как к целым парадигмам, так и к субпарадигмам.

Необходимо отметить, что разделение на основу и окончание, представляющее собой для именных словоформ достаточно простую и естественную операцию, для глагольных словоформ иногда сопряжено с трудностями. Основная из них состоит в том, что в роли «окончаний» здесь оказываются морфемы или морфемные последовательности более сложной природы, чем в случае с именами, и нередко квалифицируемые в морфологии не как окончания, а как иные категории морфем. Так обстоит дело, в частности, с показателями инфинитива *-ть*, *-ти*, *-чи* и с исходами *-л*, *-ла*, *-ло*, *-ли* в прош. времени. Глагольные постфикссы *-ся* (*-сь*), *-те* обычно присоединяются к основной части словоформы неплотно (§ 1.4) и, соответственно, оказываются вне сферы действия акцентных правил; об одном исключении, когда *-ся* (*-сь*) функционирует как полноценная часть окончания, см. § 1.12.

§ 1.9. Ниже перечисляются схемы ударения, встречающиеся в разных типах субпарадигм. Общими для всех типов субпарадигм являются две главные схемы ударения:

a — ударение всегда на основе;

b — ударение всегда на окончании⁵.

Прочие схемы ударения, хотя и обозначаются символами из одного и того же набора, определяются по-разному для разных субпарадигм.

У существительных (в их основной субпарадигме):

c — ударение на основе в ед. числе, на окончании во мн. числе;

d — на окончании в ед. числе, на основе во мн. числе;

e — на основе в ед. числе и в И. мн., на окончании в косвенных падежах мн. числа;

f — на окончаниях везде, кроме И. мн.;

b' — как в схеме *b*, но в Т. ед. ударение на основе;

d' — как в схеме *d*, но в В. ед. ударение на основе;

f' — как в схеме *f*, но в В. ед. ударение на основе;

f'' — как в схеме *f*, но в Т. ед. ударение на основе.

См. образцы в Грамм., с. 31—32.

Ударение в Π_2 ед. оценивается особым образом, а именно, различаются два случая: 1) Π_2 ед. совпадает с П. ед.; 2) эти две словоформы

⁴ «Контрольной» словоформой является: у существительных и в атрибутивной субпарадигме прилагательных — дательный падеж того же числа (и рода), что у рассматриваемой словоформы; в неатрибутивной субпарадигме прилагательных и в претеритной субпарадигме глаголов — словоформа ед. сред. (если в этой словоформе ударение колеблется, учитывается только вариант с наосновным ударением); в презентной субпарадигме глаголов — словоформа 1 ед.

⁵ Здесь и далее в формулировке «ударение на окончании» подразумевается: кроме случая, когда окончание неслоговое (подробнее см. РИС, § 6.15, 6.18).

не совпадают (в этом случае ударение в Π_2 ед. всегда флексионное). Первый случай рассматривается как стандартный и никак специально не отмечается; во втором случае к символу схемы ударения (рассматриваемого слова) добавляется «+ Π_2 ». Например, схема ударения слова *берег* обозначается как *c + Π_2* .

В адъективных атрибутивных субпарадигмах, кроме схем *a* и *b*, представлена (только у слова *сам*) схема *f*: ударение на основе в И. мн., в прочих формах на окончании.

В адъективных неатрибутивных субпарадигмах:

c — ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред. и во мн. числе.

Кроме того, здесь в качестве особых схем оказывается целесообразным выделить ряд схем с колебаниями (поскольку колебания представляют собой в этой части акцентной системы не исключения, а массовое явление). Эти схемы ударения таковы:

a' — колеблющееся ударение в ед. жен., ударение на основе в ед. сред. и во мн. числе (=колебание между схемами *a* и *c*);

b' — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. числе;

c' — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред.;

c'' — колеблющееся ударение во мн. числе и ед. сред., ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы в Грамм., с. 33.

В презентных субпарадигмах глаголов:

c — ударение на окончании в 1 ед. презенса и в императиве, на основе в прочих формах презенса:

c' (только глагол *хотéть*) — ударение на основе в *хочешь*, *хочет*, в прочих случаях на окончании.

См. образцы в Грамм., с. 80.

В претеритных субпарадигмах глаголов:

c — ударение на окончании в ед. жен. прош. времени, на основе в прочих формах;

c' (схема с колебаниями; только у глаголов *дать*, *взять*) — колеблющееся ударение в ед. сред. прош. времени, ударение на окончании в ед. жен., на основе в прочих формах;

c'' (схема с колебаниями; возможна только для возвратных глаголов) — колеблющееся ударение во мн. числе, в ед. сред., а также в ед. муж. (см. § 1.12), ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы (для прош. времени) в Грамм., с. 81. В инфинитиве слоговое *-ти* возможно (если не считать глаголов с *вы-*) только при схеме ударения *b* (например, *нести́*, ср. *несла́*, *-б*, *-й*); инфинитивы на *-ть*, *-чь* имеют вынужденное наосновное ударение.

Схема ударения слова в целом складывается из схем составляющих его субпарадигм. Обозначения при этом таковы. У существительных к символу схемы ударения основной субпарадигмы в определенном

случае добавляется «+ П₂», см. выше. У прилагательных и глаголов символы схем ударения двух субпарадигм пишутся через косую черту (первыми отражаются соответственно атрибутивная и презентная субпарадигмы), например: *a/a, a/c, b;c'*.

Для сокращения записи у прилагательных разрешается заменять *a/a* на *a*, *a;a'* на *a'*, *b/b* на *b*; у глаголов разрешается опускать *a*, стоящее во второй части (т. е. заменять, например, *a/a* на *a*, *b/a* на *b*).

АКЦЕНТНЫЕ ТИПЫ

§ 1.10. Наряду с классификацией субпарадигм по схемам ударения, для акцентного описания оказывается полезной также несколько иная (хотя и тесно связанная с нею) классификация — по так наз. акцентным типам. Эта классификация возникает в результате следующих трех последовательных дихотомий.

1. Различаются субпарадигмы с тривиальным и с нетривиальным ударением. К первым относятся субпарадигмы с ударением во всех словоформах на основе, причем на одном и том же (по счету от начала) ее слоге; ко вторым — все остальные.

П р и м е ч а н и е. В рамках тривиального ударения особо стоят существительные группы *singularia tantum*, например, *лай, грбгот*. Поскольку их мн. число существует лишь потенциально, а реально почти никогда не употребляется, его ударение в сущности неизвестно. Между тем некоторые из таких *singularia tantum* проявляют себя при словообразовании как слова с нетривиальным ударением. Таким образом, мы иногда сталкиваемся со своего рода «латентным» нетривиальным ударением. Учитывая такую возможность, мы будем называть тривиальное ударение у *singularia tantum* и е п о к а з а т е л ь н ы м (в отличие от показательного тривиального ударения у прочих слов).

2. Нетривиальное ударение распадается на флексионное и подвижное. Флексионное ударение означает ударение на окончании во всех словоформах субпарадигмы, имеющих слогоное окончание; в прочих случаях нетривиальное ударение является подвижным.

3. В подвижном ударении выделяются два основных типа: смежно-подвижный и маргинально-подвижный. Для субпарадигм, где хотя бы одна словоформа со слогоевым окончанием имеет неодносложную основу, эти типы определяются так. Если в субпарадигме в словоформах со слогоевым окончанием ударение бывает: 1) только на окончании или на последнем слоге основы (например, *величинá, величыны; собралá, собрали*) — это смежно-подвижный тип; 2) только на окончании или на начальном слоге основы (например, *блóколу, колоколáм; головá, глóзову; молодá, молоды*) — это маргинально-подвижный тип.

В принципе возможно подвижное ударение, не соответствующее ни одному из двух типов. Оказывается, однако, что таких случаев ничтожно мало, а именно, таковы: *бзéро, знáмья* (мн. *озёра, знамёна*); существительные с на -тор, -ссор со срединным ударением (*дирéктор, профéсسور* и т. п.), а также *учитель*. Кроме того, формально в эту категорию попадают слова, полученные путем неплотного при-

соединения (§ 1.4) различных морфем к существительным с маргинально-подвижным ударением (например, *полубстрог*, *специпробуск* и т. п.). Слова этих групп именуются ниже «примыкающими к маргинально-подвижному типу» (и обычно рассматриваются при этом типе).

Для субпараидигм с односложной основой разграничение смежно-подвижного и маргинально-подвижного ударения проводится по иному принципу (поскольку изложенный выше принцип здесь неприменим), см. § 1.11.

Основные акцентные типы, существенные для дальнейшего, — это конечные звенья приведенных дихотомий: 1) тривиальный (наосновный) акцентный тип; 2) флексионный; 3) смежно-подвижный; 4) маргинально-подвижный (ср. выделение этих же типов, при несколько иной терминологии, в работе: Курилович 1946). При необходимости могут быть использованы также «суммарные» типы: нетривиальный, подвижный.

Из акцентных типов субпараидигм выводится акцентный тип слова в целом. Для существительных правило таково: существительные со схемой ударения «*a + П₂*» относятся к маргинально-подвижному типу; в прочих случаях акцентный тип определяется просто по основной субпараидигме (т. е. наличие или отсутствие символа *П₂* несущественно). Для прилагательных и глаголов нам в дальнейшем потребуется различать всего два акцентных типа слов: тривиальный и нетривиальный. К тривиальному акцентному типу относятся прилагательные и глаголы, у которых обе субпараидигмы имеют тривиальное ударение, к нетривиальному — те, у которых это не так.

§ 1.11. Между схемами ударения и акцентными типами имеются некоторые регулярные соотношения (в одних случаях просто вытекающие из соответствующих определений, в других — не вытекающие).

Исключим временно из рассмотрения субпараидигмы подвижного акцентного типа с односложной (во всех словоформах со слоговым окончанием) основой. Для оставшейся совокупности субпараидигм верно (если отвлечься от нескольких исключений) следующее: любые две субпараидигмы, относящиеся к одной части речи и к одной схеме ударения, принадлежат к одному и тому же акцентному типу. Иначе говоря, зная часть речи и схему ударения, мы можем однозначно предсказать акцентный тип. Приводим эти соответствия (на уровне субпараидигм): 1) схема ударения *a* — тривиальный акцентный тип; 2) схема *b* — флексионный тип; 3) схемы *d*, *a'*, *b'*, *c''* (в именах), *c*, *c''* (в глаголах) — смежно-подвижный тип; 4) схемы *c*, *e*, *f*, *c'*, *f'* (в именах) — маргинально-подвижный тип.

Исключения: 1) *бзро*, *знамя* (мн. *озёра*, *знамёна*) — схема ударения *a*, однако они входят в число примыкающих к маргинально-подвижному типу (см. выше); 2) *ступень* (в переносном значении), *дерёвня*, *четыре*, *постав*, *кокиль* — схема ударения *e* (*ступень*, *дерёвня*, *четыре*) и *c* (*постав*, *кокиль*), но смежно-подвижный тип; 3) *удалбй* (//*удалый*) — в неатрибутивной субпараидигме схема ударения *c*, но смежно-подвижный тип; 4) глаголы, полученные добавлением одиночной односложной приставки к *быть*, *дать*, *чать*, *нкать*, *жить*, *лить*, *пить*, *克莱сть*, *мереть*, а также глаголы *переда́ть*, *перенять*, *пережи́ть*, *пере-*

мереть, запереть, отпереть, пробить (о часах), создать — в претеритной субпарадигме схема ударения с, но маргинально-подвижный тип (правда, почти во всех случаях [конкретно см. по Грамм.] лишь наряду со смежно-подвижным).

Что касается субпарадигм с односложной основой, то у них различить смежную и маргинальную подвижность в прямом смысле этих терминов, разумеется, нельзя. Однако для акцентного описания оказывается все же целесообразным не отказываться в этом случае от данного разделения, но провести его здесь по другому, косвенному признаку, экстраполировав на случай с односложной основой установленное выше соответствие между схемами ударения и типами подвижности. Иначе говоря, в данном классе субпарадигм принадлежность к смежно-подвижному или к маргинально-подвижному типу определяется через схему ударения. Такое решение упрощает акцентные правила, касающиеся словообразования (в один и тот же акцентный тип попадают слова, дающие один и тот же акцентный эффект при словообразовании).

В особом положении остались лишь те субпарадигмы (весьма немногочисленные), которые принадлежат к схемам ударения, вообще не представленным у слов с неодносложной основой. Так обстоит дело, например, со схемой ударения *d'* у существительных. Для достижения полной общности в разделении подвижного типа на смежный и маргинальный, условимся и такие субпарадигмы отнести к одному из этих двух типов (основанием для выбора здесь служит акцентный эффект, проявляющийся в словообразовании).

В результате получаем уточненное правило соответствия между схемами ударения и акцентными типами (на уровне субпарадигм), которое приводится ниже в виде таблицы. Символы в клетках таблицы означают схемы ударения; квадратными скобками отмечены схемы, представленные лишь 1—3 словами.

Таблица 1
Соотношение между схемами ударения и акцентными типами

Типы субпарадигм	Акцентные типы			
	Тривиальный	Нетривиальный		
		Флексионный	Смежно-подвижный	Маргинально-подвижный
Субстантивная (основная)	a	b	d, [b']	c, e, d' f*, f', [f"]
Адъективная атрибутивная	a	b	a', c', [b']	[f]
Адъективная неатрибутивная	a	b	c, [c']	c, c'
Глагольная презентная	a	b	c, c', [c']	—
Глагольная претеритная	a	b	c, c', [c']	—

* Однако существительные мужского рода схемы *f* (а именно, *конь, гвоздь, груздь, червь*) относятся к смежно-подвижному типу.

ПРАВИЛА ПОСТАНОВКИ УДАРЕНИЯ В СЛОВОФОРМАХ ПО СХЕМЕ УДАРЕНИЯ СЛОВА

§ 1.12. Опираясь на введенные выше понятия и соотношения, мы можем теперь сформулировать правила, позволяющие указать место ударения в любой словоформе слова, если известна схема ударения этого слова (а для слов схемы *a* — также место ударения внутри основы). В некоторых случаях в этих правилах используется также дополнительная информация — морфологическая (тип склонения) или морфонологическая (наличие беглой гласной).

Предварительные операции: 1) установить по табл. 1 (с учетом исключений, указанных в § 1.11) акцентный тип той субпараидигмы, в которую входит рассматриваемая словоформа; 2) установить из § 1.9, куда (на основу или на окончание) должно падать, в соответствии со схемой ударения данного слова, ударение в рассматриваемой словоформе.

Далее, если в составе словоформы имеется неплотно присоединенная часть (§ 1.4), на время работы акцентных правил ее следует просто отбросить. При этом необходимо учитывать, что глагольный постфикс *-ся* (*-сь*), обычно присоединяемый неплотно, в качестве исключения присоединяется плотно в прош. времени при претеритной схеме ударения *c''* (а также в словоформах *начал-ся*, *-ась*, *-бсь*, *-йсь*, *занял-ся*, *-ась*, *-бсь*, *-йсь*); здесь он трактуется как часть окончания.

После этого правила таковы.

I. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на окончание, то оно фактически падает:

1) при слоговом окончании — на первый слог окончания (кроме окончаний *-ого*, *-ому* [а также *-ое* в *её*, *самоё*] в местоименном склонении, где ударение падает на последний слог);

2) при неслоговом окончании — на последний слог основы.

Примеры: *коло́колами* (от *коло́кол*, схема *c*), *молодá*, *молодбе*, *молодью* (от *молодбíй*, схема *b/c*), *всего́*, *всему́*, (от *весь*, схема *b*, местоименное склонение), *берегу́*, *бережёте*, *бережётся*, *береги́*, *берегите*, *берегли́* (от *берéчь*, схема *b/b*); *головá* (от *головá*, схема *f'*), *берёг*, *берёгся* (от *берéчь*).

Исключения: *у́гол*, *у́голь* (вариант со схемой *b* или *f*), *у́горь*, *у́зел*; *всемь*, *девять*, *девя́ть*, *двадцать*, *тридцать*, *сбро́к*; *дёнэг*, *жасел*, *кружев*, *сажен*, *сúдий* (от *суди́й*); *блáен*, *лéгок*, *тёплел*, *разгн*, *тёмен*, *чёрен*, *свéтель*, *влáен* (вариант со схемой *a/b*), *должен*. Во всех этих случаях ударение падает на предпоследний слог основы вместо последнего.

II. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на основу, то фактическое положение ударения таково:

1) при тривиальном акцентном типе (соответствующей субпараидигмы) оно определяется признаком «место ударения внутри основы»;

2) при смежно-подвижном акцентном типе ударение падает: если окончание неслоговое, а основа содержит беглую гласную — на пред-

последний слог основы; в прочих случаях на последний слог основы;

3) при маргинально-подвижном акцентном типе — на начальный слог основы⁶.

Примеры: *парохбды* (от *парохбд*, схема *a*), *полотен* (от *полотнб*, схема *d*; *е* — беглая гласная), *величйны* И. мн., *величйн*, *величйнами* (от *величинá*, схема *d*), *голову*, *гловы* И. мн. (от *головá*, схема *f'*), *вёсело*, *весёлы* (от *весёлый*, схема *a/c'*).

Исключения: И. ед. *заём*, *наём*; Р. мн. *гумён*, *земель*, *колéц*, *овéц*, *свинéй*, *семéй*, *сестёр*, *судéй*, *хлопбт*, *лýц*; ед. муж. *хитёр*, *остёр*, *шустёр*, *силён*, *дурён*. Во всех этих случаях ударение падает на последний слог основы вместо предпоследнего; в части случаев (см. Грамм.) такое ударение неправильно только при одной из двух допускаемых схем ударения.

ПЕРЕНОС УДАРЕНИЯ НА ПРЕДЛОГ ИЛИ ЧАСТИЦУ

§ 1.13. Особое акцентное явление, представленное в современном русском языке у ограниченной группы существительных и числительных, — перенос ударения на предлог с именной словоформой, например: *зá год*, *на голову*, *по два*. Этот эффект проявляется, за очень немногими исключениями, лишь у слов маргинально-подвижного акцентного типа (но далеко не у всех из них). Словоформы, дающие этот эффект, в самостоятельном виде имеют (или хотя бы допускают) начальное ударение (исключения: *по двору*, *по столу*). Следует различать два основных типа сочетаний с ударением на предлоге.

К первому типу (наиболее важному с точки зрения синхронического функционирования акцентной системы) принадлежат нелексикализованные или слабо лексикализованные сочетания. Ударение на предлоге выступает здесь (в меньшинстве случаев обязательно, в большинстве — факультативно) при многих возможных значениях данного сочетания — обычно при всех часто встречающихся; ср., например, *надел шляпу на голову*, *штукатурка свалилась ему на голову*, *ребенок упал на голову*, *на голову выше* и т. д. Лишь при редко встречающихся значениях (обычно абстрактных, а не пространственных или временных, ср. *обратите внимание на голову*, *надеюсь на голову* и т. п.) или в составе синтаксических конструкций, ослабляющих связь имени с предлогом (ср. *несмотря на голову*, *на голову и плечи*), обязательно выступает ударение на имени. Подробнее о первом типе сочетаний с ударением на предлоге см. Грамм., с. 72 — 73.

Ко второму типу (менее существенному для характеристики системы) относятся сочетания с высокой степенью лексикализации, например: *б бок* (в *бóк ó бок*), *до смерти* 'очень сильно'. С ударением на предлоге они выступают только в составе определенного более

* Но у существительных, лишь примыкающих к маргинально-подвижному типу (§ 1.10), ударение иное: мн. от *бзера*, *знáмъ* имеет основы *озёр-*, *знамён-*; у прочих слов ударение как в исходной форме.

крупного сочетания (иногда целого речения) или в строго определенном значении. Как правило, они в той или иной мере адвербализованы; в предельном случае это чистые наречия (*набок*, *замуж* и т. п.).

Списки сочетаний с ударением на предлоге можно найти, в частности, в работах: Редькин, Федянина, АГ-70 (с. 433—444), АГ-80 (§ 1269). Сведения о степени лексикализации каждого из этих сочетаний содержатся в АО и Грамм.

Перенос ударения на частицы (не превратившиеся в приставки) представляет собой в современном языке исключительное явление: он сохранился только в сочетаниях *нё был*, *ни был*, *нё дал*, *нё жил* (то же при соответствующих словоформах ед. сред. и мн. — *нё было*, *нё были* и т. д.)

УДАРЕНИЕ НЕПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.14. Дающие выше правила сводят задачу дальнейшего описания к вопросу о том, как установить для произвольного слова его схему ударения и (в случае схемы а) место ударения внутри основы. Непроизводные и производные слова оказываются в этом отношении в разном положении.

Для непроизводных слов указанная задача решается в общем случае лишь списочным способом. Иначе говоря, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе являются здесь особыми словарными характеристиками отдельного слова, невыводимыми, с формальной точки зрения, из каких-либо иных его характеристик.

В отличие от производных слов, для непроизводных нет каких-либо общих ограничений на набор возможных схем ударения. Все те многочисленные схемы ударения, которые входят в подвижный тип, обслуживают в русском языке, за немногими исключениями (§ 1.18), именно непроизводные слова.

В качестве источника, где схема ударения дана (для обширного массива слов) в явной форме, можно указать Грамм.; разумеется, из этого источника извлекается также и информация о месте ударения внутри основы.

В настоящей работе мы не считаем необходимым приводить списки слов каждой схемы ударения, поскольку эти списки (или эквивалентную им информацию) можно найти в ряде других работ, в частности: РИС (по именам), Редькин, Федянина, АГ-70, АГ-80.

Следует учитывать, однако, что тезис о списочном характере акцентного распределения непроизводных слов верен именно в общем случае. В ряде частных случаев обнаруживается некоторая связь этого распределения со структурой основы, со значением слова или с pragmaticским фактором (§ 1.5). Обычно эта связь носит не вполне строгий характер: влияние указанных факторов создает лишь некоторые сдвиги в традиционном акцентном распределении, но не перестраивает

его до конца. Соответственно, на уровне непосредственного наблюдения картина оказывается непоследовательной.

Акцентный эффект, создаваемый морфонологическим (число слогов основы, характер ее исхода) или семантическим фактором, всегда носит локальный характер, т. е. ограничен определенным морфологическим классом слов. За рамками данного класса тот же самый фактор в одних случаях вообще не влияет на акцентуацию, в других дает какой-то иной акцентный эффект.

Более универсальный характер носит влияние прагматического фактора. У непроизводных слов везде, где он вообще действует, его акцентный эффект таков: неосвоенное слово обнаруживает (в речи соответствующего носителя языка) тенденцию к тривиальному акцентному типу, освоенное — к нетривиальному.

З а м е ч а н и е. Данный акцентный эффект фактически наблюдается не только у непроизводных, но и в ряде классов производных слов. Однако у производных картина оказывается сложнее: 1) воздействие прагматического фактора здесь возможно лишь в тех узких пределах, которые оставляют ему акцентные свойства аффикса (если аффикс однозначно определяет акцентуацию производного, прагматический фактор не имеет силы); 2) у производных различие освоенного и неосвоенного в определенных случаях отражается в виде оппозиции «ударение на суффиксе — ударение на корне», например *мускулистый*—*мъскулистый* (а не в виде оппозиции нетривиального и тривиального акцентных типов), ср., в частности, § 1.50.

Ниже рассматриваются некоторые важные группы непроизводных слов, где ударение частично подчиняется правилам несписочного характера.

§ 1.15. Одной из таких групп являются непроизводные существительные мужского рода с односложной исходной словоформой. Их акцентуация подробно рассмотрена нами в работе: Однослож. Поэтому здесь мы ограничимся лишь констатацией основных закономерностей, действующих в этой сфере. Не учитываются существительные с неслоговой основой (*лёд*, *льда* и т. п.), поскольку их ударение носит вынужденный характер.

В данной группе ярко проявляется действие прагматического фактора: неосвоенные слова обнаруживают тенденцию к тривиальному ударению (т. е. к схеме *ударения а*), освоенные — к нетривиальному. Нетривиальный акцентный тип может реализоваться в виде различных схем ударения, но продуктивны среди них только две — *б* и *с*. Общим для схем *ударения б* и *с* является флексионное ударение во мн. числе. Соответственно, главным внешним различием между освоенными и неосвоенными существительными данной группы оказывается противопоставление флексионного и наосновного ударения во мн. числе. Ср., например, *быки*, *столы*, *блины*, *супы*, *мяхá*, *долгí* и т. п. (освоенные) и *джи*, *смéрды*, *скúнсы*, *яки*, *брíги*, *гнéйсы*, *пýтчи*, *жáнры*, *пéнсы*, *гáмны* и т. п. (для большинства носителей языка являющиеся неосвоенными). У большого числа слов ударение колеблется, причем в профессиональной или просто в разговорной речи выступает нетривиальное ударение (например, *банты*, *зонды*,

краны́, троса́, шарфы́, лифты́, шлюзы́, шторма́ и т. п.), тогда как литературная норма требует тривиального ударения (*бáнты*, *зóнды* и т. д.).

Далее, для слов рассматриваемой группы, имеющих во мн. числе флексионное (или подвижное) ударение, а также для *singularia tantum*, действует семантический принцип, который может быть огрубленно сформулирован так: названия предметов, не поддающихся счету («неисчисляемых»), получают в ед. числе наосновное ударение, названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), — флексионное. Таким образом, для освоенных неисчисляемых нормой является схема ударения *c* (например, *суп*, *сúпа*, *супы́*), для освоенных исчисляемых — схема *b* (например, *бык*, *быкá*, *быки́*).

Большой точностью обладает более расчлененная формулировка данного принципа:

1. «Сильно склонны к схеме *c*» (т. е. обнаруживают ярко выраженную тенденцию к такой акцентовке) названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий (т. е. действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации, единиц измерения и т. п.), пространств, поверхностей, направлений; примеры: *суп*, *шёлк*, *дым*, *долг*, *цвет*, *час*, *пуд*, *луг*, *мир*, *край*, *верх*, *низ*.

2. «Умеренно склонны к схеме *c*» названия коллективов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших властелищ; примеры: *гор*, *тын*, *порт*, *дом*, *чех*, *шкаф*. Кроме того, без прямой связи с основным принципом в эту категорию попадают также термины родства, например: *муж*, *сын*.

3. «Сильно склонны к схеме *b*» названия исчисляемых материальных предметов (кроме входящих в группу 2) и животных, а также названия лиц по занятию и оценочными; примеры: *болт*, *нож*, *крюк*, *бык*, *кит*, *поп*, *шут*, *хлыщ*.

4. «Умеренно склонны к схеме *b*» названия гор, груд, отверстий, фигур, начертательных знаков, монет; примеры: *холм*, *крест*, *штрих*, *гроши*.

5. Вне сферы действия данного принципа остаются несколько маленьких групп, устойчиво сохраняющих традиционную акцентовку (таковы названия частей тела, названия лиц, не входящие в группы 2 и 3, и несколько других слов).

Списки исключений, а также слов, у которых данный принцип реализован только в профессиональной или разговорной речи, но не в литературной норме, см. в Однослож.

Дополнительное воздействие на акцентуацию рассматриваемой группы оказывает, в частности, морфонологический фактор: исход основы на согласную (не взрывную) + *m* способствует переходу слова к схеме *b*. Правда, при конфликте этого фактора с семантическим последний обычно побеждает, ср., например, Р. ед. *спирта*, *дúста*, *гвáлта*; но в просторечии возможен и противоположный результат, например, Р. ед. *фингá*, *лифтá*, *портá*.

Описанные закономерности реализуются (с небольшими отклоне-

ниями) также у слов с односложной основой, содержащей беглую гласную, например: *népel*, *népla* — *орёл*, *орла* (см. Однослож. § 43).

§ 1.16. Другой фрагмент акцентной системы, где действуют особые правила, составляет акцентуация неатрибутивных субпараадигм (т. е. кратких форм) непроизводных прилагательных (а также производных с суффиксами *-н-*, *-к-*, *-л-*, имеющих в полных формах наосновное ударение). Эта акцентуация лишь в очень малой степени зависит от акцентуации соответствующих полных форм. Прежде всего здесь действует следующее морфонологическое правило: при односложной основе (беглая гласная не в счет) в кратких формах возможно как тривиальное, так и нетривиальное ударение, при неодносложной — только тривиальное. Отклоняются только: а) *хороший*, *здорóвый* ‘большой, сильный’ (простореч.), *великий* ‘большой’; их краткие формы акцентуированы по схеме *b*; б) *дешёвый*, *дорогой*, *молодой*, *холостой*, *великий* ‘выдающийся’ — краткие формы по схеме *c*; в) *весёлый*, *зелёный*, *голубой*, *холодный*, *короткий*, *удалый* — краткие формы по схеме *c'* (сюда можно добавить еще *солёный*, *солон*, *солона*, *солено*, *солонь*).

При односложной основе распределение, с формальной точки зрения, задается списками (см. РИС, с. 169—170). На неформальном уровне здесь можно, однако, отметить некоторые общие закономерности.

Прежде всего, действует прагматический фактор, а именно, неосвоенность (непривычность, редкость) соответствующих кратких форм влечет за собой тривиальное ударение. В данном классе словоформ противопоставление, лежащее в основе прагматического фактора, в сущности сводится к различию по степени употребительности соответствующих кратких форм в живой речи и к наличию или отсутствию у них книжной (возвышенной, архаичной) окраски. Примеры тривиального ударения, обусловленного данным фактором: *áла*, *-ы*, *áра*, *-ы*, *тлённа*, *-ы*, *праздна*, *-ы*, *скóрбна*, *-ы*, *кóсна*, *-ы*, *кráтна*, *-ы*, *клáссна*, *-ы*, *дрéвня*, *-и*, *ёмка*, *-и* и т. п. Сюда же относятся и «потенциальные» словоформы, которые реализуются лишь как окказиональные образования, например: *мéдны*, *кróвны* и т. п.

Нетривиальное ударение возможно лишь для освоенных (относительно более частых, привычных) неатрибутивных субпараадигм. Каждая из трех кратких форм с ненулевым окончанием (ед. жен., ед. сред. и мн.) имеет свои акцентные особенности.

Форма ед. жен. у освоенных слов всегда имеет флексионное ударение: *честná*, *крепná*, *чистná* и т. д. Колебания типа *властná* // *влáстна* отражают переходное состояние с точки зрения освоенности слова.

В форме мн. числа в настоящее время наблюдается интенсивное распространение флексионного ударения вместо более раннего наосновного, например: *честný*, *верný*, *сильný*, *страшný*, *крепký*, *чистý*, *милý*, *пьянý* и т. п. Такие ударения свойственны прежде всего разговорной речи, но они все шире проникают также и в литературный язык.

Более сложный вопрос составляет акцентуация форм на *-о* (*-е*). Здесь необходимо различать синтаксические функции: 1) именной части сказуемого, согласованной в роде и числе с подлежащим (например, *мое слово крепко*); 2) так наз. предикатива, или «предикативного наречия» (*легко сказать, мне тепло*); 3) обычного наречия (*крепко держать, легко одеть*). Следует подчеркнуть, что формы на *-о* только в 1-й функции входят в один парадигматический ряд с краткими формами других родов и чисел (например, *крепок, крепка, крепкий*). Между тем именно в этой функции они встречаются в живой речи реже всего (а некоторые из них практически вообще не встречаются, ср. нереальность фраз типа *это молоко тепло*).

Акцентные свойства форм на *-о* в этих трех функциях близки, но не тождественны.

Для обычных наречий нормой является наосновное ударение (например, *ведет себя вольно, больно ударился, полно описан, мало тренируется, слабо знаком*). В немногочисленных случаях типа *легко одеть, хитро придумано, пестро раскрашено*, как правило, мы имеем дело просто с сохранением старого ударения (в большинстве таких случаев уже возможен также и новый вариант, например: *хитро придумано, пестро раскрашено*).

Для предикативов нет единой нормы; выделяется, однако, значительная группа с устойчивым ударением на *-о*: *тепло, свежо, светло, темно, легко, полно* (чего-либо, кого-либо), *грешно, вольно* (кому-либо что-либо делать); ср. еще просторечн. *слабо*. Сюда же попадают цветообозначения (ср. ниже) в контекстах типа *кругом черно* (также в усиливательной модели *черным-черно, белым-бело* и т. п.).

В собственно адъективной функции формы на *-о* в литературном языке преимущественно выступают с наосновным ударением. Имеется, однако, ряд случаев, где во всех кратких формах, включая ед. сред., представлено флексионное ударение.

Таковы, во-первых, краткие формы, в значение которых входит семантический элемент «слишком», отсутствующий у соответствующих полных форм. Примеры: *это платье вам малό* (узкó, длинно)⁷, ср. также *эти брюки вам малы* (узкý, длинны́); *это уже старо*. Круг прилагательных, систематически обнаруживающих этот эффект, невелик (он практически исчерпан в наших примерах); но окказионально эта модель может выступать и в других случаях.

Далее, таковы цветообозначения: *бело, черно, красно, желто, пестро* (наряду с *бело, чёрно, красно, жёлто, пестро*); ср. ненормативные *серо, синё*. Близки по значению также *светло, темно*.

Помимо этого, краткие формы на *-о* выступают у нескольких прилагательных на *-ной* (*вольно, грешно, смешно, чудно*), а также в отдельных случаях, где просто сохраняется традиционное ударение:

⁷ Алогичный эффект при неодносложной основе: *это платье вам велико (широко)*; ударение *велико, широко*, в других случаях допустимое, здесь невозможно.

мертвоб, остроб, равнб, свежб, умнб, хитрб (наряду с *мёртво, быстро, хитро*); малоупотребительны в данной функции *легкб, теплб*. Однако в разговорной речи и тем более в просторечии флексионное ударение может встретиться и у других прилагательных, ср. нелитер. *мое слово крепкб, это дело не так уж страшнб* и т. п.

Таким образом, если неосвоенности отвечает схема ударения кратких форм *a*, то освоенность выражается в первую очередь схемами *c'* (*вернá, вéрно, вернý // вéрны*) и *b* (*умнá, -б, -ы*). Схемы *a'* (*вла-стнá // влáстна, влáстно, -ы*) и *c* (*славнá, слáвно, -ы*) — это лишь этапы перехода от неосвоенности к освоенности.

Хотя нормативные словари (например, АО, Грамм.), в соответствии со своей основной установкой, указывают для одной части рассматриваемых неатрибутивных субпарадигм схему ударения *a'*, для другой — *c*, для третьей — *c'*, необходимо признать, что в живой речи носителей русского литературного языка (не говоря уже о нелитературной речи) четких границ здесь нет. Неслучайно в этом вопросе имеется множество частных расхождений между разными словарями.

Картину акцентной неустойчивости, наблюдалась в настоящее время в кратких формах с односложной основой, по-видимому, следует истолковывать как этап движения к последовательной акцентной оппозиции полных и кратких форм (по модели *ўмный — умнá, -б, -ы*, поскольку подавляющее большинство качественных прилагательных, в особенности производных, имеет наосновное ударение в полных формах, ср. § 1.56). В кратких формах мн. числа акцентная перестройка совершается на наших глазах. «Отставание» кратких форм ед. сред., вероятно, связано с их относительной редкостью (ср. выше) и с влиянием омонимичных им наречий на *-о* (у которых наосновное ударение вполне устойчиво).

§ 1.17. Еще один особый фрагмент акцентной системы составляет акцентуация презенса *i*- и *ё*-глаголов с ударением на тематическом элементе в инфинитиве. Непроизводные и производные в данном случае целесообразно рассматривать вместе (хотя это различие и играет определенную роль для акцентуации, см. ниже).

В презенсе здесь конкурируют флексионное (*говорю, говорйт*, *лежу, лежйт*) и смежно-подвижное ударение (*варю, вárит, держу, дéржит*). С формальной точки зрения их распределение задается просто списками (см., в частности, Редькин, с. 127—130, Федянина, с. 225 — 230, АГ-80, I, § 1611). На неформальном уровне, однако, можно указать ряд факторов, оказывающих влияние (хотя и не всегда решающее) на их акцентуацию.

Прежде всего на акцентуацию влияет стилистическая характеристика глагола: глаголы с книжной или возвышенно-архаической окраской почти всегда имеют в презенсе флексионное ударение, например: *обличйт, умертвйт, упразднйт, осквернйт, осенйт, утолйт, хулйт, предварйт, согрешйт, водрузйт, скрутишйт, воскресйт, уничижйт, сотворйт*. Имеются также некоторые внешние признаки, которые

почти безошибочно указывают на то, что глагол принадлежит именно к данной группе: неполногласие в корне (ср. *омрачить*, *насладиться*, *устрани́ть*, *возврати́ть*, *сохранить* и т. п.), наличие чередования *m/щ* или *ð/жд* (а не *m/ч*, *ð/ж*) в парадигме (*посети́ть*, *воплоти́ть*, *убеди́ть* и т. п., ср. *посещу́ть*, *воплощу́ть*, *убеждённый*). Показательно различие ударения в таких парах, как, например, *возбуди́ть* — *разбúдить*, *погрузи́ть* (в жидкость) — *погру́зить* (на транспорт), *одари́ть* — *подáрить*, *вкуси́ть* — *укуси́ть*, *насади́ть* (учение) — *насади́т* (картошки), *учини́ть* — *почини́ть*, *влачи́ть* — *волчить*, *храни́ть* — *хорóнить*, *загради́ть* — *заго́рдить*, *преврати́ть* — *перевороти́ть* и т. п. (ср. Гrot, с. 328, Воронцова, с. 228).

Имеется также следующее морфонологическое ограничение на смежно-подвижное ударение в презенсе: такое ударение невозможно, если слог перед *-ть* не является первым слогом корня (этого ограничения нет лишь для корней с *оро*, *оло*). Пример: *тормоши́ть*, *потроши́ть*, *кипяти́ть*, *говори́ть*, *лебези́ть*, *нагромозди́ть*, *окровени́ть*, *освободи́ть*; с другой стороны, *польсти́ть*, *отомсти́ть*, *почти́ть* и т. п. Исключениями являются только *шевёли́ть(ся)*, *станови́т(ся)*, *облокби́ть(ся)*.

Далее действует правило, согласно которому глаголы на *-ть*, имеющие, с синхронической точки зрения, прозрачный отыменный характер, получают в презенсе флексионное ударение. Это правило реализуется тем последовательнее, чем стандартнее семантическое соотношение между исходным именем и глаголом. Укажем наиболее типичные модели для переходных глаголов: отадъективная модель ‘делать таким-то’ (ср., например, *грязнить*, *оздоровить*, *укоротить*, *смягчить*, *молодить*, *освежить*, *чернить*); отсубстантивные модели — ‘обрабатывать с помощью *X*’, ‘покрывать *X*-ом’ (*бомбить*, *когтить*, *обдернуть*, *серебрить*, *осмолить*, *застеклить*, *зачехлить*), ‘делать *X*-ом’ (*удочерить*, *осиротить*, *копнить*, *изрешетить*), ‘вызывать *X*’ (*гневить*, *смешить*, *страшить*). Кроме того, имеется ряд моделей для непереходных глаголов, например, ‘вести себя таким-то образом’, ‘выступать в качестве *X*’ (*грубить*, *ловчить*, *хитрить*; *гостить*, *шоферить*, *хамить*, *ханжить*) и другие. При менее стандартных семантических отношениях между именем и глаголом становится возможным также и смежно-подвижное ударение, например: *белить* (исходное значение ‘делать белым’ сузилось, ср. семантически стандартные *желтить*, *синить*, *зачернить*); *дарить*, *светить*, *лénится* (семантические отношения с именами *дар*, *свет*, *лень* нестандартны, нечетко выявляется даже само направление словообразования); такие глаголы, как *сéрдится*, *поручить*, уже по существу утратили синхроническую связь с *сéрдце*, *рукá* (ср. также § 1.18).

Наконец, там, где указанные выше факторы еще не определили акцентуацию презенса, для *i*- и ё-глаголов действует следующее семантическое правило: переходные глаголы (и глаголы движения кратного подвида, хотя бы и непереходные) получают в презенсе смежно-подвижное ударение, непереходные глаголы (и глаголы речи, хотя бы

и переходные) — флексионное ударение. Примеры: 1) *бúдит, вárит, горбóит, дéлит, лóвит, положít, полу́чit, лéчит, замéнит, пóит, пустíт, посáдит, заст्रéлит, ýчит, почýнит; бróдит, хóдит; вéртит, дéржит, тéрпит*; 2) *буrlýt, угодýt, грустýt, норовýt, следýt, спешýt, шалýt; бранýt, волýt, корýt; бежýt, дрожýt, лежýt, сидýt, стойt, кричýt, молчýt, храниt*. Показательны такие противопоставления, как *вáлит* 'опрокидывает' — *валит* (дым, народ), *косит* (траву) — *косят* (глазами). В исключительных случаях данное различие проявляется даже между простым глаголом и соответствующим возвратным: (*по*)*садит*, но *садýтся*, *положит*, но *ложýтся*, ср. еще *полу́чit* и *случýтся*; однако нормой здесь все же является единое ударение внутри пары, например: *дéлится, лéчится, ýчится* как *дéлит, лéчит, ýчит*.

Отклонения от совокупности приведенных правил немногочисленны. Это главным образом сохраняющиеся по традиции старые ударения, в частности: а) *жéнится, слúжит, мóлит, прóсит* (по-видимому, сюда же *тéлится, очýтится, шýтит*); б) *простýt, растíт, родít*. В ряде случаев литературное ударение еще отклоняется от этих правил (например, *включýt, сорýt, долбýt, накалýt* и др.), но в разговорной речи уже представлено новое ударение. С другой стороны, преобладающая тенденция к смежно-подвижному ударению иногда преодолевает барьеры, создаваемые приведенными правилами, например: *предъявíт, явíтся* (книжные слова), *сblит* (отмыкнутый глагол), *лénится, дрúжит*, разговорное *збнит* (непереходные глаголы).

Разобранными в § 1.15—17 группами слов не ограничиваются случаи, когда акцентуация непроизводных слов фактически управляет несписочными правилами. Так, например, среди существительных на -а, -я схема ударения f' и d' (т. е. с В. ед. типа *рукá*) значительную часть составляют названия частей тела: *головá, бородá, ногá, рукá, щекá, спинá, косá*, сюда же *душá*. Показательно, что при выводе слова из указанной семантической группы оно переводится в более простую схему ударения — с колонным ударением в ед. числе, например: *городского головý, сорвиголовý*. Однако подобные группы сравнительно малочисленны, и, соответственно, выигрыш от несписочного описания здесь не столь ощущим.

УДАРЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1.18. У производных слов, в отличие от непроизводных, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе выводятся по определенным правилам из морфологического состава слова (в части случаев также из его значения и некоторых других характеристик). Лишь в меньшинстве случаев фактические акцентные характеристики

производного слова не соответствуют этим правилам и должны быть указаны в списочном порядке.

Важнейшая черта, отличающая в русском языке акцентуацию производных слов (кроме приставочных глаголов⁸) от акцентуации непроизводных, — почти полное отсутствие у них подвижного акцентного типа (ср. Курилович 1946, с. 438). Для производных слов нормальными являются (на уровне субпарадигм) лишь две схемы ударения: *a* и *b*; все прочие носят характер исключений. Если для производного слова (кроме приставочных глаголов) установлено, что оно относится к нетривиальному акцентному типу, это в принципе означает, что оно относится к схеме ударения *b* (т. е. у существительных *b*, у прилагательных *b/b*, у глаголов *b/a*, см. § 1.9).

Исключения составляют следующие группы производных слов (списки даны в рамках литературной нормы)⁹.

Существительные:

- 1) *б́труб*, *п́ристав*, *б́круг*, *п́безд*, *п́рбвод*, *п́брдрез*, *п́рбпуск* (документ), *б́тпуск*, *п́рббл* (в иконописи), *п́рбмысл*, *б́ткун*, *д́бговор*, *в́зраст*, также *поста́в* — схема с (см. также § 1.28 [А II, замеч. 1] список опростившихся слов, однотипных с приведенными здесь);
- 2) *директор*, *инспектор*, *инстру́ктор*, *кондуктор*, *корректор*, *прожектор*, *профес́сор*, *редактор*, *учайтель*, также *п́скарь*, *тбкарь*, *п́исарь* — схема *c*;
- 3) *глазобк*, *зуббк*, *рожбк*, *сапожбг* (уменьшительные) — схема *d*;
- 4) *мыло*, *д́ревце*, *бллачко* — схема *c*;
- 5) *меньшинств*, *ушкб*, *скреблб*, *теслб*, *бельмб*, *писъмб*, *озерцб*, *женисъё* — схема *d*;
- 6) существительные с суффиксами *-от-б*, *-ин-á*, *-изн-á* (например, *высота*, *старшина*), а также *судьбб*, *резьбá*, *стрельбá* — схема *d*;
- 7) *пристань*, *п́бдать*, *чётверть*, *п́рбасть*, *п́вость*, *нвость*, *плбскость*, *блость*, *в́едомость*, *должность*, *крéпость*, *скбрость*, *жéлочь*, *свблочь* — схема *e*;
- 8) *б́труби*, *п́бмочи*, *п́бгороны* — схема *e*.

Прилагательные:

- 1) прилагательные с односложной основой, содержащей суффикс *-н-*, *-к-* или *-л-*, получившие в кратких формах нетривиальное ударение в силу § 1.16 (например, *б́ерный*, *збнкий*, *смёлый*);
- 2) *жестбкий* — схема *a/a'*, *великий* 'большой', *горячий*, *тяжёлый*, *мудрёный* — *a/b*, *великий* 'выдающийся', *удалый* — *a/c*, *корбткий*, *голбдный*, *холбдный*, *солёный* — *a/c'*, *далёкий*, *глубокий*, *широкий*, *высокий* — *a/c''*.
- 3) причастия на *-ённый* (и отпричастные прилагательные типа *влюблённый*, см. РИС, с. 239), также *дáнный*, *сдáнный*, *пересдáнный* — схема *a/b*; причастия (но не с приставкой *в́й-*) на *житый*, *литый*, *натый*, *чатый*, также *збнний*, *йтый*, *пítый*, *збпертый*, *б́тпертый*, *взйтый*, *проблканный* — схема *a/c*; причастия (но не с *в́й-*) на *данний*, *литый*, *пítый* (кроме указанных выше) — схема *a/a'*.

Глаголы: отыменные *белить*, *бесйтъ*, *винтиТЬ*, *глушить*, *дружить*, *же́нить*, *косить* (траву), *крестить*, *крошить*, *кружить*, *облокотиться*, *лудить*, *пилиТЬ*, *служить*, *солить*, *сторониться*, *строчить*, *сушить*, *телить*, *тупить*, *уйти*, *ченить*, *чертить* и соответствующие приставочные (правда, не все, см. Грамм.) — схема *c/a* (у части глаголов наряду с *b/a*). Заметим, что у многих

⁸ Точнее говоря, кроме глаголов, производность которых состоит только в наличии у них приставки.

⁹ Производный характер некоторых из приводимых слов не очевиден (т. е. они могут, вообще говоря, расцениваться и как опростившиеся). У некоторых слов нетривиальное ударение представлено лишь как акцентный вариант или лишь при определенном значении; эти детали см. в Грамм. и РИС.

слов этого списка словообразовательные связи уже в той или иной мере затемнены (ср. заведомо оправдывающиеся *поручить*, *селять*, *сердиться*, *застрелить*). Имеется, кроме того, ряд глаголов схемы *с/а*, для которых направление словообразовательной связи между именем и глаголом устанавливается, с синхронической точки зрения, недостаточно определенно: *грузить*, *дарить*, *кормить*, *лениться*, *жутить*, *платить*, *светить*, *судить*, *трудиться*, *тужить*, *хвалить*.

Помимо всех перечисленных групп, подвижное ударение имеют также слова, полученные из приведенных здесь неплотным присоединением каких-либо морфем, например, *электропровод*.

Что касается присоединения приставок к глаголам, то этот тип словообразования не создает ограничений на подвижность ударения. В нормальном случае приставочный глагол просто сохраняет акцентные свойства бесприставочного (если не считать страдательного причастия прош. времени, где иногда только приставка дает возможность ударению отступить влево, ср. *гну́тый* — *сбгну́тый*). Особые случаи, когда это не так, должны рассматриваться в списочном порядке вместе с вопросом об ударении непроизводных слов. Соответственно, в настоящем разделе приставочное словообразование глаголов не рассматривается.

Приведенные списки позволяют нам свести дальнейший разбор акцентуации производных слов к вопросу о выборе между тривиальным и нетривиальным акцентными типами и о месте ударения внутри основы при тривиальном типе. Для производных слов эти два признака целесообразно объединить в понятии **акцентуации основы**: для слов тривиального акцентного типа речь идет о месте ударения внутри основы (у таких слов оно постоянно); у производных слов нетривиального акцентного типа ударение нормально находится на окончаниях, т. е. основа безударна, если только за ней не следует неслоговое окончание (отклонения от этого принципа имеются только у слов, входящих в приведенные выше списки).

§ 1.19. Для дальнейшего разбора необходимо условиться о терминах, связанных со словообразованием. Простейший случай суффиксального словообразования выглядит так. Имеется слово *A* (скажем, *дорога*) с основой *a* (*дорог-*). От основы *a* с помощью суффикса *s* (скажем, *-н-*) получена основа *b* (*дорожн-*) слова *B* (*дорожный*). При соединении *a* и *s* возможны какие-то морфонологические эффекты (в частности, чередования, как *г/ж* во взятом примере), несколько изменяющие фонемный состав *a* и/или *s*; таким образом, *b* не всегда в точности равно *as*.

Мы будем говорить в этом случае, что *A* — исходное, или производящее, слово, *B* — производное слово, *a* — производящая основа, *b* — производная основа. Кроме того, нам потребуется термин «**базовый компонент**» для обозначения той части (*a'*) производной основы *b*, которая остается после вычета суффикса *s* (в данном случае *дорож-*) (ср. Устинова 1974, с. 245, Поливанова 1976, с. 10). Понятно, что базовый компонент в большинстве случаев просто совпадает с производящей основой. Однако иметь здесь особый термин все же целесообразно — не только потому, что сочетание «**производящая**

основа данной производной основы» слишком тяжеловесно и что *a'* не всегда равно *a*, но главным образом потому, что понятие базового компонента полезно и в тех случаях, когда самостоятельного слова *A* вообще не существует (такой базовый компонент называется ниже остаточным, или связанным; ср., например, *смород-ин-а*, *мал-ин-а*, *бессердеч-н-ый*, *быстрохоб-н-ый*).

Помимо понятия основы словоформы, необходимо также понятие основы слова и основы субпарадигмы (некоторого слова). Если во всех словоформах слова (или субпарадигмы) основа одинакова, она же и является основой слова (субпарадигмы). Если различие сводится только к наличию или отсутствию беглой гласной (например, *остáток*—*остáтка*, *сестrá*—*сестёр*, *вéрный*—*вéрен*), то основой слова (субпарадигмы) считается вариант без беглой гласной (например, *остатк-*, *сестр-*, *верн-*). В прочих случаях признается наличие у слова (субпарадигмы) более чем одной основы. Внутри субпарадигмы после принятия соглашений, указанных в § 1.7, таких случаев практически не бывает. Внутри парадигмы в целом такая ситуация характерна только для глаголов, а именно, у глаголов систематически различаются основа ифинитива (которая у всех глаголов, кроме *C*-корневых, оканчивается на гласную) и основа презенса (которая всегда оканчивается на согласную).

В состав глагольной основы в большинстве случаев входит так наз. тематический (или основообразующий) элемент, см. § 0.3. С морфологической точки зрения, тематический элемент отличается от обычного (полноценного) суффикса тем, что не имеет отчетливого и постоянного самостоятельного значения (если не считать таковым общее значение глагольности [«процессуальности»], которое тем самым оказывается одинаковым у всех тематических элементов). Важная для нашего разбора проблема состоит в том, что один и тот же внешне аффикс, например, *-a(j)-*, может в одних глаголах (например, *копáть*, *штóпать*) играть роль основообразующего элемента, а в других (например, *разрубáть*, *решáть*) — роль полноценного суффикса. Этим двум функциям могут соответствовать разные акцентные свойства; так, тематический элемент *-a(j)-* может быть как ударным, так и безударным (ср. примеры выше), тогда как суффикс вторичных имперфективов *-a(j)-* обязательно несет ударение. Поскольку, однако, описание во многих отношениях усложняется, если считать, в частности, что одни глаголы на *-ать*, *-ю* (*копáть*, *штóпать*) имеют тематический элемент, а другие (*разрубáть*, *решáть*) нет, мы будем в дальнейшем исходить из того, что в глаголах типа *разрубáть* аффикс *-a(j)-* выполняет одновременно две функции: полноценного суффикса и тематического элемента; разумеется, то же верно для *-e(j)-*, *-и-*, *-иу-/н-* и т. д. (подробнее см. Лопатин, с. 63—74).

При отглагольном словообразовании тематический элемент в одних случаях сохраняется (*réза-ние*, *réза-тельный*, *réза-лка*), в других отбрасывается (*рез-ной*, *резь-бá*, *réз-ка*, *отréз-ок*). Соответственно, можно говорить о полной и усеченной глагольной основе.

Из сферы морфонологии нам потребуется разделение морфем на: 1) полновокальные, т. е. содержащие хотя бы одну небеглую гласную; 2) неполновокальные, т. е. не содержащие гласных вообще («безгласные») или содержащие только беглую гласную¹⁰. Морфемы с беглой гласной имеют не менее двух разных морфов: один с гласной (например, *гон-ец*, *яр-ок*) и один «безгласный» (*гон-ц-а*, *яр-к-ий*).

Как известно из русской морфонологии, глагольные корни (или основы), оканчивающиеся на гласные, могут при словообразовании получать дополнительный элемент *в*, *ј*, *л*, *т* или *н*¹¹, функция которого состоит лишь в том, что он дает корню возможность участвовать в сочетаниях, где требуется морф, оканчивающийся на согласную. Ср. *про-год* и *про-ли-в*, *при-твор-ств-о* и *у-би-й-ств-о*, *греб-ец* и *жи-л-ец*, *о-грыз-ок* и *о-ста-т-ок*, *объ-ед-к-и* и *о-ста-н-к-и*. Мы будем называть такое *в*, *ј*, *л*, *т* или *н* консонизатором корня (основы); уточнение «корня (основы)» может быть опущено. С акцентологической точки зрения основная особенность консонизаторов состоит в том, что в отличие от суффиксов они не имеют самостоятельной акцентной характеристики, т. е. морф с консонизатором (например, *лив-*, *бий-*, *жил-*, *стат-*, *стан-*) обладает ровно теми же акцентными свойствами, что и без консонизатора (*ли-*, *би-*, *жи-*, *ста-*).

§ 1.20. Существующие описания акцентуации производных в русском языке, как правило, построены в виде акцентологических сведений о каждом из выделяемых в морфологическом описании суффиксов (аналогично и для несуффиксальных способов словообразования). В частности, в Академических грамматиках (АГ-52, АГ-70, АГ-80) такие сведения даются по отдельности при каждом алломорфе каждого суффикса в каждом из обслуживаемых им словообразовательных значений. Такое описание полезно для получения справки об отдельном суффиксе, но общие закономерности словообразовательной акцентуации из него не видны или видны очень неполно.

Оказывается, что для выявления этих закономерностей необходимо прежде всего отказаться от постулата (на который в неявной форме опираются существующие описания) о том, что все акцентные правила должны применяться именно к тому членению словоформ и к тому представлению деривационной истории слов, которые оптимальны для морфологического описания. В действительности же в этих вопросах потребности акцентологического и морфологического описания могут в некоторых частностях расходиться.

¹⁰ Беглой считается гласная, которая чередуется с нулем при вхождении данной морфемы в разные окружения. Отметим специально, что частным случаем беглой гласной является *е* в суффиксальных морфах *-еск-*, *-еств-о* (например, *княжеский*, *княжество*), ср. отсутствие этого *е*, например, в *зверский*, *зверство*, где суффикс стоит в ином окружении (не после шипящей).

¹¹ Не смешивать с морфемами *-в-*, *-ј-*, *-л-*, *-т-*, *-н-*, выступающими в образовании глагольных времен и причастий.

Прежде всего, в акцентологическом описании обычно оказывается ненужной та степень «раздробления» внешне единого суффикса по словообразовательным значениям, которая естественна для морфологического описания. Подавляющее большинство суффиксов (в том числе такие многозначные, как, например, *-ок*, *-иц-а*) обладает постоянными акцентными свойствами, не зависящими от того, в каком словообразовательном значении используется суффикс.

Далее, большинство составных (многоморфных) суффиксов с акцентологической точки зрения не являются самостоятельными единицами, а функционируют как свободная последовательность простых суффиксов, в которой каждый член последовательности проявляет свои обычные акцентные свойства. Например, в акцентологическом описании не должны фигурировать суффиксы *-тель*, *-тельн-*, *-ил-а*, *-ил-о*, *-ил-а*, *-иль-*, *ильн-я*, *-ильщик*, выделяемые в морфологическом описании. Все они должны рассматриваться здесь как последовательности морфов, начинающиеся с морфа *-и-*, акцентными свойствами которого (см. ниже) и определяется ударение всех производных этой группы. Возможны и другие, более сложные расхождения между морфологическим и акцентологическим анализом производных; см., в частности, § 1.32 о способах представления деривационной истории производных типа *безлошáдный*, *обессáхарить*, *разноязычный* в акцентологии и в морфологии.

В настоящей главе морфологическое членение словоформ, отождествление морфов и представление деривационной истории производных проводятся с теми корректировками (оговариваемыми по ходу изложения), которых требует собственно акцентологическое описание. Понятно, что согласование полученных при этом результатов с данными обычного морфологического описания потребует некоторой дополнительной процедуры (впрочем, довольно несложной). Но этот небольшой технический проигрыш безусловно перевешивается очевидным выигрышем в понимании акцентологических механизмов как таковых.

В частности, с акцентологической точки зрения целесообразны следующие соглашения. Если в состав отглагольного производного входит оканчивающаяся на гласную инфинитивная основа исходного глагола, то такое производное в нормальном случае считается образованным от данной основы как от единого целого. Если при этом в составе производного за такой основой следует *в*, *ј*, *л*, *н* или *т* (кроме *т*, входящего в суффикс *-тель*), то это *в*, *ј*, *л*, *н* или *т* трактуется как консонизатор *и*, соответственно, входит в базовый компонент (*и* не в состав суффикса). Примеры (базовый компонент отделен): *лив-ень*, *убий-ца*, *жиль-јб*, *жил-ище*, *остáн-ки*, *знáн-ие*, *выть-јб*, *понят-ливый*, *задáт-ок*; *умéл-ец*, *сéял-ка*, *плáкаль-щик*, *оборвáн-ец*, *послáн-ец*, *рвань-јб*, *владéн-ие*, *собирáн-ие*, *собирá-тель*; слова *прилив*, *помój-и* и т. п. попадают в категорию бессуффиксальных производных.

Данный принцип не распространяется, однако: 1) на образование неличных форм исходного глагола, а также от причастных прилага-

тельных (*чёсаный, вáляный* и т. п.)¹²; 2) на случаи, когда основа производного равна основе глагола + *л*, например, *устáлый, былóй, пожилóй, покрýвáло, мерíло, обирáла* (-*л*- считается здесь суффиксом, а не консонизатором).

Особенность *i*-глаголов: здесь производное, сохраняющее *-и-* (например, *гладíльщик, правíтель, верíтельный*), считается образованным не прямо от основы инфинитива, а с заменой в ней тематического *-и-* на омонимичный ему особый словообразовательный морф *-и-*, имеющий другую акцентную характеристику (а именно, требующий постановки ударения на самом этом морфе, подробнее см. § 1. 41). В остальном соблюдаются изложенные выше правила; в частности, *л* в *гладíльщик, морозíлка* и т. п. трактуется как консонизатор.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ

Система маркировок

§ 1.21. Как уже указано в § 0.2, в настоящей работе акцентологическая классификация морфем проводится с использованием техники маркировок.

Маркировка отдельной морфемы складывается из нескольких самостоятельных акцентных характеристик. При этом обязательно представлена одним из символов (↓, ←, →) только характеристика «позиция ударения». Все прочие характеристики строятся по принципу: «есть ли у морфемы такая-то особенность?». Если да, то в маркировку включается соответствующий символ (буквенный), если нет, то это никак не отмечается.

Наиболее важными являются две характеристики: «позиция ударения» и «доминантность—недоминантность». Они вместе образуют основную маркировку морфемы. У подавляющего большинства морфем маркировка этим и ограничивается. Лишь у совсем немногих морфем (а именно, у некоторых суффиксов) помимо основной маркировки имеется еще и дополнительная.

Ниже перечислены все символы, используемые в маркировках. Приводимые при этом пояснения носят нестрогий, содержательный характер. Формальный смысл каждого символа состоит в способе его использования в правилах, которые даются в последующих параграфах.

1. Акцентная характеристика «позиция ударения» (более точно: «позиция ударения в случае, если ударение привязано к данной морфеме»; о выражении «привязано» см. § 1.22). Символы:

¹² Такое же членение, как для причастий, необходимо принять и для слов, которые с синхронической (не с исторической) точки зрения произведены от причастий или от отпричастных прилагательных, например, *кáтанки, чёсанки, вáленки* (= **вáлянки*); ср. сохранение такими словами ударения соответствующих причастий. Поскольку отличить такие производные от *оборéнец, по-слáнец* и т. п., не обращаясь заранее к их ударению, затруднительно, с формальной точки зрения для разграничения здесь необходимы списки.

- ↓ («самоударность») — ударение падает на саму данную морфему;
 ← («левоударность») — ударение падает левее данной морфемы;
 → («правоударность») — ударение падает правее данной морфемы.

2. Акцентная характеристика «доминантность—недоминантность» (т. е. наличие или отсутствие регулируемого определенными правилами преимущества в «конкуренции» морфем за ударение). Символ доминантности: D.

3. Символы, используемые в дополнительной части маркировки, таковы (они возможны только у суффиксов):

Init — «начальное ударение»;

Mono syll — «ударение требует поправки при односложности базового компонента»;

Polysyll — «ударение требует поправки при неодносложности базового компонента»;

Marg — «суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности в производящем слове»;

Triv — «маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»;

Deox — «флексионное ударение производящего слова трактуется как тривиальное».

Выписанные здесь ярлыки, разумеется, не раскрывают точного смысла перечисленных символов (этому повящен § 1.34).

Отметим, что разделение суффиксов на 6 групп по их основной маркировке (←, ↓, →, ←D, ↓D, →D) в целом соответствует разделению на группы I 1, I 2, I 3, II 1, II 2, II 3, принятому в работе: Редькин.

Для упрощения ряда последующих формулировок маркировка считается приписанной к определенной фонеме внутри морфемы (морфа). Маркировка с ↓ приписывается к некоторой небеглой гласной в составе морфемы (а именно, к той, которая фактически несет ударение в словоформах, где оно привязано [§ 1.22] к данной морфеме); например, маркировка приписана к гласной первого слога в морфеме ягод-, второго — в мороз-. Маркировки с → и ← (а также с ↓ у неполновокальных морфем) приписываются к последней фонеме в составе морфемы.

Допустимо также говорить о маркировке морфа (а не только морфемы в целом). В принципе все морфы одной морфемы имеют единую маркировку; но в некоторых исключительных случаях этот принцип может нарушаться.

В настоящей работе в описании современной русской акцентуации (в отличие от раннедревнерусской) маркировки используется только для морфем, входящих в состав основы (корней, приставок, суффиксов), но не для окончаний. Информация об акцентных свойствах окончаний дана в другой форме — в виде описания схем ударения в парадигмах словоизменения (§ 1.8—9). Иначе говоря, предлагаемая здесь система маркировок предназначена для акцентологического опи-

сания словообразования, а не словоизменения (точнее, этой системой не может быть полностью отражено словоизменение непроизводных слов). Такое решение обусловлено тем, что в современном языке, в отличие от древнерусского, для словообразования и для словоизменения актуальны разные разбиения корневых морфем на акцентные классы. В самом деле, в современном русском языке при одном и том же наборе окончаний могут противопоставляться до семи разных схем ударения, например: *вёра* — схема *a*, *чертá* — *b*, *бедá* — *d*, *губá* — *f*, *спинá* — *d'*, *ногá* — *f'* (ср. еще единичное *дбля* — схема *e*). Чтобы отобразить эти различия с помощью маркировок, нужно в идеале ввести семь различных маркировок корня. Если допустить некоторое количество индивидуальных исключений, инвентарь маркировок можно сократить; однако попытка обойтись менее чем четырьмя маркировками уже приводит к непомерно длинным спискам исключений или к иным модификациям техники маркировок, которые в сущности компрометируют саму эту технику¹³. Между тем для современного русского словообразования в подавляющем большинстве случаев актуально противопоставление всего двух акцентных классов корней: ↓ и → (соответствующих тривиальному и нетривиальному типам в словоизменении). Лишь в немногих случаях в качестве реликта более ранней системы обнаруживается особый акцентный эффект при словообразовании у корней, соответствующих маргинально-подвижному типу.

Базисное правило

§ 1.22. Если выписать последовательно маркировки всех морфов, входящих в некоторую основу, мы получим цепь маркировок этой основы. Точно так же можно построить цепь маркировок для той или иной части основы, скажем, для ее базового компонента¹⁴.

Имеется следующее, так наз. базисное правило о связи ударения с цепью маркировок произвольной основы.

А. 1. Ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей D; но если таковой окажется маркировка →D, стоящая не последней в цепи, то ударение привязывается к следующей маркировке.

2. Если маркировок с D нет, ударение привязано к самой левой маркировке, содержащей ↓ или ←.

3. Если маркировок с ↓ или ← нет, ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей →.

Б. Формула «ударение привязано к некоторой маркировке» означает:

¹³ Именно в такое положение попадает П. Гард (Гард 1978, с. 369—376), который постулирует для корней всего три маркировки, но, чтобы справиться, например, с различием между *чертáи* и *бíдам*, вынужден приписать окончанию -ам (и другим подобным) неустойчивую маркировку (без строгих правил, регламентирующих эту неустойчивость).

¹⁴ Однако для целой словоформы этого сделать нельзя, поскольку, как отмечено выше, в нашем описании окончания не получают маркировок.

если маркировка содержит ↓, то ударение падает на саму соответствующую гласную¹⁶;

если ←, то ударение падает на ближайшую гласную слева¹⁶;

если →, то ударение падает на ближайшую гласную справа; если таковой в пределах основы уже нет, основа безударна (точнее: слово относится к нетривиальному акцентному типу, см. § 1.18).

Примеры действия базисного правила (морфема, к которой привязано ударение, подчеркнута):

банд-ит-изм- — *бандитизм-*
 ↓ ↓D ↓D

черт-ёж-ик- — *чертёжик-*
 → →D ←

горош-ин-к-(a) — *горошинк-(a)*
 ↓ ↓ ←

слеп-ыш- — *слепыш-* (безударная основа,
 → → ср. *слепышá, -у* и т. д.).

Необходимо сразу же подчеркнуть, однако, что фактическое ударение значительного количества основ не соответствует базисному правилу; оно определяется серией более частных правил, представляющих собой различного рода поправки к базисному правилу. В частности, как легко видеть, в базисном правиле вообще не фигурируют элементы дополнительной части маркировок; это значит, что акцентный эффект, который порождают эти элементы, всегда носит характер поправки к базисному правилу. Таким образом, базисное правило отражает закономерности русской словообразовательной акцентуации в сильно идеализированном виде. В ряде случаев оно используется как эталон, сравнение с которым позволяет выявить и точно охарактеризовать некоторое акцентное отклонение.

Перемаркировка

§ 1.23. Когда две или более морфемы соединяются в процессе образования производной основы (или какой-то ее части), с акцентной точки зрения имеется две возможности: акцентуация полученной основы либо соответствует базисному правилу, либо не соответствует. В первом случае мы будем говорить о «простом акцентном суммировании» морфем, во втором — об отклонении от такового.

Часть таких отклонений описывается ниже через прямое указание того, как отличается фактическое ударение от ожидаемого по базисному правилу. Но в некоторых случаях наиболее целесообразной оказывается несколько иная техника — описание через так наз. *перемаркировку*; иначе говоря, акцентное отклонение представ-

¹⁶ Если же такая маркировка приписана к согласной, ударение падает на ближайшую гласную слева.

¹⁶ Если влево гласных больше нет, ударение падает на начальный слог основы.

ляется как результат замены первоначальной цепи маркировок на некоторую другую (которая уже дает по базисному правилу действительную акцентуацию основы).

Соответственно, необходимо различать первоначальную (или исходную) маркировку некоторой морфемы и ее реальную маркировку в составе определенной словоформы (которая из-за перемаркировок иногда не совпадает с первоначальной).

Заметим, что у корней и приставок вся первоначальная маркировка состоит только из символа ↓ или →; любая более сложная первоначальная маркировка (равно как символ ←) возможна только для суффиксов. Но в результате перемаркировок корень может получить также символ D.

При перемаркировке может происходить также «акцентное склеивание» морфов (т. е. своего рода «акцентное опрошление»), когда два соседних морфа объединяются в единый элемент, имеющий уже не две раздельные маркировки, а одну общую.

МОРФЕМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

§ 1.24. В современном русском языке некоторые последовательности морф обладают особыми акцентными свойствами, не вытекающими (в общем случае) из свойств составляющих их морфем; мы называем их ниже морфемными комплексами. Как будет видно из дальнейшего, значение морфемных комплексов для русской акцентологии очень велико (в существующих описаниях оно сильно недооценено).

Приставочно-корневые комплексы

Из всех типов морфемных комплексов наибольшее значение для русской акцентологии имеют приставочно-корневые комплексы, т. е. морфемные последовательности вида «приставка (или несколько приставок) + корень» (причем только такие, в которых все морфемы плотно присоединены друг к другу, см. § 1.4). Примеры: *при-хдб*, *при-ход-(ый)*, *у-грбз-(а)*, *раз-брбр-(чий)*, *за-на-вёс-(ка)*, *не-от-влз-(ный)*, *бес-стыйд-(ство)*, *без-дёл-(ье)*, *без-нбг-(ий)*; однако, скажем, *неживой* не содержит приставочно-корневого комплекса, так как *не* здесь неплотно присоединено к корню; то той же причине в слове *непроходной* представлен лишь комплекс *про-ход*, но не *не-про-ход*.

Корень, имеющий при себе консонизатор (§ 1.19), входит в состав приставочно-корневого комплекса вместе со своим консонизатором; примеры: *про-лив*, *о-стат-(ок)*.

Различаются простые приставочно-корневые комплексы (где приставка одна) и сложные (где приставок две или больше).

Приставочно-корневые комплексы представлены в русском языке в основном в следующих категориях слов: 1) глаголы, например, *приходить*, *победить*, *разбирать*, *украшать*, *пролезть*; 2) бессуф-

фиксальные имена, например, отглагольные *приходб*, *побéда*, *разбрбр*, *пролáза*, *покáтый*, неотглагольные *пбдпол*, *безнбгий*; 3) суффиксальные имена, производные от слов группы 1 и 2, например, *прихбдский*, *победйтль*, *разбрчвый*, *подблье*, *пролáзничество*.

Между группами 1 и 2 обнаруживаются существенные различия в акцентуации приставочно-корневых комплексов, а в части случаев также и в выборе корневых морфов. Для группы 1 наиболее характерно ударение правее приставочно-корневого комплекса, ср. примеры выше (реже встречается иное ударение — обычно корневое, ср. *про-лéть*, *пролéзет*, *прихбдит*, *украсить* и т. п.). Напротив, в группе 2 господствует корневое ударение, ср. примеры выше (и лишь в незначительном меньшинстве случаев находим иное ударение — обычно префиксальное, ср. *вýход*, *пбдпол*, *бтпуск*, *прбволока* и т. п.).

Различия в выборе корневого морфа между группами 1 и 2 возможны лишь для немногих (но очень употребительных) корней. Единых для всех этих корней правил выбора морфов нет; для наших целей достаточно привести ряд характерных примеров: *зарек-áться* — *зарóк*; *задр-áть*, *задер-ý*, *задир-áть* — *задбр*, *задýр-a*; *подня-ть*, *подним-áть* (*подым-áть*) — *подъём*; *привез-ти*, *привоз-áть* — *привбз*; *отбí-ть*, *отбью-ю*, *отбив-áть* — *отбой*, *отбíв*. Как видно из приведенных примеров, даже и у этой группы корней нет полного разграничения между «глагольными» и «именными» алломорфами: так, неоднозначны в этом отношении, например, алломорфы *-дир-*, *-воз-*, *-бив-* (с консонизатором *в*).

Что касается группы 3, т. е. суффиксальных производных, то здесь прежде всего встает вопрос о том, от имени или от глагола произведено соответствующее слово, например, *разбрчвый* (ср. *разбрбр* и *разбирать*), *входнбй* (ср. *вход* и *входить*), *привязнбй* (ср. *привязь* и *привязать*) и т. п.

В этой проблеме необходимо различать два аспекта: 1) семантический; 2) морфонологический (т. е. связанный с выбором морфов и акцентуацией); ср. Земская, с. 69 и далее.

Семантическая производность выражается в сохранении у производного (с модификацией, привносимой суффиксом) всех или хотя бы некоторых значений производящего. При установлении семантической производности особенно показательным является «наследование» производным словом специфических (не вытекающих с необходимостью из его морфемного состава) значений производящего. Например, слово *похбдный* явно семантически производно от *похбд* «особый вид военного или туристического передвижения», а не от глагола *походить* (не имеющего этого специфического значения); *заливный* семантически производно от *залив* «определенная часть моря», а *заливной* — от *заливать*.

Следует учитывать, однако, что существуют все же случаи, где не удается однозначно установить семантическую производность, поскольку семантические связи производного с глаголом и с от-

глагольным именем примерно одинаковы; примеры: *входнбй* (*входить* и *вход*), *объездчик* (*объезжать* и *объезд*) и т. п.

Морфонологическая производность выражается в том, что производное либо просто сохраняет основу производящего слова и ее акцентацию, либо трансформирует их по некоторым стандартным правилам. Например, *разбрбрчвый* морфонологически производно от *разбрбр* (а не от *разбрирать* или *разобрать*); напротив, *разбррательство* морфонологически производно от *разбрирать* (а не от *разбрбр*).

Может оказаться, однако, что некоторое слово по своим морфонологическим свойствам (акцентуация, выбор морфов) должно быть признано, скажем, отымененным производным, а соответствующее исходное имя в языке отсутствует. Например, слово *выйбона*, судя по морфу *-боj-* (ср. *отбой*, *прибой* и т. п.), должно квалифицироваться как морфонологически производное от **выйбой* (а не от *выйбить*; *вывибáть*); между тем слова **выйбой* нет. В связи с этим имеет смысл говорить просто о морфонологически глагольных и морфонологически именных приставочно-корневых комплексах в составе производных слов — в соответствии с их акцентуацией и выбором морфов и вне зависимости от того, существует ли соответствующее исходное слово реально.

Нормальным для русского языка является такое положение, при котором слова, семантически производные от глаголов, содержат морфонологически глагольный приставочно-корневой комплекс, а от имен — морфонологически именной. Однако в некоторых случаях это соответствие все же оказывается нарушенным. Так, в парах *догадáться*—*догадливый*, *въедáться*—*въедливый*, *удушáть*—*удушливый*, *запасáть*—*запасливый* семантические отношения практически такие же, как, например, в парах *бодáть*—*бодливый*, *болтáть*—*болтливый*, *хвáстать*—*хвастливый*, *говорáть*—*говорливый*. Во всех этих случаях прилагательное семантически производно от глагола (заметим, что соответствующих существительных — **догадáд*, **въедéд*, **бод* и т. п. — для большинства примеров здесь просто нет). Между тем в группе *догадливый*, *въедливый*, *удушливый*, *запасливый* приставочно-корневой комплекс, судя по ударению, — морфонологически именной, а не глагольный. (Объяснить здесь корневое ударение просто тем, что суффикс *-ли-* требует ударения слева от себя, нельзя из-за акцентовки слов *бодливый*, *болтливый* и т. д.). Ср. сходную ситуацию у производных на *-чив-* (*бранчивый*, но *измéнчивый*, *устúпчивый* и т. п.), *-ист-* (*неказáистый*, но *залáвистый*, *прерýвистый* и т. п.) и ряда других. Таким образом, необходимо признать, что некоторые суффиксы отглагольного (с семантической точки зрения) словообразования требуют замены морфонологически глагольного приставочно-корневого комплекса морфонологически именным.

§ 1.25. Изложенные факты дают основания для следующего общего решения вопроса о приставочно-корневых комплексах.

Всякий приставочно-корневой комплекс, входящий в состав основы определенной словоформы, является либо морфонологически глагольным,

либо морфонологически именным. В общем случае это различие проявляется в ударении и/или в выборе морфов, но в частных случаях оно может и никак внешне не проявляться. В дальнейшем для упрощения терминологии мы будем говорить просто о глагольных и именных приставочно-корневых комплексах (считая, что уточнение «морфонологически» подразумевается).

По своей способности непосредственно присоединяться к глагольным приставочно-корневым комплексам суффиксы делятся на две группы: так наз. первичные способны к этому, так наз. вторичные — неспособны. Первичные суффиксы фактически всегда универсальны, т. е. могут присоединяться к любому приставочно-корневому комплексу — как глагольному, так и именному. Из вторичных суффиксов большинство способно присоединяться к именному комплексу, но некоторые (например, *-ач*) вообще неспособны присоединяться ни к какому приставочно-корневому комплексу.

Если в процессе словообразования предстоит присоединить вторичный суффикс (например, *-чив-*) к приставочно-корневому комплексу, входящему в основу некоторого глагола (например, *сговориться, разбирать*), этот комплекс должен быть предварительно превращен в именной. Практически это обычно означает определенные изменения в акцентуации и иногда в выборе морфов; так, в данном случае получаем *сговарчивый, разбручивый* (а не **сговорчивый, *разбничивый*).

Для дальнейшего необходимо уметь решать следующую практическую задачу: установить, является ли приставочно-корневой комплекс в составе некоторой словоформы глагольным или именным, не обращаясь при этом к сведениям об акцентуации данной словоформы¹⁷ (шири том что разделение суффиксов на первичные и вторичные, напротив, предполагается уже известным). Правила здесь таковы.

Случай 1: приставочно-корневой комплекс завершает основу (в частности, равен основе) в словоформе любой части речи, кроме глагола. Такой комплекс — именной. Примеры: *прихбд, не-прихбд, побёд-а, нёревяз-ь, занавес, безнбг-ий, покат-ый*.

Случай 2: приставочно-корневой комплекс входит в основу глагольной словоформы (личной или неличной) и либо равен этой основе, либо отличается от нее только на тематический элемент¹⁸. Такой комплекс — глагольный (например, *пролёз-ть, приход-й-ть, улет-а-ющий*), за исключением тех немногочисленных случаев, когда глагол (на *-ить, -овать- или -атъ*) является производным от имени, содержащего приставку (например, *проказ-и-ть, расхбд-ова-ть* от *проказа* ‘шалость’, *расхбд*; в этих случаях комплекс именной).

Случай 3: в составе основы за приставочно-корневым комплексом непосредственно следует словообразовательный суффикс.

¹⁷ Указанное ограничение обусловлено тем, что ответ на поставленный вопрос сам должен служить одним из шагов в процедуре установления места ударения в произвольной словоформе.

¹⁸ Аффиксы неличных форм, если они есть, не принимаются во внимание.

Если этот суффикс вторичный — комплекс именной. Примеры: *сгвобр-чив-ый*, *придйр-чив-ый*, *изворот-лив-ый*, *подёл-к-а*, *выдел-к-а*.

Если этот суффикс первичный, то комплекс именной, если слово семантически производно от имени (например, *нарбд-н-ый*, *поезд-н-ый*, *прбволоч-н-ый*, *прокáз-и-ть* — от *нарбд*, *пбезд*, *прбволока*, *прокáза* ‘шалость’) или от сочетания предлога с именем¹⁹ (например, *безл-шад-н-ый*, *безнадзбр-н-ый*, *подрúч-н-ый*, *бесчéст-и-ть*), и глагольный, если слово семантически производно от глагола или семантически двусмысленно (т. е. связано одновременно с глаголом и с отглагольным именем), например, *залив-н-ый*, *выход-н-ый*, *привяз-н-ый*.

Кроме того, специально для суффикса *-н-*, с которым связано наибольшее число трудностей в решении данной проблемы, имеется ряд вспомогательных правил (см. § 1.60).

Другие типы комплексов

§ 1.26. Помимо приставочно-корневых, для акцентологии существенны также некоторые другие типы морфемных комплексов. Таковы прежде всего *двукорневые* комплексы, т. е. морфемные последовательности вида «корень + соединительная гласная + корень» (причем такие, где все морфемы соединены между собой плотно), например, *землекóп*, *машиноопис-ь*, *светонос-ный*. Возможны также и другие типы комплексов, получаемые усложнением основных типов за счет замены корней на целевые основы или за счет увеличения числа корней. Таковы, в частности, приставочно-основные комплексы, например, *безráдост-ный*. С акцентологической точки зрения подавляющее большинство комплексов всех этих типов аналогично именным приставочно-корневым комплексам. К глагольному типу относятся только комплексы в *руководíть*, *путеводíтель*, *благословíть*, *благоволíть*, *благодарíть*, *животворíть*, *благотворíтельный*, *боготворíть*; они представляют собой архаизмы, ср. более новые образования типа *верховóдить*, *пустословíвать* (с обычным именным комплексом).

В дальнейшем под общим названием *именных комплексов* объединяются именные приставочно-корневые комплексы и все прочие морфемные комплексы, кроме перечисленных выше исключений.

«Опорное» -ов-

§ 1.27. Хотя именные комплексы практически никогда не передают ударения присоединяемым к ним полноценным суффиксам, они в некоторых случаях передают его «пустому» морфу *-ов-*. Примеры: *Поднепрóвье*, *безотцóвщина*, *поножбóвщина* (ср. *Поволжье*, *подёнщина* и т. п.). Мы будем называть такое *-ов-* «опорным». С акцентологической точки зрения опорное *-ов-* ведет себя как составная часть имен-

¹⁹ Комплекс с *без-* — всегда именной, даже если его вторая часть не соответствует никакому реальному имени, например, *беспробуд-н-ый*, *безопас-н-ый*.

ного комплекса (а не как внешний по отношению к нему морф); именно так оно и рассматривается ниже. С формальной стороны комплексы *по-днепрōв-*, *без-отцōв-*, *по-ножōв-* вполне аналогичны приставочно-основным типа *без-рāдост-*, *пред-вершиń-*. Разница лишь в том, что замена основ *днепр-*, *отц-*, *нож-* на *днепрōв-*, *отцōв-*, *ножōв-* не связана здесь ни с каким изменением смысла; *днепров-*, *отцов-*, *ножов-* выступают просто как своего рода «удлиненные» (и более удобные для соединения с суффиксами) варианты основы слов *Днепр*, *отец*, *нож*. Эта замена, в частности, позволяет избежать сложных сочетаний согласных, которые должны были получиться в **Поднēпрье*, **без-зотéщина*, **понóжщина*. В ряде случаев (например, *приднепрóвский*, *беспоповский*, *безгреховный*) равно допустимы интерпретация через опорное *-ов-* и через неплотное присоединение морфемы слева. Относительно возможного совмещения функций опорного *-ов-* и суффикса *-ов-* см. § 1.62.

Теоретически возможно также безударное опорное *-ов-* (скажем, *приаráковский*); практически, однако, подобные примеры (все они довольно искусственны) проще интерпретировать иначе (через суффикс типа *-овск-* или через неплотное присоединение).

Перемаркировка морфем в составе комплексов

§ 1.28. Особые акцентные свойства, имеющиеся у части морфемных комплексов, на техническом уровне проще всего отобразить с помощью перемаркировок (§ 1.23), т. е. указать, каким изменениям подвергается первоначальная маркировка морфемы в том случае, когда морфема вступает в морфемный комплекс. Правила здесь таковы.

А. В именном комплексе (но не с приставками *вы-*, *на-*²⁰) второй член взамен своей первоначальной маркировки получает новую, а именно ↓ D²¹. Например, в словах *зхōд*, *нахōчивый*, *безлюдный*, *ско-рохōд*, *лукомóрье* корни *ход-*, *люд-*, *мор-* получают маркировку ↓ D; особо отметим *прóрва*, *подóшва*, *бéздна* и т. п., где ↓ D появляется при безгласном морфе. Если в качестве второго члена выступает цепь основа, а не просто корень, маркировку ↓ D получает та морфема, которая несет ударение в исходной форме слова с такой основой (если же основа в этой форме безударна или если такого слова вообще нет, то последняя морфема основы); при наличии опорного *-ов-* (§ 1.27) маркировку ↓ D получает это *-ов-*. Примеры: в словах *безrāдостный*, *предвершиńный*, *низкочастóтный*, *безотцōвщина* ↓ D появляется при морфемах *рад-*, *-ин-*, *-от-*, *-ов-*.

²⁰ Именные комплексы с приставками *вы-* и *на-* (которые имеют маркировку ↓) перемаркировке не подвергаются. Исключения: *вынблизивый*, *выбытие* (где *вы-* ведет себя как обычная приставка); в слове *наскóда* приставка уже не выделима. Фактически не подчиняется данному правилу также приставка *пра-*, см. ниже, пункт I.

²¹ Это практически означает, что все остальные маркировки *внутри* комплекса уже несущественны; ничто не изменится, если считать, что они просто сняты.

При замене маркировок место приписки маркировки внутри морфемы в нормальном случае не меняется. Соответственно, например, в словах *обмолот*, *безголовый*, *длиннобородый*, *безлошадный* маркировка ↓ D приписывается к последней фонеме морфем *молот-*, *голов-*, *бород-*, *лошад-* (поскольку эти морфемы ранее имели маркировку →, ср. *молотить*, *голова*, *борода*, *лошадь*). Имеются, однако, следующие особые случаи. 1. Если второй член комплекса — это неодносложная²² основа существительного маргинально-подвижного типа с наосновным ударением в исходной форме (кроме слов с полногласным сочетанием в корне, слов на -мя и вёчер, *козырь*, *ноготь*, *лóкоть*, *лéméх*, *лóшадь*, *стéпень*, *зéркало*, *озеро*), то маркировка ↓ D ставится при гласной первого слога такой основы. Отсюда такие ударения, как, например, *белокáменный*, *безблáчный*, *безъя́корный*, *беспáрусный*, *двупóлостный*, *двухлóпастный*, *обесщéлочить*. Сверх того, такую акцентовку имеют комплексы с -времен- (кроме со-, по-, одно-, разно-времéнныи), например, *своеврéменный*, *безврéменный*. Исключения: *подмастéрье*, *Ло-синоостróвская*, *Белоцеркóвский*; колеблются *великовозráстный*, *ка-менноу́гольный*. 2. Индивидуальные отклонения: комплексы с -образ- (кроме безобразный 'лишенный образа, образности'), например, *безобрáз-ный*, -ie, *крестообрáзный*, *дикобрáз*; *беспринципный*, *безвоздúш-ный* (↓ D при конце комплекса).

З а м е ч а н и е. При окказиональном образовании подобных комплексов (в т. ч. образовании заново реально существующих слов) здесь может наступить эффект неосвоенности, состоящий в том, что любое существительное с начальным ударением в исходной форме трактуется как относящееся к тривиальному акцентному типу (ср. действие пометы Triv, § 1.34). Отсюда возможность таких окказиональных ударений, как *бескблóльный*, *беззéркальный* и т. п. В слове *безобразный* (см. выше) этот эффект закреплен нормой для отличия от традиционного *безобрáзный*.

Из приведенного общего правила о перемаркировке внутри именного комплекса в пользу ↓ D при втором члене имеется, однако, несколько групп исключений (объем приводимых ниже списков определяется теми же принципами, что в описании суффиксов, см. § 1.39).

I. Приставки *пра-* и *су-* в значительной части случаев удерживают ударение на себе (что является следом древнего состояния, ср. § 2.22); технически это означает, что приставка получает маркировку ↓. Таковы: *пráдед*, *пráвнук*, *пráщур*, *пráотец*, *пráвнучка*; *сúмрак*, *сúпесок*, *сúтолока*, *сúковица*, *сúпрядки*, *сúмерки* (ср. также опровергшиеся *сúдорога*, *сúтки*; в словах *пráзелень*, *сúтемь*, *сúпесь*, *сúтолочь* начальное ударение можно объяснить эффектом суффикса -~, § 1.43). Чаще, однако, приставка *су-* ведет себя по общему правилу, например, *сустáв*, *суглóйник*, *сумáтыца*, *супорóсая*, а приставка *пра-* неплотно присоединяется к имени, например, *прайзык* (с сохранением флексионного ударения), *прапóдина*, *прадéдушка*.

²² Неодносложная в том виде, в котором она входит в состав комплекса; таким образом, сюда относятся и случаи типа *подлокотник*, *белокáменный*.

II. Наиболее многочисленная группа исключений — существительные мужского рода с основой, равной приставочно-корневому комплексу, обнаруживающие не корневое, а начальное ударение (типа *запуск*). Строгих правил распределения слов данной структуры между моделями *заход* (по основному правилу) и *запуск* нет. Обнаруживается, однако, некоторая связь этого распределения с фонологическим составом корня (ср. Устинова 1980); соответственно, ниже слова модели *запуск* указаны с разделением по данному признаку.

1. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчивающимся на *к* (кроме односложных корней на /ок/, /ек/ — графически *ок*, *ёк*, *ек*). Примеры²³: *признак*, *призрак*, *блых*, *откли克*, *бкрик*, *наволок*, *обморок*, *умолк* (без *умолку*), *рбщерк*, *нáсморк*, *прблеск*, *нáллеск*, *пбиск*, *рбзыск*, *нáтиск*, *запуск*, *пропуск*, *пбрьск*, *бтпрыск*, *призвук*, *прйстук*, *нáвык*, *промельк*; также *нéук*. Отклонения: *прилик*, *упуск*, *нарыск*, *притык* (все эти слова очень редкие); они идут по общему правилу.

2. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчивающимся на сочетание /и/, /у/ + шумная глухая согласная (за которой может также следовать еще одна согласная). Фактически это прежде всего корни *куп*, *ступ*, *сып*, *дыых*, *дух*, *слух*, *кус*, *свист*, *кис(е)л*, *мыс(е)л* (для конечного *к* см. пункт 1). Примеры: *подкуп*, *бtkup*, *дбстup*, *прйстup*, *прбсъp* (без *прбсъpu*), *бtдых*, *прбдух*, *нáвис*, *прйкус*, *искýс*, *пбсвист*, *прйсвист*, *нáхлыст*, *бкисел*, *промысел*, *умысел*; также *нэслух*, *нéуч*; особо отметим *привкус* (с двумя приставками). Отклонения: *устýп*, *закýт* (но также и *закут*), *укýс*, *надкýс*, *прокýс*, *откýс*, *понюх*; они идут по общему правилу (см. также выше примеры с колебанием).

3. Следующие существительные такой же структуры, как в пункте 2, но со звонкой, а не глухой согласной: *пбгib*, *пбшиb* (в иконописи), *бtrуб* (земельный участок), *привизг*, *бжиг*, *рбзжиг*, *бtжиг*, *нáстрýг*, *постриг*, *бkrуг*, *застрýг*, *нáстрýг*, *подгрýзь* (ср. еще разг. *рáструб*); также *нéдруг* и сокращение *нéуд*. Ср. идущие по общему правилу *ушib*, *разрýб*, *испýг* и т. п.

4. Прочие: *нáдолб*, *прйстав* (должностное лицо), *бтзыv* (мнение, документ), *заберег* (от *бéreg*), *бберег* (от *берегáть*), *пóтяг*, *пропад* (*пропадí пропадом*), *пбезд*, *привод* (в технике), *дбвод*, *пбвод*₁₋₂, *прóвод*, *прйгород*, *удерж* (*удержу нéт*), *пбдрез* (у полоза), *прбсек*, *пробел* (в иконописи), *рáзум*, *пбдпол*, *заговор* (тайное соглашение), *дбговóр*, *сгвор*, *вбзглас*, *зáнавес*, *бтсвéт*, *зáворт* (кишок), *вбзраст*, *промах*, *запах*, *прйпорoх*, *пбдлинь* (ср. еще разг. *рбзлив*, *прйговор*); также *нéклен*, *нéчет*.

З а м е ч а н и е 1. Исторически относились сюда же, но к настоящему времени опростились (хотя степень забвения первоначальной структуры у них и различна) слова: *пбгреб*, *спбсоб*, *бств*, *бстров*, *пбдвиг*, *пблог*, *базвер*, *запад*, *бвод*, *ббраз*, *замок*, *бкорок*, *бтрок*, *закром*, *бцеп*, *пбвар*, *ўжас*, *пбяс*, *прйчет*, *бмут*,

²³ В списке отражены почти все реально встретившиеся корни.

блыт, спблых, пётрох, пёсох, оббух, вбэдук, ббруч. Возможно, следует считать опростившимися также и *пвшиб, бкруг, пбезд, прызрак, бблик, бчерк, пбчерк, рэзум,* включенные выше в общие списки.

З а м е ч а н и е 2. В некоторой части случаев между словами основной акцентной модели (*проезд*) и акцентной модели *пбезд* обнаруживается следующее семантическое различие: для модели *проезд* более характерно значение собственно действия (или места действия), для модели *пбезд* — значение объекта (возникающего в результате действия, служащего для действия или как-то иначе с ним связанного). Этому часто сопутствует еще одно различие: значение существительного связано со значением глагола в модели *проезд* более прямо и проочно, в модели *пбезд* — более отдаленно и нередко даже идиоматично. Приведем характерные примеры: *пробод* (действие) — *прбвод* (электрический), *прибд* (действие) — *прйвод* (элемент технического устройства), *отзыв* (посла) — *бтзыв* (мнение, документ), *отруб* (место, по которому отрублено) — *бтруб* (земельный участок), *подрэз* (место, по которому подрезано) — *пбдрез* (железная полоска на полозе); ср. также, например, *проезд* — *пбезд*, *испуг* — *йзверг* и др.

С технической точки зрения, у слов *отруб*, *прйстав*, *бкруг*, *пёзд*, *прбвод*, *пбдрез*, *пропуск* (документ), *отпуск*, *прббл*, *бткуп*, *дбоговор* (факультативно также у *промисел*, *возраст*) основа вместо своей прежней двучленной маркировки получает единую маркировку → при последнем слоге. Соответственно, эти слова имеют нетривиальное ударение (а именно, схему с, см. § 1.18). Такую же маркировку из числа опростившихся имеют *пбгреб*, *бстров*, *браз* 'икона', *бкорок*, *закром*, *пбвар*, *пбяс*, *пётрох*, *ббруч* (факультативно также *бвод*, *блыт*). У всех прочих приведенных выше (включая замеч. 1) слов основа вместо прежней двучленной маркировки получает единую маркировку ↓ при первом слоге. Пример:

до-вод-	заменяется на	дово-д-
→ →		↓
с-говор-	» »	сговор-
→ →		↓

III. Исключениями из общего правила являются также следующие существительные и прилагательные: 1) *замбк, пособ* (лицо) (ср. также опростившееся *утбк* 'поперечные нити ткани'); 2) *благовест*; 3) *надолба, заберега, прбжига, збдруга, збстрюга, засёка, прбсека, заволока, наволока, пбдволбка, прбволока, засуха* (ср. также опростившееся *притолока*); *прбводы, прбиски, пбхоронь*²⁴; 4) *пбслушник, збработок, прйработок, збросток, нбигрыш, прбигрыш, рбзыгрыш, бтыгрыш; наволочка, пригбршня; збговенье, рбзговенье, збволовье; збморозки, збговены, рбзговены; збгородный, нббережная, нбожный, збработныи, нброчный, пристальный* (ср. также опростившиеся *збпонка, прйтормый*). В словах *замбк, пособ, пбхоронь* приставочно-корневой комплекс получает единую (вместо прежней двучленной) маркировку → при корне; в прочих словах он получает единую маркировку ↓ при начальном слоге.

²⁴ В словах *бтруби, пбдности, пбручи* и т. п. начальное ударение объясняется эффектом суффикса -'.

З а м е ч а н и е 3. Для комплексов с неслоговым корнем действие общего правила (пункт А) в принципе приводит к результату, представленному в словах *зәём* (Р. ед. *займа*), *нәём* (Р. ед. *найма*). Однако в современном языке такое ударение резко отклоняется от синхронического стандарта, требующего для существительных с беглой гласной колонного ударения (по крайней мере, в рамках одного числа) — либо типа *котёл*, *котлá*, либо типа *дáтел*, *дáтла*. Отсюда два типа выравниваний: 1) *замбк*, *посбл*, *утбк* акцентируются по модели *котёл*, *котлá*, ср. Р. ед. *зажкá*, *послá*, *уткá*; 2) в *пбжна*, *прýтча*, *причт* (*прýчет*) обобщилось начальное ударение (уже не переходящее на беглую гласную, ср. *пбжен*, *прýточник*, *прýчет*); формально сюда же относятся *сúтки*, *сúтом* (фактически здесь сохраняется древняя ударность *су-*), *зámок*, *зáмка* (заимствование из польского). Еще шире представлена перестройка, устранившая чередование беглой гласной с нулем: ср., с одной стороны, *прбре*, *подбшва*, *бéздна*, *прýтча*, *уйма*, *прбжма* и т. п. (Р. мн. *прорв*, *подбшв*, *бездн*, *притч*, *уйм*, *пройм*), также *пышный*, *поил*, *сонм*, *сбнма*, *причт*, *прýтча*, с другой стороны, *подъём*, *приём*, *учёт*, *расчёт* и т. п. (Р. ед. *подъёма*, *приёма*, *учёта*, *расчёта*). В значительной части приведенных примеров перестройке способствовало опрощение слова (выводившее его за рамки синхронических словообразовательных закономерностей).

В связи с исключениями, указанными выше (пункты I—III), необходимо дополнительно указать следующее. Слова, семантически производные непосредственно от существительных, указанных в этих пунктах (например, *зáпадный*, *пригородный*, *прýзрачный*, *сúмрачный*, *насморочный*, *прóволочка*, *блáговестить*, *поезднýй*, *окружнýй*, *поводбк*), акцентируются на базе этих существительных (т. е. сохраняют их ударение или трансформируют его по общим правилам словообразования). Исключения: *безобрáзный* и прочие с *-образ-* (см. выше), *разúмный*, *заговбрный* (от *зágовор* ‘заклинание, колдовство’), *похорóнnyй*; для опростившихся слов можно указать еще *подвéжник*, *ужásnyй*, *воздúшный*. Если же производное семантически связано с глаголом (или одновременно с именем и глаголом), действует общее правило пункта А; примеры: *сговбрчивый*, *отзыéчивый*, *засушилиvый*, *послúшный*, *неподкýпный*, *достúпный*, *поéзда*, *довбдка*, *промáшка*, *проволбчка*. То же и в случаях, когда производное имеет какую-то иную деривационную историю, но произведено не от рассматриваемого существительного, например: *способный*, *подпбльный*, *облыче*.

IV. Совершенно особую группу слов, образованную с помощью приставок, составляют наречия типа *насухо*, *пбсуху*, *слегкá*, *налегкé* (в Обр. их около 180). Их акцентуация не подпадает под действие общего правила пункта А; в то же время она лишь в малой степени зависит и от акцентуации соответствующих прилагательных. У рассматриваемых наречий встречается три типа акцентовки: 1) ударение на приставке (*насухо*); 2) конечное ударение (*налегкé*); 3) ударение на базовом компоненте (*помнбгу*); если базовый компонент неодносложен, в этом типе акцентовки сохраняется ударение краткой формы ед. сред. соответствующего прилагательного (*понапрásну*). При неслоговой приставке противопоставление типов 1 и 3нейтрализуется (*вскbre*). Принадлежность наречия к тому или иному типу

акцентовки в значительной мере зависит от морфологической модели.

1. Для моделей *из—а*, *сыз—а*, *на—о*, *за—о* нормой является ударение на приставке, например, *изредка*, *ыздачна*, *ыскоса*, *ычерна*, *ыскрасна*, *ыззелена*, *ызжелта*; *сызнова*, *сызмала* (также *сызмалу*), *сыздачна*; *нáкристо*, *нáново*, *нáмертво*, *нáкоротко*, *нáбело*, *нáчерно*, *нáскоро*, *нáчисто*, *нáглухо*, *нáсухо*, *нáдвое* (также *пéрво-нáперво*, *стрóбо-нáстрого* и т. п.); *зáдешево*, *зáживо*, *зáмертво*, *зáсветло*, *зáтемно*, *зáпросто*. Отклонения: *издалекá* (и *издалёка*), *издалéча* (*издалéче*); *нáправо*, *налéво*, *надблgo*, *намнбgo*, *насклько*, *настблько*, *навéрно*, *навéчно*; *задблgo* (ср. *нелитер.* *зáдолго*), *заедíно*. Колеблются *нáзлб*, *нáголб* (ср. также устаревшие варианты *набелb*, *начерnb*).

2. Группа наречий с приставочным ударением представлена в модели *по—у*: *пбровну*, *пбпросту*, *пбпуству*, *пбсуху* (ср. также редкие и устаревшие *пблюбу*, *пброзну*, *пбтемну*, *пбчасту*). Однако чаще здесь выступает ударение на базовом компоненте, например, *подблгу*, *помнбгу*, *неподалёку*, *постбльку*, *помáлу*, *понапрásну*, также *потихбньку* и т. п.; особо стоит *подобрý-поздорбув*.

Специально отметим, что приставочное ударение представлено в современном языке отнюдь не только у тех наречий, которые образованы от прилагательных маргинально-подвижного типа; ср., в частности, *ычерна*, *нáмертво*, *нáбело*, *нáчерно* и др.

3. В модели *на—е* представлено конечное ударение: *налегкé*, *накороткé*, *навеселé*, *наравнé*, *наединé*; ср. также *насторожé*. Отключение: *наготбве* (ср. *нелитер.* *наготовé*).

4. Модель *до—а* колебляется между конечным и приставочным ударением: *донагá*, *допозднá*, *дополнá*, *дотемнá*; *дбчиста*, *дбсыта* (устар. *досыта*), *дбсуха*; *дббелá*, *дбкраснá*, *дбчернá*, *дбпъяна*.

5. Значительные группы наречий с конечным ударением представлены в моделях *в—е* и *с—а*: *вдалекé*, *вдвойнé*, *втройнé*, *вполнé*, *вчернé* (также *вообщé*, *вотщé*); *спервá*, *слегкá*, *сполнá*, *сглупá*, *неспростá*, *сгорячá*. Однако чаще здесь выступает начальное ударение, например, *внбве*, *втáйне*, *вскбрe*, *вкráтице*, *спráва*, *слéва*, *спýйна*; только такое ударение в модели *с—у*, например, *смблоду*, *спýйну*, также *сблепу*. Особый случай: *вбвсе*.

6. В прочих случаях (их сравнительно немного) выступает ударение на базовом компоненте, например, *подáвно*, *воедíно*, *впáраво*, *вчéтверо*, *впáтеро*, *издрéвле*. Особо отметим *недáвно*, с плотно соединенным *не* (ср. *давнo*).

Б. Если в составе основы имеется глагольный приставочно-корневой комплекс с *вы-*, то везде, кроме словоформ с грамматическим значением совершенного вида²⁵, у приставки *вы-* маркировка ↓ меняется на → (практически это значит, что *вы-* здесь будет безудар-

²⁵ Грамматическим значением вида обладают только личные формы, причастия, деепричастия и инфинитивы.

ным). Например, в *выбирать*, *выезжает*, *вынесение*, *выпрямитель*, *выразительный* вы- получает → . Исключение: в глаголе *вглядеть* 'иметь вид' вы- сохраняет ↓, несмотря на несовершенный вид.

Замечание 4. В силу индивидуальных особенностей приставки *вы-* противопоставление именных и глагольных приставочно-корневых комплексов выступает здесь в составе имен (но не глаголов) особенно наглядно: первые имеют ударение на *вы-* (кроме слов *выблизивый*, *выбытие*), вторые — не на *вы-*. Примеры: 1) *выход*, *выпуск*, *выжига*, *вытирка*, *вышивка*, *выбона*, *выводок*, *высеки*, *выгонщик*, *выкидыши*; 2) *выгребной*, *вышивной*, *выпивбха*, *вынесение*, *выпрямитель*, *вытрезвитель*, *выразительный*, *вычислительный*. Это свойство приставки *вы-* особенно ценно при анализе суффиксов с маркировкой ← (например, -*к-а*): регулярное ударение на *вы-* (*вытирка*, *выкладка*, *выставка* и т. д.) сразу показывает, что суффикс требует именного комплекса, т. е. относится к числу вторичных, тогда как по примерам типа *обдирка*, *раскладка*, *подстаканник* этого еще непосредственно не видно (поскольку корневое ударение могло бы объясняться здесь и маркировкой суффикса).

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВ

§ 1.29. Базисное правило (§ 1.22) предназначено для непосредственного перехода от цепи маркировок произвольной основы к ее акцентуации. Если бы это правило сразу давало правильный результат для любой основы, оно было бы, конечно, самым простым средством определения акцентуации производных слов. Однако, как уже было отмечено, на самом деле действие базисного правила отягощено большим числом разнообразных поправок, из-за которых во многих случаях вычисление акцентуации по базисному правилу превращается в слишком громоздкую операцию.

Кроме того, в ряде случаев требуется определить акцентный результат присоединения некоторого аффикса к целой основе (в частности, многоморфемной). В принципе базисное правило может дать ответ и на этот вопрос, но довольно сложным путем — через обращение ко всей цепи маркировок данной основы. При этом существенно следующее: если некоторое производное слово является исключением из акцентных правил, т. е. имеет аномальное ударение, дальнейшие производные «наследуют» (т. е. сохраняют или закономерно преобразуют) именно это аномальное ударение; его аномальность нисколько не мешает тому, чтобы в последующем словоизводстве к нему применялись стандартные общие правила. Например, ударение *беспринципный* аномально (ср. *принцип*); но оно без всяких затруднений «наследуется» словом *беспринципность*. В подобных случаях обращение к базисному правилу означает, что мы вновь должны пройти все формальные трудности, связанные с наличием аномалии в производящей основе, при том что интересующий нас шаг (присоединение суффикса) сам по себе акцентно регулярен.

Таким образом, с практической точки зрения полезно иметь, помимо базисного правила, также поэтапные правила, отражающие акцентный эффект каждого из последовательных шагов деривационной истории слова. Понятно, что для таких правил требуется не-

которая акцентологическая классификация целых основ (а не только отдельных морфем).

Используемая ниже классификация такова. Основы слов (как непроизводных, так и производных) делятся на так наз. сильные, слабые²⁶ и промежуточные. Далее, сильные основы делятся на доминантные и недоминантные.

Этой классификации в подавляющем большинстве случаев достаточно для того, чтобы правильно установить акцентуацию производных; лишь в нескольких исключительных случаях (а именно, когда суффикс имеет акцентную особенность Marg, Triv или Deox, см. § 1.21), необходима дополнительная информация — о принадлежности производящего слова к маргинально-подвижному или флексионному акцентному типу.

§ 1.30. Сила или слабость основы определяются в первую очередь акцентным типом соответствующего слова. Основной принцип состоит в том, что у слова с тривиальным ударением основа сильная, а с нетривиальным — слабая²⁷.

От этого принципа имеются, однако, некоторые отклонения.

А. В определенных случаях основа является, вопреки основному принципу, слабой, а не сильной.

1. Часть существительных с непоказательным тривиальным ударением (§ 1.10, примеч.), т. е. *singularia tantum*, ведет себя при словообразовании как слова маргинально-подвижного акцентного типа. Это как бы латентная (с точки зрения словоизменения) маргинальная подвижность, которая становится явной в словообразовании. Таковы, во-первых, следующие *singularia tantum*²⁸: а) все непроизводные, содержащие (в исходной словоформе) полногласные сочетания *бло*, *бро*, *ёле*, *ёре* в корне, например, *гблод*, *хвброст*, *нёрест*, *мбрось*, *зблото*; б) слова (условно обозначенные в дальнейшем как «группа воск») *хлад*, *блуд*, *мрак*, *рок*, *риск*, *воск*, *лоск*, *хлам*, *срам*, *шум*, *крен*, *хрен*, *дёрн*, *тёргн*, *сан*, *мир 'рах'*, *кор*, *тёс*, *ворс*, *форс*, *гнус*, *бллат*, *бут*, *страх*, *смех*; *дйво*, *пйво*, *сено*, *прбсо*, *мясо*, *тесто*, *брюхо*; *сталь*, *гниль*, *лень*, *дрянь*, *дурь*, *лесть*, *грусть*. Во-вторых, следующие существительные с И. мн. на *-ья* (которые в силу § 1.7 оказываются в таком же положении, как *singularia tantum*): *блоз*, *блос*, *дерево*; *обод*, *пбод*; *друг*, *муж*, *кум*, *сын*, *князь*, *зять*. Наконец, сюда же примыкают неизменяемые слова *сквозь* и *сплошь*. Все эти слова имеют слабую основу; более того, везде, где это может быть существенно для словообразования, эти слова в дальнейшем

²⁶ В основе наименования лежит образ силы или слабости в «борьбе» за сохранение за собой ударения.

²⁷ Если ударение слова колеблется между тривиальным и нетривиальным типом, основа оценивается (кроме особо оговориваемых случаев) по нетривиальному варианту, т. е. как слабая.

²⁸ Помимо «чистых» *singularia tantum*, в список включены также слова *шум*, *страх*, *сено*, *мясо*, *брюхо*, *сталь*, у которых мн. число относительно более реально, чем у остальных.

считаются принадлежащими именно к маргинально-подвижному типу.

2. В особом положении находятся глаголы с односложным корнем, имеющие тривиальное ударение, например: *мázать, смáзать, réзать, разréзать, стáвить, подстáвить*. Их полная основа, включающая тематический элемент, — сильная (в соответствии с основным принципом); отсюда такие ударения у производных, как *réзательный, réза-лка* и т. п. Но их усеченная основа (§ 1.19), т. е. оканчивающаяся корнем, — слабая; отсюда такие ударения у производных, как *смаз-нбй, рез-нбй, подстав-нбй* и т. п. Таким образом, всякая глагольная основа, оканчивающаяся односложным корнем, — слабая, независимо от акцентуации глагола. Следует учитывать только, что акцентный эффект этого правила может проявиться лишь там, где не возникло именного приставочно-корневого комплекса (в противном случае ударение производного уже определяется правилами о таких комплексах); в частности, он никогда не может проявиться перед вторичным суффиксом.

Б. У слов мужского рода со срединноударной (в И. ед.) трехсложной основой, примыкающих к маргинально-подвижному типу, например, *прожéктор, профéссор, учíтель* (условное обозначение — «группа прожектор»), основа сильная.

В. Следующие группы слов имеют так наз. промежуточную по силе основу (об акцентных свойствах таких основ см. § 1.33). В производимых ниже определениях групп везде подразумевается оговорка «кроме слов, указанных в А».

1. «Группа *рак*»: непроизводные существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием (графически нуль, -ь) в И. ед., имеющие односложную²⁹ основу и тривиальное ударение. Примеры: *рак, тигр, заяц, хам, трус, гнев, нить, мысьль*.

2. «Группа *буйвол*»: существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием в И. ед. (не оканчивающиеся на *ий, ик, ук* и не содержащие приставок *вý-, пá-, сú-*), имеющие двусложную основу и тривиальное ударение на начальном слоге. Примеры: *бýйвол, дýйвол, вóрон, мýскул, хбóт, мýсор, зáпаx, мéбель, рýхлядь, прихóтъ*.

3. «Группа *якорь*»: существительные мужского рода с нулевым окончанием в И. ед., имеющие двусложную основу (но без полногласного сочетания *оло, оро, еле, ере*), оканчивающиеся на сонант (/л/, /л'/, /м/, /н/, /н'/, /р/, /р'/) или *с*, и маргинально-подвижное ударение, кроме слов *сбóль, пбáр, вéчér, кбóзырь*. Примеры: *якорь, бкунь, бýффер, кýпол, брden, пáрус, áдрес*. Сверх того, в «группу якорь» входят: *кáмень, юголь, лáпоть* (где основа содержит беглую гласную) и *пáспорт*.

Г. Инфинитивная основа (неусеченная) некорневых глаголов (например, *писá-, спá-, сидé-*) в словообразовании всегда выступает как сильная.

²⁹ Беглая гласная здесь и в последующих пунктах в счете слогов не участвует.

З а м е ч а н и е. У небольшого числа слов имеется та индивидуальная особенность, что все закрепленные узусом производные от них как бы образованы от основы с иной, чем в исходном слове, акцентуацией. Таковы, прежде всего: *блокол*, *гвспиталь*, *пхороны*; *жёмчуг*, *рэзум*, *ўжас*, *вздух*, *бсень*, *пёченъ*, *прёлест*, *збвисть*, *нёнастъ*, *рбкости*; также *прбтив*. Все они ведут себя при словообразовании так, как если бы имели неподвижное ударение на последнем слоге основы, ср. *колокблный*, *жемчжина*, *воздушный*, *печёнка*, *зайстник* и т. д. Близки к этой группе также *лбкарь*, *пёкарь*, *тбкарь*, *слесарь*. Далее, слова *сбгол*, *сёла* (схема *a*) проявляют себя как **сокбл*, **секл* (схема *b*); *мъло* (схема *c*), *дёньги* (схема *e/a*) — как слова схемы *a*. Производные, опирающиеся на реальное ударение исходного слова, возможны здесь лишь в сфере окказионального словообразования по продуктивным моделям (*скажем*, *колоколб*, *жемчужбк*, *сёколка*). Как показывает история, в большинстве указанных здесь случаев аномалия возникла за счет изменения акцентуации исходного слова (тогда как в производных изменения не было).

Доминантной является сильная основа, в которой корень получил свойство доминантности. Практически это возможно только в силу правила о именных комплексах (§ 1.28, А). Таким образом, деление сильных основ на доминантные и недоминантные должно производиться после действия правил об именных комплексах. Примеры доминантных основ: *нарбд-*, *нарбдн-ый*, *нарбдничеств-о*, *обнарбдова-ть*, *безврёдн-ый*, *обезврёди-ть*, *унавбзи-ть*, *напрокази-ть*.

Классификация основ непосредственно применима также и к базовым компонентам, образованным этими основами. В целях общности целесообразно распространить предложенную классификацию также на остаточные базовые компоненты. Поскольку в этом случае нет реального слова с интересующей нас основой, при классификации нельзя использовать акцентный тип слова. Вместо этого приходится обращаться к цепи маркировок и базисному правилу. Если по базисному правилу (с необходимыми поправками там, где в маркировках есть дополнительные части) цепь маркировок рассматриваемого базового компонента дает ударение на нем самом — этот компонент считается сильным, если правее него — он считается слабым. Что касается доминантности, то она устанавливается на основе общих правил об именных комплексах (эти правила не зависят от наличия или отсутствия самостоятельного слова с рассматриваемой основой). Пример: в *бездёл-иц-а* остаточный базовый компонент *бездел-* — сильный доминантный (он равен именному приставочно-корневому комплексу).

Разумеется, указанные приемы в принципе можно применить и к реальным основам (а не только к остаточным базовым компонентам). Теоретически при этом должен получиться тот же результат, что и при учете акцентного типа соответствующего слова. Практически, однако, возможно и расхождение: реальное слово может оказаться исключением из тех или иных акцентных правил. Поскольку, как уже отмечено выше, в словообразовании «наследуется» реальное (хотя бы и аномальное) ударение производящей основы, акцентологическая классификация основ строится (везде, где это возможно) на учете реального ударения слова, а не теоретически ожидаемого.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ НА СОЧЕТАЕМОСТЬ МОРФЕМ

§ 1.31. В современном русском языке действует следующее важное ограничение на сочетаемость морфем внутри словоформы: доминантный базовый компонент не может сочетаться с доминантным суффиксом, требующим постановки ударения правее базового компонента (т. е. с основной маркировкой $\downarrow D$ или $\rightarrow D$). По этой причине невозможны, например, слова: *народ-ист, *двоебор-ист, *беспутн-оват-ый, *унавож-а-ть (хотя возможны службист, значкist, шахматист, щеголеватый, унижáть и т. п.); ср. свободную сочетаемость тех же базовых компонентов с недоминантными суффиксами: нарбдник, двоебрец, беспутненький, унавоживать и т. п.

Прямых исключений из данного правила ничтожно мало. Таковы: подслеповáтый, подуздовáтый, приудурковáтый, продолговáтый; безделúшка; простолодíн. При этом в подслеповáтый явно произошло переосмысление структуры слова: из подслéп-ый (почти забытое ныне слово) + -оват-ый оно превратилось в под- + слеповáтый, т. е. 'немного слеповатый' (где под- неплотно присоединено к слеповáтый); нечто похожее можно предполагать и для других слов на -оватый. Слово безделúшка образовано под влиянием семантически сходных погремúшка, побрякúшка (где приставочно-корневой комплекс глагольный, следовательно, недоминантный). Относительно соединения доминантных основ с суффиксом -анин (обладающим неустойчивой доминантностью) см. § 1.69.

Принцип несовместимости доминантного базового компонента с доминантным суффиксом имеет большое значение для всей русской словообразовательной системы. Этот принцип делает необходимым существование в языке большого числа недоминантных суффиксов, поскольку именные морфемные комплексы, представленные в русской лексике очень широко, могут сочетаться только с такими суффиксами. Тем самым создается сильный противовес общей тенденции к приобретению суффиксами доминантности, наблюдавшейся в истории русского языка (ср. § 4.6). В результате складывается характерная для современного русского языка специфическая ситуация, когда практически для каждого доминантного суффикса имеется поменьшей мере один синонимичный ему недоминантный. Так, например, при доминантном суффиксе вторичных имперфективов -а-ть (унижáть от унизить, повреждáть от повредить и т. д.) имеется синонимичный недоминантный суффикс -ыва-ть, который дает возможность образовать аналогичные производные (унавоживать, обезвреживать) также от унавзить, обезврédить и т. п., где основа доминантна. Ср. еще, например: правдист, но сменовéховец; велосипедист, но пулёмётчик; расист, но нарбдник; бандитизм, но злодейство; цветастый, но порбдистый; глухотá, но беззубость, косоглáзие. Разумеется, в приведенных парах выбор суффикса определяется не только акцентными свойствами базового компонента; правила

выбора везде более сложны. Для нас существенно лишь то, что во всех этих случаях язык обеспечивает возможность выражения соответствующего значения как при обычном, так и при доминантном базовом компоненте.

Таким образом, в современном русском языке совершенно избыточная на первый взгляд множественность суффиксов, передающих одно и то же словообразовательное значение, по крайней мере в части случаев оправдывается потребностями акцентной системы.

ПОЭТАПНЫЕ ПРАВИЛА ОПРЕДЕЛЕНИЯ АКЦЕНТУАЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.32. Поэтапные правила предполагают, что деривационная история любого производного представлена в виде последовательности шагов, на каждом из которых к корню или к основе (т. е. некоторой последовательности морфем, включающей корень) присоединяется один аффикс (в случае словосложения вместо аффикса выступает вторая основа³⁰). Существенно то, что для такого представления необходимо отказаться от используемого в определенных случаях в морфологии понятия одновременного присоединения к корню (основе) двух или более морфем справа и слева (так наз. префиксально-суффиксальный способ, например, *безлошадный, обессахарить*, сочетание сложения с суффиксацией, например, *разноязычный*, и другие комбинации; см., в частности, АГ-70, с. 41—42). Все случаи такого рода для акцентологических целей должны быть представлены в виде цепи последовательных бинарных соединений³¹. Практически мы исходим из того, что первым по порядку шагом, как правило, является соединение приставки с именной основой (или соединение двух именных основ), например, *без- + лошад-, без- + сахар-, разно- + язык-*; лишь на следующем шагу (или шагах) присоединяются прочие аффиксы. Иначе обстоит дело лишь в глаголах со структурой типа *о-слав-и-ть, о-чист-и-ть*: здесь на первом шагу образуется основа отыменного глагола (*слави-, чисти-*), а приставка присоединяется позже. Таким образом, например, основы слов *обесчестить, обессахарить*, имеют, с акцентологической точки зрения, структуру *о-((бес-чест)-и)-, о-((бес-сахар)-и)-*.

Между соединяемыми морфемами иногда могут выступать так наз. соединительные (или вставные) элементы; их включение не рассматривается как отдельный шаг деривации. В некоторых случаях конечная часть производящей основы (иногда равная отдельному морфу, иногда морфологически невыделимая) в производном отсутствует (так наз. усечение). С акцентологической точки зрения некоторые регулярные случаи этого типа оказываются целесообразным

³⁰ Главной основой при этом считается правая, а присоединяемой — левая.

³¹ Это, разумеется, не означает, что нужно менять трактовку этих типов производных слов в собственно морфологическом описании.

описывать в терминах замены одного суффикса другим (см. § 1.38). Акцентологическое описание через замену одной морфемы на другую применяется также для большинства неличных форм глагола.

Используемая на отдельном шагу деривации основа обычно является основой некоторого реального слова. Но возможен также случай, когда такого слова не существует; в частности, это нередко бывает с приставочно-корневыми комплексами. Например, основа слова *безлошадный* получена в два шага (ср. выше): 1) *без-* и *лошад-* соединяются в приставочно-корневой комплекс *безлошад-*; с акцентологической точки зрения это сильная доминантная основа с ударением на последнем слоге (см. § 1.28, А), но соответствующего реального слова нет; 2) основа *безлошад-* соединяется с суффиксом *-н-*.

При неплотном присоединении (§ 1.4) аффикса или дополнительной основы никаких изменений в акцентных свойствах главной основы не происходит; присоединенная часть может получать второстепенное ударение (но вопрос о том, когда именно это происходит, в настоящей работе не рассматривается и должен решаться обращением к словарю; см., в частности, АО и Грамм.). В дальнейшем мы рассматриваем уже только плотное присоединение.

Излагаемые ниже поэтапные правила состоят в том, что для каждого из возможных типов единичных шагов деривации указывается, как из акцентных свойств двух соединяющихся компонентов вытекают акцентные свойства полученной на этом шагу деривации основы. Исходными данными являются: для аффиксов — их маркировки; для основ — их разделение на сильные, слабые и промежуточные, для сильных также на доминантные или недоминантные (§ 1.29—30); в особых случаях используются также некоторые дополнительные сведения о производящем слове. Результатом действия правил является указание акцентного типа полученной основы (по той же классификации), для сильных основ — также места ударения внутри основы. О том, как на основании этих данных восстанавливается акцентуация всей парадигмы слова, см. § 1.18.

§ 1.33. При присоединении слева образуется морфемный комплекс; его акцентуация подчиняется правилам § 1.28.

При присоединении справа, т. е. суффиксации, правила такие. При соединении базового компонента (который, в частности, может быть равным корню) с суффиксом ударение может оказаться привязанным либо к первому, либо ко второму; выбор определяется по табл. 2.

Промежуточные по силе основы (не упомянутые в табл. 2) обладают следующими свойствами. Если суффикс содержит \leftarrow , то они ведут себя как сильные недоминантные. Если суффикс содержит \downarrow или \rightarrow , то их поведение определяется pragматическим фактором (§ 1.5), а именно: если производное является освоенным, они ведут себя как слабые, если неосвоенным — как сильные недоминантные (примеры см. в § 1.50).

Таблица 2
Ударение суффиксальных производных

Базовый компонент		Основная маркировка суффикса		
		с D		без D
		↓ D, → D	← D	
сильный	доминант- ный	такое соединение невозможно (§ 1.31)	ударение привязано к суффиксу	ударение привя- зано к базовому компоненту
	недоминант- ный			
слабый		ударение привязано к суффиксу		ударение привя- зано к суффиксу

Если ударение привязано к базовому компоненту, полученная производная основа сильная (ее доминантность или недоминантность такая же, как у базового компонента); место ударения внутри основы — такое же, как в базовом компоненте. Иначе говоря, в этом случае присоединение суффикса не меняет ни места ударения, ни акцентного типа произвоящей основы.

Если ударение привязано к суффиксу, акцентуация производной основы определяется наличием ↓, ← или → в маркировке суффикса, а именно:

при ↓ ударение падает на сам суффикс³²; производная основа сильная недоминантная;

при ← ударение падает на ближайшую к суффиксу гласную слева³³; производная основа сильная недоминантная;

при → производная основа слабая; производное слово имеет нетривиальное ударение (подробнее см. § 1.18).

§ 1.34. Если в маркировке суффикса, кроме основной части, имеется еще и дополнительная, то в полученный по общему правилу результат вносятся определенные поправки. Ниже указано, какую поправку вызывает каждый из дополнительных символов.

Init («начальное ударение»). Символ встречается только при основной маркировке ← D и вызывает ударение на начальном слоге производной основы (вместо ближайшей к суффиксу гласной слева). Пример: суффикс -ень ← D Init от комплекса *перевертыш* дает *нёревертьш* (а не **перевёртыш*).

Monosyll («ударение требует поправки при односложности базового компонента»): всякий недоминантный односложный базовый

³² Если суффикс двусложный — на место, куда приписана маркировка, если неполновокальный — на ближайшую к точке маркировки гласную слева.

³³ Если такой нет — на первый слог производной основы.

компонент (не остаточный) трактуется как слабый. Пример: суффикс *-арь* (отыменный) → *Monosyll* от слова *пúшка* дает *пушка́рь*, *-я* (а не **пúшкарь*); ср. *аптéкарь* от *аптéка*.

Polysyll («ударение требует поправки при неодносложности базового компонента»): если ударение привязано к суффиксу, а базовый компонент неодносложен (кроме случая, когда он двусложен за счет того, что корень или приставка содержит полногласное сочетание *оло*, *оро*, *еле*, *ере*), ударение в производной основе падает на слог левее, чем было бы без данной пометы; в частности, вместо удараения на окончаниях выступает ударение на последнем слоге основы. Пример: суффикс *-ц-o/e* → *Polysyll* от слова *окнö* дает *окбнце* (а не **оконцб*); ср. *винцб* от *винб*.

Marg («суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности у производящего слова»): если производящее слово относится, хотя бы факультативно, к маргинально-подвижному акцентному типу, суффикс с маркировкой ↓ или ← ведет себя как при маркировке →. Пример: суффикс *-н-* (в отыменных относительных прилагательных) ← *Marg* от *лес* дает *леснóй* (а не **лéсный*).

Triv («маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если производящее слово — это существительное маргинально-подвижного акцентного типа, имеющее в исходной словоформе ударение на основе, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при той же исходной словоформе). Одновременно помета *Triv* требует трактовки всех промежуточных по силе основ как сильных. С практической точки зрения, маркировка ↓ *Triv* дает в производном ударение, колонное с Р. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-ов* (в притяжательных прилагательных и фамилиях) ↓ *Triv* от *нос*, *глубь* дает *Нбсов*, *Гблубев*.

Deox («флексионное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если в производном слове базовый компонент неодносложен, а производящее слово — это существительное мужского рода флексионного акцентного типа, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при основе, равной исходной словоформе). С практической точки зрения, маркировка ↓ *Deox* дает в производном ударение, колонное с И. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-и-ть* ↓ *Deox* от слова *батráк*, *-á* дает *батráчить*, от *песбк*, *пескá* — *песбчить*.

МАРКИРОВКИ ПРИСТАВОК

§ 1.35. Приставки *вы-* и *на-* (а также *не-* в составе неопределенных и отрицательных местоимений и наречий) имеют маркировку ↓; все прочие (например, *на-*, *по-*, *пред-*, *пере-*, *не-* [обычное], *недо-*, *с-*) имеют →.

З а м е ч а н и е. У приставок *пра-* и *су-* отмечаются следы акцентного поведения, соответствующего маркировке ↓; см. § 1.28, пункт А1.

МАРКИРОВКИ СУФФИКСОВ

§ 1.36. В приводимые ниже перечни включены простые (т. е. одноморфные) суффиксы, кроме самых редких³⁴, а также некоторые составные (многоморфные). Большая часть составных суффиксов с акцентологической точки зрения несамостоятельна, т. е. они дают в точности тот же акцентологический эффект, что и последовательность простых суффиксов, с которой они внешне совпадают. Такие составные суффиксы приравниваются в акцентологическом описании к последовательности простых и, соответственно, в списках маркировок, как правило, отсутствуют.

Омонимичные суффиксы с одинаковой маркировкой могут быть даны без разделения. Там, где омонимичные суффиксы разделены, при них даются краткие уточнения (не претендующие на строгость), предназначенные лишь для того, чтобы различить омонимы, например: «отыменное», «названия женщин» и т. п.; особо отметим, что в числе таких ярлыков возможны также пометы «исконное» и «заимствованное» (ср., например, *свин-ин-а* и *синьор-ин-а*). Разделение на суффиксы-омоними в ряде случаев проведено не совсем так, как принято в морфологических описаниях (но в большем соответствии с акцентными свойствами). Условная формула «все значения» охватывает как разные словообразовательные значения, передаваемые одним суффиксом, так и суффиксы-омоними.

Суффиксы существительных для недвусмыслиности приводятся вместе с окончанием И. ед., например: *-иц-а*, *-ств-о* (в мужском роде соответствующим сигналом является отсутствие правого дефиса, например: *-ик*, *-тель*); суффиксы глаголов — с инфинитивным *-ть*, например: *-а-ть*. Суффиксы прилагательных приводятся в чистом виде, например: *-н-*, *-ов-*, *-ин-*; при этом суффиксы притяжательных прилагательных отличаются тем, что не имеют правого дефиса: *-(и)j*, *-ов*, *-ин*.

Суффиксы, как правило, даются в обычном орфографическом виде (кроме некоторых трудных случаев); при этом варьирование, связанное с твердостью—мягкостью предшествующей согласной, не отражается, например: *-ун*, *-ов-* (без упоминания о *-юн*, *-ев-*). С начальными *и*, *е*, *ё*, *я*, *ю* записываются только суффиксы, вызывающие смягчение предшествующей твердой согласной, например, *-иц-а*, *-ёр*, *-ян-*.

В неодносложном самоударном суффиксе знаком ударения показана та гласная, к которой приписана маркировка суффикса (иначе говоря, гласная, которая несет ударение в случае, когда оно привязано к данному суффиксу).

³⁴ Включать суффиксы, представленные всего в одном или нескольких словах, { в общий список нелесообразно: техника маркировок в этом случае не дает в сущности никакой экономии по сравнению с прямым перечислением производных; между тем список сильно разросся бы.

Сращенные суффиксы

§ 1.37. Особую трудную проблему для акцентологического описания составляет трактовка последовательностей из двух или более суффиксов (или суффиксоподобных морфов). Следует различать морфологический и акцентологический аспекты этой проблемы.

С морфологической точки зрения различаются простой контакт двух суффиксов (например, *-ник* и *-их-а* в *деврничиха*) и их сращение в особую морфологическую единицу (например, *-овин-а* в *клейковина*). Эта морфологическая единица рассматривается как самостоятельный суффикс, если она обладает своим особым значением, или как алломорф соответствующего простого суффикса, если она не отличается по значению от этого суффикса (ср., например, *волбвина* и *конйна*). Главным морфологическим основанием для признания сращений служит невозможность предложить для слова поэтапную деривационную историю из-за отсутствия промежуточного звена (например, прилагательного **клейковый* или **клейкбый* для слова *клейковина*) или семантическая неестественность поэтапной деривационной истории (так, значение слов *решёне*, *спасёне* и т. д. неестественно выводить из значения страдательных причастий *решён*, *спасён* и т. д.). К сожалению, вопрос о том, следует ли трактовать некоторую цепочку морфов как сращение, не всегда простой даже применительно к отдельному слову, чрезвычайно усложняется, когда рассматривается сразу вся совокупность слов с данной цепочной морфов. Следует ли из-за наличия бессспорно сращенного *-овин-а* в *клейковина* признавать такое же сращение также и в *белковина*, хотя здесь имеется прилагательное *белкбый*? С практической точки зрения, оба возможных решения имеют свои преимущества и свои недостатки, и неслучайно, что практика описания здесь колеблется.

С акцентологической точки зрения тоже необходимо различать простой контакт двух суффиксов и их сращение; однако разграничение этих двух случаев часто оказывается здесь иным, чем в морфологии. Акцентологическое сращение необходимо признать, в частности, в тех случаях, где противоположная (т. е. поэтапная) трактовка предписывала бы для производных не то ударение, которое они фактически имеют. Например, ударение слов *промысловик*, *оптоворик*, *портоворик*, *почтовик*, *пуховик*, *стендовик*, *плановик*, *кадровик*, *массовик* и ряда других не объясняется, если исходить из присоединения суффикса *-ик* (маркировка →) к адъективной основе с *-ов-*: в этом случае ожидались бы **промысловик*, **оптбвик*, **стэндовик*, **плановик* и т. д. Чтобы объяснить фактическое ударение, мы должны признать здесь «сращенный» суффикс *-овик* с маркировкой → Mono-syll и исходить из непосредственного присоединения этого суффикса к субстантивной основе (*промысл-*, *опт-* и т. д.). Заметим, что с морфологической точки зрения, наоборот, специальных оснований для выделения сращенного суффикса *-овик* нет (по крайней мере, для рассмотренных здесь случаев).

Сращенные (с акцентологической точки зрения) суффиксы делятся на два типа: так наз. поглощающие и так наз. непоглощающие (имеется в виду «поглощение» или «непоглощение» сращенным суффиксом конечного суффикса исходного слова). Пусть имеется сращенный суффикс вида s_1s_2 , где s_1 и s_2 — подвергшиеся сращению суффиксы (например, *-ов-* и *-ик* в составе *-овик*). Для производных с основой вида as_1s_2 (где a — некоторая морфема или цепочка морфем) различаются два случая: 1) существует слово с основой as_1 ³⁵ (скажем, *пуховый* при *пуховик*); 2) такого слова не существует (как, например, для производного *большевик*).

П о г л о щ а ю щ и м называется такой суффикс вида s_1s_2 , который требует (для правильного предсказания акцентуации производных) разложения основ вида as_1s_2 на $a + s_1s_2$ (а не на $as_1 + s_2$, даже если слово с основой as_1 существует). Как видно из предшествующего разбора, суффикс *-овик* является именно поглощающим: он требует, например, для *пуховик* анализа *пух- + -овик*, а не *пухб-ый + -ик*. Сращенный суффикс, не обладающий указанным свойством, называется н е п о г л о щ а ю щ и м. Практически мы будем исходить для всех непоглощающих суффиксов из того, что если слово с основой as_1 существует, то членение основы as_1s_2 на $as_1 + s_2$ является не просто возможным, а обязательным. У некоторых сращенных суффиксов поглощающий эффект есть, но не везде. Такие суффиксы в описании отнесены к тому типу, к которому они ближе, а отклонения от чистого типа отмечены.

П р и м е ч а н и е. У поглощающих сращенных суффиксов с начальным *-ов-* поглощающий эффект не распространяется на опорное *-ов-* (§ 1.27); например, *Поднепровье* с акцентологической точки зрения представляет собой *Поднепров- + -ј-е*, а не *Поднепр- + -ов'ј-е* (в последнем случае ожидалось бы ударение **Поднё-провье*).

Заменительные суффиксы

§ 1.38. С акцентологической точки зрения (как, впрочем, и с некоторых других) целесообразно рассматривать некоторые суффиксальные производные не как результат обычного соединения основы исходного слова с суффиксом, а как результат замены одной морфемы на другую (суффикса на суффикс или окончания на суффикс). Словоформу, используемую для такой замены, можно назвать в этом случае «*опорной*». Примеры: суффикс *-ущ-* в *бегущий* рассматривается как заменитель окончания *-ут* в словоформе *бегут*; *-ик* в *сбчик* — как заменитель окончания *-ый* в *сбчный*; *-ец* в *гбрец* — как заменитель суффикса *-ск-* в *гбрский*.

Указанный способ включения суффикса в основу мы будем называть з а м е н и т е л ь н ы м — в отличие от обычного, или, а д-

³⁵ При этом как s_1 , так и a должны быть полноценными (не остаточными); например, *сурбый*, *дешёвый* (где *сур-*, *деш-* — остаточные морфы) не подходят.

д и т и в н о г о , способа. Один и тот же суффикс может употребляться в одних производных аддитивно, в других — заменительно. Ниже для краткости мы будем говорить просто об аддитивных и заменительных суффиксах, имея в виду разные способы использования одних и тех же суффиксов.

Смысл описываемой трактовки состоит в том, что она позволяет существенно упростить акцентологическое описание. Так, трактовка причастного суффикса *-ущ-* как заменительного позволяет в сущности свести его акцентологическое описание к простой отсылке (к форме 3 мн. презенса). Между тем, если рассматривать этот суффикс как аддитивный, то для правильного отображения его акцентных свойств пришлось бы усложнить сам аппарат акцентологического описания: введенной выше системы маркировок для этого было бы недостаточно. То же верно и для суффиксов ряда других непличных форм (при этом существенно, что разные суффиксы потребовали бы не одного и того же усложнения исходного аппарата, а разных). Трактовка слова *гбрец* как полученного заменительным способом из *гбрский* позволяет легко объяснить его корневое ударение, тогда как прямое соединение основы слова *горá* и суффикса *-ец* должно было бы дать **горéц* (т. е. ударение *гбрец* пришлось бы считать исключением).

Специально отметим, что для заменительных суффиксов, вообще говоря, не требуется, чтобы на сегментном уровне речь шла о простой подстановке; например, при замене *кручú* на *круты́щий* не совпадают алломорфы корня. Существенно лишь, чтобы соблюдалась акцентологическая сторона замены.

Заменительные суффиксы, как и аддитивные, могут иметь различные маркировки, а именно, ↓, ← или → (доминантных заменительных суффиксов нет). Ударение производного с заменительным суффиксом устанавливается так. Часть опорной словоформы³⁶, стоящая слева от заменяемой морфемы (например, *бег-* в *бегут*, *гбр-* в *гбрский*), играет роль производящей основы — сильной, если ударение падает на эту часть, слабой — если оно падает правее ее. Акцентный результат ее соединения с суффиксом определяется по общему правилу (§ 1.33). Практически это значит, что если в опорном слове (словоформе) ударение стоит левее заменяемой морфемы, то в результирующем производном это ударение сохраняется (точнее: падает на тот же слог по счету от начала); в противном случае ударение определяется маркировкой суффикса.

Таким образом, заменительные суффиксы отличаются от аддитивных в сущности лишь тем, что они присоединяются не к основе исходного слова, взятой в ее обычном виде и с обычной акцентной характеристикой, а к некоторому отрезку, извлеченному из опорной словоформы, который хотя и похож на основу исходного слова (или

³⁶ Если замене подвергается суффикс, опорной считается исходная словоформа соответствующего слова, например, *гбрский*.

даже совпадает с ней), но может обладать иной акцентной характеристикой. В остальном заменительный суффикс имеет обычные свойства, определяемые его маркировкой.

СПИСКИ СУФФИКОВ С МАРКИРОВКАМИ

§ 1.39. Суффиксы перечисляются ниже по акцентным классам, т. е. в соответствии с основной маркировкой (но самые сложные в акцентологическом отношении суффиксы выделены в особый раздел: § 1.56—69). Внутри класса раздельно даны суффиксы существительных, прилагательных, глаголов. Порядок перечисления суффиксов внутри группы — в большинстве случаев обратный алфавитный (при установлении порядка обозначения мягкости — ъ или ’ — в расчет не принимаются).

Первичные суффиксы специально отмечены; все неотмеченные суффиксы являются вторичными. Специально отмечены также все сращенные поглощающие суффиксы (поскольку это непосредственно важно для применения акцентных правил); напротив, сращенные непоглощающие суффиксы могут никак специально не отмечаться.

Заменительное употребление суффикса вводится формулой «заменительное, вместо *X*», т. е. как замена морфемы *X*. Если не оговорено иное, то верно, что данный суффикс выступает как заменительный везде, где имеется соответствующее слово с морфемой *X*.

Ради краткости в примерах обычно не указывается производящее слово и его акцентные характеристики; предполагается, что читатель сам восстановит эту информацию. В различных списках бесприставочные глаголы представляют (если не оговорено иное) также соответствующие приставочные. В списках исключений не принимаются в расчет слова, полученные неплотным присоединением каких-либо элементов (например, *не-*, *само-*, *авто-* и т. п.) к другому слову (§ 1.4).

Маркировка суффикса непосредственно обеспечивает установление акцентуации: у существительных — во всей парадигме, у прилагательных — в полных формах, у глаголов — в инфинитиве и в прочих формах претеритной субпарадигмы. Ударение кратких форм прилагательных и презенса глаголов выводится из этих данных по общим правилам об ударении в словоизменении (см. также § 1.16—18).

Списки различного рода составлены в объеме Обр. (иногда с небольшими добавлениями из Грамм.); при этом, однако, могут быть опущены слова, зафиксированные только в БАС и/или у Ушакова, а также любые слова, имеющие во всех словарях, где они содержатся, пометы «устаревшее», «областное» или «просторечное». Сведения о степени нормативности тех или иных вариантов, как правило, даются в соответствии с Грамм.

При распределении суффиксов по акцентным классам особую трудность составляют суффиксы, для которых в зафиксированной

словарями лексике нет материала, позволяющего отличить доминантность от недоминантности. В этом случае для решения вопроса использовались потенциальные слова, т. е. проводился эксперимент по окказиональному словообразованию. Так, например, для суффикса *-онък-а* словари дают только производные со слабым (*голбонька*, *травонька*) или с сильным конечноударным (*берёзонька*, *мáмонька*) базовым компонентом; соответственно, маркировка здесь может быть ← или ↔ D. Однако эксперимент с производящими словами типа *ягода*, *стáроста* дает совершенно однозначный результат: носители русского языка либо отказываются произвести нужное слово, либо дают ударение *ягодонька*, *стáростонька* (хотя и называют получившееся слово «искусственным», «вычурным» и т. п.); в то же время все они категорически отрицают возможность ударения **ягбдонька*, **старбстонька*. Таким образом, суффикс *-онък-а* обнаруживает свой недоминантный характер. Рассмотренный пример показывает также, что выяснение «истинной» маркировки суффикса отнюдь не является чисто формальным занятием: очевидно, что одинаковая реакция носителей русского языка отражает здесь одинаковость соответствующего морфонологического механизма, входящего в состав общего владения русским языком.

В тех случаях, когда подобный эксперимент не дает результата (например, в связи с полной непродуктивностью суффикса), двусмысленный суффикс такого рода оценивается ниже как недоминантный. Иначе говоря, мы исходим из того, что маркированным свойством, наличие которого должно быть специально доказано, является доминантность.

Доминантные суффиксы

§ 1.40. С акцентологической точки зрения, доминантные суффиксы — самые простые. Поэтому ниже мы ограничиваемся немногими примерами (даже не для всех суффиксов; слово «например» для краткости опущено); в основном даются примеры с сильным базовым компонентом, чтобы был непосредственно виден доминантный характер суффикса.

Среди доминантных суффиксов значительную часть составляют заимствованные. Они перечисляются ниже отдельно от исконных, поскольку они обладают специфическими морфонологическими свойствами, главные из которых — высокая частота соединения с остаточными базовыми компонентами (ср. *лок-áция*, *аг-éнт*, *фен-бл* и т. п.) и особая система чередований. Соответственно, в этой сфере затрудительно провести четкую границу между полноценными суффиксами и суффиксоподобными элементами, не имеющими четкого самостоятельного значения (например, *-ус*, *-инг*); не вполне ясен также морфологический статус таких единиц, как *-лог*, *-олог*, *-метр*, *-ометр*. С точки зрения основных задач настоящей книги эта проблематика является периферийной; поэтому ниже мы не занимаемся

разбором этих сложных вопросов, а в списки заимствованных суффиксов включаем лишь бесспорные (и притом не слишком редкие) суффиксы.

Основная маркировка ↓ D

§ 1.41. Суффиксы существительных. Исконные: 1) обширная группа первичных⁸⁷ суффиксов экспрессивного характера, образующих существительные общего или женского рода, с общей структурой «гласная + *к, г, х, ш, я' или н'*»: -аг-а, -ыг-а, -яг-а, -ак-а, як-а, -ык-а, -юк-а, -ул-я, -юл-я, -ан-я, -он-я, -ун-я, -ах-а, -ох-а, -ёх-а, -ух-а, -уш-а (*хапу́га*, *работя́га*, *забийка*, *капризу́ля*, *мама́ня*, *пройдбха*, *нескладёха*, *потаскúха*); сюда же -ашк-а (*замара́шка*, *рюма́шка*); 2) сращенные поглощающие суффиксы -изи́рова-ть (первичный; идеализировать), -ирбека (первичный; регулировка, перебаллотирбека), -ирбвицк (регулировщик, проектирбвицк), -овн-я (названия помещений; кожевня, харчевня, часбеня), -ирова́л- (копировальний, копировальщик), -бвиц (в фамилиях: *Абрамбиц*, *Григорбиц*); 3) -ей (богатей, грамотей), -ик-а (в названиях ягод; клубника, ежевика), неласкательное -ушк-а (первичный суффикс; погремушка, побрякушка, кадушка, кормушка) и ласкательно-пренебрежительное -ушк-а (речушка, горушка, собачушка, комнатушка, сараушка); ср. ласкательно-почтительное -ушк-а с маркировкой ← (§ 1.53; речушка, гбрушка, собачушка, матушка, лебёдушка); 4) -ан (великан, старикан, политикан, горлан, братан и т. д. — схема *a*); но отклоняются кожан, пузан (схема *b*), колеблется брюхан (брюхана // брюханá). Далее, маркировку ↓ D имеют морфы -ён- (в составе -ёнок, -ёныш, -ён-к-а, ср. цыганёнок, утёныш, работёнка), -ят- (в -ят-а, -ят-ин-а, -ят-н-я, -ят-ник и др., ср. страусята, медвежатина, лягушатник).

Доминантностью обладает также морф -и- (первичный), выступающий в -и-л-, -и-тель и более длинных составных суффиксах (об отличии этого -и- от тематического -и- см. § 1.20); ср. мазила, мерило, морозилка, парилка, парильня, плавильник, плавильщик, грабитель, изготавитель, ограничитель, вытрезвитель, скажитель, попечитель, превосходительство. Морф -и- участвует в образовании не только существительных, ср. гладильный, красильный, служильный, растительный, ознакомительный, действительный. Однако в современном языке еще сохраняется некоторое число слов, где данный морф ведет себя как недоминантный (т. е. в соответствии со своим древним статусом): вабильщик, славильщик, утюжильщик, -ный, пárильщик, бáргильщик, мéрильщик, чистильщик (но разг. чистиль-

⁸⁷ Примеры, доказывающие первичность (*задавáка*, *выпивбха*, *втиру́ша* и т. п.), реально имеются не для всех суффиксов группы; но эти суффиксы столь однотипны, что естественно признать первичность свойством всей группы.

щик), *пáрилка* (технич.), *чíстилка*, *мнóжи-тель*, *-тельный*, *двíжитель*; кроме того, опростившиеся *прáвило* и *прáвильный* (ср. прозрачные по членности *правíло* 'линейка', 'колодка', 'хвост у борзой' и *правильный* — от *правíло* и от *прáвить*). Отметим, что во всех этих случаях исходный глагол относится к несовершенному виду; тем самым *-и-* отчасти сближается с *-им-* и *-ение* (§ 1.67).

Далее, к классу ↓ D относится большинство заимствованных суффиксов: 1) первичные³⁸ *-а́циj-а*, *-а́циj-а*, *-изм*, *-ист*; 2) *-ад*, *-ад-а*, *-оз*, *-а́рий*, *-брíй*, *-éнциj-а*, *-ал*, *-ол*, *-ин* (вещество), *-ибн*, *-онéр*, *-ир*, *-áтор*, *-йтор*, *-ур-а*, *-ис-а*, *-есс-а*, *-ат*, *-ат-а*, *-ет*, *-итéт*, *-ит*, *-ант*, *-ент*, а также ряд более редких; ср. *канализáция*, *банди-тýзм*, *пушкинýст*, *лимонáд*, *колоннáда*, *сценáрий*, *персонáл*, *мета-нбл*, *кофейн*, *лампибн*, *бригадíр*, *реформáтор*, *агентúра*, *принцéсса*, *чем-пионáт*, *генералитéт*, *бандít*, *квартиráнт*, *рецензéнт*. Значительная часть этих суффиксов может выступать также в соединении с различными дополнительными морфами (*-из-*, *-фик-* и др.), например, *-из-а́циj-а*, *-фик-а́циj-а*, *-из-áтор* и т. п.

Суффиксы прилагательных. Исконные: *-а́в-*, *-ляв-*, *-юсеньк-*, *-вшеньк-*, *-ёхоньк-*³⁹, *-ин-*, *-ен-* (усилительное), *-ат-*, *-оват-*, *-ит-*, *-овйт-*, *-аст-*, *-уч-* (первичный суффикс), *-яч-* (отглагольное; первичный суффикс), *-яч-* (отыменное), *-ущ-*, *-ющ-* (усилительные), ср. *величáвый*, *костлявый*, *малкóсенький*, *здоровёхонький*, *соколíный*, *кры-сíный*, *лягушíный*, *толстéнный*, *мордáтый*, *космáтый*, *витиевáтый*, *жуликовáтый*, *замысловáтый* (от *замысел*), *трещиновáтый*, *знамени-тый*, *глянцевáтый*, *ядовáтый*, *гривáтый*, *горлáтый*, *плакúчий*, *царапúчий*, *висáчий*, *доеzжáчий*, *лягушáчий*, *здравовúчий*, *хитрóчий*; ср. еще *сутуловáтый*, *нарочáтый* (с опростившимися базовыми компонентами). В случаях типа *клéёнчатый*, *рисúнчатый*, *клéтчатый*, *веснúшчатый* мы имеем дело не с *-ат-*, а с *-чат-* (маркировка ←), поскольку последнее обладает поглощающим эффектом, см. § 1.54.

Суффикс *-и-в-* также имеет маркировку ↓ D (*правдíвый*, *плаксíвый*, *фальшиvый* и т. д.; сюда же *молчалиvый*, *горделиvый*, *терпе-лíвый*, ср. § 1.48, о суффиксе *-лив-*); но от нее есть некоторые отступления (где сохраняется прежний недоминантный характер суффикса): *мíлостивый*, *юрбdiвый* (ср. *нелитер.* *юродíвый*), *незлобíвый*, также устар. *много-*, *сладкоглагáбливый*. Слова на *-любíвый* (*человеколюбíвый*, *жизнелюбíвый* и т. п.) с акцентологической точки зрения

³⁸ Заметим, что признаки первичности проявляются здесь лишь в очень слабой форме: *перерегистрация*, *передислокáция* и т. п. (но другие приставки, кроме *пере-*, в словарях не отмечены); *отзов-йам*, *-йст*, *уклон-йам*, *-йст*, *наплевайам* (ср. *отзову*, *уклонюсь*, *наплевáть*).

³⁹ В *-юсеньк-*, *-вшеньк-*, *-ёхоньк-* маркировка ↓ D в сущности принадлежит морфам *-юс*, *-еш-* (*-ёш-*), *а-енък-*, *-онък-* — здесь то же самое, что в § 1.54 (для полных форм) и § 1.48 (для кратких форм). Заметим, что с сильными основами эти суффиксы соединяются с трудом (ср. потенциальные *сuroвёхонек*, *красивёхонек*).

ния имеют неплотно присоединенную начальную часть. См. также выше об *-и-ль-н-*, *-и-тель-н-*.

Из числа заимствованных маркировку ↓ D имеют первые морфы в составных суффиксах *-иц-еск-*, *-ич-н-*, *-ан-ск-*, *-иа́н-ск-*, *-иа-**н-*, *-оз-н-*, *-аль-н-*, *-абель-н-*, *-он-н-*, *-ар-н-* и некоторых более редких; ср. *мифи́ческий*, *дифтони́ческий*, *дипломати́чный*, *республика́н-ский*, *мальтузиа́нский*, *спорти́вный*, *религиозны́й*, *колониа́льный*, *транспортáбелльный*, *революцио́нны́й*, *дисциплина́рный*. При этом суффиксы *-иц-еск-*, *-ич-н-* обладают поглощающим эффектом по отношению к суффиксам *-ик* (заимствованное), *-ик-а* (заимствованное): *лири́ческий*, *лири́чны́й* (ср. *лирик*, *лирика*), *хими́ческий* (ср. *хими́к*), *геральди́ческий* (ср. *геральди́ка*); однако *собственнический*, *прáнич-ный*, *уличный* (где суффиксы исконные).

Маркировку ↓ D имеют также первые морфы в *-ий-ск-*, *-ей-ск-*, *-ий-н-*, *-ей-н-*, причем они поглощают *-иј-*, *-еј-* (любого происхождения) в конце производящей основы (даже если эти *-иј-*, *-еј-* являются не полноценными суффиксами, а субморфами): *инди́йский*, *инде́йский*, *арме́йский*, *кали́йный*, *лине́йный*, *оруже́йный*, *кофе́йный* (ср. *Индия*, *армия*, *калий*, *линия*, *оружие*, *кофе* [или *кофе́й*]). Однако здесь встречаются и некоторые отклонения (только в редких, неосвоенных словах): *гра́вийный*, *ле́звийный*, *мблни́йный*, *бпийный*, *кбр-пийный*, *ма́нтыйный*.

Суффикс глаголов: *-а-ть* во вторичных имперфективах (после корня на гласную *-в-а-ть*; но в здесь естественно интерпретировать просто как консонизатор корня); ср. *изгото́вля́ть*, *осве́домля́ть*, *уми́лостивля́ть*, *выправля́ть*, *ухудша́ть*, *приседа́ть*, *открыва́ть*, *выдува́ть*.

Основная маркировка →D

§ 1.42. Суффиксы существительных (все исконные): *-еж*, *-ёж*, *-ј-о* (собирательное), *-њак*, *-чак*, *-н-я* (собирательное), отглагольные *-н-я*, *-овн-я*, *-отн-я* (имена действия), *-ун* (первичный суффикс), *-от-а* (отадъективное имя качества), *-ач*, *-аш*; ср. *падéж*, *падёж*, *картёж*, *хулиганъё*, *бабьё*, *хамъё*, *березнák*, *известнák*, *стульчák*, *солдатнá*, *ребятнá*, *мазнá*, *болтовнá*, *пачкотнá*, *потаскун*, *царапун*, *пачкун*, *правотá*, *мерзлотá* (с более конкретным значением), *циркáч*, *рифмáч*, *мордáш*. Отклонение: *двбрнá* (ср. *нелитер.* *дворнá*).

Основная маркировка ← D

§ 1.43. Этот класс суффиксов — самый немногочисленный. Маркировку ← D в чистом виде (без пометы Init) имеют только неисковые суффиксы: *-ик* (заимствованное), *-ик-а* (заимствованное), *-тор*, *-кор*; ср. *евангéлик*, *шишиа́тик*, *догма́тик*, *анали́тик*, *дистрóбик*, *периб-*

дика, симбомика, топономика, ритбрика, синтётика, архитектор, компрессор (ср. также *-атор, -йттор*; слово *мотбр* нечленено).

Маркировку $\leftarrow D$ Init имеют первичные суффиксы (исконые): -ень (с беглым *e*; мужской род) и суффиксы женского рода '- (условное обозначение нулевого суффикса, вызывающего смягчение последней согласной основы), -ть, -ль, -нь. Таким образом, основы всех производных этой группы оканчиваются на мягкую согласную (заметим, что суффиксы *-ть*, *-ль*, *-нь* в принципе можно рассматривать как составные, включающие в качестве второго элемента *'-*). Примеры: *бывень, сквородень, баловень, кблышень* 'зыбь', *проблжень, болзень, сбитьень, бборотень, превертень*, также pluralia tantum бредни, рбссказни, рбзвальни и т. п.; *мблодь, пбгань, зелень, тмемень, гбречь, мёлочь, вётощь, рётущь, прбрубь, заповедь, изгородь, превязь, бторопь, перекись, свблочь; чётверть, пбдать, нежить, прбасть, збвисть, ненависть; падаль, невидаль, брасль, пбросль; ругань, клёпань, пристань*. Особый интерес представляют производные с заведомо именным (следовательно, доминантным) комплексом в качестве базового компонента, например: *прихвостень, пбручни, наледь, прбседь, бтмель, бзимь, бзэдарь, ископть, бестолочь* (также *непогодь, нечисть* и т. п.); *йноходь, кбновязь, рукопись, иконопись, сбромять, вбдоросль*. Здесь видно, что доминантный базовый компонент совместим с доминантным суффиксом класса $\leftarrow D$ (в отличие от суффиксов классов $\downarrow D$ и $\rightarrow D$, см. § 1.31); при этом по общему правилу «побеждает» суффикс.

Имеются, однако, небольшие отклонения: 1) в сторону маркировки \rightarrow (без *D*) у *-ень* — *слепёнь, плётэнь, переступёнь, копытень, поддубень, череседёлень*; 2) в сторону маркировки \rightarrow (без *D*) у '-, -ть — *постель, нашесть, напасть, гололёдь, круговёрть, благодать, рукойть* (ср. еще опростившееся *супбы*); 3) особое отклонение: *машинопись*.

Суффиксы с непостоянной маркировкой

§ 1.44. Некоторые доминантные суффиксы колеблются между разными классами.

У суффиксов -ак, -як главной является маркировка $\rightarrow D$, ср. *рыбак, большак, туляк, сибиряк* и т. д. — схема *b*. Однако в небольшой группе слов (включающей в основном названия национальностей) мы находим здесь маркировку $\downarrow D$: *австрийк, полак, словак, коряк*, кроме того, *маньак* и заимствованные *юнак, краковак* — схема *a*.

У суффикса -аж главной является маркировка $\rightarrow D$ Polysyll, ср. *типа́ж, метра́ж, литра́ж, монта́ж, листа́ж* и др. — схема *b*, но *подхалимáж, шпионáж, персонáж, демонтáж, репортáж* и др. — схема *a* (в силу эффекта Polysyll). Однако наряду с этим суффикс *-аж* обнаруживает также маркировку $\downarrow D$; она выступает как

правило при неосвоенности слова. Так, в частности, слова *зондаж*, *дренаж*, *тренаж*, *барраж*, *массаж* в профессиональной речи относятся к схеме *b*, а в непрофессиональной речи (и в литературной норме) — к схеме *a*. Литературная норма закрепляет схему *a* также за словами *клибаж*, *пейзаж*, *лекаж*, *блокаж*, *кулаж*, *примаж*, *гренаж*, *тоннаж*, *увраж*, *вираж* (в фотографии), *фиксаж*, *корсаж*, *пасаж*, *плантаж*, *каптаж*, *куртаж* (во многих из них базовый компонент — остаточный); в слове *мираж* допускаются схемы *a* и *b*. Как легко видеть, в этом списке в основном представлены слова либо книжные, либо малоизвестные основной массе носителей языка, т. е. именно такие, для которых литературная норма обычно предписывает ударение, соответствующее неосвоенности.

У суффикса *-ар*, *-яр-* при главной маркировке $\downarrow D$ (ср. *коммунár*, *эмиссár*, *гонорár*, *формулár*, *овчár* — схема *a*) в части слов действует маркировка $\rightarrow D$: *бочár*, *малár*, *школár*, *столár* (также опровергнутое *гончár*) — схема *b*; колебляться *гуслár*.

Усложненные отношения связывают суффиксы *-ёр* и *-ер* в названиях лиц и устройств (трудность в том, что безударное *-ер* в принципе можно идентифицировать как с *-ёр*, так и с *-ёр*). В тех случаях, где *-ёр* (*-ер*) является полноценным суффиксом (а не просто субморфом), имеется тенденция к следующему распределению: *-ёр* $\downarrow D$ (первичное) и *-ер* $\downarrow D$ в названиях лиц, *-ер* $\leftarrow D$ в названиях устройств. Примеры: *ухажёр*, *боксёр*, *шахтёр*, *билетёр*, *киоскёр*, *парламентёр*; *костюмёр*, *легионёр*, *миллионёр*; *контрбллер* (прибор), *абсбрбер*, *конвэрпер*, *компбстер*. Имеется, однако, довольно много отклонений: ср. названия устройств *тренажёр*, *электролизёр*, *маркёр*, *рафинёр*, *трассёр*, *стартёр*, *меланжёр*, названия лиц *дбкер*, *файервёркер*, *фёрмер*, *трёнер*, *комбайнér* (// *комбайнёр*), *спринтер*. Ситуация осложняется тем, что субморф (не суффикс) *-ер* (без ударения) представлен в названиях лиц весьма широко: *гáер*, *юнкер*, *мáклер*, *шúлер*, *снáйпер*, *мáстэр*, *шáфер*, *ку́чер* и т. д.

§ 1.45. Сложна акцентуация суффикса *-иј-а* (не в составе *-ациј-а*, *-ициј-а*, *-циј-а*, *-сиј-а*). Здесь конкурируют две маркировки: $\leftarrow D$ и $\downarrow D$. Их распределение определяется несколькими факторами, главный из которых — семантический. Преобладает маркировка $\leftarrow D$, поэтому проще перечислить случаи, где выступает более редкая маркировка, т. е. $\downarrow D$. Эти случаи таковы (производные с обычным и с остаточным базовым компонентом здесь и далее рассматриваются вместе).

1. Названия а) состояний (в частности, биологических, в т. ч. болезней) и свойств, б) областей практической деятельности (в частности, врачебной) — при их употреблении в профессиональной речи. Примеры: а) *неврагија*, *аллергија*, *ностальгија*, *абулија*, *анемија*, *гипертонија*, *истерија*, *эйфорија*, *атрофија*, *дистрофија*; *синонимија*, *ахромија*, *изотермија*, *евфонија*, *энтропија*, *мимикрија*, также *содомија*, *симонија*, *тиранија*, *деспотија*; колебание — *афазија*, *сим-*

мётрия⁴⁰, акривия; б) хирургия, терапия, рентгеноскопия, ветеринария, санитария, педиатрия, фармация; филателия, телефония, маркшейдерия, телеграфия; колебание — ортопедия, металлургия, кулинария, индустрия, полиграфия. Среди редких слов имеются также некоторые отклонения, но не исключено, что лексикографам просто осталось неизвестным соответствующее профессиональное ударение.

В непрофессиональной речи в этих же семантических группах представлено ударение по классу ← D; ср. такие общеупотребительные слова, как меланхлия, мания, апатия, энэргия, фантазия, гармония, ирбния, мизантропия, филантропия, антипатия, симпатия, демократия, анархия, инерция, гастрономия, фотография (как род занятия). Такое же ударение закреплено литературной нормой и за рядом более специальных, но все же широко известных вне профессиональной сферы слов: агбрния, эпилепсия, идилия, гегемония (ср. возможность таких ударений, как агония, эпилепсия в профессиональной речи). В то же время, например, слова малайрия, гипертония, хирургия, тирания, деспотия закреплены нормой в их профессиональном виде (несмотря на достаточную распространенность).

2. Слова церковной сферы (сохраняющие церковнославянское ударение) панагия, литургия, хиротония, мессия, патриархия; сюда же примыкает вития; поздние заимствования (сохраняющие иноязычное ударение) остория, траптория, сеньория, синьория, жакёрия. Особо стоят церковнославянизмы литий, паремий (с флексионным ударением).

В прочих случаях -ij-a ведет себя (за некоторыми исключениями) по классу ← D. Приводим примеры по семантическим группам. Живые существа: бестия, фурия, инфузбрия, нутрия. Исчисляемые материальные предметы: сандалия, мантия, камелия. Территории, помещения, учреждения: империя, губерния, Италия, студия, академия, гимназия, канцлерия (исключение: периферия). Литературные, музыкальные, графические произведения: комедия, библия, биография, брия, симфония, фотография (предмет). События, единичные акты: авбрия, церемония, амнистия, эпидемия (исключения: перипетия, пандемия, эндемия). Различные исчисляемые абстрактные объекты: линия, стадия, катехбрания, фамилия, калбрания (исключения: стихия, диоптрия). Вещества: магнезия, материя. Коллективы, собирательные понятия: армия, братия, жандармерия, аристократия, бижутерия, топонимия (исключение: буржуазия). Науки, учения, теории, формы словесности: химия, истбрания, геология, астрономия, геометрия, география, анатомия, философия, космогония, орфозия; религия, тебрия, стратегия, поэзия, мифология, демагогия, также магия (исключения: драматургия, теургия).

⁴⁰ Бытовущее у математиков ударение симметрия следует объяснять как результат сознательного отталкивания от распространенного в других профессиях (и в непрофессиональной сфере) ударения симметрия.

Заметим, что последняя семантическая группа уже сравнительно близка к названиям областей практической деятельности (которые входят в другой акцентный класс, см. выше), поэтому здесь возможны переходные и семантически нечеткие случаи (где соответственно снижается и действенность правила). Существенно, однако, что в семантически ясных случаях акцентные различия здесь достаточно четки; ср., например, *геометрия*, *география*, *анатомия* (науки) и *спирометрия*, *телеграфия*, *телефония* (области практической деятельности).

Недоминантные суффиксы

§ 1.46. Недоминантные суффиксы с акцентологической точки зрения сложнее доминантных; поэтому они разбираются ниже с большей подробностью. При разборе отдельного суффикса вначале даются примеры со слабым базовым компонентом, а после тире — с сильным (если имеется соответствующий материал); доминантные базовые компоненты отличны от прочих тем, что входящий в их состав именной морфемный комплекс (получивший доминантность в силу § 1.28) выделен квадратными скобками. После формулы типа «эффект Deoх» даются примеры, иллюстрирующие акцентное действие соответствующей дополнительной пометы. Слова «например», «примеры» для краткости обычно опускаются.

В списки отклонений не включаются те производные, где акцентная неправильность состоит только в нестандартном месте ударения внутри приставочно-корневого комплекса, например, *зáработок*, *рþыгрыш*, *нáбережная*; см. общий список таких слов в § 1.28, А III. Никак специально не отмечаются также производные, относящиеся к иным схемам ударения, чем *a* и *b* (например, *стрельба*, *высота* — схема *d*, *нвость* — схема *e*); см. соответствующие указания в § 1.18.

П р и м е ч а н и е. Среди отклонений от ожидаемого ударения особое место занимают случаи, когда неправильность состоит в ударении *bi*, *ái*, *éi* вместо *oi*, *ai*, *ei*, например, *трбица*, *гнбище*, *нáигрыш*, *пribигрыш*, *клéйтъ*, *удéбить*, *утрбить*. По крайней мере часть таких отклонений с исторической точки зрения обусловлена чисто фонетическим процессом (см. § 3.2, замеч.).

Основная маркировка ↓

§ 1.47. Ниже даются примеры со слабыми и сильными базовыми компонентами; о промежуточных базовых компонентах при суффиксах класса ↓ см. § 1.50.

Суффиксы существительных.

-ай (первичный суффикс): *расстегáй*, *урожáй*, *нагонáй*, *негодáй*, *молочáй*; ср. после морфа *-at-* ↓ в составе сращенного *-áтай* — *соглядáтай*, *ходáтай*. Отклонения: 1) в сторону вторичности — *слúчай*, *обычай*, *свýчай*; 2) *полицáй*.

-ов'j-e (поглощающий сращенный суффикс): *гнездование, низование, зимование, становение, кочевье* (относительно *Поднепровье, средневекование* и т. п. см. § 1.37, примеч.).

-овк-a (кроме случаев с заменительным *-к-a*, § 1.53; первичный суффикс): *голодовка, распиловка, сверлобка — забегаловка, обираловка, принудиловка*. Ср. доминантное *-ировк-a*, § 1.41.

-бвник ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *кочёвник, чаёвник, соловьиник, полковник, храмбвник, герббвник, пихтбвник, грушбвник — горбховник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: 1) *дневник, баловник* (с *-ик →*); 2) *саговник, маковник, тёмновник* (с *-ник ←*). Прочие отклонения: *духовник, столовник, чаровник; азбуковник*.

-йник ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *конопляник, ольшаник, дощаник, жестяник, нефтяник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *деревянник, водянник, волосяник, торфяник* (но разг. *торфянник*), *масляник, серебряник* (все с обычным *-ик →*).

-инк-a (кроме случаев с заменительным *-к-a*, § 1.53): *вечеринка, песчанка, тропинка — [заябл]инка*.

-ишк-a, -о: *шалунышка, пиджайшко, мелочайшко, городишко, сынишка, ружыйшко — [огород]ишко, [доход]ишко, человечишко, здоровышко, сильышка, платьишко*. Отклонение: *кафтанишко*. Особый случай: *приготовышка* (получено заменительным способом из *приготовительный*).

-ин (сингулятивное): *господин — татарин, крестьянин, барин*. Отклонение: *простолюдин* (с нарушением правила об акцентуации двукорневых комплексов).

-ин-a (исключительное; все значения, кроме отадъективного имени качества), маркировка ↓, но в функции сингулятива (от неисчисляемых) — ↓ Deox. Примеры: *мужичина, осетрина, хворостина, маслина, домина, воинина — [червоточ]ина, [домоткан]ина, [развал]ина, [вмят]ина, [пощёч]ина, [окра]ина, выбона, царапина, баранина, громадина, горбшина, старейшина, рыбина, бспина, ягодина, всячина, пёжина*. Эффект Deox у сингулятивов: *кирпичина, чеснобчина, камышина, миндалина*⁴¹, также *песчина, утбчина* ‘отдельная нить утка’ (с нерегулярным сохранением беглого *o*); ср. отсутствие эффекта Deox у увеличительных, например, *кирпичина, чесночина, балычина*. Отклонения: 1) *хлебина* ‘цветочная пыльца’, *жадина, рбдина, старина* ‘былина’, *лйсина, бтчина* (*вбтчина*), *трёщина*, разг. *ббщина* (при нормативном *община*); ср. еще *рбтвина*; 2) *жемчужина, стерлажина* (последнее получено заменительным способом из *стерлажий*); 3) *старшинा, купинा* (о *быстринा, сединा, целинा* см. § 1.51). См. также *-овин-a, -щин-a* ниже.

⁴¹ Эффект Deox здесь не совсем устойчив: в сингулятивном значении изредка встречаются также и *камышина, кирпичина* и т. п.

Слова на -овин-а распадаются на две группы. В первую группу входят: а) названия мяса (шкуры) животного, например, *воловина*, *бобрёвина*, *бáрсюнина* (шкура); б) чистые сингулятивы, например, *мáковина*, *лúковина*; в) экспрессивные (или даже вульгарные), обычно пренебрежительные, слова со значением 'произвольный единичный предмет', например, *фигбюнина*, *хренбюнина*, *пустякбюнина*, *чепухбюнина*. В этой группе почти везде есть соответствующее прилагательное с -ов- (*воловый*, *мáковый*, *пустякбóвый* и т. д.); от него и образуется слово на -овин-а (с помощью обычного -ин-а). Особо стоят только *штукубюнина* (слово подгруппы «в») и отчасти близкое к нему по значению слово *дикбюнина*. Во вторую группу входят слова на -овин-а со всеми прочими значениями, например, *мочеви́на*, *белкови́на*, *шелко-ви́на*, *мешкови́на*, *сердцеви́на*, *седлови́на*, *котлови́на*, *крестови́на*, *пупови́на*, *полови́на*. Во всех этих случаях выступает поглощающий сращенный суффикс -ови́н-а ↓ Monosyll. Примеры эффекта Monosyll: *клеткови́на*, *клейкови́на*. Поглощающий характер виден, например, в словах *белкови́на*, *шелкови́на*, *крестови́на*.

-шин-а (после ð, t [но не tt] — -чин-а). 1. Аддитивное: *годови́шина*, *дармови́шина*, *штурмови́шина*, *группови́шина* — *митингбвицина*, *небывáльшина*, также *поножбвицина*, *безотцбвицина* (с опорным -ов-, § 1.27). 2. Заменительное, вместо -ск- и -н-: *ямщи́на* — *зéмщи́на*, *гéтманщи́на*, *дья́вольщи́на*, *солдáтчи́на*, *уголбвицина*, *кустáрчи́на*, *воéнчи́на* (ср. *ямской*, *зéмский*, *гéтманский*, *дья́вольский*, *солдáтский*, *уголбвный*, *кустáрный*, *воéнный*). Особое орфографическое оформление в *немéтчи́на*, *турéтчи́на*. Отметим еще опростившиеся *мужчíна*, *жéнщи́на*. Отклонения: *чертови́шина*, *матерíшина* (при *чертбвский*, *мáтерный*).

-ын-я: *рабы́ня*, *богы́ня*, *пусты́ня* — *госудáрьи́ня*, *бáри́ня* (ср. *бáры*)
Отклонение: *геройи́ня*.

-от-а (отглагольное; первичный суффикс): *потягóта*, *икóта*, *зе-вóта*. Отклонения: 1) *маётá*, *тошнотá*, *хрипотá*, *сипотá*; 2) *тá-гота*, *пáхота*.

-их-а (первичный суффикс): *облепи́ха*, *неразбери́ха*; *воробьи́ха*, *сторожи́ха*, *купчи́ха*, *портни́ха*, *слони́ха* — [*урóд|и́ха*, *медвéдиха*, *стáростиха*, *двóрничиха*, *городни́чиха*].

-иц-а. 1. Аддитивное: *рукави́ца*, *мастери́ца*, *сестри́ца*, *волчи́ца*, *светли́ца*, *темнíца*, *больнíца*, *поясни́ца*, *передови́ца*, *власянíца* — [*разноголбс|и́ца*, *[бездéл]и́ца*, *[пересбрт]и́ца*, *[разлáд]и́ца*, *[бого-рбд]и́ца*, *медвéдица*, *кни́жица*, *лечéбница*, *кóнница*, *лúкови́ца*, *се-ли́тряница*, *пúтаница*]. Слово *петли́ца* соотносится с акцентным вариантом *петля*. Отклонения: а) *деви́ца* (ср. народно-поэт. *дéвица*), *кобыли́ца*, *ступи́ца* (но професс. *сту́пица*), *каши́ца* 'полужидкая масса' (ср. ласкательное *кáшица*); *гробни́ца*, *снежнíца*, *слезнíца*, *дойнíца*, *колеснíца*; *едини́ца*, *рожéни́ца*, *сушени́ца*; *шелкови́ца*, *свеклови́ца*, *багрянíца*; императри́ца; б) *йглица* (растение), *веретé-*

ни́ца (ящерица), *пъ́ни́ца*, *стáри́ца* ‘старое русло’, *ядри́ца*; *рвни́ца*, *ўмни́ца*, *вльни́ца*; особо стоят *деви́ца*, *трби́ца* (§ 1.46, примеч.); в) *вýсели́ца*.

2. Заменительное (в названиях женщин), вместо *-ец* и *-ик* (в т. ч. в составе суффиксов *-ник*, *-чик*, *-щик*): *жилы́ца*, *проводни́ца*, *поставщи́ца* — *краса́вица*, *прáведница*, *закáзчица* (ср. *жилéц*, *проводни́к*, *поставщи́к*, *краса́вец*, *прáведник*, *закáзчик*).

-ни́ца (не в названиях женщин, соотнесенных с производными на *-ник*, и при отсутствии соответствующего прилагательного с *-н-*, ср. выше): *скребни́ца*, *мазни́ца*, *возни́ца*, *божни́ца*, *бойни́ца*, *зарни́ца*, *пороховни́ца* — *полéнница*, *здра́вница*, *пáтница*. Отклонения: *звéнница*, *вárница*, *мéльница*.

-бви́ч ↓ Triv (в appellативах и отчествах): *попóвич*, *царéвич*, *Петróвич* — Семёнович, Сергеевич; ср. доминантное *-ови́ч* в фамилиях (§ 1.41).

-иц-а: *бороди́ща*, *ручи́ща* — *собáчища*, *лáпища*. Отклонение в сторону доминантности: *скучи́ща*.

-иц-е: *городи́ще* (два омонима), *кострýи́ще* (два омонима), *волчи́ще*, *жилы́ще* — [убéж]ище, [сбрó]ище, [побб]ище, [пристáн]ище (с консонизатором *н*), [посмéш]ище, [прóзв]ище, *морбзи́ще*, *хранíлище*. Отклонения: *чýди́ще*, *тбржи́ще*, *кбзли́ще*, *ржáни́ще*, *полбти́ще*, *йгри́ще*, *дéти́ще*, *пблчи́ще* (все в сторону ←); особо стоит *гнби́ще*. См. также *-биц-е*, § 1.53.

-ови́щ-е: *токови́ще*, *серпови́ще*, *косови́ще*. Отклонения: *чудóви́ще*, *зимбóви́ще* (ср. еще *челитер.* *станбóви́ще* при нормативном *станови́ще*).

§ 1.48. Суффиксы прилагательных.

-лив- ↓ Monosyll Deox: *бережлýвый*, *тороплýвый*, *говорлýвый*, *циротлýвый*, *пуглýвый*, *болтлýвый*, *пытлýвый*, *сонлýвый*, *дождлýвый* — [прожбр]ливый, [приверéд]ливый, [въéд]ливый, [понáт]ливый, [насмéш]ливый, [засúш]ливый, *талáнтливый*, *конфúзливый*, *собáчливый*. Эффект Monosyll: *драклýвый*, *счастлýвый* (ср. ниже), *бурлýвый* (если связывать это слово с *бúря*). Эффект Deox: *чудáчливый*. В ряде случаев слово с *-лив-* можно соотносить как с глаголом, так и с существительным. С акцентной точки зрения это безразлично; например, ударение слов *шкодлýвый*, *сварлýвый*, *дурáчливый* (*дурáшилýвый*), *куráжливый* регулярно при соотнесении их как с глаголами (что предпочтительнее), так и с существительными (в последнем случае действуют характеристики Monosyll и Deox). Особые случаи: в нескольких словах произошло опрощение базового компонента, приведшее к потере им доминантности: *счастлýвый* (ср. сохранение старого удараения в кратких формах: *сча́стлив*, *-а*), *скучлýвый*, *сметлýвый* (устар. *смéтилýвый*), *смазлýвый*, *спотыклýвый*; также *особлýвый*, *справедлýвый*, *прозорлýвый* (где в добавок суффикс *-лив-* ведет себя как доминантный). Прочие особые случаи: *вынблизлýвый*, *зая́стливый*, *боязлýвый*, *шаловлýвый*; колебание: *въёжли́вый*. Отметим еще *вёжли́вый* (с остаточным базовым компонентом). В словах *молчали́вый*, *тер-*

пелёвый, горделивый правильнее усматривать не -лив-, а суффикс -ив- после консонизатора л.

-чив-: бранчевый — [сгово́р]чива́й, [влю́б]чи́вый, [восприи́м]чи́вый, [у́жив]чи́вый.

-ов ↓ Triv (притяжательные прилагательные и фамилии): отцо́в, по́вь, Петухо́в — племя́нников, Семёнов, Солнце́в. Эффект Triv: чёрто́в, Гу́се́в, Голубе́в, Рако́в, Ды́конов.

П р и м е ч а н и е. В фамилиях на -иков это -иков в большинстве случаев функционирует как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой \leftarrow , например: Стáриков, Гблико́в, Нёвикио́в, Бéлико́в, Крýглико́в (однако, например, Городови́къ).

-ёнек (после к, г, х — ёнек; вторая гласная беглая), производное имеет только краткие формы (см. Грамм., с. 75, § 11): тяжелёнек, слабёнек, великёнек, строгёнек — тяжелёхонек, радёшенек (после морфов -ёх-, -ёш- ↓ D, см. сноска 39). С сильными основами (без дополнительных -ёх-, -ёш-) суффикс не соединяется.

-ок-: только далёкий, глубóкий, высóкий, широ́кий, одинóкий.

-овск- ↓ Triv (кроме семантической группы «отрицательных действий типа колдовства, плутовства, хвастовства», см. § 1.52): толстобе́ский — бундовский, марто́вский, августовский (ударение августо́вский устарело).

-ом- (причастия, прилагательные со значением потенциальности; первичный суффикс): ведомый, несомый — колеблемый, читаемый, несгорае́мый.

-овн- ↓ Monosyll: плачёвны́й, санёвны́й, духовны́й (относительно безграховны́й и т. п. см. § 1.37, примеч.). Отклонение: дневной.

-ённ- (причастия; первичный суффикс). Заменительное, вместо -ит в 3 ед. презенса (у *i*-глаголов) или вместо -ла в ед. жен. прош. времени (у *C*-корневых глаголов)⁴²: прощённый, закалённый — за-жаренны́й, изнешненны́й (ср. *простит*, *закалит*, *зажарит*, *изнёсит*); сплетённый, учтённый — укра́денный, постри́женный (ср. *сплелá*, *учлá*, *укра́ла*, *постри́гла*). У *i*-глаголов имеется, однако, довольно значительное число отклонений. Причастия с «незаконным» ударением -ённ-ый имеют глаголы схемы *c*: делить, менять, ценить, клюнуть, крестить и все их приставочные производные; влюбить, осадить (из раствора), об-, при-, о-судить, восхвалить, умолить, преломить, под-, по-разнить, пере-, вз-бесить; факультативно также глаголы на -манить, за-, пере-разнить, иссушить. Такое же причастие при колебании в презенсе (схемы *c//b*) имеют -дружить, белить, шевелить, селить, -слонить и производные, также осадить (город), вспоить, поглотить. Примеры: разделённый, наклонённый, поселённый (ср. *раздёлит*, *наклонит*, *посёлит*). Особое отклонение

⁴² У немногочисленных *đ*-глаголов, использующих данный суффикс, ударение корневое, например, вйденный, просиженный, проберченный.

составляют причастия *при-*, *по-нуждённый*, *осведомлённый* (//освё-
домленный) от глаголов схемы *a*. Отметим, что существенная часть
перечисленных здесь глаголов (например, *умолять*, *преломить*, *ис-
сушить*) имеет книжный оттенок, ср. в этом отношении также *-жд-и*
-щ- в *осаждённый*, *осуждённый*, *поглощённый*. Противоположное
отклонение (причастие с корневым ударением) имеют глаголы схемы *b*:
трубить, *кроить*, *зубрить* ‘делать зазубрины’, *трусить* ‘сыпать’,
цветить, *торочить* и все их производные, также *за-*, *про-*, *ис-следить*,
раз-, *с-жидить*, *под-*, *раз-зудить*, *сболтить*, *за-*, *пере-*, *раз-*, *по-золо-
тить*; факультативно также *-редить*, *затвердить*, *раз-*, *по-громить*,
раздвоить, *строить*, *пере-*, *с-*, *рас-*, *ис-косить* ‘искривить’, *гатить*
(и производные), *изрешетить*. Такое же причастие при колебании
в презенсе (схемы *b* // *c*) имеют *городить*, *скоблить*, *солить*, *доить*,
зубрить ‘учить’, *винтить*, *строчить*, *сучить* и все их производные,
пере-, *по-*, *от-лудить*, *перетрудить*, *рядить* ‘нанимать’, *по-*, *про-
кружить*, *пойти* (и производные, кроме *на-*, *вс-*), *вз-*, *про-*, *от-мутить*.
Примеры: *скрёбеный*, *позолоченый*, *огороженный* (ср. *скройт*, *позо-
лотит*, *огоробдит*). В этой группе господствуют глаголы, вполне
обычные в разговорной речи; значительная их часть имеет техниче-
ский характер.

-ён- (отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заме-
нительное, вместо тех же форм, что для *-ённ-* (см. выше): *прощённый*,
жалёный, *плётёный* — *жáреный*, *нбшений*, *кráденый*, *ст्रíженый*.
Таким образом, если бы не было отклонений, *-ён-* всегда давало бы
тот же эффект, что *-ённ-*. Однако отклонения от правила для этих
двух суффиксов не совпадают; вдобавок, *-ен-* выступает, как правило,
при бесприставочных основах, тогда как *-енн-*, напротив, соединя-
ется с ними с большим трудом. Отсюда необходимость раздельного
разбора. «Незаконное» ударение *-ён-ый* представлено при основах
посаж-, *цеж-*, *груж-*, *хвал-*, *бел-*, *пил-*, *топл-*, *чин-*, *вар-*, *дар-*, *моч-*,
точ-, *уч-*, *круч-*, *гаш-*, *душ-*, *суш-*, *туш-*, *крец-*; также *доj-*, *поj-*, *сол-*,
мор- (где в презенсе колебание), *клéj-*, *смышл-* (в презенсе схема *a*);
примеры: *посажёный*, *варёный*, *солёный*. От *хблить* возможно *хблé-
ный* и *холéный*. Противоположного отклонения в чистом виде нет;
отметим *п्रяденый*, *сéченый* (при колебании *прáла*, *сéкла*). Не имеют
прямой связи с глаголом *студёный*, *червлёный*, *рифлёный*, *мудрёный*,
ядрёный.

-ист- ↓ Deox (кроме терминов со значением ‘содержащий соответ-
ствующее вещество’, см. § 1.54): *волокнистый*, *голосистый*, *золотый-
стый*, *эмейстый*, *лесистый*, *машистый*, *неказистый* — [уббр]истый,
[залив]истый, [извéл]истый, [размáш]истый, [разлáп]истый, *бол-
тистый*, *мозблистый*, *жéлистый*, *пéнистый*. Эффект Deox: *пузы-
ристый*, *пупыристый*, *творожистый* (от *творбг*, *-á*). Отклонения:
1) *фразистый*, *искристый*, *шелковистый*, также *сноровистый* (но чаще
акцентно регулярное *снорбвистый*); 2) *крайистый*, *перистый*, *ячё-
стый*.

-ейш-, -айш-. 1. Заменительное, вместо -ej(e) в компаративе (только для алломорфа -ейш-): тяжелейший, белейший, древнейший — [разнообрáз]нейший, сиропейший, красивейший. 2. Аддитивное: широкайший, крепчайший, чистейший, малейший. Отклонение: богатейший.

-уц- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо -ут в 3 мн. презенса: сосущий, бегущий, загребущий — пьющий, читающий. Отклонение: могущий (сюда же всемогущий); ср. разг. мбгущий. Аддитивное употребление в завидущий, плодущий, имущий; также свёдущий, всевёдущий (с формально неправильным корневым ударением).

-ящ- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо -у в 1 ед. презенса: крутящий, носящий, свистящий — прáяющий, конфúзящий. В современном языке, однако, наблюдается сильная тенденция к тому, чтобы акцентологически трактовать -ящ- так же, как -уц-, т. е. и здесь ориентироваться ударение (по крайней мере у невозвратных глаголов) на 3 мн. презенса, а не на 1 ед. Различие затрагивает, естественно, только глаголы схемы *c*. Так, по Грамм., у невозвратных глаголов ударение типа любящий (ср. люблю, любят) постоянно представлено при основах губ-, руб-, люб-, служ-, пил-, жен-, цен-, чин-, леп-, лун-, черт-, леч-, моч-, уч-, душ-, суш-, туши-, тащ-, терп-, дыши-, факультативно также при дав-⁴³, чед-, суд-, друж-, туж-, вал-, хвал-, бел-, дел-, дразн-, коп-, вар-, гас-, бес-. У возвратных глаголов ударения типа жёнящийся представлены гораздо уже (при руб-, жен-, цен-, леп-, леч-, суш-, факультативно также лен-, душ-, тащ-). Следует учитывать, однако, что приведенный список в значительной мере условен, поскольку в живой речи (в т. ч. литературной) в этом классе причастий колебания наблюдаются очень широко. При колебаниях, как правило, корневое ударение (гáсящий, вáрящий и т. д.) имеет более разговорную окраску, суффиксальное (гасíщий, варíщий и т. д.) — более книжную. В ряде случаев корневое ударение воспринимается как чисто причастное, суффиксальное — как соответствующее адъективированному употреблению (ср. дáвящий и давáщий).

К настоящей группе примыкают также суффиксы компаратива и деепричастия презенса.

-ej (e): тяжелéе, холоднéе, белéе, вернéе — [разнообрáз]нее; сиропéее, сурбвее, красивее, цвети́стее. Отклонения: 1) здоровéе (в прямом значении), розовéе, лиловéе (ср. также пелитер. красивéе); 2) рослéе, древнéе, сноснéе, срочнéе, хищнéе, дельнéе (данная группа очерчена нестрого, поскольку у этих и ряда других прилагательных с односложной основой ударение в краткой форме жен. рода фактически неустойчиво).

⁴³ Но только суффиксальное ударение в давáщий 'мрачный, тяжелый'.

-я (первичный суффикс). Заменительное, вместо -у в 1 ед. презенса: нес́я, бормочá, свистá, любá — читáя, вéря. Отклонения: лёжа, стóя, сидя, глáдя (деепричастия и наречия); также чистые наречия мбла, нéхотя, зáгодя, пóходя, сложные предлоги сúда по, глáдя по.

§ 1.49. Суффиксы глаголов.

-а-ть (отыменное; первичный суффикс): холода́ть, козырять, захомутáть, величáть, листáть, серчáть, ветша́ть — зáвтракать, обéдатъ, ужинать, лáпать. Отклонения: 1) в сторону доминантности — сквятáть, фигурять, пуля́ть (пенáть семантически оторвалось от пéня; петля́ть соотнесено с ударением петля́); 2) опойсать.

-е-ть (первичный суффикс): голубéть, тяжелéТЬ, осстанéТЬ, трезвéТЬ, темнéТЬ, вдовéТЬ, глазéТЬ — о[безлюд]еть, о[безголóб]еть, о[полоúм]еть, о[беспáмят]еть, парши́вать, посерьёзнейть. Отклонения: 1) здóровéТЬ, свирепéТЬ, богатéТЬ, одревеснéТЬ, осточертéТЬ, ср. также запечатлéТЬ; отметим разг. ржавéТЬ при нормативном ржáвать; 2) обвéтреть, прояснеть (о погоде), обúтреть.

-овé-ть ↓ Monosyll, -енé-ТЬ (-яне-ТЬ) ↓ Monosyll (первичные поглощающие сращенные суффиксы): розовéТЬ, багровéТЬ, заглянцевéТЬ, столбенéТЬ, стервенéТЬ, оцененéТЬ, деревянéТЬ, багрянéТЬ, пламенéТЬ — корýчневеть, берéменеть. Отклонения: йловеть, плесневеть, йнdevеть (но разг. плесневéТЬ, инdevéТЬ), махрóбеть. Отметим еще миловéТЬ, но сурбóветь (слова с остаточно выделяемыми корнями).

-ну-ТЬ (не выпадающее в прош. времени) со значением однократного действия. Заменительное, вместо -а-ТЬ, -и-ТЬ. Суффикс выступает как заменительный там, где есть соответствующий бесприставочный глагол на -а-ТЬ или -и-ТЬ, причем с той же, что и при -ну-ТЬ, гласной в корне⁴⁴ (таким образом, в приставочном глаголе на -ну-ТЬ приставка должна не приниматься во внимание). Примеры: прýгнуть (также подпрýгнуть и т. д.), дёрнуть, кликнуть, трóнуть, тóпнуть, хлебнуть, пугнуть, нырнуть, махнуть, пальнуть (ср. прýгать, дёргать, кликать, трóгать, тóпать, хлебáть, пугáть, нырять, махáть, палить). Отклонения: 1) мазнуть, резнуть, всплакнуть, сыпнуть (ср. мáзать, réзать, плáкать, сыпать⁴⁵); 2) шмыгнуть, юркнуть, черпнуть (при) хвастнуть, нюхнуть, струхнуть (ср. шмýгать, юркать, чérпать [но разг. чerpáть], хвáстать, нюхáть, тру́сить); 3) кйнуть (ср. кидáть).

П р и м е ч а н и е. Глаголы на -ну-ТЬ, образованные от ё-глаголов, в отличие от рассмотренных выше, обычно не сохраняют ударения исходного глагола, а именно, при ё-глаголах на -éТЬ, -áТЬ глагол на -ну-ТЬ имеет корневое ударение, например: стукнуть, бýркнуть, вýзгнуть, дрóбнуть, крыкнуть, пíскнуть, скýрпнуть, хрúстнуть, свýстнуть (при стучáть, бур-

⁴⁴ Соответственно, пары сунуть—сóвáть, клóнуть—клевáть, плóнуть—пле-ва́ть, разíнуть—разевáть сюда не относятся.

⁴⁵ Эта группа отклонений охватывает все производные на -ну-ТЬ от а-глаголов с ударным корнем, не имеющих параллельных вариантов по ај-тишу; ср. еще окказиональные лайнуть, влайнуть от лáять.

чать, вижать, дрожать, кричать, пищать, скрипеть, хрустеть, свистеть). Иначе акцентованы только блеснуть, шумнуть, гуднуть, всхрапнуть, дыхнуть (при блестеть, шуметь, гудеть, хранить, дышать); более отдаленно связаны вернуть и вертеть. В части приведенных случаев глагол на -нуть соотнесен одновременно с ё-глаголом и ај-глаголом, ср. стукнуть — стучать и стукать.

§ 1.50. При промежуточном по силе базовом компоненте у слов с суффиксом класса ↓ ударение, как указано в § 1.33, определяется pragmatischen faktorom⁴⁶.

В освоенных словах промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый. Примеры⁴⁷: 1) «группа рак» — перчинка; братышка, трусышка, зайчишка, фрачышка, мыслишка; плешина; грайня (с нерегулярным смягчением ф); трусиха, франтиха, рыхиха, зайчиха, крольчиха⁴⁸; граньца, тигрица; воньща; тигрище; рачище; статийский; зашилеть, хаметь; 2) «группы буйвол, якорь» — сахаринка; кофейшко, месячышко, мебелишка; пестряйна, лососйна (в соответствии с вариантом лбосъ), парусйна, образйна; герцогйня; щеголиха, соколиха; цесаревич; пепелщике, голенище; молотовщике; прихотливый, похотливый; студенийский, каменийский; пуделять, щеголять (заметим, впрочем, что для части приведенных слов такое ударение является достаточно старым).

Прямыми исключениями (где, несмотря на достаточную освоенность, сохраняется традиционное ударение на базовом компоненте) здесь можно считать: 1) гайдина, градина, -инка, крапина, -инка, рисина, -инка, шквалистый, ёлистый, ёнистый, гнётаться; 2) бисерина, -инка, милостыня, ящерица, лговище, толовище, сбестливый, жалостливый, памятливый. В ряде случаев конкурируют два акцентных варианта, причем ударение, соответствующее освоенности, носит более разговорный (или даже просторечный) характер. Примеры: разговорные буйволица, дьяволица, мускулистый, сахаристый, нелитературные месячина, инокиня, при нормативных буйволица, дьяволица, мускулистый, сахаристый, месячина, инокиня, ср. также разг. пленеветь, индеветь, отмеченные в § 1.49. Просторечное суффиксальное ударение иногда встречается даже в некоторых словах, отнесенных выше к исключениям (например, просторечн. памятливый).

При неосвоенности промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный. Такое ударение достаточно прочно удерживается за устаревшими, книжными и т. п. словами (например, ёёдина, хранина, дылконица, сбынище, ёдолище); оно зафиксировано литературной нормой также за большинством редких и узкоспециальных слов

⁴⁶ Кроме случаев, когда промежуточный базовый компонент подпадает под действие пометы Monosyll или Triv при суффиксе (а именно, Monosyll превращает основы «группы рак» в слабые, Triv превращает все промежуточные основы в сильные). Такие случаи вошли выше в основную часть разбора.

⁴⁷ В списки примеров здесь и ниже включено большинство реально употребительных слов соответствующих категорий.

⁴⁸ Ввиду односложности базового компонента крольч- это слово акцентно правильно, хотя оно и нерегулярно соотносится с основой кролик-.

(например, *пáлтусина*, *члéнистый*, *шráмистый*, *láистый*). Характерно, что книжное слово *благосты́ня*, для которого нормой является древнее ударение, люди, недостаточно знакомые с этим словом, произносят как *блáгосты́ня*.

Основная маркировка →

§ 1.51. Суффиксы существительных.

-б-а: *городьба*, *ворожбá*, *мольбá*, *резьбá* — [усáдъ]ба, *женйтъба*, *селятьба* (два последних с консонизатором основы *t*). Отклонения: 1) в сторону первичности — *похальба*; 2) *слúжба*, *дрúжба*, *тýжба*, *свáльба*, *прбсьба*.

-j-e⁴⁹ → Monosyll (не собирательное), в т. ч. в составе имен действия на *-тье*, *-нье* (кроме *-енье*, о котором см. § 1.67); *косъё* ‘косовище’, *битъё*, *мытьё*, *жильё* — [богомбл]ье, [челобйт]ье, [двоебр]ье, [отрбд]ье, [раздýм]ье, [изголб]ье, [вамбр]ье, [перепýт]ье, *купáнье*, *здорбвье*. Эффект Monosyll: *жнивъё*, *спанъё*, *вранъё*. Отклонения: 1) в сторону первичности — *забытьё*, устар. *прожитьё*; 2) *сuroвъё* ‘суровая ткань’, *колотъё* и *кблотъё* (наряду с *колбтьё*); 3) *весéлье*, *ўстье* (ср. также опростившиеся *плáтье*, *зéлье*). См. также *-ов'j-e*, § 1.47.

-ик (отадъективное). Заменительное, вместо окончания (-ый, -ий, -ой) в исходной форме соответствующего прилагательного (или причастия): *кореник*, *крепостник*, *штрафник*, *тупик* — [толстолóб]ик, [подснéж]ник, *олосáтик*, *головáтик*, *дымник*, *умник*, *сбчик*, *пáльник*, *рыжик*, *чистик*, *востpитанник*, *отпýщенник*, *пýтаник*, *мýченник*, *варéник* (от *варёный*), *вечéрник*, *зýмник*. Слова *временнíк*, *мелочníк*, *матерíк* соотносятся с ударениями *временнíй*, *мелочнíй*, *матерóй*. Особый случай составляют производные от числительных на *-ero*: *четверíк*, *пятерíк* и т. д.; здесь опорными являются словоформы косвенных падежей исходных слов (*четверых*, *пятерых*), поскольку И. ед. на -ый нет. Отклонения: 1) *новíк*, *малíк*, *целик*, *голíк*, *старíк*, *частíк*; *кровавíк* (//*кровáвик*), *ученик*; 2) *послánник*, *изгнáнник*, *избрáнник*. Кроме того, см. список слов с «незаконным» ударением *-níк* в разборе суффикса *-ник* (§ 1.53). См. также *-овик* ниже, *-ник* (§ 1.53), *-овник* (§ 1.47), *-янник* (§ 1.47), *-чик* (§ 1.53), *-щик*, *-овщик* (§ 1.68).

-овик → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *передовíк*, *промысловíк*, *фронтовíк*, *портовíк*, *пуховíк*, *змеевíк* — [подоснý]овик, *горбховик* (см. об этом суффиксе также § 1.37). Эффект Monosyll: *биржевíк*, *гиревíк*, *массовíк*, *почтовíк*, *плановíк*, *стендовíк*, *большевíк*, *меньшевíк*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *рублёвик*, *целковик*, *грéчневик*, *ячневик*, *настовик*.

⁴⁹ Не смешивать с алломорфом *-uij-e* (§ 1.53).

-ок (с беглым о; все значения): *кулачок*, *узелок*, *голубок*, *погребок*, *дымок*, *желток*, *брюк*, *плевок*, *виток* — [первоу́т]ок, [саморобб]ок, [набро́с]ок, [свят]ок, [задат]ок, [напыт]ок, [сним]ок, [недоу́м]ок, [отголбс]ок, [перелес]ок, *фартучек*, *овражек*, *орешек*, *барашек*. Если, однако, суффикс **-ок** присоединяется к слову, уже оканчивающемуся на **-ок** (с беглым о), происходит эффект Деох: *кусочек*, *звоночек*, *мопоточек* (от *кусок*, *куска* и т. д.). Отклонения в сторону первичности: *поплавок*, *помазок*, *погремок*, *позвонок*, *завиток*, *поддавок* (ср. также опростившееся *смычок*).

П р и м е ч а н и е. В уменьшительном значении суффикс **-ок** не соединим с сильным базовым компонентом, кроме случая, когда он оканчивается на шипящую (что практически возможно только при исходном слове на *к*, *г*, *х*, а также *н*, см. примеры выше). В других значениях этого ограничения нет.

Уменьшительное **-ок** часто выступает при промежуточном базовом компоненте. В силу особенности, указанной в примечании, у слов не на *к*, *г*, *х* такое производное, если оно вообще образуется, имеет ударение **-ок**: *кленок*, *сваток*, *браток*, *сахарок*, *юморок*, *швейцарок*, *запашок*, *адресок*, *якорёк*, *флигелёк* и т. п.; также *ракок*, *слушок*, но *внук* или *внучок*.

-изн-a → Polysyll (первичный суффикс): *новизна*, *белизна*, *прлизна*. Эффект Polysyll: *дешевизна*, *дороговизна*, *уко́ризна*. Отклонения: 1) *головизна*, *отчизна*, 2) *голубизна*.

-ин-a (отдъективное имя качества): *величинá*, *тишинá*, *ширинá*, *желтинá* — *суту́лина*. Акцентологически сюда же относятся *сединá*, *быстринá*, *целинá*, имеющие более конкретные значения.

-арь → Monosyll (отыменное): *золотарь*, *главарь*, *дика́рь*, *сухарь* — [виногра́д]арь, *библиотекарь*, *аптекарь*. Эффект Monosyll: *букварь*, *волгарь*, *штука́рь*, *пушки́рь*, *почтарь*. Отклонения: *майтарь*, *ку́харь* (эти слова примкнули к отлагольным производным с **-арь**, § 1.53); *рыбарь*. Слова *календарь*, *секретарь* синхронически уже не связаны с *калёнды*, *секрёт*.

-ц-a (после сочетания «согласная + л или р» — **-ец-a**): *хрипотца*, *крепостца*, *зеленца*, *пыльца*, *трусыца*, *наглеца*, *хитреца* (ср. *памятца*, при промежуточном базовом компоненте) — [убий]ца, [пропой]ца, [прохлад]ца, *ехидца*, *шпорца*. Отклонение: *двёрца* (ср. также опростившееся *мышца*).

-ц-o/e → Polysyll: *словцо*, *мясцо*, *дрянцо*, *винцо*, *сельцо* — *одеяльце*, *колёнце*, *болотце*, *сальце*. Эффект Polysyll: *веретёнце*, *волоконце*, *оконце*, *седельце*. Отклонения: 1) *дёльце*, *тёльце*, *бонце*; 2) эффект Polysyll неустойчив в *решётце* // *решетцо*, *долотце* // *долотцо*; 3) *зёркальце*, *злотце* (т. е. эффект Triv), также *дёревце* // *деревцо*, *кружевце* // *кружевцо*; 4) *озерцо*.

-ец-oj-иц-e (алломорф предыдущего суффикса, выступающий после сочетания согласных; различные *ец/иц* — чисто орфографическое):

письмецо, ружьцецо, пальцецо, серебрецо — строёныце, называныце, платьище, крёслице. Отклонение: *маслице*.

-*ец*⁵⁰ (не уменьшительное). 1. Аддитивное (маркировка → Monosyll): *плаунéц, холодéц, образéц, погребéц, дворéц, юнéц, ловéц, ре-зéц, жилéц, певéц* — [песнопéв]ец, [заимодáв]ец, [честолюб]ец, [голо-дрáн]ец, [оборвáн]ец, [повстáн]ец, [пришéл]ец, лукáвец, скитáлец, *кормíлец, румáнец*. Эффект Monosyll: *рыбéц, стервéц, шельмéц, беглéц, истéц*. Отклонения: 1) в сторону первичности — *продавéц* (при правильных *книгопродáвец, христопродáвец*), *поставéц, изра-зéц, сорванéц, останéц, устар. пришлéц; 2) студенéц, варенéц, мéч-кладенéц; 3) *лýпец* (мед), *стáрец, мáлец, шпбрéц, народно-поэт. мóлодец* (слова *пáлец, нéмец, слáнец, áгнec* и т. п. синхронически уже не являются производными).*

2. Заменительное (маркировка →), вместо -*ск-* и вместо -*иј-* в составе -*ениј-e;* -*ец* используется заменительно везде, где есть хотя бы одно из указанных опорных производных (между собой они акцентно не расходятся), кроме слов *сáженец, варенéц, отвéрженец*, которые образованы от причастий. Примеры: *донéц — гбрец, дўмеч, толстбвец, кантиáнец* (ср. *донской, гбрский и т. д.*); *иждивéнец, выдвижéнец, ополчéнец* (ср. *иждивéние и т. д.*); также *партиец* (заменительно от *партийный*).

-*ич:* *костромич, москвич, тверич* (ср. в *Твери*), *Фомич — [сороб-д]иch, [соботч]иch, шляхтич, бáрич* (ср. *бáры*), *вáльмич, Никитич*. Ср. также *пскович, гдович* (промежуточный базовый компонент). Отклонения: *рбдич, княжич*. См. также -*ович*, § 1.47.

-*ыш:* *коротыйши, малыйши, голыйши, глупыйши, крепыйши — [заробд]ыши, [вклáд]ыши, [оббрé]ыши, вýкидыши, вýигрыши, погáныши, несмышилённыши, дутыши.* Отклонения: *кáтыши, глáдбыши, найдёныши* (от причастное).

§ 1.52. Суффиксы прилагательных.

-*ин* (фамилии; в число прилагательных помещены условно): *Ко-чеги́н, Бороди́н, Ильи́н, Зими́н, Ноги́н — Корóвин, Лáпин, Волóдин* (ср. -*ин* в притяжательных прилагательных, § 1.54). Имеется, однако, довольно много отклонений в сторону маркировки ←. Помимо *Губи́н, Стрúнин, Сыти́н*, где с исторической точки зрения просто сохраняется старое ударение, таковы, например: *Вдóвин, Дúдин, Кóзин, Смóлин, Стрéлин, Тráвин, Старýнин* (исчерпывающий список здесь нереален).

-*овск-* → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс). С такой маркировкой -*овск-* выступает только в семантической группе «отрицательных действий (или качеств) типа колдовства, плутовства, хвастовства» (ср. обычное -*овск-*, § 1.48). Перечислим все входящие в эту группу слова с -*овск-* (а также с -*овств-o*, которое связано

⁵⁰ После сочетания согласных *е* устойчиво (мудréц, мудрецо), в прочих случаях беглое.

с -овск- отношениями замены): *колдов-скбй*, *-ствб*, *ведъмов-скбй*, *-ствб*, *ведов-скбй*, *-ствб*, *воров-скбй*, *-ствб*, *плутов-скбй*, *-ствб*, *шельмов-скбй*, *-ствб*, *бунтовскбй*, *баловствб* (ср. также акцентно сходное *баловнбй*), *шутов-скбй*, *-ствб*, *хвастов-скбй*, *-ствб*, *мотов-скбй*, *-ствб*, *фатов-скбй*, *-ствб*, *франтов-скбй*, *-ствб*. В современном языке имеет отрицательную окраску и тем самым примыкает к данной группе также *кумов-скбй*, *-ствб*. Обособленно стоит *сватов-скбй*, *-ствб* (не имеющее отрицательной окраски), но оно семантически связано с *кумовствб*. Акцентные исключения: *чертбвский*, *бесбвский*. Характерно, что примерно при половине слов данной группы имеются также глаголы на -овáть: *колдовáть*, *ведьмовáть*, *воровáть*, *плутовáть*, *бунтовáть*, *баловáть*. Других слов на суффиксальные -овск-бй, -овств-б, кроме перечисленных выше, в русском языке нет. Таким образом, единая акцентная структура всех слов данной группы отчетливо ассоциируется с указанным кругом значений (ср. в этом отношении окказиональные образования вроде *куровствб*). Примечательно, что у нескольких слов со сходным значением, имеющих неоднозначный базовый компонент, требуемая акцентная структура достигается за счет отсутствия морфа -ов-: *волшебствб*, *озорствб* (ср. *озорнбй*), *удальствб* (ср. *удалбй*), *щеголь-скбй*, *-ствб*. Сюда же примыкали устаревшие акцентные варианты *ханже-скбй*, *-ствб*, вытесненные ныне акцентологически стандартными *хánже-ский*, *-ство*.

Основная маркировка ←

§ 1.53. Для суффиксов класса ← свидетельства их недоминантности часто лежат в сфере потенциальных слов (см. § 1.39); некоторые из таких слов приводятся ниже. При суффиксах данного класса промежуточные базовые компоненты ведут себя как сильные (§ 1.33). Особенность данного класса суффиксов состоит также в том, что при неосвоенности производного эти суффиксы могут вести себя в соответствии с маркировкой ← Triv. Например, при окказиональном словообразовании могут появиться такие уменьшительные, как *бровчик*, *прыставчик*, *стёрлядка* и т. п. Ниже этот факт уже более не отмечается.

Суффиксы существительных.

-ов-о, -ив-о: *хлёбово*, *вáрево*, [пóжн]иво, *мéсиво*. Отклонение: *огниво* (но разг. *огниво*). В словах *жниво*, *чииво* суффиксальное ударение вынужденное.

-тв-а: *бýтва*, *жáтва*, *клятва*, *молитва*. Отклонение: *жратвá* (простореч.).

-ств-о (после шипящих -еств-о). 1. Аддитивное: *семейство*, *бéгство*, *высбчество*, *общество* — [убий]ство, [излиш]ество, *лáкомство*, *имúщество*, *дéвство*; ср. также *нóвшество*, *пýршество* (с морфом -и-). Отклонения: 1) *вдовствб*, *родствб*, *сродствб*, *свойствб* 'родство' (ср. *свойство* 'качество'), *мастерствб*, *божествб*, *рождествб*, *есте-*

ствб, веществб, существб; кроме того, волшебствб, озорствб, удальствб, о которых см. при *-овск-*, § 1.52; отметим также *старшинствб, большинствб, меньшинствб* (с морфом *-ин-*); 2) *лекárство, роскбшество; 3) тайнство.*

2. Заменительное, вместо *-ск- (-еск-)*; используется заменительно везде, где есть прилагательное с *-(e)ск-*, кроме слов *свойствб, мастерствб, божествб, лекárство* (см. выше). Примеры: *щегольствб, плутовствб — дётство, звёрство, толстобвство, иночество* (ср. *щегольскбй, плутовскбй, дётский, звёрский* и т. д.).

-j-a (названия женщин; множ. число [у неодушевленных] и собирательные *pluralia tantum*): *колдúнья* (и прочие на *-уńъя*), *гостья, лоскутья, деревья, колбсья, корéнья, пérья, листья, дреколья, лохмбтья — игúменья, свáтья; клинья, брусья, полéнья, [отрéп]ья, [объéд]ья*. Особые случаи: *поббдья, камéнья*.

Причание. Для современного языка уже являются устаревшими собирательные на *-ье*, параллельные формам мн. числа на *-ья* (Р. *-ьев* и т. д.), например, *листъя, лохмбтья* при обычных *лист-ья, -ьев, лохмбтья, -ьев*. Ударение этих устаревших собирательных — такое же, как во мн. числе на *-я* (тогда как у живых собирательных с данным суффиксом акцентовка иная, см. § 1.42).

-ij-e (в т. ч. в составе имён действия на *-тие, -ние, кроме -ение*, о котором см. § 1.67): *величие, тéрние, звáние, знáние — [рабо-лén]ие, [полушáр]ие, [бессýл]ие, [довéр]ие, [унýн]ие, [признáн]ие, [собráн]ие, [снят]ие, [вскрýт]ие, бросáние, дéлание, отбрáсывание*. Исключения: *остриё, бытиé, небытиé, житиé, питиé; знáмение*.

-к-а. 1. Аддитивное: *сковорóдка, кочерёжка, чудáчка, лошáдка, перепёлка, игблка, дýрка — [наббý]ка, [загорбд]ка, ягодка, кáпелька, пýговичка, качáлка, прýгалка, морозýлка* (морф *-и- ↓ D*). Отклонения: 1) *дéнежка, цéрквка, сбсёнка* (//*сосёнка*); 2) *линéйка* (ср. *-ейн-, -ейск-*, § 1.41), *черпáлка, невидíмка, гребёнка, щебёнка, кухárка, венгérка*.

2. Заменительное: а) в названиях женщин, вместо *-ец, -ин;* б) в производных, служащих сокращением для сочетания «прилагательное + существительное», вместо *-н-, -н'-, -ск-*. Примеры: *бéженка, торгбóвка, сáмка, афíнянка, татáрка, армáнка* (ср. *бéженец, торгбóвец, самéц, афíнянин, татáрин, армáний*); *вечбрóка, «Комсомóлка», мýчманка, разг. слесárка* (ср. *вечéрняя газета, «Комсомольская прáвда», мýчманская фуражка, слесárные работы*). См. также *-очки-ниже, -овк-а, -инк-а, -ишк-а* (§ 1.47).

-к-о: *ведéрко, сердéчко, колéчко — яблóчко, окóшечко*. Отклонения: 1) *пивкб, мяскб, ушкб* ‘отверстие’, *ышкб* (уменьшительное), *брюшкб, озеркб* (следы более старой маркировки с Marg), также *молочкб;* 2) *зблоткo, облачкo, дýтяткo*. Особо стоят названия лошадиных мастей: здесь *-к-о* ведет себя по классу →: *воронкб, гнедкб, серкб, булáнко*. См. также *-очки-ниже*.

-ик (уменьшительное [отсубстантивное]): *карандáшик, комáрик, волбсик, козырик, слóник, дбник — [расскáз]ик, сквéрик, автббусик,*

ср. также свободно образуемые окказиональные *мйнусик*, *штбпорик*, *пярусик*, *кблпасик* и т. п.

-ник. С акцентологической точки зрения, основная сложность здесь в различении случаев типа *настáв-ник* (где выступает суффикс *-ник* ←, который действует как поглощающий, т. е. несмотря на существование слова *наставной*) и типа *отставн-ик* (где выступает просто *-ик* →, т. е. *-ник* не дает поглощающего эффекта). После приставочно-корневого комплекса *-ник* обычно бывает поглощающим, ср. *настáвник*, *отхбдник*, *закáзник*, *запáсник*, *отстúпник*, *угбдник*, также при отсутствии прилагательного — *всáдник*, *наéздник* и т. п.; особо отметим *помбщник*, *подвýжник*. Исключения составляют слова, семантически эквивалентные субстантивированному прилагательному (*отставник*=*отставной военnoслужащий*, также *выходник*, *отпускник*, *выпускник*, *приписник*, ср. еще *озорник*); кроме того, *подрывник*, *взрывник*, *проводник*, *связник*, *пропускник*. Этому образцу следует также *истопник*. Не после приставочно-корневого комплекса *-ник*, как правило, бывает непоглощающим, ср. *коренн-ик*, *мясн-ик*, *капусти-ик*, *сбчн-ик* и т. п. Единое *-ник* выступает здесь лишь при отсутствии соответствующего прилагательного с *-н-* (*-н'*): *осинник*, *раббтник*, *лошáдник* *слбвник*. Имеется, однако, значительная группа слов, где выступает «незаконное», с точки зрения современных правил, ударение *-ник* (в приводимом списке соединены случаи, где прилагательное с *-н-* есть, но имеет иное ударение, и где его просто нет): *бечевник* (//*бечёвник*), *ледник* (в горах; ср. *лёдник* ‘погреб’), *холодник*, *блудник*, *рудник*, *межник*, *должник*, *острожник* (от *острога*), *плужник*, *пазник*, *слезник*, *лозник*, *тайник*, *гнойник*, *ройник*, *денник*, *голосник*, *колосник*, *росник*, *клеветник*, *локотник*, *золотник*, *потник*, *воротник*, *похотник*, *тростник*, *мутник*, *шутник*, *колошиник*, *сошник*, *душник*, *пальник*, *тальник*. Большая часть этих слов отражает более старую маркировку суффикса *-ник*: ← Marg. В *вйсельник* (от *вйселица*) суффикс *-ник* действует как заменительный.

-чик (все значения): *кабáнчик*, *рукáвчик*, *колокольчик*, *сúпчик*, *вбзчик*, *нбсчик*, *дáтчик* — *дивáнчик*, *аngельчик*, *клáпанчик*, [налáд]-чик, [захвáт]чик, [сдáт]чик. Отклонение: *метчик* (инструмент).

-очки-а, -оньк-а: *звёздочка*, *кошечка*, *головонька*, *нбченъка* — *се-кундочка*, *дамочка*, *берёзонька*, *тётенька*; ср. также потенциальные *кáфедрочка*, *ягодонька* и т. п. Отклонения: *цепчка*, *дощечка*.

-очки-о, -ечк-о: практически только *врёмечко*, *сéмечко* (и прочие от слов на *-мя*), *утречко*, *сйтчко*, *нéщечко*, *чáдочек*; отклонение: *мечтёчко*. В прочих внешне сходных словах (*словéчко*, *ведёрочко*) выступает простое *-к-о*.

-ушк-а (ласкательно-почтительное, в частности, народно-поэтическое) *голбушка*, *лебёдушка*, *жёнушка* — [сосéд]ушка, *свекрбушка*; ср. также потенциальные слова вроде *стáростушка*. Относительно *-ушк-а* в других значениях см. § 1.41.

-ушк-о, -ышк-о, -ушек, -ышек: *пóлюшко*, *зéрнышко*, *пупýрышек*, *кóлышек* — *гóрлышко*, *клинышек*; ср. также потенциальные слова вроде *лóконышек*.

-л-а (первичный суффикс): *хныкала*, *запевáла*, *заправýла* (морф -и- ↓ D).

-л-о (первичный суффикс): *начáло*, *бýло*, *пékло*, *стóйло* — *брýг-гало*, *хróжalo*, *покрывáло*, *мерýло* (морф -и- ↓ D). Ударение черпало соотнесено с разг. *черпáть*. Отклонения: 1) в сторону класса →: *помелb*, *гребблb*, *скребблb*, *седблb*, *мазлb*, *треплb*, *теслb*, *путлb* (ср. также опростившиеся *соплb*, *жерлb* и др.); 2) *пúгalo*, *дýхалo*.

-тель (первичный суффикс): *издáтель*, *жýтель* — *двýгатель*, *дé-латель*, *исслéдователь*, *правýтель* (морф -и- ↓ D).

-н-я (все значения, кроме отлагольных имен действия и отыменных собирательных, ср. § 1.42): *вечéрня*, *пováрня*, *гончáрня*, *скво-рéчня*, *двóйня*, *бóйня*, *páшня* — [*каменоломб*]ня, [*шерстомой*]ня, [*сплéт*]ня, *штóбальня*, *красильня* (морф -и- ↓ D), *голубáтня*, *ка-раульня*, *печáтня*. Отклонения: 1) в сторону первичности и класса →: *западнá*, *размазнá*, *ступнá*, *мотнá* ('часть невода' и др.), *квашнá*; *четвернá*, *пáтернá* и т. д. (от числительных); также *лыжнá* (с эффектом Monosyll или D), *робнá*, *нербнá* (ср. еще *головнá*, *пешнá*, *克莱шнá*, с остаточными базовыми компонентами); ударению -н-я здесь способствует взаимодействие с теми группами слов на -ня, где такое ударение регулярно (§ 1.42); 2) *кофéйня*, *пékárня*, *токárня*, *слесárня* (в соответствии с прилагательными на -ный), *конюшня*, *исповедальня*. См. также *-овн-я* (§ 1.41, 42), *-отн-я* (§ 1.42).

-арь (отлагольное): только *лéкарь*, *пékарь*, *тбóкарь*, *пýсарь*, *пáхарь*, также *энхáрь*. Сюда же примкнуло непроизводное *слéсарь*, а также отыменные производные *мытарь*, *кухарь*. Отклонение: *се-кáрь*; кроме того, *бунтáрь*, *косáрь*, *звонáрь* в акцентном отношении ведут себя как производные от *бунт*, *косá*, *звон*, хотя семантически они теснее связаны с соответствующими глаголами.

-ость: *жýвость*, *свáтость*, *весёлость*, *мудрёность*, *вéрность* — *сурбвóсть*, *кáверзность*, [*порýв*]истость. Вынужденное суффиксальное ударение: *злость*. Отклонения: *мблодость*, *хблодность*.

П р и м е ч а н и е. Суффикс -ость не соединим с неодносложными (а также с производными односложными) основами прилагательных на -ый, кроме *мблодость* от *млобдб*. Слова *рáзвитость*, *удáльность*, *очерéдность* соотносятся с акцентными вариантами *рáзвитый*, *удáлый* и ненормативным *очерéдный*.

-ец ← Triv (уменьшительное): *счётец*, *хлéбец*, *сýпец* — *морóзец*, *бильёц*, [*нарбд*]ец, *брáтец*. Производные с ударным -éц (*столбéц*, *ларéц* и др.) в современном литературном языке уменьшительное значение, как правило, уже утратили. В разговорной речи и просторечии возможны, однако, экспрессивные образования на -(e)цú в Р. ед.: *спиртецú*, *овсецú* и т. п.

-ша ← Triv (названия женщин): *опекунша, секретарша, приставша — генеральша, фермерша, докторша, слесарша, ханша.*

-бищ-е (поглощающий сращенный суффикс): *кладбище, стойбище, стрельбище, гульбище.*

§ 1.54. Суффиксы прилагательных.

-(и)j (притяжательные прилагательные): *соболий, лебяжий, стерляжий, казачий, козий, божий — короличий, чиновничий, старушечий, олений.*

-к-: *громоздкий, сторожкий, ломкий, бойкий — [трудоём]кий, [далезнобр]кий, обл. сиверкий.* Отклоняется только обл. *тюрокий*.

-ск-, -еск-: *январский, посольский, жёнский, свойский, звёрский, горбский, дёпский, отеческий, пастушеский, дружеский, княжеский — [посад]ский, бандитский, тюрищеский, ангельский, докторский, мастерский, бреденский, хамский.* Отклонения: *островской, слободской, городской, людской, рядской, мужской, ямской, поварской, писарской (//писарский), кучерской, мирской, морской, хуторской, дёнь-деньской*, также *мастерская*; в этих случаях отразилась более старая маркировка данного суффикса (← Marg). О словах *щегольской, ханжеской (//ханжеский)* см. при -овск-, § 1.52. В словах *заводской и складской* аномальным образом приставочно-корневые комплексы трактуются как глагольные (по модели *заводной, складной*). Особую группу слов на -скй образуют географические наименования: *псковской (но чаще псковский), серпуховской, чудской, чухломской, костромской, сумской, двинской (//двинский), донской.* Другой тип отклонения: *венгерский.* См. также -овск- (§ 1.48, 52), -ийск-, -ейск- (§ 1.41).

-енък- (также -онък- после *к, г, х*); производное имеет только полные формы (см. Грамм., с. 75, § 11): *молбенъкий, голубенъкий, холбенъкий, прбстенъкий — красивенъкий, коричневенъкий.*

-л- (первичный суффикс): *усталый, унылый, спелый, палый, взлый, чахлый, рбслый, прышлый — лежалый, очумелый, заплесневелый.* Отклонения: *удалбий (//удалый), жилбий, пожилбий, гнилбий, былбий, прибылбий, убылбий;* фактически это производные от глаголов с подвижным ударением в прош. времени (но с синхронической точки зрения данный тип связи с ударением глагола уже не может быть описан никаким регулярным способом).

-н'-: *дочерний, осенний, сторонний — [иногород]ний, [многосторон]ний, [замуж]ний, братний.* Отклонение: *матьрний.*

-ин (притяжательные прилагательные) ← Triv: *женин, сестрин, дочерин, материн — папин, тётин, Волдин* (ср. -ин в фамилиях, § 1.52). Отклонение: *Ильин* (схема *b*) в сочетании *Ильин дёнь.*

П р и м е ч а н и е. Продуктивно здесь только соединение с сильными основами; соединение со слабыми основами в литературном языке исчезает, слова же *женин, сестрин, дочерин, материн, Ильин*.

-нн- (причастия и от причастные прилагательные), -н- (от причастные прилагательные); первичные суффиксы с маркировкой ← Poly-

syll: *дáнный, звáнный, прбданный, перéвранный⁶¹, раскбланный, разрисбанный, ткáный, трёпаный — продéланный, помíлованный, вýработанный, штóпаный.* Отклонения: 1) причастия *венчáнныи* (царским венцом), *обуýнныи*; прилагательные *неказáнныи, желáнныи, недремáнныи, окаýнныи, покайнныи, постóянныи, назвáнныи* (однако в *беспрестáнныи, неустáнныи, благоухáнныи, безздыхáнныи* следует усматривать просто суффикс *-н-* после основы на *и*); 2) *нéреданный*.

З а м е ч а н и е. Хотя формально помета Polysyll действует здесь совершенно так же, как обычно, в сущности мы имеем здесь дело с особой ситуацией, нормой фактически является ударение типа *разрисбанный, прбданный* (на второй гласной слева от суффикса), а ударение типа *дáнный* выступает как вынужденное. Дело в том, что здесь (как и в причастиях с *-т-*, ср. ниже) в действительности представлена техника акцентовки, характерная для словоизменения, а не для словообразования: акцентная оппозиция типа *разгрисовáл—разгрисбáн* выражает противопоставление залогов внутри претеритной субпараидигмы (ср. § 4.4).

-енн- (отыменное): *торжéственный, рбдственный — солбменный, фýрменный, количественный.* Отклонения: *тайnственный, войнственный*.

-ин-: *вчерáшний, внéшний, нýнешний, сегбдняшний.*

-т- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). 1. Заменительное (с маркировкой ←), вместо *-ли* в мн. прош. (у корневых глаголов, кроме глаголов на *-олоть*): *наdúтый, разбýтый, зáпертый, нáчатый, пéрежйтый* (ср. *наdúли, разбýли, зáперли, нáчали, пéрежíли*); при этом, однако, для глаголов на *-нять* с неодносложной основой литературная норма не допускает ударения *-нятый*, даже если допустимо *-няли*, ср., например, *ббнятый* при *ббняли // обнáли*. Отклоняется ряд отпричастных прилагательных: 1) *витбй, завитбй, развитбй* (*//рáзвитый*), *обжитбй, литбй, налитбй, разлитбй, пропитбй, спитбй, испитбй, занятбй, снятбй*, также субстантивированное *понятбй*; 2) *проклáтый* (ср. еще *завзáтый, предвzáтый*, для которых нет глаголов). 2. Аддитивное, с маркировкой ← Polysyll (у по-глаголов и глаголов на *-олоть*): *гнýтый, избгнутый, стóкнутый, кблотый, вýколовый*.

-чат- (поглощающий сращенный суффикс): *желóбчатый, баxрóм-чатый, бревéнчатый, игольчатый, сéтчатый — [взрýв]чатый, [вý-ем]чатый, ресníтчатый.* Поглощающий эффект ясно виден, например, в *прóбчатый, клеёнчатый, рисунчатый, пáльчатый, кольчатый* и т. п. (от *прóбка, клеёнка, рисунок, пáлец, кольцо*): делению типа *прóбч-ат-ый, кольч-ат-ый* соответствовало бы ударение на *-ат-*,

⁶¹ Как видно из этих примеров, обычная приставка образует часть глагольной основы (т. е. плотно присоединена к корню); ср. неплотное присоединение приставки *не*, например, в *незвáнныи, нежждáнныи*. Ударение не переходит также на первую основу в сложениях: *домоткáнныи, первоздáнныи* и т. п. (это можно интерпретировать как эффект неплотного присоединения или как эффект именного комплекса).

поскольку *-ат-* относится к классу ↓ D. Поглощающий эффе́кт распространяется только на суффикальное *-ч-* (*-ч-*, *-к-*), поэтому его нет в *камчáтый*, *внучáтый*, *дошáтый* (*досчáтый*). Отклонения: сравнительно устойчивые — *тройчáтый*, *крупчáтый*, *брускчáтый*, *крестчáтый*; неустойчивые — *стёблчáтый*, *звéздчáтый*, *глázчáтый*; ср. также нормативные *зубчáтый*, *хлопчáтый* и разговорные *зúбчáтый*, *хлóпчáтый*. Отклонения представляют собой акцентные архаизмы, которые в разговорной речи имеют тенденцию устраниваться.

-ист- ← Triv (в химических и технических терминах со значением ‘содержащий соответствующее вещество’): *слюдистый*, *углистый*, *стёблестый*, *йбдистый*, *хромистый*, професс. *сернистый* (при нормативном *сернистый*) — [кремнезём]истый, *фосфористый*, *никелистый*, сюда же примыкает *слизистый*. Специально отметим, что близкие по значению прилагательные нетерминологического характера (качественные), например: *золистый*, *смолистый*, *йлистый*, сюда не относятся; они входят в основную группу слов с *-ист-* (§ 1.48).

-вш-, -ши- (причастия), также *-в-*, *-виши-*, *-ши-* (деепричастия): *рас-тёр-ший*, *-ши*, *растерéв*, *сберёг-ший*, *-ши*, *сдёлав-ший*, *-ши*, *сдёлав*. Отклонения: *зáперший*, *запершись*, *отперший*, *отпершись*, *зáméрший*, *-ши* (аналогично с *об-*, *по-*), *перемéрший*, *-ши*, *'опершись*.

В данную группу входят также показатели компаратива *-е*, *-ше*: *мольже*, *чайце*, *стáрше*, *дольше*! |

§ 1.55. Суффиксы глаголов.

-(e)ствова-ть (поглощающий сращенный суффикс): *вдóвствовать*, *бéдствовать*, *звéрствовать*, *купéчествовать* — *здрáвствовать*, *орá-торствовать*. Отклонения: 1) *благовестовать*, *повествовать*, *тор-жествовать*, *вспомоюществовать*, *существовать*, *долженствовать*; 2) *войнствовать*.

-ыва-ть (первичный суффикс): *завéзывать*, *пошевéливать*, *хá-живать* — *раскýпоривать*, *засáхаривать*, *[безврéж]ивать*.

-ича-ть, *-нича-ть*: *нáгличать*, *пóдличать*, *жáдничать* — [рото-зéй]ничать, *брóдлжничать*, *йбедничать*, *попрошáйничать* (от *по-прошáйка*), *сúмерничать* (от *сúмерки*). Отклонение: *домовníчать*. Слово *озорничáть* акцентно правильно при разложении *озорнич-á-ть*. В прочих случаях между разложением типа *йбед-нича-ть* и типа *йбеднич-а-ть* акцентной разницы нет.

-ну-ть (выпадающее в прош. времени [хотя бы в части форм]; первичный суффикс): *ослáбнуть*, *окréпнуть*, *прогóркнуть*, *охрýп-нуть*, *стíхнуть*. Такая акцентировка представлена и в тех случаях (довольно многочисленных), когда глагол не может рассматриваться как производный от какого-либо морфологически более простого слова, например: *зáбнуть*, *настíгнуть*, *повéргнуть*, *мéркнуть*, *пáхнуть*, *вáнуть*, *стýнуть* и т. п.

СУФФИКСЫ С УСЛОЖНЕННОЙ АКЦЕНТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ

Связь акцентуации с противопоставлением качественных и относительных прилагательных

§ 1.56. В современном русском языке у производных прилагательных обнаруживается следующая закономерность: качественные прилагательные за очень немногими исключениями имеют в полных формах наосновное ударение (тогда как у непроизводных этого ограничения нет, ср. *сухий*, *молодой* и т. п.). Так, суффиксы, с помощью которых образуются именно качественные прилагательные, никогда не имеют → в своей маркировке; ср., в частности, -*к*-← (например, *жárкий*), -*еньк*-← (*молбéнький*), -*лив*-↓ (*хвастливый*), -*ист*-↓ (*цвети́стый*), -*аст*-↓ D (*цвета́стый*), -*ав*-↓ D (*величáвый*), -*ив*-↓ D (*краси́вый*), -*ит*-↓ D (*мастíтый*), -*ущ*-↓ D (*длиннóющiй*) и др. Что же касается суффиксов, дающих как качественные, так и относительные прилагательные, то здесь может произойти акцентное «расщепление» суффикса; а именно, оно обязательно происходит там, где относительные прилагательные образуются в соответствии с маркировкой →: для качественных прилагательных в этом случае используется другая маркировка (← или ↓). В таком положении находятся прежде всего суффиксы -*н*- и -*ов*-: ср., например, *двернóй*, *подвеснóй*, *путевый* и *дрóжный*, *протáжный*, *путёвый* (в менее яркой форме эти соотношения выступают при суффиксе -*ян*-, см. § 1.64).

Общеизвестно, однако, что противопоставление качественных и относительных прилагательных нестрогое: во-первых, потому, что нестроги сами понятия качественного и относительного значений, во-вторых, потому, что во многих случаях у одного и того же прилагательного имеются как относительные, так и качественные значения. Тем самым использование в акцентологических правилах понятий качественного и относительного прилагательного неизбежно означает потерю формальной строгости. Однако, сколь бы ни была огорчительной такая потеря, анализа материала все же заставляет признать, что современное русское ударение фактически реагирует именно на это различие. В «чистых» случаях эта зависимость проявляется совершенно отчетливо; более размытая картина, наблюдаемая в различного рода промежуточных и нечетких случаях, не может поставить под сомнение наличие самой зависимости.

Таким образом, при описании акцентуации прилагательных с -*н*- и -*ов*- полная формальная строгость может быть достигнута лишь с помощью списков; как сводный список такого рода можно рассматривать, например, Грамм. С другой стороны, полезные обобщения (позволяющие, в частности, делать предсказания о новом материале) здесь можно достичь лишь на уровне неполной строгости (по крайней мере, при современном уровне точности в описании

значений). Во всяком случае, совершенно иллюзорны встречающиеся иногда попытки повысить в этом пункте строгость акцентологического описания, подменив противопоставление «качественные — относительные» противопоставлением «имеющие краткие формы — не имеющие их» (см., в частности, Редькин, с. 189). В самом деле, наличие или отсутствие кратких форм фактически само определяется, во-первых, качественным или относительным значением прилагательного, во-вторых, ударением полных форм (ср., например, отсутствие кратких форм у *пробивн^бой, роковн^бой*). Главное же в том, что в сознании носителей русского языка нет четкого разграничения между прилагательными, имеющими краткие формы и не имеющими их; тем самым опора на этот признак никак не повышает строгости изложения.

Таким образом, практически мы будем исходить из традиционного нестрогого представления о качественных и относительных прилагательных; см., в частности, АГ-80, т. I, с. 541. Отметим здесь лишь некоторые детали, существенные для дальнейшего. Прилагательные со значением цвета, в соответствии с традицией, рассматриваются как качественные (хотя они несколько отличаются от основного массива качественных прилагательных в том, что касается возможных вариаций интенсивности признака). У отглагольных прилагательных относительные значения носят несколько специфический характер. Наиболее типичны здесь значения: 1) 'получаемый в результате соответствующего действия' (например, *нашивн^бой, заказн^бой*); 2) 'предназначенный (приспособленный) для того, чтобы быть объектом соответствующего действия' (например, *откидн^бой, раздвижн^бой, складн^бой*). Заметим, что последнее значение иногда сближается с качественными; в прилагательных *слышний, неслышний, видный* '*visibilis*', семантически близких к этой группе, мы имеем дело уже просто с качественным значением.

Для акцентологического описания суффикса *-ов-* оказывается необходимым также подразделение относительных прилагательных на: 1) прилагательные, которым мы даем рабочее обозначение «полукачественные», и 2) чисто относительные, т. е. остальные. К категории «полукачественных» принадлежат прилагательные со следующими значениями (символ *X* заменяет исходное имя): а) 'мерой в одну единицу *X*' (или 'в несколько единиц *X*' — при сложной основе), например, *пудб^вый, двухметрб^вый* (это значение близко к качественным);

б) 'масти *X*', 'из категории, отмеченной знаком *X*', например, *бубн^вый, г^эрбб^вый* (это значение близко к цветовому);

в) 'изготовленный из мяса (шкуры, костей и т. д.) животного *X*, из древесины (ветвей, листьев) растения *X*, из ткани (нити, шерсти) *X*, из твердого стройматериала *X*', например, *бобрб^вый, дубб^вый, шёлковый, тесб^вый*;

г) 'приготовленный из *X* или с *X* в качестве определяющего компонента' (о кушанье), например, *медб^вый, фруктб^вый*.

Прочие значения являются чисто относительными. Таковы, в частности, значения 'свойственный *X*', 'касающийся *X*', 'предназначенный для *X*', 'происходящий от (из-за) *X*', 'снабженный *X*-ом', 'расположенный в (около) *X*', 'имеющий вид *X*', 'являющийся частью *X*', 'являющийся *X*-ом' и др.

Большая практическая трудность связана с тем, что производные прилагательные, как правило, многозначны и нередко совмещают качественные значения с относительными (или полукачественными с чисто относительными). При таком совмещении может оказаться, что одно значение требует по правилу одной акцентовки, а другое — другой. Фактически, однако, акцентное единство лексемы в таких случаях почти никогда не нарушается, а именно, одно из значений выступает как главное и определяет акцентовку слова в целом (во всех значениях). Например, у слова *дубовый* акцентуация определяется значением «сделанный из древесины дуба» (ср. *дубовый стол*), но она выступает и при других значениях (например, в *дубовый лист, дубовая роща*), которые сами по себе требовали бы иной акцентуации.

Как правило, акцентуация определяется тем значением, в котором слово выступает чаще всего. Трудные случаи совмещения разнотипных значений отмечены ниже индивидуально. Здесь укажем лишь следующий более общий факт: для производных с *-ов-* от названий животных, деревьев (и иных растений) и тканей акцентологически главным является полукачественное значение (см. выше, пункт «в»). Лишь у нескольких слов это не так, поскольку здесь полукачественное значение неактуально или даже вовсе отсутствует: *трутневый, зверинец, хмелевый, плющевый*.

Суффикс -н-

§ 1.57. Суффикс *-н-* (первичный) — самый сложный в акцентологическом отношении из всех русских суффиксов. На его акцентное поведение влияют: 1) несколько собственно лингвистических факторов — качественное или относительное значение производного прилагательного, его отмытенный или отглагольный характер, акцентный тип производящего слова; 2) pragmatische фактор (*§ 1.5*).

Акцентное действие pragmatische фактора здесь таково: неосвоенное (непривычное, редкое) прилагательное с *-н-* стремится получить тривиальное ударение, совпадающее по месту с И. ед. производящего слова (если только ударение здесь не флексионное). Формально это значит, что суффикс *-н-* ведет себя в данном случае в соответствии с маркировкой $\leftarrow \text{Triv}$. Так, в индивидуальной речи при неосвоенности соответствующего слова могут встретиться, например, такие ударения, как *тёремный, скёростный, плбскостный, кузовный, штабный, зёркальный, вётошный*. В сущности речь здесь идет о построении этих слов в акте речи заново по простейшим моделям. Существенно, однако, что для части слов тривиальное ударение,

вызванное прагматическим фактором, включено в литературную норму. Сюда относятся, во-первых, слова устаревшие или имеющие возвышенно-книжную окраску, например, *чёрмный*, *хлаждный*, *гроббный*, во-вторых, многие редкие слова, которые для подавляющего большинства носителей языка в сущности относятся к категории потенциальных слов (конструируемых заново в случае необходимости), например, *зббный*, *брбвный*, *ббручный*. Действие прагматического фактора накладывается на действие собственно лингвистических факторов, создавая в сфере редких слов ряд отклонений от основных правил.

Отвлекаясь от индивидуальных отклонений, акцентные свойства суффикса *-н-* в терминах маркировок можно представить так⁵².

I. При неосвоенности: ← Triv.

II. При освоенности.

1. В качественном значении: ←.

2. В относительном значении

а) у отыменных: ← Marg;

б) у отглагольных: →.

При меч ани е. Имеется несколько особых случаев, когда при соединении производящей основы с суффиксом *-н-* в ней происходит сдвиг ударения на конечный слог (не связанный с акцентными свойствами суффикса *-н-* как такового). Сюда относятся: 1) прилагательные на *-ийный*, *-ейний*, например, *линейный*, *гарантыйный* (подробнее см. § 1.41), а также *случайный*, *необычайный*; 2) *бондár-ный*⁵³, *пекár-*, *токár-*, *слесár-*; *служб-в-*, *смоќб-в-*, *полéз-*, *разýм-*, *поскóн-*, *характér-*, *пурпúр-*, *ужáс-*, *прелéст-*, *завéст-*, *ненайст-*, *роскбш-*, *ветбш-*, *пустóш-*, *воздýш-*, *свеќбль-* (ср. § 1.30, замеч.); также *атбмный вес* (отметим еще нелитер. *свадéбный*, *кухбнныи*)⁵⁴. В дальнейшем разборе эти слова в списках исключений уже не упоминаются.

Рассмотрим действие приведенных правил более конкретно.

Качественные прилагательные

§ 1.58. Маркировка ← реализуется в этом классе прилагательных (насчитывающем несколько тысяч слов) с высокой степенью последовательности. Примеры: *бéд-ный*, *голбб-д*, *холбб-д*, *дрўж-*, *грáз-*, *стрáст-*, *стрáш-*; *гбб-*, *тбм-*, *спéш-*, *нешáд-*, *развáз-*, *опáс-*, *заунýв-*, *беспрerýв-*, *непрерýв-*⁵⁵; также для слов с промежуточной по силе

⁵² Напомним, что маркировки непосредственно предназначены для установления акцентуации полных форм производного прилагательного; акцентуация кратких форм (если они есть) устанавливается затем по общим правилам (см. § 1.16).

⁵³ Общая часть *-ный* для сокращения записи опущена; аналогично и в ряде последующих списков.

⁵⁴ Слова (*не*)*доступный*, *неприступный*, *способный* образованы не от *доступ*, *приступ*, *способ*, а по общей модели отглагольных производных (§ 1.60).

⁵⁵ Приставка *не-* в словах типа *непрерывный*, *неотвязный* и т. п. присоединена плотно; она практически синонимична здесь приставке *без-* и создает значение 'неспособный' (непригодный) к соответствующему действию'.

основой (§ 1.30, В): *гнёв-ный, стáт-, ббрáз-, плáмен-, трéпет-, гбрест-, ярост-, мéлоч-*. Отметим, что наосновное ударение имеют и те качественные прилагательные с *-н-*, где исходного слова в современном языке уже нет, например: *блéдный, кбсный, тéсный*. Особенно наглядны случаи, где прямо противопоставлены качественное и относительное прилагательное с одинаковой основой, в частности: *степéнный — степéнной* (в математике); *врéменный — временний* (например, интервал); *образный — образнýй* ‘иконный’; *мéлочный чéловек — мелочnáя лавка; страстная любовь — страстnáя неделя; квásный ‘квашеный, кислýй’ — квасnýй (чан и т. п.); п्लáвный переход — плавnáя сеть; свáзный рассказ — связnýй офицер; складная речь — складнýй стул; неотлбжное дело — отложнýй воротник; протáжный звук — протяжnýй механизм.*

Поскольку граница между качественными и относительными прилагательными нестрога, понятие исключения в данном случае тоже оказывается нестрогим. Явными исключениями можно считать: а) *чуд-ный, блаж-, срам-, дрян-, дур-, цвет-, смеш-, шаль-, хмель- (//хмéльный), боль-, корен-, сволоч-*⁵⁶; б) *балов-, пробив-, пролив-, показ-, озор-, разбит-*. Здесь сохранено ударение, свойственное: в группе «а» — относительным прилагательным (§ 1.59; флексионное ударение определяется здесь эффектом Marg), в группе «б» — отглагольным прилагательным (§ 1.60). Кроме того, качественные значения занимают существенное место в семантической структуре прилагательных: *род-ный, зем-, руч-, сплош-, основ-, продув-, потай-* (данний список, вообще говоря, можно несколько расширить). Неправильное место ударения внутри основы: *бéрежный, врéменный*. См. также § 1.57, примеч.

Относительные прилагательные

§ 1.59. У отыменных относительных прилагательных с *-н-* действует, хотя и не совсем последовательно, архаичный принцип акцентовки, отражаемый маркировкой ← Marg. Примеры с сильными производящими основами: *рыб-ный, лéж-, сér-, жйт-, глаголь-, канáт-, троллéйбус-, настбль-, безлошáд-, левоберéж-, подъéзд-* (от *подъéзд* ‘часть здания’); со слабыми (но не маргинально-подвижными): *трóуб-ный, звéзд-, блын-, кбн-, ствбль-, колбáс-, ширбт-, баgáж-, кулáч-*⁵⁷; с промежуточными (которые в силу основной маркировки ← у суффикса ведут себя как сильные, см. § 1.33): *пляж-ный, юж-, штáт-, мýскуль-, кбмпас-, гáлстуч-, фáкель-, мéбель-*. Специально отметим, что в числе прочих промежуточных основ как сильные ведут себя и основы слов «группы якорь» (т. е. они не под-

⁵⁶ Отметим еще устаревшие *честнýй, жирнýй*, также *мелочнýй* (о человеке); ср. обычные *честный, жирный, мелочный*.

⁵⁷ Сюда же прилагательные на *-еснýй*, например, *небеснýй, словеснýй*: в современном языке они должны рассматриваться как производные от отдельных лексем *небесá, словесá* и т. д. (а не от *нéбо, слово*).

падают под действие пометы Marg); примеры: *йкор-ный*, *бўфер-*, *лágер-*, *вёксель-*, *áдрес-*, *пáркус-*, *пáспорт-*, *кáмен-*, *ўголь-*, *лáпот-* и т. п.

Примеры эффекта Marg: *штаб-нóй*, *губ-*, *зуб-*, *нож-*, *глаз-*, *двой-*, *зем-*, *стен-*, *спин-*, *степ-*, *двер-*, *лес-*, *спирт-*, *свеч-*, *печ-*, *ноч-*, *руч-*, *уш-*, *пуши-*; *кружев-*, *голов-*, *остров-*, *площад-*, *тормоз-*, *зелен-*, *племен-*, *имен-*, *череп-*, *четвер-*, *номер-*, *четверт-*, *област-*, *должност-*, *крепост-*, *щелоч-*, *овощ-*; *очеред-*, *поезд-*, *окруж-*, *подат-*, *возраст-*. То же для «группы *воскъ*»: *сан-ной*, *блат-*, *пив-*, *сен-* (от *сéно*), *мяс-*, *брюш-*, *сталь-*; ср. также *сквознóй*, *сплошнóй*. Эффект Marg наступает даже при факультативной маргинальной подвижности у производящего слова, ср., например, *избнóй*, *речнóй*, *челюстнóй*. В нескольких случаях ударение производного соответствует ненормативной акцентировке исходного слова: *штрафнóй*, *гребеннóй*, *хоботнóй*, *прочностнóй* (ср. простореч. *штрафнóй*, професс. *гребнéй*, *хоботбв*, *прочностéй*).

Отметим еще несколько слов с остаточным базовым компонентом: *портнóй*, *тряпн-*, *треф-*.

Важнейшее отклонение от маркировки ← Marg состоит в отсутствии эффекта Marg. Из слов с односложной основой сюда относятся⁵⁸: *хлéб-ный*, *збó-*, *брóв-*, *стáд-*, *вбд-*, *снéж-*, *чáй-*, *сáн-*, *гóр-*, *сáр-*, *флóс-*, *мéст-*, *кóст-*, *шёрст-*, *бч-*, *вéщ-*, *бáль-*, *дбль-*, *тéль-*, *мáль-*, *тýль-* (ударение колеблется при базовых компонентах *сéт-* [от *сеть*], *шкаф-*, *строч-*). Из этих слов часто встречаются следующие (в скобках указана их частота по Частотн.): *мéстный* (135), *гóрный* (94), *снéжный* (38), *вбдный* (31), *хлéбный* (22), *чáйный* (17). Остальные слова — относительно редкие (у *бáльный*, *мáльный* частота 6, *тýльный* 3, *тéльный* 1, прочие вообще не попали в Частотн.). По крайней мере для части этих слов (*вéщный*, *бáль*, *дбль*, также узкие термины *збó-ный*, *брóв-*, *шёрст-*, *флóс-*, *сéт-*, *шкáф-*) следует предполагать действие прагматического фактора. В нескольких случаях наосновному ударению, по-видимому, способствует наличие у прислагательного качественных значений (*стáд-ный*, *вéщ-*, *дбль-*, *тéль-*, *мáль-*; то же верно для *снéжный*, *хлéбный*). В слове *бчный* ударение выровнено по антониму *забчный*.

Из слов с неодносложной основой сюда относятся: а) *бтруб-ный* (от *бтруби*), *дéнеж-*, *пристан-*, *знáмен-*, *скáтерт-*, *лóпаст-*, *блáчи-*, *бкороч-*, *ббруч-* (//устар. *обрúч-*); ср. также *мáтерный*; б) *сковорóд-ный*, *гоститáль-*, *колохбль-* (ср. *похорóн-*, *договбр-*, которые можно отнести также к § 1.60); *церкбв-*, *жемчúж-*, *сажéн-*, *простýн-*, *стремян-* (//*стременнóй*), *озёр-*, *устар. козýр-* (//*козырнóй*), *волбс-* (//*волоснóй*), *полбс-* (но *полоснбе* *железо*), *лемéш-*, *зеркáль-*, *земéль-*. В группе «а» представлено (если не считать архаизмов *дéнеж-ный*, *знáмен-*, *мáтер-*) ударение по модели ← Triv, определяемое прагматическим фактором (для *блáчи*ный существенно также наличие качественных значений). В группе «б» у трехсложных основ, по-види-

⁵⁸ В списки включены только слова, представленные в МАС и/или у Ожегова.

мому, представлен эффеkt, отчасти сходный с Polysyll (но непоследовательный, ср. *очередный*, разг. *договорный*); прочие случаи носят характер индивидуальных отклонений. См. также § 1.57, примеч.

Обратное отклонение, т. е. «неакционное» флексионное ударение, представлено существенно реже. Из бесприставочных сюда относятся прежде всего: *грибнй*, *чум-*, *сып-*, *лич-* (*личнbe полотенце* и т. п.), *муч-*, *белен-*, *курен-*; из редких слов можно отметить еще *штаннй*, *раннй*, *устар. дөврнй*.

Из приставочных сюда с определенностью следует отнести *уставнй* (/уставный), *суставнй*, *основнй* (от *устав*, *сустав*, *основа*); по-видимому, сюда же *обувнй*, *упряжнй*, *прописнй* (от *обувь*, *упряжь*, *пропись*). Во всех этих случаях выступает акцентовка, свойственная отглагольным производным. Прочие внешние сходные примеры (*посевнй*, *запаснй*, *выхлопнй* и т. п.) обнаруживают семантическую связь не только с именем, но и с глаголом; они относятся к следующему параграфу.

§ 1.60. В отглагольных относительных прилагательных суффикс *-н-* выступает с маркировкой →.

В бесприставочных производных эта маркировка реализуется без каких-либо осложнений. Примеры: *гребнй*, *лезнй*, *курнй*, *строчнй* (о воротнике и т. п.)⁵⁹ — *печатнй*, *купальнй*, *спальнй*, *тянульнй* (ср. также качественное *баловнй*, построенное по этой же модели). Поскольку базовый компонент, равный односложному глагольному корню, всегда слабый (§ 1.30, А2), флексионное ударение представлено, например, в *плавнй* (о сети, лесе), *ставнй* (о сети), *резнй*. Отклонения: *дбнй*, *мбнй*, *лтнй*.

Гораздо сложнее тот случай, когда базовый компонент содержит приставку: во-первых, здесь возникает проблема разграничения отглагольных и отыменных производных, которая далеко не всегда решается с достаточной определенностью; во-вторых, в современном языке суффикс *-н-* еще не полностью закрепил за собой статус первичного суффикса; в части производных он ведет себя в соответствии со своим более старым статусом вторичного суффикса.

Что касается вопроса о семантической производности прилагательного с *-н-* от существительного или от глагола, то ниже практически достаточно различать: 1) случаи, где прилагательное определено произведено не от глагола, т. е. оно обнаруживает прямую семантическую связь с существительным при отсутствии столь же прямой связи с глаголом (например, *отпускнй* от *отпуск*, *подъезднй* от *подъезд* ‘часть здания’, *помбнй* от *помб* и т. п., ср. § 1.24) или подходящего глагола вообще нет (например, *безлошаднй*, *распутнй*); 2) случай, где прилагательное либо определено произведено от глагола (например, *раздвижнй*), либо обнаруживает семантическую связь одновременно с глаголом и отглагольным су-

⁵⁹ Ср. наосновное ударение в качественных прилагательных, например, *гбднй*, *тайнй*, *тбмнй*, *спёшнй*, *брежнй* (также *слышнй*, *вбднй*, ср. § 1.56).

ществительным (например, *связнй*, *подъезднй*, *заказнй*). В первом случае мы будем говорить об отыменном, во втором — об отглагольном производном.

Напомним, что в соответствии с правилами, изложенными ранее, из приставочных производных с *-н-*: 1) качественные прилагательные имеют наосновное ударение (например, *испраv-ный*, *протяж-*, *развáз-*, *достúp-*, *опáс-*, *занýт-*, *неотрýв-*, *беспросóп-*, *необъýт-*, *бездáр-*, *безопáс-*, *распúт-*); 2) отыменные относительные прилагательные имеют ударение, определяемое исходным существительным (т. е. обычно наосновное, например, *пригород-ный*, *насмороч-*, *уéзд-*, *расхóд-*, *снарýд-*, *предлóж-*, *окбл-*, *пожár-*, но в определенных случаях флексионное, например, *погребнй*, *поезднй* от *погреб*, *пезд*).

После вычета этих двух групп остаются отглагольные относительные прилагательные. Поскольку суффикс *-н-* первичный, для них маркировка суффикса → должна означать (в случае освоенности) флексионное ударение, в частности, при любом односложном корне (§ 1.30, А2), причем даже приставка *вы-* должна быть безударна (§ 1.28, Б). Именно такую картину дают более 300 прилагательных данного класса, например: *сплав-нй*, *отправ-*, *подстав-*, *посев-*, *набив-*, *пришив-*, *надув-*, *взрыв-*, *откид-*, *проезд-*, *вход-*, *разрез-*, *запас-*, *вколоm-*, *пропаш-*; *выгреб-*, *вышив-*, *выезд-*, *вытяж-*, *выхлоп-*, *вынос-*. В ряде случаев имеется прямое акцентное противопоставление отглагольного и отыменного производных, например: *заливнй* (от *заливать*) — *заливнй* (от *залив* 'часть моря'), *подъезднй* (от *подъезжать*) — *подъéзднй* (от *подъéзд* 'часть здания'), *разводнй* (ключ; от *разводить*) — *развóднй* (от *развóд* 'расторжение брака'), *взводнй* (от *взводить*) — *взвéбднй* (от *взвéбд*) и др.

Однако имеются также значительные группы отглагольных относительных прилагательных, где ударение наосновное. Эти группы таковы.

1. При определенных корнях суффикс *-н-* ведет себя как вторичный, а не первичный (с исторической точки зрения мы имеем здесь дело с частичным сохранением его прежнего статуса). Это значит, что стоящий перед ним приставочно-корневой комплекс трактуется как именной (независимо от характера семантической производности); соответственно, ударение здесь наосновное (а именно, приставочное в случае приставки *вы-*, в прочих случаях корневое). К этой категории относятся корни: 1) оканчивающиеся на сонант (реально /j/, /l'/, /m/, /n/, /r/), кроме корней *жим-*, *вар-*, *пар-*; ср., например, *убойнй*, *перестойнй*, *отбельнй*, *пересильнй*, *подъёмнй*, *сменнй*, *перегоннй*, *обороннй*, *похороннй*, *обдирнй*, *разббрнй*, *выгульнй*, *выборнй*; 2) ряд-, чёс-, кос-, прос-, сос-, хват-, лёт-, мёт-, чёт-, мот-, ворот-, сеч-, тёч-, роч-, поч-; ср., например, *зарýд-ный*, *опроб-ный*, *захват-ный*, *взлёт-ный*, *перемёт-ный*, *при-ворт-ный*, *натёч-ный*, *протби-ый*, *выворот-ный*. Отклонения: *потайнй*, *наклейнй*, также разг. *договорнй* (при литер. *договорный*).

2. Даже от корней, допускающих производные на *-нй*, наряду с таковыми могут быть и производные на *-ный*. Возможны также пря-

мые колебания, например, *обводной* и *обвёдный*, аналогично с базовыми компонентами *отвод-*, *обход-*, *привоз-*, *провод-*, *зажим-*, *нажим-*, *обжим-*, *разжим-*, *прижим-*, *отжим-*, *уступ-*, *запар-*, *провес-*, *унос-*, *брос-*, *обкат-* и некоторыми другими. В живой речи таких колебаний больше, чем отмечается в словарях. При этом вариант с *-нбй*, как правило, носит более профессиональный оттенок, чем вариант с *-ный*. Факторы, способствующие здесь наосновному ударению, таковы: 1) фактор традиции (наосновное ударение всегда является в этом классе слов более старым), ср., например, *исхбдный*, *отхбдный*; 2) неосвоенность; 3) наличие у прилагательного побочных качественных значений, ср., например, *нанбсный*, *перекатный*; 4) высокая употребительность соответствующего отлагольного существительного (которое может оказывать прямое акцентное влияние на прилагательное), ср., например, *отрбвный*, *прокатный*. Строго очертить круг прилагательных данного класса с нормативным наосновным ударением невозможно, поскольку нестроги границы между относительными и качественными, отлагольными и отыменными прилагательными. Из достаточно употребительных сюда можно отнести: *отрбв-ный*, *ввбд-*, *свбд-*, *исхбд-*, *отхбд-*, *завбз-*, *ввбз-*, *подвбз-*, *занбс-*, *нанбс-*, *разнбс-*, *принбс-*, *накат-*, *обкат-*, *перекат-*, *прокат-*, *скат-*, *уплат-* (у части из них имеются нелитературные варианты с *-нбй*).

Суффикс -ов-

§ 1.61. На акцентное поведение суффикса *-ов-*⁶⁰ (не смешивать с притяжательным *-ов*, § 1.48) в современном языке влияют: 1) собственно лингвистические факторы — качественное, «полукачественное» (§ 1.56) или чисто относительное значение производного прилагательного, число слогов базового компонента и наличие в нем определенных суффиксов; 2) прагматический фактор.

Акцентное действие прагматического фактора здесь таково: при неосвоенности суффикс *-ов-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓ Triv (ср. § 1.57 о суффиксе *-н-*); при освоенности ударение определяется прочими факторами. Подробнее о действии данного фактора см. в разборе материала. Здесь специально отметим лишь тот факт, что термины зоологической и ботанической классификации (*вброновые*, *карповые* и т. п.) акцентно всегда оформляются как неосвоенные.

Акцентные свойства суффикса *-ов-* могут быть представлены так.

I. При неосвоенности: ↓ Triv.

II. При освоенности.

1. В качественном или полукачественном значении: ↓ .

2. В чисто относительном значении: → Polysyll Monosyll.

⁶⁰ В описании данного суффикса существенным образом использованы работы: Устинова 1974, 1977. Списки составлены в объеме Грамм. (иногда с небольшими добавлениями).

З а м е ч а н и е. Наличие пометы Polysyll в том случае, где *-ов-* имеет основную маркировку → (при основной маркировке ↓ в прочих случаях), в принципе (т. е. если пренебречь исключениями) означает, что при неодиносложном базовом компоненте, не содержащем полногласного сочетания, не бывает ударения *-овий* (т. е. при таком базовом компоненте, вообще говоря, нет необходимости учитывать тип значения прилагательного).

Приведенная схема отражает основное правило акцентовки производных с *-ов-* в современном русском языке. Однако наряду с ним существует и другое, более старое правило, ныне для большей части системы уже неактуальное; оно выражается единой маркировкой ↓ Marg для всех случаев. Там, где старое правило вступает в конфликт с новым, обычно побеждает новое правило. Есть лишь одна небольшая зона, где старое правило пока еще сильнее нового: чисто относительные прилагательные, образованные от существительных с суффиксом *-ок* или *-ец* (с беглыми *о*, *е*). При этом, однако, в данной зоне нет случаев, где могла бы проявиться помета Marg, т. е. архаичная маркировка ↓ Marg здесь фактически сводится к простейшей маркировке ↓. За пределами этой зоны старое правило создает лишь некоторое число исключений из основного синхронического правила.

Ниже разбирается материал; действие pragматического фактора рассматривается по ходу разбора собственно лингвистических факторов.

Качественные и «полукачественные» прилагательные

§ 1.62. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку ↓.

Примеры производных со слабым базовым компонентом. Качественные: *путёвый*, *бед-бый*, *бред-*, *толк-*, *махр-*, *ерунд-*, *чепух-*; *борд-*, *багр-*; *бас-*, *альт-*⁶¹. Заметим что значительная часть приведенных слов имеет отчетливую разговорную окраску⁶². Особенno характерны такие прилагательные для просторечия, ср. *рисковый*, *фартовый*, *шельмовый*, а также многочисленные прилагательные с общим значением «плохой» (*деръмбый*, *хренбый* и т. д.). Качественные прилагательные на *-бый* широко представлены также в различных арго (например, студенческом).

«Полукачественные» (примеры даются по группам, указанным в § 1.56): а) *рублёвый*, *пуд-бый*, *грош-*; б) *чёрв-бый*, *бубн-*, *крест-*, *очк-* (змея); в) *лос-ёвый*, *собол-*, *морж-бый*, *треск-*, *слон-*, *бобр-*, *кит-*, *осетр-*; боб-, дуб-, хрен-, терн-, сосн-, пеньк-, пух-, свинц-, холц-, дерн-, тес-, окорок-, язык- (колбаса), чесуч-, кремн-ёвый, житкал- (об акцентологически главном значении в этой группе производных см. § 1.56); г) *мед-бый*, *солод-*, *плод-*, *вереск-* (мёд), *желу-*

⁶¹ Отметим также прилагательные с остаточным базовым компонентом: *кондбый*, *сурбый*, *готбый*, *лилбый*, *пунцбый*.

⁶² Ср. также такие областные слова, как *игрбый* 'игривый', *весёлый*, *коасбый* 'кислый', *кисловатый*, *слезбый* 'плачевный', *чудбый* 'чудный', *прахбый* 'мягкий', *легкомысленный* и др.

дёвый (желудбовый)⁶³. У некоторых из этих прилагательных (грошибо́вый, хрено́вый, медбо́вый) имеются и собственно качественные значения.

Отклонения: 1) определяемые действием старого правила (т. е. ↓ Marg, см. § 1.61) — *рок-овбй*, *год-*, *век-*, *час-*, *рог-*, *воск-*, *мел-*, *мех-*⁶⁴; также *громовбй* // *громбовый* (о голосе; но только *громоббий* в чисто относительных значениях); 2) в сторону Deox — *гёрбово́й* (при более редком *герббовый*), *миндалево́й*, *щавёлево́й*, *томпаково́й*, *голавлёвый* // *головлёвый*; ср. также *бузиново́й*; 3) *шёлково́й* (ср. народно-поэт. *шелкбовый*), *брёсово́й*, *кázово́й*.

Для редкого слова *сельдево́й* литературной нормой закреплено ударение, определяемое неосвоенностью. У слов *волево́й*, *ходово́й*, *делово́й* ударение соответствует их относительным, а не качественным значениям (ср. также наличие чисто относительных значений у слова *часово́й*). Ударение *бронево́й*, *гонтово́й* соответствует значению ‘снабженный, покрытый чем-либо’ (а не ‘изготовленный из чего-либо’). Только чисто относительные значения имеют (и потому акцентологически правильны): *верстово́й* (практически только *столб*; в значении ‘длиной в версту’ было бы **верстбовый*), *трутн-ево́й*, *шерши-н*, *хмел-*, *плющ-*, *зверово́й* (см. § 1.56).

Примеры с сильным базовым компонентом: *роб-ово́й*, *лáск-*; *крбли-к*, *нбрк-*; *мáрл-ево́й*, *záми-ш*, *гру́ш-*, *йв-ово́й*, *слив-*, *брóнз-*, *бáйк-*, *лýп-*, *берéз-*, *корáлл*. Колебания *кётбовый*, *фольгбовый*, *кýрзбовый*, *люббовый*, *жмы́хбовый* непосредственно соответствуют колебаниям *кётá*, *фольгá*, *кýрзá*, *люфá*, *жмы́хí*. Отклонения (в сторону доминантности суффикса): *вишнёвый*, *треффбовый* (// *трéфбовый*); *солодк-бовый*, *известк-*, *семестр-*, *триместр-* (относительно *километрбовый* и т. п. см. ниже); за рамками литературной нормы также *пик-бовый* (масть), *джинс-*, *груш-н*, *вяз-*, *гротеск-* и некоторые другие.

Акцентный эффект освоенности проявляется у качественных и «полукачественных» прилагательных сравнительно слабо. Так, промежуточный по силе базовый компонент ведет себя как слабый лишь в следующих случаях: *тенор-бовый*, *дискант-*; *дюйм-*, *грамм-*, *метр-*, *литр-*, *фунт-*; *омул-ёвый*, *лосос-*, *тигр-бовый*; *клен-*, *лавр* (лист, венок), *ел-*, *перц-*, *перл-* (крупа), *фрукт-*, *марганц-*, *пестрядёвый*; отметим также простореч. *фигбовый* ‘плохой’ (ср. выше об этой группе), *нелитер. истбовый*, *бланкбовый* (при литер. *йстбовый*, *блáнковый*). Колебания в *окунёвый* // *бóкуневый*, *тополёвый* // *тбóполевый*. В прочих случаях промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный, даже в освоенных словах, например: *краб-ово́й*, *ráк-*, *зúбр-*, *бáрс-*, *бýйвол-*; *бáз-ево́й*, *тóл-*, *плюш-*, *вáз-ово́й*, *мáк-*, *цýнк-*, *лúк-*, *хróм-*, *дрáп-*, *фéтр-*, *риc-*, *гýпс-*, *яхонт-*, *ни́келевый*, не говоря уже о редких словах вроде *скýнсовый*, *тýнговый*.

⁶³ Отметим, что из «группы *воск*» производные на *-бовый* имеют *толк*, *риск*, *хрен*, *дёрн*, *тёрн*, *тёс*, *фарт*.

⁶⁴ Еще в нескольких случаях ударение *-овбй* сохраняется лишь в виде устаревшего варианта, например, *бредово́й*, *пудово́й*, *медово́й*, *пугово́й*.

Особый вопрос составляет ударение *-быв* при сложной основе⁶⁵. Разумеется, примеры типа *двухметровый*, *трёхлитровый*, *стограммовый*, *многопудовый* ничто не мешает считать результатом неплотного присоединения второй основы к готовым *метровый*, *литровый* и т. д.; ср. *дваухчасовой*, *трехгодовой* и т. п. от *часовой*, *годовой*. Однако в некоторых случаях ударение *-быв* появляется вопреки ударению соответствующего простого прилагательного: *средневековый* (ср. *вековой*), *многовековый* (//*многовековой*), *одноцилиндровый*, *дваухцилиндровый* (ср. *цилиндровый*), *дваухходовый* (ср. *ходовой*), *однояйцовый* (ср. *яичевой*), также ненормативные *дваухмачтовый*, *восьмилучёвый*, *коротковолновый* и др.⁶⁶ Особое акцентное поведение морфа *-ов-* в этих случаях следует связывать с аналогичными свойствами «опорного» *-ов-* (§ 1.27), ср. *Поднепровье*, *безотцбщина*, *поножбщина* и т. п. В самом деле, на фоне таких примеров, как *одноглазый*, *дваухголбый*, прилагательные типа *дваухцилиндрбый* выглядят как имеющие «лишнее» *-ов-*. В слове *понизбвый* переход ударения с именного приставочно-корневого комплекса *по-низ-* на *-ов-* легко объясняется, если допустить, что *-ов-* здесь «опорное», тогда как при любой иной трактовке он должен быть признан редкой аномалией; слово *бестолбовый* можно трактовать либо так же, как *понизбвый*, либо через неплотное соединение *без* и *толкбвый*. По-видимому, допустимо также (по крайней мере, в таких случаях, как *однояйцбвый* ‘происходящий из одного яйца’, где в значении явно есть элемент, свойственный суффиксу *-ов-*) интерпретировать морф *-ов-* как совмещающий в себе «опорный» элемент и суффикс (т. е. как результат «наложения»); ср. двойную функцию *-ов-* в словах типа *розоватый* (*розов-* + *-оват-*).

Производные *килограммбвый*, *километровый*, *сантиметровый*, *миллиметровый* в акцентном отношении уподобились таким, как *стограммбвый*, *многометровый* и т. п., т. е. основа трактуется здесь как сложная.

Чисто относительные прилагательные

§ 1.63. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку → Polysyll Monosyll. Оставив временно в стороне производные от существительных с суффиксами *-ок*, *-ец*, рассмотрим остальной материал.

Примеры производных со слабым базовым компонентом: *дождевобй*, *пол-*, *рул-*, *огн-*, *корн-*, *гост-*, *пут-*, *лиц-*, *плеч-*, *луч-*, *бель-*, *пить-*, *резьб-овбй*, *угл-*, *числ-*, *зерн-*, *нос-*, *щит-*, *лист-*, *хвост-*; *берег-*, *колос-*, *полос-*, *порох-*, также *перечневбй*; из отглагольных и отадъективных производных — *раневбй* (от *ранить*), *грыз-овбй*, *скаж-*, *смотр-*, *пляс-*; *легк-*, *бел-*, *черн-*, *чист-*; отметим также *сороковбй*.

⁶⁵ Этот вопрос рассматривается здесь для прилагательных любых семантических классов.

⁶⁶ Сюда же *право-*, *левофлангбвый* (ударение *флангбвый*, по-видимому, само заимствовано у этих слов, см. § 1.63).

Отклонение: *ráзовый* (относительно редких слов *лáдовый*, *пáзовый* и др. см. отдельно ниже).

Примеры эффекта Monosyll в чистом виде (т. е. при сильном базовом компоненте): *бирж-евбй*, *пул-*, *гир-*, *бур-*, *веч-*, *куч-*, *туч-*, *пищ-*, *сил-овбй*, *горл-*, *сумм-*, *форм-*, *мен-*, *групп-*, *искр-*, *цифр-*. То же при промежуточном базовом компоненте: *слиз-евбй*, *цел-*, *кил-*, *стил-*, *штил-*, *бол-*, *гребн-*, *стержн-*, *плесн-*, *кор-*, *вихр-*, *душ-* (от *душ*); *град-овбй* (туча), *груз-*, *шилоz-*, *цирк-*, *пуск-*, *звук-*, *шторм-*, *штурм-*, *шум-*, *горн-*, *тип-*, *мор-*, *центр-*, *бур-*, *курс-*, *свист-*, *текст-*. В словах *спуск-овбй*, *стык-*, *смысл-*, *вкус-*, *сбыт-* приставочно-корневой комплекс опрошен и потому утратил доминантность. Случай с наложением морфов: *жерновбй*, *бечевбй*, *кочевбй* (однако *швартбвый*; в принципе сюда можно отнести также и *торгбвый*).

Эффект Polysyll: при слабом базовом компоненте — *головёвый*, *очагбвый*, *промыслбвый* и др.; при промежуточном — *митингбвый*, *лозунг-*, *обод-*, *очерк-*, *поиск-*, *прииск-*, *дебет-* (также ненормативные *обжигбвый*, *минусбвый*); ср. «законное» отсутствие данного эффекта в *береговбй* и т. п., а также в *волоковбй*, *молотовбй*. Эффект Polysyll «незаконно» отсутствует в словах: *отраслевбй*, *языковбй* (от *язык* ‘средство общения’), *мастеровбй*.

Примеры с неодносложным сильным базовым компонентом: *комбайн-овый*, *баланс-*, *балласт-*, *косточек-*, *подшипник-*. Отклонение (в сторону доминантности суффикса): *маневр-бвый*, *оркестр-*, *продукт-*, *мальчик⁶⁷*, *бороздк-*, *местечк-*; также от имен с *-ок* — *поселк-бвый*, *участк-*, *нелитер.* *подростк-* (в последней группе приставочно-корневой комплекс опростился и утратил доминантность).

При неосвоенности суффикса безударен, даже если это противоречит помете Monosyll. Примеры: при односложном сильном базовом компоненте — *лютневый*, *фúг-овый*, *хóрд-*, *бáз-*, *фрáз-*, *лýнз-*, *фрéск-*, *спбр-*, *ráс-*, *касс-*, *каст-*; при промежуточном базовом компоненте — *шáрж-евый*, *лýвн-*, *ráнг-овый*, *рéйд-*, *стéнд-*, *фóнд-*, *кóд-*, *джáз-*, *зñáк-*, *трéк-*, *чéк-*, *бáнк-*, *фильтр-*, *клáн-*, *тéмбр-*, *жáнр-*, *клáсс-*, *áкт-*, *культ-*, *шельф-*, при слабом базовом компоненте (исходное слово относится к маргинально-подвижному типу) — *лáд-овый*, *пáз-*, *тáз-*, *кóн-*, *тóн-*, *приáz-*, *вóрс-* (ср. также предостережения АО против таких ударений, как *чáновый*, *шáговый*). Отклонение в сторону Deox: *фérзевый* (наряду с акцентно правильным *ферзевбй*).

Как и в других частях системы, где активно проявляется pragматический фактор, мы сталкиваемся здесь с очень большим количеством колебаний, поскольку степень освоенности одних и тех же слов у разных носителей языка различна. Основной моделью здесь является соотношение типа *пультовбй* в речи профессионалов — *пúльтовый* в речи остальных носителей языка. Литературная норма, как и в других подобных ситуациях, отражает здесь в одних слу-

⁶⁷ В разговорной речи акцентно аномальное *мальчикбвый* часто заменяется теперь на *мальчукбвый* (акцентно совершенно правильное, ср. *барчук-*, *барчука* и т. п.).

чаях непрофессиональное ударение (например, *чёрневый*, *рўмбовы́й*, *стёныг-*, *бóчк-*, *тáгл-*, *прéсс-*, *стáрт-*; оценка степени нормативности здесь и ниже дана по Грамм), в других профессиональном (например, *слиз-ево́й*, *гряз-*, *штил-*, *щебн-*, *клубн-*, *трутн-*, *шершн-*, *поршн-*, *приз-ово́й*, *шилюз-*, *стык-*, *храм-*, *сумм-*, *мен-*, *искр-*, *текст-*, *шифт-*), в третьих признает допустимыми оба ударения (например, *сéлевый* и *селево́й*, аналогично при базовых компонентах *грыж-*, *усть-*, *бомб-*, *трюк-*, *русл-*, *дышил-*, *скип-*, *ворс-*, *плюс-*, *флюс-*, *сит-*, *лифт-*, *шихт-*, *пульт-*).

Иначе выглядит эффект неосвоенности там, где исходное слово относится к флексионному или смежно-подвижному типу: маркировка \downarrow Triv, соответствующая неосвоенности, дает в этом случае ударение *-бывы́й*. Примеры: *плетнёвый*, *тайг-бывы́й*, *тяж-*, *кирк-*, *кайл-*, *сноп-*, *тавр-*, *ядр-*, *пест-*, *хлыст-*, *жгут-*, *кнут-*. Разумеется, эти ударения можно было бы объяснить и действием старого правила (т. е. маркировкой \downarrow Marg). Существенно, однако, что все эти слова — очень редкие, а подавляющее большинство более употребительных слов уже подчиняются новому правилу, а не старому (см. примеры выше). Поэтому естественно связывать ударение *-бывы́й* в приведенных словах именно с неосвоенностью, а не просто со старым правилом. Ср. колебания в относительно более частых словах: *ножбывы́й* и *ножево́й*, *стволбывы́й* и *стволово́й*, *котлбывы́й* и *котлово́й*. Наряду с прилагательными *ковшбывы́й*, *копрбывы́й*, *кострбывы́й* (от *костёр*), которые фиксируются словарями именно с таким ударением (соответствующим неосвоенности), имеются субстантивированные прилагательные (более употребительные) *ковшево́й*, *копрово́й*, *кострово́й*.

З а м е ч а н и е. Как отметил Б. О. Унбегаун, в русском языке субстантивированные прилагательные (*рулево́й*, *марсово́й* и т. п.) имеют тенденцию к ударению *-ово́й*, независимо от акцентуации исходного слова (см. Кипарский 1962, с. 16). Учитывая разобранный выше материал, можно утверждать, что это не отдельная закономерность, а лишь специфическое частное проявление общего правила об ударении *-ово́й* у освоенных чисто относительных прилагательных с односложным базовым компонентом. В самом деле, субстантивируются обычно лишь чисто относительные прилагательные (с общим значением 'связанный с таким-то предметом'), например: *рул-ево́й*, *кош-*, *кош-*, *звень-*, *город-ово́й*, *корд-*, *люк-*, *стрел-*, *дом-*, *стан-*, *чан-*, *горн-*, *костр-*, *марс-*, *лот-*, *вест-* и др.; ср. также *часово́й* (от [стойть] на часах). При этом субстантивация (т. е. по сути дела сокращение полного сочетания типа *рулево́й матрос*), как правило, наступает лишь в той среде (обычно профессиональной), где соответствующее понятие привычно; отсюда акцентный эффект освоенности. В оппозиции типа *марсовый* (прилагательное) — *марсово́й* (существительное) акцентологически существенно не различие частей речи, а различие по употребительности: *марсовый* (*марсово́й*) в собственно адъективном качестве встречается гораздо реже, чем в субстантивированном. Поэтому для первого литературная норма фиксирует ударение, соответствующее неосвоенности, для второго — соответствующее освоенности. То же верно и для пар типа *кострбывы́й* — *кострово́й* (см. выше); особенность лишь в том, что здесь неосвоенность отражается суффиксальным ударением, а не корневым. Иначе обстоит дело в парах *коербывы́й* — *коворбывы́й* (в цирке), *домбывы́й* — *домово́й* (демон); здесь разницы по степени освоенности нет, но сильно разошлись значения членов пары. Акцентно регулярны в этих парах именно субстантивированные члены (имеющие чисто относительное значение), тогда как прилагательные по индивидуальным причинам получили особое ударение.

Исключениями из основного правила (которые нельзя отнести за счет неосвоенности) являются: а) *стол-бый, двор-, ковр-, шатр-*; здесь ударение *-бый* соответствует старому правилу; б) *фланг-бый, торг-, сад-, лед-, под-, дом-, опт-, порт-, фрахт-, почт-*; здесь ударение не соответствует ни новому, ни старому правилу; сюда же *сбтбый, верхбый // верховбий* (о ветре, о городах на реке; ср. *верховбий* от [ездить] *верхом*), *стеблёвый // стеблевбий* (ненормативные варианты с *-овбий* есть еще и для *лед-, под-, порт-, почт-*; см. также выше о субстантивированных *ковровбий, домовбий*). У части этих слов ударению *-бый* способствует наличие качественных или «полукачественных» значений; ср., в частности, *коврбовая ткань* (*дорожка, сани, обои*), *ледбвая дорога, оптбовые закупки*. Слово *флангбый, по-видимому*, восприняло ударение слов *право-, левофлангбый* (см. сноску 66). Ударения *торгбый, подбый, верхбый* представляют собой просто архаизмы. Ударение *почтбый*, по предположению А. В. Исаченко, пришло из польского. В прочих случаях пункта «б» источник ударения *-бый* менее ясен.

Вернемся теперь к тому особому случаю, когда прилагательное образовано от существительного с суффиксом *-ок* или *-ец*. В этом случае действует маркировка ↓ (равносильная здесь маркировке ↓ Marg, см. § 1.61). Примеры: *стрелк-бый, станк-, звонк-, щипк-, лепестк-, дворц-, писц-, крестц-, колонц-, ср. слйтк-овый, порядк-, ранцевый*. Основному правилу подчинились только: *куск-овбий, кружк-, крючк-, конц-евбий, пальц-, торц- // торцбый), вальц- // вальцбый*; ср. также регулярные *яйц-евбий, кольц-, пыльц-*, образованные от существительных среднего и женского рода. Об отклонениях в сторону доминантности (*поселк-бый, участк-, подростк-*) см. выше.

Суффикс -ян-

§ 1.64. Суффикс *-ян-* с акцентологической точки зрения обнаруживает значительное сходство с *-ов-*; но материал здесь существенно меньше и акцентные закономерности выявляются менее отчетливо. Основные акцентные свойства суффикса *-ян-* таковы: 1) в качественном значении ↓; 2) в относительном (в т. ч. «полукачественном») значении → Polysyll Monosyll. Для выявления возможного действия pragматического фактора здесь нет подходящих условий.

Качественных прилагательных с *-ян-* совсем немного: *багряный, духмáный, медвáный, рдáный, пьяный*; также *охряный* 'цвета охры', с эффектом Monosyll (//*охрянбий*); ср. еще обл. *водяный* 'водянистый'. Кроме того, с остаточным базовым компонентом: *румяный, прáный, ряный*.

Относительные прилагательные. Примеры: *щанбий, ржанбий, льнянбий, трав-янбий, лед-, гвозд-, круп-, мездр-, нутр-, прос-, холст-, шерст-, солод-, голос-, хворост-* — *селитряный, финифтяный*. Эффект Monosyll: *пол-янбий, луб-, ив-, плат-, жест-, нефт-, верф-*,

торф-. Эффект Polysyll: *коноплённый*; также *очеретённый*, *таволжанный* (где суффикс отклоняется в сторону доминантности). Ударение *берестянбй* соотносится с распространенным ненормативным ударением *берестá* (ср. редкое *берёстяный* в соответствии с *берёста*).

Имеется, однако, значительное число отклонений разного типа. Нет эффекта Monosyll: *кбжаный*, *пáкл-яный*, *сýсл-*, *глын-*, *нýт-*. Прочие случаи неправильного корневого ударения: *серéбряный*, *мáсляный*, *вéтрянáя оспа*. Нарушены правила эффекта Polysyll: *толокн-яный*, *полотн-*, *череп-* (наряду с правильным *черепянбй*); с другой стороны, *отрубянбй*. Прочие случаи неправильного суффиксального ударения: *песчáный*, *мышáный*, *дресвáный*, *солáная кислота* (при обычном *солянбй*); колебание *овсáный* // *овсянбй*, аналогично при *сурьм-*, *рос-*, *полст-*, ср. еще разг. *жестáный* при литер. *жестянбй* (см. также выше об *очеретённый*, *таволжáный*). Большинство указанных прилагательных просто сохраняет свое древнее ударение.

Алломорф *-янн-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓: *стеклённый*, *оловянный*, *деревянный*.

Суффиксы *-ова-ть* и *-ирова-ть*

§ 1.65. Суффикс *-ова-ть* (первичный) характеризуется двояким акцентным поведением. Более старая (непродуктивная) модель здесь *-овá-ть* ↓, более новая (продуктивная) — *-овá-ть* ↓ D. Только старой моделью объясняется ударение следующих слов: [досáд]-овать, *об[нарбд]-*, *[урбд]-*, *[прихбд]-*, *[расхбд]-*, (*об*)*[орубд]-*, *[насýл]-*, *[соболéзñ]-*, *[соббр]-*, *[совéт]-*; *жéртв-*, *ráд-*, *бесéд-*, *комáнд-*, *трапéз-*, (*ис*)*польз-*, (*из*)*обил-*, *прáздн-*, *пáмят-*, *корыстоваться*. Отметим, кроме того, не отыменные (по крайней мере, с синхронической точки зрения) глаголы с таким же ударением: *трéб-овать*, *прóбб-*, *брéзг-*, *завéд-* (проповéд- и т. д.), *слéд-*, *завéд-*, *жáл-*, *вéр-*, *ráт-*, *сéт-*, *пóтчевать*; ср. также простореч. *бáловать(ся)*. Нерегулярно (даже с точки зрения старой модели) *мáловать*; ср. акцентно регулярное *миловáть* ‘ласкать’. Следует отметить, что большая часть слов данной группы носит книжный характер.

Все прочие слова с *-ова-ть* (но не *-ирова-ть*) имеют ударение на суффиксе, например: *страх-овáть*, *титул-*, *псих-*, *шифр-*, *воевáть*. При этом для значительной части из них такое ударение может быть объяснено только моделью ↓ D, например: *известк-овáть*, *квартир-*, *интриг-*, *интерес-*, *пасынк-*, *паник-*, *рифт-*, *мышк-*.

Некоторые слова первой группы в нелитературной речи переходят во вторую, ср., например, *памятúя*, *покорыстúются*, *соболезнúют*.

Суффикс *-иров-ать*⁶⁸ (первичный) имеет маркировку ↓ D, но с двумя вариантами акцентовки: *-ирова-ть* и *-ировб-ть*. Выбор между

⁶⁸ При описании акцентных свойств данного суффикса использована курсовая работа К. К. Богатырева на эту тему; см. также Воронцова, с. 237–248.

этими вариантами подчиняется не вполне строгим правилам; имеется значительное количество колебаний. Вариант *-ирова-ть* выступает в следующих случаях. 1. При односложном базовом компоненте и значениях: а) 'покрывать веществом (рисунком, нарезкой и т. п.) *X*', 'насыщать, пропитывать *X*-ом' (*лак-ирова-ть*, *бронз-*, *глаз-*, *брон-*, *мат-*, также *плак-*, *пол-*, *пан-*, *блиндирова-ть*; *гриж-ирова-ть*, *марк-*, *лесс-*, *грав-*, *гофр-*, *плисс-*; *фарш-*, *мебл-*, ср. *газирбанный*); б) 'покрывать, укрывать предметом (одеждой) *X*' (*маск-ирова-ть*, *драп-*, *пломб-*); в) 'организовывать, подразделять в соответствии с *X*', 'упражнять, улучшать способом *X*' (*групп-ирова-ть*, *сорт-*, *план-* [об участках земли], *норм-*, *форм-*, *трен-*, *дресс-*, *юстирова-ть*). 2. В нескольких глаголах с неодносложным базовым компонентом при тех же значениях, что в 1а и 1б: *эмал-ирова-ть*, *никел-*, *костюм-*, *экип-*, *татуй-рова-ть*. 3. В изолированных случаях: *марш-ирова-ть*, *рок-* (непереводные глаголы); *серв-*, *прем-* (ср. ненормативное *премирова-ть*), *пик-* (о сеянцах), *кол-*, *крок-*, *плас-*, *декатирова-ть*. Глаголы *кварти-рова-ть*, *обмундирова-ть*, *броширова-ть* (*брошюрова-ть*) относятся не сюда: это *квартир-(а)* + *-овा-ть* ↓ D и т. д. Возможность подобного разложения существует также для *командирова-ть*, *бомбарди-рова-ть*, *ранжирова-ть*, *буксирова-ть*; она поддерживает в этих словах конечное ударение.

Из глаголов, отвечающих условиям пункта 1, лишь очень немногие имеют ударение *-ирова-ть*; это глаголы с базовым компонентом на *r* (*хлор-ирова-ть*, *нитр-*, *вир-*), а также *газ-ирова-ть* (но *газирбанный*), *хром-* (но обычно *хромирбанный*), *арм-*, *гумм-*, *сульф-* и некоторые совсем редкие. Напротив, при неодносложном базовом компоненте *-ирова-ть* является нормой (ср. *бетон-ирова-ть*, *цемент-*, *асфальт-* и т. д.).

Во всех прочих случаях представлено только *-ирова-ть* (*поз-ир-рова-ть*, *шок-*, *форс-*, *транспорт-* и т. п.); оно же всегда выступает в составе *-изирова-ть*.

Суффикс -и-ть

§ 1.66. Суффикс *-и-ть* (первичный) имеет маркировку ↓ Deox. Его особенностью является то, что промежуточные базовые компоненты здесь почти всегда ведут себя как сильные (даже при освоенности). Кроме того, имеется довольно много индивидуальных отклонений (заметим, что большую часть из них составляют акцентные архаизмы; их синхроническая неправильность обусловлена лишь тем, что в ходе истории изменилась акцентовка производящего слова). Относительно случаев, где трудно выявить направление словообразования (от имени к глаголу или наоборот), см. § 1.18; специально отметим, что ниже трактуются как непроизводные, в частности, глаголы *править*, *значить*, *чаливать*, *мвлить*.

Примеры правильного ударения: *серебрить*, *бороздить*, *веселить*, *солить*, *застолбить*, *грубить*, *уточнить* — [прокáz]ить, *у[навб]*

з]ить, [вэдбр]ить, у[достој]ить, о[безврёд]ить, о[бессахар]ить, морбить, усилить, салить, мнобжить, вялить, осчастливить, пакостить; эффект Деох: майчить, батрачить, утюжить, раскошечьтися, куражиться, напузирить, также песочить (с нерегулярным сохранением беглого *о*). Отметим, что перед *-и-ть* иногда встречаются нехарактерные для русского языка в целом глагольные двукорневые комплексы, например, руководить, благословить (см. § 1.26). Правильное ударение имеют также производные от «группы воск» (§ 1.30, А1), а именно: охлад-ить⁶⁹, омрач-, вощ-, лощ-, захлам-, срам-, крен-, обдерн-, мир-, сор-, ворс-, форс-, гнус-, фарт-, бут-, страш-, смеш-; див-; лениться, дур-ить, улест-, груст-; дружить, покуматься (ср. также усыновить); просквозить.

Промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый только в словах гнев-ить, хам-, бубн-, расчлен-, бур-, бес-, франт-; вразум-, щебен-, грохот-, опустош- (ср. еще обрушить, от *русс*кий); колеблется гáтиТЬ, ср. также нелитер. перчить (при литер. нéрчить). Во всех прочих случаях такой компонент ведет себя как сильный, например: нráвиться, проштрафиться, гáд-ить, трáл-, цéл-, зайл-, трýс-, озвúч-, сахár-, мýсор-, пárус-, сбвест-; как можно видеть, сюда попадают и весьма употребительные (т. е. вполне освоенные) слова.

Производные с неправильным ударением. Неправильное наосновное ударение: 1) отсубстантивные производные — грóб-ить, ко-рóб-, горб-, голуб-, зáб-, мурáв-, лáд-, чудиться (ср. правильное чудить), ёжиться, пыжиться, книаж-, обужг-, масл-, числ-, хóхл-, мыл-, жár-, пár-, ба́гр-, похéр-, прожíр-, провéтр-, посéстричься, квáс-ить, кrás-ить, вéс-, чудéс-, пытиться, кóнич-ить, жúч-, крюч-, вьюч-; особо стоит клéить (§ 1.46, примеч.); колебание в пристрúнить, взвéхрить, обрешéтить; 2) отадъективные производные — ослáб-, глáд-, продблж-, тóжиться, сdóж-, приблиз-, понíз-, сúз-, опóдл-, осмéлиться, тéплиться, затéпл-ить (ср. утеплить), опóшил-, напóлн- (ср. полнить ‘делать более толстым на вид’), проясн- (о погоде; ср. прояснить), одббр-, расщéдриТЬся, расшир-, ускóр-, втóр- (ср. повторить), хмúр-, повыс-, чист-, насыт-, увелíч-⁷⁰; особо стоят удвóить, утробить, усвóить (однако двойить, тройить), ср. клéить выше; колебание в окýслить.

Неправильное ударение внутри основы: образúмить (ср. вразум-ить), слесáрить, кухárить, онемéчить, отурéчить.

Неправильное ударение на суффиксе: бомб-ить, язв-, отождеств-, обобществ-, оздоров- (ср. поздоровиться), освобод-, обрам-, изум-, удревн-, усредн-, упраздн-, наводн-, соедин-, обремен-, внедр-, яр-, торос-, обогат-, поработ-, обвеш-; также табуниться, пузы-

⁶⁹ Приставочные глаголы здесь и в дальнейших списках представляют также и соответствующие глаголы с другими приставками.

⁷⁰ Но устрóжить — это правильное производное от стрóже (ср. улúчшить, умéньшить).

ряться, петушиться (без эффекта Деох); колебание в усугубить, сгребдиться, опорбжнить, багрёнить, искрыться, ср. еще устар. уменьшить при обычном умёньшить.

Суффиксы -им- и -ениј-е (-ен'ј-е)

§ 1.67. Первичные суффиксы *-им-* (как в причастном, так и в адъективных значениях) и *-ениј-е* (*-ен'ј-е*) обладают общей особенностью, состоящей в том, что их акцентные свойства различны при соединении с глаголами разных видов.

При соединении с глаголами совершенного вида *-им-* (дающее в этом случае только прилагательные, не причастия) имеет маркировку ↓ D, *-ениј-е*, *-ен'ј-е* — маркировку ↓. Примеры: а) *неудержимый, поправимый, сопоставимый, выполнимый, неисповедимый, неопровергимый, неуничтожимый, неоспоримый* (с опростившимся *спор-*); с доминантными базовыми компонентами по общему принципу (§ 1.31) соединение здесь невозможно (например, нет никакого приемлемого ударения для **неупорядочимый, *необесцветимый* и т. п., что и делает эти слова невозможными); б) *рождение (рожденье), явление, далее, в силу односложности корня в глаголе* (§ 1.30, А2), также *умножение, заверение, украшение, прославление, улучшение, расширение, привидение, также приобретение; с другой стороны, у[вековеч]ение, о[благород]ение, о[бесцвеч]ение, о[бесцен]ение, у[закон]ение, у[поряд]ование, очеловечение, одомашнение, онемение, одурячение, возвеличение*.

При этом, однако, имеется заметная тенденция (особенно в разговорной речи) трактовать при суффиксе *-ениј-е* (*-ен'ј-е*) все недоминантные базовые компоненты как слабые. Эта тенденция уже победила в случаях: *приготовление (за-, под-, из- и др.), уничтожение, сопротивление, осведомление, уведомление, ознакомление, ограничение (раз-), увеличение, преувеличение; в нескольких случаях опростился и потерял доминантность базовый компонент, раньше бывший доминантным: уподобление (рас-), обослование, приспособление, успокоение, упокоение*. Широко распространились также ударения: *обморожение, отморожение, обнаружение, обеспечение* (последнее с опрощением и потерей прежней доминантности у базового компонента). Данная тенденция действует тем сильнее, чем чаще употребляется слово; в самом деле, перечисленные здесь слова высокопробительны, тогда как в группу *очеловечение, одомашнение* и т. д. входят лишь редкие слова (притом книжного характера).

Обратное отклонение (сохранение традиционного ударения) представлено лишь в словах: *воздвижение, сретенье* (названия церковных праздников), *свёдение* (ср. квазиомоним *свёдение* от *свестий*), *намерение* (ср. простореч. *намерение*), *упрочение* (нелитер. *упрочение*), *обрушение* (наряду с *обрушение*), *благоприобретение* (нелитер. *-ение*), также *повышение, озвучение* (слова, отсутствующие в разго-

врной речи). Аномальное ударение *опрощение* (для лингвистического термина) носит искусственный характер (это результат «отталкивания» от нетерминологического *опрощёние*); это ударение поддерживается как своего рода знак причастности к определенной традиции, но скорее всего не удержится в борьбе с акцентологически правильным *опрошёние*.

При соединении с глаголами несовершенного вида картина иная: суффиксы *-им-* и *-ениj-e* (*-ен'j-e*) используются заменительно (с маркировкой ↓), вместо окончания *-у* в 1 ед. презенса. Примеры: а) *го-ниймый, терпиймый — видимый, слышимый, мыслимый, движимый, зависимый* (ср. *гоню, терплю, вижу* и т. д.); характер значения (причастный или адъективный) для акцентуации несуществен; ср. также производное второго ранга *стбимость*; б) *сидение, сиденье, печёние, печенье, моление, ведение — глаженье, жаренье, видение (процесс), тряление, вяление, квашение, крашение, утюженье, крахмаленье, фордыбаченье* (ср. *сижу* и т. д., *глажу* и т. д.). Особо стоит *вёдение* (от *вёдаю*).

От этого правила отклоняются, однако, производные с *-ениj-e*, *-ен'j-e*, утратившие первоначальное значение процесса и развившие другие значения (например, результата), а именно: *видение* 'призрак, сон', *значение, строение*; здесь суффикс ведет себя как при глаголах совершенного вида. Прочие отклонения: *княжение, правление, мышление* (устар. *мышление*), *мучение* (заметим, что все эти слова имеют не только процессуальное значение); *движение, плавление*, также (*не*)*противление*. Аналогичное отклонение с *-им-*: *недвижимый* 'неподвижный' (ср. *недвижимое имущество*). Изолированно стоит архаизм *рάженье* (обряд), с обратным отклонением.

Слова *ранимый, ранение* (от двувидового глагола *ранить*) акцентно регулярны: они соотносятся с совершенным видом, что подтверждается и их значением (прилагательному *ранимый* 'язвимый, чувствительный', вообще говоря, можно даже противопоставить потенциальное причастие *ранимый* ' тот, которому наносят рану'; во всяком случае, слово *ранимый* этого значения передавать не может).

Действие изложенных правил создает в русском языке многочисленные акцентные противопоставления типа *рýшимый—неразру-ши́мый, глáдимый—нейзглади́мый, рýшение—разрушéние, крашениé—украшениé, моржениé—обморожéние, видениé—видéние*.

Суффиксы -щик- и -овщик

§ 1.68. Акцентные свойства этих суффиксов различны в отглагольном и в отыменном словообразовании.

В отглагольном словообразовании *-щик* выступает как вторичный суффикс с маркировкой ←, например: *рýбщик, мойщик, гонщик, лéпщик, [свáр]щик, [скýп]щик, [достáв]щик, [натáр]щик, вýдумщик*,

плáкальщик, *гладíльщик* (морф *-и-* ↓ D). Суффикс -овщик выступает здесь как первичный (непоглощающий) с маркировкой ↓⁷¹: *сверлóвщик*, *распилóвщик*, *потакóвщик* (от *сверлить*, *распиливать*, *потакать*). Однако -овщик как единый суффикс здесь весьма редок: подавляющее большинство отглагольных слов на -овщик соотнесено с глаголом на -овать (т. е. содержит просто суффикс -щик), ср. *зимбóвщик*, *калибрóвщик*, *упакóвщик*, *забастовщик* и т. п. Отклонения: 1) в словах *продавщик*, *поставщик*, *покупщик*, *откупщик* -щик ведет себя как первичный суффикс класса →; 2) в ряде слов на -овщик (бесприваточных), несмотря на наличие глагола на -овать, акцентуация такая, как у отыменных производных (см. ниже), — *пемзóвщик*, *бронз-*, *дерн-*, *пресс-*, *плюс-*, *бунт-*, *грунт-*, *борт-*, *межевщик*; во всех этих случаях слово на -овщик можно семантически связать и с соответствующим существительным, т. е. мы имеем дело с двумысленной словообразовательной связью.

В отыменном словообразовании -щик и -овщик находятся в почти строгом дополнительном распределении: -овщик используется при односложных базовых компонентах (кроме сильных, оканчивающихся на одиночную согласную), -щик — в прочих случаях, ср. *гробовщик*, *крановщик*, *ламповщик* и *жáлобщик*, *веретёнщик*, *фонáрщик* (но также, например, *бáнищик*); при наличии беглой гласной в производящей основе используется модель *тюрéмщик*, *стекльщик* и т. п., т. е. без -ов-. Таким образом, здесь представлен яркий пример выравнивания слоговой структуры производных путем добавления «пустого» -ов- там, где недостает слога.

С акцентной точки зрения, отыменное -щик используется: 1) заменительно (с маркировкой →), вместо прилагательного с -н-, например, *погребщик*, *кузовщик*, *обувщик*, *гребенщик*, *зеленщик*, *номерщик*, *тюрéмщик*, *корабельщик*, *аварийщик*, *подёнщик*, *каменщик*, *угольщик*, *тáбельщик* (ср. *погребённый* и т. д., *тюрéмный* и т. д.); 2) аддитивно (с маркировкой ←) — в тех немногих случаях, когда нет соответствующего прилагательного с -н-, например, *жестянщик*, *пáйщик*. Отклонения: 1) *ямщик*, *денщик*, *стерженщик*; слово *временщик* формально соотнесено с *временний*; 2) *кокбнщик*.

Отыменное -овщик выступает как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой → Monosyll, например: *гrob-овщик*, *час-*, *резьб-*, *лон-*, *плот-*, *гурт-*, *газ-*, *рост-*, *бронз-*, *пемз-*; ср. также *кладовщик*, *мостовщик* (от *кладовáя*, *мостовáя*). Отклонения: 1) *ламповщик*, *нér-повщик*; 2) *старьёвщик*, *клеймбóвщик*, *коврóвщик*.

⁷¹ Ср. также *ирбóвщик* ↓ D (§ 1.41).

Суффиксы *-ян-е* (*-ан-е*), *-чан-е*

§ 1.69. Суффиксы названий жителей *-ян-е* (*-ан-е*), *-чан-е* выступают в чистом виде во мн. числе производных (*рыймяне*, *молдава́не*, *ростовчáне*), а в ед. числе сопровождаются сингулятивным суффиксом *-ин* ↓ (*рыймянин*, *молдава́нин*, *ростовчáнин*). Акцентные свойства этих суффиксов сложны и отчасти аномальны. Нормальной маркировкой этих суффиксов является ↓ D; ср., например, *волжа́нин*, *парижáнин*, *киевля́нин*, *вологжáнин*, *россия́нин*, *персия́нин*, *молдава́нин*, *магометáнин*, *ростовчáнин*, *харьковчáнин* (не говоря уже о случаях со слабым базовым компонентом вроде *городжáнин*, *поезжáнин*). Однако наряду с этим суффикс *-ян-е* (*-ан-е*) обнаруживает еще два типа акцентного поведения: 1) в названиях жителей древнего мира этот суффикс ведет себя по классу ↓ (без доминантности) — *рыймл-янин*, *афíн-*, *карфагéн-*, *латíн-*, *македóн-*, *авилóн-*, *финики́янин* и др. (см. Грамм.), также *волýнянин*; в ассирíянинах такой же сдвиг ударения, как в *-ийск-*, *-ийн-*; 2) в замкнутой группе старых слов этот суффикс, сохраняя перед окончаниями (т. е. во множ. числе) обычные свойства класса ↓ (или ↓ D), перед сингулятивным суффиксом *-ин* аномальным образом ведет себя по классу → (т. е. передает этому *-ин* свое ударение): *славя́нин* (мн. *славя́не*), аналогочно *сел-янин*, *арм-*, *двор-*, *мещ-анин*, *чуж-*, *христи-*, ср. *семья́нин* (мн. *семья́нны*); слова *гражданин*, *согражданин* дважды аномальны, поскольку во мн. числе здесь выступает (со)гра́ждане. В нелитературной речи некоторые слова из этих особых групп могут следовать основной модели (например, возможны ударения *римля́не*, *афиня́не*, *авилоня́не*, *селя́нин*, *христиа́нин*); для слова *египтя́не* такое ударение уже закреплено литературной нормой.

Аномальной акцентной особенностью суффиксов *-ян-е*, *-чан-е* является также то, что они могут перетягивать на себя ударение с доминантного базового компонента, например, *поморя́нин*; в самом деле, при *-ян-* ↓ ожидалось бы **помбря́нин*, а при *-ян-* ↓ D соединение здесь должно быть вообще невозможным (см. § 1.31). Правда, общелитературных слов с таким эффектом совсем мало: *прихожáнин*, *поселáнин*, *соборáнин*, *поморáнин* (в *однополчáнин*, *односельчáнин* естественнее видеть неплотно присоединенное *одно-*). Прочие слова такого рода имеют узкое (часто сугубо местное) распространение, например⁷², *поречáнин*, *подоля́нин*, *пятигорчáнин*, *днепропетровчáнин*; сюда же *посельчáнин*. Часть подобных производных явно опирается на соответствующие более простые, ср. *заполжáнин*, *пово́лжáнин*, *приволжáнин* и акцентно правильное *волжáнин*, *старорушáнин* и *рушáнин*, *великоустюжáнин* и *устюжáнин* и т. п. (т. е. здесь применяется техника неплотного присоединения). Было бы неосторожно, однако, рассматривать местные названия рассматриваемого типа

⁷² Основной источник примеров: Словарь названий жителей СССР. М., 1975.

в одном ряду с общелитературными словами: морфонологические механизмы здесь могут быть несколько особыми, к тому же разными в разных частях русской территории; ср., например, недоминантное *-ян-е* в ряде северных названий (*кыжáнин*, *верховáжсанин*, устар. *белозéрянин*, *завблжсанин*, *повблжсанин*, *новгородбчанин*).

В целом для суффиксов *-ян-е* (-*ан-е*), *-чан-е* следует констатировать преобладание маркировки ↓ D при значительных следах других, более старых маркировок, а также тенденцию к нарушению правила о несовместимости доминантного базового компонента и доминантного суффикса; по-видимому, это нарушение связано с особым способом функционирования собственных имен, при котором их морфемная членность становится несущественной и перестает осознаваться (откуда эффект, характерный для случаев опрощения).

ЗАКОНОМЕРНОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ РУССКИХ ОДНОСЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

РАЗДЕЛ I. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

§ 1. Распространено представление, что в современном русском языке в распределении односложных¹ существительных по акцентуационным типам нет почти никаких синхронических закономерностей² и единственное возможное практическое решение состоит в приведении полных списков. В настоящей работе мы пытаемся показать, что это представление неверно, т. е. что в действительности в данной сфере имеются довольно четкие закономерности и лишь в силу того, что они разнородны и образуют сложную иерархию, наблюдаемая внешняя картина кажется беспорядочной³.

§ 2. Мы будем различать⁴ следующие схемы ударения (или, что то же, акцентные кривые), возможные для слов рассматриваемого класса:

a — ударение на основе⁵ во всей парадигме (например *знак*, *знáка*, *знáков*);

b — ударение на окончаниях во всех словоформах с ненулевым окончанием (*стол*, *столá*, *столы*, *столóв*);

c — как *a* в ед. числе, как *b* во мн. числе (*дар*, *дáра*, *дары*, *дарóв*);

¹ Под односложными понимаются, в соответствии с традиционным словоупотреблением, существительные с односложной исходной словоформой.

² Так, В. Кипарский пишет: «Как известно, ...ни для исконно русских, ни для заимствованных односложных слов никаких «правил ударения» пока что не существует...» (Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I. Односложные имена существительные. Хельсинки, 1950, с. 20;ср. также: Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, S. 24).

³ Из-за ограниченного объема настоящей статьи в ней представлен не весь проанализированный материал (но все общие положения изложены); подробнее см. § 14, конец.

⁴ В соответствии с кн.: Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 153.

⁵ Наличие или отсутствие у слова так называемого 2-го предложного падежа ед. числа (далее сокращенно — II₂) на -ý, -ю схемой ударения не учитывается; это отдельный признак слова. Таким образом, под паосновным ударением ед. числа в настоящей работе понимается ударение на основе во всех словоформах ед. числа, кроме II₂ на -ý, -ю (если таковой имеется).

d — как *b* в ед. числе, как *a* во мн. числе (*кол*, *колá*, *кóлья*, *кóльев*);

e — то же, что *c*, но с наоснбным ударением в И. мн.⁸ (*бог*, *бóга*, *бóги*, *богóв*);

f — то же, что *b*, но с наоснбным ударением в И. мн. (*гвóзьдь*, *гвóзди*, *гвóздей*).

Singularia tantum (т. е. слова, у которых мн. число никогда или почти никогда не употребляется, например *пух*, *быт*, *юг*) причисляются к схеме *a* или *b* в соответствии с их ударением в ед. числе⁹.

Класс односложных существительных мужского рода в современном русском языке открыт для пополнения за счет заимствований и новообразований (аббревиатур, отлагольных имеч и др.), поэтому точно указать его численность невозможно. В «Обратный словарь русского языка»⁸ входит около 1500 таких слов; в этом объеме данный класс и рассматривается ниже (везде, где не оговорено обратное).

Из этих 1500 слов по литературной норме к схеме *b* относится около 200, *c* — около 120, *d* — 6, *e* — 21, *f* — 4. Прочие относятся к схеме *a*.

Продуктивными, т. е. способными принимать новые слова, являются (для рассматриваемого класса слов) только три схемы ударения: *a*, *b* и *c* (иначе говоря, любые акцентуационные правила несписочного характера могут требовать только одной из этих трех схем).

§ 3. В некоторых случаях возникает необходимость рассмотреть древнерусскую акцентацию того или иного слова. Как установлено современной сравнительно-исторической акцентологией, в древнерусском имена делились с акцентуационной точки зрения на три класса⁹:

1) имена с неподвижным ударением на определенном слоге основы во всех словоформах — так называемая акцентная парадигма *a* (= «баритонированная»);

2) имена с ударением на флексии во всех словоформах (за некоторыми, строго определенными для каждого типа склонения исключениями) — так называемая акцентная парадигма *b* (= «окситонированная»);

3) имена с подвижным ударением, которое в каждом типе склонения было представлено особым (но единственным для всего этого типа) распределением наоснбного и флексионного ударения в парадигме склонения — так называемая акцентная парадигма *c* (= «подвиж-

⁸ Здесь и далее таким способом обозначаются формы именной парадигмы: большая буква (И., Р., Д., В., Т., П.) обозначает падеж, сокращения «ед.», «мн.» — число.

⁹ Заметим, что количество *singularia tantum* схемы *b* ничтожно мало: это только *скот* (в основном, собирательном значении), *вред*, *стыд*, *плющ* (как будет видно ниже, § 10, это обстоятельство не случайно).

⁸ Обратный словарь русского языка. М., 1974.

⁹ См.: Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963, с. 4; Stang Chr. S. Slavonic accentuation. Oslo, p. 56—94.

ная»); характерной дополнительной особенностью этой акцентной парадигмы был перенос ударения со словоформ с наосновным ударением на проклитики и энклитики¹⁰.

В настоящей работе мы исходим из того, что для существительных мужского рода нормальными (т. е. не требующими индивидуальных объяснений для отдельного слова) являются следующие соответствия:

акцентная парадигма в древнерусском	схема ударения в современном русском
<i>a</i>	<i>a</i>
<i>b</i>	<i>b</i>
<i>c</i>	<i>c</i> или <i>e</i> ¹¹

Таким образом, например, для слова *нос* (схема *c*, др.-русск. акцентная парадигма *c*) мы будем говорить просто о сохранении старой акцентуации (хотя фактически ударение некоторых словоформ здесь изменилось). Соответственно под индивидуальными изменениями прежней акцентуации понимаются только отклонения от указанного системного соотношения.

§ 4. Для дальнейшего изложения нам потребуется несколько вспомогательных рабочих терминов.

Т р и в и а л ь н о е и н е т р и в и а л ь н о е склонение

Противопоставление тривиального и нетривиального склонений, вообще говоря, актуально для всех русских существительных; но здесь мы, в соответствии с задачей настоящей работы, ограничимся его определением для слов мужского рода.

Т р и в и а л ь н ы м склонением для слов мужского рода¹² (не только односложных) мы будем называть образование неисходных словоформ, обладающее одновременно следующими свойствами: 1) отсутствие чередований в основе (не считая, разумеется, автоматических смягчений перед *-e*); 2) схема ударения *a*; 3) отсутствие Π_2 на *-ý*, *-ó*; 4) мн. число с именительным на *-ы*, *-и*. Примеры: *огорód*, *спор*, *нер*.

Соответственно склонение, у которого отсутствует хотя бы одно из этих четырех свойств, мы будем называть и н е т р и в и а л ь н ы м. Примеры: *подáрок*, *кашель* (чередование в основе); *стол*, *дар* (схема ударения не *a*); *сок*, *быт* (Π_2 в *сокý*, *в быту*); *брат*, *клин* (И. мн. не

¹⁰ См.: Дыбо В. А. О фразовых модификациях ударения в праславянском.—«Советское славяноведение», 1971, № 6, с. 77—80.

¹¹ Норму здесь составляет схема *c*; схема *e* представлена лишь в замкнутой группе слов, задаваемых списком (см., например: Зализняк А. А. Указ. соч., с. 158).

¹² Здесь и везде далее подразумевается: «кроме слов мужского рода, склоняющихся по образцу других родов (например *мужчина*, *городишко*), а также неизменяемых».

на *-ы*, *-и*); *сон*, *кусок*, *сад*, *кол*, *снег* (несколько указанных свойств одновременно).

Противопоставление «тривиального» и «нетривиального» может быть применено также к ударению: тривиальное ударение — схема *a*, нетривиальное ударение — любая другая схема.

Помимо слов определено тривиального и определено нетривиального склонений, существует, однако, группа неопределенных слов: это *singularia tantum* без чередований и без Π_2 на *-У*, *-Ю*, имеющие наосновное ударение в ед. числе. Примеры: *кор*, *лай*, *блат* (неопределенность возникает здесь из-за отсутствия мн. числа, которое могло бы быть как тривиального, так и нетривиального типа).

Из рассматриваемых 1500 односложных слов мужского рода к нетривиальному склонению относится по литературной норме около 380, а с учетом ненормативного ударения — около 450. Неопределенных *singularia tantum* — около 250. Остальные слова относятся к тривиальному склонению.

Противопоставление привычного и чуждого

§ 5. Это противопоставление носит не общеязыковой, а индивидуальный характер: для данного носителя языка некоторое слово может быть привычным (освоенным, «своим») или чуждым (ранее не слышанным или слышанным редко, непривычным, неосвоенным). Таким образом, речь здесь идет о некотором внеязыковом, pragmatischem (а не собственно языковом) различии. Соответственно мы будем ниже называть влияние этого различия на акцентуацию или на иные характеристики слова pragmatischen faktorom.

Привычными для взрослого носителя языка являются слова повседневной обиходной лексики, названия предметов, связанных с его профессиональной деятельностью, слова, специфические для его микропролетариата или ограниченной среды (прозвища, «семейные слова» и т. п. и в максимальной степени — слова жаргона или арго). Чуждыми являются, в частности, названия предметов из жизни других стран или прошлых эпох, термины незнакомых данному человеку профессий, слова чужих микропролетариатов, для большинства носителей языка — также все слова возвышенно-книжного и архаизирующего стиля. Чуждым для данного человека является также всякое слово, которое он только что узнал. Однако период «освоения» слова может быть весьма различным по длительности; в частности, в тех случаях, когда привычность некоторого слова (например профессионального, арготического, «элитного») связана в глазах человека с престижем, он обычно стремится (бессознательно или даже сознательно) сократить до минимума период «освоения» такого слова.

Разумеется, между полной чуждостью и полной привычностью имеются различные промежуточные случаи. Поскольку, однако, едва ли возможно объективно оценить эту градацию, мы удовлетворимся констатацией данного противопоставления в ярко выраженных, полярных случаях. Существенно прежде всего то, чтобы данное праг-

матическое противопоставление было вообще учтено в лингвистическом анализе (хотя бы и с вынужденно приблизительными оценками), поскольку оно играет очень важную роль при выборе акцентуации слова.

Таким образом, разделение слов на привычные и чуждые индивидуально для каждого носителя языка и, кроме того, меняется в ходе его жизни.

З а м е ч а н и е. Близкую проблему составляет рост числа освоенных слов у ребенка. Поскольку, однако, в этой проблеме есть ряд специфических аспектов, которые нас здесь не интересуют, мы исключаем ее из рассмотрения. Далее имеются в виду только люди, которые уже вполне овладели языком (в частности усвоили всю лексику, требуемую обычными условиями их жизни).

Слова языка можно делить (по крайней мере, теоретически, поскольку практически это чрезвычайно трудная задача) на группы в зависимости от того, для сколь большой части носителей языка они являются привычными. Так называемые общеупотребительные слова привычны почти для всех взрослых носителей языка. Большинство составляют, однако, слова, каждое из которых привычно только для какой-то части носителей языка (иногда весьма незначительной).

Среди этих необщеупотребительных слов можно выделить некоторое количество таких, которые известны почти всем взрослым носителям языка (хотя и не являются для большинства из них привычными). Таким образом, теоретически можно различать следующие концентры слов: 1) общеупотребительные (например *хлеб, глаз, гром*); 2) общеизвестные (из необщеупотребительных сюда входят, например, *болт, тёс, фрак*); 3) весь лексический состав (из необщезвестных сюда входят, например, *ших, хорт, гарп*).

Второму концентру (т. е. совокупности общеизвестных слов) приблизительно соответствует словарь Ожегова. Из рассматриваемых односложных слов в него входит около 900¹³. Удовлетворительного приближения к первому концентру в русской лексикографии, по-видимому, нет.

Старые и поздние слова

§ 6. Для рассматриваемой проблемы существенно также различать старые слова (т. е. исконные слова и древние заимствования) и поздние (т. е. заимствования более поздней эпохи и новообразования). Разумеется, хронологическая граница между ними может быть только условной и должна выбираться по-разному в зависимости от цели исследования. Для настоящей работы оказалось целесообразным принять за условный рубеж начало XVII в., т. е. время, когда становится достаточно интенсивным приток заимствований из

¹³ Данные по «Обратному словарю русского языка» (в котором отражено 4-е издание «Словаря русского языка» С. И. Ожегова. М., 1960).

западноевропейских языков (в допетровское время еще преимущественно через польское посредство).

З а м е ч а н и е. Все отлагольные имена (например *визз*, *тол*, *жим*, *жом*, *свал*) ведут себя в интересующем нас отношении как старые слова (хотя в действительности некоторую небольшую их часть, по-видимому, составляют новообразования). Условимся поэтому все такие слова относить к числу старых (тем более, что точно установить, какие из них являются новообразованиями, почти невозможно).

Из рассматриваемых 1500 односложных слов бесспорно поздних около 700. У некоторого (сравнительно небольшого) числа слов «возраст» неизвестен.

РАЗДЕЛ II. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 7. Настоящая работа содержит некоторую гипотезу о языковом механизме, приписывающем в современном русском языке определенную акцентуацию односложным словам мужского рода (или, что по существу то же самое, представляет собой модель такого механизма). В настоящем разделе (§7—14) излагаются основные положения этой гипотезы. Разбор материала, подтверждающего эти положения, и совокупность всех правил в полной форме содержатся в дальнейших частях работы.

Факторы, влияющие на акцентуацию (как, впрочем, и на любую другую характеристику) конкретного слова, прежде всего можно разделить на следующие два класса: 1) синхронические закономерности, действующие в настоящее время в языке; 2) фактор исторической преемственности (требующий сохранения той акцентуации, которая была в речи предшествующего поколения). Рассмотрим последовательно эти два класса факторов.

ИЕРАРХИЯ СИНХРОНИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Как уже указано выше (§ 2), синхронические закономерности могут требовать для слова рассматриваемой группы только одной из трех схем ударения: *a*, *b*, *c*. На выбор между этими схемами ударения влияют следующие типы факторов: 1) собственно языковые факторы — морфонологический (число словов и место ударения в исходной словоформе, характер конечной согласной или вообще конечной части основы, беглость или небеглость гласной в основе), морфологический (наличие определенных суффиксов и др.) и семантический; 2) pragmaticеский фактор — привычность или чуждость слова для данного носителя языка.

Соответствующие конкретные правила образуют довольно сложную иерархию. Ниже указан общий характер этих правил (правила перечисляются в порядке их применения). Только три самых общих и важных правила (условно названных «принципами») приведены непосредственно.

ПРАВИЛА, ОВЩИЕ ДЛЯ ВСЕХ СЛОВ МУЖСКОГО РОДА

Действие собственно языковых факторов

§ 8. Принцип I («исходный акцентно-слоговой принцип»).

У существительных мужского рода:

- схема ударения *a* возможна при любом месте ударения в исходной словоформе (например *каторжник*, *автобус*, *паровоз*, *спор*);
- схема ударения *b* возможна только при конечном ударении в исходной словоформе¹⁴ (например *карандаш*, *чугун*, *стол*);
- схема ударения *c* возможна только при начальном ударении в исходной словоформе¹⁵ (например *кблокол*, *мастер*, *бал*).

Далее действует несколько более частных правил: морфонологическое (о беглой гласной в основе), морфологическое (о наличии определенных суффиксов, о сложных словах, об отглагольных именах с приставками, об аббревиатурах), семантическое (о названиях национальностей). Они предписывают определенной части слов схему ударения *a* или *b* (или, по крайней мере, ограничивают выбор схемы ударения).

Действие прагматического фактора

§ 9. Дальнейшие правила относятся только к словам, акцентуация которых еще не определена однозначно правилами § 8.

Принцип II. Противопоставление чуждого и привычного внешне выражается противопоставлением тривиального и нетривиального склонений:

- чуждому соответствует тривиальное склонение;
- привычному соответствует нетривиальное склонение¹⁶.

Поскольку противопоставление чуждого и привычного индивидуально, его эффект также индивидуален. Так, для многих слов возникает противопоставление: нетривиальное склонение в речи профессионалов (например *шприцы*, *массажи*, *трюма*, *боцмана*) — тривиальное склонение в речи остальных носителей языка (*шприцы*, *масажи*, *трюмы*, *боцманы*).

Основным продуктивным способом реализации принципа II¹⁶ является нетривиальное ударение, точнее, две его схемы: *b* и *c*¹⁷. Об-

¹⁴ У двусложных слов (не на -ок, -ец) с беглой гласной также при начальном ударении (например *ыгорь*).

¹⁵ У трехсложных слов на -ор, -ер, -ель также при срединном ударении (например *профессор*).

¹⁶ В дальнейшем первая часть этого утверждения может быть также названа «принципом II_a», вторая — «принципом II_b»; аналогично и с принципом III, приводимым ниже.

¹⁷ Дело в том, что почти все слова с беглой гласной, а также слова на -анин, -янин получают однозначную акцентуацию уже в силу § 8; мн. число на -ья непродуктивно (равно как схемы ударения *d*, *e*, *f*); мн. число на -а, -я хотя и продуктивно, но выступает только в сочетании с нетривиальным ударением (схемой *c*); как факультативный сопутствующий эффект схемы *c* обычно выступает и II_a на -ы, -ю.

щей особенностью, отличающей их от тривиального ударения, является флексионное ударение в множественном числе: *столы*, *шприцы*, *карандаши*, *балы*, *трюмы*, *боцманы* и т. д. Таким образом, у существительных мужского рода именно эта акцентационная особенность оказывается основным и наиболее универсальным способом выражения привычности слова.

Что касается ударения в ед. числе, то здесь между односложными и неодносложными имеется существенное различие. Из принципа I вытекает, что у неодносложного слова¹⁸ в принципе возможно не более одной нетривиальной акцентуации (из числа продуктивных схем ударения), а именно, схема *b* для конечноударных, схема *c* для начальноударных. Таким образом, если неодносложное слово получает (в языке в целом или в индивидуальной речи) нетривиальную акцентуацию, то его ударение в ед. числе однозначно предопределено: Р. ед. *карандашá*, *чугунá*, *массажá* (если у данного говорящего это слово перешло в нетривиальное склонение), но *кóлокола*, *мáстера*, *бóцмана*.

Иначе у односложных слов: здесь в принципе возможны две различные нетривиальные акцентуации (схемы *b* и *c*), поскольку такое слово является одновременно конечноударным и начальноударным. Таким образом, если односложное слово получает (в языке в целом или в индивидуальной речи) нетривиальную акцентуацию, то его ударение в ед. числе самим этим фактом еще однозначно не предопределено: ср., например, *болтá*, но *бáла* (при одинаковом *болтý*, *балý*). Односложные слова нетривиального склонения имеют, таким образом, как бы одну лишнюю «степень свободы» по сравнению с неодносложными: свободу выбора наосновного или флексионного ударения в ед. числе. Этот выбор совершается по правилам, излагаемым ниже.

ПРАВИЛА, СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ДЛЯ ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ

§ 10. Приводимые правила относятся только к тому, что еще не определилось однозначно в § 8—9, а именно, к ударению ед. числа подавляющего большинства односложных слов нетривиального склонения¹⁹ (а также неопределенных *singularia tantum*).

Прицип III. Ударение в ед. числе у таких односложных слов зависит от значения слова. Опуская частности, основной принцип этой зависимости можно выразить так:

а) названия предметов, не поддающихся счету («неписчимых»), имеют в ед. числе наосновное ударение; ср. Р. ед. *чáя*, *лóда*, *бéга*, *гнéва*;

б) названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), имеют в ед. числе флексионное ударение; ср. Р. ед. *ножá*, *китá*, *попá*.

¹⁸ Кроме двусложных начальноударных слов с беглой гласной (типа *кашель*, *вéтер*, *у́горь*).

¹⁹ Для небольшой части односложных слов нетривиального склонения (например *день*, *ткач*) схема ударения уже установлена правилами § 8.

Слова второй группы предполагают как качественную, так и количественную определенность соответствующих предметов (так, несколько ножей — это уже «ножи», а не «нож»; часть ножа не есть «нож»), слова первой группы — только качественную определенность (так, часть чая или большее количество чая есть тоже «чай»²⁰). Соответственно у слов второй группы мн. число употребляется совершенно свободно и не требует каких-либо изменений основного значения слова (*ножи́, киты́, попы́*), тогда как у слов первой группы мн. число, если оно вообще употребляется, требует того или иного сдвига основного значения слова в сторону конкретизации (как, например, при обозначении сортов вещества, отдельных актов какой-либо деятельности, проявлений некоторого состояния и т. п.).

У слов второй группы со словами *мнóго*, *мáло* сочетается только словоформа Р. мн.: *мнóго (мáло) ножéй* (невозможно **мнóго ножá*, если не пытаться «переосмыслить» нож, например, как материал). У слов первой группы со словами *мнóго*, *мáло* может сочетаться и Р. ед.: *мнóго (мáло) чáя*. Это свойство можно использовать для проверки слова на «исчисляемость» (к сожалению, неформальной и потому не всегда однозначной).

Следует подчеркнуть, что принадлежность слова к первой или второй группе не полностью определяется характером соответствующего предмета. Во многих случаях один и тот же по существу предмет действительности может быть назван словом первой или второй группы; ср., например, *люд* и *люди*. Части также межъязыковые различия подобного рода; так, русское слово *фасоль* относится к неисчисляемым, а его французский эквивалент *haricot* — к исчисляемым (например, *haricots cuits* = варёная фасоль); русское слово *боб* относится к исчисляемым, а белорусское *боб* — к неисчисляемым (например, белор. *градá бóбú* = грядка бобов). Поэтому, строго говоря, термины «исчисляемый» и «неисчисляемый» следует применять не к предметам, а к словам (или отдельным значениям слова).

З а м е ч а н и е. Поскольку слова тривиального склонения независимо от их значения имеют наосновное ударение, принцип III^a фактически действителен для всех односложных слов (кроме имеющих схему *b* по правилам § 8, типа *день*, *ткач*). По той же причине принцип III^b, напротив, действителен только для односложных слов нетривиального склонения (что касается *singularia tantum*, то понятно, что все они относятся к неисчисляемым и поэтому к принципу III^b отношения не имеют²¹).

§ 11. Трудность составляют слова (довольно многочисленные), у которых имеются как исчисляемое, так и неисчисляемое значения. Акцентуация таких слов, как правило, едина при всех значениях, а именно она определяется основным значением слова. В связи с этим для некоторых групп многозначных слов возникают свои частные правила, касающиеся ударения (равносильные правилам о том,

²⁰ Ср.: Зализняк А. А. Указ. соч., с. 58.

²¹ Немногочисленные *singularia tantum* схемы *b* (см. § 2, сноска 7) представляют собой не что иное, как исключения из принципа III^a.

какое из нескольких значений слова считать основным). Важнейшие из них — правила о наосновном ударении в ед. числе у названий абстрактных понятий²², пространств, помещений, больших вместеилищ. Подобные частные правила обычно не противоречат принципу III (а лишь указывают, к какому из значений многозначного слова он должен быть применен), но в отдельных случаях они все же могут вступать с ним в конфликт (что обычно приводит к непоследовательной или неустойчивой акцентуации, см. § 24).

Таким образом, с практической точки зрения для акцентуации оказывается существенной семантическая классификация, несколько более детальная, чем исходное «грубое» разделение на исчисляемые и неисчисляемые. Эта классификация такова.

1. Семантические группы, которые можно условно обозначить как «сильно склонные к *с*»: названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий, пространств, поверхностей, направлений.

2. Семантические группы, «умеренно склонные к *с*» (т. е. такие, где тенденция к наосновному ударению в ед. числе выражена несколько слабее): названия коллектипов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместеилищ; сюда же попадают термины родства.

3. Семантические группы, «сильно склонные к *б*»: названия исчисляемых материальных предметов (кроме входящих в группу 2) и животных, а также названия лиц по занятию и оценочными.

4. Семантические группы, «умеренно склонные к *б*»: названия гор, груд, отверстий, фигур, начертательных знаков, монет.

5. «Семантически нейтральные» — несколько маленьких групп старых слов, которые в силу своей большой употребительности устойчиво сохраняют древнее ударение и тем самым оказываются как бы вне сферы действия принципа III (таковы названия частей тела, названия лиц, не входящие в группы 2 и 3, и несколько других слов).

Группы 1 и 2 могут быть вместе названы «склонными к *с*», группы 3 и 4 — «склонными к *б*».

Замечание. Наше изложение построено здесь дедуктивно — от общего принципа III к тому, как он реализуется в частных семантических группах. Разумеется, с точки зрения исследователя картина предстает в обратном порядке: непосредственно наблюдаемый факт состоит лишь в том, что в одних семантических группах существительных имеется тенденция к схеме *с*, в других — к схеме *б* (точнее, что они делятся в этом отношении на указанные выше 5 классов). Принцип III — это гипотеза относительно того, что является основным семантическим «стержнем» данного разделения.

Итак, в русском языке та лишняя «степень свободы» (в акцентационном отношении), которой обладают односложные существительные мужского рода по сравнению с неодносложными, оказалась

²² Здесь и далее мы используем этот довольно расплывчатый термин как обобщенное обозначение для названий действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации, единиц измерения, частей целого.

использованной для выражения некоторого семантического противопоставления (а именно противопоставления по исчисляемости — неисчисляемости). У неодносложных существительных нет возможности свободного противопоставления схем *b* и *c* при одинаковой морфонологической структуре²³. Соответственно семантическое противопоставление здесь не могло развиться; ср., например, одинаковость ударения в паре *мастэр* и *клéвер* (Р. ед. *мастера*, *клéвера*, И. мн. *мастэрá*, *клеверá*) или в паре *кошель* и *кисель* (Р. ед. *кошел́я*, *киселя*) и т. п.

§ 12. Помимо семантического фактора, на ударение некоторой части односложных слов оказывают влияние также морфологический и морфонологический факторы.

Морфологическое правило состоит в том, что бессуффиксальные отглагольные имена мужского рода почти всегда имеют на основное ударение в ед. числе.

Морфонологическое правило состоит в том, что односложные слова мужского рода, оканчивающиеся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*», обнаруживают склонность к схеме ударения *b*.

Оба эти фактора играют, однако, лишь второстепенную роль: во-первых, каждый из них затрагивает лишь меньшинство односложных слов мужского рода; во-вторых, приведенные правила реализуются, за очень немногими исключениями, только там, где это не приводит к прямому конфликту с принципом III, т. е. в сфере слов, «склонных к *b*» и «семантически нейтральных».

СИНХРОНИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

§ 13. Для каждого односложного слова²⁴, для которого заданы внешний вид, морфологическая структура и значение, а также степень привычности для рассматриваемого носителя языка, описанные выше синхронические правила требуют вполне определенной схемы ударения (в речи данного человека). У слова, свободного от фактора исторической преемственности, это требование реализуется беспрепятственно. Например, жаргонное слово *xip*, возникшее всего несколько лет назад (как результат морфонологической русификации слова *xíppi*, заимствованного тоже очень недавно), сразу же получило в речи тех, кто его часто употребляет, схему ударения *b* (требуемую правилами): *xipá*, *xipý*.

У старого слова акцентуация, ожидаемая на основе синхронических закономерностей, может совпадать или не совпадать с традиционной. Для русского языка сама возможность такого несовпадения

²³ Исключение составляют только двусложные начальноударные существительные с беглой гласной (типа *кашель*, *вéтер*, *úгорь*); у них такая возможность есть и соответственно обнаруживается тенденция к тому же семантическому противопоставлению, что у односложных (см. § 43).

²⁴ Если не считать небольшой группы «семантически нейтральных».

обусловлена тем, что ныне действующие синхронические закономерности сформировались, с исторической точки зрения, относительно поздно: во всяком случае в древнерусском языке они еще отсутствуют (или, по крайней мере, находятся лишь в зачаточном состоянии).

Если акцентуация, ожидаемая на основе синхронических закономерностей, совпадает с традиционной, разумеется, никаких изменений не происходит. Если же такого совпадения нет, возникает конфликт, результаты которого (в некоторый момент истории языка) могут быть различными: сохранение старого ударения, колебания ударения (компромиссный вариант) или победа нового ударения.

С диахронической точки зрения, у многих слов эти три результата составляют три разные фазы акцентуационной эволюции слова (сменяющие друг друга именно в указанной здесь последовательности). Таким образом, с течением времени число слов, сменивших старое ударение на новое, постепенно возрастает. Наиболее употребительные слова, как правило, наиболее устойчиво сохраняют старое ударение (как и любые другие архаичные черты); ср. выше об акцентуации названий частей тела.

Сравнение современной акцентуации односложных слов мужского рода с их прежней акцентуацией (в тех рамках, в которых это допускает современное состояние наших знаний о прежней акцентуации русских слов) дает чрезвычайно показательные результаты, а именно: 1) почти все исключения из нынешних синхронических правил акцентуации — это старые слова, сохранившие свое древнее ударение; поздние слова подчиняются этим правилам почти без исключений (поскольку в этом случае нет традиционной акцентуации, которая могла бы оказывать этим правилам сопротивление); 2) почти во всех надежно установленных случаях индивидуальной смены ударения при переходе от древнерусского состояния к современному изменение направлено от ударения, противоречащего нынешним синхроническим правилам, к тому, которое ему соответствует.

Для иллюстрации этих положений приведем здесь некоторую часть материала, относящегося к вопросу об ударении ед. числа.

Наиболее показательные исключения из нынешних синхронических правил об ударении ед. числа — это слова, которые противоречат одновременно семантическим и морфонологическим правилам. Таковы: а) слова, «сильно склонные к *с*», причем не оканчивающиеся на *щ* или на согласную + *т*, которые тем не менее имеют устойчивое флексионное ударение (таковы только *скот*, *вред*, *грех*, *стыд*, *суд*, *труд*, *ум*, *путь*); б) слова, «сильно склонные к *б*», которые тем не менее имеют устойчивое наосновное ударение в ед. числе (таковы только *плуг*, *стул*, *зверь*); ср. § 42, комментарии к таблице 1. Прoverка показывает, что, во-первых, все эти 11 слов — старые, во-вторых, все они имели в прошлом (а именно в древнерусском или, по крайней мере, в так называемом «старорусском», т. е. в XVI—XVII вв.) такое же ударение ед. числа, как и теперь. Например, слово *скот* относилось к акцентной парадигме *б*, *плуг* — *а*, *зверь* — *с*.

Таким образом, мы просто имеем здесь дело со словами, которые в силу своей большой употребительности пока еще сохраняют свое старое ударение в борьбе с новыми принципами акцентуации.

Укажем теперь важнейшие случаи индивидуальной смены акцентуации в ходе истории. Значительная группа старых слов, «склонных к *с*» и имеющих теперь, в полном соответствии с нынешними семантическими правилами об акцентуации, наосновное ударение в ед. числе (при нетривиальном склонении), в прошлом имела в ед. числе флексионное или, по крайней мере, колеблющееся ударение. Так, флексионное ударение было единственным или основным, в частности, для слов *блуд*²⁵, *бой*, *верх*, *зад*, *пай*, *рай*, *Рим*, *рой*, *сад*, *таз*, *торг*, *харч*, *хлев*, *час*. Флексионное ударение в ед. числе (наряду с более частым наосновным) встречалось также у слов *гон*, *гроб*, *гром*, *край*, *пол* «половина», *пол* «настил», *смех*, *стог*, *страх*, *ход*. На основании косвенных данных к числу слов, когда-то имевших хотя бы факультативное флексионное ударение, по-видимому, можно отнести также *воск*, *дёрн*, *корм*, *кров*, *лов*, *под*, *слой*, *тёрн*, *хмель*.

С другой стороны, группа старых слов, «склонных к *б*» и имеющих теперь, в соответствии с нынешними правилами, флексионное ударение в ед. числе, в прошлом имела наосновное ударение в ед. числе. Сюда относятся слова *аз*, *гвоздь*, *жук*, *кит*, *куст*, *лист*, *прут*, *сук*, *цеп*, *чёлн*, *червь*, *шар* (бильярдный), *шут*, вероятно, также *линь*, *лунь*, *хорь*, *шмель*, *язь*. У слов *груздь*, *кий*, *клок*, *крюк*, *пук* переход от наосновного ударения ед. числа к флексионному не совсем закончился и сейчас, а у слов *вор*, *волк*, *гусь*, *лось* он происходит на наших глазах.

Между тем противоположно направленных переходов среди старых слов нетривиального склонения, «сильно склонных» к *б* или *с* (т. е. прямо подпадающих под действие принципа III), нет совсем; и даже среди «умеренно склонных» к *б* или *с* имеется всего один такой пример: *скит*, *скитá* (хотя изредка также и *скýта*) при древней акцентной парадигме *а*.

Приведем также наиболее показательные примеры из числа поздних слов, успевших перейти (хотя бы в разговорной или профессиональной речи) в нетривиальное склонение. В соответствии с нынешними семантическими правилами об акцентуации, слова, «склонные к *б*», получили здесь флексионное ударение в ед. числе; примеры: *бант*, *болт*, *буж*, *бунт* «связка, кипа», *винг*, *герб*, *грош*, *зонт*, *ксёндз*, *линь* «веревка», *паж*, *туз*, *шарф*, *шнур*, *шпур*, *штриг*, *штык*, *штырь*. Напротив, слова, «склонные к *с*», сохраняют наосновное ударение ед. числа даже после того, как их мн. число получило (в силу принципа II) флексионное ударение; примеры: *бал*, *бас*, *бунт* «мятеж», *спирт*, *сорт*, *суп*, *тон*, *торф*, *трюм*, *флот*, *флюс*, *фронт*, *хор*, *цех*, *шкаф*, *штаб*, *шторм*, *штраф*. Более полные списки слов см. в § 30—40.

²⁵ У этого слова в XVI—XVII веках представлено последовательное флексионное ударение, однако в Чудовском Новом Завете (XIV век) — подвильное ударение. Характер соотношения между этими двумя акцентуациями не совсем ясен.

Современная картина акцентуации односложных существительных мужского рода представляет собой, таким образом, результат взаимного наложения двух разных систем: старой — древнерусской, восходящей, в свою очередь, к общеславянской (где акцентные парадигмы были определенным образом соотнесены с интонационной системой), и новой — характеризуемой синхроническими закономерностями, описанными выше. Каждая из них внутренне последовательна; но результат их наложения, разумеется, не может быть последовательным: он содержит ряд исключений как с точки зрения первой, так и с точки зрения второй системы.

§ 14. Из сформулированных выше трех основных принципов, определяющих акцентуацию русских существительных мужского рода, принцип I общезвестен.

Принцип II представляет собой попытку обобщения ряда частных синхронических и диахронических фактов (в большинстве случаев достаточно известных), относящихся к склонению и акцентуации русских существительных. Заметим, что сама идея связи между акцентуацией некоторых групп слов и их стилистической окраской, степенью «профессиональности» и другими подобными факторами уже высказывалась в той или иной форме в различных работах²⁶. Принцип II можно рассматривать как результат развития и конкретизации этой идеи и ее последовательного применения к более широкой совокупности слов.

Принцип III, несмотря на его важность, в литературе по русской акцентологии остался почти незамеченным. О нем нет никакого упоминания ни в книге Р. Нахтигаля²⁷, ни в монографиях последнего времени²⁸. Весьма показателен в этом отношении основной тезис

²⁶ В частности, В. Кипарский связывает переход слов *бес*, *дух*, *клад*, *стан*, *тать* и ряда других к неподвижному ударению на основе с тем, что они «употребляются теперь сравнительно редко и только в современном «высоком штиле»» (Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 109). С другой стороны, переход к флексионному и подвижному ударению «соответствует в огромном большинстве случаев понижению стилистического достоинства слова, и поэтому следует предполагать, что он происходит сперва в т. н. «просторечии»» (там же, с. 110); ср. также цитаты из Н. С. Трубецкого и из В. Кипарского, приведенные в § 21. В синхроническом аспекте из явлений рассматриваемого типа наиболее полно изучено распространение подвижного ударения (схема с) И. мн. на -á (*Beau lieux* L. L'extension du pluriel masculin en -á, -ái en russe moderne. «Mémoires de la Société de linguistique de Paris», 1913, vol. 18, № 3; Фидровская А. С. Имена существительные с формами на -á в именительном падеже множественного числа. Казань, 1961; Иванова Т. А. Именительный множественного на -á (родá, генорá, госпиталá) в современном русском языке.— В кн.: Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967; Зализняк А. А. Указ. соч., с. 225—226).

²⁷ Nachtigall R. Akzentbewegung in russischen Formen- und Wortbildung. I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.

²⁸ Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I; Кипарский В. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache;

В. Кипарского, который в терминах, принятых в настоящей работе, можно сформулировать как тенденцию к следующей смене схем ударения в ходе истории: $a \rightarrow e \rightarrow c \rightarrow b \rightarrow f$ ²⁹. Схема *b* стоит здесь на один шаг дальше в цепи изменений, чем схема *c*; в действительности же схемы *b* и *c* представляют собой конечные этапы развития соответственно для исчисляемых и неисчисляемых.

Вообще, если не считать общепризнанного тезиса о тенденции русских существительных к акцентному противопоставлению чисел (*вино — вина, место — места, игра — игры, мастер — мастер* и т. п.), сам факт наличия какой бы то ни было регулярной связи между акцентуацией и семантикой признается лишь в очень немногих работах по акцентологии. Так, важное (хотя и беглое) замечание на эту тему есть у А. А. Шахматова: «Отмечу еще, что все слова мужского рода с отвлеченным значением не имеют вообще ударения на окончаниях: *верх, задор, отпор* и т. п., напротив, все слова с ударением на окончаниях имеют конкретное значение: *табак, столб, поп, конец* (кроме слов на *-ёж*)»³⁰. Идею связи между акцентуацией словоформ и их грамматическим значением последовательно проводит в своих работах Т. Г. Хазагеров. В своем диахроническом анализе русской именной акцентуации он отмечает ряд фактов, являющихся, с на-

Шелюто Г. А. Русское ударение. Ужгород, 1962; Редькин В. А. Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971; Колесов В. В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972; Olech nowicz M. Teoretyczne zasady dystrybucji rosyjskiego akcentu wyrazowego. Łódź, 1974. Заметим, что ссылки на семантику в связи с акцентуацией отдельных слов встречаются в различных работах довольно часто; они не соотносятся, однако, с принципом III, а иногда и прямо ему противоречат. Например, С. П. Обнорский приводит следующий пример семантической дифференциации ударения (см.: Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. Л., 1927, с. 247): Р. ед. *дуба* в обычном, единичном значении, но *дуба* (диалектное) в собирательном значении. (В действительности, если этот пример вообще надежен, мы имеем здесь дело с диалектной системой, резко отличной от литературного языка). Особо следует отметить гипотезу Р. Нахтигала (Op. cit. S. 256) о древнем противопоставлении *potina acti* типа *плот, стол* (окситонированных) и *potina agentis* типа *вор, мот, трус* (с подвижным ударением). Даже если эта гипотеза верна (что в настоящее время, конечно, никак нельзя считать доказанным), это противопоставление может быть хронологически отнесено только к праславянскому периоду; сам Р. Нахтигаль говорит о том, что впоследствии оно перестало быть живым и затемнилось.

²⁹ Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache, S. 92.

³⁰ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, 4-е изд. М., 1941, с. 129. Впрочем, существо дела отражено здесь несколько неточно: во-первых, как видно по примеру *табак*, неисчисляемые названия веществ отнесены в один класс со словами типа *стол*, *поп*, во-вторых, все утверждение необходимо ограничить лишь односложными существительными, иначе опо слишком сильно расходится с фактами, ср., например, *кавардак*, *курáж*, *шантáж* и т. п. (схема *b*), не говоря уже о суффиксальных существительных типа *смешóк*, *столбíйк*, *багréц* (ср. также неодносложные названия веществ и материалов типа *кумáч*, *миндáль*, *мышáк*, *потáш*, *ячмéнь* и т. п.).

шей точки зрения, частным проявлением принципа III, но дает им несколько иную интерпретацию³¹. Отметим, кроме того, одну работу, посвященную не русскому, а белорусскому языку (который в рассматриваемом отношении в главных чертах сходен с русским), а именно статью Н. П. Лобана³²; в этой статье в разделе о словах мужского рода мы находим прямую констатацию синхронической связи между акцентуацией слова и семантическим противопоставлением «конкретные единичные предметы — вещества, собирательные и абстрактные понятия».

К сожалению, в настоящей статье мы не имеем возможности представить весь тот материал, на котором основаны утверждения, изложенные в § 8—13. Поэтому ниже подробно разобран только материал, относящийся к действию принципа III, причем лишь в синхроническом аспекте, т. е. в рамках современного русского языка. Из материала, относящегося к действию принципов II и I, приведены только примеры. Диахронический аспект проблемы не разбирается вообще.

РАЗДЕЛ III. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Особые группы односложных слов мужского рода

§ 15. Для того чтобы правильно оценить действие принципов II и III, которые интересуют нас более всего, необходимо вначале отделить те группы односложных слов, акцентуация которых опреде-

³¹ По Т. Г. Хазагерову, слова, перешедшие в ходе истории к наоснбновному ударению в ед. числе,— это в основном обозначения отвлеченных понятий (называны только *блуд*, *час*, *рай*, *верх*— см.: Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973, с. 87); с другой стороны, среди слов, получивших флексионное ударение, «подавляющее большинство... составляют *nomina agentis*, а также названия орудий или инструментов (орудие может легко рассматриваться как «одушевленный выполнитель действия»...). Для таких имен, по-видимому, актуально противопоставление словоформы именительного падежа словоформе винительного и словоформам косвенных падежей (как средство противопоставления субъекта — несубъекту)» (там же, с. 86; ср. также: Хазагеров Т. Г. Ударение как средство дифференциации грамматических форм.— «Вопросы языкознания», 1973, № 4, с. 104). Это объяснение содержит, с нашей точки зрения, существенные недоработки. Прежде всего то, что Т. Г. Хазагеров называет *nomina agentis*, как видно из его же списков, фактически на $\frac{2}{3}$ состоит из названий животных, т. е. правильнее здесь говорить просто об одушевленных. Но, как известно, в русском языке важнейшим и очень «чувствительным» выражителем одушевленности является форма винительного падежа. Если бы названия орудий в самом деле семантически примкнули в русском языке к одушевленным, это прежде всего выразилось бы у них в совпадении винительного падежа с родительным (**взял книгу* и т. п.), чего в действительности нет. Кроме того, уж никак нельзя подвести под рубрику орудий и инструментов, например, такие слова, перешедшие в ходе истории в схему *b*, как *аз*, *бант*, *герб*, *грош*, *куст*, *лист*, *сук*, *тюк*. В то же время эти слова очевидным образом объединяются с названиями лиц, животных, орудий и инструментов по признаку исчисляемости.

³² См.: Лобан Н. П. Націск у назоуніках з невытворнай асновай у сучаснай беларускай літаратурнай мове.— «Працы Інстітута моваазнаўства», вып. IV. Минск, 1957.

ляется другими факторами, действующими в иерархии факторов прежде принципов II и III. Таковы односложные существительные, подпадающие под правила, общие для всех существительных мужского рода (кроме принципа II).

Ниже излагаются сами эти правила. Поскольку они касаются не только односложных слов, мы коротко рассматриваем здесь и неодносложные слова (чтобы не искажать общую картину). Эффект этих правил именно для односложных слов описан в § 19.

Набор принципиально возможных для данного слова продуктивных схем ударения определяется принципом I (§ 8). Кроме того, имеется ряд более частных правил, которые для определенных групп слов предписывают какую-то одну из схем ударения, входящих в этот набор. Эти правила применяются в указанном ниже порядке.

Правила для слов с беглой гласной

§ 16. Из слов с беглой гласной:

- 1) слова с конечным ударением ³³ относятся к схеме *b*, например *мологóк, ковёр, сон* (исключения: *заём, наём* — схема *a*);
- 2) слова с безударными суффиксами *-ок, -ец* (а также любые слова со срединным ударением) относятся к схеме *a*, например *кубóк, подáрок, гóрец, молéбен*.

Замечание. Таким образом, из слов с беглой гласной не покрываются данным правилом только начальноударные слова без суффиксов *-ок, -ец*, например *вéтер, югóрь, стéбель, грéбень, прóмысел*. У них выбор схемы ударения не предопределен однозначно ударением в исходной словоформе.

Правила для прочих слов

Морфологические правила

§ 17. Правила о словах, содержащих суффикс ³⁴:

- 1) слова с конечным ударением, содержащие суффиксы: *-йк, -овáйк, -нýк, -щýк, (-чýк), -ák, -нýк, -чák, -ўк, -чўк, -ўг, -ўх, -ўх; -áч, -йч, -áш, -йш, -бж, -éц; -үн, -árь, -ýрь, -álъ* — относятся к схеме *b*, например *стáйк, рыбáк, торгáш, чтец, лгун, бунтárь* (исключения: *полáк, пруссáк, австрiйк, краковáк, сайгák, юнáк, господáрь* — схема *a*; о первых трех из них см. также ниже, § 18);

- 2) слова с конечным ударением, содержащие суффиксы: *-йст, -ант, (-éнт), -óр, -ér, -ионéр, -át, -йт, -йн* (в названиях веществ), *-бл, -áд, -йзм, -итéт, -ál, -бз; -йн* (в названиях национальностей),

³³ Здесь и далее в подобных случаях имеется в виду: в исходной словоформе.

³⁴ В списках суффиксов орфографическое варьирование, соответствующее твердости-мягкости предсуффиксальной согласной, не отмечается.

-áй, -тái, -éй — относятся к схеме *a*, например *турист*, *лимонáд*, *гру́зин*, *лентái*;

3) слова с неконечным ударением, содержащие любые суффиксы, кроме -арь, -ор, -ер, относятся к схеме *a*, например *обмíк*, *мучíтель*, *рýмлянин* (исключение: *учíтель* — схема *c*).

Замечание. Как известно, в русском языке сходно с суффиксами могут влиять на акцентуацию и так называемые финали, т. е. лишенные самостоятельного значения конечные отрезки основы, внешне совпадающие (или хотя бы сходные) с суффиксами, ср., например, принадлежность к схеме *b* таких слов, как *парíк*, *башмáк*, *мундштúк*, *утюг*, *лопúх*, *кумáч*, *карандáш*, *галúн*, *янтарь*, *имбíрь*, *хрустáль*. Но все же влияние финали на акцентуацию далеко не так безусловно, как влияние настоящего суффикса; ср., например, такие слова, как *сердолíк*, *арáк*, *бамбúк*, *патронtáш*, *канúн*, *госудárь*, *фестивáль*, которые относятся (по крайней мере, по литературной норме) к схеме *a*. Таким образом, приведенные здесь правила обязательны только для слов с настоящим суффиксом; наличие сходной финали создает лишь благоприятные условия для появления соответствующей схемы ударения, но окончательный выбор схемы ударения происходит в соответствии с § 9.

Правило о бессуффиксальных отглагольных существительных, содержащих приставку: все такие существительные, имеющие конечное ударение (следовательно, в частности, все односложные), относятся к схеме *a*, например *перенóс*, *прихóд*, *сдвиг*, *взгляд* (исключения: в литературном языке *постáв*, *сбой*, *склад* «слог», в просторечии также *склад* «помещение» и *взвод* «воинское подразделение» относятся к схеме *c*).

Замечание. По мере утраты морфологической разложимости слово выходит из сферы действия данного синхронического правила. В частности, ему уже не подлежат слова *смотр*, *срок счёт*, *слог*, *спор*, *соня*, *прicht* (с исторической точки зрения, содержащие приставки *с-*, *при-*, но синхронически уже неразложимые).

Правило об абревиатурах: абревиатуры всех типов (кроме сохраняющих полностью последнее слово) относятся к схеме *a*, например *вуз*, *загс*, *МХАТ*, *зам*, *псих*, *колхóз*, *партбрóг*, *филфáк*, *прорáб*.

Не подчиняются этому правилу абревиатуры, омонимичные уже существующим словам с нетривиальным ударением (например *куб* «кубометр» — в просторечии схема *c* или *b*, простореч. *винт* «винтовка» — схема *b*). Близкий случай составляет также слово *спец* (схема *b*, устаревш. *a*), в котором финаль *-ец* почти достигла статуса суффикса (поскольку это слово однотипно со словами *четец*, *лжец* и т. д. не только морфонологически, но и семантически). В просторечии встречаются и некоторые другие случаи, когда абревиатурный характер слова оказывается «забытым» и оно подчиняется общим закономерностям (например слова *полигрúк*, *военрúк*, *физрúк* и т. п. в просторечии переходят в схему *b* под влиянием финали *-ук*).

Замечание. Имеется еще одно существенное морфологическое правило, которое, однако, реально применимо только к неодносложным словам, — это правило о принадлежности к схеме *a* большинства типов сложных слов

(например *землекóп*, *вертолёт*, *толстосúм*, *гололёд*, *носорог*, *лисохвост*, *златокrót*, *краснокlóп*), а также некоторых слов особой структуры (*раструб*, *распóн*). В настоящей работе нет необходимости вникать в детали этого довольно сложного правила.

Семантическое правило

§ 18. Названия людей по национальной или географической принадлежности (не содержащие суффиксов, требующих схемы *b*) относятся к схеме *a*, например *казáх*, *киргíз*, *монгóл*, *цыгáн*, *серб*, *чех*, *швед*. Заметим, что этому правилу не противоречат и такие суффиксальные слова, как *армянíн*, *татáрин*, *литóвец* и т. п. (которые получили схему *a* уже в силу § 17).

Вопреки влиянию суффикса, данному правилу подчинились также *полáк*, *пруссáк*, *австрíйк* (схема *a*); ср. обычный эффект суффикса, например, в *сибиряк*, *пермáк*, *москвíч*, *латыш* (схема *b*).

Слова с финалью, благоприятствующей схеме *b* (см. § 17, замечание), в принципе подчиняются данному правилу, например *словáк*, *каракалпáк*, *коряк*, *таджíк*, *кумбíк*, *сельджúк*, *тallysh* (схема *a*). Имеются, однако, исключения и колебания: *ингúш* (схема *b*); *гилáк*, *остяк*, *вотяк*, *кипчáк* (у этой группы слов обычно представлена схема *b*, но иногда встречается и *a*); *калмык*, *чуваши*, *якúт* (все три с колебанием *a//b*); слово *казáк* колеблется между схемами *b* и *d*: Р. ед. *казакá*, но мн. *казакí* и *казáки*.

Из односложных не подчиняется данному правилу только слово *жид* (схема *b*); заметим, однако, что это слово несколько оторвалось от данной семантической группы и, по-видимому, оказалось в зоне притяжения оценочных слов (для которых характерна схема *b*, см. § 39).

Приведенное семантическое правило в действительности представляет собой лишь наиболее четкий частный случай более общей (но зато и менее строгой) тенденции к наосновному ударению во мн. числе (или, по крайней мере, в И. мн.) у исчисляемых предметов, если это мн. число имеет собирательный оттенок, т. е. выражает не расчененную совокупность.

Эта тенденция выступает наиболее наглядно там, где прямо противопоставлены словоформы с разным ударением. Так, собирательное мн. число на *-ья* у неодушевленных всегда имеет наосновное ударение, например *лýстья*, *сúчья*, *кóлья*, *прúтья*, *крючья*, *клóчья*, *лоскуты* (ср. оттенок расчененности в *листы*, *сукý*, *колы*, *прútы*, *крюкý*, *клóкы*, *лоскуты*). Ср. также названия парных (или комплектных) объектов *глázки*, *róжки*, *зúбки*, *сапóжки* и расчененное мн. число *глазkí*, *рожkí*, *зубkí*, *сапожkí* (с несколько иными лексическими значениями). В некоторых случаях противопоставление оттенков смысла едва заметно, но все же может быть уловлено. Так, *казáки* более естественно при обозначении казачества вообще, эскадрона, массы и т. п.; при обозначении, например, двух лиц уместнее *казакý*. Словоформа *вóры* естественна, например, во фразах *в квартиру залезли вóры*, *кругом все вóры* и т. п.; ср. *они воры*, как ответ

на вопрос о роде занятий конкретных преступников-профессионалов; тот же оттенок значения в примере: *В такие ночи, / в такие дни, / в часы такой поры / на улицах разве что / одни / поэты и воры* (В. Маяковский. «Хорошо!»).

В силу данной тенденции большинство слов, выступающих преимущественно во мн. числе, имеет во мн. числе наосновное ударение; ср., кроме уже приведенных примеров, *бóты, кéды, гóльфы, чuváки, чéревíки, бáки, пéйсы, рéльсы, стрóпы, сóты* (вместо устаревшего *сotы*) и т. д. Заметим, что в *чuváки, чéревíки* наосновное ударение выступает вопреки влиянию финали, а в *сапóжки, глáзки, рóжки, зúбки* — даже вопреки влиянию суффикса. Правда, обязательности здесь все же нет (ср. *úнты* и *унты*, *пýмы* и *пымы*, *лáсты* и разговорное *ластьы*, *пáнты* и разговорное *панты*).

Поскольку для существительных мужского рода продуктивны только схемы ударения *a*, *b* и *c* (но не *d*), наосновное ударение во мн. числе автоматически создает стремление к наосновному ударению также и в ед. числе (чтобы не получилось схемы *d*, для которой среди слов мужского рода нет образца), даже если по другим причинам в ед. числе ожидалось бы флексионное ударение. Тем самым слово попадает в схему *a*. «Нетипичная» схема *d* оказывается возможной лишь в тех особых случаях, когда ед. и мн. число связаны между собой слабее, чем обычно, а именно при морфологическом (у слов с мн. на *-ья*) или семантическом (*глáзки, рóжки* и т. д.) обособлении множественного числа от единственного. Остро конфликтная ситуация возникает для слов *казáк, гилáк, остáк, ватáк, калмýк* и др., где исход основы благоприятствует флексионному ударению. Результатом является тот разнобой в акцентуации, который описан выше. В литературном языке ближе всего к ожидаемой схеме *d* оказывается слово *казáк* (колебания между *b* и *d*); к такой же акцентуации в действительности стремится и ряд других слов из этого списка.

§ 19. Резюмируем тот эффект, который правила § 16—18 дают в сфере односложных слов.

В силу правила о беглой гласной схему *b* имеют: *лоб, лев* (животное), *ров, шов, лёд, лён, сон, пёс, рот, мох* (в варианте с Р. ед. *мха*), *день, пень*.

В силу правила о суффиксах схему *b* имеют: *швец, лжец, жнец, листец, чтец* и (с неполной выделимостью суффикса) *жрец, рвач, ткач, драч* и (с неполной выделимостью суффикса) *врач, грач, враль, пкарь, лгун, врун, жрун, вьюн*. Ударение двух слов с неполной выделимостью суффикса колеблется между схемами *b* и *a*: *спец* (см. § 17), *жмых* (см. § 30).

В силу правила о бессуффиксальных отлагольных существительных, содержащих приставку, к схеме *a* относится значительное число односложных слов (с приставками *в-, вэ-, с-*), например *вход, вклад, вдох, взрыв, взгляд, всплеск, взнос, сдвиг, срез, спуск, слёт*.

Их список в принципе открыт; в «Обратном словаре русского языка» их около 100.

В силу правила об аббревиатурах к схеме *a* относится большая группа односложных слов, численность которой очень трудно оценить, поскольку слова этой группы легко образуются и часто так же легко исчезают; лишь немногие из них попадают в обычные словари (в «Обратном словаре русского языка» их всего около 20). Примеры: *вуз, дот, дзот, загс, жакт* (или *ЖАКТ*), *гост* (или *ГОСТ*), *ЖЭК, ВАК, МХАТ, ЗИС, ЗИМ, ЗИЛ, МАЗ, глаек, зав, зам, пред, псих.*

В силу семантического правила о названиях национальностей к схеме *a* относятся около 50 (по «Обратному словарю русского языка») слов, например *грек, серб, чех, лях, швед, перс, мавр, скиф.*

Все указанные здесь особые группы односложных слов (около 200 слов по «Обратному словарю русского языка») из дальнейшего рассмотрения исключаются. Последующие правила относятся только к основному массиву», т. е. к совокупности всех остальных односложных слов мужского рода.

Основной массив односложных слов мужского рода

§ 20. Вопрос об акцентуации основного массива односложных слов мужского рода целесообразно рассматривать в следующем порядке:
 а) противопоставление тривиального и нетривиального склонений;
 б) противопоставление наосновного и флексионного ударения в ед. числе у слов нетривиального склонения.

Поскольку наиболее характерным признаком нетривиального склонения является флексионное или подвижное ударение во мн. числе, первый из этих двух пунктов в основном сводится к вопросу об акцентуации мн. числа. Второй из них, напротив, касается только ед. числа. Соответственно с практической точки зрения удобно разделить рассматриваемую проблему на: а) вопрос об ударении во мн. числе; б) вопрос об ударении в ед. числе.

ВОПРОС ОБ УДАРЕНИИ ВО МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

§ 21. Распределение слов мужского рода (не подпадающих под § 16—18) между тривиальным и нетривиальным склонениями (в индивидуальной речи и опосредованно в языке в целом) определяется двумя факторами, которые в значительной части случаев противодействуют друг другу: а) принципом II (§ 9), согласно которому привычные для данного индивида слова стремятся в его речи к нетривиальному склонению, а чуждые — к тривиальному; б) общей консервативной тенденцией литературного языка, требующей сохранения той акцентуации (тривиальной или нетривиальной), которая уже принята в качестве нормы.

Какой из этих двух факторов победит (в индивидуальной речи) в случае конфликта, определяется в каждом конкретном случае рядом внеязыковых факторов, прежде всего характером ситуации, в ко-

торой происходит общение, степенью знакомства говорящего с литературным языком и наличием или отсутствием у него субъективной установки на «правильность» речи. Понятно, что основная сфера, где, как правило, побеждает принцип II,— это разговорная и в особенности профессиональная речь, поскольку для нее характерна минимальная установка на «правильность». Более того, в арготической, демонстративно профессиональной и т. п. речи возможно даже «отталкивание» от литературной нормы, подчеркивающее принадлежность говорящего к определенному кругу, который обладает для него престижем. Сходный по существу эффект иногда используют поэты: например, нетривиальное ударение *маёв* (Р. мн. от *май*) у В. Маяковского (*«Хорошо!»*) как бы подчеркивает фамильярность, интимность отношений между поэтом и словом.

Вот как описывает один из эффектов такого рода Н. С. Трубецкой: «Я заметил, что односложные иностранные слова (имена собственные или, реже, нарицательные) иногда проявляют тенденцию склоняться с ударением на окончании *с ироническим оттенком*,— особенно во мн. ч. Так, фамилии наших знакомых Шмидт, Кинц, Турн мы произносим во мн. ч. Шмиты, Кинцы и Турны, но делаем это как бы «несерьезно», а в шутку или с пренебрежением. В московском земстве также употреблялась форма Шлипы. Русские эмигранты, занимающиеся торговлей в странах немецкой языковой области, часто называют своих клиентов *кунды* (*Kunden*),— опять-таки с оттенком шутки и пренебрежения» (письмо Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону от 5 января 1934 г.³⁵).

Основной, самый распространенный тип конфликта между индивидуальной и нормативной акцентуацией состоит в том, что тривиальной нормативной акцентуации противостоит нетривиальная акцентуация в речи индивида или группы (профессиональной или иной); ср., например, общелитературные *штурманы*, *боцманы*, *редакторы*, *тэндеры*, *конусы*, *гостпитали*, *кили*, *шприцы*, *зонды*, *трюмы*, *прессы*, Р. ед. *аммиака*, *каучука*, *массажа*, *дубляжа* и профессиональные *штурмана*, *боцмана*, *редактора*, *тэндера*, *конуса*, *гостпитали*, *кили*, *шприцы*, *зонды*, *трюма*, *пресса*, Р. ед. *аммиака*, *каучук*, *массажа*, *дубляжа*.

Не следует думать, что тенденция к нетривиальной акцентуации (для привычных слов) характерна только для речи людей, недостаточно владеющих литературным языком. Большое число профессионализмов с нетривиальной акцентуацией обнаруживается и в сфере «интеллигентных» профессий, например в речи художников, музыкантов, артистов, искусствоведов, научных работников, издательских работников и т. д. Таковы по своему происхождению, например, словоформы *колерá*, *грунтý*, *генорá*, *альтý*, *витражí*, *типажí*, *монтажí*, *профессорá*, *учителá*, *редакторá* и многие другие (большая часть приведенных словоформ уже воспринята современной литературной нор-

³⁵ «N. S. Trubetzkoy's letters and notes, prepared for publication by R. Jakobson». Paris, 1975, p. 296.

мой). Отличие состоит лишь в том, что люди таких профессий в большей степени склонны ограничивать в своей речи эту тенденцию, соизменно стремясь к «правильности» речи.

Таким образом, тенденция к переводу привычного слова в нетривиальное склонение представляет собой, образно выражаясь, мощную «морфонологическую пружину» в языковом механизме, общую для всех носителей языка и давящую на все привычные слова определенной морфонологической структуры.

Возможно и обратное соотношение между нормативной и индивидуальной акцентуацией: тривиальное ударение в индивидуальной речи при нетривиальном нормативном. Такое соотношение естественно в том случае, когда говорящий только что познакомился с новым для него словом, имеющим в литературном языке нетривиальное ударение, и вообще когда такое слово является для него чуждым, непривычным. В этой ситуации возникают, например, такие ударения, как *пáжи*, *ксéндзы*, *бóры* «ложа», *жéзлы*, *сýги*, *я́зи*, *хráки*, *чáны*, *шкíвы*, *шрýфты*, *вéргелы*, *кóробы*, *пýсари* (по литературной норме здесь предписывается или, по крайней мере, рекомендуется флексионное ударение). По этой же причине естественная судьба устаревших, потерявших актуальность слов — постепенный переход к тривиальной акцентуации; таково, например, положение со словами *дýяк*, *паж*, *пýсарь*, *лéкарь*, *прýстав*, *гéтман*, *струг*.

В сознании носителей русского языка описанные соотношения отражаются как ощущение пониженного стилистического оттенка у словоформ с нетривиальным ударением и повышенного у словоформ с тривиальным. Этот факт в той или иной форме отмечается многими исследователями; так, В. Кипарский пишет (в скобках указаны принятые в настоящей работе обозначения схем ударения): «С IV-м (схема *b*) и отчасти с III (схема *c*) типом ударения связывается в настоящее время у говорящих представление о чем-то фамильярном, ухарском, во всяком случае, «чисто русском», с I-м (схема *a*) и особенно со II (схема *e*) типом, наоборот, представление о чем-то возвышенном, торжественно-чуждом, иностранном или церковном, древнем»³⁶.

Новое слово, в частности заимствованное, обычно начинает свою жизнь в языке с тривиального ударения (если только оно не противоречит его морфологической структуре). В процессе освоения, интеграции такое слово может получить нетривиальное ударение. Если такое ударение распространяется достаточно широко, оно рано или поздно воспринимается и литературной нормой, отражаемой словами (которая, как известно, лишь с большим сопротивлением и потому с отставанием следует за изменениями языковой практики).

§ 22. Принцип II^a (тривиальное склонение для чуждых слов) соблюдается у всех слов мужского рода, не подпадающих под § 16—18, вполне регулярно. Принцип II^b (нетривиальное склонение для привычных слов) реализуется у односложных и у неодносложных

³⁶ Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 110.

слов несколько по-разному. У односложных слов он действует активно почти во всех случаях; у неодносложных слов эффективность действия этого принципа зависит от морфонологической (в некоторых случаях также от морфологической) структуры слова: при благоприятной структуре принцип II⁶ так же эффективен, как у односложных; при иной структуре он реализуется существенно реже.

В настоящей статье мы не имеем возможности рассмотреть весь относящийся к данной проблеме материал. Ограничимся лишь некоторыми иллюстрациями (причем только из числа односложных слов).

Так, к тривиальному склонению относится подавляющее большинство слов, обозначающих малоизвестные или непривычные для основной части носителей языка реалии, например: *гном, дож, маг, смерд, сфинкс, хан; барс, скунс, тур, як; лавр, мирт; бриг, плед, трут, шлейф; гнейс, кварт, мусс, пунш; бриз, культ, пакт, пугач, транс; жанр, код, ранг, ритм, шифр; дюйм, пенс; гимн, миф, фарс, шарж, ямб*. Сюда же относятся слова возвыщенно-книжного стиля и устаревшие, например: *вепрь, град «город», клик, клич, сонм, страж, стяг, тать, уд, храм*³⁷.

В частности, восприятие слова как «иностранных» регулярно ведет к тривиальному склонению; ср. многие из приведенных выше примеров. Ощущение «иностранных» часто поддерживается несвойственной исконным русским словам фонологической структурой. Наиболее характерные признаки здесь таковы: твердые согласные перед /e/ или начальное /e/ (например *мэр, темп, тест, эльф*); мягкие шумные согласные перед /y/ (например *гойс, дюйм, мюль, бюст*); исход на сложное сочетание согласных, особенно с конечным сонантом (например *монстр, спектр, цикл, ритм, пункт*); срединное /й/ (например *тайм, гнейс, сейф*).

Из односложных слов, достаточно употребительных (в обоих числах) в обычной разговорной речи, к тривиальному склонению относится по литературной норме³⁸ лишь несколько десятков. Характерные примеры: *дед, внук, сват; рак, тигр; клён, мак; бант, кран, флаг, шарф, шприц; газ, торт, яд; пляж, сквер; зал, клуб, лифт; груз, знак, курс, план, срок, гост, факт, шанс, штраф*. Слова этой группы сохраняют (в литературном языке) тривиальное ударение, унаследованное от предшествующих поколений, несмотря на то, что они подпадают под действие принципа II⁶, т. е. в этой зоне фактор исторической преемственности пока еще оказывается сильнее, чем синхронические правила.

Однако за рамками литературной нормы более чем у половины слов этой группы обнаруживается нетривиальное ударение. Так,

³⁷ Прямых исключений, т. е. слов с возвыщенно-книжной и т. п. окраской, относящихся к нетривиальному склонению, очень немного: *волхв, одр, столп, перст* (все схемы b). Еще несколько слов, близких к данной группе, обнаруживает колебание ударения: *дъяк* (b//a), *жезл* (обычно b, но нередко также a), *чёлн* (b, но изредка также a), *струг* «судно» (c//a).

³⁸ Относительно литературной нормы и ненормативного ударения см. также § 29, списка 50.

флексионное ударение во мн. числе встречается в разговорной речи или в просторечии, в частности, у слов: *дед, сват, мул, спрут, клён, бант, бот, горн «печь», зонд, кант, киль, клёш, кран, рант, трос, фант, флаг, шарф, шприц, щуп, кекс, крем, сок, торт, яд; брод, лаз, плац, пляж, сквер; клуб, лифт, пресс, тир, трюм, шлюз; бис, груз, срок, тост, трюк, штурм, штраф* — и у ряда других, относящихся по литературной норме к схеме *a*. Таким образом, в живой разговорной речи число слов, устойчиво сохраняющих тривиальное склонение вопреки принципу III^б, гораздо меньше, чем по литературной норме.

Состав слов, относящихся к нетривиальному склонению (а также неопределенных *singularia tantum*), разбирается в следующем разделе (§ 23—41).

ВОПРОС ОБ УДАРЕНИИ В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

§ 23. Вопрос об ударении в ед. числе уже решен для слов, у которых схема ударения устанавливается правилами § 16—18, и для всех слов тривиального склонения. Остается рассмотреть, таким образом, слова нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18) и неопределенные *singularia tantum*. В нашем материале таких слов нетривиального склонения около 350 (а с учетом ненормативного ударения — около 420), неопределенных *singularia tantum* — около 250.

Предметом разбора является распределение этих слов по признаку «наснбвное или флексионное ударение в ед. числе». Оно определяется прежде всего семантическим фактором, в некоторых частных случаях — также морфологическим и морфонологическим факторами.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 24. Как указано в § 10, в основе рассматриваемого распределения лежит принцип III: *наснбвное ударение в ед. числе у исчисляемых, флексионное у исчисляемых*.

Прямолинейному осуществлению этого принципа препятствует, однако, то, что у многих слов имеются одновременно значения обоих классов; ср., например, *шаг «ходьба» и «единичное движение», дуб «отдельное дерево» (а также «тупой человек») и «вид древесины» (а также собирательно в значении «дубы»), верх «часть пространства, направление» и «матерпальный предмет» (например «верх экипажа»)*. В языке встречаются два способа разрешения этой трудности:

1) исчисляемому и неисчисляемому значениям слова соответствует разная акцентуация. Этот способ встречается очень редко, поскольку ему препятствует свойственная едва ли не всем языкам тенденция к единству внешней стороны слова во всех его значениях. Все случаи этого типа собраны в § 27;

2) акцентуация слова определяется его основным значением. Это нормальный, господствующий способ. Например, слова *стол, ёрш* со-

храняют флексионное ударение и в значениях неисчисляемого типа (соответственно «диета», «определенный напиток»); слово *сыр* сохраняет наосновное ударение ед. числа и в значении «определенного вида кусок сыра».

К сожалению, далеко не всегда очевидно, какое из значений слова является основным, и это, конечно, осложняет реализацию принципа III. Укажем, как практически разрешается эта трудность в некоторых типовых случаях многозначности.

Названия растений (кроме деревьев) довольно четко распадаются на исчисляемые (например *боб*, *гриб*, *гроздь*) и неисчисляемые (их большинство, например *хрен*, *лук*, *рис*, *тёрн*); при совмещении значений обоего типа (например *мак*) основным обычно оказывается неисчисляемое. Особую группу составляют названия деревьев: у них регулярно совмещаются исчисляемое значение («отдельное дерево») и, по крайней мере, два неисчисляемых («сорт древесины» и собирательное), ср. выше *дуб*. С акцентуационной точки зрения все они ведут себя как слова неисчисляемого класса.

Названия абстрактных понятий (действий, событий, состояний, качеств и т. д., ср. сноска 22), пространств, поверхностей, направлений, которые совмещают неисчисляемое значение с исчисляемым, ведут себя (в акцентуационном отношении) как слова неисчисляемого класса. Примеры: *шаг*, *ход*, *бал*, *цвет*, *верх*, *край*.

Поскольку неисчисляемое значение имеется (как единственное или наряду с исчисляемым) у подавляющего большинства слов этих семантических групп, характерной особенностью всех этих групп оказывается наосновное ударение в ед. числе. Эта особенность имеет тенденции распространяться и на те немногочисленные слова из данной семантической сферы, которые имеют только исчисляемое значение, например *год*, *пуд* (что уже противоречит принципу III).

Итак, для современного языка можно констатировать существование следующего частного правила: односложные названия абстрактных понятий, а также пространств, поверхностей, направлений имеют наосновное ударение в ед. числе. Это правило беспрепятственно выполняется везде, где оно не приходит в прямое противоречие с принципом III⁶; в тех весьма редких случаях, где такое противоречие возникает, данное частное правило обычно тоже побеждает, однако возможны некоторые колебания и отклонения.

Особую семантическую группу составляют названия оград, четко ограниченных территорий, помещений и больших вместеищ, например *тын*, *баз*, *дом*, *хлев*, *трюм*, *шкаф*, *гроб*. С одной стороны, это отдельные материальные предметы (разумеется, исчисляемые); но в то же время они чаще всего выступают как обозначение места, пространства, внутри которого что-то находится или происходит. Тем самым они семантически сближаются с названиями пространств (типа *мир*, *рай*, *верх*, *лес*, ср. общее для тех и других частое употребление П₂, например *в рай*, *в лесу*, *в хлеву*, *в шкафу*, *в гробу*), а эти названия, как указано выше, примкнули к неисчисляемому классу. В результате слова данной группы обнаруживают (вопреки принципу

III⁶) тенденцию к наоснóвному ударению в ед. числе, реализуемую, однако, ввиду двойственности их семантической природы, не вполне последовательно.

Принцип III практически не действует у названий частей тела и терминов родства, т. е. в двух древнейших, максимально устойчивых и практически закрытых для пополнения новыми словами семантических группах. Названия частей тела сохраняют почти без изменений свое древнее ударение (у одних наоснóвное, у других флексионное); термины родства, унаследовав древнее наоснóвное ударение в ед. числе, обобщили схему с (часто с мн. на -ъ́й) в качестве характерной приметы данной семантической микрогруппы. Отметим, что наоснóвное ударение (хотя и по другой причине, см. § 18) имеют также названия национальностей. Принцип III, естественно, действует слабо также в тех случаях, когда значение слова почему-либо с трудом поддается классификации.

В итоге получается то разделение односложных слов на семантические группы (более сложное, чем просто в соответствии с принципом III), которое описано в § 11.

Замечание. Это разделение актуально в первую очередь для литературной речи. В просторечии обнаруживается тенденция к более последовательному соблюдению основного принципа III (в ущерб частным правилам); см., например, в § 32 о просторечном ударении слов *гол*, *трюк*.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 25. Подавляющее большинство бессуффиксальных отлагольных имен мужского рода (не только односложных) имеет наоснóвное ударение в ед. числе (хотя причины этого у разных групп этих имен различны). Так, для слов с неконечным ударением, например *выход*, *отпуск*, *подкуп*, это вытекает просто из принципа I (§ 8). Для приставочных слов с конечным ударением, например *перенос*, *сдвиг*, *взгляд*, это вытекает из правила, данного в § 17. Для большинства бесприставочных односложных слов это связано с неисчисляемым характером их значения (т. е. определяется принципом III^a), ср., например, *бег*, *бой*, *вид*, *нюх*, *треск*, *корм*³⁹.

Поскольку данное утверждение верно для очень большого числа слов, оно само приобретает характер статистического правила, которое в принципе может экстраполироваться на слова, не входящие в перечисленные частные группы. Практически, однако, случаев, где можно предполагать самостоятельное действие данного морфологического правила, очень немного.

Так, вопреки принципу III⁶, наоснóвное ударение в ед. числе имеют названия инструментов *лом*, *щуп*, *жом* («тиски», В. Даль⁴⁰),

³⁹ Такое слово, как *суд* (схема b), разумеется, нарушает описываемое соотношение, но оно является исключением из принципа III^a.

⁴⁰ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., тт. I—IV. Спб.—М., 1879—1882.

струг (а также *струг* «судно»), названия лиц *хват*, *мот*, *глот* «обжора, мироед», *жом* («скряга, жмот», В. Даляр). Однако слово *хлыст* относится к схеме *b* (см. об этом слове также § 27) ⁴¹.

З а м е ч а н и е. Почти у всех этих слов имеется (по крайней мере, потенциально) также омоним с неисчисляемым значением (для которого хаосное ударение ед. числа совершенно нормально), например *лом* (собират.), *лом* «ломота», *жом* (собират.); ср. также потенциальное использование слов *струг*, *хват*, *мот* в значениях «строгание», «хватание», «мотание» (отмечено у В. Даля). Семантическая связь между тремя омонимами *лом*, между тремя омонимами *жом* и т. п. достаточно отчетлива; таким образом, рассматриваемое морфологическое правило поддержано в подобных случаях тенденцией к одинаковому ударению в совокупности омонимов, особенно семантически связанных (ср. § 27—28). Заметим, что тем самым бесспорных случаев самостоятельного действия данного морфологического правила почти не остается.

Возможно также, что данное морфологическое правило способствовало сохранению старого насибного ударения в ед. числе и у ряда других слов, в частности *кус*, *дар*, *груз*, *воз*, *вал* «волна».

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

§ 26. Независимо от семантического и морфологического факторов, у части односложных слов на выбор схемы ударения влияет также исход основы, а именно: исход на *щ* и на согласную (не взрывную). +*т* благоприятствует схеме ударения *b*. Характер этого влияния несколько различен при разных исходах основы.

1. Стремление односложных слов на согласную (не взрывную) +*т* к схеме ударения *b* представляет собой активную морфонологическую закономерность современного языка. В семантических группах, «склонных к *b*», эта закономерность просто усиливает эффект принципа III⁶ (в частности, убыстряет переход к схеме *b* новых слов). В семантических группах, «склонных к *c*», она, напротив, вступает в конфликт с семантическими правилами. В литературном языке этот конфликт обычно разрешается в пользу семантических правил: ср., например, Р. ед. *спýрта*, *дýста*, *гвáлта*, *фрóнта*, *бóрта*, *пóрта* и т. д. Но в профессиональной речи и в просторечии данная морфонологическая закономерность действует значительно сильнее, а именно она довольно часто побеждает в конфликте с семантическими правилами (особенно если речь идет об исчисляемых словах): ср., например, просторечные Р. ед. *бортá*, *портá*, *лифтá*, *фингтá*, *твистá*; см. также § 42, табл. 2.

2. Слова на *щ* (а также слово *дождь*, в основе которого представлен звонкий коррелят *щ*) относятся к схеме *b* все без исключения (притом у слов *борщ*, *плющ*, *хрящ* «крупный песок», *дождь* это прямо

⁴¹ У слова *кол* (схема *b*) связь с глаголом *колоть*, по-видимому, уже утрачена (это тем более верно для пары *стол — стлать*).

противоречит семантическим правилам). Они образуют, однако, закрытый список (из 14 слов): новых слов на *щ* в языке не появляется. Поэтому данное правило, несмотря на отсутствие исключений, не относится к числу продуктивных; оно только поддерживает стартовое ударение данной группы слов.

Замечание. К схеме *b* относится также значительная часть односложных слов на *ш*, *ж*, *ч*, *щ* и на мягкую согласную: бессуффиксальных слов нетривиального склонения и неопределенных singularia tantum здесь в сумме около 80, из них около 50 относится к схеме *b* (и еще 4 к схеме *f*). Однако почти во всех этих случаях флексионное ударение в ед. числе ожидается также и по семантическим правилам или, по крайней мере, им не противоречит. У слов, «склонных к *с*», находим наосновное ударение, например: *плюша*, *хмеля*, *плача*, *дыша*, *плыжа*, *плаца* (исключение составляют только старые слова *путь* и *кремль*; у слова *смэрч* ударение колеблется). Таким образом, пять оснований говорит о самостоятельном морфонологическом правиле, предписывающем схему *b* односложным словам с таким исходом.

В целом морфонологический фактор, как и морфологический, играет подчиненную, второстепенную роль: он действует лишь у меньшинства односложных слов и обычно (по крайней мере в литературной речи) лишь в тех пределах, которые ему оставляет действие семантического фактора.

СЛУЧАИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УДАРЕНИЯ ПО ЗНАЧЕНИЯМ

§ 27. Имеется лишь очень немного случаев, когда в соответствии с принципом III наблюдается различное ударение при разных значениях слова или у двух омонимов, еще не утративших прямой семантической связи друг с другом. Понятно, однако, что эти случаи представляют большой интерес ввиду их наглядности.

Слово *лист* в основных, конкретных значениях имеет в современном русском языке устойчивое флексионное ударение (Р. ед. *листá*), но в собирательном значении (чаще всего в сочетании *лавровый лист*) оно встречается в разговорной речи с двумя ударениями: *ли́стá* и *ли́ста*. В украинском и белорусском это различие более последовательно и закреплено литературной нормой: ср. укр. *лист*, *листá* в конкретных значениях, но *лист*, *листу* в собирательном («листва»).

Слово *хлыст* «гибкий прут» относится к схеме *b*: *хлыстá*, *хлыстом*. Между тем *хлыст* «хлестание» (то же, что *хлёст*, т. е. обычное корневое имя действия от *хлыстáть*=*хлестáть*) относится, как и другие подобные слова (например *хруст*, *чих*, *пляс*, *склок*), к схеме *a*: *хлы́стá*, *хлы́стом*; ср. у В. Даля: *не все хлыстом, ино и свистом* (ударение отмечено В. Далем)⁴², т. е. «не все действовать битьем, иной раз лучше и словами».

⁴² В. Даль совершенно справедливо приводит эту поговорку не при *хлыст* «гибкий, хлесткий прут», а при *хлестáнье*, *хлёст*, *хлёстка* «действие по глаголу» (исходя из эквивалентности слов с *хлыст-* и с *хлёст-*, *хлест-*). К сожалению, ни Р. Нахтигаль, ни В. Кипарский (цитирующие из В. Даля эту поговорку и предлагающие различные объяснения якобы аномальному

Замечание. Этот случай, впрочем, сложнее, чем представляется на первый взгляд: помимо принципа III^б, требующего для слова *хлыст* «прут» схемы *b*, на акцентуацию этого слова влияют также морфологическое правило из § 25 (в пользу схемы *a* или *c*) и морфонологическое правило из § 26 (в пользу схемы *b*). Последние два влияния как бы уравновешивают друг друга (тогда как у морфонологически нейтральных слов *лом* «кирка», *щуп* и других акцентуация определяется правилом из § 25: Р. ед. *лόма*, *щупа*)⁴³.

Для слова *плод* современные словари признают в качестве нормы только схему *b* (Р. ед. *плодá*), но в живой речи нередко встречается и *плóда* (Ушаков приводит это ударение с пометой «устар.»). Распределение этих двух акцентуаций лишь отчасти связано со значением (отчасти же мы имеем дело просто с колебаниями). Так, только ударение *плóда* (в точном соответствии с принципом III^а) возможно для просторечного и областного *плод* «положение, размножение», также «приплод» (пример В. Даля: *Этот скот на мясо пойдет, а этот для плоду оставим*); ср. также *плод*, *плóду* «урожай, приплод» в Деулине⁴⁴, а также в белорусском и украинском. При более обычных значениях («часть растения; фрукт; эмбрион; результат») жесткой связи между ударением и значением нет, однако ударение *плóда* относительно чаще встречается при значениях «результат» и «эмбрион» (по Р. Нахтигалью, в последнем значении *плóда* является даже нормой⁴⁵), а также в сочетании *запрётный плóд*.

Слово *шар* обнаруживает отчетливую тенденцию к следующему акцентному разграничению: схема *c* в обычных (относительно более абстрактных) значениях, схема *b* в значении «круглый предмет (например для игры)». Так, например: *объём шáра, со всего земного шáра* (возможно только такое ударение), но в бильярде обычно *шárá, шарóм* и т. д. (причем не только в сочетаниях типа *загнать шárá, загнуть шárá, два шárá*, которые часто приводятся в этой связи, но и в других контекстах); ср. также выражение *хóть шарóм покатí*.

Д. Н. Ушаков дает для слова *дуб* Р. ед. *дúба* в значении «дерево», но *дубá* в значении «тупой человек» (там же приводится выражение *дúб-дубóм* «как круглый дурак»)⁴⁶. Это распределение действительно соответствует фактам разговорной речи (с той поправкой, что в значении «тупой человек» может встретиться как *дубá*, так и *дúба*). Еще в нескольких случаях (например *бас, кряж*) аналогичная дифференциация как бы едва намечена.

ударению *хлыстом* — *Nachtigall* R. Op. cit., S. 53; Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 76) не обратили внимания на это существенное обстоятельство.

⁴³ Вполне аналогично слову *хлыст* «прут» слово *хруст* в арготическом значении «купюра, денежный знак», а также в разговорном значении «печатное изделие типа хвороста». Правда, в обоих этих случаях употребляется почти исключительно мн. число — *хрустíй*; ед. число *хрустá, хрустú* и т. д. здесь как бы потенциально.

⁴⁴ Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969, с. 404.

⁴⁵ *Nachtigall* R. Op. cit., S. 191.

⁴⁶ Толковый словарь русского языка, под ред. Д. Н. Ушакова, тт. I—IV. М., 1935—1940.

Приведем также некоторые наглядные примеры с привлечением материала из белорусского языка (такие сравнения лингвистически допустимы, поскольку, как уже отмечено в § 14, белорусский язык в целом сходен в рассматриваемом отношении с русским).

Интересный пример межъязыковой дифференциации одновременно по значению и по ударению представляет собой соответствие: русск. *боб, боба* (слово исчисляемого класса) — белор. *боб, бобу* (слово неисчисляемого класса), ср. *града бобу = грядка бобов* (см. § 10). Заметим, что и в русском языке слово *боб* раньше могло употребляться как неисчисляемое; так, в словаре Поликарпова (1704) находим *пирбѣгъ с бобомъ*, что очень показательно, поскольку здесь, как и в белорусском, представлено одновременно неисчисляемое значение и наоснбное ударение.

В русском языке *звон, звона* имеет только неисчисляемое значение. В белорусском также находим *звон, звону* «звон»; но наряду с этим существует белор. *звон, звана* «колокол» — с ударением, соответствующим исчисляемому характеру этого значения.

В литературном русском языке слово *суд* во всех значениях имеет Р. ед. *суда*. В белорусском находим *суд, суда* «орган власти», но *суд, съду* «мнение, суждение и т. п.», например *на няма і съду няма* «на нет и суда нет». Ударение *суд, суда* (*съду*) отмечено и в русских говорах⁴⁷.

З а м е ч а н и е. По-видимому, имеется некоторая синхроническая связь между принципом III и аномальным ударением существительных в сочетаниях *двá* (*три, четыре*) *шагá, рядá, часá, следá, шарá* (что, впрочем, совсем не обязательно означает, что именно таково происхождение этого ударения). Очевидно, что в сочетании с числительными слова выступают в своих исчисляемых значениях. Например, из двух значений слова *шаг* («процесс ходьбы» и «единичное движение») с числительными в нормальном случае сочетается только второе; ср. *не замедлЯя шага и двá шагá* или *для цéлого рýда событий и двá рядá* и т. п. Разумеется, в этих случаях нет последовательного акцентного различия исчисляемого и неисчисляемого значений (например, ударение одинаково в *не замедлЯя шага* и *пóсле пéрвого шага*; с другой стороны, в принципе возможны, хотя и непривычны, сочетания типа *двá шага, четыре рядá* и т. п.). Верно, однако, то, что в позиции, максимально благоприятствующей использованию исчисляемого значения слова, в этих случаях выступает именно то ударение, которое свойственно словам исчисляемого класса. Показательно, что ни одного случая противоположного акцентного соотношения между Р. ед. и счетной формой нет; нет также ни одного случая подобного различия у неодносложных существительных (а это естественно сопоставить с тем фактом, что принцип III распространяется только на односложные существительные).

§ 28. Как уже указано, приведенные выше примеры представляют собой исключительные случаи; в нормальном случае при разных значениях одного слова или в паре омонимов, связанных прямой семантической связью, выступает одна и та же акцентуация. Нечто подобное, хотя и с гораздо меньшей последовательностью, наблюдается также в парах омонимов, семантически не связанных между со-

⁴⁷ Словарь современного русского народного говора, с. 547.

бой (или связанных очень слабо), а именно, даже такие омонимы часто получают одинаковую акцентуацию. Примерами могут служить четыре омонима *губá*, три омонима *вал*, два омонима *пост* и многие другие.

Заметим, что в лингвистических работах мы нередко находим, напротив, утверждения об акцентуационном «отталкивании» в той или иной паре омонимов. Например, В. Кипарский полагает, что не-подвижное ударение на основе у слова *туз* (шлюпка) «вызвано стремлением отличать это слово от карточного термина»⁴⁸. Однако в «Орфографическом морском словаре» дано: *туз, тузá* (шлюпка)⁴⁹. Если учесть, что другие семантически близкие слова (например *шлюп, скиф, ял*) показаны в этом словаре со схемой *a*, то в данном случае придется признать как раз «притяжение», а не «отталкивание» омонимов. По-видимому, практическая потребность в акцентуационном или ином дифференцировании омонимов обычно очень невелика; например *туз* (карта) и *туз* (шлюпка) не могут реально конкурировать ни в каком естественном контексте. В подобных случаях попытки дифференциации характерны скорее для подчеркнутого литературного языка (нередко это сознательные попытки сторонников языкового пуританства). Между тем в просторечии, напротив, внешнее сходство слов, даже неполное, часто приводит к их вторичному семантическому сближению (хотя бы совершенно произвольному; ср. такое хорошо известное проявление этой особенности просторечия, как народные этимологии), т. е. здесь происходит сближение, а не дифференциация омонимов.

В связи с этим следует оценивать как показательные те сравнительно немногочисленные пары омонимов, где различие в акцентуации явно обусловлено действием принципа III: *шлик, шликá* «сыщик», но *шлик, шликá* «сало»; *бунт, бунтá* «связка, кипа», но *бунт, бунтá* «мятеж»; *винт, винтá* «металлическая деталь», но *винт, винтá* или *вйнта* «игра».

РАЗБОР ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ НЕТРИВИАЛЬНОГО СКЛОНЕНИЯ ПО СЕМАНТИЧЕСКИМ ГРУППАМ

§ 29. Приводимые ниже списки охватывают все односложные слова нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16–18); учтены также случаи, когда нетривиальное склонение проявляется за рамками литературной нормы⁵⁰. Из неопределенных *singularia*

⁴⁸ Кипарский В. О колебаниях ударения в русском литературном языке, I, с. 21. При этом в другом месте (там же, с. 72) он же говорит об акцентуационном уподоблении слова *пост* «стража, должность» его омониму *пост* «воздержание».

⁴⁹ См.: Порецкая Р. Э. Орфографический морской словарь. Опыт словаря-справочника. М., 1974.

⁵⁰ Практически мы принимаем за литературную норму указания словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959) и толковых словарей (прежде всего С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова), причем в случаях расхождений пред-

tantum приведены только характерные примеры. В списках слов пояснения в скобках относятся (если специально не оговорено обратное) только к непосредственно предшествующему слову.

Семантические группы с господствующим наосновным ударением в ед. числе

Продуктивным типом нетривиального склонения здесь является схема с. В тех случаях, когда значение слова этому способствует, в качестве сопутствующего явления обычно выступает П₂ на -ý, -ю (это обстоятельство специально не отмечается, кроме случаев, когда оно оказывается единственным проявлением нетривиальности склонения). Все слова, приводимые ниже без специального указания об обратном, имеют наосновное ударение в ед. числе. Слова с И. мн. на -á, -áj специально отмечаются (кроме случаев, когда такое окончание выступает лишь как просторечный вариант к литературному -ýi, -ú).

Названия нерасчлененных однородных масс

§ 30. 1. Названия веществ, материалов, кушаний, запахов и т. п., неисчисляемые названия растений (не деревьев). Схема с: *дым, жир, квас, мёд, мозг, пар, пот, спирт, суп, сыр, харч, чай*; то же с мн. на -á — *корм, мех, снег, хлеб*⁵¹, *шёлк*; в профессиональной речи также *гипс* (мн. -á), *грунт, клей, мел, сок* (мн. -á), *торф* (мн. -á), *флюс «добавка к руде», яд*; в просторечии также *кекс, крем, торт* (все с мн. на -á, см. работы А. С. Фидровской, Т. А. Ивановой; у *торт* мн. *тортá* и *тортý*)⁵². Мн. число на -ъя: *луб*. *Singularia tantum* с П₂ на -ý: *газ* (горящий, ср. на *газу*), *гной, пух, чад*.

Примеры неопределенных *singularia tantum*: *вар, ворс, воск, дёрн, дуст, жом, ил, кал, кокс, лес* (материал), *лом* (собират.), *лук* (растение), *мак* (растение, пищевой продукт), *мох* (вариант с Р. ед. *мóха*), *наст, прах, плюш, рис, скарб, смрад, сор, тальк, тёрн, тёс, тмин, толь, тюль, хлам, хмель* (растение), *хрен, шпик* (сало).

почтение отдается книге «Русское литературное произношение и ударение». Источниками сведений о ненормативном ударении служили предупредительные пометы в этой книге и аналогичные указания толковых словарей, данные «Орфографического морского словаря», работы А. С. Фидровской и Т. А. Ивановой по мн. числу на -á и непосредственные наблюдения над разговорной речью, а также опросы специалистов относительно профессионального ударения. Неоцененную услугу в исследовании ненормативного ударения нам оказала Н. А. Еськова, щедро предоставившая для настоящей работы собранный ею за долгое время материал по ударению в поэзии XX (а также XIX) века и в устной речи. Автор приносит ей глубокую благодарность.

⁵¹ Мн. *хлебá* по литературной норме только в значении «алаки», но в разговорной речи также и в прочих значениях.

⁵² О словах *харч, грунт, торт* см. также ниже.

Исключение: *холст, борщ, плющ*⁵³, *хрящ* «крупный песок» относятся к схеме *b*. Все эти слова — старые, и во всех случаях схема *b* поддержана морфонологическим фактором, см. § 26 (редкое слово *хрящ* «крупный песок», кроме того, находится под влиянием своего исчисляемого омонима *хрящ* «элемент скелета», ср. § 28).

В просторечии и профессиональной речи под влиянием исхода на согласную + *t* могут получать схему *b* *грунт* и *торт* (для слова *торт*, возможно, играет определенную роль также то, что оно часто употребляется в исчисляемом значении). Для слова *харч*, ныне в ед. числе почти не употребляющегося, современные словари дают только ударение *хárча*; но иногда может встретиться и более старое ударение *харчá* (которое в работах XIX и начала XX века еще считается нормой⁵⁴).

Интересный случай составляет слово *жмы́х*, Р. ед. *жмы́ха* и *жмы́ха*. Оно содержит суффикс *-их*, *-ых*, требующий схемы *b* (§ 17, ср. *женéх*, *женéхá*); отсюда ударение *жмы́хá*. Поскольку, однако, данный суффикс представлен только в этих двух словах, он выделяется недостаточно отчетливо, т. е. слово *жмы́х* может восприниматься и как непроизводное. В последнем случае автоматически вступает в действие принцип III^a, который и порождает параллельное ударение *жмы́ха*.

Не совсем ясно ударение *ших*, *шихá*, засвидетельствованное в профессиональной речи геологов (*ших* — тяжелая фракция, остающаяся после последовательных промывок породы; по данным словарей — только *ших*, *шихá*). Возможно, акцентуация по модели исчисляемых слов возникает в данном случае лишь в той среде, где этот термин практически всегда означает отдельную пробу (для микроскопического исследования), ср. регулярное словоупотребление типа *дёсять* (*сóрок* и т. п.) *шихóв*.

2. Названия деревьев. Схема с представлена в литературном языке только у слова *дуб*, но само правило о том, что такие слова ведут себя как неисчисляемые (§ 24), т. е. имеют в ед. числе наоснобное ударение, соблюдается без исключений, ср., например, *вяз*, *клён*, *кедр*, *бук*.

3. Собирательные обозначения живых существ. Сюда относятся лишь неопределенные *singularia tantum*, например: *люд*, *гнус*, *клир*.

Исключение: слово *скот* (старое) относится к схеме *b*⁵⁵.

§ 31. Особую маленькую группу, отличную от собирательных (и не являющуюся частным случаем названий нерасчлененных однородных масс), образуют названия коллективов и объединений. В отличие от собирательных, они являются исчисляемыми (и поэтому легко образу-

⁵³ Слово *плющ* — неисчисляемое: *много плюща*, *увыйтый плющом*. Заметим, что в таком же качестве может выступать и слово *хвощ* (*много хвоща*), по преобладает все же употребление его как исчисляемого: *много хвощёй*.

⁵⁴ Nachtigall R. Op. cit., S. 199.

⁵⁵ В выражении *нашего полку* прибыло собирательное значение выступает также у слова схемы *b* *полк* (относящегося к § 31).

ют мн. число), однако из-за тесной семантической связи с собирательными они все же тяготеют к классу слов с наоснóвным ударением в ед. числе. Сюда относятся: *род* «клан» (схема *c*), *рой* (*c*), *хор* (*a // c*), *флот* (*a // e // c*).

Однако *полк* (старое слово) и *гурт* (позднее слово, оканчивающееся на согласную +*t*) относятся к схеме *b*.

Название абстрактных понятий

§ 32. 1. Названия действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации. Почти все они имеют неисчисляемое значение (в качестве единственного или наряду с исчисляемым); лишь очень немногие слова (преимущественно поздние), имеют только исчисляемое значение. Схема *c* (случаи, где возможны и другие схемы, отмечены): *бал*, *бас* (голос), *бой*, *бунт* «мятеж», *вес* (мн. -á), *гол*, *гром* (*e // c*, мн. *громы* и *громá*), *долг*, *жар*, *лад*, *пал* «пожар», *пир*, *пол* (биологический; обычно *e*, но в разговорной речи также *c*), *род* (*e // c*, мн. *роды* и *родá*), *сорт* (мн. -á), *тон* (*a // e // c*, мн. *тоны* и *тона́*), *ход* (*c // e*), *цвет* «окраска» (мн. -á), *чин*, *шаг*, *ширифт* (*a // c*); в профессиональной речи также *бис*, *вист*, *групп*, *люфт*, *пас*, *рост* «размер» (мн. -á), *сбой*, *смотр*, *строй*, *тиф*, *штурм* (мн. -á), *шум*; в разговорной речи и просторечии *блиц* (в шахматах), *вид*, *плюс* «преимущество», *твист*, *тост*, *трюк*, *финг*, *штраф*⁵⁶. *Singularia tantum* с Π_2 на -ý, -ő: *бег*, *бред*, *быт*, *лёт*, *плав*, *плён*, *пыл*, *свет* «освещенность», *скак*, *торг* «торговля», *хмель* «опьянение», *цвет* «цветение»; сюда же *вольт* «поворот» (схема *a* с Π_2 на -ý).

К этой же группе примыкают слова схемы *c* со значением результата действия (в том числе материального); *счёт* (в спорте, документ), *дар*, *приз*, возможно, также *кус*; сюда же *груз* (мн. *гру́зы*, но в профессиональной речи *грузá*). У всех этих слов, кроме *приз*, наоснóвное ударение в ед. числе поддерживается также их отлагольностью (см. § 25).

Примеры неопределенных *singularia tantum*: *блеск*, *блуд*, *бокс*, *визг*, *вой*, *гвалт*, *гнев*, *гнёт*, *звон*, *зуд*, *крен*, *лай*, *лов*, *лоск*, *мир* «спокойствие», *мор*, *мрак*, *нюх*, *плач*, *пляс*, *прок*, *пуск*, *раж*, *рёв*, *риск*, *рок*, *рост* (процесс), *рыск*, *свист*, *сев*, *смак*, *смех*, *спорт*, *срам*, *флirt*, *фрахт*, *шик*.

Исключения: слова *вред*, *грех*, *дождь*, *пост* (религиозный), *пост* (военный, общественный), *стыд*, *суд*, *труд*, *ум* относятся к схеме *b*⁵⁷. Кроме того, слово *винг* (игра) колеблется между схемами *a* и *b*. Все эти слова — старые, за исключением *пост* (военный и т. п.) и *винг*. На ударение этих двух поздних слов повлияли, во-первых,

⁵⁶ Относительно слов на согласную +*t* и слов *гол*, *трюк* см. также ниже.

⁵⁷ У слова *вред* в разговорной речи иногда встречается и наоснóвное ударение; кн. «Русское литературное произношение и ударение» дает предупредительную помету против ударения о *вре́де* (которое встретилось даже у некоторых современных поэтов).

ударение соответствующих омонимов (ср. § 28), во-вторых, исход на согласную + т.

Замечание. К данной семантической группе приближается также слово *смерч* (обычно схема *a*, но изредка также *b*), но оно все же заметно отличается от названий событий, (типа *дождь, шторм*): это слово безусловно исчисляемое, и его основным значением, по-видимому, следует считать не «определенный вид движения воздуха», а конкретный зримый объект — « движущийся столб (вращающейся пыли, брызг)»; ср. такие слова, как *облако, туча, волна* и т. п. Соответственно мы рассматриваем слово *смерч* не здесь, а в числе слов, плохо поддающихся семантической классификации (см. § 41). Туда же отнесено отдаленно сходное с разбираемой здесь семантической группой исчисляемое слово *стих* (схема *b*).

В просторечии схему *b* иногда получают также некоторые другие слова данной семантической группы. Во-первых, это слова с исходом на согласную + т: *финг, твист, шрифт*, реже *вист, гост, бунт* «мятеж», *люфт*. Во-вторых, это поздние слова с ярко выраженным исчисляемым значением «единичного мгновенного события (или действия)»: *гол, трюк* (таким образом, здесь противоречие между правилом об абстрактных понятиях и общим принципом III⁶ разрешается в пользу последнего; возможно, определенную роль играет также экспрессивный характер этих слов). Заметим, что слово *финг*, в котором оба фактора действуют одновременно, выступает с флексионным ударением чаще всех прочих.

2. Названия единиц измерения (но не денежных) и частей целого. Все они исчисляемые. Схема *c* или *e* (последнее отмечено): *час, год (e // c, мн. ѓоды и годá), век (мн. -á), фунт (обычно a, но в разговорной речи также c), пуд; раз, кон* «этап игры», *пай, слог (e), склад* «слог»; возможно, сюда же *кус* (ср. § 25 и 37). В просторечии также *срок (мн. -á), куш*. По-видимому, к этой же группе примыкает *том (мн. -á)* — в соответствии со своим основным (непредметным) значением «часть печатного издания».

О слове *нуль* (схема *b*) см.: § 40. Об абстрактных понятиях, связанных с пространством (*верх, низ, зад*), см. § 33, п. 2.

Названия пространств, поверхностей, направлений

§ 33. Почти для всех объектов, обозначаемых словами данной группы, характерна неполная определенность границ. Слова данной группы обычно совмещают исчисляемое и неисчисляемое значения. Однако у значительной их части (например *верх, тыл, край, лес, рай*) первичное значение — неисчисляемое.

1. Названия сторон, направлений, элементов пространственной организации, а также названия поверхностей, ограничивающих определенные предметы. Схема *c*: *верх (мн. -í и á), низ, зад, тыл, фронт (a // e // c), бок (мн. -á), край (мн. краí)*; *ряд, слой; борт (мн. -á), пол* «настил», *под* (печи).

Неопределенные *singulària tantum*: *юг, норд, зайд, ост, вест*.
Иключение: *пласт* (схема *b*).

В просторечии слово *борт* под влиянием исхода на согласную + *т* (§ 26) допускает схему *b*. Сочетание *за бортом* стало даже практически узаконенным (наряду с *за бортом*).

2. Названия пространств и участков земной поверхности, границы которых не вполне определены. Схема *c*: *мир «вселенная»*, *лес* (мн. -á), *бор, гай, сад, луг* (мн. -á), *лан* (поле), *плес* (*a // c*, мн. *плесы* и *плеса*), *дол* (*e // c // a*), *лог* (мн. -á), *юр, яр, кон* «особое место при игре»; по-видимому, сюда же *мыс* (*a // c*). *Singularia tantum* с Π_2 на -ý, -ю: *ад, рай*. Схема *a* (в просторечии также *c*) с Π_2 на -ý: *пляж, сквер*⁵⁸.

Неопределенное *singularia tantum*: *свет «мир, земной шар»*.

Замечание. К этой же семантической группе по существу относятся и имена собственные — названия стран, городов, рек и т. п., например *Крым* (ср. в *Крымъ*), *Клин* (ср. в *Клины*), *Дон* (ср. на *Донъ*), *Буг, Прут, Рим* — все с наеновым ударением (исключения: *Днепр, Днестр* — схема *b*). Впрочем, общее количество бессуффиксальных односложных географических названий мужского рода (из числа достаточно известных русскому населению) довольно невелико.

3. К указанным здесь группам примыкают также слова, обозначающие пути: *шлях, брод, лаз* (у всех обычно схема *a*, но возможна также схема *c*).

Иключение: *путь* (схема *b*).

Названия оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ

§ 34. Эта небольшая группа слов явно присоединилась к названиям пространств. Несмотря на исчисляемость, эти слова обнаруживают тенденцию к наеновому ударению в ед. числе (хотя и не столь резко выраженную, как в предшествующих группах). Схема *c*: *тын, вал* «насыпь»; *баз, ток* «гумно» (*c // e*, мн. *токá* и *тóки*), *форт, порт* (*e // c*); *дом* (мн. -á), *хлев* (мн. -á), *цех* (*c // a*, мн. *цехá* и *цéхи*), *штаб* (*c // a*); *гроб, шкаф, куб* «сосуд», *чан, таз*; в профессиональной речи и просторечии также *клуб* «учреждение», *тир, лифт, жбан, трюм* (мн. -á), *шлюз* (мн. -á).

По-видимому, к этой же семантической группе примкнули слова *воз* (схема *c*; см. также § 25), *стог* (схема *c*, мн. -á)⁵⁹, *пресс* (схема *a*, но в профессиональной речи схема *c* с мн. -á)⁶⁰. В их значении мо-

⁵⁸ Значения этого же типа имеются также у слов *тыл, фронт, край* (см. пункт 1) и *круг* (см. § 40). Семантически близки также некоторые слова из § 34 (*ток* «гумно», *порт*).

⁵⁹ Ср. также Π_2 в *стогу*, сближающее это слово с названиями вместилищ. Интересно, что слово *скирд*, близкое по значению, относится к схеме *b* и не имеет Π_2 на -ý. Возможно, что здесь было существенно различие внешнего вида (см. у В. Даля): *стог* «домообразен», а *скирд* растянут в длину, «простерт» (ср. вероятную этимологию лит. *stirta*, являющегося первоисточником славянского слова, от **ster* «простираять»).

⁶⁰ Ср. также профессиональное Π_2 на *прессу*.

жет быть усмотрен семантический элемент «вместилище» (правда, слабо выраженный).

Исклонения: *двор* (схема *b*), *кремль* (*b*), *скит* (*b*, но изредка также *c*), *пруд* (колебание *b* // *c*).

В разговорной речи флексионное ударение в ед. числе иногда встречается у слова *газ*; в просторечии оно засвидетельствовано также для слов *порт*, *форт*, *лифт*, *шлюз*. У областных слов *саж* «загон для откорма свиней» и *кош* «корзина, рыболовная снасть» ударение, по-видимому, колеблется (данные словарей противоречивы). Слово *горн* «печь», относящееся по литературной норме к схеме *a*, допускает в профессиональной речи схему *b* (по-видимому, наряду с *c*).

Не входят в рассматриваемую группу названия мелких *вместилищ*, например *ковш*, *ларь* (оба схемы *b*); они относятся просто к § 37.

Таким образом, в целом слова данной группы можно охарактеризовать как «умеренно склонные к *c*».

Т е р м и н ы р о д с т� а

§ 35. Эта маленькая замкнутая группа слов имеет наосновное ударение в ед. числе без связи с принципом III. В сущности это результат прямого наследования древнего ударения, однако в современном языке здесь явно установилась синхроническая связь между значением и акцентуацией (а именно схемой *c*, получающейся из наосновного ударения в ед. числе и естественного для таких употребительных слов нетривиального ударения во мн. числе). Эта связь выражается, с одной стороны, в тенденции к переходу в схему с нескольких терминов родства с иной первоначальной акцентуацией (*брат*, *дед*, *сват*, также *шурин*, *дядя*), с другой стороны, в устраниении схемы *c* у одушевленных слов других семантических групп (ср. § 38, 39).

Схема *c*: *муж*, *сын*, *зять*, *кум* (мн. число, по крайней мере в прямом значении, у всех этих слов на *-ъ*); ср. также нелитературное мн. число у слов *брат*, *дед*, *сват* — *брать* (и *брать*), *деды*, *сваты*. Сюда же примыкают *шурин* — *шурь*, *дядя* — *дядь*.

Устойчивое тривиальное склонение имеет по существу только одно слово — *внук*; у слова *тестя* (Р. ед. *тёся*) мн. число встречается слишком редко, чтобы можно было определенно судить о его ударении.

О словах *друг* и *князь*, примкнувших к данной группе, см. § 41.

Семантические группы с господствующим флексионным ударением в ед. числе

§ 36. Продуктивным типом нетривиального склонения здесь является схема *b*. Все слова, приводимые ниже без специального указания об обратном, имеют флексионное ударение в ед. числе. Напомним, что разбираются только слова нетривиального склонения; соот-

вественно под исключениями ниже понимаются только те слова с наоснóвным ударением в ед. числе, которые относятся к нетривиальному склонению.

Небольшое число слов (главным образом старых, например *мост*, *пруд*) колеблется между схемами *b* и *c*: в ед. числе *мостá*, *прудá* и *мóста*, *пру́да*, но во мн. числе только *мосты*, *пруды* (**мóсты*, **пру́ды* решительно невозможно). С этими случаями не следует смешивать ситуацию другого рода (довольно распространенную): у некоторого слова (чаще всего позднего, например *альт*, *пим*) ударение в ед. числе неустойчиво, тогда как во мн. числе явно преобладает флексионное ударение (хотя изредка может встретиться и наоснóвное). Такая ситуация, как правило, означает, что перед нами слово, «склонное к *b*», находящееся в процессе перехода от тривиального склонения (т. е. схемы *a*) к нетривиальному (а именно к схеме *b*). Дело в том, что, как показывает наблюдение, флексионное ударение появляется во множественном числе некоторого слова легче и быстрее, чем в единственном⁶¹ (по всей вероятности, потому, что в словоформах мн. числа оно вообще встречается вдвое чаще, будучи общей приметой слов нетривиального склонения, тогда как флексионное ударение в ед. числе есть примета только половины таких слов). Так, ударение *шарфы*, *банты*, *шприцы* и т. п. появляется раньше, распространяется быстрее и воспринимается как менее одиозное с точки зрения литературной нормы, чем *шарфá*, *бантá*, *шприцá* и т. п. в ед. числе.

Учитывая это обстоятельство, мы помещаем ниже слова, колеблющиеся между тривиальным ударением и схемой *b*, в общие списки (с соответствующей пометой). Описанная выше переходная ситуация с «асимметричностью» двух чисел условно отмечается «*b // c // a*».

Название материальных предметов (кроме входящих в § 34)

§ 37. Более точно, в эту группу входят названия исчисляемых неодушевленных материальных предметов, обладающих отдельностью и ясными пространственными границами. Перечислим эти слова, подразделив их для большей наглядности по морфонологическому признаку (слова, при которых нет особых указаний, относятся к схеме *b*). Слова на согласную + *t*: *альт* («инструмент», но также и в других значениях; *b // c // a*), *бинт*⁶², *болт*, *буны* «связка, книга», *винг*, *зонт*, *куст*, *лист* (мн. *листы* и *листья*⁶³), *пест*, *унт* (*b // a*), *хлыст*, *шест*, *шплинт*, *шпунт*, *шифт*. Слова на *щ*: *плащ*, *пращ*, *хвощ* (ср. сноски

⁶¹ Ср. в этом отношении также цитату из Н. С. Трубецкого, приведенную в § 21.

⁶² Основное значение — исчисляемое: «кусок марли», «лента» (именно так начинаются толкования этого слова в словарях).

⁶³ Здесь и далее различие значений у подобных вариантов мн. числа не отмечается.

53). Слова на шипящую (кроме *щ*) и на мягкую согласную: *бич, буж, гвоздь (f), груздь (f), гуж, ключ, ковш, корж, кряж* «бревно» (*b // a*), *куль, ларь, линь* «веревка», *меч, мяч, нож, пыж, руль, сныч, тяж, шпень (шпинь), штырь*. Прочие слова: *блин, боб, буй* (по данным словарей *c*, но в разговорной речи чаще *b*), *вьюк (b // c // a)*, *гриб, жгут, жезл* (обычно *b*, но иногда *a*), *кий (b // c // a)*, *клок (мн. клоки и клочки)*, *кнут, кол (мн. колы)*, *крюк (мн. крюки и крючья)*, *одр, пим (b // c // a)*, *плод (см. также § 27)*, *плот, прут (мн. пруты и прутья)*, *пук (по данным словарей c, но в разговорной речи часто b)*, *серп, сноп, ствол, стол, столп, столп, сук (мн. сухи и сучья)*, *тюк, цеп, чёлн (b // a)*, *шип «колючка», шкив (по данным словарей c, но в профессиональной речи также b)*, *шильк, шинур, штык, щит*.

В просторечии и профессиональной речи в схему *b* перешли или стремятся перейти также многие другие слова данной семантической группы. Перечислим известные нам случаи (бессспорно, этот список неполон): *бант* (в разговорной речи часто схема *b*; отмечено у А. А. Шахматова⁶⁴), *барс* «тип подводной лодки» (*b // c*, «Орфографический морской словарь»), *брус* (в разговорной речи встретилось Р. ед. *бруса*), *буль* «специальный выступ на борту корабля» (*b* по «Орфографическому морскому словарю»), *диск* (при жаргонном употреблении в значении «пластина» встречается схема *b*), *зонд* (в профессиональной речи *b*⁶⁵), *киль* (по «Орфографическому морскому словарю» морское разговорное — *b*; схема *b* неоднократно встречается также в поэзии), *клин* (в разговорной речи встречается Р. ед. *клина* и т. д., ср. предупредительную помету против такого ударения в кн. «Русское литературное произношение и ударение»), *ком* (в разговорной речи изредка встречается *кома, комом*⁶⁶), *пульт* (в профессиональном жаргоне встретилось *с пультами, на пультё*), *рант* «полоска кожи по краю обуви» (в профессиональной речи *b*, реже *c*), *руст* «необтесанный камень для облицовки» (исчисляемое слово; в профессиональной речи *b*), *стан* (ткацкий, прокатный и т. п.; в профессиональной речи явно возможна схема *c*, но, по-видимому, также и *b*; ср. данные Р. Нахтигалю информантом словоформы *станы, станёв* [в этом значении], *на ткацком стану* и в особенности *за станом сидела*⁶⁷), *трут* (редкое слово; в разговорной речи возможно колебание *a // b*⁶⁸), *туз* (шлюпка; *b* по «Орфографическому морскому словарю», см. также § 28, замечание), *шарф*, (в разговорной речи очень часто *b*, ср. помету «не *шарфа, шарфи, шарфов*» в кн. «Рус-

⁶⁴ См.: Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, с. 135.

⁶⁵ Флексионное ударение в этом слове (правда, в форме мн. числа) встретилось также у С. Михалкова: *Ей-ей, такие есть, что зависостью исходят, Когда при них другим зонды и шприцы вводят* («Завистливый больной»).

⁶⁶ Ср. *два кома*, встреченное в стихотворном тексте (Тряпкин Н. журн. «Москва», 1964, № 8, с. 133).

⁶⁷ Nachtigall R. Op. cit., S. 265.

⁶⁸ Ср. *на трутё* (рифма: *в темноте*), встреченное в стихотворном тексте (Дмитриев О. журн. «Юность», 1964, № 9, с. 57).

ское литературное произношение и ударение»), *шиф* «тонкая пластина горной породы, подготовленная для микроскопического исследования» (у геологов схема *b*), *шиц* «выступ на валу» (в профессиональной речи *b*), *шпиль* (в разговорной речи возможна схема *b*; она неоднократно встречается также в поэзии), *шприц* (в профессиональной и разговорной речи очень часто *b*, ср. помету «не *шприцá*, *шприцы*, *шприцбéс*» в кн. «Русское литературное произношение и ударение»). О слове *шар* в бильярдном значении см. § 27.

Для слова *лук* (оружие), у которого в XIX веке неоднократно встречается схема *b*, Р. Нахтигаль засвидетельствовано Р. ед. *лукá* (в устной речи⁶⁹); не вполне ясно, однако, идет ли здесь речь о живом (например професиональном) ударении или только о реликте ударения прошлого века.

И склонения. Безусловными исключениями можно считать только два старых слова: *плуг* (схема *c*)⁷⁰ и *стул* (схема *a*, мн. *стулья*)⁷¹.

Еще несколько слов являются исключениями при их нормативном ударении, но фактически колеблются: *брус*, *клин*, *ком*, также *пук*, *буй*, *шкив* (см. о них выше в общем списке).

Названия инструментов *лом* (*c // e*, мн. *лóмы* и *ломá*), *струг* (*c // a*, мн. *ст्रúгí* и *стругá*), *щуп* (*a*, в профессиональной речи *c*) имеют на-основное ударение в ед. числе в силу морфологического фактора (отлагательности), см. § 25⁷².

У нескольких слов (названий материальных предметов) в просторечии или в профессиональной речи флексионное ударение засвидетельствовано только во множественном числе, но не в единственном; таковы, в частности, *бур*, *кран* (в разных значениях), *флаг*. Если учесть, однако, что и у многих названных выше слов (например *буй*, *вьюк*, *кий*, *пим*, *пук*, *шкив*, *бант*, *брус*, *зонд*, *клин*, *шарф*, *шпиль*) флексионное ударение во мн. числе встречается чаще, чем в единственном (см. § 36), то понятно, что нет достаточных оснований считать слова *бур*, *кран*, *флаг* нарушениями принципа III⁶. Тенденцию к такому нарушению, по-видимому, можно признать только у двух

⁶⁹ Nachtigall R. Op. cit., S. 189.

⁷⁰ Ожидаемое флексионное ударение в ед. числе представлено в белорусском (Синяков И. Ударение в русском языке. Вильна, 1908, с. 120 — Р. ед. *плугá*; Лобан Н. П. Указ. соч., с. 207 — *плúга* или *плугá*).

⁷¹ В случае со словом *стул* определенную роль, по-видимому, сыграло противопоставление в рамках тесно связанный ассоциативной пары *стол* — *стул* (в этой паре *стол* — исконное слово с древней схемой *b*, *стул* — старое заимствование). Так, во мн. числе вместо неизбежного для употребительного слова нетривиального ударения (**стулы* [или **стулá*], **стулбéс*) находим *стулья*, *стульев* (словоформы, резко отличные от *столы*, *столбéс*); в ед. числе, вопреки принципу III⁶, находим *стула* (ср. *столá*). Существенно также, что в старом языке и в говорах у слова *стул* есть варианты среднего (ср. *стуло* у В. Даля) и женского (ср. *стула* — «Словарь современного русского народа-кого говора», с. 546) родов, в обоих случаях с наосновным ударением.

⁷² См., кроме того, § 32 о слове *тюм*, § 25 и 32 о слове *кус*. Слово *зуб* (§ 41) имеет в ед. числе единное ударение во всех значениях, в том числе и «зубец» (мн. *зубъя*).

слов этого типа: *трос и бот*; в профессиональной речи у них представлено мн. *троса́, бота́* (см., в частности, «Орфографический морской словарь»), притом что в ед. числе, насколько можно судить, сохраняется наосновное ударение.

Названия животных

§ 38. Следующие из них относятся к схемам *b* и *f* (последнее отмечено). Слова на *ст* и на *щ*: *глист, клёст, клац, лещ, хрущ*. Слова на шипящую (кроме *щ*) и на мягкую согласную: *грач, ёж, ёри, конь (f), линь (рыба), лунь, морж, стриж, сыч, уж, хорь, червь (f), чиж, шмель, язь*. Прочие: *бобр, бык, вол, дрозд, жук, кит, клоп, кнур (кныр), кот, крот, сиг, слон, сом, хряк, шип (рыба), щур (птица)*.

В разговорной речи к этому списку присоединяется ряд других слов. Во-первых, слова схемы *e* *волк, гусь, лось* обнаруживают сильную тенденцию к переходу в схему *f*: вместо нормативных *вóлка, гу́ся, лóся* часто выступают *вóлка, гу́сá, ло́сá*; такое ударение неоднократно встречается и в стихах. Во-вторых, вместо нормативной схемы *a* у слов *мул, спрут, шприц* иногда выступает схема *b*. Такое ударение может проникать и в стихи; так, *на муле, худого мула, мулы, мулов* неоднократно встречается в стихах XIX и XX веков; пример со словом *спрут*: *Он привез мне глаз кита / Зуб акулы / И спрутá⁷³*.

И склонения. Единственным относительно устойчивым исключением является *зверь* (схема *e*)⁷⁴. Слова *волк, гусь, лось*, относящиеся по литературной норме к схеме *e*, фактически колеблются (см. выше).

Отметим, что среди названий животных полностью отсутствует схема *c* (ср. § 35)⁷⁵.

Названия лиц по занятию и оценочные

§ 39. Это единственная группа среди названий лиц, в которой осуществляется принцип III⁶ (и то не вполне последовательно); о прочих группах названий лиц см. § 35 и 41.

К схеме *b* относятся: *вождь, волхв, бьяк (b // a), ксёндз (b, изредка a), паж (b, изредка a), плуг (b // a), поп, раб, хлыст «хлыстовец*;

⁷³ Волгина Т. По тропинкам бродит лето. Киев, 1968, с. 47. В псковских, пинежских (а также некоторых белорусских) говорах схему *b* получило слово *рак* (см.: Колесов В. В. История русского ударения, с. 109). Ударение *ракíй, ракóв* зафиксировано нами, кроме того, в Кирилловском районе Вологодской области.

⁷⁴ Даже и у этого слова в говорах и в просторечии встречается ударение *зверíй, зверíб* и т. д. (см.: Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке, вып. I, с. 246), однако в обычную разговорную речь оно все же почти не проникает.

⁷⁵ В связи с этим нельзя считать надежной схему *c*, которую дает Д. Н. Ушаков для областного (очень редкого) слова *зуй* (обычное название — *зуек*).

фат, **хлыщ**, **хлюст** «нахал, проныра», **хрыч**, **шиш** «бродяга, разбойник», **шик** «сыщик», **шпынь** «насмешник», **шут**; в просторечии **жлоб**, **хмырь**. Сюда же слова с неполной выделимостью суффикса **врач** и **спец** (*b* // *a*), ср. § 19. О слове **дуб** «тупой человек» см. § 27. В эту же группу попадают жаргонные новообразования, например **хип** (схема *b*), **битл** (*b* // *a*) и т. п.

К этой группе примыкают также названия карт и фигур (в играх): **туз**, **ферзь** (оба схемы *b*); просторечные и арготические **пант** «валет» (*b*), **киng** «король» (*b* // *a*).

Сильную тенденцию к переходу в схему *f* и далее в схему *b* обнаруживает слово **вор** (по литературной норме схема *e*); ср. также выше, § 18.

Замечание. К этой же семантической группе относятся почти все односложные слова с суффиксами, например **ткач**, **льстец**, **лгун**, **враль**, **псаръ** (схема *b*, см. § 19). Возможно, что они оказали определенное влияние на то, что именно эта семантическая группа бессуффиксальных односложных слов обнаруживает (в отличие, например, от терминов родства, титулов, названий национальностей и др.) тенденцию к схеме *b*.

Прямых исключений в данной группе практически нет: единственное слово нетривиального склонения с нормативным наоснóвным ударением ед. числа — **вор** — фактически колеблется (см. выше).

Трудность состоит здесь в другом: несколько вполне употребительных слов данной семантической группы (иногда даже близких к просторечным), вопреки принципу II^б, относятся к тривиальному склонению. Таковы **мот**, **хват**, **трус**, **глот**, **жом**, **жмот**, **жох**, **хам**, **гад**, **кат**, **шкет**. Наиболее объяснимо ударение отглагольных слов **мот**, **хват**, **глот**, **жом**: под действием морфологического фактора (§ 25) они сохраняют свое прежнее наоснóвное ударение ед. числа. Но нетривиальное ударение во мн. числе в этом случае означало бы схему *c*, которая, как отмечено в § 35, стала теперь признаком терминов родства. Поскольку **мот**, **хват**, **глот**, **жом** к терминам родства не относятся, они получают иное ударение — тривиальное.

Сравнительно близко (в морфологическом отношении) к этим словам стоят **трус** и **жмот**. Что касается прочих слов, то у них тривиальное ударение остается неясным. Возможно, что наличие слов **мот**, **хват**, **глот**, **жом** (также **трус**, **жмот**) создает допустимый для данной семантической группы второстепенный акцентуационный образец (схему *a*), которому и следуют слова **хам**, **жох** и т. д.⁷⁶ (притом что главный акцентуационный образец здесь все же схема *b*, см. выше). Так или иначе, ситуация с ударением в данной семантической группе не такая определенная, как, например, у названий животных.

⁷⁶ С наличием этого образца, быть может, связано и колебание слова **плут** между схемами *b* и *a*, а также изредка встречающееся ударение по схеме *a* у слова **враль** (с морфологической точки зрения необъяснимое).

Различные мелкие группы исчисляемых

§ 40. 1. Названия гор, груд, сооружений (не полых). Схема *b*: *холм, кряж* «хребет» (*b // a*), *скирд, бурт, ряж* (*b // a*). У слова *мост* (*b // c*) старое ударение по схеме *c* все чаще заменяется новым по схеме *b*.

Слово *мол* относится по литературной норме к схеме *a*, но имеет *П₂*, *на молу*; в профессиональной речи у этого слова возможна схема *c* (см. «Орфографический морской словарь»), в разговорной речи за- свидетельствована также схема *b* (*прыгали с мола*). О слове *стог* см. § 34.

2. Названия отверстий, шахт. Схема *b* (*// a*): *шурф, шпур*. Слово *паз*, относящееся по литературной норме к схеме *c*, в профессиональной речи и в просторечии допускает схему *b*.

3. Названия фигур, начертательных знаков (в частности, букв, цифр), монет. Схема *b*: *крест, крыж, луч, штрих, герб, блинт* «кособы́м образом вытисненная надпись или орнамент»; *аз, нуль (ноль)*⁷⁷; *рубль, грош*. Заметим, что многие из этих слов (например *крест, рубль, грош*) часто обозначают конкретные материальные предметы, что сближает их со словами из § 37.

Широко представлена в профессиональном просторечии схема *b* для слова *икс* (ср. помету «не *иксá*» в кн. «Русское литературное произношение и ударение»), в несколько меньшей степени — для названий букв *хер, ер, юс* (в более литературном варианте здесь выступает «компромиссная» схема *c*, в подчеркнуто литературном — *a*). Нами отмечено даже *жирного плюса* (где *плюс* употреблен в значении графического знака).

Слово *круг* (схема *c*) едва ли следует считать просто исключением: у него имеются явно выраженные значения «пространственного» типа (часть плоскости; среда, сфера — в переносном смысле), которые сближают его со словами из § 33 (например *мир, луг, плац*).

Названные семантические микрогруппы можно охарактеризовать как «умеренно склонные к *b*».

Семантические группы, в которых не действуют синхронические акцентуационные правила

§ 41. Синхронические акцентуационные правила, касающиеся ударения в ед. числе, не действуют прежде всего у названий частей тела (а также язв и т. п.). Из них к схеме *b* относятся *горб, клык, перст, прыщ, свищ, хвост, хрящ*, к схеме *c* — *глаз, зоб, нос, рог, чуб*, к схеме *e* — *зуб*, к схеме *a* с мн. *-ья* — *струп*. Слова *пуп* и *ус* колеблются между схемами *b* и *c* (причем по литературной норме для *пуп* предпочтительна схема *b*, для *ус* — схема *c*).

⁷⁷ Таким образом, это слово выступает здесь как обозначение графического знака, цифры (а не в абстрактном значении «ничто» и т. п.).

В таком же положении находятся названия лиц, не относящихся ни к терминам родства (§ 35), ни к названиям по занятию или оценочным (§ 39). Из них к схеме *b* относятся *враг*, *царь*, а также *жид* (см. об этом слове § 18), к схеме *c* — *друг* (мн. *друзъя*), *князь* (мн. *князъя*)⁷⁸, а также *пан* (*c*, реже *a*), к схеме *e* — *бог*, *чёрт*, *гость*.

Кроме того, имеется небольшое число слов, значение которых с трудом поддается классификации. Эти слова не ассоциируются (без существенных натяжек) ни с одной из частных семантических групп, рассмотренных в § 29—40. Поэтому естественно, что принцип III (в основе которого лежит акцентуационное уподобление семантически сходных слов) здесь действовать не может. Сюда мы относим: из слов схемы *b* — *стих*, *хлюст* «набор карт одной маски», *шиш*, областное *кут* «угол в избе и др.», а также *смерч* (*a* // *b*, см. § 32); из слов схемы *c* — *шар* (в основном, более абстрактном значении, ср. § 27), *клуб* (дыма и т. п.), *вал* «волна», *вал* «ось», *след* (схема *c* с некоторыми отклонениями в сторону *b*, см. кн. «Русское литературное произношение и ударение»).

Замечание. К числу слов, значение которых трудно поддается классификации, вообще говоря, можно было бы отнести и некоторые из включенных выше (с некоторой долей условности) в основные семантические группы, в частности из слов схемы *b* — *луч*, *пласт*, *нуль* (*ноль*), из слов схемы *c* — *кус*, *том*, *мыс*, *воз*, *стог*, *круг*.

ИТОГОВЫЕ ТАБЛИЦЫ

§ 42. Ниже приводятся сводные таблицы по односложным словам нетривиального склонения (кроме подпадающих под § 16—18) и неопределенным *singularia tantum*. Таблицы показывают количественные соотношения слов с наоснбовым и с флексионным ударением ед. числа в различных семантических и морфонологических группах. В соответствии с § 36 колеблющееся ударение объединено в таблицах с флексионным.

При подсчетах учтены факты как литературной, так и нелитературной речи. Во-первых, в совокупность отражаемых таблицами слов включены, помимо слов, относящихся к нетривиальному склонению по литературной норме, также слова, относящиеся к нетривиальному склонению только в нелитературной речи, например слова *штраф*, *бант* (нелитературное мн. *штрафы*, *банты* при литературном *штрафы*, *банты*)⁷⁹. Во-вторых, учитывалось как литературное, так и нелитературное ударение ед. числа каждого отражаемого таблицами слова, а именно: если эти два ударения совпадают (это нормальный случай), в таблицах отражено единое ударение; если же они расходятся

⁷⁸ Слова *друг* и *князь* с морфологической и акцентуационной точек зрения примкнули, таким образом, к терминам родства.

⁷⁹ При таком принципе отбора общее число отражаемых сейчас таблицами слов составляет около 670. Если бы учитывалась только литературная норма, соответствующая совокупность составила бы около 600 слов.

(ср., например нелитературное *лося́* при литературном *лóся*), то ударение такого слова квалифицируется как колеблющееся⁸⁰.

Нелитературное ударение отражено в том объеме, в котором оно рассмотрено в § 30—41⁸¹. В качестве исключения, чтобы не затмять общей картины фактами, недостаточно надежно засвидетельствованными или вызванными какими-то побочными причинами, в таблицах не отражена возможность появления в нелитературной речи схемы *c* у слов *бур*, *кран*, *флаг*, *трос*, *бог* (см. § 37, конец) и схемы *b* у слов *ших*, *харч*, *гол*, *трюк*, *газ*, *шлюз*, *горн*.

Чтобы уменьшить влияние побочных обстоятельств на числовые данные таблиц, в таблицы не включены: а) слова *лом*, *струг*, *щуп* (ударение которых определяется морфологическим фактором, § 25) и *жмых* (см. § 30); б) слова, отмеченные выше в списках как областные (поскольку их ударение непоказательно); кроме того, слово *зуб* в значении «зубец» не отделено от *зуб* в основном значении.

Таблица 1 отражает ударение «морфонологически нейтральных» слов, т. е. оканчивающихся не на *щ* и не на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*»; это основной массив односложных слов. Таблица 2 отражает ударение слов, оканчивающихся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*», т. е. тех, которые подпадают под действие морфонологического фактора (§ 26), обуславливающего склонность таких слов к схеме *b*.

Если в клетке таблицы дано два числа, соединенных знаком + (например 156 + около 220), первое число относится к словам нетривиального склонения, второе — к неопределенным *singularia tantum*. В прочих случаях числа обозначают количество слов нетривиального склонения.

Таблица 1

Ударение ед. числа у морфонологически нейтральных односложных слов нетривиального склонения (и неопределенных *singularia tantum*)

	На основное ударение в ед. числе	Флексионное (или колеблющееся) ударение в ед. числе
Семантические группы, «склонные к <i>с</i> » (§ 30—35)	156 + около 220	13
Семантические группы, «склонные к <i>б</i> » (§ 36—40)	4	155
«Семантически нейтральные» (§ 41)	18	10

⁸⁰ Некоторые сведения о том, как изменились бы числовые данные таблиц, если бы учитывалось только литературное ударение, приведены в комментариях к таблицам.

⁸¹ Как уже отмечалось, этот объем сведений не может считаться исчерпывающим. Понятно, что если его удастся расширить, числовые данные таблиц несколько изменятся.

Из этой таблицы видно, что подавляющее большинство слов из рассматриваемой совокупности подчиняется современным семантическим правилам об ударении и лишь 17 слов (13 с флексионным или колеблющимся ударением и 4 с наосновным) представляют собой исключения. Эти исключения можно разделить на два типа. Первый тип образуют слова из семантических групп, «сильно склонных» к *b* или к *c*; исключения этого типа прямо противоречат принципу III. Сюда относятся 8 слов, «сильно склонных к *c*» и тем не менее имеющих флексионное ударение (*скот, вред, грех, стыд, суд, труд, ум, путь*), и 3 слова, «сильно склонных к *b*» и тем не менее имеющих наосновное ударение ед. числа (*плуг, стул, зверь*); см. комментарии по поводу этих слов в § 13. Второй тип образуют слова из семантических групп, «умеренно склонных» к *b* или *c*; это, так сказать, «слабые» исключения (сюда относятся *полк, двор, кремль, скит* — с флексионным ударением ед. числа, *пруд* — с колеблющимся, *круг* — с наосновным).

Общий характер картины, представленной в табл. 1, не изменился бы и в том случае, если бы подсчеты производились только для нормативного литературного ударения; однако в силу консервативности литературной нормы эффект семантических правил был бы несколько меньшим. Так, в двух основных рубриках таблицы вместо 156 слов нетривиального склонения с наосновным ударением и 155 с флексионным или колеблющимся в этом случае соответственно 130 и 110, главным образом за счет того, что значительная группа слов типа *штраф, бант* относится по литературной норме к тривиальному склонению. С другой стороны, группа слов-исключений, «склонных к *b*» и тем не менее имеющих наосновное ударение ед. числа, в этом случае более многочисленна (16 слов), поскольку для слов *вор, волк, гусь, лось, клин, пук* и ряда других литературная норма пока еще

Таблица 2

**Ударение ед. числа у односложных слов нетривиального склонения
(и неопределенных singularia tantum),
оканчивающихся на *щ* и на сочетание «согласная (не взрывная) + *т*»**

	Наосновное ударение в ед. числе	Флексионное (или колеблющееся) ударение в ед. числе	
	только слова на согл. + <i>т</i>	слова на согл. + <i>т</i>	слова на <i>щ</i> (и <i>дождь</i>)
«Склонные к <i>c</i> »	5 + около 25	19	4
«Склонные к <i>b</i> »	0	27	7
«Семантически ней- тральные»	1	3	3

запрещает встречающиеся в разговорной речи ударения типа *ворд*, *волкá*, *гусéй* и т. д.

Из табл. 2 видно, что морфонологический фактор способен успешно противодействовать семантическому (кроме сферы *singularia tantum*): из 24 слов нетривиального склонения на согласную + *т*, «склоненных к *с*», лишь 5 подчиняются семантическому правилу, а 19 — морфонологическому. Оказывается, однако, что такое положение характерно в основном для нелитературной речи. Так, по литературной норме имеется 17 слов нетривиального склонения на согласную + *т*, «склоненных к *с*»; из них 11 подчиняются семантическому правилу и только 6 (*холст*, *пост₁*, *пост₂*, *винг* «игра», *пласт*, *гурт*) — морфонологическому. Таким образом, в литературной речи роль морфонологического фактора существенно меньше, чем в нелитературной.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АКЦЕНТУАЦИИ ДВУСЛОЖНЫХ СЛОВ МУЖСКОГО РОДА С БЕГЛОЙ ГЛАСНОЙ

§ 43. В акцентуационном отношении двусложные слова мужского рода с беглой гласной образуют промежуточную группу, обнаруживающую частичное сходство как с односложными, так и с многосложными.

Выделяются три подгруппы таких слов: 1) слова на *-ок* (-*ек*) и *-ец* (сюда же *заяц*); 2) слова на *-ень*; 3) все прочие.

Как вытекает из § 16, при начальном ударении в исходной словоформе все такие слова (кроме *заём*, *наём*) относятся к схеме *b*, например *кусóк*, *конéц*, *слепéнь*, *котёл*. При начальном ударении все слова 1-й подгруппы (например *кубóк*, *грéц*) относятся к схеме *a*, но для слов 2-й и 3-й подгрупп схема ударения еще не предопределена исходной словоформой: ср., например, *львéнь* — схема *a*, *кóготь* — схема *e*, *úзел* — схема *b*.

В распределении начальноударных слов 2-й и 3-й подгрупп по схемам ударения, по-видимому, действуют (хотя и не вполне последовательно) те же акцентуационные закономерности, что и у односложных.

Рассмотрим ударение в ед. числе у начальноударных слов 3-й подгруппы (вопрос о мн. числе оставляем в стороне). В семантических группах, «склонных к *с*», мы находим устойчивое наосновное ударение: *ветер*, *вýхорь*, *дёготь*, *кашель*, *бцет*, *нépel* — Р. ед. *вéтра* *вýхря* и т. д.; сюда же термин родства *свёкор*; только слово *úголь* колеблется: Р. ед. *úгля* и *угля*. Остальные слова — это семантически «склонные к *b*» и еще несколько исчисляемых (названия частей тела и слово *úгол*), которые в данном случае, по-видимому, присоединились к ним. С акцентуационной точки зрения эти слова распределяются так: а) схема *b* — слова *úзел*, *úгорь*, *úгол* (Р. ед. *úзлá*, *угрá*, *углá*); б) наосновное ударение в ед. числе по литературной норме, при большем или меньшем распространении флексионного ударения в разговорной речи или в просторечии — слова *кóготь*, *кóмель*, *лáпоть*, *лóкоть*, *нóготь*, *стéбель*, *тýгель*, *úлей*, *чýрей* (например, Р. ед.

в литературном языке *когтя*, но в просторечии часто *когтя* и т. д.); сюда же колеблющееся слово *ломоть*, *ломть* (Р. ед. *лómтя*, *ломт́я*); в) устойчивая схема *a* — только *бúбен*, *дáгел*.

У слов 2-й подгруппы данная тенденция выражена гораздо слабее: она проявляется лишь в том, что в просторечии у слов *грéбень*, *кáмень*, *пóршень*, *стéржень* и некоторых других иногда встречается флексионное ударение в ед. числе (тогда как, например, для слов *лíвень*, *сбýтень*, *цвéтень*, *щéбень* это невозможно).

Обращает на себя внимание тот факт, что среди конечноударных слов 2-й и 3-й подгрупп (их около 40) решительно преобладают исчисляемые, например: *бóбёр*, *козéл*, *орёл*, *осёл*, *щегóл*, *слепéнь*, *багбр*, *ковёр*, *копёр*, *котёл*, *кочáн*, *чехóл*, *ремéнь*, *вихóр*, *мосбл*, *хохбл*, *хребёт*, *бугбр*, *костёр*, *ручéй*. К неисчисляемым относятся только: *огóнь*, *овéс*, областное *чабёр* (растение), *заём*, *наём*; слово *кремéнь* может выступать и как исчисляемое, и как неисчисляемое. Таким образом, со статистической точки зрения, принцип III довольно хорошо соблюдается и у этой категории слов. Более того, слова *заём* и *наём* относятся, вопреки правилам из § 16, к схеме *a*: Р. ед. *зáйма*, *нáйма* (что в разговорной речи обычно ведет к замене исходных словоформ *на займ*, *найм*). Эту аномалию естественно связать с действием принципа III^a и правила о приставочных отлагольных именах из § 17. Возможно, что колебания между литературным *кремéнь*, *кремéй* и разговорным *крéмень*, *крéмня* тоже связаны с действием принципа III.

Таким образом, акцентуационные закономерности односложных слов имеют тенденцию распространяться на совокупность всех слов, мужского рода с односложной основой косвенных словоформ.

О НЕКОТОРЫХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ЗНАЧЕНИЕМ И УДАРЕНИЕМ У РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 1. Наблюдениями целого ряда исследователей установлено, что среди русских прилагательных имеются группы, ударение которых обнаруживает некоторую связь с их значением. Самой важной зависимостью такого рода является принцип, согласно которому в современном литературном русском языке прилагательные с качественным значением (по крайней мере производные) обычно имеют в полных формах ударение на основе (см. об этом, в частности, Зализняк 1985, § 1.56). В ряде других случаев группы, в рамках которых проявляется влияние семантического фактора, не столь обширны.

В настоящей работе делается попытка несколько расширить круг наблюдений такого рода. Практически мы будем ниже рассматривать только ударение полных форм (кроме случаев, где специально оговорено иное); такой подход оправдан тем, что в современном русском языке ударение полных и кратких форм связано между собой довольно слабо (т. е. тут обычно действуют разные закономерности).

Основным предметом разбора являются синхронические соотношения, обнаруживаемые в современном литературном русском языке; но в дополнение к этому кратко разбирается также (без документации) характер исторической эволюции, которая привела к таким соотношениям.

При анализе связи ударения полных форм со значением целесообразно учитывать, во-первых, противопоставление полных форм с наосновным ударением (схема ударения *a*) и с флексионным (схема ударения *b*), во-вторых, в рамках схемы *a* — различие по числу слогов основы и по месту ударения внутри основы. Назовем акцентным контуром (данного прилагательного) совокупность сведений обоего рода, т. е. акцентную характеристику, включающую схему ударения полных форм и (при схеме *a*) число слогов основы и номер ударного слога. Условимся для большей наглядности обозначать акцентные контуры словами-образцами: *пустой* (для всех прилагательных на *-ый*, например, *бурный*, *злой*, *молодой* и т. д.) и *чайный, высокий, медленный, виноватый, одинаковый* (для прилагательных на *-ый, -ий* с соответствующим числом слогов и местом ударе-

ния). Как показывает наблюдение, в одних случаях для нашего разбора оказывается существенной только схема ударения рассматриваемых прилагательных, в других — весь акцентный контур в целом.

§ 2. В основе рассматриваемых нами явлений лежит следующий общий принцип: прилагательные со сходной морфологической структурой и/или со сходным значением могут обнаруживать тенденцию к унификации акцентных контуров (или хотя бы схем ударения). Подчеркнем, что речь идет лишь о возможности, а не об обязательности; в разных группах прилагательных данная тенденция может проявляться в весьма различной степени.

Хорошо известным частным случаем является унификация ударения у прилагательных с определенным суффиксом. Так, например, в ходе истории все прилагательные с суффиксами *-к-*, *-н'*, *-ав-*, *-ок-* получили в полных формах наосновное ударение (при том, что первоначально здесь были представлены обе возможных акцентовки), см. Зализняк 1985, § 1.56, 2.25. Важнейшим примером связи ударения со значением является уже упомянутая выше тенденция прилагательных с качественным значением к наосновному ударению в полных формах.

В ряде случаев акцентная унификация затрагивает совсем маленькие группы семантически тесно ассоциированных прилагательных (в предельном случае — просто пары). Приведем несколько примеров.

Так, в истории русского языка первоначальное ударение *левый* сменилось на *лёвый* под влиянием слова *правый* (где наосновное ударение исконно), см. Булаховский, с. 367. Заметим, что в украинском языке данная семантическая пара представлена в виде *лівий* и *десний* — тоже с одинаковым ударением, но только флексионным (в обоих случаях исконным).

В литературном русском языке слово *босой* имеет флексионное ударение; однако в парном сочетании (семантического типа *hendiadysoin*) *голый* и *босый* выступает наосновное ударение *босый*, которое очевидным образом повторяет акцентуацию слова *голый*. Во многих говорах (а также в белорусском и украинском языках) ударение *босый*, возникшее таким путем, обобщилось (Булаховский, с. 371).

Слово *другой* в одном из своих значений ('следующий по порядку') практически синонимично слову *второй*, в другом значении ('отличный', 'не тождественный') — слову *иной*. В современном русском языке все три слова акцентно сходны. Между тем только у слова *другой* такое ударение исконно; два других слова первоначально акцентуировались *вторый*, *иный*. Есть все основания предполагать, что смена ударения у обоих этих слов произошла под влиянием слова *другой*. Интересно отметить, что в украинском языке акцентная эволюция рассматриваемых слов была иной, но и здесь имело место выравнивание: *вторий* и *иный* сохранили здесь наосновное ударение до самого конца своего существования в языке (в XVII—

XVIII вв. оба эти слова вышли из употребления, вытесненные соответственно словами *другий* и *и́ниший*); напротив, древнее *другий* сменило ударение на *другий*.

Значительное акцентное влияние оказали друг на друга порядковые (как, впрочем, и количественные) числительные, соседствующие в натуральном ряду. Так, замена старых *сёмый* (*сéдмый*) и *всомый* (*вóсмый*) на *седьмой*, *восьмой*, отразившаяся в современном литературном русском языке (а также в большинстве говоров), по-видимому, связана с влиянием предшествующего члена *шестой* (где такое ударение исконно). В то же время известно и противоположное направление выравнивания в этой тройке: *шестой*, *сёмый*, *восьмой*. Оно характерно для многих западновеликорусских говоров и для белорусского и украинского языков.

Во многих великорусских говорах известно ударение *первой*, которое возникло под влиянием слова *второй* (разумеется, уже после того, как *второй* вытеснило более древнее *вторый*); в литературном языке такое ударение отразилось в наречии *впервые*.

В семантической группе важнейших вкусообозначений мы находим сейчас наосновное ударение: *горький*, *сладкий*, *кислый*, *солёный* (при этом три из этих четырех слов имеют даже одинаковый акцентный контур). Между тем исходное состояние здесь было иным как по ударению, так отчасти и по морфологической структуре: *горькой*, *сладкой*, *киселый* (и *кисёлый*), *солоной*. Смена ударения в *горький* и *сладкий* объясняется прежде всего принадлежностью этих прилагательных к группе с суффиксом *-к-* (см. выше). Но для замены *солоной* на *солёный* (впоследствии вытесненное в полных формах [но не в кратких!] акцентно сходным причастием *солёный*) подобной морфологической причины не было; ударение здесь просто выровнялось по другим членам ряда. Для слова *киселый* (*кисёлый*) выравнивание выразилось в смене морфологического оформления — замене суффикса *-ел-* (*-ёл-*) на *-л-*; в результате по акцентному контуру это слово совпало с *горький*, *сладкий*.

В семантической группе пространственных оценок, блестяще проанализированных Р. О. Якобсоном (Jakobson), прилагательные, обозначающие большую степень рассматриваемого качества, образуют ряд с суффиксом *-ок-* и акцентным контуром *высокий* (*высóкий*, *глубокий*, *широкий*, *далёкий*), обозначающие меньшую степень — ряд с суффиксом *-к-* и акцентным контуром *чáстый* (*нíзкий*, *мелкий*, *у́зкий*, *блíзкий*). С исторической точки зрения столь четкое единобразие, по-видимому, является здесь результатом постепенной эволюции. Так, для *высокий* (возможно, также для *широкий*) следует предполагать исходное начальное ударение, см. Зализняк 1985, § 2.25, 3.56. С другой стороны, у древнерусского *близъкъи* существовал также вариант *близокъи*, отразившийся в субстантивированных *близокъ* 'свойственник', *близока* 'свойственница', см. ЭССЯ, вып. 2, с. 120–121. Со временем, однако, этот вариант, не соответствующий акцентному контуру серии *нíзкий*, *мелкий*, *у́зкий*, *блíзкий*, был устранен.

Приведенные примеры иллюстрируют возможность акцентного сближения в рамках малых семантических групп. Можно указать, однако, по меньшей мере два случая, когда такое явление наблюдается в несколько более широких семантических группах.

Обозначения физических и психологических недостатков

§ 3. Прилагательные непроизводные (с односложной [или двусложной полногласной] основой) или с суффиксом *-н-*, обозначающие физические недостатки или отрицательные психологические характеристики (особенно связанные с буйным или ненормальным поведением), обычно имеют в полных формах флексионное ударение. «Семантическое ядро» данной группы образуют слова: *глухой*, *немой*, *слепой*, *хромой*, *кривой* 'одноглазый', *косой* 'косоглазый', *худой*, *больной*, *шальной*, *блажнй*¹. Далее, сюда относятся: *рябой*, *седой*; *злой*, *скучный*, *лихой*, *озорной*, *разбитный*, *хмельной*, *чудной* (о человеке), *смешиный* (о человеке), ср. еще *чумной* (в переносном смысле); сюда же разговорные и просторечные *баловной*, *сволочкой*, *продувной* (отчасти также *пробивной*). Примыкает к данной группе также слово *холостой*². Особую маленькую подгруппу составляют прилагательные с более широким отрицательным значением (включающие, однако, среди прочих также значение физического или психологического недостатка): *плохой* (ср. значение 'тяжело больной'), *дурной* (ср. значение 'шальной', *сумасбродный*), *дрянной*, *срамной*. Отметим еще просторечные *благой* 'блажной', 'дурной', *смурной*, *заводной* 'драчливый', 'вспыльчивый', жаргонное *бухой* 'пьяный'.

З а м е ч а н и е 1. Значения рассматриваемого типа возможны также у ряда других прилагательных на *-ой*, но здесь они занимают более периферийное место в совокупности значений слова: ср. *тупой* 'глупый, бездарный', *простой* 'глуповатый', *пустой* 'легкомысленный', *крутой* (правом), *сырой* 'тучный и слабосильный', *сухой* 'сухопарый', *иссохший*, *сморщенный*.

Поскольку границы данной семантической группы недостаточно четки, понятие акцентного исключения здесь тоже не вполне определено. С наибольшим основанием можно считать такими исключениями слова *лысый*, *тощий*, *хвальный*, *пьянъи*, *лютый*, *буйный*. Прочие слова подобного рода (*квёлый*, *хилый*, *глупый*, *дикый* и др.) по своей семантике относятся скорее к периферии этой группы.

З а м е ч а н и е 2. В говорах часть названных здесь слов может выступать с флексионным ударением, например: *тощой*, *хворой*, *лютой*, *глупой*, *дикой* и др. Следует подчеркнуть, однако, что с этими данными нужно обращаться весьма осторожно. Без анализа всей системы говора их нельзя рассматривать в том же

¹ Особо стоит *босой*, которое лишь отчасти сближается с данной семантической группой.

² С учетом исторической ретроспективы, вероятно, можно было бы присоединить сюда еще и слово *молодой*, которое первоначально явно имело коннотацию неполнозненности.

ряду, что данные литературного языка: в конкретном говоре появлениеование таких ударений может определяться совсем иными правилами. Например, ударение *тощой* в каком-нибудь северновеликорусском говоре, где выступают также, скажем, *пешой*, *тихой*, *толстой*, *частой*, *честной*, *дешевой*, *сuroвой*, *пресной*, *тесной*, *бурной*, *гязной*, *жирной*, *смирной*, *горькой*, *жаркой*, *крепкой*, *ловкой*, *мелкой*, *пряткой*, *редкой*, *робкой*, *тонкой* и т. п. (т. е. где практически не действует правило о наосновном ударении у качественных прилагательных), разумеется, целья объясняется правилом о флексионном ударении у обозначений недостатков. Поэтому единичные факты из слабо обследованного говора часто бывают крайне малоинформативны (а для решения многих задач, встающих перед лингвистом, даже просто бесполезны). К сожалению, достаточно полных описаний отдельного говора существует очень мало. Используя одно из таких описаний (Деулин, сл.), приведем пример говора, представляющего интерес для нашего разбора. В деулинском говоре (Рязанская область) акцентуация полных форм, по-видимому, регулируется принципами, в целом довольно близкими к действующим в литературном языке. Круг слов на *-ой* со значением физического или психологического недостатка здесь несколько шире, чем в литературном языке, ср., в частности: *благой* 'озорной', *'своевольный'*, *борзой* 'буйный', *'буйный сумасшедший'*, *глупой*, *дикой*, *лигостиной* 'злобный', *'злопамятный'*, *мудрой* 'капризный', *'непавидящий'* 'злобный', *'непавидящий'*, *сипой* 'сиплый', *страшиой* 'плохо выглядящий', *тощой*, *хворой*, *хриплой* 'хриплый' и даже *блажкой* 'озорной', *'своевольный'* (с нехарактерным для данного говора флексионным ударением при суффиксе *-к-*).

Акцентный эффект, наблюдаемый в группе обозначений недостатков, очевидным образом противоречит общему принципу акцентуации качественных прилагательных. Таким образом, мы явно имеем здесь дело с более частным семантическим правилом, независимым от этого общего принципа.

Заметим, что с типологической точки зрения наличие у семантической группы физических и психологических недостатков какого-то общего внешнего признака не представляет собой чего-либо исключительного. Так, например, в арабском языке слова данной семантической группы строятся по единой морфологической модели (*'af'alu*): *'atrašu* 'глухой', *'abkati* 'немой' и т. п.

З а м е ч а н и е 3. В работе Зализняк 1985, § 1.52 отмечено, что при суффиксе *-овск-* флексионное ударение наблюдается только в семантической группе отрицательных качеств, связанных с колдовством, плутовством, хвастовством и т. п.: *колдовской*, *ведьмовой*, *ведовской*, *воровской*, *плутовской*, *шельмовой*, *бунтовской*, *шутовской*, *хвастовской*, *мотовской*, *фатовской*, *франтовской*. Поскольку этот круг значений явно близок к значению психологического недостатка, можно предполагать, что сходство ударения этих прилагательных на *-овской* и рассмотренных выше прилагательных типа *глухой*, *лихой*, *шальной* не случайно.

С диахронической точки зрения для большинства рассмотренных выше прилагательных на *-ой* мы имеем дело просто с сохранением первоначального ударения.

Важнейшим исключением является слово *хромой*: здесь исконным было ударение *хромый* (по акцентной парадигме *b*), которое сменилось на *хромой* под влиянием исконных *слепой*, *глухой*, *немой* и т. д. (см. Булаховский, с. 371; Л. А. Булаховский указывает в качестве гипотетического источника акцентного влияния только слово

слепо́й [укр. *сліпій*], но более вероятно, что соответствующее “давление” здесь оказывала уже вся группа обозначений физических недостатков). Первый пример нового ударения зафиксирован уже в Чудовском Новом Завете XIV в. (*хрома́го* В. ед. 80в) — на фоне еще господствующей старой акцентовки (*хромы́и*, *хроми́и*, *хромы́я* и др.). В памятниках XVI в. ударение *хромо́й* (*хромый*) встречается все чаще и в ряде микросистем уже полностью побеждает.

Возможно, такую же акцентную эволюцию проделало слово *ску́пой*. Исходная (для восточнославянского) акцентная парадигма здесь не вполне ясна: *b* или *c*. Если исходной была акцентная парадигма *b* (как в западнославянском, ср. чешск. *skoupý*, словацк. *skúpy*, польск. *skupy*), то ударение *ску́пой* следует признать вторичным, возникшим под влиянием других слов рассматриваемой семантической группы.

Неисконным является ударение слов *щуднóй* и *чумнóй*.

Приведенные слова (прежде всего *хромо́й*) сами по себе показательны. И все же самым явным свидетельством формирования частного морфонологического правила о флексионном ударении у названий недостатков является то, что эта группа слов не подчинилась в ходе истории общему правилу о наосновном ударении у качественных прилагательных. С этой точки зрения показательно не только приобретение нового ударения словом *хромо́й*, но и сохранение старого ударения словами *глухо́й*, *немо́й*, *слепо́й*, *больно́й* и т. д., т. е. основной массой прилагательных данной группы. Существенно также, что нынешние исключения (*лы́сый*, *пъя́ный*, *лю́тый* и др., см. выше) — это слова, просто сохраняющие свое старое ударение.

Обозначения цветов

§ 4. Прилагательные, обозначающие цвета (а также степени освещенности), независимо от своей морфологической структуры имеют в полных формах ударение на основе. Примеры: *бéльй*, *чёрный*, *краснýй*, *зелёный*, *розово́й*, *лилóвый*, *коричневый*, *белёсый*, *пёстрый*, *свё́тлый*, *тёмный*.

Явное исключение только одно: *голубо́й*. В нескольких других случаях, на первый взгляд сходных, мы в действительности имеем дело со словами несколько иного значения.

а) Названия лошадиных мастей не подчиняются (в общем случае) приведенному правилу, ср. *гнедо́й*, *вороно́й*. Они стоят семантически ближе, чем обычные цветообозначения, к относительным прилагательным: качественный аспект (допускающий, в частности, градацию по степени проявления качества) здесь в значительной мере уступает место чисто классификационному.

б) Сходной семантической особенностью обладает также слово *цветнóй* (ср. недопустимость градации этого качества, в отличие, скажем, от *пёстрый*).

в) Слова *рябóй* и *седóй* ведут себя в рассматриваемом отношении не как цветообозначения, а как термины из группы физических недостатков (§ 3).

Дополнительная особенность состоит в том, что непроизводные слова данной группы с односложной основой (а также опростившиеся *krásnyj*, *svétlýj*, *tёmnyj*) имеют в кратких формах (хотя бы факультативно) флексионное ударение, например: *belá*, *beló*, *belý* (ср. *černó*, *krasnó*, *želto*, *pestró*, *svetló*, *temnó* и т. п.; подробнее см. Зализняк 1985, § 1.17).

Может возникнуть вопрос, нужно ли выделять цветообозначения в особую группу, коль скоро ударение их полных форм можно объяснить непосредственно общим принципом о наосновном ударении у качественных прилагательных. В действительности такое выделение все же целесообразно — по следующим причинам. Во-первых, у цветообозначений наосновное ударение полных форм выступает независимо от морфологической структуры, тогда как указанный общий принцип, согласно Зализняк 1985, § 1.56 и 4.3, хорошо “работает” в основном лишь в сфере производных прилагательных. Иначе говоря, у цветообозначений наосновное ударение реализуется более последовательно, чем у качественных прилагательных в целом. Во-вторых, правило о наосновном ударении у цветообозначений в определенных случаях оказывается “сильнее”, чем некоторые другие частные правила акцентуации прилагательных (см. ниже, § 5, об акцентуации антонимов). В-третьих, как уже отмечено, цветообозначения имеют некоторые общие особенности в акцентуации не только полных форм, но и кратких.

Как и в случае с обозначениями физических недостатков, можно привести типологические параллели для унификации цветообозначений по тому или иному внешнему признаку. Так, в арабском языке, уже использованном выше для сравнения, слова данной семантической группы образуются по единой морфологической модели (в отличие от русского языка, той же самой, что для обозначений недостатков, — *'af'alu*), например: *'aħmaru* 'красный', *'aswadu* 'черный'.

С диахронической точки зрения почти все русские цветообозначения просто сохраняют в полных формах первоначальное место ударения.

Акцентуация антонимических пар

§ 5. Выше были рассмотрены различные случаи акцентного сближения семантически сходных слов. Наряду с этим явлением существует, однако, и другое, менее известное: противопоставление двух прилагательных по значению (т. е. антонимия) может приводить к их акцентному “отталкиванию” (“поляризации”), т. е. к возникновению различия между их акцентными контурами.

Данное явление представлено, правда, не столь широко, как акцентное сближение семантически сходных слов, и выражается менее ярко и менее последовательно. Это обстоятельство легко объяснить. Дело в том, что значения антонимов противопоставлены всегда лишь по одному признаку (типа “наличие или отсутствие чего-то” или

“большая или малая степень чего-то”), тогда как во всем остальном они как раз одинаковы, т. е. связаны ассоциацией типа сходства, а не типа различия. Между тем, как мы уже видели, ассоциация типа сходства в принципе стимулирует акцентное сближение. Иначе говоря, тенденция к акцентному отталкиванию всегда действует в некотором противоборстве с прямо противоположной тенденцией³ (тогда как тенденция к сближению в большинстве случаев свободна от подобного противодействия).

Соответственно, фактор акцентного отталкивания антонимов занимает довольно низкое место в иерархии факторов, действующих на акцентуацию слова. Прежде всего, он безусловно уступает морфологическому фактору, т. е. требованиям, вытекающим из акцентных свойств суффикса. Так, например, невозможность флексионного ударения полных форм при суффиксах *-к-* или *-н'* исключает какое бы то ни было акцентное противопоставление таких антонимов, как *жёсткий—мягкий* или *ранний—поздний*. Далее, вхождение обоих антонимов в некоторую более широкую отчетливо выделяющуюся семантическую группу обычно обеспечивает перевес тенденции к сближению над тенденцией к отталкиванию; например, антонимы *белый* и *чёрный*, входящие в семантическую группу цветообозначений, имеют одинаковое ударение, а именно, такое, которое характерно для всей этой группы.

Необходимо также учитывать, что тенденция к отталкиванию действует слабее, чем принцип акцентного единства лексемы, т. е. если прилагательное имеет в разных значениях разные антонимы (с различными акцентными контурами), это не приводит к акцентному “расщеплению” данного прилагательного. Ср., например, *стáрый—молодóй* (с противопоставлением акцентных контуров) и *стáрый—новýй* (с одинаковыми акцентными контурами). Этот принцип распространяется не только на разные значения, но и на омонимы, при условии, что оба омонима являются качественными прилагательными⁴. Соответственно, ниже при разборе качественных прилагательных мы для упрощения не разграничиваем случаи полисемии и омонимии.

Как показывает наблюдение, тенденция к акцентному отталкиванию антонимов проявляется (в случаях, когда ей не препятствуют указанные выше факторы) тем заметнее, чем четче антонимическая связь между членами пары (т. е. чем теснее они ассоциируются друг с другом в сознании носителей языка) и чем употребительнее сами эти прилагательные.

³ Неслучайно для некоторых пар антонимов иногда предполагают даже акцентное сближение; так, Л. А. Булаховский допускает возможность такого сближения (в украинском языке) для *прямий* и *кричий* и для *тovстий* и *худий* (Булаховский, с. 367, 370).

⁴ Если это условие не соблюдено, акцентная дифференциация возможна, ср. *связный* и *связной*, *врёменный* и *временной* и т. п., см. Зализняк 1985, § 1.57.

Наиболее известный пример семантической группы прилагательных, где антонимам соответствуют разные акцентные контуры, — уже упомянутая выше (§ 2) восьмерка прилагательных пространственной оценки: *высокий*—*низкий*, *глубокий*—*мелкий*, *широкий*—*узкий*, *далекий*—*близкий*. В данном случае внешнее выражение антонимии в известной мере обладает даже свойством иконичности: прилагательные, обозначающие большую степень проявления рассматриваемого качества, на один слог длиннее, чем их антонимы.

Данная группа наиболее наглядна; имеется, однако, и ряд других пар сходного типа (правда, свойства иконичности в них может уже и не быть — существенно прежде всего само противопоставление акцентных контуров).

§ 6. Ниже приводится список важнейших антонимических пар (из числа качественных прилагательных), отчетливо осознаваемых носителями языка. В список не включались, однако, антонимы, образованные с помощью приставки *не-*, а также антонимические пары, полученные с помощью различных модифицирующих суффиксов от более простых пар (например, *толстенький*—*худенький*, *длинноватый*—*коротковатый* и т. п.).

Разумеется, в любой из приводимых ниже пар антонимия в действительности существует не при всех значениях взятых прилагательных (обычно лишь при одном-двух главных значениях). Для нашей проблемы существенно, однако, что наиболее прочные ассоциации между словами в сознании носителей языка формируются именно на основе их главных значений. Отсюда легкость и быстрота, с которой носитель языка отвечает на вопрос типа: «Какое слово противоположно слову *живой*?» Он сразу же дает ответ: *мертвый* (а не *вялый*, *скучный* и т. п., хотя в определенных условиях именно эти слова антонимичны слову *живой*). По-видимому, лишь в немногих случаях такого рода существует не одна главная ассоциация, а две различных, сопоставимых по прочности (типа *старый*—*молодой* и *старый*—*новый* или *легкий*—*тяжелый* и *легкий*—*трудный*). Параллели этого типа включены в наш список; они записываются друг под другом, причем первым приводится слово, противопоставленное своему антониму по акцентному контуру (если таковое имеется).

Поскольку прочность ассоциативных связей зависит также от употребительности слов, при каждом слове указана его частота (по «Частотному словарю» — Частот. сл.). Внутри пары первым приводится член, встречающийся чаще, а весь список построен в порядке убывания частоты первых членов пар.

Там, где акцентное отталкивание невозможно из-за наличия более сильных противодействующих факторов (суффикс *-к-* или *-н'* в обоих членах пары, принадлежность пары к группе цветообозначений), антонимическая пара заключена в квадратные скобки (в тройке *твёрдый*, *жёсткий* — *мягкий* в таком положении оказывается только член *жёсткий*).

Пары (не стоящие в квадратных скобках), где акцентный контур обоих членов одинаков, отмечены слева знаком “!”. Там, где такое совпадение наблюдается лишь для одного из двух параллельных антонимов, при таком антониме ставится помета NB.

большой 2066	– маленький 487	весёлый 183	– грустный 36
	малый 224	смешной 52	
молодой 608	– старый 468	быстрый 157	– медленный 36
ночной 1722 (NB)		! юный 151	– глупый 99
		! прямой 142	– кривой 28
высокий 549	– низкий 116	большой 134	– здоровый 89
хороший 535	– плохой 128	! тихий 120	– громкий 39
полный 515	– пустой 123	! твёрдый 117	– мягкий 91
[чёрный 473	– белый 471]	[жёсткий 22]	
разный 341	– одинаковый 51	виноватый 113 – правый ⁵	
различный 291		полезный 93	– вредный 48
широкий 312	– узкий 102	! пьяный 88	– трезвый 12
тяжёлый 296	– лёгкий 152	сухой 87	– мокрый 66
трудный 143 (NB)		! редкий 80	– частый 25
простой 287	– сложный 239	острый 77	– тупой 18
живой 282	– мертвый 102	голый 73	– одетый 53
добрый 277	– злой 87	тесный 71	– просторный 36
холодный 241	– тёплый 145	толстый 69	– худой 32
	горячий 163 (NB)		тонкий 162 (NB)
богатый 238	– бедный 112	густой 62	– жидкий 27
! сильный 237	– слабый 98	крупный 52	– пологий 13
[тёмный 228	– светлый 116]	[ранний 46	– поздний 45]
! чистый 225	– грязный 59	[горький 43	– сладкий 33]
дорогой 224	– дешёвый 43	голодный 39	– сытый 25
глубокий 216	– мёлкий 201	сырой 37	– варёный 5
крупный 349 (NB)		слепой 31	– зрячий 5
блёзкий 215	– далёкий 107	босой 25	– обутый 2
свободный 198	– занятый (и занятой) 48	скучный 17	– интересный 12
		желанный 16	– холостой 14

⁵ Прáвый имеет общую частоту 204, но из этого числа большая часть несомненно приходится на долю прилагательного прáвый 'dexter', которое здесь не рассматривается, так как является относительным.

Напомним, что в связи с нестрогой постановкой самой задачи данный список не может претендовать на полноту и строгую точность. В частности, для некоторых пар (особенно в конце списка) можно было бы предложить в качестве вторых вариантов дополнительные члены (скажем, *влажный* и *сырой* в дополнение к *мокрый*, *рёдкий* в дополнение к *жидкий* и т. п.). Можно было бы добавить несколько пар с менее четким семантическим противопоставлением (например, *яркий*—*тусклый* или *яркий*—*бледный* и т. п.) или, наоборот, забраковать некоторые пары из конечной части списка (скажем, *сырой*—*варёный*).

Ясно, однако, что существенный для нашего разбора общий вывод от этих модификаций уже не изменился бы. Он состоит в том, что из числа антонимических пар, свободных от действия особых факторов (т. е. не заключенных в квадратные скобки), пары с совпадением акцентных контуров (помета «!») составляют в полученном списке лишь незначительное меньшинство (8 из 43), а главное — самая частая из таких пар (*сильный*—*слабый*) занимает лишь 14-е место по частоте.

Что касается случаев, когда совпадение акцентных контуров реализуется лишь при части значений одного из антонимов (помета NB), то, как уже было отмечено, они малопоказательны ввиду принципа единства акцентуации лексемы. Правда, судя по частотам, вариант с совпадением акцентных контуров в части случаев можно было бы считать основным. Так, в частности, *новый* встречается чаще, чем *молодой*, *тонкий* — чаще, чем *худой*. Можно думать, однако, что, несмотря на статистику, вариант, связанный с описанием человека (*молодой*, *худой*), оказывается здесь более весомым при формировании акцентной оппозиции антонимов, чем вариант с более абстрактным значением (*новый*, *тонкий*). Что касается пары *глубокий*—*мёлкий*, то онаочно включена в блок оппозиций пространственных прилагательных на *-о́й* и *-кай* (§ 5); поэтому она оказывается более весомой, чем пара *крупный*—*мёлкий*, хотя *крупный* встречается чаще, чем *глубокий*.

§ 7. Зададимся теперь следующим вопросом: не может ли наблюдаемое в нашем списке соотношение антонимических пар с одинаковыми и с разными контурами быть результатом простой случайности? Иначе говоря — сильно ли отличается это соотношение от того, которое ожидалось бы при случайному выборе пар из общего массива русских качественных прилагательных?

В нашем списке антонимов фигурирует 104 слова (каждая многозначная единица типа *стáрый* учитывается один раз). В акцентном отношении они делятся так: акцентный контур *пустой* (т. е. все прилагательные с флексионным ударением) — 23 слова (считая вариант *занятой*); контур *чáстый* — 54; контуры *высóкий* и *мéдленный* (т. е. с двусложной основой) — 25; контуры *виноváтый*, *одинáковый* — 2.

Попытаемся теперь количественно оценить тот фонд качественных прилагательных, из которого эти слова были выбраны (оценка может быть только приблизительной, поскольку нестрога граница, отделяющая качественные прилагательные от относительных). Что касается прилагательных с контурами *пустой* и *частьй*, то здесь для наших целей можно воспользоваться, в частности, содержащимися в работе Зализняк 1967, с. 169–170 списками прилагательных, для которых словари приводят краткие формы. Прилагательных с акцентным контуром *пустой* в этих списках содержится 44, с контуром *частьй* — 330 (слова, “расщепленные” по значениям, сочтены по одному разу). Гораздо труднее оценить число качественных прилагательных с более длинной ударной основой; ясно лишь, что их несколько тысяч (напомним, что в их число входят, в частности, прилагательные на *-истый*, *-астый*, *-атый*, *-оватый*, *-ивый*, *-чивый*, *-ливый*, *-имый*, *-енъкий*, очень многие на *-ный* и др.).

Из сопоставления приведенных цифр совершенно ясно, что количественное соотношение разных акцентных контуров в группе “хороших антонимов” решительно не соответствует их соотношению в классе качественных прилагательных в целом: из слов с контуром *пустой* в класс “хороших антонимов” вошла половина, из слов с контуром *частьй* — менее одной шестой, из слов с контурами *высокий*, *медленный* и более длинными — совершенно ничтожная часть.

Здесь необходимо, правда, учесть, что прилагательные последней категории, т. е. с относительно длинными основами, почти всегда многоморфемны. Соответственно, их значение складывается из целой серии компонентов, а для слов со сложным значением гораздо менее вероятно существование точного антонима, образованного иначе, чем с помощью приставки *не-*. Вдобавок, выше мы исключили из разбора антонимические пары типа *толстенький*—*худенький* и т. п., что дополнительно сокращает для длинных слов шансы попасть в наш список антонимов. По этим причинам непропорционально малое число прилагательных с длинными ударными основами в списке “хороших антонимов” можно считать непоказательным.

Между тем соотношение прилагательных с контуром *пустой* и с контуром *частьй* в нашем списке вполне показательно: первые представлены здесь примерно в три раза чаще, чем ожидалось бы при случайной выборке (из общего фонда качественных прилагательных с этими двумя контурами)⁶.

⁶ Чтобы освободиться от подозрения, что такой эффект возникает целиком за счет влияния суффиксов, можно проделать аналогичные подсчеты для одних лишь непроизводных прилагательных с контурами *пустой* и *частьй*. Поскольку граница между производными прилагательными и опростившимися (типа *жёлтый*, *рыжий*, *красный*) не совсем четка, цифры здесь не вполне строги. Но в целом результат получается сходный с указанным выше: контур *пустой* и здесь представлен гораздо чаще (примерно в два раза), чем ожидалось бы при случайной выборке.

Таким образом, качественные прилагательные на *-ой* явно обнаруживают повышенную способность участвовать в формировании антонимических пар. При этом противоположные члены таких пар обычно оказываются принадлежащими к другим акцентным контурам (единственное исключение: *прямой*—*кривой*); но это обстоятельство само по себе уже неудивительно, если учесть указанные выше количественные соотношения прилагательных разных акцентных контуров.

Итак, на синхроническом уровне мы должны констатировать существование гораздо большего, чем ожидалось бы на основании общей статистики прилагательных, числа антонимических пар с противопоставлением акцентных контуров.

Заметим, что указанный вывод получен даже без учета частот входящих в антонимические пары прилагательных. Как легко видеть из приведенного выше списка, если бы учитывались лишь самые высокочастотные пары, этот вывод только усилился бы.

Кроме того, при подсчетах мы ради упрощения пренебрегли особыми отношениями, которые возникают в тройках типа *молодой* (но также *новый*)—*старый*, т. е. рассматривали все три члена таких троек как равноправные. В действительности же, как мы видели, часть случаев, когда оба члена антонимической пары принадлежат к одному и тому же контуру типа *частый*, относится именно к таким тройкам, т. е. не вполне показательна.

§ 8. С диахронической точки зрения в рассмотренной группе прилагательных картина такова.

Большая часть этих прилагательных (более 60) исторически принадлежит к акцентным парадигмам *a* и *b* и, соответственно, уже в древнерусском имела в полных формах ударение на основе. Почти все они сохранили такое ударение до нашего времени.

Важнейшим исключением здесь является самое высокочастотное слово — *большой*: оно получило в ходе истории новое ударение — флексионное. Точнее, исходное слово “расщепилось” на два слова с разным ударением: слово *большой* сохранило как старое значение (а именно, значение сравнительной степени), так и старое ударение, а слово *большой* отказалось от него как по значению (заменив собою прежнее *великий*), так и по ударению. Этой дифференциации (которая утвердилась не ранее XVII века) предшествовал значительный период, когда в обоих значениях могли выступать (в разных говорах, а нередко и в одном и том же) оба ударения. По-видимому, закреплению акцентовки *большой* именно за сравнительной степенью способствовала аналогичная акцентовка у *меньший*, *лучший*, *худший*, *горший* и т. п. С другой стороны, закреплению акцентовки *большой* за значением ‘*magnus*’ могло способствовать противопоставление со словом *малый* (где наосновное ударение исконно). Небезынтересно отметить в этой связи, что в украинском языке, где значение ‘*mag-*

nus' передается, как и в древнерусском, словом *великий*, в данной семантической паре тоже развились (или, точнее, усилилась) акцентная оппозиция, но уже за счет изменения в противоположном члене: исконное ударение *малый* сменилось на современное украинское *малий*⁷.

У слова *сырой* флексионное ударение, по-видимому, неисконно; но утрата прежнего корневого ударения относится здесь к очень раннему времени (вероятно, до XVI в.). Причина этой индивидуальной замены неясна. О слове *скупой* см. § 3, о словах *высокий*, *широкий*, *блзкий* — § 2.

Около 40 прилагательных нашего списка исторически принадлежат к акцентной парадигме с, т. е. имели в древнерусском флексионное ударение в полных формах. Из них лишь около половины сохранили это ударение до нашего времени; у остальных оно сменилось наосновным.

Часть случаев такой замены относится к очень раннему времени. Так, у отпричастных *горячий*, *зрячий*, *варёный* наосновное ударение установилось (по причинам морфологического характера) еще в древнерусскую эпоху.

Весьма рано (в большинстве говоров до XVI в.) получили наосновное ударение прилагательные *свёлый*, *твёрдый*, *трёзвый* (церковнославянизм), *свободный*; кроме того, *новый* и *тёмный* (у которых вариант с наосновным ударением, по-видимому, существовал уже в праславянском).

В дальнейшем в говорах центра, легших в основу русского литературного языка, получили наосновное ударение: 1) все прилагательные с суффиксом *-к-*, например, *тёнкий*, *гёркий*, *слáдкий*, *жайдкий*, *громкий*, *жёсткий* (иначе говоря, у таких прилагательных в этих говорах наосновное ударение было морфологизовано, т. е. стало обязательной сопутствующей характеристикой самого суффикса *-к-*); 2) прилагательные *частьй*, *весёлый*, *дешёвый*, *тёсный*, *холбдный*, *голбдный*, *грáзный* (возможно, сюда же нужно отнести еще слова *толстый*, *грустный*, *вредный*, но для них не вполне надежно восстанавливается первоначальная акцентовка). Очевидно, мы имеем здесь дело с проявлением общей тенденции к переводу всех качественных прилагательных в модель с наосновным ударением полных форм, развившейся в центральных (и южных) великорусских говорах; см. Зализняк 1985, § 3.58—59.

Обратимся теперь к прилагательным, сохранившим свое древнее флексионное ударение. Некоторая часть из них — это обозначения физических и психологических недостатков: *слепой*, *кривой*, *худой*, *больной*, *смешной*, *холостой*, *плохой*, также *злой* (прилагательное ак-

⁷ Вероятно, изменение исконного ударения *слабый* на украинское *слабий* объясняется сходным образом: ср. его антонимы *сильний*, *дужий*; отметим, что Л. А. Булаховский именно ударения *слабый* и *малый* выделяет как неясные (Булаховский, с. 368).

центной парадигмы *b*, имеющее, однако, флексионное ударение из-за неслоговой основы). Для этих слов одним из факторов сохранения старого ударения (вероятно, даже основным) было частное семантическое правило, разобранное в § 3.

С другой стороны, почти все рассматриваемые здесь прилагательные на *-ой* (как обозначения недостатков, так и прочие) входят в антонимические пары, где противоположный член имеет наосновное ударение. Таковы: 1) *молодой, плохой, пустой, простой, живой, злой, больной, сухой, тупой, крутой, босой, холостой* — здесь наосновное ударение противоположного члена пары исконно; 2) *дорогой, слепой, занятой, густой* — здесь противоположный член пары некогда тоже имел флексионное ударение, но утратил его в ходе истории (остаются еще *худой* и *смешной*, принадлежность которых к группе 1 или 2 неясна из-за неясности исходной акцентовки слов *толстый* и *грустный*, см. выше). Допустимо предполагать, что в группе 1 по крайней мере одним из факторов, позволивших этим прилагательным не подчиниться общему правилу о переходе качественных прилагательных к наосновному ударению, была тенденция сохранить акцентное противопоставление внутри антонимической пары. Что касается группы 2, то здесь в принципе можно было бы даже предполагать прямую акцентную поляризацию членов пары; в действительности, однако, такое предположение до известной степени вероятно лишь для пары *дорогой—дешёвый* (слова *зрячий, свободный, жайдкий*, по-видимому, изменили ударение по другим причинам). Но в любом случае верно, что после перехода слов *дешёвый, зрячий, свободный, жайдкий* к наосновному ударению здесь сложилась такая же ситуация, как в парах группы 1.

Не укладывается в эту схему всего одна пара: *прямой—кривой*.

Легко заметить, разумеется, что предполагаемое воздействие фактора антонимии в ряде случаев не смогло воспрепятствовать общей тенденции качественных прилагательных к наосновному ударению. Так, например, *грязной, частой* сменились на *грязный, чистый*, несмотря на то, что они образуют антонимические пары с *чистый, редкий*. В условиях противоборства двух тенденций наличию подобных случаев не приходится удивляться; более показательно как раз то, что в достаточно большом числе случаев фактор антонимии получил перевес. Существенно также, что для самых частотных слов (т. е. стоящих во главе нашего списка) этот фактор более эффективен, чем для остальных.

Чтобы яснее представить себе вероятную картину формирования семантических факторов акцентуации прилагательных, необходимо учитывать, что уже в XVI—XVII вв. мы застаем на великорусской территории чрезвычайно широкие колебания в акцентуации полных форм прилагательных. Речь идет как о различиях в ударении одного и того же прилагательного в разных говорах, так и о многочисленных колебаниях внутри одного и того же говора (ср., в частно-

сти, Зализняк 1985, § 3.58–59). Так, практически для всех упоминаемых в настоящей работе прилагательных с односложной основой (из числа тех, которые вообще зафиксированы в старых текстах) в памятниках XVI–XVII вв. можно найти примеры как с наосновным, так и с флексионным ударением (хотя, разумеется, в далеко не одинаковых количественных соотношениях для разных слов). При подобных массовых колебаниях создаются благоприятные условия для перераспределения акцентов по новым основаниям — особенно в центре, где наиболее активен контакт носителей разных говоров. Процесс выработки литературной нормы (в данном случае в области акцентуации) дает дополнительные стимулы для такого перераспределения.

З а м е ч а н и е. Нельзя согласиться с нередко встречающимся (преимущественно в неявной форме) взглядом на формирующуюся в центре норму как на результат своего рода “чересполосного” соединения разнодialectных явлений: скажем, такие-то слова или словоформы входят в норму с “северновеликорусским” ударением, а какие-то другие — с “южновеликорусским”. Подобный упрощенно-механистический взгляд — остаток устаревших воззрений, согласно которым лингвистически последовательными системами являются лишь говоры, тогда как междиалектные койне и литературные языки представляют собой не-последовательные (и тем самым лингвистически менее интересные) конгломераты. В действительности в междиалектных койне и в литературных языках (если только последние не отделены от живой речи непроходимой гранью) часто создаются более благоприятные условия для реализации новых тенденций, например, в сфере акцентуации, чем в большинстве говоров. Междиалектное общение порождает широкую зону вариативности, и тенденции к новому распределению тех или иных элементов (окончаний, ударений и т. д.), т. е. к созданию какого-то достаточно прозрачного правила взамен прежнего, чисто традиционного (немотивированного) распределения, в этих условиях реализуется более беспрепятственно: речь идет лишь о выборе среди и без того бытующих вариантов, а не о прямой замене традиционного элемента нетрадиционным. Разумеется, не следует впадать в обратную крайность: нельзя отрицать специфики литературного языка, допускающей искусственные нормы, требующей некоторого “торможения” тенденций разговорной речи и т. д. Важно лишь подчеркнуть, что литературный язык (если только он не является привилегией совсем узкой элиты) представляет собой полноценный лингвистический объект, развитие которого — по крайней мере, в кардинальных моментах, а не в деталях — определяется в первую очередь собственно языковыми механизмами.

Можно думать, таким образом, что как общая тенденция к переводу качественных прилагательных в тип с наосновным ударением, так и более частные тенденции, например, к флексионному ударению у названий недостатков или к акцентному противопоставлению в антонимических парах, фактически реализовались в центре великорусской территории в основном через выбор из сосуществующих акцентных вариантов.

§ 9. Итоги проведенного разбора таковы. На синхроническом уровне современного литературного русского языка оказывается возможным уточнить формулировку правила о качественных прилагательных, данную в работе Зализняк 1985, § 1.56. Основной принцип, согласно которому качественные прилагательные имеют в полных формах ударение на основе, должен быть признан всеобщим (не имеющим морфологических ограничений); иначе говоря, он распространяется не только на производные, но и на непроизводные прилагательные. С другой стороны, он должен быть дополнен несколькими частными семантическими правилами: 1) названия физических и психологических недостатков обычно имеют флексионное ударение в полных формах; 2) цветообозначения имеют наосновное ударение в полных формах; 3) при наличии антонима с наосновным ударением прилагательное может иметь флексионное ударение вопреки сформулированному выше основному принципу.

После принятия этих уточненных формулировок, во-первых, следующие прилагательные, квалифицированные в работе Зализняк 1985, § 1.58, как прямые исключения из правил, перестают быть исключениями: *чуднóй*, *блажнóй*, *срамнóй*, *дряннóй*, *дурнóй*, *смешнóй*, *шальнóй*, *хмельнóй*, *больнóй*, *своловнóй*, *баловнóй*, *пробивнóй*, *озорнóй*, *разбитнóй* (из приведенного в указанном параграфе списка статус исключений сохраняют лишь слова *цветнóй*, *кореннóй*, *проливнóй*, *показнóй*).

Во-вторых, распределение непроизводных качественных прилагательных по схемам ударения (полных форм) перестает быть чисто списочным: оно переходит в ведение тех же правил, что и для производных прилагательных. Подавляющее большинство из них подчиняется просто основному принципу, например: *стрóгий*, *тýхий*, *твёрдый*, *мíлый*, *бóдрый*, *чáстый* и т. п.; по существу сюда же примыкают цветообозначения — *бéльй*, *сíнйй*, *жёлтый* и т. д. Названия физических и психологических недостатков, например, *глухóй*, *хромóй*, *рябóй*, *лихóй* и т. п., подчиняются соответствующему более частному правилу (специально отметим, что прилагательные *кривóй* и *косóй* при любых значениях сохраняют ударение, полученное в силу данного правила). Далее идут случаи, где отклонение от основного принципа может быть объяснено фактором акцентного отталкивания при антонимии. Сюда можно отнести: *большóй*, *молодóй*, *пустóй*, *простóй*, *живóй*, *дорогóй*, *сухóй*, *тупóй*, *густóй*, *крутóй*, *сырóй*, *босóй*, *холостóй*. В словах *плохóй*, *худóй*, *скупóй* (отчасти также *босóй*, *холостóй*) одновременно действуют правило об ударении в обозначениях недостатков и фактор антонимии. Поскольку принцип акцентного отталкивания при антонимии действует без полной обязательности, приведенный перечень с формальной точки зрения необходим; однако наличие единого основания, по которому выделена эта группа прилагательных, существенно отличает данный перечень

от обыкновенного списка исключений. Особо стоит небольшая группа прилагательных, где действию общих правил препятствует книжный (или даже церковный) характер слова: *благой*, *святой*, *нагой*, *младой*. После всего этого прямыми исключениями (где не усматривается каких-либо иных причин для отклонения, кроме простого наследования традиционного ударения) остаются лишь *тугой* и *прямой*.

С диахронической точки зрения, основной выигрыш от предложенной выше схемы состоит в том, что главное направление акцентной эволюции качественных прилагательных в говорах, легших в основу русского литературного языка, объясняется одной и той же тенденцией для прилагательных любой морфологической структуры, т. е. как производных, так и непроизводных.

ЛИТЕРАТУРА

- Булаховский — *Л. А. Булаховский*. Избр. тр. В 5-ти томах. К., 1977. Т. 2.
- Деулин. сл. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Зализняк 1967 — *А. А. Зализняк*. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Частот. сл. — Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—1985. Вып. 1—12.
- Jakobson — *R. Jakobson*. Spatial relationships in Slavic adjectives // Scritti in onore di Giuliano Bonfante. Brescia, 1977. Vol. 1.

О ПОКАЗАТЕЛЯХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В РУССКОМ СКЛОНЕНИИ

В своих замечательных «Морфологических наблюдениях над славянским склонением»¹ Р. О. Якобсон предложил удивительный по смелости и новизне анализ структуры русских именных окончаний, в результате которого было разрушено казавшееся незыблемым представление о морфологической нерасчленимости этих окончаний. Излагаемые ниже наблюдения представляют собой попытку продолжить анализ такого типа.

Изучение русских именных парадигм дает основания для следующего предположения: в современном русском склонении существуют формальные элементы, которые функционируют как самостоятельные показатели множественного числа, не зависящие от падежа². Такими показателями являются: *i* в адъективном склонении³ и *a* в субстантивном склонении. Ср. *toj-i*, *toj-i-x*, *toj-i-m*, *toj-i-m'i*; *dom-á*, *dom-á-x*, *dom-á-m*, *dom-á-m'i* (Р. мн. субстантивного склонения стоит особо, см. ниже).

Трактовка элементов *i* и *a* в окончаниях мн. числа как показателей мн. числа дает возможность установить следующие естественные с типологической точки зрения соответствия между содержанием и формой в области грамматических значений имени: (1) немаркированное число (единственное) выражается нулевым показателем, а маркированное (множественное) — ненулевым; (2) немаркированный (по всем различительным признакам) падеж (именительный) выражается нулевым показателем в обоих числах, ср. *toj* — *toj-i*, *dom* — *dom-á*, где *i* и *a* выражают только число, но не падеж. (Заметим, что *a* и *o* в словоформах типа *toj-á*, *toj-ó*, *vod-á*, *okn-ó*, очевид-

¹ Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм) // American Contributions to the IVth International Congress of Slavicists ('s-Gravenhage, 1958).

² При несколько ином взгляде на соотношение между самим языком и его грамматическим описанием (или описаниями) ту же мысль можно выразить иначе: в описание современного русского склонения целесообразно оперировать самостоятельными показателями мн. числа.

³ Слова *тот* и *весь* имеют *e* вместо *i*.

но, следует рассматривать как показатели рода.) Кроме того, как будет видно ниже, такая трактовка позволяет предложить простое объяснение одному известному явлению современного русского языка, а именно активной тенденции к замене *i* на *a* в И. мн. существительных.

Рассмотрим теперь, по крайней мере, часть возможных возражений против указанной трактовки. (При этом мы будем отвлекаться от некоторых деталей, требующих тех или иных частных поправок к излагаемой общей схеме.)

Прежде всего, в адъективном склонении господствующим окончанием И. мн. является *ij⁴* (а не просто *i*, как в приведенном выше примере), например, *živ-iji*. Если элемент *ji* выражает здесь именительный падеж, то нарушается указанное выше правило, по которому этот падеж всегда имеет нулевой показатель. Сравним, однако, обычные (так наз. “полные”) формы именительного падежа прилагательных с так наз. “краткими” (т. е., такими, которые могут выступать только в предикативной, но не в атрибутивной функции)

<i>živ-ój</i>	<i>živ-ája</i>	<i>živ-ójo</i>	<i>živ-iji</i>
<i>živ</i>	<i>živ-á</i>	<i>živ-o</i>	<i>živ-i</i>

Такое сравнение позволяет выделить в “полных” формах особый морфологический элемент, который можно назвать показателем допустимости атрибутивной функции. Его структура такова: *j* + гласная, повторяющая ту, которая стоит непосредственно перед данным элементом. Это верно и для формы мужского рода, где *o* (или *i*) перед *j* представляет собой просто вокалическую вставку, вызванную недопустимостью конечного сочетания “согласная + *j*” (ср. И. ед. *sоловéj* при основе прочих словоформ *sоловj-* и т. п.), и, таким образом, отсутствие гласной после *j* повторяет отсутствие гласной перед всем этим элементом. Из сказанного видно, что *ji* в И. мн. не является показателем именительного падежа, т. е., правило о том, что этот падеж имеет нулевой показатель, в парадигмах прилагательных в действительности не нарушается.

В субстантивном склонении вызывают трудности именительный и родительный падежи мн. числа.

В И. мн. фактически лишь меньшая часть существительных имеет окончание *a* (ср. *местá, болóта, домá*), большинство же имеет *i* (ср. *столы, жители, стёны, областi*). Однако, как хорошо известно, именно в этой форме обнаруживается сильная тенденция к замене этого *i* на *a*. Результаты этой тенденции уже узаконены современной литературной нормой примерно для 250 слов мужского рода; в разговорной и в особенности в профессиональной речи эта тенден-

⁴ Для изображения этого окончания из нескольких равно допустимых морфонологических записей здесь взята та, которая применяется, в частности, в указанной работе Р. О. Якобсона; она наилучшим образом соответствует предлагаемой ниже схеме.

ция охватывает гораздо более широкий круг слов (причем не только мужского, но и женского рода). В соответствии с предложенной выше трактовкой элементов *i* и *a* естественно предположить, что по крайней мере одна из причин этого явления состоит в стремлении распространить элемент *a*, выступающий в косвенных падежах и уже воспринимающийся как показатель мн. числа, на все словоформы мн. числа. Подчеркнем, что под причинами данного явления здесь подразумеваются не его исторические истоки (связь с двойственным числом, с собиральными существительными и т. д.)⁵, а факторы, обуславливающие интенсивное распространение окончания И. мн. *a* в современном языке. (В самом деле, факторы первого и второго рода могут быть совершенно различными, поскольку само появление первых парадигм типа *глаз — глазá, рог — рогá* т. п. еще не объясняет притягательной силы этой модели.) Соответственно, говоря о замене *i* на *a*, мы будем далее иметь в виду именно поздние формы И. мн. на *a* (а не такие, как, например, *глазá, рогá, рукавá, господá*).

Рассмотрим это явление несколько подробнее. Будем пользоваться следующими обозначениями схем ударения (т. е., типов распределения на основного и флексионного ударения в парадигме): *a* — постоянное ударение на основе (образцы *спор, рыбá, кресло, тетráдь*); *b* — ударение на окончаниях во всех словоформах с ненулевым окончанием (*топóр, чертá, веществóб*); *c* — ударение на основе в ед. числе и на окончаниях во мн. числе (*сад, нóмер, ме́сто*); *d* — ударение на окончаниях в ед. числе и на основе во мн. числе (*лисá, винó*); *e* — ударение на основе в ед. числе и в И. мн., на окончаниях в косвенных падежах мн. числа (*слог, лéбедь, кровь, областъ*); *f* — ударение на окончаниях везде, кроме И. мн. (*губá*)⁶.

Как показывает наблюдение, процесс замены *i* на *a* во мн. числе охватывает прежде всего существительные, обладающие одновременно следующими характеристиками:

(1) окончания косвенных падежей мн. числа либо уже ударны (по литературной норме), либо стремятся стать таковыми (вопреки норме) в силу акцентуационной тенденции к противоположному ударению в разных числах (в данном случае по модели: начальное ударение в ед. числе, конечное — во мн. числе);

(2) окончание И. мн. безударно (по литературной норме);

(3) окончание И. ед. — не *á* (т. е., новый И. мн. на *á* не совпадет с И. ед.).

Практически таковы, во-первых, все слова схемы ударения *e*, во-вторых, начальноударные слова схемы *a* с нулевым окончанием в И. ед. (которые в силу указанной акцентуационной тенденции стре-

⁵ См., в частности: А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 330; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 198.

⁶ Ударение в винительном и 2-м предложном падежах здесь для упрощения не учитывается.

мятся к переходу в схему *c*). Примеры новых словоформ И. мн. для слов мужского рода: *годá*, *громá* (допустимые и в литературной речи), *слогá*, *ломá*, *ходá*, *портá*, *козырý*, *обручá*, *овощá* (по норме схема *e*); *омутá*, *оводá*, *тракторá*, *слесарý*, *цехá* (допустимые и в литературной речи), *месяцá*, *примусá*, *выборá*, *рапортá*, *клапанá*, *полюсá*, *тортá*, *тросá*, *штормá* (по норме схема *a*). Особую группу составляют срединноударные на *ктор*, *ссор* и некоторые сходные с ними слова, ср. *кондукторá*, *прожекторá*, *компрессорá*, *ефрейторá*, *бухгалтерá*. Примеры новых словоформ И. мн. для слов женского рода: *кровý*, *церквá*, *дочеря*, *матеря*, *областя*, *отрасль*, *очередя*, *площадя*, *пристаня*, *скоростя*, *мелочя*, *скорые помоющá*. Все они просторечны; узаконено литературной нормой только *plurale tantum зеленя*. Отметим, что в указанных группах слов И. мн. на ударное *i* не встречается (т. е., при изменении прежнего ударения замена окончания И. мн. обязательна).

У существительных, не обладающих хотя бы одной из указанных характеристик, рассматриваемый процесс очень слаб или вообще не наблюдается.

Отмеченные ограничения, по-видимому, могут быть по крайней мере частично объяснены. Первое ограничение естественно связать с тем, что безударные *a* и *i* фонетически реализуются в современном языке в виде весьма близких редуцированных звуков (имеется в виду литературная фонетическая норма и близкие к ней по вокализму диалектные системы). В некоторых типах произношения эти звуки просто совпадают, но даже в тех случаях, где совпадения не происходит, разница столь мала, что она не мешает воспринимать, например, окончания словоформ *спóры*, *спóрам*, *спóрами*, *спóрах* (а также *спóров*) как имеющие единообразное гласное начало — звук типа [ъ]. Иначе говоря, при безударных окончаниях желаемое единство показателя мн. числа можно считать уже достигнутым. Отметим, что безударные окончания мн. числа имеют более 90% всех существительных (это слова схем *a* и *d*).

Второе из отмеченных ограничений, возможно, объясняется тем, что замена безударного *i* на ударное *a* (например, *козырý* вместо *кóзыри*), в силу близости безударных *i* и *a*, может восприниматься просто как перенос ударения (тогда как замена ударного *i* на *a* представляет собой несомненную морфологическую подстановку). Это ограничение слабее, чем предыдущее. Так, отдельные слова мужского рода схемы *c* И. мн. на ударное *i* допускают также И. мн. на *a* (ср. *гробá*, *родá*, *возá*, *супá*). В то же время у слов мужского рода схемы *b* такие словоформы почти не встречаются. По-видимому, эта разница связана с тем, что при схеме *b* (в отличие от схемы *c*) возникла бы омонимия И. мн. с Р. ед.⁷

⁷ Вероятно, по этой же причине И. мн. на *a* отсутствует у немногочисленных слов мужского рода схемы *f* (типа *конь*).

Третье ограничение вполне очевидно. Оно препятствует образованию нового И. мн., например, у слов типа *ноздр́я*, *губá* (схема *f*), *стать́й*, *чертá* (схема *b*).

Итак, процесс замены *i* на *a* в И. мн. существительных, происходящий в современном языке, можно представить как обобщение показателя мн. числа, сдерживаемое лишь некоторыми фонетическими и морфологическими препятствиями.

Что касается Р. мн., то здесь переноса элемента *a* не наблюдается; устойчиво сохраняются окончания *ov*, *ej* и нуль. Дело в том, что для такого переноса здесь исторически не сложилось ни одного готового образца (т. е., не было ни одного слова, у которого окончание Р. мн. содержало бы *a*)⁸; ср. И. мн., где распространение элемента *a* опиралось на готовые образцы типа *местá* (средний род) и *рогá* (исторически двойственное число). Особое положение Р. мн. русских существительных в системе падежей мн. числа можно сравнить, например, с положением эстонского партитива, который во мн. числе может не иметь общего для всех прочих падежей числового показателя *d(e)*, *te*.

Мы не рассматриваем здесь вопросов, связанных с внутренним анализом окончаний ед. числа. Отметим лишь, что в соответствии с предложенной трактовкой, например, словоформа Р. ед. *дóма* должна рассматриваться как содержащая нулевой показатель ед. числа и показатель родительного падежа *a*, а словоформа И. мн. *домá* — как содержащая показатель мн. числа *á* и нулевой показатель именительного падежа, и т. д.

В целом русское склонение может быть представлено, таким образом, в виде полуагглютинативной системы, где мн. число выражается одним из двух постоянных показателей, однако показатели падежей в разных числах сходны лишь отчасти⁹ (полностью совпадая лишь в максимально немаркированном падеже — именительном).

⁸ Р. О. Якобсон указал, что особое положение окончаний Р. мн. (*ov*, *ej*) определяется также их связью с близкими к ним по значению суффиксами принадлежности, ср. *отцов*, *мíсий*.

⁹ См. Р. О. Якобсон. Указ. соч. Раздел IV.

ПРАВИЛО ОТПАДЕНИЯ КОНЕЧНЫХ ГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Игорю Мельчуку к шестидесятилетию

Общеизвестно, что в русском языке в период после падения редуцированных в некоторых группах словоформ отпали конечные гласные. Обширный перечень таких случаев содержится уже в «Лекциях» А. И. Соболевского (1907, с. 93—97). Здесь указаны, в частности: для конечного *-ѣ* — Р. ед. *доброй* и т. д., *вѣдь*, *доколь*, *отколь*, *досель*, *сквозь* (из *добротѣ*, *вѣдѣ*, *доколѣ* и т. д., *сквозѣ*); для *-у* — Т. ед. *женой*, *доброй* и т. д., *нѣт*, *чай*, *благодарствуй*, *пожалуй* (из *женено*, *доброю*, *нѣту*, *чаю* и т. д.); для *-е* — *скорбѣй* и т. д., *лишь*, *авось*, *здѣсь*, *уж*, *ж* (из *скорбѣ*, *лише*, *а восе*, *съдѣсе*, *уже*, *же*), *ѣ* или *де* (из *ѣши* < *ѣбе*); для *-а* — *-сь*, *хоть*, *покамѣст* (из *-ся*, *хотя*, *по ка мѣста*); для *-о* — *тут*, *вот*, *вон*, *как*, *так*, *кам*, *сѣм* (из *туто*, *вото* и т. д.); для *-и*, *-ы* — *ль*, *б*, *обапол*, *нѣтуть* (из *ли*, *бы*, *обаполы*, *нѣтуты*), *-м* из *-ми* в Д. мн. в северновеликорусском, *мъ*, *ть* из *ми*, *ти* в галицко-волынских памятниках и некоторые другие (списка случаев, когда конечная гласная, напротив, сохраняется, Соболевский не дает).

Наиболее подробный анализ данного явления содержится в специально посвященной этой проблеме статье Н. Н. Дурново (Дурново 1928; кроме русского языка здесь рассматривается также украинский). Дурново перечисляет все классы случаев, где отпадение происходило, и все те, где не происходило. Как показывает Дурново, для отпадения конечной гласной необходимо (в нормальном случае), чтобы она была безударна и не стояла после группы согласных. В то же время он констатирует, что отпадение происходит или не происходит в зависимости не только от фонетических условий. Общий принцип состоит в том, что «конечная гласная устойчивее всего сохраняется там, где она является носителем определенного синтаксического значения» (Дурново 1928, с. 34). Дурново показывает, в частности, как в соответствии с действием этого принципа конечные гласные теряются у различных групп неизменяемых или утративших внутреннюю форму слов. Но для форм склонения и спряжения он все же *de facto* дает разграничение списком. Так, согласно Дурново, конечная гласная сохраняется:

- 1) в падежных окончаниях (за несколькими исключениями, см. ниже);
- 2) в родовых и числовых окончаниях;
- 3) в окончаниях личных форм индикатива (окончание *-ши* Дурново вслед за Соболевским оценивает как церковнославянское и предполагает, что в древнерусском издревле было *-шь*);
- 4) в окончаниях отадъективных наречий;
- 5) в окончаниях деепричастий.

С другой стороны, список категорий, где конечная гласная утрачивается (в той мере, в которой этому не препятствуют фонетические условия), таков:

- 1) инфинитив;
- 2) императив;
- 3) новый вокатив типа *мам, Вань, тётк, ребят*;
- 4) компаратив на *-ее*;
- 5) некоторые падежные окончания — *-и* в И. ед. *мати, дочи, -ою* в Т. ед., *-овъ* в Р. ед., *-ами, -ыми* в Т. мн. в северновеликорусском (эти падежные окончания составляют исключения из предыдущего списка, объясняющиеся, по мнению Дурново, морфологическими причинами).

Из других исследователей, занимавшихся данной проблемой, следует выделить П. С. Кузнецова, который писал (Борковский, Кузнецов 1963, § 113): «В определенных условиях на протяжении истории русского языка имела место не связанная с аканьем редукция до нуля безударных гласных на конце слова. Она наблюдается и в оказывающих говорах, причем охватывает лишь определенные случаи (определенные категории слов и форм). Редуцироваться могут любые конечные гласные в окончаниях, состоящих не из одного соответствующего гласного, так что в результате его редукции окончание вообще не теряется, и в некоторых словах служебного и полуслужебного характера, произносимых без ударения или с ослабленным ударением».

Мы полагаем, однако, что рассматриваемое явление было более единым и последовательным процессом, чем это представляется на основании формулировок, содержащихся в излагаемых работах.

В настоящей статье мы пытаемся построить обобщающую формулировку правила отпадения конечных гласных и показать, что исключений из этого правила в действительности очень мало, т. е. соотношение нормы и исключения здесь обратное тому, что явно или неявно предполагают составители курсов истории русского языка.

С нашей точки зрения, основные идеи, на которых можно построить такую формулировку, в сущности уже содержатся в работах Н. Н. Дурново и П. С. Кузнецова. Необходимо лишь преодолеть тезис о принципиальной неполноте рассматриваемого процесса, т. е. о том, что он, говоря словами П. С. Кузнецова, «охватывает лишь определенные случаи (определенные категории слов и форм)».

Ниже предлагается некоторое решение указанной задачи. Поскольку в действительности на рассматриваемый процесс влияет довольно много факторов, формулировка правила, учитывающая их все, была бы недопустимо громоздкой. Поэтому мы даем здесь так наз. основное правило, учитывающее главные факторы, и ряд примечаний к нему, которые представляют собой не что иное как поправки на действие дополнительных факторов.

Основное правило таково.

В истории русского языка со времени падения редуцированных (XII век) в течение нескольких веков (по крайней мере до конца XVI века) действовала следующая закономерность: безударная конечная гласная фонетического слова, не составляющая самостоятельного морфа, факультативно (а в части случаев и окончательно) исчезала, если ей предшествовала одиночная согласная (или сочетание *ст*).

Примечания к основному правилу.

1. В императиве и вокативе ограничение «не составляющая самостоятельного морфа» не действует. В этих формах нестрого соблюдается также ограничение «если гласной предшествовала одиночная согласная или *ст*»: отпадение гласной возможно и после некоторых других сочетаний согласных (например, в императивах *порть*, *наморщь*, в новых вокативах *тётк*, *Ваньк*; см. Дурново 1928, с. 25–26). Эта особенность явно связана с тем типологическим обстоятельством, что именно императив и вокатив обнаруживают в громадном большинстве языков мира нулевое выражение (см. об этом Дурново 1928, с. 31). Соответственно, в этих двух случаях морфологическое сопротивление переходу флексионного морфа в нуль минимально.

2. Правилу о падении конечных гласных обычно не подчинялось (или подчинялось лишь в очень ограниченной степени) традиционное церковнославянское книжное чтение. Поэтому слова или словоформы, вошедшие в литературный русский язык именно из этого источника, обычно сохраняют конечную гласную. Важнейший пример — *ся* в причастиях: *являюща́сь*, *борюще́сь*, *взявшись* и т. п. (где, в отличие от других категорий словоформ, даже и после гласной выступает *ся*, а не *сь*). Сюда же относятся такие церковнославянизмы, как *иже*, *понеже*, *дондеже*, *втуне*, *паки*, *восвояси* и т. п., далее термины *буки*, *веди*, *мыслете* и т. п. (заметим, что конечная гласная не отпадает также и в прочих неизменяемых существительных, ср. *леди*, *зебу* и т. п., но все они относятся к позднему слою русской лексики и уже по одной этой причине оказываются за рамками рассматриваемого процесса).

3. Основное правило относится к русскому языку в целом. Современный литературный русский язык в силу свойственного любому литературному языку нормативного регламентирования во многих случаях из двух возможностей, предоставляемых основным пра-

вилом, зафиксировал только одну (оставив за другой лишь статус диалектного варианта), например: *там, здесь* (при диалектных *тáмо, тáма, здéсе, здéся*), с другой стороны, *ныне, иначе, откуда, оттуда, отсюда, всюду, отовсюду, около, мимо, либо* (при диалектных *нынь, иначъ, откýд* и т. п., *отовсюð, бkol, мим, либ*). Иногда второй из двух вариантов известен из старовеликорусских источников, как, например, *даж* (при современном литературном *даже*). Литературное регламентирование может выражаться также в том, что варианты с конечной гласной и без нее дифференцируются стилистически (ср., например, *водой* и *водою*, *може* и *мож*, *неужели* и *неужель*, *или* и *иль*) или даже семантически (*нет* и *нету*, *хоть* и *хотя*, *уж* и *уже* и т. п.). Важной частной особенностью литературной нормы является тенденция снять варьирование (т. е. алломорфизм) в энклитиках, не сросшихся со знаменательной словоформой. Поскольку после согласной возможен только вариант с гласной (*он же, он ли, он бы, он то, дай-ка*), а после гласной возможны оба варианта (например, *она же* и *она ж*), то выравнивание всегда происходит в сторону более полного варианта. В результате, при сохранении таких сросшихся единиц, как *взялась, чтоб, уж, аж, тут* и т. п., в свободном соединении, например, *она ли* безусловно преобладает над *она ль*, а для ряда энклитик, в частности, *-то, -ка*, литературная норма исключила краткий вариант вообще. В свободном соединении краткий вариант (*б, ж*) сейчас полноценно сохраняется только у энклитик *бы* и *же*.

Иллюстрацией действия основного правила могут служить те же примеры, которые уже упомянуты выше.

Как показал материал берестяных грамот, древнерусский язык XI—XII вв. имел во 2 ед. презенса окончание *-ши* (не *-шь*). Постепенная замена *-ши* на *-шь* в XIII—XIV вв. прослеживается по берестяным грамотам вполне наглядно. Таким образом, в этой точке системы мы тоже имеем дело с фактом отпадения конечной гласной.

В круг примеров, относящихся к рассматриваемой проблеме, следует включить случаи замены *-ша* на *-шь* в 3 мн. аориста, в частности, *възашь, послашь* вместо *възаша, послаша* в Синодальном списке I Новгородской летописи, под 1204, 1215, 1224 гг. (между прочим, эти примеры свидетельствуют о том, что аорист не был в это время мертвой формой: облик мертвых форм книжная традиция сохраняла в неприкосновенности).

Обратим внимание также на некоторые частности, требующие комментариев.

Проклитики, разумеется, не подпадают под действие основного правила, поскольку они не могут стоять на конце фонетического слова. Но следует иметь в виду, что многие союзы и предлоги не были проклитиками — они составляли отдельное фонетическое слово и, соответственно, могли терять конечную гласную; например, *али* (из *a ли*), *или*, *аже*, *ано*, *ати*, *оти*, *кабы*, *коли* могли превращаться в *аль*, *иль*, *аж*, *ан* и т. д.

Облик слова не менялся от того, что к нему добавлялась энклитика (устойчивые сочетания с энклитиками не в счет). Например, словоформа *ставь* сохраняет свой облик и в сочетаниях *ставь-ка*, *ставь же; рукой — в рукой-то, рукой ли, рукой бы*.

Некоторые слова, еще обладавшие в раннем древнерусском языке морфологической членностью, в дальнейшем опростились, еще успев после этого попасть под действие основного правила; например, деепричастие *хот-я* превратилось в нечленимую частицу *хотя*, откуда *хоть*; аналогично *сквоз-б* > *сквозб* > *сквозь*.

Далее. Согласно основному правилу, для того, чтобы отпасть, гласная должна была быть безударной. Имеются, однако, и такие случаи, когда отпала гласная, которая в древности была под ударением, например: Т. ед. *своей рукой* (из первоначального *свою рукою*), *взять* (из *възять*), *беречь* (из *беречй*), диалектное *принестъ* (ср. *принестий*), диалектное *положъ* (ср. *положй*). Во всех таких случаях необходимо предполагать перенос ударения на слог влево как предварительное условие для отпадения конечной гласной. Этот перенос произошел раньше, чем закончился процесс отпадения конечных гласных. Правда, некоторые из таких переносов (например, в *положжъ*), может быть, сами были стимулированы начавшимся в других группах словоформ процессом устранения гласной в окончании (но разбирать этот сложный вопрос в рамках настоящей работы нет необходимости).

Внешне сходные примеры есть и среди служебных слов, в частности, *коль*, *иль*, *сквозь* из *колй*, *илий*, *сквозб*; но в действительности здесь отпадение гласной, по-видимому, произошло на базе вариантов, вообще лишенных ударения (например, безударного *коли*; см. об этом Дурново 1928, с. 21—22). В случаях *хотя*, *уже* (ср. *хоть*, *уж*) первоначальное ударение было иным: *хотя* было энклиноменом, *уже* — начальноударной словоформой.

В связи с вопросами ударения следует особо отметить форму 2 мн. презенса: *несёте, говорите* и т. д. Сохранение *e* здесь выглядит как исключение из рассматриваемого правила, но обращение к истории показывает, что это не так. До сих пор на всем северо-востоке русской территории сохраняется ударение типа *несетé, говоритé* (или *несетé, говоритé*) в акцентной парадигме *é*; распространено также ударение типа *знаетé, ходитé* в двух других акцентных парадигмах — *a* и *b* (развившееся, по-видимому, из второстепенного ударения на *-te*, засвидетельствованного многими старовеликорусскими источниками). Первоначально такая акцентуация была повсеместной; еще в XVI—XVII вв. она господствовала на большей половине великорусской территории, включая центр (а именно, во всей ее восточной и средней части, см. Зализняк 1985, § 3.60, карта 12). Таким образом, в ту эпоху, когда происходило отпадение конечных гласных, в данной форме еще не было для этого необходимых акцентуационных условий.

Отметим также частицу *-таки*: сохранение конечного и здесь можно связывать с тем, что оно довольно часто произносится с второстепенным ударением.

Особого рассмотрения требуют некоторые вопросы, связанные с членением словоформ на морфы.

Следует отметить, в частности, что безусловно морфологически членимы наречия, производные от прилагательных: *кос-о, скор-о, в-лево, с-прав-а, за-жи-во, по-пуст-у* и т. д. Соответственно для отпадения конечных гласных в этих случаях нет оснований. То же верно для таких наречий, как *с-низ-у, с-зад-и, дом-а* и т. п., а также для компаративов (*круч-е, сущ-е* и т. д.).

Наиболее важен, однако, с этой точки зрения вопрос о морфологической структуре членных форм прилагательных. Сравнивая окончания адъективного и именного склонения, мы наблюдаем следующие типы соответствий.

1. Там, где в именном склонении окончание состоит более чем из одной фонемы, адъективное окончание в нормальном случае отличается от именного только своей начальной гласной (для форм, не различающих в адъективном склонении роды, берем в именном склонении мужской род): *пуст-ым двор-ом, пуст-ым двор-ам, пуст-ых двор-ах, пуст-ыми двор-ами*; этой же общей схеме следуют, хотя уже не вполне строго, с одной стороны, *пуст-ых двор-ов*, с другой — *пуст-ой изб-ой* (или *пуст-ую изб-ую*). В этой группе падежно-родо-числовое значение оказывается связанным с конечной частью флексии: *-м, -м, -х, -ми, -х/-в, -j (-jy)*, — а начальные гласные *-ы- и -а-(-о-)* играют роль показателей адъективности и субстантивности.

2. Там, где в именном склонении окончание состоит из одной фонемы (или равно нулю), имеются следующие группы:

а) *пуст-ая изб-а, пуст-ое* (морфонологически *-оjo*) *зерн-о, пуст-ые* (морфонологически *-iji*) *двор-ы, пуст-ую изб-у*; здесь адъективные окончания отчетливо распадаются на три части (*-a-j-a, -o-j-o, -i-j-i, -u-j-y*), где первая и третья часть равны соответствующему именному окончанию;

б) *пуст-ой∅ двор-∅*; эта форма в сущности примыкает к предыдущей группе, поскольку *о* в *-ой∅* можно рассматривать как беглую гласную, т. е. как позиционный вариант нуля;

в) *пуст-ому двор-у*; здесь *-у* в *-ому* явно тождественно именному окончанию, а элемент *-ом-* играет роль показателя адъективности; сравнение с «в» позволяет заключить, что и в группах «а» и «б» падежно-родо-числовое значение связывается в первую очередь с конечным элементом адъективной флексии;

г) *пуст-ого* (т. е. *-ово*) *двор-а*; отличие от «в» в том, что конечные элементы здесь лишь сходны, но не совпадают: *-ов-о — -а-*;

д) *пуст-ом двор-е, пуст-ой избы-ы, пуст-ой изб-е* (Д. и М.); это особые случаи, не соответствующие основной схеме.

Таким образом, во флексиях адъективного склонения (кроме пункта 2д) могут быть выделены конечные элементы, которые в си-

лу полного или частичного совпадения с соответствующими именными окончаниями получают функцию носителей падежно-родо-числовых значений.

О том, что это рассуждение не является чисто умозрительной выкладкой, а соответствует реальным ассоциациям в сознании носителей языка, убедительнее всего говорят аналогические перестройки, ведущие к более последовательной реализации описанной схемы.

Главная из них — замена *-o* на *-a* в окончании *-ог-о* (*-ов-о*). Замена *-ого* на *-ога* наблюдается в берестяных грамотах уже с XII в. В современных северновеликорусских говорах формы типа *большба*, *молодбба*, *стáрова* распространены очень широко (см. Атлас 1989, карта 45). Ср. также белорусские диалектные *майгá*, *твайгá* и т. п. За пределами восточнославянской области такая замена, как известно, произошла в сербском и словенском языках.

Другая подобная замена известна, правда, не в русском, а в украинском, белорусском и сербском языках, но тем не менее достаточно показательна для рассматриваемой здесь проблемы. Речь идет о добавлении гласной *-у* или *-е* к окончанию М. ед. *-ом*, ср. укр. *у великому місті* (наряду с *у великім*), белор. диал. *на крутому берагу* (литерат. *на крутом*), серб. *у зеленоме* (*у зеленому*, *у зеленом*) *гају*. После добавления *-у* или *-е* окончание М. ед. *-ом-у*, *-ом-е* получает такую же структуру, как Д. ед. *-ом-у*, Р. ед. *-ог-а* и т. д.

Таким образом, якобсоновская идея раздельной соотнесенности элементов русских флексий с элементами значения (Якобсон 1958) в данном случае наглядно подтверждается, так как оказывается, что она обладает объяснительной силой в вопросе об отпадении или сохранении конечных гласных.

Мы не беремся здесь решать вопрос о том, должны ли в связи с рассмотренными фактами конечные элементы адъективных окончаний (*-у* в *пустому*, *-а* в *пустаја* и т. д.) оцениваться просто как отдельные морфы или как субформы (т. е. единицы, обладающие лишь частью свойств морфа). Для наших целей достаточно констатировать тот факт, что в вопросе об отпадении конечных гласных они ведут себя в русском языке так же, как обычные морфы.

Замечание. Некоторое отличие таких единиц от полноценных морфов, по-видимому, в каких-то случаях все же может сказываться. Так, в сербском языке положение не совсем такое же, как в русском: конечные элементы некоторых адъективных флексий здесь стали факультативными, ср. Р. ед. *зеленога* и *зеленог*, Д. ед. *зеленому* и *зеленом*. В том же ряду оказывается и М. ед. (хотя направление морфологической эволюции здесь было противоположным, ср. выше): *зеленоме* (или *зеленому*) и *зеленом*.

С учетом всего сказанного исключениями из сформулированного выше правила можно считать (и то лишь с существенными оговорками) только следующие случаи.

1. Сохранение гласной в *-те* в 2 мн. императива: *несíте*, *говорíте* и т. д. (ср. «правильное» развитие в украинском: *несіть*, *сідіть* и т. д.). В отличие от индикатива, в императиве *-те* всегда было безу-

дарным. Существенно, однако, что, как показал Р. О. Якобсон (см., в частности, 1965, с. 192), императивное *-те* развило такие морфонологические свойства, которые отделяют его от обычных (внутрисловных) морфем и сближают с энклитическими служебными словами, а именно, перед *-те* происходят не внутренние, а внешние сандхи (в частности, стоящая перед *-те* гласная ведет себя как конечная: *сядите* > *сядьте*, как *сяди* > *сядь*). Таким образом, *-те* оказывается в сходном положении, например, с энклитиками *-ка* или *-то* (см. выше, примечание 3): по общему правилу ожидалась бы вариантность *-те/-ть*, типа *дайтe*, *поставьтe*, *сядьте* — **несйтъ*, **скажйтъ*, **пойдйтъ*, реально же всегда представлено *-те*, подобно постоянному *-ка* или *-то*.

Сохранению постоянного *-те* в императиве, возможно, способствовало также *-те* индикатива. Здесь, разумеется, возникает вопрос: почему же подобное влияние не предохнуло конечную гласную в украинских императивах типа *несіть*, *сидіть*? Дело в том, однако, что в русском языке характер связи между императивом и индикативом существенно иной, чем в украинском. В русском языке императив множественного числа довольно тесно сближается с индикативом: в 1 мн. он просто всегда с ним совпадает (*пойдём*, *бежим* и т. п.), у части глаголов такое же совпадение наблюдается и во 2 мн. (*говорйтe*, *пбмните* и т. п.). Между тем в украинском языке императив четко противопоставлен индикативу (ср. Якобсон 1965): *несім* — *несемб*, *сидіть* — *сидитe* и т. д.; ни в 1 мн., ни во 2 мн. совпадения между ними не бывает никогда; симметричны также противопоставления окончаний: *-м* — *-мо*, *-ть* — *-те*.

2. Сохранение гласной в *-ми* в Т. мн.: *лесами*, *пустыми*, *теми* и т. д. Фактически, правда, русский язык знает в этом пункте оба решения: в литературной норме и в большинстве говоров *-ми* сохраняется, но в большей части северновеликорусских говоров оно перешло в *-м*: Т. мн. *лесам*, *пустым*, *тем* и т. д. По-видимому, двойственность решения определяется тем, что это точка конфликта двух сил: 1) правила об отпадении конечной гласной; 2) тенденции избежать опасной омонимии. В самом деле, отпадение *и* в *-ами*, *-ыми* приводит к двойной омонимии, а именно, новый Т. мн. типа *с солдатам*, *со старым* совпадает, во-первых, с Д. мн., во-вторых (у значительной части слов) с Т. ед. Оба эти соотношения создают новые для русского языка модели омонимии. Особенно важно второе из них, поскольку русскому языку почти неизвестна полная (т. е. без различия в падеже) омонимия словоформ единственного и множественного числа; ср. также указанный Р. О. Якобсоном (1958, с. 173) параллелизм *star-im#* : *star-im'i* = *star#* : *star-i* = *star-ij#* : *star-iji*.

Сверх этих двух случаев на статус исключений из правила отпадения гласных могли бы претендовать лишь некоторые неизменяемые слова типа *ныне*, *откуда*, *неужели*, но в действительности практически все они подпадают под действие примечания 3 (см. выше),

т. е. это лишь один вариант из двух реально существующих в языке, закрепившийся в качестве литературной нормы. Для считанного числа слов (*однако, кроме, ради, еле*) вариант без конечной гласной, как кажется, не отмечен, но едва ли они действительно отделены какой-то резкой чертой от *ныне, откуда* и т. п. (ср., между прочим, в этой связи украинские *однáк, крíм*).

С точки зрения типологии языковых изменений данное явление из истории русского языка может рассматриваться как образцовый случай взаимодействия фонетического и морфологического факторов, а именно, как пример собственно фонетического изменения с наложенным морфологическим ограничением.

Особенностью данного изменения следует считать также его значительную растянутость во времени. Вероятно, она определенным образом связана с участием в данном процессе морфологического фактора (ср. длительный характер морфологических процессов типа выравнивания парадигм).

Рассмотренное здесь явление, как известно, в той или иной степени свойственно также и другим славянским языкам. Но в русском языке его реализация оказалась одной из наиболее последовательных.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас 1989 — Диалектологический атлас русского языка (центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.
- Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Дурново 1928 — N. Durnovo. Der Schwund von Endvokalen im Russischen // Zeitschrift für slavische Philologie, V, 1928, 1/2, 17—36.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Соболевский 1907 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Якобсон 1958 — Р. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением // R. Jakobson. Selected Writings. The Hague — Paris, 1971. V. II. P. 154—183.
- Якобсон 1965 — Р. Якобсон. Стой украинского императива // R. Jakobson. Selected Writings. The Hague — Paris, 1971. V. II. P. 190—197.

О ПОНЯТИИ ГРАФЕМЫ

§ 1. В настоящей статье обсуждается вопрос о содержании термина “графема” и, в частности, анализируются черты сходства и различия между графемами и фонемами и между методами изучения тех и других. Разбор ограничен системами письма, основанными на фонографическом (не идеографическом или пиктографическом) принципе; фактически основным материалом служит русская система письма (в настоящее время и в прошлом). Работа не претендует на формальную строгость¹.

§ 2. Термин “графема” (предложенный еще И. А. Бодуэном де Куртенэ²) в его современном употреблении и противопоставленный ему термин “аллограф” очевидным образом входят в ряд терминов общего вида “Х-ема” — “алло-Х”; ср. прежде всего пару “фонема” — “аллофон”.

Противопоставление понятий типа “Х-ема” и “алло-Х” отражает одну из фундаментальных особенностей знаковых систем. Как известно, звуки, начертания, жесты и прочие материальные элементы, которые могут использоваться для формирования знаков, сами по себе обычно не имеют дискретной шкалы различий; например, между любыми двумя звуками, хотя бы и близкими, возможны также промежуточные по своим физическим характеристикам звуки. Если эти элементы действительно используются для построения внешней стороны знаков, они непременно должны быть разбиты на непересекающиеся классы по некоторой дискретной шкале³. Все различия внутри каждого такого класса рассматриваются как несущественные; с семиотической точки зрения (т. е. с точки зрения знаковой

¹ По крайней мере часть излагаемых положений может быть сравнительно легко доведена до формальной строгости, однако, с нашей точки зрения, эта операция составляет особую самостоятельную задачу, которую уместнее отделить от содержательного изложения; в рамках настоящей статьи мы ею не занимаемся.

² *И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку.* СПб., 1912.

³ Эта шкала может быть откровенно условной, как, например, в знаковых системах, принятых особым соглашением (типа световой сигнализации на улицах), или складываться бессознательно в течение длительного времени, как, например, в системе фонем языка.

системы) внутри класса нет просто никаких различий. Напротив, любое различие между членами двух разных классов существенно: это различие между двумя разными семиотическими единицами. Таким образом, всякое реальное различие между двумя материальными элементами проходит своего рода "семиотический фильтр" по принципу "все или ничего": одни различия оказываются семиотически полноценными, другие — семиотически нулевыми.

Термин вида "Х-ема" обозначает отдельный класс описанного выше разбиения; "алло-Х-ами" данной "Х-емы" называются все члены соответствующего класса. В частности, фонема означает некоторый класс звуков⁴, аллофоны (данной фонемы) — звуки, входящие в этот класс. Указанная схема является общей для разных пар терминов, имеющих вид "Х-ема" — "алло-Х". Различия касаются, во-первых, конкретной природы соответствующих объектов, во-вторых, "критериев существенности", т. е. тех критериев, по которым одни различия признаются существенными, а другие нет.

Так, при выделении фонем критерий существенности, грубо говоря⁵, состоит в том, что существенно такое и только такое различие между двумя звуками, которое хотя бы для одной пары словоформ (разных слов или одного слова) является единственным источником различия внешних оболочек этих словоформ⁶.

§ 3. Применительно к графическому уровню указанная общая схема означает следующее: выделение графем должно производиться так, чтобы различие между любыми двумя графемами было существенным, а всякое различие между аллографами одной графемы — несущественным. Разумеется, эта формулировка сама по себе еще никак не решает вопроса о том, в чем конкретно здесь должен состоять критерий существенности. Разбору этого вопроса и посвящена основная часть настоящей работы.

Графические единицы, реально встречающиеся в письменных и печатных текстах и представляющие собой исходный материал для последующего разбиения их на графемы, мы будем ниже называть начертаниями⁷ (ср. аналогичный по своему логическому статусу

⁴ Здесь и далее мы имеем в виду только те понимания фонемы, при которых каждый звук относится ровно к одной фонеме; ср.: В. А. Успенский. Одна модель для понятия фонемы // ВЯ. 1964. № 6. С. 39.

⁵ Здесь нет необходимости углубляться в разбор особых случаев, которые потребовали бы некоторых уточнений к приводимой огрубленной формулировке.

⁶ Отметим, что наличие подобного критерия само по себе еще не обеспечивает однозначного разбиения звуков на фонемы (ср. известную проблему неединственности фонологических решений). Для разрешения этой неоднозначности в принципе необходимы какие-то вспомогательные критерии или процедуры.

⁷ В принципе следует различать конкретное начертание (находящееся на определенном месте, скажем, конкретного листа бумаги) и абстрактное начертание, представляющее собой продукт абстракции отождествления всех конкретных начертаний, признаваемых нами одинаковыми. В нашем изложении, однако, это различие в явной форме не проводится; какой из этих двух смыслов слова "начертание" имеется в виду, надлежит устанавливать из контекста.

су термин “звук” в фонологии). Речь идет, таким образом, о том, какие различия между начертаниями следует считать существенными.

Простейший с логической точки зрения путь состоит в том, чтобы при решении вопроса о графемах по возможности скопировать все процедуры и определения с тех, которые выработаны в фонологии. Ср. предложение такого пути в работе В. А. Успенского “Одна модель для понятия фонемы”: “Изложенная модель прилагается без всяких изменений (за исключением терминологических) и в качестве модели для понятия графемы в языках с линейным письмом (т. е. письмом, допускающим линейную сегментацию)⁸.

Искомый критерий существенности, по-видимому, должен в этом случае выглядеть так: существенно такое и только такое различие между двумя написаниями, которое хотя бы для одной пары словоформ является единственным источником различия между принятыми в данном обществе графическими изображениями этих словоформ.

Действительно, этого критерия в большинстве случаев достаточно для получения таких решений, которые хорошо соответствуют практике описания графических систем и не противоречат каким-либо устойчивым интуитивным представлениям. Не углубляясь в вопрос о конкретных процедурах выделения графем, отметим лишь некоторые наиболее важные моменты. Прежде всего, очевидно, что два начертания, передающие (всегда или хотя бы в части случаев) разные фонемы, скажем, *a* или *u*, должны рассматриваться как разные графемы. Далее, как разные графемы должны рассматриваться строчное *a* и прописное (заглавное) *A*, *b* и *B* и т. д.; ср., например, *газ* и *ГАЗ* (Горьковский автомобильный завод), *орел* и *Орел* (город, фамилия) и т. п.⁹

С другой стороны, разнообразнейшие способы написания (или печати), скажем, строчного *a*, отличающиеся размером, наклоном, пропорциями, стилем, конфигурацией каких-то деталей, особенностями индивидуального почерка и т. д., образуют лишь аллографы данной графемы. Все такие различия можно назвать каллиграфическими (используя слово “калиграфия” в несколько расширенном смысле).

⁸ В. А. Успенский. Указ. соч. С. 53.

⁹ В некоторых работах пары *a* и *A*, *b* и *B* и т. д. рассматриваются как единые графемы. Мы имеем здесь дело, таким образом, с иным употреблением термина “графема”: вместо стремления к тому, чтобы понятия “графема” и “фонема” имели по возможности сходный логический статус, здесь на первое место, по-видимому, выступает просто стремление к тому, чтобы отношение графем и фонем оказалось как можно ближе к взаимно-однозначному. При таком употреблении “графема” означает примерно то же, что традиционный термин “буква” (ср. ниже, § 4 и 9). Между прочим, из такого словоупотребления с необходимостью следует, что орфография (см. § 12) может предписывать не только выбор графемы, но и выбор аллографа (ведь орфографические своды заведомо содержат некоторое число правил об употреблении прописных букв), а это явно нарушает некоторое естественное представление о том, что орфография (в отличие от каллиграфии) занимается только существенным.

Выбор графемы — дискретная операция: между двумя разными графемами, хотя бы и похожими (скажем, *н* и *и*), нет “промежуточных” графем. Напротив, каллиграфия недискретна: между двумя аллографами возможны все переходные степени наклона, жирности, четкости и т. п.

В дополнение к тому, что достигается непосредственным применением указанного выше критерия, явно следует признать существенными также отличия знаков препинания от знаков, служащих для записи словоформ, равно как и различия знаков препинания между собой. Иначе говоря, точка, запятая, тире и т. д. образуют особые самостоятельные графемы.

§ 4. Того представления о графеме, которое возникает на основе указанного в § 3 критерия существенности, уже достаточно, чтобы ввести ряд обозначений, необходимых для дальнейшего разбора.

В европейских системах письма графемы довольно отчетливо распадаются на основные (используемые для записи словоформ и при этом стоящие в строке) и вспомогательные (все прочие, а именно, надстрочные и подстрочные знаки, а также знаки препинания и подобные им символы).

С другой стороны, графемы, реально используемые в письменных и печатных текстах, можно разделить на общебязательные и специальные. Первые образуют некоторый минимальный инвентарь графем, необходимый для записи (в соответствии с действующими орфографическими правилами) внешней оболочки любой словоформы данного языка, а также для пунктуации предложения. Специальные графемы — это самые различные дополнительные символы, например, математические и т. п. знаки, буквы чужих алфавитов, символы идеографического характера (т. е. соотнесенные непосредственно со значением, а не с внешней оболочкой каких-либо слов; таковы, например, цифры) и т. д. Все они так или иначе служат для сокращения записи или для передачи того, что затруднительно передать обычными словесными средствами данного языка.

В отличие от общебязательных графем, имеющих постоянные значения, специальным графемам (кроме самых известных, например, цифр) автор может приписывать те значения, которые считает удобным. Соответственно, значения специальных графем (кроме самых известных) обычно специально разъясняются автором. Список специальных графем в принципе открыт: автор может изобрести совершенно новую специальную графему или объявить особой специальной графемой то, что в обычных условиях функционирует лишь как аллограф какой-то графемы.

Общебязательная основная графема в нормальном случае представляет собой средство передачи на письме некоторой фонемы или нескольких разных фонем (от более сложных случаев мы здесь отвлекаемся). Две разные графемы могут служить для передачи одной и той же фонемы (одного и того же набора фонем); такие графемы

можно назвать омофоничными (подробнее см. § 11). Пример: *ф* и *Ф* в дореволюционной русской орфографии.

Термин “графическая система”, который может встретиться в последующем изложении, пока что достаточно понимать как обозначение инвентаря общеобязательных графем вместе с основными правилами их использования; более подробно этот термин обсуждается в § 11.

В связи с вопросом о различии между графемами и аллографами необходимо отметить один существенный момент, характерный в особенности для печатных текстов. Пусть имеется некоторый инвентарь графем, и для каждой из них выбран (например, для создания печатного шрифта) некоторый аллограф, считающийся образцовым. Далее, полученный инвентарь образцовых аллографов может быть продублирован путем изменения всех этих аллографов по какому-то одному признаку (размер, наклон, степень жирности и др.); эту операцию можно назвать транспозицией. Понятно, что транспозицию можно применять многоократно и получать все новые наборы аллографов; так, в типографском деле один и тот же инвентарь графем может быть реализован в разных гарнитурах (т. е. типах рисунка печатных знаков), в разных кеглях (т. е. размерах), в прямой или курсивной форме, в светлом или жирном варианте и т. д.

Сама по себе транспозиция (например, когда она вызвана лишь эстетическими соображениями, заботой об удобстве чтения или, наоборот, об экономии места), разумеется, никаких новых графем не создает. Пишуший может, однако, объявить, что он приписывает тем или иным транспонированным аллографам какую-то особую функцию, противопоставляющую их исходным аллографам. Например, автор решил выделять ударную гласную жирным шрифтом: *каша*, *солома* и т. д. Очевидно, что в этом случае *а* и *а* (*о* и *о* и т. д.) уже противопоставлены друг другу как разные графемы; при этом *а*, *о* и т. д. должны быть отнесены к числу специальных графем.

С исторической точки зрения, продуктами транспозиции являются также прописные буквы. Однако, как было показано выше, в современных графических системах прописные *A*, *B* и т. д. представляют собой уже не дополнительные аллографы, а самостоятельные графемы. Более того, эти графемы уже не могут считаться специальными, поскольку их употребление регулируется общеобязательными орфографическими правилами¹⁰.

Разумеется, однако, графемы *A* и *a* (равно как *B* и *b* и т. д.) связаны между собой гораздо теснее, чем произвольная пара графем (скажем, *a* и *b*), а именно: 1) они омофоничны; 2) в ряде ситуаций (позиция начала предложения; заголовки или целые тексты, напечатанные

¹⁰ Статус самостоятельных (и притом общеобязательных) графем, достигнутый теперь прописными буквами, подчеркивается также тем, что для многих из них выражались особые начертания, нередко сильно отличающиеся от соответствующих строчных (тогда как исходным пунктом этой дифференциации было простое различие по размеру).

с использованием одних лишь прописных графем или, реже, одних лишь строчных графем) их противопоставление нейтрализуется¹¹.

Соответственно, пара графем типа *A* и *a* воспринимается как некоторое особое единство. В русской традиции именно оно обычно и обозначается словом “буква”¹². Это легко усматривается из обычного словоупотребления, например: “Русский алфавит состоит из 33 букв”, “Слово *Anapa* начинается и кончается на одну и ту же букву”, “Ты написал букву *a*, а теперь напиши ту же букву, но только прописную”. Не соответствует общедальному словоупотреблению (и воспринимается как излишне педантична) фраза типа: “Ты написал букву *a*, а теперь напиши другую букву — *A* прописное”. Подробнее об употреблении слова “буква” см. § 9.

Совокупность всех букв, расположенных в некотором условном порядке, носит название алфавита; ср. приведенную выше фразу.

§ 5. Хотя, как уже отмечено, критерий существенности, предложенный в § 3, дает в основном хорошие результаты, существуют все же случаи, когда он приводит к решениям, которые явно противоречат интуитивным представлениям. Например, в дореволюционной русской графике (если пренебречь аномальной парой *миръ* “рах” — *миръ* “mundus”) омофоничные буквы *и* и *i* употреблялись в дополнительном распределении: *i* перед гласными буквами и *й*, *и* — в прочих случаях. По критерию, предложенному в § 3, эти буквы должны быть признаны аллографами¹³, то есть единицами, различающимися столь же несущественно, как, например, и прямое и *и* наклонное и т. п.; однако это явно не соответствует интуитивным представлениям о степенях важности различий.

Чтобы понять источник подобных несоответствий, необходимо более подробно рассмотреть различия между графемами и фонемами, не сводящиеся просто к различию материальной природы начертаний и звуков. Заметим сразу же, что эти различия более серьезны, чем представляется на первый взгляд.

Очевидное различие состоит здесь уже в том, что фонема — односторонняя единица, тогда как графема фактически функционирует как знак, т. е. как двусторонняя единица, а именно, определенный класс начертаний выступает здесь как символ некоторой фонемы (или фонем). Соответственно, между двумя графемами возможны отношения, определяющиеся одинакостью или различием переда-

¹¹ Ср. также предложение Г. Глисона рассматривать *A* как сочетание графемы *a* с суперсегментной “графемой заглавности”, см.: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959. С. 399.

¹² То же можно сказать об англ. *letter*, франц. *lettre*, нем. *Buchstabe* и др., а также о слове “буква” в русских описаниях графики соответствующих языков.

¹³ Разумеется, если не отбросить пару *миръ* — *миръ*, решение будет иное. Ясно, однако, что существо дела здесь не меняется от наличия или отсутствия этой особой пары. В действительности именно тот факт, что *и* и *i* уже воспринимаются как различные самостоятельные единицы, создает принципиальную возможность написаний типа *миръ*, а использована ли реально эта возможность, несущественно.

ваемых ими фонем (например, отношение омофоничности), тогда как в системах фонем никаких аналогов этих отношений нет.

С практической точки зрения, важнейшее различие между графемами и фонемами состоит в том, что фонологическая система в нормальном случае усваивается человеком бессознательно (и обычно не осознается и впоследствии), тогда как графическая система усваивается путем обучения, т. е. сознательно. Обучаемому обязательно в явном виде сообщается алфавит букв и список вспомогательных графем и указываются наименования графем¹⁴.

Таким образом, носитель фонологической системы, владеет ею в действии, но не имеет о ней (в общем случае) никаких знаний; у него нет даже слова для понятия фонемы. Между тем носитель графической системы непременно имеет о ней некоторые знания, притом как раз те, которые с семиотической точки зрения являются важнейшими. Так, он владеет понятием буквы и имеет соответствующее слово; он понимает дискретную природу букв и четкую ограниченность их числа; например, он без труда ответит на вопрос, из каких букв состоит сделанная им запись¹⁵.

Важно подчеркнуть, что имеющееся у грамотного человека представление о числе букв (и, соответственно, умение видеть в любом используемом на письме начертании воплощение какой-то определенной буквы из этого числа) не есть продукт его индивидуальных наблюдений, осознанных или неосознанных¹⁶, над практикой письма; оно непосредственно дается ему при обучении. Поэтому даже весьма несовершенные (с точки зрения своего основного назначения) системы письма могут сохраняться без всяких изменений в течение веков. В частности, омофоничность двух букв (скажем, *ф* и *Ф*) ничуть не меняет, с точки зрения пишущего, того факта, что это две разные буквы. Даже если две омофоничные буквы находятся в простейшем и очевидном дополнительном распределении (как в случае с *и* и *i*, см. выше), это вовсе не приводит к слиянию их в единую букву в сознании пишущего.

Отметим также некоторые различия между соотношением "графема — аллограф" и соотношением "фонема — аллофон". Как известно, самый характерный вид отношения между аллофонами одной фонемы — дополнительное распределение; другое возможное отношение — свободное варьирование — встречается реже. Между тем

¹⁴ Будучи самостоятельным семиотическим объектом, каждая графема непременно имеет особое имя (слово или словосочетание); именно это обеспечивает возможность какого бы то ни было общения на тему о письме и его правилах. Показательно, что аллографы, в отличие от графем, в подавляющем большинстве случаев самостоятельных имен не имеют.

¹⁵ Ср. совершенно иное положение с фонемами: неясно даже, как сформулировать для информанта просьбу разделить произнесенное им слово на фонемы. Даже если это как-то удалось объяснить, далеко не всякий информант и далеко не со всяким словом сможет выполнить такую просьбу.

¹⁶ Между тем представление о фонемах, если оно вообще в какой-то форме имеется у лингвистически необученного носителя языка, возникает именно таким путем.

для аллографов одной графемы наиболее характерно именно отношение свободного варьирования¹⁷. Что касается дополнительного распределения, то здесь между фонетикой и графикой есть заметное различие. Автоматическое, неосознаваемое дополнительное распределение аллографов в зависимости от контекста (сходное с тем, что наблюдается в фонетике) встречается почти исключительно в связном письме, например, в скорописи (где на конфигурацию буквы может влиять конфигурация ее соседей). В несвязном письме без лигатур (устав, полуустав, печатный шрифт) это явление почти отсутствует.

Что касается дополнительного распределения типа “*i* перед гласной буквой *и*, *и* в прочих случаях”, то оно, конечно, отнюдь не является автоматическим¹⁸ и неосознанным, а достигается обучением. Этому соответствует и субъективное осознание таких начертаний как различных самостоятельных единиц. Таким образом, эти начертания представляют собой аллографы только с точки зрения критерия существенности, указанного в § 3, но не с субъективной точки зрения носителей графической системы. Вообще, как это ни парадоксально в глазах фонолога, дополнительное распределение двух начертаний, если его нельзя объяснить простым влиянием конфигурации соседних начертаний, указывает именно на то, что перед нами две разные, с точки зрения пишущих, единицы (причем правила их применения были составной частью обучения грамоте).

§ 6. Различие между фонологическими и графическими системами по степени осознанности отражается и на выборе способа их описания.

Обычное фонологическое описание можно охарактеризовать как модель объективного функционирования соответствующей фонологической системы. Составитель описания стремится оптимальным образом (с точки зрения принятых им критериев) выделить фонемы и отобразить их функционирование. Он не считает себя связанным в этих операциях теми представлениями, которые могут иметь о своих фонемах сами носители языка (тем более, что у подавляющего их большинства сколько-нибудь ясных, допускающих словесное выражение, представлений о собственной фонологической системе нет).

Данный тип описания в принципе возможен и для графических систем, т. е. можно строить модель объективного функционирования графической системы, безотносительную к субъективному осознанию этой системы. Именно такому подходу соответствует, в частности, критерий существенности, предложенный в § 3.

¹⁷ Свободное варьирование не исключает эстетических предпочтений. Например, пишущий может использовать более нравящийся ему аллограф, когда он хочет, чтобы текст выглядел красивее, и т. п.

¹⁸ Мы отвлекаемся здесь от той ситуации, когда у опытного человека весь процесс письма достигает высокой степени автоматизма. Заметим, что и в этой ситуации выбор между *i* и *и* т. п. является не более автоматическим, чем выбор заведомо самостоятельных графем.

Однако для графического уровня возможен и другой тип описания. Поскольку графическая система, в отличие от фонологической, не только функционирует, но и осознается (и даже преподается), здесь вполне осмысlena задача отразить субъективное представление об этой системе, имеющееся у ее носителей.

Итак, можно различать два рода описания графических систем: I — не принимающий в расчет субъективных представлений носителей графической системы; II — ориентированный на отражение именно этих представлений.

Понятно, что анализ одной и той же графической системы с этих двух разных точек зрения может дать разные результаты; в частности, могут получаться разные инвентарии графем. Ср. расхождение такого рода в примере с *и* и *и*, разобранном в § 5.

Можно привести и другие аналогичные примеры. Так, В. А. Успенский¹⁹, отмечая, что в настоящее время буквы ъ и ѿ в письменном литературном русском языке (в варианте с обязательным употреблением буквы ё), по-видимому, находятся в дополнительном распределении²⁰, констатирует, что в соответствии с предложенной им моделью для понятия фонемы и одновременно для понятия графемы (ср. выше, § 3) ъ и ѿ оказываются аллографами одной графемы. Между тем в субъективном представлении пишущих ъ и ѿ — это несомненно две различные самостоятельные единицы.

В дополнительном распределении в современном (равно как и дореволюционном) русском письме находятся также буквы ѿ и ѹ, причем здесь, в отличие от пары ѿ — ъ, правило распределения очень просто: ѿ встречается только после согласных букв, ѹ — только после гласных (изредка также в начале слова)²¹. Поскольку ъ встречается, как и ѿ, только после согласных букв, для современного языка критерий существенности, указанный в § 3, позволяет объединить в одну графему уже целых три буквы: ъ, ѿ, ѹ. Опять-таки ясно, что это не соответствует субъективным представлениям пишущих.

В дополнительном распределении находятся также, например: σ и ζ в греческом, i и y в большинстве орфографических школ в среднеанглийском (в обоих случаях второй член пары выступает на конце словоформы, первый в прочих позициях), ω и o в тех орфографических школах средневековой Руси, которые предписывали употреблять ω в начале словоформы и после гласной буквы, o — после согласной. Во всех этих случаях мы имеем дело с аллографами с точки зрения описания I рода, но с разными графемами с точки зрения описания II рода (ср. § 5).

¹⁹ В. А. Успенский. Указ. соч. С. 53.

²⁰ Функциональная неполнота противопоставления ъ и ѿ была причиной того, что, Ф. Ф. Фортунатов уже в 1904 г. высказался за полную отмену буквы ъ: см. Р. Якобсон. Избыточные буквы в русском письме // R. Jakobson. Selected writings, v. I. The Hague—Paris, 1971, p. 564.

²¹ Как известно, этот факт был обнаружен в середине XVII в. Ю. Крижаничем, который на этом основании считал правильным писать (и действительно сам писал) ѿ вместо ѹ, например, *ръв*, *мѡв*; см.: Р. Якобсон. Указ. соч. С. 563.

§ 7. С нашей точки зрения, при изучении конкретных графических систем первостепенное практическое значение имеет описание II рода, т. е. такое, которое отражает субъективное осознание системы ее носителями. Знание этого аспекта представляется безусловно необходимым для того, чтобы правильно судить о степени соответствия системы ее основному назначению, о характере ее фактического применения, о природе и источниках ошибок и т. д. Без знания этого аспекта невозможно даже воспроизвести без искажений тексты, записанные в этой системе (т. е. невозможно сохранить все отношения тождества и различия знаков, представленные в оригинале).

В частности, очевидно, сколь необходим такой анализ при изучении графических систем прошлого. Трудно представить себе, как можно установить, например, какие начертания являются ошибками писца, если предварительно не выявлено, какие различия между начертаниями он сам считал существенными²².

Заметим, что, в соответствии с указанной потребностью, едва ли не все реально существующие описания графических систем (по крайней мере, современных) по сути дела представляют собой именно описания II рода. При этом, однако, то обстоятельство, что в описании тождеств и различий графических элементов исследователь фактически исходит из субъективного восприятия этих элементов носителями графической системы, им обычно не отмечается: оно либо представляется исследователю очевидным, либо даже не осознается.

Что касается описаний I рода, то наиболее значительные результаты, достигнутые к настоящему моменту на этом пути (отличные от тех, которые получаются при описании II рода), были сформулированы не в виде синхронических констатаций, а в виде практических предложений по усовершенствованию существующей графической системы. Примечательно, что ни Крижанич (см. сноску 21), ни Фортунатов (см. сноску 20) не предлагали считать *ь* и *й* (соответственно *ь* и *ѣ*) одной и той же буквой, а требовали изъятия одной из двух букв при сохранении другой²³. Иначе говоря, они безусловно признавали рассматриваемые ими единицы разными буквами, т. е. существующую ситуацию рассматривали с позиций описания II рода.

Можно предполагать, таким образом, что описание I рода должно строиться как своего рода “дополнительный этаж” над описанием II рода. Представляется сомнительной ценность “чистого” описания I рода, т. е. такого, при котором полностью игнорируются различия, существенные с точки зрения пишущих, если эти различия не удо-

²² Говоря о необходимости такого анализа, мы не касаемся здесь вопроса о том, как его осуществить. Это особая задача, в каких-то случаях, быть может, и весьма сложная.

²³ Ср. в этом отношении реформу 1917 г., которая именно отменила определенные буквы (а отнюдь не объявила, скажем, *и* и *ї* единой буквой).

влетворяют избранным формальным критериям. Так, может оказаться целесообразным объединить, например, *и* и *i* в какую-то единицу высшего ранга (скажем, "гиперграфему"), однако едва ли можно оправдать признание этой пары просто единой графемой, точно такой же, как *a* или *b* (ср. выше, § 5).

В дальнейшем изложении везде, где не оговорено обратное, предполагается, что речь идет об описании II рода.

§ 8. В чем же состоит критерий существенности при описании II рода? Для ответа на этот вопрос обратимся к ситуации школьного диктанта: учитель читает (допустим, из книги) отрывок, ученики его записывают²⁴. При проверке любой из этих записей учитель в сущности должен сравнить два графических изображения одного и того же текста — в книге и в ученической тетради. Ясно, что эти два изображения внешне очень различны. Между тем учитель лишь в некоторых местах объявляет ученическую запись неправильной (а может и всю ее признать целиком правильной). Естественно считать, что ошибками учитель объявляет именно те случаи, где разница между ученическим и книжным написаниями с его точки зрения существенна, а правильными написаниями — те, где она несущественна²⁵.

Заметим, что точка зрения учителя и точка зрения обученных им учеников в этом вопросе совпадают. Правда, ученик может, например, настаивать на том, что учитель напрасно счел некоторое конкретное начертание в его тетради за букву *o*, тогда как оно в действительности воплощало букву *a*, однако он не станет утверждать, что сама разница между буквами *o* и *a* несущественна.

Итак, при описании II рода мы можем непосредственно использовать тот факт, что сами носители графической системы отчетливо различают два рода отклонений некоторого конкретного начертания от того, которое требуется. В одном случае они говорят: "Эта буква (эта запятая и т. п.) плохо (некрасиво, неразборчиво) написана"; в другом — "Здесь ошибка", "Здесь написана не та буква, которая нужна", "Здесь написано *a* вместо *o* (запятая вместо точки, строчное *a* вместо прописного и т. п.)".

Критерий существенности при описании II рода состоит, таким образом, в том, что существенно такое и только такое различие между начертаниями, которое сами носители графической системы оценивают вторым из указанных способов. Иначе говоря, при ответах первого типа мы имеем дело с каллиграфическими вариациями, при ответах второго типа — с разными графемами.

В соответствии с общей схемой значения терминов вида "Х-ема" — "алло-Х" (§ 2), этим критерием существенности и определяется

²⁴ Можно представить себе и просто упражнение по списыванию текста с книги.

²⁵ Следует исходить из того, что перед нами учитель, не признающий права учеников на какое бы то ни было пунктуационное или орфографическое варьирование, но в то же время не обращающий внимание на дефекты почерка.

понимание графемы. Графемой при описании II рода оказывается, таким образом, совокупность всех начертаний, которые самими носителями графической системы воспринимаются как “то же самое” (тогда как всякая замена в тексте одной графемы на другую воспринимается ими как переход от одной цепочки символов к другой и, следовательно, со “школьной” точки зрения, как потенциальная ошибка). Понятно, что при таком подходе в примерах, разобранных в §§ 5—6, и и *i*, ь и *ъ*, ь и *й* и т. д. будут признаны разными графемами.

§ 9. Рассмотрим некоторые более частные вопросы, связанные с описанием II рода.

Как уже было указано в § 4, слово “буква” в русской традиции и его эквиваленты в западноевропейских традициях означает пару графем, состоящую из строчной графемы и соответствующей прописной. Однако в некоторых традициях слово, которое принято переводить на русский язык как “буква”, фактически используется несколько иначе, а именно, как одна и та же буква рассматриваются омофоничные графемы, дополнительно распределенные относительно графического контекста (или границ словоформы). Так, в арабской графике единой буквой считаются начальное (т. е. применяемое в начале словоформы), срединное, конечное и изолированное начертания, передающие одну и ту же согласную фонему (различия строчных и прописных графем здесь нет).

В греческой графике как единую букву принято рассматривать графемы σ и ζ (вторая применяется на конце словоформы, первая в прочих случаях). При этом в современной греческой графике (в отличие от древней) имеется также и противопоставление строчных и прописных графем, например, α и Α. Здесь понимание слова “буква” определяется взаимным наложением обоих рассмотренных принципов: графемы σ, ζ и Σ считаются одной и той же буквой (“сигма”).

Заметим, что для всех обсуждавшихся графических систем (русской, западноевропейских, арабской, греческой) исторически первоначальным было состояние, которое огрубленно можно представить так: каждой нынешней букве здесь соответствовала ровно одна графема (иначе говоря, буквой называлась просто графема). В ходе истории число графем выросло из-за дифференциации по признаку “строчные — прописные” и/или по позиции в словоформе, а традиционное представление о числе и составе букв в основном сохранилось. В результате слово “буква” перестало означать графему и получило свое нынешнее содержание (несколько различное в разных традициях).

Итак, традиционный термин “буква” фактически означает некоторую совокупность омофоничных графем (в частном случае всего одну графему); какие именно омофоничные графемы объединяются в одну букву, а какие нет, определяется соответствующей культурно-исторической традицией. Например, σ и ζ, находящиеся в до-

полнительном распределении, считаются одной буквой, а *и* и *i*, находящиеся в таком же соотношении, не считаются²⁶.

§ 10. При обучении грамоте обучаемому прежде всего сообщают алфавит и учат различать между собой все буквы, из которых он состоит. Поэтому различие между двумя разными буквами для пишущего всегда существенно, т. е. разные буквы — это всегда разные графемы (обратное же, как мы видели, неверно).

Таким образом, простейший способ установить минимальный список графем, различаемых некоторым лицом, — это познакомиться с тем алфавитом, по которому его учили грамоте. (Для установления полного инвентаря графем необходимо, кроме того, выявить, какие различия внутри букв являются для него существенными и какие используются вспомогательные графемы.)

При анализе графической системы часто приходится сталкиваться с проблемой “единая графема или сочетание графем?”. Она возникает в связи с тем, что графема не обязательно должна быть графически связной и, с другой стороны, две стоящие рядом (или одна над другой) графемы не обязательно должны быть графически раздельны. Таким образом, по одному лишь внешнему виду, например, русского *ы*, чешского *ć* или французского *é* еще никак нельзя установить, сколько здесь графем.

Для описаний II рода основным источником ответов на такие вопросы служит алфавит²⁷. Практически можно исходить из того, что всякое начертание, занимающее отдельное место в алфавите, представляет собой единую букву, за исключением того особого случая, когда это начертание состоит из двух или более несвязных частей, каждая из которых занимает, кроме того, свое отдельное место в алфавите. Подобное особое начертание всегда представляет собой диграф или триграф (см. ниже § 11); его можно назвать алфавитным диграфом (триграфом).

Рассматривая записи алфавитов (разных языков), содержащиеся в разных современных изданиях, можно, например, заключить, что: 1) русск. *ы*, *й*, чеш. *ć*, *š*, *ž*, польск. *ą*, *ę*, *ó*, *ż*, *ź* и др., швед. *ä*, *ö* трактуются как единые буквы; 2) русск. *á*, *ó*, *é* и т. д. (со знаками

²⁶ К сожалению, в лингвистической литературе о графемах слово “буква” иногда используется в совершенно другом значении, а именно, для обозначения того, что выше называло начертанием. Источником такого словаупотребления является предложенная И. А. Бодузоном де Куртеном терминологическая пропорция “фонема : звук = графема : буква” (ср. Указ. соч., с. 16). С нашей точки зрения, эта пропорция неудачна, поскольку, в отличие от слова “звук”, которое в обиходном языке не имеет какого-либо строгого значения, слово “буква” уже в течение многих веков фактически используется как термин (причем передающий не более узкое понятие, чем “графема”, а более широкое или равное ему).

²⁷ При описаниях I рода приходится привлекать сведения об уникальности или повторяемости спорного графического элемента (например, гачека) и о возможности или невозможности присвоить ему самостоятельную функцию (одинаковую во всех случаях его появления); впрочем, принципы такого анализа недостаточно разработаны. Результаты такого анализа могут сильно расходиться с описаниями II рода.

ударения), франц. *c*, *é*, *è*, *ê*, *ö* и т. п., нем. *ä*, *ö*, *ü* трактуются как сочетания “буква + вспомогательная граfема”; 3) чеш. и словацк. *ch*, венг. *gy*, *ly*, *ny*, *ty*, *cs*, *sz*, *zs*, сербскохорв. (в латинице) *lj*, *nj*, испан. *ll* трактуются как алфавитные диграфы. Заметим, что в алфавитах большинства языков алфавитных диграфов нет; например, такие диграфы, как нем., англ., франц., польск. *ch*, англ. *sh*, *th*, *ea*, *au* т. д., не являются алфавитными.

Необходимо учитывать, однако, что вопрос о том, составляет ли, например, *й* единую букву или букву *и* со вспомогательной граfемой, не имеет для пишущего той прямой практической значимости, как вопрос о существенных и несущественных различиях между начертаниями. В самом деле, пишущий прежде всего понимает, что *й* существенно отличается от *и* (например, нельзя писать *стои* вместо *стой* и т. п.); это главное обстоятельство никак не меняется от того, сколько граfем усматривается в *й*.

Соответственно, в вопросе “единая граfема или сочетание граfем” традиционные представления могут быть менее устойчивы, чем в вопросе “разные граfемы или аллографы”. Так, например, русское *ё* в одних источниках включено в алфавит (и, следовательно, расценивается как единая буква), а в других нет.

Следует особо отметить сферу, для которой состав алфавита (со всеми подробностями, включая проблему “единая граfема или сочетание граfем”) имеет прямое практическое значение: это алфавитные словари. При определении места слова в словаре всякая единая буква и всякий алфавитный диграф выступают как особое неделимое целое, а вспомогательные граfемы игнорируются²⁸. Важно учитывать, однако, что словари иногда трактуют две разные буквы традиционного алфавита как занимающие одно и то же место в алфавитном порядке (что равносильно изменению традиционного способа выделения букв). Например, литовские словари трактуют таким образом буквы *i* и *y*. Все русские словари так же трактуют *e* и *ё* (при том что *ё* по крайней мере в части источников включается в алфавит, т. е. выступает как особая буква). Таким образом, строго говоря, необходимо различать основной алфавит (употребляемый, в частности, при обучении грамоте) и словарные алфавиты, которые могут в некоторых деталях отклоняться от основного.

§ 11. В заключение коротко рассмотрим тесно связанный с основной темой настоящей статьи вопрос о графике и орфографии. Наше изложение этого вопроса в принципиальных моментах строго следует классической схеме разграничения графики и орфографии, принадлежащей И. А. Бодуэн де Куртенэ²⁹.

²⁸ Они могут быть приняты во внимание лишь при размещении двух слов, которые по общим правилам должны были бы занять в словаре одно и то же место (например, франц. *sale* и *salé*).

²⁹ См.: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Указ. соч., с. 41, 66, 76.

Термин “графическая система” может употребляться в узком и в широком смысле. В узком смысле он означает просто инвентарь общеобязательных графем, в широком смысле — этот же инвентарь и так наз. базисное соответствие между графемами и фонемами.

Базисное соответствие в принципе может быть описано различными способами. Практически чаще всего используется³⁰ способ, состоящий в указании так наз. базисного правила чтения для каждой графической единицы, т. е. графемы³¹ или графемного комплекса. Под графемным комплексом понимается такое сочетание графем, чтение которого не выводится из базисных правил чтения его компонентов (например, франц. *ch*, *ai*, нем. *sch* и т. п.).

Две графические единицы с одинаковым базисным правилом чтения называются омофоничными (ср. упрощенную форму этого определения в § 4). Поскольку все графемы, образующие одну и ту же букву (см. § 4 и 9), омофоничны, базисные правила чтения могут формулироваться также непосредственно для букв. Соответственно, по аналогии с графемными комплексами можно выделять буквенные комплексы. Буквенный комплекс из двух букв называется диграфом, из трех — триграфом.

Базисное правило чтения графической единицы может представлять собой: 1) указание одной или нескольких фонем (или фонемосочетаний), передаваемых данной графической единицей, или 2) указание каких-то модификаций, которые данная графическая единица привносит в чтение соседних графических единиц. (Возможны также различные комбинации указаний первого и второго типа.)

Первый тип базисного правила чтения характерен для основных графем и для графемных комплексов, второй — для вспомогательных графем. Однако это распределение не строго: например, русск. ъ и ѿ, итал. *h* имеют базисные правила чтения второго типа.

Когда базисное правило чтения предусматривает для некоторой графической единицы более одного чтения, возможны два случая: а) в правиле указано также дополнительное распределение этих чтений относительно графического контекста³²; б) такого указания в правиле нет. Пример случая “а”: англ. *s* читается как /s/ перед *e*, *i*, *y*, как /k/ в прочих случаях. Примеры случая “б”: латинские *a*, *e*, *i*,

³⁰ Например, в учебниках, кратких описаниях языка, приложениях к словарям и т. п. (в разделе, посвященном графике).

³¹ Однако функция знаков препинания описывается не базисными правилами чтения, а правилами иной структуры.

³² Никакие иные сведения о распределении чтений (например, списки морфем или слов) в базисных правилах чтения не допускаются. Правда, в практических руководствах правила чтения нередко сопровождаются так наз. “списками исключений”. Однако эти списки не должны квалифицироваться как составная часть базисного правила; в действительности они принадлежат к сфере орфографии (см. § 12). Таким образом, например, в базисное правило чтения русского *г* не может войти /v/ (поскольку это чтение ограничено лишь морфемой *-ого*, *-его*), в базисное правило чтения французского *on* не может войти /ə/ (которое представлено только в слове *monsieur*) и т. п.

o, и передают по две фонемы (одна из которых краткая, а другая долгая); итал. *o* передает /ɔ/ и /ð/, итал. *z* — /ts/ и /dz/ и т. п.

Из изложенного ясно, что базисные правила чтения, вообще говоря, могут быть составлены для одной и той же системы письма по-разному. Помимо того, что одни и те же факты могут быть отображены многими эквивалентными формулировками³³, возможны и некоторые расхождения по существу. Например, базисное правило чтения может отражать или не отражать некоторые относительно более редкие способы чтения данной графической единицы. Соответственно, и само понятие базисного соответствия между графемами и фонемами оказывается не столь жестко определенным, как понятие инвентаря графем.

Эта неопределенность существенно снижается, впрочем, следующим дополнительным требованием: если различное чтение некоторой графической единицы в разных положениях (даже если эти положения, с формальной точки зрения, можно описать в терминах графического контекста) фактически обусловлено синхронными фонетическими закономерностями языка, базисное правило чтения не должно отражать такого вариорования. Например, для русского *ж* в базисное правило всегда включается только чтение /ж/ (а не /ж/ и /ш/). Иначе говоря, базисные правила чтения не дублируют той информации, которая относится к сфере фонетической автоматики.

Пусть имеется некоторое “графическое слово”, т. е. цепочка идущих без пробелов основных графем, при которых могут быть также какие-то вспомогательные графемы. По базисным правилам чтения построим для этого графического слова соответствующую цепочку фонем³⁴; если в каких-либо местах базисное правило предписывает несколько фонем без указания их распределения, то возникает несколько альтернативных фонемных цепочек. Далее каждая из полученных фонемных цепочек преобразуется (по синхроническим правилам перехода от фонем к звукам³⁵) в соответствующую звуковую цепочку³⁶.

Назовем графическое слово *A* графически правильной записью³⁷ звуковой цепочки *a*, если при описанной выше обра-

³³ Например, можно отдельно описывать функции русской графемы *ь* или же рассматривать *ъ*, *ѡ*, *ѿ* и т. д. как графические комплексы, и т. п.

³⁴ Разумеется, для однозначного осуществления этой операции нужны более детальные формальные указания (например, графемные комплексы должны обрабатываться раньше, чем одиночные графемы, и т. п.); однако здесь мы позволяем себе отвлечься от этой технической стороны дела.

³⁵ Предполагается, что в нашем распоряжении имеется описание языка, содержащее такие правила в явном виде.

³⁶ Заметим, что некоторые фонемные цепочки могут оказаться недопустимыми для данного языка; они не подлежат переводу в звуки. Графическое слово, которому отвечают только такие фонемные цепочки, выбывает из рассмотрения (оно “непроизносимо”). Имеются и другие частности, в которые мы здесь не вдаемся (например, в русском языке фонемная цепочка с необозначенным местом ударения должна быть превращена в несколько альтернативных звуковых цепочек с разными ударениями и т. п.).

³⁷ Вместо “запись” может быть сказано также “написание”.

ботке из этого *A* получается (быть может, в числе прочих) цепочка *a*. Например, любое из русских графических слов *мороз*, *мароз*, *морос*, *марос* является графически правильной записью звуковой цепочки [мэрбс].

§ 12. Орфография — это принятая в некотором обществе или коллективе³⁸ совокупность правил, предписывающих для каждой словоформы определенное (так наз. орфографически правильное) написание (или написания). Нормой является такое положение, когда орфографически правильное написание входит в число графически правильных записей соответствующего звучания. Например, для русской словоформы со значением 'gelu' и звучанием [мэрбс] орфография предписывает написание *мороз* (одно из графически правильных; ср. выше). Однако в части случаев эта норма может нарушаться, т. е. орфографически правильное написание может и не быть графически правильным³⁹; примеры: русск. *того* (где *г* = /в/), франц. *monsieur* (*он* = /ə/) и т. п., ср. сноску 32. Особенно много нарушений такого рода в орфографиях, "застывших" в том виде, как они сложились столетия назад (например, английской и французской).

В предельно "жесткой" орфографии для каждой словоформы предписано ровно одно орфографически правильное написание; к этому идеалу приближаются орфографии ряда современных языков. Менее "жесткая" орфография допускает то или иное количество орфографических вариантов. В принципе возможна система письма вообще без орфографии⁴⁰ (или, если угодно, с "нулевой" орфографией), т. е. такая, где всякую словоформу разрешается передавать любой из ее графически правильных записей (и никак иначе). Если при этом базисное соответствие между графемами и фонемами устроено так удачно, что всякая звуковая цепочка имеет ровно одну графически правильную запись, то перед нами "идеальная" система письма, где нет ни орфографии, ни вариативности.

Понятно, что основная масса орфографических правил — это в сущности правила распределения: а) для омофоничных графических единиц; б) для единиц, которые омофоничны в части графических позиций (ср., например, англ. *k* и *c*, которые в позиции не перед *e*, *i*, *у* читаются одинаково как /k/); в) наконец, для графических единиц, которые в определенных условиях конкурируют друг с другом из-за того, что противопоставление соответствующих фонем может нейтрализоваться (ср. русские *о* и *а*, *с* и *з* и т. п.). Так, в дореволюционной русской орфографии имелись, в частности, определенные

³⁸ Изредка встречается также индивидуальная (т. е. соблюдаемая всего одним лицом) орфография.

³⁹ Ср.: Щерба Л. В. Теория русского письма // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 147.

⁴⁰ Ср.: Щерба Л. В. Указ. соч. С. 149.

правила выбора между *и* и *i*, между *ф* и *ѳ* и т. д.; как прежняя, так и нынешняя русская орфография предписывает определенные принципы выбора между буквами *о* и *а*, *с* и *з* и т. п. для тех случаев, когда их реальные чтения совпадают.

Образно выражаясь, орфография — это средство борьбы за единообразие против тех лишних степеней свободы в передаче звучания, которые предоставляет графическая система. Приемы, используемые в этой “борьбе”, могут быть чрезвычайно разнообразными. Так, орфографические правила могут требовать учета самых различных аспектов слова или передаваемого им понятия (графика, фонология, морфонология, морфология, синтаксис, семантика; происхождение слова; степень уважения пишущего к соответствующему понятию и многое другое). Разнообразна также форма орфографических правил. Так, одни из них сформулированы в общем виде (т. е. применимы к целым классам слов), другие касаются только слов или морфем, заданных списком. Одни прямо указывают графему, которую следует писать в рассматриваемых случаях, другие указывают лишь путь к ее нахождению (ср. тест с проверкой родственных слов и т. п.).

Орфография в значительной мере открыта для новшеств, вводимых отдельными лицами или их группами. Соответственно, она может быть сознательно ориентирована на простоту, последовательность и общедоступность или, в другой социальной ситуации или среде, напротив, на усложненность, труднодоступность, элитарность. Как известно, во всех странах средневековой Европы существовало множество орфографических школ; унификация и даже государственная регламентация орфографии представляет собой исторически позднее явление. Отметим, что отсутствие полной стабильности и единообразия свойственны не только орфографии, но и графике, однако в этой сфере масштабы вариаций существенно меньше.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ГРАФИКА СО СМЕШЕНИЕМ Ъ – О И Ъ – Е

§ 1. В работах В. Н. Сидорова по современной и исторической рустики мы находим замечательные образцы того, как конкретные языковые факты получают смысл и порядок в свете фонологической и грамматической теории. Ставяясь следовать таким образцам, мы разбираем ниже одну частную проблему древнерусского письма, где для решения спорных вопросов, как представляется, необходимо включение наблюдавших фактов в рамки более широкого анализа закономерностей графики и орфографии.

Давно известно, что во многих древнерусских памятниках XI–XIV вв. (но также и позднее) имеются случаи употребления буквы *о* вместо требуемого нормой *ъ* или наоборот, равно как случаи употребления буквы *е* вместо требуемого нормой *ь* или наоборот. Смещение *ъ* с *о* нередко сопровождается также смещением их обоих с *ѣ*, что дает тройное смещение *ъ* — *о* — *ѣ*.

У этих смещений имеются лишь следующие ограничения (почти никогда не нарушающие): 1) в начале графического слова (т. е. не после согласной буквы) буквы *ъ* и *ь* невозможны; 2) в составе диграфа *оу* невозможна замена *о* на *ъ*; в составе диграфа *ъы* (= буквы *ы*) невозможна замена *ъ* на *о*. В остальном указанные смещения в принципе возможны в любой позиции.

Самый известный памятник этой категории — список А договора Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г. Такое же явление отмечается, хотя и в ограниченной степени, также во многих книжных памятниках. Особенно широко это явление представлено в берестяных грамотах, а также во многих надписях — на стенах церквей, на иконах и др.

Данное явление традиционно обозначается как с м е ш е н и е *ъ* с *о* (соответственно *ъ* с *е*). Это название — не вполне удачное. Дело в том, что слово “смещение” в обычном употреблении предполагает элемент ошибочности и хаотичности. Между тем в данном случае явно не следует предрешать вопрос о том, являются ли рассматриваемые написания простыми ошибками или нет. Соответственно, более уместным здесь было бы нейтральное название типа “взаимозамена”.

Мы предпочитаем, однако, не отказываться от удобного своей краткостью и привычностью традиционного термина “смешение”, но принять его лишь в качестве условного обозначения, за которым стоит только простая констатация факта нестандартного употребления указанных букв, никак не предвосхищающая решения вопроса о механизме такого употребления.

Приведем здесь цитируемую (см., в частности, Страхов 1995, с. 252) в связи с данным вопросом выдержку из А. И. Соболевского (1900, с. 189): «... позволим себе попенять ему (Б. М. Ляпунову. — А. З.) за то, что он принял грамоту 1229 года с ее смешением ъ и о, ѿ и е, Ѹ за нечто в своем роде единственное. Подобная орфография не редкость в XII—XIV веках в разных местах тогдашней Руси; с нею мы встречаемся даже в XV и XVI веках. Одни памятники пользуются ею так же, как грамота 1229 года; в других она проведена более или менее слабо. (...) Эти данные показывают, что смешение ъ, ѿ с о, е, Ѹ не имеет никакого фонетического основания». Нефонетическая природа данного явления констатирована здесь совершенно четко. К сожалению, не вполне однозначен используемый А. И. Соболевским термин “орфография”: он может означать как орфографическую (или даже графическую) систему, так и просто реальное состояние написаний в конкретном памятнике¹.

В статье Зализняк 1982 был выдвинут тезис, что смешение ъ — о и ѿ — е (равно как и Ѹ — е) является элементом особой графической системы, отличавшейся от наиболее распространенной древнерусской графической системы (“стандартной”) иными правилами употребления некоторых букв — в первую очередь ъ, ѿ, о, е². Эта система была обозначена как “бытовая”.

Было обнаружено, что в рамках данной системы подавляющее большинство берестяных грамот написано без ошибок или почти без ошибок. Главным практическим следствием этого стал отказ от господствовавшего в то время взгляда на берестяные грамоты как на записи, кишащие ошибками, и принятие гораздо более строгих, чем прежде, критериев того, какие интерпретации текста берестяных грамот могут считаться приемлемыми. Соответственно, возникла необходимость пересмотра многочисленных произвольных прочтений, порожденных указанным взглядом, и, действительно, большое число грамот получило уточненное чтение, нередко сильно отличающееся от первоначального. При этом обнаружилось, что также и в синтаксическом отношении и с точки зрения точности выражения мысли тексты берестяных грамот гораздо более строги и совершенны, чем предполагалось вначале. Отпали те интерпретации, при которых

¹ Считал ли А. И. Соболевский, что указанные смешения представляли собой ошибки, из его текста неясно. Возможно, что в соответствии с духом времени сама постановка такого вопроса не представляла в его глазах научного интереса.

² См. также НГБ 1977–83, с. 94–95, 103–105.

текст грамот представлял как беспомощное нагромождение слов или даже их фрагментов. С лингвистической точки зрения главным результатом пересмотра прежних интерпретаций оказалось выявление ряда важных фонетических и морфологических особенностей древненовгородского диалекта, проявления которых первоначально истолковывались как ошибки записи или вообще исчезали из поля зрения в силу ошибочного словodelения и т. п.

За последние 15–20 лет интерес к изучению берестяных грамот резко возрос. Посвященные им статьи и книги появляются во многих странах мира. Безусловное большинство этих работ *de facto* построено на принятии (обычно даже специально не декларируемом) указанного тезиса и вытекающих из него следствий. В частности, истолкования тех или иных пассажей в берестяных грамотах как простых ошибок записи предлагаются ныне уже довольно редко и не с легкостью, характерной для интерпретаторов 50-х – 60-х годов, а обычно лишь после исчерпания других возможностей интерпретации.

Но в некоторых работах выдвигаются и возражения против указанного тезиса. Их можно, по-видимому, свести к двум основным утверждениям (не согласующимся между собой): 1) перед нами не бытовая, а книжная графическая система; 2) перед нами не система, а просто ошибки письма. Первое утверждение выдвигает А. Б. Страхов (1995, с. 252–270). Второе утверждение есть не что иное, как позиция большинства авторов, писавших о берестяных грамотах в 50-е и 60-е годы³. Но оно повторено и в совсем недавнее время – В. Б. Крысько (1998, с. 74) пишет: «Впрочем, в смешении букв ъ и ь, присущем отнюдь не только “бытовой системе письма”, но и многим книжным текстам ..., трудно усматривать особый орфографический прием, но кажется более правомерным видеть именно нетвердость орфографических навыков».

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы разобрать проблему древнерусской графики со смешением ъ—о и ь—е более подробно, чем это было сделано в краткой статье 1982 г., уделив внимание также выдвинутым критиками возражениям. (Заметим, что для логики изложения мы должны будем при этом в части случаев повторить аргументы, уже приводившиеся в указанной статье; но они будут развиты более полно). Попутно затрагиваются также связанные с данной проблематикой вопросы о смешении Ѳ с е (и ь) и Ѱ с ч.

Бытовая или книжная графика

§ 2. В вопросе о бытовом или книжном характере графики со смешением ъ—о, ь—е следует различать два аспекта: 1) степень реальной употребительности данного типа графики в разных жан-

³ На этой же позиции стоял В. Кипарский (1960), который объяснял смешение ъ с о и ь с е, Ѳ в списке А договора 1229 г. тем, что его писал не русский, а иностранец.

рах древнерусской письменности XII—XV вв.; 2) происхождение данного типа графики.

Называя графику данного типа “бытовой”, я имел в виду первый из этих аспектов. Вопроса о том, в какой социальной сфере она первоначально возникла, я практически не касался.⁴ Таким образом, термин “бытовой” должен пониматься как наименование по функции, причем именно по той функции, в которой мы реально застаем эту систему в XII—XV вв. (а не по гипотетической первоначальной функции).

А. Б. Страхов (1995) собрал обширный материал с целью показать, что графика такого типа была распространена в книжной письменности XII—XVI вв., и тем самым опровергнуть квалификацию ее как бытовой. Но в действительности его материал оказывается пре-восходным свидетельством как раз против его тезиса (если иметь в виду первый из указанных выше аспектов), а именно, этот материал с чрезвычайной ясностью показывает, что в XII—XV вв. графика со смешением ъ — о, ѿ — е играла в книжной письменности неизмеримо более скромную роль, чем в бытовой.

Дело в том, что А. Б. Страхов строит все свои рассуждения в полном отвлечении от количественного фактора. Он не замечает никакой разницы между памятником, где замена ъ на о встречается в 25, 50 или 100% случаев, и памятником, где она встречается один раз на одну-две или целый десяток страниц текста.

Так, например, в Евсевиевом евангелии А. Б. Страхов указывает около 160 случаев мены ъ — о и ѿ — е. Длина памятника — 140 листов, порядка 33 тысяч слов. Общее количество точек, где должны выступать буквы ъ, ѿ, о, е (кроме тех, где мена невозможна в силу указанных выше общих ограничений), здесь, исходя из обычных средних соотношений, должно составлять порядка 24 тысяч. Это значит, что писец Евсевий допускает указанные мены примерно в 0,7% случаев (или чуть больше одного раза на две страницы). Мы взяли здесь один из самых насыщенных менами книжных памятников, указанных А. Б. Страховым⁵. Для большинства прочих памятников из его списка эти показатели будут еще намного ниже (нередко речь идет лишь просто о том, что в данном памятнике замечено 3–4 примера мены).

Нужно ли говорить, что сам этот список составляет лишь малую крупицу общего фонда книжной письменности, т. е. господствуют в этом фонде рукописи, где указанных смешений просто нет.

⁴ Было высказано лишь общее предположение (НГБ 1977–83, с. 104), что графическая эквивалентность ъ, ѿ и о, е “исторически связана прежде всего с представленной, как показал Н. Н. Дурново, по крайней мере в части древнерусских школ церковного чтения манерой читать ъ как о, а ѿ как е”. Конкретные пути и детали формирования этой особой графической системы не обсуждались.

⁵ По оценке В. М. Живова (1984, с. 262), коэффициент таких замен может доходить в отдельных случаях до 2%.

§ 3. Сравним эти данные с берестяными грамотами. В корпусе берестяных грамот доля таких, где указанное смешение вообще есть, очень велика. В разные периоды она различна. На протяжении двух с половиной веков — с середины XII по конец XIV в. — она превышает 50%, а в середине XIII в. достигает 95% (подробнее см. ниже, § 21–22).

В берестяных грамотах, смещающих ъ, ѿ с о, е, частота таких смешений может быть различной. В некоторой их части (небольшой) смешения отмечаются лишь изредка, т. е. картина здесь в какой-то степени сходна с обсужденными выше книжными памятниками. Но гораздо больше таких грамот, где смешение встречается очень часто.

Следует различать грамоты с двусторонним и с односторонним смешением двух букв, например, ъ и о. В первом случае (который мы обозначаем ъ = о) встречаются замены как в ту, так и в другую сторону по сравнению с обычными написаниями. Во втором случае наблюдаются замены только в каком-то одном направлении, например, от ъ к о (обязательную замену мы в этом случае обозначаем ъ → о, факультативную — ъ → ъ/о или ъ → о/ъ).

Условимся отмечать обычное (“стандартное”) древнерусское написание угловыми скобками. Так, например, нестандартные написания *домо*, *съло* соответствуют стандартным *домъ*, *село* (можно записать это и так: *домъ*, *с(е)ло*). Соответственно, мы можем говорить о точках с *ъ* или точках с *о* в той или иной словоформе, независимо от того, какие буквы реально стоят в этих точках в интересующем нас памятнике, например, о точках с *ъ* в словоформе, записанной как *присоло* (поскольку в стандартной записи этому соответствует *присъла*).

Примечание. Слово “стандартный” в данном случае нужно понимать просто как условное обозначение наиболее распространенного в книжной письменности древней Руси типа написаний (ср. НГБ 1977–83, с. 93–94). Не следует приписывать ему значения ‘нормативно-обязательный’ и в особенности значений, свойственных английскому слову *standard* (‘образцовый’, ‘наилучший’).

При одностороннем смешении, например, замене ъ на о, но не наоборот, частота замен в классе точек с *ъ* может варьировать от значений, близких к нулю, до 100%. При 100% мы имеем дело с эффектом ъ → о, при меньших значениях — с эффектом ъ → ъ/о.

Приведем примеры относительно больших берестяных грамот со 100%-ной заменой. Эффект ъ → о: № 644 (10-е — 20-е гг. XII в.) — слабый *ъ*, последовательно заменяемый на о, встретился 17 раз⁶; № 630 (2 четв. XII в.) — 12 раз; № 227 (3 четв. XII в.) — 20 раз; № 531 (рубеж XII/XIII вв.) — 47 раз; № 601 (то же время) — 14 раз; № 439 (то

⁶ Разумеется, такой же замене подвергся и всякий сильный *ъ*. Но для полной надежности мы здесь и во всех последующих примерах сильные редуцированные из подсчетов исключаем, чтобы снять подозрение, что мы имеем дело просто с записью “прояснившейся” гласной.

же время) — 13 раз; блок 390 (конец XIII в.) — 34 раза; № 622 (2 пол. XIV в.) — 12 раз. Эффект *ъ* → *e* (сопровождаемый, вдобавок, эффектом *ѣ* → *e*): № 624 (2 пол. XII в.) — слабый *〈ъ〉* встретился 6 раз (и еще 4 раза встретился *〈ѣ〉*); № 705 (нач. XIII в.) — 9 раз (и 10 раз *〈ѣ〉*); № 439 (см. выше) — 5 раз (и 7 раз *〈ѣ〉*).

Заметим, что эффект *ъ* → *o* означает отсутствие буквы *ъ* в практическом инвентаре букв пишущего (*ъ* как составная часть буквы *ы* не в счет); при эффекте *ѣ* → *e* то же верно для буквы *ѣ*. Такая ситуация книжным памятникам неизвестна вообще.

При заменах, направленных в сторону *ъ*, буква *o* в инвентаре букв всё же сохраняется, поскольку, как уже указано, она не подлежит замене на *ъ* в начале графического слога и в составе *ou*. Буква *e* может выпасть из инвентаря букв только в том случае, если все постконсонантные *e* заменяются на *ъ*, а в начале графического слога последовательно пишется *к*. Формулы *o* → *ъ*, *e* → *ъ* ниже означают последовательную замену во всех позициях, не подпадающих под указанные выше общие ограничения.

Примеры эффекта *e* → *ъ*: № 630 (2 четв. XII в.) — *〈e〉* после согласной встретилось 9 раз (в добавок здесь еще эффект *ѣ* → *ъ*; *〈ѣ〉* встретился 9 раз); № 510 (1 пол. XIII в.) — *〈e〉* 20 раз. Чистого эффекта *o* → *ъ* в сколько-нибудь длинных грамотах пока не отмечено.

Приведем также некоторые примеры не вполне последовательных односторонних замен.

Эффект *ъ* → *o/ъ*: № 705 (нач. XIII в.) — в 19 случаях *〈ъ〉* записан в виде *o*, но один раз (*азъ*) — в виде *ъ*; блок⁷ грамот Григория (2 пол. XIV в.) — в 42 случаях *〈ъ〉* записан в виде *o*, один раз (*тогодъ*) — в виде *ъ*. Эффект *o* → *ъ/o*: блок 685 (3 четв. XII в.) — в 11 случаях *〈o〉* записано в виде *ъ*, один раз (*полъ*) — в виде *o*. Эффект *e* → *ъ/e*: № 752 (рубеж XI/XII вв.) — в 11 случаях *〈e〉* записано в виде *ъ*, один раз (*аже*) — в виде *e*. Можно говорить, таким образом, в этих случаях соответственно о 95%, 98%, 92%, 92% замен. Здесь взяты примеры, где процент замен весьма высок. Можно указать множество других берестяных грамот того же типа, где процент замен ниже, но все равно во много раз превосходит тот уровень, который мыслим для книжных памятников.

Рассмотрим теперь случаи двустороннего смешения. Здесь возможны разнообразные варианты, но они в общем тяготеют к одной из двух типовых ситуаций, которые на примере пары *ъ* — *o* могут быть представлены так: 1) как *〈ъ〉*, так и *〈o〉* в большинстве случаев записывается стандартно; 2) в классе точек с *〈ъ〉* и в классе точек с *〈o〉* распределение записей через *ъ* и через *o* примерно одинаково (допустим, и там и там примерно в трех четвертях случаев пишется *o*).

Ярким примером ситуации первого рода служит список А смоленского договора 1229 г. Картина здесь такова (для *〈o〉* и *〈e〉* не учитываются точки, где замена на *ъ*, *ѣ* запрещена):

⁷ Т. е. совокупность грамот, написанных единным почерком.

Класс точек и его численность	Запись через:				
	ъ	о	ь	е	ѣ
слабые «ъ» (ок. 140)	91%	9%	—	—	—
«о» (ок. 530)	13%	87%	—	—	—
слабые «ь» (ок. 240)	—	—	60%	34%	6%
«е» (ок. 360)	—	—	17%	67%	16%
«ѣ» (ок. 140)	—	—	14%	27%	59%

Как можно видеть, во всех строках отчетливо преобладает стандартная запись. Но процент замен (особенно в группе ь—е—ѣ) при этом весьма значителен. Подобные примеры (конечно, при гораздо меньшем объеме материала) имеются и среди берестяных грамот.

Ситуация второго рода наблюдается во многих берестяных грамотах. Ограничимся наиболее наглядными примерами.

Грамота № 831 (сер. XII в.). Из ъ и о автор предпочитает о, из ь и е — ь. Записей через о в классе «ъ» 72%, в классе «о» — 89%. Записей через ь в классе «ъ» 87%, в классе «е» 82%. Поскольку даже в относительно больших берестяных грамотах материала для серьезной статистики недостаточно, точному количеству процентов здесь, разумеется, не следует придавать большого значения; существенна лишь общая картина.

Грамота № 419 (берестяная книжечка с церковным текстом; рубеж XIII/XIV вв.). У этого писца такие же предпочтения, как у предыдущего. Записей через о в классе «ъ» 92%, в классе «о» 96%. Записей через ь в классе «ъ» 80%, в классе «е» 71%, в классе «ѣ» — 86%.

Грамота № 531 (рубеж XII/XIII вв.). Из ъ и е автор предпочитает е: записей через е в классе «ъ» 92%, в классе «е» 91% (кроме того, в грамоте представлен эффеkt ѣ → е, т. е. в классе «ѣ» таких записей 100%).

Смоленская берестяная грамота № 12 (сер. XII в.). Из ъ и о автор предпочитает ъ: записей через ъ в классе «ъ» 90%, в классе «о» 83%.

Понятно, что в ситуации первого рода писец в какой-то степени ориентирован на соблюдение норм стандартной записи. В ситуации второго рода такой ориентации нет; преобладание той или иной из двух букв определяется просто индивидуальным предпочтением писшущего, а на различие между «ъ» и «о» он не обращает внимания.

В книжных памятниках известны только примеры ситуации первого рода, причем с чрезвычайно низким процентом замен (ср. выше о Евсевиевом евангелии). Ситуация второго рода в книжных памятниках вообще не встречается.

Сравнивая смешение ъ—о, ь—е в книжной письменности и в бытовой, нужно также учитывать следующее. Способ записи, реализуемый в одном проценте случаев или того реже, никак не может рассматриваться как норма. Почти все примеры, собранные А. Б. Страховым, отражают не что иное, как случаи отклонения писцов от той системы записи, которую они сами расценивали как правильную и престижную. Многочисленные примеры исправлений подобных на-

писаний в книжных памятниках (см. Успенский 1988, с. 154–158) ясно свидетельствуют о том, что книжные писцы сами воспринимали их как оплошность, как проскользнувшее по недосмотру проявление не принятой для книг манеры письма.

Напротив, для бытовой письменности, где процент смешений может быть сколь угодно высок, естественно предполагать, что большинство писавших относилось к записям типа *ихъ* и типа *ихо* как к одинаково правильным. Как известно, авторы берестяных грамот тоже иногда вносили исправления в свой текст. При этом, однако, в грамотах со смешениями исправлений в сторону стандартного написания практически нет. Можно указать, например, написание *коуно*, переправленное в *коунъ*, в грамоте № 526 (сер. XI в.); но сама эта грамота написана по стандартной системе, т. е. ее автор имел ту же установку, что и книжные писцы.

§ 4. Итак, проведенное сравнение показывает:

1) доля памятников, где обнаруживается (хотя бы в слабой форме) смешение *ъ* — *о*, *ь* — *е*, в классе книжных памятников незначительна, тогда как в классе берестяных грамот в интервале с середины XII по конец XIV в. она составляет (в разные периоды) от 50 до 95%;

2) интенсивность такого смешения (в памятниках, где оно вообще имеется) составляет в книжных памятниках даже в самых ярких случаях один–два процента (обычно же малые доли процента), тогда как в берестяных грамотах она может достигать высших показателей: 100% при одностороннем смешении, одинакового соотношения числа записей с *о* и с *ъ* в классе *{о}* и в классе *{ъ}* при двустороннем смешении;

3) книжные писцы, судя по редкости замен данного типа в их записи и по многочисленным исправлениям, относились к ним как к погрешностям, тогда как для большинства авторов берестяных грамот следует предполагать, что они не видели в таких заменах ничего неправильного.

Нет сомнений, таким образом, что в рассматриваемую эпоху основной сферой применения того способа записи, который характеризовался смешением *ъ* с *о* и *ь* с *е*, была именно бытовая, а не книжная письменность. Это значит, что квалификация данной системы как “бытовой” в целом удовлетворительно отражает реальный узус XII–XV вв.

Следует, впрочем, признать, что само слово “бытовой” лишь довольно приблизительно очерчивает основную сферу употребления этой системы, поскольку эта сфера реально включает не только частную переписку по вопросам повседневной жизни и записи для собственного пользования, но и юридические документы (обычно касающиеся частных лиц, но иногда и государственные), а также различные надписи (не только на бытовых предметах, но и на стенах церквей и на иконах). Однако более точные наименования оказыва-

ются слишком громоздкими для практического употребления в качестве термина.

Иной вопрос — как и в какой сфере сложилась графическая система со смещениями ъ — о, ѿ — є; см. об этом отдельно ниже (§ 20).

Графическая система или просто ошибки

§ 5. Для серьезного разбора данной проблемы необходимо вначале обсудить основные термины и общие положения из области изучения графики, орфографии⁸ и ошибок письма. (Оговоримся, что речь пойдет только о буквенной графике; специфику графических систем других типов нам здесь разбирать нет нужды).

Графическая система включает: а) инвентарь графем; б) основные правила их употребления при передаче фонем.

Под графемами понимаются абстрактные письменные знаки, из которых любые два в силу культурно-исторической традиции в данную эпоху в данном социуме признаются различными (и, соответственно, имеют разные наименования). Так, в древнерусском письме различными графемами являются, например, *a* и *o*, но также *ф* и *ѳ*, *o* и *ѡ*, *и* и *i*, *o* и *ѹ* (широкое), *e* и *ѧ*. Различие графем не исключает возможности таких ситуаций, когда какие-то две из них употребляются (в некоторой позиции или даже вообще) безразлично, скажем, *ѧси* и *еси*, *Тимоѳѣи* и *Тимоѳѣи*. В подобных случаях грамотный человек древней Руси несомненно понимал, что *ѧси* и *еси* — это два разных написания, хотя оба позволительны.

Графемы делятся на основные (используемые для записи словоформ) и вспомогательные (надстрочные знаки, кроме тех, которые являются частью буквы, знаки препинания и т. п.). Понятие основной графемы представляет собой важнейшее звено на пути к уточнению традиционного понятия буквы; подробнее см. Зализняк 1979, § 4 и 9. В настоящей работе мы будем практически иметь дело именно с буквами.

Основные правила употребления букв — это то же, что основные правила чтения. Их главная составная часть — указание основного чтения для каждой буквы алфавита и для всех диграфов и триграфов. В простейшем случае основное чтение — это одна конкретная фонема, например: /a/, /y/, /ш/, /j/ для русских букв *a*, *y*, *ш*, *й*; /ʃ/ для французского диграфа *ch*; /ʐ/ для польской буквы *ż*. Возможны также различные сопутствующие указания, например:

⁸ В вопросе разграничения графики и орфографии нет терминологического единства. Поэтому предлагаемое краткое изложение этого вопроса можно рассматривать как сообщение о том, как именно будут использоваться соответствующие термины в настоящей работе. В принципиальных вопросах мы следуем работе Бодуэна де Куртенэ (1912); подробнее см. Зализняк 1979. Специально отметим, что мы не претендуем здесь на введение “правильной” терминологии, в отличие от прочих, “неправильных”. Любая терминология условна. Важно само различие выделяемых сущностей, какими бы ярлыками они ни были обозначены.

/и/ со смягчением предшествующей согласной — для русского и. В особых случаях фонем может быть две или более, с указанием правила распределения (не списочного) или без такого указания, например: /б/ (в общем случае) и /б'/ (перед ь, е, и, ю, я, ё) — для русского б; /к/ (в общем случае) и /с/ (перед и, е, у) — для французского с; /с/ или /з/ (без простого правила распределения) — для итальянского з. Более сложный особый случай состоит в том, что в роли основного чтения выступает не фонема, а только внесение определенного изменения в чтение соседней буквы; таково положение с русскими ь и ъ.

Назовем графически правильной запись некоторого отрезка звучащей речи (например, словоформы), если, будучи прочитана по основным правилам чтения (в случае русского языка — с правильным ударением), она дает именно ту фонетическую последовательность, которая записывалась⁹. Например, для словоформы [слɒɒk] графически правильны записи *сапог*, *сапок*, *солог*, *сопок*.

Орфография — это совокупность правил, предписывающих выбор одной из графически правильных записей для всех случаев, когда такая запись не единственна. В качестве исключения орфография может также предписывать для отдельных слов или словоформ запись, которая не входит в число графически правильных, как, например, *сегодня*. Предписанная орфографией запись называется орфографически правильной. При жесткой орфографии для любой словоформы орфографически правильная запись единственна, при менее жесткой в каких-то категориях случаев допускаются варианты.

Примечание. Орфография — необязательный элемент письменной системы. Там, где графика такова, что любой фонетической последовательности соответствует лишь одна графически правильная запись, орфография вообще не нужна.

Структура орфографических правил может быть весьма различной. На одном полюсе здесь находятся самые общие принципы, например, принцип (основной для современной русской орфографии), согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно, морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет). На другом полюсе находятся точечные правила, определяющие написания единичного слова (или даже словоформы), скажем, *баран*, *собака*. В иерархическом отношении точечные правила стоят выше принципов; например, индивидуальное правило, требующее писать *заря*, сильнее общего принципа, который требует для И. ед. *заря* такого же написания корня, как, в частности, в И. мн. *зóри*.

⁹ Предполагается, что при этом будет соблюдена действующая в языке фонетическая автоматика, например, русское безударное /о/ реализуется в виде [ʌ] или [ə], конечное /д/ в виде [t] и т. п. (Сказанное нетрудно переформулировать на языке фонологии, но для наших целей нет нужды углубляться в возникающие при этом дополнительные терминологические проблемы).

Ввиду этой иерархии положение в орфографии несколько утрированно можно представить так: высшей инстанцией здесь является орфографический словарь, а все более общие правила получают статус более или менее эффективных приемов, позволяющих предсказать (но всё же без полной гарантии), какое написание даст орфографический словарь. В средневековом обществе, где орфографического словаря нет, в традиционных (не новаторских) школах письма в его роли обычно выступает некоторый корпус рукописей, который признается в данной школе орфографически авторитетным.

Для нас представляет специальный интерес тот факт, что в числе подобных приемов может быть и обращение к данным другого диалекта или языка. Например, носитель окающегося говора при записи безударных гласных может опираться на свое произношение (хотя иногда он при этом и ошибается — например, напишет, в соответствии со своим произношением, *пором*, *рости*, *боран*, *стокан*).

§ 6. Необходимо также более подробно рассмотреть вопрос об ошибках письма и их видах.

Условимся называть ошибкой любое отклонение последовательности графем, образующей запись некоторого отрезка речи, от той, которая предписывается для такого отрезка речи действующими правилами графики и орфографии.

Ошибки можно подразделять с точки зрения: а) типа правил, которые они нарушают; б) породившей их причины.

С первой точки зрения различаются:

1) графические ошибки (= ошибки против графики = ошибки против звучания);

2) орфографические ошибки (= ошибки против орфографии).

Графическая ошибка — это запись, не входящая в число графически правильных, иначе говоря, такая, которая, будучи прочитана по основным правилам чтения (в случае русского языка — с правильным ударением), дает, причем не в качестве одного из вариантов, а обязательно, не ту фонетическую последовательность, которая записывалась. Примеры: *пароха*, *парход*, *паророход*, *паруход*, *пароход* вместо *пароход*.

Примечание. Имеется в виду произношение самого пишущего (а не нормативное). Если, например, он произносит [парухóт], то в его записи *паруход* нет графической ошибки.

Орфографическая ошибка — это запись, не входящая в число орфографически правильных, но при этом графически правильная. Примеры: *параход*, *парохом*. Специально отметим, что в рамках предлагаемой терминологии запись вроде *сима* вместо *зима* (если автор произносит, как и прочие русские, [з'имá]) не относится к числу орфографических ошибок: это ошибка более низкого уровня — графического.

Со второй точки зрения различаются: 1) ошибки (т. е. ошибки, вызванные психофизиологическими причинами, связанными с меха-

никой письма); 2) собственно ошибки (вызванные другими причинами, в частности, незнанием или несоблюдением каких-то правил).

Заметим, что это разграничение — не стопроцентно четкое. Существенно также, что одна и та же ошибка в одних случаях может быть собственно ошибкой, а в других опиской. К счастью, для наших целей эти обстоятельства не имеют большого значения.

Среди описок необходимо выделить типовые описки, а именно:

1) пропуск (в частности, недописка) части слова, например, *парход, пароход*;

2) перестановка букв (или их последовательностей), например, *рапоход*;

3) повторение буквы или слога — в чистом виде или вместо того, что следовало написать, например, *паароход, паророход, папоход, параход*;

4) предвосхищение буквы или слога — вместо того, что следовало написать, или (реже) в чистом виде, например, *пороход, раХоход*.

Ошибки, не входящие ни в одну из этих четырех групп, т. е. такие, которые не могут быть интерпретированы как типовые описки, мы будем называть немеханическими.

§ 7. Основной эмпирический факт, выявляющийся при наблюдении над записями со значительным числом ошибок (в ситуациях, где мы достоверно знаем как графическую систему, используемую пишущими, так и их произношение, т. е. в первую очередь в современных языках) состоит в следующем: подавляющее большинство ошибок против звучания составляют типовые описки.

Но у большинства пишущих, уже вышедших из начальной стадии обучения, количество типовых описок сравнительно невелико; лишь при крайней небрежности, спешке и т. п. их число может сильно возрасти. Подавляющее большинство так называемых вопиюще безграмотных записей, с которыми реально приходится сталкиваться, — это записи с массовыми ошибками не против звучания, а против орфографии. Например, в таких записях может встречаться бесчисленное количество примеров типа *сабака, пашол, приехол, сологи*, но при этом отсутствуют примеры типа *намер* вместо *номер* или *спол* вместо *спал*. Другую категорию записей, производящих впечатление безграмотных, составляют записи носителей диалекта (или иностранцев), чья фонетика отличается от стандартной. В таких записях могут встретиться, например, *хвос, кось* вместо *хвост, кость*, *сем, восем* вместо *семь, восемь* и т. п.; но как уже указано выше, это не ошибки против звучания, если эти люди так и произносят.

Иную картину обнаруживают лишь записи детей (но также и взрослых), находящихся на самом начальном этапе обучения грамоте, — когда ученик еще нетвердо запомнил начертания букв и их основные чтения. На этой стадии, например, *и* может путаться с *и*, *б* с *в*, *у* с *х* и вообще что угодно с чем угодно. Но эта категория запи-

сей составляет лишь ничтожную долю в совокупном фонде записей, в том числе и бытовых. Главное же в том, что она легко может быть опознана — именно по признаку смешения букв, внешне похожих, равно как по многим другим признакам, выдающим отсутствие у автора всякого опыта письма. Среди берестяных грамот к этой категории, по-видимому, можно отнести лишь несколько каракулеобразных записей, где не читается вообще никаких целых слов. Все остальные находятся выше этого уровня. И уж заведомо не может быть и речи о том, что на таком уровне находился, например, писец списка А смоленского договора 1229 г.

Примечание. При обучении кириллице повышенную трудность для обучаемых составляет передача мягкости согласных, поскольку в этом случае различие согласных фонем отражается на письме не прямо, а косвенно — через выбор буквы для последующей гласной. Соответственно, ошибки типа *та* вместо *тя* и наоборот могут сохраняться и на более продвинутом этапе освоения графики. Однако и этот барьер подавляющим большинством пишущих преодолевается вполне успешно. В частности, в берестяных грамотах ошибки этого рода, которые нельзя было бы отнести за счет особенностей диалектной фонетики, встречаются чрезвычайно редко.

Немеханические ошибки против звучания, во-первых, встречаются в записях (кроме отмеченной категории, связанной с начальной стадией обучения) вообще очень редко, во-вторых, не образуют никаких однородных групп. Человек может, например, написать *корход* вместо *пароход* по какой-то единичной случайной причине — скажем, потому, что у него мелькнуло в сознании слово *корабль*, и т. п., но эта ошибка в нормальном случае ни у него, ни тем более у других людей уже не повторится.

Указанный выше эмпирический факт означает, что, хотя имеется очень много пишущих, плохо владеющих (или даже совсем не владеющих) орфографией, практически всякий пишущий, уже вышедший из начальной стадии обучения, владеет основными правилами чтения (или, что равносильно, владеет графикой). Это утверждение можно обозначить как **принцип графической компетенции** нормального (т. е. вышедшего из начальной стадии обучения) пишущего.

Данный принцип *de facto* превосходно известен любому историку языка, работающему с письменными памятниками (хотя он обычно и не формулируется в явном виде). Именно он служит логическим фундаментом для всех умозаключений типа: «В памятниках такого-то языка (или диалекта) с такого-то века вместо ъ в значительном количестве случаев встречается написание и; следовательно, не позднее этого века здесь произошел, хотя бы в некоторых говорах и хотя бы в некоторых позициях, переход [ъ] > [и]». При этом во всех аккуратных рассуждениях такого рода непременно показывается, что приводимые примеры и вместо ъ не могут быть объяснены как типовые описки, что их достаточно много, чтобы исключить версию о чистой случайности и что нет каких-то индивидуальных причин, по

которым именно те слова, где встретилась запись *с и* вместо *ъ*, непоказательны. Если бы можно было допустить, что все отмеченные написания *и* вместо *ъ* — это просто ошибки против звучания, пристекающие лишь из нетвердости навыков письма у соответствующих писцов, умозаключения указанного классического типа потеряли бы всякую силу.

Каков характер ошибки, которую допускает писец, уже произносящий [с'йно] вместо прежнего [с'ёно], когда он пишет *сино*, а не *сбно*? Это, конечно, ошибка против орфографии, если орфографическая норма той эпохи требовала традиционного написания. Но против звучания (= против графики) здесь ошибки нет: буква *и* несомненно имела основное значение [и], следовательно, запись нашего писца графически правильна. Иначе говоря, этот писец никак не нарушил сформулированного выше основного принципа.

Историк языка пользуется здесь для своих заключений о графической нетвердостью такого писца; но при этом он существенным образом опирается (как мы видели, с полным основанием) на презумпцию его графической компетенции.

§ 8. Можно ли заключить, что во всех случаях, когда мы наблюдаем то, что выглядит как массовые немеханические ошибки против звучания, мы имеем в действительности дело с отражением некоторого фонетического изменения?

Некоторые примеры показывают, что такое заключение было бы поспешным.

Рассмотрим вопрос о так наз. одноеровом письме в древней Руси. Уже давно установлено, что некоторые памятники XI–XII вв., писанные на Руси, используют лишь одну букву (обычно *ъ*) на месте обоих этимологических редуцированных — *ъ и *ъ' (см., в частности, Тот 1978), причем в числе этих памятников есть не только списки со старославянских оригиналов (где хотя бы в принципе можно предположить слепое копирование этих оригиналов), но и тексты, созданные на Руси, — прежде всего берестяные грамоты № 109, 380, 527, 586, 745 (а также свинцовая грамота № 1), к которым ныне добавился еще ряд грамот из недавних находок — № 821, 877, 900, 907.

Одноеровая графика на южнославянской территории может быть прямо или косвенно связана с тем, что в значительной части южнославянских диалектов *ъ и *ъ' совпадали. Но на восточнославянской территории нет никаких признаков такого совпадения — ни в каком из диалектов (частные явления, касающиеся лишь некоторых позиций, в данном случае в счет не идут).

Коль скоро это так, мы не можем объяснить написания типа *Пльскове* (вместо *Пль-*) в грамоте № 109 или *татъбѣ* (вместо *татьбѣ*) в грамоте № 907 как отражение перехода [ъ] > [ъ'] в говоре соответствующих писцов. Поскольку версия о простом нагромождении ошибок ввиду систематического характера данного явления в рас-

сматриваемом классе памятников тоже исключается, остается только одна возможность объяснения, не противоречащая сформулированным выше общим закономерностям. Она состоит в том, что писцы данного класса памятников были носителями несколько иной графической системы, чем та основная, которая представлена в большинстве древнерусских памятников. В этой графической системе буквы ъ просто не было, а у буквы ѿ было не одно, а два основных чтения — [ъ] и [ъ] (без каких-либо простых правил распределения).

Заметим, что системный характер одноеровой графики никто, собственно, и не оспаривает; никто не пытается объяснить одноеровые документы как продукты недостаточной грамотности писавших. Нам этот пример важен для того, чтобы он помог в дальнейшем разобраться с другими, уже не столь единодушно решаемыми графическими проблемами.

Пример одноеровой системы побуждает нас несколько шире рассмотреть вопрос о возможных “непрямых” (неидеальных) соответствиях между буквами и фонемами.

Одноеровая система есть пример системы, где двум разным фонемам соответствует лишь одна буква. В графических системах разных языков и разных эпох можно указать немало других примеров такого же рода. Так, в итальянской графике буквам *e*, *o*, *s*, *z* соответствует по две фонемы (*/e/* и */e'/*; */ɔ/* и */o/*; */s/* и */z/*; */c/* и */ʒ/*). В английской графике *th* передает */θ/* и */ð/*. В словенской графике *e* передает три разных фонемы, *o* — две. В истории русского языка в подавляющем большинстве систем одинаково передавались на письме */ə/* и */ð/*, */i/* и */j/* (после гласной). В современной русской графике (а именно, в ее обычном варианте, не использующем букву ё) *e* = */je/* и */jo/* (после согласной — */'e/* и */'o/*).

И уж совсем обычная вещь (как в средневековых системах, так и в современных) — передача одной и той же фонемы двумя, тремя и более способами. Так, в древнерусском такое соотношение представлено в группах: *ou* ~ *u* ~ *ж* ~ *ɛ*; *ф* ~ *θ*; *o* ~ *ω*; *и* ~ *i*; *ц* ~ *ч* (в цокающих говорах). В новогреческом: *ι* ~ *η* ~ *ει* ~ *υ* ~ *οι* ~ *υι*; *ο* ~ *ω* и др.

Существенно то, что, несмотря на кажущуюся парадоксальность такой ситуации, оба типа асимметрии (“две буквы — одна фонема” и “две фонемы — одна буква”) могут совмещаться в одном и том же фрагменте графической системы. Яркие примеры здесь могут быть приведены из истории русского языка. Так, буквы *и* и *i* передают фонемы */i/* и */j/*, но без закрепления одной буквы за одной фонемой. Буквы *о* и *ω* передают фонемы */ɔ/* и */ð/*, опять-таки без закрепления одной буквы за одной фонемой (если не считать некоторых редкостных школ письма). См. об этом подробнее НГБ 1977–83, с. 95.

§ 9. Рассмотрим теперь, с учетом выявленных общих закономерностей, вопрос о смещении ъ со ѿ и ѿ—е.

Это явление наблюдается как в ранне-, так и в позднедревнерусскую эпоху, т. е. до, во время и после падения (и “прояснения”) ре-

дуцированных. Во все эти периоды основная (“стандартная”) древнерусская графическая система четко различает эти буквы. В раннедревнерусский период в данной системе основные значения этих букв таковы: ъ — /ъ/, о — /о/, ѿ — /ъ/, е — /'e/ (после согласной буквы) и /јe/ (в начале слова). В позднедревнерусский период: ъ, ѿ — нуль звука (с указанием соответственно на твердость или мягкость предшествующей согласной), о — /ə/ или /б/, е — то же, что в раннедревнерусском.

Единственный класс случаев, где между буквами ъ и о (соответственно между ѿ и е) были возможны фонетически обусловленные колебания, — это этимологические *ъ, *ъ в сильной позиции¹⁰ (обозначим эту совокупность точек как “зону прояснения еров”) в эпоху, когда шел процесс падения и прояснения редуцированных. Во все другие периоды и во всех других случаях фонологическое различие между единицами, выражаемыми (в стандартной графической системе) буквами о, е и буквами ъ, ѿ, было совершенно четко. Оно было ничуть не менее реально, чем, скажем, различие между /о/ и /у/ или /e/ и /и/, причем это одинаково верно как для раннего противопоставления /о/ ~ /ъ/ (/e/ ~ /ъ/), так и для позднего /о/ ~ /ø/ (/e/ ~ /ø/).

Иначе говоря, написания типа *домо* (вместо *домъ*), *чътъ* (вместо *что*), *коне* (вместо *конъ*), *съло* (вместо *село*) являются с точки зрения стандартной древнерусской графической системы (как ранней, так и поздней) ошибками против звучания.

Эти написания имеют, как мы знаем, в соответствующем классе документов массовый характер, который сохраняется и после того, как исключить из рассмотрения те частные случаи, когда они в принципе могли бы быть типовыми ошибками.

Как мы видели выше, в такой ситуации имеется лишь два возможных объяснения:

1) в говоре пишущих произошло некоторое фонетическое изменение, которое привело к смещению соответствующих фонем;

2) авторы таких документов имели другое представление об основном чтении букв ъ и о (соответственно ѿ и е), чем в стандартной древнерусской графической системе.

Рассмотрим вопрос о возможном фонетическом изменении. Как уже указано, в одном частном случае — в зоне прояснения еров — фонетическое изменение интересующего нас типа действительно произошло. Вполне естественно, что в период протекания процесса прояснения еров параллельно употреблялись написания *възьми* и *возьми*, *мълви* и *молви*, *гривънъ* и *гривенъ*, *чъсть* и *честь*, *първъи* и *первъи* и т. п., то есть в этой зоне действительно было возможно безразличное употребление ъ и о, ѿ и е. Однако все другие известные примеры аналогичных ситуаций однозначно указывают на то, что

¹⁰ Для точности к ним следует присоединить также слабые *ъ, *ъ в составе сочетаний типа *TъT* и других сложных сочетаний, где слабые редуцированные не падали, а сохранялись в виде гласной.

подобное безразличное употребление двух букв, ограниченное определенной позицией (или определенным классом словоформ), никоим образом не вызывает всеобщего (не зависящего от позиции) смещения этих букв; иначе говоря, отнюдь не происходит забвения того факта, что они соотносятся с разными фонемами. Так, например, в “безграмотном” (т. е. не соблюдающем правила орфографии) русском письме: в безударной позиции постоянно смешиваются *о* и *а*, *е* и *и*; на конце слова смешиваются *đ* и *m*, *z* и *s* и т. д.; после шипящих смешиваются *у* и *ю*, *а* и *я*. Однако ни ныне, ни в средневековой письменности нет даже намеков на формирование всеобщего (не зависящего от позиции) безразличного употребления *о* и *а*, или *е* и *и*, или *đ* и *m*, или *у* и *ю*.

Л. Л. Касаткин (1996) высказал гипотезу, что в северорусских говорах в некоторых фразовых условиях в /о/ мог развиваться также конечный слабый /ъ/. Но даже если отвлечься от того, что это отнюдь не единственное возможное объяснение разбираемых им диалектных фактов, речь здесь идет лишь об еще одной, причем достаточно специальной, позиции (конец слова, находящегося в определенных фразовых условиях). Никаких оснований предполагать всеобщее (т. е. возможное во всех позициях) смешение /ъ/ с /о/ или /ъ/ с /е/ данные современных говоров не дают.

Здесь следует, правда, принять во внимание обстоятельство со всем иного рода. Как показали А. А. Шахматов (1915) и Н. Н. Дурново (1924–27), на Руси в XI в. и позднее существовала манера чтения церковных текстов, при которой ъ и ѿ читались соответственно как /о/ и /е/ (см. об этом в первую очередь Успенский 1988/1997). С интересующей нас точки зрения это искусственное произношение равносильно такой воображаемой форме древнерусского языка, в которой произошло всеобщее фонетическое изменение /ъ/ > /о/, /ъ/ > /е/. Для такой его формы эквивалентность букв ъ и о, ѿ и е оказывается фонетически оправданной. Однако те тексты, в которых смешение ъ — о, ѿ — е представлено наиболее широко, т. е. бытовые (и отчасти официальные), несомненно соотносятся не с искусственным церковным, а с живым произношением, где различие /ъ/ и /о/, /ъ/ и /е/ прекрасно сохранилось. Это значит, что в бытовой письменности смешение ъ и о, ѿ и е (за пределами зоны прояснения еров) не может объясняться совпадением соответствующих фонем в речи авторов таких записей.

Добавим к этому, что за рамками смешений ъ — о, ѿ — е, а также е (и ѿ) с ъ в рассматриваемом классе текстов практически нет немеханических ошибок против звучания. Почти все другие немеханические отклонения (неморфологического характера) от стандартного вида записи успешно могут быть объяснены фонетическими причинами (как, например, написания типа *лотка* вместо *лодка*, *церковъ* вместо *церковь* и т. п.; относительно смешения ц и ч см. отдельно § 19).

Существенно также то, что писцы берестяных грамот или смоленского договора 1229 г. безусловно владеют целым рядом чисто

орфографических правил. Прежде всего, они соблюдают правила, ограничивающие саму сферу смешения ъ с о и ѿ с е, а именно, правила, запрещающие писать ъ, ь вместо о, е в *опять, есть* и т. п. (в отличие, скажем, от *конь, село*). Уже одно это несовместимо с версией о том, что эти писцы просто путали по малограмотности буквы ъ и о (или ь и е). Кроме того, эти писцы обычно обнаруживают также хорошее владение такими орфографическими правилами, как, например, распределение *ou* и *u*, *i* и *u*, *ω* и *o*, **o** широкого и *o* узкого и др. (конкретный набор действующих орфографических правил в разных памятниках различен). При названной версии пришлось бы признать, что научиться всем этим правилам (опирающимся, между прочим, на отнюдь не очевидное для профана понятие начала графического слога) им вполне удалось, а вот правило «*слышишь /o/* — пиши *o*, *слышишь /ъ/* — пиши ъ» оказалось для них слишком трудным.

Итак, версия о том, что написания типа *домо, коне, чътъ, съло* — это просто ошибки, не выдерживает критики. Принять эту версию — значит допустить, что в древнерусском письме существовала уникальная ситуация, не наблюдавшаяся более ни в какой другой письменности, т. е. что на процесс письма в древней Руси не распространялись общие закономерности функционирования графических систем (в частности, закономерности возникновения ошибок). Более того — пришлось бы допустить, что эта уникальная аномалия древнерусского письма касается только смешения ъ — о, ь — е (и ъ), поскольку в отношении всех остальных букв древнерусское письмо ведет себя в полном соответствии с общими закономерностями.

Из всего сказанного следует, что остается лишь одно возможное объяснение записей с систематическим смешением ъ — о, ь — е: авторы таких записей имели иное представление об основном чтении букв ъ и о (равно как ь и е), чем в стандартной графической системе. Это представление должно было состоять в том, что буквы ъ и о (соответственно ь и е) омофоничны, т. е. их основные чтения одинаковы. Так, у о было два основных чтения: /o/ и /ъ/; и те же основные чтения были у ъ.

Сосуществование графических систем

§ 10. Вывод о том, что авторы записей с массовым смешением ъ — о, ь — е пользовались особой графической системой, отличной от стандартной древнерусской, означает, что в древнерусском обществе сосуществовали по крайней мере две графические системы: стандартная и система со смешением ъ — о и/или ь — е.

Что сосуществование такого рода вообще возможно, не вызывает сомнений. Достаточно указать хотя бы на уже рассмотренную выше одноеровую графику, которая бесспорно сосуществовала с обычной (двуеровой).

Графическую систему, сосуществующую с основной и отличающуюся от нее тем, что некоторые фонемы, различно передаваемые в

основной системе, здесь передаются (всегда или в значительной части случаев) одинаково, можно назвать неполноразличительной.

Древнерусская система со смешением ъ — о / или ѿ — е с точки зрения ее структуры должна быть охарактеризована именно как неполноразличительная (тогда как обозначение “бытовая” есть ее характеристика с совершенно иной точки зрения — по социальной функции). Неполноразличительной была и одноеровая система.

Примеры сосуществования графических систем обнаруживаются не только в средневековье. Для нас представляет значительный интерес пример такого рода в современном русском письме, а именно, сосуществование графической системы с ё и графической системы без ё (неполноразличительной). Общераспространенной, как известно, является вторая. Система с ё применяется лишь в словарях, в части учебных текстов и в некоторых особых случаях.

Тот факт, что мы имеем здесь дело именно с разными системами (а не с ошибками или вольностями в пределах единой системы), ясно виден, в частности, из понятия об ошибках: написание *метка* в заглавном слове словаря есть прямая ошибка, тогда как в обычном тексте это не только не ошибка, но даже и не вольность, а безусловная норма.

Примечание. Не следует думать, что особый статус буквы ё (а именно, ее невхождение в общераспространенную графическую систему) определяется просто тем, что она отличается от обычного е лишь надстрочным знаком. Точно в такой же степени буква ѹ отличается от ѿ; между тем графической системы без ѹ в современной письменной практике не существует. Таким образом, дело здесь не в форме буквы ё, а в силе традиции: графическая система, сложившаяся до появления буквы ё, оказалась в данном случае высокоустойчивой. Существенную роль здесь сыграло то, что буква ё была введена лишь для позиции под ударением (что не соответствует общему принципу русской орфографии, согласно которому записи морфемы от места ударения не зависит). Тем самым буква ё приобрела сопутствующую функцию знака ударения. Соответственно, графическая система, в которой ударения не обозначаются, получила естественный импульс к неприятию этой буквы.

Аналогию между тремя упомянутыми примерами сосуществования графических систем можно показать наглядно (для удобства система со смешением ъ — о взята здесь в своем предельном варианте — с эффектом ъ → о, т. е. вообще без буквы ъ):

	Пример 1 (др.-русск.)	Пример 2 (др.-русск.)	Пример 3 (соврем. русск.)
Система I (с более полным различием)	коń, коńъ (обычная система)	далъ, дало (обычная система)	сёл, сел (система с ё)
Система II (неполноразличительная)	коńъ, коńъ (одноеровая система)	дало, дало (система с эффектом ъ → о)	сел, сел (обычная система)

Бросающееся в глаза различие между примером 3 и примерами 1, 2 состоит в том, какая графическая система (I или II) выступает в качестве обычной, общераспространенной и какая оказывается периферийной. Но это различие касается только способа социального использования соответствующих систем; с точки зрения строения этих систем все три примера вполне сходны.

Что касается систем со смешением ъ — о, ѿ — е, то здесь ситуация фактически сложнее, чем в примерах 1 и 3, поскольку имеется не только вариант с эффектом ъ → о (соответственно ѿ → е), но и варианты с эффектами типа ъ = о или ъ → ѿ/o, где используется как буква о, так и буква ъ. Но это усложнение не меняет ситуации в принципе. Просто вместо единого о (передающего как /o/, так и /ъ/), с которым мы имеем дело в варианте с эффектом ъ → о, здесь используются две омофоничные буквы (о и ъ) — подобно тому, как вместо единого и (передающего две фонемы — /и/ и /j/) в системе, где есть также i, используются две омофоничные буквы (и и i).

Со существование двух графических систем в одном и том же обществе неизбежно должно приводить к некоторому их взаимодействию и взаимовлиянию.

Поскольку все грамотные люди сталкиваются (по крайней мере в своем опыте чтения) с обеими системами, каждый из них если и не овладевает обеими системами, то во всяком случае имеет некоторое представление о второй системе, отличной от той, которой он был обучен. Так, любой грамотный русский нашего времени знает о существовании (и звуковом значении) буквы ё, даже если он никогда в жизни сам ее на письме не употреблял. Точно так же носители графической системы без буквы ъ в действительности знали о существовании этой буквы, так как встречали ее при чтении.

§ 11. Рассмотрим подробнее функционирование существующих графических систем, различающихся по трактовке букв ъ и о, ѿ и е, а также соответствующие им формы обучения. Начнем с анализа каждой из этих систем изнутри, в идеализированном независимом виде, временно отвлекаясь от вопросов их взаимодействия. Чтобы упростить изложение, все принципиальные вопросы разбираются на материале одной пары букв: ъ и о. Ситуация с парой ѿ — е во всех существенных моментах аналогична.

В основу нашего разбора положены следующие три дихотомии:

1. В способе чтения письменного текста: письменный текст читается в естественном древнерусском произношении (с различием /ъ/ и /о/, /ъ/ и /е/) или в искусственном церковном (книжном) произношении, лишенном фонем /ъ/ и /ъ/, которые заменяются соответственно на /о/ и /е/.

2. В способе распределения букв ъ и о (ъ и е) на письме: в письменном тексте соблюдается стандартное (соответствующее этимоло-

гии и живому древнерусскому произношению) распределение букв ъ и о (ъ и е) или представлено их смешение, т. е. те или иные неединичные отклонения от стандартного распределения.

3. В способе обучения грамоте: происходит двустороннее обучение (как чтению, так и письму) или одностороннее — только чтению (о существовании и важной роли подобного одностороннего обучения см. Успенский 1988/1997, с. 150). Общим для обоих вариантов является обучение графической системе, т. е. начертаниям букв и их основным чтениям. Обучение орфографии происходит только в первом варианте, но не во втором.

Примечание. Как будет видно ниже, выделение только этих двух крайних вариантов обучения представляет собой некоторую идеализацию (поскольку существовали также переходные формы между ними); но для упрощения разбора эта идеализация удобна.

§ 12. Начнем с ситуации, где предполагается естественное произношение при чтении письменного текста.

Стандартная графическая система. Основные чтения букв ъ и о здесь таковы: о — /о/, ъ — /ъ/ (в позднедревнерусский период уже не /ъ/, а нуль звука с указанием на твердость предшествующей согласной).

При данной графической системе в части, относящейся к буквам ъ и о, в ранний период орфографические правила просто отсутствуют (они не нужны), в поздний они ограничены вопросом о том, нужно ли писать ъ в середине слова.

Если учитель был носителем данной системы, то, обучая чтению по складам, он должен был среди прочего сообщить ученикам: «бо — это /бо/, бъ — это /бъ/» (в позднедревнерусский период он должен был так или иначе довести до их сведения, что бъ — это /б/; о возможных различиях дидактических форм, в которых это делалось, см. Успенский 1970/1997, с. 266).

Ученик, прошедший такое обучение, писал по стандартной системе — как при двустороннем, так и при одностороннем обучении (разве что в поздний период в случае одностороннего обучения он мог по своему произволу выбирать между написаниями типа *столъ* и типа *сътолъ*).

§ 13. Неполноразличительная графическая система. Основные чтения букв о и ъ в этом случае одинаковы, а именно, и та и другая передает /о/ или /ъ/ (в поздний период вместо /ъ/ мы уже имеем дело с нулем звука; далее мы этого уже больше не оговариваем). Двумя буквами передаются две фонемы, но без закрепления одной из букв за одной из фонем. В частности, буква ъ не ассоциируется специально именно с фонемой /ъ/.

Орфографическая регламентация минимальна: в том, что касается ъ и ѿ, она практически состоит лишь в том, что эти буквы запре-

щается употреблять в начале графического слога¹¹. Иначе говоря, мы имеем здесь дело с записью графически правильной, но почти без орфографии.

Каким образом могла в данном случае происходить передача графической системы и соответствующих навыков от старших поколений к младшим? Нет необходимости предполагать, что существовали специальные школы, руководимые учителями-профессионалами, где обучали именно неполноразличительной системе, а не стандартной. Однако трудно сомневаться в том, что какие-то из носителей именно такой системы иногда оказывались в роли обучающих — например, знакомили с начатками грамоты своих или соседских детей.

Как мог поступать такой обучающий? Следует предполагать, что, как и при обучении церковному чтению, он должен был, знакомя учеников со складами, сообщить им, что *бо* — это /бо/ и *бъ* — это тоже /бо/.

Рассмотрим вначале тот вариант, когда обучали только читать.

Осознание того, что записям с *бо* или *бъ* в их собственной речи может соответствовать не только /бо/, но иногда и /бъ/, могло приходить к ученикам различными путями. Вдумчивый учитель мог и прямо указать им на это. Но многие обучающие такого рода, вероятно, и сами этого ясно не осознавали и ничего об этом не говорили. Их ученики должны были усваивать это просто из опыта чтения. Для сравнения: двузначность буквы *о*, которая в позднедревнерусский период передавала фонемы /ɔ/ и /ö/, при обучении обычно никак не отмечалась; соответственно, ученики привыкали к тому, что на это различие не нужно обращать внимания (хотя, конечно, они в принципе могли бы прекрасно его осознать, как хорошо известно из опыта диалектологов).

Вполне вероятно, впрочем, что при обучении чтению даже и такой обучающий требовал от учеников не живого произношения читаемых слов, скажем, /лъбъ/, /чъто/, а искусственного, особенно при начальном чтении по складам: /ло-бо/, /че-то/. Но это не снимает интересующей нас проблемы, а лишь передвигает ее на следующий уровень. Ученик и в этом случае должен был усвоить из опыта, что подобные искусственные /ло-бо/, /до-мо/, /со-то/, /ко-ло/ соответствуют в его собственной речи разному: /лъбъ/, /домъ/, /съто/, /коло/.

Существенно то, что отсутствие специальной ассоциативной связи между фонемой /ъ/ и буквой ъ, характерное для такого учителя, переходило и к его ученикам.

¹¹ Что касается ъ в составе ъи и о в составе оу, то здесь со временем произошло сращение двух отдельных букв (устойчивое в случае ъи, менее устойчивое в случае оу) в самостоятельную графическую единицу. В церковных памятниках изредка всё же встречается смешение ъ и о в составе ъи и оу, т. е. написания ои, тъи (см. Успенский 1988/1997, с. 154, 158, 193–194); но в берестяных грамотах таких случаев нет. После образования самостоятельных графических единиц ъи и оу элементы ъ и о в их составе уже более не отождествляются с обычными буквами ъ и о и тем самым не участвуют в буквенных заменах.

Как должен был в этом случае писать ученик, которого обучали только чтению? Для записи своего /о/ он располагал двумя возможностями: *о* и *ъ*. Выбирать между ними он мог по своему произволу.

Что касается записи /ъ/, то при такой форме обучения он неизбежно приходил к представлению о том, что для письма разница между /ъ/ и /о/ несущественна. Тем самым для записи /ъ/ он располагал теми же двумя возможностями: *о* и *ъ*.

Разумеется, при письме он мог опираться на то, что какое-то число орфограмм он просто запомнил из опыта чтения. Но никакой записанный текст не состоит целиком из запомненных орфограмм; хотя бы часть слов записывается по слуху. Записывая по слуху, такой ученик мог безразлично употреблять то *о*, то *ъ* (как для /о/, так и для /ъ/) или выработать свое индивидуальное предпочтение к какой-то одной из этих букв — умеренное или даже абсолютное. В результате получалась запись одного из тех типов, которые продемонстрированы в § 3 на примере различных берестяных грамот.

В варианте, когда обучали не только читать, но и писать, учитель в какой-то момент должен был прямо указать ученикам на то, что для записи разница между /ъ/ и /о/ несущественна, или как минимум молчаливо приучить их к этой мысли, никогда не исправляя в этом пункте их учебные записи.

Учитель мог также непосредственно влиять на формирование у учеников общего предпочтения к *о* или к *ъ*. В частности, учителя, который сам всегда писал *о* (а не *ъ*), этот навык скорее всего перенимали и его ученики¹². Однако ныне мы должны признать чрезмерно категоричным утверждение (содержащееся в Зализняк 1982, с. 83), что эффект *ъ* → *о* мог сформироваться у ученика только под влиянием именно такого учителя: это могла быть и просто крайняя форма индивидуального предпочтения.

При обучении письму учитель сообщал также орфографическое правило, запрещающее писать *ъ* и *ь* в начале графического слова.

Заметим, что последнее правило в письме на бересте почти никогда не нарушается¹³. Из этого можно заключить, что чистое обучение чтению, без всяких элементов обучения письму, является всё же скорее удобным конструктом, упрощающим описание основных особенностей ситуации, нежели полной реальностью. На деле, вероятно, даже при начальном обучении грамоте могли так или иначе сообщаться также отдельные сведения, относящиеся фактически к письму, а не к чтению (как, например, запрет писать *ъльть* или *ъсть*). Например, Онфим мог всё же показывать иногда свои упраж-

¹² В принципе можно было бы даже представить себе фигуру учителя, который вообще ничего не сообщал ученикам о самом существовании буквы *ъ*. Но такая ситуация всё же маловероятна: во всех дошедших до нас учебных азбуках на бересте буква *ъ* есть. И, конечно, ученик (как и учитель) должен был сталкиваться с этой буквой при чтении.

¹³ Нам известно в настоящее время лишь два примера нарушения этого правила: *Паньтель* в берестяной грамоте № 561 и *приими* в № 737.

нения учителю, и, если тот делал ему какие-то замечания, то это был уже элемент обучения письму как таковому.

Итак, если обучающий был носителем неполноразличительной системы, то независимо от способа обучения ученик начинал писать тоже по неполноразличительной системе.

§ 14. Рассмотрим теперь ту особую ситуацию, когда для письменного текста предполагается искусственное церковное чтение.

Начнем с того случая, когда для текста предполагается правильным стандартное распределение букв ъ и о. Как известно, подавляющее большинство церковных текстов записано именно так.

Поскольку в данной ситуации фонемы /ъ/ вообще нет, основные чтения букв *о* и *ъ* одинаковы: *о* — /о/, *ъ* — тоже /о/. Разумеется, и в составе учебных складов в этом случае *бо* читается /бо/ и *бъ* — тоже /бо/ (ср. Успенский 1988/1997, с. 145).

Примечание. Несмотря на омофонию *о* и *ъ*, такая запись всё же не может квалифицироваться как неполноразличительная, поскольку при отсутствии фонемы /ъ/ здесь нечего различать.

Чтобы в этой ситуации достичь на письме стандартного распределения букв *ъ* и *о* (или вообще какого бы то ни было неслучайного распределения этих букв), необходимы орфографические правила (ср. Живов 1984, с. 261). Перед нами обычное соотношение «одна фонема — две буквы»; ср. проблему выбора между *и* и *i*, или *ω* и *o*, или *ɸ* и *θ*, или *ou* и *ж* и т. п. Общий принцип состоял здесь в том, чтобы писать так же, как в некотором наборе рукописей, признаваемых авторитетными (в разных школах письма такие наборы могли несколько различаться). Но в том, что касается именно *о* и *ъ*, в раннедревнерусскую эпоху наряду с этим принципом в ранге полезного практического приема, очевидно, существовало также правило, использующее живое древнерусское произношение пишущих: писать *о* там, где в этом произношении /о/, и *ъ* там, где /ъ/.

Профессиональные церковные писцы, т. е. люди, для которых была естественной также роль учителей, обладали навыками письма, соответствующими именно этой ситуации. Каков был результат обучения грамоте, когда его вел такой учитель?

Если он учил только чтению, то ученик усваивал принцип омофонии букв *о* и *ъ*, но не знал никаких орфографических правил. По мысли Б. А. Успенского (1988/1997, с. 159–160), ученик сам, “обобщая свои наблюдения, ... легко мог прийти к выводу, что буква *ъ* должна писаться тогда, когда в живом произношении слышится звук [ъ], а буква *о* — тогда, когда в живом произношении слышится звук [о]”. Нет сомнений, однако, что самостоятельно приходили к такому выводу далеко не все, а лишь наиболее наблюдательные и вдумчивые. Основная масса учеников не задумывалась над распределением букв *ъ* и *о* и не искала для этого никаких правил. При письме они употребляли для записи фонемы /о/ ту или другую из

них произвольно. И точно так же они поступали при записи фонемы /ъ/ — ситуация тут ничем не отличается от разобранной в предыдущем параграфе. Это значит, что в тех случаях, когда такой ученик брался записывать уже не церковный текст, а свою обычную древнерусскую речь, он писал уже по неполноразличительной системе.

Таким образом, в данном случае одностороннее обучение грамоте при переходе от записи церковных текстов к записи живой речи порождает неполноразличительную систему.

Если такой учитель обучал не только чтению, но и письму, результат был иным. В этом случае ученика обучали также практическому приему «слышишь (в своей живой речи) /о/ — пиши о, слышишь /ъ/ — пиши ъ». Если при записи искусственного церковного произношения этот прием принадлежал лишь к сфере орфографии, то при записи обычной древнерусской речи он неминуемо должен был переосмысляться как элемент графической системы, т. е. как простой и прямолинейный принцип «о — это /о/, а ъ — это /ъ/. Правда, такой ученик скорее всего сохранял в памяти чтение склада бъ как /бо/ и, возможно, при чтении по складам (или скандирования) всё еще произносил лъбъ как /ло-бо/, но для него это была уже традиционная условность. На практике он писал уже по стандартной системе.

Как мы видим, применение церковной системы записи к обычному древнерусскому языку ведет в практике мирских людей к неполноразличительной системе у тех, кто учился только читать, и к стандартной у тех, кто учился также и писать.

§ 15. Остается рассмотреть тот редкий случай, когда текст, предполагающий искусственное церковное чтение, записывается со смещением ъ — о. Примерами здесь могут служить берестяные грамоты № 419 (берестяная книжечка со стихирами, см. § 3) и № 727 (краткая запись чина службы на Фоминой неделе).

Понятно, что и в данном случае основное чтение о есть /о/, ъ — тоже /о/.

Чем отличается писец берестяной грамоты № 419 от книжного писца, который при записи такого же текста не смешивает ъ и о? Грубо говоря, тем, что в выборе между ъ и о он не руководствуется орфографическими правилами, а употребляет эти буквы произвольно. (Точнее, орфографическая регламентация здесь всё же есть, но она сведена к минимуму — к запрету употреблять ъ и ѿ в начале графического слова, см. § 13).

В документах этого рода к церковному тексту применен тот же принцип записи, что в обычной неполноразличительной системе. Их авторы, конечно, так же записывали и мирские тексты; ср. написанные по неполноразличительной системе записи духовных лиц (попов, игуменьев) — берестяные грамоты № 87, 549, 558, 717.

Духовные лица этой категории несомненно могли участвовать наряду с другими в обучении грамоте. Нетрудно убедиться в том, что такое обучение всегда должно было давать тот же самый результат, что в § 13, т. е. обычную неполноразличительную систему.

Резюмируем проведенный в § 12–15 разбор. В нормальном случае ученик начинал писать по стандартной системе, если его учитель был носителем стандартной системы, и по неполноразличительной — если тот был носителем неполноразличительной системы. Но в одном частном случае это было не так: если учитель был носитель стандартной системы, читавший тексты в церковном произношении, и обучал только чтению, но не письму, то ученик начинал писать по неполноразличительной системе.

§ 16. Выше каждая из графических систем рассматривалась так, как если бы она была единственной. В действительности, однако, ситуация была сложнее, поскольку все или почти все пишущие были фактически знакомы (хотя бы немного) не с одной, а с обеими конкурирующими системами. Для конкретного человека одна из них была более привычной, но знание второй могло в той или иной мере влиять на его практику письма, создавая элементы непоследовательности.

Так, редкие смещения ъ — о, ѿ — е, отмечаемые в большом количестве книжных памятников, представляют собой не что иное, как отклонение от норм стандартной системы в сторону неполноразличительной системы (ср. Живов 1984, с. 261).

Есть свидетельства того, что один и тот же человек мог писать по-разному в зависимости от характера ситуации: в более ответственных ситуациях он писал по стандартной системе, в менее ответственных — по неполноразличительной. Весьма показательна в этом отношении берестяная грамота № 724, где в основном тексте в том, что касается букв ъ, о, ѿ, е, допущено всего три отклонения от стандартных написаний, тогда как в приписке на обороте, носящей менее формальный характер, в классе «ъ» и «о» доля нестандартных написаний, т. е. о, е, достигает 24% (см. ДНД, с. 297). Другой такой пример — запись писца Евсевия (цитируемая в этой связи в Успенский 1988, с. 152). В ней представлены эффекты ъ → о/ъ и ѿ = е; записей через о в классе «ъ» 67%, записей через е в классе «о» 71%, в классе «е» — 67%. Между тем в самом тексте Евсевиева евангелия доля отклонений от стандартной системы составляет лишь 0,7% (см. § 2). Это значит, что, закончив сам текст евангелия и перейдя к тексту от себя, Евсевий уже позволил себе “расслабиться” и писать по той менее строго регламентированной системе, которой он привык пользоваться в быту.

С другой стороны, типовая картина, показанная выше (§ 3) на примере смоленского договора 1229 г., — относительно высокий про-

цент смешений на фоне преобладания стандартных написаний — возникает в результате наложения элементов стандартной системы на неполноразличительную. Основной для писца в таких случаях является неполноразличительная система. Но он несомненно знаком и со стандартной системой тоже. Помимо того, что многие орфограммы он запомнил в их стандартном виде (например, писец списка А договора 1229 г. совершенно последовательно пишет *не, же, аже, кто, гость* и др.), он знаком и с самим принципом «*о — /о/, ъ — нуль звука*», хотя и применяет его без обязательности, свободно отступая от него в сторону более привычного для него безразличия в употреблении *ъ* и *о*. Понятно, что это должно порождать статистические соотношения именно того типа, который реально наблюдается в списке А договора 1229 г. и подобных ему документах.

§ 17. Проведенный разбор показывает, в частности, что не следует приписывать выбор между эффектами *ъ = о* и *ъ → ъ/о* самой системе (т. е. усматривать здесь разные подсистемы), и, соответственно, связывать это различие непосредственно с тем, чему именно учил в этом пункте учитель. Различие такого рода могло развиться и в индивидуальном порядке. Весьма вероятно также, что если бы мы имели возможность наблюдать писца с эффектом *ъ → ъ/о* не на протяжении текста одной берестяной грамоты, а на дистанции в десятки раз большей, то мы столкнулись бы также с некоторым (хотя бы небольшим) числом случаев замены *о* на *ъ*, т. е. реальностью оказалась бы всё же эффект *ъ = о* (хотя и с предпочтением к *о*). Во всяком случае в самых длинных текстах со смешением *ъ* и *о* фиксируется именно эффект *ъ = о* (а не односторонняя замена).

Более того, даже эффект *ъ → о* едва ли выдержал бы испытание подобной длинной дистанцией. Примеры типа блока Григория (§ 3) показывают, что даже на фоне очень устойчивой замены *ъ* на *о* может всё же появиться единичный пример с *ъ*. В самом деле, в условиях постоянной циркуляции текстов, использующих в числе прочих букву *ъ*, трудно представить себе пишущего, для которого принципиально исключена возможность хотя бы раз употребить эту букву.

Таким образом, существенной характеристикой системы является сам факт эквивалентности букв *ъ* и *о*, а варианты его реализации (*ъ = о*, *ъ → ъ/о* и даже *ъ → о*) могут определяться просто индивидуальным узусом¹⁴.

С другой стороны, реальное наличие подсистем в рамках неполноразличительной системы определяется тем, захватывает ли смешение обе пары (*ъ — о* и *ь — е*) или только какую-то одну из них. В безусловном большинстве случаев, когда смешение вообще есть, оно наблюдается в обеих парах сразу. При этом, однако, формы его реа-

¹⁴ Соответственно, мы полагаем ныне, что целесообразнее говорить о бытовой графической системе (в ед. числе), а не о бытовых системах (во множ. числе).

лизации могут быть в разных парах различны; например, в одной паре может проявляться явное предпочтение к *о*, а в другой — к *ь*; в разных парах может быть весьма различна интенсивность смешения и т. п.; ср. с этой точки зрения примеры, приводимые в § 3. Встречаются, наконец (хотя и весьма редко), такие тексты, где в одной из этих пар смешение представлено (причем достаточно ярко), а в другой отсутствует. Таким образом, коррелятивная связь между буквами *ъ* и *ь* весьма сильна, но всё же не абсолютна.

Замечания о смешении ъ с е и ѿ с ч

§ 18. Наряду со смешением *ъ* — *о*, *ь* — *е* в берестяных грамотах и подобных им документах широко распространено смешение *ъ с е и ѿ* (которого мы иногда попутно касались и выше). Основное различие между смешением *ъ* — *е* и, например, *ь* — *е* состоит в том, что несовпадение фонем /*ъ*/ и /*e*/ (во всех позициях, кроме одной) несомненно, тогда как в отношении фонем /*e*/ и /*ё*/ вопрос об их совпадении или несовпадении решается для каждой эпохи, каждого диалекта и каждой позиции отдельно, причем лишь на основе трудоемкого анализа и не всегда надежно. Поэтому смешение *ъ с е* есть более сложный объект для анализа, чем смешение *ъ с о* или *ь с е*: написание типа *весь* (вместо *вѣсь*) в принципе может быть результатом как чисто графического смешения *ъ* и *е*, так и фонетического перехода /*ё*/ > /*e*/). Здесь, однако, нам нет необходимости рассматривать связанные с этим непростые проблемы. Достаточно констатировать, что по крайней мере в части случаев смешение букв *ъ с е* (и *ь*) имеет чисто графическую, а не фонетическую природу.

В частности, практически ни в каких говорах не совпадали гласные фонемы, представленные, например, в *слѣдъ* и в *мѣдъ* (даже если гласные в *слѣдъ* и в *семь* в тех же говорах совпали). Соответственно, по крайней мере в той части, которая касается противопоставления слов типа *слѣдъ* и типа *мѣдъ*, данное смешение оказывается вполне сходно с уже разобранным смешением *ъ* — *о* или *ь* — *е*.

Заметим, что различие между графикой с *ъ* и графикой без *ъ* (с эффектом *ъ* → *e*) совсем уже похоже на различие между графикой с *ё* и графикой без *ё* (иначе говоря, с эффектом *ё* → *e*); к тому же речь здесь идет просто об одном и том же корпусе словоформ. Ср., с одной стороны, противопоставление записей *слѣдъ*, *семь*, *мѣдъ* (система с *ъ*) и *следъ*, *семь*, *мѣдъ* (система без *ъ*), с другой — противопоставление записей *след*, *семь*, *мѣд* (система с *ё*) и *след*, *семь*, *мѣд* (система без *ё*).

Примечание. От обычного смешения *ъ с е и ѿ* следует отличать тот особый случай, когда *ъ* смешивается только с *ь*, а смешения *ь с е* (и *ъ с о*) в памятнике нет. Такой особенностью обладают, например, берестяные грамоты № 509, 789, 818, 892. Можно предполагать, что такие писцы воспринимали *ъ* как букву *ь* с дополнительным штрихом, причем используемым без полной обязательности (подобно, например, правой части буквы *ы*, которая тоже во многих памятниках может опускаться).

Как и в случае со смешением ъ — о, ѿ — е, запись с неразличением ъ и е (часто с эффектом ъ → е или ъ → е/ъ, т. е. вообще без буквы ъ в практическом инвентаре пишущего) имеет очень старую традицию. Она наблюдается уже в XI в., причем в таких зонах (Киев, Новгород), где и позднее фонемы /e/ и /ɛ/ не смешиваются. Не занимаясь здесь вопросом о происхождении этой традиции, мы должны лишь констатировать, что перед нами еще один важный элемент неполноразличительной графической системы.

§ 19. Иную природу, нежели все рассмотренные выше смешения, имеет распространенное в новгородских, псковских, смоленских, полоцких и др. памятниках смешение букв ѿ и ч. Оно очевидным образом связано с фонетическим явлением — совпадением фонем /џ/ и /Ч/. Для грамотных людей этой зоны буквы ѿ и ч находились в другом соотношении, чем на юге. На юге их различие было просто частью графической системы и для них не требовалось никаких орфографических правил; на севере и северо-западе это были омофоничные буквы, различие которых целиком относилось к ведению орфографии.

Этот пример в силу своей прозрачности весьма полезен для понимания более сложных случаев функционирования графических систем. Так, совершенно очевидно, что новгородские книжные писцы обычно осваивали (благодаря специальному обучению в сочетании с опытом чтения) орфографические правила распределения букв ѿ и ч (см. Живов 1984, 1986). Высококвалифицированный новгородский писец мог писать в этом отношении почти без ошибок. С другой стороны, в новгородской бытовой письменности (как, впрочем, также и в некоторых книжных памятниках) мы видим иную картину: буквы ѿ и ч употребляются безотносительно (или почти безотносительно) к этимологии; они свободно смешиваются — иногда примерно в равных пропорциях, иногда с явным предпочтением к какой-то одной букве; возможно, наконец, и последовательное употребление лишь одной из этих букв (преимущественно ѿ).

Всё это разительным образом напоминает картину распределения ъ и о в разных категориях памятников. Между тем, как мы знаем, на фонетическом уровне ситуации тут совершенно различны: буквами ъ и о обслуживаются две разные фонемы, а буквами ѿ и ч — единая древненовгородская фонема /џ"/. Чем же объяснить отмеченное сходство? Очевидно, тем, что уже было констатировано выше: буквы ѿ и о носителями неполноразличительной системы осознавались как омофоничные, т. е. совершенно так же, как буквы ѿ и ч. Разница, состоящая в том, что ѿ (как и ч) было средством передачи всего одной фонемы (/џ"/), а ъ (как и о) — средством передачи двух разных фонем, в данном случае совершенно непринципиальна.

Произвольное распределение омофоничных букв (как ѿ — ч, так и ъ — о) отражает свободу от правил орфографии, характерную для тех, кого учили только читать.

Проблема происхождения неполноразличительной графической системы

§ 20. Как мы видели, при любом из вариантов процесса обучения те, кого учили грамоте носитель неполноразличительной графической системы, писали по этой же системе (хотя и необязательно с теми же самыми предпочтениями в выборе между ъ и о, что у учителя).

Но особенно существенно другое: если исходить из естественного древнерусского произношения (§ 12–13), то невозможно, чтобы те, кого обучал грамоте носитель стандартной системы (даже если это было обучение только чтению), начали писать по неполноразличительной системе. В самом деле, раз усвоив основные чтения «о — /o/, ъ — /ъ/», ученик уже не мог вдруг забыть, что буквы о и ъ передают разные звуки; точнее говоря, вероятность этого не больше и не меньше, чем того, что он забыл бы разницу между о и у или и и ы и т. п. Иначе говоря, в таких условиях неполноразличительная система не могла родиться просто из плохого освоения стандартной системы.

В качестве вероятной причины формирования графической системы со смешением ъ — о, ѿ — є часто указывают прояснение древнерусских сильных редуцированных. Однако, как уже было показано выше (§ 9), параллельное употребление ъ и о в случаях типа *възьми* или *возьми*, *мълви* или *молви* и т. п., естественное для зоны прояснения еров в период протекания этого процесса, не могло само по себе превратиться во всеобщее безразличное употребление ъ и о во всех позициях.

Кроме того, попытка объяснить возникновение неполноразличительной системы с ъ = о, ѿ = є через прояснение древнерусских сильных редуцированных наталкивается на непреодолимое хронологическое препятствие. Самый ранний ныне известный древнерусский памятник со смешением ъ и о — найденный в 1999 г. при раскопках в Новгороде деревянный цилиндр (играющий роль замка на мешке) с надписью *мечничу лазорево мѣхъ* 'мешок мечника Лазоря'; он датируется первой половиной XI в. Следующий по времени памятник этой категории — берестяная грамота № 613 — относится к 30-м – 50-м годам XI в. Относить к столь раннему времени прояснение древнерусских сильных редуцированных (причем массовое, поскольку единичные случаи заведомо не могут повлиять на систему) не решатся даже сторонники самых ранних датировок этого процесса.

Наиболее правдоподобной оказывается уже существующая гипотеза о наследовании принципа омофонии ъ и о, сложившегося в соответствии с тем типом церковного чтения, где вместо /ъ/ и /ъ/ произносились /о/ и /е/. Как мы видели выше (§ 14), для формирования неполноразличительной системы достаточно: 1) перенести систему с омофонией букв ъ и о из сферы искусственного церковного произношения в сферу древнерусского языка в его естественном произношении; 2) лишить эту систему сопровождающего ее комплекса орографических правил. Первое — вполне правдоподобный культур-

но-исторический шаг. Второе происходит автоматически, если обу чают только чтению, но не письму.

Фундаментальный принцип неполноразличительной системы — омофония букв ъ и о — имеет, таким образом, церковное, а не быт овое происхождение. Но сама неполноразличительная система как таковая, предполагающая неразличение фонем /ъ/ и /о/, образуется лишь после применения указанного принципа к языку, где имеются обе эти фонемы, и освобождения данного типа письма от орфографии. Последнее же определяется особенностями именно бытового узуса — в первую очередь спецификой обучения грамоте в бытовой среде. Таким образом, “погружение” системы с омофонией ъ и о в более низкую социальную сферу, где широко практикуется одностороннее (т. е. лишь начальное) обучение грамоте, оказалось определяющим фактором формирования неполноразличительной графической системы.

Это значит, между прочим, что даже с точки зрения формирования неполноразличительной системы обозначение “бытовая” не лишено некоторого основания: хотя первоистоки этой системы церковные, она приобретает свои определяющие качества лишь в результате “погружения” в бытовую среду.

Контуры эволюции неполноразличительной системы

§ 21. Неполноразличительная система активно применялась в бытовой сфере в течение ряда веков. Рассмотренные в § 12–15 механизмы наследования и трансформации графических систем позволяют понять причины такой устойчивости. Неполноразличительная система сохранялась за счет двух основных факторов.

Во-первых, значительная часть детей из средних и нижних социальных слоев, которые вообще учились грамоте, учились ей у носителей неполноразличительной системы. Часто это были не профессиональные учителя, а просто старшие из членов семьи или соседей и различные церковные люди из приходской церкви. При этом традиция неполноразличительного письма явно обладала определенным ценностным статусом. В глазах ее носителей (многие из которых несомненно знали о существовании стандартной системы) она стояла иерархически ниже, чем стандартная, но отнюдь не была ошибочной или зазорной; в бытовых ситуациях она могла даже расцениваться как более уместная.

Во-вторых, традиция употребления неполноразличительной системы подпитывалась механизмом, разобранным в § 14: те, кто учился у церковных учителей только чтению, но не письму, обычно “впадали” — не только в начальный момент письменной эпохи, но и в последующие века — в неполноразличительную систему.

Как уже было отмечено, степень употребительности графической системы со смешением ъ—о, ь—е в разные периоды весьма различна. Соответствующая кривая круто возрастает в XII в., достигает

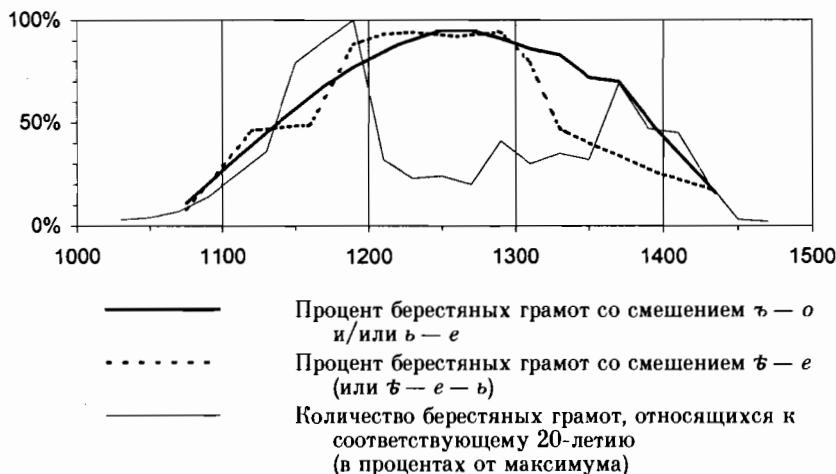
максимума в XIII в., после чего начинает падать и в XV в. опускается уже весьма низко.

Как объяснить возрастающую часть этой кривой?

Попытка связать резкое увеличение доли грамот, смешивающих ъ и о, ѿ и е, с начавшимся в XII в. прояснением сильных редуцированных наталкивается на слишком большие трудности. Помимо того, что неясен сам механизм этого гипотетического влияния, серьезнейшее препятствие на пути такого объяснения составляет тот факт, что почти такую же кривую, как для смешения ъ — о, ѿ — е, образует смешение ѿ с е (и ѿ). Между тем ни в начале XII в., ни в XIII в. никакого смешения фонем /Ӧ/ и /e/ в Новгороде не происходило: эти фонемы прекрасно различались здесь и позже. Это значит, что степень употребительности графической системы со смешением определялась не фонетическими процессами, а какими-то другими причинами.

Поиск таких причин привел нас к весьма неожиданному сопоставлению: обнаружилось, что в интервале с начала XI по конец XII в. с кривыми степени распространенности неполноразличительных систем близко сходна кривая совершенно иного рода, а именно, кривая изменения во времени общего количества берестяных грамот, относящихся к периодам равной длины (допустим, 20-летним).

Ниже приводится диаграмма, содержащая графики изменения во времени следующих трех параметров: 1) доля берестяных грамот со смешением ъ — о и/или ѿ — е; 2) доля берестяных грамот со смешением ѿ — е (или ѿ — е — ѿ); 3) относительное количество грамот, принадлежащих к каждому из двадцатилетий рассматриваемого хронологического интервала (в процентах от максимального известного ныне количества¹⁵).

¹⁵ Этим максимумом являются 111 грамот, относящиеся к последнему 20-летию XII в.

Пояснения к диаграмме. Все цифры приводятся для корпуса берестяных грамот, известных к концу 1999 г. (для Новгорода это № 1–915). Блок грамот рассматривается как единство, т. е. приравнивается при подсчетах к единой грамоте (тем самым подсчеты отражают фактически не число грамот, а число людей, которые их писали). Всякая грамота (или блок) соотнесена (в части случаев с некоторой долей условности) с одним из 20-летних отрезков, на которые разделен рассматриваемый хронологический интервал (а именно, с тем отрезком, к которому вероятнее всего относится дата ее написания). Доля грамот со смещением ъ — о или ѿ — е исчисляется от совокупности, включающей: а) все грамоты, где ⟨ъ⟩, ⟨о⟩ представлены не менее двух раз; б) из прочих грамот все те, где отмечен хотя бы один случай смещения ъ с о и/или ѿ с е¹⁶. Доля грамот со смещением ъ — е (или ѿ — е — ѿ) исчисляется от совокупности, включающей: а) все грамоты, где ⟨ъ⟩ представлен не менее двух раз, кроме грамот с эффектом ъ → u; б) из прочих грамот все те, где отмечен хотя бы один случай смещения ъ с е¹⁷. В графиках смещений в нескольких случаях использованы усредненные показатели по двум соседним двадцатилетиям (чтобы устранить или уменьшить эффект случайного разброса показателей, связанный с ограниченностью имеющегося материала). Графики смещений не доведены до самых краев рассматриваемого хронологического интервала, поскольку для его крайних отрезков слишком мало материала.

§ 22. Диаграмма прежде всего наглядно подтверждает то, что уже было сказано выше: степень распространенности смещения ъ, ѿ, е и смещения ъ с е (и ѿ) изменяется во времени почти одинаковым образом¹⁸ (если не считать некоторого различия темпов отступления в XIV в.). Это говорит о существенном единстве разных аспектов неполноразличительной системы.

Другой важный факт, демонстрируемый этой диаграммой, состоит в том, что на протяжении XI и XII вв. обе эти кривые довольно похожи также на кривую изменения общего количества берестяных грамот.

В связи с последней кривой необходимо прежде всего заметить, что она не имеет никакого отношения к тому, сколько времени долж-

¹⁶ Такая методика подсчета не безупречна, но всё же риск ошибки здесь существенно меньше, чем если бы мы включали в число написанных стандартно также и фрагментик, где встретился всего один случай стандартной записи для ⟨ъ⟩ или ⟨о⟩, а никаких других ⟨ъ⟩ или ⟨о⟩ нет.

¹⁷ Особый случай составляет смещение только ъ с ѿ, при отсутствии смещения ѿ с е и ѿ с о (см. примечание в § 18). Такое смещение в расчет не принимается, т. е. грамоты с этой особенностью (весьма немногочисленные) приравниваются к написанным стандартно.

¹⁸ Несколько большая плавность кривой для ъ, ѿ — о, е, чем для ъ — е, определяется в основном просто тем, что общее число грамот, содержащих удовлетворительное количество материала, в первом случае в полтора раза больше, чем во втором.

ны были пролежать в земле грамоты соответствующего века: чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить общее количество грамот в XIII и в XII в. Таким образом, если от XII в. до нас дошло примерно в 12 раз больше берестяных грамот, чем от XI в., то это значит просто то, что в XI в. писали меньше.

Какую же связь можно представить себе между экспансией неполноразличительной (бытовой) графической системы и общим ростом интенсивности письменной деятельности?

Уже сам вид соответствующей кривой подводит нас к предположению о том, что в XI в. письмо еще было в основном элитарным занятием, тогда как в XII в. социальный состав пишущих резко расширился. По-видимому, для Новгорода это допустимо связывать, хотя бы отчасти, с формированием республиканского строя. Состав авторов дошедших до нас берестяных грамот XI в. вполне согласуется с таким предположением: насколько можно судить, едва ли не все они принадлежат к привилегированному слою общества; в основном это административные лица, в нескольких случаях также церковные.

Можно представить себе, что такие люди имели возможность пройти полное обучение грамоте — как чтению, так и письму. Как уже показано, в этом случае естественным результатом оказывается письмо по стандартной системе — как при учителе-церковнике, ориентированном на церковное чтение, так и при светском учителе, который сам пишет по стандартной системе.

Наряду с этим существует также и суженное (одностороннее) обучение грамоте, которое порождает неполноразличительную систему. Но степень ее распространения в XI в. еще весьма незначительна: узок круг людей, которых обучали именно так.

С резким расширением этого круга, которое наступает в начале XII в., выходит на простор и неполноразличительная (бытовая) графическая система. Вдобавок в этом кругу в число обучающих всё чаще входят просто старшие, которые сами пишут по этой системе. Соответственно, расширение круга грамотных людей и расширение числа людей, пишущих по-бытовому, в значительной мере оказываются просто двумя сторонами одного и того же процесса. Если предлагаемая схема верна, то в результате должна возникнуть картина именно того типа, что мы видим на нашей диаграмме.

К началу XIII в. процесс уже почти достигает своего логического завершения: в бытовой сфере господствует неполноразличительная система. Резкое уменьшение общего объема письменной деятельности в XIII в., связанное с новой политической и экономической ситуацией, уже никак не может изменить этого обстоятельства.

Лишь в XIV в. установившаяся традиция бытового письма начинает отступать, постепенно уступая место господствующей в книжной и официальной письменности стандартной системе. В XIV — 1 пол. XV в. это отступление идет сравнительно быстро; но в реликтовой форме данная система продолжает существовать еще довольно долго.

Вероятно, по крайней мере, одной из причин, определивших существенное отступление бытовой системы письма в XIV в., была описанная Б. А. Успенским (1988/1997, с. 162–163, 180) трансформация церковного (книжного) произношения, состоявшая в замене прежнего искусственного произношения реальным и, соответственно, прежнего чтения склада *бъ* (и т. п.) как /бо/ новым чтением /б̩/. Тем самым был устранен один из двух источников устойчивости неполноразличительной системы (см. § 21). Дальнейшее ее существование могло опираться уже только на традицию. Заметим, что сама реконструкция указанной трансформации, опирающаяся лишь на косвенные данные, получает тем самым некоторое дополнительное подтверждение.

Благодарю А. А. Гиппиуса за сделанные им при чтении предварительного варианта настоящей статьи конструктивные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртенэ 1912 — *И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку*. СПб., 1912.
- ДНД — *А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект*. М., 1995.
- Дурново 1924–27 — *Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка* // *Южнославенски филолог*, IV, с. 72–95; V, с. 93–117; VI, с. 11–64.
- Живов 1984 — *В. М. Живов. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII вв.* // *Russian Linguistics*, vol. 8 (1984), № 3, p. 251–253.
- Живов 1986 — *В. М. Живов. Еще раз о правописании ү и ч в древних новгородских рукописях* // *Russian Linguistics*, vol. 10 (1986), p. 291–306.
- Зализняк 1979 — *А. А. Зализняк. О понятии графемы* // *Balcanica. Лингвистические исследования*. М., 1979, с. 134–152.
- Зализняк 1982 — *А. А. Зализняк. Противопоставление книжных и «бытовых» графических систем в древнем Новгороде* // *Finitis duodecim lustris. Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана*. Таллин, 1982, с. 82–85.
- Касаткин 1996 — *Л. Л. Касаткин. Гласные звуки на конце слова в современных северорусских говорах на месте редуцированных гласных древнерусского языка* // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка*. М., 1996, с. 243–255.
- Кипарский 1960 — *V. Kiparsky. Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229 aufgesetzt?* // *Neuphilologische Mitteilungen*, LXI, № 2. Helsinki, 1960, S. 244–248.
- Крысько 1998 — *В. Б. Крысько. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне* // *Вопросы языкоznания*, 1998, № 3, с. 74–93.
- НГБ 1977–83 — *В. Л. Янши, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.)*. М., 1986.

- Сидоров 1953 — *В. Н. Сидоров*. Редуцированные гласные в древнерусском языке // Труды Института языкоznания, т. 2, 1958.
- Соболевский 1900 — *А. И. Соболевский* (рец.). Исследование о языке Синодального списка 1-ой Новгородской летописи. Труд Б. М. Ляпунова ... СПб, 1899 // ЖМНП, т. 327, январь, с. 185–193.
- Страхов 1995 — *А. Б. Страхов*. Филологические наблюдения над берестяными грамотами. VI–IX // *Palaeoslavica*, III (1995). Р. 231–279.
- Тот 1978 — *И. Х. Тот*. К изучению одноеровых памятников XI в. // *Studia slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXIV, 1978, р. 229–258.
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Успенский 1970/1997 — *Б. А. Успенский*. Старинная система чтения по складам (Глава из истории русской грамоты) // Вопросы языкоznания, 1970, № 5, с. 80–100. Цит. по изд.: *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. III. М., 1997, с. 246–288.
- Успенский 1988/1997 — *Б. А. Успенский*. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией (Чтение еров) // Актуальные проблемы славянского языкоznания. М., 1988, с. 99–156. Цит. по изд.: *Б. А. Успенский*. Избранные труды, т. III. М., 1997, с. 143–208.

О ПОНЯТИИ ТЕРМИНА «ПАДЕЖ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ

§ 1

Постановка задачи

В современной лингвистике значительное внимание уделяется уточнению традиционных грамматических понятий. Одним из способов такого уточнения является построение формализованных аналогов этих понятий, т. е. их моделирование. От моделей такого рода требуется, чтобы в применении к конкретным языкам они давали результаты, по возможности близкие к традиционному описанию. Например, модель грамматической категории падежа должна давать традиционные списки падежей по крайней мере для наиболее известных языков, имеющих падежи.

Практически, однако, результаты такого моделирования обычно не полностью совпадают с традиционными описаниями. Например, если речь идет о падежах, модель может выделить в том или ином языке дополнительные падежи, не признаваемые традицией, или, наоборот, не выделить какого-то из традиционных падежей. Расхождения между моделью и традиционными описаниями могут определяться различными причинами: с одной стороны, просто несовершенством модели, с другой стороны — особенностями самого моделируемого объекта. В самом деле, поскольку традиционное грамматическое представление строго не сфор-

мулировано и допускает некоторый элемент неопределенности, традиционное описание может содержать скрытое внутреннее противоречие; очевидно, что любая последовательная модель в чем-то разойдется с таким описанием. Кроме того, возможно, что традиционное грамматическое представление в действительности не едино, а допускает несколько вариантов понимания (хотя, быть может, это различие никем явно не сформулировано); особенно вероятны такие различия между грамматическими традициями разных языков. В этом случае модель, даже если она адекватно отражает одно из таких пониманий, непременно придет в противоречие с описаниями, основанными на других пониманиях.

Таким образом, для правильной оценки моделей традиционного грамматического понятия существенно установить, последовательно ли применяется это понятие в имеющихся описаниях и не допускает ли оно разных пониманий. Понятно, что такой анализ представляет и самостоятельный интерес (независимо от задач моделирования), поскольку он углубляет наши знания о рассматриваемом грамматическом понятии.

В настоящей работе делается попытка проанализировать с указанной точки зрения традиционное грамматическое понятие «падеж». Поскольку строгого определения падежа в традиционных лингвистических сочинениях нет, мы не можем установить, что имеется в виду под падежом, иначе как анализируя употребление данного термина в этих сочинениях. Соответственно, ниже исследуются имеющиеся описания падежных систем разных языков (в особенности те, которые освящены соответствующей грамматической традицией). Предлагается некоторая общая схема, облегчающая сравнение этих описаний между собой. На основании такого сравнения решается вопрос о том, единообразно ли представление о падеже, лежащее в основе разных конкретных описаний, а также о том, нет ли внутренних противоречий хотя бы в некоторых вариантах этого традиционного представления.

Ниже публикуется первая часть этой работы. Она содержит общие положения и разбор основных трудных случаев выделения падежей. Во второй части работы будут рассмотрены некоторые другие трудные случаи такого рода и будет описано значение выявленных расхождений для грамматического моделирования.

Следует оговориться, однако, что в настоящей работе рассматриваются не все возможные расхождения в понимании термина «падеж». Дело в том, что существуют некоторые общеизвестные двусмыслиности в понимании этого термина, для установления которых нет нужды в специальном исследовании; о них нужно лишь так или иначе заранее условиться.

Прежде всего, как и названия других грамматических категорий, термин «падеж» может употребляться в двух смыслах: а) конкретный падеж (например, именительный, родительный и т. д.), которому в данном языке противопоставлены другие конкретные падежи; б) падеж вообще (= грамматическая категория

падежа), т. е. грамматическое явление, состоящее в том, что в данном языке противопоставляются два или более конкретных падежа. Ниже речь идет практически везде о конкретных падежах; там, где грозит двусмысленность, даются необходимые уточнения.

Далее, различаются два понимания термина «падеж», которые можно (несколько условно) обозначить как «семантическое» и «формальное». Основное расхождение между ними состоит в том, допускается ли существование двух различных падежей, различие которых никак не выражается внешне. При семантическом понимании падежа ответ на этот вопрос положителен, при формальном — отрицателен.

Конкретный падеж в семантическом понимании — это некоторый элемент смысла, а именно, определенное смысловое отношение, например: «быть субъектом действия», «быть орудием действия», «принадлежать кому-либо (чему-либо)», «быть внутри чего-либо» и т. п. Такое понимание падежа представлено, например, в известном тезисе А. А. Потебни о том, что в русском языке не один творительный падеж, а «несколько падежей, обозначаемых именем творительного»; имеются в виду значения орудия (*пишу пером*), деятеля (*создано человеком*), эталона сравнения (*летит стрелой*), места движения (*шел лесом*) и т. д. Падежи в семантическом понимании можно так или иначе выразить в любом языке, поэтому, если их рассматривать безотносительно к способу выражения, они выступают как элементы некоторой универсальной системы единиц смысла.

В рамках формального понимания падежа возможны вариации в зависимости от того, какие формальные различия считаются достаточными для признания двух падежей различными. В частности, порядок слов может признаваться или не признаваться достаточным формальным средством для различия двух падежей. Далее, возможны расхождения в том, допустимо ли рассматривать в качестве падежной формы сочетание имени с предлогом или постредлогом (например, допустимо ли считать сочетание *to Peter* дательным падежом от *Peter*)¹. Можно назвать «узко формальным» такое понимание падежа, при котором в качестве падежных форм допускаются только цельные словоформы и два падежа признаются различными только в том случае, если хотя бы у части склоняемых слов им соответствуют внешне различные словоформы.

Конкретный падеж в узко формальном понимании (у существительных) в первом приближении можно описать так: это некоторый набор словоформ (или, если угодно, то общее, что имеют все словоформы такого набора), каждая из которых способна выражать, помимо своего основного, предметного значения, один или несколько падежей в семантическом понимании. Например, в русском языке творительному падежу соответствует ряд слово-

¹ См., в частности, известный разбор этого круга вопросов у Есперсена: О. Е сперсен. Философия грамматики. М., 1958, гл. XIII.

форм, включающий, среди многих других, словоформы *пером*, *челобеком*, *стрелой*, *лесом*, *мыслью*, *перьями*, *детьми* и т. д. Каждая из них способна выражать серию падежей в семантическом понимании (значения орудия, деятеля, эталона сравнения, места движения и т. д., ср. выше). Таким образом, падежи в узко формальном понимании — это одно из возможных средств (наряду с предлогами, послелогами, порядком слов и др.) для выражения падежей в семантическом понимании². Для признания падежей (в узко формальном понимании) их в данном языке должно быть не менее двух; в противном случае говорят, что в данном языке падежей нет вообще. Очевидно, что падежи в формальном (и, в частности, узко формальном) понимании не носят универсального характера, а всегда составляют элемент грамматического строя конкретного языка: в одном языке, например, 6 падежей (в формальном понимании), в другом 15, в третьем их нет вообще.

В современной лингвистической литературе, в особенностях в конкретных описаниях, безусловно преобладает узко формальное понимание падежа, и именно оно будет интересовать нас ниже. Соответственно, в настоящей работе рассматриваются только такие описания падежных систем, которые в явной или неявной форме опираются на узко формальное понимание падежа³. В дальнейшем «падеж» (без уточнения) означает падеж в узко формальном понимании⁴.

Еще одно существенное отвлечение в понимании термина «падеж» возникло сравнительно недавно в связи с работами Ч. Филлмора, который предложил использовать этот термин для обозначения определенных элементов глубинной синтактико-семантической структуры фразы⁵. «Глубинные» падежи носят, согласно Филлмору, универсальный характер и могут выражаться на поверхностном уровне различными средствами (аффиксами, служебными словами, порядком слов и др.) или даже никак не выражаться — в зависимости от конкретного языка. Вообще говоря, идея «глубинных» падежей может рассматриваться как продукт специфического развития (в русле идей порождающей грамматики) семантического понимания падежа. С формальной точ-

² Соотношение между падежами в узко формальном и семантическом понимании наглядно демонстрируется традиционными для латинских грамматик названиями типа *genitivus possessivus*, *genitivus partitivus*, *genitivus subjectivus*, *genitivus objectivus*, *dativus commodi*, *dativus possessivus*, *dativus finalis* и т. д.: здесь первая часть названия соответствует падежу в узко формальном понимании, а вторая — падежу в семантическом понимании.

³ Специально отметим, что узко формальное понимание падежа не нарушается тем, что, например, в традиционных русских грамматиках словоформы предложного падежа приводятся с предлогом *о* (*о доме*, *о домах* и т. п.). Здесь в действительности не имеется в виду, что предложный падеж от *дом* есть словосочетание *о доме*, поскольку предполагается, что в словосочетаниях *на доме*, *при доме* и т. д. выступает тот же самый падеж от *дом*. Иначе говоря, предложным падежом от *дом* фактически признается словоформа *доме* а выписывание предлога *о* — это лишь традиционный условный прием, несущественный для нашего анализа.

⁴ Падежу в семантическом понимании соответствует вводимое ниже (стр. 63) понятие «семантическая роль».

⁵ Ch. J. Fillmore. The case for case. «Universals in linguistic theory». N. Y., etc., 1968.

ки зрения, однако, мы имеем здесь дело с еще одним противопоставлением в понимании падежа — противопоставлением «глубинных» и «поверхностных» падежей. Очевидно, что практически все рассматриваемые в существующих лингвистических описаниях падежи следует охарактеризовать как поверхностные. Таким образом, в настоящей работе речь будет идти только о поверхностных падежах.

Особой оговорки требуют также: а) возможные разногласия в вопросе о том, являются ли определенные морфемы аффиксами или служебными словами (т. е. в вопросе о синтагматической границе словоформы); б) возможные разногласия в вопросе о том, являются ли определенные словоформы частью именной парадигмы или образуют самостоятельное слово (т. е. в вопросе о парадигматической границе слова). Очевидно, что от решения этих вопросов непосредственно зависит число и состав выделяемых в описании падежей. Например, от оценки грузинских единиц типа *magida-ze* ‘на столе’, *saxl-ši* ‘в доме’ как единых словоформ или как сочетаний именной словоформы с послелогом может зависеть признание или непризнание двух местных падежей; от оценки санскритских единиц типа *čīrṣa-taḥ* ‘от головы, спереди’, *viçva-taḥ* ‘отовсюду’ как именных словоформ или как наречий зависит признание или непризнание особого падежа на *-taḥ*. Однако подобные расхождения сами по себе не затрагивают принятого в описании принципа выделения падежей, т. е. способа отличать единый падеж от противопоставленной пары падежей. В зависимости от того или иного решения этих спорных вопросов перед грамматистом, описывающим падежную систему, предстает тот или иной объем подлежащего описанию материала; например, в одном случае словоформы типа *čīrṣataḥ*, *viçvataḥ* входят в этот объем, в другом нет. Но сам принцип выделения падежей, используемый грамматистом, может оставаться совершенно неизменным при всех вариациях описываемого материала (и наоборот, можно применить разные принципы выделения падежей к одному и тому же материалу).

В настоящей работе изучаются именно различия в принципах выделения падежей. Таким образом, рассматривая некоторое описание падежной системы того или иного языка, мы можем не интересоваться тем, хорошо ли решены в этом описании вопросы, связанные с границами словоформы и с границами парадигмы, поскольку они носят внешний характер по отношению к изучаемой нами проблеме. Соответственно, ниже мы везде будем исходить из того решения этих вопросов, которое принято в самом рассматриваемом описании.

Итак, ниже исследуются не все имеющиеся описания падежных систем, а только те, которые опираются на узко формальное понимание падежа и относятся к поверхностиному уровню языка. Лишь после такого сужения первоначальной темы осуществляется описанная выше схема исследования. Иначе говоря, решается вопрос о том, окажется ли единообразным представление о падеже после того, как на него наложены указанные ограничения.

§ 2

Способ представления существующих описаний падежных систем в удобном для сравнения виде

Как видно из постановки задачи, отдельным объектом нашего исследования является не падежная система некоторого языка как таковая, а одно из существующих ее описаний. Чтобы получить возможность непосредственно сравнивать такие описания друг с другом, необходимо предварительно представить их в какой-то унифицированной форме. Ниже излагается один из возможных способов такого представления. Этот способ достаточно близок к традиционному (отличаясь от него главным образом большей четкостью), поэтому большинство существующих описаний может быть представлено в предлагаемой унифицированной форме без существенной перестройки.

В предлагаемой унифицированной форме описание падежной системы должно состоять из двух групп правил: 1) морфологические правила, описывающие само склонение, т. е. то, как образуются словоформы каждого падежа от разных категорий склоняемых слов; 2) семантико-сintаксические правила, указывающие для каждого падежа, в каких случаях он употребляется. Заметим, что в большинстве существующих описаний достаточно последовательно и компактно излагаются только правила первой группы; правила второй группы нередко предстают лишь в виде разнородных и обычно неполных сведений, к тому же рассеянных по разным разделам описания.

Морфологические правила

Вспомогательные понятия

Для описания морфологических правил нам потребуются некоторые вспомогательные понятия.

Назовем *номинативной единицей*, получаемую абстракцией отождествления всех словоформ с одним и тем же номинативным значением. Для практических целей можно также несколько упрощенно рассматривать номинативу просто как совокупность всех словоформ с одним и тем же номинативным значением. Под номинативным значением словоформы понимается совокупность элементов ее значения, отражающая непосредственно те или иные элементы действительности (в отличие от синтаксического значения, отражающего способность данной словоформы вступать при построении фразы в определенные связи с другими словоформами). У словоформ существительных среди номинативных элементов значения можно выделить основной, указывающий на предмет определенного вида, и дополнительные, выступающие в роли «семантических модификаторов» основного элемента значения. На-

пример, в номинативном значении словоформы *домики* основным элементом является «дом» (обозначение предмета определенного вида), а его семантическими модификаторами — множественность и уменьшительность. Перечислим важнейшие из семантических модификаторов, которые практически необходимо учитывать в последующем изложении:

а) количественные характеристики — единичность, множественность, двойственность, собирательность, частичность и т. п. (ср. *студент*, *студенты*, *студенчество*);

б) оценочные характеристики — уменьшительность, увеличительность, ласкательность, пренебрежительность и т. п. (ср. *ручка*, *ручища*, *рученъка*, *рученок*).

в) характеристика по определенности—неопределенности (ср. противопоставление неопределенной и определенной словоформ слова со значением «дом», например, в швед. *hus*—*huset*, румын. *casă*— *casa*, болг. *дом*— *домът*, албан. *shtëpi*— *shtëpia*, араб. *baytun*— *'albaytu*, др.-евр. *bayiθ*— *habbayiθ*);

г) характеристика по принадлежности (ср. противопоставление словоформ со значением «дом» и «мой дом», например, в венг. *ház*—*házam*, фин. *talo*—*taloni*, араб. *baytun*—*baytī*, др.-евр. *bayiθ*—*bēθī*, таджик. *хона*—*хонаам*, азерб. *ев*—*евим*);

д) характеристика по полу (только для названий живых существ, ср. *волк*—*волчица* и т. п.).

Таким образом, к одной номинатеме относятся только такие словоформы, у которых совпадает как основной элемент номинативного значения, так и все его семантические модификаторы, например: *студенты*, *студентов* (род. падеж), *студентам*, *студентов* (вин. падеж) и т. д. Напротив, например, словоформы *студент* и *студенты*, *рука* и *ручка*, *hus* и *huset*, *ház* и *házam*, *волки* и *волчица* относятся соответственно к разным номинатемам. В качестве обозначения номинатемы может быть использована одна из словоформ, например: номинатема *студенты*.

Номинатема обычно составляет часть некоторой лексемы⁶; в частном случае она может быть равна лексеме. Например, лексема *студент* состоит из номинатемы *студент* (ед. число) и *студенты* (мн. число); шведская лексема *student* состоит из номинатемы *student* (ед. число, неопред.), *studenten* (ед. число, опред.), *studenter* (мн. число, неопред.), *studenterna* (мн. число, опред.); лексема

⁶ Под лексемой понимается единица, получаемая абстракцией отождествления всех словоформ с одним и тем же неграмматическим номинативным значением (см. также: А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение, М., 1967, § 1.7; далее эта работа обозначается сокращенно: РИС) или, упрощенно, совокупность всех словоформ с одним и тем же неграмматическим номинативным значением (в настоящем изложении мы практически исходим именно из упрощенных определений номинатемы и лексемы). Таким образом, грамматические элементы номинативного значения (например, единичность или множественность, определенность или неопределенность у лексемы не фиксированы, тогда как у номинатемы фиксированы все элементы номинативного значения).

кто состоит из одной номинатемы. Оказывается, что для выявления и описания падежной системы языка существенно только распределение словоформ по номинатемам, а их распределение по лексемам — несущественно. Например, на падежную систему никак не влияет тот факт, что пары словоформ типа *студент—студенты*, *hus—huset*, *ház—házam* обычно относят в соответствующих грамматиках к одной лексеме, а пары типа *студент—студенчество*, *рука—ручка*, *волк—волчица* относят к разным лексемам⁷. Именно поэтому в данном вопросе оказалось невозможным опереться на общеизвестное понятие лексемы и пришлось ввести новое всjomогательное понятие номинатемы.

В дальнейшем изложении потребуется также понятие сегмента, т. е. внешней стороны словаформы. Приводимый ниже языковой материал рассматривается в письменной (орфографической) форме; соответственно, сегмент предстает как последовательность букв от пробела до пробела. Для языков со свободным ударением, типа русского, сегмент, вообще говоря, должен быть снабжен знаком ударения. (В настоящей работе русские сегменты приводятся со знаком ударения в таблицах и в тех случаях, где возможна двусмысленность; в прочих случаях в соответствии с традицией знак ударения опускается.) Выражение «сегмент такой-то номинатемы» означает сегмент, служащий внешней стороной какой-либо словоформы из этой номинатемы.

Таблица склонения

Основное требование, предъявляемое к морфологической части описания падежной системы, состоит в том, что она должна обеспечить для любой номинатемы и для любого падежа указание сегмента (или сегментов), которыми представлена данная номинатема в данном падеже⁸ (или указание о том, что такого сегмента не существует).

Логически (но, конечно, не практически) самой простой формой таких правил является таблица с двумя входами, где каждая строка соответствует некоторому падежу, а столбец — номинатеме и где таким образом представлены все падежи и все номинатемы. В отдельной клетке таблицы может содержаться один или несколько сегментов или стоять прочерк (как символ того, что нужного сегмента не существует)⁹. Разумеется, действительно выписать

⁷ Между прочим, это означает, что на описание падежной системы никак не влияют разногласия по поводу границ лексемы, например, разногласия по поводу того, следует ли относить в русском языке единственное и множественное число существительного к одной лексеме. Ср. также: А. В. Гладкий. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного. — Наст. сборник, стр. 49 (§ 4, пункт 7).

⁸ Т. е. сегментов, являющихся внешней стороной словоформ, относящихся одновременно к данной номинатеме и к данному падежу.

⁹ Заметим, что если не считать разницы в числе столбцов, то такая таблица вполне сходна с обычными таблицами склонения, приводимыми в грамматиках.

всю такую таблицу практически невозможно, хотя бы потому, что номинатем слишком много. Любые реальные правила склонения строятся гораздо компактнее; существенно, однако, что если они удовлетворяют указанному выше основному требованию, то результат их действия в принципе можно представить в виде такой таблицы. Поэтому мы будем в дальнейшем считать унифицированной формой записи морфологических правил склонения именно такую таблицу.

Временно исключим из рассмотрения ту часть этой мысленной таблицы, которая отражает склонение слов-атрибутов (прилагательных, местоимений-прилагательных, числительных)¹⁰. Оставшаяся ее часть отражает склонение существительных и местоимений-существительных (далее называемых для краткости просто местоимениями). Она будет именоваться ниже просто т а б л и ц е й склонения.

Перевод правил склонения, содержащихся в конкретном описании, в указанную унифицированную форму в принципе несложен. Правда, в связи с тем, что традиционные описания недостаточно строги, при таком переводе может потребоваться некоторое редактирование: нужно довести нечеткие или подразумеваемые утверждения до явной формы¹¹, так или иначе устранив очевидные противоречия¹² и т. п. Таким образом, к сожалению, некоторый элемент толкования тут оказывается неизбежным.

Особый случай составляют описания, в которых одному классу номинатем приписан один набор падежей, а другому — другой (обычно один из таких наборов вкладывается в другой, но в принципе это не обязательно). Чтобы перевести такое описание в унифицированную форму, нужно для каждого упоминаемого в описании падежа отвести отдельную строку таблицы, а в столбце всякой номинатемы, которой этот падеж не приписан, поставить в данной строке прочерк. Ниже мы не делаем, однако, этой операции в том частном случае, когда один набор падежей приписан существительным, а другой — местоимениям. В этом случае таблица склонения состоит из двух отдельных частей: субстантивной и местоименной, различающихся между собой числом и (или) на-

¹⁰ Вопросы, связанные со склонением слов-атрибутов, будут рассматриваться лишь во второй части настоящей работы.

¹¹ Например, нужно один раз для всего описания установить, является ли, скажем, название «именительно-винительный» обозначением особого падежа, отличного от именительного и винительного, или обозначением омонимии этих падежей, и т. п. (это реальная проблема, например, для понимания ряда румынских грамматик).

¹² Так, например, в «Грамматике латинского языка» С. И. Соболевского в § 22 сказано, что в латинском склонении различаются шесть падежей (приводится список, в который местный падеж не входит) и соответственно строятся все таблицы склонения, а в § 524 говорится: «Названия городов и небольших островов на вопрос «где?» ставятся в местном падеже (без предлога), который в ед. числе 1-го и 2-го склонения одинаков с родительным падежом, а в ед. числе 3-го склонения и во множ. числе всех склонений одинаков с творительным падежом».

менованиями строк (т. е. падежей)¹⁸. Дело в том, что по своим синтаксическим свойствам местоимения могут очень сильно отличаться от существительных и поэтому, как показывает практика описаний, для них в большей мере, чем для какой-либо другой группы склоняемых слов, может быть оправдано признание особой падежной системы, отличной от падежной системы остальных слов.

Разумеется, если правила склонения, содержащиеся в рассматриваемом описании, неполны (т. е. не удовлетворяют основному требованию), то эта неполнота отразится и в таблице склонения: в некоторые клетки не будет внесено никаких сведений (ни сегментов, ни прочерка). Однако для рассматриваемых ниже вопросов подобная неполнота (в той мере, в какой она реально встречается) оказывается несущественной; иначе говоря, решение этих вопросов не меняется, если исключить из рассмотрения все те столбцы таблицы склонения, где есть хотя бы одна такая клетка, не содержащая никаких сведений. Поэтому ниже мы будем исходить из того, что такие столбцы уже исключены и, следовательно, всякая клетка таблицы склонения содержит либо сегмент (сегменты), либо прочерк.

Отметим следующие формальные свойства таблицы склонения, обусловленные тем что рассматриваются только описания, описывающиеся на узко формальное понимание падежа:

- всякая таблица склонения содержит не менее двух строк;
- любые две ее строки различны между собой (т. е. хотя бы в одном столбце клетки этих строк заполнены по-разному).

Отметим также следующее эмпирически наблюденное свойство таких таблиц: никакая строка такой таблицы не равна сумме двух других (строка C_1 равна сумме строк C_2 и C_3 , если в любом столбце клетка из C_1 содержит теоретико-множественную сумму содержимого клеток из C_2 и C_3). Содержательно это означает, что ни одна грамматика не признает особым падежом возможность безразличного использования (в определенных случаях) любого из некоторой пары падежей. Например, никакая грамматика русского языка не признает особым падежом («именительно-творительным») форму, в которой выступает именная часть сказуемого во фразах типа *он был солдат* = *он был солдатом*, или другим особым падежом («родительно-винительным») форму, в которой выступает прямое дополнение при наличии отрицания (например, *он не видел этой книги* = *он не видел эту книгу*).

Семантико-синтаксические правила

Вспомогательные понятия

Для описания семантико-синтаксических правил, связанных с падежами, требуется ряд вспомогательных понятий, в том числе несколько уже использовавшихся при моделировании грамматической категории падежа¹⁴.

¹⁸ Возможен также случай, когда падежи признаются только у местоимений (а у существительных вообще не признаются). Тогда в сфере нашего рассмотрения остается только местоименная таблица склонения.

¹⁴ См.: В. А. Успенский. К определению падежа по А. Н. Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», вып. 5. М.,

Мы будем называть контекстом совокупность конечного числа сегментов и одного многоточия, расставленных в определенном порядке.

Будет использоваться также неопределенное понятие «семантическая роль», содержательно соответствующее тому, что выше было названо падежом в семантическом понимании. С этим понятием связано следующее словоупотребление. Пусть имеется фраза *он послал родителям книгу своего друга*. Мы будем говорить, что сегмент *родителям* выражает¹⁵ в данной фразе семантическую роль «адресат действия» для номинативы *родители*; сегмент *книгу* выражает в данной фразе семантическую роль «объект действия» для номинативы *книга*; сегмент *друга* может выражать в данной фразе семантическую роль «владелец чего-либо» или семантическую роль «автор чего-либо» для номинативы *друг*. Семантические роли могут выражаться сегментами не только во фразах, но и в словосочетаниях. Например, в словосочетании *послать родителям книгу своего друга* сегменты *родителям*, *книгу*, *друга* выражают (для соответствующих номинативов) те же семантические роли, что в разобранной выше фразе.

В дальнейшем будет часто встречаться пара следующего вида: некоторый контекст + некоторая семантическая роль. Ради сокращения последующих формулировок примем для такой пары рабочее название «ситуация». Пример ситуации: контекст *брать...* + семантическая роль «объект действия».

Будем говорить, что ситуация *S* (контекст *K*, семантическая роль *R*) допускает сегмент *n* для номинативы *N*, если этот сегмент, будучи подставлен в контекст *K* на место многоточия, даст фразу или словосочетание, где он может выражать семантическую роль *R* для номинативы *N*. Так, ситуация, где *K = «брать...»* и *R = «объект действия»*, допускает сегмент *вилку* для номинативы *вилка*, сегмент *лошадей* для номинативы *лошади* и т. д. Напротив, она не допускает для номинативы *вилка*, например, сегмента *вилка* (словосочетание *брать вилка* не имеет смысла) или сегмента *вилкой* (в словосочетании *брать вилкой* сегмент *вилкой* выражает не ту семантическую роль, которая входит в заданную ситуацию).

Замечание. Поскольку понятию семантической роли определения не дается, можно по-разному отвечать на вопрос о том, в каких случаях мы имеем дело с одной и той же семантической ролью. Так, при более широком понимании семантической роли можно считать, что в *брать вилку* и *описать вилку* представлена одна и та же семантическая роль «объект действия», при более узком — что здесь две разных: например, «объект физического воздействия» и «объект описания». Не имея средств для формального разграничения

¹⁵ 1957.— Используемому ниже термину «контекст» соответствует в этой работе «набор слов с пропуском», термину «семантическая роль» — «состоиние», термину «ситуация» — «согласованная пара»; ср. также РИС, § 2.3. Этую формулировку надлежит рассматривать как эллиптическую, вместо более строгой: «сегмент *родителям* является внешней стороной некоторой словоформы, которая выражает ...».

этих двух пониманий, отметим лишь, что практически ниже обычно используется более широкое понимание семантической роли. К счастью, для большинства интересующих нас вопросов выбор более узкого или более широкого понимания семантической роли оказывается несущественным. Дело в том, что в настоящей работе семантические роли почти всегда рассматриваются не в чистом виде, а в составе ситуаций, т. е. при некотором фиксированном контексте. Так, если задан контекст «брать...», то по существу безразлично, как обозначить семантическую роль, выражаемую в этом контексте сегментами *вилку*, *овцу*, *лошадей* и т. д.— как «объект действия», «объект физического воздействия» или даже «объект взятия»; достаточно лишь отличить эту семантическую роль от таких, как «орудие действия» или «адресат действия». Утверждение о том, что, например, ситуация, где $K = \text{«брать...»}$ и $R = \text{«объект действия»}$, допускает для номинатемы *вилка* сегмент *вилку*, в сущности сводится к нашему интуитивному представлению о том, что в данном контексте сегмент *вилку* выражает ту же самую семантическую роль (как бы она ни была обозначена), что и определенный ряд других сегментов — в частности, *овцу*, *лошадей*, *лампу*, *корабль*, *слово* и т. д. Это интуитивное представление, по-видимому, достаточно единообразно у носителей русского языка.

Будем говорить, что ситуация S и номинатема N со временем, если имеется хотя бы один сегмент, который ситуация S допускает для N . Пример несовместимости: ситуация, где $K = \text{«идет...»}$ и $R = \text{«субъект действия»}$, и любая номинатема мн. числа, например, *люди*, *корабли*, *столбы*.

Предположим, что для рассматриваемого языка уже некоторым образом задана таблица склонения. Тогда мы будем говорить, что ситуация S допускает для номинатемы N падеж C , если она допускает для N любой сегмент, содержащийся в той клетке таблицы склонения, которая принадлежит столбцу N и строке C . Например, ситуация, где $K = \text{«брать...»}$ и $R = \text{«орудие действия»}$, допускает для номинатемы *вилка* творительный падеж, поскольку она допускает оба сегмента (*вилкой* и *вилкою*), которые содержатся в соответствующей клетке таблицы склонения. Будем говорить, что ситуация S всегда допускает падеж C , если она его допускает для всякой совместимой с ней номинатемы, не имеющей прочерка в клетке падежа C . Например, только что рассмотренная ситуация всегда допускает творительный падеж.

Как легко видеть, введенные определения опираются на предположение о том, что мы можем непосредственно обращаться к смыслу любой фразы или словосочетания. Тем самым мы сталкиваемся здесь с пресловутой проблемой грамматической правильности, поскольку смыслом обладают только грамматически правильные фразы (или словосочетания)¹⁶. В связи с этим необходимы некоторые разъяснения неформального характера.

В настоящее время признано, что грамматическая правильность допускает градацию. Различают по меньшей мере две степени — так называемую «реальную» грамматическую правильность и грамматическую правильность,

¹⁶ Вообще, по-видимому, допустимо считать, что грамматически правильная фраза — это такая фраза, которой можно приписать некоторый смысл, не производя в ней мысленных исправлений (иначе говоря, это такая фраза, что можно найти некоторый смысл, для которого она окажется правильным внешним выражением). Оговорка об отсутствии исправлений нужна для того, чтобы в число грамматически правильных не попали фразы с ошибками в согласовании и т. п., которые тем не менее можно понять, т. е. осмыслить.

возникающую лиши́в на основе определенных аналогий с реально правильными фразами¹⁷. К сожалению, строгого и эффективного способа разграничивать эти степени грамматической правильности не найдено. По-видимому, целесообразно интерпретировать различие двух степеней грамматической правильности в семантических терминах, а именно, как различие между «семантически стандартными» и «семантически нестандартными» фразами. Основная идея такого разделения состоит в следующем: для осмыслиения (понимания) семантически стандартной фразы достаточно использовать словарные значения каждого входящего в нее слова; для осмыслиения семантически нестандартной фразы хотя бы одному слову должно быть приписано не одно из его словарных значений, а особое значение, полученное из словарного путем некоторого семантического сдвига, направленного на «семантическое приспособление» слова к необычному контексту. Этот сдвиг чаще всего состоит в метонимии, позволяющей приписать слову общие свойства «чужого» семантического класса слов, который обычно выступает в данном контексте. Разумеется, предлагаемое разграничение не претендует на строгость и может служить для практических целей лишь в достаточно явных случаях.

Рассмотрим некоторые характерные примеры «семантического приспособления», имеющие непосредственное отношение к проблеме падежа. Русские существительные довольно четко делятся на два семантических класса, которые можно условно обозначить как класс поддающихся счету и класс не поддающихся счету. Существительные, поддающиеся счету, например, *дом, стена, корова, врач*, характеризуются как качественной, так и количественной определенностью: *дом* означает предмет с определенными свойствами и в определенном количестве (а именно, один; в большем количестве это уже называется *дома*). Существительные, не поддающиеся счету, например, *чай, вода, холод, воображение* и т. д. Возможны ли вообще сочетания вроде *немного стены, коровы, врача?* Сначала слушатель воспринимает их как бессмысленные, однако затем он быстро обнаруживает возможность их осмыслить: нужно лишь приспособить значения существительных к необычному контексту, изменить эти значения так, чтобы они приобрели основное свойство противоположного семантического класса — качественную тождественность части и целого. Конкретные пути к этому могут быть различными: например, под «стеной» в силу метонимии можно понимать материал, из которого она сделана; особенно легко совершается семантический сдвиг, в результате которого любой предмет представляется как пища. Таким образом, фразы типа *дайте мне немного стены* грамматически правильны, но семантически нестандартны.

Другой подобный пример составляет противопоставление одушевленных и неодушевленных существительных. Можно сказать, например: *зайца убил молнией* (*деревом, камнем, градом*); но не говорят: *зайца убило охотником* (*медведем, собакой*). Тем не менее фразы второй группы не являются грамматически неправильными; они лишь семантически нестандартны. Чтобы их понять, нужно осмыслить охотника, медведя, собаку и т. д. просто как физические тела (которые могут, например, падать сверху).

Особенно известный пример составляют слова со значением отрезка времени. Только эти слова входят в нормальных условиях в сочетания типа *спал час (минуту, целый день, всю неделю)*, *час тому назад, часом позже* и

¹⁷ Ср.: Н. Х о м с к и й. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», вып. 2. М., 1957, стр. 417; И. И. Р е в з и н. Некоторые вопросы теории моделей языка. «Научно-техническая информация», 1964, № 8; Б. А. У с п е н с к и й. Структурная типология языков. М., 1965, § 0.3 (ср. также РИС, § 2.3).

т. п. Если в этих сочетаниях употребить существительные других семантических групп, то для осмыслиения таких текстов потребуется произвести довольно сложное «семантическое приспособление». Например, чтобы осмыслить сочетания *спал целый лес*, *лес тому назад*, *лесом позже*, можно представить себе поезд, который идет мимо лесов, перемеженных полями; при этом слову *лес* путем метонимического переноса будет приписано значение «отрезок времени, в течение которого проезжается лес», т. е. ему будет придано основное общее свойство нужной семантической группы.

Как видно из примеров, неопределяемые понятия грамматической правильности и семантической стандартности приложимы как к фразам, так и к словосочетаниям. При изучении падежа в большинстве случаев достаточно анализа словосочетаний (ср. в этом отношении практику традиционных грамматик).

Существующие модели грамматической категории падежа опираются на уровень грамматической правильности; на уровне семантической стандартности почти все они оказались бы недействительными. Между тем представляется вероятным, что традиционное понятие падежа формировалось на базе семантических стандартных фраз. Поэтому для оценки тех или иных схем, связанных с падежом, существенно установить, какого уровня правильности фраз (словосочетаний) они требуют. Понятно, что в зависимости от выбранного уровня правильности изменяется реальное содержание понятия «допускать (некоторый сегмент)» и всех тех, которые на него опираются. Ниже, если специально не оговорено обратное, эти понятия используются применительно к уровню грамматической правильности.

Правила управления

Назовем правило управления для некоторой ситуации указание о том, какой сегмент (или сегменты) допускает эта ситуация для каждой совместимой с ней номинативы. Поскольку предполагается, что таблица склонения известна, правило управления для некоторой ситуации может иметь, в частности, следующий вид: «данная ситуация всегда допускает такой-то падеж (или такие-то падежи)». Такое правило управления мы будем называть простым. В другом частном случае правило управления может быть таково: «все совместимые с данной ситуацией номинативы делятся на классы A_1, A_2, \dots, A_n ; для всего класса A_1 данная ситуация допускает такой-то падеж (или падежи); для всего класса A_2 она допускает такой-то падеж (или падежи) ... и т. д. до A_n ». Такое правило управления мы будем называть расчлененным. Простые и расчлененные правила управления объединяются под названием стадартных; соответственно, правила управления любой иной структуры называются нестадартными.

Общий вид задач, решаемых с помощью правил управления, таков. Представим себе, что в процессе синтеза фразы с заданным смыслом возник некоторый контекст; уже известно, кроме того, какую номинативу следует употребить в этом контексте и какая семантическая роль должна быть при этом выражена. Требуется найти сегмент (или сегменты) данной номинативы, которые удовлетворяют заданию. (Разумеется, мы не считаем, что синтез любой фразы непременно должен проходить через такой этап; нам достаточно показать здесь, что описанная задача вполне реальна.)

Правила управления для всех возможных ситуаций и образуют в нашей унифицированной схеме семантико-сintаксическую часть правил, связанных с падежной системой. Разумеется, непосредственно выписать правила управления для всех возможных ситуаций нельзя, поскольку число ситуаций, по-видимому, даже не конечно. Известно, однако, что на выбор падежа у существительного фактически влияет не все его окружение во фразе, а обычно лишь то слово, которому оно синтаксически подчинено¹⁸. Это значит, что если не менять заданной семантической роли, то, например, контекст *«послал ... книгу своего друга»* можно свести к *«послал...»* или даже *«послать...»* и правило управления от этого не изменится. Возможны и иные типы перехода от одной ситуации к другой без изменения правила управления. Благодаря этим обстоятельствам в принципе возможно выбрать ограниченное число «ключевых» ситуаций, для которых указываются правила управления, а для всех остальных ситуаций построить правила сведения их к какой-либо из ключевых. В грамматиках и словарях в качестве таких ключевых ситуаций обычно выступают ситуации, где контекст состоит из предлога, из глагола или из глагола плюс предлог (при этом семантическая роль уточняется лишь в том случае, если сам по себе контекст еще не предопределяет выбора падежа). Примеры соответствующих формулировок из традиционных описаний: *«предлог без требует родительного падежа (= управляет родительным падежом)»*; *«глагол руководить управляет творительным падежом»*; *«в латинском языке при глаголах с общим значением ‘писать, писаться, нуждаться’ существительное, обозначающее отнимаемый или недостающий предмет, ставится в отложительном падеже»*. Типовые случаи глагольного управления, когда выбор падежа определяется прежде всего семантической ролью, рассматриваются в традиционных грамматиках в разделе *«значения падежей»* (или *«употребление падежей»*); ср., например, правило о том, что название объекта действия ставится в винительном падеже. Более индивидуальные случаи управления, когда выбор падежа тесно связан с конкретным глаголом, обычно относят к ведению словарей.

Как уже отмечено выше, семантико-сintаксические правила, связанные с падежной системой, в традиционных описаниях обычно гораздо менее последовательны и полны, чем морфологические. Ни в одном описании нет явного перечня ключевых ситуаций (или каких-то их аналогов), и нет никакой уверенности в том, что соответствующая информация содержится в каком-либо описании хотя бы в неявном или распыленном виде; нет также и явно сформулированных правил перехода от произвольных ситуаций к ключевым или наоборот. Таким образом, при переводе любого суще-

¹⁸ Случай, когда падеж существительного определяется серией подчиняющих слов, встречаются существенно реже: *стремится в город, живет в городе, не имеет смысла, не мог разглядеть пятни*.

ствующего описания в унифицированную форму в семантико-сintаксической части должны обнаружиться значительные лакуны. К счастью, для целей настоящей работы о правилах управления, содержащихся в том или ином описании, требуется знать лишь очень немногое, а именно, только их структуру, т. е. принадлежность к числу простых, расчлененных или нестандартных.

Очень существенно здесь также то, что структура правил управления оказывается непосредственно связанной с устройством таблицы склонения. Покажем эту связь на примере. Если при описании русского языка принята классическая 6-падежная схема (и, следовательно, например, у номинативы *сад* в клетке предложного падежа находятся сегменты *саде* и *саду*), то невозможно дать никаких стандартных правил управления, в частности, для ситуации S_1 (контекст «говорить о...»; семантическая роль «предмет разговора») или ситуации S_2 (контекст «находиться в...»; семантическая роль «место, где нечто находится»). В самом деле, нельзя сказать *говорить о саду* или *находиться в саде*. Это значит, что ситуации S_1 и S_2 , совместимые с номинативом *сад*, не допускают для нее предложного падежа (поскольку каждая из них допускает лишь один сегмент из соответствующей клетки). S_1 и S_2 не допускают для номинатива *сад* также никакого другого падежа. Следовательно, никакие стандартные правила управления для этих ситуаций невозможны. Если же признать существование двух предложных падежей, то для S_1 и S_2 становятся возможными простые правила управления: S_1 всегда допускает обычный (1-й) предложный падеж; S_2 всегда допускает 2-й предложный падеж.

Таким образом, зная устройство таблицы склонения в некотором описании, мы фактически можем предсказать структуру правил управления (разумеется, при условии, что мы знаем рассматриваемый язык, конкретнее — что мы знаем, какие сегменты фактически допускает та или иная ситуация). Поэтому ниже, оценивая то или иное описание, мы учитываем не только те правила управления, которые в нем реально содержатся, но и те, которые с неизбежностью вытекают из принятого в этом описании устройства таблицы склонения. Более того, в случае каких-либо расхождений правилам последнего рода отдается предпочтение.

§ 3

Трудные случаи выделения падежей

Рассмотрим основные типы случаев, когда некоторый падеж конкретного языка в одних описаниях признается, а в других нет или когда сходные явления разных языков, имеющие отношение к проблеме падежа, по-разному трактуются в соответствующих грамматиках.

Морфологически несамостоятельные падежи

Назовем падеж морфологически несамостоятельный, если соответствующая строка таблицы склонения не содержит ни одного сегмента, который бы не встречался (в пределах того же столбца) в какой-нибудь другой строке. Простейший тип морфологически несамостоятельного падежа таков: все номинатемы делятся на два класса; у номинатем одного класса морфологически несамостоятельный падеж *C* совпадает по форме с некоторым падежом *C₁*, у номинатем другого класса — с падежом *C₂*.

Как легко понять, любой морфологически несамостоятельный падеж можно устраниТЬ из таблицы склонения (т. е. отказатьТЬся от признания его особым падежом), переформулировав соответствующим образом правила управления. Так, в указанном простейшем случае для этого достаточно заменить в правилах управления формулировку «всегда допускает падеж *C*» (везде, где она встречается) формулировкой «допускает падеж *C₁* для номинатем первого класса, падеж *C₂* для номинатем второго класса». Заметим, что простые правила управления превратятся при этом в расчлененные.

Таким образом, одно и то же грамматическое явление может быть описано либо как наличие в языке особого морфологически несамостоятельного падежа, либо как чисто синтаксическая особенность (наличие расчлененных правил управления для некоторых ситуаций). В существующих лингвистических описаниях мы находим примеры как первого, так и второго из этих решений. Оказывается, что отношение к морфологически несамостоятельным падежам — это самый существенный пункт расхождений в практике выделения падежей.

З а м е ч а н и е. Разумеется, для описания языка в целом выбор первого или второго из этих решений существенного значения не имеет: разница лишь в том, каким способом в описании зафиксирована определенная грамматическая информация (а именно, информация о том, какие сегменты допускает определенная серия ситуаций). При одном из решений для записи этой информации служит дополнительная строка в таблице склонения, при другом — усложненные правила управления. Непринципиальный характер этого различия не меняет, однако, того факта, что признание или непризнание морфологически несамостоятельных падежей воплощает два различных понимания термина «падеж».

Рассмотрим примеры признаваемых и не признаваемых грамматиками морфологически несамостоятельных падежей.

В традиционных грамматиках современного армянского языка в числе прочих падежей указывается также винительный, про который говорится, что у названий лиц (и у соответствующих местоимений) он совпадает с дательным, а у прочих слов — с иминительным (у некоторых слов винительный падеж имеет две фор-

мы, одна из которых совпадает с дательным, а другая с именительным)¹⁹.

Морфологически несамостоятельный винительный падеж признается также в описаниях древнеармянского языка: в ед. числе (кроме слов «я», «ты») этот падеж совпадает с именительным, во мн. числе (а также у слов «я», «ты») — с местным.

Сложную картину представляет собой выражение прямого дополнения в эстонском языке. Здесь различается так называемое полное и так называемое частичное прямое дополнение. Правила их распределения, взятые в полном объеме, довольно сложны; здесь достаточно указать следующее основное различие: полное дополнение выступает в том случае, когда действие распространяется на весь предмет или на вполне определенную его часть (ср. русск. *принеси воду, чай*), частичное — когда действие распространяется на неопределенную часть предмета (ср. русск. *принеси воды, чаю*). Частичное прямое дополнение всегда ставится в особом падеже — партитиве. Полное прямое дополнение выражается менее единообразно, а именно: а) если глагол стоит в повелительном наклонении или в неопределенной личной форме (а также в некоторых других, более сложно характеризуемых случаях), оно ставится в именительном падеже; б) в прочих случаях правило (в том виде, как онодается в грамматиках) таково: в ед. числе полное дополнение ставится в родительном падеже, во мн. числе — в именительном. Для иллюстрации приведем фрагмент традиционной таблицы склонения и несколько фраз.

	«вода»	«пироги»
именительный	vesi	pirukad
родительный	vee	pirukate
партитив	vett	pirukaid

Частичное прямое дополнение: *too vett (pirukaid)* «принеси воды (пирогов)». Полное прямое дополнение: а) *too vesi (pirukad)* «принеси воду (пироги)»; б) *tõin vee (pirukad)* «я принес воду (пироги)» [ср. обычный родительный падеж в *vee (pirukate) maitse* «вкус воды (пирогов)»]. Очевидно, что в случае «б» в принципе можно было бы усмотреть и особый морфологически несамостоятельный падеж («винительный»), избавившись тем самым от приведенного выше расчлененного правила управления²⁰.

Особенно замечательный случай составляет традиционная латышская грамматика: она содержит одновременно пример при-

¹⁹ В то же время в некоторых нетрадиционных описаниях существование винительного падежа в современном армянском языке отрицается; ср., в частности: Э. Б. А г а я н. Склонение и спряжение в современном армянском языке (структурный анализ). Ереван, 1967 (на арм. языке).

²⁰ Именно такое решение мы находим, например, в описании вепсского языка, близко родственного эстонскому и вполне сходного с ним в рассматриваемом здесь отношении; см.: М. М. Х я м я л я й н е н. Вепсский язык. «Языки народов СССР», т. III. М., 1966.

знания и пример непризнания морфологически несамостоятельный падежа. С одной стороны, в ней признается существование особого творительного падежа, который в ед. числе всегда совпадает с винительным, а во мн. числе — с дательным; ср. следующий фрагмент традиционной таблицы склонения:

	«стол»	«столы»
родительный	galda	galdu
дательный	galdam	galdiem
винительный	galdu	galdus
творительный	(ar) ²¹ galdu	(ar) galdiem

С другой стороны, дается следующее синтаксическое правило: при ед. числе существительного или местоимения одна группа предлогов требует родительного падежа (например, *iz galda* ‘из стола’, *bez galda* ‘без стола’), другая — винительного (например, *pār galdu* ‘через стол’, *ap galdu* ‘вокруг стола’), третья — дательного (например, *līdz galdam* ‘до стола’); при мн. числе существительного или местоимения все предлоги требуют дательного падежа: *iz galdiem* ‘из столов’, *bez galdiem* ‘без столов’, *pār galdiem* ‘через столы’, *ap galdiem* ‘вокруг столов’, *līdz galdiem* ‘до столов’. Непоследовательность такого описания очевидна. Чтобы ее устраниТЬ, нужно либо вообще отказаться от признания морфологически несамостоятельных падежей и, следовательно, не признавать особого творительного падежа²², либо, напротив, признать еще один морфологически несамостоятельный падеж (совпадающий в ед. числе с родительным, а во мн. числе с дательным, ср. *iz galda*, *iz galdiem*). В последнем случае правила управления станут простыми: например, предлог *līdz* требует дательного падежа, предлоги *pār*, *ap* (и, конечно, также *ar*) — творительного, предлоги *iz*, *bez* — указанного выше дополнительного падежа.

Еще один пример подобного рода составляет беспредложное обозначение места действия в латыни. В классической латыни оно возможно лишь у ограниченного круга слов (практически только у имен собственных — названий городов и островов), например: *vīvō Rōmae* (*Corinthī*, *Cyprī*, *Athēnīs*, *Carthāgīne*) ‘живу в Риме (в Коринфе, на Кипре, в Афинах, в Карфагене)’. При этом у одной части номинатив (например, *Rōma*, *Corinthus*, *Cyprus*) сегменты, выступающие в таких фразах, совпадают с родительным падежом, у другой (например, *Athēnae*, *Carthāgō*) — с отложительным (подробнее см. цитату из С. И. Соболевского в сноске 12; отложитель-

²¹ Словоформы творительного падежа в таблицах принято приводить с предлогом *ar* ‘с, посредством’, поскольку они почти никогда не употребляются без предлога (ср. русскую традицию приводить словоформы предложного падежа с предлогом *o*).

²² Именно такое решение принято в некоторых менее традиционных описаниях, в частности, в грамматическом очерке Я. В. Лоя, включенном в его «Латышско-русский словарь» (М., 1946).

ный падеж назван там творительным). Несколько отклоняются от этого принципа словоформы *domī* 'в доме, дома' (обычный родительный падеж чаще *domūs*, чем *domī*) и *rūgī* (наряду с *rūge*) 'в деревне, за городом' (обычный отложительный падеж *rūge*); однако, по признанию большинства грамматик, *domī* и *rūgī* в классический период функционируют уже не как именные словоформы, а как наречия (ср. русск. *дома*); сочетания типа *domī* *teae* 'в моем доме' сохраняются лишь в качестве застывших архаических оборотов.

Некоторые латинские грамматики выделяют на основании этих фактов особый местный падеж (образующийся не от всех слов); понятно, что этот падеж морфологически несамостоятелен. Большинство грамматик не признает, здесь, однако, особого падежа, а вместо этого дает в соответствующем разделе расчлененное правило управления²³. (В цитированной выше грамматике С. И. Соловьевского противоречиво соединены оба возможных подхода.)

Заметим, что описанное состояние складывалось в латыни постепенно и этапы его формирования можно проследить по памятникам²⁴. Так в доклассический период встречаются словоформы местного падежа, не совпадающие ни с родительным, ни с отложительным, но совпадающие с дательным, например *Sag-thāgīnī* 'в Карфагене' у Плавта (понятно, что и в этом случае местный падеж выступает как морфологически несамостоятельный). Но еще раньше, в древнелатинский период, существовали словоформы местного падежа, отличные от всех прочих падежей, например, *Dēlei* 'на Делосе' (ср. родительный *Dēlīt*); таким образом, для этого периода местный падеж должен быть признан морфологически самостоятельным и не может быть устранен из списка падежей.

По-видимому, в разных языках можно обнаружить немало случаев подобного рода, которые просто не привлекли внимания составителей традиционных грамматик. Например, словари русского языка отмечают, что глагол *ждать* может иметь дополнение как в родительном, так и в винительном падеже (не указывая, как эти падежи распределяются). Фактически в современном языке здесь действует следующее расчлененное правило управления: у одушевленных существительных употребляется винительный падеж, у неодушевленных — родительный (у некоторых неодушевленных возможны оба эти падежа); ср. *ждут* *мать*, *сестру*, *конца*, *ночи*, *поезда* или *поезд* (подробнее см. РИС, § 2.9). Понятно, что этот факт можно было бы также описать как существование особого морфологически несамостоятельного падежа.

Другой пример. Подставляя в контекст «*это произошло в...*» названия отрезков времени, получаем: а) *это произошло в четверг, в субботу, в ночь, в каникулы, в день (час, минуту) отъезда, в наше время, в ту пору, в ту весну, в великий пост и т. д.;*; б) *это произошло в мае, в ноябре, в конце недели, в середине зимы и т. д.;*; в) *это*

²³ Такое решение восходит к античным латинским грамматистам; см. об этом: В. М. Линдсей. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948, стр. 41—42.

²⁴ См.: А. Эриу. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, стр. 23—25.

произошло в том год (= в том году), в первый месяц года (= в первом месяце года) и т. д. Таким образом, здесь при желании также можно выделить особый морфологически несамостоятельный падеж («временной»). Нечто сходное мы находим также, например, в эстонском языке: *asi juhtus novembris* (*laupäeval*) ‘дело случилось в ноябре (в субботу)’, где *novembris* — инессив (букв. ‘в ноябре’) а *laupäeval* — адессив (букв. ‘на субботе’)²⁵.

Итак, в конкретных описаниях мы фактически сталкиваемся с двумя несколько различными пониманиями термина «падеж»: допускающим и не допускающим существование морфологически несамостоятельных падежей. Первое понимание по существу определяется требованием о том, чтобы для всякой ситуации правила управления были простыми; при втором понимании данное требование подлежит соблюдению лишь в тех пределах, где это не ведет к появлению морфологически несамостоятельных падежей; соответственно, в принципе допускаются расчлененные правила управления.

Разумеется, было бы неправильно полагать, что составлению всякого конкретного описания падежной системы предшествовал сознательный выбор одной из этих двух концепций падежа. В ряде случаев признание или непризнание конкретного морфологически несамостоятельного падежа явно определялось побочными факторами. Чаще всего таким фактором является давление грамматической традиции другого языка, например, влияние латинской падежной схемы. Это влияние можно усмотреть, например, в некоторых случаях признания морфологически несамостоятельного винительного падежа. Сходное влияние может оказывать также падежная схема, свойственная предшествующим этапам развития данного языка. Например, признание особого творительного падежа в традиционной латышской грамматике несомненно связано с тем, что в общебалтийском (так же, как в современном литовском) этот падеж был морфологически самостоятельным. Напротив, другой морфологически несамостоятельный падеж латышского языка (выступающий после *iz*, *bez*) не соответствует какому-либо особому общебалтийскому падежу и потому не отражен в традиционной схеме (отсюда внутренняя противоречивость этой схемы).

Можно предполагать, что на выбор одной из этих двух концепций падежа в какой-то степени влияют также некоторые внутриязыковые факторы. Так, по-видимому, агглютинативный характер языка благоприятствует концепции, не допускающей морфологически несамостоятельных падежей, поскольку для грамматик агглютинативных языков характерно представление об однодизначном соответствии между падежом и выражющим его

²⁵ Заметим, что на уровне сочетаний существительного с предлогом (который в настоящей работе не рассматривается) мы находим аналогичные соотношения также в парах типа англ. *in November* — *on Saturday* или русск. *в Белоруссии, в Крыму — на Украине, на Таймыре* и т. п.

аффиксом. Этой же концепции, по-видимому, благоприятствует семантическая прозрачность того деления номинатем на классы, которое необходимо использовать в расчлененном правиле управления (например, ед. число — мн. число, одушевленные — неодушевленные, личные — неличные, определенные — неопределенные); и наоборот, несвязанность этого деления со смыслом (например, в случае, где деление проходит по типам склонения) благоприятствует признанию морфологически несамостоятельный падежа.

В целом в лингвистической практике, по-видимому, шире представлена концепция, не допускающая морфологически несамостоятельные падежей. Заметим, что установить полный список представленных в языке падежей при этой концепции гораздо легче, чем при противоположной, поскольку многие потенциальные морфологически несамостоятельные падежи могут долго оставаться незамеченными, пока синтаксис данного языка изучен недостаточно полно.

Различие указанных двух концепций падежа не было учтено в существующих работах по моделированию грамматической категории падежа; все эти работы (в том числе РИС, § 2.3—2.10) в неявной форме исходят из концепции, допускающей морфологически несамостоятельные падежи (т. е. из той, которая менее распространена в лингвистической практике).

Падежи, близкие к морфологической несамостоятельности

Иногда падеж представлен специфическими (не встречающимися в других падежах) сегментами лишь у меньшинства номинатем, а для совокупности всех остальных номинатем выступает как морфологически несамостоятельный. Например, винительный падеж в русском языке представлен специфическими сегментами (*воду, юношу*) только в ед. числе слов на *-а*, *-я*, а в остальных случаях совпадает либо с именительным (*вижу сад, поле, стёны, лошадь, чудовище*), либо с родительным (*вижу слона, собак, чудовищ*). Дательный падеж в латыни представлен специфическими сегментами (*patri* ‘отцу’, *fructui* ‘плоду’) только в ед. числе части слов III и IV склонений, а в остальных случаях совпадает либо с отложительным, либо с родительным. Падежи с этой особенностью, как правило, признаются грамматиками наравне с обычными падежами.

Имеется, правда, пример, когда падеж с такой особенностью трактуется (в части описаний) не вполне обычно. В старославянском языке в роли прямого дополнения, например при *обрѣтъ* ‘я нашел’, *сътворихъ* ‘я создал’, *поимѣлъ* ‘я возьму’, *знахъ* ‘я знал’ и т. д. возможны: а) сегменты, не совпадающие ни с именительным, ни с родительным, например *женж* ‘женщину’, *рабы* ‘рабов’, *грады* ‘города’; б) сегменты, совпадающие с именительным, например *градъ* ‘город’, *село* ‘поле’, *дань* ‘дань’, *жены* ‘женщин’; в) сег-

мэнты, совпадающие с родительным, например *врача* 'врача', *Петра* 'Петра'. Для ряда номинатив возможны колебания, например: *обрѣтъ сына* (или *сынъ*), *рабъ* (или *раба*), *львъ* (или *льва*) 'я нашел сына, раба, льва'.

В менее традиционных грамматиках эти факты описываются в принципе так же, как сходные факты русского языка, а именно, таблица склонения выглядит так (приводим характерный фрагмент):

	«женщина»	«рабы»	«город»	«врач»	«раб»
именительный	жена	раби	градъ	врачъ	рабъ
родительный	жены	рабъ	града	врача	раба
винительный	женж	рабы	градъ	врача	рабъ, раба

Соответственно правила управления здесь простые.

В более традиционных грамматиках таблица склонения выглядит иначе, а именно, в качестве винительного падежа, например для «врач», «раб» приводятся *врачъ*, *рабъ*. Соответственно считает, ся, что в *обрѣтъ врача*, *раба* существительные стоят в родительном (а не винительном) падеже, в отличие от *обрѣтъ рабы*, где *рабы* — винительный падеж; иначе говоря, выражение прямого дополнения описывается с помощью расчлененных правил управления. Примечательно, что при этом *градъ* в *обрѣтъ градъ* считается словоформой винительного (а не именительного) падежа. Заметим, что словоформа винительного падежа *врачъ* выступает в таком описании как чистая грамматическая фикция, поскольку сегмент *врачъ* не употребляется в старославянском не только в качестве прямого дополнения к *обрѣтъ*, *сътворихъ*, *поимж* и т. д., но и ни в какой другой ситуации, допускающей *женж*, *рабы* и прочие сегменты, специфические для винительного падежа. (Иначе говоря, в клетке винительного падежа для номинативы «врач» при таком описании можно было бы поставить и прочерк.)

Едва ли, однако, это традиционное описание можно рассматривать как отражение какого-то особого понимания падежа; по-видимому, это просто непоследовательное с синхронической точки зрения решение, явно продиктованное диахроническими соображениями, а именно, тем, что *женж* и *градъ* (в *обрѣтъ градъ*) восходят к праславянскому винительному падежу, а *врача* — к родительному.

Особый частный случай составляют падежи, которые представлены специфическими сегментами только в сфере местоимений, а в сфере существительных выступают как морфологически несамостоятельные.

Так, в современном немецком языке винительный падеж представлен специфическими сегментами (*mich* 'меня', *ihn* 'его', *wen* 'кого') только у части местоимений (и артиклей), а у существительных совпадает либо с именительным, либо с родительным. Совершенно такое же положение в древнеанглийском языке.

Грамматики обоих этих языков признают винительный падеж наравне с прочими.

В финском языке прямое дополнение выражается так же, как в эстонском (см. выше), с тем отличием, однако, что у личных местоимений в функции полного прямого дополнения выступает особая словоформа, например *minut* 'меня', *heidät* 'их'. Так, при именительном падеже *vesi* 'вода', *piirakat* 'пироги', *he* 'они' и родительном падеже *veden*, *piirakoiden*, *heidän* находим в качестве полного прямого дополнения: а) *tuo vesi (piirakat, heidät)* 'принеси воду (пироги, их)'; б) *toin veden (piirakat, heidät)* 'я принес воду (пироги, их)'. В финских грамматиках эти факты описываются двумя разными способами. Первый способ понятен из следующего фрагмента таблицы склонения:

	«вода»	«пироги»	«они»
именительный	<i>vesi</i>	<i>piirakat</i>	<i>he</i>
родительный	<i>veden</i>	<i>piirakoiden</i>	<i>heidän</i>
винительный I	<i>veden</i>	<i>piirakat</i>	<i>heidät</i>
винительный II	<i>vesi</i>	<i>piirakat</i>	<i>heidät</i>

При втором способе описания у местоимений признается иной набор падежей, чем у существительных; ср. фрагменты соответствующих таблиц склонения:

	«вода»	«пироги»		«они»
именительный	<i>vesi</i>	<i>piirakat</i>	именительный	<i>he</i>
родительный	<i>veden</i>	<i>piirakoiden</i>	родительный	<i>heidän</i>
			винительный	<i>heidät</i>

Соответственно вводятся расчлененные правила управления; например, признается, что после *toin* выступает, в зависимости от номинативы, именительный (*piirakat*), родительный (*veden*) или винительный (*heidät*) падеж.

Таким образом, падежи, представленные специфическими сегментами только в сфере местоимений, в принципе могут трактоваться существенно иначе, чем обычные.

Слабо дифференцированные пары падежей

Иногда две строки таблицы склонения различаются между собой лишь в незначительной части столбцов. В этом случае соответствующую пару падежей можно назвать слабо дифференцированной. Поскольку нельзя указать никакого естественного порога (ни в виде фиксированного числа столбцов, где падежи не совпадают, ни в виде фиксированного процента таких столбцов), ниже которого два падежа уже следует считать слабо дифференцированными, нет смысла пытаться построить формальное определение данного понятия.

Слабая дифференциация двух падежей обычно не расценивается в грамматиках как основание для объединения их в один падеж. Например, в сербском языке выделяют, среди прочих,

дательный и местный падежи, словоформы которых различаются лишь у незначительной части слов, притом только в ед. числе. (Заметим, что внешне это различие, как правило, выражается лишь в разнице интонаций при тождестве фонемного состава, ср. дательный *стварь* и местный *стварь* от *стварь* ‘вещь’.)

Существует, правда, и обратный пример: так называемые 1-й и 2-й предложные падежи русского языка (признаемые во многих современных описаниях), которые различаются лишь примерно у 150 слов, притом только в ед. числе, в традиционных русских грамматиках рассматриваются как единый предложный падеж. Как уже показано выше (стр. 68), при таком решении для ряда ситуаций возможны лишь нестандартные правила управления. Как же реально должны строиться эти нестандартные правила? Обозначим через *P* совокупность всех ситуаций, которые, с традиционной точки зрения, допускают предложный падеж. Разделим все номинаты на два неравных класса: упомянутые выше 150 номинатов («особый» класс) и все остальные («основной» класс). Вполне эффективно следующее правило: любая ситуация из *P* допускает для номинатом основного класса предложный падеж. Остается обеспечить построение правильных фраз с номинатами особого класса: нужно как-то предотвратить появление фраз вроде *нахожусь в саде*, *у него на носе очки* или *говорю о саду*, *заинтересован в этом шкафу*. Оказывается, что этой цели можно достичь следующими операциями: 1) сегменты предложного падежа номинатом особого класса разделяются на два ряда (так, что в одном ряду оказываются, например, сегменты *саде*, *нсе*, *тёни*, в другом — *саду*, *носу*, *тени*); 2) все ситуации из *P* делятся на две группы, в соответствии с тем, какой из этих двух рядов сегментов они фактически допускают; 3) дается правило о том, что если ситуация принадлежит *P*, а номинат — особому классу, то следует учитывать, к какой из двух групп относится ситуация, и брать сегмент предложного падежа из соответствующего ряда. Разумеется, описание можно построить и как-то иначе, но оно должно быть равносильно данному.

Очевидно, однако, что указанные операции — лишь неявная форма признания двух разных предложных падежей, по крайней мере у номинатом особого класса. Коль скоро это так, рассмотрим, каким образом этот факт может быть отражен в таблице склонения. В принципе здесь возможны два типа решения: 1) допускаются только простые правила управления; 2) допускаются как простые, так и расчлененные правила управления.

При решении типа 1 у всех номинатов основного класса должна быть признана омонимия двух предложных падежей; ср. характерный фрагмент таблицы склонения:

«сад» «тень» «стол» «вода» «сады»

1-й предложный *саде* *тёни* *столे* *воде* *садах*.
2-й предложный *саду* *тени* *столе* *воде* *садах*

При решении типа 2 у номинатом основного класса признается существование лишь одного предложного падежа. (Для простоты мы отвлекаемся от возможности «смешанных» решений, при которых у части номинатом основного класса все же признается омонимия двух предложных падежей, а также некоторых других теоретически мыслимых, но не представляющих практического интереса решений.) Этот единый предложный падеж может быть отождествлен с одним из двух предложных падежей, выступающих в особом классе (обозначим такой вариант решения как 2^a). Например, если он отождествлен с 1-м предложным, то 2-й предложный считается существующим только у номинатом особого класса; так, считается, что во фразах *нахожусь в городе* (*в саду*) представлен 1-й предложный падеж от *город*, но 2-й предложный от *сад* (т. е. используются расчлененные правила управления). Ср. характерный фрагмент таблицы склонения:

	«сад»	«стень»	«стол»	«вода»	«сады»
1-й предложный	<i>саде</i>	<i>тёни</i>	<i>столे</i>	<i>воде</i>	<i>садах</i>
2-й предложный	<i>саду</i>	<i>тени</i>	—	—	—

В варианте 2^b предложный падеж, выступающий в основном классе, рассматривается как отличный от обоих предложных падежей, выступающих в особом классе. В этом случае в описании должны фигурировать три разных падежа.

При любом из рассмотренных решений, однако, в общем списке русских падежей оказывается не один, а по крайней мере два предложных. Таким образом, в объявлении двух слабо дифференцированных падежей одним и тем же падежом (в данном языке вообще, а не применительно к некоторому классу слов) не удается усмотреть проявления какой-то особой, внутренне последовательной концепции падежа.

Заметим, что разница в традиционной трактовке дательного и местного в сербском, с одной стороны, и двух предложных в русском, с другой — несомненно в значительной мере определялась тем обстоятельством, что в первом случае речь идет о двух древних падежах, которые в ходе истории сблизились, а во втором — о сравнительно позднем «расщеплении» единого древнего падежа.

Обратимся теперь к вопросу о выборе между решением типа 1 (с простыми правилами управления) и типа 2 (с расчлененными правилами управления). В общем случае, по-видимому, предпочтается решение 1 (во многих описаниях изложение недостаточно четко для того, чтобы можно было установить тип принятого автором решения). Решение 1 принято, в частности, в сербских грамматиках, а также (насколько об этом можно судить) в тех описаниях русского языка, где признается существование двух предложных падежей.

Особый частный случай составляют, однако, такие два падежа, которые различаются только у местоимений. В этом случае представлены решения как первого, так и второго типа.

Так, в древнеармянском языке родительный и дательный падежи различаются только в ед. числе местоимений (а также у слов «мы», «вы»)²⁶. Оба эти падежа признаются тем не менее также и у всех остальных склоняемых слов.

Аналогично положение в современном армянском языке, где родительный и дательный падежи (признаваемые в грамматиках для всех склоняемых слов) фактически различаются только участии местоимений. Правда, в грамматиках обычно утверждается, что эти два падежа различны также и у существительных: имеется в виду тот факт, что в родительном падеже, в отличие от дательного, не может появляться постпозитивный определенный artikel; ср. дат. *ginu* ‘вину’ (без артикля) или *ginu* (с артиклем), но род.—только *ginu*. Однако само по себе это ограничение можно было бы с тем же успехом связывать не с различием падежей, а с тем, в какой синтаксической роли выступает словоформа. Таким образом, противопоставление этих двух падежей опирается здесь, как и в древнеармянском, только на немногочисленные пары типа дат. *inj* ‘мне’ — род. *im* ‘мой’.

Пару рассматриваемого типа образуют также именительный и так называемый винительный II в финском языке (см. выше): они различаются лишь у нескольких местоимений. В этом случае, как уже было показано, в грамматиках конкурируют оба возможных решения.

По-разному решается также вопрос об именительном и объектном падежах в английском языке, различающихся только у личных местоимений, ср. I ‘я’ — *me* ‘меня’. Более распространено решение типа 2 (а именно, вариант 2⁶): именительный и объектный падежи признаются только у местоимений, а у существительных им обоим вместе соответствует так называемый общий падеж (*common case*); существительные и местоимения имеют, таким образом, разные системы склонения²⁷. Конкурирующее решение типа 1 (с признанием омонимии именительного и объектного падежей у существительных) представлено реже (мы не принимаем здесь во внимание те грамматики, где английскому языку приписываются вообще все латинские падежи: *the boy*, *of the boy*, *to the boy* и т. д.²⁸).

Двусмысленно обычное для румынских грамматик обозначение «именительно-винительный», применяемое к единой форме су-

²⁶ Отметим, что при этом дательный падеж выражен специфическим сегментом (*inj* ‘мне’) только у одного слова «я»; у остальных местоимений, если он отличен от родительного, то совпадает с местным.

²⁷ См. об этом, в частности: А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, § 61.

²⁸ О таких грамматиках см.: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 182.

ществительных, которой у личных местоимений соответствуют две разных формы, например, им. еи 'я' — вин. (ре) mine 'меня'. За таким обозначением может скрываться как решение 1, так и решение 2⁶ (ср. сноски 11).

Во французской, итальянской, испанской, португальской грамматиках существительные признаются не имеющими падежей, тогда как у личных местоимений различаются субъектная и одна или две объектных формы; ср., например, франц. elle 'она', la 'ее', lui 'ей'. Такое описание есть частный случай решения второго типа, поскольку существительным и местоимениям приписываются разные падежные системы; особенность здесь в том, что после такого разъединения падежная система существительных оказывается состоящей всего из одного падежа, а это, как известно, равносильно отсутствию падежей.

Факультативные падежи

Два падежа (C_1 и C_2) могут соотноситься друг с другом следующим особым образом: всякая ситуация, допускающая для каких-либо номинатом падеж C_2 , допускает для них также падеж C_1 (тогда как обратное неверно). Иначе говоря, в любой фразе всякая словоформа падежа C_2 может быть заменена без изменения смысла фразы словоформой падежа C_1 (той же номинатом). Имея в виду эту особенность, назовем такой падеж C_2 факультативным. Будем говорить также, что факультативный падеж C_2 примыкает к падежу C_1 ²⁹.

В таком соотношении находятся, по-видимому, два родительных падежа русского языка (признаваемые во многих описаниях). В роли C_1 выступает «обычный» (1-й) родительный, представленный, например, во фразе *таково свойство чая, снега, хлеба, воды, вина, книг*, в роли C_2 — так называемый 2-й родительный, представленный во фразах типа *у них мало чая, снегу* (но также *хлеба, воды, вина, книг*). В современном языке словоформы 2-го родительного падежа, по-видимому, всегда можно заменить соответствующими словоформами 1-го родительного (ср. *у них мало чая, снега*)³⁰, тогда как обратное неверно.

Факультативный падеж обладает следующей формальной особенностью: соответствующая строка в таблице склонения может быть устроена несколькими разными способами при одних и тех же правилах управления. Среди этих способов практический

²⁹ Вообще говоря, может быть и несколько падежей, к которым примыкает факультативный падеж; однако реальные случаи такого рода нам неизвестны.

³⁰ Некоторый элемент сомнения возникает здесь только из-за нескольких уменьшительных существительных на -бк, -ёк, у которых употребление 2-го родительного относительно более устойчиво; ср. *хочется чайку, кофейку, сахарку*. Наше изложение верно лишь при условии, что признаются грамматически правильными также фразы типа *хочется чайка, кофейка, сахарка* (несмотря на их непривычность).

интерес представляют два; покажем их на примере русских родительных падежей с помощью соответствующих фрагментов таблицы склонения.

I

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (C_1)	чая	снёга	хлеба	воды	книг
2-й родительный (C_2)	чая	снёгу,	хлеба	воды	книг

II

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (C_1)	чая	снёга	хлеба	воды	книг
2-й родительный (C_2)	чая	снёгу	хлеба	воды	книг

При представлении I строка C_2 включает строку C_1 (т. е. в любом столбце содержимое клетки из C_2 включает содержимое клетки из C_1). Представление II получается из I так: в тех столбцах, где C_1 и C_2 различаются, во всякой клетке строки C_2 вычеркивается всякий сегмент, который содержится также в соответствующей клетке строки C_1 .

Как нетрудно убедиться, разница между этими способами представления не влияет на правила управления. Пусть дано, например, такое правило управления: ситуация, образованная контекстом «*у них мало ...*» и семантической ролью «недостающий предмет», всегда допускает оба родительных падежа. При обоих способах представления это правило дает фразы *у них мало чая* (или *чая*), *снегу* (или *снёга*), *хлеба*, *воды*, *книг* и т. д.

Представление II внешне проще; правда, оно маскирует факультативный характер падежа, тогда как представление I позволяет установить этот факт уже из самой таблицы склонения. Большинство авторов, признающих само существование 2-го родительного падежа в русском языке, по-видимому, предпочитают представление II (насколько это удается установить из их изложения); в РИС, § 2.7, в соответствии с принятой там формальной процедурой выделения падежей использовано представление I.

Другой пример факультативного падежа — отложительный падеж в албанском языке: по-видимому, любая его словоформа может быть заменена соответствующей словоформой родительного-дательного падежа. В описаниях обычно предпочтается представление II, хотя встречается также и представление I.

З а м е ч а н и е. Как известно, вопрос о месте так называемого звательного падежа (или звательной формы) в системе форм имени является спорным. Поэтому в настоящей работе мы избегаем использования этой формы для иллюстрации каких-либо утверждений о падежах. Все же в некоторых формальных отношениях так называемый звательный падеж может рассматриваться наряду с обычными падежами. В частности, следует отметить, что звательная форма во многих языках имеет тенденцию к факультативности, а именно в

большой или меньшей степени допускается замена звательных словоформ словоформами именительного падежа. Наличие факультативной звательной формы, по-видимому, следует признать для разговорного стиля современного русского языка, где в функции обращения всегда может быть использована словоформа именительного падежа (например, *мама!*, *Ваня!*, *Маша!*, *товарищ!*, *граждане!*), но наряду с ней у части номинатива возможна и особая «усечённая» звательная словоформа (например, *мам!*, *Вань!*, *Маш!*); литературная норма таких словоформ в настоящее время еще не признает.

Факультативный падеж чаще всего образует слабо дифференцированную пару с тем падежом, к которому он примыкает (хотя из самого определения факультативного падежа это обстоятельство никак не вытекает). Такую пару образуют, например, два родительных падежа русского языка. В связи с этим можно встретить еще один способ представления 2-го родительного падежа, совмещающий свойства представления II и второго из двух решений, возможных для слабо дифференцированных падежей (см. выше, стр. 78):

	«чай»	«снег»	«хлеб»	«вода»	«книги»
1-й родительный (<i>C₁</i>)	чая	снёга	хлеба	воды	книг
2-й родительный (<i>C₂</i>)	чая	снёгу	—	—	—

Замечательно, что и в этом случае действительны те же правила управления, что при представлениях I и II; например, для ситуации, образованной контекстом «*у них мало ...*» и семантической ролью «недостающий предмет», верно, что она всегда допускает оба родительных падежа.

Факультативный падеж может быть также морфологически несамостоятельный. Именно таков 2-й родительный в русском языке: всякая его словоформа совпадает либо с 1-м родительным (*чая*, *воды*, *книг*), либо с дательным (*чью*, *снёгу*). Таким образом, если придерживатьсяся концепции, не допускающей морфологически несамостоятельных падежей, то словоформы *чью*, *снёгу* и т. п. во фразах типа *у них мало чью* нужно отнести к дательному падежу. Разумеется, при этом появятся расчлененные правила управления следующего вида: некоторая ситуация допускает родительный и дательный падежи для номинативов *чай*, *снег*, *свет* и т. д. (следует перечень), но только родительный для прочих. Любопытно, что такая трактовка действительно предлагалась: Н. Н. Дурново считал возможным относить словоформы типа *чью*, *снёгу* во фразах рассматриваемого типа к дательному падежу³¹ (о соответствующих правилах управления Н. Н. Дурново, правда, ничего не говорит). Этот его тезис вызвал, однако, критику Н. С. Трубецкого, который объявил его не-приемлемым на том основании, что словоформы дательного падежа других типов склонения (например, *воде*, *книгам*) не могут использоваться в данной функции³². Нетрудно видеть, что по существу этот спор — лишь несколько специфический частный случай уже обнаруженных выше разногласий относительно допустимости морфологически несамостоятельных падежей.

³¹ Н. Дурново. О склонении в современном великорусском литературном языке. — ВЯ, 1971, № 4, стр. 100 (перевод статьи 1922 г.)

³² N. S. Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 1934, v. 5, N 2, стр. 10.

Мы рассмотрели разные способы, которыми можно представить факультативный падеж в таблице склонения в том случае, если он вообще признается отдельным падежом. Существуют, однако, описания, где факультативный падеж не считается отличным от того падежа, к которому он примыкает. Так, традиционная русская грамматика признает единый родительный падеж, к которому отнесены как словоформы типа *чая*, *снега*, так и словоформы типа *чью*, *снегу*. Правда, поскольку 2-й родительный падеж является одновременно факультативным, морфологически несамостоятельным и слабо дифференцированным от обычного родительного, довольно затруднительно установить, в какой мере его непризнание традиционной грамматикой определяется именно его факультативным характером.

С формальной точки зрения, признание факультативного падежа и того, к которому он примыкает, единственным падежом приводит (как и в случае слабо дифференциированной пары падежей) к тому, что для некоторых ситуаций становятся невозможными стандартные правила управления. Например, если для номинативы *снег* в клетке единого родительного падежа приводятся сегменты *снёга* и *снёгу*, то ни при каких стандартных правилах управления невозможно избежать появления таких сочетаний, как **для снёгу*, **внутри снёгу*, **цвет снёгу*, **таяние снёгу* и т. п.

Можно, правда, вообще не включать в строку родительного падежа словоформы типа *снёгу* (как обычно и делается в таблицах склонения, приводимых в традиционных описаниях). Тогда указанная трудность снимается, но зато теряется возможность порождать сочетания типа *немного снёгу*, *стакан чая* и т. п. (порождаются только *немного снёга*, *стакан чая*). Заметим, что при таком описании не порождается никаких неправильных фраз и ни один смысл не остается невыразимым. Таким образом, с точки зрения системы синтеза, не ставящей своей целью построить для каждого смысла все выражающие его фразы, факультативный падеж оказывается, в соответствии со своим названием, действительно факультативным. Как известно, однако, такое суженное понимание синтеза не соответствует современным представлениям о задачах грамматического описания. Кроме того, очевидно, что подобное описание совершенно неудовлетворительно с точки зрения анализа, поскольку, встретив в тексте сочетание типа *стакан чая*, мы не сможем его проанализировать и должны будем считать грамматически неправильным.

По-видимому, факультативность можно рассматривать как некоторое отклонение от нормального функционирования падежей; не случайно факультативные падежи встречаются редко. Опыт грамматического моделирования частично подтверждает этот взгляд: оказывается, что построить формальный аналог падежа, не учитывающий существования факультативных падежей, принципиально проще, чем такой, который моделировал бы одновремен-

но и обычные, и факультативные падежи³³. Таким образом, в характерном для многих описаний отказе от признания факультативного падежа полноправным членом падежной системы можно усматривать тенденцию (быть может, неосознанную) к такому пониманию падежа, которое исключает факультативные падежи (или при котором они должны расцениваться как аномалия).

Неполные падежи

Назовем падеж неполным, если в соответствующей строке таблицы склонения есть хотя бы один прочерк. На первый взгляд, на уровне грамматической правильности (в отличие от уровня семантической стандартности) неполных падежей не должно быть вообще. Однако в действительности лингвистическая практика знает неполные падежи. Можно выделить несколько типов таких падежей.

Прежде всего, падеж может оказаться неполным из-за того, что в соответствующей строке имеется некоторое (обычно весьма небольшое) число прочерков, объясняющихся чисто морфологическими затруднениями при построении соответствующих словоформ. Например, в русском языке для номинативы *мглы* (мн. число) не удается построить словоформу родительного падежа. В таких случаях говорят о дефектности соответствующей номинативы (или лексемы, или парадигмы)³⁴. Неполнота, обусловленная дефектностью определенных номинативов, не является сколько-нибудь важной характеристикой соответствующего падежа³⁵; мы будем называть такую неполноту несущественной. (Отметим, что формального разграничения существенной и несущественной неполноты здесь не дается.) Далее мы будем рассматривать только существенно неполные падежи (т. е. неполные не из-за дефектности или не только из-за дефектности каких-либо номинативов).

З а м е ч а н и е. При описании языка можно с помощью сравнительно простых приемов избавиться от несущественной неполноты падежей. Во-первых,

³³ См.: А. А. Зализняк. Формальный аналог понятия падежа. «Межвузовская конференция по порождающим грамматикам (Кирику, 15—25 сентября 1967. Тезисы докладов)». Тарту, 1967, стр. 34; А. В. Гладкий. Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного. — Наст. сборник, § 3, пункт 3.

³⁴ Изредка встречается дефектность, обусловленная не морфологическими затруднениями, а другими причинами. Например, отсутствие словоформ косвенных падежей у слова *некто*, вероятно, связано с тем, что словоформы *нέксао*, *нéкому* и т. д. «заняты» другими значениями.

³⁵ С формальной точки зрения, из-за нескольких дефектных слов могут оказаться неполными все или почти все падежи языка; так, в русском языке неполны все падежи, поскольку, например, слово *некто* имеет только иминительный падеж, а слово *себя* не имеет как раз этого падежа.

можно чаще, чем обычно принято, признавать супплетивизм основ; например как родительный от мечты можно рассматривать словоформу *мечтаний*, как именительный от себя — *сам* и т. п. Во-вторых, допустимо введение небольшого числа полигипотетических словоформ вроде *мечт*, *тоск*, *мог* (родительный мн. числа от *мечта*, *тоска*, *мгла*). Таким образом, отказ от рассмотрения несущественной полноты падежей можно расценивать и как то, что мы ограничиваемся лишь такими описаниями, где проведены указанные здесь операции.

Существенно неполные падежи можно разделить на два типа. Пусть имеется неполный падеж *C*, представленный какими-то сегментами у определенного класса номинатем (обозначим его *A*) и не представленный у прочих номинатем. Если всякая ситуация, допускающая для номинатем класса *A* падеж *C*, допускает в то же время некоторый другой падеж (или падежи) для прочих номинатем, неполный падеж относится к типу II; в противном случае он относится к типу I.

Неполные падежи типа I чаще всего встречаются среди местных и иных «обстоятельственных» падежей. Основной причиной неполноты является здесь то, что соответствующие семантические роли естественны лишь для части предметов. Например, семантическая роль «место, где что-то происходит» естественна только для неодушевленных предметов, имеющих пространственные границы; семантическая роль «время, когда что-то происходит» естественна только для отрезков времени или событий, протяженных во времени. Поэтому специальные словоформы для выражения данных семантических ролей возникают только у соответствующих классов номинатем (что означает появление неполных падежей).

Так, например, в аварском языке местные падежи так называемой 5-й серии (передающие пространственное отношение «внутри полого предмета») образуются только от названий полых предметов (в отличие от местных падежей 3-й серии, передающих пространственное отношение «в сплошной среде» и образующихся даже от названий одушевленных предметов). В удмуртском языке все шесть местных падежей образуются только от неодушевленных существительных. В венгерском языке временной падеж (темпоралис) образуется только от названий событий или отрезков времени.

Несколько иной вариант того же явления представлен, например, так называемым инессивом II в бацбийском языке: этот падеж передает значение «среди, в числе» и образуется только от существительных во мн. числе (ср. русск. *среди людей, в числе книг*, но не **среди человека, *в числе книги*).

В ряде случаев, однако, граница между номинатемами, образующими и не образующими словоформы неполного падежа, проходит более сложно и не может быть полностью объяснена одними лишь семантическими причинами. Так, местный падеж в латыни (если он вообще признается, ср. выше) образуется только

от части имен собственных (от названий городов и небольших островов, но не стран, гор, больших островов) и от единичных нарицательных. В современном армянском языке местный падеж имеет особую словоформу (*на-ит*) только у части неодушевленных существительных, например, *daštum* ‘в поле’. При этом наличие или отсутствие такой словоформы определяется не только семантическими, но и морфологическими причинами; это особенно очевидно в тех случаях, когда у одного и того же слова в одном из двух чисел словоформа *на-ит* образуется, а в другом нет:ср. *d̥negum* ‘в дверях’ при невозможности формы *на-ит* в ед. числе (‘в двери’ можно выразить только сочетанием *d̥ran mej*). В финском языке комитатив, передающий значение «вместе с», образуется только от существительных с притяжательным аффиксом (т. е. от номинатива, содержащих указание на владельца): можно сказать, например, *tuli lapsinensa* ‘пришел со своим ребенком (со своими детьми)’ (*-nsa* — притяжательный аффикс), но нельзя сказать **tuli lapsine* ‘пришел с ребенком (с детьми)’.

В тех случаях, когда наличие или отсутствие словоформы неполного падежа определяется не чисто семантически, в языке обычно вырабатывается единый описательный прием для передачи соответствующего смысла при тех номинативах, которые данного падежа не имеют. Как правило, для этого используется сочетание словоформы какого-то другого падежа с предлогом или послелогом. Заметим, что подобный описательный оборот обычно приобретает универсальный характер, т. е. может использоваться (в качестве параллельного способа выражения) даже там, где словоформа неполного падежа существует. Так, в латыни универсальный способ выражения места состоит в сочетании предлога *in* с отложительным падежом, например: *in homine* ‘в человеке’, *in miseriā* ‘в несчастье’, *in insulā* ‘на острове’, *in Aegyptō* ‘в Египте’, а также *in Lemnō* (наряду с *Lemni*) ‘на Лемносе’ и т. д. В современном армянском языке соответствующий способ состоит в сочетании родительного падежа с послелогом *mej*, например: *mardu mej* ‘в человеке’, *d̥ran mej* ‘в двери’, *dašti mej* (наряду с *daštum*) ‘в поле’ и т. д. В финском языке вместо комитатива может использоваться сочетание родительного падежа с послелогом *kanssa*, например: *lapsen kanssa* ‘с ребенком’, *lapsien kanssa* ‘с детьми’, *lapsensa kanssa* ‘со своим ребенком’, *lapsiensa kanssa* ‘со своими детьми’ (последние два — наряду с *lapsinen*).

Среди неполных падежей следует особо выделить те, которые образуются у каждой лексемы только от части входящих в нее номинативов. Из упомянутых выше падежей таковы бацбийский инесессив II и финский комитатив. Изучая случаи такого рода, нужно учитывать, правда, что за неполный падеж легко принять, например, омонимию чисел. Так, финский комитатив, помимо того, что он невозможен без притяжательного аффикса, имеет еще одну особенность: в отличие от всех остальных финских паде-

жей, он не допускает противопоставления по числу. С морфологической точки зрения, всякая словоформа комитатива образуется от основы мн. числа, но при этом она может обозначать как множественность, так и единичность соответствующих предметов;ср. примеры выше. Таким образом, финский комитатив является неполным падежом только из-за того, что он невозможен без притяжательного аффикса (но не из-за неразличения чисел). Описанное явление еще более характерно, например, для мокшамордовского языка: здесь в 9 падежах из 12 единственное и множественное числа внешне никогда не различаются.

Все рассмотренные здесь примеры неполных падежей относятся к типу I. Неполные падежи типа II представляют собой существенно иное явление: они появляются в описании при принятии второго из двух решений, возможных для слабо дифференцированной пары падежей (см. выше, стр. 78). Примерами здесь могут служить, таким образом, падежи, рассматривавшиеся в предшествующих разделах,— в частности, русские 2-й предложный и 2-й родительный в той трактовке, при которой они признаются лишь там, где они отличаются соответственно от обычного предложного и обычного родительного. Понятно, что неполнота II типа (в отличие от I типа) носит в сущности формальный характер: она легко может быть устранена признанием падежной омонимии, например, омонимии двух предложных падежей у большинства русских номинативов (тогда как при неполноте I типа такая операция невозможна)³⁶.

³⁶ Автор приносит благодарность В. А. Успенскому за дружескую критику и помощь.

К ТИПОЛОГИИ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Э. Бенвенист в своей известной статье «Относительное предложение как проблема общего синтаксиса»* показывает, что во многих языках средства, служащие для оформления относительного предложения, в сущности тождественны тем, которые используются для построения именных групп в составе простого предложения. Этот вывод представляется возможным использовать для дальнейшего изучения типологии относительного предложения.

Как отмечает Бенвенист, одна из основных трудностей типологических исследований состоит в нахождении такого способа описания синтаксических конструкций разных языков, при котором они были бы сопоставимы друг с другом. Метод анализа, применяемый Бенвенистом, указывает один из возможных путей преодоления этой трудности. Он состоит в сопоставлении функций структурно значимых элементов в составе относительного предложения с функциями тех же элементов в составе именных групп более общего вида. В результате этого анализа оказывается, что относительные местоимения следует рассматривать в непосредственной связи с арти-

* См. E. Benveniste. La phrase relative, problème de syntaxe générale. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», v. 53, f. 1, 1957—1958 (русский перевод в кн.: Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.)

клями, указательными местоимениями и другими средствами выражения анафорических связей в предложении.

Один из возможных подходов к типологическому исследованию синтаксических структур можно схематически представить так. Допустим, изучается некоторый тип предложений. На основании предварительного сопоставления предложений этого типа, например, в европейских языках с их эквивалентами в некоторых других языках выделяются, с определенным огрублением, основные синтаксические функции, которые должны выполняться (какими-то элементами) при построении данного типа предложений.

Если бы в каждом языке каждая функция выражалась каким-то однозначным способом, то предложения данного типа в разных языках отличались бы друг от друга только планом выражения, а по существу были бы одинаковы. В этом случае задачи синтаксической типологии сводились бы только к установлению для каждого языка подмножества синтаксических функций, которые он выбирает из выделенного общего набора. В действительности, однако, в большинстве случаев одно и то же служебное слово способно выполнять в языке несколько функций; тем самым различие между языками обусловлено не только наличием или отсутствием той или иной функции, но и тем, какие разные функции объединены в них общим материальным выражением*. Соответственно, в задачи синтаксической типологии входит также выявление разных типов объединения функций — «пучков функций», возникающих в том или ином языке. Иначе говоря, после выделения основных функций должен быть проведен анализ материальных носителей этих функций в разных языках по методу, использованному Бенвенистом.

Ниже делается попытка составить инвентарь синтаксических функций, существенных для структуры так называемых относительных предложений. Материалом исследования служит ограниченное число языков — в ос-

* При этом с синхронной точки зрения в рассматриваемом языке возможны разные степени единства: а) неразличимость этих функций с точки зрения данного языка; б) полисемия (в рамках одного элемента); в) омонимия (элементов, признаваемых различными). В детальном типологическом исследовании эти различия должны приниматься во внимание; в более общем допустимо от них отвлечься.

новном самые известные. Соответственно, полученный результат не претендует на полную универсальность: для каких-то языков, возможно, окажутся существенными факты, не отраженные в настоящей работе, или окажутся недействительными какие-либо из установленных ограничений. Однако предлагаемая схема может, видимо, служить исходной базой для дальнейших исследований.

В заключительном разделе статьи кратко рассматривается вопрос о том, с какими функциями может совмещаться выполнение функций, существенных для структуры относительных предложений.

§ 2. О ТЕРМИНЕ «ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ»

Термин «относительное предложение» может употребляться в лингвистических работах как сокращение двух разных более полных терминов: а) относительное придаточное предложение; б) сложноподчиненное предложение с относительным придаточным (ср. аналогичную двойственность, например, таких терминов как «условное предложение», «уступительное предложение» и др.). В настоящей работе мы будем, во избежание недоразумений, употреблять в первом из этих значений только термин «придаточное относительное», оставив название «относительное предложение» для второго значения.

Под относительным придаточным предложением, как известно, понимается придаточное, вводимое не союзом, а союзным словом, т. е. словом, которое совмещает функцию союза (связывание предложений) с функцией члена предложения (а именно, члена придаточного предложения), например: *Вот книга, которую я купил; Вот дом, где мы жили.*

Союзные слова, вводящие придаточное относительное, делятся на относительные местоимения (т. е. слова с синтаксической функцией существительных или прилагательных) и относительные наречия. Предложения с относительным наречием (типа *Вот дом, где мы жили*) представляют собой менее распространенный вариант и могут быть сведены к предложению с относительным местоимением (например, *Вот дом, в котором мы жили*). Ниже мы практически ограничиваемся рассмотрением относительных предложений с местоимением.

Особый тип придаточных относительных составляют предложения, где союзное слово (обычно *что*) соотносится со всем предшествующим предложением: *Он опоздал, что было замечено*. Такие предложения в настоящей статье не рассматриваются.

При типологическом исследовании всегда нужно считаться с возможностью (или даже необходимостью) некоторого расширения круга рассматриваемых грамматических явлений по сравнению с тем, который послужил начальной точкой исследования.

Во-первых, в некоторых языках могут оказаться недостаточно четкими те различия, которые используются в определении интересующего нас понятия. В данном случае таковы, в частности: 1) различие между сложно-подчиненным предложением и иными синтаксическими комплексами, а именно, сложносочиненным предложением и бессоюзовным сложным предложением*; 2) различие между главным и придаточным предложениями в составе сложноподчиненного; 3) различие между союзным словом и союзом. В связи с этим естественно привлечь к рассмотрению не только примеры, бесспорно подпадающие под наше первоначальное определение, но также и те, которые допускают двойное истолкование или представляют собой промежуточные явления.

Приведем для иллюстрации два примера. В арабском языке синтаксические комплексы определенного типа могут пониматься и как сложноподчиненное предложение и как последовательность двух независимых предложений**:

* Мы пользуемся здесь той терминологией, в которой «бессоюзовное сложное предложение» выступает как название особого типа сложных предложений, отличного и от сложноподчиненных и от сложносочиненных и представляющего собой соположение самостоятельных предложений без каких-либо показателей связи (кроме, быть может, интонации). Заметим, что сложные предложения с относительным придаточным приходится в этом случае особым терминологическим соглашением не считать частным случаем «бессоюзных сложных». Несколько упрощая истинное положение вещей, мы не проводим в настоящей статье различия между бессоюзовным сложным предложением и простой последовательностью двух отдельных предложений.

** См. разбор этой проблемы в кн.: Б. М. Гранде, Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, §§ 184, 290.

- (1) *gā'a fallahūn yaskunu fi'l-wādī* 'Пришел (какой-то) крестьянин, который живет в долине' или 'Пришел какой-то крестьянин. Он живет в долине' (буквальный состав — в соответствии со вторым переводом).

В древнерусском языке в структуру сложного предложения определенного типа входят одновременно относительное местоимение и сочинительный союз:

- (2) *a* что княже братъ твои александъ дъялъ насилие на новѣгородѣ, *a* того ся княже отступи* 'А от насилия, которое брат твой Александр творил в Новгороде, ты, князь, отступись'.

Во-вторых, в некоторых языках мы можем столкнуться с явлением, безусловно близким к рассматриваемому, но все же не предусмотренным в первоначальном определении. В этом случае естественно расширить первоначальное определение. Рассмотрим здесь важнейший для настоящей статьи случай такого рода. В арабской фразе:

- (3) *gā'a lfalāhāni l-lābāni gā'a yutħumā bil'amṣi* 'Пришли два крестьянина, которых я видел вчера' — связь частей сложного предложения обеспечивается наличием слова *l-lābāni* (из 'allābāpi; именит. падеж. двойств. числа муж. рода от местоимения 'allābi), которое можно приблизительно передать как «такие-что»**. Таким образом, буквальный перевод здесь: «Пришли два-крестьянина такие-что: я-видел-их вчера»***. Без ('а) *l-lābāni* эта фраза может быть понята только как последовательность двух несвязанных предложений ('Пришли два крестьянина. Я видел их вчера'). Слово ('а) *l-lābāni* согласовано (в роде, числе и, что принципиально важно, в падеже) с ('а) *lfalāhāni* «два-крестьянина», следовательно, оно является здесь членом главного предложения — в отличие от слова *которых* в русском переводе, являющегося чле-

* Здесь и далее орфография древнерусских текстов по типографским соображениям несколько упрощена.

** В простом предложении (и вообще вне данной конструкции) слово 'allābi не употребляется, поэтому его значение может быть выведено только из данной конструкции.

*** Здесь и далее переводы даются только в марковских кавычках (‘ ’), буквальные переводы — в обычных кавычках (« »). Часть буквального перевода, соответствующая единому слову оригинала, пишется через дефисы.

ном придаточного предложения (чем и определяется его винительный падеж). Таким образом, 'allabī — это союзное слово, используемое в общем так же, как русское *который*, с тем отличием, однако, что оно входит не в придаточное предложение, а в главное*. Обычное понимание относительного предложения не предусматривает такой возможности, но очевидно, что допустить ее (и, следовательно, включить арабские фразы в наше рассмотрение) необходимо. Соответственно, мы будем в дальнейшем понимать под относительным предложением любое сложноподчиненное предложение, части которого связаны союзным словом (без ограничений на то, в какую именно часть должно входить это слово).

В-третьих, после выделения типологически важных признаков рассмотренной синтаксической структуры может оказаться, что некоторые комбинации значений этих признаков соответствуют в каких-то языках реальным синтаксическим явлениям, которые не входили в первоначальное рассмотрение. Такие явления тоже естественно включить в получаемую классификацию.

В нашем случае в роли таких дополнительно включенных в классификацию явлений оказываются некоторые виды сложносочиненных и бессоюзных предложений (см. об этом § 5). Тем самым, строго говоря, мы получаем классификацию уже не одних лишь относительных предложений, а совокупности, включающей как относительные предложения, так и некоторые частично сходные с ними синтаксические комплексы другого характера. Поскольку, однако, в центре нашего внимания все же остаются именно относительные предложения, мы позволим себе, ограничившись настоящей оговоркой, далее говорить просто о классификации относительных предложений (без обязательного упоминания о том, что она охватывает и некоторые другие синтаксические комплексы).

Отметим специально, что даже в указанном выше расширенном понимании термин «относительное предло-

* Заметим, что по ритмико-интонационному членению союзное слово типа 'allabī может все же прымывать к придаточному, а не к главному. Таким образом, здесь и в дальнейшем, говоря о вхождении слов типа 'allabī в главное предложение, мы будем иметь в виду именно тот факт, что падеж такого слова определяется синтаксической структурой главного, а не придаточного предложения.

ние» охватывает все же далеко не все сложноподчиненные предложения с придаточным определительным, а именно, он не охватывает те из них, где подчинение обеспечивается не союзным словом, а другими средствами (союзом, особыми формами каких-либо членов предложения, порядком слов и др.). Краткий обзор сложных предложений такой структуры дается ниже в отдельном параграфе (§ 8); основная часть настоящей статьи посвящена только относительным предложениям.

§ 3. ИСХОДНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АНАЛИЗИРУЕМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

В дальнейшем, рассматривая то или иное предложение или тип предложений, мы исходим из того, что нам известны ответы на определенные стандартные вопросы в отношении этого предложения. Для формальной классификации такой ответ всегда должен быть из числа заранее предусмотренных, например: да, нет; случай 1, случай 2 и т. п. Разумеется, в действительности при ответе на эти вопросы возможны большие трудности: см., например, фразы (1), (2) из § 2, соединяющие элементы подчинения с элементами сочинения. Эти трудности могут быть обсуждены в комментариях к примеру, но для классификации берется наиболее близкий к истине огрубленный ответ; например, фраза (2) рассматривается как сложноподчиненная. В наиболее двусмысленных случаях по отдельности рассматриваются оба возможных решения; тогда одна и та же синтаксическая конструкция может при одном решении попасть в одну рубрику классификации, при другом — в другую.

Основной вопрос такого рода состоит в том, является ли предложение сложноподчиненным, и если да, то где главное и где придаточное предложение. Практически ответ на этот вопрос складывается на основании учета целого ряда признаков, которые мы не можем охарактеризовать формально.

Ни в коей мере не пытаясь дать операционное определение соответствующих понятий, отметим некоторые (далеко не все!) признаки, полезные для ориентировки в данной проблеме (заметим, что приводимые правила

для некоторых частных типов предложений могут и не соблюдаться)*.

1) В сложноподчиненном предложении главное предложение обычно может разрываться придаточным (которое оказывается в этом случае внутри главного, например, *О слов, которых ты взял, верни*), тогда как придаточное разрываться не может; в сложносочиненном предложении неразрывны обе части.

2) Если сложноподчиненное предложение, состоящее из главного Г и придаточного П, входит целиком в качестве придаточного в более крупный комплекс Г'(ГП), где Г' — главное, и если при этом Г' требует от сказуемого подчиненного ему предложения некоторого автоматического изменения (например, постановки в определенном наклонении), то данное изменение происходит со сказуемым предложения Г, но не П. Например: *Он покупает книги (Г), которые ему приносят (П) — Я хочу (Г'), чтобы он покупал книги, которые ему приносят*. В сложносочиненном предложении подобные эффекты распространяются на сказуемые обеих частей.

3) С точки зрения смысла сокращение («свертывание») комплексов типа Г'(ГП) до Г'Г (*Я хочу, чтобы он покупал книги*) представляет собой обеднение прежнего сообщения, но не сообщение о чем-то другом, тогда как переход (с требуемыми сопутствующими изменениями) от Г'(ГП) к Г'П дал бы новое сообщение (*Я хочу, чтобы ему приносили [книги]*). Ср. свертывание *цвет крыши дома* ⇒ *цвет крыши* (но не *цвет дома*).

При рассмотрении месторечий, принимающих участие в построении относительных предложений, предполагается известной их принадлежность к одной из

* Речь идет о признаках, общих если не для всех, то для большинства языков. Следует учитывать, однако, что в конкретном языке обычно существуют, кроме того, свойственные именно данному языку особенности, отличающие сложные и, в частности, сложноподчиненные предложения от последовательности простых предложений. Будучи индивидуальными для данного языка, они могут быть в то же время общими, например, для всех типов сложноподчиненных предложений, а это позволяет, опираясь на бесспорные случаи, судить о более трудных. Чаще всего такие особенности касаются порядка слов и просодических явлений (например, в немецком языке во всех придаточных предложениях представлен особый порядок слов; в ведийском личные формы глагола в простом и главном предложении безударны, а в придаточном имеют ударение).

следующих двух групп: а) подчинительные, б) синтаксически нейтральные. Дать полное формальное определение этих понятий мы не можем (как и для понятий главного и придаточного предложений); поэтому ограничимся содержательными пояснениями и указанием лишь некоторых формальных признаков этих двух групп местоимений.

С содержательной точки зрения, различие состоит здесь в следующем: подчинительное местоимение само по себе служит средством синтаксической (а не только смысловой) связи между предложениями, тогда как синтаксически нейтральное местоимение само по себе таким средством не служит (хотя может связывать предложения по смыслу). В простых случаях (которых большинство) это содержательное различие внешнее проявляется так. Предложение (одно из двух, образующих сложноподчиненное), где имеется подчинительное местоимение, не может выступать в качестве самостоятельного утвердительного высказывания. Например, простое предложение *Кто пришел?* (ср. *Позови того, кто пришел*) возможно только в качестве вопроса; простые предложения с арабским 'allabī' вообще невозможны. Напротив, предложение, где имеется синтаксически нейтральное местоимение (а подчинительного нет), как правило, способно без каких-либо изменений (кроме, быть может, интонации) выступать в качестве самостоятельного утвердительного высказывания. Примеры: *Вот та книга* (ср. *Вот та книга, которую я купил*); араб. га'аутихумā bil'amṣi 'Я видел их (двоих) вчера' (-humā «их-двоих»), ср. пример (3).

Трудные случаи могут возникать в тех языках, где придаточные предложения отличаются от простых какими-то общими грамматическими признаками, например, особым порядком слов, наклонением сказуемого и т. п. Здесь для установления подчинительного или синтаксически нейтрального характера местоимения могут потребоваться дополнительные приемы анализа, которые трудно описать формально. Случай такого рода составляет, например, нем. *der*. Возьмем фразу *Hier ist ein Mann, der aus dem Dorfe gekommen ist* 'Бот человек, который пришел из деревни'. Часть *der aus dem Dorfe gekommen ist* не может выступать в качестве самостоятельного высказывания; однако возможно предложение

Der ist aus dem Dorfe gekommen 'Он (тот) пришел из деревни'. Разница в порядке слов здесь вытекает просто из действующих в немецком языке общих правил расстановки слов соответственно в простом и в придаточном предложении. Таким образом, если исходить лишь из этого примера, мы вполне можем считать, что подчинение обеспечивается здесь только порядком слов, а характер местоимения при превращении простого предложения в придаточное не изменился, иначе говоря, что *der* синтаксически нейтрально. Чтобы убедиться, что это не так, нужно рассмотреть, например, такую фразу, как *Hier ist ein Mann, dem Sie vertrauen können* 'Вот человек, которому вы можете доверять'; ср. простое предложение *Sie können dem vertrauen* 'Вы можете ему доверять'. Здесь при превращении простого предложения в придаточное слово *dem* перешло на первое место, т. е. в точку стыка главного и придаточного предложений. Это место закреплено в немецком языке за средствами связи между предложениями (союзами или союзными словами); ср. синонимичную фразу с бесспорно подчинительным местоимением *welcher*: *Hier ist ein Mann, welchem Sie vertrauen können*. С другой стороны, с местоимениями *er* или *dieser*, которые бесспорно являются синтаксически нейтральными, подобная конструкция невозможна: нельзя сказать **Hier ist ein Mann, ihm (или diesem) Sie vertrauen können*. Таким образом, в немецком языке имеется подчинительное местоимение *der* 'который', нетождественное (с синхронической точки зрения) синтаксически нейтральному местоимению *der* 'тот, он' (не говоря уже о безударном *der* — определенном артикле).

Из этого примера видно, в частности, что подчинительный или синтаксически нейтральный характер местоимения устанавливается не «локально», т. е. не для данной фразы, а по крайней мере для определенного типа фраз в целом. Ср. другой подобный пример: подчинительный характер англ. *that* легко выявляется во фразах типа *Here is the boy that I met, Here are the vegetables that are good for you* (самостоятельные предложения **That I met, *That are good for you* невозможны), но не очевиден во фразе *Here is the soup that is good for you* (ср. *That is good for you* 'Это вам полезно').

Подчинительное местоимение, входящее в состав придаточного предложения, мы будем, в соответствии с

традицией, называть относительным. Примеры: русск. *который, какой, какойой, кто, что*, лат. *qui, quis, quid*, нем. *der* и т. д.

Подчинительное местоимение, входящее в состав главного предложения, мы будем называть вводящим. Пример: араб. 'allābi. (Относительные местоимения «относят» придаточное предложение к определенному слову в главном, а вводящие «вводят» придаточное в главное.)

В качестве синтаксически нейтральных в относительных предложениях обычно выступают анафорические (т. е. указательные и личные) местоимения, например: русск. *тот, этот, такой, он, то*, лат. *is, hic, ille* и т. д.; возможны, однако, и другие типы местоимений, например: *какой-то, всякий, нечто, все* и др.

Замечание. Для некоторых языков (в частности, для семитских) признается существование так называемых «скрытых» личных местоимений, т. е. местоимений, включенных в глагольную словоформу (хотя и не представленных в ее морфологическом составе специфически местоименными морфемами); см. § 6, пример (37). Признание «скрытых» местоимений позволяет более единобразно описать ряд синтаксических явлений этих языков (в том числе явлений, связанных с относительным предложением).

В составе конкретной фразы местоимение может выступать в адъективном употреблении (т. е. добавляясь к имени объекта, например: *Этот человек пришел; Какую рыбу вы хотите?*) или в субстантивном употреблении (т. е. заменять имя объекта, например: *Он пришел; Вот рыба, которую купили; Бери то, что дают*). Большинство рассматриваемых в настоящей работе местоимений (любого типа, например, русск. *тот, этот, такой, какой, какойой, который*) допускает оба употребления. Меньшая их часть допускает только одно употребление (обычно только субстантивное, ср. русск. *он, кто, что*). В дальнейшем для краткости может быть сказано «субстантивное местоимение», «адъективное местоимение»; это везде следует понимать как местоимение, выступающее в рассматриваемом контексте в таком употреблении.

§ 4. ИСЧИСЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Ниже строится исчисление синтаксических структур относительных предложений (а также некоторых родственных им синтаксических комплексов, см. § 2).

Мы исходим из того, что относительное предложение получается в результате серии преобразований его глубинной структуры*. В глубинной структуре различаются 1-ое исходное предложение и 2-ое исходное предложение. Связь между 1-ым и 2-ым предложениями — типа соединительной. В 1-ом предложении выделено существительное (или, в общем случае, именная группа) C_1 , для которого во 2-ом имеется «дублер» C_2 , т. е. существительное (или именная группа), которое входит в анафорическую связь с существительным или именной группой из первого предложения**. Содержание анафорической связи — либо тождество объектов, обозначаемых именными группами, либо лексическое тождество самих именных групп. Пример глубинной структуры (он будет использоваться и в дальнейшем): 1-ое исходное предложение *Осёл (C_1) убежал*, 2-ое исходное предложение *Осла (C_2) мы любили*.

1-ое исходное предложение интерпретируется как глубинная структура линейно первого предложения (в составе получаемого сложного предложения), 2-ое исходное предложение — как глубинная структура линейно второго. В том случае, если в результате преобразований получится сложноподчиненное предложение и если при порождении не применено преобразование IV («инверсия подчинения»), то 1-ое предложение будет главным, 2-ое — придаточным.

Используемая глубинная структура не задает некоторых деталей смысла получаемых из нее предложений. Например, она не отражает деления определительных предложений на ограничительные и описательные и др. Для языков, не имеющих артикляй, не учитывается также различие между определенными и неопределенными именами; но для языков с артиклями предполагается,

* О построении сложных предложений путем последовательных преобразований соответствующих простых предложений см., в частности: Е. В. Падучева. Классификация сложных предложений в связи с построением правил образования для стандартизованного русского языка. «Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста», М., 1961; В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, с. 174—175; А. К. Жолковский. Синтаксис сомали. М., 1971, с. 33—41.

** Как уже отмечено в § 2, фразы типа *Он опоздал, что было замечено* (где характер анафорической связи иной) в настоящей работе не рассматриваются.

что определенность или неопределенность C_1 и C_2 в глубинной структуре указана.

Преобразования рассматриваются как способ описания синтаксической структуры получаемых предложений, а не как трансформации, сохраняющие смысл. Обратим внимание, с этой точки зрения, на преобразование «инверсия подчинения», которое по существу означает переход от смыслов, передаваемых, например, фразами *Убежал осёл, которого мы любили, Он принес те книги, которые мы купили*, к смыслам, передаваемым фразами *Мы любили осла, который убежал, Мы купили те книги, которые он принес* (здесь нет необходимости выяснять, в чем именно состоит подобное изменение смысла, тем более, что оно может быть различным в разных фразах).

Ниже приводится перечень преобразований (каждому преобразованию дано условное обозначение, чтобы сделать последующие ссылки непосредственно понятными).

I. Преобразования в 1-ом исходном предложении:

1. Добавление адъективного местоимения к C_1 , например: *осёл убежал* \Rightarrow *тот осёл убежал; осёл убежал* \Rightarrow *какой осёл убежал*. Обозначение: ТОТ (если местоимение синтаксически нейтральное), M_1 подч. (если местоимение подчинительное).

2. Замена C_1 на субстантивное местоимение, например: *взяли предмет* \Rightarrow *взяли то; предмет лежит* \Rightarrow \Rightarrow *что лежит; человек пришел* \Rightarrow *тот пришел; человек спит* \Rightarrow *некто спит*. Обозначение: ТО (если местоимение синтаксически нейтральное), ЧТО (если местоимение подчинительное).

3. Уничтожение C_1 (без какой-либо замены), например: *осёл убежал* \Rightarrow *убежал; взяли предмет* \Rightarrow *взяли*. Обозначение: эллипсис — 1.

II. Преобразования во 2-ом исходном предложении:

1. Добавление адъективного местоимения к C_2 , например: *осла мы любили* \Rightarrow *этого осла мы любили; осла мы любили* \Rightarrow *какового осла мы любили*. Обозначение: ЭТОТ (если местоимение синтаксически нейтральное), КАКОВОЙ (если местоимение подчинительное).

2. Замена C_2 на субстантивное местоимение, например: *осла мы любили* \Rightarrow *его мы любили; осла мы любили* \Rightarrow *которого мы любили*. Обозначение: ОН (если

местоимение синтаксически нейтральное), КОТОРЫЙ (если местоимение подчинительное).

3. Уничтожение C_2 (без какой-либо замены), например: осла мы любили \Rightarrow мы любили. Обозначение: эллипсис — 2.

III. Добавление сочинительного союза (или частицы). Обозначение: соч. союз.

IV. Инверсия подчинения: интерпретация 1-го предложения как главного, а 2-го как придаточного меняется на противоположную. Обозначение: инверсия подчинения.

Любое преобразование из этого списка является факультативным, т. е. может и не применяться. Предполагается, однако, что для конкретной фразы каждое преобразование используется не более одного раза и из групп I и II берется не более, чем по одному преобразованию.

Для того чтобы получилось относительное предложение, нужно применить хотя бы одно преобразование, вводящее подчинительное местоимение (т. е. M_1 подч., ЧТО, КАКОВОЙ или КОТОРЫЙ). Если ни одно из этих преобразований не применялось, получится не сложноподчиненное предложение, а сложносочиненное или бессоюзное.

В реальных языках при построении относительных предложений возможны также некоторые дополнительные изменения, которых данное исчисление не отражает. Чаще всего они касаются наклонения сказуемого придаточного предложения, порядка слов и интонации (или других просодических характеристик). Как правило, эти изменения не являются специфическими для данного типа сложных предложений, а характеризуют более широкий класс синтаксических комплексов, например, все сложноподчиненные предложения. При построении относительных предложений такие явления лишь сопутствуют более специфическим изменениям, отраженным в исчислении. О случаях, когда эти явления оказываются единственным средством, обеспечивающим синтаксическую связь предложений, см. § 8.

Специально отметим, что в настоящей классификации не принимаются во внимание перестановки слов внутри каждого из двух предложений. В сложноподчиненном предложении не учитывается также возможный перенос

по другую сторону от придаточного любой части главного предложения, кроме имени, входящего в анафорическую связь (т. е. C_1 или C_2), или заменяющего его местоимения*. Таким образом, например, различие между *Верни ослов, которых ты взял* и *Ослов, которых ты взял, верни* для характеристики типа относительного предложения несущественно, поскольку оно не затрагивает взаимного расположения придаточного и элемента C в главном предложении (*ослов*). Соответственно, разорванное главное предложение *Ослов...верни* рассматривается в настоящей работе как предшествующее своему придаточному; ср., с другой стороны, пример (17) в § 6, где разорванное главное предложение равносильно такому, которое следует за своим придаточным.

Приведенное исчисление служит средством классификации относительных предложений: классификационной характеристикой такого предложения является набор преобразований, участвовавших в получении данного предложения из его глубинной структуры (иначе говоря, способ его порожденияенным исчислением). Типологическая характеристика языка с интересующей нас точки зрения состоит в указании типа (или типов) относительных предложений, господствующих в данном языке.

§ 5. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТРУКТУРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Данное исчисление порождает некоторую совокупность теоретически возможных структурных моделей относительного предложения. Разумеется, оно еще ничего не сообщает о том, какие из них фактически встречаются и с какой относительной частотой. Ниже рассматриваются те модели, которые реально представлены в языках мира. Выделяются основные типы относитель-

* В том случае, когда в главном предложении при элементе C имеется адъективное местоимение M , придаточное предложение может оказаться между M и C , например: *Это написано в той, что ты любишь, книге*. С интересующими нас точек зрения сложные предложения этого типа ведут себя как такие, где главное предшествует придаточному; именно так они и рассматриваются ниже.

ных предложений и указываются важнейшие общие закономерности их структуры.

Прежде всего, все относительные предложения, порождаемые данным исчислением, могут быть разделены на два класса: а) основной — сложные предложения, где хотя бы один член пары $C_1 - C_2$ сохранен; б) особый, так называемый бессубстантивный — сложные предложения, где и C_1 , и C_2 подверглись устраниению (т. е. заменены местоимениями или просто уничтожены). Примеры предложений основного класса: *Вот дом (C_1), в котором мы жили; Беру у тебя осла (C_1), какового осла (C_2) обещаю вернуть.* Примеры предложений бессубстантивного класса: *Я не знаю того, о ком вы говорите; Что посеешь, то и пожнешь; Бери, что понравится.*

Относительное предложение основного класса может быть построено из любой глубинной структуры описанного в § 4 вида. Предложение бессубстантивного класса может быть построено только в том частном случае, когда в глубинной структуре в качестве C_1 и C_2 выступают слова со столь обобщенным значением (*предмет, человек, место, время, способ* и т. д.), что существуют особые субстантивные местоимения (или местоименные наречия), равнозначные сочетаниям таких слов с различными адъективными местоимениями, например: *тот предмет — то; какой человек — кто; некоторый человек — некто; в том месте — там; во всякое время — всегда* и т. д.*

Рассмотрим относительные предложения основного класса.

Важнейшая закономерность структуры относительных предложений основного класса такова: C_1 практически всегда сохраняется, напротив, C_2 в большинстве случаев устраняется.

Устранение C_1 встречается в основном классе относительных предложений чрезвычайно редко — лишь в качестве особого стилистического приема; см. § 6, при-

* Для краткости мы не будем далее рассматривать предложения с местоименными наречиями (а также предложения с *каков — таков, сколько — столько*, которые являются результатом свертывания фраз с сочетаниями *какого качества — такого качества, какое количество — такое количество*). Для выяснения принципиальных моментов достаточно фраз с собственно местоимениями.

меры (14)–(15), (31)–(33). C_2 сохраняется только в случае преобразования II.1, которое применяется очень редко; полное отсутствие преобразований группы II, т. е. сохранение 2-го исходного предложения без каких-либо изменений, практически не встречается.

С содержательной точки зрения эта закономерность (сохранение C_1 и устранение C_2) означает следующий примечательный факт: выбор того, какой из двух анафорически связанных элементов сохранить, а какой заменить местоимением, не зависит от противопоставления «главное — придаточное» (поскольку встречаются оба возможных порядка главного и придаточного), а определяется только линейным порядком предложений*. По-видимому, это объясняется просто общим принципом анафории: нормой является анафорическая отсылка к предшествующему, а не к последующему упоминанию объекта**.

Подавляющее большинство относительных предложений основного класса (во всей совокупности обследованных языков) принадлежит к очень небольшому числу моделей, порождаемому всего тремя преобразованиями: I.1 (факультативно); II.2; IV (факультативно).

Воспользуемся примером глубинной структуры, данным в § 4. Обозначим через M_1 и M_2 местоимения, выступающие в соответствующих предложениях. Тогда основная схема сложного предложения с относительным компонентом может быть представлена так (порядок слов внутри каждого из предложений несуществен):

1-ое предложение	2-ое предложение
убежал ОСЁЛ M_1 (адъективное)	M_2 (субстантивное) мы любили

* Именно с этим обстоятельством связано то, что в избранном нами представлении глубинных структур фиксирован (и в дальнейшем не меняется) линейный порядок предложений, тогда как отношение подчинения может меняться.

** Отсылка к последующему упоминанию (например, в англ. *When he comes to London John visits his aunt*) является очень редким исключением.

У этой схемы два варианта:

А. 1-ое предложение — главное, 2-ое — придаточное.

Б. 1-ое предложение — придаточное, 2-ое — главное.

Далее, местоимения M_1 и M_2 могут быть синтаксически нейтральными или подчинительными. Если они оба синтаксически нейтральны, получается простое соединение предложений, поскольку никаких показателей связи в этом случае нет: *Этот осёл убежал, мы его любили*. Таким образом, при рассмотрении сложноподчиненных предложений этот случай исключается. Случай, когда M_1 и M_2 оба подчиняющие, реально не встречается; это легко объяснить тем, что в двойном выражении одной и той же связи нет необходимости. Тем самым остаются только те два случая, когда одно местоимение подчиняющее, а другое синтаксически нейтральное.

С учетом вариантов А и Б получаются следующие четыре модели:

A1	1-ое предложение главное	M_1 синтаксически нейтральное	2-ое предложение придаточное	M_2 подчинительное
A2	1-ое предложение главное	M_1 подчинительное	2-ое предложение придаточное	M_2 синтаксически нейтральное
Б1	1-ое предложение придаточное	M_1 синтаксически нейтральное	2-ое предложение главное	M_2 подчинительное
Б2	1-ое предложение придаточное	M_1 подчинительное	2-ое предложение главное	M_2 синтаксически нейтральное

Исходя из этой таблицы, можно ожидать, что синтаксически нейтральное адъективное местоимение M_1 (в А1 и Б1) окажется факультативным, поскольку связь предложений осуществляется здесь подчинительным местоимением M_2 . В то же время синтаксически нейтральное субстантивное местоимение M_2 (в А2 и Б2) должно присутствовать обязательно (хотя оно и не тре-

буется для связи предложений), поскольку если его опустить, то останется необозначенной синтаксическая роль (а именно — падеж) глубинного C_2 во 2-ом исходном предложении.

Из этих четырех теоретически возможных моделей реально засвидетельствованы в конкретных языках три (нет только модели Б1). В модели А1 адъективное местоимение M_1 действительно факультативно; в прочих случаях местоимения обязательны (если не считать редких случаев эллипсиса).

Модель А1 представлена исключительно широко, в частности, почти во всех индоевропейских языках. Модель А2 характерна для семитских языков. Модель Б2 является основной, в частности, для древнеиндийского, авестийского, хеттского, древнерусского (но не старославянского!); в русской диалектной речи и в просторечии она существует и в настоящее время. В ряде языков, например, в латыни и греческом, эта модель встречается, но не имеет широкого распространения.

Эти три модели демонстрируются следующими фразами-формулами (для Б2 взято русское просторечие, для А2 — арабский в русской передаче, но с сохранением «ключевого слова» 'allabī; в модели А1 факультативное слово *тот* дано в квадратных скобках):

А1. Убежал [*тот*] осёл, которого мы любили.

А2. Убежал осёл 'allabī («такой-что»), мы его любили.

Б2. Который осёл убежал, того мы любили.

В одном и том же языке могут быть представлены одновременно две из этих моделей, в редких случаях — даже все три. Чаще всего существуют модели А1 и Б2. Связь этих двух моделей объясняется следующим. Из-за преобразования «инверсия подчинения» между ними возникает та разница смыслов, о которой говорилось выше, в § 4; ее можно упрощенно обозначить так: во фразе А1 говорится о бегстве, во фразе Б2 — о любви. Если же мы захотим сказать об одном и том же, например, в обоих случаях о бегстве, то для языка с моделью Б2 нужно иметь обратный порядок предложений в глубинной структуре. Тогда получится:

А1.. Убежал [*тот*] осёл, которого мы любили.

Б2. Которого осла мы любили, тот убежал.

При таком представлении видно, что разница здесь в значительной мере сводится к тому, о чём говорится раньше и о чём позже. То, что слово *осёл* в одном случае оказывается в главном предложении, а в другом — в придаточном, определяется, как уже показано выше, не синтаксическими отношениями между частями сложного предложения, а универсальным принципом, требующим сохранения такого слова в линейно первом предложении. Таким образом, понятно, что если в языке строго фиксировано положение придаточного по отношению к главному, то в нем представлена только одна из моделей А1 и Б2 (например, только А1 в западноевропейских языках, только Б2 в хеттском). Если же допускаются оба возможных порядка, то эти модели могут сосуществовать. Например, в древнеиндийском и в древнерусском господствует модель Б2, но в тех более редких случаях, когда в этих языках придаточное стоит позади главного, представлена модель А1.

Каждая из трех описанных моделей является основным представителем целой группы моделей. Определяющим свойством группы моделей с основной моделью А1 является наличие подчинительного местоимения во 2-ом предложении. Для группы с основными моделями А2 и Б2 таким свойством является наличие подчинительного местоимения в 1-ом предложении (с инверсией подчинения в случае Б2, без такой инверсии — в случае А2).

Соответственно, выделяются три типа относительных предложений; мы будем обозначать их следующими условными названиями: классический тип (основная модель А1), архаический (основная модель Б2) и семитский (основная модель А2).

Разумеется, порождаемые нашим исчислением сложные предложения, где вообще нет подчинительного местоимения (т. е. сложносочиненные и бессоюзные), не входят ни в один из этих трех типов.

Об относительных предложениях бессубстантивного класса см. § 7. О сложноподчиненных предложениях с придаточными определительными иной структуры (не относительными) см. § 8.

Приводимая ниже таблица показывает отличительные признаки основных типов относительных предложений (в скобках указаны номера примеров, относящихся к соответствующему типу).

	M_3 подчинительное	M_2 синтаксически нейтральное или отсутствует
M_1 подчинительное	С инверсией подчинения	нет
	Без инверсии подчинения	
M_1 синтаксически нейтральное или отсутствует	Без инверсии подчинения	Классический тип: (4)–(15), (48)–(52), (63)–(66)

§ 6. ПРИМЕРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ОСНОВНОГО КЛАССА

Ниже приводятся примеры относительных предложений основного класса (а также ряда других синтаксических комплексов, порождаемых данным выше исчислением). Они распределены по типам и моделям. Для каждой модели указывается (в угловых скобках) характеризующий ее набор преобразований. В ряде случаев отмечаются варианты структуры в рамках одной модели, представляющие по тем или иным причинам типологический интерес. В частности, могут быть по отдельности продемонстрированы обычные (содержащие глагол) и безглагольные придаточные, варианты с определенным и с неопределенным C_1 , с особым порядком слов и др.

Классический тип

⟨ КОТОРЫЙ ⟩

- (4) Убежал осёл, которого мы любили.
- (5) франц. *Voici le livre que vous m'avez donné.*
- (6) нем. *Rufe den Mann, der gekommen ist.*

Для большого числа языков, в частности, для современных европейских и классических (латинского и греческого) эта модель является основной. В языках с артиклями в этой модели при C_1 практически чаще встре-

чается определенный артикль, но вполне возможен и неопределенный, ср. франц. *Voici un livre qui a fait beaucoup de bruit* и т. п.

В русском языке к этой же основной модели относятся фразы типа:

(7) *Дойдите до киоска, что стоит на углу.*

(8) *Приходил Иван, что без руки.*

(9) *Вот дома, что недавно построили.*

Употребления *что* в такой роли (т. е. вместо *который*) строго ограничено именительным и винительным падежами. Заметим, что это может создать ложное восприятие такого *что* как несклоняемого слова (или даже как союза), тогда как в действительности оно просто не употребляется в падежах, где внешнее выражение не такое, как в исходной форме.

⟨ ТОТ, КОТОРЫЙ ⟩

(10) *Убежал тот осёл, которого мы любили.*

Эта модель тоже широко распространена; при этом, однако, в языках с артиклами она используется реже, чем в языках без артиклей, поскольку в случае определенности обычно достаточно артикля, см. примеры (5), (6).

Пример с придаточным, стоящим между M_1 и C_1 (см. сноску на стр. 65):

(11) *Это написано в той, что ты любишь, книге.*

Такая структура встречается сравнительно редко, преимущественно во фразах с коротким придаточным; ср., например, лат. *is, quem dico, Decius...* 'этот Деций, о котором я говорю...'

⟨ КАКОВОЙ ⟩

(12) *Беру у тебя осла, какового осла обещаю вернуть.*

(13) лат. (Цезарь) *In castris Helvetiorum tabulae reper-tae sunt... quibus in tabulis nominatim ratio con-fecta erat...* 'В лагере гельветов были найдены таблички, в каковых табличках были поименно пе-речислены...'

Эта модель, по-видимому, приспособлена только для передачи описательных (не ограничительных) определений; по этой причине здесь не встречается преобразование ТОТ. С синтаксической точки зрения данная конструкция представляет собой в сущности переходное яв-

ление между подчинением и сочинением*; например, здесь практически невозможно вклинивание 2-го предложения в 1-ое. В латинских грамматиках *qui* в такой конструкции обычно описывается как эквивалент сочетания *et is* 'и этот'.

Приведем также примеры аномальных относительных предложений классического типа, где нарушено правило о сохранении C_1 (см. § 5).

< ТО, КАКОВОЙ >

- (14) лат. (Овидий) ... *illo iugulet, quem non bene tradiditensem* 'Пусть заколет тем мечом, который он не к добру передал', букв. «Тем пусть-заколет, который некорошо он-передал меч».
- (15) лат. (Цицерон) ... *ut ea ipsa mihi nota essent, quibus me nunc exemplis uti uidetis* 'Чтобы мне были известны те самые примеры, которыми, как вы видите, я сейчас пользуюсь', букв. «Чтобы те самые мне известны были, которыми меня сейчас примерами пользоваться (=пользующегося) видите».

В этих примерах существительное, с которым анафорически связано местоимение «тот», стоит справа от него. Подобная конструкция встречается чрезвычайно редко; см. пояснения после примера (33).

Архаический тип

< M_1 подч., ОН, инверсия подчинения >

- (16) русск. простореч. и диалектн. *Которых ребят увидишь, тем передай привет.*
- (17) русский язык XVII века *И видя царь тъхъ людей злой умыслъ, которыхъ они бояръ у него спрашивали, велълъ имъ сохранитися у царицы и у царевенъ* 'Царь же, видя злой умысел тех людей, велел боярам, которых они у него просили [для расправы], укрыться у царицы и царевен'.
- (18) лат. (Цицерон) *Neque enim metuo, ne hoc cuiquam persuadeatur, ut, ad quod facinus nemo praeter te*

* Ср. утверждение Куайна о том, что сложные предложения с описательными определениями представляют собой «стилистическую разновидность сложносочиненного предложения»; см.: W. O. Quine. Word and object. Cambridge, Mass., 1960, с. 110.

ulla pecunia adduci potuerit, id tu gratis suscipere conatus sis 'И я не боюсь, что кому-нибудь покажется, будто то преступление, на которое никто, кроме тебя, не мог бы быть склонён никакими деньгами, ты взялся совершить задаром', *букв.* «... на которое преступление никто... склонён не мог бы быть, то ты задаром совершить взялся».

- (19) др.-инд. (Ригведа) *Ágne, yám yañám...paribhúr ási, sá id devesu gachati* 'Жертва, которую ты, о Агни (т. е. огонь), охватываешь кругом, идет к богам', *букв.* «Агни, которую жертву охватываешь ты, та (она) именно к-богам идет».

Пример с безглагольным придаточным:

- (20) др.-инд. *sudughā yá gaus, tám na vinayanti* 'Корову, которая хорошо доится, не наказывают', *букв.* «Хорошодойная которая корова, ту не наказывают».

Пример с редкой для архаического типа постановкой *M₁* после *C₁*:

- (21) др.-инд. (Ригведа) *sómaní yám brahmaño vidúr, ná tásyaçnatí káçaná* '[От] Сомы, которого знают брахманы, не вкушают никто', *букв.* «Сому которого брахманы знают» + *на* («не», «неверно, что») + *tasya* (родит. падеж: «его», «от него») + «вкушает кто-либо».

⟨ *M₁* подч., ЭТОТ, инверсия подчинения ⟩

- (22) др.-инд. (Ригведа) *yé te pánthāḥ, Savitāḥ, pūrvyāśāḥ, arenávāḥ súkṛtā antárīkṣe, tébhīr no adyā pathibhīḥ... ráksā* 'О Савитар, [идя] своими древними беспыльными прекрасными небесными путями, сегодня нас защищай', *букв.* «Которые твои пути, Савитар, древние, беспыльные, хорошо проложенные в-небе, теми нас сегодня путями [идя] защищай»; придаточное безглагольное.

⟨ *M₁* подч., эллипсис—2, инверсия подчинения ⟩

- (23) русск. простореч. и диалектн. *Которые деньги останутся, положи в кошелек.*
 (24) лат. (Овидий) *Quae tamen ex illis aliquo pars umida suco et terrena fuit, versa est in corporis usum*

'А та их (камней) составная часть, которая была влажной от какого-нибудь сока и землистой, пошла для использования в качестве тела', букв. «Которая же их часть ... влажной и землистой была, пошла ...».

- (25) греч. En ^{hō} gār krīmati krīnēte, krīthēsēsthe 'Ибо каким судом судите, будете судимы'.

⟨ *M₁* подч., ОН, соф. союз, инверсия подчинения ⟩

- (26) др.-русск. *a* которыхъ трее дворцъ въпросили ва-ша братья послы, *a* тѣхъ ся есмы отступили по своеи воли 'Три двора, которые просили ваши послы, мы уступили по своей воле', букв. «А которых трех дворов запросили ваши соотечественники послы, а [от] тех мы отступились по своей воле».

Пример с безглагольным придаточным:

- (27) др.-русск. *a* что золото княгини моее оленино, *a* то есмь далъ дчери моей фетинъ 'Золото княгини моей Алёны я отдал дочери моей Фетинье'. Слово *что* выступает здесь в адъективной функции; ср. также (2) и (30). Как известно, современное русское *что* во фразах типа (7)–(9) является реликтом именно такого древнерусского *что* (с точностью до различия между архаическим и классическим типами).

- (28) хетт. ki-kan turpi kuiš DUB.SAR-aš halzai п-ап ^đUTU-иš pahšatari 'Бог солнца да охранит того писца, который читает эту табличку' букв. «Эту табличку который писец читает, а*-его бог-солнца да-охранит».

Пример с безглагольным придаточным:

- (29) хетт. *ni* kuiš ^đan pedaš DUMU *ni* LUGAL-иš apaš kišaru 'Пусть станет царем сын второго ранга (от наложницы)', букв. «А который второго ранга сын, а царь он да-станет».

⟨ *M₁* подч., ЭТОТ, соч. союз, инверсия подчинения ⟩

- (30) русский язык XVI века *A* что человѣкъ мой Истомка Суворовъ сынъ Граборуковъ бѣгаєть, и тотъ человѣкъ женъ моей Соломаний, а которые мои иные

* Хетт. *ni* (*n-*) передано в буквальном переводе как «а» по образцу древнерусского языка, ср. выше; вообще др.-русск. *a* и хетт. *ni*, по-видимому, типологически очень близки.

люди, и тъхъ всъхъ людей отпустить на свободу, а женѣ моей и сыну до нихъ дѣла нѣтъ ‘Мой человек Истомка Суворов сын Граборуков, который в бегах, [достается] жене моей Соломаниде, а всех прочих моих людей отпустить на свободу; жене же моей и сыну до них дела нет’. Первое придаточное вводится адъективным *что*, ср. выше, (27). Второе придаточное безглагольное.

Модели с сочинительным союзом [примеры (26)–(30)] могут быть отнесены к числу сложноподчиненных предложений лишь в силу некоторого упрощения (ср. § 3). В действительности мы имеем здесь дело с явлением, переходным между сочинением и подчинением. В древнерусском эти модели, кроме того, очень слабо ограничены от сложных предложений, выражающих условие (например, *a едешь по корову, а вези три гривны* ‘Если едешь за коровой, то вези три гривны’); ср. фразу (58), которую можно истолковать и как относительную, и как условную.

Как и в классическом типе, возможны также аномальные предложения, где устранено *C₁* (тогда как *C₂* сохранено):

〈 ЧТО, ЭТОТ 〉

- (31) др.-инд. (Бхагавадгита) *yat eva hatvā na jīvīśamas, te 'vasthiḥ pramukhe dhartarastraḥ* ‘Ведь напротив [нас] выстроились члены рода Дхритараштры, убив которых мы не захотели бы жить’, букв. «Которых ведь убив не хотим-жить, те выстроились напротив Дхритараштровичи».
- (32) лат. (Овидий) *Quem vix incolumi cūquāt salvo-que darestis, is datus a vobis est mihi puper honor* ‘Мне оказано теперь вами уважение, какое вы едва ли оказали бы [даже] кому-нибудь незапятнанному и благополучному’, букв. «Которое едва-ли невредимому кому-нибудь и-целому вы-оказали-бы, то оказано вами было мне недавно уважение».
- 〈 ЧТО 〉
- (33) лат. (Овидий) ... *altera, quas oriens habuit, prae-lata puellis* ‘Другая (Фисба) — лучшая из девушек Востока’, букв. «Другая, которых Восток имел, предпочтена девушкам».

Во всех этих примерах существительное, с которым анафорически связано местоимение «который», стоит справа от него. Такая конструкция, как и конструкция (14) — (15), встречается крайне редко — только в текстах, написанных изощренным литературным языком. Она используется в качестве особой стилистической фигуры, эффект которой определяется именно тем, что здесь нарушается норма обычной речи. Так, например, у Овидия подобная конструкция выступает лишь как частное проявление известной синтаксической особенности его индивидуального поэтического стиля, состоящей в том, что определяемое существительное часто помещается правее всех его определений и всех отсылающих к нему местоимений.

Семитский тип

< M₁ подч., OH >

- (34) араб. *gā'a lfallāḥu llabī 'a'rifūhi* 'Пришел крестьянин, которого я знаю', букв. «Пришел крестьянин такой-что: я-знаю-его»; ср. также (3).

Примеры с безглагольным придаточным:

- (35) араб. *gā'a lfallāḥu llabī huwa ḥanīyip* 'Пришел крестьянин, который богат', букв. «... такой-что: он богатый».

- (36) араб. *gā'a lfallāḥu llabī 'alayhi būrdun* 'Пришел крестьянин, на котором был плащ', букв. «... такой-что: на-нем плащ».

Пример, где местоимение «он» придаточного предложения «скрыто» в глагольной словоформе:

- (37) араб. *gā'a lfallāḥu llabī yaskipi fi lwādī* 'Пришел крестьянин, который живет в долине', букв. «... такой-что: он-живет в долине».

Отличие от (3) и (34), где в буквальном переводе значения «их», «его» тоже присоединены к глагольной словоформе, в том, что показатель объекта в арабском языке — единая четко выделяющаяся морфема, та же, которая выступает после предлогов, и сходная с местоимением в независимом употреблении. Между тем показатели субъекта (например, *u-* в *yaskipi*) различны в разных частях глагольной парадигмы и вообще не всегда могут быть однозначно выделены.

(*M₁* подч., эллипсис — 2)

- (38) араб. *gā'a lfallāhu llabī 'a'rifū* 'Пришел крестьянин, которого я знаю', букв. «... такой-что: я-знаю». Отличие от (34) — в отсутствии конечного *-hu* «кого». Эллипсис этого типа возможен лишь там, где *C₂* было прямым дополнением. Модель более редкая, чем (34).

Все виды конструкций с *'allabī* ограничены в арабском языке случаем, когда *C₁* определенное, т. е. имеет артикль ('a)l-. Если *C₁* неопределенное, используется модель (1); см. также пояснения после примера (90).

По-видимому, в тот же тип, что арабское *'allabī*, попадают рассмотренные Бенвенистом показатели относительности в языках эве и туника (см. указанную статью Бенвениста). Особенность здесь в том, что эти показатели состоят из двух частей, которые обрамляют придаточное относительное.

С формальной точки зрения, такую же структуру, как (38), имеют греческие сложные предложения с так называемой аттракцией. Под аттракцией в греческой грамматике понимается замена «тому, которого» ⇒ «которому», «теми, которых» ⇒ «которыми» и т. п. (где «который» получает падеж слова «тот»), например:

- (39) греч: *Sūn hoîs eîkhe stratiôtais eei pros teîkhos* 'С теми воинами, которых он имел, он пошел к крепостной стене', букв. «С которыми имел воинами пошел к стене» (о порядке слов см. сноска на стр. 65).

Обычной для греческого языка здесь была бы структура *Sūn toûtois stratiôtais, hoîs eîkhen, eei pros teîkhos*, по образцу (10), или *Sūn toûtois, hoîs eîkhe, stratiôtais eei pros teîkhos*, по образцу (11). Аттракция встречается обычно при том же условии, что и арабские фразы типа (38), — если глубинное *C₂* было прямым дополнением.

Переходные случаи, возникающие в условиях эллипсиса

Некоторые случаи эллипсиса требуют особого разбора, поскольку получаемые структуры оказываются типологически двусмысленными.

Степень допустимости эллипсиса связана по крайней мере со следующими двумя факторами. Прежде всего,

существенно то, какова синтаксическая функция подвергаемого эллипсису слова C : благоприятны для эллипсиса функции подлежащего и прямого дополнения*, все остальные — менее благоприятны. Для языков, имеющих падежи, можно говорить просто о падеже слова C : C в именительном или винительном падеже подвергается эллипсису легче, чем в других падежах.

С другой стороны, для эллипсиса существенно следующее. В результате эллипсиса какого-либо из членов пары $C_1—C_2$ в получаемом сложном предложении эта пара оказывается представленной каким-то одним элементом. Для эллипсиса благоприятен тот случай, когда этот элемент имеет такое внешнее выражение, которое допускает как синтаксическую функцию (практически — падеж) глубинного C_1 , так и синтаксическую функцию (падеж) глубинного C_2 **. Случай, когда это не так, для эллипсиса неблагоприятен.

Рассмотрим более подробно эллипсис C_2 в архаическом типе. Возьмем в качестве исходного образца следующее относительное предложение архаического типа (здесь и далее для демонстрации синтаксических структур используется русское просторечие): *Которых имел воинов, тех прислал*. Эта фраза имеет глубинную структуру, максимально благоприятную для эллипсиса: C_1 и C_2 стоят в одном и том же падеже, причем подходящем для эллипсиса (винительном).

Эллипсис C_2 означает здесь снятие слова «*тот*»: *Которых имел воинов, прислал*. В этой фразе в главном предложении (*прислал*) нет уже ни C_2 , ни M_2 , т. е. остаются только такие элементы, которые можно переносить по другую сторону придаточного без изменения типологической характеристики относительного предложения (см. § 4). Иначе говоря, здесь возможен вариант: *Прислал, которых имел воинов*. Эквивалентность подоб-

* Эллипсис подлежащего находится в несколько особом положении: в тех случаях, когда такой эллипсис является нормой, в описаниях обычно признается не эллипсис, а наличие так называемого «скрытого» местоимения, ср. (37). Поэтому практически среди тех случаев, которые всегда трактуются именно как эллипсис, первое место по частоте занимает эллипсис прямого дополнения, ср. (23), (38), (39), (63)—(65), (67), (68), (73).

** Разумеется, простейший частный случай состоит здесь в том, что C_1 и C_2 стоят в одном и том же падеже; но достаточно и омонимия разных падежей.

ных вариантов наглядно демонстрируется следующим примером, где одно из двух однородных придаточных стоит слева от главного, а другое — справа:

- (40) лат. (Овидий) *Sed neque quas posset terris induce-re nubes tunc habuit, nec quos caelo demitteret im-bres* 'Но оно (верхнее небо) тогда не имело ни туч, которые он (Зевс) мог бы навести на землю, ни дождей, которые он пролил бы с неба', букв. «Но ни которые мог-бы на-земли навести тучи тогда [не] имело, ни которые с-неба ниспослал-бы дожди».

Отсюда следует, однако, что фразу *Которых имел воинов, прислал* (= *Прислал, которых имел воинов*), равно как и пример (40), вообще говоря, можно рассматривать не только как относительные предложения архаического типа, полученные преобразованиями « M_1 подч.» и «эллипсис-2», но и как аномальные относительные предложения классического типа, полученные преобразованиями «эллипсис-1» и КАКОВОЙ, — иначе говоря, как отличающиеся от примеров (14), (15) только отсутствием слова «тот».

Далее, в данной фразе (в обоих ее вариантах) слово *воинов* может рассматриваться не только как дополнение к *имел*, но и как дополнение к *прислал*. В последнем случае запятые будут расставлены иначе: *Которых имел, воинов прислал* (= *Прислал, которых имел, воинов*). Изменится и типологическая характеристика фразы: это будет аномальная модель архаического типа (33), полученная преобразованием ЧТО; впрочем, она отличается от допустимой модели классического типа (11) только отсутствием слова «тот». Так же двусмысленны синтаксические связи, например, слов *имущество* и *утварь* во фразах: *Которое оставалось имущество растащили, Которая оставалась утварь растащили*, — хотя здесь этим словам при различных интерпретациях должны быть приписаны разные падежи.

З а м е ч а н и е. В подобных случаях слово, представляющее глагольные C_1 и C_2 (*воинов, имущество, утварь*) оказывается, таким образом, как бы одновременно подчиненным двум разным глаголам. При этом в примерах типа последних двух такое слово (*имущество, утварь*) как бы одновременно выступает и в одном и в другом из внешне совпадающих в нем падежей. Эффекты такого рода следует расценивать как важное свидетельство против слишком механического взгляда на сущность падежной омонимии.

Однозначность или неоднозначность синтаксических связей слова типа *воинов* отчасти зависит также от порядка слов. Здесь возможны следующие варианты (ради краткости мы уже более не отмечаем возможных перемещений слова *прислал*):

- а) *Которых имел воинов прислал* (*воинов* может быть дополнением как к *имел*, так и к *прислал*);
- б) *Которых воинов имел, прислал* (*воинов* однозначно относится к *имел*);
- в) *Которых имел, прислал воинов* (*воинов* однозначно относится к *прислал*).

Случай «а» представлен, в частности, примером (40), «б» — примерами (23) — (25). Пример для случая «в»:

- (41) лат. (Овидий) *Nec, quae praeteriit, utquam revocabitur unda* ‘И никогда не возвратится волна, которая прошла’, букв. «Ни, которая прошла, когда либо возвратится волна».

Возьмем теперь в качестве исходной фразы архаического типа такую, где глубинные C_1 и C_2 внешне различны, например: *Которых имел воинов, те погибли*. В таких фразах, как уже отмечено выше, эллипсис затруднен. Случай «а» (с неоднозначной синтаксической связью оставшегося C) здесь невозможен. Пример случая «б»:

- (42) лат. (Овидий) ... *incustoditae diripiuntur opes... et quas divitias incola pauper habet* ‘Подвергается разграблению неохраняемое имущество и те [жалкие] богатства, которые имеет бедный земледелец’ (синтаксическая структура типа: *Погибли, которых воинов имел*).

Случай «в» (т. е. такой, где слово C переходит в главное предложение) требует здесь, в отличие от (41), изменения падежа у C . Здесь имеются две возможности:

в') *Которых имел, воины погибли* (или *Которых имел, погибли воины*). Таков пример (33).

в'') *Которые имел воины погибли* (или *Которые воины имел погибли*). Это не что иное как атракция; см. пример (39).

Таким образом, двусмысленные с типологической точки зрения структуры, создаваемые эллипсисом, составляют как бы переходные звенья между структурами разных типов.

Отсутствие подчинения

⟨ ОН ⟩

(43) Убежал осёл, мы его любили.

⟨ ЭТОТ ⟩

(44) Убежал осёл, этого осла мы любили.

⟨ ОН, соч. союз ⟩

(45) Убежал осёл, а мы его любили.

⟨ ЭТОТ, соч. союз ⟩

(46) Убежал осёл, а мы этого осла любили.

Фразы такой структуры — бессоюзные или сложносочиненные.

⟨ эллипсис—2 ⟩

(47) Есть речи — значенье темно иль ничтожно...

Фразы, построенные по этой модели, широко представлены в русском просторечии и в говорах, например: *А там живет старик, зовут Федотом*. Многочисленные примеры такого рода известны также из истории русского и других языков. Эта модель в общем случае дает бессоюзное предложение, которое воспринимается как эллиптическое; но в языках с фиксированным порядком слов она может быть использована для формирования сложноподчиненных предложений; см. примеры (91), (92) в § 8.

§ 7. ПРИМЕРЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ БЕССУБСТАНТИВНОГО КЛАССА

Для относительных предложений бессубстантивного класса обязательными являются преобразования, устраивающие C_1 (I.2 или I.3) и C_2 (II.2 или II.3). Следует учитывать, однако, что несмотря на внешнее сходство, замены существительных на субстантивные местоимения (т. е. преобразования I.2 и II.2) в основном и в бессубстантивном классе по существу весьма различны. В основном классе заменяющее местоимение указывает на соответствующий объект путем отсылки к прямому его упоминанию в другом предложении (ср., например, *который* как замену слова *осёл*), а в бессубстантивном классе местоимение само включает в себя значение соответствующего имени (ср., например, *что* как замену слова *предмет*: *что* есть просто синоним сочетаний *какой предмет*, *каковой предмет*). Именно поэтому становит-

ся возможной основной особенностью бессубстантивного класса — устранение *C* в обоих предложениях.

З а м е ч а н и е. По этой причине не являются аномальными, в отличие от (31), (32), фразы основного класса вроде следующей (русский язык XVII века): *А кто не похочет в тяглѣ быти, и тѣмъ людемъ лавки свои продать государевымъ тяглымъ людемъ* 'А кто не захочет быть в тягле, те должны продать свои лавки государевым тяглым людям'.

В бессубстантивном классе выделяются те же три основных типа, но здесь внешние различия между типами менее значительны из-за отсутствия *C₁*. В частности, фразы классического и архаического типа внешне различаются только порядком частей, ср., например, (48) и (53). Максимальная нейтрализация типов наступает здесь в случае эллипсиса (в связи с чем примеры бессубстантивных предложений с эллипсисом даны ниже отдельно; см. пояснения при этих примерах).

Иным здесь оказывается также распределение структур разных типов по языкам. Наиболее заметную особенность составляет то, что в бессубстантивном классе широко представлены предложения архаического типа: они возможны даже в таких языках, где в основном классе представлен только классический тип (например, в литературном русском) или только семитский (например, в арабском).

Относительные предложения бессубстантивного класса смыкаются со сложноподчиненными других типов (с придаточными дополнительными, субъектными, обстоятельственными); это в особенности справедливо для предложений с эллипсисом. Нас интересуют, однако, именно те аспекты относительных предложений бессубстантивного класса, в которых проявляется их внутренняя связь с основным классом относительных предложений; особенности, которые дают основание выделить их в отдельные типы сложных предложений, здесь не рассматриваются.

Бессубстантивные предложения без эллипсиса

Классический тип

< ТО, КОТОРЫЙ >

(48) *Хорошо смеется тот, кто смеется последним.*

(49) *Скажите ему что-нибудь, что может его утешить.*

- (50) лат. *Mercatores ea, quae ad effeminatorum animos pertinent, important* 'Купцы привозят то, что способствует изнеживанию духа'.
- (51) др.-инд. Indraya sa ṛgātāmate, nātāye yo bāliyaṣe 'Поклоняется Индре тот, кто поклоняется сильнейшему'.
- (52) франц. *Prends ce qui te plaira.*

В 1-ом предложении могут выступать самые различные местоимения; например, возможны пары местоимений: *те, кто; некто, кто; кто-либо, кто; все, кто; всякий, кто; нечто, что; всё, что и т. д.*

Архаический тип

< ЧТО, ОН, инверсия подчинения >

- (53) *Кто ищет, тот найдет.*
- (54) *Чему быть, того не миновать.*
- (55) лат. *Cuius regio, eius religio* 'Чья страна, того и вера'.
- (56) др.-инд. (Ригведа) *yó dyām ástabhñāt, sá janāsa īndrah* 'Именно Индра, о люди, укрепил небо', букв. «Кто небо укрепил, он, люди,— Индра».
- (57) араб. *famā taf'ālū min ḥaygīn, ya'lāmhu llaḥu* 'А что вы сделаете хорошего, то пусть-знает бог'.

< ЧТО, ОН, соч. союз, инверсия подчинения >

- (58) др.-русск. *а кто речеть судъ, а тому судъ* 'А кто потребует суда, тому [дать] суд'.
- (59) др.-русск. *а что с нимъ погыбло, а того ему жел бти* 'А что с ним пропало, о том ему [остается лишь] сожалеть'.
- (60) араб. *famani 'tada 'alaykum, fa'tadū 'alayhi* 'А кто нападает на вас, и вы на того нападайте', букв. «А-кто нападает на-вас, а-нападайте на-него».

Семитский тип

< ЧТО, ОН >

- (61) араб. *ḡā'a llaḍāni 'allamtaḥumā* 'Пришли те двое, которых ты обучал', букв. «Пришли два-такие-что: ты-обучал-их».

- (62) араб. *Iā yantiqu man fī famihī tā'ip* ‘Не может говорить тот, у кого во рту вода’, букв. «Не говорит» + *man* («кто», но в данной конструкции «тот, что») + «во рту-его вода».

Бессубстантивные предложения с эллипсисом

Нормальным здесь является случай, когда субстантивное местоимение, представляющее в поверхностной структуре глубинные C_1 и C_2 , допускает как синтаксическую функцию (падеж) глубинного C_1 , так и синтаксическую функцию (падеж) глубинного C_2 ; ср. выше, § 6. Примеры, где это не так, ниже отмечены особо.

В отличие от других групп относительных предложений, для данной группы распределение по типам носит в значительной степени условный характер: большинство фраз, вообще говоря, можно было бы получить из глубинной структуры и другими наборами преобразований; см. об этом ниже.

Классический тип

⟨ эллипсис—1, КОТОРЫЙ ⟩

- (63) *Бери, что понравится.*
 (64) лат. *Age, quod agis* ‘Делай то, что делаешь’.
 (65) франц. *Tu veux inviter qui tu voudras.*
 (66) англ. *Think about what you are doing.*

За пределами нормального случая эллипсис в классическом типе, как правило, дает нелитературные фразы, например: *Я сделал, о чем вы просили.*

Архаический тип

⟨ ЧТО, эллипсис—2, инверсия подчинения ⟩

- (67) *Что понравится, бери.*
 (68) лат. *Quos vult perdere, dementat* ‘Кого хочет погубить, лишает разума’.
 (69) франц. *Qui vivra verrà.*
 (70) англ. *Whoever does it will be punished.*

Эллипсис за пределами нормального случая в архаическом типе несколько более приемлем, чем в классическом, ср.: *О чём вы просили, я сделал.* Ср. также литературный пример:

- (71) лат. (Овидий) *Dumque rogat, pro qua rogat, occidit*
 'Но пока она (Ниоба) просит, [та,] за которую просит, погибает'.

Семитский тип

〈 ЧТС . эллипсис—2 〉

- (72) араб. 'amaga bimā qalat 'Он приказал [сделать] то, что она сказала', букв. «Он-распорядился о (bi-)»+та [«что», но в данной конструкции «то, что», ср. (62)] + «она-сказала».

Пример эллипсиса за пределами нормального случая в семитском типе составляет аттракция [ср. (39)]:

- (73) греч. Sūn hoīs eīkhen ēei prōs teīkhos 'С теми, кого имел, пошел к крепостной стене', букв. «С которыми имел пошел к стене»*.

В приведенных здесь примерах (кроме тех, где эллипсис выступает за пределами нормального случая) в действительности происходит нейтрализация всех трех основных типов относительного предложения. В самом деле, разница, например, между (63) и (67) сводится к переносу слова *бери*, который для типологической характеристики относительного предложения несуществен. С другой стороны, разница, например, между (66) и (72) теоретически должна состоять в том, что *what* входит в придаточное предложение (т. е. подчинено слову *doing*), а *ta* — в главное (т. е. подчинено предлогу *bi-*). Однако, как уже отмечено в § 6, в действительности в подобных фразах у слова, представляющего глубинные *C₁* и *C₂* (здесь *what*, *ta*), синтаксическая связь устанавливается неоднозначно: такое слово как бы одновременно подчинено двум разным словам (соответственно из главного и из придаточного предложений). Это значит, что интерпретация (66) как структуры классического типа, а (72) — как структуры семитского типа основана в сущности не на анализе самих этих фраз, а лишь на том, какой тип вообще является характерным для соответствующего языка.

* Ср. пример аттракции в русском: ... *хозяин дома, лизавшийся употребления ног на службе верою и правдою и награжденный за то всем, чем выше упомянуто было* (Достоевский, «Двойник»).

§ 8. ЗАМЕЧАНИЯ О СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРИДАТОЧНЫМ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫМ, НЕ СОДЕРЖАЩИМ СОЮЗНОГО СЛОВА

В настоящей статье мы не имеем возможности рассмотреть этот класс сложноподчиненных предложений достаточно подробно и ограничимся лишь некоторыми наблюдениями.

В сложноподчиненных предложениях этого класса *C*, входящее в главное предложение, всегда сохраняется, а *C*, входящее в придаточное, всегда устраняется*. Таким образом, синтаксическая связь устанавливается между элементом *C* главного предложения и всем придаточным предложением. Для установления этой связи могут служить (помимо интонации и других просодических явлений) следующие средства:

- 1) неизменяемое служебное слово (союз или частица);
- 2) постановка какого-либо члена придаточного или главного предложения в особую грамматическую форму;
- 3) порядок слов (это средство обычно выступает как сопутствующее, но при отсутствии обоих предыдущих средств может оказаться и единственным показателем подчинения).

Устранение *C* в придаточном предложении создает две возможности: а) либо это *C* заменяется синтаксически нейтральным** субстантивным местоимением (типа «он»); б) либо *C* устраняется без какой-либо замены. В предложениях рассматриваемого класса операция «б» часто приобретает особое значение: отсутствие *C*

* Это правило само по себе представляется довольно естественным: любые сокращения в подчиненном члене с синтаксической точки зрения проще, чем в подчиняющем (поскольку они требуют меньшей перестройки синтаксической структуры). Но, с другой стороны, оно расходится с правилом о сохранении *C₁* и устраниении *C₂*, которое действует в относительных предложениях. Это расхождение хорошо согласуется, однако, с высказанным выше (§5) предположением о том, что данная особенность относительных предложений вытекает из общих свойств местоимений. В самом деле, рассмотренные здесь сложные предложения отличаются от относительных как раз тем, что подчинение обеспечивается в них не местоимениями, а другими средствами; поэтому нет оснований ожидать, что здесь будут соблюдатьсь закономерности, вытекающие из свойств местоимений.

** Если *C* заменяется подчинительным местоимением, то получается обычное относительное предложение.

представляет собой уже не эллипсис, как в относительных предложениях, а необходимый признак правильной подчинительной структуры. В относительных предложениях можно восстановить такую эллиптическую структуру до полной; в значительной части определительных предложений данного класса соответствующее место не может быть заполнено без разрушения подчинительной структуры; таким образом, «незаполненная валентность» у сказуемого (или другого члена) придаточного предложения является здесь одним из средств, обеспечивающих подчинение; ср. примеры (86), (87), (91), (92).

В некоторых сложных предложениях данного класса при *C* главного предложения может выступать синтаксически нейтральное адъективное местоимение (типа «тот») — как в относительных предложениях классического типа.

В отличие от придаточных относительных, определительные придаточные других классов обычно не имеют специфической, свойственной только им, структуры. Как правило, они совпадают по структуре либо с придаточными других типов, либо с простыми определениями, выраженными именем.

Подчинение, выраженное неизменяемым служебным словом

Если определительное придаточное вводится с помощью неизменяемого служебного слова (союза или частицы), то это слово — как правило, то же, которое вводит так называемое придаточное изъяснительное (например, *Я знаю, что он болен*); довольно часто такое слово способно вводить и многие другие виды придаточных, т. е. выступает как своего рода универсальный показатель подчинения. Примером такого многофункционального показателя может служить таджикское *ки* (переданное ниже в буквальном переводе как «что»).
 (74) тадж. *Китобе, ки онро ман хондам, хуб аст*. ‘Книга, которую я прочел, хороша’, букв. «Книга, что ее я прочел, хорошая есть». Здесь *C* придаточного предложения (т. е. *C*₂) заменено синтаксически нейтральным местоимением *онро*. Возможен также вариант (с тем же значением), где *C*₂ просто отсутствует:

(75) *Китобе, ки ман хондам, хуб аст*.

Заметим, что русские фразы типа *Он высказал мнение, что нужна операция, Этот материал обладает тем свойством, что его не нужно гладить* не аналогичны таджикским: здесь придаточное имеет изъяснительный, а не определительный характер. На фразу (75) очень похожи по структуре фразы (7)–(9); иная типологическая трактовка фраз (7)–(9) определяется прежде всего тем, что в русском невозможна модель (74), т. е. фразы типа **Вот дома, что их недавно построили*; см. также пояснения после примера (9). Трактовка *что* как союза, по-видимому, возможна только в таких неправильных с точки зрения литературного русского языка фразах, как *Где эта улица, где этот дом, где эта девушка, что я влюблен?*

Среди многофункциональных показателей типа тадж. *ки* выделяются показатели, у которых функция введения придаточных определительных выступает как основная, а прочие функции — как второстепенные. Таково, например, др.-евр. *'ăšeg*:

(76) др.-евр. *'ăšaheb̄ kol-baśar 'ăšer bō ruah hayyim*
‘Истреблю всякую плоть, в которой есть дух жизни’, букв. «Истреблю всякую-плоть» + *'ăšer* + «в-ней дух жизни». Здесь *C₂* заменено синтаксически нейтральным местоимением -о (*b-o* «в ней»).

(77) др.-евр. *wayyaśem šam 'eθ-hā'ādām 'ăšer yasār*
‘И он поместил там человека, которого создал’, букв. «И-он-поместил там человека» + *'ăšer* + «он создал». Здесь *C₂* просто отсутствует.

Показатель *'ăšeg* может вводить придаточные изъяснительные, обстоятельственные и др., но чаще для этого употребляются другие служебные слова (например, *kī* «что» и др.); таким образом, специфическая (и самая частая) функция *'ăšeg* состоит именно во введении придаточных определительных. В этой своей функции *'ăšeg* вполне сходно с араб. *'allabī*, с тем отличием, однако, что *'ăšeg* неизменяемо:ср., например, (76) и (36), (77) и (38). Типологическое сходство *'ăšeg* с *'allabī* и другими подчинительными местоимениями семитского типа особенно ясно выступает в бессубстантивном типе, где *'ăšeg* ведет себя как местоимение (причем являющееся членом главного предложения). Примеры:

- (78) др.-евр. *kī mī yūχal ləθaqqēn 'eθ 'āšer 'Iwwəθō* ‘Ибо кто может выпрямить то, что он искривил’, букв. «Ибо кто может выпрямить» + 'ēθ (предлог, вводящий прямое дополнение) + 'āšer + «он-искривил-его». Ср. (61), (62).
- (79) др.-евр. *wayyomer la'āšer 'al-beθō* ‘И он сказал тому, кто был над домом его (т. е. своему домоправителю)’, букв. «И-он-сказал» + *la-* (=англ. *to*) + + 'āšer + «над-домом-его». Ср. (72).

Таким образом, сложные предложения со специальным неизменяемым показателем определительной связи типа 'āšer образуют как бы переходную группу между относительными предложениями (семитского типа) и предложениями с универсальным подчинительным союзом типа тадж. *ки*; соответственно, сам такой показатель представляет собой промежуточное явление между союзным словом и союзом.

В некоторых языках показатель типа 'āšer стоит не между главным и придаточным предложениями, а в конце придаточного предложения; по-видимому, таковы показатели определительной связи, например в шумерском и в навахо; см. указанную статью Бенвениста.

Подчинительный союз, используемый для введения определительных предложений, может вступать во взаимодействие с синтаксически нейтральными местоимениями главного или придаточного предложения. В качестве примера здесь можно взять древнеисландский язык. В этом языке придаточные определительные вводятся многофункциональным подчинительным союзом *er* (в наиболее древних текстах *es*) — обычно по модели (75), реже (74). Пример:

- (80) др.-исл. *Egill átti son, er Gunnarr hét* ‘У Эгиля был сын, которого звали Гуннар’, букв. «Эгиль имел сына, что Гуннар звался».

Элемент *C* главного предложения может сопровождаться здесь указательным местоимением *sa* « тот ». Это местоимение может ставиться перед *C*, но чаще всего оно стоит перед *er* (*es*), например:

- (81) др.-исл. *á isi vatns, þess er Vænir heitir* ‘на льду озера, которое называется Венерн’, букв. «на льду озера того (*þess*, родит. падеж) что Венерн называется»,

- (82) др.-исл. *konung, þann er undir honum eru skatt-konungar* ‘короля, которому подчинены короли-данныки’, букв. «короля того (*þann*, винит. падеж) что под ним есть короли-данныки».

В таких случаях формы местоимения *sá* с ритмико-intonационной точки зрения примыкают к *er*, а не к предшествующему существительному (ср. постановку запятой); сочетание *sá es* даже сливаются в *sás*. Очевидно, что если бы такое сращение осуществилось полностью, получилось бы союзное слово, в точности эквивалентное арабскому *'allabí*, т. е. сложное предложение было бы относительным предложением семитского типа. Таким образом, данная древнеисландская конструкция позволяет проследить один из возможных путей развития относительных предложений из предложений с подчинительным союзом.

Возможен и другой вариант подобного развития: объединение подчинительного союза (или частицы) с синтаксически нейтральным местоимением, входящим в придаточное, а не в главное предложение. Такое объединение произошло, например, в готском: местоимение *sa* ‘ тот, он’ (ср. др.-исл. *sá*), заменяющее *C* придаточного предложения, объединилось с подчинительным союзом *ei* ‘что, чтобы’ (который в этом случае стоит не в начале придаточного, а после *sa*). Пример:

- (83) гот. *wodan þana saei habaida laigaion* ‘бесновавшегося который имел легион [бесов]’ букв. «бесновавшегося того что-он (*sa* «он», *ei* «что») имел легион».

Понятно, что в результате такого слияния получается союзное слово типа *который* (именно так и переводят готское *saei*), а само сложное предложение превращается в относительное предложение классического типа. Сходное развитие можно предполагать для старославянского *иже* «который», состоящего из указательного **и* и частицы *же* (с тем отличием, однако, что *же* представляет собой не подчинительный, а противительный элемент).

Во многих языках, для которых конструкция (82) нехарактерна, она все же возможна в том частном случае, когда при *C* главного предложения стоит местоимение со значением «такой». Ср., например, в русском:

- (84) *Это такой человек, что с ним можно говорить откровенно.*

Эта особенность слова *такой* объясняется тем, что оно равнозначно сочетанию *имеющий то свойство*, а слово *свойство* допускает придаточное изъяснительное (ср. выше). Таким образом, в сущности, мы имеем здесь дело не с придаточным определительным к слову *человек*, а с придаточным изъяснительным к слову *такой*. В математическом языке имеется, однако, тенденция превратить сочетание *такой что* в аналог арабского 'allabī и вводить с его помощью собственно определительные придаточные, например:

- (85) *Построим треугольник, такой что радиус вписанной в него окружности равен а* (обратить внимание на место слова *такой* и на постановку запятой).

Подчинение, выраженное особыми грамматическими формами

Особые грамматические формы, служащие для синтаксического оформления придаточного определительного, практически возможны, по-видимому, только у сказуемого придаточного предложения и (реже) у элемента *C* главного предложения. Так, сказуемое придаточного предложения в ряде языков ставится в особом наклонении. Сходный по существу прием используется при построении определительной конструкции в тюркских языках: глагол ставится здесь в форме так называемого причастия, различающей времена, но не различающей лиц и залогов (ниже эта форма в буквальном переводе условно передана деепричастием). Заметим, что сама эта определительная конструкция обычно не рассматривается в грамматиках тюркских языков как придаточное предложение (из-за ее прямого сходства с простым определением). Примеры:

- (86) татар. *сез очраткан кеше* 'человек, которого вы встретили', букв. «вы встретивши человек»;
 (87) татар. *сезне очраткан кеше* 'человек, который вас встретил', букв. «vas встретивши человек».

Существенным элементом структуры здесь является «незаполненная валентность»: в *сез очраткан* не хватает прямого дополнения, в *сезне очраткан* — подлежащего;

отсюда явствует, какую роль должно играть при глаголе «встретить» слово «человек».

В аккадском языке наряду с относительными предложениями (семитского типа) возможны также сложные предложения с придаточным определительным, в которых средством подчинения служит постановка элемента *C* главного предложения в так. наз. *status constructus*, т. е. в ту форму, которую в семитских языках принимает подчиняющий член сочетаний типа «дом отца».

(88) аккад. *bīt 'iṣiši 'imqut-ma* ‘Дом, который он построил, рухнул’, *букв.* «Дом (*bīt* — *status constructus* от *bītum*, ср. *bīt 'abīja* ‘дом моего отца’) он-построил он-рухнул».

Заметим, что эта аккадская модель в сущности близка к арабским, например, к (38); *C₁* в *status constructus* функционально эквивалентно сочетанию *C₁*+‘*allabī*: и то и другое показывает, что последующая синтаксическая единица определяет *C₁*, а без такого определения ни то, ни другое существовать не может. Различие здесь в основном в технике внешнего выражения: ‘*allabī* прибавляется к *C₁*, а *status constructus* есть в сущности результат вычитания из *C₁* некоторой морфемы.

Подчинение, выраженное порядком слов

В ряде языков личная форма глагола, поставленная не на то место, которое закреплено за сказуемым, а на то, где нормально стоит определяющее имя (например, прилагательное), получает функцию определения, например: араб. *fallāhūn* *uapati* ‘спящий крестьянин’ (подобно *fallāhūt* *uapīyyūt* ‘богатый крестьянин’), ср. предикативную синтагму *uapati fallāhūn* ‘крестьянин спит’; см. также пример (1) в § 2. То же (но с противоположным порядком слов) в японском: *хон-о ёму хито* ‘читающий (ёму) книгу (хон-о) человек (хито)’, ср. *хито-ва хон-о ёму* ‘человек читает книгу’.

В тех случаях, когда глагольная форма способна функционировать как самостоятельное предложение, комплекс данного типа может оказаться внешне неотличимым от последовательности двух самостоятельных предложений; таков пример (1). Ср. также:

- (89) араб. *habā kitābu 'anzalnāḥu* 'Это книга, которую мы ниспослали' или 'Это книга. Мы ее ниспослали'. Здесь синтаксическая роль, которую должно играть слово «книга» при *'anzalna* «мы-ниспослали», показана синтаксически нейтральным местоимением *-hu*;
- (90) др.-евр. *wəzārah haššāmeš ūba haššāmeš wə'el təqōmo šo'ēφ zoreah hu šām* 'И восходит солнце, и заходит солнце, и к месту своему спешит, где оно восходит', *букв.* «... и-к месту-своему спешит, восходит оно там». Здесь в аналогичной функции выступает *šām* «там».

В арабском языке определения, выраженные личными формами глагола, аналогичны обычным определениям даже в том, что они отражают определенность или неопределенность соответствующего существительного: примеры (1) и (89) аналогичны сочетанию *fallāḥūn uyaṇiyyūn* 'a rich peasant', а пример (37) и прочие с *'al-lādī* — сочетанию *'al-fallāḥū lyaṇiyyūn* 'the rich peasant'.

Другой вариант подчинения, достижаемого порядком слов, представлен, например, в английском:

- (91) англ. *Here is the boy you met;*
 (92) англ. *Here is the boy you spoke about.*

Здесь существенным моментом является «незаполненная валентность» в придаточном: *you met* и *you spoke about* не могут пониматься как независимые простые предложения, поскольку в них не хватает дополнения.

§ 9. ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕНИЙ В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Проведенный анализ позволяет выделить ряд стандартных функций, выполняемых местоимениями в структуре относительного предложения. Для двух языков, строящих такие предложения по одинаковой модели, эти функции с той степенью огрубления, которая, по-видимому, допустима в типологии, можно считать одинаковыми. Например, *который* в *Вот книга, которую я принес* и лат. *qui* в *Ecce liber, quem attuli* выполняют с типологической точки зрения одну и ту же функцию, а именно, функцию субстантивного подчинительного *M₂* в структуре классического типа.

Таблица подчинительных функций*

	в классическом типе	в архаическом типе	в семитском типе
основной класс	$M_2(a)$ (редкая функция) $M_2(c)$	$M_1(a)$ —	$M_1(a)$ —
бессубстантивный класс	$M_2(c')$	$M_1(c')$	$M_1(c')$

* Обозначения в скобках: *a*—адъективное, *c* и *c'*—субстантивное (*c* в основном классе относительных предложений, *c'*—в бессубстантивном).

Приведем примеры местоимений, выполняющих подчинительные функции, из нескольких языков (перечни местоимений, разумеется, не претендуют на полноту). В число примеров включены также некоторые словосочетания, эквивалентные подчинительным местоимениям.

Классический тип

	$M_2(a)$ (редко)	$M_2(c)$	$M_2(c')$
русский	<i>каковой</i>	<i>который, каковой, что</i>	<i>кто, что</i>
латынь	<i>qui</i> (ред. <i>quod</i>)	<i>qui</i> (ред. <i>quod</i>)	<i>quis, quid</i> (или <i>quod</i>)
греч.	<i>hós</i>	<i>hós</i>	<i>hós, hó</i>
гот.	—	<i>saei</i>	<i>saei, θaiei</i>
ст.-слав.	<i>иже</i>	<i>иже</i>	<i>иже, еже</i>
др.-перс.	—	<i>hya</i>	<i>hya, tyā</i>
франц.	<i>lequel</i>	<i>qui, que, lequel</i>	<i>qui, que</i>
англ.	<i>which</i>	<i>who, which, that</i>	<i>who, what</i>
нем.	<i>welcher</i>	<i>der, welcher</i>	<i>der, was</i>
венг.	—	<i>amely, aki, ami</i>	<i>aki, ami</i>

Архаический тип

	$M_1(a)$	$M_1(c')$
русское просторечие	<i>который</i>	<i>кто, что</i>
др.-русс.	<i>чъто, которыши;</i> <i>къто</i> (редко)	<i>къто, чъто</i>
хетт.	<i>kuiš</i>	<i>kuiš, kuit</i>
др.-инд.	<i>yas</i>	<i>yas, yad</i>
хиндустан	<i>jo</i>	<i>jo</i>

Семитский тип

	M_1 (а)	M_1 (с')
араб. аккад. др.-исл. (см. § 8) русские математические тексты (см. § 8)	·allādī šu (ša) sa er такой что	man, mā, ·allādī mannum, mīnum, šu (ša) sa er, ḥat er —

Языки, допускающие два или три типа относительных предложений, указаны в том типе, который у них преобладает. Во всех таких языках сами местоимения, используемые в относительных предложениях (как подчинительные, так и синтаксически нейтральные), при переходе от одного типа к другому не меняются. Например, в греческом M_1 (а) архаического и семитского типов — *hós*.

Привлекает внимание представленное во многих языках различие между местоимениями, выполняющими функции $M(c)$ и $M(c')$ в классическом типе. Это различие, например, между *Пришли гости, которых я ждал* и *Пришли те, кого я ждал*. **Пришли гости, кого я ждал* вообще невозможно; *Пришли те, которых я ждал* в принципе возможно, но лишь в качестве фразы с опущенным существительным (которое восстанавливается из предшествующего текста или из ситуации); ср. еще *Возьми то, которое я принес* (подразумевается, например: *ведро*) и *Возьми то, что я принес*. Впрочем, правила выбора между местоимениями типа *кто*, *что* и типа *который* не в точности одинаковы в разных языках; ср., например, (64), где выступает *quod* («которое»), а не *quid* («что»).

Таблица нейтральных функций

	в классическом типе	в архаическом типе	в семитском типе
основной класс	M_1 (а) —	M_2 (а) (редкая функция) M_2 (с)	M_2 (а) (редкая функция) M_2 (с)
бессубстантивный класс	M_1 (с')	M_2 (с')	M_2 (с')

Ограничимся лишь основными примерами. Функции $M_1(a)$ и $M_1(c')$ в классическом типе: русск. *тот (то)*; лат. *is (id)*, *ille (illud)* и др.; др.-инд. *sa (tad)*; ст.-слав. *тъ (то)*. Функции $M_2(c, c')$ в архаическом типе: др.-русск. *тъ, то*; др.-инд. *sa, tad*. Функции $M_2(c, c')$ в семитском типе: араб. *hiwa*.

Рассмотрим теперь, как совмещаются выделенные выше функции с другими возможными функциями местоимений. Для подчинительных местоимений, как показал Бенвенист, обычной сопутствующей функцией является функция присоединения простого определения (т. е. роль «связующего артиклия»), например, в др.-перс. *Gaumata hya maguš* 'Гаумата-маг' и т. п.; ср. также приведенные выше примеры безглагольных придаточных: (8), (20), (22), (27), (29). Эта функция, однако, очень близка к рассматриваемой нами подчинительной функции, поскольку в обоих случаях речь идет об определительных конструкциях. Следует рассмотреть также более отдаленные функции, не связанные с определительными конструкциями. С этой точки зрения можно разделить подчинительные местоимения на следующие группы.

Прежде всего, многие из таких местоимений совмещают подчинительную функцию с вопросительной. Таковы, например, все подчинительные местоимения в русском, древнерусском, латыни, хеттском, французском; сюда же относятся все английские подчинительные местоимения, кроме *that*, все немецкие, кроме *der*, арабские *тап*, *та* и многие другие. Таким образом, этот вид соединения функций встречается при всех трех основных типах относительных предложений. Как правило, такие местоимения способны (по крайней мере, в некоторых контекстах, например, в условных предложениях, при косвенных модальностях и т. п.) выступать также в роли неопределенных; ср. русск. *Как бы чего не вышло, А если кто спросит...* и т. п.

Другая часть местоимений совмещает подчинительную функцию с указательной. Таковы, например, нем. *der*, англ. *that*. У Гомера местоимения с основами *ho-* и *to-* не распределены по функциям: и те и другие могут выступать как в относительной, так и в указательной функции.

Наконец, имеются подчинительные местоимения, у

которых нет (с синхронической точки зрения) никаких параллельных функций за пределами определительных конструкций. Из простых (по морфологической структуре) местоимений в эту группу попадают лишь очень немногие, например, др.-инд. *yas*, греч. *hós* (в классическом языке). Большинство местоимений этой группы — с морфологической точки зрения составные. Часто встречается комбинация «указательное местоимение (или артикль) + вопросительное местоимение», например: итал. *il quale*, франц. *lequel*, венг. *aki, ami* и т. д. (ср. *ki* ‘кто?’, *mi* ‘что?’ и *a, az* — определенный артикль); ср. также др.-инд. сочетания *sa yas*, *asau yas*, выступающие как усиленные формы *yas*. Другая частая комбинация — «указательное местоимение + частица или союз», например: гот. *saei*, др.-исл. *sá er*, ст.-слав. *иже* и т. д. (ср. выше, § 8).

Что касается местоимений, выступающих в относительных предложениях в нейтральных функциях, то они, как правило, имеют также дейктическую функцию. При этом для классического и архаического типов характерно использование указательных местоимений, для семитского типа — личных.

Отмеченные здесь совмещения функций носят синхронический характер. Однако для типологии, вопреки тому, что может показаться на первый взгляд, представляют интерес и некоторые элементы диахронического анализа; ср., например, проведенный Бенвенистом (в указанной статье) анализ функций *qui* в древнелатинском. Как известно, синхронический анализ нелегко полностью отграничить от диахронического (в особенности от внутренней реконструкции); наличие же у некоторого элемента в прошлом иной функции, как правило, отражается в синхронии в виде реликтовых побочных функций.

С помощью подобного диахронического анализа нередко удается выявить совмещения функций, типологически закономерные, но не обнаруженные при первоначальном синхроническом исследовании.

В частности, в отношении подчинительных местоимений такой анализ показывает, что они практически всегда связаны по функции с указательными или вопросительно-неопределенными местоимениями. Так, арабское *'alladī* с исторической точки зрения составлено из двух

указательных элементов. Как показал Бенвенист, не является первоначальным также относительное значение др.-инд. *yas* (греч. *hós*). Др.-перс. *hya* 'который' исторически тождественно др.-инд. сочетанию *sa yas* (см. выше).

Учет более простых (и поэтому, по всей вероятности, первичных) функций подчинительных местоимений позволяет охарактеризовать основные типы относительных предложений следующим образом.

В архаическом типе в подчинительной функции обычно используется вопросительно-неопределенное местоимение (вопрос о первоначальном значении индоиранского *yas* остается не вполне ясным). В качестве синтаксически нейтральных используются указательные или (реже) личные местоимения. Соответственно, предположительная первоначальная схема выглядит здесь примерно так: *A какой-нибудь человек провинился. A тот (он) должен быть наказан* (ср. уже отмеченную близость архаического типа к условным предложениям и его совместимость с сочинительными союзами).

В семитском типе в подчинительной функции выступает элемент с первоначальным указательным значением*. В качестве синтаксически нейтральных используются личные местоимения. Предположительная первоначальная схема здесь такова: *Поймали того (или ihe) человека. Он украл корову.*

Классический тип, по-видимому, с исторической точки зрения неоднороден. В тех случаях, где в подчинительной функции использовано вопросительно-неопределенное местоимение (например, в латыни, в русском), классический тип обычно является результатом трансформации имевшегося ранее архаического типа. Там, где в подчинительной функции использовано указательное местоимение (например, нем. *der*), классический тип, по-видимому, сложился самостоятельно. Предположительная первоначальная схема здесь такова: *Поймали человека* (определенность или неопределенность не фиксирована). *Тот украл корову.*

Предложенные схемы относятся к случаю, когда первоначальная структура не имела подчинительного сою-

* Бессубстантивные структуры типа (62), содержащие вопросительно-местоимение, по-видимому, вторичны, а именно, они возникли из архаических структур типа (57).

за (частицы); о путях формирования относительных предложений из предложений с подчинительным союзом см. выше, § 8.

В заключение заметим следующее. Как убедительно показал (в указанной статье) Бенвенист, относительное предложение синтаксически эквивалентно прилагательному: «относительное предложение, каким бы способом оно ни прикреплялось к антецеденту (при помощи местоимения, частицы и т. д.), ведет себя как определенное «синтаксическое прилагательное», а относительное местоимение играет роль определительного «синтаксического артикла»*. Не вполне очевидно, однако, должна ли эта эквивалентность истолковываться в том смысле, что относительное предложение есть результат «синтаксического усложнения» прилагательного. Трактовка прилагательного как единицы более простой, чем предикативная синтагма (которую представляет собой относительное предложение), очень естественна для таких языков, как латынь или западноевропейские, где прилагательно (или точнее, «имя качества») в функции определения просто присоединяется к определяемому слову (*la neige blanche*), а в функции сказуемого требует связи, т. е. выступает в более сложной конструкции (*la neige est blanche*). Однако в очень многих языках мира представлено другое соотношение по сложности между предикативной и атрибутивной синтагмами с «именем качества». Можно выделить по крайней мере следующие основные случаи: а) эти синтагмы грамматически не различаются, например, др.-инд. *Nalo bali* 'Наль могу' и 'могучий Наль'; б) эти синтагмы строятся разными грамматическими средствами примерно одинаковой сложности, например, тадж. *саг-и бад* 'злая (бад) собака (саг)' (-и — показатель атрибутивной связи), *саг бад аст* 'собака зла' (аст — глагол-связка); сюда же относятся случаи, когда данные синтагмы различаются только порядком слов; в) атрибутивная синтагма сложнее, чем предикативная, а именно, состоит из большего числа слов или требует более сложной морфологической формы «имени качества»; таково положение в многочисленных языках, где «имя качества» грамматически сближено с глаголом (а не с существительным) и где, например, 'хромой человек' можно передать лишь как

* E. Benveniste, указ. соч., с. 53—54.

что-то вроде «хромающий человек», или «человек, что хромает» или просто «человек, он хромает»; сюда же можно отнести (хотя и с некоторыми оговорками) русское противопоставление *Снег бел — белый снег*, *Собака зла — злая собака* (где словоформы *бел-ый*, *зла-я* морфологически сложнее, чем *бел*, *зла*).

Прилагательное-определение предстает как единица более сложная, чем предикат, также если стать на точку зрения логико-семантического анализа. Как известно, в логических языках нет самостоятельного эквивалента для прилагательных*: с логической точки зрения прилагательное представляет собой не что иное как результат своего рода свертывания отдельной предикативной единицы (а именно, такой, где соответствующий смысл выступает как предикат). Очевидно, что на лингвистическом уровне такому анализу соответствовало бы представление прилагательного как результата свертывания исходного придаточного относительного**.

Примечательно, что в некоторых индоевропейских языках специальные атрибутивные формы прилагательных развились именно по этой схеме. В частности, русские атрибутивные формы (*белый*, *белая*, *белое* и т. п.), как известно, исторически восходят к оборотам той же структуры (только с другим порядком элементов), что, например, др.-перс. *kaga hya hamīciya* ‘мятежная армия’ букв. «армия которая (или the) мятежная». Непосредственным источником балто-славянских форм был поздний вариант этого оборота — с согласованием в падеже (ср. *kagam tyam hamīciyam* ‘мятежную армию’, где все три слова в винит. падеже): но на более раннем этапе такого согласования не было (ср. др.-инд. *Somam bhuvanasya yas patih* ‘Сому, владыку мира’, букв. «Сому, мира который владыка»), т. е. этот оборот представлял собой не что иное как придаточное относительное с именным склоняемым. Из этого же источника возникли и иранские определительные конструкции типа тадж. *саг-и бад*.

* См. H. Reichenbach. Elements of symbolic logic. N. Y., 1948, с. 251.

** Ср. представление в порождающей грамматике сочетания существительного с прилагательным, например, *a wise man*, как имеющего глубинную структуру, в которой оно разлагается на субъект *man* и предикат *be wise*; см., в частности, N. Chomsky. Language and Mind. N. Y., 1968, с. 25. О том, что язык без прилагательных ближе по своей структуре к логическим, см. А. К. Жолковский. Синтаксис сомали. М., 1971, с. 203.

**«РУССКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»
А. А. ЗАЛИЗНЯКА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ:
ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ РЕЦЕНЗИИ С ПОЗИЦИЙ
НЕОСТРУКТУРАЛИСТСКОЙ МОРФОЛОГИИ**

*Дорогому Андрею Анатольевичу —
с любовью, благодарностью
и неизменным восхищением*

°Книга исключительной судьбы
°столь сильно опередила свое время
°выступает в роли исходного пункта интенсивно
развивающегося направления
°справедливо рассматривается как образец, и даже
своего рода символ
°отличается от предшествующих и современных
ему, а также от многих последующих работ (...) пре-
жде всего убеждением в том, что главной целью (...)
исследования является не просто накопление фак-
тов, (...) но восстановление целостных систем.

Из одного научного комментария

0. Введение (700). 0.0. Жанр ретро-рецензии (700). 0.1. Небольшое историографическое уточнение (700). 0.2. Несколько слов о неоструктурализме (701).

1. Общие замечания (702). 1.0. Полнота + эксплицитность = инте-
гральность? (702). 1.1. Классификация и синтез (704). 1.2. Универсаль-
ная классификация как средство вскрытия лингвистической пропор-
циональности (704).

2. Морфология без морфемы: модель «слово — парадигма» (705).

3. Основные единицы описания в РИС (706).

4. Условная vs. действительная запись (707).

5. Эталонное vs. неэталонное грамматическое значение (712).

6. Первичные vs. вторичные сл.-воформы (716).

7. РИС и морфемика: направление концептуальной достройки (718).

8. Экстраморфологический vs. интраморфологический слой внут-
ренней стороны словоформы (722).

9. Специфика неоструктуралистской схемы описания флексивной
морфологии: морфограммема и морфокатегория (723). 9.1. Морфограм-

мема vs. граммема (723). 9.2. Морфокатегория vs. грамматическая категория (725). 9.3. Морфограммема vs. эталонное грамматическое значение (726). 9.4. Морфокатегория vs. различные признаки парадигм (726). 9.5. Морфород vs. род (726). 9.6. Морфочисло vs. число (727). 9.7. Морфопадеж vs. падеж (728). 9.8. Морфологическая одушевленность и морфограммы (730).

10. Грамматические разряды в РИС (731).

11. Расширенная система падежей (732).

12. Род существительного vs. пол: фамилии и слова общего рода как особый грамматический разряд? (734).

13. Согласование и согласовательные категории (736).

14. Анафорические местоимения как особый грамматический разряд? (739).

15. Заключение (742).

Литература (744).

0. Введение

0.0. Жанр ретро-рецензии. В 1967 г. вышла в свет книга А. А. Зализняка (далее — ААЗ) «Русское именное словоизменение» (далее — РИС)¹. Однако почти никто из отечественных рецензентов не откликнулся на выход РИС². Попробуем теперь, тридцать лет спустя, восполнить указанную лакуну и сочинить «как бы рецензию», но задним числом — ретро-рецензию, что-то наподобие аналитического комментария. Примем ретроспективную точку зрения и посмотрим, как с позиций сегодняшнего дня видится роль РИС в современной лингвистике.

0.1. Небольшое историографическое уточнение.

В виде диссертации под названием «Классификация и синтез русских именных парадигм» работа РИС могла стать известной читате-

¹ Как и другим выпускникам ОСиПЛ, учившимся в МГУ в 1975—1980 гг., автору этих строк посчастливилось начать свое лингвистическое образование с курса «Введение в специальность», читанного ААЗ в 1975—1976 учебном году, а затем учиться у него разным лингвистическим дисциплинам в течение нескольких последовавших лет, определивших наше профессиональное становление (в 1970-е гг. — студентом, в 1980-е — вольнослушателем). Книгу РИС мы прочли вскоре в качестве «программной» книги, входившей в основную литературу по курсам общей (1976) и русской (1977) морфологии. Первое знакомство с книгой ААЗ произвело на меня незабываемое впечатление (почти столь же сильное, какое производит личность самого Андрея Анатольевича). Нет сил скрыть, что с годами чтение этой книги доставляет мне все большее и большее удовольствие — потому что РИС принадлежит к числу тех редких книг, которые с возрастом не теряют, а приобретают.

² Если не считать краткой заметки о ней (в разделе «Советуем познакомиться») журнала «Русский язык за рубежом» (1968, № 2, с. 56).

лям двумя годами ранее книги — в 1965 г., т. е. за 35 лет до подготовки данного переиздания. Соответственно, первые отклики на нее прозвучали уже в 1966—1967 гг. (*Апресян 1966; Плотникова 1966; Ревзин 1967; Редькин 1966*). Вскоре появилось несколько рецензий на РИС в зарубежной научной прессе (*Křížková 1968; Veyrenc 1968; L'Hermitte 1970*); в 1974 г. появилось краткое изложение основных идей РИС в составе обзоров по русской морфологии (*Милославский 1974: 14—18; Воронцова 1974: 42—46*).

В этих откликах отмечается важная роль работ ААЗ в точной формулировке таких базовых понятий морфологии, как лексема, словоформа, парадигма, грамматическое значение, граммема, грамматическая категория, грамматическая форма; в разработке методов дистрибутивного экспериментального исследования грамматических категорий — согласовательного класса, рода, одушевленности; оригинальность подхода к категории числа у *pluralia tantum*; эффективность контекстуального метода при выделении инвентаря падежей и убедительность аргументов в пользу признания как минимум восьмипадежной системы в русском языке; новаторство при выделении грамматических разрядов; детальность классификации словоизменительных парадигм; исчерпывающий характер классификации наборов окончаний, классов чередований, схем ударения; пионерский характер таких вводимых понятий, как «согласовательный класс», «эквивалентность парадигм», «эквивалентность акцентуации», «условное ударение»; элегантность конкретных решений, обусловленная стремлением к экономии и различительности в описании.

Считая, что все эти черты РИС уже достаточно хорошо освещены в упомянутых обзорах, остановимся лишь на некоторых важных сторонах концепции РИС, недостаточно освещенных ранее.

0.2. Несколько слов о неоструктурализме. Современная лингвистика идеологически неоднородна, тогда как излагаемый ниже взгляд, конечно, мой (а не общепринятый, не генеральный, не единственно возможный). И он соответствует моим идейным установкам, моей общелингвистической концепции. Эту концепцию (которая составляет одно из естественных продолжений структурализма), за неимением лучшего термина, условно будем называть неоструктурализмом³. Что такое «структурализм», или «структурная лингвистика», более или менее известно; см. *Апресян 1966; Ревзин 1977; Булыгин*.

³ Как принципиальный момент, важный для дальнейшего изложения, можно рассматривать следующие концептуальные формулировки И. И. Ревзина: «лишь бесконечный ряд последовательных приближений, а также параллельных описаний, отражающих данное понятие с разных сторон, может дать истинную картину, в то время как каждое отдельное описание заведомо не может совпадать с „истинным положением дела“» (*Ревзин 1977: 53*); «одновременное рассмотрение нескольких путей описания — с последующей корректировкой одного из них в свете результатов, полученных на другом пути — представляется наиболее перспективным для избежания слишком больших упрощений» (*Ревзин 1978: 20*).

на 1979; Виноградов 1990. А термин «неоструктурализм» не общепринят. Поэтому сделаем два пояснения.

1) Неоструктурализм примерно соответствует «современной структурной лингвистике» в смысле И. И. Ревзина (см.: Ревзин 1977, с. 35—72).

2) Следует отметить, что на формирование той версии неоструктурализма, которая является идейной платформой моих рассуждений (в первую очередь в области теоретической морфологии), глубокое воздействие оказала книга РИС.

1. Общие замечания

1.0. Полнота + эксплицитность = интегральность?
В РИС было предложено первое полное описание именного словоизменения современного русского литературного языка. Автор строит исчерпывающую классификацию имен (существительных, прилагательных, причастий, числительных, местоимений) по типам склонения — и формулирует правила синтеза именных парадигм, т. е. правила образования всех словоформ любого склоняемого русского слова, входящего в исходный материал (около 55 тыс. слов). В РИС эта задача была не только впервые решена, но и впервые поставлена.

Эта особенность РИС весьма примечательна: большинство лингвистических работ носят эскизный характер, и намечаемые контуры исследования так и остаются «проектом» незавершенной работы. Пожалуй, что, кроме работ ААЗ, трудно привести пример описаний живого языка⁴, в которых сколько-нибудь значительный фрагмент грамматики был бы описан целиком, и при этом между словарными данными и системой грамматических правил не оставалось бы «зазора».

Ср. тезис И. А. Мельчука: «описать словоизменение в некотором языке не может означать ничего другого, как дать механически выполнимые правила образования словоформ с заданными словоизменительными характеристиками от любых основ (или наоборот — правила извлечения таких характеристик из текстовых словоформ). Тем не менее, в „обычной“ русистике и до сих пор отсутствуют подобные описания — хотя для других языков они есть» (Мельчук 1974, с. 22)⁵.

⁴ Иначе обстоит дело с описаниями замкнутого корпуса текстов (ср. Зализняк 1986), где требование полноты описания выполняется в своем «сильном» варианте.

⁵ По мнению И. А. Мельчука, единственными работами такого рода (на 1974 г.) были Докладзе 1967 и Еськова—Мельчук—Санников 1971; мне думается, однако, что единственной «работой такого рода» была (и остается) РИС (не считая компьютерных продуктов, никогда не публиковавшихся в виде научных текстов).

Первым опытом ААЗ в жанре интегрального (как сейчас принято говорить) описания был русско-французский словарь *Зализняк 1961* — прямой предшественник РИС. Включенный туда (в виде набора «грамматических таблиц») грамматический очерк правил русского словоизменения (как именного, так и глагольного) максимально согласован с грамматической информацией, даваемой в словарных статьях.

Тезис о «строгом ограничении исследуемого материала» (с. 4)⁶ плюс требование давать классификацию «в явной форме» (с. 6) есть, по сути, не что иное, как ранняя формулировка примерно того же приема описания, который позднее получит статус принципа и наименование принципа интегральности⁷. Интегральное описание — это «такое лингвистическое описание, в котором грамматика и словарь согласованы друг с другом по типам помещаемой в них информации и по формальным языкам ее записи» (*Апресян 1986*, с. 57). Требование интегральности выступает как методологический дезидерат: «очевидно, что всякое описание языка должно в идеале стремиться к интегральности, т. е. к такой картине языка, в которой грамматические правила и словарные статьи настроены друг на друга и способны к информационному взаимодействию» (*там же*).

Сюда же можно отнести словарь *Зализняк 1977*, тесно примыкающий к РИС концептуально. Примечательной особенностью этого словаря (по сравнению с другими лингвистическими сочинениями) является то, что его текст оказалось достаточно всего лишь буквально и без опечаток перенести на машиночитаемые носители, чтобы использовать его в качестве источника сведений о языке, к которым могут обращаться работающие лингвистические процессоры (и действительно, к его компьютерной версии не только могут обращаться, но и действительно на практике обращаются все автоматические лингвистические процессоры, сколько-нибудь широко эксплуатируемые пользователями).

На протяжении всей работы автор уделяет пристальное внимание неединственности решений в морфологическом описании и мотивировке выбора того решения, которое принимает он сам.

⁶ Здесь и далее ссылка на номер страницы без указания библиографического сокращения (по умолчанию) будет означать отсылку к РИС (т. е. на издание 1967 г.).

⁷ Возможны также иные понимания термина «интегральность», но в данном контексте мы сознательно ограничимся здесь формулировкой Ю. Д. Апресяна.

Типичный для ААЗ стиль рассуждения — эксплицитно поставить некоторую проблему, изложить разные логически возможные подходы к ее решению, взвесить все основные аргументы *pro et contra* и принять оптимальное решение — проводится в тексте РИС последовательно и во всех деталях.

1.1. Классификация и синтез. Описание русского склонения состоит из двух логических компонентов: классификации и синтеза, которые оба изложены в явной форме и при этом отдельно друг от друга (с. 4—6). В большинстве «традиционных» описаний эти компоненты, во-первых, не отделены, а во-вторых, классификация слов и правила образования форм обычно формулируются неявно. В этом, по-видимому, состоит наиболее серьезный недостаток традиционной схемы морфологического описания — так называемой модели «Слово и парадигма»: понятие «склоняться так же, как» обычно не эксплицируется. Примечательным в РИС является:

- (а) наличие самого этапа классификации (в отличие от большинства работ, выполненных в рамках задач автоматической переработки текста);
- (б) наличие самого этапа синтеза (в отличие от большинства работ, выполненных в русле европейской грамматической традиции);
- (в) эксплицитность различия (а) и (б) (в отличие от почти всех известных мне работ);
- (г) подчиненность классификации эксплицитно поставленной задаче синтеза (в отличие от большинства известных мне работ);
- (д) подчиненность правил синтеза некоторой принципиальной эксплицитно заданной классификации (в отличие от правил, формулируемых *ad hoc* в большинстве генеративистских работ и работ по автоматическому синтезу).

Похоже, что в других областях грамматики (и лексикографии) пока что трудно указать работу, где бы такая двухаспектность была налицо и при этом была бы достигнута такая степень взаимной согласованности этих двух аспектов.

1.2. Универсальная классификация как средство вскрытия лингвистической пропорциональности. Другой замечательной чертой РИС является переход от «древовидной» классификации типов склонения к их «универсальной» классификации (с. 6—9). При универсальной классификации любой различительный признак разбивает на классы всю совокупность классифицируемых объектов. Существенно здесь то, что «универсальный

подход» дал возможность вскрыть многие нетривиальные аналогии между разными подсистемами русской морфологии. Вскрытие таких аналогий базируется на интуитивном представлении о «лингвистической пропорциональности» (с. 117), т. е. об одинаковости различий в двух парах языковых объектов.

Ниже (§ 5) принцип пропорциональности будет проиллюстрирован на нескольких примерах из РИС, показывающих, сколь нетривиальные пропорции были обнаружены и описаны ААЗ.

2. Морфология без морфемы: модель «слово — парадигма»

Весьма любопытной и примечательной является следующая (не обсуждавшаяся ранее) особенность морфологической концепции, лежащей в основе РИС, — а именно, «безморфемное» описание морфологической системы. С точки зрения структуралистской теории грамматики это весьма экзотический способ описания: в ней морфема является центральным понятием и без нее не обойтись⁸. Но в отличие от большинства структуралистских работ, так или иначе апеллирующих к выделению минимальных значимых единиц языка — «языковых знаков» (Ф. де Соссюр), «морфем» (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. Блумфилд), «монем» (А. Фрей, А. Мартине), — РИС строится иначе — в духе подхода «слово и парадигма»⁹; базовым для описания является отношение морфологической аналогии — «склоняться так же, как» (с. 15).

Нередко РИС рассматривается как образец структуралистского описания (Булыгина 1979, с. 338), и это действительно так, если основной чертой структурализма считать стремление к эксплицитности

⁸ В РИС понятие морфемы сугубо периферийно: оно упоминается лишь в сносках (на с. 5, 24, 269), маргинальных с точки зрения основной линии изложения (немудрено, что оно не входит даже в предметный указатель к РИС). NB: в работе Зализняк 1985, представляющей собой дальнейшее развитие акцентологической (и тем самым — морфонологической) концепции автора РИС, понятие морфемы является одним из центральных, хотя при этом морфемная членимость словоформ считается заранее данной (с. 10) и не обосновывается какими-либо принципиальными критериями, апеллирующими к definicji морфемы. Это вполне естественно, коль скоро речь идет о закономерностях строения морфем в плане выражения, которыми и занимается морфонология.

⁹ В противоположность схемам «единица — процесс» и «единица — аранжировка». О различии этих подходов см. Hockett 1954/1957; Matthews 1972; Булыгина 1977, с. 70—72. Книга Anderson 1992 с характерным названием «A-morphous morphology» стремится вновь обосновать преимущества безморфемного описания.

описания¹⁰. Однако если считать доминирующей чертой структурализма стремление к выделению некоторого базового набора элементарных языковых единиц (ср. Виноградов 1990, с. 496—497) (в первую очередь — значимых единиц, т. е. морфем), то РИС оказывается в этом отношении скорее как раз антиподом структуралистского описания: это, по существу, как бы «морфология без морфем».

3. Основные единицы описания в РИС

Что же выступает вместо морфем в качестве структурных единиц грамматического описания в РИС? Нетрудно увидеть, что это, как и в доструктуралистской традиции, неэлементарные значимые единицы, из которых состоит словоформа. А именно, в плане содержания это «лексема» (с. 27—29) и «грамматическая форма» (с. 32—33), сочетание которых составляет «внутреннюю сторону словоформы», а в плане выражения это «основа» и «окончание» (с. 112—114), сочетание которых (снабженное указанием на место ударения) образует «внешнюю сторону словоформы».

В плане выражения словоформы выделяются два уровня транскрибирования, приблизительно соответствующие морфемной и (алло)морфной записям в традиции структуралистской: «условная» и «действительная» запись словоформы (с. 149—151). Аналогами (алло)морф(ов) в РИС выступают «действительная основа», «действительное окончание» и «действительное ударение»; аналогами морфем в РИС являются «условная основа», «условное окончание» и «условное ударение».

При этом подход к лексической и грамматической частям словоформы оказывается различным (см. Крылов 1982). Такой разный подход к лексической и грамматической частям словоформы не случаен: вообще говоря, в этом различии заложен глубокий смысл. Дело в том, что морфологию, как правило, не интересуют соотношения формы и смысла внутри лексической части словоформы¹¹, тогда как со-

¹⁰ Структурализм попытался «дать ясную формулировку приемам и принципам анализа, определить сферу их применения, связанные с ними ограничения и степень точности ожидаемых результатов. Структурное языкознание отличается от доструктурного, в частности, своей „сознательностью“» (Арутюнова 1963, с. 172).

¹¹ «Как правило» — т. е. отвлекаясь от явлений супплетивизма и омонимии, по определению нерегулярных. И то и другое — исключение из правила, а не правило. Морфология занимается супплетивизмом потому, что он исключителен (именно поэтому Т. В. Булыгина говорит о невозможности такой дисциплины, как «супплетивология», — см. Булыгина 1977, с. 213), тогда как в лексикологии понятие супплетивизма неупотребительно. Ведь фор-

отношения формы и смысла внутри грамматической части словоформы составляют как раз основной предмет морфологии (см. Булыгина—Крылов 1990, с. 313). Можно предположить, что взаимно однозначное соотношение между лексемами и основами — скорее норма (нарушающая лишь в резко исключительных случаях — при супплетивизме и омонимии), тогда как взаимно однозначное соотношение между грамматическими формами и окончаниями (для языков флексивного строя) — скорее исключение.

4. Условная vs. действительная запись

Основная схема описания в РИС — это модель «слово — парадигма». Однако некоторые по сути структуралистские принципы накладываются на эту схему уже самим ААЗ. Прежде всего, как «внешняя», так и «внутренняя» сторона словоформы подвергаются расщеплению на два слоя, которые можно назвать «интраморфологический» и «экстраморфологический»¹².

Интраморфологические уровни имеют дело непосредственно с означаемым и означающим языкового знака; на них и означающее, и означаемое предстают в «инвариантном» виде, очищенном от разного рода контекстных модификаций. При описании вней стороны словоформы интраморфологическое описание абстрагируется от тех черт внешнего облика словоформы, которые автоматически навязываются контекстом.

Например, две действительные основы в паре словоформ типа *звезда* и *звезды*, *стрелок* и *стрелки* записываются в виде одной и той же условной основы (типа *зе'од*, *стрел*к*); тем самым все позиционные чередования устраняются (и как бы исчезают).

В порядке, подчиненном главной задаче книги, условная запись (вкупе с условным ударением) позволяет уменьшить число выделяемых деклинационных (и акцентуационных) классов.

Интересной особенностью такого подхода оказывается то, что конструируемый при таком подходе инвентарь символов оказывается во многом сходен с инвентарем фонологических единиц более древнего

малльно-смысловые отношения в лексике супплетивны (т. е. нерегулярны) по природе, т. е. лексикология по сути — это и есть «супплетивология». Регулярные же формально-смысловые отношения в лексике изучаются словообразованием (а не лексикологией).

¹² Такой терминологии в РИС нет, однако она оказывается удобным инструментом для вскрытия научной логики морфологического описания в РИС. Можно сопоставить различие «интра-/«экстра-» с такими антиномиями классического структурализма, как «инвариант»/«вариант» (Р. Якобсон), «форма»/«субстанция» (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев), «Х-эма»/«алло-Х» (Ч. Хоккет).

состояния описываемого языка, получаемым в результате применения метода «внутренней реконструкции»¹³. В РИС такое представление называется «условным» видом словоформы — в отличие от «действительного» вида, отражающего также контекстно обусловленные характеристики означающего. Если бы речь шла об устной форме языка, то «условную» запись можно было бы отождествить с «мор(фо)фонемным» или «мор(фо)фонологическим» представлением (*à la Чурганова 1973; Ворт 1975; Булыгина 1977*), а «действительную» запись — с «фонемной» («фонологической») или с фонетической транскрипцией.

Однако в РИС предметом описания является *письменная* форма языка. Значит, с точки зрения неоструктурализма, действительная запись (т. е. акцентуированная орографическая) фактически отражает уровень «графем», а символы «условной» записи должны быть фактически отождествлены с единицами особого уровня. Этот уровень можно было бы назвать «морфографемным», а его единицы — «морфографемами»¹⁴. Таким образом, под морфографемой можно понимать класс графем, занимающих одну и ту же позицию в морфеме и дополнительно распределенных относительно контекста действия заданного набора автоматических правил чередования. Впрочем, фактически набор морфографем русского языка весьма близок к набору его мордофонем¹⁵. Поэтому большая часть описания

¹³ Из предшественников такого подхода ААЗ упоминает Л. Блумфилда, Р. О. Якобсона, М. Халле. Но именно работы РИС, *Зализняк 1985, Зализняк 1986* подтверждают важный неоструктуралистский тезис о том, что «противопоставление двух аспектов рассмотрения языка — синхронического и диахронического — постепенно сменяется (...) их взаимным обогащением» (*Иванов 1976*, с. 439).

Распространение такого подхода на сферу компаративистики порой приводит некоторых современных авторов к практически полному отождествлению таких понятий, как «морфонология» и «внутренняя реконструкция»; такая терминологическая неточность, однако, несет в себе глубокий смысл.

¹⁴ Термин «морфографемика» применяется при описании халха-монгольского языка в *Street 1963* для обозначения примерно таких правил, которые ААЗ называет правилами «перехода от условного вида словоформ к действительному» (с. 258–261). О понятии графемы см. *Зализняк 1983*.

¹⁵ Именно поэтому «условный вид» словоформы в РИС, как отмечает сам ААЗ, сближается с «мордофонематической транскрипцией» Р. И. Аванесова (с. 246–249), хотя ААЗ указывает и на несовпадения между ними. Так, в морфографемной записи не отражены «слабые» позиции, содержащие единицы типа «гиперфонем» (в смысле Московской фонологической школы). В ней все слабые позиции являются «соотносительными», а не «изолированными» (в терминологии Ю. С. Маслова, см. *Маслов 1975/1987*). Поэтому в словах *баран*, *стакан* в предударной позиции представлена морфографема *a*, а в словах *собака*, *ресторан* — морфографема *o*.

русской морфографемики в РИС допускает почти тождественную пе-
реформулировку в терминах морфонемики¹⁶.

Хотя сам ААЗ настойчиво подчеркивает чисто вспомогательный характер своей «условной записи» (с. 48), ставящей весьма скромные цели, однако в результате конструирования системы символов «условной записи» и принципов их употребления ему удалось фактически обнаружить некоторый реальный (т. е. лингвистически содержательный) объект — особый уровень существования языка, который я бы рискнул назвать морфографемным. Отношение этого уровня к графемному — такое же, как отношение морфонемного уровня к фонемному.

С точки зрения неоструктуралистской морфонологии, экспоненты (означающие) морфем состоят из морфонем (не просто являющихся конструктами описания, но и претендующими на моделирование некоторого уровня существования языка). Термины «условный» и «действительный» удобны для практического разъяснения методов лингвистического описания, однако в онтологическом плане принципиальной разницы между единицами более поверхностными и более глубинными нет. С точки зрения неоструктурализма, «условная запись» в РИС — это не что иное, как «морфографемная запись»¹⁷. Она

¹⁶ Позднее примерно те же принципы легли в основу построения «морфонологической записи» (или «исходной записи») в Поливанова 1976. Основная разница состоит в том, что А. К. Поливановой исходная запись нужна для описания основообразовательных, а не словоизменительных механизмов. Поэтому ее инвентарь исходных морфонологических символов (обозначающих морфонемы) оказывается несколько более «глубинным».

Ограничение условной записи в РИС только задачами описания словоизменения приводит к тому, что не только условная запись отдельной словоформы не совпадает с ее морфонологической транскрипцией, но и сам инвентарь символов условной записи оказывается не столь богатым, сколь инвентарь русских морфонем. Однако это нельзя считать недостатком РИС, так как дальнейшая разработка данной проблемы (см. Поливанова 1976) позволила продемонстрировать разницу между морфонологическими механизмами словоизменения и основообразования.

¹⁷ Соответственно, «условное ударение» можно было бы считать своего рода супрасегментной морфографемой, а действительное ударение — супрасегментной графемой. По-видимому, плюсы, минусы, стрелки и символ D, применяемые для описания русского ударения в Зализняк 1985, с. 35—37, должны трактоваться также не просто как удобные «конструкты» описания, а как запись своего рода супрасегментных морфонем (хотя и здесь автор с обычной для него скромностью не претендует на реконструкцию каких-либо «реальных» сущностей, относящихся к глубинному, т. е. морфонемному, уровню языка).

столь же реальна (т. е. «лингвистически содержательна»¹⁸), как запись орфографическая¹⁹, но, в отличие от последней, не является наблюдаемой.

Итак, отношение, лежащее в основе противопоставления «условный» vs. «действительный» (РИС), аналогично отношению между членами таких пар понятий, как «морфографемный» vs. «графемный» = «морфонемный» vs. «фонемный».

Однако различие между условной записью в РИС и морфонемным уровнем (в неоструктуралистском понимании) проводится по четырем независимым друг от друга параметрам:

(а) условная запись не претендует на то, чтобы отражать какой-либо особый уровень языковой «реальности» (хотя фактически, ду-

¹⁸ Морфографема «реальная» (или «лингвистически содержательна») ровно в том смысле, что отражает объективно (т. е. до и независимо от лингвиста) существующую общность определенных характеристик, свойственных речевым отрезкам письменного текста, в морфографемную транскрипцию которых лингвист записывает ту или иную морфографему-конструкт (символ морфографемы), и не свойственных тем речевым отрезкам письменного текста, в морфографемной транскрипции которых данная морфографема не фиксируется.

¹⁹ Если под «условным» понимать ‘реально не наблюдаемый’, то «условной» надо было бы признать любую запись словоформы в виде сочетания адреса определенной лексемы в словаре с указанием грамматической формы, в которой стоит эта лексема. Но столь же условными следовало бы считать такие понятия, как ‘синтаксическая связь’ (с. 62), ‘предмет’ и ‘состояние предмета’ (с. 38), ‘единичность’ и ‘множественность’ (с. 55): все они могут рассматриваться как самоочевидные лишь при принятии гипотезы формально-семантического изоморфизма или «симметричности» языкового знака (например, ‘единичность’ и ‘множественность’ в условиях родовой вещественной или коллективной референции может скрывать за собой вовсе не ‘реальную’ единичность и множественность, а всего лишь словарный факт сингуллярной vs. плуральной ориентированности данного существительного, см. Поливанова 1983). Однако в этой сфере (так сказать, применительно к плану содержания) термин «условный» в РИС не применяется вообще, т. е. «условной» может быть лишь запись означающего. Кстати, если понимать «условный» как «ненаблюдаемый», то фонемную транскрипцию (при любом понимании фонемы) придется также считать «условной», так как фонемы не наблюдаются. В отличие от фонем, графемы наблюдаются, так как в обществе принята некоторая (обычно не оспариваемая) орфографическая норма: орфографическая запись отличается от всех прочих видов письменной записи прежде всего тем, что она общепринята» (с. 9); «существенно также то, что ввиду своей социальной значимости орфографическая запись имеет сравнительно чёткую и общеобязательную регламентацию» (с. 10); именно это свойство и имеет в виду ААЗ, называя орфографическую запись «действительной».

маётся, все-таки отражает! — но избранная автором в РИС риторическая фигура скромности заставляет автора не говорить об этом ни слова), тогда как морфонологическая запись претендует на отражение особого морфонемного уровня;

(б) условная запись строится для описания письменной и устной формы языка одновременно²⁰, а морфонологическая ориентирована лишь на устную форму, в отличие от морфографемной, ориентированной на письменную форму;

(в) условная запись устраниет лишь те автоматические чередования, без описания которых невозможно описать словоизменение, тогда как морфонологическая запись устраниет также и те автоматические чередования, без описания которых возможно описание словоизменения, но невозможно описание словообразования (основообразования);

(г) в условной записи акцентологическая информация о словоформе («условное ударение») дана отдельно от сегментного состава основ («условной основы») и окончаний («условное окончание»), тогда как в морфонологической различаются сегментные и супрасегментные морфонемы, входящие в запись как корневых, так и служебных морфем²¹.

²⁰ NB: не просто для письменной, а именно одновременно для письменной и устной. Именно поэтому адъективное окончание род. ед. -ого записывается как -ово, а затем при переходе к действительному виду происходит «орфографическая замена» -ово → -ого. (Кстати, в этом состоит единственное различие между «условной записью» в РИС и морфографемной записью (хотя практически эта мелкая разница почти несущественна).) Заметим, что последовательное применение принципа двойной ориентации условной записи должно было бы привести к введению не только упомянутой «орфографической замены», но и других замен (также являющихся продуктом логической инверсии орфоэпических правил), типа *дэльт* → *дельт*, *модэл* → *модел*, *фонэм* → *фонем*, *што* → *что*, *конешно* → *конечно*, *сердешний* → *сердечный*. См. об этом Журинский 1983.

²¹ Примерами супрасегментных морфонем (естественно, не подводимых АЛЗ под это понятие, так как такого термина у него нет) могут служить сущности, которые стоят за акцентными характеристиками, образующими «основную маркировку» морфемы (Зализняк 1985: 35–37), а именно «левоударность» (←), «правоударность» (→), «самоударность» (↓), «доминантность» (D) и «недоминантность». Термин «супрасегментная морфонема», или «суперсегментная морфонема», взят из книги Чурганова 1973: 39, где под понятие «суперсегментной морфонемы» подводятся «акцентные контуры». Этот термин мотивированно вводится по аналогии с такими понятиями, как его фонологический коррелят — «суперсегментные фонемы или просодемы» (Чурганова 1973: 22) (для русского языка это, напр., ударение) и противопо-

5. Эталонное vs. неэталонное грамматическое значение

Одно из центральных понятий в РИС — понятие эталона, т. е. некоторой искусственной таблицы грамматических форм, служащей для сопоставления парадигм разного внутреннего устройства (с. 134—137). Таблица склонения каждой конкретной лексемы как бы «погружается» в эталонную, и образ ее в этой эталонной таблице определяет значения основных классификационных признаков, различающих типы склонения.

Так, тип склонения слов типа *два, три, четыре* приблизительно теми же чертами отличается от типа склонения слов типа *пять, шесть, семь*, которыми склонение слов типа *ночь* во множественном числе отличается от склонения слов типа *ночь* в единственном числе. Однако числительным не свойственна категория числа в традиционном смысле слова. Поэтому, чтобы вскрыть соответствующую аналогию, ААЗ вводит особый признак «морфологическое число», который у словоформ числительных первого типа принимает значение «множественное», а у словоформ числительных второго типа — «единственное» (с. 136—138). По сути дела, ААЗ обнаружил, что количественные числительные разбиваются на два деклинационных подтипа, которые я бы предложил назвать «сингулярным» и «плуральным» склонением (типов склонения). У слов других грамматических рядов морфологическое число не фиксировано. Таким образом, создается некий «посредник» для сопоставления субстантивных (двухчисловых) парадигм с бесчисловыми (каковыми характеризуются числительные, местоимения и кванторные слова).

Оказывается возможным установить следующую нетривиальную пропорцию. Склонение слов типа *почесть* в единственном числе примерно так же отличается от склонения слов типа *пять*, как склонение слов типа *почесть* во множественном числе отличается от склонения слов типа *четыре*, хотя слова типа *четыре* и слова типа *пять* по числу не изменяются. Для иллюстрации пропорционального отношения между числовыми субпарадигмами (в смысле Зализняк 1985, с. 14) существительных (каждая из которых представляет особую номинативную [в смысле Зализняк 1973]) и соответствующими парадигмами числительных изобразим эту пропорцию в виде таблицы, где для наглядности использованы репрезентативные словоформы, показывающие это соотношение наиболее ярко:

лагающийся ему термин «сегментная морфонема» (Чурганова 1973: 39). Суперсегментными морфонемами следует считать т. н. «валентности», используемые при описании «парадигматических акцентных систем» (Дыбо 2000: 10—14).

	(Sg)	Sg
N.A.	<i>пят=ь</i>	<i>ноч=ь</i>
G.L.D.	<i>пят=i</i>	<i>ноч=i</i>
In	<i>пят=ью</i>	<i>ноч=ью</i>

	(Pl)	Pl
L	<i>дв=y.x</i>	<i>ноч=a.x</i>
D	<i>дв=y.m</i>	<i>ноч=a.m</i>
In	<i>дв=y.мя</i>	<i>ноч=a.ми</i>

Другой классификационный признак — «морфологический класс», складывающийся из двух пересекающихся признаков — «морфологический род» (в смысле *Откупщикова—Фитиалов 1964*) и «морфологическая одушевленность» (с. 139). Морфологический род — это «характеристика парадигмы, показывающая, для существительных какого рода характерен набор окончаний данной парадигмы» (с. 147). Выделяются три морфологических рода — мужской, женский и средний. К мужскому морфологическому роду относятся, например, слова *стол, дождь, бой, анналы, джунгли, щи, сброк* (морфологически неодушевленные) и *слон, муравей, вожжатый, он* (морфологически одушевленные). К женскому морфологическому роду относятся слова типа *стена, ночь, столбая, ножницы, двадцать* (морфологически неодушевленные) и *сырота, судья, маленьшка, я, себя* (морфологически одушевленные). К среднему морфологическому роду относятся слова типа *окно, имя, домишко, домице, ворбта, сто, трйста, что, шоссе* (морфологически неодушевленные) и *лица, животное, подмастьё, волчье, онб* (морфологически одушевленные). У прилагательных и числительных морфологический род не фиксирован.

Путем введения понятий морфологического рода удалось, с одной стороны, зафиксировать нетривиальную устойчивую корреляцию между родом и типом склонения, а с другой — провести между этими двумя понятиями четкое различие. Поэтому понятие морфологического рода является чрезвычайно полезным не только практически, но и теоретически.

«В морфологическом описании существительных оно требуется даже чаще, чем понятие рода. В самом деле, например, слова *акула, балерина* и т. п. и *мужчина, воевода* и т. п. с морфологической точки зрения совершенно одинаковы; поэтому при описании они всегда образуют единую рубрику, обозначаемую, естественно, как „существительные женского морф. рода“. Что же касается различия между этими словами по роду, то оно с морфологической точки зрения несущественно (...) и может просто никак не отмечаться. (...) Именно отсутствием понятия морфологического рода (а вследствие этого и час-

тым смешением рода и морфологического рода) объясняются многие некорректные формулировки традиционных описаний» (с. 147).

То же, *mutatis mutandis*, касается и морфологической одушевленности.

Каноническое соответствие между родом и морфологическим родом нарушается лишь в четырех группах существительных:

«1. Все изменяемые существительные мужского, а также так называемого общего рода на *-а*, *-я* относятся к женскому морф. роду, например: одушевленные мужского рода — *юноша*, *мужчина*, *слуга*, *парнишка*, *зайчишка*, *купчина*, *бычина*, одушевленные общего рода — *сырота*, *кале́ка*, *ханжá*, *урбдина*, *молодчина*, неодушевленные мужского рода — *доми́на*, *мости́на*, *куси́на*.

2. Все изменяемые существительные мужского рода на *-о* и *-е* относятся к среднему морф. роду, например: одушевленные — *подмастерье*, *воронкó*, *волчíще*, *человéчище*; неодушевленные — *городи́шко*, *доми́шко*, *голоси́ще*, *доми́ще*.

3. Все существительные парного рода относятся к мужскому (например, *часы*, *джунгли*), женскому (например, *ножницы*, *брюки*) или среднему (например, *воро́та*, *дро́ва*) морф. роду.

4. Все неизменяемые существительные мужского и женского родов относятся к среднему морф. роду, например: *буржу́б*, *атташé*, *мадам*. (Здесь, однако, морф. род носит явно условный характер.)» (с. 148)²².

²² Несклоняемые существительные ААЗ относит к среднему морфологическому роду. Это решение, по-видимому, мотивированное соображениями «механической универсализации» (с. 8—9) и никак не повлиявшее на нотацию (а значит, и трактовку) несклоняемых слов в «Грамматическом словаре», не кажется оптимальным. Альтернативой здесь могло бы быть следующее:

либо включить в число морфологических родов также «нулевой»;

либо, отступая от принципа универсальной классификации, не приписывать словам «нулевого» типа склонения (ср. нотацию «0» в «Грамматическом словаре») вообще никакого морфологического рода (считая, что на множестве несклоняемых слов этот признак просто не определен);

либо, наконец, не приписывать этим словам вообще никакого типа склонения (в соответствии с буквальным значением термина «несклоняемый»).

Логически возможно также еще более экстремистское «формалистическое» решение в духе фортунатовской «формально-грамматической» школы (точнее, ее радикальных представителей — таких, как М. Н. Петерсон) — а именно, относить «несклоняемые существительные» не к существительным, а к «бесформенным» словам. Впрочем, следует признать, что в этом последнем случае они не попали бы в исходный материал РИС и, более того, не должны были бы включаться в предмет «словоизменения». Недостатком такой трактовки является полный отрыв морфологической классификации слов от описания их синтаксических свойств.

Каноническое соответствие между одушевленностью и морфологической одушевленностью нарушается лишь у слов *он*, *онб*, *онй*: эти слова всегда являются морфологически одушевленными независимо от согласования (с. 149), так как их винительный падеж всегда совпадает с родительным, а не с именительным²³.

Феномен расхождения между синтаксическими и морфологическими характеристиками лексемы был известен с давних пор (хотя бы авторам описательных грамматик греческого, латинского, санскрита и т. п.), однако до появления работ ААЗ не предпринималось попыток соответствующего эксплицитного уточнения концептуально-терминологического аппарата, которое бы позволяло описывать одновременно и корреляции между морфологией и синтаксисом, и расхождения между ними.

Попытки морфологического числа, морфологического рода и морфологической одушевленности позволяют «сравнивать парадигмы разного внутреннего устройства» (с. 134) путем соотнесения их с этапопом склонения, т. е. таблицей, в которой учтены, кроме падежа, также противопоставления по роду, числу и одушевленности, независимо от того, определены ли эти признаки на данной лексеме или нет.

Таким образом устанавливается «посредник» для сравнения субстантивных, адъективных, местоименных и нумеративных парадигм (хотя они и имеют разное строение).

Внимательный анализ, осуществленный ААЗ, обнаруживает нетривиальное сходство различий в «морф. роде» у существительных типа *стол* (мужской морф. род), *судья* (женский морф. род) и *домишко* (средний морф. род) с различиями между склонением числительных типа *сóрок* (мужской морф. род), типа *двáцать* (женский морф. род) и типа *сто*, *трíста* (средний морф. род) (см. с. 138—145). «Посредником» для сравнения служит различительный признак «морф. род», принимающий у этих слов значения «мужской», «женский» и «средний» соответственно.

Далее, ААЗ обнаружил тот нетривиальный (и как бы не замечавшийся ранее) факт, что различия между главным и второстепенным склонениями в женском морфологическом роде («основной» тип *карта* vs. «побочный» тип *тень*) пропорциональны аналогичным

²³ Вследствие «механической универсализации» к морфологически неодушевленным относятся все несклоняемые существительные; но в «Грамматическом словаре» никаких следов от такой трактовки не остается. Ср. выше то же о морфологическом роде (в предыдущей сноской).

различиям в мужском («основной» тип *завод* vs. «уникальный» тип *путь*) и среднем («основной» тип *чувство* vs. «нерегулярный» тип *время*) морфологическом роде (с. 218—221). Для этого вводится различительный признак «тип склонения», который в вышеуказанных случаях принимает значения «I субстантивное» (для «главного» типа) и «II субстантивное» (для противопоставленного ему «второстепенного») и охватывает все три морфологических рода. Между тем в традиционных описаниях русской морфологии соответствующее различие проводилось лишь для женского морфологического рода, а в других морфологических родах либо игнорировалось, либо описывалось в терминах различия между «правилами» и «исключениями из правил».

6. Первичные vs. вторичные словоформы

Другой механизм морфологического описания, разработанный ААЗ, служит посредником при сравнении склонения слов с регулярной морфологической омонимией разных грамматических форм и склонения слов без такой омонимии. Это противопоставление «вторичных» словоформ «первичным» (с. 133).

У ААЗ «вторичные» словоформы задаются экстенсионально (по сути дела, перечнем их типов). Однако в принципе этому понятию можно дать некоторое содержательное (интенсиональное) определение, хотя это определение оказывается менее конструктивным и даже слегка психологизированным. А именно, вторичной можно считать такую словоформу, которую удобно описывать не непосредственно, а через ссылку к другим. Так, вторичными можно считать: словоформы вин. п., омонимичные им. (*город*) или род. п. (*музыка*); словоформы ед. ч., омонимичные соответствующим словоформам мн. ч. (у существительных *pluralia tantum*, например, *очки*), и т. п. Таким образом, переход от внутренней стороны такой словоформы к ее внешней стороне состоит из двух этапов: сначала строится «первичная» словоформа, а затем на основании «первичной» словоформы строится «вторичная».

Лингвистическая ценность предложенного ААЗ различия — в том, что оно позволяет разграничить два существенно различных класса явлений, традиционно подводимых под слишком широкое понятие морфологической (грамматической) омонимии. Первый класс случаев — это морфолого-синтаксическая неоднозначность (омонимия целых словоформ без омонимии флексий); к ней относятся все случаи однозвучности первичной и вторичной словоформы. Второй класс случаев — это собственно парадигматическая омонимия (омонимия словоформ, вызванная омонимией флексий). Но флекс-

сия в РИС (как и вообще в схеме «слово — парадигма») не является двусторонней сущностью (в том смысле, что она не описывается как имеющая какое-либо означаемое); поэтому и понятие омонимии в некотором смысле к ней неприменимо. Для последовательного различения этих двух классов неоднозначности следовало бы выйти за рамки подхода «слово — парадигма». Фактически проведенное в РИС различение двух типов омонимии можно рассматривать как первый шаг в направлении посильной элиминации самого понятия морфологической омонимии. Более радикальное движение в этом направлении предложено ниже, в разделе 10, где вводится понятие морфограммы.

Противопоставление первичных словоформ вторичным, уместное и оправданное в РИС как удобный практический прием (ср. выше предложенное «гносеологическое» определение через понятие ‘удобства описания’), остается, однако, онтологически немотивированным. С неоструктуралистской точки зрения, здесь следовало бы в первую очередь решить вопрос о том, к какому языковому уровню относятся первичные, а к какому — вторичные словоформы. Так как условную запись получают только первичные словоформы, то мы вообще не можем ответить на вопрос, каково поэлементное соотнесение компонентов внутренней и внешней сторон словоформы друг с другом. Разумеется, в выбранной ААЗ схеме описания («слово — парадигма») поэлементное соотнесение не является необходимым.

Однако в задачи неоструктуралистской морфологии входят не только классификация и синтез парадигм, но и другие разделы — в том числе, выделение и классификация морфем²⁴.

²⁴ Для неоструктурализма при выборе подхода вообще не стоит вопроса «или — или» (т. е. какой из трех подходов, по Хоккету, следует выбрать), так как предполагается, что эпистемологическая разница между этими подходами обусловлена не просто субъективным предпочтением исследователя, но также и тем, какие именно объективно наличествующие в языке отношения («асpekты» или «стороны» языка) лингвист пытается описывать. А это означает, что «хорошее» или «оптимальное» описание вообще не может быть сведено к одному из упомянутых трех типов, а включает их все в качестве своих составных частей. Таким образом, большая полнота описания достигается не путем отказа от подхода «слово — парадигма» (представленного в РИС) в пользу подхода «единица — процесс» или «единица — аранжировка», но и не путем отказа от понятия морфемы (как это декларируют сторонники «безморфемной морфологии» типа Андерсона), а путем включения описаний того и другого типа в рамки некоторого интегрального описания. С точки зрения такого интегрального описания все предшествующие должны оказываться не столько неверными, сколько неполными (по определению). Само же интегральное описание является более полным (по срав-

Поэтому с позиций неоструктуралистской морфологии описание по схеме «слово — парадигма» в принципе не может считаться полным. Точнее, оно может оказаться относительно полным в рамках выбранной схемы («слово — парадигма»), однако, чтобы считаться еще более полным, оно должно быть достроено в направлении «морфемики»²⁵. Соответственно, если описание, использующее вторичные словоформы в смысле РИС, будет включаться в неоструктуралистское как его составная часть, то вопрос об отнесении и первичных, и вторичных словоформ к какому-то определенному уровню и об означающем и означаемом вторичных словоформ встанет со всей остротой.

7. РИС и морфемика: направление концептуальной достройки

Исходя из принципов неоструктуралистской морфологии, можно было бы наложить на схему «слово — парадигма» также схемы «единица — аранжировка» и «единица — процесс» и попытаться переинтерпретировать рассуждения ААЗ о русской морфологии в терминах иной концептуальной системы — так сказать, «морфемики» или, точнее, «морфологии, включающей морфемику»²⁶, в противоположность морфологии «безморфемной».

Так, можно предполагать морфемную членимость большинства субстантивных окончаний мн. ч., содержащих *-a*, и адъективных окончаний мн. ч., содержащих *-ы*. О том, что суффикс *-a* является показателем мн. ч. в субстантивных парадигмах, а *-ы* (*-и*) — в адъективных, ААЗ писал еще в 1967 г. (см. *Zalizniak 1967b; Zalizniak 1970*). С исторической точки зрения здесь представлен результат аналогической унификации и сопутствующего ей переразложения флексий²⁷.

нению с описаниями-предшественниками, вошедшими в него на правах составных частей), но сама его полнота относительна: ведь по отношению к будущим описаниям, абсорбирующими данное, оно само должно будет считаться по определению неполным. И так *ad infinitum* (см. выше § 0.1, примечание, цитату из книги *Ревзин 1977*, с. 25).

²⁵ Самые известные попытки совместить некоторые элементы концепции РИС с элементами морфемики представлены в академических грамматиках русского языка 1970 и 1980 г., а также в работах *Милославский 1981a, b*. Определенное влияние идей РИС (скрещенных с идеями морфемики) сказалось также на описаниях русской морфологии, выполненных в русле теории «Смысл ↔ Текст»: ср., напр., *Еськова—Мельчук—Саников 1971; Еськова—Большаков—Бидер 1978*.

²⁶ Неоструктуралистская морфология — лишь одна из морфологических теорий, включающих морфемику; сама она опирается на ряд предшествующих работ, таких, как *Блумфильд 1968; Matthews 1972; Маслов 1975/1987; 1978; 1979; Мельчук 1975; Булыгина 1977; Mel'čuk 1982; Кузнецова 1986*.

²⁷ Исторические аспекты «*а*-экспансии» оживленно обсуждались в русистике последних десятилетий; см., например, *Andersen 1969; Марков 1974*;

Соответственно, с неоструктуралистской точки зрения можно говорить о двухморфемности большинства деклинационных окончаний мн. ч. Это, однако, не означает, что в падежных показателях мн. ч. нет синтетосемии²⁸. Синтетосемия (в результате падежно-числовой кумуляции как минимум еще праиндоевропейских времен) в них есть, но одновременно с ней есть и некоторая избыточность морфологической сигнализации, особенно в косвенных падежах. Таким образом, число в русском склонении выражается плеонастически — одновременно и агглютинативно (суффиксами *-a-* и *-ы-*), и флективно (кумулятивными окончаниями *-x*, *-m*, *-mi*). В связи с этим представляется исключительно точным выбранный ААЗ (Зализняк 1967b: 2332) для характеристики русского склонения термин «*полуглаглютиративная система*».

Членение словоформы на основу и флексию в РИС задается экспесиональю (списком) при помощи определенного алгоритма. Однако этот алгоритм не опирается ни на какие общие представления о том, что такое основа и окончание: фактически границы этих понятий не подлежат обсуждению и принимаются как данные. Между тем с точки зрения морфемики здесь обнаруживаются явления, допускающие разное истолкование.

Так, основа, вообще говоря, не есть морфологически элементарная единица и может состоять из нескольких морфем, даже если эта основа и не является словообразовательно производной. Тем самым речь идет вовсе не о многоморфемности основ производных слов, как это может показаться на первый взгляд (эта проблематика не входит в словоизменение!²⁹), а о проблемах, имеющих самое непосредственное касательство именно к словоизменительной парадигматике.

Шульга 1988; Хабургаев 1990; Живов 1993 и др.; М. В. Шульга считает, что впервые на это явление обратил внимание еще И. В. Ягич.

²⁸ Термин понимается в смысле *Маслов 1975/1987: 296/235* и *Булыгина—Крылов 1990c*.

²⁹ А иногда таки входит. В некоторых нетрадиционных грамматических теориях основу (в том числе производную) и окончание (в том числе комплексное) именуют морфемами. Это делается либо на том основании, что предметом описания является не словообразование, а словоизменение, либо на том основании, что описание ориентировано на задачи автоматического морфологического синтеза или анализа (и потому подобные терминологические сдвиги, по мнению авторов, допустимы), либо без специальной мотивировки. Так, например, в работе *Еськова—Мельчук—Санников 1971* основы таких слов, как *волч-ий=Ø*, *лег-к-о-мысл-ен-н-ый*, *жен-ат-ый*, *истор-и-ческ-ий*, *мам-ин=Ø*, *раз-говор-ч-ив=ый*, почему-то названы морфемами, хотя в соответствии с традиционной концепцией морфемы как минимального знака (в основных чертах принимаемой, в частности, в *Мельчук 1975* и в неост-

С точки зрения неоструктурализма наличие любых «членований в условной основе» (с. 235—246) означает, что морфемный состав основ в разных подпарадигмах — разный. Следовательно, здесь налицо, помимо «общей формообразовательной основы», также несколько (обычно не более двух) парциальных формообразовательных основ (в смысле *Маслов 1975/1987*, с. 147), характерных для разных групп форм: ср. такие основы, как *козл-ён(о)к-* и *козл-ят-*. В частности, парциальная основа (если отвлечься от случаев полного супплетивизма) включает, помимо общей формообразовательной основы, также избыточные суффиксальные (*неб-’ес-а*) или симульфиксальные (*у-и-и-и*) элементы. Избыточные показатели подразделяются (не вполне строго) на «пустые» и «плеонастические». Перечисление всех таких случаев должно стать предметом отдельного описания. Но это описание уже будет выходить за рамки подхода «слово — парадигма».

Примеры плеонастических агглютинативных показателей ед. и мн. числа — ступени чередований класса I (с. 237—238); атрибутивности/предикативности — ступени чередования класса VI (с. 239—240); им. п. ед. ч. — первая ступень класса II (с. 238); род. п. мн. ч. — вторая ступень класса III (с. 238—239); предикативности муж. ед. — вторая ступень класса VII (с. 240); им. ед. муж. — первая ступень классов XIII (с. 241—242), XIX (с. 242) и XX (с. 243); им. парн. — вторая ступень класса XIV (с. 242); род. — первая ступень класса XVI (с. 242) и вторая ступень класса XVIII (с. 242); твор. — вторая ступень чередований класса XVII (с. 242), третья ступень класса XIX (с. 242) и четвертая ступень класса XX (с. 243); дат. — третья ступень класса XX (с. 243). Ступени остальных чередований можно трактовать как избыточные «пустые» маркеры, имеющие «формально-структурную» функцию (в смысле *Маслов 1975/1987; Маслов 1978*), т. е. сигнализирующие о сцеплении определенного класса лексем с определенным классом граммем.

Из этого следует типологический вывод, согласно которому в русском языке есть некоторые элементы агглютинации, которые парадоксальным образом вырастают из некоторых нерегулярных чередований в составе основ или из бывших суффиксов (с собирательным или, наоборот, сингулятивным значением). Так, суффиксы *-ин-* (*татар-ин*) и *-иц-* (*кур-иц-а*) — агглютинативные маркеры ед. ч.; суффиксы — **-ј-* (*брат-ј-а*), *-ов-* (*хозј-ов-а*), *-’ес-* (*чуд-’ес-а*) — агглю-

структурализме) все эти основы морфологически неэлементарны, т. е. содержат по нескольку морфем.

тинативные маркеры мн. ч. Симульфикс *к/ч* (в очи), *х/ш* (в уши), *Ø/* (в колени, соседи, черти) — агглютинативный маркер мн. ч. (о понятии симульфика см. *Маслов 1975/1987*). Трактовка таких отношений просто как супплетивных (*Реформатский 1967: 311—313*) несколько огрубляет реальную картину, ибо супплетивизм здесь не полный³⁰ (как в *человек — люди*), а лишь частичный³¹ (затрагивающий лишь суффиксальную часть основы, а не корень), и именно поэтому возможно выделение избыточных агглютинативных маркеров грамматического числа³².

³⁰ Под полным супплетивизмом имеется в виду «супплетивизм корней» (в смысле *Реформатский 1967*, с. 311—312). Различие полного и частичного супплетивизма фактически предлагалось в *Булыгина—Крылов 1990b*, где употреблены термины «чисто супплетивное склонение» vs. «частично супплетивное склонение».

³¹ Под частичным супплетивизмом имеется в виду «супплетивизм основ» (в смысле *Реформатский 1967*, с. 312—313), не сопровождающий «супплетивизмом корней». И. А. Мельчук не без оснований критикует употребление термина «супплетивизм» применительно к этому случаю (*Мельчук 1972: 409*), однако элегантная трактовка «супплетивизма» и «нормальности» как градуированных, количественных понятий, допускающих «большую или меньшую степень» нормальности и (квази)супплетивизма, развиваемая в *Мельчук 1972: 403—407* и полностьюозвучная неоструктуралистским методологическим принципам, должна допускать некоторую степень супплетивности в примерах типа *кум — кумовья* и подобных. Ведь «нормальное» соотношение словоформ одной лексемы есть тождество основ, а их различие следует считать ненормальным. Там, где «различие по смыслу между А и В нормально, а различие по форме между ними не нормально» (*Мельчук 1972: 405*), имеет место супплетивизм. Отношение между словоформами, имеющими разные парциальные основы, является нормальным по смыслу и ненормальным по форме (так как во флексивном языке «нормально» именно отсутствие агглютинативных показателей числа). Но это и означает, что в таких случаях перед нами супплетивизм, хотя и не 100%, а частичный. Иначе говоря: принявши, что «супплетивизм может быть более или менее сильным» (*т а м же: 407*), следует признать, что «супплетивизм основ» также существует, а именно, здесь перед нами именно «менее сильный» супплетивизм, тогда как при супплетивизме корней — «более сильный». Заметим, что трактовка Реформатского фактически поддержана в работе Т. В. Булыгиной, где, правда, для оценки пар типа *колено — колени* и т. п. употребляется не термин «супплетивизм», а более осторожные термины «нерегулярность» или «уникальность» (*Булыгина 1977: 152, 212*). Однако супплетивизм в этой работе как раз и трактуется как нечто противоположное регулярности (*Булыгина 1977: 139—140*), так что по существу трактовка Т. В. Булыгиной вполнеозвучна трактовке А. А. Реформатского).

³² Трактовка отрезков *-ов-ej-* (в *сын-ов-ъ-я*), *-ес-* (в *неб-ес-а*) как показателей мн. ч., а отрезков *-ин-* (в *болгар-ин*), *-н-* (в *суд-н-о*) — как показателей ед. ч., выдвигалась В. Н. Сидоровым в книге *Аванесов—Сидоров 1945*, с. 92—97.

8. Экстраморфологический vs. интраморфологический слой внутренней стороны словоформы

До сих пор о том, что такое «экстра-» и «интра-», упоминалось лишь применительно к «формальному» аспекту морфологии, т. е. к «внешней» стороне словоформы. Однако зеркально симметричная картина получится, если мы применим это противопоставление к «внутренней» стороне словоформы. А именно, оказывается, что «экстра-» применительно к внутренней стороне означает как раз «более глубинный», а «интра-» — «более поверхностный» уровень представления. В РИС на экстраморфологическом уровне внутренней стороны словоформы находятся граммы и лексемы. В качестве конструктивного аналога лексемы, по сути дела, выступает попросту адрес этой лексемы в словаре. В качестве конструктивного аналога граммы — результат применения мысленной «процедуры выделения» грамм к представительному, принципиально открытому корпусу речевых фактов, т. е. к множеству речевых произведений, снабженных оценками грамматической правильности и смысловой эквивалентности, даваемыми носителями языка.

На первый взгляд кажется, что никакого подобия различию интра- и экстраморфологического представления внутренней стороны словоформы в РИС вовсе нет³³. В действительности такое различие есть, однако проведено оно настолько нетривиальным способом, что даже может остаться незамеченным.

Рискну предположить, что условным (интраморфологическим) представлением «внутренней» словоформы следует считать сочетание адреса лексемы³⁴ в словаре либо с ее «эталонным грамматическим значением» (если перед нами первичная словоформа), либо с «эталонным грамматическим значением» той первичной словоформы, из которой она тождественно выводится (если перед нами вторичная словоформа). «Действительным» же представлением следует считать

³³ Может возникнуть даже такой вопрос: а не являются ли граммы и лексемы как раз единицами интраморфологическими — в отличие от «частных значений грамм» и «лексико-семантических вариантов» лексем, которые как раз и являются экстраморфологическими? Ответ на него — отрицательный: ведь никаких правил перехода от частных значений грамм к граммам и от значений лексем к лексемам в РИС вообще не описывается. Значит, либо противопоставление экстра- и интраморфологических единиц «внутренней стороны» в РИС отсутствует, либо оно присутствует, но не в той области, в которой мы его пытались найти поначалу.

³⁴ Или, в иных случаях, ее варианта (фонетического либо морфологического).

сочетание адреса лексемы в словаре с ее грамматической формой (словоизменительным грамматическим значением данной лексемы).

Практически это означает, что эталонное грамматическое значение *репрезентанта* данной словоформы³⁵ выступает в качестве единицы особого уровня представления, хотя в явном виде это в РИС не декларируется. Есть ли в языке такой уровень, единицы которого соответствуют «эталонному грамматическому значению»? Декларируемое в РИС ограничение задач описания исключительно аспектом «слово — парадигма» позволяет оставить этот важный вопрос открытым. А выход за рамки данного аспекта заставляет дать на него эксплицитный ответ. Неоструктурализм дает на него ответ положительный: т. е., признавая наличие обнаруженных ААЗ связей между эталонным и «обыкновенным» грамматическим значением, а также между «первичными» и соответствующими им «вторичными» словоформами, неоструктуралистская морфология пытается отразить эти связи на особом уровне представления словоформы.

9. Специфика неоструктуралистской схемы описания флексивной морфологии: морфограммы и морфокатегория

Ниже будет введено несколько понятий, составляющих характерную особенность неоструктуралистского подхода к описанию морфологии языков флексивного строя. Изложение ведется в плане сопоставления этих понятий с их наиболее близкими соответствиями в концептуальном аппарате РИС, послужившем главной теоретической базой при выработке этих понятий.

9.1. Морфограмма vs. граммема. Наряду с граммемами в морфологическом описании целесообразно использовать также морфограммы — единицы, по степени глубинности занимающие промежуточное положение между граммемами и флексиями. Десигнатами флексий, с точки зрения неоструктуралистской морфологии, являются, строго говоря, не граммемы или их сочетания, а морфограммы и их сочетания³⁶. Получается, что у флексий есть

³⁵ Под репрезентантом словоформы будем понимать либо ее самое (для первичных словоформ), либо ту первичную словоформу, из которой она тождественно выводится (для вторичных словоформ).

³⁶ Учет буквального значения флексий и тем самым такого фактора, как «внутренняя форма» словоформы (а также и лексемы), оказывается эффективным не только в тех сферах, которые затронуты ниже, но и в некоторых других. В первую очередь это касается классификации частей речи. Элегантное решение проблемы частей речи в духе несколько осовремененного (нео-)фортунатовского формализма на основе учета именно внутренней

как «переносное», так и «буквальное» значение. Буквальные значения флексий состоят из морфограммем, а переносные (состоящие из граммем) в таком случае естественно описывать как их контекстные варианты³⁷, подобно тому, как фразеологически связанные значения слов в составе фразеологизмов описываются на базе внутренней формы словосочетания, состоящей из буквальных значений слов, входящих в этот фразеологизм.

Морфограммема — это результат абстракции отождествления над множеством сходно выражаемых граммем. Введение этого понятия позволяет минимизировать число случаев, описываемых с помощью понятия морфологической омонимии словоформ. Содержательно такое решение мотивировано тем, что значительная часть этих случаев не воспринимается как случайность; между тем омонимия, как правило, всегда «случайна», в отличие от синcretизма граммем в некоторых клетках парадигмы. Можно предположить, что эта разница в синхронном восприятии двух указанных классов явлений есть более или менее прямое отражение различия в историческом происхождении этих явлений. «Настоящая» морфологическая омонимия (то есть омонимия флексий) возникает преимущественно как результат действия определенных звуковых законов, обуславливающих независимое фонетическое развитие словоформ, тогда как морфологический синcretизм есть в первую очередь результат действия разнообразных аналогических процессов унификации парадигм³⁸.

Таким образом, описание идет по трехчленной схеме. При анализе эта схема имеет вид:

флексия	\Rightarrow	морфопадеж	\Rightarrow	падеж
флексия	\Rightarrow	морфород	\Rightarrow	род
флексия	\Rightarrow	морфочисло	\Rightarrow	число

грамматической формы слов предложено в статье Поливанова 1990: слова *запятая*, *мостовая* признаются адъективами в ж. р.; *прогбжий* — адъективом в м. р.; *крайне*, *теплб*, *хорош* — адъективом в кр. ф. ср. р., слова *бегбм*, *шагом* — субстантивом в тв. п., *мбла* — деепричастной формой глагола и так далее. Неоструктуралистская концепция морфограммем содержательно приходит в значительной степени к тем же выводам (и прибегает к сходным мотивировкам), хотя в слегка иной терминологической упаковке.

³⁷ Как известно, граммемы («общие грамматические значения»), в свою очередь, тоже имеют контекстные варианты в виде так называемых «частных грамматических значений». Но эта проблематика выходит за рамки (формальной) морфологии и уводит в область грамматической семантики. Об инвариантах в грамматике см. Гак 1986; Перцов 2001.

³⁸ Ср. попытку исследования таких процессов с функциональной (телеологической) точки зрения в Трубецкой 1937/1987; Якобсон 1957/1985.

При синтезе, соответственно:

падеж	\Rightarrow	морфопадеж	\Rightarrow	флексия
род	\Rightarrow	морфород	\Rightarrow	флексия
число	\Rightarrow	морфочисло	\Rightarrow	флексия

9.2. Морфокатегория vs. грамматическая категория.

Морфокатегория состоит из морфограммем — отчасти подобно тому, как грамматическая категория состоит из граммем. Формально говоря, морфограммемы, входящие в одну морфокатегорию, даже характеризуются свойством «однородности» (с. 23), или теоретико-множественной взаимоисключительности, в том смысле, что любая конкретная словоформа содержит в своей внутренней стороне не более одной морфограммемы любой отдельной грамматической морфокатегории. На этом, однако, сходство между однородностью граммем и однородностью морфограммем заканчивается. Дело в том, что между морфокатегорией и категорией есть два существенных отличия. А именно:

(а) Однородность граммем одной категории (в языках фlectивного строя³⁹) базируется на их семантической комплементарности в том смысле, что «значения» разных граммем содержательно несовместимы друг с другом. Между тем морфограммемы, составляющие одну морфокатегорию, в общем случае вовсе не обязаны обладать свойством семантической комплементарности. Так, морфограммема ‘родительно-винительный морфопадеж’, выраженная в сегменте *мужа*, находится в гиперонимическом отношении к морфограммеме ‘винительный падеж’, выраженной в сегменте *жену*, т. е. выступает в качестве более широкого понятия, семантически включающего более узкое. Поэтому свойство однородности у морфограммем одной морфокатегории носит чисто формальный характер.

(б) морфограммемы, составляющие одну классифицирующую морфокатегорию, могут быть разными у разных словоформ одной лексемы; т. е. на множестве словоформ одной лексемы классифицирующая морфокатегория может, вообще говоря, принимать разные значения. Так, категория морфорода у лексемы *стол* принимает значение мужского морфорода в форме *стол*, но мужеско-среднего — в *стола*. Более того, иногда (в порядке исключения) она принимает не просто разные, но даже прямо конфликтующие значения (так, в словоформе *путём* выражен ‘мужеско-средний морфород’, а в словоформе *пути* — ‘женский’; в сегменте *яблоки* выражен ‘женско-мужской’ морфород, а в сегменте *яблок* — ‘женско-средний’).

³⁹ Ср. Булыгина — Крылов 1990с с лит.

9.3. Морфограмма vs. эталонное грамматическое значение. Эти же два свойства отличают морфограммы от элементов, входящих в так называемое «эталонное грамматическое значение» (с. 145). Кроме того, эталонное грамматическое значение имеется только у первичных словоформ, а морфокатегории покрывают все множество словоформ — как первичные, так и вторичные словоформы.

9.4. Морфокатегория vs. различительные признаки парадигм. В некоторых отношениях классифицирующие морфокатегории весьма близки к «различительным признакам» парадигм, названия которых включают эпитет «морфологический»: т. е., иными словами, морфород во многом близок к морфологическому роду, а морфочисло — к морфологическому числу. Однако различительные признаки в РИС

(а') обладают свойством комплементарности;

(б') принимают одно и то же значение у словоформ одной лексемы.

Между тем классифицирующие морфокатегории упомянутыми свойствами, вообще говоря, не обязаны обладать и во флексивных языках обычно не обладают.

9.5. Морфород vs. род. Морфород — это результат абстракции отождествления над множеством словоформ, сходным образом флексивно выражающим отнесение предмета к одному из крупных таксономических классов предметов, образуемых различиями живого — неживого, своего — чужого, мужского — женского и т. п. (в частности, классов, уподобляемых прототипическим ядерным подклассам на основании грамматической метафоры).

Полного соответствия между морфородом и деклинационным классом нет, так как, например, словоформы *стен-ой* и *двер'-ю* относятся к одному морфороду, но к разным деклинационным классам. В этом отношении морфород, как правило, весьма близок к морфологическому роду по ААЗ, однако здесь имеются и определенные расхождения. А именно:

(а) Морфологический род свойствен только существительным, числительным и местоимениям, а морфород — также и прилагательным (т. е. в этом отношении он скорее соответствует «эталонному грамматическому роду»).

(б) Морфологический род всегда характеризует лексему в целом, и, соответственно, «эталонный» грамматический род характеризует субстантивную или местоименную лексему в целом, а морфород мо-

ожет быть разным у разных словоформ одной лексемы: например, сегменты *стол*, *столов* относятся к мужскому морфороду; сегменты *стола*, *столу*, *столом* — к мужеско-среднему морфороду; сегменты *столе*, *столы*, *столам*, *столами*, *столах* — к мужеско-средне-женскому или «общему» морфороду, хотя, впрочем, эти сигналы морфорода содержательно не конфликтуют друг с другом. В отличие от рода и от морфологического рода, морфород обычно представляет собой, вообще говоря, переменную (относительно лексемы) величину, значение которой зависит (в отличие от значения эталонного грамматического рода!) от степени выраженности деклинационных различий в различных клетках парадигмы (ср. Дурново 1922/1971). В истории русского языка последнего тысячелетия интенсивно шел процесс слияния и полного исчезновения морфородов в большинстве клеток плуральных субпарадигм⁴⁰.

(в) Морфологический род и эталонный грамматический род у существительных и местоимений в пределах одной лексемы постоянен (см. выше пункт (б)), а морфород не только может варьироваться по законам синкремизма в пределах одной парадигмы (как это отмечено в пункте (б)), но в исключительных случаях морфород одной или нескольких словоформ внутри одной парадигмы может также конфликтовать с морфородом большинства словоформ этой парадигмы. А именно, это бывает тогда, когда эта словоформа имеет «нестандартное условное окончание» (с. 221–234), заимствованное «из другого морфологического рода» (с. 222). Например, словоформа *гусята* выражает средний морфород, а *гусят* — женско-средний морфород, хотя лексема *гусёнак* относится к мужскому морфологическому роду.

9.6. Морфочисло vs. число. К одному морфочислу относятся числа, выражаемые одинаково в пределах данной лексемы. Например, одно и то же морфочисло — множественное — представлено в сочетаниях *одни сани* и *многие сани*.

Таким образом, формулировка традиционной грамматики, согласно которой «существительные *pluralia tantum* имеют только множественное число», соответствует неоструктуралистской формулировке, согласно которой они «имеют только множественное морфочисло». Несмотря на отсутствие морфологической оппозиции по числу у *pluralia tantum*, их «внутренняя форма» достаточно прозрачна: она сигнализирует коннотацию множественности. Неоструктуралистская

⁴⁰ См. об этом Кузнецов 1959; Марков 1974; Шульга 1988; Крысько 1994.

формулировка позволяет отразить такую специфику «внутренней формы» соответствующих словоформ.

Отождествить морфочисло с «эталонным грамматическим числом» не всегда возможно, так как эталонное число приписывается лишь «первичным» словоформам, а морфочисло — любым словоформам. В частности, субстантивным сегментам в составе сочетаний *большое пальто* и *большие пальто* приписывается одно и то же морфочисло — «общее» (*morphonumerus communis*).

Введение понятия морфочисла само по себе не означает автоматического вытеснения понятия числа (в том смысле, в котором оно предложено в РИС). Однако попытка совместить понятие морфочисла с понятийным аппаратом РИС, не приводя к логическим противоречиям в теории, вынуждает к отличной от принятой в РИС трактовке фактов. Так, количество случаев, подводимых (в соответствии с концепцией РИС) под понятие омонимии чисел, в такой трактовке минимизируется практически до нуля. Иначе говоря, омонимии морфочисел в русском языке вообще нет, если не считать кумулятивной омонимии, представленной парами типа *лошадь_{ед}* vs. *лошади_{мн}*, *пути_{ед}* vs. *пути_{мн}*, *солдат_{ед}* vs. *солдат_{мн}*, *помидор_{ед}* vs. *помидор_{мн}* счета).

Словоформы, в явном виде (флективно) выраждающие принадлежность к тому или иному «морфологическому числу», относятся и к соответствующему «морфочислу»: например, словоформа *четырём* выражает множественное морфочисло, а словоформа *пятью* — единственное морфочисло. Однако отождествить морфочисло с «морфологическим числом» не удается, так как морфологическое число присуще лишь словоформам числительных и местоимений, а морфочисло — также и словоформам других разрядов. Кроме того, в парадигме некоторых собирательных числительных (*двоє, троє, четверо, пятеро*) и местоименных числительных (*столько, сколько, несколько, много, немного*) представлено нестандартное условное окончание И. мн. *-о*, заимствованное из другого числа; поэтому соответствующие словоформы (И. мн.) выражают единственное морфочисло, хотя морфологическое число у этих лексем — множественное, и, таким образом, «эталонное» грамматическое число будет также множественным — даже в словоформах И. мн. Приведенный пример показывает, что морфочисло, вообще говоря, может быть разным у словоформ одной лексемы даже в том случае, если она имеет некоторое фиксированное морфологическое число (хотя такие случаи носят характер исключений).

9.7. Морфопадеж vs. падеж. К одному морфопадежу относятся падежи, выражаемые одинаково в пределах данной родо-ческой словоформой подпарадигмы. Иначе говоря, морфопадеж — это результат

применения процедуры выделения падежа, полученный исходя из максимально расчленённых правил управления⁴¹.

Соотношение между падежом и морфопадежом может быть охарактеризовано следующим образом. Морфопадеж некоторой отдельной словоформы есть обобщенный ярлык для всех клеток парадигмы данной лексемы, в которых может фигурировать окончание нашей словоформы и которые при этом не отличаются от данной словоформы значениями морфограмм морфорода и морфочисла. Морфопадеж приписывается словоформам на основании сопоставления, проводимого в рамках одной лексемы и, более того, в рамках одной номинативы.

Морфопадеж может состоять либо из ровно одного падежа (обычно так обстоит дело в агглютинативных языках) — тогда это монофункциональный морфопадеж⁴², например, в русском языке творительный морфопадеж (*столом, стеной* и т. п.), либо из нескольких падежей, тогда это гиперпадеж, или полифункциональный морфопадеж. Например, сегмент *стол* выражает именительно-винительный морфопадеж, сегмент *стене* — дательно-предложно-местный морфопадеж; здесь перед нами гиперпадежи. Однако не все случаи падежной неоднозначности устраниются таким образом: так, сегмент *двери* омонимичен и скрывает за собой два разных морфопадежа — именительно-винительный (при прочтении во мн. ч.) и родительно-дательно-предложный (при прочтении в ед. ч.), таким образом, неоднозначность возможна и на уровне морфопадежей.

Термины типа «именительно-винительный падеж» или «родительно-винительный падеж» широко распространены в славистике, но на метаязыке неоструктуралистской морфологии в таких случаях следовало бы говорить не о падежах, а о морфопадежах; только при этом условии употребление дефисных эпитетов типа «родительно-винительный» будет терминологически корректным.

⁴¹ Правило управления является расчленённым, если оно требует постановки существительных разных деклинационных подклассов в разных словоизменительных формах (Зализняк 1973, с. 77–78).

⁴² С точки зрения телеологической интерпретации языковой эволюции интересен вопрос, почему одни морфопадежи остаются монофункциональными, а другие превращаются в гиперпадежи; ср. исследование причин такого феномена, как монофункциональность творительного морфопадежа в славянских языках, проведенное Н. С. Трубецким (Трубецкой 1937/1987: 217). Характеризуя общее направление эволюции славянского склонения, Трубецкой усматривает в нём общую для славянских языков тенденцию — «стремление избежать совпадения» (творительного падежа с другими). Однако в настоящей статье мы не будем касаться интригующего вопроса о причинах и тем более целях эволюции деклинационных систем, ограничившись чисто констатирующими сухими формулировками.

Идея морфопадежа в значительной степени восходит к концепции морфологического синкремизма, развитой Р. О. Якобсоном. В терминологии Якобсона можно говорить о «пятипадежной», «четырехпадежной», «трехпадежной» и «двуходажной» системе (Якобсон 1958/1985, с. 184–186), имея в виду классификацию именно деклинационных типов слов, а не собственно падежную систему. В неоструктуралистской терминологии речь здесь может идти именно о морфопадежах — причем полифункциональных, т. е. о гиперпадежах. Так, те морфологические сущности, которые Якобсон называет «прямой падеж», «косвенный падеж», «определенный падеж», «неопределенный падеж», «объемный падеж», «необъемный падеж», соответствуют морфопадежам (конкретнее, гиперпадежам) в предложенном понимании.

Хотя морфопадежи более прямо соответствуют флексиям, чем падежи, однако между флексиями и морфопадежами также нет изоморфизма. А именно, при омосемии флексии разных деклинационных разрядов (например, *стен-ой* и *лошад'-ю*) выражают один и тот же морфопадеж. Если учесть, что означаемое флексии содержит также морфород и морфочисло, то к фактам, препятствующим отождествлению морфопадежей с флексиями, следует относить явления кумулятивного выражения морфопадежа, морфорода и морфочисла. Флексии *-ом* (*Александр-ом*) и *-ой* (*Александр-ой*) выражают один и тот же морфопадеж, но не омосемичны, так как их десигнаты различаются на морфограммему морфорода: *-ом* выражает мужеско-средний морфород, а *-ой* — женский морфород; именно на этом различии нередко базируется феномен «субкатегориальной» конверсии — конверсии внутри одной части речи (ср. *маркиз* vs. *маркиза*). С другой стороны, возможна омонимия флексий, выражающих разные морфопадежи и одновременно разные морфороды: так, флексия дательного морфопадежа мужеско-среднего морфорода *-у* (*стол-у*, *дел-у*) омонимична флексии винительного морфопадежа женского морфорода *-у* (*стен-у*, *жен-у*), но такая омонимия разрешима в пределах собственно морфологического анализа, если она не сопровождается одновременной лексической омонимией (*вин¹-у* vs. *вин²-у*) или конверсией (*супруг¹-у* vs. *супруг²-у*, *маркиз¹-у* vs. *маркиз²-у*).

9.8. Морфологическая одушевленность и морфограммы. Любопытно, что на морфограммемном уровне представления высказывания нет никакого прямого аналога ни одушевленности, ни морфологической одушевленности. Это связано с тем, что про одушевленность и про морфологическую одушевленность какой бы то ни было словоформы, взятой в отрыве от контекста (и данной нам либо как «сегмент» в смысле РИС, либо как «лексически значимый сегмент» в понимании А. В. Гладкого, см. Гладкий 1973а, с. 30; Гладкий 1973б, с. 315), вообще нельзя судить на основании ее

флексии. Это означает, что морфограммам «(морфо)одушевленности» и «(морфо)неодушевленности» в русском языке, по-видимому, просто нет⁴³. Соответствующие граммы выражаются определенными комбинациями морфограммам других морфокатегорий — а именно, морфорода, морфопадежа и морфочисла. В терминологии, заимствованной из падежной теории ААЗ (Зализняк 1973), можно было бы сказать, что категория одушевленности и различительный признак морфологической одушевленности являются в русском языке «морфологически несамостоятельными»; в терминах неоструктуралистской морфологии здесь можно говорить о стопроцентной степени морфологического паразитизма граммы одушевленности⁴⁴.

10. Грамматические разряды в РИС

В РИС выделено пять грамматических разрядов: «расширенный адъективный» (≈ прилагательные, имеющие предикативную форму), «простой адъективный» (≈ прилагательные, не имеющие предикативной формы), «субстантивный» (существительные), «согласуемо-бесчисловой» (согласуемые числительные и местоимения) и «несогласуемо-бесчисловой» (несогласуемые числительные и местоимения).

Если для простоты пренебречь различиями между расширенным и простым адъективным разрядом, то соотношение между выделенными ААЗ разрядами можно схематически представить в виде таб-

⁴³ Сказанное верно лишь в том смысле, что на уровне морфограмм не получается построить ближайший прямой морфемный аналог одушевленности (как согласовательной категории) и морфологической одушевленности (как тесно скоррелированного с нею различительного морфологического признака парадигм). Однако косвенный аналог неодушевленности все-таки есть: это средний морфород. Можно увидеть определенную одностороннюю статистическую корреляцию между средним морфородом и неодушевленностью, трактуемой во всех ее аспектах: семантическом (ответ на вопрос «что?», а не «кто?»), синтаксическом (наличие граммы неодушевленности в смысле РИС) и морфологическом (различительный признак морфологической одушевленности в смысле РИС принимает значение неодушевленности). А именно: с вероятностью, достаточно близкой к единице, произвольная встречаенная в тексте словоформа среднего морфорода является и неодушевленной (во всех трех аспектах). Обратное неверно, так что корреляция носит односторонний характер.

⁴⁴ Может быть, именно полный морфологический паразитизм граммы одушевленности и является основным (или даже единственным) реальным (хотя и не декларируемым) фактором, заставляющим А. В. Бондарко отказываться признаку одушевленности-неодушевленности в праве называться «морфологической категорией» (Бондарко 1976, с. 184–189), хотя признаку рода в этом праве не отказано.

лицы (такая таблица отражает пропорциональность различий между прилагательными и существительными различиям между согласуемыми и несогласуемыми бесчисловыми именами):

		категория числа словоизменительна	
		да	нет
категория рода	да	прилагательные	согласуемо-бесчисловые имена
	нет	существительные	несогласуемо-бесчисловые имена

Как отмечает ААЗ, одно из проявлений «объяснительной силы» описания⁴⁵ — его предсказательная способность по отношению к словам, не входящим в «исходный материал» (с. 14).

11. Расширенная система падежей

Замечательной чертой РИС было строгое доказательство того, почему целесообразно при описании русской падежной системы не ограничиваться шестью падежами, но вводить в описание (вслед за Н. Н. Дурново и Р. О. Якобсоном) также:

- (а) II родительный (= частичный падеж = партитив): *немного мёду*;
- (б) II предложный (местный падеж = локатив): *в снегу* (в отличие от I предложного падежа: *в снеге*);
- (в) счётную форму (аднумератив): *два часы* (в отличие от генитива: *в течение часа*).

Доказательство ААЗ базируется на строгой процедуре выделения падежа по А. Н. Колмогорову и В. А. Успенскому (с. 36—42).

С неоструктуралистской точки зрения логически возможно ещё одно решение указанных трёх проблем, при котором и падежная система продолжает оставаться шестичленной (в традиционном духе), и процедура выделения падежей не претерпевает никаких модификаций. Достаточно лишь несколько более дробно расщепить некоторые 'предметы'⁴⁶ на два разных 'предмета'. А именно, для русских

⁴⁵ Нет нужды специально оговаривать, что термин «объяснительная сила» понимается здесь в соответствии с отечественной (а не американской) традицией.

⁴⁶ Понятие 'предмета' (в смысле Успенский 1957) соответствует внутренней стороне «номинатемы» (в смысле Зализняк 1973).

существительных можно постулировать наличие трёх дополнительных словоизменительных категорий:

(а) «квантификации вещества»⁴⁷ с бинарным привативным⁴⁸ противопоставлением ‘нейтральности’/‘парциальности’; тогда в словосочетаниях *недостаток чај* и *недостаток чаю* будет представлена одна и та же граммема категории падежа — ‘генитив’, но две разных граммемы категории «квантификации» — ‘нейтральность’ (*недостаток чај*) vs. ‘парциальность’ (*недостаток чаю*);

(б) «ипостаси» с бинарным эквивалентным противопоставлением ‘идеальности’ (‘психичности’)/‘материальности’ (‘физичности’); тогда в словосочетаниях *художники ищут чего-то в снеге* и *воробы ищут чего-то в снегу* будет представлена одна и та же граммема категории падежа — ‘локатив’, но две разных граммемы категории «ипостаси» — ‘идеальность’ (*художники ищут чего-то в снеге*) vs. ‘материальность’ (*воробы ищут чего-то в снегу*);

(в) «статуса» с бинарным привативным⁴⁹ противопоставлением ‘свободного, или нейтрального, статуса’ ‘связанному статусу’ (‘аднумеративности’); тогда в словосочетаниях *два часы* и *в течение часа* будет представлена одна и та же граммема категории падежа — ‘генитив’, но две разных граммемы категории «статуса» — ‘свободный статус’ (*в течение часа*) vs. ‘аднумеративность//связанный статус’ (*два часы*).

Недостатком такого описания следует считать введение в описание новых грамматических категорий с их (конечно, новыми) граммемами, а достоинством — упрощение правил согласования слов-атрибутов (падежная система которых признаётся тоже шестичленной) и минимизация падежной омонимии у словоформ типа *воды* (единая словоформа генитива, а не пара омонимов: на множестве лексем женского типа склонения категория «квантификации» не определена) и *воды* (омонимическая пара, а не тройка: на множестве словоформ женского типа склонения категория «ипостаси» также не определена)⁵⁰.

⁴⁷ «Вещественная квантификация» составляет частный случай категории мензуратива (в смысле Мельчук 1998: 95), а ‘парциальность’ — разновидность ‘диминутива’ (в смысле там же: 95).

⁴⁸ Привативность оппозиции здесь проявляется в факультативности употребления позитивного члена. О проблеме обязательности/факультативности в грамматике см. Перцов 2001: 69—90.

⁴⁹ Привативность оппозиции здесь проявляется в малоупотребительности позитивного члена.

⁵⁰ Следует признать, что трактовка аднумератива не как падежной граммемы, а как граммемы категории статуса не упрощает описания, но и не слишком усложняет его; во всяком случае, она является логически возможной.

12. Род существительных vs. пол: фамилии и слова общего рода как особый грамматический разряд?

С неоструктуралистской точки зрения, целесообразно применить принцип предсказательной способности (см. выше п. 10) также и в классификации грамматических разрядов. В частности, например, следовало бы признать большую объяснительную силу такой классификации, которая не ограничивается именами нарицательными, а включает также имена собственные. При описании «внешней стороны» словоизменения (т. е. словоизменительной морфонологии) ААЗ так и поступает: ср., например, правила установления морфологического рода топонимов (с. 144–145), схем ударения фамилий (с. 157), типа склонения фамилий и личных имен (с. 215–217) и др.

С неоструктуралистской точки зрения, целесообразно иногда выходить за пределы исходного материала и при описании «внутренней стороны» словоформ. Тогда вопрос о грамматических категориях русских имён должен был бы решаться несколько иначе. А именно, для фамилий следовало бы предусматривать словоизменительную категорию пола, состоящую из граммем «мужской» и «женский», включающих номинативный элемент значения «пол», сопряжённый с синтаксическим элементом значения «род». Трактовка пола именно как словоизменительной категории фамилий находит себе поддержку и в практике антропонимической лексикографии⁵¹: в любых словарях фамилий пары типа *Ильин* (муж.) — *Ильина* (жен.) принято относить к одной и той же лексеме. Принятие такой трактовки для фамилий, естественно, влечет за собой комплекс дискуссионных вопросов, связанных с определением статуса категории пола у нарицательных существительных и у местоимений. Например:

(а) Не является ли категория пола словоизменительной для существительных типа *сырота*? Если является (что прямо следует из традиции о принятого в лексикографической практике признания членов пар типа *сырота_{муж}* vs. *сырота_{жен}* представителями одной лексемы), то перед нами отдельный грамматический разряд «полоизменительных» или, если угодно, «генофлектирующих» существительных, к которым относятся как фамилии, так и существительные «общего рода»⁵².

⁵¹ Ссылка на словарную практику сама по себе не есть внутритеоретический аргумент для построения теории грамматики. Однако использование такого аргумента полностьюозвучно внутренней логике РИС, где, по собственному признанию автора, именно традиционная лексикографическая практика является основой для практического решения вопроса об отождествлении и различии лексем.

⁵² Таким образом, появляется еще одна логически возможная трактовка слов общего рода, не рассматривавшаяся в РИС.

(б) Не относятся ли тогда к «генофлектирующим» вообще все существительные, входящие в пары типа «имя лица — имя лица женского пола» типа *хомскианец* — *хомскианка* (трактуемые обычно как словообразовательные)? Вопрос слишком сложен для обсуждения его здесь.

(в) Не относятся ли к «генофлектирующим» вообще все одушевленные существительные (в таком случае придется значительную их часть описывать как *masculina tantum*, *feminina tantum*, члены супплетивных пар, члены семантически нерегулярных пар и т. п.)? Этот вопрос также требует отдельного обсуждения⁵³.

Для признания некоторого значения грамматическим необходима его обязательность и регулярность для некоторого класса словоформ. А обязательность, как и регулярность, «вообще говоря, зависит от того, какой класс словоформ рассматривается нами как выделенный» (с. 25). В. М. Алпатов на этом основании считает, что «фактически мы можем любой элемент значения объявить обязательным и регулярным, подбрав подходящий класс»⁵⁴ (Алпатов 1979, с. 36).

⁵³ Применительно к французскому языку трактовка рода как словоизменительной категории одушевленных существительных обосновывается в Гак 1986, с. 79–86. Применительно к литовскому языку подобная трактовка не отвергается принципиально, а признается в принципе допустимой, хотя и не оптимальной (по аналогии с трактовкой числа) в статье Булыгина 1970, с. 32–33.

⁵⁴ К сказанному В. М. Алпатовым можно, впрочем, добавить и прямо противоположное соображение, а именно: чем больше круг описываемых фактов, тем больше свидетельств в пользу трактовки некоторой традиционной «словоизменительной» категории в качестве «классифицирующей». Так, учет фактов, свидетельствующих о том, что двучисловые русские названия съедобных плодов делятся на сингулярно-ориентированные (типа *свёкла* или *репа*) и плурально-ориентированные (типа *огурцы*), предпринятый в Поливанова 1983, вполне достаточен для выдвижения гипотезы, согласно которой употребление соответствующих словоформ в «генерическом» референциальном статусе есть словообразовательный факт, так как выбор формального средства для выражения такого референциального статуса зависит от того, является ли существительное сингулярно- или плурально-ориентированым. А если так, то и числовые соотношения в «неарифметических» контекстах суть отношения словообразовательные. В РИС признается (правда, очень осторожно), что возможна трактовка мн. ч. у некоторых двучисловых существительных в функции обозначения ‘пары’ (*салоги, уши*) или ‘ансамбля’ (*волосы* = ‘шевелюра’) как словообразовательного средства (с. 61). Но та же ситуация наблюдается и со словами других семантических типов. Так, множественное число таких двучисловых слов, как *огурцы, баклажаны*, или единственное число таких двучисловых слов, как *репа, свёкла*, также носит не столько словоизменительный, сколько словообразовательный ха-

Между тем кажется интуитивно очевидным, что выделенный класс должен быть либо весьма многочислен, либо (если уж он немногочислен) большинство его членов должны быть весьма употребительны в речи (например, если это класс местоимений). Исходя из этого следовало бы признать такие классы, как одушевленные существительные, имена лиц, фамилии, вполне мощными классами слов, заставляющими предположить в них особый грамматический разряд.

13. Согласование и согласовательные категории

Одно из важнейших достижений ААЗ в РИС — это глубоко продуманная теория согласования и согласовательных грамматических категорий (с. 62—88)⁵⁵. Если сопоставить ее с неоструктуралистской концепцией согласования, то выявляются следующие расхождения, заслуживающие внимания.

Согласование в РИС трактуется как морфологическая зависимость слова-атрибута (т. е. прилагательного или числительного) от предметного слова, причем о наличии согласования в некотором языке можно говорить в том случае, если эта зависимость имеет место при «атрибутивной связи» (с. 64). Из этого следует, что, например, в соответствии с концепцией РИС, в английском языке нет (внесловоизменительного) согласования по роду, так как связь анафорических местоимений *he*, *she*, *it*, *they* со своими антецедентами является не атрибутивной, а анафорической. Более того, исходя из этой концепции, следовало бы признать, что в английском языке вообще нет согласования (в том числе и между подлежащим и сказуемым). Ведь зависимость лица и числа сказуемого от лица и числа подлежащего выражает не атрибутивную, а предикативную связь, а при атрибутивной связи выбор граммем у слова-атрибута вообще не контролируется его синтаксическим хозяином.

С неоструктуралистской точки зрения согласование может быть и в таком языке, где атрибутивная связь не оформляется в слове-атрибуте: например, в языках, где глагольное сказуемое включает показа-

рактер. И то и другое — операторы образования собирательной лексемы с вещественным (недискретным) значением. Только у сингулярно-ориентированных существительных собирательный дериват совпадает с их ед. ч., а у плюрально-ориентированных — с их мн. ч. (в чем как раз и состоит их «числовая ориентированность» в смысле А. К. Поливановой).

⁵⁵ Новизна подхода ААЗ к выделению согласовательных классов была отмечена уже авторами первых откликов на его концепцию (впервые сформулированную в статье 1964 г.). См., например, *Апресян 1966*, с. 162—165; *Плотникова 1966*, с. 125—126; *Ревзин 1967*, с. 90, 141, 161—162, 167.

тели лица, числа или рода подлежащего, можно также усматривать согласование. Согласование в широком смысле есть и в английском языке, где выбор местоимения 3-го лица зависит от числа, одушевленности и пола антecedента.

Независимо от понятия согласования в РИС вводится понятие согласовательной связи, охватывающей не только атрибутивную, но и любую другую «связь (...) между существительным и словом-атрибутом, при которой выбор сегмента слова-атрибута зависит от выбора существительного и (или) от грамматической формы, в которой оно стоит» (с. 69).

Из этой формулировки следует, в частности, что такие связи, как связь между *его* и *весь* в примере *я вижу его весь* (с. 81) или между *его* и *всего* в примере *я вижу его всего* (там же), не являются согласовательными, так как местоимения-существительные не являются разновидностью существительных⁵⁶. А если так, то и само понятие согласовательного класса (в его буквальном виде) к местоимениям-существительным неприменимо.

В отличие от РИС, в неоструктуралистской грамматике понятия согласования и согласовательной связи трактуются как синонимичные.

С точки зрения неоструктурализма, понятие согласования несколько шире, чем аналогичное понятие в РИС⁵⁷. Так, применительно к русскому языку оно охватывает не только (а) согласование прилагательного или числительного, но также (б) согласование глагола с подлежащим (в роде и числе); (в) согласование анафорического местоимения со своим антecedентом (в роде и числе). Заметим, что в

⁵⁶ Это означает, что для того, чтобы применить понятие согласовательного класса к «местоимениям-существительным», недостаточно всего лишь «заменить в определении II (§ 2.16) слово „существительное“ на „местоимение-существительное“» (с. 80), как предлагает ААЗ, так как это определение (с. 70) базируется на понятии согласовательной связи. Следовательно, необходимо также в определении согласовательной связи в § 2.16 (с. 69) заменить термин «существительное» на «предметное слово». Возможно, для большей общности определения II следовало бы и в нем также заменить термин «существительное» на «предметное слово».

⁵⁷ Приведенное замечание ни в коем случае не следует понимать как упрек по адресу автора РИС за то, что в РИС не описывается согласование глагола и анафорического местоимения (такой упрек был бы нелепостью). Речь идет всего лишь о том, что понятию согласования в РИС дана более узкая дефиниция, чем та, которая требуется для охвата понятием согласования указанных двух явлений.

более поздних работах ААЗ о согласовании (*Зализняк 1976а, Зализняк 1976б*) трактовка согласования шире: она охватывает и случаи типа (а), и случаи типа (б). Проблема трактовки случаев типа (в) остается не совсем решенной. Исходя из формулировки, по которой согласование имеет место «во фразе» (а не «в тексте»), дефиниция 1976 г. охватывает согласование относительных (а также возвратных) местоимений с их антecedентами (это же следует из приводимых примеров на согласование слова *который*). Однако как быть с местоимениями 3-го лица (которые нередко бывают связаны с данным словом не «во фразе», а «в тексте») исходя из этих определений, не вполне ясно⁵⁸.

При неоструктуралистской трактовке согласования отнесение слов типа *он, она, оно, они* к «несогласуемо-бесчисловому разряду» (с. 81, 98) представляется нежелательным. Правда, определенную трудность здесь представляет соотнесение с лексикографической традицией, разбивающей множество местоименных словоформ 3-го лица на 4 лексемы. Именно на эту традицию опирается РИС. Однако не исключена возможность так определить понятие согласования, чтобы выбор местоименных лексем в зависимости от класса и числа антecedента по определению оказывался бы разновидностью согласования. Что же касается разбиения множества местоименных словоформ третьего лица на 4 разных лексемы, то его можно либо при-

⁵⁸ Заслуживает внимания оригинальная трактовка согласования в рамках теории «Смысл \Leftrightarrow Текст», предложенная недавно И. А. Мельчуком. Согласно этой концепции, согласование (имплицитно) подразделяется на два разных понятия, первое из которых несколько шире второго: «согласование (в смысле Определения 4)» (*Мельчук 1993*, с. 49) (определение этого понятия дается в *там же*, с. 31) и «согласование (в широком смысле)» (*там же*, с. 30) (этому понятию дефиниция не дается вообще, но по контексту можно предположить, что имеется в виду некоторое понятие, в дефиницию которого не входит «Условие 1», т. е. условие «словоформа *w*, не является местоимением-заместителем, замещающим некоторое вхождение *w₂* в *E*»). Морфологическую зависимость анафорических местоимений от их антecedентов, которая, понятным образом, не подходит под первое (узкое) понятие, но подходит под второе (широкое), И. А. Мельчук предлагает называть конгруэнтностью. При этом термин «согласование» употребляется то в узком смысле (например, когда говорится о «различиях между согласованием и конгруэнтностью»; см. *там же*, с. 49–50), то в широком смысле (например, когда говорится, что конгруэнтность есть «частный случай согласования»; см. *там же*, с. 30–31, 50). Второе (широкое) понятие согласования по объему приблизительно совпадает с понятием согласования в неоструктуралистской грамматике, однако понятию «конгруэнтности» (в трактовке И. А. Мельчука) здесь соответствует не «конгруэнтность», а «анафорическое согласование».

знать лексикографической условностью⁵⁹ и не учитывать его при решении вопроса о тождестве слова (тогда слово *он* оказывается столь же единственным и имеющим столь же богатую парадигму, как слово *который*), либо включить в определение согласовательной связи такую ее разновидность, при которой от выбора существительного может зависеть не только выбор словоформы подчиненного слова, но и выбор самого подчиненного слова из небольшого числа морфолого-сintактических синонимов, дополнительно распределенных относительно выбора предметного слова (контроллера, антецедента) и его формы.⁶⁰ В принципе здесь возможны (непротиворечивы) обе трактовки.

14. Анафорические местоимения как особый грамматический разряд?

Неоструктуралистская трактовка согласования в некоторых отношениях сложнее, чем концепция согласования в РИС. Однако она позволяет дать более естественное объяснение некоторым фактам, традиционно описываемым с помощью понятия согласования.

Так, большое значение для всей теории согласовательных грамматических категорий, разработанной в РИС, имеют диагностические контексты, включающие анафорическую связь слова *который* со своим антецедентом (коррелятом) в главном предложении (с. 71–72). Эта связь вполне убедительно трактуется как «согласовательная» (*там же*).

Заметим, однако, что эта трактовка опирается на молчаливое признание слова *который* прилагательным: иначе во фразах, служащих диагностическими контекстами, не выполнялось бы определение согласовательной связи (с. 69).

Из определений, данных на с. 97 и 98, следует, что про любое слово на -ый «известно, является ли оно существительным или прилагательным (или ни тем, ни другим)» (с. 97).

⁵⁹ Такое решение, между прочим, принимается в Грамматике 1970 и Русской грамматике 1980 (Плотникова 1980, с. 532), хотя при этом в Грамматике 1970 родовые формы местоимений *он*, *она*, *оно*, *оны* почему-то признаются (вслед за РИС) «несогласуемыми» (Плотникова 1970, с. 231).

⁶⁰ Хотя логические последствия их для концептуально-терминологического аппарата описания будут, возможно, неодинаковы. Трактовка, при которой категория рода у местоимений признается словоизменительной, кажется более предпочтительной в том отношении, что она не требует внесения изменений в определение понятия согласования, и это удобство достигается сравнительно небольшой ценой — отказом от традиционной лексикографической трактовки четырех местоименных словоформ. Достигаемая стройность грамматической концепции, по-видимому, окупает эту затрату.

А теперь зададимся вопросом: откуда грамматист вообще получает сведения о том, что *который* — это прилагательное?

Сведения о частеречной принадлежности слова могут быть теоретически получены из следующих типов источников:

(а) некоторый «заранее известный» толковый словарь с определенной системой грамматических помет. Однако в имеющихся словарях слово *который* трактуется не как прилагательное, а как относительное местоимение;

(б) семантико-синтаксическая интуиция грамматиста. Однако в современной теории относительного предложения, существенный вклад в которую принадлежит ААЗ, местоимение *который* не без основания трактуется как предметное слово (местоимение-существительное), а не как слово-атрибут (местоимение-прилагательное) (Зализняк—Падучева 1979). Лишь в «архаическом типе» относительного предложения (Зализняк—Падучева 1975, с. 69—70) вроде просторечных *Который осел убежал, того мы любили или Которого осла мы любили, тот убежал* местоимение *который* может трактоваться как слово-атрибут⁶¹, однако, во-первых, предметом РИС является литературная норма, а во-вторых, в диагностических контекстах все равно представлены именно примеры на субстантивное употребление слова *который*;

(в) этимологическая интуиция грамматиста. Но с таким же успехом этимолог может трактовать слова *он, она, оно, они* как слова-атрибуты — на основании их этимологии⁶² и т. п.; этимологическая интуиция, вообще говоря, может завести нас далеко;

(г) морфологическая интуиция грамматиста: ‘раз слово *который* изменяется по родам, то, значит, оно представляет собой слово-атрибут’. Но, идя по такому пути, мы совершаляем логический круг. О соответствующей «серезной логической трудности» пишет и ААЗ:

Принимая указанное разделение имен как заранее известное, мы занимаемся ниже выделением грамматических категорий внутри каждого класса. Между тем, как хорошо известно, само это разделение фактически опирается сразу на несколько признаков слова (семантических, морфологических и синтаксических), т. е., в частности, уже как-то учитывает наличие определенных грамматических категорий в каждом из классов. Иначе говоря, изображая это разделение как первичное, а выделение грамматических категорий как вторичное,

⁶¹ В русском языке существует, впрочем, и атрибутивное *который*, но оно употребляется не как относительное, а как вопросительное (*Который час?*) или как эмфатическое (*Который раз я спрашиваю!*).

⁶² Ср. также *оный* (книжн., арх.), выглядящее как полная форма от *он*.

мы идем на сознательное упрощение. В действительности в процессе познания поиск наиболее адекватного разделения слов на классы и наиболее адекватного набора грамматических категорий внутри классов идет одновременно, причем критерием успеха служит только адекватность полученной общей картины (с. 36).

Любопытно, что по внутренней форме (отражающей происхождение слов) оба этих местоименных существительных оказываются субстантивированными местоименными прилагательными. По деклинационному типу первое из них относится к адъективному⁶³ склонению, а второе — к местоименному. Наконец, с точки зрения внутреннего устройства парадигмы (т. е. по набору словоизменительных грамматических категорий) оба этих слова, по-видимому, следовало бы отнести к «анафорическому» (или, иначе, «квазиадъективному») разряду. «Анафорический» разряд (выделяемый при неоструктураллистской трактовке местоимений *он* и *который*, а также, возможно, местоимения *себя*) отличается от «простого адъективного» разряда лишь тем, что категория падежа у анафорических местоимений (в отличие от прилагательных) является не согласуемой, а управляемой категорией (наподобие субстантивного падежа), хотя и однокименной адъективному падежу. Вместе с тем анафорический разряд отличается и от «субстантивного» разряда: ведь анафорическим местоимениям (подобно тому, как словам-атрибутам⁶⁴) свойственны следующие (отнюдь не субстантивные!) черты:

(а) согласовательный класс (род + одушевленность) является словоизменительной (а не классифицирующей) категорией (притом согласуемой, а не только контролирующей согласование сказуемого)⁶⁵;

⁶³ Это и есть, видимо, главная причина соблазна увидеть в слове *который* прилагательное или местоименное прилагательное. Однако в рамках концепции РИС такой аргумент был бы несостоятелен: не считается же, например, слово *заятая* прилагательным на основании его принадлежности к адъективному деклинационному типу!

⁶⁴ NB: при неофортунатовском формальном подходе местоимение *он* действительно трактуется как адъектив (см.: Поливанова 1990: 53), несмотря на очевидную синтаксическую близость к существительному, именно на основании того, что категория рода является для этой лексемы переменной величиной.

⁶⁵ Следует отметить, что неоструктураллистское понятие «контролирующей» грамматической категории охватывает такие вводимые в РИС понятия, как «род» (с. 22), «синтаксическая неодушевлённость» (с. 22), «синтаксическое число» (с. 22), «подчиняющий падеж» (с. 23). Таким образом, попытка строить теорию морфологических категорий вообще без учёта контролирующих категорий (соответствующие признаки при таком подходе предла-

(б) число является согласуемой (а не «номинативной» и не только контролирующей согласование сказуемого) категорией.

Набор словоизменительных грамматических категорий (если принять вышеизложенные неоструктуралистские аргументы) у анафорических местоимений — тот же, что у прилагательных, однако падеж при этом носит рекционный, а не согласовательный характер.

Исходя из этих соображений представляется естественным трактовать *который* и *он* единообразно — а именно, как предметные слова; конкретнее, как местоименные существительные «анафорического» (или «квазиадъективного») грамматического разряда. А при определении согласования целесообразно учитывать такую его разновидность, как согласование анафорических местоимений с антecedентами. Одновременное принятие этих двух принципов позволяет естественным образом разрешить все вышеперечисленные трудности.

15. Заключение

[°]основы этого учения стали уже не-пременной составной частью...

[°]сохраняет, таким образом, свое значение исходного пункта важного направления современных (...) исследований, и вместе с тем выдающегося об разца научного мышления вообще.

Из того же научного комментария

В заключение отметим, что хотя все приведенные в эпиграфах цитаты взяты из статьи Андрея Анатольевича Зализняка о первой книге Ф. де Соссюра — «Мемуаре» (Зализняк 1977b)⁶⁶, мне представ-

гается включать в так наз. признаки синтаксики, см. Мельчук 1998: 352), равно как и попытка полностью редуцировать понятие грамматических категорий к понятию словоизменительных категорий ценой полного отказа от анализа проблематики классифицирующих категорий (ср. Мельчук 1997: 247—251), представляется малопродуктивной; во всяком случае, такое кардинальное решение нуждается в хоть какой-нибудь мотивировке, а в тексте опубликованных частей русского перевода работы И. А. Мельчука «Курс общей морфологии» такой мотивировкой пока что не появилось.

⁶⁶ В эпиграфах процитированы с. 289, 299, 301.

ляется, что они удивительно удачно подходят и к первой монографии самого Андрея Анатольевича, свой аналитический комментарий к которой я попытался предложить здесь⁶⁷.

⁶⁷ Приступая к приятной обязанности высказывания благодарностей, первым долгом я бы хотел выразить признательность своему отцу, Александру Львовичу Крылову (со слов которого я впервые узнал и о книге РИС, и о её авторе): около 25 лет назад он подсказал мне замысел настоящей статьи, делясь со мною (устно) своими свежими впечатлениями от книги (увиденной глазами математика) и научными комментариями к ней. Все предварительные версии настоящей статьи были внимательно прочтены и исключительно подробно отрецензированы А. К. Поливановой. При обсуждении важнейших концептуальных моментов ею были найдены важные для меня решения и получены формулировки, принятые мною целиком и вошедшие в статью иногда дословно. Некоторыми проясняющими формулировками, также включенными в текст дословно, я обязан А. С. Касьяну. Кроме того, статья была прочтена также следующими моими коллегами: В. М. Аллатовым, А. В. Гладким, Н. А. Еськовой, И. Б. Иткиным, А. И. Коваль, В. А. Плунгяном, О. Г. Ревзиной, В. З. Санниковым, Я. Г. Тестельцом, М. В. Шульгой. Они взяли на себя труд высказать по моему тексту ряд ценных критических замечаний, которые я в меру своих сил постарался учесть. Существенную помощь при работе над статьей мне оказало также содружественное обсуждение затронутых проблем с В. И. Беликовым, С. Г. Болотовым, †Т. В. Булыгиной, В. А. Виноградовым, А. В. Дыбо, В. А. Дыбо, А. Е. Кибриком, Е. В. Красильниковой, †В. Г. Чургановой, С. Е. Яхонтовым, а также консультации по некоторым библиографическим деталям, полученные от Т. А. Ганиевой и Л. В. Тер-Аванесовой. При макетировании статьи автору оказал неоцененную помощь В. Ф. Борун. Принося искреннюю благодарность всем указанным лицам, за недостатки статьи я, разумеется, несу ответственность сам.

Литература⁶⁸

- *** Рец.: РИС // Русский язык за рубежом, 1968, № 2, с. 56.
- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. — 236 с.
- Аллатов В. М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. — 149 с.
- Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. — 302 с.
- Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ, 1986, № 2, с. 57—70.
- Арутюнова Н. Д. О структурных и традиционных методах в грамматике // НДВШ. Филологические науки, 1963, № 4, с. 164—175.
- Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. — 607 с.
- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, ЛО, 1976. — 255 с.
- Булыгина Т. В. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме) // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1970, с. 7—70.
- Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. — 287 с.
- Булыгина Т. В. Структурная лингвистика // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 337—339.
- Булыгина Т. В., Крылов С. А. Морфология // ЛЭС. М., 1990а, с. 313.
- Булыгина Т. В., Крылов С. А. Склонение // ЛЭС. М., 1990б, с. 456—457.

⁶⁸ В библиографии использованы следующие сокращения: БСЭ = Большая советская энциклопедия, 3-е изд.; ВЯ = Вопросы языкоznания; ГРВЛ = Главная редакция восточной литературы; ГРФМЛ = Главная редакция физико-математической литературы; ЛО = Ленинградское отделение; ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990; НДВШ = Научные доклады высшей школы; НТИ = Научно-техническая информация; Обзор 1974 = Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966—1969 гг. Морфология. М.: ИРЯ АН СССР, 1974; Основы 1966 = Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1966; ПГЭПЛ = Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике: Предварительные публикации; ЯРК = Языки русской культуры; BSLP = Bulletin de la société de linguistique de Paris; WSA = Wiener Slawistischer Almanach.

- Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Флективность // ЛЭС. М., 1990с, с. 552—553.
- Виноградов В. А.* Структурная лингвистика // ЛЭС. М., 1990, с. 496—497.
- Воронцова В. Л.* Ударение. 1, §§ 1—14, 16—21 // Обзор 1974, с. 39—59, 61—74.
- Ворт Д. С.* О роли абстрактных единиц в русской морфонологии // Развитие современного русского языка 1972. Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975, с. 53—68.
- Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М.: Высшая школа, 1986. — 312 с.
- Гладкий А. В.* К формальному определению рода и падежа существительного // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973а, с. 24—53.
- Гладкий А. В.* Формальные грамматики и языки. М.: Наука, ГРФМЛ, 1973б, 368 с.
- Гладкий А. В., Мельчук И. А.* Элементы математической лингвистики. М.: Наука, 1969. — 192 с.
- Докладзе Е. А.* Синтез русских именных форм // Труды Вычислительного Центра АН Грузинской ССР, 1967, т. 7, № 1, с. 165—189.
- Дурюто Н. Н.* О склонении в современном великорусском литературном языке // ВЯ, 1971, № 4, с. 90—104.
- Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том I. М.: ЯРК, 2000. — 736 с.
- Еськова Н. А., Большаков И. А., Бидер И. Г.* Формальная модель русской морфологии. Часть I—II // ПГЭПЛ, вып. 111—112. М., 1978. — 48+59 с.
- Еськова Н. А., Мельчук И. А., Санников В. З.* Формальная модель русской морфологии. Часть I. Формообразование существительных и прилагательных // ПГЭПЛ. М., 1971. — 71 с.
- Живов В. М.* Унификация склонения существительных в косвенных падежах мн. числа в памятниках XVII в.: характер вариативности и обусловливающие ее факторы // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993, с. 93—110.
- Журинский А. Н.* [Решения задач] 10 и 11 // Лингвистические задачи. М.: Просвещение, 1983, с. 77—78.
- Зализняк А. А.* Краткий русско-французский учебный словарь. Около 10 000 слов. С приложением очерка русского словоизменения и сведений по русской фонетике. М.: ГИС, 1961. — 632 с.
- Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967а. — 370 с. (См. также наст. изд. С. 1—370.)
- Зализняк А. А.* О показателях множественного числа в русском склонении // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his 70-th birthday. The Hague — Paris, Mouton, 1967б, p. 2328—2332. (См. также наст. изд. С. 545—549.)
- Зализняк А. А.* О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973, с. 53—88. (См. также наст. изд. С. 613—657.)

- Зализняк А. А. Согласование // БСЭ, т. 24, кн. 1, 1976а, с. 67.
- Зализняк А. А. Согласовательный класс // БСЭ, т. 24, кн. 1, 1976а, с. 68.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь. М.: Русский язык, 1977а. — 880 с.
- Зализняк А. А. О «Мемуаре» Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию. М.: Прогресс, 1977б, с. 289—301.
- Зализняк А. А. О понятии граfемы // Balcanica. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1983, с. 134—152. (См. также наст. изд. С. 559—576.)
- Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. — 428 с.
- Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М.: Наука, 1986, с. 89—219.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975, с. 51—102. (См. также наст. изд. С. 658—698.)
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. Синтаксические свойства местоимения *кото-рый* // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979, с. 289—329.
- Иванов Вяч. Вс. Синхрония // БСЭ, т. 23, 1976, с. 438—439.
- Крылов С. А. Некоторые уточнения к определениям понятий словоформы и лексемы // Семиотика и информатика, вып. 19. М., 1982, с. 118—136.
- Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М.: Lyceum, 1994. — 224 с.
- Кузнецова А. И. Предисловие // Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986.
- Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Высшая школа, 1974. — 144 с.
- Маслов Ю. С. Введение в языкоzнание. М.: Высшая школа, 1975. — 327 с.; 2-е изд., М., 1987. — 272 с.
- Маслов Ю. С. К семантической типологии морфем // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М.: Наука, 1978, с. 5—18.
- Маслов Ю. С. О типологии чередований // Звуковой строй языка. М.: Наука, 1979, с. 195—201.
- Мельчук И. А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972, с. 396—438.
- Мельчук И. А. Часть 1 // Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966—1969 гг. Русский язык в исследованиях по автоматическому переводу. М.: ИРЯ АН СССР, 1974, с. 15—55.
- Мельчук И. А. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии // Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975, с. 5—51.
- Мельчук И. А. Согласование, управление, конгруэнтность // ВЯ, 1993, № 5, с. 16—58.

- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том I. Введение. Часть первая: слово. М.: ЯРК — WSA. М. — Вена, 1997. — 401 с.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: морфологические значения. М.: ЯРК — WSA. М. — Вена, 1998. — 544 с.
- Милославский И. Г. Морфология. Глава 1, §§ 1—9 // Обзор 1974, с. 13—20.
- Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981а. — 248 с.
- Милославский И. Г. Морфология // Современный русский литературный язык. М., 1981б.
- Откупщикова М. И., Фитшалов С. Я. Система морфологического синтеза для русского языка // НТИ, 1964, № 1.
- Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: ЯРК, 2001. — 280 с.
- Плотникова В. А. Построение раздела «Морфология» // Основы 1966, с. 92—127.
- Плотникова В. А. Местоимение-существительное // Русская грамматика, т. 1. М.: Наука, 1980, с. 531—539.
- Плотникова В. А. Местоимение-существительное // Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.
- Поливанова А. К. Морфонология русского субстантивного основообразования: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 26 с.
- Поливанова А. К. Выбор числовых форм существительных в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1981. М., 1983, с. 130—145.
- Поливанова А. К. Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка (Сб. ст. к 60-летию проф. В. А. Успенского). М., 1990, с. 41—69.
- Ревзин И. И. Метод моделирования и типология славянских языков. М.: Наука, 1967. — 299 с.
- Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. М.: Наука, 1977. — 263 с.
- Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. — 287 с.
- Редькин В. А. Построение раздела «морфонология» // Основы 1966, с. 7—49.
- Реформатский А. А. Введение в языкоковедение. 4-е изд., испр. и доп. М.: Прогресс, 1967. — 542 с.
- Трубецкой Н. С. Мысли о словацком склонении // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987, с. 210—218.
- Успенский В. А. К определению падежа по А. Н. Колмогорову // Бюллетень Объединения по машинному переводу, 1957, № 5, с. 11—18.
- Хабургаев Г. А. очерки исторической морфологии русского языка. М.: Издво Моск. ун-та, 1990. — 296 с.
- Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973. — 239 с.
- Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке: Автoref. дис. ... докт. филол. наук. М., 1988. — 38 с.
- Якобсон Р. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985, с. 176—197.

-
- Andersen H.* The Peripheral Plural Desinences in East Slavic // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1969, vol. XII.
- Anderson St. R.* A-morphous morphology. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1992. — XIV+434 pp.
- Hockett Ch.* Two models of grammatical description // Word, 1954, vol. 10, pp. 210—231. — Reprinted in: *Joos M.* (ed.) Readings in linguistics. The development of descriptive linguistics in America since 1925. 2-nd edition. N.Y.: American Council of Learned Societies, 1958, pp. 386—399.
- Křížková H.* Rev.: РИС // Československá rusistika, Praha 1968, № 2, s. 111—114.
- L'Hermitte R.* Rev.: РИС // BSLP, 1970, t. 65, fasc. 2, p. 102—103.
- Matthews P. H.* Inflectional Morphology. Cambr., 1972.
- Melčuk I. A.* Towards a language of linguistics. München: Wilhelm Fink, 1982. — 160 S.
- Street J. C.* Khalkha Structure. Bloomington, 1963.
- Veyrenc J.* Rev.: РИС // BSLP, 1968, t. 63, fasc. 2, p. 165.
- Zalizniak A.* À propos de la division des désinences nominales russes en parties significatives // *Greimas A. J.* et al. (eds.) Sign. Language. Culture. The Hague — Paris: Mouton, 1970, p. 153—155. (Janua linguarum. Studia memoriae Nicolai Van Wijk dedicata. Edenda cura C. H. van Schooneveld. Indiana Univ. Series maior. 1.)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1. Русское именное словоизменение. — Печатается по изд.: М.: Наука, 1967.
2. Акцентная система современного русского литературного языка // А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской / Отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 1985. С. 8–112.
3. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики: Сб. статей / Под общ. ред. В. А. Звегинцева. Вып. 8. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 71–119.
4. О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных // Славянское и балканское языкознание: Просодия. М.: Наука, 1989. С. 148–164.
5. О показателях множественного числа в русском склонении // To Honour Roman Jakobson: Essays on the occasion of his seventieth birthday. The Hague; Paris: Mouton, 1967. P. 2328–2332.
6. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Le mot, les mots, les bons mots = Word, words, witty words. Hommage à Igor Mel'čuk à l'occasion de son soixantième anniversaire. Les presses de l'Université de Montréal, 1992. P. 295–303.
7. О понятии графемы // Balcanica: Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С. 134–152.
8. Древнерусская графика со смешением ъ—о и ь—е. — Статья написана для сборника в честь В. Н. Сидорова (в печати).
9. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 53–88.
10. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975. С. 51–102. (В соавт. с Е. В. Падучевой.)

Андрей Анатольевич Зализняк

«РУССКОЕ ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ»
С ПРИЛОЖЕНИЕМ ИЗБРАННЫХ РАБОТ
ПО СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
И ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Издатель А. Кошелев

Оформление серии Ю. Саевича

В подготовке оригинал-макета участвовали:
М. Толстая, А. Федосеев, А. Охотин
Корректор М. Толстая

Подписано в печать 16.07.2002. Формат 60×90 ^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. печ. л. 61,275. Заказ № 6712

Издательство «Языки славянской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6–105; № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гноэсис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костишин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ**

- В. М. Аллатов.** История лингвистических учений. 368 с. 2001.
- Ю. Д. Апресян.** Избранные труды. Т. I-II.
Т. I. 480 с. 1995.
Т. II. 768 с. 1995.
- Н. Д. Арутюнова.** Язык и мир человека. 914 с. 1998.
- И. М. Богуславский.** Сфера действия лексических единиц. 464 с. 1996.
- А. В. Бондарко.** Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. 736 с. 2002.
- Н. Н. Дурново.** Избранные работы по истории русского языка. 816 с. 2000.
- В. А. Дыбо.** Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. I. 736 с. 2000.
- А. А. Зализняк.** Древненовгородский диалект. 720 с. 1995.
- Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев.** Введение в русскую аспектологию. 226 с. 2000.
- С. Д. Кацнельсон.** Категории языка и мышления: Из научного наследия. 864 с. 2001.
- И. А. Мельчук.** Курс общей морфологии. Т. I-IV.
Т. I. 416 с. 1997.
Т. II. 544 с. 1998.
Т. III. 368 с. 2000.
Т. IV. 584 с. 2001.
- И. А. Мельчук.** Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст». 2-е изд., доп. 368 с. 1999.
- И. А. Мельчук.** Русский язык в модели «Смысл↔Текст». 684 с. 1995.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. акад. Ю. Д. Апресяна.**
Вып. 1. 552 с. 1997.
Вып. 2. 488 с. 2000.
- Е. В. Падучева.** Семантические исследования. 464 с. 1995.
- Н. В. Перцов.** Инварианты в русском словоизменении. 280 с. 2001.
- А. М. Пешковский.** Русский синтаксис в научном освещении. 544 с. 2001.
- Русский язык в научном освещении. №№ 1–2.** 2001. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык в научном освещении. № 1(3).** 2002. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Сб. ст.** 480 с. 2000.
- Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна.** 648 с. 2001.
- Тань Аошуан.** Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). 896 с. 2002.

- В. Н. Телия.** Русская фразеология. 288 с. 1996.
- Е. А. Хелимский.** Компаративистика, уралистика. 640 с. 2000.
- И. Б. Шатуновский.** Семантика предложения и нереферентные слова. 400 с. 1997.
- Д. Н. Шмелев.** Избранные труды по русскому языку. 888 с. 2002.
- Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты.** 496 с. 2001.
- Т. Е. Янко.** Коммуникативные стратегии русской речи. 384 с. 2001.

В «МАЛОЙ СЕРИИ» ВЫШЛИ КНИГИ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

Вежбицкая Анна. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. 288 с. 2001.

Основные положения, развиваемые в книге, заключаются в том, что разные языки существенно разнятся в отношении своего словарного состава и эти различия отражают различия ядерных ценностей соответствующих культурных общностей. Автор показывает, что всякая культура может быть исследована, подвергнута сопоставительному анализу и описана при помощи «ключевых слов» языка, обслуживающего данную культуру. Теоретическим фундаментом такого анализа может служить «естественный семантический метаязык», который реконструируется на основе широких сопоставительно-языковых исследований.

Вежбицкая Анна. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. 288 с. 2001.

Сборник включает ряд статей, посвященных различным аспектам взаимодействия языка и культуры. В них рассматриваются проблемы концептуализации эмоций в различных языках, вопрос о том, как присущие той или иной культуре ценностные установки влияют на использование языка носителями данной культуры, а также делается попытка экспликации смысла учения Иисуса, выраженного в евангельских притчах. Показано, как концепты, специфичные для отдельных языков и культур, могут быть описаны на основе ограниченного набора семантических элементов, составляющих «Естественный Семантический Метаязык».

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. 224 с. 2002.

В книге рассматриваются ключевые идеи русской языковой картины мира, т. е. совокупность представлений об устройстве мира, которые говорящими на русском языке воспринимаются как сами собою разумеющиеся. Делается попытка выявить связь этих представлений с некоторыми специфическими особенностями русской культуры. В частности, рассматривается семантика ряда трудно переводимых русских слов (простор, попрекнуть, вдруг, заодно и т. п.), обсуждается вопрос о том, каков образ человека в русской языковой картине мира, как в ней представлены время и пространство, какие бытовые представления и общие жизненные установки в неявном виде закодированы в значении русских слов, в чем заключаются особенности задаваемых русским языком этических представлений.

A. A. Зализяк

РУССКОЕ ИМЕННОЕ
СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ